

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

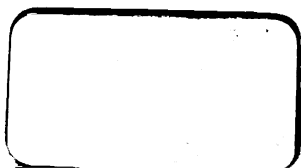
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

1859.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. М. ГЛАЗУНОВА И К^О.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ИСТОРИКОВЪ И ПУБЛИЦИСТОВЪ

НОВЪЙШАГО ВРЕМЕНИ.

При объявленіи о предпринятыхъ нами изданіи «Историковъ и Публицистовъ» новѣйшаго времени» объявлено было напечатать въ 1838 году четыре тома. Первый и второй томы, содержащіе въ себѣ «Исторію Филиппа II-го», соч. Прескотта, вышли своевременно, и тогда же приступлено было къ изданію сочиненія Гизо: **ИСТОРИЯ АНГЛІЙСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ**, котораго первая двѣ части, заключающія въ себѣ **ИСТОРИЮ КАРЛА I**, были уже переведены и окончательно приготовлены къ печатанію (о чемъ тогда же было объявлено въ газетахъ). Но печатаніе этого творенія Гизо встрѣтило неожиданныя препятствія, совершенно независѣвшія отъ редакціи, и, въ изданіи отстраненія этихъ препятствій, мы принуждены были готовить къ изданію другое сочиненіе, именно: **ИСТОРИЮ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ**, Огюстена Тьерри, которое предполагалось къ переводу не равнѣ конца 1839 года. Для тщательной же обработки перевода мы рѣшились лучше задержать на нѣсколько мѣсяцевъ выпускъ томовъ нашего изданія (за что, вѣроятно, и подвергались отъ читателей упрекамъ), нежели дать русскою публикѣ это сочиненіе въ наскоро-сдѣланномъ переводѣ.

Теперь первая и вторая части сочиненія Тьерри, составляющія **ТРЕТІЙ и ЧЕТВЕРТЫЙ** томы «Историковъ и Публицистовъ», уже вышла, и этимъ четвертымъ томомъ окончено изданіе «Историковъ и Публицистовъ» на 1838 г.

Но въ то время, пока мы занимались изданіемъ первой части «Исторіи завоеванія Англіи Норманами», устранены были упомянутыя выше препятствія къ изданію «Исторіи англійской революціи» Гизо, и мы получили возможность немедленно приступить къ ея печатанію.

Первая часть «Исторіи англійской революціи» Гизо, которая составляетъ **ПЯТЫЙ** томъ «Историковъ и Публицистовъ» или **ПЕРВЫЙ** томъ на 1839 годъ, вышла уже изъ печати и разслана *всѣмъ подписавшимся на 1839 годъ*. **ШЕСТОЙ** томъ (или *второй* на 1839), содержащій въ себѣ продолженіе «Исторіи англійской революціи», печатается и выйдетъ въ сентябрѣ.

За снѣгъ изданы будутъ слѣдующія части Исторіи англійской революціи: «Исторія Протектората» и «Ричарда Кромвелля».

Подписка на четыре тома (пятый, шестой, седьмой и восьмой) «Историковъ и Публицистовъ» продолжается въ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ — въ С. Петербургѣ: на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова, при книжномъ магазинѣ **Д. Е. КОЖАНЧИКОВА**, и въ Москвѣ: при книжномъ магазинѣ **И. В. БАЗУНОВА**, на Большой Дмитровскій, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго.

Цѣна за четыре тома (**ПЯТЫЙ, ШЕСТОЙ, СЕДЬМОЙ и ВОСЬМОЙ**) **СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕР.** съ пересылкою, а безъ пересылки въ Петербургъ **ПЯТЬ РУБ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП.**

Оставшіеся непроданными экземпляры первыхъ четырехъ томовъ, содержащихъ въ себѣ двѣ первая части **ИСТОРИИ ФИЛИППА II, КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО**, соч. В. Прескотта, и двѣ первая части **ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНІЯ АНГЛІИ НОРМАНАМИ**, соч. Огюстена Тьерри, продаются въ означенныхъ Конторахъ Отечественныхъ Записокъ. — Цѣна имъ безъ пересылки, въ Петербургѣ: **ПЯТЬ РУБ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП. СЕР.**, а съ пересылкою **СЕМЬ РУБ. СЕРЕБРОМЪ**.

А. КРАЕВСКІЙ и С. ДУДЫШКИНЪ.

ОБЪ ИЗДАНИИ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ» ВЪ 1860 ГОДУ.

«Отечественныя Записки» давно уже не новость для русской публики, и странно было бы, еслибъ по прошествіи двадцати-одного года, мы, приступая къ новому годовому изданію, стали распространяться о цѣлѣ, характерѣ, направленіи нашего журнала, или вдались въ обѣщанія того, что будетъ помѣщено въ немъ, или хвалились тѣмъ, что въ немъ уже напечатано, или, наконецъ, стали увѣрять въ нашей рѣшимости, какъ обыкновенно говорится, «не жалѣть ни трудовъ, ни издержекъ» и пр. т. п. Въ-теченіе двадцати-одного года издано нами *сто-тридцать-семь томовъ*, или 273 книги — вотъ наша рекомендація. Нельзя журналу просуществовать 21 годъ безъ поддержки, т.-е. безъ сочувствія со стороны публики. А если русская публика такъ долго и такъ постоянно сочувствовала журналу — значитъ, онъ понималъ потребности современныхъ читателей и по-возможности удовлетворялъ имъ. Если же между журналомъ и публикой существуетъ такая живая связь, то журналъ, такъ-сказать, *обязанъ* существовать, хотя бы число подобныхъ ему изданій возрастало съ каждымъ днемъ болѣе-и-болѣе.

Вотъ почему мы считаемъ себя обязанными продолжать изданіе и, по собственному нашему, глубокому и давнему убѣжденію, будемъ продолжать его въ томъ же направленіи, которое дали ему съ самаго его основанія и которому не измѣняли никогда, не смотря ни на какія обстоятельства.

До 1859 года «Отечественныя Записки» были журналомъ учено-литературнымъ; съ нынѣшняго года онѣ сдѣлались, сверхъ-того, журналомъ *политическимъ*, получивъ возможность ввести въ свою программу особый отдѣлъ, подъ названіемъ «Политическое Обозрѣніе», и печатать въ другихъ отдѣлахъ статьи болѣе или менѣе политическаго содержанія. Живой интересъ, возбужденный въ русской публикѣ событіями послѣднихъ лѣтъ, не позволялъ намъ ограничиваться только вопросами науки и литературы; да и сами эти вопросы такъ слились съ вопросами жизни, что журналъ дол-

женъ былъ давать на нихъ отвѣтъ полный — и, разумѣется, со-
отвѣтственный съ своимъ направлениемъ, съ своими убѣждениями.
Отъ этого и Политическое Обзорѣніе «Отечественныхъ Записокъ»
неизбѣжно получило тотъ же характеръ, которымъ журналъ всегда
отличался и будетъ всегда отличаться.

Служеніе прогресу въ наукѣ и жизни, и открытая, неутомимая
борьба противъ всего, что мѣшаетъ этому прогресу, что ведетъ
къ мраку, а не къ свѣту — вотъ наше направленіе, вотъ приня-
тая нами на себя добровольно обязанность, и мы не измѣнимъ
ей никогда, какъ никогда не измѣняли, и скорѣе прекратимъ из-
даніе, чѣмъ сдѣлаемъ хотя малѣйшую уступку!

Засимъ, едва-ли что нужно говорить объ изданіи «Отечествен-
ныхъ Записокъ» въ 1860 году. Программа ихъ, какъ журнала
политическаго и учено-литературнаго, объемлющаго жизненные
явленія не только въ Россіи, но и во всемъ образованномъ мірѣ,
не только русскую, но и главнѣйшія европейскія литературы (для
чего существуетъ особый отдѣлъ, подъ названіемъ «Обзорѣніе
иностранной литературы») — эта протрѣзма извѣстна уже всей
читающей публикѣ. Она останется вполнѣ-неизмѣнною и на бу-
дущій годъ.

Составъ редакціи будетъ тотъ же, что и въ нынѣшнемъ году:
попрежнему, составлять ее будутъ два лица, т. е. нижеподпи-
савшійся и С. С. Дудышкинъ, съ 1848 года принимающій дѣ-
тельное и непосредственное участіе въ трудахъ редакціи.

Что же касается до другихъ литераторовъ и ученыхъ, уча-
ствующихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», то имена ихъ также
довольно извѣстны всей читающей русской публикѣ. Впрочемъ,
для болѣе опредѣлительности, скажемъ, что въ будущемъ году
имѣемъ твердое основаніе рѣзчитывать на содѣйствіе слѣдующихъ
гг. ученыхъ и литераторовъ: *Н. В. Альбертини, И. К. Бабста, П. Е. Басистова, О. А. Баталина, И. Н. Березина, К. Н. Бестужева-Рюмина, Г. Е. Благовѣтлова, Н. Х. Бунге, О. И. Булаева, Весеньева (псевдонимъ), Марко Вовчокъ (псевдонимъ), А. Д. Галахова, И. А. Гончарова, Ш. П. Грекова, В. Н. Елагина, С. В. Ешевскаго, И. Е. Забѣлина, Д. И. Иловайскаго, К. Д. Кавелина, Е. П. Карновича, М. Я. Киттары, П. М. Ковалевскаго, Н. И. Костомарова, А. А. Котляревскаго, Кохановской (псевдонимъ), Крестовскаго (псевдонимъ), П. А. Лаврова, А. В. Лохвицкаго, А. Н. Майкова, С. В. Максимова, П. А. Мельгунова, князя Н. С. Назарова, П. В. Павлова, П. Г. Рѣдкина, П. Г. Славинскаго, М. М. Стасюлевича, С. М. Соловьева, П. П. Сумарокова, З. В. Тура, И. С. Тургенева, I. И. Шишкина, Т. И. Шишкина и П. К. Щербальскаго.*

Что касается подписки на «Отечественныя Записки» 1860 года, мы, как и прежде, просимъ читателей обращаться съ своими требованіями *прямо въ редакцію*, мимо всякихъ другихъ мѣстъ, объявляющихъ подписку на нашъ журналъ безъ нашего вѣдома, а часто и *не по той цѣли*, какая назначена редакціею. Несоблюденіе этого правила можетъ подвергнуть редакцію разнымъ жалобамъ и повсезаслуженнымъ упрекамъ, а подписывающихся—непріятности получать журналъ неправильно, или вовсе не получать его. Для предупрежденія этого, желающіе подписаться на «Отечественныя Записки» не должны посылать своихъ требованій въ газетную экспедицію, ни въ какіе-либо книжные магазины, ни въ конторы другихъ журналовъ, а, какъ было и въ нынѣшнемъ году, обращаться непосредственно въ редакцію, подписывая такъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ*, и не прибавля къ этому никакого другаго адреса: санктпетербургскому почтамту всегда извѣстенъ адресъ редакціи, и пакетъ съ вышеозначенною надписью дойдетъ вѣрно и немедленно по назначенію. Только такимъ-образомъ адресованныя требованія будутъ исполняться немедленно, и только за доставленіе экземпляровъ по такимъ требованіямъ редакція можетъ вполнѣ поручиться. Если же, несмотря на это предостереженіе, кому-нибудь угодно будетъ подписаться не въ редакціи непосредственно, то мы не принимаемъ на себя никакой отвѣтственности за доставленіе экземпляровъ по такой подпискѣ.

Относительно пересылки журнала чрезъ почту, извѣстно уже читателямъ по неоднократнымъ объявленіямъ, что «Отечественныя Записки» сдаются въ газетную экспедицію почтамта въ *полномъ числѣ* экземпляровъ, слѣдующихъ для удовлетворенія *всѣхъ* иногородныхъ подписчиковъ, не ранѣе, чемъ *черезъ недѣлю* по выходѣ книжки, когда всѣ ея экземпляры бываютъ отпечатаны и переплетены, на что нужно время по большому числу печатаемыхъ экземпляровъ. Каждая книжка (какъ и въ нынѣшнемъ году) отправляема будетъ въ заклеенномъ наглухо кувертѣ, на которомъ означится *день сдачи книжки въ газетную экспедицію*. Равнымъ-образомъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ и нынѣшняго года, при книжкахъ будутъ рассылаемы *карты*, на которыхъ получатели должны означать не только то, что они получили книжку, но и *въ какомъ видѣ* получили ее.

Если же, несмотря на всѣ эти предосторожности, произошла бы какая-нибудь случайная несправность въ доставленіи журнала, то всякая жалоба по этому поводу должна быть объявлена мѣстной почтовой конторѣ, которая обязана выдавать *безвозмездно* и безостановочно получаемыя ею изъ *Петербурга* книжки журнала. Въ случаѣ же неполученія почтовою конторою какой-либо книжки, она *формально* должна донести о томъ газетной экспедиціи санктпетербургскаго почтамта, и чѣмъ скорѣе будетъ сдѣлано подобное донесеніе, тѣмъ скорѣе можетъ послѣдовать удовлетвореніе. Независимо отъ этого, подписчикъ имѣетъ право (какъ неоднократно уже въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ было объявлено) присылать жалобу *прямо на имя г. директора почтоваго департамента и санкт-*

петербургскаго почтдиректора. Въѣсть съ тѣмъ, мы покорно просимъ гг. подписавшихся увѣдомлять и редакцію о всѣхъ подобныхъ случаяхъ дятаго, чтобъ и мы, съ своей стороны, могли принять зависящія отъ насъ мѣры для удовлетворенія всѣхъ *справедливыхъ* требованій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

1) Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ» *безъ картинокъ модъ*, въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, безъ пересылки или доставки — **ЧЕТЫРНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПЕЕКЪ**; съ пересылкою же въ другіе города, или доставкою на домъ въ Санктпетербургъ — **ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**.

2) Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ» съ *восемнадцатю парижскими картинками дамскихъ и мужскихъ модъ*, въ Санктпетербургѣ и Москвѣ, безъ пересылки или доставки — **ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПЕЕКЪ**; съ пересылкою же въ другіе города, или доставкою на домъ въ Санктпетербургъ — **СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ**.

Подписка принимается *исключительно*:

Въ Санктпетербургѣ — для иногородныхъ и для жителей Петербурга — въ Конторѣ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на *Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домъ Дежидова, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова.*

Въ Москвѣ — для жителей Москвы: въ Конторѣ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», при *книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго Бульвара, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загржскаго.*

Редакторъ и издатель **А. КРАЕВСКІЙ.**

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 17 сентября 1859 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ,

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАВЦОВИЧЪ.

ТОМЪ СХХVI.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. И. ГЛАВУНОВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ.**

Санктпетербургъ, 7 сентября 1859 года.

Ценсоръ П. Новосильскій.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

1859.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

	СТР.
САЛАМАНДРА. Повѣсть. А. Я. МАРЧЕНКО.....	1
СКАЗАНІЯ АНГЛИЧАНИНА ГОРСЕЯ О РОССІИ въ исходѣ XVI столѣтія. ЮРИЯ ТОЛСТАГО.....	99
ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ 1857 года. <i>Статья четвертая и послѣдняя.</i> Н. Х. ВУНГЕ.....	159
НАРОДНОСТИ ВЪ ИСТОРІИ. Н. ЛИВЕНСКАГО.....	177
ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА. Біографическій очеркъ. <i>Статья первая.</i> I. Юные годы. (Происхожденіе; воспитаніе; характеръ; бракъ съ княземъ Дашковымъ; партія при дворѣ Благовѣты; знакомство и дружба съ Екатериною; начало царствованія Петра III и удаленіе князя Дашкова). — II. Участвіе въ политическомъ переворотѣ. (Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ; организація екатерининской партіи; рѣшительность княгини Дашковой ускоряетъ развязку; Екатерина провозглашена императрицею; походъ въ Петергофъ; Петръ III и Мниихъ въ день переворота; начало непріязни съ княземъ Орловымъ; обманутыя надежды; немилость императрицы). Д. ШЛОВАНСКАГО.....	195
ПОВѢСТЬ О ДВУХЪ ГОРОДАХЪ. Романъ ЧАРЛЬСА ДЖЕНКЕНСА, въ трехъ книгахъ. <i>Книга вторая: Золотая Нить.</i> (Въ особомъ приложеніи).	

АДАМЪ БИДЪ. Романъ въ шести книгахъ, **ДЖОРДЖА ЭЛЮТА**.
Книга первая. (*Въ особомъ приложеніи*).

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ (августъ 1859). Нѣсколько словъ
о нашемъ времени.—Виллафранкскій миръ—одно изъ замѣча-
тельныхъ знаменій нашего времени.—Ударъ, нанесенный этому
миру послѣдующими событіями въ Италиі.—Вопросъ о реста-
вращеніи итальянскихъ герцоговъ.—Цюрихскія конференціи.—Не-
обходимость общевропейскаго конгресса.—Кто хочетъ этого кон-
гресса? — То положеніе, которое создано для Европы вилла-
франкскимъ миромъ.—Раздвоеніе Германіи и стремленія нѣ-
мецкихъ патріотовъ къ реформамъ въ союзномъ устройствѣ.—
Торжество мира во Франціи.—Амнистія политическихъ пре-
ступникамъ и политическихъ газетамъ.—Взглядъ на истекшую
сессию англійскаго парламента. — Тревога въ Англии. — Ро-
гальскій обвѣдъ и Кобденъ .....

4

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Опытъ исторической грамматики рус- скаго языка. <i>Ө. Буслаева</i> . Статья вторая.	4
Малороссійскій литературный сборникъ. <i>Д. Мордовцева</i>	27
Начальныя Основанія Статистики. <i>А. Моро-де-Жонеса</i> , перев. <i>М. Щепкина</i>	38
Профессора Юлія Вейсбаха теоретическая и практическая меха- ника. Томъ I.....	44
О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преиму- щественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. <i>В. Григоровича</i>	49
Отъ Москвы до Лейпцига. <i>И. Бабста</i>	60

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.	
Историческій очеркъ торговыхъ кризисовъ въ Европѣ и Америкѣ. (<i>Geschichte der Handelskrisen, von Max Wirth</i>).....	4
Ученыя новости. Книги. По исторіи: «Всеобщая Исторія» <i>Вебера</i> .—«Исторія Греціи» <i>Моне</i> .—Лекціи о римскихъ древ- ностяхъ <i>Нибура</i> . — Новое изданіе «Исторіи Гегенштауфе-	

новъ» *Раумера*.—«Исторія реформаціонной эпохи» *Россмала*.—Бѣкингово изданіе сочиненій *Гуттена*. — «Популярная Исторія Германіи» *Майера*.—«Исторія парламентарнаго правительства во Франціи» *Дюверье-де-Горана*. — «Исторія Италіи въ XIX столѣтіи» *Германа Рейхлина*. — «Исторія Италіи въ эпоху наполеоновидовъ» *Рута*. — «Жизнь и время Фокса», соч. лорда *Джона Росселя*. — По фیزیології: «Фیزیологическій Атласъ» *А. Энкера*.—«Исслѣдованія фیزیологическаго института въ Бреславлѣ» профессоръ *Рейхерта*.—Отчетъ объ успѣхахъ анатоміи и фیزیології за 1858 годъ *Р. Генле* и *Г. Мейснера*.—«О вліяніи нервной системы на пищевареніе» доктора *Цекерле*.—«О строеніи, отравленіяхъ и болѣзняхъ нервной системы» доктора *Довеля*. — «Микроскопъ, его теорія и пр.» *П. Гартмана*. — «Лекціи о сравнительной анатоміи и фیزیології» *Мильма-Эдвардса*.—«Физиологическія изслѣдованія объ электротоническомъ состояніи нервовъ» *Э. Пфлюгера*. — По филозофії: «Журналъ для психології народовъ и языкованія» *М. Лацаруса* и *Г. Штейнтала*.....

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ. — Правительственныя распоряженія. — Устройство новаго открытаго Ладожскаго Канала; нѣсколько словъ о важности этой мѣры. — Правила для приѣма акцій русскаго общества пароходства и торговли. — Постановленіе о ссудахъ харьковской конторы коммерческаго банка. — Возобновленіе подписки на вѣншній заемъ. — Новыя правила о правахъ въ военной службѣ воспитанниковъ гатчинскаго института и воспитательныхъ домовъ. — Постановленіе объ исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства солдатскихъ и матросскихъ сыновьяхъ. — Уничтоженіе двухъ провіантскихъ комиссій. — Мѣры для застроенія Севастополя, Керчи и Евпаторіи. Устройство ливавскаго порта.....

Промышленныя новости. — Главное банковое и торговое общество. — Московско-саратовская желѣзная дорога. — Важность и значеніе этого пути. — Уставъ общества. — Отчетъ русскаго общества пароходства и торговли. — Новыя акціонерныя общества: «Церера» и «Публичныхъ прачечныхъ заведеній въ Москвѣ». — Предполагаемое общество «Улей». — Два нововведенія

въ уставахъ акціонерныхъ обществъ. — Ликвидация общества кожовеннаго производства	9
УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ. — Преобразование арміалерійскаго училища въ открытое заведеніе. — Публичныя экзамены двухъ заведеній духовнаго вѣдомства	21
СТРАСТЬ КЪ ЧТЕНІЮ въ почтовомъ вѣдомствѣ и полу-гласность. — Амуратная доставка журналовъ. — Следствен-ное дѣло. — Жалкое состояніе одного тюремнаго зѣнка въ губернскаго городѣ. — Невѣроятное, но дѣйствительное сакты изъ правосудія въ томъ же городѣ. — Честныя дѣйствія золотопромышленной компаніи г. Герехова и компаньоновъ. — Маленькое свидѣніе гласности	26
АВАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ. — Нѣсколько словъ о характерѣ страны. — Занятіе Аваріи русскими въ 1837 году. — Управление русскими и неудовольствіе страны; повинности аварцевъ. — Шамилъ. — Восстаніе въ Аваріи и очищеніе ея русскими въ 1843 году. — Новое ванатіе въ 1859 году	34

ЗАМѢТКИ РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ. *Статья первая.*

Н. А. М.—ВА .....

ПРИЛАГАЮТСЯ: *Два* парижскія картинки дамскихъ и мужскихъ модъ и объявленія; 1) Литературное приглашеніе, 2) о новыхъ русскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ *Д. Е. Комсанчикова*; 3) о новыхъ французскихъ книгахъ, продающихся въ книжномъ магазинѣ г. *Дюфура*; 4) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Бернарда*; и 5) о новыхъ музыкальныхъ сочиненіяхъ, продающихся въ музыкальномъ магазинѣ г. *Битлера*.

САЛАМАНДРА.

ПОВѢСТЬ.

I.

Похоронный маршъ, все одинъ и тотъ же, всѣмъ хорошо-извѣстный, томилъ душу своими потрясающими звуками: хоронили молодого доктора Денисьева, и печальная процессія медленно и мѣрно подвигалась къ кладбищу. Экипажей было много, хотя родственниковъ у покойнаго не было. Но ему было двадцать—шесть лѣтъ, и онъ палъ жертвой служенія челсвѣчеству, заразившись въ госпиталяхъ тифозной горячкой. Тифъ собиралъ обильную жатву. Малѣйшая неосторожность, самая легкая простуда—и нить жизни порвана. Зараза была въ воздухѣ, зараза носилась надъ всѣми и сообщалась съ быстротой невообразимой и отъ больныхъ, и отъ умершихъ; зараза поднималась во влажныхъ, гнилыхъ испареніяхъ улицъ и охватывала неумолимо все ваше существо. Доктора болѣе другихъ дышали однимъ воздухомъ съ тифозными, и докторà гibli.....

Процессія повернула мимо гаубтвахты.

Я замѣтила на тротуарѣ молодую женщину, которая уже нѣсколько времени шла, не отставая отъ экипажей. На ней было черное шелковое платье и черный суконный бурнусъ, безъ подкладки; а на дворѣ былъ февраль: влажный морской вѣтеръ съѣлъ выпавшій наканунѣ снѣгъ, и грязь, холодная и глубокая, стояла на улицахъ. Бронзовая шелковая шляпка, съ черными бархатками, покрыта черной густой вуалью. Переходя улицу, молодая женщина ловко приподнимала свое черное шелковое платье, и тогда я видѣла маленькую, стройную ногу, обутую въ прюнелевую ботинку безъ калошъ!.. Я содрогнулась, когда замѣтила это. Отчего я

была увѣрена, что она молода? Я еще не видѣла ея лица — она не обернулась ни разу — но въ походкѣ ея было что-то молодое и граціозное; въ ея худощавой фигурѣ тоже; ростъ ея былъ средній.

Шла ли она съ процесіей до кладбища, или такъ, случайно, пришлось ей провожать покойнаго, и беззаботно сплзнуть она куда-нибудь, занятая совсѣмъ-другой мыслью?...

Бронзовая шляпка обернулась. Дѣйствительно, она была молода, хотя лѣтъ ея опредѣлить невозможно. Я видѣла темные волосы, смѣло-нарисованную бровь, большіе глаза, лицо небольшое и пріятное, но съ печатью равнодушія и даже беззаботности. Глаза наши встрѣтились. Въ ея глазахъ не было ни искры участія къ тому, что происходило въ эту минуту рядомъ съ ней: траурная колесница и похоронный маршъ не производили на нее, повидимому, ни малѣйшаго впечатлѣнія. Я убѣдилась, что она случайно идетъ по одному направленію съ нами.

Но мы прошли уже нѣсколько улицъ. Городъ все глуше, а молодая женщина не отстаетъ отъ процесіи. Я не могу видѣть ея легкаго бурнуса, ея прюнедевыхъ ботинокъ.

Мы у воротъ кладбища. Экипажи останавливаются. Я торопливо выхожу изъ фазтона и почти лицомъ-къ-лицу сталкиваюсь съ этой женщиной. Я ее рассматриваю съ невольнымъ любопытствомъ и встрѣчаю равнодушный, невозмутимый взглядъ; но вблизи лицо ея мнѣ кажется гораздо-лучше. Она вошла въ ограду вмѣстѣ со мной; потомъ толпа насъ раздѣлила.

Я видѣла вокругъ себя много заплаканныхъ лицъ. Послѣдній обрядъ начался и кончился; гробъ опустили въ могилу, и застучала робко земля, брошенная поочереди дружеской рукой. Я тоже бросила горсть земли и хотѣла дать мѣсто свое другимъ, какъ вдругъ кто-то задѣлъ меня за платье. Маленькая рука въ цвѣтной перчаткѣ просунулась между мной и деревомъ, у котораго я стояла, и бросила на гробъ землю. Я увидѣла опять бронзовую шляпку подлѣ себя. Исполнивъ этотъ обрядъ, она торопливо отвернулась и пошла отъ могилы. На лицѣ ея было все то же равнодушіе и вся та же серьезность.

Я пошла за нею. Мы выбрались изъ толпы и поравнялись съ группой простыхъ женщинъ. Между ними я узнала хозяйку дома, въ которомъ жилъ Денисьевъ. Повязанная чернымъ платкомъ, она разсказывала въ кружкѣ кумушекъ подробности смерти доктора.

— Чего полиція смотреть! воскликнула она вдругъ съ величайшимъ презрѣніемъ и негодованіемъ: — имъ еще надо по кладбищамъ

ходить : живаго въ покоѣ не оставляла, да еще и за мертвымъ пошла !

Эта выходка меня озадачила. Я посмотрѣла вокругъ, отыскивая, къ кому бы могли относиться эти жестокія слова. Бронзовая шляпка тоже на секунду пріостановилась, бросила на меня бѣглый взглядъ; но и во взглядъ, и въ лицъ опять то же равнодушіе и та же серьёзность.

Навстрѣчу намъ шелъ докторъ, лечившій своего покойнаго собрата: онъ спѣшилъ застать еще похороны. Она съ нимъ быстро переглянулась, и онъ ей привѣтливо улыбнулся, но не поклонился. Она тоже отвѣчала ему улыбкой. Докторъ этотъ былъ кроткое, доброе и благородное существо. Она шла далѣе, я шла за нею.

Намъ оставалась всего нѣсколько шаговъ до воротъ. Я рѣшилась заговорить.

— Послушайте, сказала я:—не-уже-ли вы уйдете *такъ, какъ* пришли ?

Она посмотрѣла на меня пристально.

— Благодарю васъ, произнесла она кротко : — я уйду *точно такъ же*, какъ пришла.

Я не шла за ней болѣе, но смотрѣла ей вслѣдъ.

Въ воротахъ кладбища она остановилась и повернула блѣдную головку въ мою сторону.

Въ эту минуту она послала мнѣ ласковую, мягкую улыбку. Длинный-длинный взглядъ остановился еще разъ на моемъ лицѣ; потомъ черное шелковое платье зашумѣло, и она скользнула за ворота. Мнѣ стало вдвое печальнѣе; въ головѣ встали все грустныя мысли, на сердцѣ было тяжело.

Я ее увидѣла менѣе, нежели черезъ недѣлю, въ той же шляпкѣ, только безъ чернаго вуала, въ томъ же платьѣ. Она стояла окруженная молодёжью; вокругъ нея громко разговаривали; она громко смѣялась. Она пожала каждому изъ своихъ собесѣдниковъ руку, прыгнула на извожичьи дрожки и улетѣла очень-весело и очень-быстро. Молодёжь разбрелась въ разныя стороны.

Прошло три недѣли прежде, нежели мнѣ пришлось столкнуться съ докторомъ, пріятелемъ Денисьева. Мнѣ иногда снились моя блѣдная брюнетка, ея граціозная фигура, костюмъ не по погодѣ, взглядъ большихъ серьёзныхъ глазъ и благодарная улыбка, которую она мнѣ бросила на прощанье. Я была убѣждена, что тифъ не миновалъ ея, что она заплатила дорого за исполненіе своего сер-

дечнаго долга. Я была убѣждена, что Денисьевъ имѣлъ особенное значеніе въ ея жизни.

Мнѣ ужасно хотѣлось встрѣтить доктора.

Мы встрѣтились.

— Съ самыхъ похоронъ моего товарища и друга я не видалъ васъ, сказалъ онъ, подавая мнѣ привѣтливо руку.

— И, между-тѣмъ, съ самыхъ этихъ похоронъ я все думаю, какъ бы васъ встрѣтить! отвѣчала я.

— Чтѣ прикажете?

— Меня ужасно занимаетъ одна личность, бывшая на этихъ похоронахъ. Помните, вы еще улыбнулись ей такъ ласково, когда попались навстрѣчу?

— Помню.

И докторъ опять улыбнулся.

— Зачѣмъ вамъ знать? сказалъ онъ, помолчавъ:—и чтѣ именно вамъ угодно знать?

— Впервыхъ, какъ зовутъ? вовторыхъ, кто она? втретьихъ, какія отношенія привязывали ее къ покойному?

— Ее зовутъ Саламандрой. Она—Саламандра. Вотъ вамъ отвѣты на первые два вопроса.

— Вы шутите?

— Нимало. У ней нѣтъ другаго имени, такъ же, какъ нѣтъ другаго значенія.—Докторъ не смѣялся.—Я имѣю слабость очень любить эту женщину, ее знаютъ многіе, почти всѣ, и многіе изъ насъ ее любятъ такъ же, какъ я; но близорукій приговоръ свѣта надъ ней состоялся, и потому женщины, въ-особенности женщины порядочныя, женщины хорошаго тона, не должны знать о ея существованіи. Довольны ли вы?...

— Такъ слова хозяйки покойнаго Денисьева относились къ ней? воскликнула я съ ужасомъ и тутъ же повторила доктору эти жестокія слова.

— Непремѣнно, отвѣчалъ онъ:—хоть она ихъ вовсе не заслуживаетъ. Видъ, пожалуй, такой... Отношенія ея къ покойному были совсѣмъ другаго рода. Когда онъ заболѣлъ, она не отходила отъ его постели, не боясь заразы, съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ проводила его до послѣдняго жилища, не боясь простуды, не чувствуя холодной грази, которая обхватывала ея ножки... Бѣдная, добрая наша Саламандра! Не всякій сѣумѣетъ выплатить такъ полно свой долгъ.

— Я была убѣждена, что она только исполняетъ долгъ: она была слишкомъ-спокойна! замѣтила я самоувѣренно.

— Она всегда теперь спокойна, выключая минуту, когда разговоръ коснется любви. Вотъ тогда она вся преображается: жизнь и страсть въ ея лицѣ, улыбкѣ, взглядѣ! За эти минуты мы прозвали ее Саламандрой. Ея стихія — огонь, и, между-тѣмъ, она горитъ, но не сгораетъ. Ей ласка нужна: въ огнѣ ласки только и жить бы ей!

— Вы воспаляетесь, докторъ, замѣтила я холодно.

Я составила себѣ идею, вслѣдствіе которой меня скандализировалъ его восторгъ, обращенный къ Саламандрѣ. Участіе во мнѣ остыло, человѣчное чувство молчало. Я была только женщиной хорошаго тона въ эти минуту и считала дерзостью со стороны доктора говорить со мной такимъ языкомъ о подобныхъ женщинахъ.

— Да если бы вы знали ее и подробности ея жизни!

— Не хочу, отвѣчала я сухо.

— Позвольте мнѣ рассказать вамъ только, въ чемъ теперь заключаются ея средства къ жизни.

— Довольно, докторъ...

— Она колорируетъ фотографіи и дѣлаетъ цвѣты, проговорилъ онъ настойчиво и поспѣшно меня перебивая.

— Не-уже-ли?

Мнѣ стало совѣстно; я опустила голову.

— Разумѣется, прибавилъ докторъ, вздохнувъ: — она живетъ очень-бѣдно. У ней много друзей, и я въ томъ числѣ. Многіе изъ насъ могли бы ей быть полезны; но Саламандра не позволить. Если ей случится занять у кого-нибудь изъ насъ небольшую сумму, Саламандра не успокоится, пока не отдастъ, и мы не смѣемъ не взять, не-то поссорится. Она образована не хуже васъ и гораздо-лучше меня... пожалуйста, не сердитесь...

Но я уже не сердилась. Я припомнила ярко-граціозную фигуру Саламандры, ея благородное, выразительное лицо и рассказала доктору, какъ мнѣ хотѣлось предложить ей мѣсто рядомъ съ собой въ фэтонѣ.

-- Ну, этого дѣлать вамъ не слѣдовало, сказалъ онъ.— Саламандра хорошо сдѣлала, что не допустила васъ до этого. Я ее по головкѣ поглажу, какъ увижу. Положеніе ея странное, исключительное положеніе.

— Она любила покойнаго Денисьева, и вы, въ память его, любите Саламандру, продолжала я дебиваться.

— Покойный Денисьевъ былъ вѣдъ докторъ... Я вамъ сказалъ уже, что здѣсь отношенія были другаго рода, отвѣчалъ онъ.

— Онъ спасъ ее? спросила я.

— Спасъ, но не ее, а человѣка, который уже тогда охладѣлъ къ ней и былъ готовъ оставить ее, но для котораго она была тѣмъ, чѣмъ потомъ ни для кого болѣе не могла быть. Такъ любить она одна способна. Вы думаете, это вѣрность, постоянство? нѣтъ, гордость! гордость своего одинакаго и беззащитнаго положенія и еще болѣе гордость именно своего чувства къ любимому, избранному человѣку. Она любитъ ласки, понимаетъ и цѣнить любовь; слѣдовательно, она могла бы еще любить, но не хочетъ... Вотъ мы ее и прозвали Саламандрой. Она окружила себя привязанностями. Есть дураки, которые о ней богъ-знаетъ что думаютъ. Дѣйствительно, обращеніе наше съ ней самое короткое; но тутъ совсѣмъ не то... Грустно, напримѣръ, или неудача какая, чувство одиночества нападетъ, на душѣ скверно станеть, на свѣтъ глядѣть не хочется — идешь къ Саламандрѣ. Посидишь немного, убѣдишься, что и для тебя въ этомъ мірѣ есть доброе слово, есть искра ласки и участія—на душѣ легче станеть, выйдешь какъ-будто просвѣтлѣвъ весь. А заболѣй кто-нибудь изъ насъ, такой, что присморѣтъ нѣкому—Саламандра узнаетъ и поселится возлѣ кровати больного, не отойдетъ, вотъ какъ отъ Денисьева. Конечно, у ней бываетъ всякій сбродъ, и мы сами виноваты. Иногда порядочный человѣкъ богъ-знаетъ съ кѣмъ брудершафствуетъ: вотъ послѣ брудершафта и привезетъ сущую дрянь къ Саламандрѣ, а тотъ и повадится ходить да потомъ и рассказываетъ, что Саламандра то же самое, что другія; а все изъ-за чего? Мѣста въ обществѣ у Саламандры никакого, такъ, видите ли, совѣстно признать, что ходятъ къ ней даромъ. Понимаете теперь, вамъ не годится вѣдить съ ней въ фазтонъ, заключилъ докторъ.

— Знаете ли, мнѣ бы хотѣлось съ ней поговорить.

— Поговорить съ ней пріятно: она умна и образована, языки знаетъ, читала много, вкусу въ ней бездна, могла бы быть гувернанткой... не здѣсь, а гдѣ-нибудь; только, говорить, поздно: не хочу обманывать, не стою... Возлѣ дѣтей, говорить, надо съ чистымъ сердцемъ и чистой мыслью... А, по-мбему, у ней—то именно чистое сердце. Конечно, кто-нибудь могъ бы встрѣтить ее и выболтать: дураковъ много—вотъ что нехорошо! Можетъ-быть, и жизнь гувернантки была бы не по ней: прислуживаться

она не умѣетъ, зависимости не переносить. Видно, ужь судьба такая...

Докторъ думалъ вслухъ.

— Я ей закажу цвѣты! сказала я, придумывая средство облизаться.

— Она беретъ заказы только изъ магазиновъ.

— Такъ не-уже-ли нѣтъ никакихъ средствъ узнать ее ближе?

— Я вамъ сказалъ все. Чтò же вамъ еще угодно? Вы, вѣрно, хотите знать ея жизнь, начало и конецъ? вы хотите объяснить себѣ эту женщину?

— Хотѣла бы...

— Тутъ я уже ничего болѣе не могу сказать. Она любила и была любима; знаю, что воспитана она какой-то богатой старухой; племянникъ или сынъ у той былъ... Право, я никогда Саламандру не распрашивалъ объ этомъ. Можетъ-быть, когда-нибудь она вамъ сама расскажетъ; только сойдтись вамъ трудно.

— А у какого фотографа она работаетъ?

— Пойдите, онъ тоже ея не знаетъ; а тамъ есть у него живописецъ, кончившій курсъ студентъ, Степановъ. Онъ ей доставляетъ работу... Славный малый!

— Давно бы вы сказали! Степанова я очень-хорошо знаю, съ самаго перваго курса, и очень люблю его. Разумѣется, теперь мнѣ удастся...

И я не шутя обрадовалась.

Опять для меня Саламандра была поэтическимъ образомъ, и опять смолкли во мнѣ предрасудки и приличія передъ вѣчной жаждой знать человѣка, искать человѣка, разъяснить необъяснимое, изучать всѣ изгибы души, всѣ вѣроятности духовной натуры человѣческой. Не эта ли жажда творить насъ писателями, романистами, историографами внутренняго человѣка? Не-уже-ли достойно уваженія только изученіе явленій физическаго міра?... А сліяніе двухъ міровъ и проявленіе этого сліянія не-уже-ли не поведетъ ни къ какому полезному знанію?... Пусть же каждый дѣлаетъ розысканія въ области, ему доступной. Я бредила Саламандрой.

Я поѣхала въ мастерскую къ Степанову, и вмѣстѣ мы придумали средство увидѣть ее вблизи—сдѣлать нѣсколько фотографій, велѣть ихъ колорировать, капризничать страшно и потребовать, чтобы тотъ, кто колорируетъ, присмотрѣлся къ цвѣту моего лица. Степановъ убѣдилъ Саламандру, что надо уступить моему желанію, и мы отправились къ ней.

Она жила бѣдно: двѣ комнатки всего. Въ первой она приняла насъ: видно, то была гостиная. Къ окну придвинуть большой столъ и на немъ краски и портфѣйль съ портретами; потомъ коробочка съ недодѣланными цвѣтами, обрѣзки лоскутковъ голубыхъ, розовыхъ, желтыхъ; далѣе неконченная рама изъ кожаныхъ цвѣтовъ, коробочка съ папиросами, хрустальный подсвѣчникъ съ зажженной свѣчой, клей, ножницы, бутылочка съ лакомъ. У стола—стулъ и кресло. Я окинула внимательнымъ взоромъ всю комнату и замѣтила въ другой сторонѣ диванъ, небольшой столикъ передъ диваномъ и два кресла да нѣсколько стульевъ, старый коврикъ подъ стуликомъ, пеструю салфетку на столѣ.

— Не угодно ли садиться? сказала робко Саламандра, подводя меня къ дивану.

— Мы на-минуту, произнесъ Степановъ, взглянувъ на меня вопросительно.

— Нѣтъ, я охотно отдохну, сказала я и заняла диванъ. — А что же вы сами не садитесь? прибавила я, указывая Саламандрѣ мѣсто подлѣ себя.

Она поклонилась и продолжала стоять.

— Вы колорировали мою фотографію не совсѣмъ-удачно, проговорила я наконецъ:—мнѣ хотѣлось, чтобы вы вглядѣлись лучше въ меня. Хотя вы меня видите не въ первый разъ, но тогда вы могли не замѣтить: вамъ было не дотога.

— Напротивъ, я васъ очень-хорошо тогда замѣтила и помню, отвѣчала Саламандра, поднявъ на меня свои большіе глаза съ ласковымъ выраженьемъ.

— Я очень-рада. Слѣдовательно, вы на меня можете смотрѣть, какъ на старую знакомую.—И я взяла ее за руку; но она съ видимымъ принужденіемъ подала мнѣ руку.—Я такъ любила покойнаго доктора, что всѣ тѣ, которые его любили, мнѣ дороги, продолжала я.

— Онъ былъ очень-хорошій человекъ, замѣтила она равнодушно.

— Его оплакивали всѣ! воскликнула я.

— Какъ прекраснаго доктора, прибавила она. Потомъ, помолчавъ съ-минуту, она неволью продолжала уже съ ббльшей живостью: — вотъ то-то и обидно! Онъ многихъ спасалъ, а его не спасли!..

При этихъ словахъ глаза ея зажглись, какъ звѣзды.

— Онъ васъ лечилъ?, спросила я, съ участіемъ глядя на нее.

— Нѣтъ, онъ лечилъ не меня, отвѣтила она сухо и, отвернувшись, стала перебирать лоскутки въ коробочкѣ.

Болѣе говорить было нѣ о чемъ. Я встала, тѣмъ болѣе, что присутствіе Степанова меня стѣсняло для дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Такъ вы запомните меня и колорируете мой портретъ теперь такъ, какъ я хочу проговорила я.—Я у васъ еще разъ побываю, сама возьму портретъ свой.

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ же? Я, вотъ, отдамъ... сказала Саламандра, указывая на Степанова.

— А сами вы не хотите принести его ко мнѣ и заплатить мнѣ визитомъ за мой визитъ? спросила я, протягивая ей руку.

Тутъ Саламандра вся всыхнула и пристально посмотрѣла на меня.

— Благодарю васъ; но я Степанову отдамъ, сказала она съ глубокой грустью, потомъ молча проводила насъ до двери и пожала руку Степанову, а мнѣ ласково поклонилась.

Дѣйствительно, я получила свой портретъ черезъ Степанова. Саламандра не была у меня ни разу.

Прошло нѣсколько недѣль. Я ее встрѣтила на улицѣ. Она шла торопливо, подъ густой вуалью, и, завидѣвъ меня, повернула въ другую улицу. Я, однако, догнала ее и остановила за руку.

— Здравствуйте, сказала я:—зачѣмъ вы отъ меня бѣжите?

Она откинула вуаль и смѣло взглянула мнѣ въ глаза.

— Послушайте, произнесла она выразительно:—зачѣмъ вы ко мнѣ подходите?... Вѣдь вы должны знать, понимать, видѣть, что въ знакомствѣ со мной вамъ не должно признѣваться.

— А если я хочу?... Я имѣю убѣжденіе, что васъ напрасно смѣшивають...

И я остановилась, не зная, какъ кончить свою фразу.

— Все же *смѣшивають!* подхватила она.—Слѣдовательно, за ваше добро я не должна платить вамъ зломъ. Пожалуйста, не гоняйтесь за мной болѣе по улицамъ, оставьте меня, не разговаривайте болѣе.

Саламандра хотѣла уйти.

— Нѣтъ, постойте. Я буду гоняться, буду преслѣдовать васъ, если вы не дадите слова, что будете приходиться ко мнѣ хоть иногда.

— Вы странное существо! сказала она; потомъ, подумавъ съ минуту, прибавила:—въ которомъ часу вы просыпаетесь?

— Въ восемь. Но до одиннадцати я никого не принимаю и сама не выхожу со двора.

Саламандра стояла въ какой-то грустной задумчивости.

— Если вы уже непременно хотите, произнесла она нерѣшительно: — если такъ... Вы первая, послѣ многихъ лѣтъ, посмотрѣли на меня съ участіемъ, а не съ презрѣніемъ. Вы понимаете, что я васъ люблю за это... Я буду приходить къ вамъ иногда въ девять часовъ утра и уходить въ половинѣ одиннадцатаго. Когда я вамъ надобно, вы мнѣ скажете, чтобы я васъ не беспокоила; если же приду не-въ-порѣ, отошлете меня не церемонясь. Не пріучайте меня снова къ вниманію, отъ котораго я отеклась и даже уже отвыкла.—Голосъ ея дрожалъ; но въ лицѣ сохранялось грустное спокойствіе, губы тихо и печально улыбались.—А теперь прощайте!

Я хотѣла протянуть ей руку.

— Нѣтъ, не надо, пожалуйста, не надо на улицѣ! Ступайте, ступайте-себѣ съ Богомъ и больше никогда не подходите, не признавайтесь ко мнѣ.

Она сдержала свое обѣщаніе. Мы видѣлись часто.

Пусть судъ людской проститъ мнѣ привязанность мою къ существу, надъ которымъ тяготѣло общественное мнѣніе. Оправдывать не мое дѣло; но объяснять всякое явленіе нравственнаго міра—задача романиста. Новѣйшая литература наполнена описаніями *камельій*, съ нихъ теперь пишутъ портреты, и рѣдко карикатуры ихъ берутъ въ героини драмъ, романовъ, повѣстей. Мужчины читаютъ все это какъ забавное, занимательное, и по данной рассказчикамъ нотѣ они разыгрываютъ воображеніемъ своимъ поэтическій концертъ личныхъ своихъ воспоминаній; женщины *порядочныя* читаютъ романы и повѣсти и смотрятъ драмы изъ жизни *камельій* рѣшительно съ жадностью, какъ неизвѣстное имъ, какъ невѣдомый для нихъ міръ, къ которому, однако, открыли дорогу ихъ любопытству хвастливые намеки и неполныя исповѣди. Но моя Саламандра не камелія, она не похожа, она—болѣе того—противоположна «этимъ дамамъ» (перевожу съ французскаго знаменательное слово *ces dames*, которымъ означаютъ камелій); только странная жизнь была у Саламандры.

Я же держусь того мнѣнія, что вѣрно рассказанная жизнь каждаго челоѣка приноситъ пользу челоѣчеству. Повѣсть чужой жизни не можетъ имѣть положительнаго значенія морали; но все же это ударъ звонка, пробуждающій омертвѣлую душу, дающій намъ ту минуту, въ которую бодрѣ взглянешь на себя, сознательно на жизнь. Немногіе почувствуютъ эту минуту, скажете

вы. Немногіе, положимъ, но будутъ же *нѣкоторыя*... всякій пишущій долженъ вѣровать въ возможность этихъ *нѣкоторыя*.

Саламандра привыкла ко мнѣ. Она рассказала мнѣ нѣсколько яркихъ эпизодовъ изъ своей жизни.

— Вы пишете, прибавила она:—напишите изъ этого повѣсть, если хотите.

— Напишите мнѣ сами свою жизнь, всю, отвѣчала я.

— Всея невозможно: послѣдовательности не будетъ, хаосъ какой-то выйдетъ, замѣтила она. — Я все жила минутами. Какъ ни сшивайте эти минуты, въ нихъ столько противорѣчащаго, что ничего не выйдетъ. Я, пожалуй, напишу вамъ главное, то—есть то, что было всею жизнью моей души: тамъ будетъ послѣдовательность, вы можете руководствоваться моими записками и написать повѣсть... Только пришлите мнѣ экземпляръ, прибавила она наивно. Читая, я буду переживать снова свою жизнь.

Черезъ нѣсколько времени она принесла мнѣ нѣсколько тетрадей. Передаю ихъ въ томъ видѣ, въ которомъ онѣ достались мнѣ.

ЗАПИСКИ САЛАМАНДРЫ.

ТЕТРАДЬ I.

Я не знаю, съ чего начать; происшествій не вспомню вдругъ; а вотъ лица такъ стоятъ передъ глазами, какъ живыя, даже я сама. Я помню себя, какъ лицо чужое. Я закрываю глаза и мысленными взорами ухожу въ глубь прошедшаго, и тамъ я вижу картины... Вижу первую картину: двѣ старухи, двѣ важныя дамы, Лидія Петровна и Анна Петровна. Впрочемъ, онѣ нестары: слѣды прошедшей красоты еще довольно-ярки; въ особенности Лидія Петровна была красавица. Она помнить это и одѣвается съ удивительной изысканностью. Анна Петровна менѣ хороша; но она меня воспитала, она добрѣе Лидіи Петровны. Анна Петровна графиня и имѣетъ блистательныя связи, Лидія Петровна не графиня, за-то чрезвычайно-богата; у Лидіи Петровны двѣ дочери и сынъ, у Анны Петровны нѣтъ дѣтей. Отъ скуки она взяла меня.

Отецъ мой отдалъ меня Аннѣ Петровнѣ. Объ отцѣ моемъ говорили, что онъ отличный человекъ; у меня есть его портретъ:

лицо прекрасное и задумчивое. Когда гляжу на этот портретъ, я чувствую, что ни разу не была осуждена душой этого человека, несмотря на все мои заблужденія. Я вѣрю, что есть загробная жизнь; думаю, что души насъ судятъ совѣсть иначе, нежели люди. Люди судятъ поступки, души судятъ совѣсть; люди считаютъ заблужденія, души считаютъ битвы. Когда на меня легъ всей тяжестью своей судъ людской, отца моего не было между людьми: онъ былъ тамъ уже, въ другомъ мірѣ, въ числѣ душъ... Несмотря ни на что, я чувствую надъ собой постоянно силу его благословенія; значить, я не такъ виновата, я не такъ еще... Лидія Петровна никогда не могла простить Аннѣ Петровнѣ ея графскаго достоинства; во всехъ случаяхъ она старалась задавить ее своимъ богатствомъ. Анна Петровна иногда вздыхала, сравнивая свои, впрочемъ, весьма-достаточныя средства съ великолѣпнымъ состояніемъ сестры.

Онъ теперь сидѣли въ изящной гостиной Анны Петровны. Лидія Петровна вязала филейныя занавѣси къ окнамъ, графиня вышивала сонетку шелками по канвѣ.

— Ма soeur, ты объедаешь со мной, неправда ли? сказала графиня. Я тебя приглашаю смѣло. Сегодня *le diner sera un peu saigné*. У меня убеждаютъ жена ***скаго посланника, князь Андрей и баронъ Экстаузенъ; потомъ еще два-три *порядочныхъ*... Я тебѣ ихъ представлю и надѣюсь навести барона на желаніе съ тобой познакомиться. Я нашла недиبلوماسيةмъ дѣломъ позвать твоихъ дочерей сегодня. Пусть онъ даже и не подозрѣваетъ, что у тебя есть дочери. Первый визитъ въ нашемъ вѣкѣ всегда труденъ въ тѣ дома, гдѣ дочери невѣсты.

— Дá, Annette, я не спорю, дочери-невѣсты; но ты прибавь: богатая. *Cela change la question*.

И Лидія Петровна поправила розовый бантъ своего чепца съ большимъ достоинствомъ.

— Я не вижу причины, продолжала она:—не понимаю рѣшительно, почему ты писала мнѣ: «пріѣзжай сегодня безъ дѣтей», и если бы не слѣпая моя привязанность и покорность тебѣ, какъ старшей сестрѣ, я бы не пріѣхала вовсе. Я мать: по чувству матери, мнѣ кажется, что дѣти мои всюду у мѣста и что изъ женской ревности только ты хочешь лишать меня лучшаго моего украшенія.

Лидія Петровна очень любила драпироваться въ материнскія чувства передъ графиней, потому-что у графини дѣтей не было.

— Если бы всѣ матери думали такъ, то житья бы не было отъ дѣтей, произнесла съ удареніемъ графиня, вдѣвая шелкъ въ иголку; *il y a des enfants fort déplaisants...* Впрочемъ, о твоихъ я не говорю, прибавила она равнодушно: впервыхъ, онѣ ужъ не дѣти. Замужъ Каташѣ давно пора, да и Лизѣ тоже. Я ихъ люблю, какъ своихъ, и хочу непременно выдать ихъ блистательно; но какъ я болѣе тебя знаю свѣтъ, именно тотъ свѣтъ, въ который имъ надо попасть, то дѣйствую осмотрительно и хлопочу для тебя же.

Лидію Петровну бросило въ краску.

— Каташѣ выѣзжаетъ всего три—четыре года, проворчала она.

— Пять лѣтъ, *ma chère!* возразила графиня.

— Ты не помнишь!...

— Напротивъ, очень—хорошо помню: я возвратилась изъ—за границы и даже для Каташи дала свой первый балъ.

— Все же память можетъ измѣнять вамъ иногда...

— Боже мой, вѣдь я не такъ стара! воскликнула, въ свою очередь вспыхнувъ, Анна Петровна. — Еще помнишь, я ей тогда представила цвѣтъ общества. Мазурку она танцевала съ Сергѣемъ *T. un élégant*; не то, что потомъ у тебя же на балѣ все съ какимъ—то Чуфверкиными, какъ называютъ ихъ графъ Александръ!

И графиня расхохоталась.

— Я никого не знала въ Петербургѣ, отвѣчала смущенная и взбѣшенная Лидія Петровна.

— Въ такомъ случаѣ не дають баловъ. Въ этомъ—то и была вся твоя ошибка; но ты не хотѣла меня слушать, и, разумѣется, *le ridicule s'en est mêlé*, я не виновата; а потомъ какихъ трудовъ стоило поправить все это! Первое впечатлѣніе важнѣе всего, какъ ни говори. Ты даешь прекрасные балы; но ихъ никто не видитъ...

— Ты хочешь сказать, что я не имѣю порядочныхъ знакомствъ! Впервыхъ, *je vois le monde que vous voyez.*

Лидія Петровна отодвинула съ гнѣвомъ свое вязанье.

— Но ты познакомилась со всѣмъ этимъ мондомъ у меня! возразила графиня, улыбаясь. — Сознайся также, что есть нѣсколько лицъ, съ которыми мы обѣ положили тебѣ не знакомиться вовсе, и что ты, давая обѣды или балы, всегда въ лихорадкѣ отъ мысли, что не всѣ изъ получившихъ приглашенія поѣдутъ. Пожалуйста, не сердись—и Анна Петровна взяла ласково сестру

за руку:—твой балы, твои обѣды лучше, безспорно, моихъ, но я за-то всегда знаю, что ко мнѣ прѣйдутъ мои приглашенные.

— Зачѣмъ вы позволяете себѣ подобныя разсужденія при этой дѣвчонкѣ? воскликнула вдругъ Лидія Петровна.

Это восклицаніе относилось ко мнѣ. Я вспыхнула и вопросительно взглянула на графиню.

— Уйди, Лёля, сказала она мнѣ.

Я повиновалась молча; но въ душѣ у меня кипѣло страшное негодованье. Лидія Петровна не въ первый разъ выводила меня изъ терпѣнья своей надменностью; обращеніе ея дочерей со мной тоже было оскорбительно. Я была давно уже не ребенкомъ: графиня меня возила въ свѣтъ, то-есть брала съ собой всюду, гдѣ позволяли ей это чопорность и свѣтскіе предразсудки; а у ней я была балованнымъ ребенкомъ. Но Лидія Петровна всегда старалась показать ту неизмѣримую разницу, которую она желала удержать между мной и своими дочерьми. Она съ видимой неохотой отпускала кататься Лизу или Каташъ съ графиней, если графиня брала меня; во всякое другое время она посылала ихъ съ Анной Петровной всюду съ восторгомъ. При гостяхъ она безпрестанно заставляла меня искать то платокъ, то перчатки, то сткляночку съ солью, то ключи, и все это я чаще всего находила у ней же въ карманѣ. То она спрашивала скамеечку подъ ноги, то заставляла вдѣвать нитку въ иголку, то подушка за плечи ей нужна была, и за всѣмъ этимъ обращалась она ко мнѣ, какъ къ существу, которое должно считать за честь, что ему позволяютъ услуживать. Въ-особенности она искусно мѣшала мнѣ, если кто-нибудь изъ знатныхъ посѣтителей графини заводилъ со мной нѣсколько-продолжительный разговоръ. При этомъ она тоже удвоивала бдительный надзоръ за дочерьми, подзывала ихъ къ себѣ и, усадивъ подлѣ, какъ-будто охраняла отъ нападеній, тогда-какъ никто и не думалъ нападать на нихъ. Въ эти минуты Лидія Петровна требовала отъ всѣхъ строгаго приличія. Впрочемъ, она тоже отзывала къ себѣ дочерей, если какой-нибудь юноша, которому непозволительно имѣть виды на такихъ богатыхъ невѣстъ, вступалъ съ ними въ бесѣду, или оказывалъ готовность услужить и—Боже сохрани!—какъ-будто нѣчто похожее на желанье имъ нравиться. Лидія Петровна строгимъ «Каташъ, сядь ко мнѣ ближе!» или «Лиза, ты вѣчно выберешь дурное мѣсто!» приводила въ странное замѣшательство юношу и останавливала невинный порывъ его

любезности. Невольно взглядъ мой слѣдилъ за ней при каждой подобной ея выходкѣ. Нечаянно подмѣчала она этотъ взглядъ и вынуждена была сознать, что разгадана—и къмъ же? воспитанницей, бѣдной, взятой изъ милости дѣвочкой. Съ этимъ самолюбіемъ ея не могло помириться: она меня ненавидѣла.

Мой взглядъ смущалъ ее, и потому—то она его такъ часто встрѣчала. Это было мое единственное оружіе, моя честь—я ими пользовалась.

Входила ли она, шумя складками своего длиннаго шелковаго платья, величественно метущаго паркетъ, и путаясь въ богатыя кружева своей мантильи—она встрѣчала нѣмое осужденіе. Потому я искренно переносила этотъ взглядъ съ нея на графиню, и тогда она читала въ немъ сравненіе, которое все было въ пользу графини. Фамильяричала ли она со знатью, или обращалась пренебрежительно съ простыми смертными, она встрѣчала мой взглядъ. Хвастала ли она материнскими чувствами, безкорыстьемъ своимъ, или набожностью, мой взглядъ неотразимо сверкалъ передъ нею. Она меня ненавидѣла.

Я думаю, что она стала меня ненавидѣть съ-тѣхъ-поръ, какъ почувствовала, что я одна понимаю ее. Графиня знала ея лицемеріе и во всемъ видѣла его; но въ материнскомъ чувствѣ она его никогда не подозрѣвала.

— Послушай, душа моя, ты уже слишкомъ! Она любитъ до ослѣпленія своихъ дѣтей, говаривала мнѣ графиня, когда я разоблачала лицемеріе Лидіи Петровны и въ этомъ отношеніи.—Вѣдь она же недаромъ мать!

Но Лидія Петровна любила своихъ дѣтей, какъ средство поставить себя торжественно въ обществѣ, оградить себя отъ всѣхъ нескромныхъ вопросовъ, обращенныхъ къ ея тщеславной дѣятельности, какъ предлогъ толкаться во всѣ двери того блистательнаго общества, въ которое она попала, но членомъ котораго, несмотря ни на какія свои усилія, не могла сдѣлаться, какъ цѣлую цѣпь возможностей ослабить многихъ своимъ богатствомъ, роскошью и вкусомъ.—вотъ какимъ образомъ она любила своихъ дѣтей.

Ей хотѣлось выдать замужъ Каташъ. Въ утѣшеніе ей тогда осталась бы еще Лиза, да сына она ждала, и хлопотала изо всѣхъ силъ о переводѣ его въ гвардію изъ кавалерійскаго полка, куда онъ поступилъ недавно юнкеромъ, несомъ по ея волѣ.

Лидія Петровна привыкла къ безусловному повиновенію дѣтей. Она была деспотъ въ своей семьѣ и старалась внушить своимъ

дѣтямъ, вмѣсто всякихъ правилъ, поклоненіе тому кружку, за чертой котораго ничто не должно было существовать для нихъ. Къ дочерямъ ея ученіе привилось вполне; но сынъ, живая и безхитростная натура, искалъ всюду веселья, веселья и веселья, если и подчинялся часто вѣрованьямъ матери, то также точно часто поступалъ и вопреки имъ, самъ того не замѣчая. Лидія Петровна морщилась, но рѣдко дѣлала замѣчанія сыну такимъ строгимъ тономъ, какъ дочерямъ; она только мастерски умѣла мѣшать ему увлекаться, если увлеченія его принимали не то направленіе, котораго она желала. Вообще она старалась какъ-можно-болѣе занимать его разными пустыми порученьями, приучала его къ разсѣянной жизни, какъ-будто боялась, чтобы онъ мыслить и разсуждалъ, льстила его самолюбію, возбуждала въ немъ тщеславіе и терпѣть не могла, если онъ водился съ *невидными* людьми. Я часто слышала, какъ Лидія Петровна хвастала передъ графиней своимъ сыномъ.

— Ему совсѣмъ не мѣсто въ арміи, говорила она: — Гриша у меня такой красавчикъ. Онъ сдѣлаетъ блистательную карьеру. У этого мальчика манеры пріятныя; но онъ очень-молодъ, онъ у меня моложе обѣихъ дочерей—вотъ бѣда...

Мнѣ прислушались эти слова, и потому я никогда не останавливала мысли своей на Гришѣ, котораго не знала, и на возможности его пріѣзда, который меня не занималъ. Когда Лидія Петровна въ спорѣ съ сестрой произнесла громкую фразу, заставившую меня уйти, я вышла, задыхаясь отъ негодованія. Черезъ минуту графиня очутилась подлѣ меня.

— Ты не обращай вниманія на ея грубости и капризы, сказала она: — она тебя не терпитъ потому, что ты гораздо-милѣе ея дочерей. А вотъ я ей въ наказаніе не представлю барона и доставлю тебѣ случай все время обѣда проговорить съ нимъ. Взбѣси ее хорошенько: будь съ нимъ мила.

Какъ видите, эта женщина жила вся въ минуту: въ эту минуту она мнѣ жертвовала сестрой, черезъ минуту также точно могла пожертвовать мной сестрѣ и всякому другому, смотря по впечатлѣнію, почти по біенію своего сердца; а сердце у ней было не скажу доброе, но склонное къ добру. Такимъ людямъ легко живется, и Аннѣ Петровнѣ жилось легко. Она была щедра и чувствительна, а между-тѣмъ не умѣла ни дѣлать добро, ни чувствовать глубоко. Дѣйствительно, я за столомъ сидѣла возлѣ Экстгаузена. Онъ старался обворожить меня своей любезностью.

Графиня ему улыбалась и поглядывала на меня съ удивительной нѣжностью. Лидія Петровна пыталась убить меня взглядомъ. Лицо ея все было въ пятнахъ; глаза вспыхивали адскимъ огнемъ. Я чувствовала ея взглядъ и мстила своимъ успѣхомъ. Я была одушевлена, кокетлива и видѣла, что въ эту минуту нравлюсь барону.

Послѣ объѣда я для него съиграла сонату Бетховена; потомъ онъ со мной прелюбезно раскланялся, зашелъ въ гостиную, поклонился графинѣ и исчезъ.

Лидія Петровна не выдержала.

— Вы насмѣялись надо мной, прошептала она сестрѣ, внѣ-себя:—но я все это видѣла и понимала: вы никого не одурачили!

— Боже, какъ я опрометчива! воскликнула простодушно графиня:—я забыла представить вамъ барона!

— И все это изъ-за... Лидія Петровна не договорила, но бросила на меня ядовитый взглядъ.—Теперь я рада, что вы не позвали моихъ дочерей: по-крайней-мѣрѣ, онѣ не видали наглаго кокетства вашей воспитанницы.

Графиня прекрасно владѣла собой: она расхохоталась.

— Не сердитесь. Еще не все потеряно: я найду случай представить вамъ его, а также и другихъ жениховъ для Каташи. Вѣдь она все же мнѣ племянница...

Съ Лидией Петровной сдѣлалась истерика?

Но вѣжливый офиціантъ.

— Григорій Львовичъ пріѣхали! доложилъ онъ.

— Гдѣ? гдѣ? воскликнула Лидія Петровна, приходя въ-себя и бросаясь къ дверямъ.

Навстрѣчу ей шелъ молодой уланскій юнкеръ.

— Голубушка, мамочка, здравствуйте! Если бы вы знали, какъ я летѣлъ! — И онъ расцаловалъ ей руки. — Я всего три дня былъ въ дорогѣ, загналъ нѣсколько троекъ, и съ горы на пред-послѣдней станціи чуть-было меня лошади не убили; но весело за-то!... А тѣтя гдѣ?... Ma tante, ange, тѣтя, здравствуйте! Онъ подбѣжалъ къ графинѣ. — Вы меня когда-то страшно баловали. Посмотрите, каковы усы-то, а? Вы бы меня не узнали, неправда ли?...

Графиня взяла лорнетъ.

— Постой, постой; дай-ка посмотрѣть! — И она посмотрѣла на него пристально съ-минуту. — Ты прехорошенькій! произнесла она пресерьезно потомъ и нѣжно поцаловала его въ глаза да погладила маленькіе усы, гордость и отраду Гриши.

Я въ эту минуту тоже внимательно посмотрѣла на нашего гостя, желая повѣрить на дѣлѣ и сама слова графини.

Графиня была права: Гриша былъ прехорошенькій. Тоненькій, какъ шестнадцатилѣтняя дѣвушка, гибкій и ловкій, живой въ движеняхъ, весь полный простодушной ласки и искренняго привѣта, онъ вдругъ какъ-будто внесъ съ собой лучъ отрады, мира и веселья въ нарядную гостиную графини, бывшую за минуту сценой семейнаго раздора. Черные волосы и черные, едва пробившіеся усы отдѣляли горѣвшее яркимъ румянцемъ смуглое, какъ у испанца или у цыгана, лицо. Прямой и благородный профиль, тихій свѣтъ карихъ, съ густыми черными рѣсницами глазъ и плѣнительная, мягкая улыбка губъ яркихъ, но небольшихъ и самаго прекраснаго рисунка, какой только можно встрѣтить—все оправдывало приговоръ графини, произнесенный ею надъ племянникомъ съ перваго взгляда.

Меня не замѣтили, и, конечно, мнѣ бы его не представили.

Впослѣдствіи времени онъ меня увѣрялъ, будто запомнилъ тогда же мое лицо; но я думаю, что это ему казалось.

Онъ бывалъ ежедневно у графини, которая души въ немъ не слышала; я же на него долго, очень-долго смотрѣла, какъ на ребенка.

И, въ-самомъ-дѣлѣ, это былъ балованный ребенокъ, дитя роскоши и счастья.

Лидія Петровна любила его, какъ одну изъ главныхъ приманокъ, бросаемыхъ ею обществу, плохо шедшему на удочку.

Черезъ два мѣсяца Гриша былъ переведенъ въ гвардію, черезъ нѣсколько времени произведенъ. Всѣ двери для него отворились привѣтно, благодаря вліянію графини и его прелестной наружности; онъ танцевалъ восхитительно. Вообще онъ въ короткое время сталъ однимъ изъ блестящихъ украшеній моднаго свѣта. Чрезвычайная молодость Гриши позволяла дамамъ смѣло баловать своимъ вниманіемъ и вслухъ произносимыми похвалами милого юношу.

Каташъ и Лиза любили показываться съ братомъ потому, что тогда возлѣ нихъ останавливались и съ ними заговаривали барыни и щеголи; Лидія Петровна любила показываться съ сыномъ потому, что ей тогда привѣтливѣе кланялись и искреннѣе приглашали тѣ лица, знакомство которыхъ она высоко цѣнила. Графиня любовалась своимъ племянникомъ, когда онъ въ обществѣ удерживалъ за собой первенство; она гордилась его умѣньемъ держать

себя безъ чванства, фатовства и искательства, немножко-вѣтренно, но мило. Она находила, что въ немъ одномъ болѣе такту, нежели во всемъ его семействѣ, собранномъ вмѣстѣ. Она ласкала и окружала угодливостью тѣхъ женщинъ, которыя ему нравились. Гриша сдѣлался ея любимой игрушкой.

Я говорила вамъ уже, что графиня возила меня въ свѣтъ. Въ этомъ свѣтѣ я видѣла Гришу всегда блестящимъ и веселымъ; никогда не искала я ему нравиться, никогда не приблизила мысли своей къ возможности быть имъ любимой. Онъ былъ молодъ, счастливъ, веселъ; слѣдовательно, двойной, тройной молодостью онъ былъ моложе меня.

Но разъ, на танцевальномъ вечерѣ у графини, я почувствовала въ полкъ, что его горячая рука жметъ трепетно мою руку. Я приняла это какъ шалость, не болѣе. Это было уже не въ первый разъ, впрочемъ: проводя почти цѣлые дни у графини, Гриша, котораго не на шутку баловали своимъ вниманьемъ и завлекали своимъ кокетствомъ нарядныя барыни, Гриша, котораго грудь пріятно волновали всѣ успѣхи такого рода, Гриша, который учился нравиться и увлекалъ другихъ, самъ зачастую увлекаясь, разумѣется, не оставилъ и меня безъ вниманія. Я старалась думать, что онъ учится и пробуетъ свое знаніе, что ищетъ любви, проситъ увлеченій, какъ убѣжденія въ томъ, что онъ уже не лжетъ. Не любоваться имъ было невозможно, въ-особенности мнѣ, передъ которой онъ съ первой встрѣчи съ чрезвычайной, почти дѣтской наивностью выказывалъ всѣ прекрасныя качества своего милого, любящаго сердца и всѣ слабыя стороны своего неустояващагося характера. Я знаю только, что не было ни одной минуты въ моей жизни, въ которую я могла бы вспомнить о Гришѣ безъ особенной, сердечной нѣжности.

Графиня видѣла, что причина его постоянного пребыванія у ней—я, что его влечетъ, его тянетъ къ ней въ домъ желаніе видѣть меня, возможность летучей, пустой ласки, размѣнъ улыбки, взгляда, слова—и графиня забавлялась. Гриша сдѣлался давно уже ея идоломъ: ей хотѣлось видѣть его всегда веселымъ, какой бы цѣной ни купить это веселье. Если онъ нахмуривался, когда я останавливала его порывы, графиня мнѣ этого не прощала, хотя не допустила себя еще ни разу до объясненія со мной.

Я была увѣрена, что за порогомъ дома своей тетушки Гриша забываетъ совершенно о моемъ существованіи; но пропустить хоть день одинъ, не видѣвъ меня, было для него невозможностью.

Я тоже была молода : на волокитство я отвѣчала кокетствомъ; меня занимали ловкость и смѣлость, съ которыми онъ пользовался минутой; обаянье его плѣнительной наружности было велико. Но я не увлекалась, я не допускала никогда возможности въ немъ истинной любви и чувствъ его ко мнѣ не называла въ глубинѣ своего сознанія любовью.

«Онъ дитя!» говорила я себѣ: «дитя шалить, дитя забавляется...» Однако, я сильнѣе стала любить графиню за то баловство, которымъ она окружала своего племянника. Ему ни въ чемъ не было отказа, на него никто въ домѣ ея ни за что не долженъ былъ сердиться—вотъ мысли, къ которымъ привыкъ мой умъ. Вы понимаете, что, при подобномъ взглядѣ на вещи, и ласка, и страстное слово были въ моихъ глазахъ съ его стороны смѣлой выходкой, минутной прихотью, не болѣе. Онъ жалъ мнѣ руку танцуя, онъ шепталъ: «вы душенька! вы милочка!» и получалъ въ отвѣтъ: «а вы ребенокъ!»

Графиня мнѣ говорила:

— Лѣля, поцалуй его! Развѣ ты не видишь, что ему этого ужасно хочется? Что жъ ты, Лѣля!

И въ присутствіи графини я должна была поцаловать его въ лобъ послѣ подобной фразы.

Гриша часто приставалъ, чтобъ я его поцаловала безъ графини.

— Ну, что вамъ стѣбитъ! право, какая! Одинъ разъ, только одинъ разъ, говорилъ онъ.

Я его не слушала, но не сердилась.

Я вамъ рассказываю все это ддятого, чтобъ вы сами рѣшили, могла ли я ожидать, что онъ дѣйствительно будетъ меня любить.

Лидія Петровна на меня косилась; Лизѣ и Каташѣ велѣно было со мной не сближаться слишкомъ; надъ Гришей подшучивали, что у *мальчишекъ* страсть влюбляться въ женщинъ, которыя ихъ гораздо-старѣе.

Повременамъ, однако, Лидія Петровна бывала со мной любезна. Я замѣчала, что это всегда случалось, или когда ей надо было поддобриться къ сыну, или когда сынъ ея увлекался минутно, но горячо какой-нибудь барыней, а на моемъ лицѣ не выражалось при этомъ ни печали, ни досады. Она видимо успокоивалась этимъ, заключая, что я вовсе не претендую на какую-нибудь серьезную роль въ жизни ея сына.

У графини танцовали по понедѣльникамъ. Гриша тамъ преимущественно танцовалъ со мной и слѣдилъ за мной всюду. Я

часто должна была оставлять залу, чтобъ исполнять различныя порученія графини. Гриша всегда попадался мнѣ на дорогѣ. Оглядываясь во всѣ стороны, онъ подходилъ ко мнѣ, наклонялся поцаловать меня въ голову, или въ плечо, и, если я старалась избѣжать этой ласки, онъ удерживалъ меня за руку и такъ навивно, просто, съ такимъ отсутствіемъ лукавства и такой непремѣнной волей балованнаго ребенка, говорилъ : « Душенька—Лёля, дайте же поцаловать васъ ! », что мнѣ оставалось только улыбнуться и покориться его требованію.

Не знаю, подмѣтилъ ли всѣ эти проказы умный М..., но онъ подошелъ ко мнѣ послѣ тура вальса, который я сдѣлала съ Гришей.

— Послушайте, я человѣкъ женатый, а вы женщина умная: я хочу съ вами поговорить, сказалъ онъ, взявъ меня дружески за руку.

— Говорите, отвѣчала я.

— Посмотрите на Гришу.

Я взглянула: онъ кружился въ эту минуту быстро съ какой-то барыней, легкой и ловкой.

— Это чудо, это прелесть—не мальчикъ! воскликнулъ М.—Вы будете просто деревянная, если не полюбите его серьезно.

— Какой вздоръ! проговорила я въ смущеніи.

— Нѣтъ, не вздоръ. Я люблю этого молодого человѣка и хочу, чтобъ онъ былъ любимъ достойнымъ сердцемъ. Вы вѣдь не можете прожить всю жизнь не любя. Замужъ въ вашемъ положеніи выходятъ только за какого-нибудь ветхаго господина, которому понадобится покровительство графини. Вы на это неспособны. Я за вами давно наблюдаю: у васъ, вѣрно, гибель вкуса и горячее сердце — выбирайте Гришу! Богъ вамъ простить, а умъ вашъ вамъ скажетъ, что о людяхъ заботиться не слѣдуетъ.

Все это онъ говорилъ полушутя, полусерьезно.

— Онъ слишкомъ-молодъ, сказала я, выдернувъ свою руку изъ руки М...

— Дѣ, жениться онъ молодъ! произнесъ выразительно М...

Я страшно покраснѣла отъ этого подозрѣнія.

— Вы меня не поняли! воскликнула я вспыльчиво:—онъ слишкомъ-молодъ для того, чтобъ любить въ самомъ дѣлѣ и любить сколько-нибудь продолжительно.

— Это отъ васъ зависитъ. Онъ именно васъ продолжительно любить готовъ. Я взглянулъ какъ-то на васъ, взглянулъ на него и пришелъ вамъ дать дружескій совѣтъ. Ваше положеніе исклю-

чительное, и, кромѣ-того, у васъ душа артиста: не-уже-ли вы равнодушно пройдете мимо? Ну, пожалуйста, взгляните на Гришу!

Я взглянула: онъ отдыхалъ, прижавшись въ уголь козетки, и слушалъ игру Евгеніи Ивановны, родственницы графини по мужу, женщины пожилой, которая меня очень любила. Козетка эта стояла за тубаретомъ музыкантши. М... оставилъ меня; я машинально подошла къ Гришѣ и заняла мѣсто подлѣ него.

— Вы не танцуете, Лёля, и приходите слушать меня старуху вмѣстѣ съ Гришей: вы оба *добрыя* дѣти, сказала Евгенія Ивановна.

Я почувствовала въ эту минуту, что Гриша схватилъ мою руку и крѣпко сжимаетъ ее; а потому я ни слова ей не отвѣчала: я не могла говорить.

— Играйте, Евгенія Ивановна! воскликнулъ Гриша, заслоня меня собою отъ ея взглядовъ: — мы будемъ сидѣть не двигаясь, какъ *умныя* дѣти. Я за себя ручаюсь, по-крайней-мѣрѣ: ни за что бы не всталъ я теперь отсюда.

И при этихъ словахъ другая его рука легла на мою талию.

У меня потемнѣло въ глазахъ отъ испуга. Мнѣ казалось, что всё смотрятъ, что всё видятъ. Евгенія Ивановна играла. Я не смѣла пошевелиться: смѣлость Гриши совершенно озадачилъ меня. Рука его сжимала мою талию, и онъ шепталъ мнѣ: «не сердись, не сердись же!»

Мое упорное молчанье заставило его, однако, перемѣнить позу; онъ отодвинулся и нахмурился.

Евгенія Ивановна заиграла польку.

— Хотите со мной туръ польки? сказала я Гришѣ, видя, что онъ слишкомъ-скученъ.

Онъ улыбнулся, взглянулъ мнѣ въ глаза съ любовью и опять сталъ веселъ, даже веселѣе прежняго.

Этотъ день сдѣлалъ на меня впечатлѣніе. Совѣтъ М... и выходка Гриши приходили мнѣ часто на память; но я вспомнила также и то, что первый поцалуй Гриша успѣлъ мнѣ дать разъ вечеромъ въ огромной библіотекѣ графини и что объ этомъ поцалуѣ узнали многіе. Правда, окно было отворено, библіотека освѣщена, а въ залѣ пила чай цѣлая толпа; но я обвинила Гришу и до этого памятнаго вечера была съ нимъ очень-осторожна.

Графиня уѣзжала черезъ недѣлю въ деревню на лѣто и брала меня съ собой. Моя испытанная мудрость рѣшила, что на недѣлю не опасно увлечься самой и позволить другому мной увлечь-

ся; тамъ разлука и время, Гриша слишкомъ—молодь—забудеть меня непремѣнно. Вы видите, я себя не оправдываю; но я не рассчитывала на глубину и продолжительность чувства въ немъ, я не предполагала ничего серьезнаго.

Теперь я понимаю, что только убѣжденіе въ невозможности продолжительнаго чувства съ его стороны заставило меня такъ долго не поддаваться моему чувству.

Недѣлю цѣлую позволила я въ себѣ молчать разсудку и волѣ; я поддалась прелести его ласковыхъ рѣчей—и мнѣ было, однако, весело всю эту недѣлю!...

Наканунѣ отъѣзда у меня опять навернулась мысль, что все это минутно, вздоръ, шутка; женская гордость шепнула мнѣ, что надо разубѣдить и его, и себя въ существованьи серьезнаго чувства, въ возможности глубокаго увлеченья. Я съ нѣкоторымъ цинизмомъ бросила ему нѣсколько фразъ; онъ отвѣтилъ смѣло, почти—дерзко. Меткость его отвѣтовъ меня восхитила—я протянула ему руку на *вѣчную дружбу*.

Онъ скорчилъ гримасу и задумался.

— Все равно, сказалъ онъ, помолчавъ: — я хочу завтра проститься съ вами безъ свидѣтелей.

— Изъ *дружбы* соглашаюсь, отвѣчала я, разсмѣявшись: — завтра въ четыре часа я буду одна, а въ пять мы выѣдемъ. Въ четыре графиня будетъ въ церкви.

Однако, онъ не пріѣхалъ. Мнѣ было это до-смерти досадно, тѣмъ болѣе, что я узнала причину такой непростительной неакуратности: онъ пировалъ гдѣ-то съ молодѣжью. Болѣе прежняго я рѣшила, что на глубокое чувство съ его стороны мнѣ нѣчего рассчитывать, что онъ еще не понимаетъ всей святости любви.

Мы уѣхали.

Увидѣлись мы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Я приняла съ нимъ совсѣмъ—другую методу обращенья. Мы были *друзья*; онъ былъ мой меньшой, мой балованный братъ, мы другъ другу повѣряли всѣ свои тайны и оттого покрывали другъ друга и помогали одинъ другому проказничать. Я выучилась любить Гришу съ безграничной нѣжностью за его свѣтлую душу, за ангельское сердце, которыя вполнѣ были открыты моему взору. Иногда онъ увлекался, летучая ласка выпадала мнѣ на долю; но я не поддавалась и не допускала его самого поддаться увлеченью. Мнѣ было страшно. Почему?...

Мнѣ было страшно потому, что чувствовала, что любить его могу сильно, сильно, а онъ весь принадлежитъ свѣту, его блеску, его привычкамъ. Я знала свѣтъ, я давно жила въ немъ и узнала, можетъ-быть, его хорошо именно потому, что свѣтъ со мной не церемонился и меньше притворялся передъ бѣдной дѣвочкой, нежели передъ богатымъ женихомъ. Гриша еще не успѣлъ имъ разочароваться. Лидія Петровна старалась поддержать въ немъ вкусъ къ блеску; зернышко тщеславія искусно было заброшено въ его свѣтлую душу. Я удивляюсь только, что такое небольшое деревцо выросло изъ него.

Какія блестящія барыни строили ему глазки! Гриша влюблялся безпрестанно, но въ день сердечной пустоты приходилъ ко мнѣ, своему другу, поговорить и, если можно, приласкаться. Мнѣ ужасно хотѣлось влюбиться тоже въ кого-нибудь другаго: мнѣ казалось, что тогда отношенія наши будутъ еще больше братскія; а то иногда мнѣ становилось грустно и неловко, когда я слушала его веселую исповѣдь. Досадно мнѣ потомъ становилось на себя за эту грусть. Я полюбила... да, мнѣ казалось, что я полюбила. Возбужденіе мое воздвигло пьедесталъ челоуѣку серьезному и холодному; но какимъ-то безстрастнымъ чувствомъ я полюбила его. Мнѣ хотѣлось рассказать объ этомъ Гришѣ; только мы долго не видѣлись и встрѣтились тогда уже, когда воздвигнутый мной самой кумиръ лежалъ давно въ пыли. Я улыбнулась, оглянувшись на это быстрое прошедшее, и не сказала ни слова Гришѣ: не стоило! Затѣмъ мнѣ нравились многіе, то-есть я старалась убѣдить себя, что мнѣ они нравятся... Но я пройду мимо этихъ минутныхъ впечатлѣній, свидѣтелемъ которыхъ былъ Гриша: мнѣ все хотѣлось увѣрить себя, что между имъ и мной любви не будетъ, и его я въ этомъ, какъ только и чѣмъ могла, увѣряла. Я не понимаю, отчего Лидія Петровна меня такъ ненавидѣла и боялась: я ей усерднѣе всѣхъ помогала удерживать Гришу отъ любви ко мнѣ.

Казалось мнѣ, что онъ не созданъ для борьбы и волненій, что жизнь его должна идти легко, вольно, свѣтло, а встрѣча со мной возбудить въ немъ серьезность. Нѣтъ, во мнѣ и во всей моей жизни было слишкомъ-много серьезной печали; встрѣча со мной для него лишнее. Я не хочу портить этой нарядной жизни!...

Дѣла графини нѣсколько разстроились: она уѣхала на два года въ деревню. Итакъ, мы съ нимъ должны были не видѣться два года. Гриша писалъ ко мнѣ. Въ небрежныхъ строкахъ этихъ рѣдкихъ-рѣдкихъ писемъ было много сердечной теплоты; но онъ въ-теченіе

этого времени влюблялся ужъ нѣсколько разъ и, разумѣется, бывалъ любимъ. Лидія Петровна стала ко мнѣ милостивѣй. Разумѣется, графиня не устояла въ благомъ намѣреніи прожить безвыѣздно два года въ деревнѣ: мы ѣздили въ Петербургъ на три мѣсяца зимой, и во все это время Гриша мнѣ много-много о себѣ рассказывалъ. Успѣхи его были многочисленны. Я была имъ довольна и недовольна; но живое участіе и нѣжная заботливость не измѣнили мнѣ ни разу. Вѣрно, за это онъ цѣнилъ и любилъ меня; а тамъ мы снова уѣхали доживать положенный срокъ.

Вокругъ деревни графини былъ расположенъ полкъ; слѣдовательно, недостатка въ молодыхъ людяхъ не было.

Съ первой встрѣчи одинъ изъ нихъ, Варыгинъ, сталъ окружать меня своимъ вниманьемъ; онъ казался мнѣ оригинальнымъ, а главное — искреннимъ. Онъ говорилъ обо всемъ серьезно, нѣсколько-рѣзко; оттого я въ немъ и не подозрѣвала возможности другаго чувства, какъ серьезнаго. Это предположеніе увлекло меня только не вдругъ, не тотчасъ: нѣтъ, нѣтъ! я прежде долго слушала тотъ пламенный языкъ, которымъ выражалась его серьезная любовь. Мало-по-малу я привыкла слушать Варыгина; мнѣ показалось, что вокругъ меня не такъ пусто, что жизнь моя полнѣе. Я думаю, что до моей встрѣчи съ Гришей — я говорю о моемъ чувствѣ къ нему — это была моя единственная любовь. Въ рукахъ своихъ Варыгинъ имѣлъ возможность довести меня до совершенной, истинной любви; но онъ не счумѣлъ этого сдѣлать. Онъ думалъ, что не слѣдуетъ поддаваться ни своему собственному чувству, ни волѣ любимаго существа; онъ ошибался: кто любить, тотъ не думаетъ такъ, тотъ не рассчитываетъ. Варыгинъ сознавалъ во мнѣ характеръ сильный, волю исполинскую, и, вмѣсто-того, чтобъ любить меня, вступилъ со мной въ бой, въ борьбу, въ состязаніе. Зачѣмъ? Я въ жизни уже немало боролась: мнѣ хотѣлось не борьбы, а отдыха. Этотъ человекъ измучилъ во мнѣ душу и, подконецъ, поступками своими и непониманьемъ меня оскорбилъ ее; но я ему простила. Только въ тотъ день, какъ я его простила, я отвернулась отъ него навсегда. Я и теперь еще не понимаю, какъ могла я такъ живо чувствовать, такъ горячо любить человека, подобнаго Варыгину! Не хочу лгать: я его временно любила. Въ сознаньи любви этой я видѣла новое подтвержденіе запавшей въ душу мысли, что Гришу я люблю тихой и нѣжной дружбой, и обрадовалась этому новому доказательству несказанно.

Графиня опять не вытерпѣла: опять мы на мѣсяцъ въ Петербургъ. Въ этотъ разъ я смѣло написала къ Гришѣ по городской почтѣ. Едва мы размѣстились по своимъ комнатамъ, я просила его прѣхать: я любила другаго, и потому не боялась высказать ему всю нѣжность своей братской привязанности и все нетерпѣніе мое его увидѣть. Онъ мнѣ братъ, другъ, дорогое, милое существо; но меня ужъ болѣе никто теперь не смѣетъ подозревать, что я кокетничаю, что я хочу увлечь Гришу, вскружить ему голову: *я люблю другаго*. Теперь, Гришенька, думала я, съ нѣкоторымъ торжествомъ, вы можете мнѣ смѣло рассказывать легучіе романы вашей беззаботной, молодой, игривой жизни: меня не будетъ терзать грустное чувство сдержанной ревности; мнѣ не будетъ отъ вашихъ признаній больно и тяжело. И я спокойно сошла въ залу ждать его прѣзда.

Позвонилъ кто-то сильно у дверей въ сумерки; я бросаюсь, я бѣгу смѣло и протягиваю къ нему руку.

— Душенька-Гришенька! говорю я ему съ восторгомъ, рассматривая милое лицо.

Я любовалась имъ и признавалась ему въ этомъ смѣло, и рука моя протянулась и поласкала невольно значительно выросшій, пушистый, вьющійся прихотливо усъ. Мы не видѣлись полтора года: Гриша очень возмужалъ.

Онъ мнѣ радовался, какъ ребенокъ.

— Ну, умница, что такая ласковая въ этотъ разъ! сказалъ онъ, осыпая поцалуями мои руки.

Мы усѣлись въ гостиной на маленькомъ диванѣ. Онъ рассказывалъ много, но все увѣрялъ, что скучалъ безъ меня; онъ не выпускалъ моихъ рукъ и безпрестанно улыбался своей плѣнительной улыбкой. Именно, лучше его улыбки я не знаю ничего въ мірѣ! Онъ пересыпалъ слова свои ласками, раза два налету поцаловалъ бандо моихъ волосъ и наконецъ, притянувъ меня къ себѣ близко за руки, хотѣлъ поцаловать и пытался заставить себя поцаловать. Я вдругъ вспомнила все и отклонилась быстро.

— Послушайте, Гриша, сказала я, понизивъ голосъ:— оставьте меня. Этого не слѣдуетъ дѣлать; я не должна вамъ позволять прежнихъ короткостей, потому-что люблю другаго.

— Вы любите другаго? воскликнулъ онъ съ недовѣріемъ, но, увидѣвъ серьезно-грустное выраженіе на лицѣ моемъ, замолчалъ.

— Я люблю другаго, повторила я:— и хотя этотъ другой, быть-можетъ, этого не стѣбитъ, но все же, пока я не убѣждена, что онъ разлюбилъ меня, я не въ правѣ позволять себѣ то, что ему было бы непріятно и больно : въ его отсутствіи, должна я точно такъ же поступать, какъ при немъ. Я уважаю права его чувства ко мнѣ и нарушу ихъ только тогда, когда навѣрное узнаю, что чувство это не существуетъ.

Гриша всталъ и отошелъ отъ меня.

— Однако, какъ вы его любите ! произнесъ онъ со вздохомъ и какъ-будто съ глубокой завистью.

Онъ сдѣлался грустенъ.

Передъ грустью Гриши я всегда была безсильна , а потому была готова просить у него прощенья въ томъ, что осмѣлилась полюбить другаго и сказать ему объ этомъ; впрочемъ, я думала, что ему это будетъ все равно.

Въ этотъ разъ мы пробыли въ Петербургѣ недолго. Гриша былъ постоянно очень-нѣженъ со мной. Часто позволяя себѣ какую-нибудь ласку, онъ вдругъ остѣнавливался и обращался ко мнѣ съ кроткимъ и грустнымъ вопросомъ. «Вѣдь этого бы мнѣ не позволили, можетъ-быть, если бы были тутъ! вѣдь имѣютъ право не позволить...»

И что же? тогда я сама спѣшила подойти къ нему и говорила: «Балованный ребенокъ! развѣ можно вамъ отказать, или запретить...» Странно! только передъ его прихотью исчезала моя воля, только передъ его грустью разбивалась совершенно моя сила; а я была увѣрена, что люблю другаго. Теперь я понимаю: я просто боялась, кажется, Лидіи Петровны и не смѣла любить ея сына. Я знала заранѣе, какое клеймо бросать тогда на меня. Но, видно, не въ волѣ моей было не любить его!...

Приѣхавъ въ деревню, я съ трепетомъ ожидала встрѣчи съ Варыгинимъ. На сколько я хотѣла убѣдить себя, что Гриша не можетъ любить еще серьезно и глубоко, на столько же старалась увѣриться, что Варыгинъ не умѣетъ шутить чувствомъ. Вышло иначе: въ Варыгинѣ все было слишкомъ-театрально для того, чтобы быть истиннымъ. Ложность его идей и невольная ложь чувствъ становились для меня все яснѣе и яснѣе; самолюбіе мое страдало наравнѣ съ сердцемъ. Напрасно я старалась удержать его подольше на пьедесталѣ, который ему охотно воздвигло мое обманутое воображеніе : человекъ этотъ падалъ, падалъ и наконецъ окончательно упалъ въ моемъ мнѣніи. Я ему это не-

умолимо дала почувствовать, не желая оставлять въ рукахъ его отрадной игрушки — убѣжденія, что я все жду его любви и люблю его, какъ въ ту пору, когда считала его другомъ человѣкомъ.

Быть-можетъ, Варыгинъ хотѣлъ бы меня уничтожить въ эту минуту, но не могъ! Мы разошлись, я—съ равнодушіемъ, онъ—съ какимъ-то темнымъ, недоумѣвающимъ чувствомъ...

А Гриша, между-тѣмъ, попрежнему, писалъ ко мнѣ. Письма его все становились нѣжнѣе, по-мѣрѣ приближенія срока нашего пріѣзда, и наконецъ, когда я ему написала, что графиня назначила отъѣздъ нашъ черезъ мѣсяцъ, онъ написалъ мнѣ такое страстное, такое безумное, горячее письмо, что я перепугалась. Мысль, что мы будемъ видѣться опять ежедневно и что любовь не принадлежитъ къ числу тѣхъ чувствъ, которыя могутъ оставаться постоянно въ одномъ положеніи, никогда не идти далѣе, не подвигаться впередъ — мысль, что, переходя отъ ласки къ ласкѣ, мы можемъ уйти слишкомъ-далеко, когда уже остановиться будемъ не въ-силахъ, заставляла меня отвѣчать Гришѣ тономъ разоблачающей наше положеніе истины. Къ-тому же, еще живо было во мнѣ воспоминаніе моего разочарованія и тверда была рѣшимость избѣгать любви. Я вздумала разграничить наши отношенія прежде, нежели мы увидимся. Я писала ему, чтобы онъ смотрѣлъ на меня какъ на друга и искалъ во мнѣ друга, но чтобы всѣ страстныя мечты его разъ навсегда были обращены къ другимъ предметамъ. Однако, я чувствовала, что, еслибъ я была богата и знатна, или какой-нибудь непобѣдимой красоты, я бы имѣла тогда право любить его, что тогда никто бы сюда не вмѣшался; но молодость, богатство и красота были на его сторонѣ. Гордость моя возмущалась при мысли, какой только видъ дастъ всему Лидія Петровна, если когда-нибудь узнаетъ о любви нашей. Запятнать, заклеить святое чувство ничего не значить, и въ чемъ же, кромѣ самаго этого чувства, будетъ мое оправданіе, и кто же приищеть это оправданіе, кромѣ самаго Гриши, а въ немъ развѣ устоитъ сердце, уцѣлѣетъ любовь, развѣ не содрогнется воображеніе отъ всѣхъ тѣхъ обвиненій, которыя падуть на меня.

Я изучила Лидію Петровну и понимала, до какой степени безпощадности она можетъ дойти въ-отношеніи меня. Я содрогнулась, я чувствовала что мѣра униженій, которымъ подвергнутъ меня, переполнить мѣру моей душевной твердости и силы, и потому я не хотѣла, я ни за что не хотѣла любви Гриши!

Написавъ къ нему это холодное, обсуживающее неумолимо наше положеніе и нашу будущность письмо, я успокоилась совершенно. Гриша былъ предваренъ, границы для насъ были назначены; я не боялась свиданія, до котораго намъ еще оставался цѣлый мѣсяцъ. Гриша не отвѣчалъ на письмо мое и не писалъ ко мнѣ болѣе ни разу.

Мы пріѣхали опять на постоянное жительство въ Петербургъ. Графиня цѣлые дни была занята съ обойщиками, мебельными мастерами и разными другими лицами, работавшими надъ украшеніемъ ея палаты. Она разсѣянно дала поцаловать руку Гришѣ и сказала: «Не мѣшай мнѣ; пойди въ комнату Лѣли, посиди съ ней».

Онъ не заставилъ повторить этого и бросился бѣгомъ ко мнѣ. Помню, что я было-собралась со двора и выходила въ шляпкѣ изъ своей комнаты, когда Гриша очутился передо мной. Я видѣла только его улыбку, чувствовала, какъ онъ жалъ и цаловалъ мои руки, но не говорилъ ни слова. Я старалась посмотреть ему въ глаза; но въ передней было темно, и я ввела его въ свою комнату, сняла шляпку и спросила свѣчей.

Мы сѣли рядомъ. Я облокотилась на столъ и любовалась своимъ гостемъ.

— Можно ли было написать ко мнѣ такое письмо? сказалъ онъ вдругъ.

— Я должна была, отвѣчала я съ удареніемъ въ голосъ и посмотрѣла ему прямо въ глаза.

— Вы мнѣ сдѣлали большое зло, проговорилъ онъ тихо.

— Не думаю. Вспомните хорошенько это письмо: въ немъ говорилъ съ вами другъ; онъ только предостерегалъ васъ, въ чемъ слѣдовало.

— Совсѣмъ этого не нужно было! воскликнулъ Гриша тономъ раздосадованнаго ребенка.—Но, впрочемъ, пойди сюда... пойди же сюда! прибавилъ онъ, пользуясь тѣмъ, что мы шутя говорили иногда другъ другу ты, взявъ меня за плечо и притягивая къ себѣ.—Ну, что тебѣ значитъ меня поцаловать? Не-уже-ли меня сегодня даже не поцалуютъ? и это послѣ такой долгой разлуки...

Въ этомъ человѣкѣ было нѣчто обаятельное, недопускающее сопротивленія: я улыбнулась и исполнила его требованіе.

— Милая моя, добрая! воскликнулъ онъ: — вотъ такъ давно бы! Вѣдь я знаю, прибавилъ онъ печально: — что это вы только для меня, что вамъ все равно и даже не хотѣлось бы, но я

шелъ къ вамъ именно съ рѣшимостью попросить у васъ всего одинъ такой вечеръ, какъ тѣ, которые проводилъ я подлѣ васъ въ послѣдній вашъ минутный прїѣздъ. Ты у меня такая добрая: я зналъ, что пожалѣешь своего Гришу! — И онъ гладилъ рукой мои волосы. — Потомъ, ужъ нечего дѣлать, поступай какъ хочешь, но хоть одинъ этотъ вечеръ ласкай и люби меня. — Онъ покрывалъ горячими поцалуями мои руки. — Стыдно, стыдно писать такія письма, сударыня! Ваше письмо надѣлало мнѣ много зда.

И онъ вздохнулъ и отвернулся.

— Какое же зло оно могло тебѣ сдѣлать? спросила я ласково.

— Ну, слава Богу, что ты мнѣ не говоришь *вы* хоть сегодня!

Онъ поцаловалъ опять мою руку съ жаромъ и видимой радостью.

— Нѣтъ, ты славная, ты умница, ты добрая!

— Увѣряю васъ, Гришенька, что я для васъ и для себя должна была открыть вамъ немножко глаза, сказала я, нѣжно сжимая его руки въ своихъ.

— Хорошо вы мнѣ открыли глаза, нечего сказать! Знаете ли, чтó я подумалъ, читая ваше письмо? что вы кокетка, пошалили немножко, позабавились, но что никогда меня не любили, что теперь вы говорите мнѣ *довольно*, и все только оттого, что я ужъ болѣе васъ не занимаю, надоѣлъ вамъ, или что вы, чего-добраго, собираетесь замужъ! Разумѣется, я взбѣсился... ужъ какъ взбѣсился на васъ! Я только и думалъ, какъ бы васъ забыть... Впрочемъ, я теперь съ вами и не хочу ни о чемъ болѣе думать!

Онъ опять осыпалъ меня ласками. Не знаю, можетъ-быть, мнѣ слѣдовало поступать съ нимъ иначе; но это было единственное существо, которое дорожило моей привязанностью, просило моей ласки, меня ласкало и цѣнило не тѣкъ, какъ цѣнили меня другіе. Всякому сердцу нуженъ отдыхъ, всякому челоуѣку нуженъ живительный лучъ отрады! Пусть судятъ меня равнодушные: я чувствую, что это осужденіе не упадетъ на мою голову, а пролетать мимо.

Пять дней я была счастлива... даже смѣло могу сказать: *мы* были счастливы. Я давно уже не видѣла Гриши такимъ безпечнымъ и веселымъ. Я перестала разсуждать, предусматривать: я вся предалась счастью видѣть неугасающую улыбку на его плѣнительныхъ губахъ. «Гришенька доволенъ, кажется, и счастливъ!» говорила я себѣ. «Не будемъ ни о чемъ болѣе думать!»

Но Гриша пришелъ какъ-то грустный и озабоченный. Странно для меня было видѣть заботу въ этихъ темныхъ, съ тихимъ свѣтомъ глазахъ, въ этихъ кроткихъ, ласкающихъ глазахъ, грусть и принужденность въ этой необыкновенно-мягкой и свѣтлой улыбкѣ. Я думала, что его разсердили дома сестры, или Лидія Петровна, и не допытывалась; но онъ нашелъ удобную минуту и шепнулъ мнѣ:

— Можно ли будетъ васъ сегодня видѣть наединѣ? Мнѣ очень-нужно съ вами поговорить.

Я взглянула на него. Передъ желаньемъ успокоить его, все стихло, все замолкло и замерло во мнѣ.

— Можно, сказала я.—Графиня ложится ранѣе двѣнадцати; а я останусь до часу. Пріѣзжайте позже другихъ и, на правахъ домашняго, оставайтесь со мной послѣ-того, какъ она уйдетъ къ себѣ въ спальную. Если хотите, оставайтесь даже теперь; но это будетъ слишкомъ-долго!

— Нѣтъ, я лучше уѣду! воскликнулъ онъ. — Мнѣ черезчуръ-тяжело: лучше уехать и пріѣхать опять... Можетъ-быть, во мнѣ тогда будетъ больше твердости...

Онъ вышелъ. Вся моя веселость угасла въ-минуту: я думала только о его грусти и ломала себѣ голову, заранѣе стараясь угадать ея причину.

Въ половинѣ одиннадцатаго слухъ мой еще издали узналъ его походку. Сердце страшно забилося; но я себя превозмогла и, приидя въ веселый видъ, выбѣжала навстрѣчу. По обыкновенію, я хотѣла къ нему приласкаться; но онъ тихо отвелъ руку, которая легла на его плечо.

— Постой! Не ласкай меня! произнесъ онъ отрывисто, а потомъ спросилъ: — что тетушка?

— Ушла къ себѣ пять минутъ назадъ. Я именно была рада, что мы будемъ совершенно одни...

— Да, это хорошо, отвѣчалъ онъ съ озабоченнымъ видомъ.

Мы вошли въ гостиную. Онъ стоялъ и осматривался боязливо.

— Садитесь, сказала я, усиливаясь возбудить въ себѣ и въ немъ веселье.

Онъ сѣлъ. Я поцаловала его въ лобъ и хотѣла сѣсть съ нимъ рядомъ на диванъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! проговорилъ онъ грустно и ласково:— сядь тамъ немножко-дальше и слушай меня...

Я сѣла въ одно изъ креселъ, стоявшихъ подлѣ дивана, и при-

готовилась слушать; но онъ молчалъ и глядѣлъ куда-то вдаль. Я не забуду печальнаго выраженія его глазъ.

— Да чтó тутъ говорить! вдругъ произнесъ онъ, какъ-будто отвѣчая на свою собственную, невысказанную имъ мысль:—лучше всего, возьми это, прочти.

Говоря такимъ образомъ, онъ досталъ изъ боковаго кармана письмо и подалъ мнѣ.

Я взяла изъ рукъ его пакетъ, но глядѣла съ недоумѣнiемъ на Гришу и не рѣшалась достать изъ пакета письмо.

— Читай же! повторилъ онъ чуть-слышно.

Глаза мои были поражены женскимъ почеркомъ; въ ухахъ зашумѣло; я бессознательно пробѣгала сжатые строки этого письма, писаннаго, разумѣется, по-французски и самымъ красивымъ англійскимъ шрифтомъ. Письмо было раздушено, бумага, какъ атласъ. Положимъ, это мелочи; но онѣ привлекли мое вниманiе и дали мнѣ тотчасъ убѣжденiе, что эта женщина будетъ всегда думать гораздо-болѣе о себѣ, нежели о немъ, вообще болѣе всего заниматься внѣшностью. Словомъ, отъ этого письма дышало какимъ-то женскимъ фарисействомъ.

Кажется, она писала ему самыя страстныя фразы; но я ихъ не помню, потому-что читала только глазами и дочитать письма не могла до конца. Впрочемъ, дочитывать было бы совершенно-лишнимъ, потому-что я уже болѣе ничего не понимала. Столъ, свѣчи и строчки этого письма задвигались, затолкались, заплясали передъ моими глазами нестерпимую сарабанду. Я помнила только, что есть женщина, которая вправѣ къ нему писать все это, вправѣ ѣхать туда, гдѣ онъ, вправѣ прiѣхать, и что она прiѣдетъ! Я сложила письмо, не дочитавъ его, и отдала Гришѣ.

— Развѣ ея нѣтъ въ Петербургѣ? спросила я, стараясь казаться спокойной.

— Она уѣхала къ мужу, но обѣщала мнѣ убѣдить его, что для воспитанiя маленькой дочери надо ей прiѣхать на зиму въ Петербургъ. Ты видишь, что она въ этомъ успѣла. Она очень-умна и ужасно меня любитъ!

Эта послѣдняя фраза больно ударила меня въ сердце. Я именно почувствовала отъ нея странную физическую боль. Она его любитъ; но развѣ она можетъ такъ любить? Неправда, она ошибается, она его совсѣмъ иначе, а не такъ любить! Она умна! Да, въ этомъ я не сомнѣвалась: умна для себя, умна разсчитанно. Мнѣ вдругъ стало жаль Гришу, его сердца, потомъ стало

жалъ себя. Я сознала, что у меня къ нему не та привязанность, не привычка и нѣжная заботливость: я въ эту минуту наконецъ себя сказала, что я себя безумно, страшно обманывала. Но губы мои оледенѣли: я не произнесла ни слова и только глядѣла на Гришу, не сводя съ него глазъ.

Онъ былъ печаленъ.

Вотъ за эту печаль... понимаете ли вы, за эту печаль?... мнѣ такъ и хотѣлось опуститься передъ нимъ на колѣни и выплакать, припавъ горячими губами къ рукѣ его, всѣ силы своего истерзаннаго сердца! Но какъ бы понялъ онъ это? какъ мольбу любви, быть-можетъ, и когда же? въ ту минуту когда онъ говорилъ мнѣ о любви другой женщины, послѣ-того, какъ я столько лѣтъ отталкивала его любовь!

Я молчала, молчала, сидѣла не шевелясь; въ глазахъ ни слезинки; чувствовала только, что лицо мое стынеть, становится мраморнымъ, а вмѣсто сердца—тяжелый и холодный камень въ груди.

Въ нашемъ молчаніи была смертная тоска. Я боялась, чтобъ Гриша не подумалъ, что я его осуждаю и отворачиваюсь отъ него съ пренебреженіемъ за это новое увлеченіе, какъ за доказательство его слабости.

— Гриша, голубчикъ, скажите мнѣ только, пріѣздъ ея васъ сдѣлаетъ счастливымъ?

Говоря это съ нѣкоторымъ усиленіемъ, я старалась, чтобъ въ лицѣ моемъ ничего не было, кромѣ ласки; но я чувствовала, что тревожная ласка, страхъ и трепетъ за человѣка, который былъ мнѣ гораздо-дороже, нежели я думала, слышались и въ словахъ моихъ, и въ голосѣ.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ тихо и опустивъ глаза: ему было тяжело смотреть на меня.

Вѣрно, я, въ-самомъ-дѣлѣ, была страшна: дотронувшись нечаянно до своего лица, я почувствовала, что оно у меня холоднѣе мрамора. Для его добраго сердца я была невыносима—жалка.

— Еще вопросъ, Гриша, продолжала я—и голосъ у меня дрожалъ сердечной мольбой—одинъ вопросъ. Позволишь?

— Говори, сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

— Скажи правду, ты ее любишь?... только правду мнѣ скажи!

Отвѣта на этотъ вопросъ я ожидала, какъ своего смертнаго приговора. Я была убѣждена, что если даже въ Гришѣ и нѣтъ къ ней чувства, или страсти, то все же онъ постарается непремѣн-

но ее выказать, чтобъ найти въ глазахъ моихъ оправданіе, чтобъ я могла простить силѣ его увлеченія слабость его характера; я была убѣждена, что Гриша тутъ-то и заплатитъ дань молодости и хоть сколько-нибудь постарается драпироваться передо мною въ пылъ восторга, въ огонь страсти, не думая вовсе о томъ, какіе удары нанесетъ онъ этимъ моему израненному, мученному сердцу. Притаивъ дыханіе, я ждала его отвѣта.

Но Гриша инстинктомъ понималъ всю торжественность минуты; чистая душа его не хотѣла нарушить ея искусственностью, или ложью.

— Чтѣ мнѣ тебѣ сказать? произнесъ онъ грустно:—я самъ себя не понимаю. Дѣ, мнѣ еще кажется, что я ее какъ-будто люблю!

Голова моя опустилась на грудь; силы оставили меня на-мгновение; я подавила горькій вздохъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ поднялъ глаза свои, эти ласкающіе, добрые, съ тихимъ свѣтомъ глаза: я почувствовала его взглядъ и старалась смотрѣть на него съ спокойствіемъ и лаской.

— Послушай, началъ онъ:—видно, судьба ужъ такая! Вѣдь я тебя давно любилъ и говорилъ тебѣ не разъ объ этомъ. Ты вѣрить не хотѣла—и оттолкнула меня.

— Мнѣ было страшно вѣрить, произнесла я, пересѣвъ къ нему поближе и прижавъ горячія губы къ его рукѣ.

Онъ не отнималъ своей руки и другой рукой гладилъ печально мои волосы.

— Я не хочу себя оправдывать, говорилъ онъ:—не хочу; но твое письмо сдѣлало все это зло. Когда я получилъ его, знаешь ли, чѣмъ оно мнѣ показалось?—отставкой. Знаешь ли, чѣмъ ты мнѣ показала?—кокеткой. Я былъ униженъ, оскорбленъ; свиданіе со мной тебя пугало, моей любви ты больше не хотѣла! Ты меня чуждалась, ты мнѣ совѣтовала искать развлеченій, желала, чтобъ я влюбился, отдалъ свои чувства другой... не правда ли, вѣдь все это было въ твоемъ письмѣ?

— Дѣ, Гриша, все это было, я, точно, боялась теперешняго свиданія, я не хотѣла любви: не мнѣ суждено васъ любить! Я хотѣла быть разсудительной, сильной для васъ же и отчасти для себя, разсудительной за двухъ, сильной за двухъ. Я не знала, что мнѣ будетъ такъ тяжело, не думала, что я васъ такъ... Я остановилась на-минуту, боясь все сказать, и торопливо прибавила:—что я васъ такъ полно *мону любить*. Теперь ужъ поздно; но только теперь я понимаю, что вы именно то существо, къ ко-

тому на жизнь... именно на всю жизнь... я могу привязаться и отдаться любви этой всѣмъ существомъ.

У меня глаза были полны слезъ; а потому я не смѣла говорить болѣе и не смѣла глядѣть на него.

— А я, получивъ письмо, прервалъ онъ, не замѣтивъ моего страшнаго состоянія:—я былъ внѣ-себя. Въ этотъ же вечеръ я участвовалъ въ шумной оргіи. На другой день былъ балъ: первое лицо, которое я встрѣтилъ на этомъ балѣ, была вотъ она.—И онъ показалъ на письмо, лежавшее еще передъ нами на столѣ.—Мы съ ней встрѣчались прежде, и она со мной кокетничала. Я ей оказывалъ свѣтское вниманіе, она мнѣ нравилась болѣе другихъ, а главное—я чувствовалъ, что нравлюсь ей. Далѣе этихъ отношеній я не шелъ до твоего письма. Но ты сама мнѣ написала, ты совѣтовала влюбиться, искать развлеченій, для тебя я былъ ребенокъ, мальчикъ, который тебѣ надоѣлъ; а эта женщина... Я вошелъ въ залу, когда она что-то рассказывала, и она остановилась на полусловѣ, у ней руки опустились, она поблѣднѣла. Все это не скрылось отъ моихъ глазъ. Я подошелъ къ ней тотчасъ; цѣлый вечеръ мы не расставались и уѣхали съ бала вмѣстѣ...

Онъ подумалъ съ-минуту, какъ-будто отданъ былъ весь своимъ воспоминаніямъ, и продолжалъ:

— Странно! Я съ ней, однако, легко расстался, и когда думалъ, что скоро увижу тебя, чувствовалъ искреннюю, сильную радость. Узнавъ, что ты пріѣхала, я, какъ сумасшедшій, побѣжалъ скорѣе посмотрѣть на тебя. Я все забылъ и въ эти дни ни разу о ней не думалъ. Мнѣ казалось, что она не пріѣдетъ, что ей не удастся... Послушай: завтра я уѣду въ Петергофъ на нѣсколько дней—дѣла тамъ есть у меня—я пробуду тамъ цѣлую недѣлю. Я думаю, ты и я привыкнемъ оба къ мысли...

И Гриша всталъ, не договоривъ своей фразы.

— Прощай; пора; ужъ поздно! сказалъ онъ, показывая мнѣ часы.

Я осмотрѣлась: насъ никто не могъ видѣть.

— Прощай, Гриша! прощай, другъ!—И я стремительно прижалась къ груди его.—Пожалуйста, не уѣзжайте завтра, не повидавшись со мной... вѣдь это просьба друга... пожалуйста! говорила я съ тоскливой мольбой.

— Я ѣду въ девять часовъ: не рано ли будетъ? произнесъ онъ, поцаловалъ меня въ лобъ.

— Я буду готова. Пожалуйста, не отказывайте!

Говоря это, я чувствовала, что если онъ мнѣ откажетъ, то я расплачусь, разрыдаюсь, что долѣе я выносить не въ-силахъ своего напряженнаго состоянія.

Понялъ ли онъ, какъ страшно ныло мое сердце, не знаю; только онъ посмотрѣлъ мнѣ пристально въ глаза и сказалъ:

— Ложитесь спать и спите. Я завтра заведу проститься съ вами.

Опять онъ поцаловалъ меня въ лобъ, въ обѣ руки, и вышелъ.

— Ложитесь спать и спите, повторила я машинально и пошла со свѣчей въ свою комнату.

Горничная сняла съ меня платье. Я подошла къ кіоту, опустилась на колѣни, хотѣла молиться—и вдругъ рыданія, страшныя, оглушительныя рыданія вырвались изъ груди моей. Я вытянула руки, подняла глаза къ свѣтлому, невозмутимому лику и замерла такъ на колѣняхъ: слезы лились, рыданія надрывали грудь; словъ не было. Чтò я могла сказать? просить пощады и силы? Богъ видѣлъ, что мнѣ были нужны пощада и сила. Я не молилась, а твердила: «Господи, Господи, ты видишь, какъ я люблю его. Отчего же до-сихъ-поръ я не понимала, что такъ его люблю? Я не хотѣла, я не искала, не старалась увлечь, взволновать, зажечь его сердце! Ты мнѣ посылаешь отраду и счастье въ этой любви, а я сама разрушила свое счастье...»

И, уничтоженная, подавленная этой мыслью, я утопала въ слезахъ. Потомъ вдругъ срывалась я съ колѣнь и быстро ходила по комнатѣ; страшный приливъ страсти, отчаянія и ревности поднималъ высоко мою грудь, и, ломая руки, я твердила: вѣдь я люблю его!... Тогда мнѣ хотѣлось увидѣть эту женщину и сказать ей, что я ее ненавижу, что она его не любитъ, что она никогда не любила, что все это вздоръ, что она любить его не имѣетъ никакого права... И снова казалось мнѣ, что я упаду передъ ней на колѣни и скажу ей: «У васъ общественное положеніе, состояніе, блистательное имя, связи, у васъ есть льстецы и рабы, у васъ есть привязанность, потому—что у васъ есть старушка—мать, у васъ есть ребенокъ, вы не одиъ, и вы никогда не будете одиъ, потому—что у васъ страсть къ нарядамъ; душа ваша полна тщеславія, и вы всегда найдете, чѣмъ его удовлетворить, потому—что въ мірѣ и въ обществѣ вы поставлены совсѣмъ—иначе, нежели я. Чего хотите вы? романа? его легко создать, легко найти; выбирайте только кого-нибудь другаго, оставьте мнѣ Гришу: у меня ничего нѣтъ, кромѣ его! Оставьте мнѣ его любовь: она можетъ и должна быть моею. Я не смѣла,

я не позволяла себѣ его любить именно потому, что боялась слишком-рано отмѣтить серьезной чертой его молодую, нарядную жизнь. Я не смѣла любить, безумная я, безумная!... А вы идете играть чувствомъ, опутывать кокетствомъ...» И опять отъ этого порыва я переходила къ слезамъ и молитвѣ. Глаза мои открылись вдругъ, сознание пробудилось: я любила его всею силой долго-сдержаннаго, подавленнаго, непризнаннаго чувства. Поразительна, въ-самомъ-дѣлѣ поразительна природа современнаго челоука: во всемъ нуженъ для него рѣшительный толчокъ; иначе сознание не пробудится. Я только спрашивала себя, какъ могла я до-сихъ-поръ думать, что не люблю Гриши!... Или боязнь Лидіи Петровны такъ оледенила меня? При одномъ воспоминаніи о Лидіи Петровнѣ, я вся задрожала.

Къ утру первый порывъ моего отчаянья стихъ нѣсколько: я могла разсуждать яснѣе съ собой, могла говорить. Мнѣ хотѣлось проститься съ Гришей не иначе, какъ объяснивъ ему себя; но я чувствовала, что въ присутствіи его я опять начну плакать и черезчуръ растрогаю себя и его. Въ сердце его я постоянно и несомнѣнно вѣровала — я рѣшилась написать все тѣ, что еще хотѣла сказать ему.

Есть лица, несозданныя для грусти; есть глаза, несозданные для слезъ: мнѣ живо представились лицо и глаза Гриши. «Я не заставляю васъ плакать!» произнесла я невольно и смѣла писать къ нему.

Я говорила ему, что мое воспоминаніе не должно быть никогда для него упрекомъ; просила его не раскаяваться въ своей довѣрчивости и искренности. Я говорила ему, почему до-сихъ-поръ такъ старалась бороться съ своимъ чувствомъ; но даже и тутъ вовсе не касалась при этомъ его матери: такъ-какъ я старѣе его, то всѣ слѣдствія нашей любви пали бы на мою отвѣтственность; такъ-какъ я бѣдна, то, сблизившись съ нимъ совершенно, я вынуждена была бы покориться роли, которая мнѣ не по характеру: онъ заботился бы обо мнѣ, онъ имѣлъ бы тогда на это право, или, лучше сказать, я уже не имѣла бы права оттолкнуть его руку. Еслибъ я была богата... нѣтъ, еслибъ только я была богаче! но я жила изъ милости, пользовалась дарами жизни изъ милости. Графиня, отодвинувшись отъ меня, толкнула бы меня окончательно и прямо къ его ногамъ, а я... Нѣтъ, надо любить болѣе своей совѣсти, своихъ вѣрованій, душевнаго спокойствія, чести, надо самоуничтожиться въ своемъ чувствѣ и по-

ставить любимого человека на ряду съ неземнымъ существомъ, чтобъ при моихъ правилахъ покориться подобной роли... Я не знала, что могу его любить до такой степени и что не будетъ жертвы, передъ которой я бы для него остановилась! Въ письмѣ своемъ я говорила ему, что любовь принадлежитъ къ предметамъ роскоши, что на нее имѣютъ право только богатые. Я говорила, что боялась связать его относительно меня словомъ *долгъ*, а женой его быть я не могла, не должна была и думать объ этомъ, потому-что тогда нашлись бы люди, которые вмѣшались бы и разрушили наше счастье. Я прощалась съ нимъ, какъ съ предметомъ самаго сильнаго изъ моихъ чувствъ, и общала ему побѣдить себя и быть для него вѣчно самоотверженнымъ другомъ; но въ этотъ единственный разъ я позволила себѣ высказать ему, что до-сихъ-поръ не понимала себя, что всегда, всегда безумно, безгранично, безусловно его одного любила, но что счастье его и спокойствіе мнѣ были дороже моего счастья. Кромѣ-того, я въ нѣсколькихъ словахъ сдѣлала для него яркій очеркъ своей прежней бѣдной жизни. Мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ яснѣе понялъ, почему я не смѣла его любить, что не кокетка я вовсе, а просто порой покорялась обаянью его красоты и милаго нрава, и снова разсудокъ да гордость брали верхъ надъ моимъ увлеченіемъ. Въ заключеніе письма я прощалась съ нимъ и просила не грустить нисколько обо мнѣ... Сколько помню, въ этомъ заключалось все мое письменное объясненіе, послѣднее и окончательное, какъ я думала тогда, съ Гришей. Не знаю, право, какъ объяснить свои чувства: въ ту минуту я была рѣшительно похожа на няньку, которую больно ушибъ ея балованный питомецъ, но которая кричать не смѣетъ, чтобъ не перепугать ребенка.

Когда я кончила письмо, мнѣ сдѣлалось легче: я могла подойти опять къ образамъ и помолиться горячо, и въ этотъ разъ ужъ просто о счастья единственнаго существа, дорожившаго столько времени мною и безразсечно желавшаго моею любовью.

Въ девять часовъ утра Гриша позвонилъ у подъезда. Я его ждала давно. Лицо мое было блѣдно, но спокойно. Помню, что послѣдніе дни октября стояли на дворѣ, что снѣгъ съ дождемъ падалъ на землю, вѣтеръ уныло завывалъ въ трубы. Помню я все это, какъ картину, дополнявшую мое собственное состояніе. Утомленія на лицѣ Гриши не видно; но онъ грустенъ. Я была ему признательна за эту грусть: еслибъ онъ вошелъ съ обык-

новеннымъ своимъ беззаботнымъ видомъ, мнѣ было бы больно, досадно и оскорбительно.

— Я не могу медлить, сказалъ онъ, входя: — со мной ѣдетъ мой эскадронный командиръ. Онъ на квартирѣ у меня дожидается моего возврата.

Тутъ онъ вѣжно поздоровался со мной.

— Благодарю, что пришелъ, сказала я. — Вотъ, Гришенька, продолжала я, вынимая сложенный листокъ: — возьмите съ собой это. Тамъ на досугъ прочитаете.

Его какъ-будто что-то укололо въ сердце.

— Нѣтъ, позволь мнѣ прочитать здѣсь, проговорилъ онъ, глядявываясь въ меня внимательно.

И, не дожидаясь моего отвѣта, онъ сѣлъ къ окну. Я ушла на диванъ и, подперевъ руками голову, опустившись грудью на столъ, слѣдила за выраженіемъ его милого лица печальнымъ взоромъ.

Гриша прочелъ первыя строчки и посмотрѣлъ на меня.

— Пойди сюда, сказалъ онъ.

Но я не трогалась. Тогда онъ оставилъ свое мѣсто и сѣлъ подлѣ меня.

Онъ продолжалъ читать письмо мое, положивъ мнѣ руку на плечо, и, по-мѣрѣ-того, какъ читалъ, потихоньку притягивалъ меня къ себѣ все ближе-и-ближе и постепенно все крѣпче прижималъ меня къ своей высоко-поднявшейся груди.

Чтоъ сталося со мной, когда вдругъ услышала я, какъ медленно упали крупныя слезы изъ его милыхъ глазъ на письмо мое! Вѣдь надо мной еще никто не плакалъ!...

И вы думаете, можетъ-быть, также тѣ, что думаютъ всѣ—увлеченіе страстно! Нѣтъ, вы должны понять, какимъ образомъ любила я Гришу.

Все это картины, картины. Я не умѣю разсуждать; я не знаю, почему и какъ и для чего случилось, а вотъ просто вижу все это даже теперь, въ эту минуту.

Гриша всталъ и положилъ письмо въ карманъ.

— Благодарю, сказалъ онъ, съ глубокой грустью.

Я обвилая руками вокругъ его шеи.

— Прощай! прощай, говорила я, задыхаясь отъ слезъ и волненія.—Простись же со мной хорошенько, Гриша! Я въ эту минуту прощаюсь съ человѣкомъ, котораго люблю больше жизни; я прощаюсь съ тобой, какъ-будто ты уѣжаешь далеко и навсегда.

Голубчикъ мой, ангелъ! Прощай!... Для меня ужъ ты никогда не возвратишься!...

Я была внѣ-себя отъ горя.

Вдругъ онъ сильно обнялъ меня, откинулъ голову мою назадъ, посмотрѣвъ мнѣ прямо и свѣтло въ глаза.

— Нѣтъ, это не можетъ такъ остаться, воскликнулъ онъ : — мы увидимся! Я возвращусь!...

И онъ вышелъ торопливо, оставивъ меня посреди комнаты съ замершимъ голосомъ, съ застывшими слезами, съ неясной какой-то надеждой. Изъ окна я еще видѣла нѣсколько минутъ его фуражку. Онъ удалялся медленно...

ТЕТРАДЬ II.

Эта женщина не пріѣхала. Я не спрашивала о ней; мы вовсе о ней не говорили,

Черезъ мѣсяць онъ меня спросилъ :

— Что жъ ты не спрашиваешь меня, отчего *я* нѣтъ до-сихъ-поръ, и пріѣдетъ ли *она*.

Я вздрогнула и молчала, вперивъ въ него вопрошающій взглядъ.

— Она не пріѣдетъ, сказалъ онъ съ счастливой улыбкой. — Хочешь прочитать?

И онъ подаль мнѣ письмо, въ которомъ его увѣдомляли объ отъѣздѣ за границу.

Я молча прижала его къ груди своей съ глубокимъ чувствомъ признательности. Съ этого дня я стала болѣе вѣрить въ возможность счастья...

Конечно, въ прочность счастья не слѣдуетъ вѣрить; но вѣдь охотно вѣрится тому, чего желаешь !

Настало для меня время какого-то баснословнаго счастья: Гриша считалъ преступленьемъ вызвать меня хоть на одинъ печальный вздохъ, хоть на одну грустную мысль... Боже мой, Боже мой! какой сильной вѣрой скрѣплялась тогда постепенно моя любовь къ нему ! Я повѣрила, что меня будутъ всегда такъ жалѣть и беречь...

Любить нетрудно; да вѣдь на любовь никто и не напрашивается : любовь намъ даютъ сами, и, пока мы нравимся, насъ охотно ласкаютъ. Но вотъ, когда тише и рѣже становятся порывы страсти, когда жажда ласки меньше, тогда надо, чтобы по-

жалѣли нашу душу и сберегли наше спокойствіе, поддержали въ насъ вѣру; тогда страшно, чтобы не сдѣлались мы просто вещью, которую привыкли только имѣть часто передъ глазами, не болѣе... да, вотъ это трудно, вотъ такое счастье рѣдко!

За подобное счастье ручалось мнѣ сердце Гриши—я повѣрила его сердцу. «Дороже меня и моего спокойствія у него ничего не будетъ въ мірѣ», сказала я себѣ съ гордостью.

Всѣми силами отдалась я своей любви, и Гриша всякій день изобрѣталъ какое-нибудь новое доказательство любви и своей способности наполнять безпрестанно новой признательностью мою больную душу.

Я не просила его разорвать связи съ воспоминаніями прошедшаго, не смѣла просить: онъ самъ отгадалъ это своимъ ангельскимъ сердцемъ, онъ всякую минуту доказывалъ мнѣ, что я, все я, и я одна, теперь главная забота его сердца.

Послушайте! я въ эту минуту невольно преклоняю колѣни со слезами передъ памятью этихъ недолгихъ дней; а, между-тѣмъ, вѣдь у меня было время и была возможность истратить всю мою чувствительность до-сихъ-поръ...

Въ свѣтѣ мы были осторожны; пошлаго волокитства, глупаго божетства между нами не было; въ свѣтѣ мы даже мало были вмѣстѣ и, такимъ-образомъ, не давали повода слѣдить за нами.

Не понимаю, какимъ-образомъ Лидія Петровна своими сверкающими всегда грозно при взглядѣ на меня глазами подмѣтила и увидѣла то, чего никто еще не видѣлъ и не замѣчалъ.

Графиня она не сказала ни слова, но стала всѣми мѣрами удалять отъ меня Лизу и Каташъ; обращеніе ея со мной сдѣлалось еще повелительнѣе и надменнѣе, и заглаза, въ присутствіи сына въ-особенности, не было насмѣшки, которой бы она меня не подвергала. Чего боялась она? Не-уже-ли могла она думать, что я воспользуюсь любовью ея сына въ какомъ-нибудь вещественномъ отношеніи, или вздумая себя пристроить и напрошусь къ ней насильно въ невѣстки?...

Нѣтъ, со стороны положительной я одна теряла, потому-что жертвовала собой, всѣмъ своимъ существованіемъ и даже тѣмъ шаткимъ положеніемъ, которымъ хоть до-тѣхъ-поръ я пользовалась; я жертвовала еще болѣе—своимъ добрымъ именемъ, совѣстью, правилами, чувствомъ своего достоинства, душой. Но эти жертвы, конечно, были незримы для глазъ Лидіи Петровны; она о нихъ не думала, она на такихъ предметахъ никогда не останавливала

своей мысли, потому-что никогда не судила человѣка передъ Богомъ—она судила его только передъ людьми—и человѣкъ исчезалъ: оставались передъ ней зданіе, положеніе, богатство, связи, отношенія, оставалось все, кромѣ человѣка.

Въ глазахъ ея я была хитрая, какъ она выражалась, *интересанка* и *интригантка*, завлекшая ея сына, вскружившая голову молодому мальчику, конечно, съ цѣлью улучшить и упрочить свое будущее. Я была старѣе его: въ этой моей винѣ Лидія Петровна нашла себѣ оправданіе въ глазахъ почти всѣхъ матерей.

Преслѣдованія ея начались тихо, тихо, незамѣтно. Я чувствовала ихъ и сознавала. Они больно отзывались въ моемъ сердцѣ; но назвать ихъ и опредѣлить еще было невозможно. Лидія Петровна покамѣсть только догадывалась, увѣренности не было. Глаза ея впивались въ меня съ выраженіемъ глухой злобы всякій разъ, какъ Гриша подходилъ ко мнѣ.

Случаи видѣть насъ вмѣстѣ, впрочемъ, были у ней рѣдки: она по привычкѣ своей безпрестанно ссорилась съ сестрой, переставала къ ней ѣздить, потомъ опять возвращалась съ новыми приливами нѣжности—разумѣется, если ей представлялась надобность въ графинѣ. Такимъ-образомъ, она видѣла меня изрѣдка во время баловъ и только тамъ могла наблюдать за сыномъ и за мной. Но Гриша рѣдко подходилъ ко мнѣ: онъ дѣлалъ это частью изъ желанія отвести отъ меня подозрѣніе, а частью по слабости характера, отъ страха насмѣшекъ, которыя потомъ всегда сыпались на меня въ его присутствіи: онъ былъ тщеславенъ; самолюбію его становилось больно.

Лидія Петровна, не объясняя еще никому всѣхъ причинъ ненависти ко мнѣ, стала иногда передъ графиней высказывать свое ко мнѣ презрѣніе и бросала вскользь какую-нибудь двусмысленную шутку, съ тѣмъ беспощаднымъ цинизмомъ, которымъ полна была она. Лидія Петровна, по понятіямъ своимъ, считала чувства сына ко мнѣ какимъ-то пятномъ и поношеніемъ для всего своего семейства и рѣшила не дѣйствовать открыто, пока можно еще надѣяться, что *минутное* его заблужденіе пройдетъ, ослѣпленіе исчезнетъ: Лидія Петровна старалась дѣйствовать покамѣсть на молодое воображеніе Гриши оружіемъ карикатуръ, градомъ колкостей и насмѣшекъ, обращенныхъ прямо противъ меня.

Я не красавица, а лѣта мои... не правда ли, издали, когда вы видѣли меня во время похоронъ, я вамъ показала горздо-моложе? теперь вы болѣе меня разсмотрѣли... Зачѣмъ не дано серд-

цу и воображенію старѣться наравнѣ съ наружнымъ видомъ, и даже нѣсколько его опережая?...

Я была еще молода, но не для ея сына, потому—что я была старѣе его.

Я вамъ говорила, что въ обществѣ Гриша рѣдко подходилъ ко мнѣ; иногда онъ дѣлалъ это слишкомъ ужъ рѣдко, такъ—что сердце у меня ныло. Это было повдомъ ко многимъ неприятнымъ, тяжкимъ для меня минутамъ, а иногда и къ большимъ размолвамъ между нами. Я понимала, что онъ больше бережетъ себя отъ домашнихъ неприятностей, нежели меня отъ осужденія, но никогда ему этого не высказала, а только давала волю своимъ ревнивымъ выходкамъ. Но сколько падало незамѣтныхъ оскорбленій на мое бѣдное сердце! Когда онъ покорялся своему собственному взгляду и суду, Гриша горячо любилъ меня; но общій судъ, но посторонній взглядъ слишкомъ—много значили для привитаго къ душѣ его тѣлесавія, для этой семейной язвы, заразившей и его чистую, безхитростную натуру: обращеніе его со мной при другихъ было или непочтительно, или убійственно своимъ невниманіемъ. Онъ не боялся рисковать моей привязанностью—вотъ эта мысль камнемъ падала мнѣ на сердце.

Не было бала, на которомъ бы я не чувствовала себя оскорбленной, уничтоженной; а Гриша допускалъ меня оставлять балъ подъ подобнымъ впечатлѣніемъ: ему не снились никогда мои безсонныя ночи, мои горькія, жгучія, безумныя слезы—онъ *танцовалъ!*... Мысль, что я огорчена, не приходила ему въ голову; онъ едва помнилъ только, что я, по выраженію его, *надулась*, и зналъ, что на другой день довольно будетъ его летучей ласки, чтобы разогнать это расположеніе. И, дѣйствительно, я жадно ждала этой ласки, лишь бы имѣть поводъ примириться съ нимъ, простить его, сказать себѣ еще разъ, что онъ балованный ребенокъ и, что, слѣдовательно, объяснять ему себя и требовать отъ него серьезности не слѣдуетъ. Скажу только одно: въ подобныхъ случаяхъ я притворялась, будто вѣрю, что онъ именно меня, а не себя бережетъ; только въ глубинѣ души своей я сознавала это совсемъ иначе и хотя прощала Гришу по любви своей къ нему, но никогда не могла найти его въ подобномъ случаѣ правымъ. А *онъ* думалъ, что я ему повѣрила, что согласилась съ нимъ, *успокоилась* въ его правотѣ—и успокоивался.

Я начинала понимать мѣру его любви; но было поздно! Къ-тому же, я говорила себѣ, что онъ не меня одну только такъ

любить, а вообще и всякую другую женщину любить иначе не съумѣеть. Если, подъ вліяніемъ этого убѣжденія, я и встрѣчала его сердитыми и язвительными фразами, то кончала тотчасъ же лаской, приголубиваньемъ, баловствомъ и угожденьемъ.

Еслибъ я была менѣе—проницательна, я могла бы обманываться дѣйствительно, и была бы счастливѣй... Но я понимала и ясно видѣла все, отгадывала послѣдствія, только остановиться и отвернуться была не въ-силахъ.

И, однако, все же это былъ самый счастливый періодъ моей любви!

А, между-тѣмъ, Лидія Петровна не дремала: она стала распускать сначала подъ-рукой слухи насчетъ отношеній моихъ къ Гришѣ, и, когда, переходя изъ устъ въ уста, эти же самые слухи были переданы снова ей самой какой-то сердобольной дамой, большой поборницей добродѣтели, Лидія Петровна рѣшилась приступить къ дѣлу.

Она явилась къ графинѣ и заперлась съ ней на цѣлые два часа, потомъ уѣхала вся въ слезахъ. Во время разговора ея съ графиней горничныя бѣгали по всему дому со стклянками уксу-су, одеколоноу и летучихъ солей.

Послѣ ея отъѣзда графиня пришла ко мнѣ. Она была разстроена: замѣтно было, что она была еще вся подъ вліяніемъ сцены съ сестрой. Впечатлѣніе было единственный законъ, которому она покорялась, и потому минута дѣлала ее жестокой, а слѣдующая минута могла сдѣлать ангеломъ.

Она подошла ко мнѣ, задыхаясь отъ гнѣва и сверкая глазами.

— Безсовѣстная! сказала она, схвативъ меня крѣпко за плечо:— ты заплатила мнѣ самой черной неблагодарностью за всѣ мои попеченія; теперь я вынуждена буду тебя выгнать изъ моего дома!

Я хотѣла возразить, оправдаться, но едва успѣла освободиться изъ-подъ ея руки и выпрямиться, какъ въ глазахъ у меня потемнѣло, мысли горячей волной обдали мою бѣдную голову: мнѣ вдругъ представилось, до какой степени я одна, я сознала, что, кромѣ сердца Гриши, нѣтъ для меня сердца въ этомъ мірѣ.

Вмѣсто всякаго отвѣта, я произнесла «Гриша!» и упала безъ чувствъ на полъ.

Когда я пришла въ-себя, Гриша и графиня сидѣли подле моей постели. Графиня плакала.

Не знаю, чѣмъ успѣлъ ее убѣдить Гриша, за которымъ она сама немедленно послала, увидѣвъ, что со мной худо, но она ужасно расчувствовалась, цаловала меня и все приговаривала: «бѣдныя дѣти!» Когда я сказала Гришѣ, что графиня грозила выгнать меня, онъ улыбулся и, осыпая меня ласками, сказалъ:

— Ждать этого тебѣ нѣзачѣмъ: на-дняхъ я возьму отпускъ и увезу тебя съ собой въ деревню.

Я невольно содрогнулась; мнѣ стало страшно. Гриша подмѣтилъ мое движеніе и сталъ упрекать меня въ недостатокъ привязанности и въ недовѣріи. Съ этой минуты онъ постоянно доказывалъ мнѣ, что такъ-какъ нашей любви придали гласность, а на заступничество графини надѣяться не слѣдуетъ, то я должна уѣхать съ нимъ. Я долго боролась противъ его убѣжденій и противъ своего сердца. Разлуки съ Гришей я представить себѣ не могла; а ѣхать къ себѣ въ деревню онъ долженъ былъ непременно. Но ѣхать съ нимъ—значило убить въ себѣ окончательно силу и волю. Лидія Петровна не удостоивала меня объясненіемъ; но Каташъ и Лиза перестали говорить со мной. Она же сама перестала даже кланяться; только взгляды неистойвой злобы и убивающаго презрѣнія провожали меня всюду, слѣдили за каждымъ моимъ движеніемъ. Кстатѣ о взглядѣ. Это было еще до ея объясненія съ графиней. На какомъ-то балѣ Гриша подошелъ ко мнѣ во время вальса, и мы понеслись; вдругъ я почувствовала, что меня что-то жжетъ и давитъ. Я невольно сжала руку Гришѣ, окинула взоромъ всю залу въ одно время съ нимъ, и мы остановились какъ вкопанные, поблѣднѣвъ передъ взглядомъ, которымъ опутывала насъ въ эту минуту Лидія Петровна: если бы глаза могли убивать, эти глаза убили бы насъ вмѣстѣ безъ малѣйшаго содроганія и пощады.

Гриша прошепталъ только: «ты права: тебя не пощадятъ!» и обалъ меня къ моему стулу.

Было лѣтнее время. Графиня послала меня на дачу къ какой-то своей пріятельницѣ на двѣ недѣли; Гриша оставался въ Петербургѣ.

Я поняла, что со стороны графини это была слабая попытка попробовать, не подѣйствуетъ ли на насъ разлука, и вмѣстѣ съ жезанье отдохнуть отъ сценъ съ Лидіей Петровной.

Мы разставались нѣсколько разъ съ-гѣхъ-поръ, какъ были знакомы; но еще ни разу послѣ того, какъ мы уже полной, сознательной любовью любимъ другъ друга. Проба эта привела насъ обоихъ

только къ убѣжденію, что разлука для насъ невозможна. Чтò я говорю: невозможна! на ту пору она была невозможна...

Гриша былъ боленъ и грустенъ во все время моего отсутствія; онъ почти былъ не въ-силахъ бороться съ своей тоской и замѣтно ожилъ тогда только, какъ я возвратилась.

Этотъ первый день нашего свиданья рѣшилъ окончательно мою участь. Цѣлый день я слушала Гришу, и цѣлый день онъ не уставалъ передавать мнѣ все, чтò передумалъ и перечувствовалъ за эти двѣ недѣли. Мнѣ почти не приходилось говорить: онъ все рассказывалъ, даже сны свои; но и въ этихъ снахъ я видѣла отголосокъ его самой задушевной мысли. Въ ту пору мнѣ несомнѣнно казалось, что вся его жизнь можетъ сосредоточиться на мнѣ одной, такъ же точно, какъ жизнь моя, и свѣтъ, и теплота моей жизни были въ немъ, и только въ немъ одномъ.

Кого могла я бояться, чьего суда трепетать? Суда божьяго, конечно, и суда своей совѣсти, потому—что только на вѣсы суда подобной важности можно позволить себѣ положить всю жизнь свою и все счастье своей жизни.

Непріятности и униженія, которыя я переносила ежеминутно, со дня драмы, разыгранной Лидіей Петровной передъ графиней, несмотря на мгновенную чувствительность графини, умножались съ каждымъ днемъ и падали безъ-устали на мою бѣдную голову. Графиня боялась скандала: страхъ скандала покорилъ эту женщину, и все вокругъ меня, отъ холоднаго пренебреженья нѣсколькихъ прежде-ласкавшихъ меня лицъ, отъ пересудовъ важныхъ старухъ и строгихъ совѣтовъ, даваемыхъ ими графинѣ при мнѣ почти-громко, до обиднаго шопота въ дѣвичьей и передней, все говорило мнѣ, что для меня нѣтъ приближища, нѣтъ ни одной руки, ни одного сердца, которыя бы поддержали меня.

Измученная душой, я ждала только прихода Гриши, и тогда все забыла—все, кромѣ сознанья, что онъ меня любитъ, что отъ него одного я вижу ласку, что эта ласка живетъ и согрѣваетъ меня, оглушенную и подавленную общимъ негодованьемъ и безотвязчивой мыслью о моей винѣ, которая не находила ни въ комъ прощенья, оправданья и снисхожденья. Онъ веселъ былъ, и я не смѣла рассказывать ему своего горя и своихъ оскорбленій. Подражая обычаю восточныхъ женщинъ, я садилась у его ногъ и вся отдавалась созерцанію этого милаго лица. А по моему лицу бродилъ на ту минуту ласковый взглядъ его тихихъ глазъ, и мнѣ казалось, будто лицо мое, поблѣднѣвшее отъ слезъ и бессонныхъ

ночей, согрѣвается постепенно подѣ этимъ взглядомъ и получаетъ снова отъ лучей его жизнь и краски молодости и счастья.

Безъ него со мной могли все сдѣлать, увезти куда-нибудь далеко и, такимъ-образомъ, разлучить насъ навсегда... Наконецъ я не понимала, какъ уцѣлѣть мой умъ, какъ устоятъ душа безъ тѣхъ минутъ отдохновенья, которыя давало мнѣ его присутствіе. Гриша страшно боялся Лидіи Петровны и людскихъ толковъ—онъ былъ такъ воспитанъ—и, между-тѣмъ, онъ рѣшился увезти меня съ собою: видно, на ту пору любовь въ немъ была сильнѣе этой привитой боязни.

Я отпросилась у графини навѣстить дальнюю родственницу и уѣхала одна въ дилижансѣ. Разумѣется, Гриша ждалъ меня недалеко, въ первомъ городѣ. Увидѣвъ меня, онъ былъ какъ въ чаду отъ радости и увѣренности, что мы болѣе не разстанемся никогда; а я повѣрила тогда окончательно, что безъ меня жизнь для него невозможна.

Мы вмѣстѣ поѣхали въ деревню, и нѣсколько недѣль самаго полного, безмятежнаго счастья были наградой мнѣ за всѣ мои терзанья.

Не знаю, кому пришла охота нами заниматься; но Лидію Петровну увѣдомили обо всемъ.

Въ одну минуту ей представилось, что я пріобрѣтаю огромное вліяніе надъ ея сыномъ и — о, ужасъ!—успѣваю *выйти за него замужь!* что я пользуюсь и состояніемъ его, и положеніемъ, что я ея невѣстка!... Какой страшный кошмаръ!

Осыпая меня проклятіями, Лидія Петровна съ цѣлымъ домомъ собралась въ дорогу; но она не успѣла захватить насъ, благодаря изобрѣтательности Гриши. Мы съ ней не встрѣтились, и Лидія Петровна съ отчаянія рѣшилась не возвращаться болѣе въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ я, разумѣется, не отыскивала графини, тѣмъ болѣе, что на письмо, которое я написала, оставляя ея домъ, получила отвѣтъ, очевидно написанный ею подѣ вліяніемъ Лидіи Петровны: такъ много было въ немъ горькаго, язвительнаго, оскорбляющаго и уничтожающаго во мнѣ чловѣка.

Я поселилась на Васильевскомъ Острову, въ двухъ маленькихъ комнатахъ. Прислуги у меня было всего одна горничная; обѣдать брала у какого-то кухмистра близости. Словомъ, я старалась *надерживать* очень-мало; но и это малое мнѣ приходило, конечно, изъ рукъ Гриши. Изъ всѣхъ жертвъ, которыя я могла ему при-

нести, самой тяжелой жертвой было жить на его счет, потому что эту жертву я вынуждена была совершать сознательно, не въ чаду и въ порывѣ чувства, а по неумолимымъ законамъ необходимости и неизбежности. Отдавая ему жизнь свою, я вручала себя его чувству; но, пожертвовавъ гордостью, я надѣвала на себя цѣпи зависимости и предавала, такимъ-образомъ, на всю жизнь себя въ руки его великодушія. Эта вторая жертва налагала на него обязанность беречь меня отъ меня же самой, отъ сомнѣній въ его благородствѣ, отъ признанія моей зависимости и моего ничтожества. Чтобы безъ трепета принимать помощь изъ любимой руки, надо, чтобы въ глазахъ женщины, подобной мнѣ, любимый человѣкъ былъ выше человѣка. Я васъ прошу хорошенько понять то, что я желаю выразить: мнѣ все кажется, я дурно передаю вамъ всю мѣру своихъ чувствъ къ Гришѣ... Если бы меня выучили какому-нибудь ремеслу, или искусству, я бы сама могла жить своими средствами. У меня не было мысли, которой бы не зналъ Гриша; слѣдовательно, могла ли я скрыть отъ него мое положеніе? Въ пылу тогдашней любви своей ко мнѣ, онъ бы хотѣлъ окружить меня роскошью, избаловать угодливостью; но онъ встрѣтилъ во мнѣ непреклонную волю. Въ одномъ этомъ случаѣ оставалась воля моя твердою, и Гриша долженъ былъ подчиниться ей. На такомъ условіи я могла забыть, сколько противоположнаго моимъ правиламъ и убѣжденіямъ было въ моей теперешней жизни. Я даже могла вовсе не думать ни о чемъ, кромѣ его любви.

Вы женщина; слѣдовательно, вы должны понять женскую гордость, гордость чувства!

Именно гордость моя тѣшилась мыслью, что прежнее положеніе мое было гораздо-блистательнѣе теперешняго. Я любила смѣть и его удовольствія; а теперь бальную музыку могла слушать развѣ подъ окошкомъ. Я любила роскошь и щегольство—а вокругъ меня все было бѣдно, на мнѣ самое простое шерстяное платье. Я до безумія любила театръ; но теперь мнѣ тяжело было представить себя одну, въ углу какой-нибудь пустынной ложи — и я отказалась отъ театра. Я любила ярко-освѣщенную гостиную, гдѣ такъ часто, бывало, садилась свободно на бархатной мебели, гдѣ слушала и говорила съ нѣкоторымъ достоинствомъ, удерживавшимъ за мной общее вниманіе, между-тѣмъ, какъ улыбка графини давала понять мнѣ и даже другимъ, что ей пріятно видѣть производимый мною эффектъ — теперь я была одна, одна въ

своей тѣсной комнаткѣ, забытая всѣми, окруженная тоскливой тишиной, живущая ожиданіемъ, и въ бѣзмовіи моего одиночества считала сердцемъ часы и минуты до пріѣзда Гриши. Гордость моего чувства говорила мнѣ, что всѣ утѣхи молодости, всѣ забавы и развлеченія, которыя доставляли мнѣ прихоть и тщеславіе графини, ея баловство и мою избалованность, жизнь, устроенную для меня судьбой среди общества, самую любовь мою къ свѣту, нарядамъ, баламъ и театру — все это я промѣняла на ласку Гриши, и какъ ни тяжелы были часы теперешняго постоянного моего одиночества, бѣзмовія и сознанія моего отторгнутого отъ всѣхъ связей положенія, этихъ похоронъ заживо, въ томъ же самомъ Петербургѣ, который я такъ хорошо знала и который жила, шумѣла, суетился попрежнему вокругъ меня — появленіе Гриши пробуждало меня и разгоняло тяжкія мысли. Но мои глаза зажигались гордостью, въ моихъ ласкахъ, въ моей любви свѣтилась тоже гордость, потому что жертвы, принесенныя Гришѣ моимъ самолюбіемъ, вкусами, тщеславіемъ, привычками, въ глубинѣ моего убѣжденія были мѣрой силы любви моей къ нему. Онъ не зналъ и не догадывался, отчего съ такой лихорадочностью я ласкалась къ нему; онъ не понималъ, какъ не даромъ далось мнѣ право любить его и какой цѣной купила я это право; крайней—мѣрѣ, онъ еще ни разу не остановился на этой мысли. До-сихъ—поръ изъ насъ двухъ я одна принесла жертвы, я уничтожила весь свой прежній міръ и жила однимъ Гришей. Я ему этого никогда не говорила, а балованный ребенокъ самъ не замѣчалъ; однако, я это чувствовала, и вотъ въ чемъ моя гордость и гордость моего чувства.

Лидія Петровна, между-тѣмъ, безъ-устали писала въ Петербургъ къ разнымъ своимъ пріятельницамъ, что *связь* ея сына съ страшной *интриганткой*, которая его *разорветъ*, сводитъ ее въ преждевременную могилу; что она, къ-несчастью, какъ *нужная* мать, не можетъ равнодушно видѣть страшнаго заблужденія своего единственнаго сына. Конечно, онъ платитъ дань молодости, онъ обмануть, ослѣпить, завлеченъ въ сѣти безсовѣстной *интересанной*, которая опутываетъ его всячески, надѣясь, что онъ, по добротѣ своего сердца, вообразитъ себя обязаннымъ жениться на ней, на этой *безнравственной* женщинѣ!... И она умоляла всѣхъ и каждого спасти ея сына. Пріятельницы говорили обо мнѣ съ содроганьемъ, на Гришу смотрѣли съ жалостью. Въ письмахъ къ сыну Лидія Петровна покрывала меня страшнымъ презрѣньемъ: не

Т. СХХVI. — Отд. I.

было эпитета, не было проклятiя, котораго бы не бросила она на мою долю, чувство же сына ко мнѣ старалась подавить насмѣшкой и, по-возможности, дѣлала изъ него карикатуру. Она рассчитывала не безъ основанiя на тщеславiе сына: этотъ отголосокъ воспитанiя, даннаго ею дѣтямъ, долженъ былъ откликнуться, рано или поздно, въ Гришѣ.

Чувствуя всю беззащитность мою и всю несправедливость матери, Гриша послѣ каждаго такого письма становился нѣженъ, добръ и ласками своими, казалось, хотѣлъ смыть съ меня пятно незаслуженнаго обвиненiя; но въ глубину его тщеславной души западала мысль, что въ его любви ко мнѣ и моей любви къ нему не было ничего лестнаго для его самолюбiя: такимъ-образомъ, въ немъ никогда не проявилось ничего рѣшительнаго въ защиту нашего чувства. Онъ не понималъ, что есть случаи, гдѣ надо только смѣло взглянуть въ глаза общественному мнѣнiю, чтобы овладѣть этимъ мнѣнiемъ совершенно. Еслибы у него достало духу показывать, что любовь мою считаетъ онъ своей гордостью, свѣтъ сталъ бы уважать меня и преклонился бы передъ нимъ. Но Гриша отворачивался, конфузился, отнѣживался, или молчалъ. Онъ до смерти боялся людскихъ толковъ, и мнѣ казалось, что онъ ихъ боится для себя гораздо-болѣе, нежели для меня, что я казалась сюжетомъ нѣскольکو-мѣщанскимъ для него, и что еслибы одна изъ барынь большаго свѣта была на моемъ мѣстѣ, онъ бы не побоялся показаться иногда съ ней рядомъ въ театрѣ, или на гуляньи, и не отдавалъ бы ея такъ всецѣло на жертву скукѣ и чувству безысходнаго и безпрiютнаго положенiя.

Однако, я думала, что время откроетъ ему истинную цѣну всякой вещи, и ждала терпѣливо: душа его имѣла всѣ благородныя побужденiя, а сердце было ангельской доброты. Я имѣла полное право надѣяться, что современемъ онъ оцѣнитъ меня болѣе. Не мнѣ было указывать на жертвы, мною принесенныя: я терпѣливо ждала, что онъ самъ ихъ увидитъ.

Въ тиши моей безроскошной жизни было еще много счастья, хотя это счастье и пытались разстроить. Но лѣто стояло на дворѣ! Лѣтнiе дни, лѣтнiе мѣсяцы не отнимали отъ меня Гриши: главной его заботой было не пропустить дня безъ свиданья со мной, и много было у насъ радости при каждомъ нашемъ свиданьи.

— А вотъ наступитъ зима, говорилъ онъ:—тогда меньше времени придется мнѣ удѣлять тебѣ. Я принадлежу свѣту и не долженъ прерывать съ нимъ сношенiй. Наконецъ ты пойми, я это дѣлаю

для тебя: письма маменьки къ разнымъ пріятельницамъ должны быть окончательно опровергнуты тѣмъ, что образъ моей жизни нисколько не измѣнился. Я удачно распустилъ слухи, что ты уѣхала на Донъ въ гувернантки, что передъ этимъ у тебя были непріятности съ графиней; а какъ насъ никто не видитъ вмѣстѣ, то, по крайней мѣрѣ, вѣрять, что между нами никогда ничего не было общаго. Если товарищи пристають, я хохочу и отшучиваюсь, такъ—что совершенно сбиваю ихъ съ толку. Будь спокойна: скоро все утихнетъ; только, пожалуйста, не мѣшай мнѣ, не требуй отъ меня ничего лишняго.

Странно сжалось у меня сердце, слушая эти рѣчи; я невольно вздохнула и сама не примѣтила даже, какъ глубоко былъ мой вздохъ. Гриша услышалъ его и посмотрѣлъ на меня пристально. Кажется, его удивило, что я не совсѣмъ—довольна своей судьбой.

— Еще я не ѣзжу на балы, а ты ужъ вздыхаешь, сказалъ онъ. — Вѣрь, что я тебя ни на кого не промѣняю.

Но въ голосѣ, которымъ сказано это увѣреніе, было что—то отрывистое и сухое, болѣе чувства нетерпѣнія, нежели всякаго другаго чувства.

Я молчала.

— Конечно, продолжалъ онъ нерѣшительно:—я не буду искать новыхъ знакомствъ и напрашиваться на приглашенія; но нельзя же вычеркнуть себя изъ списка порядочныхъ людей: это излишняя требовательность съ твоей стороны.

— Я ничего не требую, отвѣчала я чуть—слышно.

Мнѣ стало страшно и грустно. Я сидѣла опустивъ голову.

Онъ подошелъ ко мнѣ, сталъ ласкать, старался развеселить меня и, разумѣется, безъ труда успѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ простился, общая пріѣхать вечеромъ.

Я подошла къ окну, чтобы посмотрѣть, какъ онъ сядетъ въ свою щегольскую коляску, и разсѣянно взглянула на небо: оно было строе, мелкій дождикъ билъ по лицу прохожихъ. Я вспомнила, что у насъ второе октября, и что въ Петербургѣ зима начинается рано: мнѣ сдѣлалось тяжело, невыносимо—тяжело.

Потомъ, однако, я вспомнила, что Гриша обѣщалъ мнѣ весной поѣхать вмѣстѣ за границу. Лучъ упованія блеснулъ въ душѣ моей: я видѣла опредѣленный срокъ своимъ испытаньямъ и улыбнулась. Одного мнѣ было жаль: зачѣмъ не могу я, какъ заколдованная принцесса слышанной мною въ дѣтствѣ сказки, заснуть на всю зиму и проснуться для счастья, для той жизни вдвоемъ, о которой

я мечтала и на которую надѣялась. Передъ мысленнымъ взоромъ моимъ пронеслись отрадные картины, не разъ рисованныя передо мной услужливымъ воображеніемъ Гриши, когда я была еще въ домъ графини и колебалась оставить ее...

Со дня этого разговора въ душу мою заронила тоска, и часы ожиданья между каждымъ посѣщеніемъ Гриши проходили у меня въ тяжкихъ думкахъ. Вѣра въ прочность моего счастья стала колебаться. Я давала себѣ слово самоуничтожиться, терпѣть и молчать; но если это будетъ свыше силъ, но если я буду невольно утомлять его видомъ грусти и своими слезами, тогда что? спрашивала я себя. И я содрогалась отъ мысли, что тогда, для того, чтобы не потерять уваженія къ себѣ, я должна буду оставить его, уйти... Далѣе этого слова я не шла: нѣкуда было далѣе идти— за этимъ словомъ оканчивалось мое существованіе.

До-сихъ-поръ я была собой довольна. Судь людской носился надо мной, меня не задѣвая, потому-что передъ судомъ своей совѣсти и передъ чувствомъ своего достоинства я была права. Любви Гриши я не искала первая и даже не хотѣла; сѣдователь-но, я не *завлекла* его, не могла упрекнуть себя ни въ малѣйшемъ кокетствѣ. Любовь его ничего мнѣ не дала и не принесла, кромѣ ласкъ любви; но онъ, казалось, самъ не понималъ жизни безъ меня, и я всѣмъ пренебрегала для совмѣстной жизни. Меня оправдывало передъ судомъ моей совѣсти чувство моей полезности, необходимости, мысль, что существованіе мое все отдано на служеніе другому существу. Вы понимаете послѣ этого, что если внѣ меня, моей любви, моей жизни, моихъ ласкъ, моей души Гриша могъ устроить для себя существованіе, то я ужъ не имѣла никакого права оставаться подлѣ него, не уронивъ себя передъ своимъ достоинствомъ и не обративъ противъ себя самой суда своей совѣсти.

Все это я повторяла себѣ теперь въ долгіе часы ожиданья, въ тиши своего одиночества. Улыбка моя оживала на время присутствія Гриши, которому я не говорила прежде времени, то-есть прежде начала зимы, ни слова о своихъ опасеніяхъ; но часто при ласкѣ его глаза мои наполнялись слезами. Мысль, что все мое счастье можетъ пройти, можетъ вдругъ окончиться, сжимала сердце мое въ желѣзныхъ тискахъ.

Работать я не могла: меня ничему не выучили. Я вспомнила, однако, что мнѣ давали когда-то уроки рисованья и что въ послѣднее время графиня вздумала приглашать по вечерамъ молодѣжь

къ себѣ и заставлятъ всѣхъ учиться у какой-то прѣзжей парижанки искусству дѣлать цѣфты изъ лоскутьевъ, воску, кожи—последнее какъ подражаніе рѣзбѣ на деревѣ для рамъ, корзины и портфелей. У графини была страсть вводить въ моду разныхъ забѣжкихъ иностранцевъ и изобрѣтать безпрестанно что-нибудь новое для того, чтобы вокругъ себя собирать даже и въ неполюженные дни цѣлую толпу посѣтителей : она скучала.

Теперь мнѣ пришло въ голову извлечь вещественную пользу изъ познаній своихъ хоть по этой части и принялась за всевозможные цѣфты. Я понимала, что умѣть заработать насущный хлѣбъ—это купить нѣкоторую независимость. Сначала работа шла неуспѣшно; но я видимо совершенствовалась и даже попробовала предложить свои издѣлія въ магазинъ. Мнѣ дали сущую бездѣлку, но все же дали что-нибудь. Я почувствовала въ себѣ новую силу, отъ сознанія, что могу *заработывать* деньги.

Не смѣйтесь, это очень-важно : вещественная сторона нашей жизни слишкомъ-тѣсно связана съ нравственной стороной. Дайте человѣку развить въ себѣ сознаніе, что онъ можетъ обійтись безъ посторонней помощи, увидите, какую это разовьетъ въ немъ энергію!

Я съ гордостью смотрѣла на первые двадцать рублей, полученные мной изъ магазина. Гриша прѣѣхалъ. Въ этотъ день онъ, какъ нарочно, былъ нѣсколько озабоченъ и на вопросы мои отвѣчалъ, что денегъ ему изъ деревни не шлютъ, что ему въ театръ сегодня хотѣлось, да вспомнилъ онъ, что сегодня и мнѣ привезти надо на расходы, но изъ дому ничего не получалъ, такъ досадно! Сердце у меня забилось. Я, по обыкновенію, молчала. Но когда онъ спросилъ, могу ли я прождать еще дня два, потому-что онъ рѣшился занять, и чрезъ два дня деньги у насъ будутъ, я ему показала свое пріобрѣтеніе, рассказала успѣхи и заставила радѣлить со мной эту ничтожную сумму пополамъ. Мы долго смѣялись. Гриша былъ ласковъ и веселъ; я счастлива. Когда онъ уѣхалъ, я невольно вспомнила, какая именно мысль побудила меня пріобрѣсть возможность жить своими средствами, пріискать для себя ремесло, и весь миръ, все веселье души моей отлетѣю. Я опустила на колыни у окна своей комнаты и глядѣла на небо, отдавая самымъ грустнымъ мыслямъ, самымъ мрачнымъ предчувствіямъ.

Стукъ кареты, проѣхавшей подъ окномъ, заставилъ меня очнуться. Кто-то шаркалъ и кашлялъ въ передней. Я вскочила съ

своего мѣста и ждала. Дверь отворилась: вошла графиня. За ней, въ полуотворенную дверь, смотрѣла голова ливрейнаго лакея.

Въ первую минуту я страшно поблѣднѣла и стояла въ нерѣшимости, подойти ли мнѣ къ неожиданной посѣтителницѣ, сказать ли ей что-нибудь и что сказать.

Графиня начала сама.

— Ну, матушка, насилу отыскала твое убѣжище. Вотъ куда запряталась! сказала она и окинула взоромъ всю комнату.

Тонъ и манера, которыми были сказаны эти немногія слова, немедленно привели меня въ-себя. Я съ твердостью подошла къ двери и заперла ее передъ носомъ любопытствующаго лакея, потомъ возвратилась къ графинѣ.

— Что прикажете? спросила я ее почтительно.

— Сейчасъ скажу.

И графиня опустила въ кресло, которое я ей подвинула. Я сѣла тоже, не желая сохранять видъ робости или униженія передъ Анной Петровной. Я понимала, что она пріѣхала не даромъ и что я должна удержать за собой все свое достоинство и всю свою независимость, чтобы заставить гордую старуху говорить со мной, по-крайней-мѣрѣ, вѣжливо.

Дѣйствительно, графиня нѣсколько смутилась и стала барабанить своими бѣлыми, пухлыми пальцами по ручкѣ кресла, на которомъ сидѣла. Пробарабанивъ такъ нѣсколько минутъ, она подняла голову.

— Послѣ всѣхъ твоихъ похожденій, начала она немного-свысока: — тебя, конечно, нѣсколько удивляетъ, что я сама къ тебѣ пріѣхала.

— Нисколько, графиня! Я только думаю, что у васъ есть дѣло къ вашей бывшей воспитанницѣ, что она вамъ понадобилась, и какъ вы не рассчитывали, чтобы, по требованію вашему, она явилась къ вамъ, то и рѣшились сами пріѣхать. Прежде, нежели вы объясните мнѣ, въ чемъ дѣло, я позволю только сказать вамъ, графиня, что ваше жесткое письмо не изгладило изъ сердца моего благодарности, какой я вамъ обязана за нѣсколько лѣтъ попеченій вашихъ обо мнѣ. Я съ нѣжностью всегда думаю о томъ, что въ послѣднее время была вашей любимой игрушкой. Я вамъ говорю это теперь, чтобы вы видѣли, что имѣете право рассчитывать на мою готовность исполнить всякое желаніе ваше, если только оно не будетъ свыше силъ моихъ.

Пока я говорила такимъ-образомъ, графиня не спускала съ меня глазъ. Привычка и воспоминаніе прошлаго вдругъ пробудились въ ея душѣ. Видно было, что голосъ мой пріятно дѣйствуетъ на ея слухъ, что на лицо мое она глядитъ безъ всякой злобы, а съ какимъ-то грустнымъ любопытствомъ. Я замѣтила, что въ глазахъ ея остановились слезы. Она съ-мигнута колебалась и потомъ вдругъ протянула мнѣ руку.

— Ты всегда была доброй дѣвочкой, Лёля! произнесла она.

Я не выдержала, и, при этой неожиданной ласкѣ, заплакала. Графиня бросилась меня целовать и, рыдая, говорила:

— Не слѣдовало тебѣ оставлять меня, старуху!

Лакей опять отворилъ дверь и поглядѣлъ на насъ обвѣхъ.

— Не надо! произнесла, грозно взглянувъ на него, графиня. Дверь захлопнулась.

Графиня на-мгновеніе совершенно забыла, съ кадимъ намѣреніемъ пріѣхала ко мнѣ.

— Скажи мнѣ; ты счастлива? спросила она съ участіемъ.

— Очень.

И, вспомнивъ милое лицо Гриши, я улыбнулась неволью.

— Да вѣдь у Гриши золотое сердце! Все же ты нехорошо сдѣлала, что завлекла такого молодого мальчика, продолжала графиня, вспомнивъ, что не по заботливости о моемъ счастьи она пріѣхала ко мнѣ. — Послушай, ты неглупая дѣвочка. Я рѣшилась для тебя сдѣлать все, что могу. Вѣдь это не можетъ такъ продолжаться. Онъ молодъ: ты скоро надоѣшь ему. Тогда скажи, куда ты дѣнешься? Теперь я еще готова тебя принять, если только — графиня понизила голосъ — твое положеніе не таково, чтобы нельзя было скрыть всего, что между вами было. Мы скажемъ, что ты была у родственницы своей, и всѣ слухи и толки уничтожатся сами собой. Вѣдь Лидія Петровна съ ума сходить, кланеть тебя и втихомолку, можетъ-быть, меня. Я не понимаю, въ чемъ твой расчетъ упрямиться еще долѣе?

— Ради Бога, не говорите со мной такимъ-образомъ, воскликнула я неволью — потому-что вы заставите меня забыть благодарность къ вамъ и уваженіе къ вашимъ лѣтамъ. У меня расчеты! Скажите сами, умѣю ли я, рассчитывать? Вѣдь я выросла у васъ на глазахъ.

Голосъ мой дрожалъ отъ гнѣва.

— Именно, ты выросла у меня, я тебя воспитывала—нечего сказать, хорошая рекомендація! прервала меня графиня. — Ты

запятнала себя и меня, поступила неблагородно! — Тутъ графиня приняла на себя строгій видъ проповѣдника. — Скажи, исповѣдалась ли ты съ-тѣхъ-поръ? Вѣдь твоя теперешняя жизнь истинный грѣхъ. Тебѣ, вѣрно, сказалъ это священникъ; но ты ни Бога не боишься, ни людей не совѣстишься.

— Я не считаю себя правой передъ Богомъ, но вѣрую въ его милосердіе; людской судъ тяготеть надъ моими поступками, и Лидія Петровна меня прокликаетъ, знаю я, но за что? Не за то ли именно, что я ничего не хочу и ничѣмъ себя не ограждаю отъ случайностей, что мнѣ не нужно ни имени, ни общественнаго положенія, ни состоянія Гриши, ничего, кромѣ его любви! Покамѣстъ мнѣ ничего не нужно: любовь его замѣняетъ для меня все; а потомъ мнѣ ничего не можетъ быть нужно, потому что ничто не замѣнитъ мнѣ его любви. Если бы я знала, что любовь его только тогда не пройдетъ, если я буду поступать менѣе-безкорыстно, то я бы, конечно, перемѣнила свой образъ дѣйствій.

— Безкорыстно! воскликнула графиня: — тебѣ ли говорить о безкорыстїи, когда ты его разоряешь!

Последнее обвиненіе заставило меня содрогнуться; я выпрямилась и взяла графиню за руку.

— Графиня, разоряла ль я васъ? разорила ли васъ за многіе годы, проведенные мной на вашихъ рукахъ? спросила я ее съ твердостью.

Анна Петровна смутилась.

— Меня ты разорить не могла. Я тѣшила тебя по своему состоянію, и ты всѣмъ была довольна: ты неприхотливая дѣвочка, это правда. Но здѣсь... тщеславіе можетъ заставить тебя употребить во зло его ослѣпленіе, молодость и любовь...

Она замаялась.

— Пойдемте со мной, пойдемте, не бойтесь! воскликнула я, не выпуская ея руки. — Я вамъ покажу, какъ я его разоряю.

Она молча повиновалась.

Я повела ее въ слѣдующую комнату и открыла передъ ней дверцы шкафа съ платьемъ.

— Узнаете ли вы эти платья, графиня? спросила я ее.

Она пересмотрѣла каждое внимательно.

— Ни одного новаго! сказала она.

— А теперь взгляните въ убранство моихъ двухъ комнатъ — вы легко поймете, разоряю ли я его...

Графиня медленно обвела взоромъ комнаты и вздохнула.

— Люди врутъ чепуху! произнесла она.

— Довольно! сказала я: — передъ вами я еще могла позволить себѣ оправдываться; болѣе я никому не скажу ни слова.

Тутъ я не выдержала: крупныя слезы полились у меня по щекамъ.

Графиня такъ быстро переходила отъ одного впечатлѣнія къ другому, что растрогалась немедленно, видя мои слезы.

— Полно, полно, сказала она, поцаловавъ меня въ голову. — Дѣйствительно, сестра съ ума сошла! Какой ты вредъ можешь сдѣлать Гришѣ? никакого совершенно!... Конечно, если кто изъ васъ двухъ и приплатится за свою безумную выходку, то ты скорѣе, нежели онъ. Ты дѣвушка неглупая: по-крайней-мѣрѣ, постарайся, чтобы онъ тебя обезпечилъ, если ты ни за что не хочешь его оставить и возвратится ко мнѣ. Тратится же онъ на разныя пустяки, а если разлюбить тебя, то ты по-миру пойдешь; у тебя даже добраго имени не останется, ни пріюта, ни одного сердца, на которое ты можешь разчитывать. Я ему это скажу непременно. По-мѣду, такъ онъ бы не согрѣшилъ, если бы и женился на тебѣ тайно. Положимъ, ты бы не восила его имени и не показывалась въ обществѣ; но въ случаѣ чего-нибудь такого, Боже сохрани, законъ за тебя вступится. У сестры моей никогда сердца не было: вы ея не разжалобите — ты на это не надѣйся. А Гришѣ я сама скажу, право, скажу! Мнѣ жаль тебя: ему слѣдуетъ о тебѣ подумать...

— Ради Бога, прервала я, перепугавшись не на шутку: — если въ васъ есть хоть капля сожалѣнія, не говорите ему обо мнѣ ни слова. Онъ еще подумаетъ, что я васъ просила! — И густая краска покрыла мое лицо. — Увѣрю васъ, я ничего, ничего не хочу, лишь бы онъ любилъ меня.

— Безразсудная ты, Лѣля! воскликнула графиня. — Развѣ ты можешь думать, что любви его не будетъ конца?

— Не говорите мнѣ этого, не говорите!

Я закрыла лицо руками и въ изнеможеніи опустилась на стулъ.

— Однако, все это съ твоей стороны очень-благородно! произнесла, помолчавъ, графиня. — На Лидію Петровну ты не сердись: она, разумѣется, какъ нѣжная мать, должна была бояться за своего сына.

Имя Лидіи Петровны воскресило во мнѣ воспоминаніе о всѣхъ оскорбленіяхъ, о страшной ненависти этой женщины ко мнѣ, о ея преслѣдованіяхъ, и я отвѣчала съ негодованіемъ и презрѣніемъ:

— Лидія Петровна не побоялась бы, чтобы выборъ ея сына остановился на самой безнравственной и злой женщицкѣ, лишь бы то была барыня большого свѣта; она не побоялась бы, чтобы Гриша привязался даже къ одной изъ тѣхъ женщицкѣ, которыми полны всѣ столицы и задачей которыхъ, дѣйствительно, разорять молодыхъ людей, помадающихъ къ намъ въ руки. По понятіямъ Лидіи Петровны, оба эти положенія приличны для молодого человѣка, желающаго играть роль, несли любовь къ бѣдной дѣвушкѣ, сиротѣ бездомной, и, право, не о сынѣ, не о нравственности его, не о счастья и будущности его заботится она, вы лучше меня это знаете: она боится, что онъ на мнѣ женится; она именно боится такой *нравственной* развязки этой, какъ она называетъ, *безнравственной исторіи*. Ей дѣла нѣтъ, повѣрьте, до счастья сына; ей еще менѣе есть дѣло до нравственности нашего союза. Но пусть Лидія Петровна успокоится и перестанетъ меня проклинять и ненавидѣть: сынъ ея на мнѣ не женится никогда; потому что я сама этого не захочу. Господь взвѣситъ на вѣсахъ вѣчной правды всю важность моей жертвы и проститъ меня; людямъ я ничего не сдѣлала, а Лидіи Петровнѣ скажите, что *интересы ея* ни въ чемъ не потерпятъ отъ привязанности ея сына ко мнѣ.

Слова мои возвратили тѣмъчасъ графиню на дорогу мысли, побудившей ее прійхать ко мнѣ.

— Я всегда знала, что ты лучше и выше того мнѣнія, которое сестра себѣ составила о тебѣ, произнесла графиня. — Я была убѣждена, что ты не воспользуешься *слабостью* къ тебѣ Гриши.

Она поднялась со стула.

— Послушай, Леля, поди сюда!

Я подошла.

— Такъ ты мнѣ точно клянешься, что слухи, которые о васъ резнеслись, несправедливы?

— Какіе слухи?

— Будто вы обвѣнчались тайно.

И графиня пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза.

«Боже мой!» подумала я «что за страшная бездна между мной и человѣкомъ, такъ безгранично мной любимымъ!» Слезы подступили къ глазамъ моимъ, и я прошептала съ усиленіемъ: — Гриша свободенъ!

— И ты общаешь, продолжала графиня допытываться: —

ты общишься, что никогда не воспользуешься его слабостями къ тебѣ, не заставишь его съ тобой объѣздаться?

— Общаю, все, что хотите, общаю! воскликнула я, увлеченная горестнымъ негодованіемъ: — только оставьте насъ, не вторгайтесь въ мою бѣдную жизнь, не отравляйте легучихъ минутъ моего непрочнаго счастья. Думайте, что онъ скоро разлюбитъ меня, и успокойтесь!

— Положимъ, разлюбитъ; но онъ тебя никогда не оставитъ: у него слишкомъ доброе сердце! сказала графиня, не подозревая вовсе, сколько жестокости высказывала она въ этой невольной фразѣ, и не понявъ ни разу всей жгучей боли моего сердца и всей гордости моего чувства.

— Онъ не оставитъ меня; но я вѣдь тогда не останусь, возражала я. — Не-уже-ли вы можете думать, что я могу довольствоваться тѣмъ, что онъ только по добротѣ своего сердца будетъ сносить мое присутствіе? Пока онъ меня любитъ, я его, конечно, ни за что не оставлю; но если разлюбитъ онъ, я уйду сама. Его любви требуетъ моего присутствія, и только его любовь управляетъ и будетъ управлять всеми моими дѣйствіями: другихъ властей я не признаю, другихъ требованій не подчиняюсь. Я съ гордостью говорю вамъ, что не принадлежу себѣ. Вы всё хотѣли, чтобы я не пользовалась ни именемъ Грини; ни положеніемъ — въ этомъ я уступила вамъ; но оставьте мнѣ его любовь, утѣшайте себя мыслью, что онъ молодой, что любовь его не вѣчно продлится; когда она угаснетъ, я незамѣтно для васъ вѣкъ исчезну. Вамъ ничто обо мнѣ не напомнитъ!

Я не плакала; я была подавлена, уничтожена грустью и говорила все это, задыхаясь отъ волненія.

— Хорошо, если ты говоришь правду, произнесла графиня. — Конечно, ты, по-крайней-мѣрѣ, хоть этимъ постарайся загладить свою вину передъ его семействомъ, передъ всеми нами!

И графиня, кивнувъ мнѣ довольно-ласково головой, вышла.

Лавретный лакей повелъ свою барыню со ступенекъ подъ руку. Потомъ шумъ отъѣзжающей кареты заставилъ меня еще разъ вздрогнуть, и снова вокругъ меня стало тихо; только въ сердцѣ кипѣло много, много горестныхъ, жгучихъ, болѣзненно-томящихъ чувствъ.

На другой день, къ вечеру, мнѣ принесли съ городекой почты письмо отъ Лидіи Петровны.

«Любезная Елена Николаевна! — писала она ко мнѣ (приступъ:

этотъ уже болѣзненно на меня подѣйствовалъ: я почла, что должно ожидать чего-нибудь очень-жестокаго, если она рѣшилась писать ко мнѣ и называть меня *любимой*) — сестра моя, графиня, передала мнѣ разговоръ свой съ вами. Я вижу, что вы, по крайней-мѣрѣ, благоразумная женщина; но будьте же вполне благоразумны. Любовь такого мальчика, какъ сынъ мой, не можетъ быть долговѣчна. Вы ослѣплены его красотой; а я знаю его съ колыбели, я воспитала его! Онъ еще ребенокъ, и ему нужны игрушки. Вы приняли его сумасбродную выходку за глубоко-обдуманнѣй шагъ. Повѣрьте, что въ немъ на-половину было увлеченія, а на-половину дѣтскаго тщеславія, желанія убѣдить себя, что онъ, дѣйствительно, независимъ, что онъ уже *человекъ* и что у-него была серьезная исторія въ жизни, романъ, похищеніе... Вы могли занимать его нѣкоторое время; но теперь эта старая исторія и занимательности для него ужъ больше не имѣютъ. Зачѣмъ вамъ ждать, чтобы Гриша разлюбилъ васъ? Все это звонкія фразы. Вы умны и должны понять свое положеніе, а не увлекаться. Я пріѣхала сюда всего дней на десять и это время готова употребить на вашу пользу. Я берусь устроить вашу участь. Графиня Анна Петровна ѣздила къ вамъ по моей просьбѣ. Я не предвижу для васъ болѣе-удобнаго времени оставить Гришу и развязать себѣ и ему руки. *Мать теперь при немъ, поймите это!* Если отъѣздъ вашъ и поразитъ его нѣсколько, то *моё сердце, вспрытне, придумасть, чѣмъ залечить раны сердца моего сына.* Увѣжайте, прошу васъ. Тогда никто изъ насъ не будетъ вашимъ врагомъ. О будущности вашей мы всё, конечно, позаботимся. Не думайте, чтобы мы васъ захотѣли предоставить на волю судьбы. Сынъ мой богатъ, добръ и щедръ до расточительности—вы это хорошо знаете: онъ не откажется васъ обезпечить на всю вашу жизнь, и не какъ-нибудь, а, разумѣется, самымъ приличнымъ образомъ. Наконецъ, я сама беру это на себя и даю вамъ слово, что вы не будете нуждаться. Кажется, вы мнѣ можете повѣрить! Онъ у меня былъ всегда послушный сынъ, до его безумной, опрометчивой исторіи съ вами. Со вниманіемъ прочтите письмо мое, и вы поймете, что я васъ простила и желаю вамъ добра. Не упрямитесь! Какая вамъ выгода дожидаться, чтобы васъ разлюбили? Вамъ не пятнадцать лѣтъ: вы понимаете жизнь и должны понять, что люди воздухомъ не живутъ, и что если Богу будетъ угодно продлить вашу жизнь, то вамъ слѣдуетъ обезпечить себя на будущее время. Будьте благоразумны вполне, не мѣняйте вѣрнаго на ко-

кое-то странное и неимѣющее опредѣленной цѣли существованіе. Если вы рѣшитесь, увѣдомьте меня, адресуя письмо ваше на имя графини. Мы разстанемся друзьями.»

Предоставляю вамъ положить на вѣсы это письмо и мои чувства къ Гришѣ. Очевидно, Лидія Петровна мнѣ не довѣряла, и рассказъ графини о свиданіи со мной успокоилъ ее только вполвину. Она не знала, что обо мнѣ думать, и рѣшилась дѣйствовать *доброю*, какъ ей казалось. Но это *добро* было для меня хуже всѣхъ ея преслѣдованій и проклятій. Душа моя содрогнулась, подавленная моимъ положеніемъ и вынесенными мной испытаніями; гордость встала, воскресла вдругъ страшная, неумолимая. Я чувствовала себя неизмѣримо-высоко стоящею въ нравственномъ отношеніи надъ Лидіей Петровной, которая съ такимъ ужасомъ кричала всюду о моей безнравственности. Эта женщина и въ безкорыстнѣйшемъ движеніи моего сердца видѣла интригу и корысть, тогда-какъ въ битвѣ, на которую меня вызывало ея оскорбительное письмо, я стояла за человѣка, а Лидія Петровна за все то, къ чему могъ быть только ступенью этотъ человѣкъ. И она говорила, что Гриша ей дорогъ!...

За кого же эта женщина меня принимала? какъ низко ставила она меня не только на ступеняхъ общественной жизни, но и человѣческаго достоинства! Она мнѣ предлагала торгъ и чуть-чуть не назначала цѣны за своего сына. Я не выдержала, я не могла смириться; боль моего сердца была такъ сильна, что я могла успокоить ее только увѣренностью, что у Лидіи Петровны тоже заболитъ сердце отъ моего отвѣта. Я бы не отвѣчала вовсе, если бы молчаніе мое могло быть понято въ его настоящемъ значеніи; но я могла простить графинѣ, какъ женщинѣ безхарактерной и необдумывающей своихъ поступковъ ея инквизиторское посѣщеніе, Лидіи же Петровнѣ я не могла и не должна была простить ея жестокаго, уничтожающаго, ядовитаго письма. Съ наслажденіемъ написала я ей слѣдующій отвѣтъ :

«Я не предполагаю, чтобы можно было для человѣка устроить что-нибудь еще лучшее, нежели счастье. Гриша теперь счастливъ вполнѣ только убѣжденіемъ, что я его никогда не оставлю; мой долгъ не разрушать произвольно его счастья и не отнимать себя у его любви: онъ меня любитъ, онъ счастливъ мной—поймите это! Изъ уваженія къ его сыновнимъ чувствамъ могу сдѣлать для васъ одно только: я не покажу *ему* *вашего* письма.»

Говорятъ, что Лидія Петровна заболѣла, получивъ мою записку.

Я сдержала свое обещаніе и не сказала Гришѣ ни слова о посвященіи графини и о письмѣ Лидіи Петровны; но уничтожить это письмо я не рѣшалась; напротивъ, я какъ-то болѣзненно упивалась каждой ядовитой фразой его.

Я забываю еще одно обстоятельство: графиня отдавала меня передъ окончаніемъ моего воспитанія въ пансіонъ. Вообще это дѣлаютъ многія; но я никакъ не могла понять, для чего, и никогда не могла придумать другой причины, какъ только ту, что это дѣлается съ цѣлью забыть *ребенка*, и, придавъ прелесть новизны *дѣлушкѣ* передъ выѣздомъ ея въ свѣтъ, возбудить въ себѣ самой усыпающее желаніе заниматься съ горячностью своей живой игрушкой.

Въ пансіонѣ меня очень любили, и въ полтора года, которые я тамъ провела, у меня явилось нѣсколько пріятельницъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, разумѣется, забыли клятвы въ дружбѣ тотчасъ послѣ выхода, другія оставались вѣрными и встрѣчались со мной съ восторгомъ, пока я не оставила дома графини. Конечно, послѣ этого произошла и въ нихъ перемѣна. Встрѣчаясь со мной на улицѣ, онѣ краснѣли и отворачивались. Я поняла, что не должна позволять себѣ раскланиваться съ ними; я глотала слезы и отворачивалась также.

Говорить, что сердце у меня отъ этого не болѣло, я не могу; но Гриша не зналъ ничего. Двѣ изъ пансіонскихъ пріятельницъ оставались мнѣ вѣрными. Одна была съ мужемъ за границей, другая жила въ деревнѣ своего мужа, обѣ переписывались со мной изрѣдка. Я получила письмо изъ деревни. Пріятельница моя съ ужасомъ сообщала мнѣ, что мужъ ея ѣздитъ въ Петербургъ и тамъ слышался обо мнѣ толковъ (тутъ она мнѣ передала подробно, какихъ именно толковъ), и что послѣ этого онъ запретилъ ей писать ко мнѣ, видѣться со мной, даже вспоминать при чужихъ людяхъ мое имя. Она меня умоляла написать къ ней такъ, чтобы, показавъ письмо это, она могла опровергнуть убѣжденія своего мужа, измѣнить его рѣшеніе; она умоляла меня оправдаться и не сомнѣвалась, что это для меня очень-легко.

Я не отвѣчала: что могла я отвѣчать?... Люди считали мои поступки—Господь одинъ считалъ мои битвы, видѣлъ мои слезы.

Если бы любовь моя была слабѣе, или я сама была слабѣе, я рѣшилась бы упасть къ ногамъ Гриши и умолять его на мнѣ жениться; но онъ вѣрилъ, что мать его не переживетъ этой женитьбы, онъ содрогался при мысли, что она прекланетъ насъ.

Быть-можетъ, онъ и уступилъ бы моимъ просьбамъ; но я не хотѣла поставить его лицомъ-къ-лицу съ борьбой, которой бы не вынесла его душа и даже, можетъ-быть, не вынесла бы его любовь: я молчала, я нагнула свою голову подъ всѣ удары, подъ всѣ осужденія.

Однако, сердце человѣческое слабо. Я хотѣла, чтобы, по-крайней-мѣрѣ, Гриша понялъ и оцѣнилъ вполне душой жертвы, которыя я ему безконечно приносила, никогда ничего не объясняя, никогда на нихъ не указывая.

А Вася Пельгинъ... Говорила ль я вамъ о немъ?... Это былъ другъ Гриши, и въ былое время моей свѣтской жизни онъ былъ и моимъ другомъ. Клялся онъ не разъ, что никакіе поступки мои не заставятъ его отъ меня отвернуться и что во всякомъ случаѣ моей жизни онъ готовъ будетъ протянуть мнѣ руку. Я вѣрила, потому-что считала сердце его хорошимъ; я думала, что такое сердце способно выкупить всѣ недостатки его головы. Онъ женился недавно, за мѣсяць до нашего возврата изъ деревни въ Петербургъ. Я ожидала, что едва-ли онъ не бросится мнѣ на шею, что онъ пойметъ вполне подвигъ самоотверженія моего и не покраснѣетъ за дружбу свою ко мнѣ. На просьбу пріѣхать ко мнѣ онъ пріѣхалъ, но былъ все время своего визита стѣсненъ, принужденно-ласковъ, остороженъ. Ни слова о женѣ... боялся намекнуть о ней, чтобы я не вздумала пріѣхать познакомиться, или, быть-можетъ, чтобы не вспоминать ея чистаго имени передо мной!... Боже, какъ ныло сердце у меня! Онъ вышелъ. Я почувствовала на щекахъ своихъ двѣ крупныя, тяжелыя слезы, выжатая сознаниемъ моего положенія.

Итакъ, всѣ отъ меня готовы были отвернуться. Я была одна, одна въ этомъ пространномъ мірѣ, одна въ этомъ многолюдномъ обществѣ!

Подвигъ Пельгинъ приглашалъ часто Гришу къ себѣ, и Гриша ѣздилъ къ нему съ удовольствіемъ. Обо мнѣ между ними никогда не было помину. Пельгинъ въ-теченіе года зашелъ еще раза два ко мнѣ, потомъ пересталъ бывать.

Положимъ, что всѣ эти обстоятельства ничтожны въ-сравненіи съ счастьемъ любить и быть любимой; но напрасно я себя успокоивала этимъ разсужденіемъ: душа разбивалась, гордость страдала, въ сердцѣ зарождалось озлобленіе, въ характерѣ проявлялась робость. Смириться я не могла: во мнѣ было сознаніе, что любовь моя сильнѣе всѣхъ испытаній, что ни одна женщина

не могла бы любить съ такимъ самоотверженіемъ, съ такимъ самозабвеніемъ; бороться я не умѣла: я могла только устоять въ своемъ чувствѣ, но измѣнять своей обстановки не могла.

А между-тѣмъ я понимала, что если любовь такого молодого существа, какъ Гриша, приметъ характеръ сожалѣнія, что если никогда ничто уже во мнѣ не польститъ его тщеславію, то недолговѣчна будетъ эта любовь. Мужество мое угасало, будущности у меня не было, настоящее томило меня.

Тутъ только я почувствовала, до какой степени я слабая, бѣдная женщина. Но гордость мнѣ не позволяла раскрыть передъ Гришей всей горькой стороны моего положенія: это значило напрашиваться... Онъ не останавливалъ своего вниманія на испытаніяхъ, которымъ я подвергалась; я не указывала ему на нихъ. Онъ лаской и своимъ дѣтскимъ весельемъ умѣлъ всегда разнѣжить мою душу; въ его присутствіи я невольно улыбалась, я почти была счастлива, я забывала горечь своего безвыходнаго положенія.

— Говори, что ты меня любишь, говори! повторяла я ему.

Онъ удивлялся моему ребяческому требованію, не понимая, что мнѣ надо было звукомъ этихъ словъ заглушить въ себѣ страхъ, оледенявшій меня всю, и горечь, наполнявшую мою душу.

ТЕТРАДЬ III.

Наступила зима. Я ждала съ трепетомъ первыхъ звуковъ балльной музыки. Я изучила характеръ Гриши и знала хорошо страсть его къ баламъ, пристрастіе къ большому свѣту. Я понимала, что это рубежъ, за которымъ кончалась наша совмѣстность и начиналось разъединеніе мыслей, интересовъ, можетъ-быть, чувствъ... Потому надежда просыпалась во мнѣ, безумная надежда, что любовь одолѣетъ въ немъ жажду свѣтскихъ развлеченій, что онъ вспомнитъ невольно о томъ времени, когда мы вмѣстѣ веселились, когда мы ѣздили въ свѣтъ, чтобъ встрѣчаться въ этихъ же залахъ и обмѣниваться веселымъ взглядомъ, когда мы наслаждались всѣмъ одинаково и на равныхъ правахъ. Сердце ему скажетъ, что онъ одинъ теперь сохранилъ свои права, и пожалѣетъ онъ меня, и совѣстно ему станетъ съ прежней неутомимостью, съ прежнимъ упоеніемъ летѣть на каждый призывъ, на каждый шумъ праздника, на каждый отголосокъ бала. Я вѣрила без-

гранично въ сердце Гриши: оно, по моему понятію, могло замѣнить въ немъ опытъ, предусмотрительность, размышленіе, провицательность. Казалось, всё побужденія этого сердца были такъ полны доброты и нѣжности, что необдуманность, вѣтренность и жажда веселья никакъ не могли заглушить ихъ. Мнѣ вѣрилось, что сердце его отгадаетъ то, чего глаза могутъ и не замѣтить. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ пришелъ сообщить настойчивое приглашеніе своего генерала на балъ. Не вѣхать нельзя было; но онъ вѣхалъ неохотно. Это меня значительно успокоивало насчетъ всей зимы. Еще сознаніе утраченныхъ мной изъ-за него правъ на общественныя удовольствія и воспоминаніе о времени, когда онъ ѣздилъ на балы *танцовать со мной*, не изгладилось изъ его памяти: ему какъ-будто совѣстно и неловко было собираться на балъ и возвращаться къ обществу, въ которомъ для меня ужъ нѣтъ мѣста. Мнѣ отрадно было подмѣтить въ немъ подобное движеніе души, и я съ улыбкой проводила его на первый балъ.

Но на другой день, когда онъ рассказывалъ мнѣ о балѣ съ наслажденіемъ, странное безпокойство закралось въ мое сердце.

— Гришенька, сказала я: — помни только, что ты общалъ мнѣ не искать новыхъ знакомствъ, не жаждать частыхъ приглашеній.

— Помню и исполню свое обѣщаніе, отвѣчалъ онъ.

Я вздохнула свободнѣй и протянула ему руку.

На слѣдующей недѣлѣ онъ танцевалъ на двухъ балахъ; на слѣдующей еще четыре бала дали мнѣ четыре бессонныя, томительныя ночи. Гриша былъ веселъ, какъ ребенокъ, которому досталась его любимая игрушка.

— Если въ-теченіе зимы я попрошу тебя отказаться отъ одного какого-нибудь бала, откажешься ли ты? спросила я его, сдѣлавъ внутренне грустное сравненіе его и моей жизни и чувствуя, что свѣтъ начинаетъ отнимать его у меня.

— Какая ты странная, право! воскликнулъ онъ: — зачѣмъ же я буду отказываться?...

Этотъ отвѣтъ больно уязвилъ мою душу. Я думала, что, не ожидая моей просьбы, онъ будетъ самъ иногда отказываться отъ баловъ, но не смѣла сказать ему этого.

И вотъ началась жизнь, о которой я не могла имѣть понятія. Гриша считалъ балы—я считала томительные вечера, проводимые мной въ безмолвіи, одиночествѣ, бездѣйствіи, подъ гнѣтомъ

тяжкихъ мыслей, безъ слова чьего-нибудь участія, безъ единого звука человѣческаго голоса, который бы разбудилъ царствующее вокругъ молчаніе и нарушилъ тишину моего тоскливаго ожиданія. Я считала безсонныя ночи длинными, безмѣрными часами, прислушиваясь, не заскрипитъ ли калитка, и иногда только среди глухаго безмолвія у меня вырывалась фраза: «теперь, вѣрно, танцуютъ такую-то кадрили!» или: «не-уже-ли онъ и теперь такъ же много вальсируетъ, какъ прежде?» Опять впадала я въ молчаніе и ждала. Минуты были вѣчностью: я брала часы въ руки— три часа: «конечно, началась уже мазурка!» говорила я себѣ, и мой голосъ пугалъ меня самою среди свинцоваго безмолвія ночи. Потомъ молилась я, молилась на колѣняхъ, просила измѣнить мою жизнь, а покажѣть хоть дать мнѣ терпѣніе; слезы ручьемъ бѣжали на сжатые крѣпко крестомъ мои руки.

Благовѣсть къ заутрени заставлялъ меня всегда одѣтую и виѣ постели; наконецъ раздавался скрипъ калитки. Сердце у меня останавливалось на-минуту въ груди. Я прислушивалась къ шагамъ Гриши...

— Отчего ты не спишь? говорилъ онъ, входя съ улыбкой и оживленіемъ.

— Не могу.

— Какая это съ твоей стороны глупость!

И онъ нахмуривался, бросая нетерпѣливо на стулъ свою шубу.

— Тебѣ было весело? спрашивала я его съ замираніемъ сердца.

— Да, очень, я просто до-упаду танцевалъ; въ-особенности въ мазуркѣ меня все выбирали.

И при этомъ воспоминаніи онъ принимался улыбаться. Онъ рассказывалъ мнѣ съ восторгомъ подробности бала, потомъ передавалъ весело новыя приглашенія на *всю слѣдующую недѣлю*. Душа моя такъ и ныла отъ тоски... Мало-по-малу онъ принялъ привычку не оставаться никогда по вечерамъ со мною, и въ тѣ дни, когда не было бала, онъ отправлялся въ театръ, потомъ ужиналъ съ товарищами, такъ-что никогда ранѣе четырехъ часовъ утра не возвращался домой. Съ этой праздною жизнью, съ этой сердечной пустотой я не могла примириться, и, хотя онъ по-прежнему былъ ласковъ и нѣженъ со мною, я сомнѣвалась въ любви его; я дрожала передъ своимъ будущимъ и изнывала отъ опрокинушаго всѣ мои надежды настоящаго.

Еслибъ я могла заснуть, забыться; но мысль и сердце не дремали во мнѣ: онѣ были напуганы, а гордость возмущена. Прошелъ мѣсяцъ. Зеркало говорило мнѣ, что я измѣнилась: глаза мои погасли, на лицѣ лежала печать изнуренія; я состарѣлась нѣсколькими годами вдругъ. Тогда я стала думать о тѣхъ женщинахъ, съ которыми онѣ танцуетъ всякій вечеръ, о глазахъ этихъ женщинъ, отражающихъ блескъ брильянтовъ и сверкающихъ заимствованнымъ отъ брильянтовъ блескомъ, о цвѣтахъ и прическахъ, о кружевныхъ и газовыхъ платьяхъ, о лицахъ, оживленныхъ веселой улыбкой и тѣмъ румянцемъ, который даетъ намъ бальная атмосфера; я думала о музыкѣ, которая покрываетъ несвязныя, пустыя рѣчи и пошлыя мысли, а чаще всего она покрываетъ отсутствіе всякой мысли; я думала объ открытыхъ плечахъ и стянутыхъ таляхъ свѣтскихъ барышень, о многозначительныхъ взглядахъ свѣтскихъ барынь; думала о праздничномъ шумѣ и сравнивала со всѣмъ этимъ тишину, одиночество, томительную скуку своей жизни, глаза мои, измученные слезами, сердце, измученное тревогой и тоской, лицо, измученное бессонницей. Я съ трепетомъ ждала Гришу.

Онѣ возвращался веселый, беззаботный и спѣшилъ заснуть, потому—что завтра опять ему надо ѣхать на балъ! Послѣ цѣлаго вѣка ожиданій я ни одного слова не получала на свою долю. Я никогда не могла понять, какъ ни рззу мысль его не обратилась ко мнѣ, какъ сердце ему не сказала, что меня оскорбляетъ эта жажда веселья, эта гоньба за удовольствіями, которыхъ я не могла болѣе съ нимъ раздѣлять.

И я не выдержала наконецъ...

Со слезами на глазахъ я ему сказала, что онѣ могъ бы ѣздить не на каждый балъ и рѣже ужинать съ товарищами. Гриша вспыхнулъ, и первымъ словомъ его было: «я не могу отказываться отъ свѣта, я не могу отказываться отъ товарищей!»

Я не ожидала отъ него такой вспыльчивости. Глубоко-уязвленная его отвѣтомъ, я замѣтила, что онѣ, повидимому, легче всего можетъ отказаться отъ меня.

— Я и отъ тебя не думаю отказываться, перебилъ онѣ меня съ досадой. Сдѣлай милость, не мучь меня, не надовдай мнѣ! Я думалъ, что ты будешь всегда ласковой и любящей, а ты требовательна какъ никто!

Я замолчала, но послѣ этого объясненія стала еще болѣе мучиться каждымъ его отсутствіемъ. Итакъ, на мою долю выпала

роль преданной собаки, тоскливо ожидающей возврата своего господина: когда Гриши со мной не было, я повторяла себѣ это, и гордая душа моя возмущалась, досада и горечь кипѣли въ груди; а пріѣзжалъ онъ—я спѣшила насладиться его присутствіемъ.

Припоминая теперь эту пору нашей совмѣстной жизни, я должна вамъ сказать, что онъ пріѣзжалъ взглянуть на меня, пожать мнѣ руку, какъ-будто убѣдиться, что я дѣйствительно существую, потомъ твердилъ, что надо отдохнуть ему, и все присутствие его ограничивалось нѣсколькими часами крѣпкаго сна между послѣдней мазуркой и первымъ утреннимъ визитомъ: будить его ранѣе той минуты, когда ему надо было ѣхать со двора, опять въ свѣтъ, или на пирушку съ товарищами, было невозможно. Онъ мнѣ улыбался ласково и находилъ, что я должна довольствоваться этимъ. Обмѣняться словомъ, подѣлиться мыслью мнѣ, кромѣ его, было не съ кѣмъ, а потребность эта не дремлетъ ни въ одномъ образованномъ существѣ; но объ этомъ онъ не думалъ, а еслибъ и вспомнилъ, то ему было нѣкогда оживить во мнѣ мысль и душу словомъ любви и участія. Печаль моя не трогала его сердца, упадокъ здоровья былъ имъ не замѣченъ: онъ составилъ себѣ идею, что я требовательна, и заключился безвыходно въ этой идеѣ; онъ не понималъ, отчего я недовольна своей судьбой, и сердился на меня. Не знаю, какъ онъ смотрѣлъ на нашъ союзъ, который въ глазахъ моихъ никогда не былъ обыкновенной, пошлой связью: еслибъ хоть одна изъ идей, распускаемыхъ Лидіей Петровной на мой счетъ, была справедлива, я бы, при всѣхъ этихъ условіяхъ, могла быть спокойной и счастливой.

Иногда мнѣ казалось, что проклятіе ея преслѣдуетъ меня и тяготѣетъ надо мной.

Отнимите меня у его привязанности, порядокъ жизни его не нарушится; отнимите его у любви моей, и у меня тогда не будетъ жизни. Вы понимаете, что вокругъ меня все рушилось, что возвратъ для меня къ прошлому былъ невозможенъ. А онъ? Въ чемъ измѣнилась его жизнь, разрушилась ли хоть одна связь этой жизни? Онъ просто къ прежнимъ своимъ привычкамъ прибавилъ еще одну привычку — имѣть подлѣ себя преданное, любящее его до самозабвенія сердце.

Вы можете легко представить, до чего во мнѣ доходилъ страхъ потерять его любовь; а, между-тѣмъ, знаніе человѣческаго сердца говорило мнѣ, что, при такой обстановкѣ, недолго уживется лю-

бовъ въ его молодомъ сердцѣ. Однообразіе нашихъ свиданій, разъединеніе нашихъ интересовъ, исключеніе меня изъ того общества, гдѣ все занимало и веселило его, могло быстрыми шагами привести такое молодое сердце къ охлажденію. Мое воспоминаніе перестало соединяться съ воспоминаніемъ о его удовольствіяхъ, и темное сознаніе, что ему вездѣ веселѣе, нежели дома, должно было значительно для него уменьшить цѣну моего присутствія и цѣну нашей домашней жизни. Самая моя личность потеряла для него цѣну съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ пересталъ меня встрѣчать въ обществѣ; безсознательно платилъ онъ дань зароненному въ душѣ его тщеславію; неважѣтно для него самого въ обращеніи его со мной сталъ проявляться тонъ деспотическій, нетерпѣливый, невнимательный и, при малѣйшемъ прекословіи, почти грубый, котораго бы онъ никогда не допустилъ въ себѣ относительно женщины высшаго круга (*femme de société*). Я вынуждена употребить это французское выраженіе, чтобъ передать вамъ отчетливо и со всей полнотою мою мысль. Я стояла теперь внѣ общества, которое онъ посѣщалъ, и онъ со мной повтому не церемонился—вотъ чтó часто я говорила себѣ съ горечью и жолчью. Я помнила бывшее время—то время, когда онъ видѣлъ, какъ со мной обращались другіе, и помнила, какимъ-образомъ онъ тогда, подкрестуя примѣру этихъ другихъ, обращался самъ со мной. Теперь я видѣла себя безъ власти, безъ силы, безъ опоры: сознаніе моего ничтожества убивало меня.

Иногда мнѣ хотѣлось оживить домашній уголъ нашъ, созвавъ къ себѣ нѣсколько лицъ. Это не бредъ: несмотря ни на чтó, у меня еще уцѣлѣло нѣсколько друзей, которые только ждали моего призыва, чтобъ протянуть мнѣ руку; но, при намека моемъ на эту идею, Гриша безпокладно бранилъ всякаго, на кого я могла еще рассчитывать. Я должна была сознать, что появленіе несимпатичныхъ для него лицъ выживетъ его изъ дому, а не привяжетъ къ дому. Такимъ-образомъ, я отказывалась отъ всякой попытки и продолжала слѣдить за выраженіемъ усталости и скуки на его лицѣ, ждать его возврата, смотрѣть на него спящаго, будить *во-время*, то-есть въ назначенный имъ самимъ часъ, слѣдить потомъ, какъ торопливо онъ одѣвался, и провожать его снова со двора.

Если я вамъ скажу, что все это я дѣлала съ кротостью и смиреніемъ, я солгу: я была горда, слѣдовательно не могла перенести мысли, что онъ не признаетъ меня, не гордится моею лю-

бовью и гордится поклономъ какой-нибудь женщины, которая и глупѣ меня и ничуть некрасивѣ: моя безответная роль въ его жизни меня возмущала. Я была ревнива, слѣдовательно возможность частыхъ для него сравненій моего усталого лица, моего грустнаго, утомленнаго взгляда съ нарядными барынями, подъ говоръ рѣчей, подъ громъ бальной музыки, пугала меня. Я его любила; за рубежомъ этой любви у меня ничего не было; слѣдовательно; убѣжденіе, приносимое мнѣ на каждомъ шагу его обращеніемъ со мной, это горькое убѣжденіе, что ему и поговорить со мной не хочется и приласкать меня нѣтъ нужды, убивало меня, наполняло душу мою отчаяніемъ.

Въ такомъ положеніи молчать трудно; у меня нерѣдко вырывались слезы и вздохи. Гриша тогда выходилъ изъ-себя, и разговоръ, начатый пустымъ объясненіемъ, кончался серьезной ссорой. Я выслушивала такія жесткія слова, такія вспыльчивыя фразы, такіе безпощадные упреки, что мнѣ страшно становилось оставаться подъ впечатлѣніемъ ихъ, а Гриша уходилъ. Я бросалась къ нему и говорила съ мучительной тревогой: «Дай руку мнѣ; не уходи такъ!» Вѣрите ли, Гриша грубо отталкивалъ меня и съ восклицаніемъ: «ты меня удерживаешь, ты мнѣ вѣчно мѣшаешь; это адъ, а не жизнь!» захлопывалъ за собой дверь, безжалостно оставляя меня въ жертву всей безотрадности, всему ужасу моихъ предположеній.

А, между-тѣмъ, онъ ко всѣмъ былъ добръ, какъ ангелъ! Вотъ это-то сознаніе и удваивало еще для меня горечь подобныхъ поступковъ со мной. Не знаю до-сихъ-поръ, отчего онъ боялся выказать мнѣ хоть мгновенную чувствительность, пожалѣть меня, не уничтожать меня вполне: не-уже-ли я и этого не стоила?..

Еще меня поддерживало убѣжденіе, что Гриша не скрываетъ отъ меня ни мыслей, ни поступковъ: въ его довѣрчивомъ разсказѣ минутъ, проводимыхъ вдали отъ меня, я видѣла какъ-бы стремленіе, вопреки всему разъединяющему насъ, присоединять меня къ своей жизни; но мало-по-малу и эта милая привычка уступила въ немъ какой-то ложной идеѣ, приставшей къ нему вслѣдствіе ученій о жизни и взглядовъ на жизнь его товарищей. *Его товарищи* — это былъ всесильный авторитетъ, передъ которымъ Гриша безсознательно преклонялся. Они меня не знали, существованія моего не подозревали, и потому зло, происходившее отъ нихъ, не было съ ихъ стороны преднамѣреннымъ; но все-таки-того оно было дѣйствительнымъ. Обычная страсть моло-

дѣжи нынѣшняго вѣка хватать безнравственностью правилъ и сухостью сердца во всеуслышаніе пріучала постепенно Гришу смотрѣть легкомысленно на мое положеніе и не считать болѣе святыней нашего союза.

Но онъ ни разу не подумалъ, что еслибъ его товарищи могли подсмотрѣть, какъ онъ утромъ каждаго дня запиралъ дверь и становился передъ иконой на колѣни, они бы тоже смѣялись и не поняли бы его глубокой, истинной набожности, тогда—какъ я за это простое, дѣтское ея изъявленіе чувствовала къ Гришѣ безконечное уваженіе и безграничную нѣжность. Такъ чуждъ онъ былъ самаго невиннаго лицемѣрія, что, не задумываясь, вѣрилъ ихъ взглядамъ, незамѣтно усвоивалъ ихъ изъ страха быть отсталымъ, а не подумалъ ни разу, что, только оставаясь всюду самимъ собою, онъ бы овладѣлъ совершенно мнѣніемъ своихъ товарищей.

Вы поняли теперъ, что вамъ нѣ для чего дѣлать мнѣ вопроса, который такъ многіе мнѣ дѣлали и тогда и потомъ: *отчего, будучи совершенно независимымъ, Гриша не женился на мнѣ?* Онъ никогда не признавалъ очевидной зависимости и не подчинялся ни за что совѣту родныхъ, друга, любимой женщины, это правда; за-то мнѣніе людей, которые могли только судить по-верхамъ, вскользь и не углубляясь ни во что, держало его волю постоянно на крѣпкой веревочкѣ, разумѣется незамѣтно, и бессознательно для него—самого. Не осуждайте: вѣдь съ колыбели его воспитывали такъ, чтобъ всѣми его поступками на всю жизнь управляло тщеславіе. У родныхъ его были свои особенныя цѣли воспитывать его такимъ-образомъ, и на тщеславіи, а не на правилахъ нравственности взростили они эту богатую всѣмъ прекраснымъ натуру. Вообще, въ богатыхъ наслѣдникахъ никогда не воспитываютъ *человѣка*; рѣдко богатаго наслѣдника воспитываютъ для него—самого, за-то почти всегда для другихъ. Въ немъ развиваютъ тѣ наклонности и, если можно, поселяютъ тѣ пороки, изъ которыхъ потомъ могутъ извлекать постоянно свою пользу его приближенные.

Такъ точно взростили и воспитали Гришу. Я поняла это, когда наконецъ сжилась съ нимъ и поступила въ совершенную отъ него зависимость. Идеи воспитанія нерѣдко заглушали въ немъ лучшія побужденія сердца. Я постепенно поняла, что мнѣ нѣчего надѣяться и что я должна бояться каждой переменны въ своемъ

состояніи, потому-что переменны къ лучшему для меня быть не можетъ.

Были, однако, люди, которые осуждали Гришу за меня и находили непростительнымъ съ его стороны не измѣнить моего положенія совершенно, тогда-какъ это отъ него одного вполнѣ зависѣло. Его упрекали въ страшномъ эгоизмѣ, въ неумѣннн оцѣнить меня и моей привязанности, въ недостатокѣ совѣстливости; иные заподозривали его даже въ недостатокѣ благородства, въ безсердечіи. Я же умѣла только любить его и прощать. Но, конечно, встрѣчая дѣтей, розовыхъ, веселыхъ и беззаботныхъ, я отворачивалась, чтобъ не видѣть радостной улыбки ихъ матери, и творила про-себя молитву, въ которой было жаркое отреченіе отъ всѣхъ радостей матери, лишь бы Гриша былъ доволенъ своей судьбой, лишь бы мнѣ не быть поставленной судьбою въ необходимость, быть-можетъ, осудить его, или потребовать отъ него жертвы.

Съ наступленіемъ великаго поста я отдохнула душой: Гриша былъ со мной чаще; пріемные дни кончились, бальныя залы затворились, оркестры затихли и свѣчи погасли. Однако, какъ-будто этой тишины ждали мои силы, чтобъ оказаться разрушенными: я заболѣла. Болѣзнь моя была причиной возврата нѣжности и вниманія со стороны Гриши. Я заставила себя жить только настоящимъ... То было не прежнее счастье, это баснословное счастье первыхъ дней нашей взаимной любви, но все же у насъ было еще счастья довольно.

Лидія Петровна была далеко, графиня уѣхала за границу, меня наконецъ могли забыть, а Гришу оставить въ покоѣ; но суждено было иначе. Каташъ вышла замужъ наконецъ, къ неописанному восторгу своему и своей маменьки. Мужъ ея пріѣхалъ въ Петербургъ, въ надеждѣ получить полкъ. Не знаю, съ чего вообразилось этому господиву, что онъ бы получилъ гораздо-болѣе за женой, еслибъ я вовсе не существовала. Деньги ему были очень-нужны, а потому онъ не простилъ мнѣ своего недочета въ деньгахъ, и на меня опять, ужъ прямо съ его стороны, посыпались безобразныя, гнусныя клеветы, способныя ядомъ своимъ убить самую живую натуру.

Такимъ-образомъ, мнѣ не было отдыха отъ испытаній, глазамъ моимъ — отъ слезъ, а груди — отъ вздоховъ.

Но чѣмъ дороже обходилась мнѣ любовь Гриши, тѣмъ сильнѣе и больше, и трепетнѣй, и болѣзненнѣй я его любила; чѣмъ болѣе

разрушали связей вокругъ меня, тѣмъ болѣе меня уничтожали, тѣмъ болѣе запирали для меня пути къ исходу, тѣмъ, разумеется, крѣпче и тѣснѣе я привязывалась къ Гришѣ. Иначе не могло быть: вокругъ меня разрушали все; онъ одинъ у меня оставался; я могла жить только имъ, а вынуждена была изолироваться въ своемъ чувствѣ, и внѣ этого чувства жизнь становилась для меня все невозможнѣй—и—невозможнѣй. Гриша былъ добръ и ласковъ. Во мнѣ проснулась темная надежда, что на будущее время онъ будетъ осторожнѣе веселиться, то—есть будетъ веселиться на сколько это не уничтожаетъ моихъ правъ, не убиваетъ моей вѣры въ него, не разрушаетъ моихъ мировъ. Я думала, что болѣзнь моя дала ему урокъ сильнѣе всѣхъ моихъ слезъ и увѣщаній; но онъ упорствовалъ не понимать никогда настоящей причины моей болѣзни.

Опять зима. Онъ предварилъ меня, что будетъ ѣздить въ свѣтъ, и увѣрялъ, что дѣлаетъ это равно для насъ обоихъ. Я никогда не могла понять, отчего непременно нужно ему быть на *всѣхъ* балахъ и *на каждомъ* оставаться даже послѣ мазурки. Я и теперь этого не пойму, хотъ дѣло прошлое.

Однако, я рѣшилась вооружиться терпѣніемъ и ждать, какъ поведетъ онъ въ этотъ разъ себя. Не отъ меня зависѣло измѣнить нашу жизнь; мнѣ оставалось терпѣть и соображаться съ ней, ничего не ждать, не требовать, не желать. Всю жизнь мечтала я о радостяхъ жизни съ человѣкомъ любимымъ, чувства и мысли котораго сливались бы съ моими чувствами и мыслями, жадно хотѣлось нераздѣльной жизни съ нимъ; но судьба мнѣ и въ этомъ, видно, отказывала: мы жили розно; вездѣ всюду и во всемъ мы были раздѣлены. Гришѣ было некогда заботиться обо мнѣ, ему даже некогда было любить меня: балы, выѣзды, холостыя пирушки—все тотъ же водоворотъ свѣтской жизни съ наступленіемъ зимы готовился овладѣть имъ снова.

И какъ любилъ онъ эти двѣ жизни, жизнь холостую и жизнь свѣтскую, этого вы не можете себя представить!...

Я хотѣла быть твердой и терпѣливой, хотѣла, но не могла.

Первый балъ воскресилъ во мнѣ всѣ прежнія стихнувшія терзанія; только сила ихъ увеличилась воспоминаніемъ прошлогодней зимы. Память вынесенныхъ мною мукъ дѣлала для меня невозможнымъ предположеніе — «можетъ—быть, мнѣ только такъ казалось, можетъ—быть, будетъ легче!»—Нѣтъ, я знала мѣру и цѣну памятнымъ мнѣ испытаніямъ. Душа испугалась, гордость возму-

тилась. Я вспомнила разговоръ свой съ графиней и гордое обѣщаніе, данное мною ей тогда.

Еще разъ попробовала я сказать Гришѣ, что не могу выносить такой жизни, еще разъ рѣшилась сознаться въ своей слабости и просить его заранѣе намѣтить границы нашему будущему существованію.

Я плакала передъ нимъ, а ему хотѣлось спать послѣ бала—и онъ принялъ мои слова нетерпѣливо, вспыльчиво, почти грубо... Вечеромъ онъ долженъ былъ ѣхать опять на другой балъ. Я оставила его спящимъ и вышла изъ дому. Безъ цѣли бросилась я въ первыя попавшіяся мнѣ сани и безъ цѣли велѣла возить себя по улицамъ. Я задыхалась: мнѣ надо было воздуху. Я усиливалась думать, что я больна, что мнѣ надо только освѣжить нервы и что тогда я успокоюсь совершенно и буду имѣть силы молчать.

Но, между-тѣмъ, горькая мысль не оставляла меня и мало-помалу принимала размѣры рѣшимости. Въ его жизни я какъ-будто становилась лишнимъ, придаточнымъ существомъ; для счастья его присутствіе мое ужъ не было болѣе необходимо; онъ переноситъ нашу жизнь ради меня, но для себя онъ, можетъ-быть, не желалъ бы ужъ ея болѣе—вотъ что твердила я себѣ и изъ всѣхъ этихъ мыслей выводила одно заключеніе: необходимость оставить его на произволъ его вкусовъ и стремленій, какъ лишнюю мебель убрать себя съ дороги.

Я продолжала безцѣльную прогулку. Пушинки остраго снѣгу били меня по лицу, морозный вѣтеръ щипалъ за щеки; но голова и сердце не успокоивались. Какъ-будто для болѣея моей рѣшимости, на поворотѣ одной изъ улицъ я встрѣтилась съ щегольскими санями, въ которыхъ сидѣла нарядная Каташъ съ мужемъ. Она толкнула локтемъ своего важнаго, несущаго высоко впередъ дебетую грудь мужа. Его откинута назадъ и засѣвшая торжественно въ плечахъ голова подалась вдругъ впередъ; онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ что-то женѣ, которая, поравнявшись со мной, не обинуясь, указала на меня пальцемъ и громко расхохоталась. Вся кровь мнѣ бросилась въ голову отъ ея наглаго жеста и снова отхлынула къ сердцу, обрызнувъ свѣжія его раны.

Такъ вотъ моя жизнь! Въ чемъ же возмездіе за всѣ испытанія?—нигдѣ и ни въ чемъ...

Я возвратилась къ обѣду. Гриша еще спалъ. Насилу удалось мнѣ разбудить его.

Мы сѣли за столъ. Я старалась не думать, что это въ послѣдній разъ; вообще я говорила всѣмъ мыслямъ и всѣмъ чувствамъ своимъ въ этотъ день одно неумолимое «молчите!» И онѣ молчали; молчало все во мнѣ, кромѣ рѣшимости совершить надъ собой послѣднюю жертву, разбить и уничтожить окончательно свое существованіе. Я не рождена была сносить пощаду. Сознаніе говорило мнѣ, что я заслуживала не одной пощады, а чувства любви и уваженія, не бессознательной страсти, а дѣйствительной и полной оцѣнки всего: и меня, и горя моего, и чувства моего. Я боялась смотрѣть на Гришу, потому что безумная нѣжность моя проснулася бы при видѣ этого милаго лица, воскресли бы въ памяти всѣ счастливые часы, всѣ нѣжныя слова, всѣ жгучія ласки, которыя еще и теперь иногда мимоходомъ выпадали на мою долю. Ужась разлуки владѣлъ мной и безъ-того такъ сильно, что я не понимала, какъ совершу свое добровольное отреченіе.

Самоубійца, приставляя ко лбу пистолеть, говорить себѣ въ ободреніе минутъ страданія: «а тамъ все будетъ кончено, все замолкнетъ; тамъ ждетъ меня вѣчность безмолвія!» Я не могла сказать себѣ этого: за минутой рѣшимости для меня стояла вѣчность безотраднѣйшій мѣки, безысходнаго томленія; я обрекала истребленію не себя, а жизнь свою, свои права, свои радости, себя же я оставляла зрительницей этого разрушенія. Знаете ли, въ чемъ была моя сила?—въ сознаніи, что меня за всю мою жизнь никто не берегъ и не щадилъ...

Однако, въ эту минуту вновь рука моя стынеть: я не въ-силахъ описать вамъ, что я чувствовала, но расскажу вамъ по порядку происшествія.

Послѣ обѣда Гриша взялъ книгу. Онъ видимо былъ недоволенъ моимъ молчаніемъ и грустью, а потому рѣшился не объясняться со мной и вообще какъ-можно-меньше говорить. Я сидѣла напротивъ, чувствовала его присутствіе, но не смѣла смотрѣть: иначе, я бы разрыдалась и бросилась къ его ногамъ.

Безсвязная исповѣдь, изъ которой бы онъ ничего не понялъ, которую онъ назвалъ бы сценой, бредомъ, не удовлетворила бы ни одного изъ насъ. Я не хотѣла на прощаньи жесткихъ словъ.

Въ девять часовъ онъ сталъ одѣваться. Я смотрѣла на него машинально и слѣдила за малѣйшимъ движеніемъ. Пробыло десять. Онъ застегнулъ послѣднюю перчатку и подошелъ ко мнѣ.

— Прощай; мнѣ пера! сказалъ онъ, приподнявъ за подбородокъ мою голову, и поцаловалъ меня въ губы.

Я поцаловала его молча; но, когда онъ отошелъ къ двери, я не выдержала и позвала его такимъ страннымъ, глухимъ голосомъ, что онъ остановился.

— Что тамъ? спросилъ онъ, сохраняя видъ неудовольствія.

Я смутилась.

— Такъ, Гриша, я хотѣла еще разъ съ тобой проститься, отвѣчала я, подходя къ нему несмѣло.

— Ну, прощай! сказалъ онъ нѣсколько-ласковѣй.

Я прижалась крѣпко къ груди его.

— Останься хоть четверть часа со мной лишнихъ, прошептала я.

Гриша опять нахмурился.

— Не останусь, твѣчалъ онъ съ досадой. — Что за глупости! Ты всегда меня удерживаешь!

И онъ тихо оттолкнулъ меня.

Я имѣла, однако, время судорожно сжать его въ своихъ объятіяхъ, поцаловала въ губы, въ глаза, перекрестила его...

Онъ коснулся головы моей летучимъ поцалуемъ и почти вырвался изъ рукъ моихъ.

Онъ хорошо сдѣлалъ, что не остался: я не имѣла бы силы ухватить.

Какъ ни бѣдна была я въ ту пору друзьями, но я вспомнила объ одной милой женщинѣ, которая никогда отъ меня не отворачивалась. Я написала къ ней, прося пріюта на одну ночь: отвѣтъ былъ удовлетворительный. Этого и слѣдовало ожидать, зная ея сердце.

Потомъ я какъ-будто окаменѣла до двухъ часовъ ночи; хотѣла написать къ Гришѣ, но испугалась сама себя; бросилась передъ образомъ, произнесла нѣсколько словъ за него и потомъ, не смѣя взглянуть вокругъ себя, вышла на улицу. Ночной извозчикъ въ какомъ-то полуснѣ подалъ мнѣ оборванные сани. Я знала, гдѣ Гриша танцуетъ, и велѣла провезти себя мимо освѣщеннаго подъезда: въ окнахъ мелькали тѣни; я узнала Гришу и вскрикнула страшно.

— Не бойтесь, барыня: не опрокину, произнесъ извозчикъ, оглянувшись на меня при моемъ болѣзненномъ крикѣ.

Но я уже держала крѣпко платокъ у дрожавшихъ губъ; а мысли

мой все твердили два слова: «прощаю и благословляю»; голова моя поворачивалась къ освѣщеннымъ окнамъ.

Вы можете легко представить, на что я была похожа, когда вошла въ спальную моей пріятельницы. Она заплакала, глядя на меня.

— Онъ не виноватъ, произнесла я только въ отвѣтъ на ея мысленный вопросъ.—Надо погордиться тому, чего избѣжать невозможно.

Она мнѣ стала что-то говорить. Кажется, она надѣялась, что все уладится. Я ее просила отправить меня завтра же въ Москву. Болѣе я ничего не помню.

Тетрадь IV.

Я помню себя въ Москвѣ, въ домѣ какихъ-то родственниковъ этой дамы. Мнѣ сказали, что я была больна три мѣсяца, то-есть съ самаго дня моего пріѣзда. Я не спрашивала, какъ и чѣмъ: не все ли равно? я выздоровѣла. Впрочемъ, не подумайте, чтобъ я хотѣла умереть. Я знала слишкомъ-хорошо Гришу: изъ сожалѣнія къ нему, чтобъ не измучить его души безплоднымъ и позднимъ раскаяніемъ, я должна была пережить свой отъѣздъ и нашу разлуку. Вѣдь онъ былъ для меня дитя, мое милое, балованное, заботливо-хранимое дитя, и, еслибъ я могла скрыть отъ него мѣрки моей жизни, я никогда бы его не оставила. Но мои слезы, мои просьбы, мои невольные упреки тяготили его. Побѣдить себя я была не въ-силахъ. Мнѣ слѣдовало уѣхать прежде, нежели любовь его ко мнѣ превратилась бы, пройдя всѣ видоизмѣненія противорѣчій и скуки, въ холодность и, можетъ-быть, потомъ въ ненависть. Я уѣхала. Я не могла идти въ жизни все впередъ съ закрытыми глазами: въ своемъ сердцѣ и въ сердцахъ близкихъ мнѣ я читала, какъ въ раскрытой книгѣ. Этотъ несчастный даръ преслѣдовалъ меня постоянно.

Изъ трехъ лежавшихъ нераспечатанныхъ писемъ моей покровительницы въ каждомъ говорилося о Гришѣ.

Сначала онъ думалъ, что я напугать его хотѣла, и искалъ меня по всѣмъ гостинницамъ; но къ концу недѣли отчаяніе его дошло до огромныхъ размѣровъ. Онъ перессорился съ Каташей, подозревалъ всѣхъ, кромѣ себя, въ причинѣ всего исчезновенія, потребовалъ отчета у графини и написалъ къ матери письмо, на-

полненное горькими упреками. Онъ страшно измѣнился, похудѣлъ, хлопоталъ объ отпускѣ и наконецъ уѣхалъ отыскивать меня, но куда именно, неизвѣстно.

Нѣтъ, нѣтъ, не только мать его, но и лучшая изъ матерей даже никогда такъ не любила, никогда не молились такъ, какъ я помолилась за него въ эту минуту! Сердце моего Гришеньки вставало яснымъ, свѣтлымъ изъ-за тумана горькихъ воспоминаній, именно тѣмъ самымъ сердцемъ, какимъ я его себѣ всегда представляла.

По-счастью, болѣзнь моя была такъ сильна, что истощила во мнѣ способность чувствовать съ прежней живостью, съ прежними порывами; а, можетъ-быть, и сознание страшной, огромной цѣны жертвы, приносимой мною, дало мнѣ силу прочесть съ глубокой покорностью и ясностью все, что говорило мнѣ въ пользу Гриши. Я снова гордилась имъ и не переставала благословлять его; но, тѣмъ-неменѣе, я находила свой геройскій поступокъ необходимымъ послѣ-того, какъ испытала, до какой степени онъ не понималъ еще, что жизнь его должна имѣть своей цѣлью не одну задачу веселиться непрестанно. Я только боялась, что мужество мое современемъ ослабѣетъ.

Я боялась встрѣчи съ Гришей: я знала, что не устоять мнѣ не только противъ порывовъ его отчаянія и моленій, но даже противъ одной его грустной слезы, и старалась положить преградой пространство, заградить для себя путь къ возврату.

Какая-то большая барыня ѣхала за границу и искала компаньйонки. Я уѣхала съ ней. Только наканунѣ своего отъѣзда я имѣла силы написать нѣсколько словъ вѣчнаго прощанья и вѣчной любви къ Гришѣ.

Мы прожили годъ въ Парижѣ. Я ежедневно ходила въ Лувръ и два раза въ недѣлю въ Улицу Сент-Оноре къ цвѣточницѣ. Знаменитымъ живописцемъ я не сдѣлалась, но выучилась двумъ ремесламъ: колорировать гравюры и фотографіи да дѣлать цвѣты.

Барыня была очень-хорошей и образованной женщиной; но жизнь въ чужомъ домѣ не по-мнѣ—можетъ-быть, именно оттого, что я выросла на чужихъ рукахъ, была съ дѣтства чѣмъ-то въ родѣ домашняго звѣрка, несла тяжесть зависимости отъ расположенія духа и прихотей своей покровительницы. Это на всю жизнь отвратило меня отъ званій гувернантки и компаньйонки. Я искала выучиться хоть какому-нибудь ремеслу, если къ искусству окажусь неспособной.

Я возвратилась въ Россію, но не въ Москву и не въ Петербургъ. О Гришѣ я знала, что онъ въ Петербургѣ, продолжаетъ служить, по-прежнему ходитъ въ блестящемъ мундирѣ и дѣлитъ жизнь свою между ученьемъ и балами, товарищами и свѣтскимъ кругомъ.

Думала ли онъ хоть иногда обо мнѣ? Я увѣрена, что думала: слишкомъ-много моего сердца осталось при немъ — оно должно было ему подчасъ сказываться.

Въ Одессѣ я встрѣтила случайно одного изъ молодыхъ людей, знавшихъ меня еще въ домѣ графини и потомъ слышавшаго смутно исторію любви моей къ Гришѣ. Онъ былъ пораженъ откровенностью, съ которой я отвѣчала ему на всѣ вопросы; но я ему растолковала, что горжусь любовью своей собственно по предмету, на который она была обращена. Онъ сдѣлался моимъ другомъ и всегда обращался со мной съ особеннымъ уваженіемъ, уважая во мнѣ, какъ онъ выражался самъ, сердце, *страдавшее и любившее много*.

Жизнь моя въ эту пору такъ была безцвѣтна и одинока, что я обрадовалась возобновленію нашего знакомства: былъ у меня человекъ, съ которымъ я могла говорить о Гришѣ...

Меня никогда никто не могъ убѣдить, что я должна краснѣть за свою любовь: я постоянно чувствовала, что съ первой и до послѣдней минуты въ этой любви было полное, безграничное самоотверженіе. Я одна понесла на себѣ всю отвѣтственность проступка, если только здѣсь былъ проступокъ, если была здѣсь вина... За что же меня карали люди?—за то, что во мнѣ не было ни корысти, ни хитрости, ни лукавства, что я ничего не достигала, ничего не искала, что не заслонила себя ни общесѣвомъ, ни законами отъ любимаго человека, что не сдѣлала изъ него средства къ достиженію цѣлей. Иначе поступить я не могла; я не могла себѣ представить, что можетъ быть что-нибудь еще лучше любви моего Гриши; всѣ мои стремленія и всѣ цѣли были только сохранить его любовь ко мнѣ, а общественное положеніе, право пользоваться частью его состоянія какъ-то стояли отдѣльно въ моей головѣ, совсѣмъ не рядомъ съ любовью моей къ Гришѣ. Хотѣлъ бы онъ мнѣ ихъ дать, я приняла бы, какъ все то, что предложила бы мнѣ милая рука, безпрекословно, но не съ тѣмъ лихорадочнымъ восторгомъ, съ которымъ принимаютъ совершеніе своихъ мечтаній, достиженіе тайныхъ цѣлей. Я гордилась, что умѣю именно такъ любить, или, лучше сказать, я именно гор-

дидась Гришей за то, что онъ выучилъ себя любить такимъ образомъ. Мнѣ казалось, что всякаго другаго можно любить иначе, не такъ безгранично, но Гришу иначе любить нельзя. И, въ-самомъ-дѣлѣ, его недостатки были не въ немъ, не въ душѣ его, не въ сердцѣ, не въ умѣ, а въ *воспитаніи*, которое ему дали. Изъ рукъ божьихъ онъ вышелъ свѣтлымъ и прекраснымъ существомъ, да люди похлопотали... Церковь одна могла потребовать отъ меня отчета въ неисполненіи установленнаго обряда; но въ главѣ церкви—Богъ. Онъ видѣлъ мою борьбу, зналъ мысли, считалъ слезы. Сердце мнѣ говорило, что сила моей любви искупаетъ всѣ ея заблужденія...

Не понимаю, отчего мой нежданный другъ такъ удивился, когда я не только не отрекалась, но съ гордостью, нѣжностью и грустнымъ наслажденіемъ говорила ему о прошедшемъ. Онъ повторялъ мнѣ потомъ не разъ, что мое чистосердечіе тотчасъ привязало его ко мнѣ, а гордое пониманіе святости любви восхитило его.

Впослѣдствіи времени, и въ моихъ отношеніяхъ къ нему свѣтъ доискивался страсти и связи; но ни того, ни другаго никогда между нами не было. Фамилія его была Ратевичъ. Представьте себѣ огромный ростъ, геркулесовское сложеніе, поразительную ширину нѣсколько-сутуловатыхъ плечъ, черные гладкіе волосы, оливковый цвѣтъ лица, надѣленнаго рѣзкимъ абрисомъ восточныхъ лицъ, маленькіе, чрезвычайно-близорукіе глаза, ослабительные зубы, движенія нѣсколько-рѣзкія, голосъ громкій, сужденія запальчивыя. Онъ страстно любилъ Жоржа Занда и Байрона, читалъ вообще горячо и много, привязывался къ людямъ, преслѣдуемымъ судьбой, искалъ сближаться съ оклеветанными, имѣлъ друзей во всѣхъ слояхъ общества, любилъ охоту, часто впадалъ въ глубокую задумчивость и цѣлый часъ мурлыкалъ затверженную имъ на Кавказѣ пѣсню, мѣрно покачиваясь и обнявъ за шею своего персидскаго коня.

Два года тоскливаго уединенія, совершенный разрывъ съ обществомъ и его людьми тяжелы были для меня невыносимо при безотрадности моей разбитой, уничтоженной жизни. Слышать безконечную пустыню вокругъ себя, и слышать, и чувствовать ее непрестанно—было свыше силъ моихъ. Я обрадовалась Ратевичу, потому-что присутствіе его отвлекало насильно мои мысли отъ меня самой, отъ тоскливости и безотрадности моей.

Ратевичъ первый назвалъ меня Саламандрой, и это имя осталось за мной.

Ратевичъ, встрѣчая меня въ церкви или на улицѣ, подходилъ ко мнѣ смѣло и иногда даже гулялъ со мной на бульварѣ. Ужась одиночества выучилъ меня дорожить имъ и нашими дружескими отношеніями. Ратевича знали многіе, меня не зналъ никто. Когда его обо мнѣ спрашивали, онъ отвѣчалъ восторженными похвалами и опредѣлялъ меня именемъ Саламандры, которое далъ мнѣ за ласковость и грустную нѣжность моего обращенія, чуждаго, однако, вовсе жажды нравиться и всякаго пополозновенія къ любви и страсти.

Такъ ли понимали меня и мои отношенія къ Ратевичу другіе?

Конечно, нѣтъ. Все, что могла допустить самая черная клевета, созрѣло опять въ людскихъ предположеніяхъ на мой счетъ. Женщины, встрѣчаясь со мной, краснѣли и боялись спросить, кто я. Молодѣжь набивалась на знакомство. Понимая вполнѣ свое положеніе, я не отказывалась, не избѣгала знакомствъ: я чувствовала, что одинъ голосъ—голосъ Ратевича, не только не въ силахъ опровергнуть злословіе, а даже горячностью защиты можетъ поддержать и утвердить его. Я надѣялась, что за меня встанутъ современемъ еще голоса—голоса другихъ и очень-многихъ, и снимутъ съ меня незаслуженный ничѣмъ позоръ.

Я достигла этого отчасти. Кто отказывалъ и отказывается мнѣ до сихъ поръ въ оправданіи? кто неумолимъ ко мнѣ?—грустно подумать: женщины!... Я не виню ихъ, впрочемъ: законы общества не позволяли ни одной порядочной женщинѣ приблизиться ко мнѣ; осужденіе тяготѣло надо мной, боязнь подвергнуть себя малѣйшему подозрѣнію отталкивала отъ меня каждую руку, которая бы могла снять его; а чтобы не понести укора въ безсердечіи, онѣ рѣшились говорить, что я, *вѣроятно, все это заслужила*. Ваше желаніе со мной сблизиться, узнать меня и судить своимъ судомъ, а не приговоромъ, составленнымъ клеветой, догадками и допущеніемъ различныхъ вѣроятностей, поразило меня, но уже не обрадовало.

Въ началъ моего эксцентрическаго существованія я бы бросилась къ ногамъ вашимъ со слезами благодарности; теперь я просто полюбила васъ, какъ явленіе утѣшительное, и рада исполнять желанія ваши; я раскрываю передъ вами спокойно душу свою—смотрите въ нее сколько хотите. Конечно, я не тотчасъ вамъ повѣрила: мнѣ страшно было подойти къ вамъ со всей иск-

ренностью моей натуры и разбиться о напыщенность фразъ и сентиментализмъ чувствъ; а потому я не бросилась съ жаромъ навстрѣчу вашему участию и даже сознаюсь, несмотря на чистосердечіе нашихъ отношеній, я задумываюсь повременамъ, не служу ли только любопытнымъ предметомъ для наблюдательности вашей. Это было бы возмутительно! Какъ ни унижительно мѣсто, ассигнованное общественнымъ приговоромъ человѣку, въ глубинѣ сознанія каждаго человѣка лежитъ ненарушимо и независимо ни отъ какихъ приговоровъ истинная оцѣнка своего собственного достоинства: я не поставлю себя на степень вещи.

Несмотря на свободу, предоставленную мной Ратевичу знакоми́ть меня съ кѣмъ онъ захочетъ, Ратевичъ познакомилъ со мной только тѣхъ изъ своихъ товарищей, въ которыхъ былъ болѣе увѣренъ. Но эти товарищи познакомили меня постепенно съ людьми, въ которыхъ тоже были увѣрены: мало-по-малу моя тѣсная квартирка наполнилась самыми разнохарактерными лицами. Я могу сказать, что сближеніе со мной развивало ихъ характеры, образовывало умы, что эта чуждая для меня толпа, нахлынувшая ко мнѣ изъ любопытства или отъ нечего-дѣлать, а частью отъ мысли, что надо, однако, познакомиться съ Саламандрой, этой мысли, брошенной кѣмъ-нибудь вскользь, по наслышкѣ о самомъ существованіи Саламандры и ея странностяхъ, странномъ положеніи относительно общества и странномъ характерѣ, дали мнѣ нѣсколько истинныхъ, надежныхъ друзей.

Но иногда бывали и странные случаи, удивительныя столкновенія. Какой-то особенный міръ устроился вокругъ меня. Умъ мой былъ занятъ, мысли развлечены; но сердце помнило Гришу, помнило всѣ радости и всѣ муки нашей любви. Только и было у меня молить, что за него, и какъ странно бывало мнѣ, когда расходилось шумливое общество, оставивъ за собой тучи табачнаго дыму, когда затихали всѣ голоса и шаги и тихо поднимался въ душу вопросъ: гдѣ и какъ, и съ кѣмъ провелъ свой вечеръ Гриша?...

Конечно, онъ вдали отъ меня былъ беззаботенъ и счастливъ — тѣмъ лучше! произносила я съ невольнымъ вздохомъ.

Я была убѣждена, что къ воспоминанію обо мнѣ примѣшивается у него скорѣе грустная нѣжность, нежели горечь, или досада: вѣдь онъ не пострадалъ ни въ чемъ за любовь свою ко мнѣ!...

Итакъ, я рѣдко оставалась одна: новыя знакомства прибавлялись съ каждымъ днемъ. Бывали преоригинальныя встрѣчи. Боль-

шинство новичковъ не знало, какъ себя держать. Боялись быть слишкомъ-почтительными—это ужъ не оскорбляло, а только смѣшило меня. Жизнь выучила спокойно встрѣчать ошибки и заключенія, дѣлаемая постоянно на мой счетъ; врожденная веселость иногда брала во мнѣ верхъ надъ всѣми чувствами, и я забавлялась отъ души заблужденіями, которыхъ была невольной причиной.

Помню, какъ однажды Ратевичъ привелъ ко мнѣ юношу, молчаливаго, дикаго, неловкаго, и, представляя его, сказалъ: «надежда на васъ: вы его образуете». Молодой человѣкъ понялъ, видно, эти слова въ особенномъ значеніи и принялъ обычную мою короткость обращенія по-свбему. Сначала меня занимала развивающаяся въ немъ способность увлекаться. Мнѣ было весело наблюдать за этимъ оттаивающимъ льдомъ. Я передавала Ратевичу его выходки, и тотъ подстрекалъ меня разнѣжить немножко нашего буку (какъ мы его называли).

Разъ я осталась наединѣ съ *букой*. На меня вдругъ посыпались такіа горячіа ласки, что я не знала, какъ отъ нихъ увернуться и какъ образумить молодаго человѣка. Сердиться на него я не имѣла права: я сама была немножко виновата, разогрѣвъ его сердце и воображеніе, благодаря внушеніямъ Ратевича и мольбамъ его *расшевелить буку*.

Краснѣю, когда вспомню эту сцену. Я видѣла, что онъ бы не понялъ меня, еслибъ я ему сказала всю правду, или оскорбился бы и сдѣлалъ мнѣ сцену. Я ему сказала, что онъ мнѣ нравится, но что одному только человѣку я могла и могу принадлежать; въ заключеніе я ему предлагаю дружбу.

— Въ такомъ случаѣ, воскликнулъ юноша:—нога моя никогда у васъ не будетъ! Я не поминаю, къ-чему были всѣ ваши ласки безъ цѣли. Еще бы кто другой могъ церемониться, а то вы!

Меня бросило въ жаръ отъ этихъ словъ; но, вмѣсто гнѣва, мнѣ захотѣлось выучить юношу понимать меня лучше, не смѣшивать меня съ камеліями разныхъ родовъ и видовъ, съ которыми рассказы молодѣжи его уже заранѣе познакомили. Я рѣшилась вооружиться кротостью и смиреніемъ и стала просить его продолжать посѣщать меня, надѣясь, что время, привычка и опытъ разумятъ его и заставятъ понимать меня не такъ, какъ первоначально онъ меня понялъ.

Онъ жестоко и упрямо отказался бывать у меня.

Разсказываю вамъ этотъ эпизодъ, чтобы познакомить васъ съ печальной стороной моей *независимой* жизни.

Такія столкновенія съ грубыми страстями бывали у меня нерѣдки. Послѣ неудачъ отъ меня удалялись, безъ церемоніи высказавъ, что даромъ бывать у меня не стоить, и потомъ многіе же изъ этихъ господъ разгласили, вѣроятно, въ отмщеніе мнѣ, совсѣмъ-противное своей неудачѣ. Такимъ-образомъ, составилось обо мнѣ мнѣніе, котораго я не заслуживала, и меня стали смѣшивать, какъ вы сами выразились.

Ратевичъ и десятокъ ему подобныхъ, сблизившихся со мной молодыхъ людей, понимали меня какъ слѣдуетъ; но ихъ голоса не могли перекричать стоустой молвы. Вотъ отчего я при первой встрѣчѣ сказала, что вамъ не слѣдуетъ показываться въ обществѣ со мной.

Я такъ привыкла къ клеветамъ и неправдамъ, что онѣ перестали меня беспокоить; даже лицо мое мало-по-малу приняло выраженіе безучастія и спокойствія.

Когда отъ меня удалялись съ жаждой отмщенія, я не тревожилась нимало: я знала, что изъ сближенія со мной вынесено этими господами убѣжденіе, совершенно-противное тому, которое они будутъ разглашать. Мщеніе не пугало меня; но мнѣніемъ, но судомъ совѣсти каждаго я дорожила. Оттого мнѣ было такъ больно, что *бука* сдержалъ свое слово и не возвращался, а тѣмъ отнялъ и у меня возможность вразумить его на мой счетъ.

Мнѣ было грустно...

Вы спросите, что значилъ для меня судъ совѣсти посторонняго лица. Вы забываете, что я помнила Гришу: именно передъ его воспоминаніемъ я не хотѣла укора.

Названіе Саламандры упрочивалось за мной: живость моихъ движеній и рѣчей, ласковость и короткость обращенія, горячее участіе въ сердечныхъ интересахъ моихъ друзей—все это убѣждало ихъ, что я вся создана изъ любви и ласки, какъ выражались они обыкновенно, и заставляло ихъ восклицать: «Саламандра, Саламандра!»

Настоящее мое имя было забыто, а новые знакомые вовсе его не знали.

Разъ пришелъ ко мнѣ Ратевичъ.

— Знаете ли, Саламандра, Гриша здѣсь! Онъ проѣздомъ въ мнѣніе тѣтки какой-то... сестры отца его, кажется.

Я поблѣднѣла.

— Вы ошибаетесь! воскликнула я.

— Помилуйте! Я говорилъ съ нимъ.

— Но вы ему, надѣюсь, не говорили обо мнѣ?...

— Я хотѣлъ спросить васъ прежде, хотите ли вы.

— Не надо, не надо! Только, ради Бога, покажите мнѣ его.

— Приходите на бульваръ къ двѣнадцати часамъ ночи. Луна теперь свѣтитъ во всю ночь. Я выманю его изъ клуба погулять. Я жала руку Ратевичу и заплакала.

Въ двѣнадцать часовъ я ходила подъ-руку со Степановымъ въ боковой аллеѣ.

Вотъ показались Ратевичъ и Гриша. Они шли по широкой средней аллеѣ бульвара. Луна обливала ихъ своимъ жемчужнымъ свѣтомъ. Гриша возмужалъ, усы стали длиннѣе—и вотъ вся перемена: онъ тотъ же, даже фуражка та же; онъ не перемѣнилъ полка и самъ не перемѣнился.

Я дрожала, опираясь на руку Степанова. Мы шли молча, прислушиваясь, и не отставали ни на шагъ.

По-обыкновенію, Гриша весело болталъ, рассказывалъ о петербургской жизни. Изъ его рассказовъ я видѣла, что жизнь его тамъ все та же знакомая мнѣ жизнь—балы при дворѣ и балы большого свѣта, ужины и пиры съ товарищами.

Они съѣли. Мы остановились за той же скамейкой. Я не смѣла дышать и все придвигалась поближе.

— Счастливъ ты! сказалъ Ратевичъ:—видно, что въ жизни твоей не было ничего горькаго.

— Ошибаешься, возразилъ Гриша, вздохнувъ:—я чуть съ ума не сошелъ разъ отъ горя, благодаря безумной выходкѣ единственной женщины, которую я любилъ въ своей жизни. Представь себѣ: ей что-то пригрѣзилось, и она вдругъ меня оставила. А я бы богъ-знаетъ что далъ, чтобы хоть разъ еще посмотрѣть на нее. Я не научился любить ее до-сихъ-поръ, повѣришь ли!

Не помню сама, какъ раздвинула я вѣтви акаціи, схватила за шею, опрокинула назадъ его голову, чтобы заставить посмотрѣть на себя, прижалась пылающимъ лицомъ къ его милому лицу и произнесла внѣ-себя:

— Милый мой, милый! дитя мое! Гришенька! голубчикъ!...

Я задыхалась отъ слезъ. По-счастію, въ этой сторонѣ бульвара никого не было.

Гриша стремительно всталъ со скамьи.

— Ратевичъ! закричалъ онъ не своимъ голосомъ:—что это значитъ? Скорѣй; а то она уйдетъ опять!

Онъ бросился за мной.

— Не уйдетъ! возразилъ, улыбаясь, Ратевичъ, слѣдуя за нимъ спокойно.

Они меня догнали въ боковой аллеѣ. Ратевичъ познакомилъ Гришу со Степновымъ, и мы всѣ вмѣстѣ отправились на мою квартиру.

Неправда ли, тутъ, кажется, всему бы слѣдовало кончиться? Но я не была создана для мира и счастья, и жить для себя-самой никогда еще не было моимъ удѣломъ. Минутный лучъ радости мнѣ давала изрѣдка судьба. Я должна была ловить его налету; но рассчитывать на долговременность счастья, видно, никогда не имѣла я права. Конечно, безумно было будить снова въ душѣ уснувшія, или хотъ притаившіяся тревоги; но устоять противъ радости видѣть опять Гришу, противъ блаженства его любви и ласки я была не въ силахъ. Въ одной рѣшимости тверда я была куда — жить для него, не для себя, что бы ни случилось, какъ бы ни вышло!...

Въ то время тифозная горячка свирѣпствовала тоже. Къ концу недѣли пребыванія у насъ Гриши она открылась у него въ сильной степени.

Тутъ, разумеется, забыто было все, кромѣ необходимости неусыпныхъ попеченій. Я поселилась у постели больного; я вся была вниманіе, сила и заботливость. Мнѣ казалось, что докторъ худо лечитъ. Я наговорила почти грубостей доктору. Я слышала, что Денисьевъ счастливъ, что у него всѣ больные выздоравливаютъ: я не знала Денисьева, но явилась къ нему и нетолько умѣла привести къ постели больного, но почти приковала его къ ней.

Прошли три недѣли бессонныхъ ночей, безумныхъ молитвъ, вѣка томительныхъ тревогъ, миръ надеждъ и безнадежности, бездна невыразимыхъ терзаній.

Наконецъ Денисьевъ произнесъ благодатное слово: *спасень*.

Я перекрестилась, потомъ упала на колѣни передъ Денисьевымъ и горячо поцаловала у него руку.

Слезы брызнули изъ глазъ этого челоѣка.

— Господи, какъ счастливъ онъ! произнесъ тихо Денисьевъ, посмотрѣвъ въ ту сторону, гдѣ лежалъ больной Гриша: — а? Еслибъ я такъ заболѣлъ; то и голоса бы живаго не услышалъ: побоялся бы заразы.

— Клянусь, Денисьевъ, въ память того, что вы спасли Гришу,

если вы заботитесь, я буду служить вамъ такъ же, какъ ему служила! воскликнула я съ увлеченіемъ.

— Смотрите, не забудьте вашего обещанія, Саламандра! сказала онъ торжественно и мрачно.

Вы видите, я исполнила долгъ свой: Девисевъ не умеръ одинокъ—я была при немъ. Спасти его я не могла. Мнѣ всегда становится обидно, когда я вспомню, что онъ другихъ спасалъ, но что его не спасли. Это невыносимо!

Время выздоравливанья Гриши — почти счастливѣйшее время моей жизни. Какъ нѣжно онъ любилъ меня! сколько признательности, нѣжности и уваженія было въ каждомъ взглядѣ его, въ каждомъ словѣ!

Наконецъ ему позволили кататься. Разумѣется, я ѣздила съ нимъ, закрывъ лицо вуалью, забившись поглубже въ уголь; но любопытный глазъ и тутъ меня замѣтилъ: зашумѣли, закричали пуще прежняго о моей безнравственности, и полились снова жгучимъ потокомъ слова сожалѣнія на Гришу.

Я знала все; онъ, можетъ-быть, этого не зналъ.

Больше прежняго всѣ стали рыться въ тайнахъ моей жизни, разузнавать прошлое и содрогаться за будущность такого *богатого молодого человека*, попавшаго въ руки *безнравственной икстрианки*, которую съ трудомъ одинъ разъ ужь удалили отъ него родные. Нашлись сердобольные и благонамѣренные люди, блюстители нравственности, поборники добродѣтели, которые сочли долгомъ увѣдомить обо всемъ Лидію Петровну.

Вы можете легко представить, какая суматоха поднялась снова; но кончилась она иначе...

Гриша клялся, что отыскалъ меня не для того, чтобъ потерять снова. Нападенія, которымъ я подвергалась, только усиливали въ немъ любовь. Я снова жила въ заколдованномъ мірѣ любви и ласки. Проснуться не хотѣлось, оттого и съ людьми встрѣчаться не хотѣлось: было страшно, чтобъ чья-нибудь безжалостная рука не столкнула меня опять съ облаковъ на землю.

Лидія Петровна, не добившись ни одного отвѣта на всѣ письма свои къ сыну, измѣнила вдругъ тактику. Она написала ко мнѣ. Какъ непохоже было это письмо на всѣ ея прежнія письма ко мнѣ и даже къ сыну! Съ горячностью, съ увлеченіемъ нѣжнѣйшей материнской признательности благодарила она меня за то, что мои попеченія и моя любовь возвратили къ жизни ея милаго сына, просила забыть огорченія и испытанія, которыхъ она была

причиной. Лидія Петровна не извинялась положительно передо мной: она только оправдывалась излишествомъ материнской заботливости и любви; незнаніемъ моихъ достоинствъ и невозможностью вѣрить въ благородство людей *послѣ всего того, что испытала она сама отъ людей въ жизнь свою.*

Мнѣ слѣдовало показать письмо это Гришѣ; но онъ скрывалъ отъ меня теперь письма своей матери, и я рѣшилась тоже не говорить ему ничего, пока не удастся мнѣ дѣйствительно примирить съ собой его мать и тогда обрадовать его нашими дружескими отношеніями.

Жажда примиренія съ существомъ, близкимъ человѣку, котораго я боготворила, была во мнѣ такъ сильна, что я повѣрила возможности этого примиренія. Болѣе же всего хотѣлось мнѣ оправдаться, хотѣлось доказать, какъ безкорыстно и безпредѣльно любила я Гришу всегда, какъ дурно была понята его родными, какъ безмѣрно была всѣми оскорбляема и какъ всецѣло, всеполно, безусловно прощала ихъ именно во имя Гриши и любви моей къ нему.

Я увлеклась. Я отвѣчала Лидіи Петровнѣ со всей горячностью долго-сдерживаемой жажды оправданія, искупленія, возстановленія моего безжалостно-попраннаго достоинства, моей разбитой гордости. Лидія Петровна немедленно написала ко мнѣ снова, и скоро между нами завязалась постоянная и послѣдовательная переписка.

Гриша ничего не зналъ, ничего не подозрѣвалъ. Я вѣрила раскаянію Лидіи Петровны и желанію ея искупить прошлое.

Между-тѣмъ, Гриша, вмѣсто путешествія къ тѣткѣ, рѣшилъ, по выздоровленіи, немедленно отправиться въ Петербургъ. Болѣзнь поглотила все время его отпуска. Ему слѣдовало возвратиться въ полкъ. Я дала слово, что поѣду съ нимъ и не оставлю его болѣе, пока онъ самъ меня не оставитъ.

Я не помню такихъ свѣтлыхъ минутъ въ моей жизни, какъ минуты этого путешествія. Люди продолжали мной заниматься; но осужденіе, которое ложилось на меня съ ихъ стороны, не въ силахъ перетянуть на вѣсахъ сладостныхъ воспоминаній навсегда-утраченнаго прошедшаго. Память этихъ минутъ даже не можетъ ни на-мгновеніе затмить ихъ собою.

Не понимаю только, отчего меня не хотѣли оставить въ покоѣ: развѣ только потому, что Гриша былъ богатъ, всѣ видѣли въ немъ жениха. Никто не вѣрилъ въ мое безкорыстіе и самоотверженіе.

Переписка съ Лидіей Петровной продолжалась дѣятельно. Я начинала любить эту женщину. Да и правду сказать, даже во время ея жестокихъ преслѣдованій, слѣпаго озлобленія и глубокой ненависти я видѣла въ ней и чтила мать человѣка, мной любимаго, мать существа, на котораго шли все силы моей души и моей жизни; священное имя его матери было всегда щитомъ ей отъ чувства мщенья и злобы, которое и въ самомъ кроткомъ существѣ могло возбудиться, вслѣдствіе постоянныхъ душевныхъ истязаній. Сила любви моей превышала силу моей душевной боли, и потому я прощала все Лидіи Петровнѣ и, при первомъ добромъ словѣ съ ея стороны, готова была забыть прошлыя обиды и несохшія еще горькія слезы мои.

Не такъ охотно прощала я Каташу, вспоминая, что во мнѣ не было недостатковъ для глазъ ея, что дружбы моей она искала, и что только любовь ея брата ко мнѣ, вмѣсто-того, чтобъ придать мнѣ цѣну въ ея сердцѣ, возбудила ненависть и вызвала это безсердечное, хотя и молодое существо на нѣсколько-жестокихъ выходокъ, которыхъ душа моя не умѣла забыть, хотя мстить за нихъ я не стремилась и никогда не желала.

Я увѣдомила Лидію Петровну о предполагаемой поѣздкѣ въ Петербургъ. Чтобъ успокоить ея подозрѣнія и страхъ за карьеру сына, я опять повторила ей, что никогда не желала, не искала, а теперь и подавно не буду искать сдѣлаться женой ея сына, что не разстрою ни одного изъ ея плановъ, а Гриша самъ, убѣдясь, что мнѣ ничего не нужно, кромѣ его ласки и любви, конечно, не подумаетъ о женитьбѣ. Въ этотъ разъ я почти клятвенно повторила свои обѣщанія и прямо самой Лидіи Петровнѣ высказала ихъ. Дѣтей у меня не было: за одну себя я отвѣчала передъ Богомъ и своей совѣстью.

Не думайте, чтобъ я держалась того мнѣнія, что человѣкъ властенъ располагать собой такъ всецѣло въ пользу другаго существа, какъ я собой располагала, не оскорбляя этимъ Творца своего. «Не сотвори себѣ кумира» звучало не разъ въ памяти моего сердца; но Тотъ, Кому открыто все, могъ видѣть мои слезы и жертвы и въ нихъ принять омовеніе и искупленіе невольнаго нарушенія долга моего въ-отношеніи себя-самой.

Въ Москвѣ меня ждало письмо отъ Лидіи Петровны. Письмо было длинное; при немъ она прилагала деньги. Гриши со мной не было въ эту пору: онъ уѣхалъ на охоту на три дня въ де-

ревню одного изъ своихъ товарищей. Вышло кстати: при немъ я не имѣла бы духу рѣшиться на новую, послѣднюю жертву.

«Вы меня увѣряли столько разъ» писала мнѣ Лидія Петровна «что будущность моего сына дороже вамъ вашего счастья. Долго я сомнѣвалась въ васъ: я испытала такъ много обмановъ, видѣла столько зла, что не вѣрила въ безкорыстіе вашей привязанности. Но вы побѣдили меня: я вѣрю вамъ вполнѣ, и потому буду говорить съ вами прямо. Вы увлеклись опять! вы согласились снова поселиться съ Гришей, забывъ тяжкую роль, которую вы разъ ужъ пытались принять на себя. Не-уже-ли вы думаете, что Гриша теперь способнѣй оцѣнить васъ, или что вы въ-состояніи болѣе прежняго отречься отъ себя самой... скажу болѣе... что вы ужъ состарѣлись и въ васъ никогда не проснется чувство вашихъ правъ? Но оставимъ это, хотя, коснувшись прошлаго, я хочу только пробудить сознаніе, что жертва, которой требуетъ отъ васъ, теперь болѣе, нежели когда-либо, судьба, не будетъ безъ нѣкоторой пользы для васъ собственно. Это вы увидите сами въ очень-непродолжительномъ времени. Вы не должны ѣхать въ Петербургъ; вы не можете жить вмѣстѣ съ Гришей. Сказалъ ли онъ вамъ, въ какомъ положеніи его дѣла? Онъ разоренъ, разоренъ окончательно. Вы знаете его привычку къ роскоши, его вкусы, его неумѣнье отказывать себѣ даже въ прихотяхъ, не только въ необходимомъ. Его дѣла можно поправить только выгодной женитьбой. Онъ самъ это понялъ и согласился, чтобъ ему прислали невѣсту. Мы съ графиней нашли для него блистательную партію—партію, которая доставитъ ему богатство и связи, необходимыя въ нашемъ вѣкѣ для карьеры молодаго человѣка, принадлежащаго по рожденію и по всему къ высшему кругу. Это княжна Добрянская. Увѣряю васъ, Гриша безъ малѣйшаго сопротивленія обмѣнялся словомъ и поѣхалъ къ тѣткѣ попросить денегъ взаймы для свадебныхъ издержекъ. Онъ не любилъ уже и даже не помнилъ васъ; но васъ онъ встрѣтилъ, и теперь ему васъ жаль. Онъ одну васъ щадитъ. Вы однѣ, и сожалѣніе къ вамъ его удерживаетъ. Я не рѣшалась сказать вамъ правду безъ конечной необходимости. Вы опять ѣдете въ Петербургъ, а въ Петербургѣ теперь отецъ невѣсты моего сына; все семейство должно тоже скоро переѣхать туда изъ деревни. Встрѣча неизбѣжна, и если старикъ узнаетъ о вашемъ существованіи, то и скандалъ неизбѣженъ. Нѣтъ сомнѣнія, что все разстроится, разрывъ не будетъ къ чести Гриши, и будущность его погибнетъ навсегда.

«Я кончила. Въ рукахъ вашихъ вся судьба его: поступите, какъ замъ укажутъ ваша совѣсть и ваша заботливая любовь, не погубите его. Рѣшите сами, рожденъ ли онъ для лишней. Что будетъ съ нимъ, если ваша рука не выведетъ его изъ лабиринта, въ которомъ онъ снова затулался, встрѣтивъ васъ? Самолюбіе и сожалѣніе къ вамъ не позволятъ ему сдѣлать рѣшительнаго шага. Онь, вѣрно, вамъ до-сихъ-поръ ничего не говорилъ; но чѣмъ же все это кончится и будетъ ли кто-нибудь изъ васъ доволенъ послѣдствіями?...

«Прилагаю деньги, чтобъ вы не встрѣтили вещественнаго препятствія ни въ чемъ. Объ одномъ прошу васъ—никогда не говорите моему сыну, что вы все это узнали отъ меня: не возбуждайте въ немъ досады на меня, не бросайте раздора между нами. Случай вамъ могъ открыть правду. Подумайте, сколько терзаній вамъ предстоитъ обоимъ: по слабости своего характера мой сынъ будетъ только стараться отдалить минуту объясненія съ вами, или съ невѣстой, и васъ не выведетъ и самъ не выйдетъ изъ двусмысленнаго положенія.»

Еслибъ это письмо не носило на себѣ такой печати правды, мнѣ было бы не такъ больно. Что за роль играла я въ жизни Гриши? зачѣмъ онъ не постарался ни разу оградить меня отъ нея? По характеру своему я колебаться не могла, по гордости — не должна была колебаться. Сознаніе мнѣ говорило, что устроенная Лидіей Петровной свадьба разстроится именно, если я уѣду. Гриша не умѣлъ лицемѣрить, и потому я знала, что въ настоящую пору въ сердцѣ его не было мѣста ни для чего болѣе, кромѣ любви ко мнѣ. Отъѣздъ мой могъ заставить его только или полюбить меня сильнѣе, или, изъ-за меня, возненавидѣть всѣхъ женщинъ, а невѣсту, которую за него прочили, возненавидѣть прежде другихъ, какъ ближайшую причину своего новаго горя.

Мнѣ хотѣлось еще разъ взглянуть на Гришу; но я вспомнила, какъ страшна, какъ жгуча, какъ томительна была для меня каждая минута, проведенная въ его присутствіи передъ нашимъ первымъ разставаньемъ, какой мучительной агоніей было это постепенное прощаніе съ нимъ. Нѣтъ, слѣдовало уѣхать, не дождавсь его!...

Я чувствовала себя не въ-силахъ отвѣчать Лидіи Петровнѣ. Все же ея рука убила въ-ронецъ мое сердце; ударъ былъ мѣтко и неотразимо направленъ онъ: попалъ въ цѣль.

Обстоятельства играли моей жизнью, какъ мячикомъ, бросая

его въ средину другаго существованія, какъ—будто только для того, чтобъ оно сильнѣе отпрянуло назадъ.

Я сосчитала свои деньги — ихъ было немного: это вынуждало меня взять часть денегъ, присланныхъ Лидіей Петровной; но я взяла ихъ подъ росписку и росписку эту отослала вмѣстѣ съ остальной суммой Лидіи Петровнѣ — вотъ единственный знакъ, по которому она могла догадаться, что все кончено, что завѣтное желаніе ея исполнилось.

О чемъ могла еще я къ ней писать? Благодарность ея для меня была невыносима... ея рука поднесла мнѣ отраву...

Гришѣ я оставила письмо на этотъ разъ. Въ нѣсколькихъ словахъ я объяснила ему причину новой и окончательной нашей разлуки. Я высказала ему всю любовь свою и признательность за многія минуты счастья, которыми я была ему обязана. Я чувствовала, что не имѣла теперь права оставить его безъ объясненія. Надолго ли онъ еще любилъ меня, я не знала, но что искренно онъ и нѣжно любилъ меня теперь, въ этомъ не было сомнѣнія.

Чтобы сбить его совершенно съ толку и удачнѣе скрыть свой слѣдъ, я отправилась въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ и тотчасъ же взяла тамъ мѣсто въ варшавскомъ дилижансѣ: гораздо-позже я нашла случай изъ Варшавы доѣхать до Одессы съ однимъ знакомымъ семействомъ. Во время пребыванія моего въ Варшавѣ я не могла справляться о Гришѣ, и тамъ ничто, кромѣ моего сердца, мнѣ о немъ не напоминало. Но въ Одессѣ не было возможности укрыться отъ воспоминаній, даже, если бы я этого и желала: Гришу знали многіе, нѣкоторые даже вели съ нимъ переписку. Только не изъ писемъ узнала я, что Гриша ѣдетъ за границу — по-прежнему одинокій, по-прежнему свободный: Ратевичъ мнѣ это сказалъ. Сбылось то, чего ожидала я отъ его сердца: онъ отказался отъ богатой невѣсты и не могъ совладать съ своей печалью; онъ только рѣшился искать развлеченій отъ тоски, которая его преслѣдовала. Утѣшился ли онъ, не знаю. Конечно, молодость взяла свое; шумъ парижской жизни, вѣрно, тоже сдѣлалъ свое дѣло. Мнѣ говорили еще недавно, что видѣли его тамъ очень-веселымъ. Кто же изъ мужчинъ можетъ быть печаленъ въ Парижѣ, въ-особенности въ Парижѣ нашего вѣка? Развѣ самый парижанинъ, но, конечно, никто изъ пріѣхавшихъ туда туристовъ, въ-особенности никто изъ русскихъ путешественниковъ. Недавно мнѣ былъ переданъ его ласковый отзывъ обо мнѣ: мнѣ легче

стало. Но сначала, но сейчас послѣ моего отъѣзда Ратевичъ встрѣтился съ нимъ гдѣ-то на пути, и Гриша говорилъ обо мнѣ сухо, насмѣшливо, неприязненно. Причину я узнала гораздо-позже. Лидія Петровна, по отосланнымъ деньгамъ и приложенной къ нимъ роспискѣ на остальную сумму, совершенно убѣдилась, что я дѣйствительно исполнила ея желаніе и оставила навсегда Гришу. Немедленно она написала къ сыну, спрашивая его, *правда ли это*. Тутъ она сообщила ему разные слухи обо мнѣ. Повторять эти клеветы я считаю лишнимъ: онѣ существовали только въ ея письмѣ; никто не занимался мной, никто ужъ болѣе не говорилъ обо мнѣ. Но Лидія Петровна знала, что надо задѣть тщеславіе сына, чтобы заставить въ немъ замолчать сердце; а потому она искусно бросила въ душу его сомнѣніе въ самой любви моей, опираясь въ этомъ обвиненіи именно на мой внезапный и ничѣмъ-необъяснимый отъѣздъ. Какъ могла я оставить человѣка, который не подалъ мнѣ къ тому ни малѣйшаго повода, на котораго я не могла ни въ чемъ жаловаться? какъ могла я, повидимому, такъ легко отказаться отъ него и передать свои права другой? *Любовь не такова!*... Это обвиненіе дополняло слухи, какъ-будто передаваемые, а въ-сущности изобрѣтенные самой Лидіей Петровной.

Итакъ, вытѣснивъ меня изъ жизни сына, она даже не хотѣла оставить мнѣ мѣста въ его воспоминаніяхъ. Это больно! скажите, за что?...

Я никогда не выдала ея, я не разстроила возстановленной снова гармоніи ихъ отношеній... говорятъ, теперь Лидія Петровна не нахвалится нѣжностью сына. «И неудивительно» прибавляетъ она всегда: «онъ мнѣ стоилъ прежде много слезъ и, конечно, самъ сознаетъ это. Я вѣдь ничего не щадила, чтобы спасти его *d'un fort mauvais pas*. Хотя она была ему по всему не пара, да я молчала бы. Богъ съ ней! Бѣдность не порокъ, такъ, не спорю; но безнравственность—порокъ. Представьте, она завела интригу съ Гришей, чтобы заставить его на себѣ жениться.» Слушатели вѣрили и качали головой. Лидія Петровна привѣзжаетъ на зиму въ Петербургъ, она возитъ въ свѣтъ свою Лили, хотя продолжаетъ ее причислять по-дѣтски. Жениховъ, говорятъ, нѣтъ. Мать и дочь вѣтятъ на тѣхъ, которые отъ нихъ отворачиваются, и сами отворачиваются отъ тѣхъ, которые къ нимъ льнутъ — обыкновенная исторія! Какъ заботливая мать, Лидія Петровна еще болѣе скорбитъ объ этомъ, нежели о бывшей привязанности Гриши ко мнѣ.

Мать и дочь одѣваются обѣ съ большимъ вкусомъ и съ большой пышностью. Лидія Петровна даетъ три бала въ зиму. Графиня жива. Она никогда обо мнѣ не вспоминаетъ, но продолжаетъ восхищаться Гришей по-прежнему. Мужъ Каташи дѣйствительно командовалъ полкомъ, произведенъ былъ въ генералы и былъ великолѣпенъ передъ фронтомъ: я видѣла только разъ одинъ какого-то *статскаго генерала*, который съ помощью корсета былъ еще великолѣпнѣе его. Каташѣ онъ самъ постоянно внушалъ, что она должна имъ гордиться, и она имъ гордилась! Въ ихъ тайныхъ мечтаньяхъ мелькали надежды на обширныя связи, на тѣ могущественныя связи, посредствомъ которыхъ только можно уйти далеко. Нельзя сказать, чтобы они ничего не дѣлали для пріобрѣтенія этихъ связей, напротивъ-того хлопотали оба вдоволь; но Каташѣ сдѣлала разъ какую-то неловкость, и эта неловкость поглотила ихъ обоихъ разомъ: они канули на дно свѣтскаго забвенія, худшаго изъ всѣхъ забвеній. Зыбкая волна друзей и покровителей, пропустивъ ихъ беззаботно на это дно, сошлась мгновенно, не удерживая за собой ни малѣйшаго слѣда погибшей четы.

Это былъ чувствительный ударъ для Лидіи Петровны. Она, однако, осталась въ Петербургѣ: бѣжать въ подобную минуту казалось ей нерасчетливымъ, отодвигающимъ ее опять въ общество на дальній планъ. Только она сдѣлалась холоднѣе къ зятю и меньше прежняго имъ восхищалась.

Прошлую зиму Гриша провелъ въ Петербургѣ. Говорятъ, онъ миль и веселъ, танцуетъ на балахъ по-прежнему и по-прежнему ѣздитъ въ свѣтъ; а все женить его не удастся и, кажется, никогда не удастся никому. Думайте какъ хотите, но я не могу не сознать, что если какое-нибудь серьезное чувство прошло черезъ жизнь этого человѣка, то это было чувство его ко мнѣ, и что во всемъ туманѣ легкихъ воспоминаній только и есть у него яркаго и опредѣленнаго, что воспоминаніе о встрѣчѣ его со мной. А я? что нужно вамъ еще знать обо мнѣ? Саламандръ страшныя пустыни и мракъ послѣ свѣта, теплоты и жизни! Послѣ любви ей нужны привязанности, и она окружаетъ себя ими: не такъ создано ея сердце, чтобы оно могло зачерствѣть, слишкомъ-много въ ней жизни, чтобы она могла перенести пустыню, мертвящую душу, иссушающую умъ. Я никогда не понимала, чтобы сердце, обманутое чувствомъ или живнію, но неутратившее своего любящаго начала, могло удавиться за монастырскую ограду и тамъ обрести покой и смиреніе. Кто любилъ, какъ я, то-есть

до сознательнаго самоотверженія, тотъ любить второй разъ не долженъ; но въ сердцѣ выработывается постепенно безстрастная любовь—любовь, которая не останавливается на одномъ существѣ, а льетъ равно лучи своей благодати на каждого грустнаго, одинокаго, несчастнаго, и тогда въ сознаниіи возникаетъ сладостное чувство неутраченной полезности: такой любовью, такимъ сознаниемъ живеть теперь Саламандра. Нужно ли говорить вамъ, что лучшія мои минуты тѣ, въ которыя я могу еще говорить о Гришѣ, и что любимѣйшіе мои друзья тѣ, съ которыми я могу смѣло говорить о немъ? . . . . .

Тутъ оканчивались записки Саламандры.

Я глубоко задумалась. Отъ страницъ этихъ вѣяло свѣтомъ и теплотой; передо мной мелькалъ образъ существа, очищеннаго огнемъ чувства, настоящей, истинной Саламандры. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ же назвать ее, какъ не Саламандрой? въ огнѣ чувства только и жить ей! повторила я невольно слова доктора, перваго, говорившаго со мной о ней челоѵѣка.

Какъ ни поэтична Травята и «la dame aux camélias», все какъ-будто другая ткань душъ этихъ женщинъ; къ Саламандрѣ: шель стихъ Лермантова:

Творецъ изъ лучшаго ээира
Соткалъ живыя струны ихъ...

Въ этомъ развернутомъ передо мной жизненномъ свиткѣ я не нашла ничего напоминающаго собой жизнь «мраморныхъ женщинъ»: здѣсь нѣтъ ни рысаковъ, ни шалей, ни англійскихъ экипажей, ни баловъ для *эмилъ дамъ*, ни дуэлей изъ-за нихъ, ни публичныхъ ссоръ въ ресторанахъ и маскерадахъ, ни безсмысленнаго тщеславія, заставляющаго знать каждую изъ нихъ въ лицо и по имени, улыбаться имъ при встрѣчѣ, разговаривать съ ними въ театрѣ черезъ полуотворенную дверь бенуара. Для мраморныхъ женщинъ созданы роскошь и безнаказанность... Нѣтъ, Саламандра стояла отъ нихъ гораздо-далѣе, чѣмъ самая неприступная, самая дерзко-холодная барыня большаго свѣта.

Быть-можетъ, я долго бы еще просидѣла въ раздумьи, склонясь надъ оконченной тетрадью, какъ вдругъ робкій вопросъ: «можно ли войти?» заставилъ меня обернуться.

За моимъ стуломъ стояла Саламандра. Тутъ только я вспомни-
ла, что болѣе мѣсяца не видѣла ея, именно съ тѣхъ самыхъ
поръ, какъ принесла она мнѣ свои тетради. Я вообразила, что
она пришла требовать ихъ отъ меня.

Она стояла, тихо улыбаясь; въ глазахъ ея сверкали слезы.
Огромная собака съ волнистой шерстью, неразлучный ея спут-
никъ, стояла возлѣ, помахивая хвостомъ и засматривая ей въ ли-
цо; подъ рукой у ней съ трудомъ держался большой накетъ книгъ.

— Чтѣ это у васъ? спросила я.

— Курсъ ботаники; а вотъ здѣсь нѣсколько любимыхъ книгъ.
Я уѣзжаю и пришла съ вами проститься. Пароходъ уходитъ ров-
но въ двѣнадцать часовъ.

— Куда же это вы?!

— На южный берегъ Крыма. Я буду тамъ жить.

— Одна?

— Дá, одна: край, говорятъ, такъ хорошъ, что людей не нужно.
И она силилась улыбнуться.

— Собака моя со мной ѣдетъ.

Она потрепала собаку по головѣ.

— У кого же вы тамъ будете жить? спросила я.

— У себя. Я купила имѣнiе, произнесла она съ шутиливой
важностью.

Я улыбнулась и недовѣрчиво покачала головой.

— Видите ли чтѣ, продолжала она:—тамъ, въ трехъ верстахъ
отъ Ялты, въ Деррикойскомъ Ущельи, продавались виноградникъ и
татарскiй домикъ съ нѣсколькими фруктовыми деревьями. Этотъ
клочокъ земли всего стоилъ семьсотъ рублей. Ратевичъ купилъ
его по моей просьбѣ. Мнѣ хочется совершенно успокоиться, по-
пробовать, нельзя ли отвыкнуть отъ людей; вѣдь все равно: скоро
наступитъ то время, когда всѣ меня бросятъ; а чтобы переходъ
не былъ такъ быстръ, чтобъ и я могла заранѣе полюбить уеди-
ненiе, мнѣ нужна красивая природа. — Хочу познакомиться съ
жизнью растений, прибавила она, улыбувшись и указывая на
курсъ ботаники.

— Богъ въ помощь! произнесла я съ невольной грустью.

Саламандра постояла съ-минуту.

— Пойдемъ, Касторъ! сказала она, подавивъ вздохъ и обра-
щаясь къ собакѣ. — Прощайте!

И она протянула мнѣ руку.

Я крѣпко пожала эту руку, потомъ невольно притянула къ себѣ Саламандру и поцаловала въ лобъ.

Она отвернулась, но не успѣла скрыть двухъ крупныхъ слезъ, канувшихъ тяжело на грудь.

Мы молчали объ.

— Вотъ ваши тетради, проговорила я: — или вы мнѣ ихъ оставляете ?

— Дá, если хотите... Можете дѣлать съ ними что хотите.

Вдругъ лицо ея вспыхнуло.

— А знаете ли, сказала она съ живостью: — Гриша писалъ ко мнѣ.

— Не-уже-ли?

— Вотъ письмо.

Она достала изъ кармана измятое, сто разъ прочитанное письмо и подала его мнѣ.

Я прочла.

То были страстные моленія, просьбы возвратиться къ нему, прїѣхать, дать на себя взглянуть; то были жалобы на пустоту и скуку жизни — жизни шумной, но безцвѣтной; то была радость отысканнаго слѣда къ прошедшему, и во всемъ слышалось сознание, что хотя его и не посѣтили ни горе, ни испытанія, но ему все надоѣло, его все тяготило. Въ каждомъ словѣ былъ видѣнъ милый, избалованный донельзя человекъ; только серьезнѣй и глубже, нежели я думала, показалось мнѣ чувство его къ Саламандрѣ.

— Что же вы, повѣдете? спросила я, возвращая письмо.

Улыбка нѣжности и печали озарила ея лицо.

— Дá, если онъ будетъ когда-нибудь боленъ или несчастливъ, проговорила Саламандра, чуть-слышно, краснѣя и задыхаясь отъ волненія.

И, какъ тѣнь, она скользнула за дверь съ своей огромной, длинношерстой собакой.

ЭПИЛОГЪ.

На южномъ берегу, въ Ялтѣ, есть церковь. Свѣтло и празднично глядитъ она на далеко-раскинувшееся море, средь яркихъ, душистыхъ розовыхъ кустовъ и темной зелени высокихъ кипарисовъ, густо наполняющихъ ея ограду. Тутъ недалеко и Доррикойское Ущелье; видна и татарская изба съ виноградникомъ и нѣсколькими персиковыми деревьями.

Вотъ въ виноградникъ мелькнуло бѣлое платьѣ. Калитка у самой дороги тихо отворилась; за калиткой стояла маленькая коляска. Бродившій отъ скуки чиновникъ пароходства, который передалъ мнѣ свои наблюденія, вмѣстѣ съ букетомъ, привезеннымъ имъ по моему порученію съ южнаго берега, увидѣлъ, какъ въ коляску сѣла женщина въ бѣломъ платьѣ, та самая, которую замѣтилъ онъ сначала въ виноградникѣ, а рядомъ съ ней помѣстился молодой человѣкъ въ военномъ платьѣ.

Коляска покатила къ церкви.

«Кажется, лицо знакомое» подумалъ чиновникъ: «какъ-будто весной съ нами пришла сюда эта пассажирка; еще собака большая у ней была. А его-то я знаю: офицеръ изъ Петербурга; два рейса тому назадъ привезли мы его въ Ялту.»

Отъ нечего-дѣлать, а частію изъ любопытства, чиновникъ направилъ свои шаги тоже къ церкви.

— Представьте мое удивленіе, продолжалъ рассказывать чиновникъ:—въ церкви ихъ ожидали еще два офицера. Когда я вошелъ, обрядъ вѣнчанія уже кончился. Не могу вамъ сказать ея фамиліи, а его зовутъ Григоріемъ Алексѣевичемъ N.

Я обрадовалась до безконечности, понявъ изъ этого рассказа, что женщина въ бѣломъ платьѣ была Саламандра.

Въ тотъ же день я написала къ ней въ Ялту поздравительное письмо, и вотъ ея отвѣтъ:

«Вы знаете, что я дала себѣ слово послушаться призыва Гриши только тогда, когда онъ будетъ боленъ, или несчастливъ. Съ послѣдняго своего письма Гриша не терялъ меня изъ виду, наконецъ пріѣхалъ сюда и доказалъ, что безъ меня онъ *душевно боленъ* и, слѣдовательно, *вполнѣ-несчастливъ*. Все, что вамъ рассказывалъ нечаянный свидѣтель нашей свадьбы, происходило десять дней назадъ. Мы сошлись еще разъ, но ужъ за тѣмъ, чтобы болѣе, никто, кромѣ Бога, не могъ разлучить насъ.»

«САЛАМАНДРА.»

А. МАРЧЕНКО.

СКАЗАНІЯ АНГЛІЧАНЦА ГОРСЕЯ

О РОССИИ

въ исходѣ XVI-го столѣтія.

Дворянинъ Ермѣй Горсей пріѣхалъ въ Москву въ 1572 году въ-качествѣ прикащика лондонскаго «общества купцовъ, торгующихъ съ Москвою». Въ-теченіе своего восемнадцатилѣтнаго, почти непрерывнаго пребыванія въ Россіи, которую онъ окончательно оставилъ только въ 1591 году, онъ былъ дважды посылаемъ къ королевѣ Елизаветѣ англійской съ грамотами царскими и дважды привозилъ ей отвѣтныя письма. Въ запискахъ его находится много любопытныхъ свѣдѣній о послѣднихъ годахъ царствованія царя Ивана Васильевича Грознаго и о первыхъ годахъ правительствованія Бориса Фёдоровича Годунова. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній, очевидно, неточны, но это не убавляетъ общаго достоинства записокъ, какъ историческаго матеріала для уразумѣнія этой странной эпохи русской исторіи, какъ свидѣтельства очевидца многихъ тогдашнихъ событій, какъ живаго разсказа челоука, принимавшаго личное участіе въ нѣкоторыхъ происшествіяхъ, подробности которыхъ, безъ его записокъ, остались бы неизвѣстны.

Въ составъ записокъ Горсея вошли три отдѣльныя сочиненія:

1) Сказанія дворянина Ермѣя Горсея о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переговорахъ, въ которыхъ онъ провелъ почти цѣлые восемнадцать лѣтъ (1572 — 1591).

2) Торжественное и великолѣпное вѣнчаніе Фёдора Ивановича, царя російскаго, видѣнное и описанное господиномъ Ермѣемъ Горсеемъ, дворяниномъ и слугою ея величества, челоукомъ, много путешествовавшимъ и много испытавшимъ. Съ присовокупленіемъ описанія сухопутнаго путешествія г. Горсея изъ Москвы въ Эдельъ (1585).

и 3) Второе и третье посольства г. Еремѣя Горсея, дворянина, рыцѣя кавалера (knight), посланнаго ея величествомъ къ царю русскому въ 1585 и 1589 (1590) годахъ.

Два послѣдніа сочиненія были напечатаны во второмъ изданіи собранія путешествій Гаклюйта и, слѣдовательно, написаны до 1599 года. Они упоминаются въ «Исторіи Государства Россійскаго». «Описаніе двухъ посольствъ», по собственному сознанію Горсея, было исправлено и приготовлено къ изданію въ свѣтъ извѣстнымъ археологомъ и собирателемъ рукописей сэромъ Робартомъ Коттономъ. Первое и самое обширное сочиненіе, «Сказанія о путешествіяхъ Горсея», которыя собственно и заслуживаютъ названіе записокъ, посвящено государственному секретарю сэру Франциску Уэльсингему (Walsingham), который умеръ въ апрѣлѣ 1590 года; слѣдовательно, они начаты Горсеемъ еще въ бытность въ Россіи, но кончены уже тридцать лѣтъ послѣ пріѣзда его на постоянное жительство въ Англію, то—есть въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія. Сказанія эти долго оставались въ числѣ рукописей, хранящихся въ британскомъ музеѣ, собранія лорда Гарлея. Весьма-краткое изъ нихъ извлеченіе было помѣщено въ собраніи путешествій Пурчаса. Въ полномъ видѣ были они напечатаны лишь въ 1856 году, въ «Трудахъ Лондонскаго Гаклюйтова Общества». Изданія этого общества назначены не для продажи, но для раздачи между членами; поэтому кругъ читателей ихъ, по необходимости, весьма—ограниченъ. Сборники Гаклюйта и Пурчаса, по причинѣ своей рѣдкости, составляютъ почти исключительное достояніе публичныхъ библиотекъ и немногихъ библиотечниковъ. Притомъ, чтобы читать и понимать Горсея, недостаточно знать современный англійскій языкъ: необходимо нѣкоторое знакомство съ затѣйливостью слога и сбивчивостью правописанія елизаветинской эпохи. Самъ Горсей сознается, что онъ не имѣетъ «ни искусства, ни учености, ни послѣдовательности, ни изящества въ изложеніи своихъ сочиненій». Лучшимъ свидѣтельствомъ о затрудненіяхъ, сопряженныхъ съ чтеніемъ «Сказаній» Горсея, служатъ слова редактора ихъ въ изданіи, назначенномъ исключительно для членовъ ученаго общества и, слѣдовательно, для англичанъ, принадлежащихъ къ образованному классу: «Мы опасаемся, что читатель путешествій Горсея встрѣтитъ нѣкоторое затрудненіе отъ грубаго склада его рѣчи и отъ странности его правописанія. Первый недостатокъ исправить нельзя, относительно послѣдняго было признано неудобнымъ отступить отъ правила, однажды принятаго обществомъ.»

Всѣ эти обстоятельства служатъ, кажется, достаточнымъ объясненіемъ причинъ, побудившихъ составить слѣдующую записку статью.

Сэръ Ерестъ Горсей, одинъ изъ дворянъ—тѣлохранителей почетной стражи королевы Елизаветы англійской (*), происходилъ отъ старинной фамилиі помѣстныхъ владѣльцевъ Графства Дорсетскаго въ южной Англій. Его дядя, сэръ Эдуардъ Горсей, по званію губернатора острова Уайта (Wight), пользовался нѣкоторымъ значеніемъ при дворѣ королевы Елизаветы. Онъ далъ средства своему племяннику сопутствовать агента лондонскихъ купцовъ Меррика во Францію и въ Нидерланды, и, по возвращеніи молодого Ерестя изъ этихъ странъ, онъ же, вѣроятно, способствовалъ къ отправленію его въ Россію, черезъ посредство сэра Франциска Уэльсингема, который былъ государственнымъ секретаремъ, членомъ тайнаго совѣта королевы и въ то же время однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ общества купцовъ, торгующихъ съ Москвою.

Россія или, какъ ее называли тогда въ Европѣ, *Московія*, считалась страномъ, пагубною для нравственности англичанъ: отправляя туда одного изъ агентовъ общества, Уэльсингемъ предупреждалъ его, что тамъ легко приобрести богатство, но легко и утратить доброе имя. Граматы королевы Елизаветы къ царю Ивану Васильевичу наполнены жалобами на прикащиковъ, которые, вмѣсто-того, чтобы соблюдать пользу общества, вели торговлю отдѣльную, въ подрывъ ему; общество также постоянно жаловалось, что прикащики эти предаются пьянству, разврату, божбѣ и роскоши, что они держатъ собакъ и медвѣдей для травли, ѣздятъ верхомъ, тогда-какъ члены общества ходятъ пѣшкомъ, одѣваются въ бархатъ и шелкъ, и проч. Съ намѣреніемъ положить этому предѣлъ, общество предписало даже своему агенту (18 апрѣля 1567 г.), чтобы прикащики носили однообразную одежду, шили себѣ шубы не дороже рубля, носили ихъ не менѣе трехъ лѣтъ, и т.п.

Горсей, повидимому, не обращалъ вниманія на эту «lex sumptuaria» и едва-ли также не торговалъ самъ отъ себя: по-крайней-мѣрѣ, изъ записокъ его видно, что онъ имѣлъ многочисленную прислугу; и въ одномъ мѣстѣ, говоря о посохѣ, который въ 1581 году былъ купленъ царемъ у аугсбургскихъ купцовъ за 7,000 рублей, упоминаетъ, что посохъ этотъ передъ тѣмъ принадлежалъ ему.

Впрочемъ, ни о прибытіи своемъ въ Москву, ни о первыхъ годахъ своего тамъ пребыванія Горсей ничего не говоритъ; упоминаетъ только, что выучился скоро русскому языку, объясняя при этомъ, что, кромѣ-того, онъ зналъ языки польскій, нѣмецкій и латинскій.

Здѣсь нельзя не замѣтить, что Горсей, вообще склонный къ хвастовству, особенно увлекается, когда имѣетъ случай говорить о своихъ

(*) Sir Ieroma Horsey, Esquire to the Gueries body.

филологических познанияхъ. Но образки его учености, приводимыя и въ его запискахъ, очевидно, этому противоречатъ. Такъ, напримеръ, въ образецъ славянскаго рѣченія онъ пишетъ: «Нѣмк саксонскому хосюмд и кза Христа Сына Божя»; по его словамъ, Бориса Ѳеодоровича Годунова порусски звали: «*смотхерить тирантъ*» (*). «Сказанія» свои онъ заключаетъ латинскимъ рѣченіемъ (adagium): «*Si Christum sis, nihill est si cetera non sis*», т. е. «если будешь христіанномъ, не заботься, что не будешь ничѣмъ болѣ».

Но если можно сомнѣваться въ точности званія Горсеемъ русскаго языка, то никакому сомнѣнію не подлежитъ увертливость его ума, его необычайная самодѣтельность, его угодливость и умѣнье выставить свои услуги. Кромѣ-того, достаточно прочесть его длинныя и напыщенныя рѣчи, чтобы видѣть, что онъ любилъ говорить плодовито и велерѣчиво; рѣчи эти онъ, при всякомъ случаѣ, съ особенною любовью, выписываетъ *in extenso* въ своихъ запискахъ. Самая напыщенность ихъ могла имѣть особенную прелесть для придворныхъ царя Ивана Васильевича, котораго уцѣлѣвшая переписка съ Курбскимъ и посланіе къ Баторію достаточно свидѣтельствуютъ, что «*multa paucis*» не можетъ служить девизомъ русскаго слова этой эпохи.

Какъ бы то ни было, по прїездѣ въ Москву, Горсей снискалъ благосклонность бояръ князя Ивана Ѳеодоровича Мстиславскаго, Никиты Романовича Юрьева, князя Ивана Голицына и сдѣлался извѣстенъ покровителю иноземцевъ Борису Ѳеодоровичу Годунову. Первому изъ нихъ (Мстиславскому) Горсей особенно считаетъ себя обязаннымъ за дозволеніе читать «лѣтописи, написанныя и хранимыя и въ тайнѣ... по дружбѣ и особенному къ нему расположенію, князь сообщалъ ему много тайныхъ замѣчаній о состояніи и управленіи государства, собранныхъ имъ для памяти впродолженіе его восьмидесятилѣтней жизни... Чтеніе это было особенно-полезно для Горсея въ бесѣдахъ съ русскими, когда рѣчь заходила о событіяхъ прошедшаго времени, именно послѣдней половины княженія Василія Ивановича (**).» Князь Голицынъ и бояринъ Юрьевъ были соседями англійскаго двора въ Москвѣ (***). Въ послѣдній прїездъ Горсея въ

(*) Вѣроятно, «*smothering tyrant*», то-есть *тиранъ-душитель* или *мушкетель-душегубецъ*.

(**) Слѣдовательно, это были записки князя Мстиславскаго о событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ.

(***) Англійскій дворъ въ Москвѣ—Юшковскій дворъ у Максима свята.

Росію, онъ былъ принятъ какъ старый знакомецъ Голицынымъ, бывшимъ въ то время воеводой въ Смоленскѣ. У Никиты Романовича Горсея былъ также домашнимъ человекомъ, если судить по тому, что для сына его онъ написалъ «Славянскими буквами сборникъ латинскихъ рѣченій и словъ, въ родѣ грамматики». О достоинствѣ этой грамматики легко составить понятіе по приведеннымъ образцамъ горсеевой славянской грамматики и латинскихъ познаній; но Москва въ то время не изобиловала грамотѣями, и грамматика, по словамъ Горсея, «доставила большое удовольствіе» юному Феодору Никитичу, будущему патріарху Филарету. Горсей имѣлъ случай оказать важнѣйшую услугу семейству Юрєва: однажды, *опалившись* на Никиту Романовича, царь послалъ 200 стрѣльцовъ разграбить его домъ, въ которомъ они расхитили оружія, лошадей, посуды и пожитковъ на 40 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ?). Бояринъ былъ лишень своихъ помѣстьевъ и остался въ такой нищетѣ, что на другой день послалъ въ англійское подворье просить бумажной ткани на одежду себѣ и дѣтямъ. Никита Романовичъ и впоследствии, сдѣлавшись покровителемъ голландскихъ купцовъ и противникомъ англійской торговли, не измѣнился, однакожь, въ отношеніи къ Горсею; по-крайней-мѣрѣ, Горсей, весьма-перемѣнчивый въ своихъ сужденіяхъ, до самой его смерти, отзывается о немъ какъ о твердомъ, доблестномъ бояринѣ, всѣми любимомъ и уважаемомъ».

Взрѣтно, благосклонности этихъ вельможъ Горсея обязанъ былъ тѣмъ, что въ 1580 году ему было поручено завѣдываніе конторой общества въ Москвѣ. Управление его ознаменовалось обстоятельствомъ, которое, болѣе десяти лѣтъ спустя, послужило къ обвиненію его во враждебныхъ чувствахъ къ Россіи. Онъ извѣстился, что голландскіе и французскіе корабли приходятъ для торговли къ бѣломорскимъ берегамъ, тогда открытымъ для однихъ англичанъ. Сообщая объ этомъ холмогорскому агенту общества, Горсей изъяслялъ удивленіе, что общество допускаетъ иностранцевъ пользоваться тѣми выгодами, которыя приобрьло цѣною большихъ пожертвованій, и объявлялъ, что самъ приметъ мѣры къ пресѣченію этого зла.

Горсей пользовался своимъ вліяніемъ не въ однихъ дѣлахъ общества: по его ходатайству, дозволено было поселеннымъ въ нѣмецкой слободѣ лѣвными ливонцамъ, шотландцамъ и нѣмцамъ построить лютеранскую

го за торговлю»—находился близъ церкви св. Максима-Исповѣдника, что на Варваркѣ. Дворъ этотъ, можетъ-быть, получилъ названіе *Юшковскаго* отъ имени дѣда Никиты Романовича *Юрія* Захарыча Яковля.

церковъ; многимъ ганзейскимъ купцамъ онъ запросилъ свободу и нѣкоторымъ изъ нихъ давалъ пособіе изъ собственного своего кошелька. Главную услугу оказалъ онъ шотландцамъ: 700 шотландцевъ находились въ войскѣ шведскаго короля во время ливонской войны. Изъ нихъ 85 человекъ были приведены плѣнниками въ Москву; имъ готовилась одинаковая участь со шведами и поляками—казни и мученія. Но Горсей успѣлъ довести до свѣдѣнія царя, что шотландцы воевали противъ него не изъ вражды къ Россіи, а единственно по обычаю своего народа, готовые служить всякому государю, который возьметъ ихъ на жалованье, что, если царь вооружитъ ихъ и назначитъ имъ содержаніе, они будутъ служить ему съ такимъ же усердіемъ, съ какими служили его недругу. Мысль горсеова была приведена въ исполненіе: изъ шотландцевъ составили отдѣльный отрядъ, который, подъ начальствомъ Якова Лингетта, былъ посланъ въ поле противъ крымцевъ. Будучи вооружены самопалами и пистолетами, они нанесли крымцамъ несравненно—болѣе вреда, чѣмъ русскіе, которыхъ все вооруженіе состояло изъ луковъ и стрѣлъ. Ханъ, изумленный при видѣ своихъ крымцевъ, падавшихъ съ лошадей подъ выстрѣлами шотландцевъ, вскричалъ: «Прочь этихъ новыхъ чертей съ громовыми хлопучками!» Выходка эта была передана царю, котораго она очень позабавила; съ-тѣхъ-моръ онъ сталъ жаловать *шкотцкиихъ нѣмецъ* и одарилъ ихъ землями.

Всѣ эти обстоятельства достаточно объясняютъ, почему именно Горсей Іоаннъ избралъ для послышки къ *любительной сестрѣ* своей *Елизаветѣ королевнѣ* просить присылки изъ Англіи боевыхъ припасовъ для продолженія войны съ своими *недрузьями польскимъ и шведскимъ*. Горсей такъ передаетъ свое свиданіе съ царемъ :

«Призвавъ меня, онъ сказалъ, что хочетъ послать меня къ королеву английской съ почетнымъ, важнымъ и тайнымъ порученіемъ. Потомъ расширявалъ о разныхъ предметахъ; мои скорые отвѣты ему понравились. Спросилъ: видѣлъ ли я большія суда и корабли, которые строятся въ Вологдѣ? — Я отвѣчалъ, что видѣлъ. — Какой нѣмѣнникъ доказалъ ихъ тебѣ? — Я такъ много о нихъ слышалъ, что однажды въ праздникъ, когда толпы народа шли смотрѣть ихъ, я съ тысячами лѣбопытныхъ пошелъ полюбоваться ихъ необыкновенною красотою, величиною и странною наружностью. — Что разумеешь ты словами: *странную наружностью?*» — Я сказалъ это въ—отношеніи изображеній львовъ, драконовъ, орловъ, слоновъ и единороговъ, которые такъ живо представлены и такъ богато украшены золотомъ, серебромъ и чудными красками. — *Сибѣявый малый*: хвалить искусство своихъ соотечественниковъ», сказалъ царь стоявшему врозь него любимцу.—

«Это правда! видно, ты хорошо ихъ разсмотрѣлъ. Сколько ихъ?» — Кажется, ваше величество, я ихъ видѣлъ всего двадцать. — «Скоро увидишь не менѣе сорока. Я доволенъ тобою. Ты можешь, безъ боязни, рассказать объ этомъ въ чужихъ краяхъ. Ты еще болѣе любовался бы этими кораблями, если бы зналъ, какими неоцѣненными сокровищами они будутъ украшены внутри. Правда ли, что у твоей королевы — ншей сестры — лучшій флотъ въ свѣтъ?» — Правда, ваше величество! — «Что жъ ты не говоришь объ немъ?» — Ея корабли отличаются своею величиною и силою, съ которою разбиваютъ волны въ великомъ океанѣ и въ бурныхъ моряхъ. — «Какой они наружности?» — Они изящной постройки, съ острымъ килемъ, а не плоскодонны; бока ихъ такъ толсты, что пушечное ядро едва ихъ пробиваетъ. — «Что дальше?» — На каждомъ кораблѣ есть пушки — сорокъ жѣдныхъ орудій большого калибра, ядра, мушкеты, порохъ, цѣнные ядра, копыя и вооруженіе для защиты, зажигательныя ракеты, пилерсы на случай сраженія. Экипажъ состоитъ изъ тысячи моряковъ и солдатъ, съ капитанами и другими начальниками для управленія кораблемъ; между ними соблюдается подчиненность и для нихъ ежедневно отправляется богослуженіе. Корабли снабжены въ изобиліи припасами, необходимыми для пищи: пивомъ, хлѣбомъ, говядиною, рыбой, ветчиною, горохомъ, масломъ, сыромъ, уксуомъ, овсяной мукою, водкою, дровами, водою и пр. Кроме того, на корабляхъ есть якоря, снасти, такелажъ, мачты, запасные паруса, вымпела, флаги, драгоценныя шелковыя хоругви, украшенныя королевскимъ гербомъ, который содержится въ почетѣ у кораблей всѣхъ прочихъ государей; также есть барабаны, трубы, бубны, свистки и другіе инструменты воинской музыки, которыми вызываютъ непріятеля на бой. Съ этими кораблями можно нападать на самые крѣпкіе приморскіе города и крѣпости и разрушать ихъ. Они ужасны на войнѣ и весьма способны для поданія помощи союзникамъ ея величества, для охраненія ихъ и защиты. Таковы, благороднѣйшій государь, устройство, наружность и вооруженіе каждаго изъ побѣдоносныхъ кораблей королевскаго флота ея величества.

«Мнѣ удалось передать содержаніе этой рѣчи свободно и съ одушевленіемъ: въ продолженіе ея царь часто обращалъ свою голову и свои глаза къ стоявшимъ возлѣ слушателямъ, не изъявляя, однакожъ, ни особеннаго одобренія, ни большаго изумленія. — «Сколько у твоей королевы такихъ кораблей, какъ ты описываешь?» — Сорокъ, ваше величество! «Хорошій королевскій флотъ, какъ ты его называешь: на немъ можно перевезти къ союзнику 40 тысячъ войска.» — Потому царь велѣлъ имъ готовиться къ отъѣзду, хранить молчаніе, быть

скромнымъ и ежедневно навѣдываться, пока все не будетъ готово къ моему отпращиванію, приказалъ своему думному дяку Елизару Вылузгину отобрать отъ меня письменно все сказанное мною о флотѣ королевы. Я подарилъ ему (Вылузгину?) искусно сдѣланное и раскрашенное изображеніе корабля на вѣсѣхъ парусахъ, съ распущенными знамѣнами и флагами, съ раззолоченными пушками, въ полной готовности къ сраженію.»

Заключающееся въ этомъ разговорѣ показаніе о постройкѣ кораблей въ Вологдѣ и намѣкъ царя «о неоцѣненныхъ сокровищахъ, которыми они будутъ украшены внутри», подтверждаетъ находящееся у Горсея въ другомъ мѣстѣ свидѣніе о томъ, что, послѣ сожженія Москвы Девлетъ-гиреемъ, царь «выстроилъ въ Вологдѣ каменное казнохранилище и строилъ большія барки и суда, чтобы, въ случаѣ внезапности, перевести свою казну въ Соловецкій Монастырь, который стоитъ на берегу Сѣвернаго Моря, на прямомъ пути въ Англію». Замѣчательно также соображеніе царя, что на 40 корабляхъ (составлявшихъ, по мнѣнію Горсея, всю совокупность королевина флота) «можно перевести къ союзнику 40 тысячъ войска». Слова эти ясно свидѣтельствуютъ о твердомъ убѣжденіи Іоанна, что, при случаѣ, онъ можетъ рассчитывать на помощь Елизаветы и на всѣ силы ея державы.

Горсей не говоритъ, когда происходило это его свиданіе съ царемъ, но должно предполагать, что въ началѣ 1580 года, потому-что вслѣдъ затѣмъ и до отъѣзда своего въ Англію онъ присутствовалъ при казни Бомелія, замученнаго зимою этого года, и находился въ Москвѣ при объявленіи о бракѣ царевича Федора Ивановича. Объ этихъ двухъ происшествіяхъ онъ рассказываетъ такъ:

Бомелій былъ уроженцемъ города Везеля въ Вестфаліи, обучался въ Кембриджѣ, былъ искуснымъ математикомъ, но человекомъ злымъ и большимъ лиходѣемъ. Онъ увѣрилъ царя, что королева Елизавета молода, внушилъ ему намѣреніе на ней жениться и вкрался въ его благосклонность. Несмотря на то, что онъ жилъ въ роскоши и переслалъ много богатствъ и сокровищъ на свою родину, онъ рѣшился измѣнить царю: вошелъ въ сообщничество съ епископомъ (?) новгородскимъ и нѣкоторыми другими лицами и тремя разными путями отправилъ къ королямъ польскому и шведскому грамматы, писанныя полатыни, погречески и тайнописью. Грамматы эти были перехвачены. Царь поручилъ царевичу Ивану Ивановичу допросить виновныхъ. Епископъ сознался, что чеканилъ деньги и пересылалъ ихъ съ другими сокровищами въ Польшу и Швецію. Бомелій сперва во

водилъ занорся, надѣясь на заступничество нѣкоторыхъ изъ своихъ со-общниковъ, которые назначены были въ помощь царевичу для допроса; но на колесѣ, когда ему «вытащали руки изъ плечныхъ, а ноги изъ бедренныхъ и когѣнныхъ суставовъ и вѣзли всю спину и все тѣло проволочными плетями», онъ во всемъ повинился. Царь велѣлъ его изжарить. «Снявъ Бомелія съ пытки, его привязали къ шесту въ родѣ вертѣла и жарили и палили огнемъ его опровавленное и изсѣченное тѣло. Когда въ немъ, повидимому, не осталось признака жизни, его бросили на салазки и потащили въ Кремль. Горсей прордался сквозь толпу, чтобы посмотреть на него: онъ поднималъ глаза и произнесъ имя Христа. Его бросили въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ. Большая часть бояръ были рады его казни, ибо онъ узналъ о нихъ многое. Одиннадцать слугъ епископа были повѣшены на воротахъ Новгородскаго Подворья въ Москвѣ. Нѣсколько женщинъ, съ которыми онъ чародѣйствовалъ, были рваны по членамъ и сожжены. Самого епископа осудили на вѣчное заточеніе и, закованнаго въ кандалы, бросили въ подвалъ, гдѣ онъ проводилъ время, занимаясь писаніемъ аконъ и дѣланіемъ гребней и сѣделъ».

«Около того же времени царь объявилъ, что такъ-какъ старшій его сынъ безчаденъ, то онъ намѣренъ женить своего втораго сына, царевича Федора, который былъ простъ умомъ. По собраніи бояръ и духовенства, царь не могъ не высказать своего гнѣва. «Рабы невѣрные и лукавые! сей день двойнѣ замѣчателенъ, какъ праздникъ Вознесенія Спасителя и какъ годовщина приснопамятной гибели столькихъ сотъ тысячъ невинныхъ, коихъ имена яркими письменами обличаютъ передъ цѣлымъ свѣтомъ вашу измѣну, жертвами коей они погибли...» Таково, по словамъ Горсей, было начало рѣчи Иоанна, длившейся цѣлые три часа и кончившейся объявленіемъ о вступленіи царевича Федора въ бракъ съ Ириной Федоровной Годуновой, «дѣвией молодой и прекрасной, изъ знатнаго и знаменитаго семейства, которое было весьма-могущественно и весьма предано царю». (*)

Горсей не объяснялъ значенія годовщины, о которой упоминается въ приступѣ царской рѣчи; но слово это, кажется, относится къ сожженію Москвы крымцами въ 1571 году, ибо это бѣдствіе постигло столицу въ самый день Вознесенія (а не Успенія, какъ говоритъ Гор-

---

(*) Горсей прибавляетъ въ выносѣхъ: «Супружескія обязательства, какъ-будто по чародѣйству, не могли быть выполнены.» Вѣроятно, это—повтореніе современныхъ толковъ о безчадіи царевны Ирины.

сей), и царь былъ убѣжденъ, что Девлетъ-гирей былъ призванъ на Россію его собственными боярами.

Между-тѣмъ, все было готово къ отправленію Горсея. Думный дьякъ Савелій Фроловъ написалъ ему наказъ и царскую грамоту къ королеви Елизаветѣ. На путевыя издержки дано ему 400 венгерскихъ червонцевъ. Но нѣкоторые предметы посольства были до времени скрыты отъ него царемъ. — «Тебѣ придется проѣзжать чрезъ земли моихъ недруговъ», сказалъ ему Іоаннъ: «ты можешь попасться въ ихъ руки, и отъ тебя могутъ выпытать то, что я желаю оставить скрытымъ. Поэтому я не сообщилъ тебѣ нѣкоторыхъ моихъ наказовъ: они спрятаны въ двойномъ днѣ деревянной бочкы съ водкой. Когда ты пріѣдешь въ безопасное мѣсто, можешь ее вскрыть и узнаешь, что долженъ говорить моеи любительной сестрѣ Елизаветѣ.» Червонцы также велѣно было Горсею зашить въ сапоги и въ старое платье. — «Оставайся вѣренъ и преданъ мнѣ», прибавилъ Іоаннъ, отпуская его: «и будешь награжденъ моеи милостію и пожалованъ мною.» Я палъ ницъ (говоритъ Горсей), положилъ голову на его ногу и съ тяжкою грустью на сердцѣ представлялъ себѣ очевидныя и неизбѣжныя опасности, которымъ подвергался.

Горсей не ошибался: едва на четвертыя сутки прискакалъ онъ чрезъ Тверь, Новгородъ и Псковъ къ Нейгаузену, какъ его немедленно остановили и привели для допроса. Начальникъ замка отпустилъ его только на третій день, склонившись на его увѣренія, что онъ бѣглець изъ «долины плача—московской земли», а особенно убѣжденный «небольшимъ выкупомъ». Чрезъ три дня опаснаго проѣзда по замерзшимъ озерамъ и по морскому проливу, Горсей прибылъ на островъ Эзелъ, гдѣ, снова задержанный, былъ представленъ, какъ лазутчикъ, въ датскую крѣпость Аренсбургъ. Къ-счастью, комендантомъ тамъ былъ вѣкто фон-Иксуль, котораго дочери, бывшей въ плѣну въ Москвѣ, Горсей успѣлъ оказать разныя услуги. Иксуль былъ обрадованъ неожиданной встрѣчѣ, созвалъ своихъ друзей, угощалъ Горсея, подарилъ ему «хорошіе нѣмецкіе часы», велѣлъ своему сыну и своимъ слугамъ проводить его до безопаснаго мѣста и снабдилъ на дорогу письмами и охранными листами.

Въ Пильтенѣ Горсей засталъ короля Магнуса, который обошелся съ нимъ грубо, потому-что Горсей «не могъ безъ мѣры пить». Изъ Пильтена, чрезъ Курляндію, Кѣнигсбергъ, Эльбингъ, Данцигъ, Померанію и Мекленбургъ, Горсей прибылъ въ Любекъ. Здѣсь, такъ же, какъ и въ Гамбургѣ, онъ встрѣтилъ почетный пріемъ. Многіе изъ тамошнихъ купцовъ, которымъ онъ помогъ выкупиться изъ московскаго плѣна,

принимал его благодарить. Въ Любекѣ просили его даже внести въ городскую книгу свое имя и мѣсто рожденія, на память потомству, и поднесли вызолоченный серебряный кубокъ съ крышкою, наполненный рейхстамерами и червонцами. Горсей благодарилъ за кубокъ, но деньги высматъ и отдалъ назадъ. Забавно читать въ его запискахъ, какъ онъ въслѣдствіи жалѣлъ объ этомъ поступкѣ «болѣе щедромъ, чѣмъ разсудительномъ».

По прибытіи изъ Гамбурга въ Англію, Горсей рѣшился наконецъ раскупорить свою баклажку, которая во всю дорогу была предметомъ его опасеній, которую днемъ онъ подвязывалъ подъ свой кафтанъ, а ночью клалъ подъ изголовье. Несмотря на то, что онъ опрыскалъ царскую грамматику духами, какъ—только онъ вручилъ ее Елисаветѣ, чуткое обоняніе королевы немедленно было поражено запахомъ водки, и рассказъ о баклажкѣ «доставилъ большое удовольствіе ея величеству».

Предметы переговоровъ Горсея неизвѣстны: королева запретила ему сообщить даже членамъ московскаго общества тайныя порученія цара, приказавъ ему увѣдомить ихъ только, что царь требуетъ боевыхъ припасовъ: мѣди, свинца, пороха, селитры, стры и пр. Можно, однакожъ, кажется, безошибочно, предполагать, что тайный наказъ Іоанна касался намѣренія его вступить въ бракъ съ англичанкою, «*младю, чистою девицею велеможною по отце и по матери разумомъ и иными многими добрыми нравы прироженными окрашеною*». Предположеніе это основывается на томъ, что первымъ посланникамъ, отправленнымъ въ Англію по возвращеніи Горсея въ Москву, поручено было оффиціальное сватовство за предложенную Елизаветою въ невѣсты дочь графа Гонтингдонскаго (Huntingdon) Марію Гастингсъ (*).

Горсей имѣлъ три или четыре аудіенціи у королевы, которая, при отпускѣ, въ знакъ своей къ нему милости, допустила его къ своей рукѣ, пожаловала ему свой портретъ и велѣла зачислить его въ число своихъ дворянъ—гѣлохранителей (**). Милостями этими Горсей считаетъ

(*) Елизавета, предлагая Марію Гастингсъ въ невѣсты царю, называла ее своею родственницею и отраслю королевскаго дома. Но родство это было весьма—отдаленно и ограничивалось тѣмъ, что мать Маріи была правукою герцога Кларенскаго, брата Эдуарда IV и Ричарда III, котораго этотъ послѣдній утопилъ въ бочкѣ вина, и что ея дѣдъ по матери (Henry Pole, Baron of Montacute) былъ троюроднымъ братомъ Генриха VIII и, слѣдовательно, внучатымъ дядею королевы Елисаветы.

(**). «To be sworn Esquire to her Highnes body»—принять присягу на званіе дворянина—гѣлохранителя. Съ этимъ званіемъ были сопряжены титулъ *кавалера* (knight) и званіе *сэръ* (sir) передъ именемъ.

себя обязанными своимъ покровителямъ: лорду-назначеню сэру Уильяму Сесилю (лорду Бёрлею), государственному секретарю сэру Франциску Уэльингтону, лорду Лестеру (Leicester), а главнѣйше дружбѣ своего «искренняго, благороднаго и добраго друга» сэра Эдуарда Горсея.

Какъ-только корабли (въ числѣ тринадцати) были нагружены и готовы къ отплытію, сэръ Еремѣй отправился съ ними въ Россію. Около Нордкапа эскадра встрѣтилась съ кораблями датскаго короля, вступила съ ними въ бой и, благополучно отразивъ ихъ, прибыла въ пристань св. Николая (*). Сэръ Еремѣй, не изъжая, отправился въ Александровскую Слободу, гдѣ вручилъ царю грамоту королевы, сообщилъ ему результатъ своихъ переговоровъ, сдалъ привезенные боевые припасы на значительную сумму девяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ и удостоился похвалы и милостиваго жалованья царя за скорое и успешное исполненіе своего порученія. Деньги были скоплены и безъ задержанія уплачены изъ царской казны.

По возвращеніи своемъ въ Россію, Горсей былъ свидѣтелемъ казней и неистовствъ, подобныхъ тѣмъ, при которыхъ присутствовалъ до отъѣзда своего въ Англію. Во время его отсутствія царь вступилъ въ супружество(**) съ Марією Ѳеодоровною Нагой, и ея дядя Семень Ѳеодоровичъ, по словамъ Горсея, былъ тогда главнѣйшмъ орудіемъ его тиранства. Къ этому времени Горсей относитъ разграбленіе стрѣльцами дома Никиты Романовича Юрьева и преданіе грабежу и расхищенію варскихъ и дерптскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, поселенныхъ въ подмосковской Нѣмецкой Слободѣ. Тогда же, по повелѣнію царскому, Семень Нагой *выколотилъ* пять тысячъ рублей изъ *пятокъ большаго взяточника* думнаго дьяка Андрея Яковлевича Щелкалова, который прогналъ отъ себя свою молодую и прекрасную жену и взрубилъ ей мечомъ шею.

«Богу не угодно было оставить безъ наказанія всѣ эти жестокости. Вскорѣ потомъ царь разсвирѣпѣлъ на своего старшаго сына царевича Іоанна, который оказывалъ нѣкоторое состраданіе къ злополучнымъ жертвамъ неистовствъ своего отца и, безъ царскаго дозволенія, послалъ по своему дѣлу какого-то чиновника, которому велѣлъ дать пять или шесть ямскихъ подводъ. Кромѣ-того, царь негодовалъ на своего сына за то, что народъ его любилъ. Въ порывѣ ярости онъ кинулъ

(*) Датчане постоянно нападали на англійскіе корабли, ходившіе въ Бѣлое Море, требуя съ нихъ пошлины за плытіе мимо норвежскихъ береговъ.

(**) По словамъ Карамзина, несвященное никакимъ церковнымъ разрѣшеніемъ.

...въ него свой заостренный жезлъ: царевичъ не выдержалъ удара, заболѣлъ горячкою и умеръ черезъ три дня. Царь былъ въ изступленіи: рвалъ на себѣ волосы и бороду. Но главную утрату понесло государство, лишившись умнаго, тихаго и достойнаго царевича, въ которомъ соединялись молодость, геройскій духъ и красивая наружность, котораго всѣ любили и олакали. Его похоронили въ Архангельскомъ Соборѣ, опустивъ въ его могилу на 50 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ)? разныхъ драгоценностей. По ночамъ его тѣло и эти сокровища были охраняемы сѣтною 12 гражданъ.»

Если вѣрить Горсею, Іоаннъ тщательно скрывалъ отъ своего старшаго сына давнишнее свое намѣреніе жениться на англичанкѣ и единственно съ этою цѣлью взялъ себѣ въ жены Марію Нагую. Но послѣ его смерти, въ маѣ 1582 года, посланы были царемъ къ Елизаветѣ дворянинъ и намѣстникъ шацкій Федоръ Андреевичъ Писемскій и подъячій Епифаней Неудача Васильевъ сынъ Ховраловъ (*), съ порученіемъ условиться о союзѣ между Англіей и Россіей, объявить желаніе царя вступить въ бракъ съ Марією Гастингсъ, просить присылки живописнаго ея образа и требовать, чтобъ вѣстѣ съ Писемскимъ пріѣхалъ въ Москву посоль елизаветинъ для окончанія этого дѣла. По пріѣздѣ въ Англію, Писемскій былъ торжественно принятъ королевою и представилъ ей свою вѣрительную грамоту въ Уиндзоръ (Windsor) 4 ноября 1582 г. Но, несмотря на всѣ требованія свои о скорѣйшемъ окончаніи сватовства, онъ былъ только черезъ шесть мѣсяцевъ допущенъ видѣть невѣсту, которая въ это время оправлялась отъ оспы. Свиданіе проходило въ саду Йоркскаго Дворца(**). «Марія Гастингсъ явилась въ сопровожденіи большаго числа знатныхъ барынь и придворныхъ дѣвицъ. Посланникъ, сопровождаемый также многими дворянами и другими лицами, былъ приведенъ предъ нее: онъ палъ ницъ къ ея ногамъ, всталъ и, не спуская съ нея глазъ, къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, отбѣжалъ назадъ, потомъ черезъ толмача сказалъ, что довольно насмотрѣлся на ангела, котораго надѣется видѣть супругою

(*) Переводчикомъ при нихъ находился Рейнольдъ (Регинальдъ) Бекманъ, голландскій уроженецъ, бывший нѣсколько лѣтъ на службѣ московскаго общества и впослѣдствіи посланный гонцомъ отъ царя Федора къ королевѣ Елизаветѣ.

(**) *Yorke House*, принадлежавшаго нѣкогда знаменитому министру Генриха VIII кардиналу Уольсею (Wolsey). Ни дворецъ, ни садъ давно не существуютъ: на мѣстѣ перваго стоитъ Уайтголь (Whitegall), а отъ парка уцѣлѣли только набережныя ворота на Темзѣ, возлѣ Гунгефордскаго висячаго моста (Hungeford bridge).

своего государя, хвалилъ ея ангельскую наружность, величественный видъ и изумительную красоту. Съ-этихъ-поръ Марія Гастингсъ слыла при дворѣ между своими друзьями подъ именемъ царицы или императрицы московской (*).»

Въ июнѣ того же года Писемскій получилъ отпускъ отъ королевы и, въ сопровожденіи ея посланника сэра Еремѣя Бауса (Sir Jerome Bowes), отправился на корабляхъ въ Россію. По прибытіи въ пристань св. Николая, Писемскій отправился немедленно въ Москву и донесъ Іоанну объ успѣхѣ своего посольства. Вѣсть эта обрадовала царя, который послалъ пристава Михаила Протопопова привезти въ Москву Бауса, оставшагося до повелѣнія въ пристани св. Николая (**). Баусу были оказаны всякія почести и милости; но въ самый день своего представленія царю (28-го октября 1583 г.) Баусъ уже нашелъ возможность поссориться съ давнымъ ему въ приставы княземъ Иваномъ Сицкимъ: находя, что назначенная ему лошадь для проѣзда во дворецъ была хуже лошади подъ княземъ, онъ пошелъ пѣшкомъ къ царскому дворцу, въ сопровожденіи своихъ слугъ, и, когда высланный ему навстрѣчу чиновникъ объявилъ ему, что царь его ждетъ, онъ отвѣчалъ, что не можетъ идти скорѣе. Стоявшій на пути его народъ, между которымъ разошелся слухъ о сватовствѣ царя, провожалъ его насмѣшками и восклицаніями: «карликъ!» (***)

Всѣ требованія Бауса были исполняемы царемъ, счета царскихъ чиновниковъ и московскаго общества были покончены къ обоюдному

(*) Писемскій донесъ царю: «Марія Гастингсъ ростомъ высока, стройна, тонка, лицомъ бѣла; глаза у нея сѣрые, волосы русые, носъ прямой, пальцы на рукахъ долгіе.» (Карауз. IX, 252, изданіе Эйнерлинга.) Марія Гастингсъ въ послѣдствіи вступила въ бракъ съ адмираломъ лордомъ Кильдеромъ (Kildare).

(**) Всѣ послѣдующія подробности заимствованы изъ Горсея: онъ во многомъ противорѣчатъ хранящимся въ лондонскомъ государственномъ архивѣ (state paper office) подлиннымъ донесеніямъ или, вѣрнѣе, доносамъ Бауса. Если вѣрить этому послѣднему, съ самаго выхода на русской берегъ и до обратнаго своего отправленія въ Англію, онъ встрѣчалъ лишь оскорбленія отъ русскихъ бояръ и чиновниковъ и даже отъ многихъ англійскихъ прикащиковъ. Въ числѣ послѣднихъ, между прочими, онъ именно называетъ Еремѣя Горсея.

(***) У Горсея: *карликъ, то-есть журавлимыя ноги—Carlike! which is craines laeggs.* Новый примѣръ русскихъ познаній сэра Еремѣя. Трудно помирить понятія *низкаго роста* и *длинныхъ ногъ*, развѣ предположивъ, что Баусъ имѣлъ необыкновенно-малое туловище на чрезвычайно-высокихъ ногахъ.

удовольствію, всѣ жалобы англійскихъ гостей были удовлетворены, привилегіи ихъ подтверждены. Если бы Баусъ зналъ только мѣру и умѣлъ пользоваться временемъ, царь согласился бы на все. Онъ изъ-являлъ даже готовность, въ случаѣ брака съ родственницею королевы, утвердить вѣнецъ за ея потомствомъ. Но эта послѣдняя уступка, тайнымъ путемъ дошедшая до свѣдѣнія царевича, Годуновыхъ и другихъ бояръ, положила предѣлъ ихъ терпѣнію, и они рѣшились, во что бы ни стало, мѣшать успѣху посольства Бауса, который съ самаго приѣзда своего непрестанными своими жалобами и своимъ чванствомъ спускалъ себѣ ненависть всѣхъ придворныхъ сановниковъ.

Зная озлобленіе своихъ бояръ, исполненный ярости противъ нихъ, Іоаннъ рѣшился прибѣгнуть къ чародѣйству!... По его повелѣнію, привезены были съ сѣвера шесть десятковъ чародѣекъ (*), которые были посажены подъ стражу, и любимецъ царскій Богданъ Бѣльскій ежедневно посѣщалъ ихъ и переносилъ царю ихъ предсказанія. «По вѣрнымъ признакамъ созвѣздій, сильнѣйшія свѣтила небесныя враждебны царю и предвѣщаютъ его кончину къ 18 марта» — таково было ихъ пророчаніе. Іоаннъ впалъ въ бѣшенство и объявилъ колдуньямъ, что въ этотъ день онѣ будутъ сожжены. Между-тѣмъ, въ-теченіе семи недѣль надъ Москвою были видимы огромная блестящая звѣзда и другія небесныя явленія, и страшная болѣзнь, «слѣдствіе 50 лѣтъ, проведенныхъ въ преступномъ любострастіи», постигла царя. Но, хотя и утраченный предвѣщаніемъ о своей кончинѣ, Іоаннъ не готовился къ страшному отвѣту за всѣ дѣянія, имъ совершенныя, въ ваннѣ забавлялся веселыми пѣснями, игралъ въ шахматы и каждый день приказывалъ носить себя въ свою сокровищницу: Горсей, въ самый день его кончины видѣлъ его, по его знаку, вслѣдъ за нимъ вошелъ въ его сокровищницу и, стоя между другими, слышалъ, какъ Іоаннъ объяснялъ свойства разныхъ драгоценныхъ камней. Объясненія эти любопытны, какъ свидѣтельство о суевѣрныхъ понятіяхъ, которыя въ этомъ вѣкѣ—вѣкѣ ахиміи—были сопряжены съ разными драгоценными камнями. Притомъ, Горсей запомнилъ, повидимому, довольно-вѣрно, рѣчи царскія и передаетъ ихъ съ простотою, нечуждой драматическаго эффекта.

«Вы всѣ знаете великое и сокровенное свойство магнита: безъ него нельзя плавать по морямъ, окружающимъ свѣтъ, ни узнавать предѣлы земные. Стальной гробъ персидскаго лжепророка Магомета чудеснымъ

(*) «Ихъ тамъ множество между Холмогорами и Лапландіей», говоритъ Горсей.

образомъ висить на магнитѣ въ *Дербентской* (sic) мечети.» Онъ приказалъ принести булавокъ, которыя, будучи тронуты магнитомъ, повисли цѣпью одна къ другой. «Посмотрите на этотъ чудесный кораллъ и на эту прекрасную бирюзу, возьмите ихъ: они сохраняютъ природную яркость своего цвѣта; положите ихъ теперь ко мнѣ на руку: я зараженъ болѣзью — смотрите, какъ они тускнѣютъ. Это предвѣщаніе моей смерти! Принесите мой царскій посохъ. Это рогъ единорога, оправленный весьма—красивыми алмазами, рубинами, сафирами, изумрудами и другими драгоценными камнями большой цѣны. Я заплатилъ за этотъ посохъ 70 тысячъ рублей. Мнѣ его досталъ отъ аугсбургскихъ купцовъ Давидъ Гоуеръ. Принесите науковъ.» Онъ приказалъ своему врачу Ивану Лофу (Johannes Lloff) очертить посохомъ кругъ на столѣ: всѣ впущенные въ кругъ пауки издыхали одинъ за другимъ; находившіеся внѣ круга немедленно бѣжали отъ него прочь. «Поздно: этому посоху уже не спасти меня. Смотрите на эти драгоценные камни. Вотъ алмазъ блескомъ дороже и цѣннѣе всѣхъ прочихъ. Никогда я не любилъ его: онъ укрощаетъ ярость и сластолюбіе, даетъ воздержаніе и цѣломудріе. Лошадь—не то что человекъ—умреть отъ малѣйшей частицы его, истолченной въ порошокъ и данной въ питьѣ. Вотъ рубинъ: онъ врачуетъ сердце, мозгъ, силу и память человека, очищаетъ сгущенную и испорченную кровь. Изумрудъ одного свойства съ радугой: онъ не терпитъ нечистоты; онъ лопається при удовлетвореніи преступныхъ похотей. Испытайте сами. Я счесть люблю сафиръ: онъ хранитъ и усугубляетъ мужество, веселитъ сердце, радуется всѣ чувства и особенно превосходить для зрѣнія: онъ очищаетъ глаза, уничтожаетъ въ нихъ кровавыя пятна, укрѣпляетъ ихъ мускулы и нервы.» Потомъ, взявъ въ руку ониксъ: «Всѣ эти камни суть дивныя дары Божіи, тайны природы, доступныя, однакожъ, созерцанію человека, который можетъ употреблять ихъ на свою пользу; они пріязненны красотѣ и добродѣтели и враждебны пороку. Мнѣ дурно... вынесите меня отсюда... до другаго времени...»

Послѣ полудня царь пересмотрѣлъ свое завѣщаніе, почувствовалъ облегченіе и послалъ Бѣльскаго объявить чародѣйкамъ, что назначенный ими день насталъ, а что онъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и велитъ живьемъ зарыть ихъ въ землю, или сжечь за ихъ обманы и ложныя предсказанія. «Не гнѣвайся, бояринъ», отвѣчала онъ Бѣльскому: «день начался съ восходомъ солнца, а кончится только съ солнечнымъ закатомъ.» Между тѣмъ, ванна, дѣйствительно, оживила царя, который, сидя въ ней, по—обыкновенію, распѣвалъ веселыя пѣсни, а, вышедши изъ нея, спросилъ шахматную доску, сѣлъ на

постель въ накинутомъ нараспашку халатѣ и самъ сталъ разставлять шахматы; но короля онъ никакъ не могъ поставить на мѣсто и вдругъ упалъ навзничъ въ обморокъ. Поднялась большая суета и суматоха: покуда одни бѣгали за водкой, другіе въ аптеку за лекарствами, покуда звали духовника и лекарей, царь испустилъ дыханіе и ооченьлъ.

Описывая кончину Іоанна, Карамзинъ говоритъ: «Въ сіи минуты царствовала глубокая тишина во дворцѣ и въ столицѣ; ждали: что будетъ? не дерзая спрашивать. Іоаннъ лежалъ уже мертвый, но еще страшный для предстоящихъ царедворцевъ, которые долго не вѣрили глазамъ своимъ и не объявляли его смерти. Когда же рѣшительное слово: не стало государя! раздалось въ Кремль, народъ возопилъ громогласно... оттого ли, какъ пишутъ, что зная слабость Федора и боялся худыхъ ея слѣдствій для государства, или платя христіанскій долгъ жалости усопшему монарху, хотя и жестокому?»

Менѣе-краснорѣчиво, но несравненно-болѣе-правдоподобно описываетъ это происшествіе очевидецъ Горсей. Чтобъ остановить суматоху, объявили сперва, что есть надежда, что царь очнется; между тѣмъ, собралось въ Кремль множество бояръ и духовныхъ лицъ. Бѣльскій и Годуновъ вышли на крыльцо въ сопровожденіи приверженныхъ имъ бояръ и громкимъ голосомъ отдали приказъ запереть кремлевскіи ворота, запечатать казначейства, стрѣльцамъ содержать въ Кремль крѣпкую стражу, имѣть въ готовности самопалы и зажечь фитили. Двѣнадцать тысячъ стрѣльцовъ съ своими начальными людьми разсланы были содержать караулы по всей Москвѣ. Такимъ только образомъ было остановлено волненіе, «возникшее-было между нѣкоторыми дворянами и простымъ народомъ, усмирены мятежники и восстановлена тишина». Въ ту же ночь собралась дума изъ пяти лицъ (*), назначенныхъ по завѣщанію царя для возведенія на престолъ и *руководства* его сына Федора Ивановича. Они привели къ присягѣ на вѣрность новому царю сперва другъ друга, потомъ прочихъ бояръ и чиновниковъ. Духовенство и сановники сѣли цаловать крестъ и евангеліе, радуясь какъ-бы въ день искупленія. На утро усопшій царь былъ вынесенъ въ Архангельскій Соборъ и положенъ въ высѣченную изъ камня гробницу, богато-убранную приличными этому обряду покровами. «Тамъ, стрегомый днемъ и ночью, лежитъ онъ. Могила его —

(*) Это были: бояре Борисъ Федор. Годуновъ, князь Иванъ Федор. Мстиславскій, князь Иванъ Петр. Шуйскій, Никита Роман. Юрьевъ и оружничій Богданъ Яковл. Бѣльскій,

страшное позорище: проходя мимо ея, слыша его имя, русскіе творить знаменіе креста съ молитвою, чтобы онъ не воскресъ.»

Въ-заключеніе своего повѣствованія о царѣ Иванѣ Васильевичѣ, Горсей, со всею важностью прагматическаго историка, дѣлаетъ обзоръ его злодѣйствъ и его заслугъ; но обзоръ этотъ, равно-какъ и нѣкоторыя отдѣльно разбросанныя въ началѣ «сказаній» свѣдѣнія ничего не представляютъ къ характеристикѣ Іоанна: князь Борисъ Тулуповъ, посаженный на козъ, его мать, позорно замученная сотнею стрѣльцовъ, 700 бродягъ, послѣ голода грабившихъ по дорогамъ, призванные на *царскую кормку* въ Александровскую Слободу и тамъ серебряные и перетопленные въ прудахъ, нѣсколько инокъ, пущенные на бой съ медвѣдями, мѣся для защиты чѣтки въ одной рукѣ и крестъ въ другой — все это не ново для всякаго читавшаго исторію грознаго царя. Но одно извѣстіе любопытно какъ свидѣтельство современника, можетъ-быть даже очевидца, и какъ несомнѣнное подтвержденіе событія, отвергаемаго Карамзинымъ. Это — рассказъ Горсея о возведеніи царемъ Иваномъ Васильевичемъ на престолъ царя касимовскаго Симеона. (*)

«Возбудивъ противъ себя общую ненависть и вида себя въ отчаянномъ положеніи, царь прибѣгнулъ къ выдумкѣ, чтобы выйдти изъ него. Дабы уничтожить всѣ принятые казною обязательства, онъ раздѣлилъ города, должности и всѣхъ подданныхъ на двѣ части: одну назвалъ *земщиной*, другую *опричиной*; сдѣлалъ государемъ или царемъ сына (то-есть, племянника) царя казанскаго Симеона; отказался отъ всѣхъ царскихъ почестей и отдалъ ему свой вѣнецъ; вѣнчалъ его, но не торжественно и безъ согласія бояръ; заставлялъ своихъ подданныхъ обращаться къ Симеону во всѣхъ дѣлахъ, просьбахъ и тяжбахъ; именемъ Симеона приказалъ отобрать всѣ прежнія привилегіи, грамоты и бумаги, а всѣ новыя выдавать его именемъ и за его печатью. Такимъ-образомъ, имя царя Симеона употреблялось въ судахъ; онъ чеканилъ монету, получалъ пошлины, пенныя деньги и другіе доходы на содержаніе своего дома, чиновниковъ и слугъ, и онъ же сдѣлался отвѣтчикомъ въ долгахъ и въ дѣлахъ, касающихся казначейства. Онъ былъ посаженъ на престолъ. Прежній царь Иванъ Васильевичъ пришелъ бить ему челомъ и приказалъ духовенству, дворянамъ и чиновникамъ, а также и всѣмъ

(*) Симеонъ (Саянъ Булатъ) былъ сынъ астраханскаго царевича Кай-Булата (Кайбулы) и племянникъ казанскаго царя Еди-Гирея (Едигера-Симеона), вмѣстѣ съ которымъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ при взятіи Казани. Вотъ почему, вѣроятно, его называютъ дѣтописи русскія *царемъ казанскимъ*, а Горсей и Флетчеръ — *сыномъ царя казанскаго*.

посланникамъ, воздать ему ту же почесть. Нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ отказались это исполнить.

«Этимъ способомъ измѣнивъ и испровергнувъ старый порядокъ, прежній царь отказался признавать всѣ свои старые долги и объявилъ уничтоженными всѣ данныя прежде городамъ и монастырямъ жалованныя грамоты и привилегіи. Духовенство, дворянство и земство (commons) увидѣли себя принужденными просить, чтобы онъ умиловился и вновь привялъ вѣнецъ и правленіе. Иванъ Васильевичъ согласился, но подъ многими условіями, которыя были удостовѣрены и утверждены указомъ земскаго собора (by act of Parliament). Онъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ прежнихъ долговъ и взысканій и съ великимъ торжествомъ возведенъ вновь на престолъ, при чемъ всѣ сколько-нибудь именитые люди поднесли ему безчисленное множество даровъ, составившихъ въ-сложности огромное сокровище. Излишне было бы доказывать развязку этой *tragedii* (?): достаточно сказать, что царь былъ доволенъ и совершенно возвратилъ себѣ прежнюю власть. Удача эта была особенно для него счастлива: продолжись немного-долѣе выдуманная имъ хитрость, и онъ могъ бы всего лишиться. Онъ возстановилъ судебную власть, возвратилъ привилегіи и грамоты городамъ, монастырямъ, дворянству и купечеству, но измѣнилъ содержаніе этихъ грамотъ, выговорилъ себѣ новыя пошлины и тѣмъ увеличилъ свои доходы.»

Лучшимъ доказательствомъ справедливости горсеева извѣстія служатъ слова самого Іоанна, говоренныя имъ при двухъ аудіенціяхъ гонца англійской королевы Давіила Сильвестра 29 ноября 1575 года и 29 января 1576 года. Списки съ донесеній Сильвестра, съ прописаніемъ подлинныхъ рѣчей царя и его на нихъ отвѣтовъ, хранятся во многихъ экземплярахъ въ Британскомъ Музеумѣ; они совершенно согласны съ официальными его донесеніями, хранящимися въ королевскомъ архивѣ и въ подлинности которыхъ нельзя сомнѣваться^(*). Іоаннъ, между-прочимъ, говорилъ Сильвестру:

29 ноября 1575 года: «Мы оставили правительственный санъ, столь царски нами доселѣ поддержанный, и передали его человѣку чуждому и нашей странѣ и нашему царству. Причиной тому были вѣроломства и преступныя дѣянія нашихъ подданныхъ: они роптали, негодовали на насъ, забывали долгъ вѣрности и повиновенія, умышляли про-

(*) Донесенія эти весьма-неисправно напечатаны въ *Historica Russiae Monument* (Petropolis. 1841 г. Т. II р. 289—390). Всѣ вообще помѣщенные въ этомъ изданіи англійскіе документы облачаютъ, что переписчики ихъ мало знали и англійскій почеркъ и англійскій официальный языкъ XVI столѣтія.

тивъ нашей особы. Въ предупреденіе ихъ замысловъ, мы поручили управлять ими другому государю. Но всю казну государственную мы оставили въ своемъ храненіи и имѣемъ достаточное число слугъ и довольное количество земли какъ для своего, такъ и для ихъ содержанія...»

и 29 января 1576 года: «Не думай, чтобы, посадивъ другаго на престолъ и давъ ему санъ царскій, мы тѣмъ связали себя и другихъ. Мы вовсе не отреклись отъ престола и власть свою можемъ воспріять какъ—только намъ будетъ угодно. Мы сдѣлаемъ это, когда намъ Богъ внушитъ. Ибо санъ царскій не утвержденъ за ними торжествомъ вѣнчанія, и онъ избравъ едгнымъ нашимъ произволомъ, а не согласіемъ (народа)...»

Изъ этихъ двухъ отрывковъ видно, что воцареніе Симеона случилось за нѣсколько времени до 29 декабря 1575 г. Оно имѣло мѣсто послѣ 1 числа этого мѣсяца, а Іоаннъ воспріалъ вновь правленіе ранѣе 2 сентября 1576 года, какъ доказываетъ академикъ Гамель числами двухъ указовъ царя Ивана Васильевича, однимъ отъ 1 декабря 1575 г., другимъ отъ 2 сентября 1576 г. (*) Въ подтвержденіе этого факта, онъ приводитъ слѣдующія двѣ выписки изъ лѣтописи Виллебранда:

«Въ 1575 году царь Иванъ Васильевичъ передалъ правленіе татарскому царевичу, по имени Симеону, взятому въ плѣнъ при покореніи Казани.»

и: «Въ 1576 году великій князь вновь вступилъ въ правленіе и отослалъ временнаго царя въ его торжковскія помѣстья, пожаловавъ ему также Княжество Тверское.»

Не имѣвъ въ виду этихъ источниковъ, Карамзинъ встрѣтилъ свѣдѣніе о воцареніи Симеона въ Маржеретѣ, Флетчерѣ, Петреѣ и другихъ иностранныхъ писателяхъ, а также у нѣкоторыхъ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописцевъ. Именно онъ вычисляетъ изъ Морозовской Лѣтописи слѣдующее извѣстіе: (**)

«Царство (Іоаннъ) раздѣли на двѣ части: одну себѣ отдѣли, другую же царю Симеону Казанскому поручи; самъ же государь отъиде отъ единыхъ малыхъ градовъ, въ градъ зовомый Старицу и тамо жительствуя; а другую часть царя Симеона именована *Земщина*.»

Предполагая, что извѣстіе это относится ко времени учрежденія *опричниковъ* (***), Карамзинъ опровергаетъ его тѣмъ, что въ это

(*) *Tradescant der aeltern*; въ англійскомъ переводѣ: *D. f. Hamel. England and Russia London 1854. P. 225—231.*

(**) «Исторія Госуд. Росс.» IX, пр. 137.

(***) Стража *опричниковъ* или *крошениковъ*, то—есть тѣлохранителей государевыхъ, стоявшихъ внѣ (*опричь* или *кроль*) всякаго закона граждан-

время (въ 1565 году): 1) Старица была удѣломъ князя Владимира Андреевича; 2) послѣдній царь *казанскій* Симеонъ—Едигеръ умеръ, и 3) царь *касимовскій* (а не *казавскій*) еще назывался Сапъ—Булатомъ, припавъ христіанское имя Симеона только при св. крещеніи въ 1574 году.

Отнесенія этого событія къ 1575—1576 году разрушаетъ всѣ эти доводы; названіе Симеона царемъ *казанскимъ* объясняется тѣмъ, что онъ былъ племянникомъ Еди—Гирея и взятъ въ плѣнъ при покореніи Казани.

Этихъ свидѣтельствъ достаточно, кажется, для разрѣшенія всякаго сомнѣнія въ достовѣрности разсказа горсеева о временномъ правленіи Симеона; но есть еще два факта, приводимые самимъ Карамзинымъ и которыхъ нельзя объяснить иначе, какъ принятіемъ за истинное этого событія, которому онъ не хотѣлъ дать вѣры: это титулъ «великаго князя тверскаго», который съ 1576 года дается царю Симеону въ разрядныхъ спискахъ, и слѣдующія слова, включенныя въ присягу сперва царю Борису, а потомъ и его сыну Федору: «*Семіона Бекбулатовича* (въ то время уже слѣпаго) и много никого на Московское государство не хотѣти и съ нимъ не знаться и не дружитья и несылаться грамотками и словомъ къ нему ни на какое дѣло не приказывати...» (*)

По принесеніи присяги царю Федору Ивановичу, объявлена была воля усопшаго государя о назначеніи бояриномъ—правителемъ или, какъ Горсей называетъ его *княземъ—покровителемъ*, Бориса Федоровича Годунова, которому приданы были въ помощь для управленія князь Мстиславскій и Шуйскій и Никита Романовичъ Юрьевъ.

Борисъ былъ братъ царицы. Еще при жизни Іоанна онъ слылъ *третьимъ* сыномъ царя. Отличаясь мужествомъ и разумомъ, ласковымъ и любезнымъ обращеніемъ, Борисъ стяжалъ любовь и почтеніе князей, бояръ и всѣхъ сословій. Но, съ проицательностью своею, съ знаніемъ своимъ дворскихъ обычаевъ, боярской спѣси и того, какъ глубоко укоренена была въ понятіяхъ служилаго боярства приверженность къ мѣст-

скаго, была учреждена въ 1565 году; но съ уничтоженіемъ ея въ 1572 году не уничтожилось понятіе объ *опричьихъ* въ смыслѣ вотчинъ государевыхъ и въ противоположность *землицъ*—имѣніямъ государственнымъ владѣльческимъ воиѣствямъ.

(*) «Ист. Гос. Росс.» XI. 7, 107 и пр. 307.

ничеству — этой пагубѣ древне-русскаго управленія, этой уздѣ, которая нерѣдко сдерживала даже самого грознаго царя — Борисъ могъ опасаться, что званіе правителя, признанное за нимъ въ Москвѣ, не будетъ признано въ другихъ городахъ и что родовитые бояре рюрикова дома, воеводствовавшіе въ порубежныхъ городахъ и областяхъ, не захотятъ покориться власти потомка татарскаго выходца. Поэтому онъ и не терялъ времени. «Удивительно (говоритъ Горсей), сколько было сдѣлано дѣла въ-теченіе первыхъ шести или семи часовъ по кончинѣ Іоанна. По принятіи мѣръ къ усмирению волненія въ Москвѣ, правитель велѣлъ повсемѣстно переписать хранившіяся въ разныхъ сокровищницахъ и казначействахъ золото, серебро и другія драгоценности; потребовалъ списки государственныхъ доходовъ; на всѣ важныя мѣста, во всѣ приказы назначилъ новыхъ начальниковъ, новыхъ казначеевъ; въ важнѣйшіе города на рубежахъ и близъ рубежей, въ Смоленскъ, въ Псковъ, въ Казань, въ Новгородъ и др., послалъ не только новыхъ наместниковъ, но даже новые гарнизоны на мѣсту прежнихъ, которые были отозваны; сестру свою царицу окружилъ прислугой преданныхъ ему людей.»

Кромѣ этихъ мѣръ предосторожности, однимъ изъ первыхъ распоряженій правителя было отправление двухлѣтняго царевича Дмитрія съ его матерью и всей роднею въ назначенный ему по завѣщанію цоковнаго царя въ удѣлъ городъ Угличъ. Царевичу и вдовствующей царицѣ были оказаны всѣ приличныя ихъ сану почести: имъ даны были въ распоряженіе всякаго рода чиновники, назначено большое содержаніе и дано значительное жалованье на одежду, на столъ, на конюшню и пр.

Горсей находился въ Кремлѣ во время кончины царя. При первомъ извѣстіи о волненіи въ Москвѣ, онъ спѣшилъ предложить правителю свои услуги, своихъ людей, хранившіеся въ англійской конторѣ запасы пороха и пистолетовъ. Борисъ Ѳеодоровичъ принялъ его въ число *своихъ приближенныхъ и слугъ*, проходя мимо его съ ласковою улыбкою сказалъ ему: «служи вѣрно и не бойся!» и велѣлъ дать стражу для охраненія англійской конторы.

Между-тѣмъ, какъ Горсей такимъ-образомъ успѣлъ обезпечить для себя при новомъ правительствѣ продолженіе той же благосклонности, которую пользовался въ послѣднее царствованіе, посолъ елизаветинъ сэръ Еремѣй Баусъ трепеталъ, ежечасно ожидая смерти. Съ той минуты, какъ Іоаннъ закрылъ глаза, къ его дому приставили стражу и не только прекратили отпускъ ему припасовъ, но содержали, какъ государственнаго преступника, заперевъ ворота и окна. Причины такого съ нимъ обращенія очевидны: не говоря уже о ненавистномъ для всѣхъ русскихъ предметѣ его посольства, онъ усилъ безпрестанными

своими жалобами на разныхъ сайовниковъ свискать себѣ общую ненависть; главнѣйшими же врагами были думные дьяки братья Андрей и Василій Яковлевичи Щелкаловы, «которые болѣе всего натерѣлись побоевъ изъ-за его безразсудной обидчивости». Желая воспользоваться случаемъ отмстить Баусу, бояре посольскаго приказа призвали Горсея и хотѣли, чтобы онъ объявилъ Баусу, что, со смертію стараго царя, порученіе его кончено; что поведеніемъ своимъ онъ заслужилъ казнь; что его милуютъ только по милосердію новаго царя и царицы. Горсей рѣшительно отказался исполнить это порученіе и даже объявилъ, что всякая укоризна посланнику королевы будетъ противна праву народному; что честь царя и государства требуетъ, чтобы Баусъ былъ отпущенъ въ Англію безобидно и въ безопасности.

Отзывъ Горсея былъ немедленно переданъ правителю, который въ тотъ же вечеръ потребовалъ его къ себѣ. Свиданіе это, доказывающее степень благосклонности къ нему правителя, Горсей передаетъ такъ: «Я засталъ Бориса Федоровича за шахматами съ царскимъ родственникомъ княземъ Иваномъ (Михайловичемъ) Глинскимъ (*). Отвѣдъ меня въ-сторону, бояринъ сказалъ: «Не говори много въ защиту Бауса: бояре этимъ недовольны. Иди къ такому-то и къ такому-то и старайся уговорить. О твоёмъ отвѣтѣ много толковали. Многіе настаивали на томъ, чтобы наказать Бауса за его поведеніе; но скажи ему отъ меня, что я сдѣлаю все, что могу, чтобы все уладить.» Несмотря на эти предостереженія и на совѣты другихъ бояръ какъ-можно-менѣе вступаться въ это дѣло, Горсей подъ-рукой хлопоталъ за Бауса и старался объ его отпускѣ. Наконецъ Баусъ былъ призванъ передъ бояръ: наговоривъ ему много укоризнъ, обвинивъ въ гнусныхъ замыслахъ ко вреду Россіи, бояре насмѣхались надъ нимъ, не хотѣли слушать его оправданій. «Отрубить бы тебѣ руки да ноги, да выбросить твое дохлое тѣло вотъ изъ этого окна въ рѣку, въ урокъ другимъ, которые, подобно тебѣ, могутъ забыть свое мѣсто и званіе. Благодаря Бога, что царь нашъ кротокъ и не мстителенъ. Изъ уваженія къ твоей королеви, его царское величество тебя жалуетъ и велитъ тебѣ видѣть свои государскія очи.» Баусъ не хотѣлъ снять меча: его почти насильно обезоружили и одного, безъ свиты, даже, безъ переводчика, привели въ царскую палату. Щелкаловъ, отъ имени царя, велѣлъ ему чрезъ трое сутокъ выѣхать изъ Москвы и объявилъ, что вслѣдъ за нимъ будетъ послана царская грамота къ королеви Елизаветѣ. Баусъ, по словамъ Горсея, радъ былъ и такому отпуску. Гор-

(*) Дядю царя и своякомъ Бориса.

сей, съ дозволенія правителя, далъ ему средства къ отъѣзду, досталъ для его прислуги тридцать подводъ и, съ своими слугами и добрыми пріятелями, проводилъ его изъ Москвы. О степени ожесточенія народа противъ Бауса можно судить изъ того, что всѣ провожавшіе его были *доброкожны и исправно вооружены*. Отъѣхавъ 10 миль отъ Москвы, Горсей разбилъ въ полѣ шатѣръ и на прощанье угостилъ Бауса и его товарищей приготовленными тамъ припасами, винами и медами. И словесно при прощаньи и потомъ письменно съ дороги Баусъ благодарилъ Горсея за все, что онъ сдѣлалъ, обѣщалъ никогда не забыть его благодарній и просить королеву благодарить его. Какъ худо сдержалъ онъ свои обѣщанія, Горсей увидѣлъ по пріѣздѣ своемъ въ Англію. Немедленнымъ же слѣдствіемъ его заботъ о Баусѣ было то, что братья Щелкамовы съ-тѣхъ-поръ сдѣлались его непримиримыми врагами.

Черезъ нѣсколько дней по прошествіи сорочинъ по царѣ Иванѣ Васильевичѣ, 4 мая, собралась государственная дума, составленная изъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ. Первою заботою ея было назначить время торжественнаго вѣнчанія царя Федора Ивановича. О другихъ предметахъ ея совѣщаній Горсей не упоминаетъ, какъ о дѣлахъ, до него неотносящихся; говоритъ только, что положеніе дѣлъ и управленіе въ государствѣ совершенно измѣнились: всякій жилъ въ мирѣ и тишинѣ, зналъ, чѣмъ владѣлъ, чѣмъ могъ пользоваться; повсюду назначены были хорошіе чиновники; вездѣ водворилось правосудіе; Россія, даже по наружности, стала совершенно-иномъ странною, чѣмъ при прежнему царѣ.

Наконецъ наступилъ день вѣнчанія новаго царя: это было воскресенье 10 іюня 1584 года. Горсей былъ оиціально приглашенъ видѣть это торжество и передаетъ его въ слѣдующемъ разсказѣ:

«При выходѣ царя изъ дворца, передъ нимъ шли митрополитъ, архіепископы, епископы и главнѣйшія лица изъ чернаго и бѣлаго духовенства въ богатыхъ митрахъ и облаченіяхъ, сопровождаая свое шествіе пѣніемъ и неся образа Пресвятой Дѣвы, тезоименитаго царю святаго и другихъ святыхъ, хоругви, каддила и много другой подобной торжественной утвари. Царь съ боярами стройно вошелъ въ Благовѣщенскую церковь, гдѣ отправлена была служба. Потомъ всѣ пошли въ церковь Михаила-Архангела, гдѣ также отправлена была служба; оттуда въ Успенскій Соборъ. Посреди собора воздвигнутъ былъ престолъ, на который сажались предки царя въ такіе чрезвычайные случаи. Здѣсь съ царя сняли его одѣяніе и облачили въ богатѣйшія, бездѣйныя одежды; онъ былъ возведенъ на царское мѣсто; около него

на ступеняхъ стали бояре; митрополить возложилъ на его главу царскій вѣнецъ, въ правую руку далъ ему скипетръ и державу, въ лѣвую — мечъ правосудія; вся эта утварь была весьма-богата. Передъ нимъ поставили его шесть вѣнцовъ, знаменіе его царствъ. По правую его руку стоялъ Борисъ Ѳеодоровичъ. Потомъ митрополить сталъ громко читать изъ *небольшой книги* (?), убѣждая царя блюсти правду и правосудіе, мирно владѣть вѣнцомъ своихъ предковъ, отъ Бога ему дарованнымъ. Митрополить говорилъ такъ:

«Богъ всемогущій и безначальный, прежде вѣка бывшій, въ Троицѣ славимый! Богъ единый — Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, все создавшій, все и вездѣ творящій, все исполняющій, Коего изволеніемъ и содѣяніемъ человекъ живетъ и даруетъ жизнь! Богъ единый, слово Своимъ, чрезъ Господа нашего Ісуса Христа и Святаго животворящаго Духа жизни, даровавшій намъ Свое откровеніе! Даруй намъ въ сіи мятежныя времена да укрѣпится въ правотѣ скипетръ нашъ, да царствуемъ разумомъ своимъ на благо государства, на покореніе народа, на одолѣніе враговъ и на водвореніе добродѣтели!» После этой рѣчи митрополить благословилъ царя и возложилъ на него крестъ.

Потомъ царя свели съ престола. Верхняя его одежда была украшена разными драгоценными камнями и великимъ множествомъ дорогихъ восточныхъ жемчуговъ. Въ ней было двѣсти (!) фунтовъ вѣса; ея хвостъ и полы несли шесть бояръ. Главный вѣнецъ царскій, большой цѣны, былъ надѣтъ на головѣ царя; въ правой рукѣ у него былъ его царскій жезлъ изъ единорогова рога, въ три съ половиною фута длиною, украшенный драгоценными камнями. Скипетръ и державу неслъ передъ нимъ бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ; другой бояринъ неслъ передъ царемъ его богатый колпакъ, украшенный драгоценными камнями и жемчугами; его шесть вѣнцовъ также несли его двое дядей: Дмитрій Ивановичъ Годуновъ (*) и Никита Романовичъ (Юрьевъ), и его трое братьевъ: Степанъ, Григорій и Иванъ Васильевичи Годуновы (**). Въ такомъ порядкѣ царь приблизился къ великимъ вратамъ церковнымъ, и народъ воскликнулъ: «Спаси Господи царя Ѳеодора Ивановича всея Россіи!» Ему подвели коня, богато-убраннаго попоной, которая была вышита жемчугами и драгоценными камнями, съ такимъ же сѣдломъ и такою же сбруею. Убранство этого коня цѣнили въ триста тысячъ рублей.

Между тремя соборами, для шествія царя и бояръ, сдѣланы были

(*) Дядя царицы Ирины.

(**) Внучатные братья царицы.

мосты длиною въ 150 сажень , шириною въ 2 и вышиною на два фута отъ земли, ибо народа было безчисленное множество и тѣснота такъ велика, что многіе были въ этотъ день задавлены въ толпѣ. При выходѣ царя изъ соборовъ, ему подстилали подъ ноги золотыя парчи; щипцы соборовъ были обтянуты краснымъ бархатомъ, а мосты, по которымъ онъ шелъ—алымъ стаметомъ. Какъ—только онъ проходилъ, каждый бросался обдирать парчу, бархатъ и стаметь, чтобъ сохранить лоскутокъ на память. Большое множество нарочно вычеканенныхъ на этотъ случай золотыхъ и серебряныхъ монетъ было брошено въ народъ. Бояринъ Борисъ Федоровичъ былъ пышно и великолѣпно одѣтъ: платье его блистало крупными восточными жемчугами, оправленными во всякіе драгоценныя камни. Столь же богато были одѣты всѣ члены семейства Годуновыхъ, такъ же, какъ и остальные бояре. По спискамъ найдено, что одежда и конская сбруя (весьма—древняя) одного изъ бояръ, князя Ивана Михайловича Глинскаго, вмѣстѣ съ бывшимъ подъ нимъ конемъ стоили сто тысячъ рублей.

Царица оставалась въ своемъ теремѣ: она сидѣла у окна на престолѣ. Ея великолѣпная, богатая одежда блестяла драгоценными камнями и восточными жемчугами; на главѣ ея былъ надѣтъ вѣнецъ. Кругомъ ея стояли боярыни. Народъ воскликнулъ: «Боже храни благородную нашу царицу Ирину!»

Потомъ царь вошелъ въ думную палату, богато—убранную. Тамъ онъ возсѣлъ на царское мѣсто съ тою же торжественностью, какъ и прежде. Передъ нимъ поставили на столъ его шесть вѣнцовъ; одинъ изъ его тѣлохранителей держалъ царскіе золотые умывальникъ и тазъ; съ каждой стороны царя стали по два чиновника, называемыхъ рындами, въ бѣлой одеждѣ изъ серебрянной парчи, съ серебряными жезлами и золотыми сѣкирами въ рукахъ. Бояре, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, выстроились по старшинству.

Послѣ краткой рѣчи, царь допустилъ каждого поочередно къ своей рукѣ. Потомъ онъ пересѣлъ на царское мѣсто, приготовленное ему въ столовой палатѣ, гдѣ ему со всею царскою пышностью прислуживали бояре. Три переднія комнаты, весьма—большія и просторныя, были всѣ кругомъ, отъ пола до сводовъ, уставлены золотою и серебряною посудою, въ числѣ которой находилось нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ бочекъ.

Торжества эти длились цѣлую недѣлю, въ продолженіе которой даны были многіе истинно—царскіе праздники; въ—заключеніе ихъ произведена была пушечная пальба, которая названа царскою пальбою. Въ

двухъ миляхъ за городомъ были разставлены 170 большихъ орудій всякаго калибра иѣдныхъ самой лучшей отдѣлки; изъ нихъ палили въ нарочно сдѣланные валы. На протяженіи двухъ миль выстроены были въ восемь рядовъ двадцать тысячъ стрѣльцовъ. Всѣ они были одѣты въ бархатныя, цвѣтныя шелковыя и стаметовыя платья; они въ хорошемъ порядкѣ также дали два залпа. Потомъ царь, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ бояръ и, по-крайней-мѣрѣ, 50 тысячъ человекъ всадниковъ, возвратился городомъ въ свой дворецъ.

По окончаніи этихъ торжествъ, всѣ дворяне, чиновники и купцы, по принятому обычаю, по очереди своего званія и старшинства, подносили царю богатые дары, желая ему долголѣтія и благополучія на царствѣ. По принятіи этихъ поздравленій, царь и царица ходили пѣшкомъ въ главныя церкви столицы и заключили свои богомолья посѣщеніемъ Троицкой Обители: царица, со всѣми своимъ дворомъ, которымъ заведывала ея дядя бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, совершила этотъ путь пѣшкомъ. Стражу ея составлялъ двадцатитысячный отрядъ тѣлохранителей и стрѣльцовъ. Царя сопровождалъ огромный потѣздъ бояръ, дворянъ и др., которые ѣхали верхами на богато-убранныхъ коняхъ.

По возвращеніи царя въ Москву, объявлены были народу разныя милости: судьямъ увеличены помѣстья и оклады, съ угрозою строгаго наказанія за лихоимство и неправосудіе; многіе налоги были отмѣнены, другіе уменьшены; запрещено было наказывать безъ ясныхъ уликъ за проступки и даже за преступленія уголовныя; многимъ опальнымъ и заключеннымъ князьямъ и боярамъ возвращены свобода и помѣстья; цѣнники были освобождены. Словомъ (говорить Горсей) въ правленіи произошло совершенное преобразование, и всѣ эти перемѣны были сдѣланы тихо, спокойно, мирно, безъ труда для государя, безъ обиды для подданныхъ. Онѣ водворили въ государствѣ довѣріе и возвысили его значеніе; главнѣйше были онѣ исполнены мудростью царицы Ирны.

Благосклонность правителя къ Горсею все болѣе-и-болѣе увеличилась. Борисъ ласкалъ молодого англичанина и, понявъ, что онъ не слишкомъ-разборчивъ въ средствахъ къ достиженію милостей и почестей, избралъ его орудіемъ своимъ въ порученіяхъ, требовавшихъ ловкости и увертливости. Вопервыхъ, онъ назначилъ Горсея царскимъ посланникомъ къ королевѣ Елизаветѣ, которая не могла не чувствовать себя оскорбленною, не имѣя до того времени никакихъ объясненій о причинахъ позорной высылки Бауса изъ Россіи—высылки, которую Баусъ приписывалъ единственно недоброжелательству Щелкалова и боярина Юрѣва къ англійскимъ гостямъ и просякамъ и подкушамъ

заходившагося въ Москвѣ нидерландскаго купца Ивана де-Вала (¹). Кромѣ этого оѿціального порученія, правитель возложилъ на Горсея два другія, касавшіяся собственно личной его безопасности—утвержденія за нимъ власти правительственной, которая, со смертію бездѣтнаго Федора, могла быть вырвана изъ его рукъ и сдѣлаться предметомъ споровъ. Опасенія Бориса имѣли основаніемъ безчадіе его сестры, царицы Ирины, и особенно то, что племянница царя Ивана Васильевича, королева *Магнусова*, какъ зовутъ ее наши лѣтописцы, Марія Владиміровна (²), находилась во власти поляковъ, которые, въ случаѣ кончины Федора, могли, подъ предлогомъ возведенія ея на престолъ московскій, двинуться на Москву. (³) Этими соображеніями объясняются данныя Годуновымъ Горсею наказы: склонить Марію Владиміровну къ побѣгу изъ Риги въ Москву и развѣдать у ученыхъ англійскихъ докторовъ о средствахъ къ зачатію и рожденію дѣтей. (⁴)

Горсей выѣхалъ изъ Москвы въ концѣ августа, или въ началѣ сентября (⁵) 1585 года. Тѣмъ же путемъ, какъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ, черезъ Тверь, Торжокъ, Новгородъ-Великій, Псковъ, ѣхалъ онъ до Нейгаузена; но на этотъ разъ онъ ѣхалъ по Россіи не какъ тайный гонецъ, но какъ посланецъ царскій: его сопровождала «достаточная прислуга», ему оказывались почести и давалась стража. Изъ Нейгаузена, черезъ Венденъ, пріѣхалъ онъ въ Ригу, гдѣ содержалась въ замкѣ Марія Владиміровна и гдѣ, слѣдовательно, предстоялъ ему первый опытъ его дипломатическаго искусства. Прежде, чѣмъ раз-

(¹) John de Wale—«Испанскіе земли гость Иванъ Девахъ Бѣлобородъ». (Кар. IX., пр. 842). Всѣ современные наказы лондонскаго московскаго общества наполнены внушеніями англійскимъ агентамъ о необходимости удалить этого купца, старавшагося уничтожить монополію англійскихъ гостей. При поздравленіи Федора Ивановича съ восшествіемъ на престолъ, Горсей имѣлъ съ де-Валемъ споръ о томъ, кому первому поднести дары: споръ этотъ, происходившій въ самой тронной палатѣ, былъ рѣшенъ правителемъ въ пользу Горсея.

(²) Неизвѣстно почему, Горсей постоянно называетъ Марію Владиміровну *Еленой* (Llona Queen Magnus).

(³) Предусмотрительность Годунова о готовности поляковъ выѣзжаться въ дѣла московскаго престолонаслѣдія была вскорѣ оправдана смутами самозванцевъ.

(⁴) Слова эти (for conception and procuration of children) въ рукописи Горсея написаны поанглійски славянскими буквами.

(⁵) Горсей вообще часто сбивается въ числахъ. Такъ и въ этомъ случаѣ въ *Сказаніяхъ* онъ говоритъ: «Я выѣхалъ изъ Москвы 20 августа 1585 года», а въ *Описаніи вѣнчанія*: «я поѣхалъ изъ Москвы пятатаго сентября».

сказать, какъ Горсей исполнилъ эту часть своего порученія, неизлѣнно будетъ передать свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о предшествовавшей судьбѣ этой несчастной книги, которая, благодаря жестокой политикѣ Іоанна и Бориса, избѣгла почти общаго удѣла русскихъ княгинь того времени — невѣстности.

Во время войнъ съ Ливонією, желая найти союзника хотя въ одномъ изъ трехъ враждебныхъ Россіи королей датскомъ, шведскомъ и польскомъ, Іоаннъ рѣшился соединить узамъ брака герцога голштинскаго Магнуса съ старшею дочерью своего двоюроднаго брата князя Владиміра Андреевича. Магнусъ былъ старшій сынъ Христіерна, герцога голштинскаго, который впослѣдствіи, избранный въ короли датскіе, имѣлъ другаго сына Фридриха. Этотъ послѣдній, по смерти Христіерна, не только наследовалъ престолъ датскій, но даже оспаривалъ у Магнуса владѣніе Голштиніей, принуждая его промѣнять эту область на Островъ Эзелъ и на другія владѣнія Даніи въ Ливоніи — владѣнія, на которыя предъявлялъ свои права и король шведскій. Надѣясь, что съ отданіемъ во владѣніе Магнуса всей Ливоніи онъ прекратитъ его споры съ Даніей и тѣмъ пріобрѣтетъ союзника въ Фридрихѣ и преданнаго присяжника въ Магнусѣ, Іоаннъ, въ апрѣлѣ 1573 года, выдалъ за этого послѣдняго свою племянницу Марію Владиміровну(*), назвалъ его пышнымъ титуломъ *короля* ливонскаго (Corgell Magnus) и, снабдивъ богатымъ приданымъ (**), отправилъ новобрачныхъ въ Дерптъ, въ сопровожденіи огромнаго поѣзда дворянъ и барынь, которыхъ везли двѣ тысячи лошадей.

Извѣстно, какъ Іоаннъ ошибся въ своихъ соображеніяхъ: датчане продолжали враждовать противъ Россіи. Магнусъ, домогаясь самостоятельности, пытался ему навѣстить. Проѣздомъ въ Англію, въ 1580 году, Горсей видѣлъ его въ Пильтенѣ, гдѣ, истративъ все приданое своей жены, онъ жилъ въ бѣдности, предаваясь пьянству и окруженный своими *пріемными* (***) дѣтьми. По его смерти, вдова его и дочь, оставленныя безъ всякихъ средствъ къ существованію, были отвезены поляками въ Рижскій Замокъ, гдѣ на содержаніе ихъ отпускалось мѣнѣе 1000 талеровъ въ годъ.

(*) Магнусъ былъ сперва обрученъ съ Евфонією, старшею сестрою Маріи; но Евфонія умерла прежде брака.

(**) Марія Владиміровна получила въ приданое сто лошадей, 600 тысячъ долларовъ (200 тысячъ тогдашнихъ рублей), множество золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, дорогія платья и украшенія. Назначеннымъ состоять при ней слугамъ и чиповникамъ были даны богатые подарки.

(***) Вѣроятно, незаконнорожденными.

По приѣздѣ своемъ въ Ригу, Горсей не могъ немедленно получить дозволенія видѣться съ вдовствующей королевой. Польскій начальникъ замка былъ крайне-недовѣрчивъ и подозрѣвалъ Горсея въ какихъ-нибудь замыслахъ. На счастье послѣдняго, въ Ригѣ находился тогда правитель Ливоніи, кардиналъ князь Юрій Радзивиллъ. Горсей явился къ нему. Сперва кардиналъ принялъ его очень-сурово; но онъ былъ большой весельчакъ и охотникъ до общества ливонскихъ барынь: послѣднее обстоятельство, кажется, служило Горсею средствомъ съ ними сблизиться — кардиналъ отложилъ свою важность въ-сторону, сдѣлался любезнѣе и далъ Горсею письменное дозволеніе видѣться съ королевой.

Въ первый приходъ свой къ королевѣ Маріи, Горсей засталъ ее расчесывающею волосы своей десятилѣтней малютки дочери. Марія приняла очень-недовѣрчиво просьбу его говорить съ нею наединѣ, впрочемъ отошла съ нимъ къ окну, отвѣчала молчаніемъ на просьбу его сохранить въ-тайнѣ то, что онъ ей скажетъ. Когда же Горсей объявилъ ей, что царь Ѳеодоръ Ивановичъ и правитель Борисъ Ѳеодоровичъ, зная, въ какой нуждѣ она находится, просятъ ее возвратиться въ Россію и обѣщаютъ приличное ей княжескому сану содержаніе, Марія сказала: «Государь мой! они меня не знаютъ, я ихъ также не знаю. Ваше обращеніе, ваши рѣчи, самая одежда ваша внушаютъ, однакожь, мнѣ болѣе довѣрія, чѣмъ можетъ убѣдить меня разсудокъ.» — На этомъ начальникъ замка прервалъ ихъ разговоръ; но, видно, этотъ призывъ съ родины сильно растрогалъ бѣдную плѣнницу: Марія просила Горсея вновь съ нею видѣться и заплакала; а «глядя на нее (говорить Горсей), заплакали ея дочь и бывшая при ней дворянка». Въ слѣдующее свиданіе съ Горсеемъ, Марія сообщила свои опасенія, что, въ случаѣ возвращенія ея въ Москву, съ ней поступать, какъ обыкновенно поступаютъ тамъ съ вдовствующими царицами: запрутъ въ монастырь, «а этому» прибавила она «я предпочту смерть». Горсей успокоилъ ее своими увѣреніями. «Итакъ» отвѣчала королева «мнѣ остается возложить упованіе на Бога и положитьсь на вашу скромность и на данное вами, какъ христіаниномъ, обѣщаніе.» Она согласилась изготавиться къ побѣгу, который долженъ былъ совершиться черезъ два мѣсяца. На прощанье Горсей отдалъ 100 венгерскихъ червонцевъ королевѣ и 20 ея дочери. Онъ расстались съ ними, благодаря его и пожимая его руку въ своихъ рукахъ.

Продолжительность посѣщеній Горсея вновь пробудила подозрѣнія начальника замка. Но Радзивиллъ смотрѣлъ на нихъ совсѣмъ съ другой точки зрѣнія. «Пустяки (говорилъ онъ): что его подозрѣвать? Мо-

людой парень, красивъ собой, любить поволочиться! не, иѣшайте ему. Желаю ему хорошаго успѣха; лишь бы мнѣ получить назадъ то, что я на нее издержалъ.» Радзивиллъ подшучивалъ надъ самимъ Горсеемъ, спрашивая, «чѣмъ онъ такъ умѣетъ забавлять королеву», совѣтуя быть не сляшкомъ-смѣлымъ, и потомъ поздравлялъ его съ хорошиимъ успѣхомъ.

Всѣ эти намеки кардинала, переданные самимъ Горсеемъ, показываютъ роль, которую онъ принялъ на себя, чтобы подладиться подъ нравъ веселаго прелата. Впрочемъ, роль эта была и ему, кажется, по праву. Ливонія оставила въ немъ самыя пріятныя воспоминанія. «Эта прекрасная страна течетъ млекою и медомъ, обилуетъ всеми прочими (!) удобствами государственнаго благосостоянія, не имѣетъ ни въ чемъ недостатка. Нѣтъ людей пріятнѣе въ бесѣдѣ, нѣтъ въ свѣтѣ женщинъ красивѣе тамошнихъ жителей.» Особенно послѣдняго обстоятельства — красoty женщинъ — Горсей никогда не забываетъ упомянуть каждый разъ, какъ имя Ливоніи попадаетъ подъ его перо.

Ничто не задерживало болѣе Горсея: онъ откланялся Радзивиллу, которому подарилъ красивый, шитый золотомъ платокъ и который обѣщаль, если судьба сведетъ ихъ въ Польшѣ, весело припомнить ихъ знакомство, и спѣшилъ выѣхать изъ области кардинала. При выѣздѣ изъ городскихъ воротъ, къ Горсею подошла хорошо-одѣтая, «хотя и простоволосая» дѣвушка, которая вручила ему красиво-вышитый бѣлый платокъ съ завязаннымъ въ уголѣ маленькимъ перстнемъ, оправленнымъ рубинами, «впрочемъ, небольшой цѣны». Изъ Нарвы Горсей отправилъ въ Москву одного изъ своихъ слугъ съ донесеніемъ объ успѣхѣ своихъ переговоровъ: донесеніе это было зашито въ платье виѣстѣ съ платкомъ и перстнемъ, цѣною предательства. О дальнѣйшей судьбѣ Маріи Горсей говоритъ, что, по возвращеніи въ Москву (въ іюнь 1586 г.), онъ узналъ, что Марія съ дочерью благополучно были похищены изъ Риги и жили въ Москвѣ прилично своему сану, имѣя своихъ чиновниковъ, свои помѣстья и достаточное содержаніе, но вскорѣ потомъ были обѣ заточены въ женскую обитель, при чемъ королева приписывала свое бѣдствіе Горсею. «Я очень угодилъ (правителю) этимъ порученіемъ» говоритъ Горсей «но очень въ томъ раскаиваюсь».

Изъ Нарвы, черезъ Данцигъ, Штетинъ, Ростокъ, Любекъ, Гамбургъ и Бременъ, Горсей пріѣхалъ въ Эмденъ, откуда моремъ отправился въ Англію. Дворъ находился въ Ричмондѣ. Лордъ-казначей (сэръ Христофоръ Гэттонъ) и государственный секретарь (сэръ Францискъ Уэльсinghamъ) представили Горсея королевѣ. Елизавета приняла его благо-

склонно, хвалила его за то, что онъ успѣлъ заслужить довѣріе царя, и даже озаботилась объ его помѣщеніи. Сэръ Еремѣй Баусъ съ своимъ братомъ Ральфомъ (*) немедленно посѣтили Горсея. Несмотря на всѣ привѣтствія и увѣренія въ дружбѣ, они не могли скрыть своего любопытства относительно содержанія наказовъ царскихъ, догадываясь, что въ наказахъ этихъ заключаются жалобы на сэра Еремѣя Бауса. «Они довольно-нагло выспрашивали меня», говоритъ Горсей, и, весьма-вѣроятно, слова ихъ заключали въ себѣ даже нѣкоторыя угрозы, потому-что на другой день Горсей, при совѣщаніи съ нимъ королевы, говорилъ какъ-можно-меньше о Баусѣ и даже, когда царскія грамматы были отданы ему для перевода, смягчилъ все сказанное объ немъ. Но Уэльсингемъ былъ этимъ очень недоволенъ, сказалъ, что королева будетъ гнѣваться, если это узнаетъ, и что она приказала сказать, что Горсей не долженъ никого бояться. Переводъ былъ исправленъ согласно съ полнинникомъ, и, при слѣдующей аудіенціи въ Гриничѣ, Горсей въ-точности передалъ всѣ подробности поведенія Бауса въ Москвѣ. Дѣйствіе его разсказа можно видѣть изъ словъ королевы: «Жаль: Англія могла получить много богатствъ; а теперь время прошло, и мы ихъ лишились. «Впрочемъ Елизавета была очень довольна грамматою царя: «Увѣряю васъ, лорды» сказала она находившимся при аудіенціи Горсея «что столь лестной грамматы мы еще никогда не получали, тѣмъ болѣе, что она прислана отъ государя, вновь вступившаго на престолъ, и содержитъ такія предложенія и увѣренія, которыя, по правиламъ государственной вѣжливости, мы первыя должны были ему сдѣлать.»

Горсею отведенъ былъ въ Лондонѣ хорошій домъ; его снабжали всѣмъ нужнымъ; московское общество, альдермены и значительные купцы давали ему праздники. Но сэръ Еремѣй Баусъ, подвергнувшійся изъ-за него неудовольствію королевы, рѣшился ему отомстить и «за-топтать и самого г-на Горсея и предметъ его посольства». Онъ воспользовался ходившимъ въ Лондонѣ слухомъ, будто лордъ Лестеръ, начальствовавшій въ то время англійскими войсками въ Нидерландахъ, видя въ своей женѣ препятствіе своимъ честолюбивымъ замысламъ, убилъ ее, сбросивъ съ лѣстницы (**). Баусъ написалъ къ Лестеру до-

(*) Rafe или Rauff, то-есть Ralph Bowes, былъ главнымъ надзирателемъ и распорядителемъ охотничьихъ потѣхъ ея величества (Chief Master Overseer and Ruler of all and singular Her Majesties Dame Pastimes and Sportes). См. Rymer's Foedera. XV. 722—723.

(**) Любовь Робсартъ (Amy Robsart), первая жена графа Лестера (Robert Dudley, Earl of Leicester) умерла въ сентябрѣ 1560 г., и вскорѣ по-

нось, будто-бы Горсей у себя, за обѣдомъ, въ присутствіи многихъ гостей, сказалъ, что графъ сломалъ шею своей женѣ, чтобы сдѣлаться любимцемъ королевы. Лестеръ немедленно написалъ королевѣ, проси подвергнуть Горсея допросу. Елизавета, въ первую минуту, поклялась, что Горсей дастъ отвѣтъ за свою дерзость, и приказала разобрать это дѣло лордамъ своего совѣта, но потомъ прибавила: «Я увѣрена, что на дѣлѣ Горсей окажется честнымъ человѣкомъ». Баусъ, какъ видно, не ожидалъ судебного разбирательства: онъ сказался больнымъ и былъ почти насильно приведенъ передъ лордовъ. Въ истиннѣ своихъ словъ онъ ссылался на нѣкоего Финча, который, по его показанію, едва не былъ зажаренъ въ Москвѣ, будучи выданъ Горсеемъ за лазутчика. Финчъ предъявилъ-было письма, будто написанныя Горсеемъ, но вскорѣ смѣшался въ своихъ рѣчахъ и сознался, что письма подѣльны; свидѣтели со стороны Горсея, напротивъ, доказали, что Горсей не только обласкалъ его въ Москвѣ, но даже далъ ему своихъ денегъ, чтобы ѣхать въ Англію; самъ Горсей предъявилъ написанныя къ нему Финчемъ благодарственныя письма. Финчъ доведенъ былъ до признанія, что всѣ взведенныя имъ на Горсея обвиненія ложны и выдуманы Баусомъ. «Хоть васъ, сударь, и не изжарили, а жалко, что немного не подпалили», сказалъ на это ему лордъ-казначей. Финчъ былъ кинутъ въ тюрьму, Баусу запрещено являться ко двору, а Горсею, оправданному, «было сказано много ласковыхъ рѣчей и слѣдано много милостивыхъ обѣщаній... Также дано ему нѣкоторое награжденіе за милости и услуги, оказанныя имъ англійскимъ купцамъ при царскомъ дворѣ.»

Среди пировъ и праздниковъ, среди заботъ, причиненныхъ ему доносомъ Бауса, Горсей не упустилъ, однакожъ, изъ вида исполненія своихъ порученій и дѣлалъ заказанныя ему покупки: «досталъ львовъ, буйволовъ, бульдоговъ, золоченыя алебарды, пистолеты, самопалы, оружіе, вина, запасъ всякихъ лекарствъ, органы, клавикорды (virgenalls), музыкантовъ, алая ткань (scarletts), нити жемчужовъ, блюда необыкновенной отделки и много другихъ дорогихъ предметовъ, на большую сумму».

Но особенный предметъ заботливости Горсея составляли данныя ему правителемъ порученія относительно здоровья царицы Ирины, которая

тожъ распространился упоминаемый здѣсь слухъ, будто ее убилъ графъ, надѣясь сдѣлаться супругомъ королевы Елизаветы. Извѣстно, что происшествіе это составляетъ завязку романа сэра Уальтера Скотта «Kenilworth».

со времени своего супружества часто *бывала беременна*. (*) Онъ выспрашивалъ мнѣнїи и наставленїи ученыхъ врачей оксфордскихъ, кембриджскихъ и лондонскихъ «о зачатїи и нарожденїи дѣтей» и наконецъ просилъ королеву Елизавету отправить съ нимъ въ Россїю опытную повивальную бабку.

Въ апрѣлѣ 1856 года (**), получивъ отвѣтныя грамоты королевы, съ просьбою о подтвержденїи привилегїи, указы купеческаго общества и памятнаыя записки разныхъ лицъ, Горсей, въ сопровожденїи повивальной бабки (***) и многочисленной прислуги, отплылъ съ девятью купеческими кораблями, благополучно прибылъ въ пристань св. Николая и, оставивъ тамъ все привезенныя имъ предметы, самъ налегкѣ отправился въ Москву и, немедленно по прїѣздѣ, 9-го іюня, явился къ Борису Ѳеодоровичу. Борисъ радостно его принялъ и, послѣ длиннаго разговора, повелъ заднимъ ходомъ въ царскїя палаты: царь также казался радъ прїѣзду Горсея, *подчмвалъ* (pochivated) его и весело съ нимъ разговаривалъ,

На слѣдующїй день Горсей въ торжественной аудїенціи вручалъ царю отвѣтныя грамоты королевы. По отъѣзду его на вопросъ о дарахъ королевы, что перевозка ихъ потребуетъ много времени, отправленъ былъ торопить ихъ привозъ дворянннхъ съ 50 охотниками. Правитель похвалилъ его за хорошее выполненїе царской воли и за успѣхъ порученїи относительно королевы Магнусовой. Потомъ, оставшись наединѣ съ Горсеемъ, Борисъ Ѳеодоровичъ разсказалъ ему, что въ его отсутствїе случилось много перемѣнъ; что родственники вдовы царицы и царевича Дмитрія были уличены въ преступныхъ замыслахъ и сношенїяхъ съ боярами-помощниками правителя. Борисъ заключилъ разговоръ словами: «Ты услышишь многое; вѣрь только тому, что я тебѣ скажу».

Дѣйствительно, много важныхъ перемѣнъ произошло при дворѣ съ отъѣзда Горсея: любимецъ покойнаго царя Богданъ Бѣльскїй былъ сосланъ въ опалу въ Казань; казначей Петръ Головинъ за дерзость къ правителю былъ также отправленъ въ ссылку и дорогою умерщвленъ своимъ приставомъ Воейковымъ — клеветомъ Годунова; князь Иванъ

(*) *Conceived*. Это слово написано Горсеемъ славянскими буквами.

(**) Здѣсь опять встрѣчается разнорѣчїе въ числахъ: въ «*Описанїи вѣнчанїя*» день отъѣзда изъ Лондона означенъ 20 апрѣля; въ «*Посольствѣ*» — 5 апрѣля.

(***) О повивальной бабкѣ Горсей нигдѣ не упоминаетъ: свѣдѣнїе это извлечено изъ обвиненїи, представленнаго противъ него обществомъ, и оправданїа его докторомъ Флетчеромъ.

Петровичъ Шуйскій, бояринъ доблестный и уважаемый, подъ какимъ-то предлогомъ высланный изъ Москвы, на пути въ свою вотчину былъ задушенъ въ избѣ дымомъ зажженного мокраго сѣна. Много другихъ лицъ, подвергнувшихся подозрѣнію Годунова, имѣли подобную участь. Но, по-шврѣ-того, какъ онъ сбрасывалъ личину кротости и ласки, дотѣхъ—поръ привлекавшія къ нему всѣхъ, и какъ онъ обличалъ жестокость, достойную названнаго сына іоаннова, увеличивался тайный ропоть между боярами и росла скрытная ихъ къ нему ненависть. Горсей говоритъ, что было нѣсколько попытокъ его умертвить и что одинъ изъ придворныхъ нанесъ ему даже рану кинжаломъ, но успѣлъ убѣжать въ Польшу.

Горсей былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая, замѣчательнаго, какъ примѣръ тогдашняго настроенія борисова духа.

«Однажды правитель вышелъ задними воротами изъ своего загороднаго дома посмотреть на соколиную охоту. Я и немногія другія лица были при немъ. Къ нему подошелъ оборванный монахъ и сказалъ, что-бы онъ скорѣе шелъ домой и что не все тѣ его друзья, которые приходятъ смотрѣть на его забаву. Въ это время около 500 молодыхъ дворянъ и придворныхъ служителей вѣхали верхами подъ предлогомъ сдѣлать ему почетную встрѣчу и проводить его въ городъ. Онъ объявилъ, что никто не долженъ знать, что онъ туда ѣдетъ, и запретилъ идти за нимъ; потомъ, вслѣдъ за молодымъ соколомъ, спускавшимся на птицу по другой сторонѣ рѣки, переправился ближайшимъ путемъ и былъ у воротъ своего дома прежде, чѣмъ позѣдъ успѣлъ прибыть. Я видѣлъ, что бояринъ былъ встревоженъ и радъ тому, что благополучно возвратился во дворецъ. Тамъ его ожидали епископы, бояре, дворяне и другіе просители съ челобитными. Случалось, что просители эти по два и по три дня не могли дождаться отъ него приѣма, потому-что онъ обыкновенно проходилъ въ царскіе покои тайнымъ ходомъ. Я просилъ правителя оглянуться и показаться на крыльцѣ: онъ сердито на меня посмотрѣлъ, какъ-будто бы я давалъ ему дурной совѣтъ, но потомъ одумался, подошелъ къ челобитчикамъ, обнялъ многихъ изъ нихъ и принялъ ихъ просьбы при громкихъ восклицаніяхъ: «Боже, храни здравіе Бориса Федоровича!» Онъ имъ сказалъ, что представить ихъ просьбы царю. «Ты царь, благороднѣйшій Борисъ Федоровичъ! Служи лишь слово, и все будетъ сдѣлано!» Я замѣтилъ, что эти рѣчи были ему по-сердцу, потому-что онъ домогался престола...

Наконецъ давно ожидаемые подарки королевы и горсеевы покупки были привезены въ Москву. Въ назначенный день Горсей, въ сопровожденіи пристава Петра Шивова, отправился верхомъ во дворецъ. За

Горсеешъ шли двадцать его слугъ, одѣтые въ красивое однообразное платье русскаго покроя. Каждый изъ нихъ носъ который—вѣбудь изъ подарковъ. Затѣмъ слѣдовали съ своими жокаками разныя заморскія животныя: сперва бѣлый съ черными пятнами буйволъ (*); огромный зобъ его висѣлъ по колѣни; на немъ были приставные (?) золоченые рога и зеленый бархатный шейникъ съ вышивками и съ красными шнурами. Потомъ двѣнадцать псарей вели двѣнадцать прекрасныхъ собакъ, украшенныхъ розами и также съ шейниками. Наконецъ на салазкахъ вели двухъ львовъ въ клеткахъ. При нихъ находился мальчикъ—татаринъ, съ прутомъ въ рукѣ, котораго они одного слушались и боялись. Тысячи любопытныхъ замыкали шествіе.

Царь съ царицей смотрѣли изъ окна на потадъ. Подведеннаго подъ окно буйвола заставили преклонить колѣни передъ ихъ царскими величествами. Потомъ всѣхъ животныхъ выставили передъ дворцомъ, на показъ народу.

Горсей въ это время ожидалъ въ приѣмной палатѣ. Наконецъ его призвали въ тронную палату, гдѣ уже сидѣлъ царь. Слугъ съ дарами поставили въ—сторону. Горсей произнесъ слѣдующую рѣчь — образецъ его витѣйства :

«Благороднѣйшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь Ѳеодоръ Ивановичъ, царь всея Россіи, Володимерскій, Московскій, Казанскій, Астраханскій, Тверскій, Новагорода—Великаго, Пермскій, Вятскій, Сибирскій, Кондійскій, Ярославскій, Нижегородскій, царь, государь и князь великій и проч. многихъ иныхъ областей! Ея наввысочайшее, надмогущественнѣйшее, далече препрославленное величество, королева Елизавета, Божією милостію королева англійская, французская и ирландская, и королева многихъ иныхъ земель и княжествъ, защитница христіанской католической вѣры, какъ другъ и сестра, посылаетъ свое цѣлованіе вашему царскому величеству, своему дражайшему и превозлюбленному брату. Она прислала вашему величеству свои поздравительныя грамматы, желая вашему царскому величеству вождѣльнаго здравія и благоденствія, дабы вы могли царствовать въ совершенномъ благополучіи, въ мирѣ и въ тишинѣ. Ея величество велѣла мнѣ, своему слугѣ и подданному, сказать вашему пресвѣтлому величеству, что она съ великою благодарностію получила ваши послѣднія грамматы къ ея величеству и что онѣ весьма пріятны ея величеству. Ея *императорское* (?)

(*) По словамъ Горсея, прекраснѣйшій бѣлый быкъ, весь испещренный природными черными пятнами; народъ принялъ его за какое-то странное животное, называемое буйволомъ (bueval).

величество съ величайшей готовностію принимаетъ содержащіяся въ нихъ предложенія и увѣренія вашей братской пріязни и удостовѣряетъ и объщается, что будетъ ненарушимо соблюдать въ—отношеніи къ вашему царскому величеству тѣ же сестрины любовь и пріязнь, которыя имѣла доселѣ къ покойному царю Ивану Васильевичу, отцу вашего величества, преславной и преименитой памяти, на взаимныя отраду и удобство обѣихъ вашихъ державъ и вашихъ вѣрныхъ и любящихъ подданныхъ, о величайшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь!» Потомъ, низко поклонившись, Горсей съѣлъ въ—сторону, на небольшую скамью, покрытую ковромъ. Очень—простодушенъ слѣдующій его рассказъ: «Царь сказалъ немного словъ — смотрѣлъ ласково. Думный дьякъ пошепталъ ему на ухо: онъ всталъ, снялъ свой колпакъ и сказалъ, что радъ слышать о добромъ здоровьѣ любительной сестры своей Елизаветы.»

Этимъ кончилась аудіенція. Горсей былъ отведенъ домой тѣмъ же порядкомъ, какимъ его привели во дворецъ, и вслѣдъ за нимъ родственникъ Годуновыхъ Иванъ Чемодановъ, съ 150 дворянами, принесъ ему съ царскаго стола 150 блюдъ съ разными напитками, хлѣбами и пряностями. Чемоданову Горсей подарилъ алаго сукна на платье, всѣхъ прочихъ также щедро награждалъ.

На слѣдующій день всѣ знакомые Горсею дворяне, чиновники, священники и купцы пришли, по русскому обычаю, поздравить его съ царскою милостію: «они пили, ѣли и веселились (говоритъ Горсей), куда стало присланнаго царемъ угощенія».

Правитель провелъ цѣлый день въ пересмотрѣ драгоценностей, оружія и тканей, привезенныхъ изъ Англіи. Приглашенная видѣть всѣ эти диковины, царица особенно была поражена наружностію органовъ и клавикордъ, которые были раззолочены и украшены финифтью, и восхищена гармоніей звуковъ этихъ *музыкальных орудій*, никогда ею невиданныхъ и неслыханныхъ. Тысячи народа толпились около дворца, чтобъ ихъ послушать. Вообще все, что ни привезъ Горсей, было одобрено; у него взяли даже привезенный имъ собственный его портретъ. Правитель прислалъ ему сполна цѣну всего, что составляло болѣе 4,000 фунтовъ стерлинговъ, и подарилъ ему персидскаго коня цѣною въ 200 фунтовъ, съ богатымъ сѣдломъ, сбруею и мечомъ; царь прислалъ Горсею въ знакъ милости 3,000 (*) фунтовъ серебра. Кромѣ того, Горсей безпрестанно получалъ въ подарокъ шитые золотомъ платки, молотенца, рубахи, балдахны, ковры, кушанья и лакомства.

(*) Въ другомъ мѣстѣ 2,000 фунтовъ.

Горсей такъ хорошо умѣлъ пользоваться удобнымъ случаемъ, что получилъ свободный доступъ къ правителю всюду, во всякое время. «Благо-расположеніе и милостьъ ко мнѣ были столь велики» говоритъ онъ «что, по моему ходатайству, многіе города, монастыри, приказы, чиновники и купцы, русскіе и иностранные, получали разныя льготы и привилегіи, были освобождены отъ многихъ пошлинъ и налоговъ; многимъ преступникамъ испросилъ я жизнь, многимъ осужденнымъ—помилваніе. При чемъ я не былъ оставленъ безъ благодарности и вознагражденія... Впрочемъ — прибавляетъ онъ — обстоятельства эти мало относятся къ моему разсказу о состояніи Россіи: они правдиво и подробно изложены въ русскихъ летописяхъ.»

Простодушное чванство, заключающееся въ послѣднихъ словахъ, даетъ достаточное познаніе о томъ, какое историческое значеніе придавалъ себѣ Горсей въ Россіи. Замѣчательно также чистосердечное его признаніе, что за *благодарность* и *вознагражденіе* онъ иѣшался въ дѣла, которыя его не касались. Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ заключается объясненіе причины тѣхъ гоненій, отчасти, можетъ-быть, и несправедливыхъ, которымъ онъ вскорѣ потомъ подвергся со стороны какъ русскихъ чиновниковъ, такъ и англійскихъ гостей московскаго общества—гоненій, отъ которыхъ самъ правитель не могъ, или не хотѣлъ его защитить.

Впрочемъ, не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Горсей руководствовался корыстью: если вѣрить его словамъ, онъ испросилъ свободу и отпускъ на родину всѣхъ ливонскихъ семействъ, сосланныхъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ въ Нижегородскую Область, гдѣ они находились въ странной нищетѣ, и исходатайствовалъ принятіе въ царскую службу взятыхъ въ плѣнъ въ шведскую войну капитана Эльфинстона и шестерыхъ другихъ шотландцевъ. Этимъ послѣднимъ онъ далъ изъ своего кошелька 300 талеровъ на платье и вооруженіе. «До сего дня» говоритъ онъ «не могли они ни уплатить мнѣ этихъ денегъ, ни прислать мнѣ никакой награды.»

Въ бытность Горсея въ Москвѣ открыты были два заговора: одинъ — противъ правителя, котораго противники его хотѣли свергнуть; другой — имѣющій цѣлью извести вдовствующую царицу, царевича Дмитрія и все семейство Нагихъ. Горсей не разсказываетъ никакихъ подробностей объ этихъ двухъ происшествіяхъ и говоритъ, что Борисъ не далъ никакой глашеницы попыткѣ противъ него. Можно, однакожь, видѣть намѣкъ на то, что она была приписываема Никитѣ Романовичу Юрьеву, ибо вслѣдъ за извѣстіемъ о заговорѣ Горсей говоритъ, что этотъ «крѣпкій и мужественный, всѣми любимый и уважаемый бояринъ былъ околдованъ».

и внезапно лишился языка и разсудка. Хотя онъ оставался нѣсколько времени живъ; но правитель сказалъ мнѣ, что онъ долго не проживетъ»; сына его, двоюроднаго брата царскаго, Фёдера Никитича, принудила жениться на прислужницѣ его сестры, княгини (Марыи Никитичны) Черкасской; объ Александрѣ Никитичѣ Горсей говоритъ, что онъ княжаломъ ранилъ Бориса Фёдоровича и бѣжалъ въ Польшу, гдѣ вмѣстѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ и другими бѣглецами замышлялъ погубить Годуновыхъ. (*)

Понимая всю опасность своего положенія, Борисъ переслалъ свои сокровища въ Соловецкій Монастырь, чтобы нѣтъ ихъ тамъ въ готовности для отправленія въ Англію, гдѣ онъ былъ увѣренъ найти безопасное убѣжище, въ случаѣ, если бы необходимость принудила его искать спасенія въ бѣгствѣ. «Сокровища эти» говоритъ Горсей «не принадлежали казнѣ, но составляли личное достояніе правителя. По ихъ огромной цѣнности, перевозъ ихъ на храненіе въ Англію доставилъ бы чрезвычайныя выгоды сему государству.» Несмотря на всѣ старанія Бориса, его намѣреніе огласилось, и всѣ подозрѣнія обратились на Горсея. Милость, которою онъ пользовался, давно составляла предметъ зависти; когда же разошелся слухъ о томъ, что правитель пересылаетъ свои сокровища въ Англію, враги горсеевы воспользовались случаемъ обратитъ общее негодованіе на Горсея, и этотъ послѣдній не встрѣчалъ болѣе нигдѣ ни прежнихъ ласкъ, ни дружелюбнаго пріема. Поэтому онъ съспѣшилъ окончить данныя ему королевою и обществомъ порученія и выѣхать изъ Москвы.

«Никогда» говоритъ онъ «никакой посланникъ не могъ испросить ничего подобнаго той привилегіи, какую, въ присутствіи всѣхъ бояръ и чиновниковъ, вручалъ мнѣ бояринъ—правитель.» И, говоря это, Горсей нисколько не преувеличиваетъ. Жалованною грамотою англійскимъ гостямъ не только утверждались всѣ прежнія льготы, но дарованы были новыя: они были изъяты отъ платежа всякихъ пошлинъ; всѣ считавшіяся за ними недоимки были прощены; прекращено взысканіе съ нихъ всякихъ спорныхъ долговъ; имъ открыта свободная торговля по всему

(*) Последнее извѣстіе очевидно несправедливо: Александру Никитичу Романову было сказано *бояринъ* при самомъ воцареніи Бориса въ 1598 году; сосланъ онъ былъ лишь въ 1601 году, при общей опалѣ его семейства. Бѣльскій также былъ въ 1584 году сосланъ въ Казань не по неудовольствію Годунова, но потребованію мятежной толпы, ненавидѣвшей въ немъ наперсника юаннова; въ 1591 году онъ уже вновь былъ при дворѣ, при воцареніи Бориса, въ 1598 году, былъ пожалованъ въ окольные и подвергся опалѣ и ссылкѣ уже только въ 1600 году.

государству, съ дозволеніемъ прѣзда въ Персію; на обезпеченіе тѣхъ изъ нихъ, которые завели торговлю во Псковъ, дано взаимны изъ царской казны 4 тысячи рублей и, сверхъ-того, изъ денегъ правителя 5 тысячъ рублей безъ роста и безъ назначенія срока для уплаты; изъ царской казны заплачено, по произвольной оцѣнкѣ общества, 2,000 рублей за товары, въ гнѣвную минуту захваченные покойнымъ царемъ, и, наконецъ, по указанію общества, взысканы всѣ слѣдовавшіе ему съ разныхъ лицъ долги.

Последней статьѣ придаетъ особенное значеніе то, что, на основаніи ея, въ числѣ другихъ лицъ, подвергся взысканію противникъ англійской торговли, личный врагъ Горсея и, по его словамъ, большой лихоимецъ, Андрей Щелкаловъ: съ него взыскано 370 фунтовъ (стерлинговъ?), которые съ давнихъ лѣтъ занесены были обществомъ въ число безнадежныхъ долговъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ же Щелкаловъ, по своему званію думнаго дьяка посольскаго приказа, принужденъ былъ изготovitъ и утвердить «золотою государственною печатью съ изображеніемъ наряднаго орла» жалованную грамоту, утверждавшую льготы ненавистнаго ему московскаго общества.

Передъ отъездомъ Горсей получилъ новые подарки: правитель прислалъ ему «рѣдкое персидское платье изъ серебряной парчи, вытканное безъ швовъ, красивый вышитый шатѣръ, ткзные платки, рубахи и полотенца»; вдовствующая царица Марія Федоровна прислала ему золотой и серебряной бити. Для королевы даны ему были отъ царя и отъ правителя слѣдующіе дары: 6 кусковъ персидской парчи: 4 золотой и 2 серебряной; богатая мантия изъ бѣлаго штофа съ изображеніемъ солнца въ полномъ сіяніи, съ вытканными самыми яркими цвѣтами золотыми и серебряными лучами; серебряные и золотые шелки; большой прекрасный турецкій ковѣръ; 4 сорока отличныхъ черныхъ собелей; 6 бѣлыхъ съ черными пятнами пушистыхъ рысьихъ мѣховъ; двѣ горностаевыя шубы; два бѣлые кречета, мѣра глухарей, 2 ястреба и ловчіе соколы.

Какъ при отпускѣ, такъ и во весь путь Горсею воздавались величайшія почести. 70 телегъ везли его поклажу. Въ Вологдѣ вышелъ къ нему навстрѣчу воевода князь Михайло Долгорукой, съ многочисленной свитой. Въ Архангельскѣ воевода князь Василій Андреевичъ Звенигородскій встрѣтилъ его у самыхъ воротъ и проводилъ между выстроенными въ рядахъ стрѣльцами, при стрѣльбѣ изъ пицалей и пальбѣ изъ крѣпостныхъ орудій. Наконецъ, во время прѣзда Горсея въ англійскую контору на островъ у пристани св. Николая, онъ былъ пріѣтствованъ залпомъ изъ 460 орудій съ стоявшихъ на якорѣ англійскими, голланд-

скинъ и французскихъ кораблей. По прѣздѣ въ английскую контору, четыре дюжмы носильщиковъ принесли пожалованные на время пути съестные припасы. (*) Угоотивъ английскихъ старшинъ и купцовъ пиромъ и щедро подѣлившись съ ними своими припасами, Горсей увеселялъ ихъ музыкой, игрой на дудкахъ, барабанахъ и трубахъ и зрѣлищемъ пляски медвѣдей; отдохнувъ два дня, отправивъ благодарственные письма къ правителю за присланные имъ съ нарочнымъ половинку золотой парчи на платье и сорока соболей на обивку его, Горсей 26 августа 1587 года сѣлъ на большой корабль «Центуріонъ» и 28 сентября прѣіхалъ въ Тинмоусъ (Tunmouth), въ Нортумберландѣ. Назначенные для королевы дары были оставлены имъ для отправки на другихъ корабляхъ.

Уэльсингеуъ представилъ Горсея королевѣ въ Ричмондѣ. Королева очень-милостиво приняла его, благосклонно расспрашивала о подробностяхъ его пребыванія въ Москвѣ и отпустила, похваливъ его хорошее поведеніе. Нѣсколько дней спустя, когда Горсей поднесъ ей переводъ граммати царя и новой привилегіи, пожалованной обществу, она сказала присутствовавшимъ лордамъ: «Право, государь московскій жалуетъ истинно по-царски. Купцы этого не стѣбятъ. Надѣюсь, что они хорошо наградятъ моего слугу Еремѣя Горсея», и, обратясь къ своему секретарю (Уэльсингеу) и къ лорду-казначей (лорду Бѣрлею), прибавила: «Прешу васъ наблюдать за этимъ.» Потомъ она рассматривала граммати царскія и, найдя въ очертаніи славянскихъ буквъ сходство съ греческими, велѣла Горсею подойти, стать возлѣ нея на колѣни и расспрашивала его о значеніи разныхъ буквъ. Въ-заключеніе она сказала: «Я скоро бы могла выучиться этому языку», и совѣтовала лорду Эссексу изучить это «прекраснѣйшее и обильнѣйшее въ мірѣ нарѣчіе» (**).

Вскорѣ потомъ прѣіхали и дары. Горсей вновь испросилъ аудіенцію въ Гриничѣ. Охотникъ до торжественныхъ представленій, онъ хотѣлъ

(*) Какой аппетитъ предполагался у дипломатическихъ лицъ въ исходѣ XVI столѣтія, можно видѣть изъ слѣдующаго списка этихъ припасовъ: 16 живыхъ быковъ; 70 овецъ; 600 куръ; 10 гусей; 2 журавля; 2 лебедя; 2 дойныя коровы; 2 козы; 3 медвѣжонка; дикій кабанъ; 10 свѣжихъ лососей; 25 окороковъ; 2,000 яицъ; 80 кулей муки; 600 хлѣбовъ; запасъ луку и чесноку; 65 галѣнковъ мѣда; 40 галѣнковъ водки; 60 галѣнковъ пива. Неизлишне прибавить, что проѣздъ изъ Архангельска въ Англію продолжался всего пять недѣль.

(**) Горсей говоритъ, что лордъ Эссексъ послѣ этого очень полюбилъ этотъ языкъ и находилъ въ немъ большое удовольствіе, когда это занятіе «не стоило ему большого труда и не отнимало много времени».

нести дары въ процесіи, подобной его шествію по Москвѣ, и приготовить двѣнадцать хорошо-одѣтыхъ слугъ. Но королева, противъ его желанія, приказала провести его заднимъ ходомъ въ свои покои, гдѣ при ней находились только самые приближенные изъ ея придворныхъ. Горсей подалъ сперва грамоту боярина-правителя и объявилъ, что князь Области Важской Борисъ Ѳеодоровичъ покорнѣйше предлагаетъ ей свои услуги и готовъ *обожать* (adore) ея *императорское* величество и служить ея священнѣйшей особѣ предпочтительно предъ всѣми прочими государями. Королева возразила: «Если этотъ князь столь знаменитъ въ рѣчахъ, чего же должно ожидать отъ его грамотъ?» и велѣла распечатать ихъ и прочесть. По отзыву секретаря, что грамоты еще не переведены, она спросила, гдѣ подарки, и, узнавъ, что они выставлены въ ближней галереѣ, велѣла нѣкоторымъ изъ присутствовавшихъ остаться въ залѣ, или уйти, «боясь, чтобы они чего-нибудь не выпросили», а сама съ Горсеемъ отправилась въ галерею, гдѣ брала отъ него своими руками каждый подарокъ; «она даже *вспотѣла*», перебирая парчи и мѣха; потомъ, приказавъ своимъ горничнымъ уложить и отвести всѣ подарки въ кладовую, смотрѣла изъ окна на кречетовъ, соколовъ и ястребовъ, которые были сданы на попеченіе лорду Комберланду (lord of Cumberland) и сэру Генриху Ли (Lee). Наконецъ Елисавета, поднявъ руку, сказала, что это рѣдкіе и истинно-царскіе подарки, поблагодарила Горсея и отпустила его.

Описаніе этого приѣма очень-грациозно выказываетъ одну изъ отличительныхъ чертъ характера Елисаветы — ея извѣстную скудость. Въ этой боязни, чтобъ у нея чего-нибудь не выпросили, въ переборкѣ *даже до пота* всѣхъ подарковъ, въ заботливости скорѣе уложить и запереть ихъ въ кладовую нельзя не узнать той самой Елисаветы, которая, при вѣздѣ въ одинъ изъ городовъ своего государства, ожидая обычнаго приношенія — кошелька съ гинеями, прервала пышное привѣтствіе градскаго главы словами: «Кончайте скорѣе вашу рѣчь да дайте мнѣ мои гинеи!»

Жалованная грамота царя была отдана старшинамъ московскаго общества самою королевой, которая воспользовалась этимъ случаемъ высказать имъ свое неудовольствіе изъ ихъ взаимныя несогласія и распри и дать имъ наставленіе, чтобъ они заботились о благѣ общественномъ, а не о частныхъ выгодахъ и барышахъ, и соблюдали даруемыя имъ важныя льготы.

Горсей за свои труды и старанія былъ щедро награжденъ королевой и дружески и почетно принять обществомъ. Доведя свои записки до этой эпохи своей жизни, Горсей говоритъ: «Мнѣ наскучило *кропаніе при-*

«орною водою (the holy water of courts), какъ мой почтенный и добрый другъ сэръ Францискъ Уэльсингемъ называлъ лъстивыя рѣчи и прѣветствія ; мнѣ хотѣлось удалиться, чтобъ вести жизнь болѣе-безопасную, уединенную и покойную, чѣмъ въ-теченіе предшествовавшихъ 17 лѣтъ, которыя я провелъ среди опасностей, ужасовъ и безпокойствъ, проживая свой доходъ и гораздо-болѣе того, чѣмъ сколько прожилъ бы человекъ разсудительный, заботящійся о будущемъ. Я вознамѣрился основаться, собрать въ одно свое бѣдное имущество и для того взять изъ рукъ общества свой капиталъ съ прибылями и барышами.» Вслѣдъ затѣмъ онъ приступаетъ къ разсказу своего третьяго и послѣдняго посольства въ Россію, куда, по его словамъ, онъ отправился въ апрѣлѣ 1859 года (*) и которое, какъ онъ говоритъ, было возложено на него «по причинѣ достигнутыхъ имъ въ-теченіе 17 лѣтъ опытности и познанія азыковъ».

Слѣдовательно, если вѣрить показаніямъ Горсея, онъ съ октября 1587 года до апрѣля 1589 года наслаждался отдыхомъ послѣ своихъ трудовъ. Но въ лондонскомъ государственномъ архивѣ сохранились современныя жалобы, представленныя московскимъ обществомъ въ тайный совѣтъ королевы Елизаветы, списки съ ея грамматъ къ Теодору и подлинныя отвѣты царя. Эти неоспоримые документы обнаруживаютъ совершенно-противное: изъ нихъ видно, что Горсей въ 1587 году бѣжалъ изъ Англіи въ Россію, подвергся тамъ опалѣ царской, по требованію королевы высланъ обратно въ Англію съ ея посланникомъ докторомъ Флетчеромъ и уже только въ апрѣлѣ 1590 (а не 1589) года, въ противность просьбамъ общества, вновь отправленъ ея посланцемъ къ царю. Сколько можно познать изъ упомянутыхъ жалобъ и грамматъ, обстоятельства эти произошли слѣдующимъ образомъ:

Вскорѣ по прїѣздѣ Горсея въ Англію, въ московское общество поступила просьба повивальной бабки, отправленной въ 1586 году съ Горсеемъ, по распоряженію общества, вслѣдствіе повелѣнія королевы. Бабка требовала съ общества 100 фунтовъ стерлинговъ и при этомъ объявляла, что Горсей обманулъ королеву, сказавъ, будто-бы царица Ирина, при выѣздѣ его изъ Россіи, была въ пятомъ мѣсяцѣ своей бе-

---

(*) Подъ этимъ числомъ показано у него время его отплытія изъ Ярмуса (Yarmouth) въ Эмденъ, и это же число выставляетъ онъ на выписанномъ имъ въ «Описаніи посольствъ» списокѣ съ письма Елизаветы къ Теодору Ивановичу; но хранящійся въ лондонскомъ королевскомъ архивѣ (Her Majesty's State Paper Office) черновой списокъ съ этого письма обличаетъ, что онъ совершенно исказилъ его смыслъ пропусками и что письмо подписано Елизаветою 1 апрѣля 1590 года.

реженности; что она, бабка, не только не была допущена вить царя, но даже задержана въ Вологдѣ и только по истеченіи цѣлаго года отпущена въ Англію. Общество велѣло своему агенту узнать: дѣйствительно ли Горсей вить подобное порученіе отъ царя, на что правитель отвѣчалъ, что не царя, а онъ, ея братъ, поручилъ Горсею привезти не повивальную бабку, а *докторицу*, искусную во врачеваніи женскихъ болѣзней и безчадія. Правитель при этомъ сказалъ: «Горсей велъ себя, какъ плутъ и дуракъ; онъ наговорилъ пустяковъ королевѣ— пусть она сама разсудитъ: если онъ сдѣлалъ хорошо, тѣмъ лучше для него; если худо — пусть заплатится королевѣ своей головой: онъ ея подданный.»

Кромѣ этого дѣла, весьма-непріятнаго для Горсея и котораго окончаніе неизвѣстно, въ то же время возникла между нимъ и обществомъ распра. Горсей, приписывая единственно своему личному вліанію исходатайствованіе послѣдней жаловавной грамоты, требовалъ съ общества 1,000 рублей, издержанныхъ имъ на полученіе этой грамоты, и 1,000 фунтовъ стерлинговъ себѣ въ награду за свои хлопоты. Общество отказало ему, отыываясь, что бояринъ—правитель, при объявленіи этой грамоты агентамъ общества въ Москвѣ, сказалъ, что, «по усильнымъ просьбамъ Еремѣя, онъ исходатайствовалъ пожалованіе ея купцамъ, *бело всякихъ для нихъ издержекъ*». Получивъ этотъ отказъ, Горсей обратился съ жалобою къ своему покровителю Уэльсингему, въ которомъ, какъ членъ общества, надѣялся найти сильную опору. Уэльсингемъ, дѣйствительно, призвалъ старшинъ и началъ ихъ уговаривать; но они ему отвѣчали, что Горсей не только не заслуживаетъ награды, но, напротивъ, долженъ бы подвергнуться наказанію за разные противозаконныя свои дѣйствія въ Москвѣ. Обвиненія ихъ состояли главнѣйше въ слѣдующемъ:

Въ 1584 году отправлены были обществомъ два ревизора: Робертъ Пикокъ (Robert Peacock) въ Москву и Джонъ Чапелъ (John Chapell) въ Казань для провѣрки счетовъ тамошнихъ англійскихъ конторъ. Горсей, завѣдывавшій въ то время московскою конторою, представлялъ невѣрную опись находившемуся у него на рукахъ имуществу и списокъ многихъ долговъ на сумму 2186 рублей. Уличенный Пикокъ въ подлогъ, онъ немедленно внесъ 500 рублей, но отказался уплатить остальные деньги. Пикокъ угрожалъ послать жалобу въ Лондонъ. Горсей испросилъ у правителя запрещеніе конторѣ отправлять гонцовъ въ Англію. Пикокъ, узнавъ, что одинъ польскій купецъ ѣдетъ за границу, отправилъ за нимъ въ догонку своего слугу Джона Горибби (John Horpibie) съ двумя экземплярами жалобы на Горсея и на другаго англи-

чанина, его сообщника, Антона Марша (Anthony Marsh); эти послѣдніе узнали объ этомъ и немедленно донесли въ посольскій приказъ, что Пикокъ Чапелъ сносится съ врагами царя. Горнби былъ схваченъ, и найденныя на немъ письма отданы для перевода Горсею и Маршу, которые, воспользовавшись словомъ *sru* (шпіонъ), употребленнымъ въ этихъ письмахъ въ смыслѣ *ревизоровъ*, переводомъ своимъ подтвердили свой доносъ о томъ, что Пикокъ и Чапелъ *лазутчики* враговъ Москвы. Чапелъ былъ немедленно посаженъ въ тюрьму; два англичанина Уиннингтонъ (Whinington) и Силькъ (Silke), послѣдній съ женою и дѣтми, какъ сообщники Пикоча, закованы въ желѣза и принуждены заплатить: первый Горсею 100 рублей, послѣдній 1000 рублей въ царскую казну. Непосредственные же дѣатели въ этомъ дѣлѣ: русскій купецъ, уведолившій Пикоча объ отъѣздѣ польскаго купца, другой русскій, провожавшій Горнби, и самъ Горнби, были подвергнуты пыткамъ. При пыткахъ Горнби присутствовалъ самъ правитель; но, видя, что 24 удара пельми на *подъемъ* и пытка огнемъ не могли вынудить отъ Горнби никакого признанія, онъ велѣлъ его отпустить, сказавъ ему: «Ты обманъ своей пыткой своимъ же соотечественникамъ.»

Когда велѣдъ затѣмъ (въ сентябрѣ 1585 года) Горсей отправлялся съ грамматами Федора къ королевѣ, правитель (по показанію общества) спросилъ его, какъ онъ не боится ѣхать въ Англію. Но Горсею бояться было нечего: въ грамматѣ царь жаловался Елизаветѣ на поведеніе Пикоча и Чапеля, жаловалъ вѣрную службу Горсея и просилъ королеву прислать свой отвѣтъ черезъ него. Притомъ, Горсей, будучи въ Лондонѣ, увѣрилъ общество, что все зло, имъ сдѣланное, будетъ исправлено.

Горсей отчасти исполнилъ свое обѣщаніе: Чапелъ былъ освобожденъ, и 29 англичанъ, занимавшихся торговлею въ подрывъ обществу и въ противность его привилегіямъ, были высланы изъ Россіи; самыя привилегіи были распространены. Но Горсей, въ упоеніи тщеславія, гордясь званіемъ *слуги королевы*, даннымъ ему въ грамматѣ Елизаветы къ царю, присвоилъ себѣ титулъ *президента*, самовольно смѣнилъ агента Пикоча, изъ своихъ рукъ билъ его и другихъ английскихъ купцовъ и наконецъ, давъ новому агенту Тромбулю (Trumbull) только 1,500 рублей изъ данныхъ обществу царемъ на заведеніе торговли во Псковѣ 4,000 рублей, требовалъ отъ него полной росписки въ этой суммѣ. Когда же Тромбуль принудилъ его выдать остальные 2,500 р., Горсей, уже съ дороги въ Англію, совѣтовалъ правителю обезпечить этотъ заемъ опечатаніемъ английскихъ товаровъ, что и было исполнено, къ великому ущербу общества.

Выслушавъ всѣ эти жалобы, Уэльсингемъ велѣлъ старшинамъ общества изложить ихъ письменно. Въ то же время повивальная бабка подала королевѣ жалобу, и королева велѣла потребовать отъ Горсея объясненій.

Но Горсей скрылся. Нѣсколько времени неизвестно было, куда онъ бѣжалъ, пока московскій агентъ не донесъ обществу, что онъ опять явился въ Москвѣ; въ то же время агентъ доносилъ, что Щелкаловъ отказывается признавать привилегіи общества, объясняетъ, что жалованная грамота поддѣлана Горсеемъ и выдана не изъ посольскаго приказа, и требуетъ пошлѣнъ съ англійскихъ купцовъ; въ-заключеніе агентъ говорилъ, что Щелкаловъ угрожаетъ притѣснять англійскихъ гостей, покуда Горсей будетъ оставаться въ Россіи.

Общество возобновило свои жалобы на Горсея и наконецъ успѣло убѣдить королеву обратиться къ царю съ требованіемъ о выдачѣ его ея посланнику доктору Флетчеру.

Требованіе Елизаветы было исполнено тѣмъ охотнѣе, что Горсей подвергся опалѣ царской и что главный его покровитель, Борисъ Федоровичъ, въ то время огорченный смертью сына, не занимался дѣлами (*). Одинъ изъ слугъ Горсея, по имени Уостенамъ (Wostenam), влюбился въ какую-то ливонскую дворянку. Щелкаловъ обѣщавъ ему устроить ихъ свадьбу, если онъ поможетъ ему погубить Горсея, и Уостенамъ донесъ, будто-бы Горсей у себя за столомъ говорилъ: «Какой царь теперешній царь! онъ—монахъ, а не царь! ему бы держать въ рукахъ чѣтки, а не скипетръ!» Горсею угрожали костьеръ и пытка; требованіе королевы спасло его: онъ былъ выданъ Флетчеру, которому при этомъ объявлено, что Горсей еще въ 1580 году хотѣлъ уничтожить торговлю съ Нидерландами; что онъ говорилъ дерзкія рѣчи о государѣ; что привозомъ повивальной бабки онъ оскорбилъ честь царицы, и что если онъ вновь явится въ Россію, то будетъ преданъ висѣлицѣ.

Флетчеръ возвратился въ Англію весьма-недовольный своимъ посольствомъ, цѣль котораго — подтвержденіе привилегій общества — была, впрочемъ, почти вполне достигнута. Онъ выѣхалъ изъ Россіи «не съ меньшою радостью, чѣмъ съ какою, по описанію поэта, Улиссъ выбрался изъ пещеры Поллоема». Одно изъ его главныхъ исканій, и исканіе, увѣнчанное полнымъ успѣхомъ, было изъятіе англійскихъ гостей

(*) Это свидѣніе помѣщено въ собственноручномъ оправданіи Горсея, хранящемся въ русскихъ бумагахъ лондонскаго архива. Слѣдующія за симъ обстоятельства извлечены изъ хранящихся тамъ же: жалобъ общества, записки доктора Флетчера и наконецъ изъ весьма-сокращеннаго разсказа, помѣщеннаго самимъ Горсеемъ въ «Описаніи его посольствъ».

зъ—подъ вѣдомства посольскаго приказа и подчиненіе его приказу Большаго Прихода, которымъ непосредственно завѣдывалъ бояринъ-правитель. Слѣдовательно, Флетчеръ самымъ наказомъ своимъ былъ поставленъ въ неприязненное отношеніе къ главному врагу Горсея—Щелкалову. Кроме того, на возвратномъ пути въ Англію, Флетчеръ приводилъ въ порядокъ замѣтки, собранныя имъ въ бытность въ Москвѣ, при чемъ пользовался многими свѣдѣніями, которыя сообщилъ ему Горсей (*). Поэтому понятно, что Горсей, съ своимъ искусствомъ вкрасться въ довѣріе людей, ему нужныхъ, успѣлъ найти во Флетчерѣ защитника, и этотъ послѣдній, по прибытіи въ Англію, представилъ записку, въ которой объяснялъ, что Горсей жертва непримиримой ненависти Щелкалова; что заботливость Горсея о препятствованіи голландскимъ кораблямъ приходитъ къ пристани св. Николая доказываетъ лишь соблюденіе имъ выгодъ общества; что обвиненіе его въ обидныхъ для царской чести рѣчахъ есть выдумка и сдѣлано по яушенію Щелкалова, и, наконецъ, что если въ дѣлѣ о повивальной бабкѣ Горсей сдѣлалъ ошибку, то ошибку эту должно приписать единственно недоразумѣнію и неясности слова *докторица*, которой присылки желалъ правитель (**).

Какимъ образомъ Горсей успѣлъ оправдаться въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него обществомъ, неизвѣстно; видно только, что прежній покровитель его Уэльсингемъ не измѣнилъ ему, и, несмотря на всѣ протесты общества, несмотря на угрозу русскаго правительства, что Горсей будетъ повѣшенъ, если покажется опять въ Москву, Уэльсингемъ, ровно черезъ годъ послѣ высылки Горсея изъ Россіи, убѣдилъ королеву послать его съ ея грамотами къ царю и къ боярину-правителю. Грамоты эти помѣщены Горсеемъ въ «Описаніи его посольствъ» и (какъ

(*) Замѣтки эти были посвящены королевѣ и изданы въ 1591 году, подъ заглавіемъ: «Of the Russe Common Wealth or maner of governement by the Russe Emperour (commonly called the Emperour of Moskowia) with the manners and fashions of the people of that Countrey.» То—есть о Русскомъ Государствѣ или объ образѣ правленія императора російскаго (обыкновенно именуемаго царемъ московскимъ), съ описаніемъ нравовъ и обычаевъ жителей этой страны». Книга эта, по просьбѣ московскаго общества англіискихъ гостей, была запрещена, какъ сочиненіе, обидное для царствовавшаго въ Россіи дома и для русскаго народа. Она чрезвычайно любопытна, имѣла пять изданій сокращенныхъ и съ пропусками и наконецъ перепечатана вполнѣ въ 1856 году въ *Трудахъ гаклюптова общества*.

(**) Ошибка въ этомъ случаѣ, кажется, принадлежитъ самой королевѣ, которая, поручивъ обществу прислать и отправить въ Россію повивальную бабку, дала гласность просьбѣ Годунова и сдѣлала всѣхъ членовъ общества причастниками тайны, которая была довѣрена ей одной.

сказано выше) ошибочно помѣчены имъ числомъ 4-го апрѣля 1589 (вмѣсто 1590) года; равнымъ образомъ онъ искажилъ ихъ пропускомъ всѣхъ выраженій, относящихся до предъявленныхъ противъ него обвиненій. Въ этихъ грамотахъ королева называетъ *дворянина (Gentelman) Еремья Горсея своимъ любезнымъ подданнымъ (welbelowed subject) и слугою своего дома (houshowld seruant)* и проситъ царя отложить свой гнѣвъ на него за клевету, взведенную на него по злобѣ. Повторяя тѣ же самыя выраженія въ письмѣ на имя своего «любезнаго родственника (coessen) и друга, «знаменитаго князя» Бориса Федоровича, королева присовокупляла, что проситъ его ходатайства о снятіи царемъ опалы съ Горсея и объ удовлетвореніи его просьбъ какъ по дѣламъ его посольства, такъ и по частнымъ его нуждамъ. Въ заключеніе Елизавета упоминала, что хотя Горсей подвергся ея гнѣву за самовольный отъѣздъ въ Россію, но заслужилъ ея прощеніе готовностью, съ которою, по ея требованію, возвратился въ Англію, и что ей особенно-пріятно видѣть изъ писемъ правителя, что правитель не измѣнился въ своемъ милостивомъ къ нему расположеніи.

Можетъ-быть, съ намѣреніемъ скрыть до-времени посылку Горсея въ Россію, Уэльсингемъ поручилъ ему не прямо ѣхать въ Москву, но сперва проводить въ Германію протестантскаго агента, генуэзца Горація Паллавичино и посла короля французскаго Генриха IV, Филиппа де-Кане, владѣльца френскаго (*); потомъ ѣхать въ Копенгагенъ и требовать отъ короля Фридриха II снятія запрещенія, наложеннаго датскимъ правительствомъ на англійскіе корабли въ Зундѣ. Изъ Копенгагена Горсею велѣно было отправиться въ Варшаву и требовать, чтобъ Сигизмундъ III заставилъ своихъ подданныхъ уплатить деньги, должныя ими за товары обществу англійскихъ гостей, торгующихъ съ Востокомъ (**). Изъ Варшавы уже Горсей долженъ былъ ѣхать въ Москву (***).

(*) Sir Orazio Pallavicino и Philippe de Canaye, sieur de Fresne.

(**) «The Esteren merchants». При Эдуардѣ VI и потомъ при Елизаветѣ составилось въ Англіи, въ подрывѣ Ганзѣ, много купеческихъ обществъ, какъ-то общества для торговли: съ Московіей, съ Турціей, съ Марокомъ, съ Персіей, съ Востокомъ, съ Нидерландами и пр. Подъ именемъ *Востока (East)* разумѣлись страны, лежація при Балтійскомъ Морѣ, которое, равно какъ и Нѣмецкое Море, называлось поанглійски *Восточнымъ Моремъ (the Eastern Seas)*.

(***) Весь дальнѣйшій рассказъ почерпнуть изъ сочиненій Горсея, за исключеніемъ одного только обстоятельства—пріѣзда его въ Россію подъ чужимъ именемъ: объ этомъ онъ умалчиваетъ, но это составляетъ одну изъ обвинительныхъ статей противъ него въ царской грамотѣ отъ іюля 1591 года.

Передъ отъѣздомъ своимъ Горсей имѣлъ *серьёзный*, по его словамъ, разговоръ съ королевою о бояринѣ—правителѣ: она спрашивала, нельзя ли какъ—нибудь склонить Бориса Фёдоровича, чтобы онъ исполнилъ свое намѣреніе и перевезъ свои сокровища въ Англію. Горсей отвѣчалъ, что уже поздно и что удобное для того время упущено. Потомъ королева спрашивала его о платьяхъ, которыя носятъ царицы, и желала имѣть одно изъ такихъ платьевъ. Очень—простосердечна приписка Горсея, что это платье «обошлось его кошелеку дороже, чѣмъ сколько онъ за него получилъ». Кроме—того, онъ упоминаетъ, что поднесъ королеву очень—дорогіе московскіе платки, наволоки, полотенца, богато—вытканные изъ золотой и серебряной бити и изъ персидскихъ шелковъ. Съ своей стороны, королева пожаловала ему маленькую стклянку, съ небольшимъ количествомъ бальзама для исцѣленія отъ ушибовъ и отъ яда (*), и свое изображеніе, вырѣзанное на прекрасномъ голубомъ сапфирѣ, сказавъ, чтобы онъ носилъ его на память ея къ нему благоволенія. Все это доказываетъ, что, хотя и привезенный въ Англію какъ преступникъ, Горсей пріѣхалъ, однакожъ, не съ пустыми руками и позаботился о средствахъ угодить королеву. Нельзя предполагать, чтобы ея приближенные были имъ забыты.

Въ апрѣлѣ 1590 года, бывъ допущенъ въ Гриничъ къ рукъ королевы и получивъ отъ нея грамоты, указы и охранные листы, Горсей съ де—Френомъ и Паллавичино прибылъ въ Ярмусъ (Yarmouth), гдѣ они сѣли на корабль «Карлъ». Благодаря неискусству капитана, корабль потерпѣлъ крушеніе близъ Эмдена. Горсей, Паллавичино и де—Френтъ едва спаслись отъ шайки бродягъ, которые хотѣли ихъ ограбить, прибыли, однакожъ, благополучно къ Эмдену, въ который они подняты вѣрнотомъ, потому—что городскія ворота съ этой стороны были завалены. Эмденскій графъ далъ имъ 20 хорошо—вооруженныхъ всадниковъ, и подъ этимъ прикрытіемъ они прибыли въ Штаденъ. Здѣсь Горсей разстался съ своими спутниками, которые отправились къ курфирстамъ саксонскому и бранденбургскому; онъ же поѣхалъ въ Кельнъ, гдѣ узналъ, что имперскій сеймъ отложенъ. Увѣдоживъ объ этомъ Уэльсингема, Горсей поѣхалъ въ Гамбургъ, гдѣ, по его приказанію, его слуга *рано утромъ* наклеилъ на дверяхъ ратуши объявленіе на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ о запрещеніи королевою англійскою Ганзъ провозить въ Испанію всякіе съѣстные и боевые припасы, подъ опасеніемъ конфискаціи. Изъ Гамбурга онъ *поспѣшно* поѣхалъ въ

(*) Бальзамъ этотъ, говоритъ Горсей, былъ прпвезенъ королеву знаменитымъ мореплавателемъ сэромъ Францискомъ Дрекомъ (Drake).

Любекъ, гдѣ подобное объявленіе подало бургомистру поводъ его обругать (*). Черезъ Висмаръ и Ростокъ, потомъ моремъ черезъ Эльзевъръ Горсей прибылъ въ Копенгагенъ. Канцлеръ Рамелиусъ представилъ его королю, который, принявъ грамоты Елизаветы, объялъ Горсея и которому Горсей поклонился до земли, или, какъ онъ весьма-графически объясняетъ, которому «онъ положилъ свою руку на щиколку» (laid my hand on his anckell).

Несмотря на ласковость этого приѣма, Горсей встрѣтилъ много затрудненій въ исполненіи своего порученія въ Даніи. При новой аудіенціи, король жаловался на *мошеничество* (treachery and falshode) английскихъ купцовъ, которые обманивали его таможенныхъ чиновниковъ и тѣмъ крайне уменьшили доходъ, получаемый его казною съ зувдскихъ пошлинъ; говорилъ, что англичане захватили шедшіе черезъ Британскій Каналъ датскіе корабли, что отказъ королевы ежегодно платить 100 розанныхъ нобелей (**), за пропускъ ея кораблей черезъ Зувдъ тѣмъ болѣе неоснователенъ, что прежній ея посланникъ Гербертъ (Herbert) призналъ справедливость этой дани, искони принадлежавшей предкамъ его, владѣтелямъ норвежскимъ, и что всѣ эти причины побудили его захватить находившіеся въ датскихъ водахъ английскіе корабли съ ихъ грузами на сумму 30 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Горсей хотѣлъ возражать; но король отказался его слушать, сдѣлавъ ему легкій поклонъ (a slight conjur) и отвернулся.

Настоящая причина неудовольствія Фридриха были медленность и очевидное недоброжелательство, оказанныя Елизаветою при извѣстіи о вступленіи въ бракъ короля шотландскаго Якова VI (***) съ датскою принцессою Анною. Притомъ, Данія еще незадолго передъ тѣмъ изъясняла притязанія, въ защиту которыхъ часто прибѣгала къ силѣ оружія, на то, что плывшіе изъ Англіи къ бѣломорскимъ берегамъ Россіи корабли обязаны платить ей пошлины, предъявляя странное основаніе, что они проходятъ черезъ *проливъ* (Сѣверный Океанъ!), образуемый датскими владѣніями — Норвегіей и Исландіей. Принужденная отказать-

(*) Въ «Описаніи посольствъ» Горсей вовсе умалчиваетъ о поѣздкѣ въ Гамбургъ, Любекъ и Копенгагенъ и говоритъ, что такъ-какъ дорогою въ Кѣльнъ узналъ объ отъѣздѣ сейма, то чрезъ Германію отправился въ Варшаву. Въ «Сказаніяхъ», напротивъ, онъ рассказываетъ, что былъ въ Кѣльнѣ и видѣлъ любопытное зрѣлище съѣзда въ этотъ городъ разныхъ принцевъ, кардиналовъ, посланниковъ и ихъ многочисленныхъ свитѣ.

(**) Rose nobles. Нобель — тогдашняя английская монета съ изображеніемъ розы — геральдическаго цвѣтка Англіи.

(***) Впослѣдствіи Якова I, преемника Елизаветы.

ся отъ этого страннаго притязанія, Данія открыла другой источникъ доходовъ въ дозволеніи прибалтійскимъ купцамъ кёнигсбергскимъ, гансскимъ, штетинскимъ и любекскимъ прикрывать датскимъ флагомъ грузы съѣстныхъ и боевыхъ припасовъ, которые были отправляемы ими въ Испанію черезъ Британскій Проливъ. Уличенные своими наглядными въ подложномъ присвоеніи датскаго флага, корабли эти были захвачены англичанами, и датчане, подъ предлогомъ оскорбленія чести Даніи, наложили запрещеніе на товары англійскихъ купцовъ.

На другой день послѣ королевской аудіенціи, Горсей былъ призванъ для совѣщанія къ канцлеру и особенно назначеннымъ тремъ комиссарамъ. При этомъ онъ произнесъ столь длинную рѣчь (она выписана въ его запискахъ), что, по окончаніи ея, за усталостью, долженъ былъ возвратиться домой. Въ рѣчи этой особенно-замѣчательнъ его намекъ, что, если Данія не исполнитъ требованій англійскаго правительства, англійскіе корабли будутъ плавать къ Стольгольму, Нарвѣ, Ригѣ, Ревелю, Данцигу и Кёнигсбергу, минуя Зундъ, проходя черезъ моря Норвежское и Финляндское прямо въ Балтійское (*).

Неизвѣстно, утранила ли эта угроза датскихъ дипломатовъ; но король возвратилъ Горсею свою благосклонность и, при отпускнуой аудіенціи, подарилъ ему золотую цѣпь цѣною около 40 фунтовъ стерлинговъ. Хотя окончательное удовлетвореніе англичанъ было исходатайствовано другимъ посланникомъ Елизаветы, докторомъ Перкинсономъ (Dr. Christopher Perkins), но честь успѣха его посольства Горсей приписываетъ своимъ стараніямъ.

Изъ Копенгагена Горсей, черезъ Данцигъ, Эльбингъ и Торнъ, отправился въ Варшаву, куда пріѣхалъ 2-го мая. Предметъ его ходатайства у Сигизмунда III былъ столь справедливъ, что, повидимому, не могъ не быть удовлетворенъ: нѣкоторые изъ польскихъ подданныхъ, взявъ въ долгъ у англійскихъ купцовъ суконъ и разныхъ товаровъ на огромную сумму 80 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, продали ихъ, на вырученныя деньги купили себѣ помѣстья и отказались возвратить свои долги подъ предлогомъ, что имѣютъ отъ короля *несудимылъ грамоты* (**). Несмотря на справедливость требованія о возвратѣ этихъ долговъ, польскіе паны очень-долго разсуждали и много спорили.

(*) Мнѣніе Горсея о томъ, что Скандинавія островъ, столь же странно, какъ и помѣщеніе Новгорода и Пскова въ число прибалтійскихъ городовъ. Горсей нѣсколько разъ, однакожъ, совершалъ плаваніе изъ Англии мимо сѣвернаго норвежскаго поморья въ Бѣлое Море и два раза проѣзжалъ черезъ Новгородъ и Псковъ на пути въ Англию.

(**) The kings letters of protection for their exemptions from justice.

съ Горсеемъ, выставивъ, что Елизавета оскорбляетъ короля, желая ограничить его милость. Главнымъ противникомъ его явился сперва великій канцлеръ Янъ Замоискій, который обидѣлся тѣмъ, что Горсей приступилъ къ дѣлу во время его отсутствія изъ Варшавы. Горсей прописываетъ довольно-подробно веденные имъ переговоры, возраженія пановъ-комиссаровъ и наконецъ свои краснорѣчивыя къ нимъ воззванія. Въ этихъ послѣднихъ замѣтно, какъ онъ поддѣлывался подъ національный характеръ и льстилъ польскому тщеславію. Но главнѣйше обязанъ онъ былъ успѣху своего посольства стараніямъ ковенскаго воеводы Яна Глѣбовича, который доброжелательствовалъ Горсею за услуги, оказанныя имъ послѣднимъ нѣкоторымъ изъ его родственниковъ, бывшихъ плѣнниками въ Москвѣ. Притомъ Горсей послалъ пану Замоискому «красивый платокъ съ рѣзными узорами, пару надушенныхъ перчатокъ и цѣпь изъ сѣрой амбры». Нѣсколько времени спустя, король соизволилъ на требованія королевы, и въ главные города польскіе было разослано повелѣніе, «подъ угрозой великаго гнѣва королевскаго», уплатить долги англійскимъ купцамъ въ трехтысячный срѣкъ.

За успѣхъ въ своемъ ходатайствѣ Горсей получилъ «хорошій подарокъ» отъ англійскихъ купцовъ. Съ польскими сановниками разстался онъ также дружелюбно: великій камергеръ панъ Лука Обровскій въ честь его далъ пиръ; король удостоилъ его приглашеніемъ къ обѣду и допустилъ къ рукѣ.

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы Горсею хотѣлось видѣть вдовствующую королеву Анну (*). Онъ надѣлъ ливрею одного изъ своихъ слугъ и вошелъ во дворецъ, гдѣ присутствовалъ при ужинѣ Анны. Королева замѣтила его по странному покрою его ворота и нарукавниковъ и, подозвавъ къ себѣ, вступила съ нимъ въ разговоръ, называла Елизавету «бичомъ католической вѣры», а предшественницу ея Марію (Кривожадную)—преподобною святою на небесахъ. Въ заключеніе она изъ рукъ поднесла Горсею чарку венгерскаго вина и два куска сыра и отпустила его. Хотя она была, какъ говорить Горсей, дурна собой, но, вѣроятно, очень заботилась о нарядахъ, потому-что, какъ-только онъ зортился домой, она прислала спросить у него, какъ накрахмалить его воротъ, и просила посмотреть бывшую на немъ жемчужную цѣпь.

Горсей едва не поплатился жизнью за любопытство свое. Духовникъ королевы, знаменитый іезуитъ Антоній Поссевианъ, видѣлъ его на этомъ

(*) Анна была дочерью Сигизмунда I, сестрою Сигизмунда II Августа, вдовою Стефана Баторія и тѣткою тогдашняго короля Сигизмунда III, который былъ сыномъ ея сестры Екатерины и короля шведскаго Іоанна III.

ужинѣ и рѣшился воспользоваться выѣздомъ его изъ Варшавы, чтобъ отмитить за какія-то старинныя досады, причиненныя ему Горсеешъ въ бытность его посланникомъ при дворѣ царя Ивана Васильевича. Къ счастью, Горсей былъ предупрежденъ своимъ доброжелателемъ паномъ Глѣбовичемъ, выѣхалъ изъ Варшавы другою дорогою и избѣгнулъ засады, гдѣ его ожидали подосланные Поссевиномъ убійцы (*).

12-го іюня Горсей прибылъ въ Вильну, ко двору *литовскаго великаго князя* — пана Христофора Радзивилла. Здѣсь онъ имѣлъ случай видѣть примѣръ польскаго тщеславія и даже сдѣлался участникомъ въ невинномъ обманѣ, которымъ спѣсивый панъ хотѣлъ придать себѣ значенія въ глазахъ *своихъ подданныхъ*: такъ называетъ Горсей литовцевъ, ибо, какъ видно изъ его записокъ, онъ считалъ Радзивилла державнымъ государемъ и великимъ княземъ литовскимъ. Князь, желая внушить жителямъ Вильны, что съ нимъ сносятся иностранные государи, объявилъ Горсею, что онъ приметъ его въ качествѣ посланника королевы англійской. Въ назначенный день 50 сѣкироносцевъ проводили Горсея черезъ городъ до дворца, передъ которымъ были разставлены жолнѣры и 500 шляхтичей. Радзивиллъ встрѣтилъ Горсея на крыльцѣ и проводилъ его въ залу, гдѣ былъ накрытъ столъ; надъ мѣстомъ князя былъ устроенъ балдахинъ. Горсей былъ посаженъ противъ него; остальные мѣста заняли «воеводы, паны и панны». Обѣдъ начался при звукѣ трубъ и при рокотаніи барабановъ. Послѣ первыхъ кушаній явились шуты и поэты для увеселенія гостей; потомъ толпа разряженныхъ карловъ и карлицъ вошла въ залу, при пѣніи, сопровождаемомъ заунывными звуками свирѣлей. Радзивиллъ спрашивалъ, какъ нравится Горсею эта музыка, которую онъ называлъ «кишвалами Давида и колокольчиками Аарона»; предлагалъ тостъ за здравіе Елизаветы, чести ее именемъ не англійской, а *ангельской* королевы. Съ своей стороны, Горсей провозгласилъ здоровье Радзивилла и, пышно угощенный, насмотрѣвшись на «разныя странныя потѣхи со львами, съ медвѣдами и быками», возвратился домой съ той же почетною стражею, которая привела его во дворецъ.

Читая рассказъ Горсея объ этомъ пирѣ, невольно вспоминаемъ пражленіе Санчо-Пансы. Самыя кушанья кажутся сказочными: сдѣланныя

(*) Замѣчательно, что Горсей, рассказывая этотъ случай въ «Описаніи посольствъ», умалчиваетъ о немъ въ своихъ «Сказаніяхъ», въ которыхъ вмѣсто-того баснословитъ, будто, при первомъ переѣздѣ черезъ какую-то рѣчку, его люди разорвали рогатиною *змья-крокодила* (crocodile-serpent) и что смрадъ этого чудовища причинилъ ему болѣзнь, задержавшую его на нѣсколько дней въ сосѣдней деревнѣ.

изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, единороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и пр., налитыя разными винами, начиненныя пряностями и конфектами—все это, кажется, скорѣе уиѣстно во времена дои—Кихота, на островѣ Баратаріи, чѣмъ въ столицѣ Литвы въ исходѣ XVI столѣтія.

Горсею оставалась самая трудная и самая опасная часть его путешествія—прѣздъ въ Москву, гдѣ, по словамъ Щелкалова, ожидала его висѣлица. Вѣроятно, опасеніе, чтобъ эта угроза не была исполнена, внушило ему мысль прѣхать въ Смоленскъ подѣ чужимъ именемъ; но въ Смоленскѣ былъ въ то время воеводою прежній московскій сосѣдъ Горсея, князь Иванъ Голицынъ. Горсей былъ узананъ, объ его прѣздѣ немедленно донесено царю и правителю, и чрезъ нѣсколько времени былъ присланъ приставъ, чтобъ проводить его въ Москву, куда онъ прибылъ 30 іюня и гдѣ ему отведено подѣ помѣщеніе Суздальское Подворье (*).

Первое время своего пребыванія въ Москвѣ Горсей, хотя и находился подѣ строгимъ надзоромъ, имѣлъ, однакожь, надежду на успѣхъ въ своемъ посольствѣ. Бояринъ—правитель присылалъ ему сказать, чтобъ онъ не боялся и полагался на его покровительство; царь велѣлъ объявить свое жалованье и приказъ объ отпускѣ ему посольскаго содержанія; даже Щелкаловъ присылалъ къ нему просить, чтобъ онъ забылъ старую вражду и сиагчал жалобы королевы, общааясь въ такомъ случаѣ способствовать ему въ его переговорахъ. Но Горсей, зная, что онъ «хитеръ и лукавъ, какъ лисица», уклонился отъ примиренія, а отъ царскаго жалованья отказался до врученія царю грамоты королевы(**).

Три раза назначаема была Горсею аудіенція, но каждый разъ отиѣняема подѣ предлогомъ болѣзни царя; наконецъ 29—го іюля онъ былъ призванъ въ Кремль и введенъ въ приказъ Большаго Прихода, гдѣ канцелярчій Дементій Ивановичъ Черемисиновъ и дьякъ Посыникъ—Дмитріевъ, ласково привѣтствовали его, спросили его о предметѣ посольства. 1—го августа онъ былъ вновь приведенъ въ тотъ же приказъ, гдѣ, кромѣ Черемисинова и Дмитріева, находились два родственника царскіе, бояре князь Иванъ Васильевичъ Сицкій и Иванъ Васильевичъ Году-

(*) «Домъ суздальскаго епископа». Вѣроятно, на пути изъ Смоленска въ Москву были подосланы Щелкаловымъ убійцы, чтобы умертвить Горсея. Эта попытка была сдѣлана въ Звенигородѣ: объ ней Горсей упоминаетъ въ оправданіяхъ своихъ противъ царской грамоты отъ « » іюля 1591 (7099) года.

(**) Горсей въ письмѣ на имя лорда Бѣрлея (апрѣля 1591 года) объясняетъ, что отказъ этотъ сдѣланъ согласно съ инструкціей королевы.

новъ (*). Они спросили у Горсея грамоты королевы. Кромѣ вѣрительной грамоты, Горсей имѣлъ къ царю отъ королевы другую грамоту, составившую существенную часть его порученія. Въ ней Елизавета, жалующая на разныя оскорбленія, оказанныя ей посланнику доктору Флетчеру, и на притѣсненія, терпимыя обществомъ отъ Щелкалова, требовала уплаты обществу изъ царской казны 2,700 рублей за поджогъ русскими холмогорской конторы и взысканія со Щелкалова 16,900 рублей, которыми этотъ послѣдній неправильно завладѣлъ (**).

По разсмотрѣніи этихъ грамотъ, правитель вновь прислалъ ободрить Горсея въ томъ, чтобы онъ не имѣлъ никакой боязни, и велѣлъ ему вручить обвинительную грамоту, вѣроятно, для потребованія по ней объясненій, Щелкалову, которому Горсей передалъ ее 4-го августа, въ присутствіи Черемиснинова и Дмитріева (***).

10-го августа Горсея потребовали къ царю. Щелкаловъ, какъ думный дьякъ посольскаго приказа, принялъ отъ него вѣрительную грамоту. Федоръ Ивановичъ имѣлъ встревоженный видъ и вдругъ расплакался, началъ креститься и говорить, что не знаетъ, чѣмъ обидѣлъ Горсея. Горсея поспѣшно вывели изъ пріемной палаты.

Правитель не присутствовалъ при этой аудіенціи и не переставалъ изъявлять свою милость Горсею, хотя, повидному, дѣлалъ это скрытно отъ другихъ. Горсей упоминаетъ только объ одномъ свиданіи съ нимъ во все свое трехмѣсячное пребываніе въ Москвѣ. Самое свиданіе это происходило не въ Кремлѣ, а въ подмосковномъ домѣ правителя. Горсей такъ его рассказываетъ: «По русскому обычаю, поцаловалъ меня, со слезами говорилъ, что не можетъ оказывать мнѣ прежней пріязни и милости. Я возразилъ, что весьма этимъ огорченъ, ибо совѣсть моя свидѣтельствуеетъ мнѣ, что я не подалъ повода къ его гнѣву и всегда служилъ ему вѣрно, честно и преданно. «Пусть же это будетъ на душѣ у тѣхъ, которые хотѣли поссорить меня съ тобой!» Потомъ онъ говорилъ о разныхъ предметахъ, которыхъ нельзя изложить на бумагѣ.

(*) Князь И. В. Сицкій былъ женатъ на Евфиміи Никитишнѣ Романовой, двоюродной сестрѣ царя. И. В. Годуновъ былъ внучатымъ братомъ царицы.

(**) 3,800 руб. за товары, захваченные Щелкаловымъ у Джона Чапеля; 3,400 р. за товары, ограбленные на Волгѣ у Ричарда Проктора и, по изслѣдованію, представленныя Щелкалову; 7,900 р., взысканныя съ общества за долги Антона Марша, и 1,800 р., должныхъ обществу тѣмъ же Маршемъ, котораго товарами (на сумму 15 т. р.) завладѣлъ Щелкаловъ, съ обязательствомъ уплатить всѣ его долги.

(***) Это видно изъ собственноручной подписи Горсея на спискѣ этой грамоты въ лондонскомъ архивѣ.

Прощаясь, увѣрялъ меня, «что не попуститъ единому власу спастъ съ главы моеѣ. Пустыя слова!»

Причину этой боязни Бориса явно принять защиту Горсея можно, кажется, видѣть въ упомянутомъ прежде разглашеніи его тайнаго желанія бѣжать въ Англію и, можетъ-быть, въ желаніи показать неосновательность этихъ слуховъ. Пользуясь невѣжественствомъ его и не зная, повидимому, какъ оправдаться противъ грамматъ, привезенныхъ Горсеемъ, Щелкаловъ старался доказать, что самыя грамматы поддѣльныя, утверждены не тою печатью, которую обыкновенно употребляетъ Елизавета, писаны съ умаленіемъ царскаго титула и изложены не тѣмъ дружжелюбнымъ слогомъ, которымъ пишутся грамматы королевы къ царю; наконецъ, Щелкаловъ утверждалъ, что послѣ изъясненнаго даремъ неудовольствія на Горсея, королева не въ-правѣ была прислать его въ Москву.

Всѣ возраженія Горсея не имѣли бы никакого послѣдствія, если бы Борисъ не рѣшился открыто принять его защиты. Въ присутствіи бояръ, правитель сказалъ Щелкалову: (*) «Ты видишь, что королева англійская и ея лорды пишутъ, что Горсей избранъ ими въ посланники по причинѣ его способностей и совершеннаго знанія всѣхъ этихъ дѣлъ. Ты и самъ это знаешь. Ни королева не можетъ указывать царю, ни царь королевѣ, кого выбирать въ посланники. Подумай хорошенько, что ты дѣлаешь; разсуди о послѣдствіяхъ и неприяностяхъ, которыя возникнутъ между царемъ и королевой, если обвиненія твои несправедливы. Если ты это дѣлаешь по злобѣ, то одумайся и, покуда еще можно поправить дѣло, возврати хоть часть того, что съ тебя требуютъ.» Въ то же время царю угодно было назначить нѣсколькихъ лицъ, чтобы разобратъ споръ Горсея со Щелкаловымъ (**). Щелкаловъ принужденъ былъ примириться съ нимъ: они пожали другъ другу руки, обнялись и расстались, повидимому, друзьями, съ ласковыми рѣчами. «Рѣчи Щелкалова, по словамъ Горсея, были сладкозвучиве свирѣли *меркуриевой* (?); но подъ ними скрывалось жало аспида.» Въ питье и въ кушанье Горсея безпрестанно подмѣшивалась отравка: его поваръ и дворецкій умерли отъ яда; одинъ изъ его слугъ едва остался живъ и заболѣлъ нарывами по всему тѣлу. Пріятели Горсея безпрестанно предупреждали опасаться убійцъ и лазутчиковъ, и нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, въ пьяномъ видѣ, сами сознались ему, что подосланы Щелкаловымъ (***)).

(*) Письмо Горсея къ лорду Бёрлею отъ 10 іюня 1591 г.

(**) Тоже отъ апрѣля 1591 г.

(***) Оправданіе Горсея на граммату царя отъ іюля 1591 года (7099).

Въ это время получено было царемъ извѣстiе, что въ Москву ѣдутъ отъ Сигизмунда послы. (*) Щелкаловъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы представить, что Горсей, предъ прїѣздомъ въ Москву бывшій у Сигизмунда въ Варшавѣ, можетъ сообщить посланъ разныя свѣдѣнiя ко вреду Россiи, и наконецъ достигъ своей цѣли: Горсей, со всей своей прислугой, подъ надзоромъ царскаго пристава, былъ высланъ изъ Москвы и отправленъ въ Ярославль.

Въ-теченіе своего восьмидесячнаго пребыванiя въ этомъ городѣ Горсей все болѣе-и-болѣе терялъ надежду не только на успѣхъ своего посольства, но даже на то, что когда-нибудь выѣдетъ изъ Россiи. Онъ жилъ въ безпрестанномъ опасенiи за свою жизнь и не покидалъ оружія. Несмотря на то, онъ получалъ извѣстiя о всемъ происходившемъ въ Москвѣ: это доказываетъ слѣдующій разсказъ, помѣщенный въ его запискахъ о пожарѣ московскомъ, случившемся въ маѣ 1591 года:

«Предвѣстiя Москвы были подожены, и двѣнадцать тысячъ домовъ сгорѣло. Во время пожара борисова стража грабила добычу. Подкупили четырехъ или пятерыхъ негодаевъ воиновъ, чтобы они выдержали пытку и объявили, будто-бы они наняты царевичемъ Дмитріемъ, его матерью-царицей и семействомъ Нагихъ, чтобы убить царя и Бориса Федоровича и поджечь Москву. Это было обнародовано съ цѣлью возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, его матери и ихъ семейству; но никто не повѣрилъ этой гнусной клеветѣ.»

Дня четыре сиуета (15-го мая 1591 года), «въ полночь, кто-то постучался въ мои ворота. Вооружившись пистолетами и другимъ оружіемъ, котораго у меня былъ большой запасъ, я и около 15 моихъ слугъ пошолъ къ воротамъ.»

«Добрый другъ мой Еремѣй Ульяновичъ (**), мнѣ нужно говорить съ тобой!» При мѣсячномъ свѣтѣ я узналъ Аванасiя Нагаго, брата вдовствующей царицы, матери отрока Дмитрія, который находился въ Угличѣ, въ 25 миляхъ отъ Ярославля. «Царевичъ Дмитрій скончался: около шестаго часа *дьяки* (deackes) его зарѣзали. Одинъ изъ его слугъ (pagis) признался на пыткѣ, что царевичъ зарѣзанъ по повелѣнiю Бориса. Царица отравлена и при-смерти: у нея лѣзутъ волосы, падаютъ ногти и кожа. Именемъ Христа, заклинаю тебя, помоги и дай какое-

(*) Станиславъ Радомирскій и Гаврило Война прїѣхали въ Москву 10 октября 1590 года. Радомирскій умеръ тамъ 6 декабря, а Война выѣхалъ обратно 23 января 1591 года (Карамз. X., прим. 192, 194).

(**) Въ подлинникѣ «Jegom innobled» — «пожалованный въ дворникъ Еремѣй». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ себя «Jegom son of William»; а *William* въ грамматахъ переводится *Ульянъ*.

нибудь свадобье!» — «Увы! нѣтъ нѣчего дать такого!» Я не смѣлъ отпереть ворота, вбѣжалъ въ дошъ, схватилъ данную мнѣ королевой стьянку съ бальзамомъ и передалъ ему черезъ стѣну. «Вотъ все, что у меня есть. Дай Богъ, чтобы это помогло!» Схвативъ стьянку, онъ помычался прочь.

«Епископъ крутицкій (Геласій) былъ присланъ въ Угличъ съ 500 стрѣльцами и съ многими боярами и дворянами погребсти царевича Димитрія, помнится, въ главномъ придѣлѣ церкви св. Іоанна. Отравленная больная царица была пострижена въ монахини и умерла для свѣта, заживо схороненная спасать свою душу. Всѣ ея родственники, братья, дяди, и друзья, чиновники и служители были разосланы въ разныя невѣдомыя заточенія, осужденные никогда болѣе не видѣть свѣта Божія.»

Нѣсколько времени спустя, Горсей былъ перевезенъ въ Вологду, куда 6-го іюля прибылъ царскій приставъ съ наказомъ, за подписью Щелкалова, что «царю сперва угодно было, чтобы Горсей явился къ его величеству и получилъ полные и окончательные отвѣты на свои предложенія, но что случившіяся въ послѣднее время въ его народѣ смятенія побудили его величество намѣнить это намѣреніе и что Горсей будетъ отвезенъ къ берегу моря и тамъ посаженъ на корабль. По прїѣздѣ Горсея въ пристань св. Николая, начальникъ замка объявилъ ему, что на письма и требованія королевы, имъ предъявленныя, посланы царемъ отвѣты, которые совершенно удовлетворяютъ ея величество.»

Горсей сознается, что онъ не менѣе сѣра Ереѣя Бауса радъ былъ тому, что *выбрался* изъ Россіи, и легко повѣрить чистосердечію его восклицанія: «слава буди Богу! я прибылъ въ Англію живъ и здоровъ!»

Королева приняла Горсея въ Ричмондѣ 4-го октября 1591 года, выслушала разсказъ объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергся въ Россіи, и обнадѣжила своею милостію. Вскорѣ потомъ Горсей представилъ свое оправданіе противъ грамматы царя, въ которой повторялись всѣ обвиненія, взведенныя Щелкаловымъ, и жалобы на слогъ грамматы, на сокращеніе титула и пр. Наконецъ разрѣшенъ былъ и послѣдній узелъ, связывавшій Горсея съ Россіею: общество учинило съ нимъ окончательный разсчетъ и уплатило ему 1,845 фунтовъ стерлинговъ, принявъ, вѣроятно, за себя имущество и товары, оставленные имъ въ Россіи. Кромѣ-того, старшины отъ имени общества поднесли ему красивую золоченую чашу съ крышкой.

Съ-тѣхъ-поръ Горсей не оставлялъ болѣе Англіи; вскорѣ по возвращеніи изъ Россіи, вступилъ въ бракъ съ дочерью букингэмскаго

дворянина, Елизаветой Гампденъ (*); послѣ ея смерти въ 1609 году женился во второй разъ на дочери гарфордскаго (**) дворянина Изабеллы Брокетъ; въ 1610 году былъ однимъ изъ великихъ шерифовъ Графства Бѣкингамскаго (***) и въ 1614 году членомъ парламента. Годъ его смерти неизвѣстенъ; но онъ жилъ еще въ 1626 году, при напечатаніи Пурчасомъ извлеченія изъ его путешествій.

Записки свои онъ заключаетъ слѣдующими словами: «Пріобрѣтенный мною какъ въ отечествѣ, такъ и въ иныхъ странахъ опытъ сего нечестиваго міра внушаетъ мнѣ желаніе жить въ мірѣ лучшемъ. Покуда довольствуюсь тѣмъ, что, подобно старому кораблю, совершившему много плаваній, остаюсь въ пристани, пока не разснащенъ. По-истинѣ скажу, что изъ всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ народовъ и государствъ нѣтъ ни одного, который бы въ благоденствіи могъ сравняться съ нашими трижды благословеннымъ народомъ и съ нашей Англіей—ангельскимъ царствомъ Ханаана.»

Кромѣ личныхъ своихъ воспоминаній о Россіи, Горсей прибавляетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, собранныя имъ уже въ Англій о происшествіяхъ, случившихся до воцаренія Михаила Оедоровича. Но всякій, кто прочтетъ его повѣствованіе, едва-ли не найдетъ справедливымъ высказаннаго имъ опасенія «своими скучными разсказами утомить терпѣніе» читателя. Дѣйствительно, кому могутъ показаться любопытными извѣстія Горсея, будто-бы царь Оедоръ Ивановичъ былъ заточенъ Годуновымъ въ монастырь, будто-бы царь Борисъ Оедоровичъ, узнавъ о приближеніи самозванца къ Москвѣ, съ семействомъ своимъ принялъ ядъ и всѣ они, за исключеніемъ его сына, провозглашеннаго царемъ, *Ивана Борисовича*, легли на полъ и *лопнули*; будто послѣ взятія въ плѣнъ царя *Василія Петровича Шуйскаго* Россія была освобождена отъ поляковъ—черемисами, нагайцами, мордвою, татарами, черкесами; и т. п.

Гораздо-любопытнѣе описываемыя имъ личности царя *Ивана Васильевича* и правителя *Бориса*:

«Царь Иванъ Васильевичъ былъ красивой и величественной наружности, съ красивыми чертами лица, съ высокимъ челомъ. Голосъ имѣлъ пронзительный. Былъ настоящій скизъ: быстръ умомъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія; дѣйствовалъ во всемъ своимъ разумомъ: самъ

(*) Теткой знаменитаго патриота *Ивана Гампдена* (John Hampden).

(**) Hertfordshire.

(***) Buckinghamshire.

велъ дѣла внѣшней политики, самъ завѣдывалъ внутреннимъ устройствомъ государства.»

Бориса онъ описываетъ въ двухъ своихъ сочиненіяхъ несовѣтъ-одинаково :

Въ *Сказаніяхъ*: «Борисъ—величественной наружности, красивъ лицомъ, привѣтливъ, пріятенъ въ обхожденіи, уступчивъ, но опасенъ для тѣхъ, кто даетъ ему совѣты, одаренъ хорошими способностями; склоненъ къ чернокнижію; не ученъ, но быстрога ума; отъ природы краснорѣчивъ и имѣеть звучный голосъ; лукавъ, очень-вспыльчивъ, мстителенъ; не склоненъ къ роскоши, умѣренъ въ пищѣ, но любитъ великолѣпіе, пышно принимаетъ иноземныхъ посланниковъ и посылаетъ богатые дары иностраннымъ государямъ.»

Въ *Описаніи посольствъ*: «Борисъ высокъ ростомъ, весьма-красивъ лицомъ и вообще величественъ въ приемахъ; въ обращеніи привѣтливъ; при этомъ мужественъ, уменъ, прозорливъ, важенъ, милосердъ, любитъ добродѣтель и добрыхъ людей, ненавидитъ злыхъ и строго караетъ неправосудіе. Словомъ, онъ лучший изъ всѣхъ государей, когда-либо царствовавшихъ въ Россіи.»

Личности царя Федора Горсей не описываетъ. За-то какъ навенъ очеркъ этого государя, который, при аудіенціи Горсея, молча улыбается и потомъ послѣ нѣсколькихъ словъ, прошептаныхъ ему на ухо Щелкаловымъ, встаетъ и, снявъ колпакъ, спрашиваетъ о здоровьи Елизаветы, который, при другой аудіенціи Горсея, начинаетъ плакать и креститься, говоря, что не знаетъ, чѣмъ его обидѣлъ. Какъ въ этихъ чертахъ не узнать того самого Федора, который, по словамъ Карамзина, 4-го іюля 1591 года, въ то время, какъ войска московскія подъ самыми стѣнами столицы сражались съ полчищами крымскими, «утомленный долгою молитвою, мирно отдыхалъ въ часъ полуденный — всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго терема на битву...»

Впрочемъ, портретъ Федора можно заимствовать изъ книги знакома горсеева Флетчера, который описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ:

«Нынѣшній царь, по имени Федоръ Ивановичъ, малъ ростомъ, низокъ и тученъ, желтоблѣдепъ въ лицѣ, съ признаками водяной; носъ имѣеть ястребиный; по причинѣ слабости въ членахъ, шатается на ходу; тяжелъ въ приемахъ, лѣнивъ въ движеніяхъ; болѣею частію смѣется, часто до хохота; умомъ простъ и небыстръ, но очень-добродушенъ и сговорчивъ; тихъ, милосердъ, не имѣеть ни склонности къ войнѣ, ни способностей къ управленію; за-то суетѣрю его вѣтъ предѣловъ...»

ЮРІЙ ТОЛСТОЙ.

Оскфордъ.

23 мая (4 іюня) 1859 года.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ КРИЗИСЪ 1857 ГОДА.

Статья четвертая и послѣдняя.

Общества движимаго кредита. — Застой 1858 года.

Мы видѣли, въ чемъ заключалась вина оборотныхъ банковъ: имъ не доставало разумнаго самоуправленія, свободной сдержанности, несравненно болѣе благотворной, чѣмъ заботливости самой предусмотрительной регламентаціи. Скажемъ болѣе: многимъ изъ нихъ не доставало истинно-коммерческаго характера, потому-что они были финансовыми машинами, снабжавшими государство средствами и тогда, когда народное хозяйство не представляло благопріятныхъ условій. Наставать на этомъ послѣднемъ обстоятельстве намъ казалось излишнимъ: всѣмъ извѣстно, что финансовая связь съ государствомъ внушаетъ банкамъ обманчивую самоувѣренность и въ то же время ставитъ ихъ на краю торговой несостоятельности, противу которой единственное средство заключается въ законѣ, пріостанавливающемъ исполненіе принятыхъ обязательствъ.

Мы обратили вниманіе главнымъ образомъ на результаты банковыхъ привилегій и ограниченій. Поставляя начало промышленной свободы условіемъ разумнаго устройства кредита, мы полагаемъ, что если оставаться вѣрнымъ этому принципу, то нечего заботиться о предохраненіи кредитныхъ учрежденій отъ ошибокъ: каждая необдуманная частная, или финансовая затрата тотчасъ же влечетъ за собою заслуженное наказаніе.

Теперь намъ предстоитъ обратиться къ другому великому подсудному 1858 года—къ обществамъ движимаго кредита. Еслибъ кто-нибудь лѣтъ пять назадъ осмѣлился осѣпять ихъ порицаніями, то подобнаго ратоборца назвали бы агентомъ Ротшильда, или же обвинили бы его въ узкости воззрѣній на экономическій прогрессъ XIX вѣка. Но, какъ говорить старинная латинская поговорка, времена измѣнчивы, и мы всегда измѣняемся вмѣстѣ съ ними: тѣ, которыхъ честили бы подкупными перья-

ми, сдѣлались бы теперь чуть не пророками, чувшими горе, грозившее не одному Израилю, но и всему христіанскому міру. Парижскій *Crédit Mobilier* быстро сбѣжалъ со ступенекъ своего финансоваго трона. Еще въ отчетѣ за 1855 годъ мы читали знаменитыя слова: «*Il n'y a plus de Puyenées*», сказанныя по поводу основанія въ Мадридѣ родственнаго банка, который долженъ былъ установить неразрывныя связи кредита, земледѣлія и промышленности между Испанією и Францією—единственно прочный союзъ интересовъ и *чувствъ* (!). *Crédit Mobilier* говорилъ намъ тогда о своемъ мировомъ значеніи, о примиреніи народовъ, о торжествѣ надъ вѣковыми предрасудками, о томъ, что проведеніе желѣзныхъ дорогъ въ Венгрію и Испанію и приданіе цѣнности землямъ, съ точки зрѣнія дѣйствительнаго богатства, фактъ болѣе-важный, чѣмъ открытіе и разработка розсыпей въ Калифорніи и Австраліи: *la recherche des mines de blé est préférable à celle des mines d'or*. И все это было сказано за полтора года врьдъ тѣмъ, какъ весь коммерческій свѣтъ сталъ слѣдить съ томительнымъ страхомъ за приходомъ и отходомъ каждаго корабля съ грузомъ презрѣннаго металла. Конечно, великозвѣные отчеты изъ эпохи самопрославленія и скромная дѣйствительность, которую все было завершено, облегчили нападки; но мы считаемъ себя вправѣ не измѣнять мѣтнія, уже высказаннаго нами печатно. Еслибъ банки промышленныхъ предпріятій и рушились, то все-таки мы не стали бы оспаривать величія ихъ основной идеи.

Обозначая ихъ роль, мы замѣтили (*), что они доставили компаніямъ:

- 1) руководителей и помощниковъ, при составленіи складочнаго капитала;
- 2) кассировъ, бережливо располагающихъ собранными средствами;
- 3) агентовъ, связывающихъ предпріятіе съ интересами значительнаго числа негодіантовъ и банкировъ;
- 4) вѣрителей, выдающихъ ссуды на болѣе, или менѣе-долгіе сроки;
- 5) посредниковъ, облегчающихъ для акціонеровъ превращеніе капиталовъ затраченныхъ въ свободные и наоборотъ;
- 6) страховщиковъ, предлагающихъ, вмѣсто измѣнчивой прибыли, постоянный, болѣе или менѣе-опредѣленный процентъ.

Это назначеніе всегда останется за ними, хотя должно сознаться, что *Crédits Mobiliers* ставили на первомъ планѣ не выполненіе своей существенной роли, общающей обыкновенныя прибыли, а биржевыя спекуляціи, которыя надѣлаютъ огромными дивидендами и венадежною будущностію. Однакожъ, если считать оборотныя банки пассивными

(*) Въ «Журналѣ для Акціонеровъ».

органами частнаго кредита, то едва-ли не съ большимъ правомъ можно смотрѣть съ той же самой точки зрѣнія и на банки промышленныхъ предпріятій. Были ли они виноваты въ томъ, что лихорадочная промышленная дѣятельность сдѣлала ихъ своимъ орудіемъ? Можно ли сказать съ совершенною увѣренностію, что всѣ большіе и мелкіе капиталеты, основывавшіе столько затѣй на-авось, были *только* несчастными жертвами общества движимаго кредита? Винить послѣднія за все, что случилось съ шаткими предпріятіями, и оправдывать акціонеровъ разнообразнѣйшихъ компаній, не значитъ ли принять въ оправданіе частныхъ лицъ и ихъ неудачъ типическія выраженія: «*насъ увлекли*», «*насъ соблазнили*? Отъ взрослыхъ дѣтей жизнь требуетъ, чтобы они умѣли пробавляться своимъ собственнымъ умомъ. Но обратися къ самымъ строгимъ судьямъ общества движимаго кредита—къ Михаэлису и Вирту.

Общества движимаго кредита (говорить Михаэлисъ) суть истинные прототипы промышленнаго головокруженія, овладѣвшаго Франціею и Германіею послѣ знаменитаго *coup d'état*. Нетерпѣніе людей, которые долгіе годы оставляли свои капиталы праздыми, достигло высшей степени; всѣ хотѣли теперь собрать обильную жатву и вознаградить себя за время застоя. Капиталы находились на-лицо; общественное положеніе казалось безопаснымъ; охота затѣять что-нибудь великое была сильна; не знали только, за что взяться. Въ проектахъ не было недостатка: ихъ было слишкомъ—много; кто могъ ихъ изучить и поручиться за успѣхъ? Сдѣлать правильный выборъ между предпріятіями и акціями, собственно говоря, есть обязанность капиталистовъ и составляетъ основу личной ответственности. Употребленный на такое дѣло трудъ обезпечиваетъ самое лучшее и самое производительное употребленіе капитала; за этотъ трудъ капиталистъ получаетъ высокую ренту—прибыль промышленнаго предпринимателя.

Спекуляторы предложили капиталистамъ выручить ихъ изъ затрудненія. Довѣрьте намъ, сказали они, ваши средства: мы найдемъ для нихъ выгодную затрату, мы будемъ вести ими на биржѣ спекулятивную торговлю. Мы не требуемъ за это ничего, кромѣ скромной *tantième*, и вамъ достанется на долю большой дивидендъ, который не потребуетъ ни изслѣдованія, ни обдумыванія. Говоря между нами, при большомъ капиталѣ, мы можемъ устроить дѣло такъ, что мы будемъ всегда выигрывать. Посмотрите, какъ необъятно-богаты банкиры, неприндалежащіе къ ловкимъ спекуляторамъ, какъ быстро богатѣютъ послѣдніе, даже и тогда, когда они не имѣютъ капитала. Мы соединяемъ въ себѣ могущество банкировъ и благоразуміе спекуляторовъ: поэтому отъ насъ не могутъ уйти

Т. СХХVI. — Отд. I. 11

самыя огромныя прибыли, а онѣ-то должны достаться вамъ и какъ акціо, и какъ дивидендъ.

Что могло быть заманчивѣе подобныхъ словъ? Прибыль безъ труда и даже безъ ответственности составляетъ всегда главную цѣль тѣхъ, которые не понимаютъ хозяйственной связи между трудомъ и прибылью. Редакторамъ «Журнала Желѣзныхъ Дорогъ» принадлежитъ честь изобрѣтенія этого рода предпріятій. Глубоко-посвященные въ дѣла компаній желѣзныхъ дорогъ, слѣдя непрерывно за ихъ развитіемъ, они знали слабыя и сильныя стороны отдѣльныхъ предпріятій и своею журнальною дѣятельностію имѣли большое вліяніе на биржу. Мирѣсь основалъ кассу соединенныхъ акціонеровъ; капиталисты вѣрили ему свои средства, онъ спекулировалъ ими и по истеченіи первыхъ 18 мѣсяцевъ, а именно, въ 1852 году, роздалъ 35% дивиденда. Очень-понятно! Въ то время стоило только покупать, для того, чтобы выигрывать. Послѣ декабрскаго переворота, курсы росли подъ вліяніемъ всей массы накопившихся и искавшихъ затраты сбереженій. Но 35% какое искушеніе для капиталиста, который могъ года въ три утроить свое достояніе, ограничивая весь свой трудъ вырѣзываніемъ купоновъ! Кажалось, что золотой вѣкъ наступилъ и что съ новымъ подраздѣленіемъ труда должна была навсегда исчезнуть необходимость зарабатывать хлѣбъ въ потъ своего лица.

Къ этому присоединился еще другой элементъ: Лудовикъ-Наполеонъ сулягъ новую эпоху хозяйственнаго развитія. Какъ творецъ и представитель этой эпохи, онъ далъ народу общественный покой и обрекъ его на политическое бездѣйствіе, обѣщая открыть ему вѣрные пути къ обогащенію. Но если поощреніе промышленности и торговли составляетъ трудную задачу для государства вообще, то въ-особенности для наполеоновскаго, въ которомъ среднее, самое достаточное сословіе чувствуетъ себя глубоко-оскорбленнымъ. Ротшильды были холодны и не выказывали довѣрія. Для того, чтобы привести въ дѣятельность капиталы, обратились къ ассоціаціи, которая позволяла рассчитывать на малыхъ капиталистовъ. Государство создало колоссальный монопольный банкъ, подчинило его своему вліянію и возложило на него слѣдующія обязанности: пускать въ ходъ большія предпріятія, властвовать на биржѣ, содѣйствовать возвышенію курсовъ и давать капиталамъ обращеніе, согласное съ цѣлями государства. Съ этою мыслию связали идею наполеонизма, то-есть всемірной монархіи, съ господствующею великою націею. Наполеонъ III начерталъ на своемъ знамени: «Имперія — это миръ», и новое кредитное учрежденіе должно было осуществить всемірное владычество въ области мирныхъ матеріальныхъ интересовъ. Оно хотѣло распространить свое вліяніе за предѣлы Франціи на подчиненные ему банки въ Германіи, Испаніи

и Португаліи, покрыть Австрію, Италію, Россію желѣзными дорогами, принять участіе во всѣхъ великихъ континентальныхъ европейскихъ компаніяхъ, въ качествѣ могущественнаго участника и покровителя, вздръ въ свои руки распредѣленіе международныхъ капиталовъ и наложить печать Франціи на все, что предпринимала Европа. Вѣра въ неистощимость капиталовъ, въ-особенности французскихъ, играла во всемъ этомъ большую роль.

Таковы были мысли и поводы, вызвавшіе въ 1852 году учрежденіе привилегированнаго общества движимаго кредита въ Парижѣ, акціонернаго Ротшильда, вѣреннаго человѣку гениальному—Переврѣ, бывшему ученику Сен-Симона. Цѣль Crédit Mobilier состояла въ поддержаніи и основаніи новыхъ предпріятій, при помощи кредита, въ кредитноѣ посредничествѣ, въ созданіи акціонерныхъ обществъ на вѣрѣ, въ торговлѣ фондами, при чемъ, однакожъ, продажи на срокъ и спекуляціи на пониженіе курса были исключены, но договоры съ возвратомъ, клонящіеся къ возвышенію фондовъ, были дозволены.

Общества движимаго кредита были настоящею спекуляціею въ спекуляціи, предпріятіемъ предпріятій, практическимъ осуществленіемъ мысли, что наступила пора для выполненія грандіозныхъ экономическихъ замысловъ, приближились для всѣхъ капиталистовъ, которые не умѣли мыслить, боялись ответственности и надѣялись возложить на компанію трудъ, заботу и ответственность, съ-тѣмъ, чтобъ оставить за собою лучшую долю—право на богатую прибыль. Легко понять, что движимый кредитъ долженъ былъ обойти свѣтъ въ такое время, когда все мечтало объ основаніи компаній, но затруднялось въ хорошемъ выборѣ; легко было предвидѣть, впрочемъ, что общества движимаго кредита едѣлаются однимъ изъ виновниковъ кризиса.

До появленія новыхъ банковъ выборъ самой выгодной и самой плодотворной затраты составлялъ предметъ заботъ, размышленій, изслѣдованій и дѣло благоразумія многочисленнаго класса капиталистовъ. Тысячи трудились умственно надъ одною изъ труднѣйшихъ задачъ — цѣлесообразнымъ употребленіемъ капиталовъ. Духовный трудъ цѣлыхъ тысячъ индивидуумовъ устанавливалъ мнѣніе, которое служило основой для оцѣнки проектовъ; оцѣнка давала направленіе движенію капиталовъ. Мнѣніе, составляя результатъ отчасти общественнаго инстинкта, отчасти изученія тысячи головъ, могло заблуждаться и часто заблуждалось; но, потому, что многіе обдумывали, что провинцательность многихъ изощралась ответственностію и опасностію потери, при ошибочномъ выборѣ—уменьшалась до крайняго предѣла и возможность самой погрѣшности. Теперь эту трудную работу мысли приняла на себя дирекція акціонернаго об-

щества, которая, хотя бы и соединяла въ себѣ самыя лучшія головы (чего, впрочемъ, не было), скорѣе могла впасть въ односторонность и заблужденіе, чѣмъ вся масса капиталистовъ. Дирекція не отвѣчала своимъ имуществомъ за свои опредѣленія, она хозяйничала и спекулировала чужими капиталами; ея юридическая отвѣтственность ограничивалась только грубыми промахами и обманами и не простиралась на недостатокъ предусмотрительности, ошибки и промахи; наконецъ, подобно тому, какъ это бываетъ вообще въ акціонерныхъ товариществахъ, она сдѣлалась фактически—безотвѣтственной. Десять человекъ менѣе видятъ, чѣмъ десять тысячъ, и потому неудивительно, что сами капиталисты могли лучше выполнить свои обязанности, чѣмъ дирекція, ставшая себя на ихъ мѣсто.

Далѣе, если существуетъ общество съ управленіемъ, имѣющимъ задачей основывать предпріятія, то послѣднее должно учредить компанію, во что бы то ни стало: ему указана цѣль, ему дано вдоволь и капитала, и кредита для ея достиженія. Оно не можетъ ждать, оно не можетъ отговариваться недостаткомъ потребности: акціонеры хотятъ видѣть доказательства и плоды живой дѣятельности. Итакъ, будетъ что будетъ, а затѣяно должно быть многое. Развѣ нѣтъ при этомъ опасности, что возникнутъ предпріятія некстати, или превышающія силы наличнаго капитала, что акцій будетъ слишкомъ—много, а средствъ слишкомъ—мало? При убѣжденіи въ нестоимости капитала, нельзя сказать, когда останется переполненіе рынка акціями. Такимъ—образомъ, *Crédit Mobilier* составляетъ искаженіе истиннаго назначенія банковъ — поддержанія капиталовъ оборотныхъ въ состояніи свободномъ, потому—что онъ стремится къ обращенію ихъ въ неподвижныя. Лучшее, чего онъ можетъ достигнуть — сохраненіе собственныхъ своихъ средствъ свободными — возможно при вышукѣ на рынокъ акцій, поглощающихъ другіе свободныя капиталы.

Наконецъ успѣхъ *Crédits Mobiliers* зависитъ отъ возвышенія курсовъ: банки были рассчитаны на это и сдѣлались орудіемъ возбужденія и чрезвѣрной биржевой спекуляціи, которая должна была завершиться пагубнымъ кризисомъ (*).

Столь же неблагоклонны отзывы Вирта, который высказываетъ почти тѣ же обвиненія, какъ и Михаэлисъ, хотя въ нѣсколько—иной формѣ.

Условіе процвѣтанія акціонерныхъ компаній, по словамъ Вирта, заключается въ строгомъ отграниченіи занятій; но если трудно соединить знающихъ и опытныхъ людей въ специальномъ предпріятіи, то совер-

(*) *Pickford's Monatsschrift*. 1858. 501 — 509.

шенно-невозможно наwerbenъ такихъ, которые могли бы обсуждать и нѣтъ надзоръ по многимъ, или по всѣмъ возможнымъ отраслямъ промышленности и торговли. Если бы даже найденъ былъ подобный гений, то нельзя ручаться, что его наследникъ будетъ также счастливъ въ своихъ операціяхъ. Мы видимъ, что акціи испанскаго *Crédit Mobilier*, учрежденнаго Перейроу, стоятъ постоянно выше, чѣмъ акціи такого же банка, находящагося подъ патронатомъ Ротшильда; но что же будетъ съ этими предпріятіями, когда управленіе ими перейдетъ въ другія, менѣе-искусныя руки?

Второе обвиненіе Вурта состоитъ въ слѣдующемъ: общества движимаго кредита отвлекаютъ капиталы отъ прибыльныхъ, уже сдѣланныхъ и болѣе-производительныхъ затратъ. Огромныя суммы, поглощенныя банками промышленныхъ предпріятій въ Германіи, составились, конечно, не изъ сбереженій, но извлечены изъ разнообразнѣйшихъ отраслей производства, для поддержанія учреждений въ мѣстахъ, гдѣ не было никакого промышленнаго движенія и гдѣ весь барышъ былъ рассчитанъ на возвышеніе курса (*agio*).

Такимъ образомъ нанесенъ сильный ударъ частному кредиту, и для чего? для того, чтобы возбудить биржевую игру и организовать ажіотажъ, подкапывающій нравственныя основы общества.

Мы старались передать полемикѣ противъ *Crédits Mobiliers*, немало не смягчая рѣзкаго тона хулы. Но справедливы ли эти нѣсколько-позднія порицанія?

Безспорно, что учредители новыхъ банковъ рассчитывали на биржевую игру: на это указываютъ и порядокъ вычисленія прибылей, основанный на составленіи банковаго баланса по ходячему курсу купленныхъ банками фондовъ, и высокіе, ничѣмъ другимъ необъяснимые дивиденды, наконецъ самыя статуты, опредѣляющіе кругъ дѣятельности этихъ учреждений. Не отрицая фактовъ, мы все-таки считаемъ несправедливымъ смѣшивать основную идею кредитныхъ обществъ съ употребленіемъ ея во зло, шарлатанскаго пользованія хорошимъ средствомъ — съ результатами, къ которымъ могло привести послѣднее. Мы можемъ въ подтвержденіе сказаннаго нами сослаться на то, что самыя противники не отказываютъ Перейрѣ въ гениальности, хотя и топчутъ въ грязь его твореніе...

Противъ обвиненій Михаэлиса можно возразить многое. Писатель этотъ изображаетъ сначала затруднительное положеніе капиталистовъ, которые не знали, куда употребить свои средства, и приветствовали общества движимаго кредита, какъ избавителей. Значитъ, были же свободныя капиталы, которые не находили употребленія и получили

назначеніе только благодаря новымъ банкамъ; значить, послѣдніе не стѣсняли частнаго кредита въ какой степени, какъ говоритъ Виртъ. Но, конечно, они сдѣлали болѣе-гласными тѣ неудачи, о которыхъ прежде молчали, какъ о частныхъ потеряхъ. Мы не споримъ, что возможность получить 30—40% дивиденда, не ломая головы надъ употребленіемъ своихъ сбереженій, дѣйствовала пагубно; мы не отвергаемъ вреда, наносимаго монополиею *Crédits Mobiliers*; но мы не ставимъ ихъ истинною задачею ни ажіотажа, ни устранения частной дѣятельности, ни присвоенія себѣ исключительныхъ правъ. Банки промышленныхъ предпріятій имѣютъ главною цѣлію ассоціацію труда, капитала и таланта, слѣдовательно соединеніе производительныхъ силъ, съ-тѣмъ, чтобъ установить самое дешевое и самое просвѣщенное управленіе компаніи, замѣнить колеблющійся дивидендъ постояннымъ доходомъ по облигаціямъ. Эти великія цѣли не имѣютъ ничего общаго съ ажіотажемъ. Банки (только не монопольные), которые проводятъ ихъ въ жизнь, не осуждаютъ капиталистовъ на умственную недѣятельность, но соперничаютъ съ послѣдними въ составленіи, выполненіи плановъ и въ пользованіи кредитомъ. Если частныя лица могутъ дѣлать лучше, то весь перевѣсъ останется за ними; если же нѣтъ, то они кругомъ неправы, жалуясь, что имъ нѣ надъ чѣмъ работать умомъ... Соперничество между обществами движимаго кредита сгладитъ современемъ эти недостатки, откроетъ доступъ каждой дѣльной головѣ въ совѣтахъ банкировъ-предпринимателей, и если въ промышленности останется за штатомъ толпа посредственности, то, кажется, отъ этого ни частныя лица, ни народное хозяйство не потерпятъ убытка. Тогда безответственность дирекцій, которая поддерживается монопольными правами и тайною операцій, исчезнетъ сама собою, потому-что соперничество и свобода потребуютъ болѣе гласности, болѣе воздуха и свѣта!

Разумно-устроенные банки промышленныхъ предпріятій вовсе не ведутъ къ искаженію кредитныхъ операцій, къ поглощенію капиталовъ, къ непрерывному основанію новыхъ компаній и къ выпуску акцій, во что бы то ни стало. Банки эти столько же стремятся къ консолидированію, къ затратѣ капитала свободнаго, сколько и къ тому, чтобы доставить каждому возможность превратить капиталъ затраченный во временно-свободный; ссуды, которыя они даютъ подъ залогъ акцій, облигацій и пр., напоминаютъ собою операціи ипотечарныхъ установленій, только съ коммерческимъ характеромъ. И если эти ссуды получали часто иное назначеніе, поддерживая ажіотажа, то это вина не движимаго кредита, а лицъ, завѣдывавшихъ имъ.

Столько же неосновательно обвиняетъ Михаилъ банки промышленныхъ предприятий въ томъ, что они, по самому существу своему, предназначены къ непрерывному выпуску акцій новыхъ компаній, такъ—какъ въ этомъ заключается задача завѣдывающаго ими управленія. Напротивъ, одытъ покрываетъ, что парижское учрежденіе остановилось въ—перу, и современемъ, когда организація новыхъ банковъ завершится, какъ полагалъ Перейра, выпускомъ облигацій, замѣняющихъ въ оборотѣ акцій, тогда въ значительной степени уменьшится опасность лихорадочной дѣятельности. Банкъ пріобрѣтетъ прочный источникъ доходовъ въ разности $\%$, получаемыхъ по купленнымъ имъ акціямъ и даваемымъ по выпущеннымъ въ замѣнъ акцій облигаціямъ; для него самого будетъ опасно вызывать чрезмѣрную дѣятельность, зная, что за возбужденіе къ спекуляціи онъ заплатится цѣною уцѣлкомъ цѣнности своего портфѣля, вслѣдствіе уменьшенія производительности уже основанныхъ компаній. Наконецъ, при соединеніи между свободно—учрежденными *Crédits Mobiliers*, лучшія изъ предприятий найдутъ для себя болѣе—выгоднымъ обезопасить свой портфѣль покупкой на рынкѣ самыхъ надежныхъ акцій. Въмѣсто отважнаго пусканія въ ходъ разныхъ затѣй, мы увидимъ расчетливую поддержку солидныхъ предприятий, упроченіе ихъ кредита и значенія. Вѣрный своему назначенію *Crédit Mobilier* не можетъ увлекаться шансами большихъ барышей и большихъ потерь: онъ сосредоточитъ все свое вниманіе на постоянствѣ хорошаго дивиденда.

Всего этого еще нѣтъ, скажутъ намъ: вы рисуете утопію, идеалъ, противоположный дѣйствительности. Положимъ; но развѣ первыя начатки оборотныхъ банковъ и даже ихъ настояція формы такъ безукоризненны и непогрѣшительны? Не было ли экономистовъ, которые пріивѣтствовали выпуски банковыхъ билетовъ и другихъ кредитныхъ знаковъ, какъ осуществленіе грѣзъ алхиміи? Не было ли и такихъ людей, которые говорили, что банки грозятъ превратить существующія богатства въ локутки бумаги и привести общество къ конечному разоренію? Правы ли были восторженные почитатели кредита? правы ли были предвозвѣстники роковой гибели? Истина была въ этихъ крайностяхъ, и, при нѣкоторой доли безпристрастія, приходилось отдать справедливость оборотнымъ банкамъ даже и въ ту эпоху, когда они еще болѣе грѣшили противъ здравыхъ экономическихъ началъ, чѣмъ въ наше время.

Намъ остается теперь сдѣлать выводъ изъ нашей полемики и дать отвѣтъ на главный вопросъ, который читатель можетъ предложить намъ съ полнымъ правомъ: виноваты ли общества движимаго кредита

въ бышемъ кризисѣ? И да, и нѣтъ, скажемъ мы. Если съ одной стороны имѣть въ виду не основную мысль *Crédits Mobiliers*, а слѣдующее изъ нея употребленіе на практикѣ, то безспорно, что эти новые банки виноваты въ возбужденіи ажіотажа, въ чрезмѣрной спекуляціи и, пожалуй, даже въ той легкости, съ которой Франція и Австрія заключали громадныя національныя займы (мы надѣемся, впрочемъ, что поводы къ увеличенію государственнаго долга не будутъ ниъ приписаны). Но, съ другой стороны, было бы несправедливо утверждать, что идея банковъ промышленныхъ предпріятій была пагубной, что она вовлекла множество капиталовъ въ роковой кризисъ, и проч. Указывая на жертвы, на неудачи, слѣдуетъ подумать о громадныхъ предпріятіяхъ, которыя были задуманы и приведены въ исполненіе, подъ вліяніемъ обществъ движимаго кредита; слѣдуетъ припомнить, что самыя основанія новыхъ банковъ были искажены вначалѣ, во Франціи — монополіями и ажіотажемъ учредителей, въ Германіи — аномальнымъ положеніемъ кредита, которое создано политическою жизнью.

Перейдемъ къ развязкѣ кризиса. Она обнимаетъ болѣе, чѣмъ восьмидесятилетний періодъ времени; въ нѣкоторыхъ странахъ разстройство длилось почти цѣлый годъ.

Когда первыя затрудненія, испытанныя банками, были преодолены, когда буря стихла въ Гамбургѣ и кассы стали наполняться металломъ, а учетныя проценты понизились, тогда люди неопытные думали, что бѣда кончилась и что все уже пойдетъ на ладъ; но болѣе-проницательныя умы видѣли передъ собою перспективу очень-печальную — упадокъ торговаго движенія, сокращеніе потребленія, уменьшеніе прибылей, приносимыхъ болѣею частью промышленныхъ товариществъ. Это явленіе было преобладающимъ на европейскыхъ рынкахъ.

Прослѣдимъ главные факты промышленной жизни въ Англіи, Франціи и Америкѣ, то-есть укажемъ на состояніе государственнаго и общественаго кредита, на движеніе торговли и на доходы, доставляемые желѣзными дорогами въ 1858 году.

1) Англія, обладая огромнымъ матеріальнымъ развитіемъ, должна была, повидимому, легче другихъ державъ перенести кризисъ. Въ-самомъ дѣлѣ, и финансы, и торговля ея мало потерпѣли; но ошиблись тѣ, которые полагали, что съ января 1858 года начнется снова то быстрое движеніе, свидѣтелями котораго мы были въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Государственный кредитъ въ Англіи мало пострадалъ даже во время самаго кризиса. Трехпроцентныя *consols* (облигаціи государственнаго займа) еще въ іюні 1857 г. ходили по 92³/₄ (за 100); они возвысились до 94 (въ декабрѣ 1857 г.) и до 97¹/₈ (въ началѣ мая 1858);

затѣмъ курсъ ихъ упалъ на $2\frac{1}{2}/0_0$ (въ июлѣ) и поднялся снова (до $98\frac{3}{8}$) къ 15 ноября. Конечно, въ этомъ движеніи отражались и политическія событія; но горизонтъ еще не былъ «ирраченъ», несмотря на борьбу въ Индіи, распри въ Монтенегро и пр., и какъ въ возвышеніи, такъ и въ паденіи фондовъ отражалось въ известной степени общее движеніе дѣлъ — запросъ и предложеніе денежнаго рынка.

Если мы перейдемъ къ отчетамъ англійскаго банка, то положеніе представится намъ въ довольно-печальномъ видѣ.

Въ первые мѣсяцы года значительное количество банковаго актива (резерва банковыхъ билетовъ) оставалось незанатымъ; положительнаго, постоянного улучшенія не было (*), въ чемъ въ-особенности убѣждаетъ насъ состояніе частнаго банковаго портфеля.

Затраты банка по частнымъ векселямъ, во время кризиса, достигли значительной цифры 31,3 мил. фунт. стерл. Съ-этѣхъ-поръ они постепенно падали, но, остановившись въ июлѣ на 15 мил., представляли до октября весьма-малыя колебанія, а начиная со второй половины октября и въ-теченіе дѣлаго ноября составляли менѣе 15 мил. фунт. стерл. Впрочемъ, была и другая причина ограниченія учетовъ: кромѣ недостатка торговаго движенія, учетъ банковъ акціонерныхъ и частныхъ былъ повременамъ ниже, чѣмъ учетъ центрального учрежденія.

Частные текущіе счета достигаютъ 13 января 1858 своего maximum— 19 мил. Тогда все еще стремились помѣстить свои капиталы въ безопасномъ мѣстѣ. Потомъ текущіе учеты уменьшаются до 13,5 мил. (въ мартѣ), а въ июлѣ опять достигаютъ maximum 15,7 мил. Самые меньшія суммы по текущимъ счетамъ относятся къ началу октября — 11,1 мил. фунт. стерл. Металлической фондъ банка Англій постоянно росъ отъ 11,1 мил. фунт. стерл. (30 декабря 1857) до 18,7 (24 марта 1858), потомъ понизился на $1\frac{1}{2}$ мил. и, возвратившись къ прежней мартовской цифрѣ въ половинѣ октября, достигъ наивысшей цифры въ началѣ октября — до 19,5 мил. фунт. стерл.

(*) Въ концѣ декабря онъ == 6 мил. фунт.

13 января	==	7,5	—
29 —	==	9,14	—
18 февраля	==	11,3	—
17 марта	==	12,3	—
24 —	==	13,0	—
29 апрѣля	==	11,9	—
14 іюля	==	9,9	—
22 сент.	==	12,8	—
3 ноября	==	10,0	—
17 —	==	11,7	—

Итакъ, выражая положеніе англійскаго банка немногими словами, мы напомнимъ: значительныя несвязныя средства (билеты въ касѣ), упадокъ затратъ по всеобщимъ до очень-острой цѣны (упадѣкъ начинается съ послѣдняго мѣсяца 1859 года), наконецъ уменьшеніе текущихъ счетовъ, съ начала года замѣтное, а потомъ колеблющееся между 11,5 и 15,7 мил. фун. стерл., при огромномъ металлическомъ фондѣ, что свидѣтельствуетъ о неблагопріятномъ состояніи промышленности.

Вялость кредита и оборотовъ, на которую указываютъ цифры банковыхъ отчетовъ, отразилась и во внѣшней торговлѣ.

Отпускъ Англіи въ 1858 году уменьшился противъ 1858 на 5,451,776 фунт. стерл. Конечно, при общемъ итогѣ въ 116 мил. фунт. стерл. (около 730 мил. руб.), эта цифра невелика и составляетъ всего уменьшеніе, равное $4\frac{1}{2}\%$ относительно предыдущаго года. Но не надо забывать, что Англія шла уже нѣсколько лѣтъ гигантскими шагами впередъ.

По объявленіямъ, отпускъ англійскихъ произведеній цѣнился:

въ 1850	—	65,5	мл. фунт. стерл.
— 1855	—	95,6	— — —
— 1856	—	115,8	— — —
— 1857	—	122	— — —
— 1858	—	110,6	— — —

Такимъ-образомъ, въ 1858 году наступаетъ вдругъ движеніе назадъ, въ то время, какъ производительность Великобританіи и Ирландіи достигла высшей степени напряженія. Впрочемъ, затруднительное положеніе дѣлъ объясняется не столько упадкомъ отпуска, сколько значительнымъ измѣненіемъ въ принятомъ имъ направленіи, слѣдовательно и въ задростъ на предметы внутренняго производства.

Такъ, отпускъ Англіи увеличился:

		1857.	до	1857.	
въ Индію	отъ	11,6		16,7	мл. фунт. стерл.
— Турцію	—	3,1	—	4,2	— — —
и уменьшился:					
въ Австралію	—	11,6	—	10,4	— — —
— Британ. влад.					
въ Сѣв. Америку	—	4,3	—	3,1	— — —
— Соед. Штаты	—	18,9	—	14,5	— — —
— Южн. Америку	—	10,9	—	8,6	— — —
— Голландію	—	6,3	—	5,4	— — —
— Францію	—	6,2	—	4,8	— — —

Очевидно, что между цифрами отнуса 1857 и 1858 годовъ вышла бы значительная разница, если бы перевосъ по ост-индскому сбыту не составлялъ почти 50%; а, между-тѣмъ, это развитіе торговли ни въ какомъ случаѣ нельзя считать нормальнымъ. Можно полагать съ нѣкоторымъ правомъ, что возрастаніе сбыта было слѣдствіемъ снабженія ост-индской арміи произведеніями британской промышленности. Напротивъ-того, убыль по торговлѣ съ С.-А. Штатами = 23%, съ Франціею 22%, съ Южной Америкею около 20%, и т. д.—разность очень-чувствительная, въ-особенности потому, что отпускъ только въ-теченіе двухъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1858 сталъ превышать отпускъ 1857 года.

Кризисъ отозвался въ Англии также и на желѣзныхъ дорогахъ. По словамъ Journal des actionnaires (№ 13 января 1859), въ 1858 году, съ первый разъ уменьшился доходъ отъ километра.

Вотъ сравнительныя данныя за послѣдніе два истекшіе года:

	1857.	1858.
Длина желѣзныхъ дорогъ	— 13,920	— 14,450
Доходъ отъ километра	— 42,515 франк.	40,109
Общій доходъ	— 23 м. ф. ст.	23,26 м. ф. с.

Такимъ-образомъ, уменьшеніе доходовъ на километръ составляло болѣе 2,400 франковъ!

Перейдемъ теперь къ обзору состоянія важнѣйшихъ экономическихъ фактовъ во Франціи.

Курсъ 3% ренты (облигацій государственныхъ займовъ) выражалъ собою не столько состояніе промышленности, сколько настроеніе умовъ. Начало года казалось довольно-благоприятнымъ; но покушеніе 15 января, вспышка возмущеній, мѣры крайней строгости, принатыя правительствомъ, назначеніе генерала Эспинасса министромъ, и пр., привели умныя на биржѣ, а что гораздо-хуже—парализовали промышленное движеніе вообще. Трехпроцентная рента упала на два франка — съ 70 ф. 50 с. на 68 ф. 50 с.; акціи общества движимаго кредита возманились противъ высшаго курса на 270 ф., то-есть на 780 ф.; акціи многихъ желѣзныхъ дорогъ потеряли отъ 40 до 50 фр. Въ слѣдующіе три мѣсяца застой обнаружился еще сильнѣе; отношенія къ Англии, послѣ оправданія Бернара, сдѣлались натянутыми, въ акціонерной предпринимчивости скандалъ слѣдовалъ за скандаломъ. Процессы Турвежена, Проста и др. пенализали, въ какихъ рукахъ находились многія изъ компаній. Пока все шло возвышеніемъ курсовъ, почти никто не торговалъ, не нужно было только опережать минуту, покупая и продавая кредитныя бумаги, рѣдкій не оставался въ выигрышѣ; но когда наступила необходимость ограничиться не прибылями, доставляемыми акціо-

жестъ, а дивидендами, зависящими отъ производительности предриітій, тогда обнаружилось, что многіе изъ двигателей экономическаго успѣха были не болѣе, какъ недобросовѣстные биржевые шарлатаны. Правители дѣлъ компаній — *gérants*—бѣжали отъ суда, потому-что, по ихъ словамъ, достаточно было носить это титуло для того, чтобъ подвергнуться обвинительному приговору. Акціи банковъ, и въ-особенности желѣзныхъ дорогъ, въ іюнь достигли крайняго предѣла паденія. *Crédit Mobilier* упалъ на 550 фр., слѣд. на 500 фр. противъ начала года. Желѣзныя дороги ходили 100 и 200 франками ниже противъ курсовъ начала января. Съ этой поры фонды и государственные, и публичные снова оживаютъ; 3% рента достигаетъ 73,40 с.; желѣзныя дороги догоняютъ курсы начала января. Несмотря на то, что это возвышеніе было искусственнымъ и что реакція вскорѣ послѣдовала, курсы стали опять расти, и въ глубокую осень 1858 года биржа пришла въ вожделѣнное состояніе, по-крайней-мѣрѣ въ такое, какое было только возможно, при охлажденіи къ Англіи, при чувствѣ тревоги, постоянно владѣющемъ достаточными классами во Франціи. 3% рента достигла 75 фр.; *Crédit Mobilier* 1,035 фр. — конечно, еще далеко до 1,600 и 1,800 франковъ добраго стараго времени.

Балансы банка Франціи за 1857 годъ представляютъ намъ слѣдующее: сумма билетовъ увеличилась на 150 мил. фр., то-есть на 37½ мил. руб. сер., но безъ всякой пользы для торговаго движенія.

Портфѣль съ января по іюнь уменьшился почти на 200 мил. франковъ; онъ упалъ постепенно съ 544 на 349 мил., слѣдовательно безмалаго на $\frac{2}{5}$, и затѣмъ въ-теченіе остальнаго полугодія колебался между 370 (сентября) и 421 мил. фр. (ноября).

Металлическій фондъ росъ непрерывно отъ 251 (январь) до 594 мил. фр. (сентябрь); съ-этихъ поръ онъ началъ нѣсколько понижаться и представляетъ цифры, колеблющіяся между 526 мил. фр. (ноябрь) и 554 (декабрь).

Внѣшняя торговля Франціи мало потеряла въ 1858 году; но она осталась неподвижною. Возрастаніе ея

съ 1854 на 1855 годъ = 500 мил. (по общему обороту)

— 1855 — 1856 — = 600 —

— 1856 — 1857 — = 5 —

— 1857 — 1858 годъ, судя по цифрамъ отчета о

таможенныхъ доходахъ, которыя представляютъ *déficit* въ 600,000 фр., эта убыль продолжалась по-прежнему... Но производство терпѣло, конечно, не отъ приостановленія успѣховъ внѣшней торговли, а отъ уменьшенія внутренняго потребленія вообще. Притомъ же, если разность

въ таможенныхъ доходахъ между 1857 и 1858 годами невелика, то не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что послѣдніе мѣсяцы дали значительное приращеніе противу прошедшаго года. Не будь этого, мирный, благословенный 1858 годъ былъ бы хуже для виѣшней торговли, чѣмъ бурный 1857, ознаменованный кризисомъ.

Доходы, полученные компаніями желѣзныхъ дорогъ, значительно упали въ 1858 году:

въ 1857   въ 1858 г.

Доходъ на километръ составлялъ 45,259 фр. 41,398 фр.

Слѣдовательно, для 1858 г. на 1 километръ убыль = 3,861 фр. Впрочемъ, и здѣсь въ послѣдніе три мѣсяца замѣтно улучшеніе, потому что уменьшеніе доходности за 3 первыя трехмѣсячія = 3,970 фр.

Въ Германіи мы могли бы прослѣдить то же самое состояніе промышленности, на которое мы указали въ Англіи и Франціи: на вялость фондовъ, на малую дѣятельность банковъ, между которыми едва возникшія общества движимаго кредита играли жазкую роль, наконецъ на такой же застой въ торговомъ движеніи и на уменьшеніе валоваго дохода съ желѣзныхъ дорогъ. Мы привели бы только другія цифры, но получили бы тѣ же самые результаты: медленную борьбу промышленности въ теченіе 10 мѣсяцевъ и постепенное оживленіе въ концѣ 1858 года.

Кромѣ Гамбурга, кризисъ нигдѣ не разражался съ такою силою, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ; но за-то нигдѣ частная дѣятельность не выказала такой энергіи въ борьбѣ. Мы говоримъ: частная дѣятельность, потому, что правительство Союза не можетъ указать ни на одну замѣчательную финансовую мѣру, рассчитанную на улучшеніе общаго положенія дѣлъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Европѣ нѣчего завидовать Америкѣ. Впрочемъ, надо быть также и справедливымъ: центральное управленіе Соединенныхъ Штатовъ въ такомъ дѣлѣ, какъ народное хозяйство, имѣетъ очень-слабую инициативу. Главныя явленія кризиса въ Союзѣ состояли: въ быстромъ паденіи курсовъ фондовъ и акцій, въ огромномъ учетномъ процентѣ — отъ 60 до 100 въ годъ, въ прекращеніи банками разѣна билетовъ на монету, въ многочисленныхъ банкротствахъ и въ общемъ промышленномъ застоѣ.

Послѣдствія этихъ бѣдствій въ Америкѣ отчасти сходны съ тѣми, на которыя мы указали, говоря объ Англіи и Франціи, отчасти же рѣзко отличаются отъ событій, совершившихся въ нашемъ полушаріи. И въ Америкѣ, точно такъ же, какъ и въ Европѣ, курсъ облигацій государственныхъ займовъ потерялъ нѣбольшія колебанія, чѣмъ курсъ акцій промышленныхъ компаній. Многія акціи желѣзныхъ дорогъ не могли под-

няться въ цѣнѣ въ-теченіе цѣлаго 1858 года, какъ потому, что обнаружилась вошіиціа злоупотребленія, такъ и потому, что доходы отъ желѣзныхъ дорогъ понизились, и только въ послѣдніе мѣсяцы 1858 года цифры прихода стали превышать соответствующія цифры въ 1857 году, что, конечно, еще не весьма-утѣшительно.

Но, между-тѣмъ, какъ въ Европѣ торговля только остановилась, въ Соединенныхъ Штатахъ обнаружилась сильная реакція.

	1856	1857	1858.
	млн.	доллары.	
Вывозъ товаровъ и благор. мет. составлялъ .	119, ₈	117, ₇	85, ₈
Вывозъ товаровъ безъ благородн. металловъ .	83, ₆	73, ₃	59, ₆
Привозъ	213, ₅	229, ₆	152, ₄
Оборотъ	333, ₄	347, ₃	248, ₃

Такимъ-образомъ, вывозъ товаровъ уменьшился вдругъ на 20%, а привозъ понизился на 32%! Это огромное сокращеніе въ запросъ на иностранные продукты сопровождалось значительнымъ уменьшеніемъ государственныхъ доходовъ Союза, которые черпаются главнымъ-образомъ изъ источниковъ таможенныхъ. Такъ, напр.:

	Всѣ доходы Союза.	Отъ та- моженъ.
въ 1854—1855 года =	65, ₀ млн. долл.	53, ₀ млн. долл.
— 1855— 56 — =	73, ₉ — —	64, ₀ — —

Надо было выбрать одно изъ двухъ: или заемъ, или финансовую реформу. Президентъ и его министерство предпочли первый, логичнѣйшій способъ, и долгъ Штатовъ грозитъ въ управленіе Вуканана возрасти до 77 мил. долл., то-есть увеличиться въ три раза. Финансовое разстройство пощадило Европу, потому-что у ней бюджетъ довольно-независимъ отъ статей тарифа, наиболѣе подверженныхъ колебаніямъ. Такъ, въ Англіи главныя статьи таможеннаго дохода суть: чай, табакъ, сахаръ и кофе; а запросъ на эти предметы не понижается такъ быстро, какъ на хлопчатобумажныя матеріи и статьи, потребныя для основаній и устройства предпріятій. Американскіе банки еще рѣзче выдѣляются въ исторіи послѣдняго кризиса изъ обыкновеннаго хода дѣлъ.

Прежніе кризисы производили страшныя опустошенія въ рядахъ американскихъ кредитныхъ установленій; въ-теченіе послѣдняго потрясенія и послѣ него число банковъ въ Союзѣ продолжаетъ расти:

	Числомъ. Съ капи- таломъ.
1857 году банковъ было	1416 370 млн. долл.
1858 — — —	1422 394 — —
1859 — — —	1570 398 — —

Банки, благодаря прощению несостоятельности по разсчету билетовъ на монету (*), одолѣли кризисъ безъ особаго трудностей.

Но не менѣ замѣчательна также таблица банковыхъ операцій :

	Учеты. Мет. наличн.			Билеты. Депозиты.		
	мл. долларовъ			мл. долларовъ		
къ 1857	—	684,4	— 58,3	— 214	— 230,3	
— 1858	—	583,6	— 74,4	— 155	— 185,0	
— 1859	—	610	— 99,9	— 180	— ?	

Учеты, которые упали во Франціи на $\frac{2}{3}$, понизились въ Америкѣ всего на $\frac{1}{6}$; металлическій резервъ постоянно росъ, между-тѣмъ, какъ въ обращеніи произошло вдругъ сокращеніе на $\frac{1}{4}$, чего не знала ни одна изъ европейскихъ державъ. Это сжатіе обращенія составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ здоровья и силы кредита въ Соединенныхъ Штатахъ, несмотря на всѣ недостатки, свойственные существующей тамъ регламентаціи.

Приведенные нами факты позволили намъ положительно утверждать, что сѣверо-американцы обнаружили необыкновенную частную энергію въ борьбѣ съ кризисомъ; быстрое извлеченіе билетовъ изъ обращенія и уменьшеніе привоза товаровъ на 32% составляли, конечно, самое сильное лекарство противъ увлеченій прежнихъ лѣтъ.

Въ началѣ января 1859 года можно было сказать, что промышленный кризисъ пережить, что наступаетъ новый періодъ движенія и экономической жизни... Политическія событія, которыя всѣмъ извѣстны, отдаляли это время, быть-можетъ, на болѣе-долгій срокъ, чѣмъ полагають многіе.

Впрочемъ, гадать о будущемъ пока нечего; гораздо-лучше обратить вниманіе на практическій урокъ, извлеченный изъ прошедшаго.

Въ пониманіи природы кризисовъ мы подвинулись впередъ: мы сознали, что кризисы составляютъ результатъ и частной инициативы, и общественныхъ экономическихъ учрежденій, и недостаточности нашего экономического образованія. Частныя лица съ правомъ на инициативу (кому бы она ни принадлежала) всегда могутъ ошибаться, и заблужденія ихъ пагубны, если въ дѣятельности народной массы нѣтъ осторожной разсчетливости, замѣняющей (для массы) проникательность ума, это достоинствѣ немногихъ избранныхъ натуръ.

Возможность погрѣшностей уменьшается для частнаго человѣка, если общественный экономическій порядокъ содѣйствуетъ воспитанію частной

(*) Читатели знаютъ, что мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ банковыхъ индальгенцій.

дѣтельности въ средѣ промышленной свободы. Здѣсь лицо дозреваетъ до сознанія своей отвѣтственности, до пониманія той силы, которую оно приобретаетъ въ добровольной ассоціаціи, соединяя свой трудъ и свой капиталъ съ трудомъ и капиталомъ другихъ лицъ. Эти результаты достигаются только освобожденіемъ труда отъ гнѣта привилегій, монополій и тысячи мелкихъ административныхъ формальностей, на которыя смотришь равнодушно до-тѣх-поръ, пока не сталкиваешься съ ними въ жизни, пока не приходится добывать себѣ хлѣба, покупать, продавать, строить, занимать, отстаивать нарушенное право и т. п. Эти результаты достигаются свободой капитала и собственности (то-есть кредита, перехода движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ и пр.), доселѣ стѣсненныхъ въ Европѣ монопольными учрежденіями, регламентаціею и даже сословными правами, какъ-будто-бы права государственныя должны обнимать собою частныя сдѣлки, частныя отношенія, какъ-будто-бы въ жертву имъ должны быть принесены интересы болѣе-серьёзные—успѣхи народнаго благосостоянія, а слѣдовательно и финансовыя средства государства—его политическая роль!

Конечно, однихъ учрежденій, основанныхъ на принципѣ свободы промышленности, недостаточно: необходимо еще другое условіе—большая степень экономического просвѣщенія.

Общество должно сознать потребность въ экономическомъ бюджетѣ, подобно бюджетамъ финансовому, желѣзныхъ дорогъ и т. д.; ему необходимы *сметы* и бухгалтерія производства, потребления и т. д., составляемая статистикою, даятого, чтобъ каждое лицо могло въ области своихъ частныхъ занятій взвѣсить всѣ шансы успѣха, прибыли и потерь, слѣдить за всѣми отгѣнками промышленнаго движенія. Какъ ни много Европа подвинулась впередъ на этомъ поприщѣ, но ей еще часто приходится говорить самой себѣ роковое «слишкомъ-поздно»!...

Если мы обратимся, наконецъ, къ вопросу: что сдѣлало законодательство для устраненія кризисовъ въ будущемъ, то можемъ съ полнымъ правомъ сказать: *ничего*. Скорѣе можно указать на поворотъ къ болѣе-большой регламентаціи, чѣмъ къ свободѣ. Гласность въ области статистики не получила новаго толчка со стороны европейскихъ правительствъ. Статистическіе конгрессы не оставили практическихъ слѣдовъ. Частныя лица трудятся по-прежнему съ неутомимою энергіею въ главѣ вѣренныхъ имъ статистическихъ бюро; но этого мало: надо, чтобъ матеріалы, поступающіе въ нихъ распоряженію, обнимали болѣе-обширную область, чтобъ гласность для дѣятельности компанейской сдѣлалась болѣе-обязательною.

Европа живетъ со-дня-на-день, съ перспективою не однихъ случайныхъ бурь, вызываемыхъ политическими событіями, но съ перспективою потрясеній коммерческихъ и банковыхъ. быть-можетъ, болѣе-грозныхъ, нежели тѣ, которыя остались позади насъ.

Н. ВУНГЕ.

НАРОДНОСТИ ВЪ ИСТОРИИ.

Историческіе дѣятели, каковы бы ни были ихъ личныя и политическія цѣли, опираются, сознательно, или невольно, на современныя требованія, называемыя духомъ вѣка. Лудовикъ-Наполеонъ предпринялъ итальянскую войну во имя народной независимости. Виллафранкскій миръ, правда, окончательно доказалъ, что начинатель имѣлъ иную, еще несовсѣмъ разгаданную цѣль, чѣмъ ту, которая имъ была такъ торжественно объявлена во всеуслышаніе; не менѣе того, *предло-женіе* къ войнѣ показало, какую важность придавалъ императоръ французскій идѣи національнаго возрожденія, какъ понялъ онъ, что самый могучій рычагъ нашего времени—рычагъ народной самостоятельности.

Война его противъ Австріи за Италію есть явленіе совершенно-новое, небывалое въ исторіи. Революціонныя войны конца прошедшаго столѣтія имѣли характеръ пропаганды демократической: о народностяхъ, о племенныхъ различіяхъ не было помину; на первомъ планѣ, почти исключительно, стояла идея свободы и равенства народовъ, а не ихъ независимости отъ чужеземнаго владычества; самостоятельность освобождаемыхъ такъ мало приходила въ голову освободителямъ, что они, во имя братства, присвоивали республиканской Франціи то, что отнимали у монархической Австріи. Объ автономіи народовъ, объ ихъ правѣ рѣшать по-своему, чѣмъ они хотятъ, или не хотятъ быть, едва упоминалось. При вѣрѣ въ форму, а не въ сущность, французская республика налагала свою форму на другія страны: революція искала осчастливить людей по своему идеалу, вмѣсто-того, чтобъ имъ предоставить неотъемлемое право быть счастливыми по собственному разумѣнію. Удивляться ли послѣ-того, что не только завоеватель, но и

его сокрушителя, на вѣнскомъ конгресѣ, такъ же мало озаботились о народахъ, этихъ живыхъ личностяхъ, какъ и нивелирующій конвентъ?

Въ наше время такое ложное пониманіе исторіи уже невозможно. Народное начало, исключительно живое и по-истинѣ консервативное, дотого всюду выдвигается впередъ и становится преобладающимъ историческимъ фактомъ, что самымъ близорукимъ нѣтъ возможности не видать его, самымъ невнимательнымъ — не слышать его голоса.

Наполеонъ I, который умѣлъ такъ искусно пользоваться для своихъ замысловъ самыми незначительными обстоятельствами, вовсе не подозрѣвалъ огромнаго значенія славянскаго элемента въ Австрійской Имперіи; онъ не понималъ, какую силу приобрѣла бы въ его рукахъ разноплеменность ея народонаселенія, и, вслѣдствіе того, отвергъ столь для него выгодный проектъ Тайлера относительно придунайскихъ областей.

Наполеонъ III, напротивъ-того, сразу понялъ, что можно извлечь изъ національнаго чувства, и, каковы бы, повторяю, ни были его цѣли, обратился именно къ этому чувству, чтобъ поразить соперницу.

Теперь становится очевиднымъ, что современной политикѣ нельзя уже болѣе оставлять безъ вниманія живое народное начало. Я даже того мнѣнія, что еслибъ Лудовикъ-Наполеонъ задумалъ что-либо недоброе для Европы, то народное начало, имъ самимъ такъ громко вызванное, отмститъ за измѣну и покажетъ на дѣлѣ, что прошло время не признавать національности.

Впрочемъ, мы еще не имѣемъ достаточныхъ причинъ считать дѣло итальянской независимости потеряннымъ. Вспомнимъ, что на парижскомъ конгресѣ было признано за руменами *право саморъшенія* и что впоследствии оно осуществилось. Это право не можетъ быть отнято у итальянцевъ, и оно, очевидно, перейдетъ мало-по-малу въ общенародное право.

Откуда жъ такое существенное измѣненіе въ положеніи дѣлъ и во взглядѣ на нихъ?

Со времени господства французской философіи XVIII вѣка и до конца господства философіи германской около середины нашего, Европа жила, такъ-сказать, отвлеченностями и руководилась теоретическими построеніями. Философы прошлаго столѣтія были почти исключительно одушевлены любовью къ человѣчеству, къ людямъ вообще, безъ различія народностей, которыя тѣмъ менѣе занимали ихъ, что для француза того времени, сверхъ классическихъ народовъ древности, существовалъ только одинъ народъ—французскій, да много, если англійскій.

Всеобщія исторіи, начиная съ боссюэтовой, какъ-будто и не подо-

зрѣвать въ христіанскомъ мірѣ иныхъ исторій, иныхъ народностей, кромѣ собственной. Въ довершеніе, политическая мудрость открыла панацею противъ золъ, рецептъ для всѣхъ совершенствованій. Что значать при такомъ обобщающемъ движеніи племенные различія? Извѣстно, что для современниковъ Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ философія этихъ мыслителей была ученіемъ вѣры. Духъ критики тогда еще не возникалъ. И вотъ Фридрихъ въ Пруссіи, Екатерина въ Россіи, Іосифъ въ Австріи, Леопольдъ въ Тосканѣ, Карлъ III въ Неаполѣ и Испаніи, а за ними министры—преобразователи: Струензе, Аранда, Помбаль, Кампананезъ, Тюрго, наперерывъ принимаютъ въ основу своего управленія философскія вѣрованія учителей; вся Европа составляетъ какъ-бы одну академію, которой центръ и ученіе—во Франціи, а практическое примѣненіе—повсюду. Наступаетъ 1789 годъ, и философія съ ступеней престоловъ спускается на площадь; *Contrat Social* женеваго гражданина обращается въ политическій катехизисъ идеальнаго общественнаго преобразованія; побѣдоносные солдаты республики разносятъ этотъ катехизисъ во всѣ концы Европы. Новое вѣрованіе распространяется и силой убѣжденія, и силой меча.

Конечно, при всей отвлеченности направленія, дѣятельность брала свое. Иначе и не могло быть. Многие изъ начатаго подъ вліяніемъ философскихъ идей приходилось подъ-ладъ существеннымъ и настоятельнымъ требованіямъ общества. Революціонное движеніе въ корнѣ своемъ было вызвано дѣйствительными нуждами и страданіями Франціи. Тѣмъ-неменѣе, революція носитъ на себѣ яркій отблескъ отвлеченныхъ ученій; скажу болѣе: не только она, но даже ея воплощеніе, Наполеонъ — даромъ-что онъ впоследствии не терпѣлъ идеаловъ и гналъ свободу мысли — не всегда отдѣлывался отъ вліянія философскихъ идей XVIII вѣка. Вся его политическая дѣятельность, не смотря на сильную долю реализма, отзывается абстракціей, философскимъ построеніемъ, въ которомъ, пополамъ съ расчетомъ, таятся ключи его гигантскихъ и несбыточныхъ замысловъ.

Вслѣдъ за его паденіемъ наступаетъ пора конституціонныхъ хартій. Со временъ Монтескьё, значительная по талантамъ и образованности партія во Франціи *взрвала* въ силу англійской конституціи, помимо коренныхъ различій между обоими народами. Она, съ Мирабо во главѣ, дала первый толчокъ конституціонному движенію до 1792 и вспыхнула опять наружу въ 1814 году, когда Лудовикъ XVIII, проникнутый тѣми же идеями, подъ вліяніемъ царственнаго ученика Лагарпа, даровалъ хартію французскому народу. Съ-тѣмъ-поръ всюду появи-

лись конституційныя попытки, удавшися вполнѣ, наполовину, или все неудавшіся, смотря по степени политической зрѣлости и самостоятельности народовъ, ихъ предпринимавшихъ. Завелась чуть не фабрика уставовъ; были публицисты, которые поставили наизготовъ проекты хартій всеѣхъ размѣровъ и формъ, выкроенныхъ по одному и тому же образцу, съ надлежащими видоизмѣненіями. И это происходило въ то время, какъ конгрессы, одиѣ за другиѣ, рѣшали судьбы цѣлыхъ народовъ, областей, совокупная самыя разнородныя національности, разъединяя самыя близкія.

Можно ль послѣ этого не признать, что народное начало было такъ же чуждо политической мысли, какъ оно оставалось чуждымъ и мысли философской? Мы это видимъ во Франціи; то же находимъ и въ Германіи.

Германская философія, плодъ высшей отвлеченности, до какой человѣческій умъ когда-либо достигалъ, возникнувъ одновременно съ общественнымъ переворотомъ, продолжала, между-тѣмъ, свой великій абстрактный подвигъ. Нѣкоторые, и самыя великіе, изъ германскихъ мыслителей подводили подъ свои теоріи чистаго разума существовавшій вокругъ нихъ политическій порядокъ, или, правильнѣе, отображали съ нимъ, какъ могли, свои теоріи. Видя, съ одной стороны, что современная имъ политика едва обращала вниманіе на народности, а съ другой стороны—здаваясь болѣе-и-болѣе въ отвлеченную идею *человѣчества*, они, по нѣмецкой пословицѣ: «за лѣсомъ не видѣли деревьевъ», за *человѣчествомъ* не замѣчали людей. Правда, исторія «человѣчества», этого верховнаго проявленія абсолюта, была для нихъ, точь-въ-точь, какъ и для всемірныхъ историковъ XVIII вѣка, исторіей «представителей *человѣчества*», развитіемъ идеи *человѣчества* путемъ развитія «великихъ» народовъ. Но великіе народы одни имѣли значеніе и право на бытіе; другіе же считались плотами, паріями *человѣчества*, безгласными фигурантами въ «божественной комедіи». *Человѣчество* состояло изъ индусовъ (не теперешнихъ, а древнихъ), изъ египтянъ, грековъ, римлянъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ и—нѣмцевъ. Прочіе народы забывались, wurden ignoirt. Нѣмецъ, крайнее звѣно развитія, представитель заключительнаго періода *человѣчества*, «періода духа», былъ, такимъ-образомъ, возведенъ на степень высшаго, полнѣйшаго проявленія *человѣчества*. Нечего и говорить, что тѣ изъ нѣмцевъ, которые предвозвѣстили и открыли столь великую истину, стали въ глазахъ поклонниковъ на вершинѣ *человѣчества*, ключемъ свода великаго храма. Для однихъ это были

Гёте и Гегель, для другихъ — Шеллингъ, слившійся выстроить на песчаномъ берегу Спрэ «церковь іоаннову».

Въ чемъ заключались послѣдствія такого ученія?

Теоретическія послѣдствія состояли въ томъ, что мышленіе признало только два непреложные дѣятеля въ историческомъ развитіи духа: индивидуальность въ лицѣ великихъ людей и человечество въ лицѣ великихъ народовъ; массы же считались чѣмъ-то безразличнымъ, темнымъ фономъ картины, при чемъ коллективныя личности, крупныя и мелкія, какъ-скоро онѣ не выставлялись впередъ, теряли правъ на вниманіе. Для философіи исторіи онѣ могли быть и не быть, являлись случайнымъ, преходящимъ элементомъ, которому, по логической необходимости, слѣдуетъ рано, или поздно, разрѣшиться въ общемъ и вѣчномъ элементѣ человечества. Даже передовыя народности, еще неотжившія, продолжали жить лишь въ качествѣ «кандидатовъ» на общечеловѣческое. Вопросъ заключался лишь въ томъ, который изъ великихъ современныхъ народовъ окончательно воплотить въ себѣ вѣчную идею человечества и поглотить въ ней прочія временныя индивидуальности. Ибо всемірная, всечеловѣческая образованность, обобщая народы, а съ ними и людей, стирая постепенно всѣ ихъ особенности, кромѣ развѣ физиологическихъ, если онѣ способны пережить остальные, должна неминуемо вести къ единству языка, вѣры, обычаевъ, свойствъ разноплеменныхъ народовъ земнаго шара, и, подобно тому, какъ областныя различія все болѣе-и-болѣе исчезаютъ, сливаясь въ одну господствующую народность, различія народовъ между собой должны также исчезнуть въ одномъ всечеловѣческомъ народѣ. Въ древнюю эпоху исторія представляетъ намъ приближающійся къ такому идеалу образецъ — грековъ, этотъ микрокосмъ древняго человечества, его квинт-эссенцію и заключительное звѣно.

Кому жь изъ теперешнихъ народовъ предназначено быть греками новой эры?

Во Франціи существуетъ притязаніе на званіе не только «великой націи», но и народа, призваннаго поглотить всѣ народности — въ формѣ ли всемірной монархіи, или республикански-федеративной — чему повсемѣстное распространеніе языка и неудержимо экспансивная сила должны неминуемо способствовать. Но, зашъчаютъ германскіе мыслители, французы — это китайцы новѣйшей Европы, тщеславно считающіе свою страну средоточіемъ вселенной, а себя единственнымъ, истиннымъ народомъ. Они къ-тому жь привыкли завоевывать міръ силой не одной только мысли, часто фразивной и поверхностной, но еще болѣе — оружія, стало-быть насилія. А потому не имъ первенство.

Англо-саксонское племя, правда, не мечтательно, а на дѣлѣ расширяется по всему пространству земли и пріобрѣтаетъ числительный, промышленный, торговый перевѣсъ повсюду, куда проникло. Но и не ему первенство: оно слишкомъ жертвуетъ золотому тельцу и за нимъ забываетъ нынѣ, вышшія блага.

Первенство, по праву, принадлежитъ народу, центральному въ Европѣ, этой колыбели христіанской цивилизаціи, который служилъ рассадникомъ для всѣхъ прочихъ народовъ образованнаго міра, внося повсюду свою кровь и свой духъ, который создалъ господствующія силы новаго времени: порохъ и книгопечатаніе, освободилъ мысль отъ оковъ и положилъ реформаціей, этимъ краеугольнымъ событіемъ, основу для всей новѣйшей исторіи. Народъ этотъ—всепоглощающей одухотворяющей силы, народъ—человѣчество, въ заключительномъ періодѣ духа... нужно ль называть его (*)?

Вотъ почему, въ области практической жизни, мы встрѣчаемъ такое поразительное сочетаніе самаго широкаго космополитизма съ самыми узкими національными предубѣжденіями. Образованный нѣмецъ считаетъ себя серьезно и искренно всемірнымъ гражданиномъ. Вы отъ нѣмца только и слышите, что онъ еще на школьной скамьѣ «взлюбилъ превозмогъ національную точку зрѣнія» (*den Standpunkt der Nationalität vollkommen überwunden*). Оно отчасти и такъ; ибо для нѣмца—*ubi bene, ibi patria*, и нѣтъ народа, который бы легче оставлялъ свою родину... А, между—тѣмъ, франкфуртскій сеймъ 1848 и 1849 годовъ, состоявшій изъ первоклассныхъ историковъ, философовъ, либераловъ, которые всѣ считали себя космополитами, побѣдившими въ себѣ точку зрѣнія народности—франкфуртскій высоко—просвѣщенный сеймъ никакъ не могъ понять, почему чехи, познаньскіе поляки, венгры, итальянскіе тирольцы и т. д. не хотятъ быть нѣмцами и принадлежать Германскому Союзу. Въ то же самое время онъ стоялъ горой за Шлезвиг-Гольштейнъ, пытался переманить Альзасъ и Лотарингію на сторону Германіи! Въ послѣднюю войну мы видимъ то же самое: ни малѣйшаго сочувствія къ независимости Италіи, ни тѣни догадки, что ломбард-венеціанецъ по тому же самому не хочетъ быть австрійцемъ, почему голштинецъ не хочетъ принадлежать Даніи, которая, что ни говори,

---

(*) И у насъ нѣкоторые *гегелирующие* славянофилы пытались перевести эту теорію на русскіе нравы, то—есть доказать, на основаніи гегелевой философіи, что всемірный, всечеловѣчскій народъ— это народъ русскій, котораго исторія развилась безукоризненно, стройно, логически, по вѣчнымъ законамъ духа; а потому... ему и далка въ руки.

все же обходится съ своими нѣмецкими подданными несравненно-мягче и либеральнѣе, чѣмъ Австрія съ подвластными ей итальянцами (*).

Разгадка такого вошющаго противорѣчія заключается въ томъ, что нѣмцы считаютъ себя самымъ образованнымъ народомъ въ мірѣ, что и справедливо, если образованность заключается въ грамотности, слѣдственно народомъ, призваннымъ просвѣтить, одухотворить и разрѣшить въ себѣ все человѣчество. По пословицѣ: «бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ», судьба не дала Германіи политической цѣльности и самостоятельности. Не то она могла бы для народовъ Европы быть несравненно-опаснѣе Франціи: Франція, пріобрѣтя Альзасъ и Лотарингію, умѣла ихъ къ себѣ привязать; Германія, въ присвоенныхъ ею иноплемennыхъ провинціяхъ, постыла лишь сѣмена неискоренимой непріязни. Въ подтвержденіе того и другаго, стоить привести разительный фактъ, что даже чисто-нѣмецкія области, принадлежавшія прежде Франціи и отошедшія отъ нея вслѣдствіе трактатовъ 1815 года, до-сихъ-поръ вздыхаютъ о счастливомъ времени, когда онѣ были отторгнуты отъ родной земли: вы и теперь услышите выраженія: *Muss-Preusse*, *Muss-Baier*. О прочихъ племенахъ и говорить нечего: «пока свѣтъ останется свѣтомъ, ляхъ не будетъ нѣмцу братомъ», охотно повторяютъ и прочіе славяне, и венгры, и итальянцы. Къ-сожалѣнію, правда требуетъ признать, что до-сихъ-поръ роль обобщающей просвѣтительницы, во имя духа и верховныхъ благъ, рѣшительно не удалась Германіи, вопреки философствующимъ публицистамъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на современную имъ политику, каковы, напримѣръ, Адамъ Мюллеръ въ Вѣнѣ, Сталь въ Берлинѣ и имъ подобные.

Мы видѣли, къ чему привели отвлеченности французской, а за нею и германской философіи. Онѣ лишь одной стороною отвѣчали современнымъ потребностямъ; другая сторона, чисто-реальная и жизненная, отъ нихъ постоянно ускользала.

Съ нѣкоторыхъ поръ, однако, совершается въ умахъ постепенный и рѣшительный переломъ. Нашъ вѣкъ иные, въ видѣ укора, называютъ

(* Во время послѣдней войны, мнѣ часто не на шутку приходилось доказывать добросовѣстнымъ, ученымъ и философски-образованнымъ нѣмцамъ, что въ ихъ сужденіяхъ нетолько нѣтъ логики, но есть явное, преднамѣренное искаженіе фактовъ. Наконецъ я бросилъ споры и спорщиковъ, какъ-скоро они начали утверждать, что ломбардцы—нѣмцы, а не итальянцы; что чехи вытѣснили первобытное германское населеніе, которое, слѣдственно, имѣетъ неоспоримыя права на Богемію; что Альзасъ не хочетъ принадлежать Франціи !!

положительнымъ. Это не укоръ, а похвала, основанная на справедливой оцѣнкѣ. Въ наше время люди ищутъ смотрѣть на вещи прямо и просто, наблюдая ихъ сущность, а изъ сущности, познанной путемъ анализа, извлекаютъ ихъ внутренніе законы.

Положительное стремленіе, отразившееся во всѣхъ наукахъ, отражается и въ исторіи, даже въ политикѣ. Реальный взглядъ на окружающій насъ міръ, болѣе-близкое знакомство съ нашими сосѣдями, болѣе-внимательное изученіе народной жизни и исторіи обнаружили во всемъ объемѣ фактъ, прежде вовсе незамѣченный, а именно: ô-бокъ съ усиливающимся общеніемъ народовъ между собой, стремленіе и къ обособленію, развитіе индивидуальнаго начала — не только въ отдѣльных лицахъ, но и въ народныхъ личностяхъ. Конечно, стремленіе къ самостоятельности никогда не было такъ сильно, какъ теперь, ибо струя жизни, обобщаясь, разливается всюду; но нѣтъ сомнѣнія, что такое стремленіе проявлялось всегда, то замирая, то вспыхивая; только люди, стоявшіе вѣдъ движенія, почти не подмѣчали его, подобно стародавнимъ физиологамъ, которые, хоть и знали, что бьется пульсъ въ вѣкоторыхъ частяхъ и оконечностяхъ тѣла, однако, вовсе не подозревали кровообращенія и повсемѣстности жизненнаго начала въ организмѣ.

Прежде наука, подъ вліяніемъ отвлеченнаго мышленія, проходила безъ вниманія, заодно съ равнодушной толпой, явленія народной жизни, какъ-скоро они не касались крупныхъ историческихъ личностей. Оно и естественно: плодотворное стремленіе всѣхъ отраслей знанія къ единству, столь существенно важное въ дѣлѣ науки, должно было отразиться и въ пониманіи народнаго элемента. Отсюда должный выводъ: то, что совершается въ области мысли, существуетъ и въ самой жизни, ибо жизнь, говорили намъ, есть не иное что, какъ проявленіе мысли, адекватъ ея.

По жизнь и мышленіе не одно и то же; онѣ даже противоположны другъ другу. Задача мышленія — найти въ живомъ разнообразіи природы законъ единства, собрать въ одинъ фокусъ всѣ лучи свѣта; задача жизни — упорствовать въ разнообразіи, отстаивать свои права на особность, ибо особность, индивидуальность, есть непремѣнное условіе жизни. Жизнь потому и жизнь, что она своеобразна.

Теперь же, когда наука, появивъ односторонность отвлеченнаго мышленія, обратилась къ наблюденію и къ изученію явленій, она признала необходимымъ взглянуть на племена и на народы не только какъ на нравственные, но и какъ на физиологическія личности. Тогда открылось, что онѣ подлежатъ тѣмъ же самымъ условіямъ бытія, тому же

самоу закону развитія, какъ и личности отдѣльныхъ людей, или особенности отдѣльныхъ семействъ. У тѣхъ и другихъ есть своя типическая физиономія, преобладающій темпераментъ, характеръ, наследственные качества, пороки, болѣзни. Такой взглядъ еще новъ; но происхожденіе, а равно свойства породъ и ихъ развитій, называемыхъ племенами и народами, становятся мало-по-малу предметомъ сравнительнаго историко-физиологическаго изученія. Наполовину это еще тайна природы, которой наука не раскрыла. Но на столько для нея сдѣлалось явнымъ, что коллективныя, или нравственныя личности, вмѣсто-того, чтобъ расплываться въ обществѣ, тѣмъ упорнѣе въ своей индивидуальности, чѣмъ онѣ болѣе развиты, что ихъ своеобразность и живучесть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче онѣ живутъ, или жили историческою жизнію.

Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Существенныя черты евреевъ, физиологическія и нравственныя, однѣ и тѣ же во внутренней Африкѣ, въ Польшѣ, или во Франціи. Эдвардъ узнаётъ ихъ на египетскихъ іероглифическихъ памятникахъ временъ, предшествовавшихъ Моисею. Ни давность, ни климатъ, ни мѣстные условія не измѣнили ихъ общей физиономіи.

Въ англо-саксонскомъ племени мы замѣчаемъ то же самое. Его типическія особенности извѣстны каждому. Кто, съ перваго взгляда, не узнаётъ англичанина, какъ и еврея? Въ странѣ, въ которой, казалось бы, всего болѣе осуществился идеалъ безразличной націи, связанной не племеннымъ братствомъ, а братствомъ гражданской идеи и союза — въ Соединенныхъ Штатахъ, преобладающее первенство англосаксонцевъ замѣчается во всемъ: въ гражданскомъ устройствѣ, прямо истекшемъ изъ племеннаго характера, въ крайнемъ развитіи личнаго начала и духа промышленнаго, даже въ возникшей партіи know-nothing, служащей туземнымъ зерномъ для противодѣйствія наплыву чужеземнаго элемента.

Не то же ли явленіе встрѣчаемъ мы и въ отдѣльныхъ лицахъ? Великіе люди потому и велики, что они выражаютъ собою духъ своего народа и времени, стлало-быть воплощаютъ въ себя общее. А, между-тѣмъ, эти представители общаго начала являются въ исторіи какъ личности въ высокой степени своеобразныя, съ рѣзко-опредѣленнымъ типомъ, съ яркой индивидуальностью, переживающими вѣка. Кому не памяты съ дѣтства безсмертные типы Сократа, Данте, Лютера, нашего Петра, Фридриха II, Наполеона I? Въ типическихъ физиономіяхъ такихъ людей читается и ихъ личный характеръ, и характеръ ихъ націи: въ данную эпоху.

Изъ всего сказаннаго выше, я вывожу слѣдующее положеніе:

Чѣмъ выше народъ (какъ и отдѣльный человекъ) и чѣмъ богаче онъ исторической жизни, тѣмъ рѣзче его индивидуальность,

и чѣмъ она рѣзче, опредѣлительней, тѣмъ народъ (какъ и лицо) ближе къ общечеловѣческому, то—есть къ общимъ кореннымъ свойствамъ человѣческой природы.

Остановимся на этомъ положеніи и постараемся развить его далѣе.

Мы нашли, что степень и сила жизненнаго начала тождественны силѣ и степени индивидуальности. То, что встрѣчаемъ мы между отдѣльными лицами, народами и племенами, замѣчаемъ и во всемъ органическомъ царствѣ. На самой низшей ступени организмъ особность едва примѣтна. Червь, муха живутъ, такъ—сказать, общей жизнью своей породы; даже между крупными породами насекомыхъ и пресмыкающихся отличія недѣлимыхъ можно назвать микроскопическими. Но чѣмъ выше поднимаемся мы по лѣствицѣ органическихъ существъ, тѣмъ замѣтнѣй становятся эти отличія, пока наконецъ достигаемъ высшихъ безсловесныхъ, гдѣ люди чувствуютъ необходимость давать даже прозвища для отличія одного недѣлимаго отъ другаго. Такъ у лошадей, у собакъ и т. д.

Перейдя къ народамъ, мы находимъ то же явленіе. Для стоящихъ на самой низшей ступени существуютъ у насъ лишь имена коллективныхъ: эскимось, готтентотъ, негръ... Но когда одно изъ народныхъ *стадъ*, влѣдствіе какой—либо исторической особенности, подымается на ступень высшую противъ прежней, то изъ прежняго *стада* выдвигаются *лица*: Туссень—Лювертюръ, Сулукъ, Олриджъ...

Очевидно, что какъ—скоро, съ дальнѣйшимъ развитіемъ народа, изъ его среды выдвигаются личности и обнаруживаютъ собой перевѣсъ его высшихъ жизненныхъ особенностей надъ низшими животными свойствами, народъ, вмѣстѣ съ своими передовыми людьми, движется впередъ и приближается къ общечеловѣческому началу.

Собака и лошадь ближе къ человеку, чѣмъ муха и червь; негръ съ Сен—Доминго ближе къ европейцу (какъ высшему человѣческому типу), чѣмъ африканскій кафръ, или полярный эскимось.

Уяснивъ, сколько это возможно въ бѣглой статьѣ, свое первое положеніе, я долженъ оговориться и выведу изъ оговорки новое положеніе существенной важности.

Человекъ, какъ и народъ, сказали мы, тѣмъ индивидуальнѣй, чѣмъ онъ болѣе развитъ, а слѣдственно тѣмъ ближе къ осуществленію той идеи, которою наука опредѣлила внутренніи судьбы *человѣческаго рода*

и его коренную сущность, т.-е., говоря прежнимъ философскимъ языкомъ, къ осуществленію идеи человѣчества.

Я сказалъ: человѣчскій родъ; ибо онъ одинъ конкретенъ. Его же особность и рѣзкая отличительность, несмотря на все разнообразіе породъ, заключаются въ *словь*. Прочія животныя безсловесны; человѣкъ одинъ способенъ выразить не только ощущенія звукомъ, но и мысль рѣчью. Человѣкъ одинъ имѣетъ религію, признакъ самопознанія; животныя не имѣютъ религій.

Отсюда слѣдующій выводъ: всѣ члены человѣческаго рода, каковъ бы ни былъ цвѣтъ кожи и образованіе черепа, всѣ безъ исключенія одинаково призваны на человѣческое существованіе, развитіе, совершенствованіе; по этому самому никто не имѣетъ права отрицать существенную принадлежность ихъ натуры, а того менѣе имѣать ея развитію, и, напротивъ, каждый обязанъ, въ предѣлахъ своихъ силъ, содѣйствовать возвышенію, облагороженію своей менѣшей и обдѣленной братіи.

Безъ-сомнѣнія, были и есть великіе народы, какъ и великіе люди, эти истинные аристократы человѣчества; но нашъ вѣкъ понимаетъ ихъ призваніе иначе, чѣмъ понимали прежде. Если великіе люди должны служить вожаками своему народу и вѣку на пути къ усовершенствованію, то такова же и обязанность великихъ народовъ. Современное сознаніе не признаетъ за ними привилегій и права злоупотреблять своей силой; общественная совѣсть клеймитъ ихъ за гнѣтъ и насиліе, а за помощь угнетаемымъ и освобожденіе поробощенныхъ даритъ чистѣйшею славой.

Конечно, наши симпатіи не могутъ быть одинаково обращены на всѣхъ. Мы не можемъ и не должны себя насиловать, сочиняя въ головѣ сочувствіе, котораго не раздѣляетъ сердце; да и не всякій народъ заслуживаетъ равнаго сочувствія. Конечно, мы должны прежде всего думать о нашихъ ближайшихъ обязанностяхъ и о тѣхъ изъ нашихъ братій, которыхъ положеніе всего настоятельнѣй требуетъ помощи. Все это разумѣется само-собою.

Не менѣе того, мое второе положеніе сохраняетъ всю свою силу и должно перейти въ плоть и кровь каждаго изъ насъ. Тутъ рѣчь не объ отвлеченной теоріи, о которой на просторѣ, въ тиши кабинета, дебатируютъ ученые, мало заботясь о примѣненіи: тутъ рѣчь о насущной правдѣ, о будничной истинѣ, которая на-бѣду слишкомъ-долго оставалась въ тѣни, непризанною, надъ которой даже великіе люди и народы издѣвались, какъ надъ безуміемъ.

«Можно ли ирландцев считать за народъ» говорилъ очень-умный англичанинъ—торгъ «когда вспомнимъ, что ихъ предки пахали землю, запрягая себя въ соху?»

Вотъ образецъ прежняго пониманья! Въ отвѣтъ англичанину, я привелъ бы слѣдующій случай, гдѣ его соотчикъ служилъ орудіемъ къ проявленію высшаго человѣческаго развитія изъ—за самой грубой коры.

Въ южной Швеціи лапландцы и ихъ вѣрные слутники—сѣверные олени, такая же рѣдкость, какъ бы въ Петербургѣ, или въ Москвѣ. Однажды лапландецъ забрелъ въ Готтенбургъ съ парой оленей и сталъ ихъ показывать за деньга. При немъ была маленькая дочь. Богатый англичанинъ пожилыхъ лѣтъ и неженатый, жившій въ Готтенбургѣ по торговымъ дѣламъ, вздумалъ взять маленькую лапландку на свое попеченіе, уговорилъ отца уступить ее и потомъ помѣстилъ дѣвочку въ отлично-устроенный женскій пансіонъ. Какъ—скоро она кончила воспитаніе и выросла, англичанинъ предложилъ ей на выборъ—или свою руку, или путевыя деньги и приличное приданое. Разумеетсяъ, дѣвушка предпочла первое.

Когда въ 1843 г. я былъ въ Готтенбургѣ, она уже овдовѣла и получила въ наслѣдство отъ мужа, по завѣщанію, все его значительное состояніе. Мнѣ ее показывали во время прогулки. Я бы никогда не отгадалъ, что это лапландка по рожденію. Она считалась самой любезной, самой образованной, самой изящной изъ готтенбургскихъ дамъ. Многие прибавляли, что это не только перлъ туземнаго общества, но и жемчужина, достойная высокаго уваженія, отличающаяся всеми добродѣтелями своего пола.

Эта встрѣча и этотъ разговоръ сильно вѣзались въ мою память, и я тогда же спросилъ себя: какое право имѣемъ мы, безъ достаточныхъ и рѣшающихъ данныхъ, составлять таблицы о рангахъ для народовъ? Какъ знать: многіе и многіе изъ нихъ не потому ли только не выдвигаются впередъ, не становятся историческими дѣятелями, не производятъ замѣчательныхъ личностей, что находятся въ неблагоприятной географической средѣ, не имѣютъ счастливыхъ поводовъ и достаточной энергіи характера? Многимъ извѣстно, что изъ калмыковъ образовались замѣчательные таланты въ живописи и музыкѣ. Въ Россіи памятенъ ученый бурятъ, рано похищенный смертію, но уже успѣвшій въ короткое время доказать свои рѣдкія филологическія способности. Торвальдсенъ, рѣдившійся въ Исландіи, вѣроятно, никогда бы не сдѣлался великимъ ваятелемъ, еслибы отецъ и мать не привезли малолѣтнаго сына въ Данію. Олриджъ, такъ восхищавшій образованную русскую публику, заглухъ

бы подъ знойнымъ небомъ родины, еслибъ обстоятельства дѣтства не поставили его въ среду, благопріятную для развитія великаго солнечно-слага таланта. То же и съ народами.

Не пренебрегайте же ни однимъ изъ нихъ, не дѣлите ихъ горделиво, подобно германскимъ мыслителямъ, на plebs и патриціевъ, на героевъ человечества и безымянную чернь; помните, что въ силу такого дѣленія возникли въ древнія времена рабство, а въ южныхъ штатахъ Америки даже теорія невольничества (*); что вслѣдствіе племенныхъ предубѣжденій сотни тысячъ дѣтнхъ американцевъ гибли отъ руки бѣлыхъ; что вѣдомозможные ужасы совершались и совершаются во имя племеннаго различія, и этотъ родовоі предразсудокъ доходитъ до того, что онъ отыщется и на насъ: какъ всѣмъ извѣстно, самые безжалостные управляющіе въ русскихъ имѣніяхъ — иностранцы, потому что они раздѣляютъ мѣтніе извѣстнаго ученаго изъ остзейскихъ губерній, который, по слухамъ, имѣетъ обыкновение говорить: «вышія породы животнаго царства суть: человекъ, русскій, обезьяна».

Уваженіе къ человѣческому достоинству, которое болѣе-и-болѣе становится лозунгомъ нашего времени, должно очевидно быть распространено и на коллективныя личности. А потому уваженіе къ народному достоинству! уваженіе къ чужимъ народностямъ!

Позволю себѣ сирѣпнть этотъ призывъ къ самому благородному изъ чувствъ изреченіемъ одного изъ образованнѣйшихъ европейскихъ монарховъ.

Князь Сулковскій, изъ Познаньскаго Герцогства, умирая, просилъ Фридриха-Вильгельма IV быть опекуномъ его малолѣтнаго сына. Король свято исполнилъ волю покойника, воспиталъ наследника его имени, привелъ дѣла въ порядокъ и полюбилъ своего штирца какъ роднаго. «Lieber August» — такъ король привыкъ называть молодаго Сулковскаго — нигдѣ къ нему доступъ во всякое время безъ доклада.

Въ 1850, или 51 году (повторяю со словъ одного знакомаго въ Берлинѣ, высоко-правдиваго человека, слышавшаго разсказъ отъ самого князя), на познаньскомъ провинціальному сеймѣ, королевскій комиссаръ сказалъ по какому-то поводу, что «правительство не признаетъ въ Пруссіи другой народности, кромѣ германской». Князь Августъ, выбранный, между-тѣмъ, депутатомъ, отвѣчалъ комиссару, что это несправед-

---

(*) Въ подтвержденіе приведу книгу Ашиля Мюрэ, полковника и гражданина Соединенныхъ Штатовъ, изданную имъ въ началѣ 30 годовъ. Въ этой книгѣ логически развита теорія правъ бѣлаго имени на обладаніе цвѣтнымъ населеніемъ, поставленнымъ на одну ступень съ безсловесными.

диво, что их национальность признана трактатами и самой Пруссией, что, наконецъ, ему достоверно извѣстенъ образъ мыслей его величества на этотъ счетъ. Коммиссаръ заспорилъ. Тогда князь встаетъ, беретъ шляпу и говоритъ: «Довольно. Черезъ два дня вы и весь сеймъ узнаете, кто изъ насъ правъ, вы, или я.» Затѣмъ онъ прямо отправляется по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ и ѣдетъ во дворецъ.

— А, здравствуй, Lieber August, встрѣтилъ его король. Что скажешь?

Сулковскій рассказалъ о случившемся. Король, выслушавъ, отвѣчалъ:

— Коммиссаръ правительства заблуждается. *Того, что даровано Богомъ (was Gott gegeben), никто не можетъ и не вправе отнять.* Я уполномочиваю тебя повторить эти слова передъ коммиссаромъ и передъ сеймомъ.

Просвѣщенный умъ и религіозное чувство короля привели къ убѣжденію, что народности со всѣми ихъ условіями — языкомъ, обычаями, общественнымъ и гражданскимъ бытомъ — не какая-нибудь случайность, а твореніе самого Бога, плодъ всеобщей исторіи, т.-е. всеобщей жизни.

Однимъ изъ самыхъ разительныхъ тому приѣздовъ видимъ мы въ Италіи. Отвращеніе итальянцевъ отъ tedesковъ и вообще отъ тевтонскаго племени не подлежитъ, особенно теперь, ни малѣйшему сомнѣнію. Оно даже обратилось въ ожесточеніе, въ ненависть и сдѣлалось обоюднымъ. То, что совершилось въ Перуджинѣ, выходитъ изъ сферы австрійскаго вліянія. Это уже кровавое ожесточеніе, ненависть племенъ другъ къ другу. Швейцарское правительство хорошо сдѣлало, что приняло строгія мѣры противъ найма швейцарцевъ въ чужеземныя войска; ибо вражда германскаго племени противъ итальянцевъ стала уже проникать и въ нѣмецкіе кантоны. Внутреннее равнодушіе англичанъ къ дѣлу итальянской независимости, при всемъ ихъ наружномъ сочувствіи, вслѣдствіе либеральныхъ преданій, это равнодушіе того-и-гляди, что превратится въ явную неприязнь, если европейскія державы не удастся дружно и во-время положить конецъ итальяно-австрійской распрѣ. Лишь сильный политическій интересъ можетъ склонить Англію къ участию въ конгрессѣ; не-то ея тайное сочувствіе къ Австріи можетъ превратиться въ открытое, несмотря на парламентскій либерализмъ виговъ, если хоть сколько-нибудь послѣдствія мира дадутъ перевѣсъ могучему союзнику по-ск-сторону канала, а съ нимъ и католико-романскому элементу. Дай Богъ, чтобы державы съ рѣшающимъ голосомъ отвратили грозу, которая снова собирается на югъ и можетъ охватить всю Европу; иначе, какъ-бы не пришлось, послѣ минутнаго затишья, быть свидѣтелями страшнаго взрыва, уже не политическаго, а племен-

наго! Вопросъ о національностяхъ затронуть сильно и шевелится на всемъ Западѣ. Узелъ его, какъ и всегда, въ Австріи.

При такомъ положеніи умовъ, наукѣ предстоитъ изучить предметъ первой практической важности, а именно: гдѣ должно искать источникъ племенной неприязни, на которую политика такъ мало до-сихъ-поръ обращала вниманія и тѣмъ самымъ ее такъ сильно поддерживала? Очевидно, что одни историческія и географическія условія недостаточны для объясненія грознаго современнаго явленія.

Отвѣтъ на такой вопросъ, какъ я сейчасъ замѣтилъ, должно прежде всего искать въ несомнѣнности характеровъ. Характеръ племени, народа, какъ и отдѣльнаго лица, складается несомнѣнно изъ различныхъ элементовъ; но физиологической ему основой служитъ темпераментъ. Флегматику трудно ужиться съ сангвиникомъ; лимфатическая натура не сладитъ съ жолчной.

У тевтонскихъ народовъ очевидно преобладаетъ холерико-флегматическій темпераментъ; у романскаго племени, какъ и у славянъ, по преимуществу сангвиническій. Я не физиологъ и не смѣю утверждать, что это именно такъ; моя цѣль лишь намекнуть на сущность дѣла и напомнить ученымъ то, что давнымъ-давно замѣчено массаи. А здравый смыслъ и наблюдательностію массъ пренебрегать не слѣдуетъ.

Темпераментъ, какъ я сказалъ, несомнѣнно дѣйствуетъ и на характеръ. Чопорность, крутость, педантизмъ, неуживчивость и, вслѣдствіе того, слабое развитіе общительности, то, что нѣмцы и англичане выражаютъ однимъ словомъ: *Schroftheit*, *Steepness*, которому ни русскіе, ни французы не имѣютъ равносильнаго (*) — все эти свойства, встрѣчаемыя между нами отдѣльно, но почти никогда не встрѣчаемыя въ ихъ совокупности—свойства, совершенно-противоположны нашимъ, служатъ едва-одолимою преградой между тевтонскимъ и другими европейскими племенами. Присоедините къ тому мѣшковатость, неповоротливость, словомъ, флегму, и вы убѣдитесь, что сблизить итальянца съ нѣмцемъ, нѣмца съ славяниномъ—помимо политической подчиненности—такая же невозможность, какъ соединить воду съ огнемъ. При этомъ неглизше замѣтить, что большинство европейскихъ племенъ на нашей сторонѣ; ибо венгры, народъ финскаго происхожденія, весьма сочувствуютъ славянамъ и вовсе не сочувствуютъ нѣмцамъ.

Такими-то племенными особенностями объясняю я легкость, съ какою сблизались не только офицеры русской и французской арміи во время

(*) *Жосткость, rudesse* совсѣмъ не то.

и послѣ крымской войны, при перемиріяхъ и въ плѣну, но даже солдаты, объяснявшіеся между собою знаками и совершенно понимавшіе другъ друга. Кто изъ насъ не знаетъ забавныхъ и трогательныхъ случаевъ при сношеніяхъ солдатъ двухъ армій? А, между-тѣмъ, французы никакъ не могли ужиться съ своими союзниками—англичанами (*), такъ точно, какъ мы, во время венгерской войны, едва уживались съ своими союзниками—австрійцами, дада какъ—нельзя—лучше съ противниками.

Меня, конечно, не упрекнуть въ намѣреніи поддерживать народныя вражды. Подкрѣпить фактъ доводами не значитъ создать его. Пора перестать думать, что, умалчивая о злѣ, его исцѣляешь. Мы слишкомъ долго таили правду, прикрывая ее пышными фразами политической необходимости и высшихъ соображеній. Братство людей и народо́въ, ихъ солидарность, и т. д., безъ всякаго сомнѣнія, не пустой звукъ, а глубокая внутренняя потребность, которая весьма можетъ осуществиться, хоть и не скоро. Но путь къ этой цѣли до-сихъ-поръ былъ ложенъ.

Подобно тому, какъ есть химическія ассимиляціи веществъ, сближенія и союзы людей по внутреннему влеченію (Wahlverwandschaften Гёте), и между народами должны существовать ассимиляціи и союзы, основанные на ихъ внутреннемъ характерѣ; при чемъ, разумеется, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду естественное сближеніе и отличать его отъ искусственнаго. Такъ, наприимѣръ, есть между славянскими народами почти оцмеченные, которыхъ хотятъ увѣрить, что они призваны къ самостоятельности. Таковы, между-прочимъ, лужичане. Признаюсь, я такъ мало вѣрю въ ихъ народное возрожденіе, какъ и въ возрожденіе фламандской національности, даромъ-что фламандцы обладаютъ весьма-богатою, древней и новою литературою. Вездѣ, гдѣ два разнородныя племена живутъ смѣшанно, то изъ нихъ, которое заключаетъ въ себѣ наиболее жизнѣности, неизбѣжно беретъ верхъ надъ другимъ. Такимъ-образомъ, въ Россіи славянскій элементъ переселилъ финскій; въ Помераніи, вдоль Эльбы и т. д. вѣмцы вытѣснили, или огерманили славянъ; а въ Бельгіи фламандскую народность, хотя числительно и сильнѣйшую, стираетъ понемногу франко-валонская. Какъ бы ни было, но въ ассимиляціяхъ и въ поглощеніяхъ все должно совершаться естественнымъ путемъ, силою самихъ вещей. Дайте народностямъ просторъ, возвратите имъ самимъ себѣ, слѣдуя выраженію Лудовика-Наполеона, и онѣ съумѣютъ сойтись въ родственныя группы, развить и организовать себя согласно съ своей

(*) Мнѣ памятна фраза одного француза «les anglais sont nos alliés, les russes sont nos amis»

внутренней жизнию. Если жъ не сдумѣли, тогда ихъ однѣхъ винами другіе народы не берутъ грѣха на свою душу.

Впрочемъ, вспомнимъ здѣсь : сколько было и клеветъ на нынѣшныя народы, особенно со стороны Австріи! Давно ли ея органы увѣряли Европу, что молдоваляки вовсе не способны управляться сами-собою? Не утверждали ль они того же и о сербахъ, объ итальянцахъ и т. д.?

За-тѣ и позволено утверждать, что пока будетъ существовать въ теперешнемъ составѣ «христіанская Турція», съ своимъ непремѣннымъ спутникомъ—мусульманскою Австріей, до-тѣхъ-поръ вопросъ о національностяхъ не порѣшится окончательно въ Европѣ. Его корень—въ восточномъ вопросѣ, самомъ капитальномъ изъ всѣхъ современныхъ. Только рѣшеніе этого послѣдняго вопроса не въ Россіи, а на Дунаѣ. Тамъ предстоитъ Европѣ обновить себя въ разложеніи племенъ. Тамъ найдетъ она humus для будущей нивы.

Итальянская война служила преддверіемъ къ рѣшенію узла, и такъ, сколько кажется, понялъ ее самъ Лудовикъ-Наполеонъ. Подождемъ ближайшихъ результатовъ. Будемъ надѣяться, что окончательный миръ и его непремѣнное дополненіе—политическое устройство Италіи, пойдутъ вмѣстѣ пальятивныхъ мѣръ и создадутъ новый порядокъ, основанный на уваженіи къ принципу національности, потому—что только на этомъ пути можно надѣяться отстранить надолго мятежи, перевороты и войны, плодъ и исчадіе прежней обычной политики, которая, называя себя консервативною, не догадывалась, что корень истиннаго консерватизма—въ признаніи и оцѣнкѣ народнаго начала, какъ исключительно реального, естественнаго и потому ручающагося за порядокъ.

Покажемъ же воспользуемся назидательнымъ поученіемъ опыта. Теперь мы достоверно знаемъ, что Австрія никакихъ не приобрѣла выгоды отъ владычества въ Ломбардіи : на-дняхъ министръ Гладстонъ подтвердилъ это передъ парламентомъ, и нѣмецкіе, даже австрійскіе публицисты скрѣпили приговоръ несомнѣнными данными. То же, вѣроятно, можно сказать и о Венеціанской и о другихъ областяхъ.

Достойно замѣчанія, что, параллельно съ гнѣбомъ въ Италіи, Австрія отставала, вмѣстѣ съ Прѣссіей, правѣ голштинцевъ противъ Даніи. Такой политики не оправдываетъ даже исконное ея соперничество противъ сѣверной германской державы. Тутъ все вверхъ—дномъ: и здравый смыслъ, и формальная логика, и чувство справедливости.

А Данія? трактаты, внушенные и подписанные Австріей, навязали ей Шлезвигъ и Голштинію, съ которыми она не знаетъ, какъ справиться. Да еще вотъ что вышло : извѣстна давнишняя симпатія датскаго правительства и народа къ Франціи. Невзирая на сочувствіе и на

то, что Даниі, по ея географическому положенію, мало дѣла до австрійскихъ областей въ Италіи и до защиты Рейна, она должна была поставить свой контингентъ, какъ членъ Германскаго Союза по Голштиніи. Теперь оказывается, что финансы ея нѣмецкихъ провинцій не въ такомъ положеніи, чтобъ покрыть издержки по вооруженію, и вотъ приходится Даниі платитъ за участіе въ вооруженіи противъ дружелюбной ей державы и союзницы! Чтѣ за хаосъ!

Въ Европѣ, образованнѣйшей части міра, во второй половинѣ XIX столѣтія, совершаются дѣла, которыя—будемъ надѣяться—наши потомки въ третьемъ колѣнѣ примутъ за изобрѣтеніе пропіи и юмора.

И. ЛИВЕНСКІЙ (*).

Берега Рейна.
4/10 августа, 1859.

(*) Внимательные читатели, конечно, замѣтили пробѣлъ въ концѣ моей статьи: *Голосъ русскаго въ европейской распрѣ*, помѣщенной въ 6 номерѣ «Отч. Записокъ». Не обладая даромъ всемѣстности (ubiquité), я не могъ съ береговъ Рейна пополнить случившійся пропускъ, согласно съ требованіями логической рѣчи. Прося извиненія и за редакцію, и за себя въ невольномъ прегрѣшеніи, я считаю нелишнимъ замѣтить, что въ заключительной фразѣ упомянутой статьи слѣдуетъ читать *симпатическіе* зрители, вмѣсто *систематическіе*. Авт.

ЕКАТЕРИНА РОМАНОВНА ДАШКОВА.

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Статья первая.

Екатерину Романовну Дашкову смѣло можно отнести къ замѣчательнымъ явленіямъ исторіи XVIII столѣтія. Русская женщина, такъ еще недавно ограниченная тѣснымъ семейнымъ кругомъ, выступаетъ въ ея лицѣ на поприще разнообразной общественной дѣятельности. Политика, администрація, литература находятъ въ ней одного изъ самыхъ видныхъ своихъ представителей.

Мы не думаемъ, впрочемъ, искать въ книгивъ Дашковой идеала, въ которому могла бы стремиться современная намъ русская женщина; не называемъ ея также первымъ въ нашей исторіи лицомъ, которое доказало права своего пола на участіе не въ одномъ только узкомъ семейномъ быту, но и въ дѣятельности чисто-общественной. Подобные характеры и у насъ, и въ другихъ мѣстахъ выступали наружу всегда, лишь-только обстоятельства позволяли имъ высказываться. Послѣ петровскихъ реформъ, въ періодъ женскихъ царствованій, въ вѣкъ Екатерины II такое явленіе, какъ княгиня Дашкова, неудивительно. Тѣмъ-неменѣе, оно во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго вниманія русской публики.

Цѣль предлагаемаго труда довольно-простая. Мы желаемъ, помѣръ силъ, способствовать знакомству публики съ замѣчательными личностями изъ русской исторіи XVIII столѣтія (серьезная разработка котораго едва только начинается въ нашей литературѣ) и въ настоящемъ случаѣ измѣрены въ возможно-полномъ бюграфическомъ очеркѣ прослѣдить судьбы знаменитой женщины, какъ одного изъ представителей эпохи и какъ существа въ то же

время весьма-оригинального, рѣзко отдѣляющагося отъ толпы особенностями своего характера. Не беремъ на себя при этомъ слишкомъ-обширной задачи: представить сводъ всего, что было когда-либо сказано въ литературѣ о княгинѣ Дашковой, или со всѣхъ сторонъ разсмотрѣть ея дѣятельность, ея частныя и общественныя отношенія. Содержаніе каждой исторической монографіи обуславливается болѣе всего суммою и характеромъ источниковъ, находящихся въ распоряженіи автора, и его собственной задачей. Мы же имѣли въ виду главнымъ-образомъ воспользоваться тѣмъ богатствомъ матеріаловъ, которое заключается въ собственныхъ воспоминаніяхъ княгини, по-возможности дополняя ихъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ, которые будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ. Русская публика могла уже отчасти познакомиться съ ними по отрывкамъ, помѣщеннымъ въ «Москвитяинѣ» 1842 и въ «Современникѣ» 1845 годовъ.

I.

ЮНЫЕ ГОДЫ.

Происхожденіе.—Воспитаніе.—Характеръ.—Бракъ съ княземъ Дашковымъ.—Партія при дворѣ Елизаветы.—Знакомство и дружба съ Екатериною.—Начало царствованія Петра III и удаленіе князя Дашкова.

Екатерина Романовна по своему происхожденію принадлежала къ роду Воронцовыхъ, который занимаетъ непоследнее мѣсто въ ряду нашихъ древнѣйшихъ фамилій. Около половины XVIII столѣтія представителями этой фамиліи были три брата: Романъ, Михаилъ и Иванъ. Наиболѣе извѣстенъ между ними средній, Михаилъ Иларіоновичъ, который, будучи камер-юнкеромъ Елизаветы Петровны, принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи ея на престолъ; онъ женился потомъ на двоюродной сестрѣ императрицы (Аннѣ Карловнѣ Скавронской) и въ качествѣ вице-канцлера занялъ видное мѣсто въ числѣ государственныхъ людей того времени. Впрочемъ, по мягкости характера и недостатку дипломатической опытности, вліяніе его на дѣла было незначительно, пока великимъ канцлеромъ оставался Бестужевъ-Рюминъ, который не благоволялъ къ своему товарищу и одинъ заправлялъ политикою петербургскаго кабинета. Въ 1758 году, когда Бестужевъ былъ

удаленъ, графъ Воронцовъ заступилъ его мѣсто. Графскій титулъ получилъ онъ отъ императора германскаго Карла VII. (1744 г.) и, не имѣя потомковъ мужскаго пола, исходатайствовалъ такой же титулъ для своихъ братьевъ отъ императора Франца I (1760 г.). Старшій братъ, сенаторъ Романъ Иларіоновичъ, самъ-по-себѣ ничѣмъ особенно-незамѣчательный, былъ отцомъ нашей героини.

Екатерина Романовна родилась 17 марта 1743 года (*), въ Петербургѣ. Императрица Елизавета Петровна и наслѣдникъ престола, Петръ Ѳеодоровичъ, были ея воспріемниками отъ купели. Спустя два года, малютка лишилась матери (**), и была отвезена въ деревню къ бабушкѣ; но вице-канцлеръ пожелалъ взять маленькую племянницу къ себѣ на воспитаніе. Романъ Иларіоновичъ въ то время былъ еще довольно-молодъ; онъ любилъ удовольствія, велъ разсѣянную жизнь и мало заботился о своихъ дѣтяхъ: поэтому предложеніе брата съ его стороны было принято очень охотно, и четырехлѣтняя дѣвочка изъ деревни, отъ нѣжныхъ попеченій бабушки, перешла въ домъ дяди, одинъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Петербурга. Здѣсь она росла и воспитывалась вмѣстѣ съ Анной Михайловной, дочерью вице-канцлера. Подруги жили въ одной комнатѣ, одѣвались въ одинаковыя платья, брали уроки у однихъ и тѣхъ же учителей. Общее воспитаніе однако, не сблизило двоюродныхъ сестеръ: въ ихъ умѣ и харак-

---

(*) Хотя сама она относитъ свое рожденіе къ 1744 году; но мы слѣдуемъ другому, болѣе-точному указанію. См. «Родосл. Кн.», изд. кн. Долгоруковымъ.

(**) О ней мы знаемъ очень-мало. Извѣстно только, что Марѳа Ивановна Воронцова, урожденная Сурмина, была женщина кроткая, добрая, находилась въ большой дружбѣ съ Елизаветою Петровной до вступленія ея на престолъ и перѣдко ссужала деньгами расточительную, но небогатую принцессу. Извѣстно также, что между придворными дамами императрицы Анны она славилась своею красотою и умѣньемъ хорошо танцовать. Мистрисъ Брадфордъ, издательница записокъ, рассказываетъ по этому поводу слѣдующій анекдотъ, слышанный ею отъ самой княгини Дашковой. Анна Іоанновна желала однажды посмотрѣть русскую пляску и приказала четыремъ изъ первыхъ придворныхъ красавицъ исполнить ее въ своемъ присутствіи. Мать Екатерины Романовны была въ числѣ четырехъ. Напрасно дамы старались показать себя достойными выбора: онѣ такъ конфузились и такъ трепетали отъ строгихъ взглядовъ государыни, что потеряли всякое присутствіе духа, перепутали фигуры и остановились въ верѣшинности.

терахъ оказалось большое несходство, такъ-что впоследствии онѣ сдѣлались довольно-чужды другъ другу.

Изъ собственнаго своего семейства Екатерина подружилась только съ старшимъ братомъ, Александромъ. Онъ одинъ оставался при отцѣ и часто имѣлъ случай видѣться съ маленькою сестрою. Младшій ея братъ, Семень, жилъ въ деревнѣ у дѣда, и потому очень-рѣдко съ нею встрѣчался. Еще рѣже видала она старшихъ сестеръ своихъ, Марью и Елизавету, которыя были отличены милостію императрицы и уже въ дѣтскомъ возрастѣ взяты ко двору въ качествѣ фрейлинь. Екатерина также постоянно пользовалась благосклоннымъ вниманіемъ Елизаветы Петровны. Императрица рѣдкую недѣлю не заѣзжала къ вице-канцлеру и не оставалась у него обѣдать, или ужинать. Тутъ она ласкала свою маленькую крестницу, садясь за столъ, обыкновенно брала ее къ себѣ на колѣни и кормила, а когда дѣвочка стала подростать, то сажала рядомъ съ собою.

Самая важная задача, которая представляется намъ теперь: опредѣлить, въ чемъ состояло воспитаніе нашей героини, какія условія окружали ея дѣтство и какой характеръ обнаружила она въ молодые годы? На подобные вопросы Екатерина Романовна даетъ положительные отвѣты въ своихъ запискахъ. Приводимъ ихъ тѣмъ съ ббльшею полнотою, что другихъ источниковъ для исторіи ея дѣтства мы не имѣемъ.

«Мой дядя (говоритъ она) ничего не жалѣлъ для того, чтобъ доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей и дать превосходное, *по понятіямъ того времени, воспитаніе*. Мы учились четыремъ языкамъ: пофранцузски говорили бѣгло; одинъ статскій совѣтникъ давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а г. Бектеевъ занимался съ нами порусски, впрочемъ, тогда только, когда мы удостоивали его своимъ вниманіемъ (кромѣ-того, учились понѣмецки). Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи и нѣсколько умѣли рисовать. При такомъ модномъ, вѣшнемъ образованіи, кто бы могъ тогда усомниться въ совершенствѣ нашего воспитанія? Но что было сдѣлано для того, чтобъ облагородить сердце и развить нашъ умъ? Рѣшительно ничего. Дядѣ было некогда, а тѣтка не имѣла для этого ни охоты, ни умѣнья.

«Въ моей натурѣ была значительная доля гордости, соединенная съ необыкновенною нѣжностью сердца, и я питала самое сильное желаніе, чтобъ всѣ окружавшіе любили меня съ такою же горячностью, съ какою и я ихъ любила. Это стремленіе до такой

-степени преоблдало во мнѣ около тринадцатилѣтняго возраста, что я, тщетно стараясь пріобрѣсти расположеніе тѣхъ, къ которымъ влекло меня юное, восторженное сердце, вообразила наконецъ, будто-бы не могу нигдѣ найти сочувствія, а потому стала смотрѣть на себя, какъ на существо одинокое, покинутое всѣми.

«Въ такомъ странномъ настроеніи духа застигла меня болѣзнь, въ дѣйствительности, впрочемъ, оказавшая большую услугу моему умственному развитію. Это была корь. Около того времени вышелъ указъ, запрещающій всякое сообщеніе между дворомъ и тѣми семействами, въ которыхъ появлялись прилипчивыя болѣзни (для предохраненія отъ заразы великаго князя Павла Петровича). Поэтому, при первыхъ признакахъ кори, меня отвезли въ деревню за 17 верстъ отъ Петербурга.

«Во время своего довольно-продолжительнаго заточенія я оставалась подъ надзоромъ одной нѣмки и жены русскаго майора. Эти двѣ особы не отличались такими свойствами, которыя могли бы привязать меня къ нимъ. Притомъ же, болѣзнь, ослабивъ мое зрѣніе, препятствовала заниматься книгами; почему нѣсколько недѣль я была лишена и послѣдняго своего утѣшенія. Мѣсто прежней веселости и природной живости заступило глубокое уныніе; совершенное одиночество навѣвало на меня черныя мысли. Я сдѣлалась суровою, разсѣянною и молчаливою.

«Лишь-только я получила возможность читать, какъ съ величайшимъ рвеніемъ принялась за книги; любимые писатели мои были: Баль, Монтескьѣ, Буало и Вольтеръ. Съ-тѣхъ-поръ я стала понимать, что время, проведенное въ уединеніи, не всегда бываетъ несносно; съ-тѣхъ-поръ, вмѣсто прежняго стремленія отыскивать сочувствіе у другихъ людей, я начала сосредоточиваться въ самой-себѣ и старалась развивать въ-особенности тѣ силы своего духа, которыя помогаютъ намъ стать выше обстоятельствъ. Братъ мой Александръ, еще прежде моего возвращенія въ Петербургъ, уѣхалъ въ Парижъ: такимъ-образомъ, я лишилась его дорогаго общества, и грустила тѣмъ болѣе, что равнодушіе лицъ, окружавшихъ меня, составляло печальную противоположность съ нѣжнымъ вниманіемъ брата. Впрочемъ, я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ, развлекая себя музыкою, и чувствовала нѣкоторую неловкость только тогда, когда покидала свою комнату. Но продолжительное чтеніе, поглощавшее иногда цѣлыя ночи, и ненормальное состояніе духа, происходившее отъ такого напряженія, произвели у меня нервную слабость

и болѣзненные припадки, что возбуждало безпокойство моего почтеннаго дяди и вызвало даже участіе со стороны императрицы. Она поручила меня своему лейб-медику Бургаву. Послѣдній, вникнувъ въ болѣзнь, объявилъ, что организмъ мой еще не поврежденъ, и что симптомы, возбуждившіе опасеніе моихъ друзей, произошли болѣе отъ разстройства душевнаго, чѣмъ отъ физическихъ причинъ. Вслѣдствіе такого отъзыва, на меня со всѣхъ сторонъ посыпались вопросы; ничто, однако, не заставило меня высказать истину, которую въ дѣйствительности я сама едва могла себѣ объяснить, и, еслибъ она сдѣлалась извѣстною, то скорѣе могла навлечь на меня упреки родственниковъ, нежели приобрести ихъ сочувствіе. Раскрывая состояніе своего духа, пришлось бы указать и на ту гордость, на ту щекотливость, которыя заставили меня искать счастья въ самой-себѣ, потому-что романтическія грѣзы моего воображенія не могли осуществиться. Я рѣшилась, поэтому, скрывать господствующія во мнѣ стремленія, и, между-тѣмъ, какъ приписывала свою блѣдность слабости нервовъ и головнымъ болямъ, духъ мой, при постоянныхъ упражненіяхъ, приобрѣталъ все болѣе силы и крѣпости.

«Съ дѣтскихъ лѣтъ политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я надоѣдала своимъ любопытствомъ всѣмъ иностранцамъ, художникамъ, ученымъ и посланникамъ, посѣщавшимъ домъ моего дяди. Я спрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, о формѣ правленія и законахъ. Сравненія, къ которымъ приводили меня ихъ отвѣты, внушили мнѣ пламенное желаніе путешествовать; но въ то время у меня еще не было настолько мужества, чтобъ предпринять такой трудъ. Между-тѣмъ, мрачныя предчувствія заботъ и разочарованій — обыкновенные спутники нѣжныхъ темпераментовъ — рисовали передо мной мое будущее, и я содрогалась при созерцаніи тѣхъ бѣдствій, съ которыми была бы не въ-силѣхъ бороться.

«Г. Шуваловъ, любимецъ Елизаветы, *очень желавшій прослыть меценатомъ своего времени*, узналъ отъ нѣкоторыхъ ученыхъ поствителей моего дяди (*которымъ онъ покровительствовалъ ради собственной славы*), что я страстно люблю чтеніе: онъ тотчасъ предложилъ снабжать меня всѣми литературными новостями, которыя постоянно получалъ изъ Франціи. Для меня эта любезность послужила источникомъ большаго удовольствія, въ-особенности на слѣдующій годъ, когда я жила въ Москвѣ послѣ своей свадьбы: въ московскихъ книжныхъ лавкахъ нашлось немного книгъ, еще

непрочитанных мною, или ненаходившихся въ моей собственной библіотекѣ, которая заключала въ себѣ около 900 томовъ. На покупку книгъ уходили почти всѣ мои карманныя деньги. Въ тотъ годъ я приобрѣла энциклопедію и словарь Морери; никогда самыя изящныя и дорогіе предметы роскоши не доставляли мнѣ и половины того удовольствія, которое я чувствовала отъ этого приобретенія. Привязанность къ брату Александру подала мнѣ поводъ завести съ нимъ дѣятельную переписку, продолжавшуюся во все время пребыванія его за границей. Два раза въ мѣсяцъ я посылала ему извѣстіе о всѣхъ новостяхъ, которыя до меня доходили относительно двора, города и войска, и, хорошъ, или дуренъ былъ мой слогъ впоследствии, безъ-сомнѣнія, характеръ его образовался при помощи дневника, который я вела для любимаго брата.»

Вотъ почти все, что говоритъ Екатерина Романовна о своемъ воспитаніи. Читая этотъ отрывокъ, никакъ не должно забывать, что онъ принадлежитъ къ воспоминаніямъ шестидесятилѣтней женщины; слѣдовательно, многія важныя обстоятельства утратили свой настоящій свѣтъ, а другія, по разнымъ причинамъ, пройдены молчаніемъ; нельзя также принять на вѣру и ту степень развитія въ пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ, которая здѣсь изображается. Тѣмъ-неменѣе, общій характеръ воспитанія, безспорно, очерченъ у нея близко къ дѣйствительности.

Итакъ, блестящее по тому времени, но очень-поверхностное и чисто-свѣтское образованіе, которое Екатерина Романовна получила въ домѣ своего дяди, очевидно не удовлетворяетъ ея не по лѣтамъ серьезнаго ума и пылкаго сердца: ее рано начинаетъ томить жажда знанія и жажда симпатіи. Последняя дѣйствуетъ особенно-сильно, потому-что утолить ее бываетъ иногда гораздо-труднѣе: знанія еще можно добыть изъ книгъ, а сочувствія надобно отыскивать у живыхъ людей. Но равнодушіе окружающихъ и непониманье сердечныхъ движеній дѣвочки даютъ сильный толчокъ ея самолюбію. Чувство оскорбленной гордости и сознаніе своего умственнаго превосходства надъ ними заставляютъ ее сосредоточиться въ самой-себѣ; одиночество во время болѣзни много способствуетъ этому сосредоточенію, усиливая дѣятельность и безъ-того живаго воображенія. А, между-тѣмъ, чтеніе, къ которому она пристрастилась до-крайности — и преимущественно чтеніе философскихъ книгъ — быстро развиваетъ ея умъ, помогая ей

стать выше многих мелочей и предрассудков современного общества.

Далѣе, очень-важное вліяніе на характеръ дѣвушки имѣла вообще свобода, которою она пользовалась: съ тринадцатилѣтняго возраста Екатерина Романовна избавилась отъ надзора гувернантки и относительно дальнѣйшаго образованія была предоставлена самой-себѣ. Она занималась только тѣмъ, чтѣ ей нравилось, то—есть читала все, чтѣ попадалось подъ руку, много размышляла, выѣзжала только туда, гдѣ ей не было скучно, и мало-по-малу привыкла въ своемъ образѣ жизни не подчиняться никакой посторонней волѣ. Самовоспитаніе, конечно, развило въ ней стремленіе къ самостоятельности, которая послѣ нерѣдко переходила въ крайнюю оригинальность. Было еще одно обстоятельство, по всей вѣроятности, имѣвшее также значительное вліяніе на характеръ Екатерины Романовны Воронцовой: она не могла похвалиться блестящею наружностью. Ея умная, выразительная фізіономія отличалась слишкомъ—мужественными чертами; ея живыя, немногорѣзкія манеры, при небольшомъ ростѣ, заключали въ себѣ мало граціи. А кому неизвѣстно, что дѣвушка гордая, съ пылкимъ воображеніемъ и впечатлительною натурою, но неодаренная красотою внѣшнихъ формъ, лишенная, къ-тому же, материнскихъ попеченій, по бѣльшей части развивается очень-быстро и рѣдко пріобрѣтаетъ мягкое, ровное настроеніе духа. Мало обращая на себя ласковое вниманіе окружающихъ людей, она рано начинаетъ досадовать на ихъ холодность и скорбѣть о своемъ одиночествѣ, особенно подлѣ сверстницъ, очень-недалекихъ по уму, но одаренныхъ болѣе—привлекательною наружностью. Въ такомъ отношеніи, кажется, находилась Екатерина Романовна къ дочери вице-канцлера и къ другимъ юнымъ красавицамъ высшаго петербургскаго общества.

Наконецъ, господствующій интересъ въ домѣ дяди, то-есть политика, сильно дѣйствуетъ на впечатлительную натуру нашей героини и даетъ ея помысламъ довольно-опредѣленное направленіе. Еще въ дѣтствѣ, по замѣчанію мистриссъ Брадфордъ, она роется въ старыхъ дипломатическихъ бумагахъ своего дяди, слѣдитъ за сношеніями русскаго двора съ иностранными и находитъ въ этомъ большое удовольствіе. Въ душѣ молодой, восторженной дѣвушки мало-по-малу загорается неугасимый огонь честолюбія; у нея является сильное желаніе играть историческую роль—желаніе, впрочемъ, довольно-естественное по тому времени.

Не забудемъ, что Екатерина Романовна жила въ томъ періодѣ нашей исторіи, который преимущественно характеризуется женскими царствованіями въ Россіи и цѣлымъ рядомъ государственныхъ переворотовъ въ Петербургѣ: Это было золотое время для натригъ всякаго рода. Ловкій, предприимчивый человекъ, съ порядочнымъ запасомъ честолюбія, очутившись въ средѣ политическихъ и придворныхъ интересовъ, особенно, когда страсти бывали сильно возбуждены, не могъ оставаться равнодушнымъ наблюдателемъ борьбы и обыкновенно принималъ въ ней самое дѣятельное участіе.

Въ 1757 году вышли замужъ двѣ сестры Воронцовой, одна родная, другая двоюродная; а съ небольшимъ черезъ годъ устроилась свадьба и самой Екатерины Романовны. Замужство ея основано было на взаимной склонности и сопровождалось разными романтическими обстоятельствами: тутъ были и оригинальная встрѣча, и препятствія, которыя даютъ пищу нѣжному чувству. Но обратимся къ подробностямъ и передадимъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ описываетъ сама героиня.

Лѣтомъ 1758 года (*) дядя и тѣтка находились въ Царскомъ Селѣ при особѣ императрицы; а Екатерина Романовна одна оставалась въ городѣ, отчасти по нездоровью, но болѣе по склонности къ уединенію и литературнымъ занятіямъ. Дѣвушка почти не показывалась въ такъ-называемомъ большомъ свѣтѣ, за исключеніемъ итальянской оперы, и посѣщала только два коротко-знакомыя семейства: княгини Голициной и госпожи Самариной. Однажды она была въ гостяхъ у послѣдней и осталась ужинать. Въ назначенный часъ за нею пріѣхала карета; но такъ-какъ былъ чудный, июльскій вечеръ, и улица, въ которой жила Самарина, отличалась тишиною и уединенностью, то сестра хозяйки предложила гостѣ проводить ее пѣшкомъ до угла. Та охотно согласилась. Едва дамы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ ними появилась высокая фигура какого-то гвардейскаго офицера. При неясномъ лунномъ свѣтѣ, воображенію дѣвушки представилось что-то колоссальное; она вздрогнула и спросила свою спутницу, не знаетъ ли она, кто этотъ офицеръ. Тутъ въ первый разъ въ жизни ей пришлось услышать фамилію князя *Дашкова*. Оказалось,

---

(*) Въ запискахъ княгини Дашковой названъ 1759 годъ; но, по нашимъ соображеніямъ, здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, у нея очевидная хронологическая ошибка.

что онъ былъ хорошо знакомъ съ семействомъ Самариныхъ; а потому завязался общій разговоръ, во время котораго вѣжливый, скромный тонъ молодаго человѣка расположилъ дѣвушку въ его пользу. Съ своей стороны и она успѣла заинтересовать статнаго офицера. Въ этой нечаянной встрѣчѣ и во взаимномъ благопріятномъ впечатлѣніи Екатерина Романовна видѣла всегда особенное дѣйствіе провидѣнія, которое назначило ихъ другъ для друга. Познакомиться обыкновеннымъ образомъ не представлялось почти никакой возможности: князь былъ замѣшанъ въ какое-то непріятное дѣло, которое ставило преграду между имъ и семействомъ графа Воронцова. Но подобное затрудненіе, разумѣется, усилило только взаимную склонность. Михаилъ Ивановичъ Дашковъ вскорѣ почувствовалъ, что счастье его жизни зависитъ отъ соединенія съ любимой женщиной, и, какъ-только получилъ ея согласіе, попросилъ князя Голицина хлопотать за него у дяди и отца Екатерины Романовны. Опасенія оказались напрасными: семейство Воронцовыхъ, повидимому, не представило серьезныхъ препятствій богатому и знатному жениху. Князь изъявилъ желаніе, чтобъ это дѣло хранилось въ тайнѣ, пока онъ не привезетъ изъ Москвы благословенія своей матери.

Однажды вечеромъ, незадолго до его отъѣзда, императрица Елизавета послѣ итальянской оперы заѣхала ужинать къ канцлеру, въ сопровожденіи Ивана Ивановича Шувалова. Племянница хозяйина нарочно оставалась дома, чтобъ принять дорогую гостью; князь Дашковъ находился подлѣ своей невѣсты. Государыня оказала самое благосклонное вниманіе молодымъ людямъ; она даже позвала ихъ въ другую комнату, гдѣ съ нѣжностью доброй, крестной матери объявила, что знаетъ объ ихъ тайнѣ и желаетъ имъ всевозможнаго счастья. Съ большою похвалою отозвалась она о сыновней почтительности князя, прибавивъ, что фельдмаршалъ Бутурлинъ уже получилъ приказаніе дать ему отпускъ въ Москву. Дѣвушка была очень-тронута такимъ вниманіемъ и не могла скрыть своего волненія. Императрица, замѣтивъ смущеніе невѣсты, обняла ее и сказала: «Приди въ себя, мое милое дитя; иначе твои друзья подумаютъ, что я тебя разбранила». — «Никогда я не забуду этой сцены (съ умиленіемъ прибавляетъ авторъ записокъ): она навсегда привязала меня къ доброй государынѣ».

Мать князя Дашкова давно собиралась женить сына и уже пріискала ему невѣсту. Последнее обстоятельство, впрочемъ, не помѣшало ей изъявить полное согласіе на его собственный вы-

борь. Молодые люди обвинялись очень-тихо и отпраздновали свадьбу безъ всякихъ лишнихъ церемоній; вслѣдъ затѣмъ они отправились въ Москву. Здѣсь Екатерина Романовна очутилась совершенно въ другой сферѣ. Ее поразили новосты отношеній и патріархальность московскихъ нравовъ. Родственники мужа были большею-частію люди пожилые и хотя изъ любви къ князю показывали расположеніе молодой княгинѣ, однако нельзя было не замѣтить, что они предпочли бы встрѣтить въ ней природную москвитянку. Свекровь не говорила ни на какомъ иностранномъ языкѣ, а невѣстка на-бѣду объяснялась очень-дурно порусски. Поэтому она рѣшилась прилежно заняться изученіемъ отечественнаго языка и такъ быстро успѣвала въ немъ, что заслужила громкое одобреніе со стороны почтенныхъ родственниковъ. Лѣто Дашковы провели въ деревнѣ; а въ февралѣ 1760 года они были обрадованы рожденіемъ дочери. Между-тѣмъ, книги и музыка не теряли для молодой княгини своей прежней прелести. Такъ свѣтло и тихо было первое время ея замужства.

Въ этомъ разсказѣ довольно-много поэзій, но, кажется, мало искренности. Чтѣ за дѣло, въ которомъ былъ замѣшанъ князь? Какимъ-образомъ сблизились молодые люди (*)?

Въ томъ же поэтическомъ тонѣ рассказываетъ княгиня Дашкова о дальнѣйшихъ отношеніяхъ своихъ къ мужу.

Когда срокъ отпуска кончился, молодая чета обратилась къ Роману Иларіоновичу съ просьбою похлопотать объ отсрочкѣ. Но тесть отвѣчалъ Дашкову, который служилъ капитаномъ въ пре-

(*) Мы обращаемъ вниманіе на эту неискренность особенно потому, что существуетъ другое извѣстіе о бракѣ Дашковой, совсѣмъ-непохожее на то, которое она сообщаетъ. Извѣстіе это повторяется у нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей и приведено также въ «Словарѣ» Бантыша-Каменскаго. Въ первый разъ встрѣчается оно у Рюльера: «Однажды князь Дашковъ (разсказываетъ онъ), одинъ изъ самыхъ красивыхъ придворныхъ камереровъ, слишкомъ-свободно началъ говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала канцлера и сказала ему: «Дядюшка, князь Дашковъ хлѣбаетъ мнѣ честь: просить моея руки». Не смѣя признаться первому савовнику имперіи, что слова его не заключали въ себѣ пменно такого смысла, князь женился на племянницѣ канцлера, но тотчасъ же отослалъ ее въ Москву, гдѣ она провела два года». Извѣстіе, очевидно, невѣрное, и авторъ не знаетъ о прежнихъ отношеніяхъ двухъ фамлій между собою; однако, гдѣтъ причины утверждать, что оно рѣшительно ни на чемъ не основано.

ображенской гвардіи, что шефъ полка, великій князь Петръ Федоровичъ, желаетъ его видѣть въ Петербургъ, а потому совѣтовалъ поспѣшить отъѣздомъ. Нужно замѣтить, что императрица Елизавета уже очевидно приближалась къ гробу, и большинство придворныхъ начинало заискивать благоволеніе у наслѣдника престола. Михаилъ Ивановичъ послушался тестя и немедленно отправился въ Петербургъ, къ немалому огорченію своей вѣжной супруги. Великій князь принялъ его очень-благосклонно и часто приглашалъ въ Ораніенбаумъ на зимнія катанья. На этихъ катаньяхъ молодой человекъ сильно простудилъ горло. Едва оправившись, онъ взялъ новый отпускъ и, покинувъ Петербургъ, день и ночь скакалъ въ Москву. Но, приближаясь къ городу, князь опять почувствовалъ такое воспаленіе въ горлѣ, что не могъ почти говорить. Не желая испугать беременную жену, онъ велѣлъ ѣхать въ домъ своей тѣтки, Новосильцовой, и тамъ хотѣлъ подождать облегченія. Хозяйка тотчасъ уложила племянника въ постель и призвала доктора, который запретилъ больному покидать комнату. Но эта деликатная предосторожность едва не стоила жизни его слишкомъ-смѣлой супругѣ.

Подлѣ Екатерины Романовны въ тотъ вечеръ сидѣла свекровь съ своей сестрой, княгиней Гагариной; онѣ съ-часу-на-часъ ожидали ея разрѣшенія. Какая-то ветреная горничная, воспользовавшись минутою, когда молодая княгиня вышла изъ комнаты, скороговоркою сообщила ей, что Михаилъ Ивановичъ въ Москвѣ, у тѣтки, и строго запретилъ говорить о своемъ пріѣздѣ. Княгиня пришла въ неописанное волненіе, однакожъ употребила всѣ усилія скрыть его и начала увѣрять свекровь, что онѣ ошиблись въ расчетѣ и что срокъ разрѣшенія не такъ близокъ, какъ полагали. Та повѣрила и вмѣстѣ съ сестрой пошла отдохнуть. Екатерина Романовна немедленно бѣжитъ къ повивальной бабушкѣ и упрасиваетъ ее ийти съ нею въ домъ Новосильцовой. Старуха дико смотритъ на молодую женщину и думаетъ сначала, что она въ бреду, потомъ въ свою очередь уговариваетъ княгиню оставить такое безразсудное намѣреніе, но наконецъ сдается на ея мольбы, и онѣ отправляются въ сопровожденіи одного бѣднаго старика, проживавшаго въ домѣ свекрови. Когда стали сходить съ лѣстницы, больная почувствовала первыя мѣки. Спутники хотѣли отнести ее въ постель; но Екатерина Романовна энергически уцѣпилась руками за перила, и ни сила, ни угрозы не могли сдвинуть ее съ мѣста. Старуха опять уступила. Съ не-

иновѣрными усиліями молодая княгиня добрела до дому тѣтѣи, поднялась на лѣстницу и вошла въ комнату своего мужа. Увидавъ его блѣднаго, лежавшаго на постели, она безъ чувствъ упала на полъ. Въ такомъ состояніи слуги Новосильцовой отнесли ее домой. Здѣсь начались послѣднія мѣки. Больная призвала свекровь и черезъ часъ родила сына Михаила. Ночное похождение, впрочемъ, осталось тайною для старой княгини. Тотъ же старикъ потихоньку былъ посланъ къ супругу поздравить его съ новорожденнымъ сыномъ. Князь чрезвычайно обрадовался, бросилъ вѣстнику кошелекъ съ золотомъ и велѣлъ отслужить благодарственный молебенъ; дождавшись утра, онъ сѣлъ въ экипажъ и молодцомъ подскакалъ къ дому своей матери. Та немного встревожилась, замѣтивъ его блѣдное лицо и обвязанное горло; она уложила сына въ постель по сосѣдству съ комнатою Екатерины Романовны, строго приказавъ имъ не говорить другъ съ другомъ и не подвергать себя никакому волненію. Больные въ этомъ случаѣ поступили, какъ страстно-влюбленные молодые люди: они тайкомъ отъ матери завели нѣжную переписку, а роль Меркурія исполняла при нихъ старая сидѣлка. Послѣдняя, впрочемъ, недолго хранила тайну; тогда мать разсердилась и грозила отнять у нихъ бумагу и чернила. Къ-счастію, мужъ скоро оправился и былъ въ-состояніи сидѣть у постели своей милой жены. Воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ, по собственному признанію княгини, было однимъ изъ самыхъ отрадныхъ ея воспоминаній.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, не безъ восторга Дашкова привѣтствовала родной Петербургъ, 28 іюня 1761 года, въ тотъ самый день, который, по замѣчанію Екатерины Романовны, «спустя 12 месяцевъ сдѣлался столь славнымъ для нашего отечества». Молодые супруги, по приглашенію великаго князя, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлались членами того общества, которое составляло такъ-называемый «молодой дворъ». Съ пріѣздомъ въ Петербургъ оканчивается періодъ тихихъ, исключительно-семейныхъ радостей, и для нашей героини открывается новая сфера дѣятельности. Зная главные свойства ея характера, заранее можно было предсказать, что княгиня Дашкова не останется постороннимъ лицомъ въ тѣхъ событіяхъ, которыя готовились совершиться. Дѣйствительно, мало-по-малу, сама того не замѣчая, она увлекается въ политическую интригу, и семейные интересы отходятъ на второй планъ. Кончина императрицы приближалась, и общее вниманіе устремилось на молодой дворъ; но отношенія

великаго князя къ его супругѣ подавали поводъ къ сильнымъ опасеніямъ за спокойствіе будущаго царствованія.

Тутъ мы необходимо должны сдѣлать небольшое отступленіе къ вопросамъ, которые волновали тогда придворное общество.

Извѣстно участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ и непримиримая вражда Елизаветы къ Фридриху II. Это время сопровождалось жаркою борьбою партій при петербургскомъ дворѣ: австрійскій и французскій кабинеты всѣми силами старались увлечь Елизавету въ войну противъ Фридриха; а повѣренные Англіи и Пруссіи усердно работали надъ тѣмъ, чтобъ разрушить союзъ съ Австріею и, если можно, вооружить русскихъ на защиту прусскаго короля. Денегъ на подкупы они не жалѣли. Русскій дворъ, поэтому, раздѣлился на двѣ партіи, и всѣ лица, сколько-нибудь значительныя по своему офиціальному или скрытому вліянію, приняли участіе во внѣшней политикѣ. Молодой дворъ постоянно держалъ сторону Пруссіи; на ту же сторону, вслѣдствіе подкупа, тянулъ и первый министръ, Бестужевъ. Но вліяніе Бестужева въ то время начинало ослабѣвать: оно переходило въ руки фаворита, И. И. Шувалова, который былъ рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи. Опираясь на личное нерасположеніе Елизаветы къ Фридриху, французско-австрійская партія взяла наконецъ верхъ, и фельдмаршалу Апраксину дано повелѣніе выступить въ походъ. Тогда агенты короля, опять при помощи денегъ, стали употреблять всѣ усилія, чтобы замедлить походъ русскихъ и выиграть время; имъ помогалъ Бестужевъ вмѣстѣ съ великою княгинею Екатериною. Лѣнивый, тяжелый на подъемъ Апраксинъ, пріятель Бестужева, не спѣшилъ походомъ и, живя въ Ригѣ, занимался болѣе своими удовольствіями, чѣмъ военными приготовленіями. Но, получивъ строгій приказъ отъ императрицы, онъ долженъ былъ перейти съ 80,000 войскомъ изъ Лифляндіи въ Пруссію, восточныя границы которой оставались почти-беззащитны. 30 іюня 1757 г. Мемель сдался русскимъ на капитуляцію; а, спустя мѣсяць, генераль Левальдъ былъ разбитъ ими при Грос-Эгерндорфѣ. Вмѣсто-того, чтобъ идти въ самое сердце Пруссіи, Апраксинъ стянулъ свои войска и отступилъ въ Россію такъ поспѣшно, какъ-будто бы онъ потерялъ поражение. Въ русскихъ учебникахъ исторіи еще и теперь можно встрѣтить слѣдующее объясненіе этого факта: въ то время, когда императрица была опасно больна, великій канцлеръ, желая угодить наследнику престола, будто-бы послалъ своему пріятелю совѣтъ пощадить прусскаго короля. Та-

кое объясненіе очень натянуто, и причины отступленія, безъ-сомнѣнія, были гораздо-серьезнѣе. Нѣкоторые иностранные источники раскрываютъ передъ нами существованіе обширнаго заговора, цѣль котораго состояла въ томъ, чтобъ устранить отъ престола Петра Федоровича и, объявивъ императоромъ маленькаго Павла, вручить регентство Екатеринѣ. Главными дѣйствующими лицами въ этой интригѣ были великая княгиня Екатерина и канцлеръ Бестужевъ. Заговорщики, рассчитывая на безнадежное состояніе Елизаветы, хотѣли имѣть у себя подъ руками многочисленную армію и преданнаго имъ фельдмаршала. Послѣдствія очень-хорошо извѣстны. Когда императрица получила облегченіе отъ болѣзни, Апраксинъ былъ преданъ военному суду и вскорѣ умеръ; а въ февралѣ слѣдующаго 1758 года Бестужевъ сосланъ въ деревню, и мѣсто его заступилъ М. И. Воронцовъ. Великую княгиню также постигла опала; тѣтка даже запретила ей показываться въ своемъ присутствіи. Усиліямъ французско-австрійской партіи удалось вооружить и великаго князя противъ его супруги. Екатерина до-сихъ-поръ играла при дворѣ видную роль и, несмотря на многія семейныя неудовольствія, сохраняла еще нѣкоторое вліяніе на мужа; но, послѣ ссылки Бестужева, она увидѣла себя почти всею оставленною и очутилась въ положеніи очень-затруднительномъ. Однако, ей удалось вскорѣ помириться съ тѣткою, благодаря помощи добродушнаго фаворита, который устроилъ ихъ свиданіе. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ свиданіи англійскій посланникъ Кейтъ (*):

Послѣ сильныхъ упрековъ съ одной стороны и горькихъ слезъ съ другой, великая княгиня упала на колѣни и обратилась съ слѣдующею просьбою къ императрицѣ: такъ-какъ она имѣла несчастіе навлечь на себя немилость, будучи совершенно-невинною, и подвергнуться слишкомъ-чувствительнымъ оскорбленіямъ, то ей остается только просить объ одной милости — о позволеніи оставить Россію на всю остальную жизнь и удалиться къ своей матери; если же въ интересахъ имперіи великій князь долженъ взять другую супругу, то ни сама она и никто изъ ея фамиліи не будутъ дѣлать тому ни малѣйшаго препятствія. Императрица была очень-тронута такимъ предложеніемъ, перемѣнила тонъ и отъ упрековъ перешла къ нѣжнымъ словамъ. Когда же Екатерина стала жаловаться на дурное обращеніе своего супруга, который

(*) Дешеша отъ 28 апрѣля 1758 года.
Т. СХХ VI. — Стд. I.

присутствовалъ при этомъ свиданіи, то Елизавета сдѣлала ей знакъ молчанія и тихимъ голосомъ прибавила, что въ скоромъ времени хотеть поговорить съ нею о томъ наединѣ.

За примиреніемъ съ императрицею послѣдовало примиреніе съ великимъ княземъ. Екатерина снова начала появляться въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ императрицы. Согласіе, однако, было непродолжительно. Интриги французской партіи разстроили его, и въ послѣдніе мѣсяцы своего царствованія Елизавета заставила великую княгиню испытать на себѣ всю тяжесть суровой опалы. Екатерина вела въ это время жизнь тихую, уединенную и, повидному, не принимала болѣе никакого участія въ политикѣ петербургскаго кабинета; казалось, она совершенно покорилась своей судьбѣ. Но тотъ жестоко ошибался, кто думалъ, что она отреклась отъ надежды на русскую корону. Впослѣдствіи Екатерина II любила вспоминать о томъ, что, вступая въ Россію и еще не видавъ великаго князя, она уже сказала самой-себѣ: «я буду здѣсь царствовать одна». Узнавъ покороче своего супруга и современное ей русское общество, она поняла свое огромное превосходство надъ всѣмъ ее окружающимъ и съ неподражаемымъ искусствомъ пошла къ своей цѣли.

Въ то самое время, когда Екатерина казалась всѣми оставленною и покорившеюся своей судьбѣ, она умѣла возбудить къ себѣ многочисленныя симпатіи, найти искреннихъ друзей и искусныхъ исполнителей ея плановъ. Одно изъ первыхъ мѣстъ между ними безспорно принадлежитъ княгинѣ Дашковой. Ея дядя и отецъ были ревностными приверженцами великаго князя, сестра ея, Елизавета, пользовалась его исключительнымъ расположеніемъ; тѣмъ-неменѣе, Екатерина Романовна, нимало не колеблясь, съ полнымъ увлеченіемъ приняла сторону великой княгини. Интересно было бы узнать, какимъ-образомъ сблизились эти двѣ замѣчательныя женщины и какъ постепенно затягивался тотъ узелъ, который разрѣшился знаменитымъ переворотомъ 1762 года... Отношенія свои къ молодому двору и первые шаги на поприщѣ придворныхъ интригъ княгиня Дашкова, по-обыкновенію, описываетъ живымъ, краснорѣчивымъ языкомъ, но несомнѣнно-искреннимъ и яснымъ. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, извлекаемъ изъ ея записокъ, по-возможности, полное извѣстіе объ этомъ предметѣ.

Начало знакомства относится къ концу 1758 года.

Великая княгиня давно уже слышала о меньшей дочери Романа Воронцова, какъ о дѣвухѣ очень-умной и начитанной, которая болѣе всего любитъ проводить свое время за книгами, и, вѣроятно, ожидала только удобнаго случая, чтобъ узнать поближе эту оригинальную дѣвуху. Разъ великій князь Петръ Федоровичъ, вмѣстѣ съ супругою, заѣхалъ въ домъ вице-канцлера и провелъ у него цѣлый вечеръ. Екатерина завязала очень-живой, увлекательный разговоръ съ племянницею хозяина о предметахъ, наиболѣе ее интересовавшихъ, замѣтила мимоходомъ о томъ, какъ много слышалась о ней хорошаго, и вообще ловко умѣла затронуть и безъ-того щекотливое самолюбіе. «Въ то время» говорить Екатерина Романовна «можно утвердительно сказать, что въ цѣлой имперіи не было двухъ женщинъ, которыя, подобно великой княгинѣ и мнѣ, серьезно занимались бы чтеніемъ.» Это была точка нашего соприкосновенія, и такъ-какъ ея высочество обладала неотразимой прелестью въ обхожденіи съ тѣми, кому хотѣла понравиться, то легко представить, до какой степени она должна была увлечь меня, существо пятнадцатилѣтнее и необыкновенно-впечатлительное.

«Въ этотъ достопамятный вечеръ великая княгиня почти исключительно обращалась ко мнѣ и очаровала меня своею бесѣдою. Я увидала въ ней женщину необыкновенныхъ дарованій, далеко-превосходившую всѣхъ другихъ людей, словомъ—женщину совершенную. Вечеръ прошелъ быстро; но впечатлѣніе его было неизгладимо.»

Вотъ какимъ восторженнымъ языкомъ описываетъ она первое свое знакомство съ будущею императрицею!

Издательница «Записокъ», мистриссъ Брадфордъ, прибавляетъ къ разсказу Дашковой еще одну подробность объ этомъ роковомъ вечерѣ. Собираясь домой, знаменитая гостья уронила свой вѣеръ, а Екатерина Романовна его подняла. Великая княгиня поцѣловала дѣвуху и попросила оставить у себя вѣеръ на память объ ихъ первой встрѣчѣ, выразивъ, при этомъ случаѣ, надежду, что первая встрѣча будетъ вмѣстѣ и началомъ ихъ неизмѣнной дружбы.

Дашковы, какъ мы сказали, по возвращеніи изъ Москвы, поселились на дачѣ близъ Ораніенбаума и сѣдлались членами того общества, которое составляло молодой дворъ. Въ обществѣ этомъ замѣтно было тогда сильное раздѣвленіе. Между-тѣмъ, какъ великій князь любилъ проводить время за стаканомъ пива или хуншу, посреди табачнаго дыма, окруженный, преимущественно, гол-

штинскими офицерами, великая княгиня мало принимала участія въ забахъ своего супруга: она старалась собирать около себя небольшой, избранный кружокъ, который умѣла занимать своею умною бесѣдою и другими изящными развлеченіями. Екатерина Романовна, конечно, не замедлила примкнуть къ ея кружкѣ, а на вечерахъ у наследника появлялась довольно-рѣдко. Великій князь сначала показывалъ ей такую же благосклонность, какъ и всей фамиліи Воронцовыхъ, и, при первомъ свиданіи съ молодою четвою, изъявилъ надежду видѣть ее у себя каждый день. Но скоро онъ замѣтилъ, что Дашкова гораздо-болѣе дорожитъ обществомъ ея супруги и оказываетъ ей рѣшительное предпочтеніе. Петръ не разъ выражалъ княгинѣ свое неудовольствіе на этотъ счетъ, но, впрочемъ, не переставалъ питать къ ней добраго расположенія.

— Дитя мое! сказалъ онъ однажды съ свойственною ему откровенностью:—вамъ бы очень не мѣшало вспомнить, что гораздо-лучше имѣть дѣло съ честными простаками, каковы я и ваша сестра (Елизавета), чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина, а корку выбросятъ вонъ.

Но подобныя замѣчанія выслушивались, обыкновенно, съ большимъ нетерпѣніемъ, и ничто не могло разсѣять обаянія привлекательной личности.

Императрица Елизавета проводила лѣто въ Петергофѣ. Великій князь Павелъ Петровичъ находился всегда подъ ея личнымъ надзоромъ и жилъ отдѣльно отъ своихъ родителей. Матери позволено было видѣть его только разъ въ недѣлю. Обыкновенно, послѣ такого визита, на возвратномъ пути изъ Петергофа въ Ораніенбаумъ, Екатерина заѣзжала за Дашковой и увозила ее къ себѣ на цѣлый вечеръ. Когда нездоровье, или другія обстоятельства мѣшали имъ часто видѣться, ея высочество писала княгинѣ нѣжныя посланія; та усердно отвѣчала, и, такимъ-образомъ, между ними завязалась дружеская переписка. Къ изданію мемуаровъ Дашковой приложено двадцать-пять писемъ Екатерины, которыя могутъ дать приблизительное понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ друзей до іюньскихъ событій 1762 года.

Въ первое время главною точкою соприкосновенія служатъ литературные интересы. Друзья мѣняются книгами, замѣтками и собственными сочиненіями въ прозѣ и стихахъ. Послѣдніе, то-есть стихи, относятся, впрочемъ, къ одной Екатерины Романовнѣ, которая, какъ существо юное, восторженное, увлекается стремленіемъ къ поэтическому творчеству и свои нѣжныя чувства къ

другу выражаетъ иногда стихами на русскомъ, или французскомъ языкѣ. Такъ, напримѣръ, одно изъ ея посланій было украшено слѣдующимъ четверостишіемъ къ портрету великой княгини:

Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвестъ,
Дары свои на тя едину истожила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвестъ,
И, награждая веѣмъ, она насъ наградила (*).

Вотъ какъ отвѣчала на эту любезность ея высочество:

«Какіе стихи, какая проза! и это въ семнадцать лѣтъ! Я прошу... нѣтъ, я у моляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ. Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ я покажусь нѣсколько пристрастною, потому-что, милая княгиня, вы меня самоѣ сдѣлали предметомъ вашего прекраснаго произведенія. Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно; но я должна сознаться, что не знаю, приходилось ли мнѣ когда-нибудь читать такое правильное, поэтическое четверостишіе. Неменѣе цѣню я его, какъ доказательство вашей любви; я благодарю васъ и сердцемъ, и душой. Только заклинаю продолжать любить меня; будьте увѣрены, что моя теплая дружба всегда будетъ соответствовать вашимъ чувствамъ. Я съ наслажденіемъ оживаю тотъ день на будущей недѣлѣ, который вы обѣщали провести вмѣстѣ со мною, и надѣюсь, что это удовольствіе будетъ теперь повторяться чаще, такъ-какъ дни становятся короче. Посылаю вамъ книгу, о которой говорила. Пожалуйста, никому не показывайте. Скажите князю, что я отвѣчаю ему такимъ же дружескимъ поклономъ, какимъ онъ привѣтствовалъ меня сегодня, проходя мимо моихъ оконъ. Ваше общее расположеніе меня глубоко трогаетъ.»

Далѣе изъ писемъ великой княгини видно, какъ, рядомъ съ литературными интересами и сердечными изліяніями, возбуждаются мало-по-малу вопросы политическіе.

«Вы ни слова не сказали въ вашемъ послѣднемъ письмѣ о моей рукописи» говоритъ Екатерина. «Я, кажется, понимаю ваше молчаніе; но вы ошибаетесь, если думаете, что я опасалась довѣрить вамъ эту рукопись. Нѣтъ, милая княгиня, единственная причина замедленія была та, что я прежде хотѣла окончить статью, подъ заглавіемъ «Споръ между духовенствомъ и

(*) Стихи эти впослѣдствіи помѣщены были въ первомъ томѣ «Собесѣдника Л. Р. С.»

«Парламентомъ». И хотя это сочиненіе собственно не стоило труда, но я желала привести въ порядокъ мысли, которыя мнѣ пришли въ голову. Такимъ-образомъ, со всѣми ея недостатками, съ которыми я и сама не могу помириться, посылаю вамъ рукопись, вчернѣ, дурно-написанную и еще хуже составленную. Пожалуйста, не показывайте ея никому и возвратите мнѣ какъ-можно-скорѣе. То же самое обѣщаю сдѣлать съ вашею книгою и рукописью, сейчасъ полученными. Надѣюсь, что вы посѣтите меня на будущей недѣлѣ. Смѣю лично увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и преданности и, какъ всегда, со всѣмъ удовольствіемъ подписываюсь: вашъ вѣрный другъ

«ЕКАТЕРИНА.»

Въ слѣдующемъ письмѣ великая княгиня выражаетъ безпокойство о томъ, что Дашкова уже три дня продержала «Споръ между духовенствомъ и парламентомъ». Она грозитъ разсердиться за такую неосторожность, которая можетъ навлечь на нее, то-есть на великую княгиню, очень-непріятныя послѣдствія. Не надобно забывать, что супруга наслѣдника окружена была тщательнымъ надзоромъ: за ея образомъ мыслей и поведеніемъ постоянно слѣдили; самая переписка между друзьями сопровождалась равными мѣрами предосторожности и шла черезъ третьи руки довѣренной камер-фрау Черековской.

Набѣжавшее облачко, впрочемъ, скоро разсѣялось, и, спустя нѣсколько дней, между друзьями опять существовало уже полное согласіе.

«Поздравляю васъ, милая княгиня, со днемъ вашего ангела и желаю вамъ всевозможнаго счастья» пишетъ Екатерина. «Въ прошлый вечеръ только вы однѣ развеселили меня, доказавъ забавной игрой «*reveiller le chat*», что къ вашихъ рукахъ всякая ничтожная вещь получаетъ интересъ. Возвращаю «Записки» съ благодарностію и должна сказать вамъ: «прости, мой неизмѣнный другъ.»

Къ-сожалѣнію, отвѣты Дашковой до насъ не дошли: изъ предосторожности, Екатерина уничтожала ихъ немедленно. Мы увѣрены, однако, что они были проникнуты самымъ искреннимъ энтузіазмомъ, между-тѣмъ, какъ, читая письма великой княгини, нельзя не замѣтить въ ея выраженіяхъ дружбы какой-то искусственности, недостатка откровенности и присутствія заднихъ мыслей; здѣсь невольно бросается въ глаза легкая, пріятная игра фразами. Такъ пишутъ, конечно, къ женщинѣ,

которой отличныя способности и гордую энергическую натуру очень-хорошо понимают и которую хотят приковать къ своимъ интересамъ.

Какъ ловко ведена была игра въ чувства, до какой степени молодая Дашкова связывала свою судьбу съ судьбою Екатерины и рѣшилась горячо дѣйствовать въ ея пользу, лучше всего показываетъ слѣдующій эпизодъ, рассказанный самою героинею.

Въ половинѣ декабря 1761 года докторъ объявилъ, что императрицѣ осталось жить нѣсколько дней. Екатерина Романовна была нездорова и лежала въ постели, когда до нея дошелъ этотъ слухъ. Около полуночи она встаетъ, надѣваетъ шубу и отправляется въ деревянный дворецъ на Мойкѣ, гдѣ тогда жила царская фамиля. Пройдя на заднее крыльцо и не зная этой части дома, она останавливается въ недоумѣннн. Къ-счастью, попадаетъ навстрѣчу Черековская, которая уступаетъ настойчивымъ просьбамъ неожиданной гостыи и ведетъ ее въ спальню великой княгини. Екатерина дѣлаетъ нѣжные упреки другу за то, что она рискуетъ своимъ слабымъ здоровьемъ, потомъ укладываетъ ее рядомъ съ собою въ постель, заворачиваетъ ноги въ одѣяло и тогда только позволяетъ высказать причину такого необыкновеннаго посѣщенія.

— Выше высочество, начала Дашкова: при настоящихъ обстоятельствахъ, когда императрицѣ остается жить нѣсколько дней, можетъ-быть, нѣсколько часовъ, я не могу болѣе выносить мысли о той неизвѣстности, въ которую повергаетъ васъ приближающееся событіе. Не-уже-ли нѣтъ никакой возможности отвратить опасность и разсѣять тучу, которая повисла надъ вашей головою? Именемъ неба прошу васъ, довѣрьтесь мнѣ; я хочу доказать, что достойна полнаго довѣрія. Есть ли у васъ какой-нибудь планъ, взяты ли мѣры предосторожности? Давайте мнѣ ваши приказанія и распоряжайтесь мною.

Екатерина заплакала и, взявъ руку Дашковой, прижала ее къ своему сердцу.

— Я невыразимо благодарна вамъ, милая княгиня, сказала она: — но вмѣстѣ съ тѣмъ откровенно признаюсь, что у меня нѣтъ никакого плана, и мнѣ не остается ничего другаго, какъ мужественно перенести все, что бы со мною ни случилось. Предаю себя въ руки Всемогущаго и надѣюсь только на его помощь.

— Въ такомъ случаѣ, ваше высочество, друзья должны дѣйствовать за васъ. Что жъ касается до меня, то я имѣю довольно

силы, чтобъ воодушевить ихъ всѣхъ. И на какую жертву я была бы для васъ неспособна?

— Ради Бога, княгиня, не подвергайте себя опасности въ надеждѣ отвратить зло, противъ котораго нѣтъ никакихъ средствъ. Если вы за меня попадете въ несчастіе, я вѣчно буду упрекать себя.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтила Дашкова:— даю слово, что я не сдѣлаю ни одного шагу, который могъ бы вамъ повредить, и, какъ бы ни была велика опасность, пусть она обрушится только на меня одну. Еслибъ слѣпая преданность вашему дѣлу привела меня даже къ эшафоту, то и тогда вамъ нечего будетъ бояться.

Затѣмъ друзья крѣпко обнялись, и Екатерина Романовна поспѣшила воротиться домой. Эта сцена объясняетъ намъ отчасти, какимъ-образомъ восемнадцатилѣтняя княгиня получила такое важное значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ. Очевидно, ей сначала не довѣряютъ: она еще слишкомъ-молода и неопытна для роли серьезнаго заговорщика. Но ея рѣшительность, преданность дѣлу и ловкость, которую она показала въ своихъ сношеніяхъ съ другомъ — все это заставило вскорѣ посвятить ее въ тайны опаснаго замысла. Впрочемъ, полнаго довѣрія, какъ увидимъ, она никогда не могла добиться.

25 декабря, въ самый день Рождества, скончалась императрица Елизавета. Петербургъ немедленно присягнулъ ея племяннику, Петру Ѳедоровичу. Въ этотъ день мимо оконъ княгини Дашковой прошли ко дворцу два гвардейскіе полка: семеновскій и измайловскій. Видъ солдатъ, какъ ей показалось, былъ угрюмый и недовольный; по рядамъ пробѣгалъ глухой, славенный ропоть. Известно, что покойная императрица по своей щедрости и снисходительности пользовалась популяренностью въ гвардіи, между-тѣмъ, какъ преемникъ ея Петръ III не могъ похвалиться преданностью русскихъ солдатъ.

Екатерина Романовна все еще не покидала своей комнаты. На третій день послѣ восшествія на престолъ, новый императоръ посѣтилъ ея больнаго дядю, канцлера, и просилъ передать княгинѣ, что желаетъ ее видѣть вечеромъ во дворцѣ. Княгиня извинилась подъ предлогомъ нездоровья, но, спустя нѣсколько дней, уступила убѣжденіямъ сестры Елизаветы и отправилась во дворецъ. Императоръ пожурилъ ее за невниманіе къ сестрѣ и заговорилъ о томъ блестящемъ положеніи, какое ожидаетъ *Романовну*, ясно давая понять, что Елизавета Воронцова законнымъ,

официальнымъ образомъ займетъ мѣсто Екатерины. Княгиня притворилась, будто не поняла намековъ, и поспѣшила сѣсть съ императоромъ за его любимую игру *cartis*. Обыкновенные члены этихъ картежныхъ вечеровъ были: Измайловъ, двое Нарышкиныхъ съ женами, фаворитка, графиня Брюсъ, Мельгуновъ, Гудовичъ, Унтернъ, флигель-адъютантъ государя, и еще два-три близкихъ человѣка. Проигравъ партію, Екатерина Романовна забастовала, потому-что на каждый очокъ ставилось десять червонцевъ, а это было для нея слишкомъ-чувствительно. Государь настаивалъ на продолженіе игры; Дашкова упорно отказывалась, наконецъ, сказавъ нѣсколько рѣзкихъ словъ тономъ разсерженнаго ребенка, поспѣшила уйдти.

— Это бѣсъ, а не женщина! восклицали ей вслѣдъ собесѣдники Петра III.

Подобныя размолвки, впрочемъ, не имѣли серьезныхъ послѣдствій, потому-что государь, дѣйствительно, считалъ ее не болѣе, какъ капризнымъ ребенкомъ.

Проходя рядомъ комнатъ, въ которыхъ толпились придворные, княгиня съ удивленіемъ замѣтила рѣзкую перемену къ костюмахъ. Петръ III успѣлъ уже, вмѣсто прежнихъ темнозеленыхъ мундировъ, одѣть гвардію въ новую форму, узкую и неудобную, но отличавшуюся щегольствомъ и пестротой; къ-тому же, почти всѣ придворныя лица преобразились теперь въ военныхъ людей, и нѣкоторые изъ нихъ, вслѣдствіе того, представляли довольно-забавныя фигуры. Такъ, напримѣръ, Дашкова не могла удержаться отъ улыбки, замѣтивъ между ними князя Никиту Юрьевича Трубецкаго, толстаго, низенькаго старика по-крайней-мѣрѣ 70 лѣтъ. Князь въ царствованіе Елизаветы занималъ должность генерал-прокурора и въ послѣднее время былъ извѣстенъ за дряхлаго, умирающаго подагрика съ опухшими ногами. Но едва Петръ былъ провозглашенъ императоромъ, онъ покинулъ постель, принялъ на себя воинственный видъ и, переименованный генерал-фельдмаршаломъ, явился на гвардейскомъ парадѣ впереди измайловцевъ, въ качествѣ ихъ подполковника. Въ настоящую минуту Трубецкой стоялъ передъ Дашковой въ блестящемъ мундирѣ и въ ботфортахъ, вооруженный съ ногъ до головы, какъ-будто приготовился вступить въ отчаянный бой (*).

(*) То же самое превращеніе съ удивленіемъ замѣчено Болотовымъ. См. его «Петербургъ при Петрѣ III-мъ».

Вскорѣ затѣмъ непріятный случай принудилъ молодыхъ супруговъ къ новой разлукѣ. Разъ утромъ, въ январѣ 1762 года, происходилъ обычный разводъ гвардіи. Очередной полкъ пошелъ ко дворцу. Вдругъ императоръ замѣтилъ, что рота князя Дашкова ошиблась въ манѣврѣ; онъ тотчасъ подскочилъ къ молодому человеку и сдѣлалъ ему жестокой выговоръ. Князь сначала оправдывалъ свою ошибку въ почтительныхъ выраженіяхъ, потомъ не выдержалъ и отвѣчалъ довольно-рѣзко. Екатерина Романовна, конечно, сильно перепугалась, когда узнала объ этомъ происшествіи. Она не надѣялась, чтобъ поступокъ ея мужа остался безнаказаннымъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ враговъ между людьми, окружавшими Петра III. Представлялось одно средство избѣжать дурныхъ послѣдствій—удалиться изъ Петербурга и ждать, пока какая-нибудь политическая переменна не дастъ дѣлу другаго оборота, или пока оно не будетъ предано забвенію. Друзья вмѣстѣ съ женою уговорили князя на добровольное изгнаніе—разумѣется, подъ благовиднымъ предлогомъ. Самый предлогъ былъ вскорѣ найденъ: еще не всѣ иностранные дворы получили официальное увѣдомленіе о восшествіи на престолъ новаго императора, и канцлеръ Воронцовъ, по просьбѣ племянницы, далъ ея мужу назначеніе въ Константинополь. Дашковъ поспѣшилъ отправиться изъ Петербурга, но ѣхалъ очень-медленно, какъ-будто выжидая какого-то событія; съ каждой почтой онъ писалъ письма къ женѣ, а въ Москвѣ довольно-долго прогостилъ у матери.

Конечно, не безъ тоски переносила княгиня разлuku съ своимъ мужемъ. Екатерина, по-возможности, старалась утѣшать своего печальнаго друга.

«Письма ваши такъ грустно настроены» говоритъ она въ одной запискѣ «что я совѣтовала бы вамъ менѣе сокрушаться объ отъѣздѣ нашего посланника и вѣрить тому, что онъ возвратится къ намъ цѣлъ и невредимъ; по-крайней-мѣрѣ, я желаю этого для нашего общаго утѣшенія.»

Подобное утѣщаніе повторяетъ Екатерина и въ слѣдующей запискѣ, которая замѣчательна, кромѣ-того, намекомъ на одну народную манифестацію въ ея пользу:

«Признаюсь» говоритъ она: «я была глубоко тронута открытымъ выраженіемъ привязанности, которую показала мнѣ большая толпа народа. Была минута, когда восклицанія толпы возвышались до энтузіазма. Никогда самолюбіе мое не было такъ удовлетворено выраженіемъ общественнаго сочувствія, тѣмъ болѣе лест-

наго, что даже мысль о лести была тутъ невозможна. Ясно изъ вашихъ, собственныхъ справокъ, какъ оно озадачило другихъ. Я часто провожала покойную императрицу въ подобныхъ случаяхъ, но никогда не видала такого выражения народной любви. Во всемъ этомъ слышадось что-то болѣе общее и рѣшительное, чѣмъ голосъ одной партіи, что, разумѣется, будетъ пріятно узнать всемъ нашимъ друзьямъ (*), Поблагодарите вашего любезнаго мужа за память обо мнѣ и не забудьте увѣдомить его объ этомъ происшествіи. Я очень извиняю вашу чувствительность; но берегитесь, видя княгиня, чтобъ она не обратилась въ слабость. Вспомните, что говорить мадамъ Дезульеръ:

Je suis charmé d'être né ni Grec ni Romain,
Pour garder encore quelque chose d'humain.

«Эта чувствительность есть доказательство нѣжнаго сердца, и я увѣрена, что вашъ здравый разумъ удержитъ ее въ приличныхъ границахъ. Не могу допустить, чтобъ вы предавались меланхолии, потому-что это было бы недостойно вашей души.»

Утѣшеніе, кажется, подѣйствовало довольно-успѣшно: жалобы по поводу отсутствующаго супруга вскорѣ замолкли, и княгиня Дашкова всѣмъ существомъ своимъ отдалась политическимъ интересамъ.

Дѣла, между-тѣмъ, принимали очень-серьезный характеръ, и Петербургъ находился въ тревожномъ ожиданіи близкаго переворота.

II.

УЧАСТІЕ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ПЕРЕВОРОТѢ.

Характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ. — Организация екатерининской партіи. — Рѣшительность княгини Дашковой ускоряетъ развязку. — Екатерина провозглашена императрицею. — Походъ въ Петергофъ. — Петръ III и Минихъ въ день переворота. — Начало непріязни съ низшею Орловымъ. — Обмануты надежды. — Немилость императрицы.

Передъ нами 1762 годъ съ его переворотомъ, исполненнымъ великаго, драматическаго интереса, послѣднимъ и самымъ знаменитымъ въ ряду переворотовъ XVIII вѣка, совершившихся въ

(*) Очевидное стараніе придать своему дѣлу народный характеръ по поводу какой-то незначительной манифестации, о которой ни Дашкова, ни другія современныя записки, извѣстныя намъ, даже и не упоминаютъ.

пользу женскаго царствованія. Чтобы показать настоящее значеніе княгини Дашковой въ этой политической драмѣ, мы должны предварительно, хотя въ немногихъ чертахъ, изобразить характеры и положеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а потомъ уже перейти къ очерку самаго событія (*).

Личность Петра III представляетъ странную смѣсь доброты, живости и откровенности—съ дурными привычками, капризною, слабою волею и довѣрчивостію, которая переходила у него въ крайнюю безпечность. Впрочемъ, главная вина его недостатковъ падаетъ не столько на ограниченность природныхъ способностей, сколько на воспитателей принца и на ту среду, въ которой онъ выросъ. Рано потерявъ своихъ родителей, онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ былъ привезенъ ко двору Елизаветы; а здѣсь никто не позаботился дать наслѣднику престола серьезное образованіе и познакомить его съ характеромъ народа, или потребностями страны, въ которой онъ долженъ былъ современемъ царствовать. Вступивъ на престолъ, Петръ горячо принялся за реформы, и въ нихъ—то яснѣе всего обнаружилось, вмѣстѣ съ добрымъ сердцемъ и желаніемъ народнаго блага, совершенное отсутствіе политическаго такта. Толпы ссыльныхъ, возвратившихся изъ Сибири, уничтоженіе ненавистнаго *слово и дѣло* и отчасти права вольности, дарованныя русскому дворянству, громко говорили въ пользу его благодушія. Но за—то прочія мѣры произвели сильное неудовольствіе въ тѣхъ сословіяхъ, къ которымъ онъ относился. Особенно оскорблялось духовенство, съ одной стороны, намѣреніемъ государя отобрать въ казну монастырскія помѣстья, съ другой — его явнымъ предпочтеніемъ лютеранской религіи и малымъ уваженіемъ къ обрядамъ грекороссійской церкви. Последнее обстоятельство не замедлило послужить обычнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства ддятого, чтобы волновать умы простаго народа. Русская гвардія съ такимъ же неудовольствіемъ смотрѣла на предпочтеніе, которое Петръ оказывалъ своимъ голштинскимъ солдатамъ; при-

---

(*) Разумѣется, этотъ легкій очеркъ есть попытка передать событія въ томъ видѣ, въ какомъ допускаютъ его состояніе нашихъ источниковъ и другія, независящія отъ насъ, обстоятельства. Крозь мемуаровъ Дашковой, я пользовался слѣдующими пособіями: «Geschichte des Russischen Staats»; «Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français»; «Histoire ou anecdotes, par Rulhière»; «Histoire du Pierre III»; «Histoire de Catherine II» J. C., Записки Болотова («Петербургъ при Петрѣ III»).

томъ, она была очень встревожена вновь-заведенными въ ней порядками, какъ-то: ненавистными прусскими мундирами, строгою дисциплиною и утомительными экзерциціями. Государь, страстно любившій военную службу, ежедневно по нѣскольку часовъ присутствовалъ на разводахъ, неутомимо обучая солдатъ новымъ эволюціямъ и ружейнымъ приѣмамъ. Это подражаніе пруссакамъ, вмѣстѣ съ восторженнымъ удивленіемъ Петра къ ихъ королю, доведеннымъ до крайности, производили въ войскахъ сильный ропотъ (*). Союзъ съ Фридрихомъ II оказался очень-непопулярнымъ въ Россіи, и отряды, остававшіеся въ Пруссіи, неохотно перешли на сторону своихъ недавнихъ враговъ. Еще мѣньшею популярностію пользовалась предполагаемая война съ Данією. Повелитель обширной имперіи вооружалъ флотъ, собиралъ многочисленную армію и лично хотѣлъ ее вести на датскаго короля, чтобъ отнять клочокъ земли, принадлежавшій нѣкогда голштинскимъ герцогамъ. Петръ III такъ спѣшилъ этимъ предпріятіемъ, что не хотѣлъ отложить его до своего коронованія и не поѣхалъ въ Москву совершить священный обрядъ, имѣвшій всегда большое значеніе въ глазахъ русскаго народа. Гвардія, которая должна была принять участіе въ походѣ, готовилась къ нему съ чрезвычайною неохотою.

Та же близорукость обнаружилась и въ выборѣ лицъ, окружавшихъ особу императора, или поставленныхъ въ головѣ различныхъ отраслей управленія. Таковы были: дядя его, ограниченный принцъ Жоржъ, получившій достоинство генерал-фельдмаршала руссійскихъ войскъ; генералъ Мельгуновъ, имѣвшій вліяніе на внѣшнюю политику и подкупленный прусскимъ королемъ; продажный Волковъ, статс-секретарь государя, заправлявшій всѣми гражданскими дѣлами; потомъ Измайловъ, министръ двора; братья Нарышкины и прочіе приближенные люди.

Правда, въ свитѣ Петра III встрѣчаются и другія лица, болѣе-достойныя его довѣрія; но ихъ было немного, да и тѣ не пользовались почти никакимъ вліяніемъ на внутреннюю, или внѣшнюю политику. Сюда относятся: старый фельдмаршалъ Минихъ, только-

---

(*) Преданность его интересамъ прусскаго короля простиралась дото-го, что, будучи великимъ княземъ, онъ, посредствомъ статс-секретаря Волкова, сообщалъ Фридриху тайныя распоряженія петербургскаго кабинета, посылаемыя въ дѣйствующую армію, и, такимъ-образомъ, уничтожалъ ихъ силу.

что воротившийся изъ Пелыма; А. Н. Гудовичъ, вѣрный генерал-адъютантъ государя; добродушный баронъ Корфъ, генерал-полицеймейстеръ Петербурга, и преданный Петру канцлеръ М. И. Воронцовъ.

Странный, прихотливый вкусъ Петра III болѣе всего отразился на его сердечной привязанности. Фаворитка государя, Елизавета Воронцова, не имѣла ни одного изъ тѣхъ качествъ, которыя мы привыкли соединять съ мыслью о любимой женщинѣ. Физиономія ея, по свидѣтельству современниковъ, была болѣе, чѣмъ непривлекательна (*); полный станъ ея не отличался стройностью, а хорошія манеры и остроуміе были ей совершенно-чужды. Впрочемъ, надобно отдать фавориткѣ ту справедливость, что она не имѣла злаго сердца и, повидимому, не старалась пріобрѣсти какого-нибудь вліянія на государственныя дѣла: она могла только служить орудіемъ въ рукахъ своихъ честолюбивыхъ родственниковъ.

Изъ иностранныхъ министровъ, разумѣется, наибольшимъ авторитетомъ пользовались посланники англійскій и прусскій. Последнему государь оказывалъ чрезвычайныя почести. Представителю Франціи и Австріи, напротивъ, не имѣли уже никакого вліянія; мало-того: съ ними не всегда были и любезны.

Мы не входимъ въ подробности объ образѣ жизни Петра III, о его привычкахъ и обращеніи. Дашкова рассказываетъ на этотъ счетъ нѣсколько анекдотовъ, очень-характеристическихъ. Не должно, однако, забывать, что княгиня была жаркимъ приверженцемъ противной партіи: она очевидно старается выставить Петра въ самомъ мрачномъ видѣ, а потому невольно преувеличиваетъ его недостатки (**).

Отъ императора перейдемъ къ его супругѣ. Между тѣмъ, какъ первый, проводя время или на разводахъ, или въ кругу недостойныхъ любимцевъ и вѣтренныхъ женщинъ, все болѣе и болѣе становился непопулярнымъ, Екатерина вела себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Ея хитрый, провицательный умъ, дипломатическая ловкость и умѣнье пользоваться обстоятельствами слиш-

(*) См. депешу французскаго посланника Бретейля отъ 11 января и «Записки» Болотова.

(**) Точно также и подъ вліяніемъ того же нераположенія выписываетъ его въ своихъ депешахъ французскій посланникъ Бретейль; иначе о немъ англійскій поверенный въ дѣлахъ Кейтъ.

комъ—хорошо извѣстны для того, чтобъ о нихъ распространяться. Мы ограничиваемся простою передачею фактовъ и замѣтимъ только мимоходомъ, что въ основѣ своей политика ея сходилась съ политикою другой знаменитой въ исторіи Екатерины.

Неизмѣримое превосходство молодой императрицы надъ мужемъ въ искусствѣ держать себя передъ публикою обнаружилось тотчасъ послѣ смерти Елизаветы Петровны. Тѣло покойной государыни, по обычаю, вѣдоложеніе шести недѣль, было выставлено на парадномъ ложѣ. Петръ рѣдко заходилъ въ траурную залу; а если и показывался здѣсь, то развѣ для того только, чтобъ поспѣяться съ дежурными статс-дамами, передразнить церковно-служителей и сдѣлать выговоръ офицерамъ, или часовымъ за какое-либо несоблюденіе формы, относящееся къ буклямъ, телестукамъ, пуговицамъ и т. п. За-то супруга его каждый день въ глубокомъ траурѣ, съ торжественно-печальнымъ лицомъ навѣщала прахъ Елизаветы; при всякомъ удобномъ случаѣ, она показывала самое строгое уваженіе ко всемъ подробностямъ греко-россійскаго обряда, не пропускала ни одного праздничнаго богослуженія и съ большою точностью соблюдала посты. Разумѣется, такое поведеніе не замедлило привлечь къ ней сердца духовенства и простаго народа. Сдѣлавшись императоромъ, Петръ не стараясь болѣе скрывать своихъ отношеній къ супругѣ, обращался съ нею очень-жестко и нерѣдко заставлялъ ее краснѣть въ присутствіи многочисленнаго общества (*). Онъ, конечно, и не подозревалъ, что подобное обращеніе еще болѣе возбуждало симпатію къ женщинѣ, которая имѣла видъ несправедливо-угнетенной жертвы.

Трудно сказать, на сколько былъ вѣренъ слухъ, распущенный въ народѣ приверженцами Екатерины, о томъ, что ей угрожала судьба Евдокии Федоровны Лопухиной (то-есть монастырь), и что императоръ, дѣйствительно, имѣлъ намѣреніе вступить въ законный бракъ съ Елизаветою Воронцовой. Къ этому слуху присоединяли другой, болѣе-сомнительный, будто-бы Петръ хотѣлъ устранить и великаго князя Павла Петровича, а на его мѣсто провозгласить наслѣдникомъ престола извѣстнаго своею несчастною судьбою Ивана Антоновича. Вслѣдствіе подобныхъ слуховъ, дѣло принимаетъ такой оборотъ, что партія Екатерины и вели-

(*) Напризмѣръ, сцена за обѣдомъ въ то время, когда праздновали миръ съ прусскимъ королемъ. *Зап. Дашк.*

каго князя прежде всего должна была дѣйствовать по чувству самосохраненія.

На образъ жизни и занятія своей супруги Петръ III не обращалъ почти никакого вниманія; онъ считалъ ее погруженною въ чтеніе ненавистныхъ ему французскихъ писателей и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на кружокъ, собиравшійся на скромные вечера императрицы, придавая имъ только литературное значеніе. Впрочемъ, не онъ одинъ заблуждался въ этомъ случаѣ. Екатерина такъ ловко умѣла привести въ дѣйствіе тайныя пружины своего предпріятія и такъ незамѣтно сосредоточила ихъ у себя въ рукахъ, что даже многіе близкіе люди обманывались на ея счетъ. Они были увѣрены, что супруга Петра III держится почти въ-сторонѣ отъ подземныхъ работъ и только не мѣшаетъ своимъ друзьямъ подводить мины. Отъ исходнаго пункта, то-есть изъ дворцовыхъ покоевъ Екатерины, работы эти производились въ двухъ направленіяхъ: одно пошло въ казармы гвардейскихъ солдатъ, другое—въ великолѣпныя палаты придворной и военной аристократіи. Главными агентами были: въ первомъ случаѣ артиллерійскій офицеръ Орловъ, во второмъ—княгиня Дашкова.

Григорій Григорьевичъ Орловъ, въ послѣднее время елизаветинскаго царствованія, умѣлъ обратить на себя вниманіе генерал-фельдцейхмейстера Петра Ивановича Шувалова, который и сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. Высокій, статный молодой человекъ имѣлъ всѣ вышнія условія для того, чтобъ нравиться женщинамъ: у него была красивая, открытая фізіономія, вмѣстѣ съ порядочнымъ запасомъ смѣлости и ловкости. Какъ веселый собесѣдникъ, всегда готовый покутить съ пріятелемъ, онъ легко пріобрѣталъ себѣ расположеніе между товарищами, съ солдатами обращался запросто, не уступалъ имъ въ энергіи простонародной русской рѣчи и потому сближался съ ними очень-скоро. Шуваловъ, однако, недолго ему покровительствовалъ. Ловкій адъютантъ не затруднился войти въ близкія отношенія съ возлюбленною своего начальника (прекрасною княгинею Куракиной), но былъ открытъ и, разумѣется, навлекъ на себя сильное гоненіе со стороны могущественнаго соперника. Онъ могъ бы навсегда погибнуть для исторіи, еслибы въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ не спасло его покровительство великой княгини Екатерины. Вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Петра III, Шуваловъ умеръ, и, благодаря тому же покровительству, новый генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа далъ Орлову мѣсто казначея въ артил-

лерійскомъ полку. Вполнѣ-преданный императрицѣ, онъ вскорѣ сдѣлался въ ея рукахъ отличнымъ орудіемъ для вербованія партіи между низшими военными чинами. Прежде всѣхъ посвящены были въ тайны заговора два его собственные брата, рядовые преображенскаго полка, Алексѣй и Владиміръ; потомъ однимъ изъ первыхъ присталъ къ нимъ и Григорій Потемкинъ, тогда еще простой вахмистръ конногвардейскаго полка. При помощи ихъ, Орловъ повелъ дѣло довольно-удачно и въ скоромъ времени успѣлъ навербовать нѣсколько сотъ гвардейскихъ солдатъ. Онъ могъ дѣйствовать тѣмъ свободнѣе, что, продолжая вести обычную, разгульную жизнь и бывая въ казармахъ почти такъ же часто, какъ и прежде, не обращалъ на себя никакого вниманія со стороны высшихъ начальниковъ. Денегъ, конечно, въ этомъ случаѣ не жалѣли.

Въ то же время княгиня Дашкова, какъ она сама говоритъ, начала съ друзей и родственниковъ своего мужа и посвятила въ свои замыслы нѣсколько молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ числѣ первыхъ были Пассекъ и Бредихинъ, одинъ поручикъ, другой капитанъ преображенскаго полка; потомъ Ласунскій, майоръ Рославлевъ и братъ его капитанъ, офицеры измайловскаго полка. Тѣ, въ свою очередь, набирали себѣ новыхъ товарищей. Работы, начатыя въ двухъ направленіяхъ, вскорѣ встрѣтились и соединились въ одну партію, конечно, не безъ участія той же невидимой руки. Какъ тонко и осторожно дѣйствовала эта рука, видно изъ того, что Дашкова долго не узнавала въ Орловѣ ни человѣка, близкаго къ Екатеринѣ, ни своего соперника на политическомъ поприщѣ; она считала его только за одно изъ орудій своего предпріятія. Девятнадцатилѣтняя княгиня приходила въ восторгъ отъ той мысли, что она создала цѣлую политическую партію и что отъ нея можетъ зависѣть судьба русскаго трона. Ея тщеславіе и честолюбіе возбуждены были въ высшей степени, ея рвеніе не имѣло предѣловъ. Юная заговорщица, впрочемъ, показала и немалую ловкость: она, повидимому, не измѣняла своего обыкновеннаго образа жизни, посѣщала изрѣдка родныхъ и знакомыхъ и казалась очень-далекою отъ всякаго политическаго предпріятія.

Между-тѣмъ, какъ умы офицеровъ и низшихъ гвардейскихъ чиновъ были уже значительно подготовлены къ близкой перемѣнѣ, а двѣ роты измайловскаго полка окончательно подкуплены, главнымъ агентамъ екатерининской партіи удалось еще привлечь на свою сторону нѣсколько лицъ, очень-солидныхъ и занимавшихъ

высокое положеніе въ обществѣ. Здѣсь на первомъ планѣ стояли двое вельможъ: Кирилль Григорьевичъ Разумовскій и Никита Ивановичъ Данинъ. Первый изъ нихъ, гетманъ Малороссіи и начальникъ измайловской гвардіи, при своемъ огромномъ богатствѣ и щедрости, пользовался въ войскахъ нѣкоторою популярностью Осыпанный почестями и подарками во время Елизаветы, онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе и ея преемника. Что касается до личности Разумовскаго, то это былъ человекъ хотя образованный и умный, но довольно-апатичный и лѣнливый, погрузившійся въ наслажденія роскошью и нѣгой. Впрочемъ, когда обстоятельства того сильно требовали, онъ выходилъ изъ своей обычной апатіи и становился довольно-дѣятельнъ. Въ то время всѣ придворныя лица, занимавшія военныя должности, по требованію новаго государя, ни подъ какимъ предлогомъ не могли уклоняться отъ исполненія своихъ обязанностей, и Петръ съ особеннымъ удовольствіемъ заставлялъ нести тягости военной службы тѣхъ вельможъ, которые были извѣстны привязанностью къ покою и матеріальнымъ удобствамъ жизни. Разумовскій въ этомъ случаѣ показалъ неожиданное усердіе. Онъ съ большими усиліями выучился различнымъ приѣмамъ эспонтона и на разводахъ такъ удачно маневрировалъ своимъ полкомъ, что заслужилъ Высочайшее одобреніе. Но всякій могъ догадаться, что такая тревожная дѣятельность и вообще характеръ новаго царствованія очень не по нраву пришли изнѣженному гетману (*). Лѣнливый и нерѣшительный характеръ Разумовскаго нѣсколько смущалъ княгиню Дашкову; однако, она не отказывалась отъ надежды завербовать его въ члены екатерининской партіи и повела атаку довольно-искусно. Посредствомъ братьевъ Рославлевыхъ и въ-особенности Ласунскаго, который пользовался довѣренностію гетмана, княгиня намекнула ему на возможность близкой перемѣны и на ропотъ его собственнаго полка. Потомъ, во время душевныхъ разговоровъ, Разу-

---

(*). Нося громкій титулъ гетмана и генерал-фельдмаршала, графъ Разумовскій постоянно отказывался отъ командованія войсками и откровенно сознавался въ своей неспособности. Рассказываютъ, что, находясь однажды въ Берлинѣ, онъ присутствовалъ на большихъ манѣврахъ. Фридрихъ II просилъ его сказать свое мнѣніе о движеніяхъ войскъ. «Государь отвѣчалъ Разумовскій «извините меня: я гражданскій генералъ, а не военный». — «У насъ такихъ генераловъ не бываетъ» сухо замѣтилъ ему король.

мовскому мало-по-малу сообщены были планы заговорщиковъ; наконецъ ему внушили, что знать подобныя намѣренія значить въ нихъ участвовать, и что ужь поздно было бы выступать съ доносомъ. Впрочемъ, на послѣднее гетманъ едва-ли былъ способенъ. Вообще онъ поступилъ въ этомъ случаѣ совершенно-сообразно съ своимъ характеромъ, то-есть не отказался отъ участія въ предпріятіи, но, повидимому, не дѣлалъ ничего рѣшительнаго въ его пользу и скорѣе оставался въ роли наблюдателя, нежели двигателя событій.

Никита Ивановичъ Панинъ въ царствованіе Елизаветы Петровны служилъ по дипломатической части и въ 1750-хъ годахъ исполнялъ должность русскаго посланника въ Стокгольмѣ, откуда вывезъ исключительное пристрастіе къ шведскому государственному устройству. Съ 1670 года онъ былъ назначенъ обер-гофмейстеромъ при особѣ Павла Петровича; а такъ-какъ партія Екатерины прикрывалась отчасти именемъ великаго князя, то заговорщики считали его воспитателя необходимымъ лицомъ для успѣха своего дѣла. Кромѣ-того, самъ-по-себѣ Панинъ слылъ за человека весьма-умнаго и отличнаго политика; слѣдовательно, содѣйствіе его могло быть очень-полезно. Относительно сибаритскихъ наклонностей онъ не уступалъ Разумовскому, но безспорно превосходилъ гетмана талантами и твердостью характера. Мы приведемъ здѣсь одинъ анекдотъ изъ записокъ Дашковой, который живо характеризуетъ личность старшаго Панина.

Воспитатель великаго князя не разъ высказывалъ желаніе, чтобы государь обратилъ вниманіе на успѣхи его питомца. По просьбѣ двухъ своихъ дядей, голштинскихъ принцевъ, императоръ наконецъ удовлетворилъ желанію Панина и велѣлъ произвести экзаменъ въ своемъ присутствіи. Когда окончилось испытаніе, Петръ сказалъ своимъ дядямъ: «Господа, говоря откровенно, я думаю, что плутишка знаетъ всѣ эти предметы гораздо-лучше насъ». Затѣмъ, въ знакъ своего одобренія, онъ пожаловалъ маленькаго Павла капраломъ гвардіи; но Панинъ возражалъ противъ такой награды на томъ основаніи, что она можетъ вскружить голову юному принцу, который будетъ считать себя наравнѣ съ людьми взрослыми. Императоръ уважилъ его мнѣніе и взялъ назадъ капралство; за-то самого воспитателя онъ наградилъ чиномъ генерала отъ инфантеріи. Представьте себѣ блѣдную, болѣзненную фигуру Панина, который искалъ во всемъ удобства, жилъ постоянно при дворѣ, одѣвался очень-тщательно, носилъ

роскошный парикъ и вообще живо напоминалъ придворнаго вельможу времянь Лудовика XIV, и вы тогда поймете, какое впечатлѣніе произвело на него неожиданное производство, сопряженное въ то время съ дѣйствительной службой. Когда на слѣдующій день Мельгуновъ объявилъ ему о новомъ чинѣ, Панинъ отвѣчалъ рѣшительно, что онъ намѣренъ бѣжать въ Швецію, если нѣтъ другихъ средствъ избавиться отъ такой незаслуженной награды. Императоръ съ удивленіемъ узналъ объ этомъ отвѣтѣ. «Я всегда думалъ, что Панинъ умный человѣкъ» сказалъ онъ: «теперь вижу, что ошибся; не говорите мнѣ болѣе о немъ.» Впрочемъ, государь уступилъ и на этотъ разъ: онъ далъ Панину права на всѣ гражданскія отличія, соотвѣтствующія чину генерала отъ инфантеріи.

Нелегко было подчинить своимъ планамъ человѣка съ такимъ умомъ и характеромъ; его нельзя было ни убѣдить, ни запугать. Это трудное дѣло княгиня Дашкова взяла лично на себя. Она тѣмъ удобнѣ могла дѣйствовать, что Панинъ приходился ей дальнимъ родственникомъ. Какимъ-образомъ молоденькой княгинѣ удалось уловить въ свои сѣти осторожнаго политика, въ-точности неизвѣстно. Сама княгиня говоритъ объ отношеніяхъ къ нему довольно-глухо; если же вѣрить иностраннымъ писателямъ, то она при этомъ случаѣ употребила обыкновенное оружіе женщинъ—кокетство, и вскружила голову почтенному дипломату. Рюльеръ даже прибавляетъ, будто-бы Дашкова такъ далеко зашла въ своемъ усердіи, что не отступала уже ни отъ какихъ препятствій и для успѣха партіи рѣшилась пожертвовать собою. Княгиня въ своихъ запискахъ энергически возстаеъ противъ такой черной клеветы. Хотя въ современномъ обществѣ подобныя жертвы и были дѣломъ довольно-обыкновеннымъ, но мы въ этомъ случаѣ охотно принимаемъ сторону княгини и не можемъ обвинить ея по одному только слуху, который не подтверждается никакими ясными доказательствами.

Разъ, когда Екатерина Романовна серьезно заговорила съ Панинымъ о намѣреніяхъ произвести переворотъ, онъ выслушалъ ее очень-внимательно и потомъ вошелъ въ длинное разсужденіе о формахъ, въ которыхъ могъ бы совершиться этотъ переворотъ. По его мнѣнію, необходимо было пригласить сенатъ къ участию въ дѣлѣ и опереться на авторитетъ его, какъ главнаго государственнаго учрежденія. Далѣе онъ потребовалъ, чтобъ императрица получила только права регента за малолѣтствомъ своего сына, и

выразилъ при этомъ надежду осуществить свою любимую мечту, то-есть шведскую конституцію въ Россіи. Княгиня отвѣчала уклончиво; она не отрицала надеждъ Панина, но говорила, что прежде всего надобно подумать о главной реформѣ — объ устраненіи Петра III, а второстепенные вопросы могутъ быть рѣшены послѣ. Впрочемъ, она, кажется, не добилаь отъ него никакихъ положительныхъ результатовъ. Незамѣтно, чтобъ обер-гофмейстеръ, такъ же, какъ и гетманъ, явился горячимъ дѣятелемъ приготовлявшихся событій: оба они вели себя осторожно и не спѣшили рисковать своимъ настоящимъ положеніемъ, предоставляя это дѣло людямъ молодымъ и незначительнымъ.

Третье лицо, занимавшее почетное мѣсто въ обществѣ, которое болѣе-рѣшительнымъ образомъ приняло сторону Екатерины, былъ архіепископъ новгородскій Димитрій Сѣчановъ. Онъ славился своею ученостію и пользовался значительнымъ авторитетомъ въ духовномъ сословіи; а, при помощи духовенства, очень недовольнаго реформами Петра III, ему нетрудно было расположить массу въ пользу переворота. Не забудемъ, что Екатерина старалась придать своему дѣлу православно-народный характеръ, и впоследствии она, при всякомъ удобномъ случаѣ, любила указывать на воцареніе свое, какъ на актъ народной воли, освященной религіозными интересами.

Потомъ, изъ значительныхъ людей той же партіи наиболѣе-извѣстны: князь Барятинскій, родственникъ Дашковой, по мужу; князь Рѣпинъ, племянникъ Панина; генерал-прокуроръ сената Глѣбовъ и генералъ И. И. Бецкій. Княгиня постаралась также привлечь на свою сторону адъюнкта академіи наукъ, Г. Н. Теплова, который, при удобномъ случаѣ, могъ оказать большую пользу своимъ краснорѣчивымъ слогомъ и умѣньемъ объясняться на языкѣ простаго народа. Кромѣ-того, онъ былъ важенъ и по вліянію на своего воспитанника гетмана Разумовскаго.

Мы должны упомянуть еще объ одномъ лицѣ, которому иностранные писатели даютъ очень-видное мѣсто въ исторіи переворота. Это лицо былъ Одаръ, родомъ изъ Цьемонта, челоувѣкъ, весьма-искусный во всякаго рода интригахъ, поклонявшійся притомъ одному только божеству — золоту. Канцлеръ Воронцовъ помѣстилъ его сначала адвокатомъ въ коммерческой коллегіи; потомъ онъ приобрѣлъ довѣріе княгини Дашковой и, по ея рекомендаціи, сдѣланъ былъ чѣмъ-то въ родѣ домашняго секретаря при Екатеринѣ. Княгиня не соглашается съ извѣстіями иностран-

цевъ и рѣшительно не признаетъ за нимъ роли совѣтника, или руководителя, а выставляетъ его просто своимъ protégé (*). Говорятъ, что онъ придумалъ, между-прочимъ, одну мѣру предосторожности, оказавшуюся впоследствии очень-благоразумною, а именно: за каждымъ изъ главныхъ заговорщиковъ долженъ былъ постоянно слѣдить шпионъ, который, въ случаѣ какой-нибудь нечаянности, напримѣръ измѣны, или ареста, могъ бы тотчасъ предупредить остальныхъ объ опасности. Точно также удачнымъ оказалось слѣдующее распоряженіе княгини Дашковой: она поручила камердинеру Екатерины (Шкурину) держать постоянно наготовѣ дорожный экипажъ и почтовыхъ лошадей въ Петергофѣ. Такимъ-образомъ, императрица, въ случаѣ нужды, могла обойтись безъ придворной кареты, которую надобно было бы просить у министра двора (Измайлова), человѣка, всего менѣе расположеннаго въ ея пользу.

Дворъ на лѣто 1762 года переехалъ въ Петергофъ; а княгиня Дашкова оставалась въ Петербургѣ и могла теперь дѣйствовать гораздо-свободнѣе. Она часто, подъ предлогомъ нездоровья, уѣзжала отсюда на дачу, гдѣ всю энергію своего воображенія употребляла на изобрѣтеніе способа окончательно привести въ исполненіе свой замыселъ. Дача княгини лежала близъ Краснаго Кабачка, въ болотистой мѣстности, покрытой густымъ кустарникомъ. Петръ III велѣлъ раздѣлить эту землю на нѣсколько участковъ и роздалъ ихъ своимъ придворнымъ. Посредствомъ осушенія почвы и тщательной обработки, неплодная земля была скоро превращена богатыми владѣльцами въ цвѣтущую равнину. Одинъ участокъ, подаренный прежде какому-то голштинскому генералу и покинутый имъ по своей чрезмѣрной влажности, предложили княгинѣ Дашковой. Опасаясь большихъ издержекъ, она также хотѣла отъ него отказаться; но отецъ ея взялся на собственный счетъ построить домъ, и, такимъ-образомъ, дѣло уладилось. Около той поры случилось въ Петербургѣ до сотни крестьянъ, принадлежавшихъ князю Дашкову, которымъ въ извѣстное время года позволялось работать на самихъ себя. Изъ любви къ доброму помѣщику, крестьяне вызвались поработать четыре дня сряду въ новомъ его владѣніи и потомъ каждый праздникъ по очереди продолжать свой трудъ. Съ ихъ помощію были прорѣзаны не-

---

(*) Однако, послѣ переворота, Одаръ удалился на родину, осыпанный благодѣяніями Екатерины II.

большіе каналы и поднята почва для постройки дома со всѣми принадлежностями. Екатерина Романовна начинала уже привязываться къ первому поземельному пріобрѣтенію своему, но не давала ему еще никакого названія, рѣшившись освятить именемъ того святаго, въ день котораго увѣнчается успѣхомъ ея политическое предпріятіе. Однажды графъ Строгановъ, родственникъ княгини, провожалъ ее верхомъ на дачу. Желая показать спутнику какія-то работы, она повела его кратчайшимъ путемъ по мѣсту, которое походило издали на зеленый лугъ; но наружность оказалась обманчивою: княгиня по колѣно погрузилась въ болото. Жестокая простуда была слѣдствіемъ такой неосторожности. Императрица утѣшила больную дружескимъ письмомъ: она шутила надъ ея приключеніемъ и обвиняла во всемъ неловкаго кавалера. Екатерина Романовна написала отвѣтъ въ минуту сильнаго лихорадочнаго припадка; а потому посланіе ея представляло безсвязную смѣсь прозы и стиховъ на французскомъ и на русскомъ языкахъ. Тутъ были и пламенные выраженія дружбы, и темныя пророчества о будущемъ.

Между-тѣмъ, число людей, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, постоянно возрастало. Умы въ столицѣ были сильно встревожены, и мѣсто глухаго броженія заступилъ уже явный ропотъ. Гвардейскіе солдаты, и безъ-того недовольные предстоявшимъ походомъ въ Данію, волновались слухами о печальной судьбѣ, которая ожидала императрицу и наследника. Посреди такого волненія, ропота и почти-явныхъ приготовленій къ перевороту, одинъ только человекъ оставался невозмутимо-спокойнымъ и упорно отказывался вѣрить всѣмъ предосторожностямъ. Этотъ человекъ былъ Петръ III. Прусскій король, который имѣлъ причины, болѣе, нежели кто другой, заботиться о сохраненіи престола своему великодушному сосѣду, съ большимъ безпокойствомъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ въ Петербургѣ. Онъ рѣшился въ самыхъ деликатныхъ формахъ предупредить Петра и дружескимъ письмомъ напомнилъ ему о необходимыхъ мѣрахъ предосторожности. Фридрихъ совѣтовалъ императору отложить походъ въ Данію хотя до слѣдующаго года и ни въ какомъ случаѣ не оставлять предѣловъ имперіи прежде своего коронованія: онъ приводилъ въ примѣръ сирѣдцкіе мятежи, случившіеся въ отсутствіе Петра I, и вообще очень-настойчиво убѣждалъ союзника позаботиться о своей личной безопасности. Письмо это не произвело никакого впечатлѣнія. «Моя слава» отвѣчалъ Петръ «требуетъ, чтобъ я раскви-

тался съ датчанами за тѣ оскорбленія, которыя они нанесли лично мнѣ и моимъ предкамъ. Церемонія коронованія потребууетъ огромныхъ расходовъ; а эти деньги пусть лучше пойдутъ на войну съ датчанами. Чтѣ же касается до моей личной безопасности, то прошу васъ о томъ не беспокоиться. Солдаты называютъ меня своимъ отцомъ; они сами говорятъ, что желаютъ лучше повиноваться мужчинѣ, чѣмъ женщинѣ. Я прогуливаюсь одинъ пѣшкомъ по улицамъ Петербурга, и еслибъ кто захотѣлъ причинить мнѣ зло, то давно нашелъ бы случай исполнить свое намѣреніе; но я всѣмъ дѣлаю добро, вполне полагаюсь на волю Божию и ничего не боюсь.» (Какъ ярко обозначилась въ этихъ словахъ добрая, но до-крайности самоувѣренная и безпечная натура Петра III!) Подобный отвѣтъ, конечно, не успокоилъ короля: онъ продолжалъ свои предостереженія. Гольцъ и Шверинъ, его повѣренные при петербургскомъ дворѣ, должны были во время дружескихъ бесѣдъ съ императоромъ, при всякомъ удобномъ случаѣ наводить разговоръ на угрожавшую опасность. Усилія ихъ были напрасны. «Послушайте» сказалъ имъ наконецъ императоръ: «если вы хотите остаться моими друзьями, не касайтесь болѣе этого ненавистнаго мнѣ предмета». Прусскіе министры поневолѣ должны были замолчать и оставить дѣло на произволъ судьбы. Такимъ-образомъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что успѣху екатерининской партіи болѣе всего содѣйствовалъ самъ императоръ.

Почти всѣ приготовленія заговорщиковъ были уже окончены; оставалось только условиться во времени и въ способъ развязки. На этотъ счетъ непрерывно составлялись разные проекты, но по болѣе части были отвергаемы, какъ неудобноисполнимые. Главное разногласіе встрѣчалось при обсужденіи вопроса: произвести ли рѣшительный ударъ до отплытія императора въ Данію, или послѣ? Дѣло, однако, окончилось скорѣе всякаго ожиданія.

Поручикъ Пассекъ болѣе всѣхъ другихъ заговорщиковъ отличался буйнымъ, отчаяннымъ характеромъ. Ему-то и суждено было ускорить развязку драмы. 27 іюня нѣсколько неосторожныхъ словъ его доведены были до свѣдѣнія ближайшаго начальника, майора Воейкова. Пассека немедленно арестовали, и курьеръ поскакалъ съ этимъ извѣстіемъ къ императору въ увеселительный замокъ Ораніенбаумъ. Шпіонъ, слѣдившій за поручикомъ, тотчасъ далъ знать объ его арестѣ кому слѣдуетъ. Въ полдень Григорій Орловъ явился съ тѣмъ же извѣстіемъ къ княгинѣ Даншковой, у которой въ

то время сидѣлъ Никита Ивановичъ Панинъ. Последній съ свойственною ему флегмою началъ доказывать, что такое происшествіе очень—неважно и что Пассекъ, вѣроятно, провинился въ какихъ—нибудь пустякахъ. Княгиня, напротивъ, была сильно встревожена. Чтобъ прекратить нецѣлѣбныя, Орловъ поспѣшилъ въ казармы узнать, арестованъ ли Пассекъ за государственную измѣну, или за нарушеніе военной дисциплины; въ первомъ случаѣ онъ общалъ тотчасъ увѣдомить и княгиню, и Панина. Екатерина Романовна, подъ предлогомъ утомленія, поспѣшила удалиться отъ себя гостя; но лишь—только онъ вышелъ, какъ она покрылась широкимъ мужскимъ плащомъ, надѣла шляпу и пѣшкомъ отправилась къ Рославлеву.

Дорбого ей повстрѣчался всадникъ, скакавшій во весь галопъ. Сердце Дашковой сильно забилося. Она громко произнесла имя Алексѣя Орлова, хотя до—сихъ—поръ не видала никого изъ братьевъ Григорія. Всадникъ сдержалъ коня и, узнавъ, кто говоритъ съ нимъ, сказалъ:

— Княгиня, я ѣхалъ увѣдомить васъ, что Пассекъ арестованъ, какъ государственный преступникъ. Четверо часовыхъ стоятъ у его дверей и двое у каждаго окна. Братъ мой поѣхалъ извѣстить Панина, и я уже далъ знать объ этомъ Рославлеву.

— Что Рославлевъ, очень встревоженъ?

— Да, отчасти. Но зачѣмъ намъ стоять на улицѣ: позвольте проводить васъ домой.

— Нѣтъ, мы здѣсь безопаснѣе, чѣмъ дома, гдѣ будемъ окружены прислугою. Однако, нѣчего терять время. Скажите Рославлеву, Ласунскому, Черткову и Бредихину, чтобъ они отправились въ измайловскій полкъ и каждый на своемъ посту ожидалъ прибытія императрицы. Потомъ вы, или одинъ изъ вашихъ братьевъ летите, какъ молнія, въ Петергофъ и умоляйте ея величество отъ моего имени тотчасъ сѣсть въ экипажъ и скакать къ измайловскимъ казармамъ: тамъ будутъ ждать ее друзья, чтобы провозгласить государыней и проводить въ столицу. Время такъ дорого, прибавьте ей, что я даже не могла зайти домой и написать нѣсколько словъ; скажите, что я на улицѣ заклинала васъ передать мою просьбу и ускорить ея прибытіе. Можетъ—быть, я сама выѣду къ вамъ навстрѣчу.

Орловъ ускакалъ, а Екатерина Романовна воротилась домой. Она была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что рѣшительно не могла сколько—нибудь спокойно дожидаться новыхъ извѣстій. Въ

тотъ вечеръ она должна была получить полный мужской костюмъ; но портной, какъ нарочно, замедлялъ, и это обстоятельство увеличило ея нетерпѣніе. Чтобъ избѣжать подозрѣнія, или любопытства прислуги, княгиня легла въ постель; но не прошло и часу, какъ раздался сильный стукъ въ наружныя двери. Вскочивъ съ постели, она приказала принять каждаго, кто бы ни явился. Вошелъ незнакомый молодой человѣкъ, который назвалъ себя младшимъ Орловымъ (Владиміръ). Онъ прѣхалъ спросить, не слишкомъ ли рано посылать за императрицею и нужно ли дѣйствительно требовать ея поспѣшнымъ прѣздомъ въ Петербургъ.

Этотъ вопросъ взбѣсилъ княгиню. Она не стала удерживать своего негодования, а, напротивъ, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ начала упрекать братьевъ Орловыхъ за неисполненіе порученій, данныхъ Алексѣю.

— Вы упустили самое драгоценное время, прибавила она въ заключеніе.—Вмѣсто опасенія потревожить государыню, вы должны были бы скорѣе привезти ее сюда безъ чувствъ, нежели оставлять въ такой опасности. Знаете ли, что она рискуетъ попасть въ тюрьму, а можетъ-быть потерять и самую жизнь на эшафотъ вмѣстѣ съ нами? Скажите вашему брату, чтобъ онъ сію же минуту скакалъ въ Петергофъ и немедленно привезъ императрицу; а иначе все погибло:

Молодой человѣкъ, казалось, былъ очень пораженъ; онъ обѣщаль въ-точности исполнить порученіе и поспѣшилъ къ брату.

Когда Орловъ ушелъ, княгинею овладѣло самое тревожное настроеніе духа. Она хотѣла бы скакать на петергофскую дорогу; но неакуратность портнаго удерживала ее дома. А, между-тѣмъ, воображеніе работало безъ-устали: то представлялись ей торжество императрицы и толпы ликующаго народа, то въ ея умѣ рисовались другіе, страшные образы, и ей чудилась блѣдная, обезображенная фигура Екатерины. Малѣйшій звукъ болѣзненно отдавался во всемъ ея организмѣ. «Никогда» говоритъ она «випро-долженіе всей своей жизни я не страдала столько, сколько въ эту ночь». Наконецъ эта несносная ночь прошла, и наступило знаменитое утро 28 іюня.

Екатерина въ послѣднее время уединенно жила въ Петергофѣ и проводила очень-безпокойные дни, ожидая развязки задуманнаго предпріятія. Впрочемъ, она регулярно получала извѣстія о положеніи дѣлъ и въ лагерь союзниковъ, и въ лагерь непріятелей. Подъ предлогомъ очистить всѣ комнаты дворца для импера-

тора, который собирался приѣхать сюда со всею свитою, императрица поселилась въ отдаленномъ углу петергофскаго сада, въ павильонѣ, носившемъ названіе *Монплеаиръ*. Такимъ-образомъ, избавляясь отъ надзора часовыхъ, она приобрѣтала болѣе свободы въ образѣ жизни и легко могла направить свой путь, смотря по обстоятельствамъ: или въ Петербургъ, чтобъ тамъ сѣсть на престолъ, или искать спасенія за границей.

Въ этомъ павильонѣ однажды, рано поутру, Екатерину будятъ слѣдующія слова: «Ваше величество, вставайте: нельзя терять ни одной минуты». Она открываетъ глаза и видитъ передъ собою гвардейца съ атлетическими формами. На вопросы ея Алексѣй Орловъ отвѣчалъ только многозначительною фразою: «Пасекъ арестованъ», и вышелъ изъ комнаты. Нѣсколько минутъ спустя, онъ воротился; императрица уже успѣла кое-какъ одѣться. Она сѣла въ экипажъ, приготовленный по распоряженію княгини Дашковой; рядомъ съ нею помѣстилась вѣрная камерфрау Черевковская; назади сталъ камердинеръ Шкурицъ (впоследствии тайный совѣтникъ); Орловъ взялъ въ руки возжи и погналъ лошадей во весь галопъ. На половинѣ дороги лошади падаютъ отъ усталости, и путники очутились въ крайнемъ затрудненіи. Сначала ихъ выручаетъ изъ опасности проѣзжавшая мимо крестьянская телега; а потомъ они увидали карету, быстро приближавшуюся къ нимъ навстрѣчу. Въ ней сидѣлъ Григорій Орловъ съ княземъ Барятинскимъ. «Все готово!» кричитъ Орловъ. Барятинскій уступилъ свое мѣсто Екатеринѣ, и въ седьмомъ часу утра она достигла гвардейскихъ казармъ, которыя составляли особый лагерь и служили предмѣстьемъ столицѣ.

Несмотря на торжественное объявленіе, что все готово, только десятка два-три рядовыхъ и одинъ барабанщикъ встрѣтили императрицу. Такое ничтожное число нѣсколько смутило ее. Но вотъ забила тревогу: измайловцы мало-по-малу собираются и окружаютъ Екатерину. Она обращается къ солдатамъ съ энергическою рѣчью, прося у нихъ защиты отъ своихъ непріятелей, которые покушаются на жизнь ея собственную и ея сына. Солдаты клянутся умереть за императрицу и бросаются цловать ея ноги, руки, платье. Въ это время офицеры приводятъ остальныхъ измайловцевъ, является полковой священникъ съ крестомъ, и весь полкъ присягнулъ Екатеринѣ II. Она садится опять въ коляску и ѣдетъ въ казармы семеновскаго полка. Вслѣдъ за своимъ премьер-майоромъ, графомъ Брюсомъ, семеновцы кричатъ: «ура!»

и пристають къ Екатеринѣ. Съ такимъ же энтузіазмомъ приимають къ ней преображенскій полкъ и конная гвардія. Государыня посылаетъ отрядъ арестовать начальника конныхъ гвардейцевъ, принца Жоржа, и вмѣстѣ съ тѣмъ предохранить его отъ оскорбленій. Григорій Орловъ послѣ-того спѣшитъ къ артиллеристамъ, своимъ товарищамъ по службѣ, и уговариваетъ ихъ послѣдовать примѣру гвардіи; но солдаты хотять прежде узнать мнѣніе своего начальника. Генераль Вильбуа нѣсколько минутъ колеблется, однако уступзетъ торжественно-повелительному тону Екатерины, и артиллерія также переходитъ на ея сторону. Между-тѣмъ, на мѣсто дѣйствія прибываютъ: гетманъ Разумовскій, Панинъ, князь Волконскій, И. И. Шуваловъ, Строгановъ и другіе вельможи, которые присоединяются къ свитѣ императрицы. Окруженная войскомъ и толпами стекавшагося отовсюду народа, она отправляется въ Казанскій Соборъ; здѣсь встрѣчаетъ ее архіепископъ новгородскій и высшее духовенство. Пропѣли благодарственный молебень и торжественно провозгласили Екатерину самодержавнѣйшею императрицею всея Россіи, а великаго князя Павла Петровича — наследникомъ престола. Изъ собора государыня перешла въ новый зимній дворецъ, выстроенный Петромъ III, гдѣ уже собрались для принесенія присяги сенать и синодъ. Немедленно приняты были и необходимыя мѣры безопасности: подступы къ дворцу защищены артиллеріей, на многихъ пунктахъ разставлены сильныя отряды часовыхъ, а сообщеніе съ Петергофомъ и Ораніенбаумомъ совершенно прекращено. Императрица поспѣшила разослать курьеровъ въ провинціи къ гражданскимъ и военнымъ начальникамъ, а также къ генераламъ войскъ, находившихся въ Пруссіи; дипломатическій корпусъ получилъ офіціальное увѣдомленіе о перемѣнѣ царствующей особы.

Теперь посмотримъ, чтó въ это время дѣлала наша героиня.

«Я приказала своей горничной подать парадное платье» рассказываетъ Дашкова «и поѣхала въ зимній дворецъ. Трудно описать, какимъ-образомъ я пробралась въ него. Дворецъ былъ густо окруженъ солдатами, которые стекались со всѣхъ сторонъ, такъ-что я принуждена была выйти изъ кареты и нѣшкомъ протѣсняться сквозь толпу. Но какъ-скоро узнали меня нѣкоторые изъ офицеровъ и солдатъ, они тотчасъ подняли на руки и пронесли надъ толпою, которая осыпала меня привѣтствіями и благословеніями. Когда я очутилась въ передней, голова у меня сильно кружилась, волосы были въ беспорядкѣ, платье измято

и изорвано; съ этими-то знаками своего триумфальнаго шествія я поспѣшила къ императрицѣ, и мгновенно мы очутились въ объятіяхъ другъ у друга. «Слава Богу, слава Богу!» вотъ все, что мы могли произнести въ первую минуту.

«Потомъ она рассказала мнѣ о своемъ побѣгѣ изъ Петергофа, о своихъ опасеніяхъ и надеждахъ во время пути. Я слушала ее съ сильнымъ біеніемъ сердца и, въ свою очередь, описала несносные часы, проведенные мною, а также мое сожалѣніе о томъ, что не могла быть подлѣ императрицы въ торжественную минуту, когда рѣшалась судьба ея вмѣстѣ съ судьбою цѣлой Россіи. Еще разъ мы обнялись отъ всего сердца, и въ это мгновеніе я испытала такое счастье, какое едва-ли приходилось испытать кому-либо изъ смертныхъ. Замѣтивъ, что ея величество была украшена екатерининскою лентою и еще не имѣла андреевской, то-есть высшаго государственнаго отличія (хотя женщина и не могла его носить, но, какъ царствующая особа, она становилась гротмейстеромъ этого ордена), я подбѣжала къ Панину, сняла съ него голубую ленту и перевязала ее черезъ плечо императрицы, а красную екатерининскую, по ея желанію, спрятала къ себѣ въ карманъ.

«Послѣ легкаго завтрака, государыня объявила, что лично поведетъ полки въ Петергофъ, и пригласила меня сопровождать ее въ этомъ походѣ. Чтобъ явиться передъ войскомъ въ гвардейской формѣ, она взяла мундиръ у капитана Талызина, а я достала себѣ такой же у поручика Пушкина — двухъ молодыхъ офицеровъ нашего роста. Мундиры эти были покроя петровскихъ временъ, и замѣчательно, что едва императрица вошла въ городъ, какъ гвардейцы, будто по командѣ, сбросили новый, иностранный костюмъ и всѣ до одинаго явились въ своей старой формѣ. Когда императрица занялась приготовленіями къ пути, я поспѣшила домой переодѣться, а, возвратившись, нашла ее засѣдающую посреди сенаторовъ, которые разсуждали о манифестѣ. Тепло въ исполнять при этомъ должность секретаря.

«Такъ-какъ извѣстіе о побѣгѣ изъ Петергофа и слѣдующихъ затѣмъ событіяхъ могло уже достигнуть Ораніенбаума, то мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: что будетъ, если Петръ III захочетъ быстро двинуться къ Петербургу и усмирить возстаніе войска? Подъ влияніемъ этого опасенія, я рѣшилась немедленно сообщить свои мысли императрицѣ. Часовые офицеры, вѣроятно, удивленные моею смѣлостью, или полагавшіе, что я имѣю позволеніе

(безъ котораго они не могли никого пропускать), отворили мнѣ двери въ комнату совѣта. Я подошла къ ея величеству и начала говорить ей на ухо, прося употребить всѣ возможныя мѣры предосторожности со стороны Петра III. Теплому тотчасъ было велѣно написать указъ и копию съ него, вмѣстѣ съ другими инструкціями, послать двумъ военнымъ отрядамъ, которые должны были занять подступы къ городу по рѣкѣ, остававшіеся до того времени незащищенными. Между-тѣмъ, почтенные сенаторы, не узнавъ женщины въ военномъ мундирѣ, съ удивленіемъ смотрѣли на вошедшаго незнакомца. Замѣтивъ это, государыня назвала меня по имени и прибавила, что моею дружбѣ и усердію обязана она въ настоящую минуту указаніемъ на одинъ очень-важный пунктъ, который совершенно упустила изъ виду. Сенаторы поднялись съ своихъ мѣстъ и единодушно мнѣ поклонились. Этотъ знакъ уваженія заставилъ меня покраснѣть и застыдиться, потому-что онъ такъ мало шелъ къ мальчику-гвардейцу (такова была тогда моя наружность), который вломился въ святилище совѣта и несовсѣмъ-почтительно шепталъ на ухо ея величеству.»

Около 9 часовъ вечера Екатерина, осмотрѣвъ полки, небольшую часть отдѣлила для охраненія столицы, а съ остальными выступила въ походъ. Наружность императрицы была именно такая, которая могла производить на массу очень-выгодное впечатлѣніе. Представьте себѣ полную, красивую женщину лѣтъ тридцати съ небольшимъ, въ темнозеленомъ преображенскомъ мундирѣ, съ голубою андреевскою лентою черезъ плечо. Дубовая вѣтка осыняла ея шляпу, изъ-подъ которой спускались густые локоны каштановыхъ волосъ; она гордо и ловко держалась на своемъ свѣтлосѣромъ конѣ съ тигристою шерстью. Подлѣ нея ѣхали гетманъ Разумовскій, два фельдмаршала И. И. Шуваловъ и графъ Бутурлинъ, генерал-фельдцейхмейстеръ Вильбуа, князь Волконскій — новый начальникъ конной гвардіи, и другіе высшіе чины. Между ними рѣзко отличалась оригинальная фигура мальчика-гвардейца, который старался не отставать отъ другихъ и также бодро сидѣть на конѣ.

Въ селѣ Красный Кабачокъ Екатерина остановилась и дала роздыхъ утомленнымъ войскамъ, которыя въ продолженіе 12 часовъ были на ногахъ. Сама она также имѣла нужду въ покоѣ; еще болѣе нуждалась въ немъ княгиня Дашкова, почти незнавшая сна въ послѣднія двѣ недѣли. Императрица расположилась съ княгинею въ какомъ-то бѣдномъ трактирѣ и предложила своей

спутницѣ, не раздѣваясь, лечь вмѣстѣ съ нею на одну кровать. Екатерина Романовна разостлала шинель, которою ссудилъ ихъ полковникъ Каръ, и онѣ улеглись. Но зоркій глазъ княгини тотчасъ замѣтилъ маленькую дверь позади изголовья. Она пошла осмотрѣть, нѣтъ ли какой опасности, и, найдя, что дверь узкимъ, темнымъ коридоромъ сообщалась съ наружнымъ дворомъ, поставила около нея двухъ часовыхъ, приказавъ имъ не трогаться съ мѣста безъ ея позволенія. Воротясь въ комнату, Дашкова застала императрицу за какими-то бумагами, и такъ-какъ имъ не спалось, то онѣ прочитали вмѣстѣ конію съ приготовленнаго манифеста, а потомъ предались веселымъ мечтамъ о будущемъ и позабыли всякую мысль объ опасности.

Да и напрасно было бы тревожиться подобною мыслью. Со стороны Петербурга и Ораніенбаума не оказалось никакого серьезнаго противодѣйствія.

Послѣднее время Петръ беззаботно проводилъ время въ своей маленькой резиденціи. Ораніенбаумъ, расположенный на берегу Финскаго Залива, противъ самаго Кронштадта, былъ очень-красиво выстроенъ и имѣлъ всѣ принадлежности исправно-вооруженной крѣпости. Тутъ, между-прочимъ, обращали на себя вниманіе: двойные валы, уставленные рядами пушекъ, каменные казармы, театръ, домъ коменданта, цейхгаузъ и въ-особенности дворецъ Петра III—зданіе очень-изящной архитектуры. Но все это было въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что городъ совсѣмъ не имѣлъ характера грозной крѣпости и въ-сущности служилъ только увеселительнымъ замкомъ. Гарнизонъ его составляли голштинскій отрядъ тысячи въ полторы человекъ, потѣшное войско Петра III, и до тысячи русскихъ солдатъ.

Извѣстіе объ арестѣ Пассека, какъ и слѣдовало ожидать, не произвело здѣсь никакого впечатлѣнія. 28 іюня императоръ, слѣлавъ обычный разводъ гарнизону, въ 10 часовъ утра отправился въ Петергофъ, гдѣ на слѣдующій день должно было происходить празднество по случаю его именинъ. Въ одной каретѣ съ Петромъ сидѣла Елизавета Воронцова; за ними слѣдовалъ рядъ экипажей, наполненныхъ свитою. Въ числѣ кавалеровъ находились: старый фельдмаршалъ Мишихъ, канцлеръ Воронцовъ, съ братомъ Романомъ, Александръ Шуваловъ и прусскій посланникъ баронъ Гольцъ. Между дамами первыя мѣста занимали: принцесса голштейнбекская Екатерина, супруга канцлера, княгиня Трубецкая, Нарышкина, супруга гетмана Разумовскаго и двѣ хорошенькія гра-

фини Строганова и Брюсъ (трѣмъ послѣднимъ дамамъ и въ голову не приходило, что мужа ихъ въ то время ужь присягали супругъ императора Петра III). Впереди поѣзда скакалъ верхомъ генерал-адъютантъ императора, Гудовичъ.

На половинѣ дороги поравнялся съ ними крестьянинъ въ телгѣ. Тщетно кричалъ онъ кучеру и форейтору, чтобъ они остановились; экипажи пронеслись мимо. Но, спустя нѣсколько минути, Гудовичъ остановилъ поѣздъ и сказалъ что-то на ухо императору. Онъ встрѣтилъ одного изъ камергеровъ императрицы, который сообщилъ ему, что Екатерины нѣтъ въ Петергофѣ, и никто не знаетъ, гдѣ она находится; только одинъ часовой замѣтилъ, что рано поутру, между 4 и 5 часами, изъ саду вышли двѣ женщины. Императоръ, съ Гудовичемъ, кратчайшей дорогой поспѣшилъ въ Монплезиръ. Онъ тщательно осмотрѣлъ комнату Екатерины, заглядывалъ подъ кровать, открывалъ шкафы, ящики и проч. «Не говорилъ ли я вамъ, что эта женщина на все способна?» повторялъ Петръ, обращаясь къ дамамъ, которыя, между-тѣмъ, къ нему подоспѣли. Поиски въ саду и въ окрестностяхъ остались также безуспѣшны. Придворные начинали догадываться; но никто еще не рѣшался высказать своихъ опасеній. Недоумѣнiе, впрочемъ, скоро разъяснилось письмомъ, которое подалъ Петру незнакомецъ, одѣтый въ крестьянское платье. Въ цѣломъ, большомъ городѣ нашелся только одинъ человѣкъ, рѣшившійся извѣстить государя объ опасности. Это былъ итальянецъ Брессанъ, прежній его камердинеръ, награжденный за свою службу одною почетною должностью. Онъ послалъ въ Петергофъ самаго расторопнаго человѣка изъ своей прислуги, приказавъ ему переодѣться крестьяниномъ; послѣдній успѣлъ выбраться изъ Петербурга въ томъ самый моментъ, когда часовые готовились занять свои посты и прекратить сообщеніе съ окрестностями. «Гвардія въ полномъ возстаніи (писалъ Брессанъ). Императрица предводительствуетъ ею. Бьетъ девять часовъ; она отправляется въ церковь Казанской Богоматери. Весь народъ, кажется, присталъ къ движенію, и не видно нигдѣ вѣрныхъ подданныхъ вашего величества.»—«Видите, господа, вѣдь я былъ правъ!» воскликнулъ Петръ, обращаясь къ своей свитѣ. Вслѣдъ затѣмъ прискакалъ одинъ голштинскій офицеръ, спасшійся изъ Петербурга, и подтвердилъ извѣстіе Брессана.

Петръ III и свита его были поражены изумленіемъ. Первый напелся канцлеръ Воронцовъ: онъ попросилъ у императора позво-

леніе отправиться въ Петербургъ и общалъ уговорить мятежниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ повѣхали князь Трубецкой и А. И. Шуваловъ. Канцлеръ явился къ императрицѣ въ то самое время, когда она собиралась въ походъ, и началъ довольно-краснорѣчиво излагать ей послѣдствія, которыя могли произойти отъ ея слишкомъ-смѣлаго предпріятія. «Не я причиною того, что случилось, а воля всего народа» отвѣчала Екатерина, показывая на войско и жителей столицы. Воронцовъ объявилъ себя плѣнникомъ и просилъ поставить караулъ къ дверямъ его дома, что и было исполнено. Трубецкой и Шуваловъ безъ особеннаго принужденія произнесли новую присягу.

Между-тѣмъ, Петръ отправилъ въ Ораніенбургъ повелѣніе гарнизону какъ-можно-скорѣе выступить къ нему на помощь и привезти съ собою пушки. Онъ принялся диктовать указы и рассылать курьеровъ во всѣ стороны, непрерывно обращаясь за совѣтами къ своимъ приближеннымъ и не слѣдуя изъ нихъ ни одному. Вообще, въ этотъ рѣшительный день своей жизни, Петръ дѣйствовалъ, какъ человѣкъ, совсѣмъ потерявшій голову, тогда-какъ положеніе его было далеко не безнадежно и средства для успѣшной борьбы находились подъ руками. Не говоря о войскахъ, расположенныхъ въ Пруссіи, и о провинціяхъ государства, неуспѣвшихъ заявить себя въ пользу той или другой стороны, онъ имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи значительныя военныя силы. Притомъ, у него былъ человѣкъ, стоившій цѣлой арміи, которому, какъ полководцу, не нашлось бы равнаго соперника въ непріятельскомъ лагерѣ. Мы говоримъ о Минихѣ. Послѣ двадцатилѣтняго заточенія, онъ воротился изъ Сибири такимъ же бодрымъ и неутомимымъ, какъ прежде, и ни въ какую критическую минуту не терялъ своей энергіи, ни способности быстро создавать планъ дѣйствія и находить средства для его исполненія. До настоящей поры старый фельдмаршалъ держался въ-сторонѣ отъ мелочной, придворной дѣятельности; но теперь онъ выступилъ впередъ, и его солдатское сердце сильно забилося при видѣ опасности. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ эту минуту въ честолюбивой душѣ снова мелькнула надежда на первую роль въ исторіи, если удастся спасти императора! Сначала, какъ говорятъ, Минихъ предложилъ императору немедленно стать во главѣ войскъ, расположенныхъ въ Ораніенбаумѣ и другихъ ближнихъ мѣстахъ, и идти въ Петербургъ; а тамъ, безъ-сомнѣнія, пристали бы къ нему многіе солдаты, неучаствовавшіе въ заговорѣ и увлечен-

ные только примѣромъ товарищей. Когда такой планъ былъ найденъ слишкомъ-смѣлымъ, фельдмаршалъ началъ доказывать, что, во всякомъ случаѣ, ни Петергофъ, ни его окрестности не могутъ служить твердымъ пунктомъ для обороны, что самое вѣрное спасеніе государя въ Кронштадтѣ, гдѣ находится сильный гарнизонъ и откуда нетрудно будетъ привести въ покорность мятежную столицу.

Этотъ совѣтъ вдохнулъ мужество и бодрость въ сердца людей, окружавшихъ Петра III, которые уже повѣсили голову и замѣтно приуныли. Въ Кронштадтѣ тотчасъ отправленъ генералъ Ливерсъ, съ порученіемъ принять тамъ начальство; онъ вскорѣ прислалъ въ Петергофъ адъютанта съ извѣстіемъ, что гарнизонъ готовъ умереть за государя и ожидаетъ его съ нетерпѣніемъ. Между-тѣмъ, сюда прибылъ голштинскій отрядъ. Увидавъ подлѣ себя любимое войско, Петръ воодушевился, поставилъ его въ боевой порядокъ и объявилъ, что постыдно было бы обратиться въ бѣгство, еще не встрѣтивъ непріятеля. Государь оставилъ пока въ сторонѣ спасительный совѣтъ Миниха и сталъ осматривать со-сѣдніе холмы, выбирая мѣсто для позиціи. Онъ снова началъ диктовать указы, разсылать курьеровъ, выслушивать разныя мнѣнія и, такимъ-образомъ, продолжалъ терять драгоценное время. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина, съ 15,000 регулярнаго войска, выступила на петергофскую дорогу. Тогда только императоръ съ своею свитою поспѣшили на морской берегъ, гдѣ ожидали его двѣ яхты; гребцы дружно принялись за весла, и яхты стали быстро приближаться къ Кронштадту. Но уже было поздно: тамъ произошла перемѣна.

Посреди тревожныхъ хлопотъ и своихъ блестящихъ успѣховъ въ столицѣ, предводители екатерининской партіи сначала не обратили должнаго вниманія на кронштадтскую крѣпость и на флотъ. Не ранѣе полудня замѣтили они, какой важный пунктъ упустили изъ виду, и не одно сердце дрогнуло при мысли—что будетъ, если Петръ воспользуется этимъ пунктомъ! Вице-адмиралъ Талызинъ получилъ приказаніе отправиться туда и, если можно, принять тамъ начальство. Талызинъ сѣлъ въ шляпку и, подлѣ страхомъ смертной казни, запретилъ гребцамъ объявлять, въ какомъ мѣстѣ они отчалили. Комендантъ, безъ позволенія котораго никто не могъ войти въ крѣпость, самъ встрѣтилъ вице-адмирала и началъ спрашивать его о новостяхъ. Тотъ отвѣчалъ, что ничего не знаетъ, что, находясь въ загородномъ домѣ, онъ услышалъ о безпокойствахъ въ Петербургѣ и поспѣшилъ къ своему посту,

то-есть на флотъ. Лишь-только комендантъ удалился, Талызинъ собралъ вокругъ себя толпу солдатъ и объявилъ имъ, что Петръ уже на царствуетъ, а потому они только немедленною покорностию императрицѣ могутъ заслужить ея благосклонность и богатыя награды. Солдаты противъ этого ничего не возражаютъ. Вице-адмиралъ идетъ съ ними въ крѣпость и арестуетъ высшихъ офицеровъ; потомъ онъ созываетъ весь гарнизонъ и безъ труда убѣждаетъ его присягнуть Екатеринѣ II. Крѣпость немедленно приняла грозный видъ и приготовилась къ бою.

Около десяти часовъ вечера два маленькія судна подошли къ пристани и бросили якорь.

— Кто идетъ? окликаютъ часовые.

— Императоръ.

— Нѣтъ божье императора!

Какъ громомъ поразили всѣхъ эти слова. Петръ встаетъ, сбрасываетъ съ себя плащъ.

— Это я, говорить онъ.—Развѣ вы меня не узнаете?

Онъ хочетъ сойти на берегъ; но караульный офицеръ требуетъ, чтобъ яхты тотчасъплыли назадъ. Петръ въ уныніи опускается на скамью. Тщетно Минихъ и Гудовичъ убѣждаютъ его спрыгнуть вмѣстѣ съ ними на берегъ, увѣряя, что солдаты не посмѣютъ сдѣлать выстрѣлъ. Женщины, между-тѣмъ, поднимаютъ плачь и умоляютъ о пощадѣ; а Талызинъ грозитъ залпомъ, если суда промедлятъ еще хоть одну минуту. Тогда, по командѣ капитана, матросы отрубили якорный канатъ и начали поспѣшно грести отъ берега. Дружное «ура» въ честь Екатерины загремѣло вслѣдъ убѣгающимъ.

Когда яхты вышли за черту пушечнаго выстрѣла, гребцы, не получая никакихъ приказаній, не знали, куда направить путь, и остановились въ недоумѣніи. Петръ съ Елизаветою Романовною и ея отцомъ сидѣлъ въ каютѣ, предаваясь совершенному унынію. Ночь была тихая, ясная. На палубѣ стоялъ Минихъ и спокойно смотрѣлъ на звѣзды. Цовидимому, онъ размышлялъ о нецостоятельности челоуѣческой судьбы; а можетъ-быть въ этой неугомной головѣ уже родились новые планы. Его позвали въ камту.

— Фельдмаршалъ! сказалъ Петръ:—я очень жалѣю, что ранѣе не послѣдовалъ вашимъ совѣгамъ. Но вы такъ много испытали перипетій въ своей жизни: скажите, что могу я теперь предпринять?

— Еще не все потеряно, ваше величество! отвѣчалъ Ми-

нихъ.—Надобно, немедля ни минуты, изо всѣхъ силъ грести къ Ревелю, съѣсть на военный корабль и плыть въ Пруссію, гдѣ находится русская армія. Тамъ императоръ станетъ во главѣ 80,000 человекъ, и я ручаюсь, что въ-теченіе шести недѣль Петербургъ и вся Россія будутъ снова у вашихъ ногъ.

Дамы и большая часть кавалеровъ возразили противъ этого, что гребцы не въ-силахъ будутъ довести ихъ до Ревеля.

— Ничего! перебилъ Минихъ. — Когда они устанутъ, мы всѣ вмѣстѣ примемся за весла.

Но свята рѣшительно воспротивилась такому предложенію. Дамы въ-особенности убѣждали государя воротиться назадъ и старались возбудить въ немъ надежду на примиреніе съ Екатериною. Петръ уступилъ.

Въ 4 часа утра 29 іюня онъ вышелъ на берегъ въ Ораніенбаумъ, велѣлъ свести караулы, принять пушки съ лафетовъ и солдатамъ сложить съ себя оружіе, чтобъ бесполезнымъ сопротивленіемъ не раздражать непріятелей. Нѣсколько минутъ спустя, Петръ схватился за мысль о бѣгствѣ и приказалъ сѣдлатъ лошадей, но опять уступилъ слезамъ Воронцовой и отмѣнилъ приказаніе. Тогда онъ написалъ первое письмо къ Екатеринѣ и отправилъ его съ княземъ Голицынымъ. Близъ Сергіевскаго Монастыря посолъ встрѣтилъ императрицу, которая уже оставила свой ночлегъ и снова выступила въ походъ. Супругъ предлагалъ полное примиреніе. Екатерина отвѣчала, что уже слишкомъ-поздно, и продолжала путь. Императоръ послалъ второе письмо съ Измайловымъ и требовалъ свободнаго пропуска въ Голштинію. Коварный министръ двора, воротясь назадъ, сталъ уговаривать Петра, чтобъ онъ положился на великодушіе своей супруги. Безстрашный Минихъ далъ послѣдній совѣтъ императору: побѣдить, или пасть, сражаясь во главѣ своихъ вѣрныхъ голштинцевъ. Старикъ клялся, что только по его трупу враги достигнутъ до особы государя. Но тотъ оставался глухъ къ подобнымъ совѣтамъ и подписалъ присланный ему актъ отреченія.

Печальную исторію Петра III мы доскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ. Измайловъ арестовалъ его именемъ императрицы, посадилъ въ карету, вмѣстѣ съ Гудовичемъ и Елизаветой Воронцовой, и отвезъ въ Петергофъ, куда уже прибыла Екатерина. Здѣсь плѣнниковъ разлучили. Гудовичъ одинъ только до конца не измѣняя своей присяги и вообще велъ себя съ большимъ достоинствомъ. Петра въ тотъ же день отправили въ замокъ Ропшу, подъ

прикрытіемъ военнаго отряда, которымъ начальствовали Алексѣй Орловъ, Пассекъ, князь Федоръ Барятинскій и Баскаковъ. Здѣсь, нѣсколько дней спустя, онъ скончался.

Говорятъ, когда Минихъ представился императрицѣ, «Фельд-маршалъ! замѣтила она ему: «вы хотѣли поднять на меня оружіе.»

— Могъ ли я поступить иначе и сдѣлать менѣе для государя, которому обязанъ своею свободою? отвѣчалъ Минихъ. — Но съ этой минуты мой долгъ сражаться за ваше величество, и вы найдете во мнѣ ту же самую преданность.

Пока Екатерина отдыхала въ Петергофѣ и рѣшала разные государственные вопросы, княгиня Дашкова ни на-минуту не оставалась спокойною. Умъ и чувства ея были въ самомъ возбужденномъ состояніи; она такъ увлеклась своею политическою ролюю, что совсѣмъ позабыла объ усталости, во все вмѣшивалась, суетилась то въ одномъ, то въ другомъ углу дворца, хлопотала около плѣнниковъ, раздавала приказанія гвардейцамъ, содержавшимъ караулъ, и пр. Но тутъ же, въ петергофскомъ дворцѣ, пришлось ей выдержать первые удары своему самолюбію и своимъ, безъ сомнѣнія, очень-далеко простиравшимся, надеждамъ.

До-сихъ-поръ, какъ мы видѣли, княгиня Дашкова имѣла полное право считать себя душою и главнымъ двигателемъ переворота, правую руку императрицы; по-крайней-мѣрѣ, ее поддерживали въ этомъ убѣжденіи. Теперь, когда переворотъ совершился, не представлялось никакой надобности скрывать настоящія отношенія. Мало-того: вѣроятно, поспѣшили умѣрить ея излишнюю лыкость и дали ей понять, чтобъ она не принимала на себя слишкомъ-повелительнаго тона.

Погруженная въ свои хлопоты, Екатерина Романовна съ озабоченнымъ лицомъ шла отъ голштинской принцессы на половину императрицы; вдругъ, къ великому своему удивленію, она замѣтила Григорія Орлова, въ одной изъ внутреннихъ комнатъ дворца, на диванѣ, въ самой покойной позѣ. Орловъ извинился тѣмъ, что ушибъ себѣ ногу, и, оставаясь въ томъ же положеніи, продолжалъ распечатывать какой-то большой пакетъ. Княгиня часто видала подобные пакеты у своего дяди: въ нихъ обыкновенно заключались важныя государственныя бумаги.

— Чтѣ это вы дѣлаете? спросила она съ изумленіемъ.

— Да вотъ императрица приказала имъ распечатать, отовсясь Орловъ спокойнымъ тономъ.

— Не можетъ быть. Такого панета нельзя раскрывать безъ officialнаго порученія ; а на подобное порученіе ни вы, ни я не имѣемъ права.

Въ эту минуту разговоръ былъ прерванъ докладомъ, что солдаты, томимые жаждою, вломилсь въ погреба и ниверами пьютъ венгерское, принимая его за медъ. Княгиня побуждала восстанавливать порядокъ, и убѣжденія ея такъ сильно подѣйствовали, что гвардейцы, выливъ вино на землю, отправились утолять жажду къ ближнему ручью. Екатерина Романовна отдала имъ всѣ деньги, бывшія при ней, и общала, что въ столицѣ откроютъ для нихъ всѣ питейные дома. Это общаніе солдаты приняли съ восторгомъ и весело разошлись по своимъ мѣстамъ.

Между-тѣмъ, къ дивану, на которомъ лежалъ Орловъ, придвинули столъ, накрытый на три прибора. Вошла императрица и пригласила княгиню занять мѣсто подлѣ себя. Та не могла скрыть своего волненія.

— Чтѣ съ вами? спросила императрица..

— Ничего. Я сильно утомилась отъ бессонныхъ ночей, продолжавшихся цѣлыя двѣ недѣли.

Желая завязать общій разговоръ и вызнать Дашкову на любовь, Екатерина сообщила ей, что Орловъ намѣренъ оставить службу.

— Не правда ли, прибавила она: — вѣдь это могло бы показаться неблагодарностью съ моей стороны, если бы я позволила ему выйти въ отставку?

— Ваше величество имѣете столько средствъ награждать за олуги, отвѣчала Дашкова: — что, по моему мнѣнію, нѣтъ никакой нужды препятствовать этому намѣренію.

Тутъ только въ первый разъ княгиня убѣдилась въ справедливости своего подозрѣнія, которое съ-нѣкоторыхъ-поръ тяготило ея душу и возбуждало въ ней сильную ревность. Она съ ужасомъ увидѣла, что имѣетъ соперника, далеко превосходящаго ее своею приближенностью и своимъ вліяніемъ. Съ той минуты быстро начали разлетаться завѣтныя мечты о неразрывной дружбѣ и безграничной довѣренности, уступая мѣсто другимъ, менѣе-благороднымъ чувствамъ.

Послѣ обѣда императрица съ своею свитою отправилась назадъ въ Петербургъ. Дорѣгою она сошла съ коня и обѣла въ каре-

ту, пригласивъ съ собою Дашкову, графа Разумовскаго и князя Волконскаго. Здѣсь, между-прочимъ, произошелъ слѣдующій трогательный разговоръ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги? самымъ дружескимъ тономъ спросила императрица Екатерину Романовну.

— Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ, отвѣчала княгиня: — нужно немного: будьте матерью отечеству и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ.

— Все это составляетъ мой долгъ; но мнѣ бы хотѣлось нѣсколько облегчить себя отъ бремени той признательности, которую я къ вамъ чувствую.

— Я думаю, что услуги, оказанныя другомъ, не могутъ никогда сдѣлаться бременемъ.

— Хорошо, хорошо! сказала императрица, улыбаясь и обнимая княгиню. — Вы можете ворчать на меня, сколько угодно; но я все-таки не отстану и сію же минуту хочу знать, что могу сдѣлать для вашего удовольствія.

— Въ такомъ случаѣ, ваше величество, благоволите воскресить моего дядю, хотя онъ живъ и здоровъ.

— Что значитъ эта загадка?

Екатерина Романовна смѣшалась и попросила обратиться къ князю Волконскому за объясненіемъ.

— Вѣроятно, сказалъ Волконскій: — княгиня разумѣетъ дядю своего мужа, генерала Леонтьева, съ отличіемъ служившаго въ прусской войнѣ. Онъ потерялъ значительную часть имѣнія по интригамъ жены, которая по законамъ не имѣетъ на эту часть никакого права.

Императрица вспомнила, что офицеры, отличившіеся въ войнѣ противъ Фридриха II, находились въ особенной немилости у ея супруга, и обѣщала поправить несправедливость.

— Его воскресеніе, замѣтила она: — должно быть предметомъ перваго указа, который я подпишу.

— Я буду чрезвычайно благодарна вашему величеству, отвѣчала Екатерина Романовна: — потому-что генералъ Леонтьевъ единственный братъ и задушевный другъ княгини Дашковой, моей свекрови.

Вступленіе Екатерины II въ столицу совершилось съ необыкновеннымъ торжествомъ. Улицы и окна домовъ были наполнены народомъ. Громкіе клики толпы, военная музыка и звонъ колоколовъ — все это сливалось въ одинъ веселый гулъ; а въ глубинѣ

ярко-освѣщенныхъ храмовъ видѣлись группы священнослужителей въ полномъ облаченіи, которые пѣли благодарственные молебны. Княгиня, красовавшаяся на конѣ подлѣ своей возлюбленной императрицы, готова была плакать отъ умиленія; считая себя главною виновницею торжества, она, по собственному признанію, восхищалась въ-особенности тою мыслию, что переворотъ до сихъ-поръ не былъ запятнанъ ни одною каплею крови.

У подѣзда лѣтнаго дворца Дашкова разсталась на-время съ императрицею и спѣшила увидѣться съ родными. Прежде всего она навѣстила дядю канцера. Михаилъ Иларіоновичъ оставался, повидимому, совершенно спокоенъ насчетъ своей судьбы и даже прочелъ племянницѣ цѣлую лекцію о непостоянномъ счастіи людей, приближенныхъ къ царской особѣ. Отъ него Екатерина Романовна поѣхала къ отцу и съ удивленіемъ нашла въ его домѣ караулъ изъ цѣлой сотни солдатъ; тутъ же сидѣла подъ арестомъ и ея сестра Елизавета. У всѣхъ дверей стояли часовые. Обстоятельство это сильно раздосадовало княгиню. Она не выдержала и осыпала упреками на французскомъ языкѣ начальника отряда, Каковинскаго, какъ-будто офицеръ поступилъ въ этомъ случаѣ по собственному усмотрѣнію. Княгиня замѣтила ему, что онъ не понималъ приказаній государыни, которая отрядила его сюда затѣмъ, чтобъ быть полезнымъ графу Роману и охранять его отъ пьяныхъ гвардейскихъ солдатъ, а не содержать подлѣ стражею, какъ измѣнника. Потомъ она велѣла немедленно отпустить половину караула во дворецъ и не преминула внушить часовымъ, что ихъ напрасно мучили всѣхъ въ домѣ графа, тогда-какъ здѣсь было бы очень-достаточно десяти, или двѣнадцати человекъ.

Отецъ, по словамъ княгини, принялъ ее безъ всякаго неудовольствія и жаловался только, съ одной стороны, на тѣсное заключеніе, а съ другой—на то, что Елизавета находится съ нимъ подлѣ одною кровлею. Дашкова старалась успокоить его сколько могла. По другому извѣстію (*), напротивъ, графъ Романъ былъ сильно вооруженъ противъ дочери за участіе въ переворотѣ и не хотѣлъ ея видѣть въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Чтѣ же касается сестры, то она встрѣтила княгиню горькими слезами и жалобами на свое бѣдственное положеніе. Та, по-возможности, утѣшала плѣнницу и дала слово испросить для нея полное прощеніе.

Отсюда Екатерина Романовна заѣхала домой, расцаловала свою

(*) Дидро : «Портретъ княгини Дашковой».

крошку Анастасію и, не успѣвъ еще переѣмнить военнаго костюма, опять поспѣшила во дворецъ. Здѣсь ожидала ее новая неприятность. Входя въ комнату императрицы, она встрѣтила Григорія Орлова и Каковинскаго, выходившихъ изъ комнагы. Екатерина приняла ее съ нахмуреннымъ лицомъ и сдѣлала строгое замѣчаніе за то, что она говорила съ офицеромъ пофранцузски въ присутствіи солдатъ и, вопреки правиламъ военной дисциплины, хотѣла отослать часовыхъ.

Княгиня всныхнула.

— Нѣсколько часовъ прошло съ той минуты, какъ ваше величество взошли на престолъ, отвѣчала она глубокоо-горченными тономъ: — и въ этотъ короткій промежутокъ времени солдаты показали мнѣ такое довѣріе, что я не могла оскорбить ихъ, на какомъ бы языкѣ ни говорила.

Она вынула изъ кармана екатерининскую ленту и подала ее императрицѣ.

— Потише, не горячитесь! возразила Екатерина.— Во всякомъ случаѣ, вы должны согласиться, что не имѣли права снимать караулъ съ его поста.

— Правда; но не-уже-ли я должна была позволить Каковинскому дѣлать только то, что ему угодно, и оставлять безъ защиты дворецъ вашего величества?

— Хорошо, хорошо! Замѣчаніе мое относится къ вашей опрочечности; а вотъ это за ваши услуги, добавила императрица, перебрасывая черезъ плечо княгини екатерининскую ленту.

Вмѣсто-того, чтобъ принять на колѣняхъ высокій знакъ отличія, Дашкова продолжала печальнымъ голосомъ:

— Простите, ваше величество; но, мнѣ кажется, уже на стало время, когда истина должна удалиться изъ вашего присутствія. Позвольте мнѣ просить васъ, чтобъ вы взяли назадъ этотъ орденъ: какъ украшеніе, въ моихъ глазахъ онъ не имѣетъ большой цѣны; а какъ награда, онъ неидетъ къ тѣмъ людямъ, которые считаютъ свои услуги непродажными.

— По-крайней-мѣрѣ, дружба имѣетъ свои права, и не-уже-ли въ настоящую минуту вы откажете мнѣ въ удовольствіи ими воспользоваться? говорила императрица, нѣжно обнимая княгиню.

Послѣдняя, вмѣсто отвѣта, съ энтузіазмомъ поцаловала обнимавшую ее руку. Извѣстна необыкновенная способность Екатерины II привлекать къ себѣ людей пріятностью обращенія. Ей стоило, наиримѣръ, сказать нѣсколько ласковыхъ словъ, и оскорбленный

другъ снова очутился у ея ногъ и снова въ восторгъ отъ своей государыни! Екатерина очень-кстати объявила при этомъ случаетъ, что отправленъ уже курьеръ за княземъ Дашковымъ и что ему, вмѣстѣ съ супругою, будутъ приготовлены комнаты во дворцѣ. Девятнадцать лѣтъ также берутъ свое: княгиню, напримѣръ, довольно-много занимала въ эти минуты ея собственная наружность. «Я стояла передъ ней (говорить она) въ военномъ мундирѣ, съ красной лентой черезъ плечо и со шпорой на одномъ сапогѣ, имѣя видъ пятнадцатилѣтняго мальчика.»

Спустя нѣсколько дней розданы были высочайшія награды тѣмъ, которые способствовали возведенію на престолъ Екатерины II. Панинъ получилъ графскій титулъ съ пенсіономъ въ 5,000 рублей; князю Волконскому и графу Разумовскому назначенъ такой же пенсіонъ; братья Орловы награждены графскимъ титуломъ, а Григорій Григорьевичъ, кромѣ-того, произведенъ въ генерал-лейтенанты и пожалованъ кавалеромъ ордена Александра Невскаго. Гвардейскіе офицеры и другія лица, принимавшія наиболѣе-дѣятельное участіе въ переворотѣ, получили по 600 крестьянъ; желающимъ изъ нихъ, вмѣсто крестьянъ, выдавали 2,400 рублей. Остальнымъ, менѣе-важнымъ участникамъ назначено въ подарокъ по 2,000 рублей.

Княгиня, по ея словамъ, очень удивилась, встрѣтивъ свое имя въ списокѣ лицъ, награжденныхъ крестьянами, и сначала хотѣла отказать отъ всякаго подарка; но потомъ, чтобъ не подать повода къ сплетнямъ и не оскорбить государыни, она составила счетъ всемъ долгамъ своего мужа и, такъ-какъ сумма ихъ почти равнялась 24,000 рублямъ, перевела на его кредиторовъ право получить эти деньги изъ собственной казны ея величества.

Отчего именно происходило ея удивленіе, Дашкова не объясняетъ. Была ли она оскорблена матеріальнымъ вознагражденіемъ за услуги, которыя требовали одной только дружеской признательности, или вознагражденіе показалось ей слишкомъ-незначительнымъ въ-сравненіи съ услугами? Второе предположеніе гораздо-вѣроятнѣе перваго. Княгиня, кажется, оскорбилась, увидѣвъ себя отнесенною къ разряду только второстепенныхъ заговорщиковъ, тогда-какъ она мечтала объ исключительномъ положеніи, о какой-нибудь необыкновенной наградѣ, которая должна была удивить и современниковъ, и потомство. Есть извѣстіе, и очень-вѣроятное, что она желала получить чинъ полковника гвардіи и постоянное мѣсто въ засѣданіяхъ высшаго государствен-

наго собѣтъ. Но, каковы бы ни были ея желанія, очевидно, они не исполнились; надобно было разстаться съ мечтами и довольствоваться тѣмъ, что посылала судьба (*).

По поводу упомянутыхъ наградъ княгиня рассказываетъ одинъ довольно-забавный анекдотъ, который бросаетъ тѣнь на И. И. Бецкаго, знаменитаго своими заслугами на поприщѣ воспитанія... прибавимъ: если только этотъ анекдотъ не представляетъ дѣла въ искаженномъ видѣ.

«На четвертый день послѣ переворота, Бецкій попросилъ у Екатерины аудіенцію. Я была одна подлѣ императрицы, когда онъ вопелъ въ комнату и, къ величайшему удивленію нашему, ставъ на колѣни, умолялъ ее признаться, чьему влиянію приписываетъ она свое восшествіе на престолъ.

— Всемогущему Богу и желанію моего народа, отвѣчала императрица.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, съ видомъ отчаянія: — я не смѣю болѣе носить этотъ знакъ отличія — и хотѣлъ снять съ себя александровскую ленту. Но государыня удержала его и спросила, чего онъ желаетъ. — Я несчастнѣйшее созданіе въ мірѣ, продолжалъ Бецкій: — если ваше величество не признаете во мнѣ единственнаго человѣка, которому обязаны своею короною. Не я ли склонилъ гвардію? не я ли сыпалъ деньгами въ народъ?

Мы оба подумали, что онъ сошелъ съ ума, и начали уже безнѣпиться, какъ вдругъ императрица съ обыкновенной своей ловкостью дала этому приключенію комическій оборотъ и въ то же время удовлетворила тщеславію генерала.

(*) Некоторые иностранные источники цитируютъ письмо Екатерины II (адресованное, какъ полагаютъ, на имя Понятовскаго), въ которомъ она, изображая вкратчѣ исторію переворота, не признаетъ за княгиней Дашковой никакой значительной роли въ этомъ событіи и выставляетъ ее женщиной чрезвычайно-эжальтированной и спосравной. Подлинность письма не доказана; но оно довольно-правдоподобно и можетъ до нѣкоторой степени дать понятіе объ истинныхъ чувствахъ императрицы къ бывшему ея другу. Екатерина, повидимому, досадуетъ на то, что въ Европѣ заговорили о Дашковой, какъ о женщинѣ, которой она обязана престоломъ. Въ письмѣ вся честь переворота приписана братьямъ Орловымъ. Мнѣніе это ей отчасти удалось распространить. Такъ, напримѣръ, Фридрихъ II, разговаривая однажды съ графомъ Сегуромъ, между-прочимъ, сказалъ: «Les Orloff ont tout fait; la princesse d'Aschkoff n'a été là que la mouche vaniteuse du coche. Rulhière s'est trompé». Мém. par le c. de Ségur.

— Я вполне признаю ваши огромные заслуги, сказала она торжественнымъ тономъ:— и такъ-какъ я обязана вамъ моею короною, то кому же другому могу поручить приготовленіе ея ко дню коронаціи? Возлагаю это дѣло на васъ и отдаю вамъ подъ надзоръ всѣхъ ювелировъ моего государства.

«Бецкій вскочилъ въ восторгъ, рассыпался въ благодарностяхъ и поспѣшилъ изъ комнаты, вѣртно, сгарая нетерпѣніемъ объявить всѣмъ о наградѣ, соотвѣтственной его заслугамъ. Излишне прибавлять, что мы отъ-души смѣялись этому приключенію, которое въ одно время характеризуетъ и гениальную находчивость Екатерины, и крайнюю глупость Бецкаго.»

Предоставляемъ судить читателямъ, до какой степени было трогательно свиданіе молодыхъ супруговъ. Императрица немедленно назначила князя Дашкова командиромъ лейб-гвардейскаго кирасирскаго полка, въ которомъ она сама числилась полковникомъ. До-сихъ-поръ этотъ полкъ имѣлъ почти исключительно нѣмецкихъ офицеровъ, и потому назначеніе русскаго командира произвело пріятное впечатлѣніе на солдатъ. Своею щедростью и обходительностью князь вскорѣ приобрѣлъ любовь подчиненныхъ и поставилъ полкъ на такую ногу, что онъ считался самымъ отборнымъ и щеголеватымъ въ цѣлой арміи.

Супруги не замедлили перебраться во дворецъ и зажили здѣсь очень-весело, хотя и не всегда спокойно. Они каждый день обѣдали съ императрицею, а ужинали въ собственныхъ комнатахъ, приглашая обыкновенно на вечеръ человекъ десять, или двѣнадцать своихъ знакомыхъ. Если княгиня не могла въ то время похвалиться искреннею дружбою императрицы, то, по-крайней-мѣрѣ, по словамъ ея, бывали минуты, когда государыня, оставивъ въ-сторонѣ всякій этикетъ, предавалась въ обществѣ молодыхъ супруговъ самой задушевной веселости; она нерѣдко шалила съ нимъ, какъ избалованное дитя. Напримѣръ, княгиня, существо восторженное и нервное, очень любила музыку; Екатерина же, напротивъ, была къ ней совершенно-равнодушна. Несмотря на то, она охотно слухала пѣніе княгини, а иногда, тайкомъ подавъ знакъ князю Дашкову, пресерьезно затягивала вмѣстѣ съ нимъ дуэтъ. Такимъ-образомъ, вдвоемъ, не зная ни одной ноты, пѣвцы сочиняли ужасный концертъ, который назывался у нихъ «небесною музыкою» и оканчивался обыкновенно самыми раздирательными воплями и уморительными гримасами.

Изъ числа придворныхъ ветерановъ болѣе всѣхъ обращали на себя вниманіе Дашковой: вопервыхъ, умный, но лукавый старикъ Бестужевъ-Рюминъ, возвращенный изъ ссылки Екатериною и осыпанный ея милостями; потомъ Лестокъ, нѣкогда лейб-медикъ Елизаветы Петровны, и въ особенности фельдмаршалъ Минихъ. Рыцарски-утонченная вѣжливость и любезность фельдмаршала рѣзко отличали его отъ толпы молодыхъ придворныхъ кавалеровъ, которые были подняты вверхъ послѣднимъ поворотомъ колеса болѣею частію съ довольно-невысокихъ ступеней общества и далеко не могли похвалиться отличнымъ образованіемъ, или изяществомъ своихъ манеръ. Княгиня часто пользовалась бесѣдою Миниха и любила слушать его рассказы о прошлыхъ временахъ.

Съ другой стороны, главными врагами Дашковой, которые отврзляли ея существованіе, становясь между ею и императрицею, были братья Орловы. Въ обществѣ Григорія княгиня еще сохраняла внѣшнія приличія; но Алексѣя она не могла равнодушно видѣть. И надобно отдать ему справедливость: несмотря на свою обычную смѣлость и безцеремонность въ обращеніи, онъ оставался передъ этою энергическою женщиною и впродолженіе цѣлыхъ 20 лѣтъ не рѣшился сказать ей ни одного слова. Клиенты Орловыхъ, разумѣется, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали княгинѣ чувствовать все превосходство надъ нею ея соперника.

Впрочемъ, не отъ однихъ враговъ приходилось Дашковымъ терпѣть горе: и самые друзья, въ выборѣ которыхъ князь былъ довольно-неразборчивъ, причиняли имъ иногда большія неприятели. Княгиня рассказываетъ по этому поводу слѣдующій случай:

«Между примѣрами неблагодарности, глубоко огорчившими насъ, замѣчательнъ поступокъ одного молодого офицера, именно Михаила Пушкина. Я расскажу его вполне, потому—что онъ навлекъ на меня неудовольствіе императрицы.

«Отецъ этого молодого человѣка былъ какимъ-то чиновникомъ, потерявшимъ мѣсто за дурное поведеніе: самъ онъ служилъ поручикомъ въ одномъ полку съ княземъ Дашковымъ, который часто помогалъ ему деньгами. Молодѣжь любила Пушкина за его остроуміе и веселый характеръ. Князь, по товариществу, безъ дальнихъ разсужденій, допустилъ его въ число своихъ друзей. Передъ самой нашей свадьбой, по просьбѣ князя, я выручила Пушкина изъ неприятели и очень-неловкой исторіи съ г. Гейбнеромъ, пер-

вымъ французскимъ банкиромъ въ Петербургѣ; вѣсто-того, чтобъ заплатить послѣднему долгъ, молодой человекъ рѣдѣть его вытолкать изъ своего дома. Гейбнеръ, разумѣется, подалъ жалобу на такое грубое оскорбленіе, и французскій посланникъ, маркизъ Лопиталь, горячо его поддерживалъ. Такъ-какъ мнѣ часто случилось видѣть маркиза въ домѣ моего дяди, то я убѣдила его способствовать окончанію процесса и написать письмо къ князю Меншикову, начальнику Пушкина, о томъ, что дѣло съ банкиромъ уладилось мирнымъ образомъ.

«Съ того времени карьера этого офицера сдѣлалась предметомъ нашихъ заботъ. Однажды, въ царствованіе Петра III, императрица разсуждала со мною о предложеніи Панина, который совѣтовалъ ей помѣстить подлѣ великаго князя въ качествѣ товарищей нѣсколько молодыхъ людей, особенно знающихъ иностранныя языки и иностранную литературу. Я тотчасъ отрекомендовала ея величеству Михаила Пушкина, какъ юношу, вполне удовлетворяющаго такому назначенію. Но, спустя нѣсколько недѣль, онъ попалъ въ другую, очень-скандальную исторію, и, хотя я лично не была расположена къ молодому человеку, однакожь, по просьбѣ мужа, возбудила къ нему участіе императрицы и тѣмъ спасла его отъ бѣды.

«Незадолго до воцѣщенія на престолъ Екатерины, я была у нея разъ вечеромъ въ Петергофѣ. Панинъ также пришелъ къ ней, и съ великимъ княземъ. Во время разговора онъ коснулся чрезвычайной застѣчивости и даже дикости своего цитомца, что приписывалъ отчужденію великаго князя отъ общества сверстниковъ. При этомъ случаѣ онъ опять напоминалъ о своемъ предложеніи выбрать ему товарищей и въ числѣ другихъ назвалъ Михаила Пушкина, о которомъ просилъ его князь Дацковъ передъ своимъ отъѣздомъ. Услыжавъ имя этого офицера, императрица тотчасъ обратила вниманіе на его репутацію. «Хотя обвиненіе противъ Пушкина въ послѣднемъ его поступкѣ, можетъ-быть, и несомнительно» замѣтила она «но дѣло получило такую гласность, что уже по одному малѣйшему подозрѣнію въ участіи онъ не можетъ быть допущенъ къ моему сыну.» Соглашаясь съ мнѣніемъ Екатерины, я напомнила, однако, что мы рекомендовали его прежде неприятнаго происшествія, и просила ея подумать о томъ, что жестоко было бы единственно по одному подозрѣнію отнять у молодого человека возможность съ пользою употребить свои таланты.

«Таковы были наши одолженія Пушкину, и вотъ какимъ-образомъ онъ отплатилъ за нихъ:

«Когда Екатерина была уже на престолѣ и мы жили во дворцѣ, однажды вечеромъ пришелъ къ намъ Пушкинъ и казался очень-печальнымъ. Я стала съ участіемъ его спрашивать. Онъ отвѣчалъ, что дѣла его идутъ все хуже-и-хуже и что, несмотря на мое обѣщаніе, онъ потерялъ всякую надежду получить мѣсто при великомъ князѣ. Я старалась разсвѣять его черныя думы, совѣтовала не впадать въ уныніе и опять обѣщала употребить съ своей стороны всѣ усилія, чтобъ смягчить императрицу. Но что жъ изъ этого вышло? Едва онъ меня оставилъ, какъ встрѣтилъ Зиновьева. Съ тѣмъ же печальнымъ видомъ Пушкинъ разсказалъ ему о своемъ несчастіи, которое будто-бы сейчасъ только отъ меня узналъ, и горько жаловался на то, что его несправедливо замѣшали въ упомянутый скандалъ. Зиновьевъ вызвался отрекомендовать его Григорію Орлову, съ которымъ находился въ очень-интимныхъ отношеніяхъ. Предложеніе было охотно принято, и Пушкинъ попалъ подъ покровительство фаворита. Орловъ замѣтилъ въ немъ человѣка, способнаго перейти совершенно на его сторону и клеветать на меня: поэтому взялся самъ доставить ему мѣсто при великомъ князѣ, желая показать, какъ мало вниманія обращаетъ императрица на мое ходатайство.

«Въ тотъ же вечеръ, къ великому нашему удивленію, князь Дашковъ получилъ письмо отъ Пушкина. Молодой человѣкъ извѣщалъ о томъ, что Зиновьевъ представилъ его Орлову и что у послѣдняго происходилъ разговоръ, котораго онъ хорошо не помнитъ, но который можетъ имѣть вредныя для меня послѣдствія. Чувствуя себя виновнымъ и желая оправдаться, онъ объявлялъ, что готовъ письменно подтвердить свои объясненія на слѣдующее утро. Я презирала подобныя мелочи и совѣтовала не обращать на нихъ вниманія; но мужъ мой считалъ себя неправъ отнять у своего пріятеля средства къ оправданію.

«На другой день я, по-обыкновенію, явилась къ императрицѣ. Разговоръ коснулся Пушкина.

— Съ какою цѣлью, спросила она: — хотѣли вы разрушить доброе ко мнѣ моего подданнаго и распускать слухъ, будто-бы я потеряла объ немъ доброе мнѣніе? И за что бы я сдѣлала несчастнымъ этого молодаго человѣка?

«Измученная подобнымъ обвиненіемъ и возмущенная неблагодарностью Пушкина, я съ трудомъ удержала свое негодованіе и

ограничилась только слѣдующимъ возраженіемъ: такъ-какъ ея величеству очень-хорошо было извѣстно мое стараніе помочь молодому человѣку, то я предоставляю ей самой судить о его низости, и рѣшительно не понимаю, какимъ-образомъ слово утѣшенія можетъ быть обращено въ дурную сторону. Я нетолько не старалась похитить у нея довѣрія подданнаго, но, напротивъ, убѣждала Пушкина надѣяться, что если онъ не получитъ мѣста при великомъ князѣ, то, по милости царской, найдетъ себѣ другое, на которомъ будетъ въ-состояніи съ честію употребить свои способности.

Тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Думаю, что мое объясненіе удовлетворило императрицу; однако, я глубоко была огорчена такимъ поспѣшнымъ и незаслуженнымъ выговоромъ.

«Послѣ-того, когда я увидѣла своего мужа, онъ мнѣ сказалъ:

— Твое мнѣніе относительно этого бездѣльника Пушкина оказалось болѣе-основательно, чѣмъ мое. Я посылаю къ нему камердинера; но онъ отказался написать обѣщанное оправданіе, разумѣется, избѣгая опасности расписаться въ собственной лжи.

— Намъ остается одно, отвѣчала я: — забыть этого коварнаго человѣка, который никогда не былъ достоинъ твоей дружбы.

«Дальнѣйшее поведеніе Пушкина оправдало мои слова и обнаружило все неблагородство его характера. Определенный по милости Орлова начальникомъ мануфактур-коллегіи, онъ сталъ подѣлывать банковые билеты, за что былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и окончилъ свою жизнь.»

Такимъ-образомъ, лишь-только цѣль заговорщиковъ была достигнута и общій интересъ, общая опасность уже не связывали ихъ въ тѣсный кружокъ, отношенія Дашковой къ Екатеринѣ все болѣе-и-болѣе теряли дружескій, интимный характеръ. Княгиня главнымъ виновникомъ охлажденія старается выставить Григорія Григорьевича Орлова. Но такое обвиненіе справедливо только отчасти: вмѣшательство третьяго лица въ этомъ случаѣ послужило скорѣе поводомъ; а причины лежали гораздо-глубже: онѣ заключались въ самомъ характерѣ двухъ бывшихъ друзей. Мы говорили о томъ, что полного сближенія не было и прежде; тѣмъ менѣе могло оно существовать теперь, когда не представлялось никакой нужды въ княгинѣ и когда свободно могли выступить наружу всѣ неровности обоихъ характеровъ. Натура Екатерины, гордая, тонко-разсчетливая, стремившаяся къ безусловному подчиненію всего окружающаго, не могла долго терпѣть подлѣ себя

другой женщины, столь же энергической, не менѣе-гордой и тщеславной, которая не умѣла, или не хотѣла отказать отъ своихъ притязаній на идеальную дружбу съ императрицей и безропотно потеряться въ лучахъ ея славы.

Окончательный ударъ дружескимъ отношеніямъ былъ нанесенъ въ Москвѣ, куда дворъ отправился осенью того года, чтобъ совершить обычный обрядъ коронованія.

Екатерина Романовна ѣхала въ одной каретѣ съ императрицей; князь Дашковъ находился въ ея свитѣ. Дворъ остановился за нѣсколько верстъ отъ города, на дачѣ графа Разумовскаго (въ селѣ Петровскомъ). Княгиня горѣла нетерпѣніемъ обнять своего малютку, котораго въ прошломъ году оставила на рукахъ у свекрови. Тщетно императрица, подъ разными предлогами, удерживала ее при себѣ; наконецъ она принуждена была объявить родителямъ печальную вѣсть: ихъ малѣнькій Миша умеръ. Разумѣется, мать была очень поражена этимъ извѣстіемъ и нѣсколько дней провела въ слезахъ. Хорошая свекровь старалась ее утѣшить и своими нѣжными попеченіями много облегчила ея скорбь.

Княгиня Дашкова отказалась участвовать въ процессіи торжественнаго въѣзда въ Москву и хотя посѣщала императрицу каждый день, но убѣгала всѣхъ общественныхъ удовольствій. Впрочемъ, семейное горе не помѣшало ей продолжать свой антагонизмъ съ партіей Орловыхъ и слѣдить за всѣми ея маневрами.

Братья Орловы были главными распорядителями церемоніала во время коронаціи. Они привнесли къ нему нѣмецкій этикетъ, введенный Петромъ III, по которому военные чины играли главную роль на всѣхъ придворныхъ торжествахъ. Екатерина Романовна, на этомъ основаніи, отвела мѣсто въ соборѣ не какъ особѣ, близкой къ императрицѣ, но какъ женѣ простаго полковника; а чинъ полковника, нужно замѣтить, былъ самый низшій изъ тѣхъ, которые допускались внутрь собора. Для заднихъ зрителей устроили вдоль стѣны высокія подмостки, и каждая особа, стоявшая на нихъ, была, конечно, на виду: такимъ-образомъ, мѣсто, занимаемое княгиней Дашковой, непременно бросалось въ глаза всѣмъ присутствующимъ. Если возьмемъ во вниманіе привычку толпы составлять понятіе объ общественномъ значеніи человека по мѣсту, которое онъ занимаетъ въ торжественныхъ церемоніяхъ, то мы поймемъ, сколько надобно было имѣть твердости духа и увѣренности въ своихъ внутреннихъ достоинствахъ, чтобъ пренебречь подобными мелочами. Друзья княгини совѣтовали ей совсѣмъ не

являться въ соборѣ; но гордая женщина хотѣла показать, что она стойтъ выше общественныхъ предразсудковъ. 22 сентября она проводила императрицу въ успенскій храмъ, потомъ заняла скромное мѣсто на подмосткахъ и храбро выдерживала двусмысленные взгляды своихъ враговъ. Чего, однако, стоили ей минуты, проведенныя въ соборѣ, и какая борьба происходила въ гордой душѣ, видно изъ того значенія, которое сама княгиня придаетъ такому маловажному обстоятельству: она смотритъ на свое поведеніе въ этомъ случаѣ, какъ на поступокъ по-истинѣ геройскій.

Въ длинномъ спискѣ лицъ, удостоенныхъ повышенія по случаю коронаціи, имена Дашковыхъ заняли не послѣднее мѣсто: князь былъ пожалованъ камергеромъ — что давало ему право состоять въ чинѣ бригадира — и оставленъ командиромъ кирасирскаго полка; а княгиня получила достоинство статс-дамы ея величества.

Зимой 1762—63 г., между-тѣмъ, какъ одни увеселенія смѣнялись другими и Москва представляла непрерывный рядъ праздниковъ, Екатерина Романовна заключилась въ тѣсномъ семейномъ кругу и почти перестала являться при дворѣ. Причиною такого скромнаго образа жизни она выставляетъ смерть свояченицы и собственную беременность; но, очевидно, княгиня умалчиваетъ о главномъ: о перемѣнѣ отношеній къ императрицѣ.

Въ то время въ Москвѣ разыгралась маленькая драма. Орловъ не хотѣлъ удовольствоваться ролью фаворита: онъ простеръ свои честолюбивые виды гораздо-далѣе, и, какъ говорятъ, несоветъ-безосновательно. Старый интриганъ Бестужевъ взялся помогать ему и составилъ адресъ на имя императрицы, въ которомъ умолялъ ее доверить свои благодѣянія русскому народу — избраніемъ себѣ достойнаго супруга между подданными. Онъ уже собралъ подписи многихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ и намѣренъ былъ поднести адресъ отъ лица всего государства. Но противъ такого дѣла горячо возстала партія людей, непріязненныхъ Орлову, представителями которой были: канцлеръ Воронцовъ, графъ Панинъ и гетманъ Разумовскій. Воронцовъ отправился во дворецъ и попросилъ аудіенцію. Онъ съ жаромъ предупреждалъ императрицу объ опасности, угрожавшей ей, еслибъ планъ Орлова и Бестужева былъ приведенъ въ исполненіе, и предсказывалъ сильное неудовольствіе народа, именемъ котораго хотѣли дѣйствовать честолюбцы. Екатерина благосклонно приняла доводы Воронцова, и слухи объ адресѣ замолкли.

Дѣло это, однако, не осталось безъ послѣдствій. Между жителями

Москвы произошло явное волнение, а въ гвардіи составилаь партія офицеровъ, съ негодованіемъ смотрѣвшихъ на чрезвычайно-быстрое возвышеніе Орловыхъ и на ихъ честолюбивые замыслы. Душою недовольныхъ былъ нѣкто Хитровъ, одинъ изъ самыхъ безкорыстныхъ участниковъ въ переворотъ 1762 года. Онъ готовилъ энергическій протестъ въ отвѣтъ на адресъ Бестужева и успѣлъ скрѣпить его подписью многихъ именъ. Хитрова арестовали. На допросъ онъ откровенно объявилъ свои побужденія. Его, между-прочимъ, спросили, была ли съ нимъ въ заговорѣ княгиня Дашкова. Хитровъ отвѣчалъ, что дѣйствительно онъ три раза являлся къ ней въ домъ съ намѣреніемъ попросить совѣта; но княгиня никого не принимала.

По извѣстной неприязни къ Орловымъ, Екатерина Романовна, конечно, не оставалась равнодушною къ проекту Бестужева; однако, нѣтъ никакихъ явныхъ доказательствъ того, чтобъ она принимала непосредственное участіе въ дѣлѣ Хитрова (*). За-то въ разговорахъ съ посторонними людьми княгиня давала слишкомъ-много воли своему языку, и смѣлая рѣчи ея, разумѣется, дошли до слуха императрицы.

Былъ май мѣсяцъ. Екатерина Романовна, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, лежала въ постели. Въ той же комнатѣ лежалъ и мужъ ея, занемогшій своею обыкновенною болѣзнію—воспаленіемъ въ горлѣ. Оба брата Панины сидѣли у Дашковыхъ. Вдругъ докладываютъ князю, что пришелъ Тепловъ, секретарь императрицы, и проситъ его выйти на улицу, имѣя что-то ему сообщить. Князь потиконьку одѣлся, сошелъ внизъ и принялъ отъ Теплова записку императрицы слѣдующаго содержанія:

«Я искренно желала бы не предавать забвенію услугъ княгини Дашковой, и мнѣ очень-прискорбно ея неосторожное поведеніе. Напомните ей объ этомъ, князь, такъ-какъ она позволяетъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ.»

Мужъ и братья Панины хотѣли сначала скрыть эту неприят-

(*) Несмотря на то, императрица, какъ рассказываютъ, сильно ее подозрѣвала и, желая получить признаніе, будто-бы написала ей ласковое письмо, въ которомъ убѣждала открыть все, что она знала о новомъ заговорѣ. «Ваше величество» былъ отвѣтъ княгини: «я ничего не слыхала; да еслибъ и слышала что-нибудь, то, конечно, не сказала бы. Что вамъ угодно отъ меня? Чтобъ я умерла на эшафотѣ? Я готова.» Делема Беранже отъ 15 іюня 1763 г. Но Дашкова въ своихъ «Запискахъ» не говоритъ ни слова о подобномъ вопросѣ, или отвѣтѣ.

ность отъ княгини; но, замѣтивъ ихъ безпокойство и таинственныя совѣщанія, Екатерина Романовна убѣдила открыть ей содержаніе письма. Чрезвычайно—взволнованная имъ, она, однако, удержалась отъ всякой рѣзкой выходки и только поручила графу Панину спросить императрицу, когда ей угодно будетъ назначить крещеніе ребенка, которому обѣщала быть крестной матерью. Въ ту же ночь княгиня была внезапно разбужена отъ своего лихорадочнаго сна крикомъ и буйными пѣснями пьяной толпы, которая проходила подъ ея окнами. (Домъ Орловыхъ находился по сосѣдству.) Испуганная этимъ шумомъ, она тотчасъ почувствовала параличъ въ лѣвой рукѣ и ногѣ. Сидѣлка ея немедленно побѣжала за полковымъ хирургомъ, который жилъ въ томъ же домѣ. Хирургъ, взглянувъ на княгиню, счелъ ея положеніе дотога опаснымъ, что потребовалъ на помощь доктора и князя Дашкова. Къ утру больной сдѣлалось еще хуже. Она велѣла принести дѣтей, призвала князя и умоляла его болѣе всего заботиться объ ихъ воспитаніи. Потомъ она обняла мужа и простилась съ нимъ навсегда.

«Взоръ, выраженіе лица, съ которымъ онъ принялъ мой слабый поцалуй, до—сихъ—поръ живутъ у меня въ сердцѣ» говоритъ княгиня въ своихъ воспоминаніяхъ «и эта предсмертная минута была для меня почти счастьемъ. Но Богу было угодно отвести ударъ, ожидаемый мною съ тихою покорностію, и продолжить мою жизнь, которая послѣ смерти милаго мужа потеряла для меня всю свою цѣну.»

Императрица исполнила свое обѣщаніе, несмотря на перемѣну отношеній. вмѣстѣ съ великимъ княземъ, она была воспріемницею новорожденнаго сына, но ни прежде, ни послѣ священнаго обряда не спросила о здоровьи его матери. Мало—того: есть извѣстіе (Дидро), что только болѣзненное состояніе княгини спасло ее отъ ареста.

Вскорѣ затѣмъ дворъ воротился въ Петербургъ. Князь Дашковъ уѣхалъ къ своему полку; а Екатерина Романовна оставалась въ Москвѣ и понемногу оправлялась отъ болѣзни, принимая холодныя ванны. Пріятельница княгини, Каменская, съ своими сестрами, раздѣляла ея уединеніе. Такъ прошло время почти до конца 1763 года. Въ декабрѣ молодая Дашкова, чувствуя себя совершенно—здоровою, отправилась къ мужу. На этотъ разъ они поселились уже не во дворцѣ, а въ наемномъ домѣ.

д. яловыйскій.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

АВГУСТЪ 1859.

Нѣсколько словъ о нашемъ времени. — Виллафранкскій миръ — одно изъ замѣчательныхъ знаменій нашего времени. — Ударъ, нанесенный этому миру послѣдующими событіями въ Италіи. — Вопросъ о реставраціи итальянскихъ герцоговъ. — Цюрихскія конференціи. — Необходимость общеевропейскаго конгресса. — Кто хочетъ и кто не хочетъ этого конгресса? — То положеніе, которое создано для Европы виллафранкскимъ миромъ. — Раздвоеніе Германіи и стремленія нѣмецкихъ патріотовъ къ реформамъ въ союзномъ устройствѣ. — Торжество мира во Франціи. — Амнистія политическимъ преступникамъ и политическимъ газетамъ. — Взглядъ на истекшую сессію англійскаго парламента. — Тревога въ Англійи. — Рогдальскій обѣдъ и Кобденъ.

Не даромъ достаются нашему времени лучшія житейскія блага. Приобрѣсти каждое благо новому человѣку суждено не иначе, какъ путемъ тяжелой, трудной работы, работы безъ отдыха, безъ усталы. Надъ нимъ не висятъ, не даются прямо въ руки сладостныя плоды европейской цивилизаціи. Нѣтъ такого приобрѣтенія, которое могло бы быть сдѣлано безъ борьбы, безъ завоеванія. И для того, чтобъ совершить любое приобрѣтеніе, сколько времени, сколько крови надобно потратить въ утомительной работѣ, въ продолжительной борьбѣ! Тысячами падаютъ благородныя жертвы, почва упитывается и кровью; но пробьетъ желанный часъ, и работа кончена, и цѣль борьбы достигнута. А, между тѣмъ, безплодно текло время, не дремала жизнь: уже успѣли накопиться новыя задачи, народились новыя стремленія, возникли новыя, дальнѣйшія цѣли, началась новая работа, новая, можетъ-быть, болѣе трудная борьба. И въ такомъ непрерывномъ движеніи, въ непрерывной борьбѣ проходитъ вся жизнь европейскаго общества. Не было и не настанетъ для него такого часа, когда бы оно могло спокойно и въ довольствѣ наслаждаться приобрѣтенными уже благами: все впередъ-и-впередъ толкаетъ его неизмѣнный и непреодолимый законъ вѣчнаго движенія, вѣчнаго развитія.

Но въ этомъ стремленіи къ достиженію желанныхъ благъ, время-отъ-времени наступаютъ тяжелыя, грустныя минуты. Давно начавшаяся работа длится—и-длится очень-долго. Богъ-знаетъ когда завязавшаяся борьба стоила уже безчисленныхъ жертвъ, а желаннаго конца, благодатнаго успѣха не видно впереди. Выбившіеся изъ силъ, усталые, измученные работники наконецъ могутъ задать себѣ скорбный вопросъ: приведетъ ли къ чему-нибудь эта работа? Суждено ли увидѣть, если не нитъ самимъ, то, по-крайней-мѣрѣ, грядущимъ поколѣніямъ, благіе результаты нѣхъ дѣла? Наконецъ, такого ли свойства само это дѣло, чтобъ когда-нибудь оно могло имѣть успѣхъ? Когда разъ неудача въ борьбѣ приведетъ работника къ подобнымъ скорбнымъ запросамъ, тогда отъ измученнаго, отъ напрасно-истомившагося поколѣнія нельзя ждать нваго отвѣта, кромѣ сомнѣнія въ своемъ собственномъ дѣлѣ. Съ потерянными вѣрованіями, съ разбитыми надеждами, усталое поколѣніе можетъ дойти до отчаянія, можетъ даже отказаться отъ того дѣла, надъ которымъ трудилось такъ долго и такъ усердно. Но значить ли это, чтобъ проиграно было самое дѣло? Но значить ли это, чтобъ завтра же не явились новые борцы, болѣе-сильные и, можетъ-быть, болѣе-счастливые? На сѣнну благороднаго, но измученнаго стараго поколѣнія — можетъ-быть, даже еще въ то время, какъ оно не успѣетъ сойти въ могилу—явится доканчивать его дѣло новое поколѣніе съ новыми вѣрованіями, съ свѣжими силами: согрѣтое надеждой, болѣе-богатое опытомъ, оно смѣло и рѣшительно пустится въ борьбу, приметъ на себя работу, такъ безнадежно брошенную его предшественниками. И — кто знаетъ—можетъ-быть, для этого свѣжаго поколѣнія борьба будетъ не такъ затруднительна и безуспѣшна, какъ была она для его несчастныхъ, но достойныхъ предшественниковъ. Вѣдь было же въ Европѣ поколѣніе, которое присутствовало при казни Гусса, которое видѣло кровь гусситовъ, которое съ отчаяніемъ въ душѣ отказалось отъ своихъ стремленій, признавъ ихъ безнадежными. Перенесите мысль въ этотъ несчастный XV вѣкъ: какая печать нравственнаго безсилія лежала на лучшихъ людяхъ тогдашняго общества? Что передъ ними видѣлось въ будущемъ? Во что могло оно вѣрять? Но смѣнилось одно, другое поколѣніе—и явился Лютеръ.

Нашему XIX вѣку пришлось испить полную чашу горькихъ страданій, перенести безчисленное множество тяжелыхъ ударовъ. Отъ сколькихъ ожиданій, самыхъ основательныхъ и скромныхъ, пришлось ему съ грустью отказаться! Сколько надеждъ, самыхъ пламенныхъ, разрѣшились въ горькое ничтожество! Не разъ вѣковую работу многихъ поколѣній въ ту самую минуту, когда трудъ казался почти

конечнымъ, когда работники почти видѣли предъ собою достигнутую цѣль, на разѣ и работу, и рабочихъ постигалъ ударъ, такой грозный, такой разрушительный, что почти не оставалось и слѣдовъ уже сдѣланнаго дѣла; рассыпался въ прахъ выведенный фундаментъ новаго зданія, и бурьяномъ и полынью заростала на-время почва. Каковы же были послѣдствія этихъ ударовъ? Какія впечатлѣнія изъ этихъ потрясеній должно было вынести европейское общество, переживши эпоху утомительной борьбы, согрѣтое надеждами, предвкушавшее успѣхъ и вслѣдъ затѣмъ разбитое во всѣхъ своихъ самыхъ лучшихъ стремленіяхъ?

Нравственное безсміе, упадокъ вѣрованій, потеря надеждъ въ томъ поколѣніи, которое выросло и созрѣло на Западѣ подъ впечатлѣніемъ послѣднихъ событій, подъ гнѣтомъ тяжелыхъ обстоятельствъ, есть, слѣдовательно, явленіе весьма-естественное, такое явленіе, которому незначѣмъ насильственно придумывать оправданіе. Много прискорбнаго, много жалкаго представляетъ современное западно-европейское общество; но въ своей нравственной порчѣ виноваты ли самъ человѣкъ? Подвергать ли его нравственной отвѣтственности за то, что у него нѣтъ вѣрованій, что онъ равно готовъ служить и добру, и злу? Оглянемся лучше на прошлое и поищемъ въ немъ разгадки тому, какъ и вслѣдствіе какихъ причинъ можетъ быть нравственно-безсмысленно цѣлое поколѣніе. Зачѣмъ же винить человѣка, когда висваты время и роковой ходъ событій? Чѣмъ виноваты жалкія дѣти современной Франціи, если *честность*, самое простое, естественное и необходимое свойство человѣка въ быту общественномъ, составляетъ для нихъ такую высокую добродѣтель, до которой подняться могутъ только весьма-немногія, исключительныя личности? Новѣйшая исторія Франціи мало могла имъ внушить крѣпкихъ началъ нравственныхъ.

Мы вовсе не думаемъ, чтобъ позволительно было кому-нибудь мнряться со зломъ: мы только хотѣли сказать, что не слѣдуетъ заблуждаться, отыскивая корень зла, не слѣдуетъ съ горечью и ядовитою жолчью преслѣдовать мало виновныхъ, когда есть другіе, которые должны принять на себя всю отвѣтственность за зло, когда само зло коренится въ причинахъ болѣе-общихъ, болѣе-сильныхъ. Не слѣдуетъ далѣе предрекать конечную гибель на томъ основаніи, что современное поколѣніе, дѣйствующее въ этомъ обществѣ, заражено зломъ, утратило вѣрванія, ослабѣло въ борьбѣ и нравственно безсмысленно. Кто знаетъ, можетъ-быть, завтра же заавнитъ признаки новой жизни молодое, свѣжее поколѣніе, и начнется новая работа, болѣе-успѣшная, болѣе-счастливая. Утрата вѣрованій современнымъ человѣкомъ есть явленіе, принадлежащее только измученному въ борьбѣ, избитому поколѣнію, и далеко не

можетъ назваться явленіемъ общимъ, повсемѣстнымъ. Только тогда можно было бы потерять всякую надежду, еслибъ съ своимъ общественнымъ зломъ вполнѣ примирился западный человѣкъ... Кто ожидалъ, что итальянцы такъ единодушно, такъ умно поведутъ свои дѣла? Не заслуживала ли недавно эта нація тѣхъ же самыхъ укоровъ въ безнадежности, которыми такъ щедро надѣляютъ французовъ?

Послѣднія событія представляютъ много прискорбнаго, много грустнаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ же событіяхъ мы видимъ и много утѣшительнаго, много такого, что благотворно дѣйствуетъ на новаго человѣка, укрѣпляетъ его вѣрованія: выдвигаются новыя силы, разрушаютъ дѣйствіе насильственнаго произвола и получаютъ общее признаніе.

Отъ виллафранкскаго мира насъ отдѣляютъ уже почти два мѣсяца. Особеннаго рода обстоятельства, нисколько отъ насъ независящія, два раза лишали насъ возможности на страницахъ этого журнала высказать наше мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ знаменіи нашего времени. Вотъ почему нынѣшнее наше обзорніе должно, по необходимости, не ограничиться предѣлами одного мѣсяца, а зайти нѣсколько-вдаль.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе-и-болѣе виллафранксій миръ терялъ свое грозное для Италіи значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо сглаживалось, смягчалось и то тяжелое впечатлѣніе, которое онъ произвелъ на первыхъ порахъ. Эта благотѣльная перемѣна, впрочемъ, нисколько не завистла отъ самихъ условій мира, отъ воли тѣхъ лицъ, которыя его заключали; она не завистла наконецъ и оттого, что, при болѣе-внимательномъ изученіи условій, они показались не такъ страшны, не такъ тяжелы. Условія остались все тѣ же; только новыя событія, нараставшія съ каждымъ днемъ, нанесли имъ такой ударъ, что они оказались невыполнимыми. Предъ могущественною силою послѣднихъ событій пало то зданіе, которое думали-было воздвигнуть Лудовикъ-Наполеонъ и Францъ-Юсифъ. Вотъ причина, почему виллафранксій миръ, можно сказать, отошелъ уже теперь въ область исторіи, почему на него можно смотрѣть только какъ на замѣчательное знаменіе нашего времени, не придавая ему слишкомъ-большаго практическаго значенія.

Императоръ Лудовикъ-Наполеонъ привыкъ изумлять Европу неожиданными. Виллафранксій миръ во многихъ отношеніяхъ былъ такою же неожиданностью, какъ знаменитое 2-е декабря. Какъ тогда никто не думалъ, что конецъ французской республики близокъ, такъ теперь всѣ и каждый думали, что война только начинается, что наступаютъ новыя блестящіе триумфы, что императоръ Лудовикъ-Наполеонъ остановится только тогда, когда будетъ достигнута предположенная цѣль, объявленная во всеуслышаніе предъ лицомъ Европы. Но какъ восемь лѣтъ назадъ обстоя-

тельства, извѣстныя Лудовику-Наполеону, заставили его произвести неожиданный государственный переворотъ, такъ и теперь обстоятельства, извѣстныя тоже ему одному, заставили положить конецъ войнѣ въ самомъ ея началѣ, и войну, предназначенную на погибель Австріи, на спасеніе Италіи, закончить миромъ, предназначеннымъ на спасеніе Австріи. Какъ тогда огромное большинство съ благоговѣніемъ преклонилось предъ гениемъ Лудовика-Наполеона, такъ и теперь огромное большинство съ восторгомъ славить его благоразуміе и умѣренность.

Но не по этимъ однѣмъ причинамъ, какъ ни важны онѣ, вилла-Франкскій миръ кажется намъ достойнымъ знаменіемъ времени. Есть въ немъ и другія стороны, неменѣе характеристичныя и заслуживающія серьезнаго вниманія тѣхъ, кто желаетъ понять наше время. Австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ уступилъ императору французомъ, Лудовику-Наполеону, значительную часть Ломбардіи, до рѣки Минчіо; Лудовикъ-Наполеонъ, съ своей стороны, въ знакъ благодарности за оказанную помощь или, можетъ-быть, по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, подарилъ эту часть Ломбардіи королю сардинскому Виктору-Эмануэлю. Въ этомъ ничего нѣтъ страннаго, ничего нѣтъ новаго и особенно-поразительнаго. Австрія за неудачнымъ образомъ веденную войну должна была заплатиться. Уступая Ломбардію, она распоряжалась ею, какъ своею собственностью; какъ своею же собственностью, только-что приобретенною, распорядился ею и Лудовикъ-Наполеонъ, передавъ ее отъ своихъ щедротъ Виктору-Эмануэлю. Въ предѣлахъ своего права каждый изъ двухъ императоровъ могъ поступать, какъ ему угодно; такъ поступали державныя лица всегда и вездѣ при заключеніи мира. Но вотъ что ново, вотъ что странно и особенно-поразительно: императоры, заключая миръ, распоряжаются совершенно-полноправно такими частями Италіи, которыя имъ вовсе не принадлежать, ни тому, ни другому, ни обимъ вмѣстѣ, распоряжаются не только народами, но даже самодержавными правительствами, притомъ такими правительствами, которыя никакого участія не принимали въ распрѣ. Они, по взаимному соглашенію, создаютъ изъ Италіи конфедерацию, хотятъ ли итальянскіе народы и правительство, или не хотятъ конфедерации. Папа долженъ принять на себя званіе почетнаго председателя этой конфедерации, долженъ выполнять свои обязанности, какъ председатель; король неаполитанскій долженъ сдѣлаться членомъ этой конфедерации: безъ того она невозможна, безъ него она не будетъ итальянскою, и, слѣдовательно, воля двухъ императоровъ не будетъ исполнена. Но естественно представляется вопросъ: во имя какого права проеиходитъ такое распоряженіе? на чемъ оно основано? Не-

уже-ли судьбою итальянскаго народа можетъ распоряжаться кто-нибудь иной, кромѣ самаго итальянскаго народа? Здѣсь, какъ мы видимъ, не было рѣчи о правѣ: здѣсь дѣйствовала сила, можетъ-быть, какъ оказалось впоследствии, слишкомъ-много увѣренная въ саму себя, слишкомъ-пренебрегавшая всѣмъ прочимъ.

Какъ отозвалась на это Италия, извѣстно. Мы будемъ имѣть случай сказать объ этомъ впоследствии; теперь же замѣтимъ только мимоходомъ, что молодому и свѣжему итальянскому народу во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ принадлежитъ самая достойная, самая благородная роль. Насъ пока интересуетъ вопросъ: какъ отозвалась Европа на виллафранкскій миръ? въ какое отношеніе стали къ нему правительства европейскихъ державъ и общественное мнѣніе? Что касается до уступки Ломбардіи, то, конечно, ей тутъ было дѣлать нечего. Австрія въ правѣ дѣлать съ своими владѣніями все, что ей угодно, только бы не терпѣло отъ того такъ-называемое политическое равновѣсіе, и Европѣ оставалось только признать новое территоріальное пріобрѣтеніе Сардиніи. Другое дѣло — итальянская конфедерация: это вопросъ чисто-европейскій. Въ систему европейскаго международнаго права, волею двухъ императоровъ, въдвигается новое политическое тѣло. Кто въ правѣ создать это тѣло, даровать ему международныя права? Въ европейской дипломатіи давно признано за правило всѣ возможнѣшіе вопросы общеевропейской политики отдавать на разсмотрѣніе конгресса, состоящаго изъ представителей всѣхъ великихъ державъ. Великія державы всѣ подобные вопросы разрѣшаютъ сообща, сообща устанавливаютъ общее европейское право. Кто же, какъ не конгрессъ, могъ разрѣшить итальянскій вопросъ, въ настоящее время, по преимуществу, вопросъ общеевропейскій? Итальянскому народу слѣдовало законнымъ путемъ заявить свои желанія; общеевропейскому конгрессу предстояло это желаніе признать, или отвергнуть, по своему усмотрѣнію. Тогда всѣ и каждый были бы выслушаны; всѣ интересы высказались бы открыто и свободно, и рѣшеніе не имѣло бы ничего случайнаго, ничего произвольнаго. Если бы конгрессъ рѣшилъ дѣло сообразно желаніямъ итальянскаго народа, то Италия могла бы совершенно успокоиться: ея желанія выполнены; она получила бы тотъ политическій бытъ, который ей въ настоящее время болѣе всего пригоденъ; она получила бы желанную свободу, и, въ случаѣ, еслибы не сумѣла ею воспользоваться, имѣла бы причину жаловаться только на самоѣ-себя. Съ другой стороны, еслибы конгрессъ почему-нибудь счелъ нужнымъ отвергнуть желанія итальянскаго народа, то отвѣтственность падала бы не на одно лицо, а на всю Европу, итальянцы хотя съ прискорбіемъ, но безъ ропота подчиня-

дѣсь бы ей приговору, ожидая облегченій себѣ отъ лучшаго будущаго. Замѣтимъ при этомъ, что подобный способъ рѣшенія общеевропейскихъ вопросовъ новъ: недавно онъ съ успѣхомъ былъ употребленъ по дѣлу дунаевскихъ княжествъ. Чѣмъ же итальянцы хуже румыновъ? Можетъ-быть, только тѣмъ, что румыны живутъ гдѣ-то на оконечности Европы, что они слабы, что ихъ мало; итальянцы же живутъ почти въ центрѣ Европы, ихъ много, и они могутъ быть сильны.

Итакъ, въ первой инстанціи, самой Италиі, во второй и верховной— Европѣ принадлежитъ, по всей справедливости, рѣшеніе итальянскаго вопроса. Два императора, начертывая условія виллафранкскаго мира, конечно, не могли позабыть этой прямой и ясной для всѣхъ истины. Какое же значеніе имѣли опредѣленные ими условія?

Виллафранксій миръ поразилъ всѣхъ не одною только своею неожиданностью: онъ поразилъ также и самымъ своимъ содержаніемъ. Съ перваго раза можно было подумать, что было намѣреніе рѣшить окончательно и безапелляціонно трудный и запутанный вопросъ. Европейской дипломатіи, казалось, ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ или оскорбляться слишкомъ-произвольнымъ поступкомъ, или, скрѣпя сердце, признать волю двухъ императоровъ. Такъ, дѣйствительно, можно было думать нѣкоторое время, и вотъ причина, почему виллафранксій миръ возбудилъ на первыхъ порахъ противъ себя такое сильное негодованіе. Правительства, правда, медлили высказаться, официальный миръ молчалъ, ожидая, чтобъ яснѣе обозначилось положеніе дѣлъ; за-то въ журналистикѣ слышались сильные и рѣзкіе укоры, и только одні французскія газеты выхваляли войну, даровавшую Франціи славный миръ, а Италия — свободу и благоденствіе.

Въ современной журналистикѣ, получившей повсюду самые огромные размахъ, выражается лучше всего политическая и общественная мысль европейскаго человѣка; она поэтому лучше всего служить критеріумомъ его нравственнаго состоянія. Вотъ почему любопытно взглянуть, какъ отнеслась къ виллафранкскому миру журналистика, и именно французская, какъ ближе всего заинтересованная въ дѣлѣ. Война, по словамъ императора французовъ, предпринята была съ тою благородною цѣлью, чтобъ возвратить Италию самой-себѣ, чтобъ избавить ее отъ тягостнаго гнета австрійскаго владычества, чтобъ доставить ей независимость и свободу. До-тѣхъ-поръ, говорилось торжественно, Италия не будетъ свободна, пока за Австріей останется хотя одинъ клочокъ ея земли. Война кончена, миръ заключенъ, и чтѣ же? За Австрією остается вся Венеціанская Область; за нею остается знаменитый четырехугольникъ, этотъ ключъ къ владычеству всею Италиєю,

эта главная опора австрійскаго преобладанія. Сверхъ-того, Италия превращается въ конфедерацію, и самымъ сильнымъ, самымъ могущественнымъ членомъ ея дѣлается все та же Австрія. Черезъ реставрированныхъ герцоговъ, черезъ своего друга и союзника, короля неаполитанскаго, черезъ преданнаго себѣ президента, она получаетъ возможность законнымъ путемъ распоряжаться въ Италиі, какъ ей угодно. Не нужно теперь Австріи прибѣгать къ насильствамъ, къ шпіонамъ, къ военнымъ занятіямъ. Однимъ законнымъ своимъ вліяніемъ она можетъ держать въ рукахъ всю Италию. Ясно, что условія виллафранкскаго мира весьма-мало благоприятствовали итальянской свободѣ, что Италия не могла быть свободною, еслибъ эти условія вступили въ свою силу; ясно далѣе, что были какія-то обстоятельства, намъ неизвѣстныя, которыя заставили Людовика-Наполеона круто и рѣшительно измѣнить свои первоначальныя намѣренія. Что же говорить, какъ относится къ дѣлу французскія газеты? Но зачѣмъ намъ трогать ихъ? Онѣ, мы знаемъ, не свободны въ своихъ мнѣніяхъ: онѣ находятся подъ наблюдениемъ главнаго инспектора по журнальной части, офиціального публициста и сенатора французской имперіи, де-Лагерроньеря; онѣ боятся проронить свободное слово, потому-что за это можно поплатиться. Но ежели нельзя говорить, то никто не можетъ запретить молчать: французскія газеты могли бы молчать о свободѣ Италиі, и де-Лагерроньеръ и издатели газетъ оставались бы въ покоѣ. Но нѣтъ, французскимъ газетамъ нужно трубить гимны, и онѣ ихъ трубили въ избыткѣ. Системѣ молчанія до-сихъ-поръ слѣдовалъ «*Journal des Débats*»; теперь почему-то и онъ измѣнилъ своей системѣ, и онъ разразился похвальнымъ дикрамбомъ въ честь виллафранкскаго мира, и онъ явился поборникомъ мира въ своихъ громовыхъ статьяхъ противъ Англіи. Оставимъ, поэтому, французскую журналистику и посмотримъ лучше на то, какъ вель себя *Le Nord*. Эта газета, какъ извѣстно, издается въ Брюсселѣ, столицѣ свободной, конституціонной страны, Бельгіи; издается, слѣдовательно, въ той странѣ, на которую не простираетъ своего вліянія французскій генерал-инспекторъ по журнальной части. Въ заглавіи этой газеты гордо выставлено—*Journal International*: это значитъ, что, какъ международный органъ, *le Nord* сохраняетъ полную свободу мнѣній, не служитъ офиціальнымъ, или полуофиціальнымъ органомъ тому, или другому правительству, тому, или другому важному лицу, не подчиняется постороннимъ вліяніямъ. Какже «*Le Nord*» отнесся къ виллафранкскому миру? Вотъ что онъ говорилъ, по полученіи извѣстія объ этомъ мирѣ: «Громадная политическая драма, развернувшаяся недавно предъ нашими глазами, не имѣетъ ничего подобнаго себѣ въ исторіи. Въ-то-

ченіе десяти недѣль мы видѣли объявленіе войны, вторженіе, кампанію, сопровождавшуюся самыми блестящими успѣхами, съ кровавыми битвами, съ двумя генеральными сраженіями, завоеваніе обширной провинціи и наконецъ перемиріе и миръ.» До-сихъ-поръ въ словахъ международнаго органа все прилично, все благовидно; съ его словами нельзя не согласиться. Но что слѣдуетъ дальше? «Это—миръ (продолжаетъ Le Nord), изъ котораго должно возникнуть возрожденіе великаго народа, созданіе политическаго тѣла, которое своими нравственными и матеріальными силами можетъ соперничать съ первоклассными державами. Ясно видно, что мы присутствовали не при войнѣ завоевательной, не при войнѣ изъ династическихъ интересовъ, но при торжество одной изъ тѣхъ великихъ идей, которыя образуютъ новую эру и налагаютъ свою печать на эпоху.» Виллафранкскій миръ Le Nord, какъ видимъ, считаетъ торжествомъ какой-то великой идеи, кладущей печать на цѣлую эпоху. И мы также думаемъ, что этотъ миръ, дѣйствительно, кладетъ печать на нашу эпоху, расходимся же съ Le Nord'омъ только въ томъ отношеніи, что не находимъ въ мирѣ, или, лучше и опредѣлительнѣе говоря, въ самыхъ условіяхъ виллафранкскаго мира, ничего такого, что могло бы заставить насъ торжествовать и радоваться. Наконецъ изліяніе своего восторга Le Nord заканчиваетъ слѣдующею фразою: «Да, Италия будетъ дѣйствительно свободна до Адриатическаго Моря. Таково наше внутреннее, задушевное убѣжденіе». (Nord, 15-го іюля.) Подкрѣпляя свое мнѣніе такимъ аргументомъ, какъ задушевное убѣжденіе международнаго органа, брюссельская газета, конечно, не могла не чувствовать сильнаго затрудненія: другихъ, болѣе-сильныхъ доказательствъ она не могла представить на другой день послѣ заключенія виллафранкскаго сдѣлки.

Ошибка брюссельской газеты, ошибка другихъ усердныхъ органовъ французской журналистики заключалась въ томъ, что они, вопреки общественному мнѣнію, начали завѣрять въ полной и совершенной свободѣ Италіи, не дождавшись случая, при которомъ самъ Лудовикъ-Наполеонъ счелъ нужнымъ высказать свое мнѣніе о томъ же предметѣ. Оказалось, что императоръ французскій не въ такой мѣрѣ признаетъ свое дѣло удачно конченнымъ, не въ такой мѣрѣ считаетъ свободу Италіи упрочебною, какъ объ этомъ трубятъ органы французской журналистики и самъ «Le Nord». Въ отвѣтъ на поздравленіе высшихъ государственныхъ сословій, Лудовикъ-Наполеонъ счелъ нужнымъ произнести рѣчь, исполненную видимою горечью и прискорбнаго сожалѣнія.

Въ этой рѣчи Лудовикъ-Наполеонъ сознается, что многое изъ своей первоначальной программы онъ принужденъ былъ вычеркнуть, что глав-

ная цѣль войны не достигнута, что «безъ грусти и сожалѣнія онъ не можетъ видѣть, какъ въ честныхъ сердцахъ рухнули благородныя мечтания, исчезли патриотическія надежды».

Задуманное имъ дѣло встрѣтило сильныя, непреодолимыя препятствія, которыхъ будто-бы первоначально онъ не могъ предвидѣть: передъ нимъ лицомъ-къ-лицу стояла вооруженная Европа, готовая остановить у него каждый дальнѣйшій шагъ; въ Италіи поднялась революція, и ему предстояло вступить съ нею въ споръ; война наконецъ стояла такъ много драгоценной крови, и предстояло еще пролить такъ много этой драгоценной крови, что онъ, скрѣпя-сердце, вынужденъ былъ заключить виллафранкскій миръ. При этой рѣшимости, интересъ Франція говорить въ немъ сильнѣе всѣхъ другихъ побужденій.

Такъ самъ Лудовикъ-Наполеонъ далъ понять всѣмъ и каждому, что на виллафранкскій миръ не слѣдуетъ смотрѣть какъ на полную гарантію итальянской свободы, что этотъ миръ вынужденъ обстоятельствами и далеко не зависѣлъ отъ его свободной воли. Правда, что отъ заключенія мира и до момента произнесенія рѣчи прошло почти двѣ недѣли, что въ это время Италія не оставалась въ бездѣйствіи отчаянія, что въ ней раскрылись событія, далеко неблагоприятствовавшія условіямъ виллафранкской сдѣлки; правда, что первоначально самъ Лудовикъ-Наполеонъ думалъ нѣсколько-иначе и въ самый день заключенія мира въ своей прокламаціи къ войскамъ объявлялъ, что «главная цѣль войны достигнута, что Италія въ первый разъ становится націей»; правда, что для многихъ-тѣ причины, которыя, по словамъ Лудовика-Наполеона, остановили побѣдное шествіе его армій, показались недостаточно-сильными, недостаточно-основательными, что онъ или вовсе не имѣли того значенія, которое имъ приписываетъ императоръ французскій, или же съ одинаковою силою дѣйствовали и прежде, даже до начала войны, и, однакожь, не помѣшали Лудовику-Наполеону начать войну. Такъ видѣнательства вооруженной Европы онъ долженъ былъ бояться еще прежде, долженъ былъ знать, что Германія врядъ-ли дозволитъ ему значительно ослабить Австрію. Въ-самомъ-дѣлѣ, никогда такъ не были сильны въ Германіи воинственныя стремленія, пламенные порывы доказать и поддержать германское единство, какъ предъ началомъ войны, и, однакожь, они тогда не казались значительнымъ, непреодолимымъ препятствіемъ. Въ концѣ іюня, въ началѣ іюля воинственныя стремленія нѣмцевъ, благодаря тому благоразумному положенію, которое приняло прусское правительство, значительно ослабли, уменьшились; Пруссія воно выказалась, что имъ-за интересовъ одной Австріи не надѣрена вступать въ борьбу съ опаснымъ соседнемъ, а безъ Пруссіи

Германия не имела права двинуться. Еще накануне заключения перемирия, 7 июля, Австрия своим предложением франкфуртскому сейму о назначении главнокомандующаго для союзной арміи ясно показала, какое соперничество разделяют двѣ первоклассныя нѣмецкія державы и въ какой мѣрѣ справедливы тѣ опасенія, которыя могло возбудить волненіе умовъ въ Германіи: изъ принца-регента прусскаго, который хотѣлъ взять на себя политическую и военную диктатуру въ Германіи, Австрія съ своей стороны собиралась сдѣлать не болѣе, какъ генерала, чрезъ посредство франкфуртскаго сейма состоящаго въ австрійской службѣ и въ полномъ повиновеніи вѣнскому правительству. Лудовикъ-Наполеонъ, конечно, зналъ, что это предложеніе будетъ съ необходиміемъ отвергнуто Пруссіей и что вслѣдъ за этимъ должно наступить прискорбное для Германіи и благоприятное для него раздвоеніе. Правда, что эти нѣмецкія обстоятельства не могли быть тайной 14-го июля, въ день свиданія въ Виллафранкѣ, и, однакожь, миръ былъ подписанъ потому, что, какъ говорить самъ Лудовикъ-Наполеонъ, онъ опасался вооруженной Европы, то-есть прежде всего Пруссіи и Германіи. Онъ опасался, можетъ-быть, Англіи? Но въдъ въ этой странѣ, по-преимуществу эгоистической, равнодушной къ волненіямъ на континентѣ, пока эти волненія не коснутся интересовъ Англіи, въ этой странѣ мѣсто министерства лорда Дэрби, дружнаго съ Австріей, заняло министерство лорда Пальмерстона, дружнаго съ Франціей, и еще за недѣлю передъ заключеніемъ мира англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Джонъ Россель, высказалъ такую полную симпатію къ итальянскому дѣлу, что съ этой стороны нечего было опасаться какихъ бы то ни было препятствій. Если успѣхи французовъ въ Италіи и заставили действительно вооружиться Европу, то цѣль этихъ вооруженій заключалась не въ томъ, чтобъ помѣшать освобожденію Италіи: вооруженія эти были направлены къ тому, чтобъ оградить себя необходимыми мѣрами безопасности на тотъ случай, ежели намѣренія Лудовика-Наполеона не остановятся въ тѣхъ предѣлахъ, которые были обозначены въ его миланской программѣ. Правда, дагдѣ, что въ центральной-Италіи, действительно, вспыхнули революція, лишь-только послѣ первой побѣды французовъ спало обаяніе военной силы Австріи, и итальянскіе герцоги, эти послушныя вассалы Австріи, оставшіеся безъ той единственной поддержки, которая помогала имъ сидѣть на шаткихъ ихъ тронахъ, ушли изъ своихъ владѣній. Народъ въ Италіи возсталъ единодушно, чтобъ помочь французамъ изгнать австрійцевъ. Но не-ужели не можно было предвидѣть, что подобное движеніе должно было неизбежно стариться въ Италіи при одномъ появленіи французскихъ

штыковъ за Альпами? Не-уже-ли, задумывая, начиная войну, нельзя было рассчитывать на ту помощь, которую доставитъ революція въ Италіи? Въдѣ ее тамъ подготавливалъ, ею руководилъ бывшій союзникъ, бывшій другъ Франціи, прежній глава сардинскаго правительства, графъ Капуръ. Нѣтъ, вѣрнѣе всего то, что въ тѣ двѣ недѣли, которыя прошли послѣ подписанія вилафранкской сдѣлки, и до поздравленія государственныхъ сословій, произошло много такого, что заставило Лудовика-Наполеона рѣшиться на попытку оправдать себя передъ судомъ общественнаго мнѣнія.

Мы на этотъ разъ оставимъ въ сторонѣ рѣчь Лудовика-Наполеона, его пропитанное чувствомъ скорби оправданіе, оставимъ въ сторонѣ разборъ тѣхъ причинъ, которыя, по его убѣжденію, были такъ сильны, что заставили его съ горечью сказать своимъ побѣдоноснымъ войскамъ: «Стойте! вотъ предѣлъ, дальше котораго идти не слѣдуетъ.» Все это относилось къ нашему предшествующему обзорнію. Теперь насъ занимаетъ другой вопросъ — вопросъ о томъ, на сколько въ вилафранкскомъ мирѣ и послѣдующихъ событіяхъ выразился характеръ нашего времени.

Вилафранкскій миръ, что бъ ни говорили о немъ, заключалъ въ себѣ рѣшительное и явное намѣреніе произвольно, безъ участія Европы, безъ всякаго вниманія къ надеждамъ и желаніямъ итальянскаго народа, распорядиться судьбою цѣлой обширной страны. Но будемъ благодарны нашему времени за то, что оно нашло въ себѣ достаточно силъ разрушить такое самоуправство. Первый и рѣшительный ударъ вилафранкскому миру нанесенъ былъ народонаселеніемъ Центральной Италіи.

Подписывая условія мира, оба императора признали за благо возвратить Центральной Италіи ея сверженныхъ и бѣжавшихъ герцоговъ. Но какая идея соединялась для итальянцевъ съ возстановленіемъ этихъ герцоговъ на ихъ упраздненныхъ престолахъ? Впродолженіе всего своего долговременнаго владычества они не сумѣли пріобрѣсти себѣ народнаго расположенія; они оставались чужды своей странѣ и своему народу; у нихъ были свои особенные интересы, прямо противоположные интересамъ того народа, которымъ они управляли; отъ своихъ подданныхъ они требовали только финансовъ, безусловной покорности и финансовъ; на народъ свой они смотрѣли какъ на грубую массу, обреченную на то, чтобъ платить и повиноваться. Если народъ заявлялъ какіе-нибудь притязанія жизни, предъявлялъ самыя скромныя и справедливыя желанія, то герцоги тотчасъ обращались къ Австріи, и австрійскіе штыки являлись имъ на помощь, чтобъ задавить народъ, заставить его замолчать, научить его рабски повиноваться. Только силою австрійскихъ штыковъ эти

герцоги держались на шаткихъ своихъ престолахъ. Наступала для Австріи невзгода, не могла она своими штыками поддерживать вѣрныхъ вассаловъ, и герцоги принуждены были удаляться изъ своихъ владѣній: такъ было въ 1848 году, такъ повторилось и теперь, въ 1859 году. Два раза въ минуту невзгоды великій герцогъ тосканскій Леопольдъ II, вынужденный обстоятельствами, давалъ конституцію своему народу, два раза клялся хранить ненарушимо эту конституцію — и два же раза, съ перемѣною обстоятельствъ, то—есть съ новымъ усиленіемъ австрійскаго могущества, бралъ назадъ конституцію. Съ началомъ нынѣшней войны народъ въ Тосканѣ и въ Моденѣ требовалъ отъ своихъ герцоговъ только того, чтобъ они скинули съ себя вериги австрійской зависимости, чтобъ они, въ союзъ съ Пьемонтомъ, вооружились для пріобрѣтенія итальянской независимости. Но идея итальянской независимости была чужда пониманью герцоговъ, они никогда не признавали себя итальянскими государями; они постоянно жили, чувствовали и думали, какъ австрійскіе эрцгерцоги. Въ рѣшительную для себя и для Италіи минуту они остались такими же австрійскими эрцгерцогами: ихъ мысли и чувства были въ Вѣнѣ. Они предпочли остаться вѣрными своимъ австрійскимъ чувствамъ; постоянно враждебные народу, они не могли теперь нить съ нимъ общаго дѣла, оставили свои владѣнія и бѣжали подъ покровительство Австріи. Тамъ, въ австрійской арміи, подъ австрійскими знаменами, они сражались противъ итальянской независимости. Это былъ послѣдній актъ, которымъ они совершенно разорвали свое дѣло съ дѣломъ итальянскаго народа. И теперь эти герцоги должны были снова возвратиться на свои престолы, изъ своихъ народовъ. Возможна ли эта реставрація? Какою силою она могла быть произведена? Допустить ли ихъ народъ, который привыкъ видѣть въ нихъ враговъ себя, для котораго эта реставрація равнозначительна возвращенію австрійскаго гнёта и всей тяжелой и мрачной старины? Но еслибы даже какою—нибудь силою и можно было возвратити герцогамъ ихъ престолы, въ—силахъ ли они будутъ усидѣть на нихъ безъ внешней поддержки, другими словами — безъ постоянного военнаго занятія Центральной Италіи австрійскими или французскими штыками? А въ такомъ случаѣ гдѣ же та цѣль, которой стремились достигнуть войною?

Такимъ—образомъ, если императоръ Лудовикъ—Наполеонъ желалъ свободы Италіи, то одна уже реставрація герцоговъ, внесенная въ число условій виллафранскаго мира, разрушала всякую возможность этой свободы. Зачѣмъ же было допускать это условіе, если оно такъ прямо и рѣшительно противорѣчило основной мысли? Но развѣ одно это условіе разрушало проектированную свободу Италіи? Развѣ другія условия

были лучше? Лудовикъ-Наполеонъ, какъ видно, ошибся, сошелъ съ того пути, на который сталъ 1-го января нынѣшняго года, и итальянцы неправыли эту ошибку,

До-сихъ-поръ реставрація герцоговъ была главнымъ пунктомъ, на которомъ выказалась несостоятельность условій виллафранкскаго мира, на которомъ этотъ миръ потерпѣлъ тяжелый и рѣшительный ударъ; до другихъ пунктовъ, до образованія конфедераціи, до президентства паны очередь еще не доходила, да врядъ-ли и дойдетъ когда-нибудь: во всякомъ случаѣ, и въ этихъ вопросахъ врядъ-ли ожидаетъ виллафранкскую сдѣлку болѣе-счастливая судьба. Сила виллафранкскаго мира почти сокрушилась уже е противодѣйствіе ничтожныхъ итальянскихъ герцогствъ.

Герцогства, какъ и слѣдовало ожидать, протестовали противъ реставраціи австрійскихъ вассаловъ, въ сольферинской битвѣ обогрившихъ свои руки итальянскою кровью; временныя правительства, дѣйствовавшія въ герцогствахъ, объявили, что герцоги могутъ возвратиться только силою, что народъ встрѣтитъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и эта рѣшимость правительствъ находила себѣ полное сочувствіе въ народѣ. Вопросъ дѣлался затруднительнымъ: жители Тосканы, Модены, Пармы, а вслѣдъ за ними и жители легатствъ явно и рѣшительно возстали противъ постановленій виллафранкскаго мира, объявили, что не желаютъ добровольно подчиниться этимъ постановленіямъ, что желаютъ сами себѣ создать лучшую политическую будущность. При этой твердой рѣшимости, итѣры, принятыя временными правительствами, отличались тѣмъ же спокойствіемъ и благоразуміемъ, тою же умѣренностью, какъ и прежде: съ одной стороны правительства эти старались о томъ, чтобъ удержать народныя массы отъ всякихъ волненій, отъ всякихъ шумныхъ и опасныхъ манифестацій, которыя, давъ поводъ къ военному вмѣшательству, могли бы только, въ результатъ, нанести рѣшительный ударъ національному дѣлу, и народонаселеніе герцогствъ во все критическое время держало себя съ достоинствомъ и благоразуміемъ. Съ другой стороны, временныя правительства обратились съ просьбою о покровительствѣ къ Виктору-Эмануилу, къ самому Лудовику-Наполеону. Что было дѣлать освободителю Италіи, подписавшему виллафранкскую сдѣлку, съ этими правительствами и народами Центральной Италіи, которые осмѣивались идти противъ его воли и въ своихъ, по его мнѣнію, революціонныхъ дѣйствіяхъ къ нему же обратились съ просьбою о покровительствѣ, о защитѣ, о помощи? Положеніе трудное, и, безъ-сомнѣнія, не разъ въ это время приходилось расказываться Лудовику-Наполеону въ томъ, что, аступивъ въ Ми-

ланъ, онъ далъ итальянцамъ слишкомъ—много обѣщаній, слишкомъ—сильно оживилъ ихъ революціонныя надежды, взялъ на себя роль ихъ добраго гения—избавителя. Что предстояло ему дѣлать съ Центральною Италіею? Отказаться ли явно и рѣшительно отъ одного изъ условій виллафранкскаго мира и тѣмъ самымъ снова разорвать все дѣло съ Австріею? Послать ли свои войска во Флоренцію, въ Парму, Модену и Болонью и французскими штыками возвратитъ владѣнія герцогамъ и папѣ? И то, и другое средство было слишкомъ—рѣшительно, представляло свои опасности и не могло нравиться Лудовику—Наполеону. Союзомъ съ Австріею въ настоящихъ обстоятельствахъ онъ слишкомъ дорожить и не хочетъ новаго разрыва, а можетъ—быть и новой войны съ нею. Возстановленіе герцоговъ силою находится въ такомъ явномъ и рѣшительномъ противорѣчій со всеми словами и даже поступками императора французскій, что на это средство онъ не можетъ рѣшиться. Вотъ почему «Мониторъ» посѣпшилъ объявить, что французское правительство вовсе не намѣрено вооруженною силою возстановлять сверженныхъ герцоговъ. Оставалось избрать какое—нибудь иное средство достигнуть цѣли, поставленной во главѣ условій виллафранкскаго мира: это средство было — нравственное вліяніе императора французскій.

Но скоро оказалось, что безуспѣшно возвратитъ итальянцевъ на тотъ старый путь, по которому желали бы ихъ вести. Резе и Понятовскій, провозники этого нравственнаго вліянія, отправились въ Италію одинъ за другимъ увѣщевать итальянцевъ, именемъ Наполеона, принять герцоговъ; но итальянцы оставались глухи ко всемъ этимъ увѣщаніямъ. Не могло соблазнить ихъ и то обстоятельство, что Резе и Понятовскій, отъ имени сверженныхъ и наученныхъ горькимъ опытомъ герцоговъ, обѣщали имъ самую либеральную конституцію, обѣщали, что эта конституція будетъ гарантирована для нихъ самимъ Лудовикомъ—Наполеономъ. Итальянцы хорошо понимали, что эти самые герцоги уже два раза давали имъ конституцію и два раза брали ее назадъ; слово Лудовика—Наполеона казалось имъ недостаточной гарантіею противъ возможности въ третій разъ нарушить конституцію. Вотъ почему посольство Резе и Понятовскаго не имѣло никакого успѣха; попытка произвести нравственное вліяніе не привела къ ожидаемымъ результатамъ.

Что оставалось дѣлать послѣ всѣхъ этихъ неудачъ? Правда, въ герцогствахъ и легатствахъ происходили выборы представителей въ народные собранія, которые должны законнымъ путемъ выразить волю народа. Можно было употребить въ дѣло извѣстные средства, имѣть нѣкоторое вліяніе на эти выборы; можно было надѣяться еще, что въ народныхъ собраніяхъ произойдетъ прискорбное для Италіи и благоприятное

для других разъединеніе, что начнется борьба между различными партиями, что итальянцы сами сгубят свое дѣло, что этой борьбой можно будетъ воспользоваться, можно будетъ по произволу направить событія къ желаемой цѣли. Серьезное опасеніе внушали предстоящіе выборы, предстоящія засѣданія итальянскихъ, народныхъ собраній всѣмъ друзьямъ итальянской свободы. Чтобы показать, какого рода были эти опасенія, приводимъ одну изъ статей газеты *Times*, посвященныхъ этому предмету.

• Еслибъ Сисмонди могъ продолжить свой великій трудъ до нашего времени, или еслибъ Маккиавели могъ написать исторію Флоренціи отъ смерти Лоренцо до 1860 года, то, безъ сомнѣнія, въ нынѣшнихъ событіяхъ они нашли бы достаточно матеріала для историческаго воззрѣнія, во многомъ отличнаго отъ того, котораго они держались. Въмѣсто разсказа о внутреннихъ вѣззахъ и мелкихъ интригахъ, они представили бы намъ небывалую картину, какъ государи апеллируютъ къ народу и народъ законнымъ порядкомъ объявляетъ свою волю о томъ, кѣмъ онъ желаетъ быть управляемъ. Умѣренная партія въ Италіи знаетъ весьма-хорошо, что означаетъ всеобщее право голоса при избраніи правительства. Тоскана съ мудрою поспѣшностью приняла свои шѣры, прежде, нежели могло быть приведено въ исполненіе намяіе со стороны какой-нибудь чуждой державы, и позаботилась о томъ, чтобы выборъ представителей зависѣлъ не отъ невѣжественныхъ и суевѣрныхъ крестьянъ, которые повинуются своимъ столь же невѣжественнымъ и немного менѣе-суевѣрнымъ попамъ, но чтобы этотъ выборъ зависѣлъ отъ воли дѣятельной, разсудительной и мыслящей части народонаселенія. Теперь хорошо извѣстенъ тотъ механизмъ, который приводится въ движеніе попами и подпорою которому служатъ ловко разставленные штыки. Употребленный въ дѣло сообразно съ цѣлью, онъ каждый разъ будетъ производить какую угодно форму правленія, точно такъ, какъ ткацкій станокъ въ Манчестерѣ можетъ воспроизвести любой образецъ. Въ Англіи этого, можетъ-быть, не могло бы случиться, потому-что здѣсь землевладѣльцы и хозяева фабрикъ, съ помощью своихъ фермеровъ и фабричныхъ работниковъ, выдержали бы другъ противъ друга избирательную борьбу; напротивъ, въ Италіи, въ Ирландіи, или во Франціи подобныхъ трудностей не знаютъ. Избранный Франціею, понятно само-собою, увѣряетъ, что такъ-какъ онъ самъ избранъ народомъ, то не можетъ противъ желанія страны навязывать ей государа. Но, между-тѣмъ, прежде всего представляется вопросъ: кто долженъ быть этими избирателями? Съ помощью абсолютнаго всеобщаго права голоса Наполеонъ III могъ бы каждому

итальянскому государству дать любого, ему угоднаго, государя. Стоить только согласиться съ папою и на всякій случай держать наготовѣ достаточное количество войска, чтобъ помѣшать опаснымъ демонстраціямъ несогласнаго меньшинства.

«Мы рекомендуемъ тосканцамъ не предаваться радости въ полной надеждѣ на успѣхъ до-тѣхъ-поръ, пока у нихъ въ рукахъ не будетъ императорской ратификаціи всего случившагося. Герцогства находятся въ чрезвычайно-исключительномъ положеніи, заняты разрѣшеніемъ чрезвычайно-трудной задачи. Недостаточно одного того, что они готовятъ для себя новое правительство: они въ то же время создаютъ для себя революціонный механизмъ, съ помощію котораго оно должно вступить въ силу. Имъ предстоитъ не только избрать государя, но прежде всего опредѣлить учредительные законы для того собранія, изъ котораго должно выйти это избраніе. И, при всемъ этомъ, они должны работать подъ микроскопомъ непріязненной имъ критики. И у другихъ народовъ были революціи; но эти народы всегда, или, по крайней-мѣрѣ, временно, обладали достаточною физическою силою, чтобъ защищать свое дѣло. Тоскана похожа на карлика, который строитъ свою маленькую хижину подъ инквизиторскими взорами гиганта. Одного движенія ноги этого великана достаточно, и хижина будетъ опрокинута въ случаѣ, если ему не понравится характеръ и стиль постройки, или же въ томъ случаѣ, если на него найдетъ дурное расположеніе духа.

«Не только въ герцогствахъ и легатствахъ, въ самомъ Неаполѣ и даже въ Кампанѣ слышенъ гулъ народнаго движенія. Не только Тоскана, но и другія части Італіи апеллируютъ къ Наполеону III. Тамъ мы видимъ молодаго короля неаполитанскаго, который, подъ гнѣтомъ нынѣшнихъ событій, чувствуетъ сильное безпокойство. Со вступленіемъ его на престолъ связано было много надеждъ, ибо его отецъ былъ жестокой государь, а отъ сына можно было надѣяться, что онъ будетъ царствовать кротко. Въ-самомъ-дѣлѣ, первыя дѣйствія его царствованія были многообѣщающія; но съ-тѣхъ-поръ прошло уже три мѣсяца, и все, повидимому, желаетъ возвратиться къ старымъ привычкамъ. Въмѣсто побитыхъ швейцарцевъ приняты на службу нѣмцы-наемщики, и приняты мѣры къ тому, чтобъ старую полигику Бурбоновъ защищать силою оружія. Еще важнѣе то обстоятельство, что духовенство, какъ слышно, по всей странѣ собираетъ подписки для своихъ адресовъ. Вотъ почему мы должны быть готовы вскорѣ услышать, что къ Лудовику-Наполеону и Францу-Іосифу неаполитанцы обратятся съ покорнѣйшею просьбою избавить ихъ отъ благодѣяній виллафранк-

скаго мира, да мимо ихъ идетъ бремя конституціи и итальянской конфедераціи.

«О народѣ, который посреди разнородныхъ вліяній подчиненъ такому тяжелому гнѣту, должно судить съ кротостью и осторожностью. Намъ не слѣдуетъ съ излишнею любознательностью замѣчать каждую маленькую ошибку: намъ слѣдуетъ скорѣе смотрѣть на дѣло съ крайнею пощадою и дѣлать строгое различіе между тѣмъ, что предпринимаютъ отвѣтственные вожди движенія, и къ чему отчаяннымъ и позорнымъ образомъ прибѣгаютъ ихъ тайные враги, или лишенные такта трузья. Несмотря на эти происки, все то, что до-сихъ-поръ совершилось въ Италіи, достойно нашей симпатіи. Ежели не вмѣшаются постороннія державы, единство и сила Италіи упрочены. Невозможно потушить вспыхнувшій тамъ пожаръ; если бы даже и были двинуты туда сто тысячъ солдатъ, то они были бы не въ-силухъ подавить духъ неудовольствія, который будетъ жить до-тѣхъ-поръ, пока народу будутъ отказывать въ свободѣ. Тамъ будетъ глѣть, какъ въ Везувіѣ, до-тѣхъ-поръ, пока пламя съ неудержимою силою не вырвется наружу. Въ интересѣ человѣчества не слѣдуетъ теперь лишать итальянцевъ благопріятнаго случая. Не всегда такъ было и не всегда такъ будетъ, чтобъ Франція подъ свой могущественный покровъ брала государей. Ежели европейскія консервативныя державы слѣдуютъ началамъ благоразумія, то онѣ не упустятъ этого благопріятнаго случая для умѣренной сдѣлки и для упроченія мира. Зачѣмъ дожидаться тѣхъ опасностей, которыя принесетъ съ собою денъ возмездія? А этотъ день когда-нибудь наступитъ.»

Но напрасными оказались всѣ опасенія друзей итальянской свободы; напрасными они оказались по стольку, по скольку въ эти опасенія входила мысль, будто-бы итальянцы не доросли до того, чтобъ спокойно и достойно совершить великій актъ свободной жизни, чтобъ доказать свою способность и права свободно жить, свободно управляться. Выборы совершились безъ малѣйшихъ волненій и тревогъ, съ замѣчательнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ. Руководимыя своими вождями, народныя массы доказали, что умѣютъ понимать благодѣянія свободы: повсюду были выбраны самые лучшіе люди Италіи. Такимъ-образомъ, Италія представила новое доказательство тому, что свобода сама-по-себѣ не такъ опасна, какъ думаютъ ея ярые противники, что ежели при свободныхъ учрежденіяхъ возникаютъ нѣкоторыя при-скорбныя явленія, то виною этого не сама свобода, а интриги и происки ея враговъ.

Въ половинѣ августа созваны были народныя собранія въ герцог-

ствахъ: первымъ дѣломъ ихъ было единодушно и единогласно объявить царствовавшія династіи свергнутыми, вторымъ — провозгласить сліаніе съ Пьемонтомъ и пригласить короля Виктора-Эмануила принять Центральную Италію подъ съю конституціонную власть. Опасенія однихъ разсыялись, тревога другихъ усидмлась. Англійскія газеты съ восторгомъ привѣтствовали рѣшенія итальянскихъ народныхъ собраній: для англійскаго народа, для этого аристократа политической свободы, привлекающаго смотрѣть съ недоувѣріемъ на либеральныя движенія материка, тотъ правильный, спокойный и законный порядокъ, какимъ итальянцы повели и до-сихъ-поръ выполняли свое дѣло, былъ во многихъ отношеніяхъ сильною неожиданностью. За-то тѣмъ сильнѣе теперь сочувствіе Англии къ итальянскому дѣлу: англійскія газеты, и во главѣ ихъ «Morning-Post», органъ лорда Пальмерстона, совѣтуютъ Виктору-Эмануилу принять предложеніе, удовлетворить законнымъ желаніямъ Италіи и образовать сильное итальянское государство.

Но если такъ относится къ Италіи общественное мнѣніе въ Англии, то другаго рода чувства, другаго рода страсти возбуждаютъ итальянскія событія въ той странѣ, гдѣ правительство имѣетъ въ виду только узкіе личныя и династическіе интересы, а народъ и его органы, газеты, не имѣютъ права свободнаго голоса. Австрійскому правительству менѣе всего могутъ нравиться движенія, происходящія въ Итали: съ потерею герцогамъ своихъ престоловъ, съ дальнѣйшимъ усиленіемъ Пьемонта, Австрія лишается всякой возможности возстановить современемъ свое вліаніе на Италію; покорные ей вассалы теряютъ свои владѣнія за эту слѣдую покорность, за служеніе интересамъ габсбургскаго дома. Въ Центральной Италиі — революція, направленная прямо противъ интересовъ Австріи, и Австрія, до сихъ-поръ безгранично пользовавшаяся привилегіею гнать всякаго рода революціонное движеніе въ Италиі, теперь, въ самую критическую для себя минузу, должна спокойно смотрѣть на это движеніе, сложивъ руки, не двигаясь: ея не боятся итальянцы. Не помогъ ей ни виллафранкскій миръ, купленный дорогимъ пожертвованіемъ; не помогли ей ни итальянская конфедерація, ни папа; не помогъ ей, наконецъ, и не можетъ помочь, виллафранкскій другъ ея и союзникъ, самъ Лудовикъ-Наполеонъ. Заклучая сдѣлку 12 іюля, Австрія, безсомнѣнія, думала, что съ четырехугольникомъ, съ конфедераціей, съ святымъ отцомъ-президентомъ Италія все-таки останется за нею; а теперь Италія уходитъ, почти уже ушла отъ нея. И кто же все это сдѣлалъ? Кто нанесъ Австріи такой чувствительный ударъ? Ея гордость еще могла бы нѣсколько успокоиться, еслибъ военныя неудачи въ борьбѣ съ могущественнымъ соперникомъ, наравнѣрь, съ Лудовикомъ-На-

полеономъ, вырвали у нея изъ рукъ вліяніе на Центральную Италію. Но вѣдь подобнаго ничего не было. Война, правда, была для Австріи неудачна; но великодушный побѣдитель, заключая миръ, въ своей безпредѣльной умѣренности, не только не лишилъ Австрію ея вліянія на Центральную Италію, не только не отнялъ престоловъ у герцоговъ, а, напротивъ, старался, казалось, усилить это вліяніе и законнычъ путемъ расширить его на весь полуостровъ, не исключая и самой Сардиніи. Откуда же пришелъ ударъ? отъ народонаселенія жалкой, ничтожной Тосканы, еще болѣе-ничтожныхъ Модены и Пармы. Понятно негодованіе, понятна злоба Австріи, понятенъ раздражительный, жолчный, ругательный языкъ ея газетъ. Но что дѣлать Австріи? къ какимъ средствамъ прибѣгнуть? Пришла пора сознаться ей въ своемъ безсиліи предъ тѣми новыми элементами политической жизни, которые съ неудержимою силою выдвигаются въ наше время на историческую сцену, предъ которыми съ негодованіемъ и яростью должны преклониться элементы: до-сихъ-поръ владѣвшіе силою. Предъ народною волею Италіи безсильна династическая политика Австріи; противъ народной воли Италіи не рѣшается выступить и самъ Лудовикъ-Наполеонъ.

Для Лудовика-Наполеона народное движеніе въ герцогствахъ создало положеніе самое странное, самое затруднительное. Онъ подписалъ виллафранкскія условія: онъ, слѣдовательно, нѣкоторымъ-образомъ взялъ подъ свое покровительство свергнутыхъ герцоговъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, герцоги посѣвши обрагиться къ нему съ моленіемъ о защитѣ. Одинъ изъ нихъ, новый великій герцогъ тосканскій, Фердинандъ, сынъ отказавшагося отъ престола Леопольда III, дравшійся съ французами при Сольферино, явился лично въ Парижъ хлопотать о своемъ безнадежномъ дѣлѣ. Лудовикъ-Наполеонъ не знаетъ, что дѣлать съ такими герцогами: отказавъ имъ прямо и рѣшительно онъ не можетъ, или не желаетъ; не можетъ и не желаетъ также связать себя формальными обѣщаніями. Мы видѣли, какъ мало успѣха имѣла попытка путемъ нравственнаго вліянія заставить итальянцевъ добровольно подчиниться власти нелюбимыхъ герцоговъ. Съ этимъ упрямымъ народомъ оставалось только порѣшить дѣло оружіемъ. Правда, что десять лѣтъ тому назадъ французскіе штыки очистили святому отцу дорогу изъ Газеты въ Римъ; правда, что десять лѣтъ, благодаря только этимъ штыкамъ, святой отецъ мирно почиваетъ въ Ватиканѣ. Подобнымъ же образомъ и теперь герцоги изъ изгнанія могли бы возвратиться въ свои владѣнія въ сопровожденіи французскихъ полковъ; съ помощью этихъ полковъ могли бы побротъ народное сопротивленіе и спокойно, можетъ-быть, процарствовать еще нѣсколько лѣтъ. Но отъ подобнаго поступка Лудовика-Наполеона удерживаетъ та роль, которую

онъ такъ рѣшительно взялъ на себя въ послѣднее время — роль благороднаго освободителя Италіи. Вѣдь самъ онъ такъ недавно призывалъ итальянскій народъ высказать законнымъ путемъ свою волю: итальянцы его послушались — высказали свои желанія. Не-уже-ли же теперь онъ можетъ сказать имъ: « Не хочу я знать вашей воли! Берите себѣ герцоговъ; а не-то я прибѣгну къ силѣ? » Нѣтъ, этого не можетъ сказать Лудовикъ-Наполеонъ еще и потому, что власть его самого основана на той же самой народной волѣ; какъ представитель народной воли Франціи, какъ императоръ *par la volonté du peuple*, онъ не можетъ насильственно, вопреки единодушнымъ желаніямъ итальянскаго народа, называть ему свергнутыхъ герцоговъ. Зачѣмъ же онъ подписывалъ виллафранкскія условія? Это — другой вопросъ. Можетъ-быть, тогда онъ вѣрилъ въ возможность выполненія этихъ условій и въ такомъ случаѣ ошибся, какъ позволительно ошибаться всѣмъ. Но можетъ быть и нѣсколько-иначе: Лудовикъ-Наполеонъ могъ и тогда уже предвидѣть тѣ затрудненія, которыя возникнутъ въ Центральной Италіи, и, несмотря на то, предпочелъ замирился съ Австріей и дальнѣйшую развязку итальянскаго вопроса предоставить самой Италіи и послѣдующимъ событіямъ.

Пока молчали французское правительство и его официальный органъ «Монитёръ», общественное мнѣніе находилось въ колебаніи относительно вопроса, чѣмъ и какъ будетъ окончено дѣло Центральной Италіи. Предположеніямъ, тревогамъ и надеждамъ было свободное поле. Австрійскія газеты увѣряли, что виллафранкскія условія такъ или иначе, хотя бы даже силою, но непрѣменно будутъ выполнены; полуофициальные французскіе органы «*Constitutionnel*», «*Patrie*», «*Pays*» находились въ нерѣшимости, одни стояли за итальянцевъ, другіе за виллафранкскій миръ. Наконецъ положеніе начало мало-по-малу уясняться; въ «*Constitutionnel*» явилась статья, явно носившая официальный характеръ, статья, изъ которой было видно, что французское правительство не намѣрено прибѣгать къ вооруженной силѣ, чтобы подавить итальянское движеніе. Недалго послѣ этого заставилъ ждать себя и «Монитёръ»: 9 сентября онъ съ горечью и прискорбіемъ объявилъ, что условія виллафранкскаго мира не могутъ быть выполнены, что герцоги въ своихъ правахъ не будутъ возстановлены силою, что теперь дѣло европейскаго конгресса заняться устрѣйствомъ Италіи. «Монитёръ», котораго статья извѣстна намъ, впрочемъ, только изъ телеграфической депеши, не скрываетъ своего глубокаго сожалѣнія, что такой оборотъ приняла дѣла; онъ сомнѣвается, чтобы конгрессъ могъ сдѣлать для Италіи болѣе, нежели сколько желала сдѣлать для нея Франція.

Такъ въ самое короткое время мы видѣли войну, поднятую, повидимому, для блага Италіи, для блага цѣлой Европы, войну; въ которой нельзя было не почувствовать успѣхамъ французскаго оружія, потому-что съ каждымъ успѣхомъ достиженіе великой цѣли дѣлалось всеближайшимъ, болѣе-великимъ; мы видѣли затѣвъ ширѣ, своєю неожиданностію, своими условіями справедливо удивившій Европу. Все въ немъ было странно, начиная отъ таинственнаго свиданія двухъ императоровъ, отъ исключенія Виктора-Эмануэля и окончивая тою конференціей, которая, казалось, должна была увидѣть свѣтъ для того только, чтобы оковать Италію цѣпями болѣе-тяжелаго рабства. Мы видѣли примѣръ произвола, съ которымъ въ два-три часа двумя императорами былъ рѣшенъ самый трудный, самый запутанный вопросъ европейской дипломатіи; для обширной и благородной страны былъ произвольно навязанъ такой политическій бытъ, котораго она не желаетъ, которымъ она возмущается; Европѣ, повидимому, ничего болѣе не оставалось дѣлать въ итальянскомъ вопросѣ, какъ молча и скрѣпя-сердце признать и подтвердить волю двухъ императоровъ. Для всей либеральной Европы грозила, повидимому, страшная опасность, потому-что двѣ могущественныя, католическія и абсолютныя имперіи вступили между собой въ тѣсный дружественный союзъ: передъ этимъ союзомъ будутъ ли въ силахъ устоять развивающіеся новыя учрежденія на европейскомъ континентѣ? Содрогнувшись отъ ужаса сама Англія, и закинула въ ней усиленная военная дѣятельность: укрѣпляются ея берега, строятся новыя корабли, набираются матросы, формируются отряды волонтеровъ. Мы видѣли миръ, который, вмѣсто успокоенія, усилилъ общую тревогу, безпокойство. Но мы видѣли далѣе, предъ какими ничтожными ударами сокрушилось зданіе, воздвигнутое 12-го іюля. Протеста четырехъ-пяти милліоновъ итальянскаго народа было достаточно, и вилла-франкскій миръ со своими условіями принадлежитъ исторіи. Италія не позволила наложить на себя неожиданное иго, и до-сихъ-поръ никто не осмѣлился сокрушить этого дерзкаго сопротивленія итальянцевъ, наказать ихъ за тотъ протестъ, съ которымъ они встрѣтили волю двухъ императоровъ. Имѣетъ особый характеръ наше время.

Пока итальянцы дѣлали свое дѣло и Европа съ напряженнымъ вниманіемъ ожидала, какъ они его сдѣлаютъ, въ Цюрихѣ, на нейтральной швейцарской почвѣ, съѣхались уполномоченные трехъ воевавшихъ державъ, чтобы окончательно порѣшить мирныя условія, подписать окончательный мирный трактатъ. На цюрихскія конференціи сначала возлагались большія надежды: думали, что здѣсь обсуждены и порѣшены будутъ, на основаніи виллафранкской программы, все главные пункты

итальянскаго вопроса, что, такимъ-образомъ, конгрессъ сдѣлается совершенно-ненужнымъ, и Европѣ останется только приложить свою руку къ дѣлу, поконченному двумя императорами. Болѣе другихъ державъ сильныя надежды на конференціи возлагала Австрія: никакихъ затрудненій она не думала встрѣтить со стороны великодушнаго и расположеннаго къ ней французскаго правительства, и съ его помощью можно было бы наступить на горло настойчивому и упрямому Пьемонту. Но, какъ ни тайно ведутся переговоры, по всему, однакожь, можно заключить, что уполномоченные встрѣтили такія затрудненія, которыхъ преодолѣть почти невозможно. Гордая Австрія и здѣсь уклонилась отъ веденія прямыхъ переговоровъ съ Пьемонтомъ: уполномоченные собираются большею частью отдѣльно: австрійскіе съ французскими, французскіе съ сардинскими, и только время-отъ-времени бывають общія собранія вторыхъ уполномоченныхъ. Это значить, что Франція служитъ посредницей между Австріей и Сардиніей, что общія собранія бывають только тогда, когда между главными уполномоченными, чрезъ посредство Франціи, порѣшенъ вопросъ и нужно только соблюсти послѣднюю формальность. Понятно само-собою, къ какимъ затрудненіямъ долженъ вести подобный способъ совѣщаній и сколько времени должны продлиться цюрихскія конференціи, если какія-нибудь особенныя обстоятельства не заставятъ ускорить ихъ окончанія. О чемъ ведутся переговоры, это, конечно, составляетъ тайну; но нѣтъ на свѣтъ такой тайны, въ которую бы не могли проникнуть волки-корреспонденты нѣкоторыхъ газетъ. По всему тому, что мы знаемъ, можно думать, что конференціи досихъ-поръ не коснулись и врядъ-ли коснутся вопросовъ первостепенной важности. Все, что было до-сихъ-поръ обсуждено, относится до опредѣленія границъ уступленной Пьемонту части Ломбардіи и до той части австрійскаго государственнаго долга, которую вѣсть съ Ломбардіей долженъ на себя принять Пьемонтъ. Затрудненія, встрѣченныя при разрѣшеніи этихъ самыхъ простыхъ, самыхъ первоначальныхъ вопросовъ, были очень-сильны, и уполномоченные принуждены были откладывать свои засѣданія до полученія новыхъ инструкцій отъ своихъ дворовъ. Франція далеко не показала себя такою уступчивою, такою угодливою къ Австріи, какъ надѣялась эта послѣдняя держава. А, между-тѣмъ, пока уполномоченные вели переговоры, Италия выразила свою народную волю: однимъ затрудненіемъ для конференцій, и самымъ сильнымъ, самымъ непреодолимымъ, сдѣлалось болѣе. Если Франція, какъ мы видѣли, сверженіе герцоговъ готова признать теперь за совершившійся фактъ, то Австрія врядъ-ли можетъ отнестись такъ либерально къ этому явленію: до послѣднихъ поръ она останется вѣрна своей старой системѣ,

будеть вѣрить только силѣ, будетъ стараться силою подавить народное движеніе въ Италіи. Все это, конечно, должно разрушить тѣ преувѣличенныя надежды, которыя Австрія возлагала на цюрихскія конференціи: единодушнаго согласія между ею и Франціею по итальянскимъ дѣламъ далеко не оказалось; поэтому конференціи врядъ-ли могутъ приняться за вопросы, относящіеся до организаціи политическаго быта Италіи, а, порѣшивъ вопросъ объ уступкѣ Ломбардіи и подписавъ мирный трактатъ, разойдутся ддятого, чтобъ устройство Италіи передать на разсмотрѣніе общеевропейскаго конгресса.

Такимъ-образомъ, и здѣсь обнаружилось то же безсиліе старыхъ формъ, старыхъ элементовъ создать что-нибудь прочное, разрѣшить сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ великіе вопросы современной европейской жизни. Последнія надежды остаются на конгрессъ: удастся ли конгрессу развязать и распутать гордіевъ узелъ итальянскаго вопроса?

Вопросъ о конгрессѣ, безъ котораго теперь нельзя обойтись, не есть вопросъ новый. Еще до начала войны императорское русское правительство указало на конгрессъ, какъ на единственное средство мирнымъ путемъ порѣшить итальянское дѣло, погасить загорѣвшуюся распрю. Австрійскій ультиматумъ и внезапное вторженіе Пфула нанесли ударъ этой попыткѣ: по всему можно было заключить, что Австрія не желала конгресса, не желала отдать своего дѣла на общій судъ Европы. Какъ внезапно началась война, такъ же внезапно она и кончилась. Виллафранкскій миръ не давалъ, казалось, никакой надежды на конгрессъ: все, казалось, было рѣшено, было покончено волею двухъ императоровъ, и конгрессу не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ-только расписаться въ томъ, что Европа охотно признаетъ волю двухъ императоровъ и готова ему подчиниться. Общественное мнѣніе въ Англіи не могло скрыть своего оскорбленнаго чувства: этимъ объясняется тотъ жолчный, саркастическій тонъ, съ которымъ англійскія газеты на первыхъ порахъ отнеслись къ виллафранкскому миру. Англія была оскорблена тѣмъ, что безъ ея участія былъ порѣшенъ важнѣйшій вопросъ европейской политики; ея значеніе въ Европѣ было, казалось, значительно ослаблено. Восстановить это падшее значеніе возможно было только съ помощью конгресса, и вотъ въ парламентѣ, тотчасъ же по заключеніи виллафранкскаго мира, сдѣланъ былъ министерству запросъ: имѣетъ ли оно свѣдѣнія о томъ, будетъ ли по итальянскому дѣлу созванъ конгрессъ, и если онъ будетъ созванъ, то намѣрено ли правительство королевы принять въ немъ участіе? Въ послѣдующихъ преніяхъ ясно обнаружилось съ одной стороны, что англійское правительство вовсе не было увѣрено въ томъ, будетъ ли созванъ кон-

гресь, или нѣтъ; съ другой стороны также ясно обнаружилось, что англійское правительство очень-сильно желаетъ конгресса, но не для того, чтобъ только скрѣпить составленные другими протоколы: англійское правительство желаетъ конгресса съ цѣлью выказать свое сильное политическое вліяніе и дать тотъ оборотъ итальянскому дѣлу, которому Англія можетъ болѣе всего сочувствовать. Если въ прошломъ іюлѣ мѣсяцѣ англійскіе министры говорили о предстоящемъ конгрессѣ съ неуверенностью, то теперь, въ сентябрѣ, неотразимый ходъ событій привелъ къ тому, что желанія Англіи готовы исполниться. Какже воспользуется она обстоятельствами? Употребить ли она въ благо свое сильное политическое вліяніе?

Думалъ ли Лудовикъ-Наполеонъ о конгрессѣ, или не думалъ, подписывая виллафранкскія условія, это, какъ все то, что онъ замышляетъ, покрыто мракомъ неизвѣстности. Мы имѣли уже одинъ разъ случай выразить наши сомнѣнія въ томъ, чтобъ онъ искренно вѣрилъ въ возможность точно выполнить виллафранкскія условія. А въ такомъ случаѣ конгрессъ представлялъ единственную возможность побороть новыя затрудненія, которыя, въ добавленіе къ старымъ, будутъ порождены слишкомъ-скороспѣлымъ миромъ. Правда, французское правительство долго молчало о конгрессѣ, долго не высказывалось, считаетъ ли оно его нужнымъ, или нѣтъ. Не не заставили себя долго ждать такіа событія въ Италиі, которыя виллафранкскому миру нанесли смертельный ударъ и привели къ необходимости сильнаго и рѣшительнаго дипломатическаго вѣшательства Европы: дѣло Европы прежде всего рѣшить вопросъ о герцогствахъ, о соединеніи ихъ съ Пьемонтомъ; дѣло Европы, далѣе, начертать основы будущему устройству итальянской конфедераціи, ежели только этой конфедераціи суждено увидѣть божій миръ. Викторъ-Эмануилъ въ отвѣтъ на предложеніе депутаціи отъ герцогствъ сказалъ, что онъ не можетъ принять ихъ въ свое подданство безъ согласія и утвержденія Европы. «Монитёръ» отъ имени французскаго правительства объявилъ теперь прямо, что конгрессъ необходимъ, хотя и влилъ въ свое объявленіе нѣсколько капель скептицизма, выразивъ сомнѣніе въ успѣшности трудовъ предстоящаго конгресса.

Мы не желаемъ въ нашихъ сомнѣніяхъ заходить такъ далеко, какъ французскій «Монитёръ», но не можемъ не видѣть тѣхъ затрудненій, которыя въ самомъ началѣ, и тѣмъ болѣе впоследствии, долженъ встрѣтить конгрессъ со стороны Австріи. Если и прежде эта гордая держава не пожелала предстать на судъ Европы, то спрашивается: измѣнились ли теперь условія? сломлена ли австрійская гордыня? Къ тому ли привели дѣла, что Австрія съ конгрессомъ ничего не теряетъ,

что въ немъ она не будетъ играть роли подсудимаго, что отъ его рѣшеній она ничего не потерпитъ въ своихъ интересахъ? Этого далеко нѣтъ, и недаромъ австрійскія газеты продолжали неистово вопить противъ предстоящаго конгресса. Положеніе Австріи, дѣйствительно, затруднительно: послѣ несчастной войны, кончившейся для нея все-таки благополучнымъ миромъ, ее поражаетъ въ Италіи ударъ за ударомъ; Лудовикъ-Наполеонъ далеко не оказался такимъ надежнымъ и угодливымъ другомъ, какого думала найдти въ немъ Австрія, и передъ лицомъ европейскаго конгресса она опять одна, безъ всякой помощи, безъ всякаго союза.

Не для одной Италіи, не для одного итальянскаго вопроса создалъ затрудненія виллафранкскій миръ. Вліяніе войны, вліяніе мира отразилось такъ или иначе на взаимныхъ отношеніяхъ всѣхъ европейскихъ державъ. Уже давно было замѣчено, что императоръ Лудовикъ-Наполеонъ обладаетъ замѣчательнымъ талантомъ сразу, однимъ ловкимъ ударомъ разстраивать старыя союзы, смутывать отношенія, сбить вражду и неудовольствіе. Такъ теперь послѣ итальянской войны не сохранилось въ цѣлости ни одного изъ преждебывшихъ отношеній между европейскими государствами. Всѣ имѣютъ зубъ одинъ противъ другаго, и въ этомъ всеобщемъ раздраженіи торжествуетъ и сильна одна политика Франціи. Франція равно страшна теперь и для Германіи, и для Англіи; но сама она ровно никого не боится, можетъ чувствовать себя въ совершенной безопасности, потому-что опасною для нея можетъ быть только какая-нибудь могущественная европейская коалиція, а никакая коалиція въ настоящее время невозможна. Слишкомъ-много поводовъ къ взаимному раздраженію, къ соперничеству и враждѣ создано итальянскою войною для Австріи и для Пруссіи, и до-тѣхъ-поръ, пока эта вражда не утихнетъ,— а утихнуть она не можетъ очень-скоро—Франція совершенно-спокойно можетъ смотрѣть на свою восточную границу, можетъ заняться «коварнымъ Альбіономъ», отплатить ему за его старыя грѣхи, можетъ, если пожелаетъ, обрушиться на Пруссію, на самую Германію, перенести свою восточную границу на Рейпъ, и Австрія, конечно, не явится спасать Пруссію на берегахъ Рейна, какъ та не явилась спасать Австрію на берегахъ Тичино, или Минчио. Англія, искусными дѣйствіями французской политики и неискusstvomъ своей собственной, совершенно уединена, осталась безъ поддержки, безъ союзника на континентѣ: Австрія теперь ея не послушается, не вступитъ съ нею въ коалицію, когда эта коалиція понадобится для Англіи въ борьбѣ ея съ императорскою Франціею.

Англійскій народъ и англійское правительство готовятся это очень-хорошо: вѣдь чѣмъ сблизится тѣ, вожетъ—быть, чрезъ море сильная тѣнѣта, которая заставляетъ Англію укрѣплять свои берега, усиливать свои флотъ и войска. Англія понимаетъ, что въ настоящее время каждую минуту надобно быть готовымъ встрѣтить опаснѣсть лицомъ—къ—лицу, что въ настоящее время никакія политическія связи непрочны и надобно полагаться только на самого себя.

Вотъ всего послѣднія событія коснулись Германіи; болѣе всего надо ей грозить разразиться буря. Вотъ почему въ Германіи такъ сильно раздраженіе, такъ велика тревога; вотъ почему нѣмцы, съ другой стороны, такъ много и усердно хлопочуть о собственной безопасности, о необходимыхъ длятого реформахъ. Вотъ почему въ настоящее время, столько обильное всякаго рода неожиданностями, перемѣнами и реформами, готовится сильный переворотъ въ той странѣ, отъ которой менѣе всего можно было ожидать какого бы то ни было политическаго движенія и жизни. Германскій Союзъ, устѣженный, вѣроятно, своей пассивной ролью, которую такъ долго и какъ терпѣливо игралъ онъ въ дѣлахъ европейскихъ, не желаетъ, какъ видно, оставаться «политической комбинаціей», то—есть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на сеймомъ дѣлѣ и чѣмъ не хотѣлось ему быть. Недаромъ же огорчился таковыи вѣрными опредѣленіемъ Германскаго Союза его горячій адвокатъ и защитникъ, саксонскій министръ фон-Вейстеръ. Со всѣхъ сторонъ слышатся, въ настоящее время, жалобы на союзную конституцію; отовсюду стѣкаются во Франкфуртскій сеймъ почтительныя представленія о необходимости передѣлокъ и починокъ въ этой сильно-попортившейся конституціи; нѣтъ даже недостатка въ планахъ и проектахъ преобразования; стѣбитъ только Франкфуртскимъ уполномоченнымъ выбрать одинъ изъ этихъ плановъ—и дѣло обновленія будетъ совершено. Но, по-нещастію, Франкфуртскій сеймъ отсрочиваетъ свои засѣданія до половины октября и отложилъ до этого времени даже знаменитый голштинскій вопросъ; а онъ уже *десять лѣтъ* стоитъ на очереди и дожидаетъ какого бы то ни было рѣшенія. За-то, послѣ открытія засѣданій, со всѣмъ усердіемъ, со всей готовностью займутся представители Германіи великимъ дѣломъ пересмотра союзнаго уложенія и, конечно, рѣшатъ свою задачу къ полному удовольствію и успокоенію всѣхъ нѣмцевъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. И немного труда предстоить сейму: всего-то съ двумя партіями долженъ онъ имѣть дѣло, всего-то *двѣ* стороны придется ему разбирать и выслушивать. Баварія, съ своимъ проектомъ нѣмецкой триады, врядъ-ли найдетъ себя приверженцевъ. Единству Германіи не угрожаютъ серьезныя опасенія: если въ

настоящее время и раскололся Союзъ на двѣ половины, за-то расколъ этотъ вышелъ чрезвычайно-удачный, совершенно въ нѣмецкомъ, систематическомъ вкусѣ: составились *дѣль* партіи, австрійская и прусская, и никакой уже иной партіи не предвидится болѣе. Вся Германія съ трогательнымъ единодушіемъ пристала къ которой-нибудь изъ этихъ двухъ сторонъ и не хочетъ слышать о новыхъ фракціяхъ, новыхъ расколахъ: недаромъ же искони славился нѣмецкій народъ своимъ согласіемъ и единодушіемъ! Правда, что нелегко примирить интересы этихъ двухъ сторонъ: такъ далеко разошлись онѣ; но эти трудности, навѣрное, уничтожатся передъ патриотизмомъ и политическимъ тактомъ нѣмцевъ. Если Австрія не хочетъ слышать о первенствѣ Пруссіи, а Пруссія не можетъ и не должна оставаться на посылкахъ Австріи, то Германскому Союзу приходится оставаться безъ главы, безъ предѣдателя и руководителя; а надъ такимъ плачевнымъ сиротствомъ Германія кто-нибудь, да навѣрное сжалятся и уладить дѣло какой-нибудь сдѣлкой *à l'amiable*. Вопросъ объ окончательномъ распаденіи Союза не можетъ быть и допущенъ. И румыны съумѣли добиться до единства и сліянія, а нѣмцы столько вѣковъ уже служатъ для Европы поучительнымъ примѣромъ братства и единодушія; много крови и еще болѣе чернилъ пролили они, доказывая необходимость единства Германіи — и, разумѣется, не покинутъ они и въ настоящее время своего общаго знамени, не отрекутся отъ своей общей отчизны.

Но, пока порѣшится этотъ вопросъ, пока уладится это дѣло, все болѣе-и-болѣе охлажденія и даже вражды замѣчаетъ мы между двумя первенствующими державами Германіи. Послѣ виллафранкскаго мира самымъ рѣзкимъ образомъ высказалась эта вражда, это чувство жолчи и неудовольствія, которыя питали другъ къ другу Австрія и Пруссія. Австрійское правительство, начавшее войну съ Пьемонтомъ въ сладкой надеждѣ какого-нибудь новаго захвата и вынужденное кончить ее уступкой лучшей своей провинціи, старалось оправдать себя въ глазахъ «своихъ народовъ», найти виноватаго, на кого бы могло оно свалить причину своей неудачи. Этимъ виноватымъ оказалась, въ глазахъ австрійскаго правительства, Пруссія, будто-бы угрожавшая Австріи своимъ непрошеннымъ посредничествомъ, условія котораго были такъ стѣснительны для Австріи, что ей выгодноѣе было заключить миръ прямо отъ себя съ великодушнымъ своимъ противникомъ. Она и не ошиблась въ расчетѣ. (Когда же ошибается въ такихъ дѣлахъ Австрія?) За уступленную часть Ломбардіи Австрія приобрѣтала драгоценное для нея право дирижировать всею Италіей, властвовать и царить въ ней прямо и открыто, не стѣсняясь ничѣмъ, не давая никому отчета.

Еслибъ въ такой эксплуатаціи Италіи и встрѣтила Австрія конкурентовъ, то въ самомъ характерѣ этихъ конкурентовъ видѣла она прочную для себя гарантію: не «святѣйшему отцу» и не Лудовику-Наполеону III пришло бы когда-нибудь на мысль помѣшать Австріи въ ея заботливыхъ, отеческихъ попеченіяхъ о судьбѣ итальянцевъ! Но, при всѣхъ выгодахъ, которыя думала стяжать Австрія, ей нужно было оправдать себя въ глазахъ своихъ подданныхъ въ тяжкихъ неудачахъ: Маджента и Сольферино стояли въ слишкомъ-рѣзкомъ контрастѣ съ блестящими надеждами, въ которые успѣла-было увѣрить своихъ подданныхъ «возрожденная» имперія. Ни одного свѣжаго листика не прибавила она къ прежнимъ, довольно-скуднымъ лаврамъ; а прежде она не пользовалась благами «возрожденія»! Зависть Пруссіи, холодность, чуть-ли не измѣна, «естественнаго союзника»—вотъ что помѣшало Австріи выйдти побѣдительницей изъ своей славной борьбы за «правое дѣло». Мы видѣли, какъ Пруссія держала себя въ отношеніи къ Австріи, какая благоразумная политика руководила поступками нынѣшняго правительства Пруссіи. Оно не пожалѣло издержекъ на мобилизацію громадной арміи; оно рыцарски становилось въ главѣ германскаго движенія и готово было съ оружіемъ въ рукахъ защищать интересы Германіи. Но, вѣрное своимъ принципамъ, оно ставило на первый планъ интересы Германіи, а не пользу Австріи, и въ этомъ состояла вся вина его передъ австрійскимъ правительствомъ: на австро-французскую расію смотрѣло прусское правительство съ прусско-государственной точки зрѣнія, которая на этотъ разъ, какъ и всегда, совпадала съ интересами и выгодами всей Германіи и, конечно, во многомъ расходилась съ исключительными выгодами Австріи. Пруссія не смѣшивала того, что не могло быть смѣшано: неприкосновенности германской территоріи съ цѣлостью Австрійской Имперіи, и, честно защищая первую, не могла и не желала гарантировать второй, тѣмъ болѣе, что de facto была уже завоевана у Австріи часть ея итальянскихъ владѣній.

Принявъ на себя инициативу въ военномъ и политическомъ отношеніи, сдѣлавшись, въ полномъ смыслѣ слова, представителемъ германскихъ интересовъ, прусское правительство сдѣлало предложеніе франкфуртскому сейму о томъ, чтобъ, не стѣсняясь постановленіями союзнаго акта, вручить принцу-регенту главное начальство надъ союзными войсками, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управленіе политическими дѣлами Союза. Прежде, чѣмъ было разсмотрѣно это предложеніе на сеймѣ, явилось туда 7 го іюля (наканунѣ заключенія перемирія) австрійское предложеніе, повидимому согласное съ прусскимъ, но на самомъ дѣлѣ

глубоко унижительно для чести и достоинства Пруссии. Австрийское правительство соглашалось поставить в главы союзной армии принца-регента, даже вручало ему и свой контингент; но главнокомандующий должен был подчиняться распоряжениям сейма, стать в полную отъ него зависимость; то—есть, другими словами, державному принцу-регенту любезно предлагала Австрия звание и почетный постъ австрийскаго генерала. Неожиданное заключеніе мира прекратило распрю обонихъ правительствъ: они взяли обратно свои предложенія. Но въ этомъ маневрѣ Австріи ясно видѣла Пруссія, чего можно было ожидать ей отъ первенствующей германской державы; что видѣла въ этомъ Австрія, оказалось немедленно послѣ заключенія мира.

Прусское предложеніе можно разсматривать какъ сильный шагъ къ лучшему устройству Германіи. Оно спасало Германію отъ позорнаго бездѣйствія, какъ въ военномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, давало Союзу возможность дѣйствовать самостоятельно и рѣшительно въ дѣлахъ Европы, дѣлало изъ него нѣчто болѣе «политической комбинаціи»; но за—то это предложеніе отбѣсняло на второй планъ Австрію; Германія переставала быть покорнымъ вассаломъ Габсбурговъ, а этого, конечно, не могло простить Пруссіи австрийское правительство, и объявило ее въ равнодушій къ дѣлу Германіи, почти въ измѣнѣ. Самыя жолчныя нападки посыпались въ австрийскихъ газетахъ на Пруссію; самыя оскорбительныя выходки позволяла себѣ австрийская журналистика противъ прускаго правительства. Дошло до того, что видѣли въ вооруженіяхъ Пруссіи угрозу не Франціи, а Австріи и ее вѣрнымъ германскимъ союзникамъ, которымъ Пруссія запрещала помогать Австріи. Прусская армія двигалась на Рейнъ съ цѣлью занять владѣнія друзей Австріи и не допустить ихъ вооружаться въ защиту Австріи и, следовательно, въ защиту Германіи. Пруссія являлась, такимъ—образомъ, не союзникомъ, а врагомъ и Австріи, и Германіи, и всего чедовѣчества. Вотъ какъ безпристрастно и безцеремонно отзывался «Oesterreichische Zeitung» о Пруссіи: «Документы, обнаруживающіе политику Пруссіи въ итальянской войнѣ, такъ многочисленны въ настоящее время, что обсужденіе ея сдѣлалось возможнымъ. Австрія предприняла войну за охраненіе правъ Европы (?). Пруссія отказала въ своей помощи. Австрія обратилась къ другимъ своимъ германскимъ союзникамъ. Они готовы были подать ей помощь; но Пруссія помѣшала имъ. Пруссіи, говорится далѣе въ этой газетѣ, навязывала Австріи свое посредничество; но ей слѣдовало энергически и быстро подать ей помощь, съ оружіемъ въ рукахъ защитить ея итальянскія владѣнія, а она объявляетъ, что не считаетъ за casus belli занятіе Ломбардіи непріате-

лани. Мобилизованная прусская армія служила только средствомъ, по словамъ австрійской газеты, стѣснить движенія Ганновера, Саксоніи, Баваріи и Вюртемберга, которые, безъ Пруссіи, тотчасъ бы вооружились въ защиту Австріи. «Опасность состояла не въ томъ, что прусскія войска вступать во французскіе предѣлы, но въ томъ, что они займутъ владѣнія тѣхъ изъ союзныхъ государей Германіи, которые рѣшительно объявили себя въ пользу Австріи.»

Несмотря на всё эти неблагоприятныя нападки австрійскихъ газетъ, несмотря даже на официальные обличенія и обвиненія Пруссіи со стороны австрійскаго правительства, прусское министерство приняло вызовъ, представило всё документы, всю свою переписку, на которую намекалъ австрійскій министръ, и вышло совершенно-оправданнымъ передъ лицомъ всей Европы.

Если и не удалось Австріи доказать свое обвиненіе, высказанное такъ смѣло въ императорскомъ манифестѣ, если въ потерѣ Ломбардіи совершенно-неповинной оказалась Пруссія, то въ рукахъ австрійскаго правительства осталось еще средство примирить съ собою «свои народы», заставить ихъ забыть неудачи и пораженія. Правительство обѣщало заняться улучшеніемъ государственнаго устройства, указывало на какія-то реформы и исправленія. Не знаемъ, на сколько выполнитъ правительство свои обѣщанія, каковы будутъ эти послуженныя реформы и улучшенія, но думаемъ, что дѣло кончится какими-нибудь малозначущими переижднами; въ родѣ переименованія какой-нибудь «канцеляріи» въ «бюро», или какого-нибудь «бюро» въ «канцелярію». Судя по тому, что дѣйствительно сдѣлано было въ послѣднія 10 лѣтъ въ Австріи, какія улучшенія введены были въ систему ея государственнаго управленія, трудно возлагать большія надежды на благодѣтельныя реформы. Вѣдь не отречется же Австрія отъ своей «системы»; а съ ней, съ этой звѣтной системой, невозможны никакія серьёзныя улучшенія, никакія полезныя переиждны.

Общая «своимъ народамъ» различныя внутреннія улучшенія и реформы, австрійское правительство съ невыразимой боязнью прислушивается къ многочисленнымъ голосамъ, требующимъ радикальныхъ измѣненій въ союзномъ актѣ, въ устройствѣ Германскаго Союза. Эти желанія, эти требованія кажутся опасными для австрійскаго правительства, потому-что въ нихъ прямо высказывается мысль о несостоятельности, о несвоевременности настоящаго порядка въ Германіи; а этимъ порядкомъ такъ долго и съ такою выгодною для себя заправляла Австрія. Съ другой стороны, желаніе реформъ не ограничится въ этомъ случаѣ какими-нибудь ничтожными переижднами, на которые, пожалуй,

готова была бы и Австрія, а приведетъ къ чему-нибудь важному и серьёзному, можетъ-быть къ уничтоженію вліянія Австріи на Союзъ; а съ такими незаконными и оскорбительными требованіями не можетъ и не должна примириться Австрія: въ противномъ случаѣ, она перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ была столько времени; она отступится отъ своихъ традицій, отъ своей системы, слѣдовательно заживо похоронитъ сама себя. Австрійское правительство сѣмшитъ поселить въ своихъ германскихъ союзникахъ недоувіріе къ Пруссіи, угрожаетъ имъ военной диктатурой гогенцоллернской династіи, объясняетъ предложеніе Пруссіи объ укрѣпленіи береговъ Нѣмецкаго Моря стремленіемъ къ диктатурѣ, къ гегемоніи и богъ-знаетъ къ чему еще! Австрійская журналистика мечетъ громы на несчастную Пруссію и, въ порывѣ своего пламеннаго усердія, идетъ даже дальше официальныхъ предостереженій и внушеній своего правительства. Она нападаетъ на зло въ самомъ корнѣ, на прусское правительство, которое, къ ужасу Австріи и ея газетъ, составлено изъ людей самыхъ вредныхъ, самыхъ безиокопныхъ, изъ людей 1848 года. Огъ нихъ исходятъ всѣ соблазны, всяческое нечестіе: гальваническій токъ проведенъ, въ настоящее время, изъ Берлина ко всѣмъ странамъ Германіи и разноситъ по нимъ сѣмена раздора и вольномыслія. Не всѣ, конечно, заражаются пагубнымъ притворомъ Пруссіи: люди благоразмыслиціе со всѣмъ негодованіемъ протестуютъ противъ прусскихъ идей, и еще недавно «Новая Ганноверская Газета» геройски ополчилась на Пруссію и на ея вредныя стремленія. Австрія не желаетъ мѣшать полезнымъ реформамъ въ устройствѣ Германскаго Союза, она не противится необходимымъ улучшеніямъ; но ея страшатъ размѣры этихъ реформъ, характеръ этихъ улучшеній: ей хотѣлось бы, чтобъ онѣ исходили на ея собственные реформы, осторожныя, умѣренныя, словомъ — чисто-австрійскія. Въ Австріи есть даже поощроеніе къ прогресу, въ ней даже издается журналъ, титулуемый «Прогрессомъ» (*); но все въ австрійскомъ вкусѣ, въ духѣ умѣренности и воздержанія.

Да какже и не вооружаться Австріи противъ прусской политики? Пруссія, заявляющая необходимость реформъ въ устройствѣ Союза, прямо вредитъ австрійскимъ интересамъ, которые и состоятъ въ томъ, чтобы Союзъ оставался на прежнихъ основаніяхъ, т.-е. въ вассальномъ отношеніи къ Австріи. Пруссіи, дагве, зацвѣзетъ интересы австрійскіе и въ дѣлахъ вѣшной политики: она считаегь необходимымъ созваніе конгресса для разрѣшенія италяйскаго вопроса, выдвигъ въ этомъ вопросѣ

(*) Этогъ-то журналъ и оглачается самыми сильными нападками на либеральную тенденцію прусскаго правительства.

дамокловъ мечъ, висящій надъ цѣлою Европою; а для Австріи и оскорбительно, и опасно подобное внимательство Европы въ дѣло Италіи, которое она привыкла считать своимъ домашнимъ дѣломъ. По-несчастію, и другія государства, особенно Англія, думаютъ одинаково съ Пруссіей; за-то противъ этихъ государствъ, и особенно противъ Англіи со всей энергіей возстаютъ и «Австрійская Газета», и «Ost-Deutsche Post», и нныя. Лордъ Джонъ Россель оглашенъ чуть-ли не «врагомъ человѣчества»; его считаютъ, по-крайней-мѣрѣ, челоѣкомъ, явно-неспособнымъ, непонимающимъ ни на-волосъ современнаго положенія Европы. Лордъ Джонъ Россель, по увѣренію «Ost-Deutsche Post», даже не понимаетъ, въ чемъ состоитъ политическое равновѣсіе Европы: «онъ разсмѣяетъ его по числу квадратныхъ миль и ни во что не считаетъ *правосаеннаго* равновѣсія». Испытывая, въ настоящее время, утрату своего вліянія на дѣла Европы и предчувствуя близкую потерю своего преобладанія въ Германіи, Австрія употребляетъ послѣднія усилія къ предотвращенію этого великаго для себя бѣдствія: общаетъ благотѣльные реформы своимъ народамъ, терпѣливо выслушиваетъ несовѣтъ-почтительныя представленія вѣрнаго Тироля, играетъ въ великодушіе, соглашается на нѣкоторыя уступки. Она даже переимѣнила штатъ своимъ министровъ, барона Баха замѣнила графомъ Голуховскимъ. Но вотъ вопросъ: къ чему все это поведетъ? Явится ли новая система управленія вѣсть съ графомъ Голуховскимъ? До такой ли степени сильна личность министра въ Австріи, чтобъ вѣсть съ нею явилась и новая эра, и въ полномъ благополучіи зажили многочисленныя милліоны, подчиненныя габсбургскому скипетру? Удастся ли Австріи счастливо набѣгнуть той проасти, которая передъ нею давнымъ-давно разверзата? Вѣдь нельзя же долго лавировать съ видимымъ успѣхомъ предъ опасностью: при всемъ искусствѣ пловцовъ, рано, или поздно, сокрушится углый чолоѣ.

Спустя недѣлю послѣ заключенія вилафранкскаго мира, Лудовикъ-Наполеонъ находился уже въ окрестностяхъ своей столицы, уже отдыхалъ въ своемъ уединенномъ и тѣнистомъ Сен-Клу отъ опасностей, тревогъ и волненій двухмѣсячной войны. Ни офиціальныхъ встрѣчъ, ни торжественныхъ привѣтствій, ни народныхъ демонстрацій не было дѣлаемо на пути его: на то была его воля. Офиціальныя привѣтствія, равно-какъ и народный восторгъ предписано было сберечь для торжественнаго дня 15-го августа, дня, въ который Лудовикъ-Наполеонъ обыкновенно празднуетъ свои именины.

День 15-го августа, а еще болѣе конецъ этого дня, долженъ удивить Францію, какъ нѣчто небывалое, невиданное, нѣчто такое, что далеко должно было оставить за собою блестящее торжество взятія Севастополя и окончанія крымской войны. То было торжество въ честь арміи, теперь же будетъ торжество въ честь арміи и побѣдоноснаго ея вождя и владыки, самого императора Людовика-Наполеона. За двѣ недѣли до назначеннаго дня начались приготовленія, и едва уже рассказы объ этихъ приготовленіяхъ, рассказы, которыми французскія газеты отдавали по нѣскольکو длинныхъ столбцовъ, способны были заманить въ Парижъ огромную массу фланёровъ, жадныхъ до всего эффектнаго: въ-самомъ-дѣлѣ, врядъ-ли случится кому-нибудь увидѣть въ другой разъ то, что готовился представить Парижъ. И вотъ къ назначенному сроку столица Франціи наполнилась пріѣзжими гостями изъ провинцій, изъ всѣхъ странъ Европы: число ихъ достигло громадной цифры шестисотъ тысячъ человекъ. Доволенъ Парижъ, довольна Франція! Чего же болѣе для нея нужно? Парижъ снова сдѣлался столицей міра, Парижъ привлекаетъ огромную массу иностранцевъ, которыхъ кошельки обогащаютъ французскихъ буржуа. Франція снова первенствующая, первая держава въ мірѣ; ея императоръ управляетъ судьбами всего міра; ея императора боятся сама надменная Англія. Французская армія снова первая армія въ мірѣ; новыя побѣды прибавили нѣсколько славныхъ страницъ къ военной исторіи Франціи. Франція можетъ гордиться и своею арміей, и своимъ сѣткимъ побѣдными лаврами, и своимъ императоромъ; она смѣло можетъ радоваться, и никто не поставитъ ей въ упрекъ ея торжества, ея радости. Правда, ей кое-чего недостаетъ... но кто же въ торжественный часъ вспоминаетъ о горѣ? Завтра кончится торжество, настанетъ обыденная, будничная жизнь: тогда будетъ время вспомнить.

Ежели читатель желаетъ имѣть полное понятіе о незабвенныхъ дняхъ 14 и 15 августа, то рекомендуемъ ему обратиться къ нашимъ ежедневнымъ газетамъ. Тамъ онъ найдетъ самыя обстоятельныя статьи о событіяхъ этихъ двухъ великихъ дней, обильно замѣствованнымъ изъ различныхъ французскихъ газетъ. Читатель тамъ найдетъ много восторговъ, много краснорѣчія, много самыхъ нѣжныхъ, самыхъ благородныхъ чувствъ. Не забыты ни бронзовые лица солдатъ, ни храбрая маркитантка, ни вѣрная полковая собака, выступающія впередъ своихъ полковъ. Но главный герой всѣхъ этихъ газетныхъ корреспонденцій есть, понятно само-собою, герой всего торжества. На его задумчивомъ лицѣ корреспонденты стараются прочесть зарожденіе новыхъ высокихъ идей, новыхъ благородныхъ замысловъ. Не единично,

впрочемъ, возвышенный шассонъ восторга полны эти корреспонденціи: въ нихъ, конечно, читатель могъ замѣтить и другую, болѣе-нѣжную, болѣе-идиллическую струю. Въ нихъ мелькаетъ трогательный образъ императорскаго принца, котораго Лудовикъ-Наполеонъ сажаетъ передъ собой на переднюю часть своего сѣдла и который ловко набекрень надѣлъ свою маленькую каскету. Но многого не замѣтили наши газеты, теряющія свои свѣдѣнія преимущественно изъ французскихъ источниковъ; многого не замѣтила онъ такого, что было замѣчено другими, болѣе-гладкокровными, можетъ-быть, свидѣтелями торжества. Все торжество 14-го августа, съ загорѣлыми лицами солдатъ, съ ихъ потными, изорванными и продыравленными кафтанами, съ колонною раненыхъ, хромыхъ и увѣчныхъ, съ австрійскими знаменами и пушками, съ походными маркитантками и священниками, съ однообразнымъ шествіемъ по улицамъ Парижа въ-теченіе 6 часовъ, похоже было скорѣе на театральное зрѣлище, нежели на дѣйствительное народное торжество. Програма была выполнена точно: все дѣлалось однообразно, монотонно, все подъ-конецъ начало надоедать самымъ ревностнымъ любителямъ воинскихъ парадовъ. Народъ мало принималъ участія въ триумфъ своего императора; при движеніи войскъ, при проѣздѣ самого императора онъ былъ какъ-то холоденъ, мало показывалъ восторга. Вотъ чѣмъ объясняется недовольное и задумчивое выраженіе императорскаго лица, замѣченное многими корреспондентами.

Война кончена счастливо, счастливо отпраздновано торжество мира. Чтѣ же эта война, чтѣ же этотъ миръ принесли новаго для Франціи? Одного увеселія военной славой вѣдь мало для народа: онъ, рано, или поздно, потребуеъ дѣйствительныхъ, реальныхъ благъ. Какими же благами даритъ Францію эта окончанная война? Съ уваженіемъ, съ полною благодарностію мы отнесимся къ эдиктамъ 17-го и 18-го августа, въ которыхъ однимъ дарована амнистія всѣмъ политическимъ преступникамъ послѣднихъ десяти лѣтъ, и дозволено имъ возвратится въ предѣлы Франціи; другимъ эдиктомъ даровано прощеніе всѣмъ политическимъ газетамъ, получившимъ по одному, или по два выговора и которымъ въ случаѣ третьяго выговора угрожалъ запрещеніе. Нельзя не согласиться, что давно была пора совершить Лудовику-Наполеону этотъ великій актъ гражданскаго замѣренія; всѣ старыя партіи, разбитыя, скомпрометированныя, разстроившіяся, для него болѣе не страшны, а тѣ люди, которые томилась на чужбинѣ, или въ Кайошѣ, все люди старыхъ партій. И въ чемъ вина этихъ людей? Развѣ только въ томъ, что они вѣрны, честны другія держались своего принципа, своей идеи, что она не могла изменять этому принципу и въ то время, когда насту-

или событія, мало ему благопріятствовавшія? Можно ли винить этихъ людей за то, что они дурно понимали свое время, что они цѣнили его выше, нежели оно заслуживаетъ? Наконецъ, чѣмъ и въ какомъ отношеніи для Лудовика—Наполеона могутъ быть теперь опасны эти люди? Не доказало ли само время, что не на ихъ сторонѣ историческая правда? Продолжительное изгнаничество не научило ли ихъ болѣе—резво, болѣе—благоразумно смотрѣть на дѣйствительность, не требовать отъ нея того, что она дать не въ—силахъ? Ничѣмъ поэтому не рискуетъ Лудовикъ—Наполеонъ, открывая доступъ въ отечество этимъ несчастнымъ старымъ бойцамъ, доблестно нѣкогда служившимъ своему дѣлу.

Другой вопросъ: примутъ ли изгнанники дарованную имъ амнистію? Конечно, многіе поспѣшатъ воспользоваться дарованнымъ правомъ, возвратятся подъ родной кровъ, въ родную семью. Да не поднимется чей—нибудь голосъ упрека противъ этихъ избитыхъ, измученныхъ существованій! Но, безъ—сомнѣнія, найдется и много такихъ, которые, подобно Луи Блану, Виктору Гюго, отвергнутъ дарованное право. Что значить для нихъ возвратиться въ императорскую Францію? Конечно, примириться съ тѣмъ порядкомъ, который въ ней господствуетъ; а они не переставали, сколько было у нихъ силы, протестовать противъ настоящаго порядка.

Августа 13—го закрылась непродолжительная сессія англійскаго парламента, и члены его возвратились въ свои графства, гдѣ каждый изъ нихъ имѣетъ свои обязанности: кто исправляетъ общественныя должности, кто председательствуетъ въ какихъ—нибудь обществахъ, кто просто распространяетъ посредствомъ митинговъ идеи, торжество которыхъ должно, по его мнѣнію, упрочить благо его родины. Мы будемъ слѣдить за этими внѣ—парламентскими дѣйствіями членовъ палаты, но теперь бросимъ бѣглый взглядъ на окончившуюся сессію, которая, несмотря на свою непродолжительность, представляетъ любопытный предметъ для наблюдений.

Всѣмъ памяты обстоятельства, при которыхъ былъ созданъ теперь заседающій парламентъ: консервативное министерство, не удовлетворяя требованіямъ страны въ дѣлахъ внутреннихъ, также мало удовлетворяло имъ и въ дѣлахъ внѣшнихъ. Англія желала полного и совершеннаго нейтралитета; но въ рукахъ лорда Мальмебэри вѣсы невольно клонились на одну сторону, и, притомъ, на сторону антипатичную и народному духу, и существеннымъ требованіямъ англійской политики. Народъ свободный и гордый своею свободою не можетъ сочувствовать странѣ, въ которой нѣтъ ни малѣйшаго признака свободныхъ учрежде-

ній, которой историческое призваніе состоитъ въ томъ, чтобъ останавливать всякое свободное движеніе въ народахъ, судьба которыхъ, по несчастному случаю, связана съ ея судьбою: притѣснители Италіи и Венгріи не найдутъ сочувствія ни въ англійскихъ митингахъ, ни въ англійскомъ парламентѣ. Мало-того: союзъ съ Австріею вредитъ существеннымъ интересамъ Англіи: гдѣ тяготѣетъ рука Австріи, тамъ нѣтъ надежды на прочный порядокъ, нѣтъ обезпеченія противъ революціи; а Англія—страна торговая и промышленная—имѣетъ необходимость въ поддержаніи порядка въ странахъ, съ которыми находится въ сношеніи. Есть, впрочемъ, одна причина, постоянно удерживающая Англію отъ взрыва негодованія противъ Австріи: та же самая, которая побуждаетъ ее постоянно требовать нейтралитета. Причина эта—недовѣріе къ императору Наполеону, въ которомъ она видитъ продолжателя начинаній великаго Наполеона, естественнаго врага Англіи. Это опасеніе никогда не покидаетъ истаго англичанина и преслѣдуетъ его постоянно, какъ кошмаръ. Франція увеличиваетъ свой флотъ, значить она готовитъ высадку на бѣлыя скалы Альбіона; укрѣпляетъ Шербуръ—это угроза Англіи, и т. д., и т. д. Въ виду этого постоянного призрака Англія, устами своихъ газетъ и парламентскихъ ораторовъ, только и говоритъ, что о необходимости увеличить флотъ, укрѣпить берега, вооружить стрѣлковъ (*); не было недостатка даже въ Тиртеѣ: *roseta laureata* (въ Англіи, гдѣ такъ тщательно сохраняются шерстяной мѣшокъ канцлера и парики судей, существуетъ и придворный поэтъ) знаменитый Тениссонъ пишетъ оду къ стрѣлкамъ. Въ этомъ чувствѣ опасенія, чтобъ Англія не подверглась нападенію врасплохъ, сходятся все партіи; все министерства, не исключая даже министерства лорда Пальмерстона, такъ благопріятно расположеннаго къ Франціи, дѣйствуютъ въ одномъ духѣ: все одинаково заботятся о національной защитѣ; мало-того: министерство лорда Дерби получаетъ торжественныя похвалы отъ своихъ политическихъ противниковъ за ту заботливость объ усиленіи англійскаго флота; которую оказалъ лордъ Пакингтонъ, первый лордъ адмиралтейства въ консервативномъ министерствѣ; но министерство лорда Дерби не поддержалось на той серединѣ, которой требовало общественное мнѣніе: оно сильно потворствовало Австріи и пало. Вскорѣ за паденіемъ торійскаго министерства неожиданная вѣсть поразила Европу: два императора, сойдясь въ Вилла-

---

(*) Нашлись даже голоса, требовавшіе введенія въ Англію конскрипціи, тогда-какъ извѣстно, что отсутствіе постоянныхъ войскъ англичане считаютъ палладіумомъ своей свободы.

франкъ, рѣшили судьбу Италіи. «Такъ триумвиры, по выраженію «Times», сойдясь на мосту, дѣлили между собою міръ.» Это событіе бросило непредвидѣнный свѣтъ на все, что предшествовало ему, и показало наглядно и очевидно ошибку самой Англій, ложный ходъ ея политики по отношенію къ Италіи за многіе годы. Развѣ не Англія служила образцомъ конституціонныхъ учрежденій Пьемонта? развѣ не къ ней обращалось сочувствіе всѣхъ друзей свободы въ Италіи? развѣ не на ней лежала обязанность поддержать стремленіе къ итальянской независимости, къ благоразумной свободѣ и конституціонному порядку? Но Англія отклоняла отъ себя эти обязанности, она слишкомъ занялась своими частными интересами; она слишкомъ-слипо вѣривалась ученію о томъ, что каждый долженъ думать о себѣ, и что кому нужна помощь, тотъ, стало-быть, безсиленъ и, вѣроятно, не суждеетъ управиться съ своею свободою, когда пріобрѣтетъ ее съ чужою помощію. Мнѣніе это слишкомъ-далеко завлекло Англію, и Италіи не оставалось ничего болѣе, какъ искать помощи у Франціи. Такова капиталная ошибка Англій въ глазахъ безпристрастныхъ наблюдателей. Въ самой Англій виллафранкскій миръ произвелъ сильное волненіе: въ толлахъ газетъ и въ рѣчахъ парламентскихъ ораторовъ слышалось чувство неудовольствія на то, что великій европейскій вопросъ разрѣшается безъ участія Англій, чувство, снѣженное съ тайнымъ опасеніемъ за будущее. Ко всему этому прибавлялось вначалѣ еще одно обстоятельство: многимъ казалось, что вопросъ объ Италіи уже разрѣшенъ въ свиданіи между двумя императорами, что Англій осталось только подтвердить то, что постановлено другими; но дальнѣйшій ходъ дѣла разъяснилъ, что рѣшенъ только вопросъ о Ломбардіи, и остается еще вопросъ о будущемъ устройствѣ Италіи. Такъ-что стало ясно, что если Англія приметъ участіе въ будущемъ конгрессѣ, то на ея доль выпадеть чрезвычайно-важная роль. Вопросъ этотъ разъяснялся постепенно въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ парламента, въ которыхъ два главные члена настоящаго правительства поочередно высказывали свои убѣжденія по этому вопросу, при чемъ, разумѣется, выражалось недовѣріе къ той формѣ итальянскаго союза, которая являлась необходимымъ слѣдствіемъ виллафранкскаго мира; почтенное предсѣдательство папы особенно возбуждало сомнѣніе англійскихъ государственныхъ людей. То же мнѣніе выражалось и въ журналахъ: преимущественно хорошо была показана несостоятельность плана итальянскаго союза, созданнаго переговорами двухъ императоровъ, въ Morning-Post. Органъ лорда Пальмерстона задаетъ, между-прочимъ, вопросъ: гдѣ будутъ искать защиты, если явле Мартеры повторится въ одномъ изъ итальянскихъ государствъ? Оставленіе Венеціи за Австрію возбуждало столь же сильныя возраженія какъ въ парламентѣ, такъ и въ журналахъ.

При такомъ тревожномъ состояніи умовъ, канцлеръ казначейства представлялъ бюджетъ на будущій финансовый годъ. Бюджетъ этотъ, самъ-по-себѣ чрезвычайно-важный, возбуждалъ чрезвычайно-мало преній; да и тѣ

(рѣчь д'Иарзэли) скоро переходили къ итальянскому вопросу. Цифры, представленныя Гладстономъ, ясно покажутъ, въ чемъ состоитъ важность его бюджета. По свидѣтельству канцлера казначейства, весь доходъ послѣдняго года опредѣленъ былъ въ 63,900,000 ф. ст., а собрано было 65,447,000 ф. ст., расходъ же равнялся 64,663,000 ф. ст. Таинствѣннѣе образомъ, оказался остатокъ въ 800,000 ф. ст.; доходы же на слѣдующій финансовый годъ должны составить, по его вычисленію, 64,340,000 ф. ст., а расходъ — 69,207,000 ф. ст., въ томъ числѣ на уплату процентовъ государственнаго долга 28,600,000 ф. ст., на армию и милицію—13,300,000 ф. ст., на флотъ и почтовые пароходы—12,782,000 ф. ст. Для покрытія этого дефицита Гладстонъ предлагаетъ увеличить налогъ на доходы. Налогъ этотъ постоянно возрастаетъ, несмотря на ежегодно повторяемыя обѣщанія канцлеровъ казначейства отнѣяться отъ него въ скорѣйшемъ времени. Теперь онъ простирается до 5 п. съ 1 ф. ст. Нынѣшній канцлеръ казначейства предлагаетъ увеличить его до 9 п.

Самое извѣстіе объ обезоруженіи Франціи не вполне разубѣдило общественное мнѣніе въ Англіи. Англичане постоянно держатся того мнѣнія, что Франціи весьма-легко вооружиться при конскрипціи и другихъ подобныхъ средствахъ, тогда-какъ Англія, распустивъ разъ своихъ волонтеровъ, должна набирать ихъ снова съ большимъ трудомъ и большими издержками. Ихъ пугаетъ та тайна, которую окружены дѣйствіи французскаго правительства, а также воспоминаніе о той скорости, съ которою Франція приготавливалась къ послѣдней войнѣ.

Пока въ парламентѣ обсуждались всѣ эти вопросы и приходило время закрыться его засѣданіямъ, дѣло Италіи двигалось впередъ: герцогства рѣшились препятствовать восстановленію своихъ прежнихъ государей; соборы національных собраній и единогласно постановили присоединиться къ Сардиніи. Мирный и единодушный образъ дѣйствій Центральной Италіи возбудилъ волное сочувствіе англійскихъ журналовъ, и въ англійскомъ парламентѣ лордъ Россель два раза утверждалъ, что Франція не намѣрена силою восстановить низверженныхъ герцоговъ; Times, Daily-News, Morning-Post приняли подъ свою защиту дѣла Центральной Италіи. «Times» советуетъ герцогствамъ защищаться даже силою, если противъ нихъ будетъ поднято оружіе. Дѣло это, конечно, будетъ передано европейскому конгрессу; теперь мы уже знаемъ, какою политикою будетъ держаться Англія въ случаѣ созванія конгресса: по послѣднимъ извѣстіямъ, въ тайномъ чрезвычайномъ засѣданіи совѣта министровъ рѣшено, что Англія не будетъ препятствовать присоединенію герцогствъ къ Сардиніи.

Лишь-только закрылись засѣданія парламента, какъ начались митинги, къ которымъ, по обыкновенію, пользуясь разными случаями, члены парламента излагаютъ своимъ избирателямъ свое воззрѣніе на разные вопросы. Началомъ такихъ митинговъ были два собранія въ честь Коб-

дена въ Рогдалѣ: на первомъ изъ нихъ присутствовали одни избиратели, на другомъ—и не-избиратели. Кобденъ, благодаря жителей Рогдала за то, что они избрали его безъ всякихъ съ его стороны исканій въ то время, какъ онъ былъ въ Америкѣ, имѣлъ случай коснуться подкуповъ избирателей, примѣры которыхъ были, къ-сожалѣнію, очень-часты въ послѣдніе выборы: 15 выбранныхъ лицъ были отвергнуты комиссіею, производившею слѣдствіе о незаконныхъ выборахъ. Между-прочимъ, замѣчательно, что одинъ изъ членовъ парламента, которымъ пришлось отказаться отъ своего мѣста, докторъ Мигель, выбранный въ Бодлингъ, не могъ продолжать процесса не потому, что чувствовалъ себя виновнымъ въ подкупѣ, а только по недостатку средствъ для покрытія издержекъ на слѣдствіе, которыя будутъ простираться до 4,000 ф. ст., ибо ему нужно представить свидѣтелей для своего оправданія. Чтобы избѣжать подобныхъ позорныхъ явленій, Кобденъ предлагаетъ старое средство своей партіи — тайную подачу голосовъ. Едва-ли этому способу подачи голосовъ, который, дѣйствительно, оставляетъ мнѣе возможности подкуповъ, не суждено современемъ восторжествовать: мы знаемъ, что въ прошломъ году лордъ Джонъ Россель общалъ не слишкомъ противиться принятію этой мѣры, если она будетъ предложена. Переходя къ внѣшней политикѣ, Кобденъ, конечно, защищаетъ систему нейтралитета, видитъ большое зло во взаимныхъ вооруженіяхъ Англии и Франціи, въ чемъ обвиняетъ англійскихъ государственныхъ людей и англійскіе журналы, постоянно поддерживающіе паническій страхъ въ обществѣ. Ораторъ спрашиваетъ: не-уже-ли государственные люди и дипломаты не найдутъ средства достигнуть того, чтобъ оба государства могли постоянно оставаться въ мирныхъ отношеніяхъ? Заключеніе своей рѣчи представитель Рогдала посвящаетъ объясненію причинъ, почему онъ не занялъ предлагавшагося ему мѣста въ министерствѣ лорда Пальмерстона. Причина эта, по словамъ Кобдена, заключается въ чисто-личныхъ отношеніяхъ. На другой день, обращаясь болѣе къ не-избирателямъ, Кобденъ говорилъ преимущественно о парламентской реформѣ. Но, чтобъ реформа приносила пользу, почтенный представитель Рогдала требуетъ распространенія народнаго образованія, при чемъ ссылается на примѣръ Америки. Замѣчательно, что сравнительно менѣйшій интересъ, возбуждаемый въ настоящее время вопросомъ о парламентской реформѣ, Кобденъ объясняетъ распространеніемъ общаго благосостоянія вслѣдствіе уничтоженія хлѣбныхъ законовъ. Съ этимъ замѣчаніемъ едва-ли можно согласиться: матеріальное довольство прекращаетъ волненія, заставляетъ человека беречь то, что онъ имѣетъ; но оно же пробуждаетъ нынѣ, болѣе-возвышенныя стремленія: когда человекъ сытъ, онъ желаетъ имѣть значеніе. Если же стремленіе къ приобрѣтенію правъ не такъ сильно въ массѣ, то значитъ, что довольство не вполне равномерно распределено въ обществѣ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Опытъ исторической грамматики русскаго языка, состав. О. Буславымъ. Дель части. 1858(9).

Статья вторая.

Переходимъ къ языкознанію собственно-русскому и предварительно считаемъ необходимымъ оговориться.

Тотъ глубоко ошибся бы, кто захотѣлъ бы искать здѣсь подробнаго изложенія развитія отечественнаго языкознанія (*); въ настоящую минуту мы далеки отъ этой цѣли: для насъ достаточно опредѣлить только главнѣйшіе пути, какимъ слѣдовала наша наука въ своемъ движеніи, и этимъ уяснить отношенія ея къ *Опыту* г. Буслава. Потому мы сразу отстраняемъ отъ себя упрекъ въ нѣкоторой бездоказательности нашихъ сужденій: люди свѣдущіе, надѣемся, не упрекнутъ насъ въ этомъ, а для поблизко-знакомыхъ съ дѣломъ оправданіемъ нашихъ послужить третья, окончательная статья, для которой мы сберегаемъ частные факты и подробности: она должна служить очною ставкою лингвистическихъ мнѣній г. Буслава съ соображеніями другихъ русскихъ грамматистовъ.

(*) Сознавая полную необходимость подобнаго труда, гдѣ получили бы приличную отставку и вознагражденіе по трудамъ всѣ вѣтхія денщики понятія нашихъ грамматистовъ и филологовъ, мы не можемъ не пожелать, чтобъ это предпріятіе совершенно было нѣсколько-иначе, чѣмъ это сдѣлалъ г. Линниченко въ своемъ сочиненіи «Очеркъ развитія важнѣйшихъ идей отечественнаго языкознанія отъ возникновенія ученыхъ изслѣдованій русскаго языка до утвержденія ихъ на началахъ сравнительно-исторической науки о языкѣ» (Кіевъ, 1856). Сочиненіе г. Линниченко есть *торжественная рѣчь*, произнесенная имъ на актѣ лица кн. Безбородко, а потому и въ самыхъ понятіяхъ оратора существуетъ *нѣкая торжественность*: онъ очень-серьезно рядитъ невинное корнесловіе адмирала Шишкова въ *народную одежду*, а его-самого облакаетъ саомъ представителя *народныхъ*

Т. СХХVI. — Отд. III.

Какъ старая нѣмецкая и французская грамматикн развивались изъ схоластическихъ началъ латинской, такъ славянская постоянно шѣла своимъ образцомъ греческую, не безъ особыхъ усилій отвѣчая на вопросы, какіе предлагала послѣдняя. Собственно говоря, во всѣхъ славянскихъ грамматикахъ до Мелетія Смотрицкаго было столь же мало славянскаго, сколько и греческаго: это была грамматика какого-то небывалаго, воображаемаго языка!

Славянскій элементъ, до-того показывавшійся случайно, отрывочно, въ грамматикѣ Смотрицкаго вступаетъ въ свои права и скоро ведетъ за собою постепенное отдѣленіе народныхъ русскихъ началъ: уже въ сокращеніи грамматикн Смотрицкаго, сдѣланномъ Максимовымъ (1723 г.), мы находимъ многія отступленія отъ стариннаго текста въ пользу народнаго элемента; но окончательно это сказалося лишь въ грамматикѣ Ломоносова. Ломоносову принадлежитъ честь созданія собственно-русской грамматикн. Оправившись отъ вѣрпой мысли о различіи славянской стихіи въ языкѣ отъ русской, различіи, которое существовало до той поры только на практикѣ, Ломоносовъ долженъ былъ обратиться къ народному языку уже и потому, что литературный языкъ едва только зарождался. Такой счастливый пріемъ доставилъ ему почетное имя создателя русской грамматикн, но обнаружилъ слабое, едва-замѣтное вліяніе на послѣдующія судьбы русскаго языкознанія. Самъ Ломоносовъ не устоялъ противъ старинныхъ преданій и во многихъ отношеніяхъ былъ скромнымъ послѣдователемъ прежнихъ славянскихъ грамматистовъ: Мелетія Смотрицкаго, Ѳедора Поликарпова и др.

Аристократизмъ литературныхъ понятій восьмнадцатаго вѣка, воспитанный на французской классической почвѣ, не могъ низойти до народной основы и не допускалъ, какъ тогда выражались, ничего *подлаго* (то-есть народнаго) въ русскую грамматикку. «Грамматика Ломоносова—говорилъ Сумароковъ—никакимъ *ученымъ собраніемъ не утверждена*, и по причинѣ, что онъ *московское нарѣчіе въ колмогорское превратилъ*, вошло въ нее множество порчи языка (*).» Уже это лю-

---

русскихъ грамматическихъ интересовъ и потребностей! Кромѣ этого, изъ его «Очерка» совершенно исключается судьба практической грамматикн, какъ неизмѣнной (?) по своимъ взглядамъ и цѣлямъ. Не говоря уже о непонятной странности подобнаго мнѣнія, самая мысль—исключить практическую или филологическую грамматикку изъ исторіи русскаго языкознанія—въ высшей степени неосновательна: исторія русскаго языкознанія до утвержденія его на сравнительно-историческихъ началахъ, есть главнымъ образомъ исторія русской практической грамматикн; рядомъ съ ней, какъ увидимъ далѣе, развивался и другія направленія, но главное мѣсто принадлежало старой филологической грамматикѣ, предъ *долговременнымъ* авторитетомъ которой склонился даже такой философъ, какъ г. Иванъ Давыдовъ, и такой своеобразный филологъ, какъ покойный Костырь.

(*) Соч. Сумарокова, изд. 2-ое, 1787 г. Т. X, стр. 38.

большое обвинение служить предвѣстникомъ тѣхъ началъ, на которыхъ впоследствии суждено было развиваться русской практической грамматикѣ: народный элементъ уступилъ свое мѣсто образцовой рѣчи писателей, и это случилось тогда, когда въ нашей литературѣ не явились еще ни Державинъ, ни Карамзинъ, ни Крыловъ. «Такая исключительность въ выборѣ грамматическаго матеріала, весьма-попятная въ грамматикѣ языковъ мертвыхъ, но вредная для языковъ живыхъ, могла еще имѣть нѣкоторый смыслъ въ литературѣ, уже твердо-установившейся, какова литература народовъ западныхъ. Въ литературѣ же юной и свѣжей, какова наша, наконецъ образомъ не могла установиться эта разборчивая нетерпимость, которая исключаетъ изъ грамматическихъ правилъ все, чего не находимъ у образцовыхъ писателей» (Бусл.). Благія начинанія Ломоносова прошли даромъ, и вся послѣдующая судьба русской практической грамматики заключается въ постоянномъ вліяніи, какое имѣли на нее иностранные грамматисты: сперва Готшедъ съ своею школою, потомъ французы, и въ рѣзкомъ противорѣчій правилъ ея съ рѣчью образцовыхъ писателей.

«Грамматика Ломоносова должна была уступить мѣсто руководствамъ, принявшимъ за образецъ рѣчь карамзинскую; но дальнѣйшіе успѣхи нашего языка, въ сочиненіяхъ Грибоедова, Крылова, Пушкина, уже не нашли себѣ оправданія въ этихъ руководствахъ.»

Начиная съ Державина и Карамзина и кончая современными намъ писателями, нѣтъ ни одного, сколько-нибудь замѣчательнаго, который бы вышелъ безукоризненно-правымъ изъ судилища практической грамматики. «Не зная законовъ языка, практическая грамматика ограничилась правилами. Руководства, составленные по методу Готшеда и Аделунга, дотого были далеки отъ всякаго понятія о законахъ, по которымъ образуются грамматическія формы, что подвели подъ общій уровень съ явлениями языка, основанными на его внутреннемъ построении, многіе чисто-формальные орфографическіе приемы. Такъ, напримеръ, въ главѣ о правописаніи помѣщались правила объ употребленіи буквы *ь*, которой значеніе определяется только исторіею славянскаго языка, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правила объ употребленіи прописныхъ буквъ въ началѣ каждаго стиха, или въ наименованіи дѣйствующихъ лицъ басни, правила, составленные только на основаніи условно-принятаго обычая» (Бусл. I. Пред. V—VI). Въ нашей первой статьѣ мы имѣли случай замѣтить странность той роли, которую брала на себя практическая грамматика: она желала научить правильно говорить и писать на известномъ языкѣ и оттого, по справедливому замѣчанію г. Буслаева, вся этимологическая часть ея ограничивается только склоненіями и спряженіями и ничего не знаетъ о звукахъ и образованіяхъ словъ; во множествѣ правилъ она предлагала подробныя наставленія, какъ склонять и спрягать реченія роднаго языка, забывая, что въ этомъ рѣдко ошибаются и люди безграмотные. Успѣхи языкознанія въ Западной Европѣ, нашедшіе отго-

досокъ даже и въ нашей небогатой и непрязательной ученой литературѣ, почти совершенно не коснулись русской практической грамматики: до послѣднихъ дней своихъ она учила *правильно говорить и писать*, противорѣча не только образцовымъ писателямъ, но и сама себя, предлагая *правила*, ни на чемъ неоснованныя и ничѣмъ неоправдываемыя, кромѣ недалекаго взгляда грамматистовъ. Въ предисловіи къ своему *Опыту* г. Буслаевъ дѣлаетъ чрезвычайно-вѣрную характеристику этой грамматики, доказывая многими примѣрами неосновательность и отсталость ея положеній. Само-собой разумеется, что число такихъ примѣровъ могло бы быть въ тысячу разъ болѣе, потому-что вся практическая грамматика — говоря безъ преувеличенія — состоитъ изъ подобныхъ примѣровъ. Мы никакъ не можемъ позабыть, какъ одинъ старый практической грамматикъ утверждалъ что «уясненіе именъ прилагательныхъ происходитъ не отъ *особенности грамматической*, а по *стихосложной вольности*, для сохраненія числа и шѣры слоговъ». Какъ ни странно, а выходитъ, что Песторъ писалъ свою *дѣтопись стихами*: у него почти на каждой страницѣ можно встрѣтить цѣлыя десятки прилагательныхъ краткихъ, напримѣръ: «отъиметь Господь отъ Іерусалима крѣпкаго исполина и челоуѣка храбра, и судью и пророка, и смѣрена старца разумна, послушавна (*)...» (Лавр., стр. 100.)

«Какъ этимологію и правописаніе полагала основать практическая грамматика главнѣйшимъ образомъ на правилахъ приличія, такъ снѣтается на требованіяхъ здраваго смысла», почерпнутаго изъ недалекихъ сподручныхъ руководствъ логики. Объ отношеніяхъ логики къ языку мы еще

(*) «Разсмотрѣніе книги: «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка». Спб. 1856. Стр. 52. Къ вышеприведенному примѣру мы прибавимъ отсюда же еще одинъ, вызывающій невольную улыбку: останавливаясь на нѣкоторыхъ нелѣпыхъ выраженіяхъ, какими обильно щеголяетъ *Общесравнительный опытъ*, авторъ «Разсмотрѣнія» говоритъ, что обороты: «Я, который вамъ другъ; ты, который такъ думаешь», никакъ не могутъ быть *допущены въ грамотномъ словѣ!*» А, между-тѣмъ, въ предисловіи къ «Разсмотрѣнію» мы находимъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Мнѣ казалось приличнымъ явиться предъ читателями на сей разъ псевдонимомъ. Но, раздумавъ потомъ, что грамматика, на которую я долженъ ссылаться, написана мною задолго предъ симъ, когда я былъ совсѣмъ *не тѣмъ челоуѣкомъ, который я нынѣ*, рѣшился я сбросить прозрачную маску...» *Который я нынѣ!* Итакъ, предъ судимымъ кроваго кодекса оказывается *безграмотнымъ* и самый грамматикъ! Не имѣя никакого повода сомнѣваться въ искренности подобнаго признанія, мы тѣмъ охотнѣе соглашаемся съ нимъ, что имѣемъ предъ глазами тысячи подтвердительныхъ примѣровъ: что, напр., можетъ сравниться съ оригинальными хлопотами, въ какія поставили *маститого* (по выраженію общесравнительнаго математика) грамматиста простыя частицы русскаго языка *бы и же! А листы и листь!* ?!

будем имѣть случай говорить далѣе, при разборѣ самой нелогической изъ всѣхъ логическихъ грамматикъ, именно «Опыта» г. Ивана Давыдова, а теперь скажемъ только, что такому приему практической грамматики мы обязаны тѣмъ, что у насъ до-сихъ-поръ не было синтаксиса, ибо нельзя назвать синтаксисомъ русскаго языка ни «Системы» г. Басистова, ни логико-психологическихъ мечтаній г. Греча, извлеченныхъ изъ такихъ образцовыхъ писателей, которымъ онъ самъ ежесекундно противорѣчить. Quot capita, tot sensus, а стало-быть, столько и синтаксисовъ!

«Мертвящее начало, скажемъ мы словами г. Буслаява, останется въ практической грамматикѣ до-тѣхъ-поръ, пока она не обратится къ родному языку, какъ къ живому слову. вѣчно-юному и неистощимо-богатому въ его видовизмѣненіяхъ историческихъ и мѣстныхъ, и пока не опредѣлитъ правильнаго отношенія нѣкоторыхъ нововведеній и особенностей. внесенныхъ въ нашу рѣчь твореніями образцовыхъ писателей, къ тому живому цѣлому, которое называемъ языкомъ роднымъ. Только тогда авторитетъ образцовъ, не противорѣча живому слову и не стѣсняя, а подкрѣпляя дорованія, принесетъ нашей литературѣ желаемые плоды.» Въ послѣднее время въ русской практической грамматикѣ начало обнаруживается нѣкоторое движеніе въ пользу такихъ новыхъ началъ; но старая рутина все-таки продолжаетъ брать верхъ, и грамматисты открыто сознаютъ свое безпомощное состояніе, оправдываясь тѣмъ, что для практическаго употребленія гораздо-удобнѣе слѣдовать старинной, ни на чемъ неоснованной схоластикѣ, нежели напрасно беспокоить себя чѣмъ-либо новымъ, выведеннымъ путемъ положительнаго сравнительно-историческаго изученія (*).

Очевидно, что, при такомъ взглядѣ на предметъ и такихъ результатахъ, практическая русская грамматика была плохую помощницею г.

(*) «Русская грамматика» г. Классовскаго. Спб. 1856. стр. 139—140. То же самое, если еще не хуже, должно сказать и о сочиненіи профессора Лебедева «Опытъ руководства къ изученію русскаго слова». Спб. 1846. Оно по своему методу и по взгляду на языкъ безраздѣльно принадлежитъ еще старинной филологической школѣ «время очаковскихъ и покоренья Крыма», несмотря на то, что авторъ, какъ профессоръ высшаго учебнаго заведенія, долженъ бы быть знакомъ съ направліемъ новой науки. Какъ онъ смотритъ на языкъ, это всего яснѣе видно изъ слѣдующаго: «Цѣль изученія слова (говоритъ онъ) состоитъ въ достиженіи свободнаго и разумно-своеобразнаго умѣнія ясно, опредѣленно, правильно и изящно въ словѣ выразить мысли и чувстваванія». Это, какъ видите, цивилизованная модификація извѣстнаго опредѣленія практической грамматики; но выпала ли отъ этого наука, а равномѣрно и оттого, что авторъ далѣе пускается въ психологическія и физиологическія изысканія и говоритъ о томъ, что челонѣкъ состоитъ изъ души и тѣла, что у него есть чувства, etc... etc... ?

Буслаеву въ его трудѣ: изъ нея онъ только могъ вынести убѣжденіе въ крайней неосновательности ея началъ и въ совершенно-безполезныхъ, если не вредныхъ, ея приложеніяхъ. Потому, если «Опытъ исторической грамматики русскаго языка» и имѣетъ какую-нибудь связь съ прежнею русскою практическою грамматикою, то, во всякомъ случаѣ, отрицательную; въ положительномъ смыслѣ явленіе его связано съ европейскою наукою и немногими результатами ея въ нашемъ отечествѣ. Къ нимъ—то теперь мы и обращаемся; но предварительно, чтобъ очистить предъ собою дорогу, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ жалкихъ недоноскахъ чужой мысли, чужаго труда, а иногда и чужой фантазіи, отъ которыхъ до-сихъ-поръ несвободно наше языкованіе: мы говоримъ о нашихъ ультра-лингвистахъ и ультра-философахъ.

Одновременно съ практическою грамматикою русскаго языка появились и сравнительныя сближенія, бывшія въ такомъ ходу въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Германіи, когда по одному созвучію выводили происхожденіе народа и языка его отъ того, или другаго племени.

На русской почвѣ эти навязныя фантазіи досужихъ грамотѣевъ получили нѣкоторый отбѣнокъ самобытности. Варваризмы, со времени реформы Петра пестрившіе литературную русскую рѣчь, оскорбляли національныя чувства нашихъ патріотовъ—литераторовъ, и первыя попытки противоборствовать этому выразились сравнительными сближеніями языка славянскаго съ гадательными скинскими, тевтоническими (sic!), нѣмецкими, кельтскими и др., безъ-сомнѣнія, съ цѣлью доказать превосходство перваго. Не упоминая уже о забавныхъ сравненіяхъ Тредьяковскаго и Сумарокова, къ этому младенческому періоду развитія науки должно отнести сравнительный словарь академіи и труды адмирала Шишкова. Мы вовсе не хотимъ отрицать нѣкоторой пользы, принесенной ими: словарь академіи, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, по мнѣнію Як. Гримма (*), обнаружилъ сильное вліяніе на развитіе сравнительнаго языкованія, а труды Шишкова принесли неменѣе пользы, ограничивъ наплывъ варваризмовъ; мы желаемъ только указать имъ надлежащее мѣсто въ наукѣ. Шишковъ началъ съ защищенія *старою слога* отъ нападокъ послѣдователей Карамзина. Ревнитель всего славянскаго, онъ не задумался и русскій языкъ признать церковно-славянскимъ, утверждая, что онъ только *слогъ*, видоизмѣненіе послѣдняго, но потомъ долженъ былъ согласиться, что онъ есть нарѣчіе. Признавъ русскій языкъ *нарѣчіемъ*, Шишковъ, для удержанія тождества его съ церковно-славянскимъ, долженъ былъ признать этотъ послѣдній также *нарѣчіемъ*, а не *языкомъ* — и для отысканія—то этого мечтательнаго языка подъяты были имъ такія многотрудныя, къ сожалѣнію, безплодныя, филологическія работы! Говоря вообще, корне-

(*) Über den Ursprung der Sprache. В. 1852. Стр. 9.

словие Шишкова и российской академіи отличается отъ этимологическихъ фантазій Сумарокова и Тредьяковского развѣ только однимъ объемомъ: оно систематичнѣе наивныхъ толкованій, ученѣе, но принадлежитъ къ одному и тому же направленію. Примѣръ патриота Шишкова нашелъ себѣ подражателей и въ наше время: мы говоримъ о школѣ *панславистовъ*, которымъ принадлежитъ честь возведенія въ систему дѣтскихъ гаданій нашихъ историковъ и языковѣдовъ прошлаго столѣтія. гаданій, происхожденіе которыхъ скрывается въ идеѣ некануздавнаго патриотизма. Это явленіе, можно сказать, общеславянское; только мы въ этомъ случаѣ опередили своихъ западныхъ соплеменниковъ: уже Тредьяковский съ великимъ присилваніемъ доказывалъ превосходство славянскаго языка предъ тевтоническимъ, и Сумароковъ утверждалъ, что гальскіе цельты *нареклись* отъ слова *пулю*, а славянскіе отъ *славный*, что мы Россіяне *дѣти славень*, *внуки цельтово*, или *иначе славене и цельты*, когда у западныхъ славянъ еще не было ни Данковского, ни Коллара, ни Воласкаго. Нѣкоторымъ изъ нихъ (напримѣръ, Данковскому) нельзя отказать въ глубокой учености, въ блестящемъ и неподдѣльномъ остроуміи и даже въ извѣстной долѣ истины; но никто не станетъ смѣшивать эти пошты съ наукою, или принимать ихъ въ серьезную сторону. Мы далеки отъ того, чтобы рѣшительно бросить въ нихъ камень рѣзкаго приговора и назвать ихъ произведеніями досужей фантазій, или разстроеннаго воображенія; но и приемы, и методъ ихъ, и самые результаты находятся въ такомъ рѣзкомъ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, что до-сихъ-поръ сдѣлала наука, что мы рѣшительно должны отказать имъ въ серьезномъ содержаніи. Это какаа-то особая наука—антиподъ нашей современной; она отрицаетъ эту послѣднюю, хотя иногда и пользуется ея результатами. Не робѣя ни предъ какими трудностями, ультралангвисты, по большей части, легко и свободно снимаютъ всѣ противорѣчія, разрѣшаютъ всѣ недоумѣнія. Оттого и выводы ихъ такъ легки, свободны и съ этой стороны представляются какъ-бы упрекомъ медленному развитію человѣческой науки, но упрекомъ, конечно, слишкомъ наивнымъ, младенческимъ, чтобы возмутить ея медленное, но прочное, исконное движеніе. Въ историческихъ и лингвистическихъ изысканіяхъ подобнаго рода много недостатковъ выкупается временными народными причинами, блестящимъ остроуміемъ, или ѣдкою, ироническою мистификаціею; но, при отсутствіи этихъ свойствъ, что остается сочиненію, въ простотѣ сердца доказывающему, что Гомеръ былъ родомъ изъ Бѣлоруссін и писалъ по-русски, что мезаго-эраки были прото-славяне, что греческій языкъ происходитъ отъ славянскаго и т. д.? Конечно, ничего, кромѣ скромной оригинальности — и то надолго ли?..

Въ нашей небогатой лингвистической литературѣ находится также нѣсколько рѣдкостей въ этомъ родѣ: не говоря уже о Чертковѣ, который на обломкахъ этрусскихъ надписей отыскивалъ русскую болѣзнь

утимъ, отъ которой умеръ покойникъ, и подрѣплялъ свое заключеніе ссылками на Киршу Данилова и Желябужскаго, о Классентъ, Вельтманъ, въ послѣднее время эти гаданія возобновлялись въ лингвистической школѣ гг. Хомякова и Гильфердинга (*). Подобное соревнованіе филологической славѣ Сумарокова и Шишкова могло бы быть оставлено безъ серьёзнаго вниманія, еслибы не несло за собою нѣкотораго вреда, состоящаго главнымъ образомъ въ томъ, что, вида эту пустую игру, люди, близко-знакомые съ дѣломъ, теряютъ всякое довѣріе къ наукѣ, ичтѣтъ неповинной въ лингвистической эквилибристикѣ гг. Хомякова и Гильфердинга и коми.

Мы выше говорили о значеніи Беккера и его *Организма*. Стрейность ли системы, или нѣкоторыя другія причины, только системѣ Беккера, къ-несчастью, посчастливилось на нашей почвѣ: она произвела у насъ нѣсколько руководствъ, которыя должны занять достойное мѣсто въ числѣ прочихъ книгъ, препятствовавшихъ умственному развитію нашего юношества. Въ главѣ ихъ стояла уже извѣстная намъ *Общесравнительная Грамматика русскаго языка*, изъ которой, какъ изъ неиссякаемаго родника, черпали наши грамматисты втораго ранга, и которая, иногда уже слишкомъ-нецеремонно, сама черпала изъ Беккера, Вурста и др. Будущій историкъ русской цивилизаціи найдетъ немалую пищу своимъ соображеніямъ въ судьбѣ этого кодекса: при своемъ появленіи онъ былъ встрѣченъ единодушными похвалами; не только посредственностью, но и *дѣйствительными знатоки* (**) отзывались съ такою мягкою утѣр-

---

(*) Кому покажется наше сужденіе о лингвистикѣ г. Гильфердинга слишкомъ-строгимъ, для тѣхъ мы позволимъ себѣ привести мнѣніе Шлейхера, одного изъ первыхъ современныхъ славянствовъ: «Методъ г. Гильфердинга не есть методъ строго-научный, онъ очень-мало обращаетъ вниманія на исторію звуковъ и сравниваетъ, поэтому, то, что едва-ли можетъ между собою быть сравниваемо.» Приведенными здѣсь же примѣрами Шлейхеръ оправдываетъ такой приговоръ, въ-заключеніе котораго онъ позволилъ себѣ сказать слѣдующія слова: «Der deutsche Sprachgelehrte, der nicht russisch kann, braucht es dieses buches (сочин. г. Гильфердинга «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ»), wegen nicht zu lernen!» *Beiträge zur vergleich. Sprachforschung*. Ber. 1857. Ч. II, стр. 265—66.

(**) «Отчеты Импер. Акад. Наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности» 1852. Рецензія «Опыта общесравнит. грамматики русскаго языка» г. Срезневскаго. Стр. 305, 308, 9 и слѣд. «Опытъ», по словамъ рецензента, «явится въ свѣтъ не только какъ трудъ ученаго, но какъ произведеніе писателя, *упрочившаго свою славу искусствомъ владѣть языкомъ, какъ голосъ художника*, который самъ высказываетъ, чѣмъ онъ руководствовался въ своихъ произведеніяхъ, когда облекалъ ихъ въ слово и этому слову давалъ жизнь, понятную для всякаго русскаго»... «Она («Общесравнительная грамматика»), заключаетъ рецензентъ, явится какъ *асто-*

ностью, «такъ сладко, чуть дыша», что авторъ, вѣнчанный лаврами и превознесенный, одно за другимъ напечаталъ три изданія—и все тѣ же похвалы! Одинъ старый практическій грамматистъ пытался—было дать надлежащій смыслъ такому общесравнительному повеленію; но его рукопись не могла быть напечатана по обстоятельствамъ, отъ него независѣвшимъ (*). Только въ 56 году, съ *возрожденіемъ* наукъ и искусствъ, появилось и «Разсмотрѣніе общесравнительной грамматики». Несмотря на то, что практическій грамматистъ цѣлою четвертью вѣка отсталъ въ ученое образованіи, онъ нанесъ русской теоріи Беккера такой ударъ, отъ котораго трудно было оправиться: *Общесравнительная Грамматика* оказалась никуда негодною, въ ней не отыскалось—по выраженію приговора—«ни одного хорошаго правила (*sit venia verbi!*) или даже взгляда; есть хорошее и новое, только хорошее не ново, а новое нехорошо, и все составлено изъ отрывковъ, которые не клеятся между собою; вся компиляція не приведена въ единство, не соображена въ частяхъ своихъ, повтореній много, противорѣчій также, написана темно, неправильна въ выкомъ, проф. Велланскаго и князя Шаликова, что названіе: *Общесравнительная грамматика русскаго языка*—названіе бессмысленное» и т. д.; въ заключеніе, совѣтовалось ея автору возвратиться къ интегральному исчисленію, которымъ онъ занимался съ такимъ туманнымъ успѣхомъ, лѣтъ за тридцать предъ симъ. Не знаемъ, воспользовался ли грамматистъ этимъ совѣтомъ; но, по крайней мѣрѣ, вредить его кодекса понизился до послѣдняго градуса: ужъ когда и практическая грамматика, сама построенная на ложной основѣ и исполненная ошибокъ всякаго рода, находитъ такіе промахи и погрѣшности противу здраваго смысла, то что же должно бытъ, еслибъ кто русскую общесравнительную систему Беккера подвергъ строгому суду современной науки! Намъ кажется, что послѣ такого пораженія и появленія «Опыта исторической грамматики» Буслаева, становятся невозможными ни общесравнительная, ни изреченія изъ нея, какія мы встрѣчаемъ у гг. Стоянина, Смирнова и др.; но самая судьба «Общесравнительной Грамматики» представить не послѣдній матеріалъ для печальной исторіи русской общественной мысли въ половинѣ XIX столѣтія. Въ слѣдующей статьѣ мы каснемся съ должнымъ вниманіемъ нѣкоторыхъ лингвистическихъ мнѣній ея автора и тогда на дѣлѣ будемъ имѣть случай убѣдиться въ справедливости нашего мнѣнія; теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ этого, по словамъ г. Срезневскаго, заранѣе утвержденного авторитета.

Въ трехъ предисловіяхъ, какими снабжены три изданія *Общесравнительной грамматики, заранѣе утвержденной*. А извѣстно, прибавимъ мы отъ себя, что заранѣе утвержденные авторитеты скоро выпускаются въ отставку! (*) См. Отвѣтъ автору «Общесравнительной грамматики русскаго языка» въ «Сѣверной Пчелѣ» 1857, №№ 7, 8.

наго опыта, и въ предисловіи къ грамматикѣ Ломоносова, изданной вторымъ отдѣленіемъ академіи наукъ въ 56 году, авторъ довольно подробно объясняетъ свой взглядъ на языкъ и на грамматику: здѣсь находятъ уже извѣстныя намъ выдержки изъ предисловія Гримма, выдержки, проникнутыя живымъ пониманіемъ языка; но такъ-какъ онѣ не имѣютъ ничего общаго съ другими понятіями автора, которыя почерпнуты изъ Беккера и на которыхъ зиждется все его общесравнительное зданіе, то мы оставляемъ ихъ въ сторонѣ, находя нѣсколько-неприличнымъ ставить ихъ въ параллель съ русскими варьяціями абсолютовъ беккеровой логики. «Показать общіе законы слова человеческого, на началахъ мысленія, и частныя особенности, объясняемыя сравненіемъ отечественнаго языка съ языками однородными и соплеменными—вотъ (по штивію грамматиста) цѣль отечественной грамматики общесравнительной». «Способъ моего изложенія законовъ русскаго языка (говоритъ онъ) собственно философскій, потому-что частныя измѣненія грамматическихъ формъ подводятся подъ общіе логическіе законы; но онъ вмѣстѣ и историческій, или сравнительный, потому-что всѣ главныя формы русскія сравниваются съ соответственными формами языковъ однородныхъ и соплеменныхъ». Альфа и омега лингвистической премудрости! Желая лишь только проложить новую дорогу къ воззрѣнію на родной языкъ, авторъ позабылъ, что эта новая дорога давно запустѣла и поросла сорною травою: онъ взялъ готовыя логическія понятія и насильственнымъ образомъ приклеилъ ихъ къ русскому языку. Отвлеченными и давно оставленными понятіями, каково, напримѣръ, понятіе о *полярныхъ* (!) противоположностяхъ въ языкѣ, неудобопонятнымъ философствованіемъ, прикрывается здѣсь неисполненное обѣщаніе историческаго и сравнительнаго изслѣдованія языка русскаго; послѣдній элементъ еще кое-гдѣ встрѣчается, хотя совершенно-внѣшнимъ, случайнымъ образомъ, а объ историческомъ—только и помню, что въ предисловіи. Къ самому языку авторъ приступилъ не какъ къ живому, свѣжему развителю народной жизни, а какъ къ отвлеченному организму, о которомъ значится въ беккеровомъ «Органнзмѣ Языка». Что современное направленіе въ языковѣдѣніи и усиліи его въ трудахъ Боуца, Потта, Вильгельма Гумбольдта, Гримма и другихъ, о которыхъ говорится во всѣхъ вышеупомянутыхъ предисловіяхъ, были знакомы грамматисту только по слухамъ и даже по темнымъ слухамъ, это ясно видно почти изъ каждой страницы «Опыта Общесравнительной Грамматики», который, по собственному признанію сочинителя, весь состоитъ изъ отрывковъ, взятыхъ у разныхъ грамматистовъ, разныхъ направленій, начиная съ г. Греча и кончая гг. Буслаевымъ и Катковымъ; короче сказать—это не грамматика русскаго языка, а свалочная книга различныхъ грамматическихъ понятій, приведенныхъ въ единство только отсутствіемъ хронологическихъ помѣтъ и недалекою логическою закраскою: старое такъ рѣшительно укладывается возлѣ новаго, немногое годное такъ тѣсно по-

решается съ негоднымъ, что рѣшительно становится невозможнымъ признать у автора существованіе какой-нибудь общей мысли, руководившей его въ трудѣ, не говоря уже о современныхъ лингвистическихъ понятіяхъ. Последовательность есть въ системѣ Беккера, есть она и въ практической грамматикѣ г. Греча; но напрасно вы станете искать ее въ «Опытѣ Общесравнительной Грамматики русскаго языка»; видно, что авторъ писалъ ее совершенно-механически, одушевленный болѣе надеждою на успѣхъ, чѣмъ на дѣйствительное, основательное изслѣдованіе предположенной задачи. Словожь, скажемъ мы еще разъ, «Общесравнительная грамматика русскаго языка» останется въ высшей степени любопытнымъ памятникомъ того болѣзненнаго пути, по которому шло наше общественное развитіе, и хотя ее авторъ, какъ-бы предупреждая судь потомства, и назвалъ своей кодексъ тѣмъ *зельномъ*, которое связываетъ прошедшую судьбу русской грамматики съ будущею, но настояще отказется отъ такой чести и предоставитъ «Опытъ общесравнительной грамматики русскаго языка» только ее автору, г. Ивану Давыдову.

Всѣ до-сихъ-поръ разсмотрѣнныя нами филологическія направленія въ изученіи русскаго языка имѣли болѣе, или менѣе многихъ последователей: упоминаетъ ли о несчетномъ количествѣ произведеній, черпавшихъ свое вдохновеніе и матеріалъ для него изъ грамматикъ г. Греча? говорить ли о последователяхъ философіи г. Ивана Давыдова и лингвистикъ г. Хомякова...? Infandum, regina, jubes renovare dolores!... Но въ нашей филологической литературѣ есть одно сочиненіе, замѣчательное по своей рѣзкой оригинальности и потому заслуживающее упоминанія. Это курсъ, читанный покойнымъ профессоромъ Костыремъ въ университетѣ св. Владиміра въ 46—8 годахъ и изданный подъ названіемъ «Предметъ, методъ и цѣль филологическаго изученія русскаго языка», 2 ч. По направленію и методу оно принадлежитъ еще прошлому вѣку и цѣлымъ столѣтіемъ запоздало въ своемъ появленіи. Къ дѣлу Костырь приступилъ какъ философъ, привыкшій отдавать себѣ отчетъ во всякомъ явленіи и во всякой мысли; но это рациональное начало не уравновѣшивалось въ немъ достаточнымъ знакомствомъ съ матеріальнымъ содержаніемъ предмета. Не ознакомившись основательно съ фактами исторіи русскаго языка, онъ рѣшился судить о нихъ, руководствуясь философскимъ критическимъ тактомъ и, само-собою разумеется, долженъ былъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Ничего не принимая слѣпо на вѣру, онъ не могъ образовать самостоятельной точки зрѣнія, и потому, сомнѣваясь въ одномъ, принятомъ наукою за положительный фактъ, онъ относительно другаго попадалъ на старую общую точку зрѣнія. Вотъ примѣры. Отдѣляя грамматическое изученіе русскаго языка (цѣль котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобъ сообщить намъ *умльче употреблать формы русскаго языка*) отъ филологическаго, онъ довольно-вѣрно опредѣляетъ послѣднее слѣдующимъ

образомъ : «Филологическое изученіе имѣетъ предметомъ своимъ организмъ русскаго языка, разсматриваемаго въ его средствѣ съ языками общеславянскими (?) и языками древняго міра и въ историческомъ развитіи его отъ древнѣйшей его эпохи до эпохи современной, въ которой онъ становится языкомъ частнымъ, языкомъ не народа, но одного избраннаго общества (!), или языкомъ литературы современной» (стр. 14). Уже исключительность послѣднихъ словъ до нѣкоторой степени показываетъ, что Костырѣ смотрѣлъ на языкъ лишь какъ на литературный матеріалъ, не признавая его самостоятельнаго значенія. Это еще яснѣе видно при разборѣ филологическихъ изслѣдованій г. Каткова и Шишкова, корнесловію котораго онъ отдаетъ видимое преимущество предъ лингвистическимъ трудомъ перваго. На сравнительно-историческій методъ и приложеніе его къ русскому языку Костырѣ вообще смотрѣлъ какъ-то подозрительно, не желая хорошенько выникнуть въ сущность этого ученія; самую мысль о средствѣ индо-европейскихъ языковъ, въ то время уже приведенную въ надлежащіе предѣлы и ясность, онъ понималъ не иначе, какъ въ смыслѣ заимствованій, и даже позволялъ себѣ попрекнуть Бюруфовъ и Бопповъ этимъ лихимъ заимствованіемъ, остроумно сравнивъ его съ вѣрою въ метемпсихозисъ. Что Костырѣ былъ чуждъ правильному, современному воззрѣнію на языкъ, это доказываетъ и вторая половина его сочиненія, гдѣ разбирается вопросъ о происхожденіи языка и гдѣ геніальнымъ идемъ Вильгельма Гумбольдта ставятся на ряду съ понятіями философовъ XVIII столѣтія и приносятся въ жертву отвлеченной философіи автора. Вообще, трудъ Костыря замѣчательнъ только какъ рѣдкое, одиночное явленіе, неимѣющее никакой видимой наружной связи съ другими явленіями русскаго языковѣдѣнія, и съ этой точки зрѣнія объясняется и наша поминка объ немъ.

Переходимъ теперь къ тѣмъ трудамъ русскихъ ученыхъ, которые облегчили и сдѣлали возможнымъ появленіе «Опыта исторической грамматики русскаго языка».

Во всей многочисленной семьѣ языковъ и нарѣчій славянскихъ — церковно-славянскому языку безспорно принадлежитъ первое мѣсто. «Понимая его непосредственно по характеру, данному ему нашими предками, нельзя не почестъ его въ высшей степени достойнымъ вниманія, какъ начала духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя племена... Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена разрозненныя въ пространствахъ. Съ этой точки зрѣнія, можно утверждать, что какъ во всѣхъ народахъ, такъ и въ русскомъ не внѣшняя сила, не привычка, но внутренняя потребность заставляла племена, проникавшіяся недовѣдомымъ стремленіемъ къ просвѣщенію, удерживать въ письменности языкъ, котораго характеръ не подчинялся всѣмъ современнымъ измѣненіямъ. Въ исторіи нашего просвѣщенія не столько важенъ вопросъ о вліяніи церковно-славянскаго языка на рус-

скій, сколько обратно — вліяніе русскаго на церковно-славянскій. Это именно характеризуетъ значеніе его въ просвѣщеніи нашемъ. Внесенный вѣстѣ съ св книгами, онъ примѣнялся къ народному выговору, упрощивалъ свой составъ, но, не принимая въ себя ничего, что рознитъ русскія нарѣчія, усвоилъ то, что ихъ соединяетъ. Дѣйствительно, въ немъ есть много русскаго, но ничего малороссійскаго, ничего велико-русскаго, ничего бѣло-русскаго. Въ этомъ состоитъ его значеніе въ дѣломъ періодѣ образованія нашего до Петра-Великаго. Онъ былъ связью племень, нарѣчій, былъ символомъ единства Россіи» (*). Но съ нимъ роднятъ насъ не одни только историческія воспоминанія, для многихъ уже несуществующія: наука открыла другое родство, которое связываетъ насъ съ нимъ тѣснѣе и крѣпче первого и не подчиняется условіямъ пространства и времени. Церковно-славянскій языкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ счастливыхъ языковъ, которые дошли къ намъ въ полномъ цвѣтѣ своей жизни, когда порча, необходимая въ языкѣ каждаго народа, уже вступившаго на историческое поприще, не успѣла повредить всего организма. Поэтому-то онъ такъ дорогъ намъ! Десять вѣковъ тревожной исторической жизни положили свой неизгладимый отпечатокъ и на языкъ нашъ: съ обильною мыслью, убѣжденіемъ и формъ жизни мѣнялись и формы языка, но, конечно, не къ лучшему, потому-что, какъ мы уже имѣли случай показать, законъ историческаго прогресса, и самъ-по-себѣ не слишкомъ-то ясный, уже совершенно непримѣнимъ къ языку, и, посреди всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ улучшеній въ жизни, одинъ языкъ представляетъ видъ нестройныхъ остатковъ организма, неудѣлывшаго отъ жизненнаго крушенія. Путемъ изученія современнаго состоянія нашего языка мы не дойдемъ до полнаго его пониманія. Богатый и гибкій, но лишенный мѣстами первобытной свѣжести, онъ останется для насъ мѣткою, непонятною буквою до-тѣхъ-поръ, пока мы не обратимся къ его исторіи, къ тѣмъ измѣненіямъ, которымъ подвергался онъ въ-теченіе долгаго жизненнаго процесса, и въ нихъ не поищемъ объясненія неуступчивой современности. На первомъ шагу мы встрѣчаемся здѣсь съ языкомъ церковно-славянскимъ, этимъ *разъяснительнымъ* языкомъ, счастливо сохранившимъ въ себѣ первобытную простоту и свѣжесть. Рано возведенный до письменности, онъ хранитъ коренныя свойства славянскихъ языковъ, много потерпѣвшихъ подъ вліяніемъ мѣстности и историческихъ условій. Необыкновенная свобода этимологическихъ формъ: богатство звуковъ и флексій, эти внутреннія достоинства дѣлаютъ его — по словамъ П. Шафарика — предметомъ важнымъ для всякаго языковѣда, а для славянскаго *трижды* и *четырежды* важнымъ, и потому, въ настоящее время, по всей справедливости, считается онъ краугольнымъ

(*). В. Григоровича: «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка». Казань. 1852.

камень славянской лингвистики и филологии: къ нему естественнымъ историческимъ путемъ приходитъ каждый изслѣдователь славянскихъ нарѣчій, и славянское языкознаніе обязано ему всеми своими успѣхами: что было въ немъ темнаго, непонятнаго, оживилось и получило надлежащій смыслъ по сближенію съ этимъ языкомъ.

Два имени стоятъ въ главѣ его ученой обработки, и одно изъ нихъ принадлежитъ русскому. Съ-тѣхъ-поръ, какъ появилось разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ — а этому скоро исполнится срокъ лѣтъ — славянская наука далеко ушла впередъ; но мысли, въ немъ высказанныя, легли въ ея основу. Еще Добровскій, другой великій славянинъ нашего времени, собственнымъ примѣромъ показалъ, что приобретаетъ наука въ *Разсужденіи* Востокова. Онъ познакомился съ этимъ сочиненіемъ, когда его знаменитыя «*Institutiones linguae slavicae veteris dialecti*» только-что начались печатаніемъ. Важность наблюденій и выводовъ Востокова поразила его, и онъ тотчасъ хотѣлъ, прекративъ печатаніе, начать переработку труда по указаніямъ нашего славяниста. Только уступая просьбамъ друга своего Копитара, Добровскій рѣшился продолжать печатаніе (*). Какъ Добровскій, такъ и Востоковъ, въ своихъ изслѣдованіяхъ, держались преимущественно историческаго начала. Оно открывало имъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, но не могло предложить удовлетворительнаго объясненія его старинныхъ формъ. Отсюда немногія ошибки Добровскаго, которыхъ счастливо избѣжалъ Востоковъ. Иногда, впрочемъ, Добровскій обращался и къ сравнительному методу; но имъ не руководили законы строгой лингвистики, и, въ этомъ отношеніи, онъ еще послѣдователь старинной школы. Востоковъ осторожно миновалъ эту искусственную и въ то время еще неприготовленную почву: его сравнительныя сближенія, по болѣе части, отличаются вѣрностью и умѣренностью. Такъ носовые элементы (риннасы), природы которыхъ не могъ понять Добровскій, объяснены имъ сближеніемъ съ польскимъ языкомъ, гдѣ они до-сихъ-поръ имѣютъ свою силу (**). Открытія Востокова на первый взглядъ могутъ показаться незначительными; но кто знаетъ, какъ важны въ лингвистикѣ правильныя понятія о звукахъ, какъ, минуя эту основу, нельзя понять никакихъ законовъ языка, тотъ пойметъ, что правильное объясненіе носовыхъ элементовъ было открытіе, значеніе котораго далеко за предѣлами видимаго современными языковѣдами горизонта. Сверхъ этой главной заслуги «*Разсужденія*» Востокова, мы встречаемъ въ немъ

(*) Отчеты Акад. Наукъ, по 2-му отдѣленію. Спб. 1852. р. 297.

(**) Справедливость требуетъ, однако, сказать, что многія сравнительныя сближенія, высказанныя Востоковымъ въ образцовыхъ *грамматическихкихъ объясненіяхъ* Фрейзингенскихъ памятниконъ, обличаютъ въ немъ изслѣдователя съ глубокимъ и тонкимъ лингвистическимъ тактомъ.

много других здравых мыслей о переходѣ гортанныхъ въ шипящія и свистящія, о звукахъ полугласныхъ, объ особенностяхъ склоненія прилагательныхъ простыхъ и сложныхъ, о неупотребленіи дтепріачастія, и т. д.

Опредѣливъ древнѣйшія свойства церковно-славянскаго языка, Востоковъ тѣмъ самымъ указалъ на мѣсто его и значеніе въ кругу другихъ славянскихъ нарѣчій, а это, въ свою очередь, навело на многіе важные историко-литературные вопросы, безъ рѣшенія которыхъ были невозможны дальнѣйшіе усилія славянскаго языкованія; таковы: о нарѣчій, на которое сдѣланъ былъ первоначальный переводъ священныхъ книгъ, о древнѣйшихъ рукописяхъ славянской письменности, объ ихъ izvодахъ или редакціяхъ и вліяніи, какому подвергался церковно-славянскій языкъ въ Россіи, Сербіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Дальнѣйшіе грамматическіе труды Востокова не имѣли уже того высокаго интереса и значенія для науки, какъ его «Разсужденіе». Они не развивали, а только доказывали его прежнія мысли и служили имъ подтвержденіемъ; таковы его *грамматическія правила*, извлеченныя изъ «Остромирова Евангелія», которыя, при отсутствіи строгой грамматической системы, представляютъ довольно-полное собраніе фактовъ языка древнѣйшаго памятника церковно-славянской письменности, значительно облегчающее его изученіе и особенно-полезное при ученыхъ сивривкахъ.

Ученыя заслуги Востокова давно признаны и оцѣнены всѣми. Но едва ли кто замѣтилъ, или, по-крайней-мѣрѣ, высказалъ одно достоинство его, рѣдкое въ наше время, когда въ науку такъ часто вносятся интересы личнаго или племеннаго эгоизма. Мы говоримъ о той примѣрной добросовѣстности, которая, свидѣтельствуя его возвышенный взглядъ на науку и чистыя отношенія къ ней, дѣлаетъ для насъ имя Востокова *авторитетомъ* въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы не знаемъ ни одного факта, какъ бы ни былъ онъ мелочень, неправильно переданнаго, или вымышленнаго имъ!

Есть что-то высокое въ этомъ неподкупномъ чувствѣ правды и уваженія къ истинѣ! Въ этомъ отношеніи, какая противоположность между нашимъ славнистомъ и другими филологами — Копитаромъ и его ученикомъ, Миклошичемъ, приходская народность и вѣроисповѣдное чувство которыхъ довело ихъ до такихъ недобросовѣстныхъ искаженій истины! Не ходя далеко за примѣрами, мы укажемъ на послѣдній трудъ Востокова — «Церковно-славянскій словарь», котораго первый томъ уже появился въ свѣтъ. Миклошичъ, вѣрній своему мнѣнію о тождествѣ двухъ полугласныхъ звуковъ Ъ и Ь, отступилъ отъ историческихъ фактовъ и, въ угоду своему мнѣнію, въ *Lexicon linguae Slovenicae* переначилъ правописаніе всѣхъ словъ съ полугласными элементами; а о Копитарѣ и говорить нечего: онъ доходилъ иногда до возмутительной недобросовѣстности и рѣшительно выдумывалъ факты для подтвержденія своего католическаго гаданія *de pannonietate sacrae*

linguae Slovenicae (*). Этого мы не встрѣтимъ въ Востоковѣ: его словарь, конечно, не можетъ еще отличаться полнотою, но никто не упрекнетъ его невѣрностью, или недобросовѣтностью. Словарь составляется по древнѣйшимъ рукописамъ и старопечатнымъ книгамъ: смыслъ словъ определяется сличеніемъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ различныхъ сочиненій, а въ переводахъ — сопоставленіемъ словъ подлинника.

Мы потому распространились о заслугахъ Востокова, что его грамматическія сочиненія, можно сказать, создали славянскую филологію. Въ нашемъ отечествѣ они, однако, не произвели того вліанія, какое имѣли у западныхъ славянъ. Церковно-славянская грамматика у насъ еще очень-недавно оставила мудрыя правила Ѳедора Поликарпова, а собственно русская грамматика, можно сказать положительно, только въ «Опытѣ» г. Буслаява воспользовалась въ первый разъ какъ слѣдуетъ церковно-славянскимъ языкомъ и открытіями Востокова.

Развитіе сравнительно-историческаго языковѣдѣнія подняло и возвысило изученіе языка церковно-славянскаго: онъ сдѣлался исходнымъ пунктомъ сравнительной грамматики славянскихъ нарѣчій, посредствующимъ терминомъ, связывающимъ судьбы ихъ съ судьбами языковъ всего индо-европейскаго племени. Мы упоминали выше о трудахъ Шафарика, Шлейхера и Миклошича: совокупными усиліями ихъ этимологія, можно сказать, почти окончена; но за синтаксисъ еще никто и не принимался. Намъ кажется, что ближайшимъ образомъ эта обязанность лежитъ на насъ, русскихъ: ни одна славянская земля не обладаетъ такимъ сокровищемъ памятниковъ древняго церковно-славянскаго языка, какъ наше отечество, и намъ слѣдовало бы отвѣчать на потребности современной науки въ сравнительномъ славянскомъ языковѣдѣніи. Къ-сожалѣнію, наши отвѣты на это были до-сихъ-поръ какъ-то глухи и уклончивы: мы можемъ указать на нѣсколько имѣть, съ успѣхомъ занимавшихся разработкою нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, но никто до-сихъ-поръ не принимался за постройку цѣлаго зданія, такъ-что г. Буслаяву первому принадлежитъ честь созданія русскаго и церковно-славянскаго синтаксиса. Объ этомъ мы скажемъ подробно въ третьей статьѣ, которая будетъ специально посвящена новому труду г. Буслаява.

Немного русскихъ трудовъ—и еще менѣе имень—мы можемъ указать, послѣ Востокова, въ ученой обработкѣ церковнаго языка. Самые владѣтели драгоценныхъ рукописей, до-сихъ-поръ какъ-то не въ-мѣру скупы на изданіе ихъ, а если и рѣшаются на такой подвигъ, то дѣлаютъ это такимъ образомъ, что изданіе памятника выходитъ нигуда и никому непригоднымъ; только просвѣщенная дѣятельность професс. Бодянскаго составляетъ въ этомъ случаѣ рѣзкое исключеніе; его живому,

(*) См. превосходную характеристику Копитара, какъ писателя, въ сочиненіи г. Бодянскаго «О времени происхожденія славянскихъ письменъ». 1855. 213 и LXXIII—IV стр.

современному повиновенію потребностей науки мы обязаны образцовыми изданіями памятниковъ древней письменности и меткими объясненіями ихъ грамматическаго состава. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи можно еще упомянуть только о гг. Срезневскомъ и Григоровичѣ, которые своими, хотя очень-небогатыми, замѣтками много способствовали опредѣленію свойствъ древнѣйшаго славянскаго языка. Вопросъ о народности церковно-славянскаго языка до-сихъ-порѣ еще не приведенъ къ окончательному рѣшенію: обыкновенно считаютъ этотъ языкъ древне-болгарскимъ и въ этомъ случаѣ ссылаются на такіе авторитеты, какъ Востоковъ и Шафарикъ. Но мнѣніе Востокова ограничиваетъ такое опредѣленіе. Принимая, что старославянское нарѣчіе было употребляемо въ древне-болгарской письменности, Востоковъ не думаетъ, впрочемъ, изъ этого выводить заключенія о тождествѣ старославянскаго нарѣчія съ древнимъ болгарскимъ народнымъ. Древнимъ болгарскимъ онъ называлъ его иногда только потому, что всѣхъ славянъ задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ сербовъ, и онъ съ другими привыкъ называть болгарами. Извѣстъ съ тѣмъ онъ не сомнѣвается, что родина старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ (какъ думалъ и Добровскій); собственно-болгарское нарѣчіе могло издревле отличатся отъ него очень-важными признаками. Шафарикова послѣдняя гипотеза о глаголицѣ уже извѣстна. Пусть она будетъ еще не доказана, но во всякомъ случаѣ никто не откажетъ ей въ серьезности содержанія и во всѣхъ условіяхъ, необходимыхъ для правдоподобія; а при этомъ и положеніе о древнѣйшемъ языкѣ богослуженныхъ книгъ должно нѣсколько понамѣниться. Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что рѣшать такой важный вопросъ наобумъ не приходится, и съ этой точки зрѣнія мы не можемъ не сочувствовать мнѣнію г. Биларскаго, который требуетъ положительно-историческаго анализа памятниковъ средне-болгарской письменности, полагая, что только этимъ путемъ можно придти къ прочному рѣшенію вопроса о народности языка богослуженныхъ книгъ и избѣжать той шагкости въ сужденіяхъ, какую страдаютъ почти всѣ мнѣнія по этому предмету (*). Другой вопросъ объ отношеніяхъ этого языка къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ, который, въ свое время, такъ живо интересовалъ нашихъ филологовъ, кажется, уже принялъ окончательное рѣшеніе въ «Начаткахъ русской филологіи» г. Максимовича, тогда-какъ другой, гораздо-болѣе важный вопросъ объ измѣненіяхъ, какимъ подвергся церковно-славянскій языкъ дома и на чужбинѣ—вопросъ, приступъ къ которому съ такимъ блестящимъ талантомъ былъ сдѣланъ еще Прейсомъ, до-сихъ-порѣ

(*) «Ученыя записки» 2-го отд. акад. наукъ, т. 2, II ч., стр. 19. Sa-farik—über d. Ursprung und die heimath des Glagolismus. P. 1858. Стр. 30 — 32. Биларскій «О средне-болгар. вокализмѣ». Сиб. 1858. Стр. 10 — 19.

встрѣтилъ только одинъ отголосокъ въ почтенныхъ трудахъ г. Билярскаго о средне-болгарскомъ вокализмѣ и реймскомъ евангеліи. Короче сказать, славянское языкованіе еще не получило у насъ права гражданства и остается досужимъ занятіемъ очень-немногихъ людей, заслуживающихъ добраго слова тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе равнодушіе окружающей среды къ подобнымъ занятіямъ и чѣмъ менше можно разсчитывать на поддержку и ободреніе.

Недалеко ушло и ученое изслѣдованіе собственно-русскаго языка! Не говоря уже о томъ, что изученіе русскаго народнаго языка, такъ-сказать, находится еще въ пеленкахъ, что, кромѣ двухъ томовъ «Областнаго словаря» да нѣсколькихъ замѣтокъ гг. Дала и Буслева, мы только и имѣемъ по этому предмету, что одно *объясненіе* г. Срезневскаго написать цѣлое сочиненіе *о нарѣчіяхъ русскаго языка* («Мысли», стр. 210), самый манеръ ученыхъ изслѣдованій до-сихъ-поръ какъ-то не установился, и къ нему въ полной мѣрѣ можетъ быть отнесенъ тотъ энергическій упрекъ, какой въ послѣднее время былъ сдѣланъ г. Билярскимъ всей современной наукѣ славянскаго языкованія, именно—въ недостаткѣ положительнаго историческаго направленія (*). Какъ поздно у насъ принялись начала сравнительно-историческаго изученія русскаго языка, это лучше всего видно на судьбѣ *Филологическихъ изслѣдованій надъ составомъ русскаго языка*, протоіерея Павскаго. Они были встрѣчены самымъ горячимъ сочувствіемъ, переходящимъ въ изумленіе, и только съ теченіемъ времени, аѣтъ десять сутокъ по выходѣ первыхъ выпусковъ, сдѣлалось яснымъ ихъ настоящее достоинство. Отъ новой науки пр. Павскій занимствовалъ только наружную сторону, заключающуюся въ сравнительномъ элементѣ; но, не желая поступиться началами старинной филологической грамматки, онъ, противъ воли, впалъ въ сферу тѣхъ произвольныхъ сближеній, которыя основаны на случайномъ созвучіи, и во всемъ видитъ или заимствованіе, или вліяніе одного языка на другой. Такого рода сближенія, можетъ-быть, немало способствовали увеличенію объема книги, но на дѣлѣ едва-ли могли содѣйствовать успѣхамъ науки и ничѣмъ не разнились отъ корнесловія адмирала Шишкова, кромѣ-того, что послѣднее было своевременнѣе. Историческій элементъ является такою же случайностью въ «Филологическихъ наблюденіяхъ», какъ и сравнительный: признавая принципъ сравнительно-историческаго изученія, пр. Павскій не воспользовался какъ должно его результатами и въ большей части грамматическихъ объясненій не оставался вѣрнѣ этому методу; отсюда у него постоянное смѣшеніе древнѣйшихъ формъ съ позднѣйшими и смѣлые выводы, противорѣчащіе историческимъ дан-

(*) Билярскій «О средне-болгарскомъ вокализмѣ», стр. 9—20 новаго (58) изданія. Дальнѣйшія объясненія *положительно-историческаго метода* въ языкованіи см. въ крит. статьѣ А. А. Куника («Спб. Вѣд.» 1847 г., №№ 213, 214) по поводу сочиненія г. Билярскаго.

ныиъ. Вообще «Филологическія наблюденія» Павскаго, какъ справедливо было замѣчено однимъ изъ его критиковъ, объясняются переходнымъ состояніемъ отъ теорій Шишкова и другихъ къ ясному взгляду на языкъ, основанному Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, Боппомъ, Гриммомъ. Оттого они остались одинокимъ явленіемъ въ наукѣ: практическая грамматика была уже закончена и заключала въ себѣ почти тѣ же самыя положенія и ту же систему, для которой пр. Павскій создалъ такой ученый пьедесталъ, а начатки сравнительно-историческаго изученія не могли помириться съ его «наблюденіями» потому, что въ нихъ видѣли тотъ мертвый взглядъ на языкъ и тотъ устарѣлый методъ, отъ котораго наука только-что освободилась*).

Сравнительно-историческое изученіе русскаго языка появилось у насъ не далѣе, какъ за пятнадцать лѣтъ предъ симъ, и первые труды въ этомъ направленіи давали поводъ надѣяться на будущіе блестящіе успѣхи новой науки. Это были: «О преподаваніи отечественнаго языка», г. Буслаева, 1844 г., и «Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка», г. Каткова, 1845 года. Последнее сочиненіе до-сихъ-поръ остается лучшимъ ученнымъ анализомъ звуковъ и формъ русскаго языка, особенно, если поставить его рядомъ съ сочиненіемъ пр. Павскаго. Цѣлью автора было уясненіе того пути, какимъ обособлялся русскій языкъ въ ту эпоху, когда онъ самъ впервые произнесъ себя. Основательно-знакомый съ трудами Боппа и Гримма, авторъ приложилъ ихъ методъ къ разбору элементовъ и флексій отечественнаго языка и чрезвычайно-удачно объяснилъ много темныхъ и спорныхъ пунктовъ въ организмѣ языка. Такъ, напримѣръ, значеніе полугласныхъ элементовъ ѣ и ѣ, для объясненія которыхъ Павскій изобрѣлъ хитрую теорію придыханій, у г. Каткова получаетъ надлежащій смыслъ чрезъ сравненіе съ соответствующими элементами родственныхъ языковъ. Причина разнорѣчій въ фонетикѣ славянскаго языка очень-легко объяснена смягченіемъ согласныхъ и неравномернымъ ослабленіемъ вокализма, опредѣ-

---

(*) Произнося такое сужденіе, мы имѣемъ въ виду общее направленіе сочиненія пр. Павскаго. Отрицать нѣкоторыя его достоинства было бы странно и недобросовѣстно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли можно согласиться съ г. Бодянскимъ, когда онъ говоритъ, что «ни одинъ изъ прешпрившихся съ Павскимъ не выросъ ни на волосъ выше оспариваемаго ни въ чемъ» («О вр. происх. слав. письм.», 303). Если г. Бодянский разумѣлъ здѣсь такихъ критиковъ, каковы были гг. Иванъ Давыдовъ, Ст. Лебедевъ, Костыръ и даже Надеждинъ, то, его слова, конечно, имѣютъ значеніе непреложной истины, но не забудемъ, что книга прот. Павскаго нашла такихъ цѣнителей, каковы Бѣтлинскій и Буслаевъ. Положимъ, что первому недостаетъ знанія славянскихъ нарѣчій, а последнему — языковъ семитическихкихъ; но развѣ современная наука хлопочетъ только о массѣ лингвистическаго матеріала, а не о живомъ взглядѣ на языкъ, какъ на творческое произведеніе человѣческаго духа?...

лена граница физиологическаго и историческаго начала звуковъ; а равнымъ образомъ и въ объясненіи существительныхъ и глагольныхъ флексій сочиненіе г. Каткова представляетъ очень—много важнаго и — по тому времени — совершенно—новаго. Какъ мало наша наука въ то время еще понимала законность и необходимость сравнительно-историческаго метода, видно изъ того, что въ самыхъ стѣнахъ московскаго университета, съ профессорской кафедрой, раздавался упрекъ г. Каткову въ томъ, что онъ «слишкомъ держится бопповой системы и, чтобъ дойти до нашего слова, заставляетъ его долго странствовать чрезъ всѣ языки индо-европейской отрасли до-тѣхъ—поръ, пока оно не явится въ нашемъ»; другими словами, этимъ обнаруживалось крайнее непониманіе сравнительно-историческаго метода, и сочиненіе г. Каткова—какъ бы ни были велики его достоинства — не могло убѣдять такихъ людей, тѣмъ болѣе, что оно было писано на степень магистра русской словесности. Несмотря на то, что въ настоящее время наука, съ увеличеніемъ матеріала, далеко ушла впередъ, трудъ г. Каткова, основанный на положительномъ сравнительно-историческомъ методѣ, надолго еще останется сочиненіемъ, необходимымъ каждому изучающему организмъ русскаго языка.

Собственно-историческое изслѣдованіе русскаго языка, начатое еще г. Буслаевымъ (во 2-й части сочиненія о преподаваніи отечественнаго языка), твердою ногою выступаетъ только въ текущее десятилѣтіе, въ небольшомъ трудѣ профес. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка», 1850 г., и сочиненіи г. Лавровскаго: «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», 1852 г. Въ эпоху, когда нѣтъ еще никакого ученаго анализа всего организма русскаго языка, было бы слишкомъ смѣло приниматься за составленіе его исторіи, и потому сочиненіе г. Срезневскаго—не столько мысли объ исторіи русскаго языка, сколько полезное собраніе фактовъ, относящихся къ *формальному* измѣненію его строя. Какъ понимаетъ современная наука исторію языка, это видно изъ труда Якова Гримма, большая половина котораго посвящена жизни народа, выражающейся въ языкѣ, его древнѣйшей исторіи, нравахъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ. Отважиться на такую постройку относительно русскаго языка еще слишкомъ-несвоевременно, и, понимая это, г. Срезневскій собраніемъ и объясненіемъ нѣкоторыхъ фактовъ, касающихся преимущественно формальнаго измѣненія русскаго языка, только слегка нахѣтилъ общія положенія изъ исторіи языка. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи книга г. Срезневскаго принесла огромную пользу и много содѣйствовала утвержденію въ публикѣ здравыхъ понятій объ организмѣ языка и его развитіи, чего дотогѣ не хотѣли знать люди, усѣвшіе вкусить сладости отъ практической грамматики г. Греча и общесравнительной синонимики г. Ивана Давыдова. Относительно самой исторіи русскаго языка сочиненіе г. Срезневскаго предлагаетъ только общія замѣчанія о его строѣ въ то время, когда онъ уже отдѣ-

лся от других славянских нарѣчій и сталъ языкомъ самостоятельнымъ. Первобытнаго періода онъ не касается потому, можетъ-быть, что это потребовало бы такихъ обширныхъ предварительныхъ занятій и знаній, какими не можетъ еще располагать русскій ученый. Главныя мысли, выведенныя г. Срезневскимъ изъ тщательнаго изслѣдованія историческихъ изысканій строя русскаго языка, слѣдующія: древній народный русскій языкъ отличался отъ древняго церковно-славянскаго очень-немногими особенностями въ употребленіи звуковъ и грамматическихъ формъ. Къ такимъ особенностямъ авторъ относитъ отсутствіе носовыхъ гласныхъ, особое произношеніе глухихъ гласныхъ звуковъ ѣ и ѣ въ соединеніи съ согласными, употребленіе мѣстоименныхъ формъ въ склоненіи прилагательныхъ и причастій неопредѣленныхъ, и мн. др. За поворотную точку въ измѣненіи строя какъ русскаго языка, такъ и нѣкоторыхъ западныхъ нарѣчій авторъ признаетъ XIV вѣкъ. Это время, XIII—XIV, по его мнѣнію, было въ временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій, великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльныхъ. «Книжный языкъ отличался отъ народнаго, безъ-сомнѣнія, всегда, но въ X—XIV в. отличія одного отъ другаго у насъ заключались болѣе въ привычкахъ слога, чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Отъ близости строя русскаго народнаго языка съ языкомъ книгъ церковно-славянскихъ, къ начъ занесенныхъ, завистію то, что, сколько ни мѣшался одинъ съ другимъ въ произведеніяхъ нашей письменности элементы старославянскій книжный и русскій народный, языкъ этихъ произведеній сохранялъ правильную стройность всегда, когда вмѣстѣ съ элементами старославянскимъ не проникалъ въ него насильственный элементъ греческій, византійскіе оборотъ: рѣчи, византійскій слогъ, и когда притомъ писавшій имъ былъ не чужестранецъ, неумѣвшій выражаться правильно пославянски. Прочное начало образованію книжнаго русскаго языка, отдѣльнаго отъ языка, которымъ говорилъ народъ, положено въ XIII—XIV вѣкѣ. тогда же, какъ народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамматъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдѣлился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять» (*).

Быть-можетъ, многіе изъ этихъ выводовъ уже слишкомъ-рѣшительны и требуютъ нѣкоторыхъ ограниченій, но для насъ очень-важны тѣ основы, стоя на которыхъ, авторъ позволилъ себѣ сдѣлать такія заключенія: не только историческіе памятники церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, но и сравнительное изученіе славянскихъ на-

(*) «Извѣстія академіи наукъ», т. 5. См. предисловіе г. Срезневскаго къ «Запискѣ о русскомъ языкѣ» г. Погодина, стр. 65—70.

рѣчій и народный языкъ въ областныхъ видоизмѣненіяхъ входятъ въ его сочиненія какъ необходимыя части и даютъ ему положительное значеніе въ нашей наукѣ. Съ этой стороны «Мысли объ исторіи русскаго языка»—явленіе безупречное, и, какъ бы ни пошла далеко впередъ наука, за ними останется честь немалого вліянія на утвержденіе въ нашемъ отечествѣ животворныхъ началъ сравнительно-историческаго метода въ изученіи роднаго языка.

Трудъ г. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» построенъ на планѣ, и можно сказать, на мысли, выраженной въ «Мысляхъ объ исторіи русскаго языка», а потому въ немъ должно отличать двѣ стороны: фактическую и общіе выводы.

Въ фактическомъ отношеніи, сочиненіе г. Лавровскаго заслуживаетъ полнаго вниманія и совершенно достигало бы своей цѣли, если бы не было основано на источникахъ, *филологическая достоверность* которыхъ можетъ подлежать сильнымъ сомнѣніямъ. Таковы: «Собраніе государственныхъ грамматъ и договоровъ», «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Историческіе и юридическіе акты» и мн. др. Эти изданія принадлежатъ тому времени, когда не дорожили буквой подлинника для отысканія историческаго смысла; отсюда и выходило, что многія формы языка получали, при такомъ искусномъ толкованіи, совершенно иной видъ, чѣмъ они имѣли встарину. Однимъ словомъ, незнакомство съ филологическимъ приѣмомъ вело издателей къ искаженію первоначальнаго текста, а потому и лингвистъ имѣетъ полное право не довѣрять точности печатнаго текста нашихъ древнѣйшихъ памятниковъ языка. Чтобы быть убѣждену въ полной законности подобнаго скептицизма, достаточно развернуть первый попавшійся томъ «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей»: нетолько замѣтна однихъ элементовъ другими (гражданское я вездѣ замѣняетъ церковно-славянскія ю и юсы; ѡ и ѡ перемѣшаны нетолько между собою, но и съ буквами е и о), несоблюденіе звуковыхъ значковъ, но и самое искаженіе формъ можно найти въ такомъ изобиліи, что невозможность опровергнуть прочныя филологическіе выводы на такомъ зыбкомъ фундаментѣ сдѣлается ясна сама собою. Сверхъ этого, должно замѣтить, что изданіе памятниковъ по сводному методу, вмѣсто изданія отдѣльныхъ древнѣйшихъ списковъ, какъ бы ни были велики и значительны его достоинства въ историческомъ отношеніи, дѣлаетъ памятникъ рѣшительно-негоднымъ къ филологическому употребленію.

Принявъ въ расчетъ эти обстоятельства, мы поймемъ надлежащій смыслъ и значеніе сочиненія г. Лавровскаго. Что же касается его общихъ выводовъ, то они почти повторяютъ положенія, высказанныя въ сочиненіи г. Срезневскаго, изъ которыхъ многія, при ближайшемъ знакомствѣ съ памятниками, уже оказываются несостоятельными; такъ: о XIV вѣкѣ, какъ эпохѣ переходной въ измѣненіяхъ формъ рус-

скаго языка, о несуществованіи до того времени малороссійскаго элемента въ языкѣ...

Это послѣднее мнѣніе вызвало одно очень-замѣчательное явленіе, ярко-обрисовывающее степень нашего уваженія къ наукѣ и благодѣтвіе нашихъ лингвистическихъ познаній. Мы говоримъ о новороссійской системѣ г. Погодина, выраженной въ его запискѣ о древнемъ русскомъ языкѣ (*).

Въ запискѣ г. Погодина должно различать двѣ половины: филологическую и историческую; послѣдняя построена на основаніи предъидущихъ филологическихъ соображеній и тѣсно связана съ ними, какъ слѣдствіе съ своею причиною. Это, если не ошибаемся, опытъ приложенія языкознанія къ исторической наукѣ, но опытъ оригинальный, непохожій на подобныя попытки современныхъ западныхъ языковѣдовъ. Дѣло произошло такъ. Перечитывая извѣстное сочиненіе г. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка», г. Погодинъ, къ удивленію своему, нашелъ одно новое положеніе, которое, по собственному его выраженію, совершенно его *взволновало*. Оно касалось одного важнаго пункта въ современной наукѣ, именно народнаго элемента въ языкѣ русскихъ (южныхъ) лѣтописей, который, по мнѣнію г. Срезневскаго и его послѣдователя, г. Лавровскаго, до XIV вѣка ничѣмъ не отличался отъ письменнаго и не показывалъ себя никакими своими особенностями. Ближайшимъ слѣдствіемъ такого мнѣнія было заключеніе объ отсутствіи малороссійскаго элемента въ языкѣ лѣтописей и его позднѣйшемъ (съ XIV вѣка) происхожденіи. Эта-то послѣдняя мысль и причинила волненіе г. Погодину. *Не зная* (**) малороссійскаго языка, онъ еще прежде удивлялся отсутствію малороссійскаго элемента въ Несторѣ и Кіевской Лѣтописи, и теперь, встрѣтившись съ подобнымъ мнѣніемъ знатока, пошелъ путемъ различныхъ *наведеній*, скользя, такъ-сказать, по поверхности предмета, и, такимъ-образомъ, переходя отъ *наведенія* къ *наведенію*, логическимъ путемъ завелъ цѣлую филологическую систему и на ней выстроилъ цѣлое историческое знаніе. «Употребляя чужой языкъ (говоритъ онъ), нельзя по лѣстамъ скрыть вовсе свой: малороссійнинъ долженъ проговариваться подчасъ по-малороссійски, сербъ — по-сербски, и т. д. Еслибы Несторъ и продолжатели, кіевскіе лѣтописатели, были малороссіине, то какинъ бы образомъ могло случиться, чтобы они не дали нигдѣ примѣтить своего малороссійскаго происхожденія, не употребили малороссійскаго оборота, не вставили иной поговорки или удержались отъ междошета? А, между-тѣмъ, въ лѣтописи безпрестанно встрѣчаются слова и

(*) «Извѣстія импер. акад. наукъ по 2-му отдѣленію», т. V, вып. 2.

(**) Считаемо нужнымъ оговориться, что, докладывая нашимъ читателямъ о г. Погодинѣ и его системѣ, мы почти вездѣ сохраняемъ его собственныя, подлинныя выраженія.

обороты точно такъ же и нецерковныя, какъ малороссійскіе, которые, слѣдовательно, и должно счесть признаками племени лѣтописателей, а съ ними и обитателей.» Такое заключеніе г. Погодина подтвердилъ и примѣрами, выписанными изъ лѣтописей, которые, конечно, при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла, оказались чистѣйшими оборотами южно-русскаго языка. На вопросъ г. Максимовича: какимъ-образомъ онъ, не зная малороссійскаго языка, положилъ его въ основаніе своей новой системы и рѣшился даже отрицать присутствіе его въ русскіхъ лѣтописяхъ, г. Погодинъ отвѣчалъ, что въ этомъ *незнаніи* заключается все его *основаніе*. Имѣя подобное основаніе, мнѣніе г. Погодина могло бы быть оставлено, какъ непринадлежащее наукѣ; но, въ настоящемъ случаѣ, оно является дальнѣйшимъ развитіемъ подобнаго же мнѣнія г. Срезневскаго, чловѣка свѣдущаго и хорошо-знакомаго съ языкомъ южно-русскимъ— вотъ почему, намъ кажется, дѣло надлежало бы подвергнуть основательному изслѣдованію. Приступъ къ этому сдѣланъ еще г. Максимовичемъ, который, отчетливо опровергая каждый пунктъ системы г. Погодина, тѣмъ самымъ показалъ неосновательность и мнѣнія г. Срезневскаго. Но наука, безъ-сомнѣнія, не должна останавливаться на этихъ отрывочныхъ мысляхъ и летучихъ замѣчаніяхъ, направленныхъ единственно противъ неосновательнаго мнѣнія г. Погодина: вопросъ возбужденъ, и можно надѣяться, что г. Максимовичъ, или кто другой, *знающій* малороссійскую рѣчь, для пользы науки, приметъ на себя обстоятельный трудъ разъясненія вопроса о народномъ элементѣ въ языкѣ южно-русскихъ лѣтописей и всей русскаго литературы до XIV вѣка. По-крайней-мѣрѣ, присутствіе малороссійскаго народнаго элемента въ языкѣ Нестора (на сколько этотъ послѣдній можетъ быть доступенъ намъ изъ испорченныхъ древнѣйшихъ списковъ) и Кіевской Лѣтописи, для насъ есть фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію. Этому не противорѣчитъ то, что онъ имѣлъ много общаго съ великороссійскимъ: онъ и теперь еще не утратилъ этого свойства; но сколько между ними отличій въ звукахъ, въ размѣненіяхъ словъ, въ словосочиненіи, отличій, которыхъ вовсе не замѣтилъ г. Погодинъ, не ступившійся отъ своей системы и оправдывающій ее голосомъ *историческаго отчаянія*, за неизмѣненіемъ другихъ, болѣе-сильныхъ основаній!

Но это еще не все. Если мнѣніе г. Срезневскаго, такъ неловко и некстати возведенное въ парадную историко-филологическую систему, повело къ совершенному пренебреженію историческими фактами, то дальнѣйшее движеніе той же мысли было еще поразительнѣе: оно отодвинуло г. Погодина назадъ, на цѣлыя два столѣтія, въ старую до-петровскую Русь, еще незаренную свѣточемъ науки. Упустивъ изъ виду извѣстный историческій фактъ, что почти всѣ лѣтописи Западной Европы писаны на чужомъ языкѣ, г. Погодинъ отказалъ въ этой способнсти нашимъ лѣтописцамъ, говоря, что они не могли иначе писать, какъ на своемъ языкѣ, и писали не съ голоса, а по натурѣ, что языкъ лѣтопис-

сей, вѣсть и языкъ церковный . былъ языкомъ живымъ , а говорили нѣ великороссіане ! Такое мнѣніе не ново : г. Максимовичъ тогда же указывалъ на велемудраго адмирала Шишкова, который, по его словамъ, въ своихъ страствѣяхъ по старословесному морю, наплылъ на утвержде- ніе, что нарѣчіе русское не есть нарѣчіе славянскаго языка, а тотъ же самый языкъ, неизмѣннѣйшій нималѣйшаго съ нимъ различія. Мы на- ходимъ то же самое мнѣніе у нашихъ хронистовъ конца XVI и XVII вѣковъ, когда, одержимые патріотическимъ храпомъ, они производили Мо- скву отъ Мосоха, Рюрика и царя Ивана Васильевича отъ Августа Цезаря, славянской языкъ отъ русскаго, и т. д. Гаданіе г. Погодина принадле- житъ къ этому же разряду, хотя *выведено другими средствами и обращено совершенно къ другой цѣли*. Конечно, еслибъ почтенный переводчикъ грамматики Добровскаго былъ хотя немного знакомъ съ ре- зультатами современной славянской лингвистики, онъ не рѣшился бы по- строить свою систему, основываясь на одномъ чутьѣ и не руководясь ничѣмъ, кромѣ *незнанія*; но *одна удача ободряла другую*, и вотъ мы видимъ русскихъ, разсѣянныхъ, прехотью историка, по всему прост- ранству современной Турціи, Греціи и *далѣе на Востокъ и на За- падъ*, видимъ цѣлое мысленное древо, представляющее, по словамъ его творца, *то вѣрное положеніе, которое, однако, подтвердить нельзя!*

Мы остановились на мнѣніяхъ г. Погодина съ такою подробностью платого, чтобы показать, *какія ученые мнѣнія еще возможны у насъ*, и еще требуютъ *серьезныхъ* опроверженій, и еще производятъ *серьез- ные споры!!!*

Остановимся вѣдь и бросимъ еще разъ взглядъ назадъ.

Въ развитіи нашего языкознанія мы не замѣтимъ той послѣдователь- ности, какую видимъ, напримѣръ, въ вѣщенской наукѣ: здѣсь мы не встрѣтимъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго труда по языкозна- нію, гдѣ бы до-сихъ-поръ, хотя ненарокомъ, уцѣлѣли преданія гот- тешевой школы; дружно, рука-объ-руку идетъ наука съ жизнью, вза- имно помогая другъ другу, и оттого такое уваженіе къ ней и живое участіе общества въ судьбахъ ея, свидѣтельствующее о зрѣлости обще- ственной мысли и самой науки. У насъ не то. Мы еще не можемъ управиться съ самыми простыми, обиходными вопросами: рядомъ съ положительнo-историческою разработкою предмета идетъ *такъ-назы- ваемое житеое непосредственное знаніе языка*, съ легкомысліемъ ребенка рѣшающее самыя трудныя вопросы языкознанія. Дѣльное стрем- леніе къ самостоятельной разработкѣ предмета здѣсь не уравновѣшивается знаніемъ исторіи языка и современнаго состоянія науки; потому, при первомъ шагѣ, это живое знаніе отступаетъ и вдается въ постройку от- меченныхъ системъ, которыя едва ли не столѣтіемъ запоздали въ своемъ появленіи. Думая помимо вѣковыхъ работъ человѣчества продо- лжить новый путь, *живое знаніе* противъ воли сбивается на дѣрзую, о-

которой можно сказать: была — и быльешъ поросла. Эта русификація старинныхъ французскихъ и немецкихъ теорій недавно выразилась въ небольшомъ сочиненіи г. Аксакова «О русскихъ глаголахъ». Ни посвященіе г. Хомякову, ни возвышенное стремленіе къ грамматической національности не спасли автора отъ соблазна и, желая быть слишкомъ-русскимъ, онъ, самъ того не замѣчая, попалъ въ заповѣдныя роши французскаго стариннаго кодекса...

Если въ трудахъ лучшихъ нашихъ языковѣдовъ видѣнъ тотъ животворный взглядъ на языкъ, представителями котораго считаютъ Бонна, Гримма, Потта, Шлейхера и др., то большинство продолжаетъ преобладать отсталыми идеями школы грамматистовъ-схоластиковъ и, что еще хуже, съ явнымъ недоверіемъ и предубѣжденіемъ смотритъ на успѣхи сравнительно-историческаго изученія. Старинная практическая грамматика, принесшая въ свое время известную долю пользы, не хочетъ отказаться отъ прежняго значенія и, не отвѣщая на борьбу съ послѣдователями новой лингвистики, выступаетъ претивъ новыхъ противниковъ своихъ, такихъ же отсталыхъ ревнителей давно-брошенныхъ теорій, какова, напримѣръ, общесравнительная теорія языка; послѣдователи Сумарокова и Шишкова, соревнуя филологической славы своихъ учителей, неудачными попытками построить науку на народныхъ началахъ, смущаютъ и колеблютъ довѣріе къ ней. Есть даже цѣлая категория литературныхъ инвалидов, громко обликующихъ каждое отступленіе отъ ихъ грамматическаго немоканона...

Это броженіе понятій еще неустановившихся, это колебаніе между старымъ и новымъ всего лучше объясняютъ, почему языковѣдніе до сихъ-поръ не получило права гражданства въ русскомъ учебномъ мѣрѣ и не даетъ отвѣта на вопросы, съ какими обращаются къ нему наши историки и педагоги.

Съ одной стороны—старая тѣломъ и духомъ практическая грамматика съ гг. Гречемъ и К. Полевымъ, математикъ Иванъ Давыдовъ съ общесравнительными синонимами и г. Стоюнинъ, гг. Хомяковъ и Гальфердингъ съ санскритомъ, пропущеннымъ сквозь струю русскаго духа, г. Погодинъ съ своею новороссійскою системою, въ основаніе которой положено незнаміе, а съ другой—два-три скромныя явленія, исполненныя съ знаніемъ дѣла и современнымъ взглядомъ на него, два-три попытки подвергнуть ученому анализу организмъ русскаго языка — вотъ все, что до сихъ-поръ совершила наука русскаго языковѣднія, и вотъ та среда, среди которой выросъ и воспитался *Опытъ исторической грамматики русскаго языка* г. Буслаява. Чѣмъ онъ здѣсь могъ воспользоваться, чему научиться и какъ, предоставляетъ судить самимъ читателямъ.

Вм. С-тъ.

Малоросійській літературній збірникъ. Издавъ Д. Мордовцевъ. Саратовъ. 1859.

Збірникъ, заглавіе котораго мы виписали, єсть пріятное явленіє въ современной малорусской літературѣ. Честь и слава новымъ дѣлателямъ на нашей рідній нивѣ—Українцѣ! Но за-то какъ обильна, какъ благодатна эта нива! какіе полные, свѣжіе звуки несуться оттуда!

Постараемся отдать смолько возможно краткій отчетъ о збірникѣ г. Мордовцева. Онъ открывається поэмою самого издателя «Казакъ и Море», которой предпослано предисловіе, заключающее въ себѣ нѣсколько общихъ мыслей объ украинскомъ нарѣчій. Начало этого предисловія изложено весьма-ясно. Не знаешь, считаетъ ли авторъ украинскій языкъ за вѣтвь великорусскаго (стр. 10), или даетъ ему значеніе самостоятельнаго нарѣчія. Изъ послѣдующаго видно, что авторъ считаетъ украинское нарѣчіе «отдѣльною отраслью языковъ славянскихъ» (стр. 13). Но въ такомъ случаѣ къ-чему же эти недомолвки? Имъ не мѣсто въ строго-ученомъ изложеніи. По нашему мнѣнію, въ настоящее время всякія преширанія о древности и самобытности южнорусскаго нарѣчія совершенно-безплодны, особенно, когда появляются изданія памятниковъ древняго церковно-славянскаго языка, свидѣтельства которыхъ могутъ-быть и убѣдительнѣе всевозможныхъ разсужденій. И потому хорошо сдѣлалъ г. Мордовцевъ, приведши изъ одной рукописи XIV вѣка, хранящейся въ румянцевскомъ музеѣ, нѣкоторыя особенности, указывающія на южнорусское ея происхожденіе. Приводя эти особенности, между которыми главное мѣсто занимаетъ употребленіе *у* вмѣсто *ѡ* (напримѣръ, *у* мѣръ вмѣсто *ѡ* мѣръ) и, наоборотъ, *ѡ* вмѣсто *у* (напримѣръ, въ словѣ *ѡ*чешши), а равно также употребленіе нѣкоторыхъ словъ, звучавшихъ и тогда совершенно поукраїнски, напримѣръ *ѡ*вця (теперь *в*ивця), *Хома*, *Хеодоръ* и т. д.—г. Мордовцевъ замѣчаетъ: «Но мы не станемъ болѣе заниматься доказательствами древности відіотязмовъ южнорусскаго языка; довольно того, если скажемъ, что, *впрямую, такъ же*, какъ въ XIV вѣкѣ, существовало южнорусское нарѣчіе и въ XIII и даже, можетъ-быть, въ XII и XI.» Но къ-чему это *впрямую, можетъ-быть*, когда мы можемъ доказать фактами, что украинскій говоръ оказывалъ свое вліяніе на письменные памятники XII вѣка? Недавно, въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей, былъ изданъ О. М. Болдышевскій драгоценный памятникъ нашей древней письменности — житіє Θεодосія по харатейному списку одного збірника XII вѣка. Въ этомъ житіи мы видимъ, какъ, сквозь тройную броню церковно-славянскаго слога рѣчи, пробивались иногда слова чисто-народныя. Правда, они называются еще какъ-то робко, но, тѣмъ-менѣе, число ихъ значительно. На первой страницѣ стрѣчается слово *ѡ*родникъ, вмѣсто *у*годникъ; въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются слова: *жито*, *проскоуры*, *оукропъ*, исторыя и до-сихъ-поръ употребляются народомъ. Въ одномъ

мѣсть преподобный Несторъ такъ описываетъ свиданіе Θεодосія съ матерью, пришедшею взять его изъ монастыря: «и *охолившиися емь* (то-есть, когда они обнялись) плакашесь горько». Здѣсь украинскому глаголу придана славянская форма. Даже наша невѣстная *свита* и тогда уже была въ употребленіи, что видно изъ слѣдующихъ мѣсть житія: «А одежда его (Θеодосія) бѣ *свита* власна, остра на тѣлѣ», или; «нѣ (о) въ единой *свитѣ* си пребываше (Зарлаамъ)». Кажется приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы заключить, что въ XII вѣкѣ существовало нарѣчіе, которымъ говорила тогдашняя кievская Русь, которое, незамѣтно для самого Нестора, вторгалось въ его повѣствованіе и которое есть не что иное, какъ наше украинское нарѣчіе.

Возвратимся же къ стихотворному опыту г. Мордовцева «Казакъ и Море». Предупреждая строгій судъ читателей и критики, авторъ такъ выражается въ предисловіи къ своему произведенію: «Что касается до моего опыта, который я теперь предлагаю благосклоннымъ любителямъ южнорусской народности, то объ немъ скажу, что только любовь къ своему родному языку дала мнѣ смѣлость надѣяться, что опытъ мой не встрѣтитъ осужденія за неумѣстное, быть-можетъ, появленіе въ свѣтъ, и что эта самая любовь защититъ меня отъ должныхъ упрековъ и нареканій». Изъ этихъ словъ мы, къ удовольствію нашему, узнаёмъ, что г. Мордовцевъ очень любитъ украинскій языкъ и литературу. Ну, что жъ? Любовь—хорошее дѣло! Мы сами за любовь. Что можетъ быть безкорыстнѣе этого чувства? «Но позвольте—замѣтить намъ—любовь г. Мордовцева нисколько не походитъ на восхваемую вами любовь: она слишкомъ-притязательна, эгоистична. Г. Мордовцевъ любитъ небезкорыстно: любовь его даетъ ему смѣлость надѣяться на снисходительность критики, любовь служитъ ему щитомъ отъ должныхъ упрековъ и нареканій; словомъ, любовь г. Мордовцева не идеальная, а современная, практическая.» Прислушавшись къ голосу этихъ стѣвленныхъ песенниковъ, мы немного оохладили свой восторгъ относительно любви г. Мордовцева къ украинскому языку, любви, отъ которой такъ ускоренно забилось наше неопытное сердце. Нѣтъ, г. Мордовцевъ! если вы дѣйствительно любите свое дѣло, то во имя этой любви вы должны радоваться всякому упреку, всякому дѣльному замѣчанію, вамъ сдѣланному.

Мы не будемъ долго останавливаться на стихотворныхъ отрывкахъ г. Мордовцева. Въ нихъ есть нѣсколько удачныхъ мѣсть, кой-гдѣ попадаются прекрасные стихи—и только. Самая форма изложенія довольно-небрежна; это, выражаясь словами Мольера, *ni prose, ni vers*: стихи чередуются съ вычурной прозой, проза—съ нѣвосегда-удачными стихами. Нуженъ добрый запасъ терпѣнія, чтобы прочесть до конца этотъ длиннѣйшій трактатъ о морскихъ разбояхъ казаковъ на Черномъ Морѣ. Не зная положительно, на сколько оно развито у читателей, мы избавимъ ихъ отъ изложенія содержанія сей «трудной повѣсти»; да, при томъ же, образованное чувство нашего времени не въ-состояніи долго

выносить кровавыхъ сценъ насилія, пожаровъ и разбоевъ. Но, чтобъ дать хотя малѣйшее понятіе объ искусствѣ, съ которыми г. Мордовцевъ живописуетъ свои картины, и покажу вамъ только двѣ изъ нихъ. Вотъ, напримѣръ, какъ описывается взрывъ крѣпости. Слушайте:

Торóхъ!... Зъ корогвѣми
 Зъ синами, зъ ножами,
 Зъ кривими шаблями,
 И уси зъ чубами,
 И мури и брами...
 Земля застогнала...
 Нічого не стало!
 Не стало! не стало! (стр. 51).

Поняли ли вы что-нибудь? Если нѣтъ, то сцена дѣйствія перемѣняется. Мы въ Стамбулѣ. Казаки грабятъ его окрестности. Султанъ собираетъ совѣтъ. Для возбужденія умовъ, онъ приказываетъ одному пашѣ прочесть передъ всеѣмъ собраніемъ повѣсть о бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ турками отъ казаковъ. Эта сцена передана г. Мордовцевымъ съ потрясающею вѣрностью:

Несе паше щось писане
 Огима поводить.
 «Читай!» мабудь, гукнувъ султанъ:
 Лопатобородий.
 Почавъ читать, та гавкати
 И ротомъ и посомъ,
 То завси звирюкою,
 То знову голосить. (Стр. 83).

Не станемъ переводить этого на русскій языкъ, потому-что украинскій букетъ тотчасъ исчезнетъ, а въ этомъ вся краса.

Притомъ же, на русскомъ литературномъ языкѣ это выйдетъ слишкомъ блѣдно и не для всѣхъ понятно. Если не вѣрите намъ, то послушайте, что говоритъ самъ авторъ: «Въ числѣ преимуществъ, которыя имѣетъ южнорусское нарѣчіе предъ великорусскимъ, это то, что оно въ книгѣ одинаково понятно для всѣхъ слоевъ общества, чѣмъ не всегда можетъ похвалиться великорусскій литературный языкъ. Возьмите наудачу любое малороссійское сочиненіе и прочтите его самому отъавленному чумаку, который только и знаетъ своихъ воловъ и деготь, онъ съ участіемъ будетъ слушать васъ, и каждое слово, каждое выраженіе будетъ интересоватъ его въ высшей степени, потому-что вы ему будете читать то, что онъ знаетъ и понимаетъ, и, притомъ, такимъ языкомъ, какимъ онъ самъ говоритъ съ колыбели.» Мы не пробовали еще рекомендоваго г. Мордовцевымъ средства, но увѣрены, что чумака, который съ наслажденіемъ будетъ слушать что-нибудь изъ Котляревскаго, Шевченка, Марка Вовчка, Кулиша и др., ничего не пойметъ изъ приведенныхъ нами отрывковъ.

Вирочентъ, вельми не сознаеться, что въ стихотворныхъ отрывкахъ г. Мордовцева есть нѣсколько удачныхъ мѣстъ. Къ нимъ мы относимъ всю вторую главу: пѣсня Гали не лишена истинной поэзіи. Также хорошо и вѣрно дѣйствительности прощаніе кошевого съ Дерепомъ, который былъ избранъ казаками предводителемъ въ предстоящемъ походѣ на турокъ. Обратившись къ нему, кошевой сказалъ:

«Молись, отамане,
 Плюнь-же тричі: плюватимешъ
 Въ бороду султану...
 Ось Покрова,—не покрпе
 Сідую чупрыну,
 Якъ не візьмешъ оцихъ дітокъ
 За рідну дитину...
 Оце-жъ тобі моя шабля,
 Заржлвіла бідна!
 А еє тобі куля срібна —
 Якъ матінка рідна—
 Возьми її... Калі приїде
 Послѣдня година,
 Тоді стрѣль! Не проквнешъ...
 Цілуй мене, сине ..
 А ви, діти, хай Пречиста
 И васъ покриває,
 Одъ ворога и отъ моря
 Усюди спасає...
 Батька и матірѣ споминайте
 . . . . .
 Слово Боже, святу церкву
 Любіть до загину...
 А загинете... не згине
 Козацькая слава:
 Живи будете загибші
 Въ незнамімъ краю.»

Видно, что авторъ съ археологическою точностію изучилъ всѣ условія запорожскаго быта: онъ не забылъ ни одной подробности, которую сопровождалось отправленіе казаковъ въ походъ, и искусно воспользовался преданіемъ о чудодѣйственномъ свойствѣ серебряной пули... Вѣсамомъ-дѣлѣ, еще до-сихъ-поръ въ Малороссіи ходитъ повѣрье, что колдунъ «характерника» можно убить только серебряной пулей. Да не только пуля, но вообще всякая серебряная вещь (наприм., пуговица), если ею зарядить ружье, всегда попадетъ въ колдуня. Отголосокъ этого повѣрья сохранился и въ пѣсняхъ. Такъ, въ одной пѣснѣ (см. Метлинскаго «Народныя Южнорусскія Пѣсни», стр. 403) джура храброго Перебийноса на воцрощъ поляковъ, чѣмъ можно убить его господина, отвѣчаетъ:

«И ой видріжте або видереште й та срібного кудздя (пугавцю)
Й то чи не вб'єте або чи не скрасте вірного мого друга.»

О чудесномъ значеніи серебра сообщаетъ читателямъ еще одинъ разсказъ, помѣщенный въ любопытномъ сочиненіи Новосельскаго: «Народъ Украинскій». «Однажды выгнали насъ всѣхъ—разсказывалъ старый Власть Дзенжера—на облаву, чтобы выгнать изъ лебединскихъ лѣсовъ скрывшихся тамъ гайдамаковъ. Облавой начальствовалъ князь Любомирскій; а съ нимъ было немало войска: довольно—таки надворныхъ казаковъ и шляхты. Мы окружили лѣсъ и начали пробираться черезъ него. Гайдамаки то тамъ, то сямъ выскакивали изъ лѣсу, но тотчасъ же падали, бѣдняжки, подъ нашими выстрѣлами. Стою я, какъ теперь помню, возлѣ огромнаго срубленнаго дуба; только выбѣгаетъ ко мнѣ, словно какой волкъ изъ лѣсу, гайдамакъ, такой оборванный, несчастный. Стоявшій неподалеку отъ меня ловкій стрѣлокъ Дзюбенко тотчасъ же выстрѣлилъ въ него; но пуля отскочила, какъ горохъ отъ стѣны. А гайдамакъ все идетъ на меня, какъ-будто ничего не замѣчаетъ. Понявъ, въ чемъ дѣло, я оторвалъ отъ пояса серебряную пуговку, забралъ ее въ ставолъ, и какъ выстрѣлилъ, такъ онъ тутъ перевернулся.» (Lud Ukrainski przez A. Nowosielskiego, Вильно, 1857., т. 2-й, стр. 164.) Известно также, что знаменитый шведский Хмельницкаго, Золотаренко, по преданію, погибъ отъ серебряной пули. Убийцу схватили, и онъ сознался, что его подговорили католическіе ксензы: дали ему пулю изъ священной чаши съ словами и заклинаніями и посулили ему царство небесное. Дѣйствительно, на пулѣ нашлись латинскія слова. (Маркевичъ—«Исторія Малороссіи», I, стр. 357.)

Любопытно бы было сличить съ этимъ преданіемъ о мнѣшескомъ значеніи серебра у другихъ народовъ: тогда разрѣшилась бы неразрѣшенная до-сихъ-поръ загадка о серебряной пулѣ въ украинскихъ легендахъ. Приглашаемъ любителей старины обратить вниманіе на этотъ любопытный вопросъ.

Вслѣдъ за поэмой издателя, помѣщенъ въ «Сборникѣ» переводъ на украинскій языкъ одной повѣсти Гоголя («Вечеръ наканунѣ Ивана Купала»). Переводъ связанъ довольно-хорошимъ языкомъ, но былъ бы лучше, еслибъ г. Мордовцевъ не держался такъ близко подлинника: тогда языкъ перевода былъ бы гораздо-живѣе и развѣянѣе.

Переходимъ теперь къ самому любопытному отдѣлу сборника—къ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ г. Костомаровымъ. Здѣсь помѣщено болѣе двухсотъ пѣсенъ и думъ, записанныхъ въ одной только западной части Волынской Губерніи; между ними есть нѣсколько историческихъ и весьма-древнихъ; таковы, напр., думы о Свирговскомъ (1574 г.), Сержагѣ (1577 г.) и т. д. Если судить по этому, то какая богатая жатва ожидается впереди любителей украинской старины! Известно, что славае вообще, а малороссіане въ-особенности весьма-скудно одарены

историческим инстинктомъ: событія собственной исторіи мало ихъ интересуютъ, а, между тѣмъ, они свято хранятъ пѣсни старины и передаютъ ихъ, какъ семейную драгоценность, отъ отца къ сыну. Благодаря этому вѣжному, можно-сказать, религіозному отношенію украинскаго простолюдина къ его роднымъ пѣснямъ, мы теперь можемъ вызвать нѣсколько цѣльныхъ, живыхъ звуковъ изъ доносящагося до насъ неяснаго гуда минувшихъ временъ, начертить яркую картину исторической жизни Украины, по-крайней-мѣрѣ, какъ она отразилась въ народномъ сознаниі. Пѣсни—это запекшаяся кровь народа на развалинахъ его исторической жизни. «Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ и историческою надписью (говоритъ Гоголь) ничто противъ этой живой, говорящей и звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи—все: поэзія и исторія и отцовская могила.» Гоголь обожалъ малороссійскія пѣсни; съ какою наивною радостію онъ всегда говорилъ о нихъ! Напоминаемъ читателямъ отрывокъ изъ письма его къ М. А. Максимовичу (см. «Записки о жизни Гоголя», Спб., 1856 г., томъ I, стр. 124): «Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжной пылью, съ жадностію жиды, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя! пѣсни! какъ я васъ люблю! Что все черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями!» Но и пѣснями надо пользоваться осторожно, при пособіи строгой исторической критики. Народъ смотритъ на все своими глазами, онъ подчасъ прихотливо перетасовываетъ, такъ сказать, имена историческихъ дѣателей, смѣшиваетъ въ своей памяти различныя мѣстныя названія, такъ-что изслѣдователю иногда стоить большаго труда добиться истины.

Но возвратимся къ пѣснямъ, собраннымъ г. Костомаровыми. Къ нимъ почтенный собиратель присовокупилъ довольно-обширныя примѣчанія, составленныя вообще (за немногими исключениями) весьма-отчетливо. Мы остановимся только на тѣхъ пѣняхъ, которыя, чѣмъ бы то ни было, вызовутъ наши замѣчанія. Начнемъ съ историческихъ пѣсенъ и думъ. Самая важная изъ нихъ—безспорно, пѣсня о Хмельницкомъ, съ которой мы познакомимъ читателей. Въ ней народъ проклинаетъ Хмельницкаго за то, что онъ отдавалъ татарамъ въ неволю цѣлыя украинскія села.

Ой Хмеле-Хмельниченьку!

Учпивъ еси ясу

И межъ папани великую трусу!

Бодай тебе, Хмельниченьку, перва куля не мпула,

Що великъ орді брати дівки й молодиці!

Шарубки йдуть, а дівчата сиваючи,

А молодіи молодиці старого Хмеля проклинають:

Бодай тебе, Хмельниченько, перва куля не минула! (Стр. 185.)

Г. Костомаровъ, въ примѣчаніи, къ выписанной нами пѣснѣ, объясняетъ ся происхожденіе тѣмъ, что на Волыни не было постоянного казачества, а потому имя Хмельницкаго не могло остаться въ такомъ ореолѣ, какъ въ Украинѣ, тѣмъ болѣе, что Хмельницкій возмущалъ волынскихъ крестьянъ противъ пановъ, а потомъ, при заключеніи мира съ поляками, обыкновенно оставлялъ ихъ мщенію владѣльцевъ, забывая, что и на Украинѣ, гдѣ было постоянное казачество, сохранилась такая же пѣсня. Г. Кулишъ, въ первомъ томѣ «Записокъ о Южной Руси» (стр. 322), помѣстилъ пѣсню, записанную имъ въ самой Украинѣ (въ мѣстечкѣ Смилоѣ), которая обвиняетъ Хмельницкаго въ томъ же и почти такими же словами, какъ и волынская пѣсня. Обвиненіе это весьма важно. Виновникъ возрожденія Малороссіи, доблестный вождь украинскаго народа, «казацкій батько», какъ его называетъ пѣсня, обвиняется въ измѣнѣ своему народу! Это страшное народное проклятiе бросаетъ на величественную фигуру Хмельницкаго какой-то зловѣщій отблескъ. Постараемся, сколько возможно, разъяснить дѣло. Пѣсня, записанная г. Костомаровымъ, скорѣе всего можетъ относиться къ концу 1653 и началу 1654 г., когда, по жванецкому договору, поляки позволили татарамъ, впродолженіе шести недѣль, грабить Украину и уводить въ плѣнъ ея русскихъ жителей. Г. Костомаровъ, въ своей «Исторіи Богдана Хмельницкаго» (т. II, стр. 391), справедливо замѣчаетъ, что гетманъ не могъ противиться этому договору, боясь, чтобы поляки открыто не соединились съ татарами. И, въ-самомъ-дѣлѣ, что могъ сдѣлать Хмельницкій противъ соединенныхъ силъ татаръ и поляковъ? Но онъ не оставался хладнокровнымъ зрителемъ плѣненія своихъ соотечественниковъ, ибо недаромъ вполнѣствіи крымскій ханъ, при свиданіи, говорилъ ему: «всачески мнѣ на тебя гнѣватися предлежитъ, понеже ты *всегда насъ укоряешь и поносишь*, аки бы мы не съ воинствомъ польскимъ и нѣмецкимъ ратуешь. но зъ женами въ поли во время жатвы и съ малыми отрочатами. И оглагольствуеша, аки бы мы Русь нарочно умаленія ради погубляемъ, чesого и въ мысли нашей никогда не бывало» и т. д. (Флоровская и Писаревская Лѣтоп., см. Маркевича, т. V, стр. 55). Да вообще союзы съ татарами въ эпоху Хмельницкаго обошлись намъ весьма-дорого. Это было одно изъ самыхъ отчаянныхъ средствъ, за когорыя когда-либо хватался Хмельницкій, чтобы вырвать свою несчастную родину изъ рукъ Польши. Можно предположить, что онъ иногда долженъ былъ сквозь пальцы смотрѣть, какъ татары грабили Украину, что онъ, скрѣпя-сердце, долженъ былъ молчать, боясь лишиться ихъ союза. Но едва-ли кто рѣшится обвинить Хмельницкаго, будто-бы онъ *великъ орді брати діякі и молодиці*. Не можетъ быть, чтобы человекъ, котораго сердце такъ болѣзненно ныло, когда поляки угнетали украинское посольство, захотѣлъ искупить свое спокойствіе кровью и слезами своихъ земляковъ! Нѣтъ, это—недоуразумѣніе несчастнаго народа, который, видя себя оставленнымъ въ,

какъ-бы на убой, обвинилъ въ этомъ ответственное лицо — гетмана. Да не упрекнуть насъ въ пристрастія къ Богдану Хмельницкому: поистинѣ, мы далеки отъ этого чувства. Но мы не могли принять на себя тяжелой роли обвинителей противъ него, потому—что еще не выслушана altera pars, не приведены въ извѣстность всѣ данныя pro et contra: скорбный голосъ этой пѣсни едва слышенъ посреди торжественныхъ кликовъ благодарности и восторговъ, которыми тотъ же народъ почтилъ память своего любимаго гетмана:

Въ той часъ була честь, слава,
Войсковая справа!
Сама себе на смѣхъ не давала,
Неприятеля підъ ноги топтала!

Вслѣдъ за этою пѣсней, въ собраніи г. Костомарова слѣдуютъ двѣ прекрасныя думы о битвѣ подъ Берестечкомъ (1651 г.) и битвѣ подъ Почаевымъ (1675 г.). Последняя есть не что иное, какъ благочестивое преданіе о чудотворномъ спасеніи Почаева Пресвятой Дѣвой. Это до-сихъ-поръ единственная у насъ религіозная народная дума. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать того же о слѣдующей за ней пѣснѣ, тоже о почаевской битвѣ. Стоитъ прочесть нѣсколько строкъ изъ нея, чтобъ убѣдиться, что это произведеніе не народное. По всей вѣроятности, оно обязано своимъ происхожденіемъ благочестивому вдохнов. ннъ какого-нибудь монаха.

Пойдемъ далѣе. Подъ № 9 помѣщена дума о Морозенкѣ, любимомъ героѣ украинской поэзіи. Напрасно только г. Костомаровъ въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ силится слить въ одно лицо два совершенно-различныя лица: корсунскаго полковника Мозыру, который у Коховскаго иногда называется Мрозовицкимъ, и знаменитаго Морозенка (См. «Украинець», издаваемый Максимовичемъ, кн. I, стр. 163. Москва. 1859 г.). И потому мы думаемъ, что г. Костомаровъ ошибается, предполагая, что «объ этомъ Мрозовицкомъ пѣсни народныя поютъ подъ именемъ Морозенка». Далѣе г. Костомаровъ говоритъ, что въ 1658 г. Мрозовицкій упоминается въ числѣ доброжелателей Виговскаго. А если это такъ, то мы еще болѣе разубѣждаемся въ тождественности Мрозовицкаго и Морозенка. Изъ исторіи извѣстно, что украинскій народъ не любилъ Виговскаго за то, что онъ желалъ господства «значныхъ», за то, что онъ осиротилъ Украину, истребивши лучшихъ сыновъ ея, за то, что онъ, по выраженію пѣсни, «розшарпалъ ея яснуну долю». Отсюда понятно, что доброжелатель ненавистнаго Виговскаго и участникъ его замысловъ не могъ остаться въ памяти народа, окруженный такимъ чуднымъ сіяніемъ, какимъ озаренъ Морозенко, краса и слава южнорусскаго казачества.

Въ пѣснѣ о подончикахъ (донскихъ казакахъ) воспѣвается запорожскій полковникъ, котораго донцы везутъ въ Москву, По ядшему илѣ-

нню, это не кто иной, какъ знаменитый Максимъ Желъзницкй, который былъ взятъ донцами (*) и отправленъ въ Кіевъ, гдѣ и сдавъ въ печерскую крѣпость плац-майору Лбову, 8-го іюля 1768 г. (**), а потому привезенъ въ Москву, о чемъ упоминаетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ» («Русск. Бес.» 1858, № 1). Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Пѣсней о подончикахъ оканчиваются историческія пѣсни въ собраніи г. Костомарова. За ними слѣдуютъ пѣсни о событіяхъ изъ частной жизни и легенды. Съ одной изъ такихъ пѣсней мы познакоимъ читателей. Происшествіе, въ ней описанное, случилось во второй половинѣ прошлаго столѣтія: такъ, по-крайней-мѣрѣ, можно заключить изъ упоминанія Потоцкаго, старосты каневского, извѣстнаго своимъ неукротимымъ характеромъ. Г. Костомаровъ, въ примѣчаніи къ этой пѣснѣ, рассказываетъ о немъ слѣдующее: «Панъ Потоцкій, староста каневскій, прославился своими своевольствами, которыя онъ совершалъ безнаказанно, по причинѣ слабости польскаго правительства. Впослѣдствіи онъ удалился въ Почаевскій Монастырь и построилъ тамъ великолѣпный храмъ, существующій понынѣ».

Въ числѣ многихъ изустныхъ объ немъ анекдотовъ, достоинъ замѣчанія рассказъ о его обращеніи. Онъ вѣхалъ по горѣ, параллельной съ тою, на которой стоитъ Почаевскій Монастырь. Кучеръ опрокинулъ его. Панъ, которому ничего не стоить убить челоуѣка, приказалъ ему стать, а самъ прицѣлился въ него изъ ружья. Кучеръ, обратившись къ монастырю, закричалъ: *Найсвятѣйшая Мати Божая почаевская! рятуй (спаси) мене и дітей моихъ!*... Три раза панъ хотѣлъ стрѣлять, три раза осѣкалось ружье, при восклицаніяхъ къ Божьей Матери обреченнаго на смерть. Это событіе, какъ рассказываютъ, сдѣлало переломъ въ душѣ пана. Этотъ-то самый страшный Потоцкій является въ упомянутой нами пѣснѣ дѣйствующимъ лицомъ. При изложеніи ея содержанія, мы будемъ имѣть въ виду уже напечатанный прежде вариантъ пѣсни о Бондаривнѣ (***) .

Въ городѣ Луцкѣ, подъ звуки музыки, ходитъ веселый хорюводъ дѣвушекъ; впереди всѣхъ идетъ молодая Бондаривна. Въ это время панъ каневскій былъ въ Луцкѣ на охотѣ. Наслышавшись о красотѣ ея, онъ отправился посмотреть на нее. Жаднымъ взоромъ слѣдилъ онъ за нею во время танца, и пламя дикой страсти внезапно забушевало въ немъ. Подоседаши, онъ поцаловалъ Бондаривну. Видя бѣду неминуемую, молодая дѣвушка бросилась бѣжать; но гусары Потоцкаго поймали ее и привели въ палаты стараго магната. Потоцкій посадилъ ее на золотомъ

(*) «Записки о Южной Руси» Кулинна, т. I, стр. 300.

(**) См. статью М. А. Максимовича въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. № 1.

(***) «Малор. пѣсни», издаанныя М. Максимовичемъ. М. 1827 г. Стр. 80.

креслѣ, велѣлъ музыкѣ играть и, обратившись къ Бондаривнѣ, спросилъ, чего она лучше желаетъ: пить ли съ нимъ медь—вино, или гнить въ сырой землѣ? Не смутилась духомъ Бондаривна: чувство человеческого достоинства сообщило ей геройскую гвердость. Вида вѣрную смерть, она все же предпочла ее позору. Героиня гордо отвѣчала:

«Ой волю жъ я десять рази въ сирій землі гнити,
Ніжъ зъ тобою, муй паночку, да медь—вино пити!»

Не пожалѣлъ панъ каневскій ея бѣдной, простой красоты, ея молодой жизни... Онъ выстрѣлилъ изъ ружья, и Бондаривна пала мертвзя. Отнесли ее домой и нарядили, какъ невѣсту. Пану каневскому захотѣлось еще разъ взглянуть на нее. Она лежала въ новой хатѣ; вѣнокъ изъ барвника — обыкновенная принадлежность украинской дѣвушки на свадьбѣ и похоронахъ — покрывалъ ея строгое чело. При взглядѣ на нее, безжизненную, но все еще прекрасную, совѣсть и раскаяніе, быть-можетъ, въ первый разъ заговорили въ Потоцкомъ. Онъ сожалѣлъ, рассказывался, ломалъ руки... Но пусть сама пѣсня доскажетъ эту потрясающую сцену:

«Ой и пришовъ панъ Канівскій до нової хати,
Да заломивъ білі руки, ставъ собі думати!
Ой тижъ, моя Бондаривна!... яка жъ бо ти гожа!
Ой якъ же ти процвітаєшъ якъ въ городі рожа!
Ой тижъ, моя Бондаривна!... яка жъ бо ти біла!

Ой якъ же ти процвітаєшъ якъ въ саду мелія.» (Стр. 241.)

Долго не знали, гдѣ жила Бондаривна. Теперь не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что она жила на Волини, тѣмъ болѣе, что г. Костомаровъ, въ примѣчаніи къ этой прекрасной пѣснѣ, замѣчаетъ, что на Волини народъ до—сихъ—поръ помнитъ Бондаривну, и нерѣдко въ деревенскомъ домикѣ можно встрѣтить портретъ ея въ одеждѣ волинскихъ сельскихъ дѣвицъ.

Предѣлы журнальной статьи не дозволяютъ намъ останавливаться на всехъ замѣчательныхъ пѣсняхъ въ собраніи г. Костомарова. Говорить же о нихъ вообще послѣ Гоголя, Боданскаго, Максимовича и др. мы считаемъ излишнимъ. Отсылаемъ читателей къ самому «Сборнику» г. Мордовцева, по словицѣ: *gratius ex ipso fonte bibuntur aquae.*

Въ—заключеніе, въ «Сборникѣ» г. Мордовцева помѣщены четыре украинскія сказки: *Охъ, Коза—Дерева, Про Изашечка да про Відьму* (вариантъ сказки, помѣщенной въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша, т. II, стр. 17 — 20) и *Про Королеву Катерину*. Всѣ эти сказки весьма—замѣчательны въ мнѣологическомъ отношеніи. Мы подѣлимся съ читателями содержаніемъ первой изъ нихъ.

«У одного человѣка было три сына. Будучи въ нуждѣ, онъ отправился нанимать ихъ; на дорогѣ онъ свѣлъ однажды на колодѣ и отъ усталости сказалъ: «охъ!» Вдругъ является Охъ и спрашиваетъ: «зачѣмъ

ты звалъ меня и куда идешь?»—«Да вотъ иду, говорить, сына нанинать.»—«Найми мнѣ на три года.»—«Хорошо.» Вотъ, по прошествіи трехъ лѣтъ, отецъ пришелъ за сыномъ. «Ну, ладно» сказалъ Охъ: «если узнаешь своего сына, то возьмешь, а не узнаешь—еще на годъ останется.» Мужикъ, разумѣется, не узналъ сына, превращеннаго Охомъ на этотъ разъ въ голубя. Черезъ годъ онъ пришелъ опять и на этотъ разъ узналъ сына и увелъ его домой. На дорогѣ сынъ говорилъ отцу: «Вотъ господа будутъ охотиться съ ястребомъ за перепелами; я оборочусь ястребомъ, и меня стануть торговать. Ты продавай за сто рублей; только сними мѣдную цѣпочку (ретязъ), которая будетъ у меня на шеѣ. Такъ и случилось: господа кушали его за сто рублей безъ цѣпочки, и сынъ снова возвратился къ отцу. Въ другой разъ онъ оборотился собакой, и отецъ продалъ его за двѣсти рублей, тоже безъ ошейника, и онъ возвратился снова. Въ третій разъ сынъ говорить отцу: «Батюшка! скоро въ городѣ будетъ ярмарка: и оборочусь конемъ—продавай меня не меньше, какъ за тысячу рублей, только безъ узды». Но ва ярмаркѣ отецъ, увлеченный корыстью, продалъ сына за тысячу сто рублей съ уздечкой. Купившій его—былъ Охъ, тотъ самый, что выучилъ его чародѣйству. Видя, что дѣло плохо, сынъ бросился въ море и оборотился окунемъ. Охъ пустился за нимъ въ видѣ щуки. Въ это время княжескія дочери стояли у берега на перекладнѣхъ и мыли бѣлье. Окунь тотчасъ же сталъ золотымъ перетнемъ и ужалъ у ногъ княжеской дочери, которая надѣла его на руку. Но Охъ обернулся старикомъ, вышелъ на берегъ и сталъ предлагать княжеской дочери за перстень сто рублей. А перстень и говорить ей: «Не отдавай меня дешевле двухсотъ и какъ будешь отдавать, то не давай въ руки, а ударь меня объ землю.» Княжеская дочь такъ и сбѣжала: продала перстень и ударила имъ о-земь. Онъ и рассыпался на десять горошинъ. А Охъ оборотился пѣтухомъ и давай клевать горохъ. Но тутъ откуда ни возышисъ ястребъ и убилъ пѣтуха.» Таково содержаніе этой прекрасной сказки, за обнаруженіе которой мы приносимъ искреннюю благодарность г. Мордовцеву.

Читатели, вѣроятно, замѣтили, что въ разсказанной нами сказкѣ главную роль играетъ не сынъ крестьянина, выученикъ знаменитаго Оха, а сверхъестественная *мѣдная цѣпочка* (ретязъ) и *узды*, посредствомъ которой онъ превращался во что хотѣлъ. Вотъ почему онъ просилъ отца продавать его одного, безъ цѣпочки, или узды. Этотъ эпическій мотивъ сближаетъ нашу сказку съ подобнаго рода сказаніями въ германской и сѣверной мифологіи. Известно, что такъ-называемыя *дѣвы-лебеди* (Schwanjungfrauen), купаясь, оставили на берегу *лебединое кольцо* (Schwanring), или *лебединую сорочку* (Schwanhemd). Кто овладѣвалъ тѣмъ, или другимъ, тотъ овладѣвалъ и самой вѣщей дѣвой (См. Grimm. Deutsche Myth. 1. 399). Однажды рыцарь увидѣлъ въ дикомъ лѣсу купающуюся въ рѣкѣ дѣву. Онъ ти-

хонько подкрался къ ней и овладѣлъ ея золотой цѣпью. Тогда она не могла болѣе скрыться стъ него, ибо въ этой цѣпи заключалась особенная сила (mit dieser Kette war besondere Kraft verbunden). Вскорѣ рыцарь женился на вѣщей дѣвѣ, и она ему родила за одинъ разъ семерыхъ дѣтей, изъ которыхъ у каждаго было вокругъ шеи золотое кольцо (ibid., стр. 400). Яковъ Гриммъ (см. введение къ Reinhard Tuchs, стр. 242—243) предлагаетъ объяснять названіе волка *isangrim* изъ *isan* (eisen) и *grim* — *grima*, что на древне-сѣверномъ и англо-саксонскомъ языкѣ означаетъ привязанную къ лицу маску, а также узду (capistrum in freno). Последнее значеніе преобладаетъ въ нѣвостверныхъ нарѣчіяхъ.

Такимъ-образомъ, украинская сказка ввела насъ въ таинственную среду древне-сѣвернаго эпоса. Основной мотивъ ея непонятенъ внѣ этой среды, потому-что самъ-по-себѣ онъ составляетъ не болѣе, какъ разрозненный членъ великаго эпического цѣлаго.

Отъ души желаемъ видѣть скорѣе продолженіе трудовъ г. Мордовцева и его сотрудниковъ на поприщѣ украинской старины и народности.

И. Стереминко.

Начальныя основанія статистики А. Моро-де-Жоннеса.
Переводъ съ прибавленіями М. П. Щепкина. Санктпетербургъ. 1859.

Столько разъ было говорено о необходимости переводовъ на русскій языкъ иностранныхъ классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ человеческого вѣдѣнія, а еще не разъ придется снова завести уже знакомую публикѣ рѣчь объ этой необходимости, потому-что толки о ней остаются пока еще толками, и богъ-знаетъ, когда осуществятся на дѣлѣ. По нижеизложеннымъ основаніямъ, мы еще считаемъ себя вправе предложить такой, съ перваго взгляда, неумѣстный вопросъ: дѣйствительно ли есть настоятельная и живо-сознанная массою русскихъ читателей потребность въ серьезномъ чтеніи на русскомъ языкѣ, или, лучше сказать, въ серьезномъ чтеніи вообще?

Существованіе многихъ журналовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ, напримеръ, «Русскій Вѣстникъ», «Отечественныя Записки», процвѣтаютъ, несмотря на то, что преимущественно наполняются статьями серьезнаго содержанія, еще ничего не доказываетъ въ пользу этой потребности. Журнальныя ученые статьи, какъ бы ни были талантливы ихъ авторы, однѣ не могли бы удовлетворить означенной потребности, еслибъ она существовала. Журнальная статья всегда носитъ на себѣ характеръ случайности, отрывочности; она всегда предполагаетъ въ читателѣ значительный запасъ основныхъ свѣдѣній по тому предмету, котораго касается, и чѣмъ она дѣльнѣе и основательнѣе, тѣмъ обширнѣе и разнообразнѣе предполагаются эти свѣдѣнія. А гдѣ же взять этотъ запасъ, если не въ предварительномъ знакомствѣ съ капитальными классиче-

скими сочинениями, обнимающими ту, или другую науку, или отдѣльную ея вѣтвь въ цѣломъ объемѣ? Безъ него (то—есть запаса) журнальная ученая статья является для читателя чѣмъ-то случайнымъ и одностороннимъ и прочитывается почти—безполезно, вислоко не расширяя его взгляда на известную сферу явленій. При такихъ условіяхъ, журнальная статья только слегка щекочетъ любопытство читателя и наполняетъ свободное отъ другихъ занятій время серьезнымъ чтеніемъ (вѣдь нужно же читать что-нибудь серьезное!). Поэтому—то въ нашемъ обществѣ зачастую можно встрѣтить человека, который безъ затрудненій будетъ съ вами бесѣдовать, напримѣръ, о Гегелѣ и его философіи, но тутъ же обнаружитъ полѣтѣешее невѣжество насчетъ Канта, или Лейбница, потому—что въ журнальной статьѣ, которую онъ недавно прочелъ, говорится о Гегелѣ, а о Кантѣ ни слова. Разумѣется, въ этомъ случаѣ, черезъ два—три мѣсяца, много черезъ полгода, у подобнаго читателя и отъ Гегеля ничего не останется, или останется такой сумбуръ, что для него лучше было бы, еслибъ онъ совсѣмъ не читалъ статьи о Гегелѣ. Иной очень—бойко станетъ разсуждать о вліяніи реформаціи въ XVI вѣкѣ, а ровно ничего не знаетъ о вліяніи въ то же время открытія Америки, и часто забылъ не только годъ, но даже вѣкъ, къ которому относится это открытіе; а виновата опять—таки недавно—прочтенная журнальная статья о реформаціи.

Подобными явленіями, кажется, только и можетъ быть объяснена одна изъ странностей русской литературы, едва ли существующая въ какой-нибудь другой. Почти во всякомъ журналѣ вы читаете, напримѣръ, историческія статьи, въ которыхъ заключаются общіе выводы о томъ, или другомъ историческомъ событіи, личности, эпохѣ: въ этомъ случаѣ историческіе факты, подробности ихъ, связь другъ съ другомъ и послѣдовательность предполагаются болѣе или менѣе известными; а если авторъ и касается ихъ, то слегка, заботясь преимущественно о томъ, чтобъ объяснить внутренней смыслъ ихъ. Положимъ, что большая часть читателей бывала если не въ университетѣ, то въ гимназій; слѣдовательно, предположеніе и оправдывается. Иногда это слѣдовательно и неприложимо; но во всякомъ случаѣ безъ чтенія, безъ самостоятельнаго повторенія науки курсы университетскій и гимназическій скоро забываются, и отъ нихъ остаются только тѣ общія понятія, которыми отличается вообще человѣкъ образованный отъ необразованнаго. Проидеть семь—восемь лѣтъ, и бывшему студенту (не говорю уже о гимназистѣ), оставившему самостоятельное повтореніе науки, журнальная ученая статья принесетъ столько же пользы, какъ и небывшему въ университетѣ. Къ этому надобно прибавить еще то обстоятельство, что у насъ многіе ничего не выносятъ изъ университетовъ, кромѣ диплома на чинъ и знаніе профессорскихъ лекцій, забываемыхъ часто на другой день по выходѣ изъ университета. Разумѣется, современныя такіе экземпляры будутъ все рѣже—и—рѣже.

Но, если мы спросимъ, есть ли хоть одно сочиненіе (*), по которому русскій могъ бы основательно познакомиться на своемъ родномъ языкѣ не только со всей исторіей, но хоть съ какой-нибудь отдѣльной эпохой, то отвѣтъ будетъ неудовлетворительный. Кромѣ учебниковъ, побольшей-части плохихъ, ничего не выбѣега въ литературѣ. Труды самыхъ талантливыхъ нашихъ историковъ представляютъ только журнальныя статьи (исключая отдѣла русской исторіи); а если имъ случилось написать историческую монографію, то по необходимости писать диссертацию для магистерскаго и докторскаго экзамена. Грановскій и Кудрявцевъ по таланту нисколько не ниже Раумеровъ, Раике, Макоза, Гизо, Мишле, Тьерри и т. д., а всѣ почтенные труды ихъ не что иное, какъ журнальныя статьи. Можно смѣло сказать, что едва-ли мы имѣли бы капитальное историческое сочиненіе «Судьбы Италіи», еслибы автору ихъ не нужно было искать ученой степени. Разумѣется, ни Грановскій, ни Кудрявцевъ не виноваты въ этомъ; еслибы они сдѣлали иначе, то, можетъ-быть, не принесли бы обществу и той пользы, какую принесли. Журнальныя статьи ихъ прочтены всеми — а многіе и прочли бы ихъ труды, еслибы наши талантливые ученые поратили свои силы на какую-нибудь многотомную, всеобщую исторію, или исторію Гогенштауфеновъ, исторію папъ, исторію европейской цивилизаціи и т. п. ? Есть одна отрасль наукъ, гдѣ заимѣченная нами странность доходить до забавнаго. Мы имѣемъ нѣсколько томовъ «Прошлеевъ», гдѣ есть статьи о древнемъ искусствѣ, о выраженіи въ немъ религіознаго сознанія древнихъ, мы имѣемъ классическую монографію г. Леонтьева, въ которой до самыхъ тонкихъ отвлеченностей раскрытъ внутренній смыслъ верховнаго бога Греціи—Зевеса, а хоть бы на-смѣхъ существовалъ въ русской литературѣ простой разсказъ о мифахъ греческихъ, то-есть та самая канва, на которой основываются философскіе выводы ученыхъ статей. Впрочемъ, сколько помнится, есть переводъ греческой мифологіи Ламе-Флѣри; но что жъ это за мифологія?

Далѣе у насъ есть, напримѣръ, спеціальныя журналы по политической экономіи и статистикѣ, а если мы пожелаемъ хоть сколько-нибудь познакомиться съ представителями этихъ наукъ, то должны прибѣгнуть къ знанію иностранныхъ языковъ. Гдѣ жъ причина этого недостатка въ капитальныхъ ученыхъ трудахъ и хорошихъ элементарныхъ сочиненіяхъ по всемъ наукамъ на русскомъ языкѣ? Разумѣется, вина не въ русскихъ ученыхъ: многіе изъ нихъ талантливы и трудолюбивы; вина вся въ большинствѣ образованной русской публики: она не оцѣнила бы большаго труда, на который тратятся годы. А, между-тѣмъ, отъ этого равнодушія страдаетъ и образованное меньшинство, которое желало бы

(*) Исключая начатыхъ переводовъ, вышедшихъ въ два послѣдніе года, Шлоссера, Курціуса, Гизо, Тьерри, Прескотта.

читать на русскомъ языкѣ образцовыя ученые сочиненія. А что публика, дѣйствительно, къ нимъ равнодушна, ясно изъ того, что у насъ весьма-туго идутъ переводы иностранныхъ сочиненій, которыя могли бы исполнѣ замѣнить отсутствіе оригинальныхъ въ русской литературѣ. Поэтому переводить у насъ серьезное ученое сочиненіе значитъ подвергаться риску потратить большой трудъ и время безъ вознагражденія за нихъ, и чѣмъ лучше, дѣльнѣе сдѣлается переводъ, тѣмъ рискъ больше. Разумѣется, хорошій переводъ во всякомъ случаѣ пріобрѣтеніе для общества и литературы; но основательное знаніе науки и языковъ, терпѣніе и любовь къ труду, которыя необходимы для переводчика, по-большей-части соединяются въ людяхъ недостаточныхъ, для которыхъ вознагражденіе за трудъ — вопросъ существенный. А издателей для переводовъ дѣльныхъ сочиненій не найдешь, между-тѣмъ, какъ нѣтъ романа Поля-де-Кока, который бы не нашелъ издателей. Но, можетъ-быть, кто-нибудь скажетъ, что недостатокъ переводовъ происходитъ не отъ невниманія публики къ серьезнымъ сочиненіямъ, а потому, что всякій образованный человекъ, интересующійся ими, знаетъ такъ хорошо по-французски, по-нѣмецки, а иногда и по-англійски, что читаетъ ихъ на иностранныхъ языкахъ. Съ перваго взгляда кажется и такъ, но, по внимательномъ размышленіи, придешь къ иному заключенію. Большинство вступающихъ въ гимназіи и университеты, какъ это можно видѣть отчасти изъ отчетовъ этихъ заведеній, принадлежатъ къ такимъ семействамъ, гдѣ родители не могли доставить своимъ дѣтямъ средствъ изучить иностранные языки такъ, какъ это дѣлается въ немногихъ домахъ, гдѣ съ младенчества дѣти, окруженные иностранными няньками, гувернёрами и гувернантками, овладѣваютъ совершенно французскимъ, нѣредко нѣмецкимъ и англійскимъ языками. Въ гимназіяхъ, какъ извѣстно (что, впрочемъ, трудно объяснить), можно основательно узнать латинскій и греческій языки, а новые—весьма-рѣдко. По-большей-части воспитанники гимназій и студенты одолеваятъ эти языки особеннымъ, требующимъ долготерпѣнія и энергіи трудомъ; конечно, не у всѣхъ и хватаетъ этой энергіи. Такимъ-образомъ, многіе и очень-многіе, окончивъ курсъ университета, съ грѣхомъ пополамъ знаютъ французскій языкъ, а тѣмъ менѣе нѣмецкій. А всѣ эти люди составляютъ большинство нашей образованной публики. Да еслибъ всѣ мы и очень-хорошо знали иностранные языки, то все-таки переводы классическихъ сочиненій необходимы по той простой причинѣ, что, какъ ни знай хорошо чужой языкъ, а на своемъ родномъ всякое сочиненіе, особенно ученое, и скорѣе читается, и лучше понимается. Это, я думаю, всякій испыталъ на себѣ. Образованнымъ нѣмцамъ нельзя отказать въ знаніи соседнихъ иностранныхъ языковъ, а нѣтъ ни одного хотя сколько-нибудь замѣчательнаго иностраннаго сочиненія, которое было бы не переведено на нѣмецкій.

На эти мысли навела насъ книга, заглавіе которой мы выписали.

Очень-жаль будетъ переводчика Моро-де-Жоннеса, если и этотъ трудъ не вознаградится. А трудъ очень-почтенный.

Не станемъ говорить о значенія Моро-де-Жоннеса въ статистикѣ, потому-что въ нѣсколькихъ словахъ сказать объ этомъ не допускаетъ уваженіе къ наукѣ. Скажемъ только, что Моро-де-Жоннесъ есть одинъ изъ замѣчательныхъ представителей той школы, которая началась съ Кетле, положивъ твердыя основы статистикѣ, какъ наукѣ. Впрочемъ, какъ отношенія Моро-де-Жоннеса къ Кетле, такъ и особенности, которыми онъ отличается отъ другихъ представителей той же школы, ясно и основательно изложены въ введеніи, которое г. Щепкинъ предпосылаетъ своему переводу.

Считаемъ нужнымъ пояснить, почему переводчикъ избралъ изъ многихъ другихъ дѣателей на поприщѣ статистики трудъ Моро-де-Жоннеса, а не другаго какого писателя.

«Издавая русскій переводъ известнаго сочиненія Моро-де-Жоннеса, *Eléments de Statistique* (говорить г. Щепкинъ въ предисловіи), мы имѣемъ главнымъ-образомъ въ виду доставить полезное руководство къ статистикѣ тѣмъ, кто волею или неволею посвящаетъ свою дѣятельность на собраніе и разработку матеріаловъ отечественной статистики. Мы съ умысломъ говоримъ: волею, или неволею, потому-что у насъ можно найти много людей, которые никогда не готовились къ спеціальнымъ занятіямъ статистикою и не запаслись, слѣдовательно, ни опытностью, ни необходимою въ такомъ дѣлѣ подготовкою, но которые, въ силу различныхъ обстоятельствъ, особенно служебныхъ, принуждены бывали и бывають заниматься статистикою. Нетолько каждый чиновникъ можетъ преобразоваться въ статистика, но, къ сожалѣнію, онъ на самомъ дѣлѣ постоянный статистикъ по своему вѣдомству. Статистика низшла, такимъ-образомъ, на степень повседневныхъ занятій служащаго и трактуется имъ наравнѣ съ другими предметами, входящими въ кругъ его канцелярской дѣятельности...

«Отсюда громкія жалобы на недостатокъ необходимой спеціальной подготовки въ представителяхъ нашей администраціи... жалобы болѣе, нежели справедливыя; но, съ другой стороны, если бы кто-нибудь, служащій ли онъ, или нѣтъ, пожелалъ добросовѣстно исполнить свое дѣло, то, не зная иностранныхъ языковъ, онъ не найдетъ ни одного русскаго сочиненія, которое могло бы познакомить его съ твердыми научными приѣмами и вѣрнымъ методомъ, безъ котораго невозможно никакое статистическое изслѣдованіе. Правда, у насъ есть нѣсколько руководствъ къ статистикѣ; но, къ сожалѣнію, одни изъ нихъ отъ времени потеряли уже свое значеніе, а другія не выходятъ изъ тѣсной рамки школьной учебной книги.»

Такъ-какъ начальныя основанія статистики Моро-де-Жоннеса включаютъ въ себѣ подробное и отчетливое изложеніе «тврдаго научнаго

приема и вѣрнаго метода для статистическихъ изслѣдованій», то поэтому они и выбраны были г. Щепкинымъ для перевода.

Что же касается до высказанной въ нашей выпискѣ мысли объ обязанности для каждаго чиновника быть статистикомъ, то мы не только согласны съ нею, но даже распространимъ до нѣкоторой степени эту обязанность на всякаго человѣка, какъ бы ни былъ тѣсень и незначителенъ кругъ его дѣятельности. Чего, кажется, ничтожнѣе, мальце по своей частности, какъ приходо-расходныя книжки отдѣльнаго человѣка, или семейства—а, между-тѣмъ, обладаніе большимъ числомъ ихъ, обнаруженныхъ людьми изъ различныхъ слоевъ общества, было бы драгоценно для статистика. Еслибъ мы могли съ помощью ихъ, напримѣръ, составить точные бюджеты людей, занимающихъ разныя общественныя положенія и пользующихся неравными частями народнаго дохода, то одно это могло бы повести къ уясненію многихъ вопросовъ общественной жизни, часто спорныхъ и неразрѣшенныхъ въ наукѣ, по недостатку данныхъ. Статистика въ разнообразныхъ явленіяхъ (фактахъ) общественной жизни ищетъ общіе законы, въ которыхъ выражаются данныя условія исторической жизни народа въ известную эпоху. Слѣдовательно, всѣ жизненныя явленія, какъ бы съ перваго взгляда они мелочны и незначительны ни были, могутъ служить матеріаломъ для статистики, потому-что во всѣхъ отражаются существенныя основы исторической жизни народа, отражается степень его развитія въ данную эпоху. Вѣрный до конца высказанной въ нашей выпискѣ побудительной причинѣ перевода Моро-де-Жоннеса, г. Щепкинъ, въ заключеніе книжки, присоединилъ прибавленія, въ которыхъ помѣщены главные источники статистическихъ данныхъ въ разныхъ государствахъ, и краткую библиографію теоріи статистики. И то, и другое составлено отчетливо и можетъ принести пользу не только для начинающаго заниматься статистикой, но и специалисту, который не въ-состояніи и не обязанъ помнить всѣ статистическія учрежденія разныхъ странъ.

Языкъ перевода гладокъ, книга читается легко, что, признаться, рѣдкость въ русскихъ переводахъ. «Начальныя основанія статистики» Моро-де-Жоннеса изгладили въ насъ то недовѣріе къ русскимъ переводамъ изъ области экономическихъ наукъ, которое мы получили отъ встрѣчи съ изуродованными «Основаніями политической экономіи» Ж. Горнье, которыми подарилъ русскую публику г. Ососовъ.

Однако, мы замѣтимъ г. Щепкину, правда, маловажный, но сильно дисгармонирующій не только съ существенными достоинствами перевода, но даже съ опрятною и красивою внѣшностью изданія, недостатокъ. Онъ состоитъ въ большомъ количествѣ мелкихъ ошибокъ, происшедшихъ преимущественно отъ невнимательной корректуры. Для приѣбра укажемъ только на нѣкоторыя изъ нихъ, потому-что перечислять всѣ замѣченныя нами было бы утомительно. На страницѣ 10, въ прилѣчаніи—Света(о)вій; на страницѣ 26—по(а)жити; на страницѣ

176 — Зис(е)милъхъ : поѣмѣчки фамилія этого автора Sissmilch; на страницѣ 193, въ послѣдней строкѣ, опечатка. Особенно преисполненъ опечатокъ одинъ изъ отдѣловъ библиографіи статистики, именно англійскихъ сочиненій. Что касается до недосмотровъ и ошибокъ въ самомъ переводѣ, то мы нашли ихъ немного и считаемъ долгомъ указать ихъ переводчику. Въ концѣ страницы 25 переведено: *объемъ* каждой отрасли сельскаго хозяйства, вмѣсто: *поверхность*, занимаемая каждою отраслю сельскаго хозяйства (la surface de chaque sorte de culture). На страницѣ 28, при вычисленіи отдѣловъ промышленности, слова: «les manufactures et *exploitations*», переведены такъ: «мануфактурная и *обрабатывающая* промышленность». По нашему мнѣнію, понятію «exploitations» соотвѣтствуетъ болѣе наше—разрабатывать, наиримѣръ «l'exploitation de houille» — разработка каменнаго угля. На страницѣ 59 переведено: «Греческіе историки не оставили намъ ни одной *статистики*», вмѣсто *ревизіи* (aucun des recensements). На страницѣ 63, 6 строка переведена: «*политическую способность*», вмѣсто *политическія права* (leur capacité politique). На страницѣ 184 фраза Морю-де-Нюннеса: «la multitude des courtisanes, qui, dans toutes les capitales de l'Europe *enlèvent au mariage la puissance du besoin*», переведена такъ: «множество публичныхъ женщинъ, которыя во всѣхъ столицахъ Европы *отнимаютъ у браковъ производительную силу*». Намъ кажется это неточнымъ: мысль французскаго автора такова, что публичныя женщины *въ ущербъ браку уничтожаютъ необходимость въ немъ*. На страницѣ 289, вмѣсто «изъ *общихъ* ревизій», надобно: изъ *шести* ревизій (d'après six recensements). На страницѣ 347 слово «*métayers*» переведено словомъ *арендаторы*. Наше «арендаторъ» соотвѣтствуетъ французскому fermier; métayer же имѣетъ совершенно-другое значеніе. Métayer беретъ у землевладѣльца для своего производства не только участокъ земли, но и весь капиталъ, необходимый для ея обработки, наиримѣръ: скотъ, земледѣльческія орудія и прочее, и вноситъ за это землевладѣльцу не условленную, напередъ-опредѣленную арендную плату, какъ фермеръ, или арендаторъ, но вообще половину всѣхъ произведеній, полученныхъ съ занимаемаго участка. Слово métayer надобно переводить словомъ *половникъ*, то-есть работающій изъ-полу.

Мы надѣемся, что г. Щейкинъ не сочтетъ нашихъ замѣчаній придирками и обратитъ на нихъ вниманіе, чтобы исправить эти незначительные недосмотры при второмъ изданіи своего перевода, если онъ понадобится. Мы же искренно желаемъ, чтобы это второе изданіе понадобилось.

А. Ш.

Профессора Юлія Вейсбаха теоретическая и практическая механика. Перевелъ съ третьяго нѣмецкаго изданія І. Стебницкій. Томъ 1. С.—Петербургъ. 1859.

Переводъ «Механики» Вейсбаха даетъ намъ случай поговорить вообще о способахъ изложенія механики. Механика, въ ряду математическихъ знаній — первая истинно-опытная наука о природѣ. Ея конечная цѣль — объяснить съ математическою точностью явленія, окружающія насъ въ природѣ неорганической, во всемъ видимомъ мірѣ, и этимъ служить на пользу человѣка въ жизни. Для этого она разсматриваетъ причины движенія, причины перемѣнъ въ тѣлахъ — силы, подмѣчаетъ законы, по которымъ дѣйствуютъ силы, случаи, гдѣ сила, повидимому, не производитъ дѣйствія — случая равновѣсія силъ. Гдѣ дѣйствія силы проявляются во всей полнотѣ, не осложняются дѣйствіемъ другихъ силъ, не встрѣчаютъ замѣтныхъ препятствій, тамъ средства и способы, которыми владѣетъ механика, достаточны для уясненія всѣхъ подробностей явленія. Таковы явленія въ пространствѣ вселенной. Великій законъ Ньютона до сего времени одинъ объясняетъ всѣ подробности движенія небесныхъ тѣлъ. Не то видимъ въ явленіяхъ на землѣ. Тутъ, кромѣ силы тяготѣнія, носящей частное названіе тяжести, являются другія силы природы — расширительная сила теплорода, силы между частицами тѣлъ — прилипаніе, сдѣленіе, упругость и проч., которыя хотя, можетъ-быть, служатъ только продолженіемъ всемірной силы тяготѣнія, но, проявляясь въ особенныхъ обстоятельствахъ, характеризуются иначе; мускульная сила живыхъ существъ. Всѣ эти новые роды силъ измѣняютъ, ограничиваютъ дѣйствія первоначальной силы тяжести и, вмѣстѣ съ множествомъ препятствій, осложняютъ явленія на землѣ, затрудняютъ ихъ объясненіе. Но, несмотря на это, дѣйствія силъ на землѣ, явленія среди насъ, все-таки должны составлять главнѣйшую часть механики. Земныя силы даютъ себя чувствовать на каждомъ шагу. Въ ихъ кругу проходитъ наша жизнь. Вотъ почему механика, если можно назвать, «земная», по-крайней-мѣрѣ, столько же важна, какъ и небесная. Но, при объясненіи явленій на землѣ, механика очевидно должна принять иной характеръ. Кромѣ немногихъ собственно движущихъ силъ, какъ тяжесть, здѣсь на первомъ планѣ выступаютъ силы, препятствующія движенію, сопротивляющіяся ему. Треніе соприкасающихся тѣлъ, сопротивленія тѣлъ твердыхъ (матеріаловъ), воды, воздуха представляются намъ на каждомъ шагу. Иногда намъ нужно преодолѣть эти сопротивленія, въ другихъ случаяхъ воспользоваться ими, судя по предположенной цѣли. Эти препятствія движенію служатъ главнѣйшимъ средствомъ при устройствѣ нашихъ жилищъ, орудій, снарядовъ. Поэтому естественно, что, въ земной механикѣ, изслѣдованія о силахъ, сопротивляющихся движенію, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ ея частей. Въ самомъ дѣлѣ, когда-то намъ придется видѣть при физическихъ опытахъ паденіе тѣлъ въ безвоздушномъ пространствѣ; а паденіе и бросаніе ихъ въ воздухѣ, движеніе его, ложка осей и колесъ въ экипажахъ, разрушеніе непрочныхъ зданій — явленія, встрѣчающіяся каждому. Пусть не думаютъ, что мы этимъ отвергаемъ важность изслѣдованія

явленій въ особенныхъ обстоятельствахъ, не встрѣчающихся въ жизни, но упрощающихъ фактъ и облегчающихъ его объясненіе. Изученіе основныхъ законовъ дѣйствія тяжести, такъ же, какъ притягательной силы солнца, взятыхъ въ своей теоретической простотѣ, останется навсегда необходимымъ для перехода затѣмъ къ объясненію дѣйствительныхъ явленій. Мы хотимъ только сказать, что изслѣдованія другихъ обстоятельствъ, которыя измѣняютъ дѣйствіе простыхъ силъ, на столько же важны, какъ изслѣдованія о самыхъ силахъ, и что ученіе о различныхъ сопротивленіяхъ движенію имѣетъ полное право занять мѣсто въ каждомъ курсѣ механики. Скажутъ, что изслѣдованія объ упругости и сопротивленіи матеріаловъ не могутъ излагаться въ рациональной механикѣ потому, что еще недостаточно изучено дѣйствіе частичныхъ силъ, что между сопротивленіемъ матеріаловъ и высшими силами, вызывающими его, найдены только эмпирическія формулы. Возраженіе совершенно-неосновательное! Формулы, связывающія обстоятельства движенія твердаго тѣла, напримѣръ, его скорость, наружный видъ, съ величиною сопротивленія жидкости, или воздуха, въ которыхъ оно движется, точно также эмпирическія, хотя и носятъ названіе законовъ. Новѣйшіе опыты показываютъ недостаточность закона пропорціональности сопротивленія среды квадрату скорости движущагося тѣла; но изслѣдованія этихъ сопротивленій даютъ мѣсто въ аналитической механикѣ. Изысканія о треніи твердыхъ тѣлъ, упругости пара и воздуха, истеченія воды, введенныя въ курсы механики, основываются точно на такихъ же законахъ, заимствованныхъ изъ опытовъ, какъ законы упругости и сопротивленія матеріаловъ, уясненные новѣйшими опытами Ферберра, Годкинсона, Шевандье и Вертгейма. Трудность изслѣдованій всѣхъ сопротивленій путемъ исключительно аналитическимъ не должна служить поводомъ къ исключенію этихъ изслѣдованій изъ курсовъ механики. Средствъ современнаго анализа достаточно для объясненія явленій при сопротивленіи матеріаловъ въ обыкновенныхъ практическихъ случаяхъ. Если аналитики нашего времени находятся въ затрудненіи рѣшить во всей общности предлагавшійся французскою академіею вопросъ о равновѣсіи твердаго призматическаго тѣла, подверженнаго дѣйствію всякаго рода воображаемыхъ высшихъ силъ, то это показываетъ, что путь исключительно аналитическій для разъясненія земныхъ явленій, безъ частой опытной повѣрки выводовъ, не всегда достаточно, но слишкомъ—большой общности рѣшенія. Жители земли не могутъ дожидаться, для сооружеія прочныхъ жилищъ, мостовъ, машинъ, рѣшенія предложенной академіею задачи, отъ которой академія тотъ же отказалась.

Въ объясненіи земныхъ явленій гораздо—надежнѣе и ближе къ дѣлу путь, состоящій въ постепенномъ обобщеніи результатовъ, съ постоянной повѣркой опытомъ каждаго новаго изъ нихъ, нежели тотъ путь, который дѣлаетъ быстрый переходъ отъ частныхъ опитныхъ выводовъ

касательно частичных силъ къ рѣшенію совершенно-общей задачи. Часто рѣшеніе такой задачи, представляя непреодолимые трудности въ анализѣ, если и достигается, то даетъ такое множество лишннихъ результатовъ, что всѣ могущіе встрѣтиться на самомъ дѣлѣ случаи составляютъ малѣйшую ихъ часть.

Мы сказали, что путь преимущественно-опытный надежнѣе исключительно-аналитическаго. Употребляя предпочтительнымъ средствомъ къ объясненію явленій анализъ, механикъ не долженъ ни на минуту упустить изъ виду тѣхъ ограниченій, которыя полагаетъ природа въ величинѣ силъ, тѣлъ, частей пространства; не забывать предѣловъ, между которыми заключаются измѣряемыя, или данныя тѣла, направленіе и образъ дѣйствій силъ, предѣлы отношеній, между которыми содержатся скорости къ одной определенной въ дѣйствительности, и т. д. Выпустивъ что-нибудь изъ виду, анализъ легко приходитъ къ несообразности рѣшенія съ дѣйствительностью. Анализъ — мечъ обоюдоострый. Исключительное употребленіе его, безъ частой опытной повѣрки результатовъ, можетъ послужить во вредъ, доказавъ несовершенно-короткое знакомство съ нимъ употребляющаго.

Есть еще особенность въ механикѣ, занимающейся земными явленіями—особенность въ сущности ея содержанія. Одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ такъ-называемыхъ «теоретическихъ» механикъ состоитъ въ томъ, что выводы, получаемые изъ теоріи, бывають слишкомъ-несогласны съ дѣйствительностью даже при точности аналитической работы, и нужно сознаться, что механика, въ большей части учебныхъ курсовъ, страдаетъ этимъ недостаткомъ; она раздѣлена огромнымъ пространствомъ отъ самыхъ простыхъ, самыхъ обыкновенныхъ приложений: нѣтъ ничего труднѣе, какъ начало теоретической механики приложить къ рѣшенію самаго простаго практическаго вопроса. Причина этого вѣтъ въ чести. Теоретическая механика разсматриваетъ тѣла совершенно-твердыя, совершенно-упругія, или неупругія, несжимаемыя и проч. Въ самой природѣ нѣтъ такихъ тѣлъ безусловно; о физическихъ свойствахъ тѣлъ не заботятся; сжимаемость, растяженіе, жесткость, сцепленіе частицъ какъ-будто не существуетъ, тогда-какъ эти свойства проявляются при всякомъ дѣйствіи внѣшнихъ силъ на тѣла и если не дѣлають совершенно-ложными теоретическіе выводы, то, по-крайней-мѣрѣ, измѣняютъ ихъ дотого, что они оказываются вдвое, втрое больше или меньше дѣйствительныхъ.

Такия условія въ изложеніи механики Вейсбахъ выполняетъ болѣе другихъ. При составленіи ея онъ преимущественно имѣлъ въ виду, передавши начала ея, приложить ихъ къ рѣшенію вопросовъ, встрѣчающихся въ практикѣ инженеровъ, механиковъ, архитекторовъ и вообще техниковъ. Теоретическія изслѣдованія изложены у него въ такой размѣръ, какой только необходимъ для яснаго уразумѣнія предмета, при практическомъ приложеніи. Почти каждый выводъ сопровождается

практическими примѣрами, которые тотчасъ же показываютъ его значеніе въ практикѣ. Такіе примѣры, взятые изъ обыкновенныхъ явленій, представляющихъ глазамъ каждаго, необыкновенно уясняютъ дѣло. При рѣшеніи этихъ примѣровъ, Вейсбахъ избираетъ кратчайшій и удобнѣйшій путь и тѣмъ даетъ руководство для практическаго примѣненія результатовъ механики къ дѣлу. Для бѣльшей доступности своего сочиненія, Вейсбахъ избѣгаетъ, по-возможности, употребленія высшаго анализа и вводитъ его только при необходимости; но для пособія тѣмъ, кто незнакомъ съ анализомъ, въ началѣ сочиненія помѣщены «Вспомогательныя сужденія изъ высшаго анализа». Ознакомившись съ ними, и несвѣдущій до того въ высшей математикѣ пойметъ то, что изложено при пособіи анализа.

Другимъ средствомъ для яснаго изложенія дѣла Вейсбаху служила изобразительность. Сочиненіе снабжено множествомъ прекрасныхъ поли-типажей. Въ первомъ томѣ ихъ до 750, во второмъ болѣе 450, въ третьемъ около 650. Они представляютъ наглядно формы различныхъ кривыхъ линій, законы движенія, чертежи сооружений, снарядовъ, машинъ и ихъ отдѣльныхъ частей.

Переведенный нынѣ на русскій языкъ первый томъ составляетъ общую механику. Послѣ ясныхъ понятій о различныхъ родахъ движенія, изложенъ способъ представлять ихъ графически, опредѣленіе силы, ихъ раздѣленіе по производимому ими дѣйствию; опредѣлена мѣра силъ и части, составляющія ихъ дѣйствія. Затѣмъ, во второй главѣ втораго отдѣленія, изложена механика матеріальной точки, работа силы, законъ живыхъ силъ, сложеніе и разложеніе ихъ, передача работы. Въ третьемъ отдѣленіи излагаются законы статика твердыхъ тѣлъ, ученіе о статическихъ моментахъ, парахъ силъ, центрѣ силъ параллельныхъ и начало возможныхъ перемѣщеній. Ученіе о центрѣ тяжести занимаетъ цѣлую главу. Затѣмъ излагаются: равновѣсіе несвободной системы точекъ, давленіе на ось тѣла, рычагъ, взаимное давленіе тѣлъ, формулы устойчивости, клинъ, равновѣсіе веревочныхъ машинъ. Далѣе—ислѣдованіе о треніи и жесткости. Потомъ изложено современное ученіе объ упругости и сопротивленіи твердыхъ тѣлъ, одна изъ важнѣйшихъ, какъ мы сказали, частей механики. Тутъ упомянуто о всѣхъ новѣйшихъ опытахъ по этому предмету и выведенные результаты приложены, какъ въ дѣлой книгѣ—къ рѣшенію практическихъ вопросовъ. Четвертое отдѣленіе заключаетъ въ себя динамику твердыхъ тѣлъ: ученіе о моментахъ инерціи, центробѣжной силѣ, несвободномъ движеніи при дѣйствіи на тѣла силы тяжести и наконецъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ статей—теорію удара. Тутъ рассмотрѣны ударъ центральнѣй, косвенный, боковой, вращающихся и качающихся тѣлъ, баллистическій маятникъ, треніе при ударѣ, употребленіе силы удара, вбиваніе свай, сопротивленіе тѣлу удару. Пятое и шестое отдѣленіе рассматриваютъ гидростатику и гидро-

динамику, точно также со множеством приложений, которые могут встрѣтиться въ жизни, и приѣтровъ въ числовыхъ данныхъ.

Переводъ перваго тома механики Вейсбаха—пріятное явленіе въ нашей ученой литературѣ. У насъ невообразимая бѣдность на всѣ оригинальные курсы механики. Гг. І. Стебницкій и Н. Соколовъ оказываютъ большую услугу нашимъ практикамъ, дѣлая имъ доступнымъ одно изъ лучшихъ руководствъ къ механикѣ. Настоящій переводъ дѣлается съ послѣдняго, третьяго, изданія на нѣмецкомъ языкѣ, которое остановилось на третьемъ томѣ.

Второй томъ, по обѣщанію издателя, долженъ появиться въ сентябрѣ. Къ достоинству перевода нужно прибавить то, что формулы, зависящія отъ численныхъ коефіціентовъ, соответствующихъ извѣстнымъ единицамъ мѣры, а также таблицы, служащія для облегченія численныхъ вычисленій, переведены на мѣры русскія. Всякій занимающійся практикою въ области строительнаго искусства и вообще механики знаетъ, какъ много времени отнимаетъ совершенно-механическая работа приводить результаты проектовъ по устройству сооружений и машинъ къ однимъ единицамъ мѣры, вѣса, цѣны, когда числовыя величины ихъ даны различными писателями и практиками въ различныхъ единицахъ. Для облегченія этого труда, желательно бы имѣть хорошія изданія на русскомъ языкѣ, въ родѣ Aide-mémoire Морена. Жаль, что прекрасная «Паматная Книжка», заданная гг. Собко и Глуховымъ, остановилась на первомъ томѣ. Мы не останавливаемся на нѣкоторыхъ недосмотрахъ въ переводѣ, но указываемъ на одинъ—въ таблицѣ коефіціентовъ упругости и сопротивленія различныхъ тѣлъ (стр. 124). Временное сопротивленіе кожаныхъ ремней показано 7, 9 пудовъ на англійскій квадратный дюймъ, и подъ этимъ числомъ—20 килограммовъ на квадратный сантиметръ или 290 прусскихъ фунтовъ на квадратный дюймъ. Въ подлинникѣ этой таблицы, число 290 фунтовъ назначено въ ремняхъ не для предѣльнаго груза, отъ котораго разрывается ремень сказаннаго поперечнаго сѣченія, а вѣсъ, которымъ можно съ благонадежностію натягивать ремень въ практикѣ. Этотъ вѣсъ, 20 килограммовъ на сантиметръ, данъ Мореномъ для предѣла прочнаго сопротивленія въ его *Leçons de Mécanique pratique*, 1853, page 56. Временное же сопротивленіе (*resistance à la rupture*) ремней, по опытамъ Бевана (*Dingler's Polytechn. Journal*, Bd. XVI), равняется 3980 прусскихъ фунтовъ, что соотвѣтствуетъ 108,4 пуда на квадр. дюймъ. Объ этой величинѣ временнаго сопротивленія ремней упоминаетъ Вейсбахъ въ третьемъ томѣ своего труда (1851 г., стр. 63).

О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Речь проф. В. Григоровича. Казань. 1859.

Т. СХХVI. — Отд. III.

1/4

Въ нашемъ обществѣ существуетъ одно очень-странное мнѣніе, которое мы готовы назвать оскорбительнымъ и для науки, и для современнаго человѣка. Говорятъ, или, по-крайней-мѣрѣ, думаютъ, что изученіе старины, интересъ науки должны быть далеки отъ современности: въ этомъ отдаленіи, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается залогъ успѣховъ исторической науки, потому-что она только тогда достигаетъ возможнаго совершенства, когда перомъ историка управляетъ чувство безстрастія, когда онъ смотритъ на событія и лица *ohne hast und gast, sine ira et studio*. Существованіе такого страннаго мнѣнія доказывается тѣмъ, что настоящіе изслѣдователи нашей старины, действительно, какъ-то не вѣтру уже погружаются въ туманъ прошедшаго и умываютъ руки предъ всеми современными интересами, не приходя въ нихъ никакого участія.

Причины такого явленія нетрудно найти: у однихъ — это просто слабость, недостатокъ живаго чувства, которое высохло и пострадалось на изученіе одной буквы, *невѣдуяще разума*; у другихъ, людей болѣе-живыхъ—это чувство безнадежія достигнуть чего-нибудь положительнаго такимъ путемъ соединенія интересовъ науки съ вопросами современной жизни: встрѣчая верхоглядство и неуваженіе къ наукѣ у тѣхъ, которые девизомъ своей общественной дѣятельности избрали соединеніе народнаго съ общечеловѣческимъ, науки съ жизнью, видя нѣтъ уступки въ пользу темнаго преданія, а съ другой стороны не ожидая никакого добраго исхода такой дѣятельности, гдѣ нѣтъ возможности идти путемъ открытымъ и честнымъ, многіе люди, полные энергіи и благихъ стремленій, добровольно отказываются отъ служенія насущнымъ интересамъ и уходятъ въ старину, стараясь сколько возможно забыть современность, и скучную, и тяжелую. Явленіе печальное, мало свидѣтельствующее въ пользу нравственнаго развитія общества!

Какъ бы то ни было, намъ кажется, что, покоряясь горькой необходимости, не слѣдуетъ признавать ея законности: известное событіе, *вынуждающее* насъ на тотъ, или другой поступокъ, еще не обязываетъ насъ признавать этотъ поступокъ за истинный и честный, потому-что его причина лежитъ не въ человѣческой свободѣ, а въ дѣйствіи, совершенно ей противоположномъ—въ принужденіи. Иное дѣло дѣйствіе, а иное—убѣжденіе. Въ обществѣ, гдѣ первое стѣснено разными канонами да указателями, гдѣ человѣкъ обязанъ дѣйствовать не по собственному побужденію, а по разнымъ предписаніямъ, не можетъ существовать идея гражданской честности въ дѣйствіяхъ; для нея остается только убѣжденіе, коснуться котораго не могла и не можетъ ничья святотатственная рука. Изъ этого неестественнаго положенія вытекаетъ тотъ глубоко-трагическій характеръ нашей современности, которымъ отличается каждое ея явленіе, неизменное признака жизни. Моль и истина, принужденіе и свободная мысль—все это идетъ рядомъ, другъ возлѣ друга, почти не замѣчая своей несовмѣстности; человѣкъ дѣлаетъ

одно, а говорить друге и, чаще всего, мыслить *третье*, если еще уплывла въ немъ способность мыслить! Вотъ почему, признавая печальное существованіе современнаго отдѣленія науки отъ жизни на дѣлѣ, мы думаемъ, что ничто не обязываетъ насъ принять *убѣжденіе въ необходимости и законности его*. Напротивъ, находясь подъ неестественными условіями, повинувась имъ, мы не должны колебаться въ нравственной или этической, хотя бы здѣсь скрывалась горькая укоризна нашей нравственной дѣли, хотя бы въ этомъ приговорѣ и слышалось осужденіе самого суда. Потому—то мы никакъ не можемъ представить себѣ современнаго историка, подобно слѣпой Океидѣ, на всѣхъ безпристрастія и равнодушія оцѣнивающаго судьбы народовъ: пусть къ этому идеалу стремится и г. Чичеринъ, и другіе, неменѣе—знаменитые историкомъ и публицистомъ: мы не поступимся нашей *свободою* въ необходимость и возможность иногда взгляда на исторію, въ которой бы не было ни неумѣреннаго восточнаго мистицизма, ни черезчуръ—умѣренной дурачности и такъ—называемаго безпристрастія!

Нашелую поддержку нашему убѣжденію представляетъ прекрасная рѣчь профессора Григоровича, заглавіе которой мы привели выше.

Мы читали ее подъ свѣтлыми и радостными впечатлѣніями: мы думали, что наступило время, когда великая истина о необходимости свободнаго развитія національностей молучитъ полное практическое оправданіе; мы вѣрили въ великую побѣду человѣческаго чувства надъ оупытливою рутинною и граничными разсчетами; мы жалѣли только, что за святое дѣло владѣлись такіа нечистыа руки... Теперь мы пишемъ отчетъ о рѣчи г. Григоровича подъ вліаніемъ горькаго чувства обманутой надежды, и тѣмъ дороже для насъ эти немногіа страницы, отъ которыхъ вѣетъ такою теплотою современнаго чувства, такимъ живымъ человѣческимъ участіемъ къ народнымъ страданіямъ, что наша надежда, которая такъ грубо секорбала послѣднее политическое событіе, снова воскресаетъ, и вѣра въ будущее снова даетъ силы для борьбы и горькаго терпѣнія.

Въ послѣднее время, мы почти не знаемъ книги, впечатлѣніе которой такъ глубоко зашла бы въ душу, какъ эти немногіа листки рѣчи г. Григоровича. Какой—нибудь ученый доктринеръ укажетъ, пожалуй, на вѣковую поверхностность и краткость въ изложеніи таваго важнаго предмета, какъ судьбы Сербіи въ XIV и XV вѣкахъ; но мы далеки отъ таково упрека, потому—что на рѣчи г. Григоровича смотримъ совершенно на съ той стороны. Это—одно изъ тѣхъ немногихъ явленій, которыхъ долговѣчность опредѣляется не богатствомъ матеріала, а мыслию, его оупытливою. Многа книга и основательнѣе, и ученѣе проходитъ въ общественнои жизни даромъ и забывается, какъ вѣкому в ничему непригодное, но немногіа, подобно брошюрѣ г. Григоровича, вѣтъ закладную часть удовлетворять современному чувству, которое особенно дорого цѣнитъ нравственную поддержку въ томъ состояніи таково гру-

баго оскорбленія, въ какомъ оно находится нынѣ. Вопросъ, на которомъ остановился г. Григоровичъ, двойнѣ намъ близокъ: онъ—вопросъ славянской. Какъ бы ни разнились наши понятія объ этомъ предметѣ съ понятіями другихъ людей, прилагающихъ откупную систему ко всему славянскому, мы видимъ во всѣхъ этихъ стремленіяхъ доброе предназначеніе: время яраго крестоваго похода подъ знаменемъ панславизма прошло, воодушевленіе остыло, и, если мистицизмъ перестанет г. Хомякова и до-сихъ—поръ продолжаетъ помазывать вопросъ славянской, если до настоящаго времени сюда входитъ болѣе крика, чѣмъ серьёзнаго дѣла, то и это современемъ, при устраненіи различныхъ препятствій, уступитъ мѣсто свѣтлому человѣческому взгляду на междуславянскія отношенія—взгляду, плодотворность котораго опредѣлится чѣмъ—нибудь прочтѣе однихъ мистическихъ грѣзъ и не всѣмъ понятныхъ этнографическихъ симпатій. Доказательствомъ этому служить то трезвое пониманіе славянскаго вопроса, которое въ общественномъ мнѣніи все болѣе и болѣе приобретаетъ право гражданства. Славяне мало сдѣлали для исторіи человѣчества, ихъ политическая роль только—что начинается, и начинается при такихъ условіяхъ, что, говоря не шутя, они, дѣйствительно, могутъ поддержать старый міръ, нравственнаго разложенія котораго могутъ не видѣть только сами пациенты, о которыхъ можно сказать словами лазаревой сестры: «четверодневни суть и уже смердятъ!» Чѣмъ и какъ славянской міръ послужитъ на пользу человѣчества, судить еще нельзя; но, во всякомъ случаѣ, мы думаемъ, что далеко не тѣмъ, что отвергнуто западною наукою, какъ несовременная ложь, какъ обманъ, многообѣщающій и недающій ничего такого, что можно было бы употребить на дѣйствительную пользу челоѣка.

Только тогда будетъ плодотворна славянская нива и велика ея будущность, когда она всосетъ въ себя все жизненные соки, выработанные старымъ міромъ, его науку, его мысль. Безъ этихъ залоговъ будущность славянскаго міра ничѣмъ не обезпечена, и его части легко могутъ потеряться, какъ потерялись и исчезли балтійскіе славяне и какъ мало-по-малу, благодаря усерднымъ попеченіямъ австрійской цивилизаціи, теряются и вымираютъ цѣлыя поколѣвія свѣжаго народа. Мы приходимъ къ тому, съ чего начали: необходимо свободное развитіе національностей, усвоеніе плодотворной западной жизни, необходимъ полнѣйшій просторъ челоѣческому чувству и слову. На этихъ желаніяхъ мы покажемъ остановимся; они наполняютъ все содержаніе современнаго славянскаго вопроса; съ такими руководителями будущее прочно пойдетъ далѣе и, вѣрно, не остановится съ грустнымъ раздумьемъ надъ тѣми обломками старины, которые низводятъ такую глубокую скорбь на души нашихъ попечителей славянской народности и хранителей *славянскаго чувства любви!* Прежде, чѣмъ остановимся на самомъ содержаніи рѣчи г. Григоровича, укажемъ на его постановку вопроса. Дѣло идетъ вообще о южныхъ славянскихъ народтахъ.

«Кто хоть бѣгло (говорить профессоръ) слѣдилъ за движеніемъ современныхъ событій и вникалъ въ смыслъ внушеній, которыми двигалась жизнь этихъ несчастныхъ племенъ, конечно, не произнесетъ объ нихъ приговора своего, не взвѣсивъ значенія прошедшихъ и настоящихъ ихъ дѣяній. Быть-можетъ, уравновѣшивая ихъ отношенія, бывшая съ вышѣшними, безпристрастный судья замѣтитъ съ справедливымъ укоромъ неправду многихъ осужденій, взводимыхъ на нихъ, и въ тревожныхъ движеніяхъ этихъ народовъ усмотритъ послѣдствія давнихъ поощреній, внушенныхъ самими осуждающими.

«Не странно ли слышать нынѣ укоризны этимъ народамъ, послѣ того, какъ въ продолженіе вѣковъ сопротивленіе насилію ислама оправдывалось требованіемъ христіанскаго долга? Не странно ли видѣть услужливость туркамъ тѣхъ, воззванія которыхъ къ свободѣ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ навсегда напечатлѣлись въ памяти этихъ народовъ?» (Стр. 4.)

Эту вполне-справедливую мысль авторъ доказываетъ многими историческими фактами. Изъ нихъ читатель можетъ видѣть крайнюю политическую безпечность и довѣрчивость южныхъ славянъ и тѣ нечестныя продѣлки, къ какимъ прибѣгали ихъ сѣверные сосѣди для того, чтобъ чужою кровью купить свое временное спасеніе. Отсутствие нравственнаго стыда дошло до того, что со стороны австрійцевъ слышались и еще до-сихъ-поръ слышатся обвиненія тѣмъ, которые, можно сказать, на своей спинѣ вынесли политическую самостоятельность Австріи изъ тяжелой борьбы съ османами! Чтобъ дать надлежащій смыслъ такимъ тупымъ обвиненіямъ, г. Григоровичъ останавливается на событіяхъ сербской исторіи преимущественно XIV и XV вѣковъ, потому-что въ это время рѣшилась участь сербскихъ славянъ и опредѣлялись тѣ начала, за которыя боролись они и которыя условили ихъ дальнѣйшую политическую судьбу. Этимъ, такъ-сказать, приводится къ сознанію прошлаго и кладется прочный фундаментъ настоящимъ стремленіямъ къ самостоятельности.

«Въ XIV столѣтіи, въ эпоху появленія османовъ въ Европѣ, три начала выражались жизнью народовъ, находившихся въ непосредственныхъ отношеніяхъ между собою. Ими опредѣлялся характеръ борьбы, кончившейся торжествомъ исламизма на всемъ пространствѣ Восточной Римской Имперіи.

«Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и неясно сознаваемой, потребности охранить свою народность; Византія—на политикѣ, вытекающей изъ отвлеченной теоріи о римскомъ владычествѣ; феодализмъ торжествовалъ тамъ, гдѣ нарушалась связь народнаго общенія.

«Славяне, выдержавъ неоднократно удары явныхъ враговъ, въ стремленіи создать самодержавныя государства, опираясь на собственное могущество, были только крѣпки народнымъ единствомъ, сильныя духовною самостоятельностью. Но своеобразная, юная силами жизнь славянъ, едва успѣвавшихъ ограждать государственную цѣлость отъ явныхъ враговъ, заранѣе поражаема была примѣсью чуждыхъ началъ, пагубно дѣйствовавшихъ въ грозную минуту вторженія османовъ.»

Затѣмъ г. Григоревичъ предлагаетъ чрезвычайно-краткую характеристику византийскаго политикана того времени. Для насъ эта живая страница имѣетъ особую цѣну, потому-что наши отношенія къ Византіи, въ вліяніе на нашу гражданственность и вообще весь внутренній бытъ ея дѣтото обезображены бождарными ввезеніями г. Вѣлова и другихъ чти-телей византийскаго начала, дѣтото искажены разными побсторонными, отъ редакціи независимыми, обстоятельствами, что каждое слово истиннѣе очень-дорого намъ, привыкшимъ въ этомъ случаѣ имѣть дѣло лишь съ отвѣтвенною дѣтото и тѣми тупыми попытками защитить ложь, которыя старыя посохы пастырей мѣняютъ на палку дикаго умственнаго насидія и достигаютъ своей цѣли не мытѣемъ, такъ катанѣемъ.

«Византія (говоритъ професоръ), съ завистью взирая, среди собственнѣхъ раздоровъ, на усиленіе славянъ, достигала своего преобладанія, дѣтвству на нихъ своею политикою. Вѣрная темнымъ преданіямъ о Римской Имперіи и сознавая свое безсиліе, она нуждалась въ гибели другихъ для собственнаго существованія. Недоступная кореннымъ преобразованіямъ, коснѣя въ самолюбивой мечтѣ о своемъ превосходствѣ, она не дорожила простощеніемъ единовѣрныхъ народовъ, но своимъ вліяніемъ вносила разладъ въ гражданскую ихъ жизнь, дабы легче распорядиться ихъ довѣріемъ, или возвышаться надъ порождаемыми ею крамолами. Политика ея, не воодушевляясь мужественнымъ самоотверженіемъ, искала только жертвъ, и жертвами ея были народности. Петерявъ внутреннюю связь въ государственной жизни, Византія прилагала тѣ же начала внѣшней политики и въ собственной администраціи. Обезсаливъ коренной греческій народъ, она отвлеченному понятію о римляннѣ придавала значеніе преимущества, служившаго къ разобщенію, не къ соединенію ея обитателей. Питая тщеславіе своихъ гражданъ, сохранившихъ античныя прикрасы отъ міра, давно ими отверженнаго, она не внушила имъ также гражданскихъ добродѣтелей. Византія не жила общею жизнью, не волновалась общими чувствомъ, но, образуясь какъ софисты, копировали съ древнихъ участіе къ гражданскимъ доблестямъ, а въ-сущности исполненны были отвлеченной премудрости, доводившей до абсолютной способности скрывать корыстолюбивые виды подъ личною заботливостію объ общемъ благѣ. Среди опасностей, угрожавшихъ цѣлости отечества, византія не разъ измѣняла его пользамъ, вѣрняя чужимъ защитѣ его и забывая, что сила государства лежитъ въ сочувствіи собственнаго народа. Отрицаніе, слѣдственно, народности и усиленіе эгоизма—это главные черты Византіи въ эпоху водворенія османовъ.» (Стр. 9—10.)

Хотя при этой меткой характеристикѣ г. Григоревичъ исключителенно вытѣлъ въ виду византийскую политику эпохи вторженія османовъ, но силно можно сказать, что истина его словъ нисколько не пострадала бы, еслибъ кто вздумалъ утверждать то же самое и о вѣкахъ предшествующихъ, девятомъ, десятомъ и т. д.

Поэтому намъ думается, что такой взглядъ на Византію давалъ ей себѣ оправданіе и въ русской исторіи. Намъ живо представляется теперь

на память тотъ энергическій голосъ, который, цѣлыми посыланіемъ ранѣе нашего времени, возсталъ противъ мертвящаго вліянія, накинута надъ нами связь съ дракломъ Византію. Дѣло шло о томъ, отчего не спорится цивилизація въ Россіи, отчего, выражаясь его же словами, во все продолженіе нашего общественнаго существованія, мы ничего не сдѣлали для общаго блага людей: ни одной полезной мысли не возрасло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло изъ среды насъ? отчего имъ ничего не придумали сами, и изъ всего, что придумано другими, замѣтывали только обманчивую паружность и бесполезную роскошь? Для объясненія такихъ скорбныхъ вопросовъ, этотъ человекъ обратился къ исторіи, спрашивая: «что дѣлали мы въ то время, когда изъ жестокой борьбы варварства сѣверныхъ народовъ съ высокою мыслию религіи возникло величественное зданіе новаго образованія?»
 Отвѣтъ былъ рѣшителенъ:

«Ведомые злою судьбою (говорилъ онъ), мы замѣтывали перама стѣна нравственнаго и умственнаго просвѣщенія у Византіи. Малая суетнасть только-что оторвала ее отъ всемірнаго братства, и мы приняли отъ нея идею, искаженную человѣческому страстию. Въ это время животворящее начало единства одушевляло всю Европу. Все текло тамъ изъ этого начала, все сосредоточивалось, всякое умственное движеніе шло къ объединенію человѣческую мысль, всякое побужденіе проявлялось могучею потребностію отыскать одну всемірную идею... Чуждые этому дивному началу, мы далеко добычей завоевателей. Свергнувъ иже чужеземное, мы могли бы воспользоваться идеями, которыя развились между-тѣмъ, у нашихъ западныхъ братій; но мы были оторваны отъ общаго семейства»... Глубокая, явная тоска слышится въ этихъ словахъ: въ нихъ много поразительной правды, но не менѣе и мистической утѣши, которая всегда является тамъ, гдѣ действительность уже слишкомъ-грубо отталкиваетъ человѣка, оскорбляя его самую нѣжную, дорогія чувства. Какъ бы то ни было, одинъ разъ по-очію цѣлаго свѣта сказано было слово правды и указана истинная причина нашего горемычнаго житья-бытья и нашей безцвѣтной исторіи. Что же? Далека ли ушли мы въ тридцать лѣтъ? освободили ли мы нашу мысль отъ нравственнаго восточнаго мусора, смотритъ ли мы прямо въ глаза тому, что давило силы русскаго народа не менѣе всякой централизація съ ея воеводами, дьяками, подьячичи и тому подобною сволохью? Нѣтъ, мы все еще стоимъ съ опущенными глазами предъ Карачаевъ Книгою и въ ней ищемъ идеала для историческаго разумнаго судьбы родной земли; мы заранѣе убѣждены въ томъ, въ чемъ трудна убѣдиться, заранѣе прикрѣплены кривостыными записями къ Востоку, ехидною дурною мантію котораго видны только интрига и подлѣйшій развратъ. Мы думаемъ, что пора посмотреть на дѣло серьезнѣе, взглянуть истинно-историческимъ, котораго не могли бы задобрить никакія напередъ-сфери-мировоззніея понятія. Конечно, ни отъ западной, ни отъ восточной мысли не придетъ истинность этого дѣла; но все же не пришло бы

къ свободѣ отъ предубѣжденій въ пользу или во вредъ какихъ бы то ни было началъ, а потому и не могутъ имѣть историческаго взгляда, для котораго такъ же недостаточно одного полицейскаго убѣжденія въ спасительности централизаціи и государства, какъ и патологическихъ гаданій о могуществѣ русскаго народнаго духа. Рѣшеніе этого вопроса — на сколько онъ доступенъ ради своей скабрѣзности — должно ожидать отъ людей, рѣшающихся дать волю собственному уму-разуму и собственному современному чувству, необезсмысленному ревностнымъ не по разуму поклоненіемъ всякаго рода авторитетамъ и авторитетикамъ... Возвращаемся къ рѣчи г. Григоровича.

Рядомъ съ вліяніемъ Византіи шло и вліяніе феодализма, который коснулся и земель славянскихъ.

«Препятствуя возниканію сословій, подавляя свободное развитіе гражданства, феодализмъ тамъ, гдѣ народность отставала свое существованіе, дѣйствовалъ косвенно, но немѣнѣ-гибельно. Его-то вліянію приписываю я возниканіе у южныхъ славянъ самовольныхъ «властелиновъ», людей, мощныхъ своимъ боярствомъ, утверждавшихъ свои притязанія на увѣреніи, что сила есть право и право есть сила. И эти притязанія особенно обнаружались въ Сербіи во второй «половинѣ XIV столѣтія.»

Борьба съ османами застала Сербію именно въ ту пору, когда она находилась между этими двумя равно-враждебными огнями: Византіемъ и феодализмомъ, и она, конечно, должна была пасть, тѣмъ болѣе, что сами сѣверные сосѣди ея, вовлекая ее въ борьбу, искали только удобнаго случая для удовлетворенія своего властолюбія насчетъ владѣній сербскаго царства. Общія черты этой трагической судьбы Сербіи рисуетъ намъ въ своей рѣчи г. Григоровичъ, останавливаясь не столько на изложеніи мелкихъ событій, сколько на ихъ историческомъ значеніи. Приемъ вполне-основательный! Въ-самомъ-дѣлѣ, кому неизвѣстна въ подробностяхъ знаменитая косовская битва и событія, ей современныя, а между-тѣмъ всякій ли можетъ правильно оцѣнить ея историческое значеніе, особенно послѣ статьи г. Безсонова въ «Русской Бесѣдѣ (Лазарица)? Русскому читателю все это предметы небы-извѣстные: онъ имѣлъ случаи познакомиться съ ними изъ перевода г. Бартевева прекрасной «Исторіи Сербіи» Ранке и увѣсистой книги г. Майкова объ исторіи сербскаго языка; но такое знакомство нисколько не ослабляетъ интереса рѣчи г. Григоровича, главное вниманіе которой, какъ мы сказали, обращено не на полноту событій, а на ихъ смыслъ и значеніе. Прежде всего профессоръ входитъ въ нѣкоторыя подробности о политикѣ византійцевъ въ-отношеніи османовъ, славянъ и нѣмцевъ. Это служитъ лучшимъ подтвержденіемъ характеристики ея, приведенной нами выше. Въ стѣсненномъ положеніи, угрожаемомъ османами, византійцы раздѣлились на три стороны или партіи: одни видѣли спасеніе въ союзѣ съ турками, другіе—съ славянами, а третью—

съ латинянами. «Взвѣсивъ совѣты этихъ трехъ партій, императоръ Іоаннъ Палеологъ заключилъ, что, не предпочитая ихъ другъ другу, можно воспользоваться ими всѣми. Итакъ, посредствомъ духовенства онъ скрѣпилъ союзъ съ Сербіей, подтвердивъ самостоятельность ея церкви подъ условіемъ вѣчнаго мира и взаимной защиты; посредствомъ туркофиловъ онъ завелъ переговоры съ османами о неприкосновенности остальныхъ византійскихъ областей. Виявъ наконецъ представленіямъ о помощи латинъ, онъ отправился лично на Западъ и далъ клятвы папѣ въ подчиненіи взаимнѣ обѣщанной защиты. Но надежда на эту защиту скоро оказалась тщетною. Въмѣсто ея, византійскій императоръ еще на возвратномъ пути, въ Венеціи, подвергся оскорбленіямъ и, исполненный недовѣрія къ Западу, рѣшился предаться партіи туркофиловъ. Торжество туркофиловъ, основанное на этомъ недовѣрїи, нанесло гибельный ударъ Сербїи, союзу которой Византія постыдно измѣнила.» Сербы выступили на помощь Византіи и были встрѣчены и разбиты у Адрианополя турками, которые приняли ихъ какъ-бы за враговъ своей союзницы (Византіи). Съ-этихъ-поръ, по замѣчанію автора, османы, ставъ мнимыми защитниками Византіи, начали воевать Болгарію и Сербію, отторгали области, присоединенныя славянами отъ грековъ, и заставляли южныхъ и западныхъ властелиновъ, нѣкогда подвластныхъ царю сербскому, признать ихъ владычество. Лишившись своихъ князей въ битвѣ при Адрианополѣ, разоряемая османами и византійскою политикою, Сербія собралась въ самостоятельное государство только при князѣ Лазарѣ. Посреди несчастій и неурядицъ, ее поддерживали сила народнаго духа, народное общеніе, которое было неизвѣстно своекорыстнымъ византійцамъ.

«Это народное общеніе сдерживало своеволие собственниково-властелинны, соблазну которыхъ противостояла церковь. Когда наконецъ османы, послѣдствію внушенію ренегатовъ и отступницевъ, рѣшились растерзать цѣлость Сербїи, то, встрѣченные дружнымъ отпоромъ, только измѣною торгли побѣду. Не въ народѣ таилась эта измѣна, но въ сердцахъ властелиновъ, буйную мысль которыхъ увлекали примѣры Византіи и подражаніе феодаламъ. Побѣда османовъ не лишила славы народа сербскаго. Вѣчнаго поминна достоинъ косовскій бой 1389 года, какъ выраженіе народнои борьбы за цѣлость государства противъ ислама и его союзниковъ. Этотъ бой есть единственное явленіе того времени, въ которое дѣйствовали только наемныя пѣлчища и кичливые феодалы, ибо онъ на дѣлѣ доказывалъ не защиту личныхъ интересовъ, но охрану достоинства народа.» (Стр. 16—17.)

По паденіи Баязета (при которомъ Сербія еще сохраняла свою цѣлость и народныя права), въ борьбѣ съ грознымъ желѣзнымъ хромомъ Тигуромъ, казалось, было возможно спасеніе европейскіхъ народовъ отъ яга османовъ. «Къ-незачастію, зависть Византіи и феодаловъ была причиною, что благополучное время къ освобожденію было

Т. СЛЖЧІ. — Отд. III. 1/4

невозвратно потеряно. Да и вообще, по мнѣнію г. Григоровича, тогда стремились не къ спасенію народовъ, но къ удовлетворенію самолюбивыхъ притязаній и своекорыстныхъ расчетовъ. Люди, знакомые съ историческою литературою, припомнятъ, что тогда вся почти Европа наполнилась проповѣдью и криками объ изгнаніи турковъ. Рѣдко у кого эти крики были дѣйствительно искренними, грудными криками, и мы совершенно согласны съ нашимъ авторомъ, когда онъ даетъ этому явленію слѣдующее меткое объясненіе:

«Вопросъ о томъ, возможно ли было тогда изгнаніе турковъ изъ Европы, рѣшается самъ-собою для того, кто вникалъ въ ходъ событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ Баязета. Изгнаніе турковъ, такъ же часто проповѣдуемое въ XV столѣтіи, какъ и въ XVIII, было лишь темою для риторическихъ возгласовъ, на самомъ дѣлѣ скрывало, какъ всегда, корыстолюбивые замыслы. Возможно ли, чтобъ Византія, равнодушная къ своимъ и чужимъ успѣхамъ въ гражданственности, могла рѣшиться изгнаніемъ турковъ лишить себя надежды распоряжаться судьбами народовъ, противопоставляя ихъ другъ другу? Возможно ли, чтобы феодальная Европа, открывшая просторъ насилію вассаловъ, снисходила къ потребностямъ угнетенныхъ народовъ? Мысль объ изгнаніи, слѣдственно, османовъ изъ Европы въ XV столѣтіи должна была уступить замысламъ, превратитъ османовъ въ послушное орудіе угнетенія другихъ народовъ. Вотъ почему въ періодъ отъ 1402 по 1423 годъ мы видимъ рядъ непрерывныхъ интригъ, цѣлью которыхъ была личная польза, но не спасеніе народовъ.» (Стр. 20—21.)

Находясь уже подъ вліяніемъ византійской политики и турецкаго оружія, несчастная Сербія не убѣжала и отъ нѣмцевъ: императоръ германскій и король венгерскій Сигизмундъ, знаменитый тѣмъ, что допустилъ католическому фанатизму сечь великаго славянскаго апостола свободы религіозныхъ убѣжденій—подъ видомъ защиты и покровительства, нанесъ послѣдній ударъ самостоятельности Сербскаго Государства, подчинивъ его своей власти и беззащитно предавъ на разграбленіе османамъ. «Народъ, подавленный темными подвигами своихъ покровителей, метаясь отъ власти къ власти, истомленный, забылъ наконецъ о своей самостоятельности и слѣпо шелъ навстрѣчу своимъ побѣдителямъ—османовъ». Сербія была поставлена въ такое положеніе, что чья бы ни взяла и кто бы ни выигралъ — османы, или ихъ противники, «Сербія должна была служить средствомъ расплаты при заключеніи мира». Такъ погибла самостоятельность нѣкогда славнаго царства сербскаго. Послѣдующею его исторіею уже завѣдываетъ Австрія, съ свойственнымъ ей иезуитизмомъ возмущая славянъ противъ Турціи, обѣщая имъ покровительство и свободу и каждый разъ выдавая головою того, кто съ довѣрчивостью полагался на ея лстивыя обѣщанія и своею кровью защищалъ ея границы, готовый рухнуть подъ ударами ислама. Нынѣ времена перемѣнились, и, съ должнымъ упрекомъ австрійскаго кредита, исторія начинаетъ признавать великій

нравственный подвиг южных славянских народов въ борьбѣ съ османами, ихъ благородную, хотя и гибельную довѣрчивость, неопозоренную никакою нечестностью и никакимъ отступничествомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, не все же возиться и преклоняться предъ побѣдителями: пора исторіи взглянуть и на побѣжденныхъ и оцѣнить ихъ не тою цѣною, какою пьяный галлъ цѣнилъ побѣжденныхъ римлянъ, восклицая: *vae victis!* И когда теперь нѣкоторые доктринеры позорятъ всю исторію, говоря, что тотъ правъ, кто наверху, когда этотъ принципъ кулачнаго права вводится въ науку, какъ *историческое воззрѣніе*, въ противоположность какому-то анти-историческому, то этимъ обнаруживается только слабость нравственнаго чувства самихъ историковъ и ихъ узкое пониманье великихъ историческихъ событій, гдѣ за *верхами зорь* они не видятъ живой дѣятельности массы, народа, дѣятельности, быть-можетъ, неблестящей, трудовой, но близкой къ намъ уже и потому, что всѣ мы стоимъ долу и обязаны трудомъ, который одинъ даетъ право на имя человѣка. Въ такомъ историческомъ пренебреженіи къ народамъ и началамъ, уступившимъ въ борьбѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ, кроется что-то глубоко-оскорбительное для чувства человѣческаго достоинства, что-то грубое, которому недоступенъ ни нравственный принципъ, ни человѣческія побужденія вообще. Народъ обезсмѣлѣлъ въ неравной борьбѣ; онъ уступилъ честно, не играя совѣстью и не измѣняя своего убѣжденія; онъ поневолѣ склонилъ свою голову передъ грубымъ насилиемъ: его обманули и воспользовались его довѣрчивостью за-тѣмъ, чтобъ потомъ разорить его, уничтожить его самостоятельность, поработить! Но не-уже-ли вы, еслибъ только у васъ уцѣлѣла хотя капля честнаго нравственнаго чувства, не-уже-ли вы станете на сторонѣ грубой силы и закричите *vae victis!* Не-уже-ли вы все это оправдаете съ нравственной точки зрѣнія и скажете, что такъ быть должно, а въ вашу глѣтопись только занесете блестящую реляцію о побѣдѣ и побѣдителяхъ, не сказавъ ни слова теплаго участія къ побѣжденнымъ, дѣйствіями которыхъ, можетъ-быть, руководило такое близкое и святое намъ чувство, какъ стремленіе къ національной независимости? Оставляемъ это суду вашей собственной совѣсти и вашего нравственнаго чувства; а мы очень рады, что въ рѣчи г. Григоровича встрѣтились именно съ тою теплою человѣческаго чувства, о которой нѣкогда говорилъ нашъ дорогій Грановскій, какъ о качествѣ, необходимомъ для историка. «Славяне (скажемъ мы въ-заключеніе, словами г. Григоровича), сознавая суетную дѣятельность враговъ своихъ, неперестающихъ перестраивать народный ихъ характеръ на ладъ своихъ замысловъ, уже давно во взаимности своихъ племенъ поставили условія нравственнаго преобразования. Взаимность, соединенная съ уваженіемъ къ чужимъ народностямъ, заставляя преодолѣвать предрассудки, отчуждающіе племя отъ племени, внушаетъ также нравственное участіе, возвышающее народное достоинство, спасающее слабыхъ отъ отступничества»

ства, отъ перебѣга въ чужіе ряды. Взаимность, поддерживая состязаніе на поприщѣ развитія, въ успѣхъ каждаго племени полагая успѣхи дѣлаго поколѣнія, можетъ насъ сдѣлать достойными соперниками просвѣщенныхъ народовъ, которые также дорожатъ судьбою своихъ племенъ на каждомъ мѣстѣ и при различныхъ условіяхъ ихъ жизни. Дабудетьже исхоною точкою нашего усовершенствованія взаимность, означенная благоволеніемъ къ общечеловѣческому достоинію, къ истинному просвѣщенію!»

Къ этому теплomu желанію мы позволимъ себѣ присоединить и нашу слабый годось: пусть развиваются національныя силы каждаго племени и народа, чтобъ, при свѣтѣ науки, утверждалась между людьми братская взаимность и стихали народныя ненависти и національныя антипатіи, до-сихъ-поръ еще, къ-сожалѣнію, мутящія сознаніе многихъ благородныхъ и честныхъ дѣателей славянскаго воля!

Въ-заключеніе, еще два слова о приложеніяхъ. Въ нихъ напечатаны двѣ сербскія лѣтописи, еще неизвѣстныя въ наукѣ: одна — отрывокъ въ румынскомъ подлинникѣ съ рус. кичъ переводомъ, другая — уже чисто сербской редакціи. Сверхъ-того, здѣсь помѣщено шесть сербскихъ и византійскихъ (съ русскимъ переводомъ) грамматъ, касающихся исторіи южныхъ славянъ.

Оканчивая, мы позволимъ себѣ припомнить г. Григоровичу, что онъ когда-то обѣщаль подарить русскую публику исторію болгарской церкви, и мы, несмотря на долгія ожиданія, не имѣемъ никакой охоты поступиться этимъ ожиданіемъ, особенно послѣ его живой, древосходной рѣчи о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ въ XIV и XV столѣтіяхъ.

Эк. Отч.

Отъ Москвы до Лейпцига. И Бабета. Москва. 1859.

Не припомнимъ, гдѣ-то и кто-то изъ писателей очень-почтенныхъ говорилъ, что въ настоящее время путевыя записки по Европѣ едва-ли могутъ быть занимательны, ибо все, что можно бѣглымъ образомъ сказать о ней образованному читателю, уже не ново для него и давно знакомо по безчисленнымъ спеціальнымъ сочиненіямъ, касающимся всѣхъ сторонъ европейской жизни. По брошюра, о которой идетъ рѣчь, показываетъ, что можно описывать путешествіе по Европѣ такъ занимательно, что жалѣешь только о томъ, что авторъ не побѣхаль далѣе. Или пересталъ вести свои записки. Нельзя сказать, чтобъ г. Бабетъ указывалъ на какія-нибудь незнакомыя явленія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя описывалъ, или чтобъ онъ открылъ новыя точки зрѣнія на нихъ; нельзя сказать также, чтобъ мысль его отличалась особенною шириною, или поразительною своеобразностію. Напротивъ, предметы, обратившіе на себя его вниманіе, намъ знакомы и, притомъ, естественно должны были обратить на себя вниманіе всякаго, разумѣется, мыслящаго и образованнаго русскаго путешественника. Мысль г. Бабета ясна, основательна, но опять-таки могла быть высказана всякимъ другимъ умнымъ

и просвѣщеннымъ челоѣкомъ. Существенное и особенное достоинство брошюры составляетъ способъ изложенія г. Бабста — живой, увлекательный, носящій на себѣ печать какой-то своеобразности, которая не позволяетъ читателю оторваться отъ книжки до конца. Касааясь того, или другаго явленія окружавшей его за границей жизни, г. Бабсть схватываетъ его существенныя, рельефныя стороны. Не вдаваясь въ утомительныя подробности, нѣсколькими чертами, коротко, но ясно, ставитъ онъ передъ читателемъ данное явленіе, потомъ въ немногихъ словахъ, очень-вѣрно оцѣняетъ его и быстро переходитъ къ другому, такъ-что вниманіе читателя постоянно возбуждено. Кроме-того, г. Бабсть притягиваетъ явленія иностранной жизни къ аналогическимъ русскимъ, сравниваетъ ихъ, рассматриваетъ возможность реформъ, которыя могли бы быть совершены у насъ и которыя уже окончены въ другихъ странахъ. И вездѣ видно, со стороны автора, ясное пониманье историческаго хода того, или другаго явленія, иностраннаго и русскаго. Въ Бѣлоруссін и Польшѣ, напримѣръ, г. Бабсть встрѣчается съ торговою монополіей евреевъ, все захватившихъ въ свои руки и держащихъ въ полной зависимости имѣнія собственника-землевладѣльца съ одной стороны и трудъ крестьянина съ другой. Г. Бабсть, не прибѣгая къ горестнымъ возгласамъ объ этомъ печальномъ явленіи, объясняетъ его необходимость исторически и находитъ изъ него выходъ, указывая также на историческій опытъ сосѣдней страны — Пруссін. Касается ли г. Бабсть нелюбимой стороны германскихъ университетовъ, которая состоитъ въ господствѣ среднеѣковыхъ формъ, давно уже потерявшихъ, вѣстѣ съ внутреннимъ смысломъ, и свое право на существованіе, онъ тотчасъ же ставитъ вопросъ о различныхъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ можно смотрѣть на наши университеты. И мы вполне согласны съ г. Бабстомъ, что до-тѣхъ-поръ, пока не согласимся окончательно насчетъ цѣли, которую должны осуществить наши университеты, насчетъ требованій, которыя должно предъявить имъ, до-тѣхъ-поръ толки и предложенія о реформахъ будутъ бесполезнымъ препровожденіемъ времени. Иначе, могутъ быть заявляемы самыя противоположныя требованія, и, притомъ, совершенно-законно. Одинъ, напримѣръ, будетъ требовать строгихъ вступительныхъ экзаменовъ въ университетъ, строго-опредѣленныхъ программъ для преподаванія — и будетъ совершенно-правъ съ своей точки зрѣнія; другой, напротивъ, потребуетъ свободнаго приѣма въ университетъ всѣхъ и каждаго, уничтоженія особой университетской полиціи и программъ — и также будетъ правъ съ своей точки зрѣнія. Конечно, при этихъ условіяхъ, никакой споръ невозможенъ.

Семь писемъ, въ которыхъ излагаетъ г. Бабсть свои впечатлѣнія, представляютъ описаніе путешествія по Польшѣ и Прусской Силезіи до Бреслава, потомъ описаніе Бреслава, Берлина, Дрездена, Праги и Лейпцига. Въ каждомъ почти письмѣ, кромѣ бѣглыхъ замѣчаній обо

всѣмъ, что интересовало нашего путешественника по дорогѣ, есть предметы, которыми посвящено особенное, исключительное вниманіе, и эти-то страницы дѣлаютъ брошюру г. Бабста серьезнѣе и интереснѣе большинства путевыхъ записокъ, путешествій и тому-подобныхъ описательныхъ сочиненій. Въ первомъ письмѣ обращено особенное вниманіе на отношеніе польскихъ и бѣлорусскихъ евреевъ къ остальному народонаселенію и на оживленіе прусской промышленности въ последнее время. Во второмъ есть нѣсколько живыхъ страницъ о вліяніи административныхъ реформъ, происшедшихъ въ Пруссіи въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ четвертомъ — довольно-подробно и отчетливо изложено современное состояніе германскихъ университетовъ. Въ пятомъ — обращено вниманіе на общее состояніе народнаго просвѣщенія въ Германіи, и т. д. Чтобы познакомить читателей съ меткостью замѣчаній г. Бабста и прекраснымъ способомъ его изложенія, сдѣлаемъ одну только выписку изъ его брошюры. Говоря о впечатлѣніяхъ, производимыхъ прусскою бюрократіей и полицейскимъ порядкомъ на русскихъ, онъ выражается такъ:

«Съ нами, русскими, прорехаютъ, какъ мнѣ показалось, самыя разнообразныя измѣненія съ первымъ шагомъ за границу. Мы, какъ хамелеоны, непрерывно мѣняемъ цвѣта, откуда наконецъ не успѣемъ примѣниться. Сначала русскій является такимъ подобострастнымъ, вѣжливымъ, такъ близливо подходитъ къ чиновнику на дорогѣ, къ полицейскому, что обращаетъ на себя общее вниманіе. «Вѣроятно, русскій», случалось мнѣ не разъ слышать о какомъ-нибудь пассажирѣ, о чемъ-то спрашивающемъ чиновника желѣзной дороги, и вѣрнѣе уже о какомъ-нибудь спискожденіи, о чемъ-нибудь противномъ правиламъ дороги. Чиновники при дорогѣ вообще чрезвычайно-вѣжливы, и рѣдко встрѣтишь съ ихъ стороны отказъ, если только есть какая-нибудь возможность услужить. Но потомъ, видя, какъ все угожливо, видя, что люди здѣсь свободны, нашъ братъ начинаетъ чувствовать въ себѣ бознаніе собственнаго достоинства, самостоятельности, начинаетъ хорохориться, и у многихъ прорываются ужъ барскія замашки, своевольничанье и даже грубость; но это до перваго отпора. Дадутъ окричь, укажутъ на законъ, и опять сдѣлаешься какъ шелковый. Привыкнешь, конечно, обойдешься и станешь, дѣйствительно, гражданскимъ, уважающимъ законъ, сознающимъ свои права и обязанности, къ самости, только, кажется, до перваго шага на родной почвѣ, гдѣ васъ обдаетъ новою жизнью, гдѣ вы, и послѣ короткаго отсутствія, несмотря на радость свиданія съ близкими и друзьями, несмотря на родную вашему сердцу жизнь, чувствуете себя сначала неловко и не по-себѣ. Вы отыскали уже немножко отъ дикой обстановки, хоть и изъ Европы же заимствованной, но дикой по формѣ и переложенной какъ-то на казачіе нравы, и въ то же почти мгновеніе вы чувствуете, какъ въ васъ самихъ начинаютъ шевелиться скіевскія привычки, и смотришь — едва ступишь на родную почву — норовишь ужъ кого-нибудь выбрать, хоть изюпика на первый разъ.»

По этой выпискѣ читатели могутъ судить о справедливости сказаннаго нами о брошюрѣ г. Бабста.

А. К.

ОБОЗРѢНІЕ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

И УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ТОРГОВЫХЪ КРИЗИСОВЪ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.

*GESICHTS DER HANDELSKRISSEN, von Max. Wirth. Frankfurt am Main. 1858.
474.*

Потребленіе составляетъ конечную цѣль производства въ народномъ хозяйствѣ; и то, и другое есть его основаніе; оба эти момента тѣсно связаны между собою, какъ цѣль и средство къ достиженію цѣли. Отсюда уже само-собою понятно, какъ важно равновѣсіе между ними и какими вредными послѣдствіями должно сопровождаться каждое его нарушеніе. Недостаточное производство, при извѣстномъ объемѣ потребностей общества, сопровождается сокращеніемъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, слѣдовательно общимъ страданіемъ; если же извѣстный классъ народа, несмотря на мѣньшее производство, не желаетъ отказаться отъ прежняго размѣра своихъ нуждъ, то это влечетъ за собою разрушеніе капиталовъ и всеобщее обѣднѣніе страны. Если производство не удовлетворяетъ всѣмъ вообще нуждамъ потребителей, то резуль-татъ будетъ такой, на который мы сейчасъ указали; если же оно временно сократилось по какимъ-либо причинамъ въ нѣкоторыхъ своихъ отрасляхъ, то страдаютъ только потребители тѣхъ товаровъ, которые доставляютъ эти отрасли производства, но за-то выигрываютъ, или, по-крайней-мѣрѣ, менѣе страдаютъ производители. Труднѣе, казалось бы, допустить противоположный случай, когда производство переходитъ границы потребленія. Въ одной какой-нибудь отрасли промышленности это еще возможно: хотя каждый потребитель есть въ то же время и производитель, иѣняющій свои продукты на продукты другой промышленности, и, слѣдовательно, произведя больше, онъ имѣетъ и больше средствъ для приобрѣтенія другихъ товаровъ, но ежели въ остальныхъ сферахъ

Т. СХХVI. — Отд. IV. 1

промышленности не было пропорционального умножения производства, то большая масса его продуктов не может быть вывезена на соответствующее количество других: таким-образом, его производство переходит границы *действительнаго* потребления, то-есть такого, которое въ-состоянии вознаградить его за расходы по производству. Говоря же о производствѣ въ его полномъ объемѣ, съ перваго раза трудно допустить такую несообразность его съ потребленіемъ; то-есть, чтобы оно превышало размѣры *действительнаго* потребления или, лучше сказать, *действительнаго* запроса; такъ-какъ каждый *потребляет* на столько, на сколько производит, то значить, чѣмъ больше производство, тѣмъ должно быть и большее потребление. Въ *действительности*, однако, это не всегда бываетъ: случается, что, *несмотря на* *длительное* производство въ данной странѣ во *всѣхъ* его отрасляхъ, продукты не находятъ выгоднаго сбыта, и производители страдаютъ отъ его недостатка. Въ этомъ случаѣ знаменитая теорія Сена о рынкахъ (*théorie de débouchés*) входитъ въ явное противорѣчіе съ *действительностью*. Мы видимъ частые примѣры загроможденія рынковъ товарами самаго разнообразнаго свойства, хотя такіе примѣры и рѣдки; въ большей части случаевъ бываетъ частное переполненіе — товарами *нѣкоторыхъ только* отраслей промышленности. Но, какъ бы то ни было, и тотъ, и другой случай составляютъ все-таки явленіе поразительное и тѣмъ болѣе важное, что съ нимъ связаны рѣзкіе перевороты въ экономическихъ отнѣшеніяхъ разныхъ классовъ общества: одни въ самое короткое время теряютъ все, другіе выигрываютъ, а все народное хозяйство переноситъ вообще тяжкіе удары.

Такое явленіе, состоящее во временной несообразности между производствомъ и потребленіемъ, изъ которыхъ послѣднее отстаетъ отъ перваго—явленіе, имѣющее свою основу отчасти въ экономическихъ условіяхъ новой промышленности и торговли, отчасти въ разныхъ случайныхъ причинахъ, извѣстно подъ именемъ *экономическихъ, торговыхъ или промышленныхъ кризисовъ*. Такъ-какъ оно обнаруживается или въ отдельныхъ отрасляхъ промышленности, или во всемъ производствѣ известной страны вообще, то и кризисы бываютъ или частные, или общіе. Отъ промышленнаго кризиса должно отличать *кризисъ денежный*; состоящій или въ недостаткѣ, или въ *чрезвѣрномъ* количествѣ *обруда* обращенія, производящихъ быстрые перевороты въ цѣнахъ товаровъ: Когда онъ происходитъ самостоятельно, отъ разныхъ случайныхъ причинъ, въ такомъ случаѣ всегда почти влечетъ за собой и *промышленный* кризисъ; иногда же бываетъ *слѣдствиемъ* послѣдняго. Мы будемъ говорить о кризисахъ собственно *промышленныхъ*, *упоминая* о

тѣхъ изъ денежныхъ, которые сопровождались болѣе, или менѣе—сильными переверотами въ промышленности и торговлѣ.

Разсматривая исторію ихъ, мы замѣчаемъ, что въ новое время, особенно съ начала нынѣшняго столѣтія, они стали повторяться довольно часто. Не проходитъ и десяти лѣтъ, чтобъ европейская промышленность не испытала болѣе, или менѣе—сильнаго переверота. Не говоря уже о частныхъ потрясеніяхъ ея въ отдѣльныхъ государствахъ, и въ отдѣльныхъ ея отрасляхъ съ нѣкотораго времени эти перевероты стали сильнѣе, какъ по числу разныхъ родовъ промышленности, которыя имъ подвергаются, такъ и пространству той области, на которую они распространяются. Хотя и въ средніе вѣка мы можемъ указать на такія явленія, но они происходили по болѣе части отъ какихъ—либо случайныхъ причинъ и, притомъ, не имѣли той періодичности, которую они отличаются нынѣ. Въ среднихъ вѣкахъ господствуетъ другой фактъ: это — не переполненіе рынка, а, наоборотъ, недостаточное его снабженіе, внезапный недостатокъ въ разныхъ, наиболѣе—необходимыхъ предметахъ продовольствія, однимъ словомъ—такое нарушеніе равновѣсія между производствомъ и потребленіемъ страны, которое влекло за собою не упадокъ, а чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ, оканчивающееся голодною смертію болѣе и менѣе—значительной части народонаселенія. И въ новое время мы видимъ это чрезмѣрное возвышеніе цѣнъ; но оно бываетъ по болѣе части слѣдствіемъ спекуляціи и оканчивается быстрымъ ихъ паденіемъ. Неравновѣсіе между производствомъ и потребленіемъ происходитъ здѣсь отъ чрезмѣрнаго накопленія продуктовъ, и дороговизна бываетъ естественнымъ слѣдствіемъ горячки, съ которою составляютъ эти запасы.

Самый поверхностный взглядъ на различіе средневѣковаго и новаго хозяйства укажетъ намъ, отчего, съ одной стороны, происходятъ эти различія, а съ другой — отчего промышленные кризисы стали такимъ обыкновеннымъ явленіемъ нашего времени.

Благодаря развитію производства во всѣхъ его отрасляхъ и обширнымъ торговымъ сношеніямъ, въ настоящее время всѣ потребности чловѣка, несмотря на гораздо—значительнѣйшій ихъ размѣръ, удовлетворяются несравненно—лучше, чѣмъ въ средніе вѣка. Теперь не такъ страшны неурожаи: уже не говоря о томъ, что они стали рѣже, даже если они и случаются, то не грозятъ голодною смертію народонаселенію. Если въ прежнее время въ неурожайные годы цѣны на жизненные продукты подымались въдесятеро выше обыкновенныхъ, то теперь возвышеніе ихъ несравненно—ниже. Но, съ другой

стороны, новое хозяйство, благодаря своимъ условіямъ, болѣе подвержено иной опасности — опасности отъ переполненія рынка, несоразмѣрнаго съ дѣйствительными средствами потребителей. Въ чемъ же заключаются эти условія?

Уже самая ничтожность производства въ средніе вѣка и тѣсная сфера потребностей, которой оно удовлетворяло, далѣе ограниченное раздѣленіе труда, когда многіе необходимые предметы производились не для продажи, но для собственного потребления производителей, дѣлали уже невозможнымъ переполненіе рынка. Съ другой стороны, этому противодействовало господствовавшее тогда натуральное хозяйство, основанное на простой мѣнѣ продуктовъ на продукты: обѣ мѣняющіяся стороны стояли здѣсь лицомъ-къ-лицу. Одна отдаетъ то, что ей не нужно, и приобретаетъ именно то, что необходимо для *прямого и непосредственнаго* удовлетворенія ея потребности; отъ этого и ошибки въ расчетахъ ихъ быть не можетъ: ни та, ни другая не приобретаетъ вещи, которая впоследствии можетъ оказаться бесполезною и утратить значительную часть своей цѣнности. Съ-тѣхъ-поръ, какъ вмѣсто простой мѣны явился обмѣнъ при посредствѣ денегъ, то процессъ ея сдѣлался болѣе-сложнымъ: вмѣсто одной операціи непосредственнаго обмѣна нужно сдѣлать двѣ: изъ нихъ одна — продажа — даетъ въ замѣнъ товара, имѣющаго прямую пользу, такой товаръ, который для многихъ не имѣетъ этой пользы, не можетъ прямо удовлетворить чувствуемой ими потребности; только послѣ второй операціи — покупки — приобретается наконецъ искомый товаръ. Понятно, что если деньги въ высшей степени облегчаютъ мѣну, то съ другой стороны затемняютъ ее; взаимныя потребности мѣняющихся уже скрыты; другая половина обмѣна можетъ произойти спустя долгое время послѣ первой. Этотъ промежутокъ часто можетъ совершенно измѣнить и всѣ расчеты продавца, или покупателя, то-есть расчеты производителей и потребителей извѣстныхъ товаровъ. Кредитъ, являющійся во всей силѣ уже въ дальнѣйшемъ развитіи общества, усложняетъ процессъ мѣны и затемняетъ его еще болѣе.

Деньги облегчаютъ накопленіе, а накопленные цѣнности могутъ произвести внезапный запросъ, возвысить цѣны на извѣстные товары и вызвать, такимъ-образомъ, переворотъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности; кредитъ можетъ оказывать еще въ сильнѣйшей степени подобное же вліяніе. Самая промышленность, подъ вліяніемъ денегъ и кредита, измѣняетъ свой первоначальный характеръ: содѣйствуя накопленію капиталовъ, они усиливаютъ производство, дѣлаютъ его возможнымъ въ болѣе-большахъ размѣрахъ и сосредоточиваютъ въ обширныхъ заведеніяхъ.

Капиталы превращаютъ прежнія мастерскія въ фабрики, въ которыхъ работаетъ не одинъ только хозяинъ, но множество рукъ занято однимъ дѣломъ; капиталы даютъ возможность усилить раздѣленіе труда, чрезъ что сила каждаго работника увеличивается въ нѣсколько разъ; трудъ, обращенный на извѣстную, ограниченную сферу, вызываетъ изобрѣтенія, а капиталы применяютъ ихъ къ различнымъ операціямъ въ производствѣ. И вотъ являются машины, которыя, при томъ же трудѣ со стороны рабочаго, дѣлаютъ въ нѣсколько сотъ разъ больше противъ прежняго. Само-собой понятно, что машины могутъ существовать только при большомъ производствѣ, а это—при большомъ потребленіи; но, чтобы достигнуть послѣдней дѣли, необходимо, чтобы потребители имѣли много потребностей и много средствъ удовлетворить ихъ. Потребности развиваются съ образованіемъ, а средства зависятъ отъ многихъ и чрезвычайно-различныхъ причинъ, отъ величины народнаго дохода, отъ его распредѣленія и т. п.; съ другой стороны, при однихъ и тѣхъ же средствахъ потребителей, потребленіе можетъ быть весьма-различно, смотря по свойству товаровъ, ихъ качеству и цѣнѣ. Итакъ, расширяя производство, вводя машины и сложное раздѣленіе труда, производитель долженъ имѣть въ виду множество различныхъ обстоятельствъ, чтобы привести въ соразмѣрность объемъ своего производства съ вѣроятнымъ сбытомъ. Прежде онъ работалъ или на себя, или на самый близкій будущій запросъ, или по заказу, какъ это дѣлается нынѣ въ небольшомъ числѣ ремеслъ. Если требованіе прекращалось на его издѣлія, то онъ легко могъ перейти къ другимъ занятіямъ. Весь неподвижный капиталъ его заключался въ нѣсколькихъ орудіяхъ, да и самъ онъ не былъ приученъ къ одной какой-нибудь операціи, въ которой онъ не могъ бы ничѣмъ другимъ заняться. Ему и не нужно было даже мѣнять своего промысла: число ремесленниковъ было такъ невелико, вкусъ публики дотога постояненъ и неприветливъ, что опасности потерять сбытъ почти не существовало. Такимъ-образомъ, при ограниченности рынка, при торговлѣ въ формѣ естественной мѣны товара на товаръ, при отсутствіи кредита, не могло быть большой несоразмѣрности между производствомъ и потребленіемъ извѣстнаго рода товаровъ, или, точнѣе, между предложеніемъ и запросомъ. Но она очень-возможна при настоящей системѣ промышленности и при настоящей степени нашего экономическаго развитія. Деньги, кредитъ, большое производство съ затратой весьма-крупныхъ капиталовъ, спеціальность въ промышленной дѣятельности, затрудняющая переходъ отъ одной ея отрасли въ другую, обширность торговыхъ сношеній и громадность рынковъ, измѣчивость вкуса и моды, чрезвычайное разнообразіе произведеній и т. п. — вотъ отвл-

чительныя свойства новой экономической жизни, новой торговли и промышленности.

Торговля, въ настоящее время, связываетъ все уголки земнаго шара; рынокъ главныхъ мануфактурныхъ государствъ теперь сбиваетъ собою цѣлый миръ, съ его разнообразіемъ національностей, мѣстныхъ условий, потребностей и вкусовъ жителей. Промышленности приходится удовлетворять самымъ разнороднымъ требованіямъ: у каждаго народа есть свой образъ жизни, вездѣ есть известнаго рода обычай въ удовлетвореніи одной и той же потребности, благодаря развитію какъ въ распредѣленіи національнаго дохода, такъ и въ величинѣ его. Измѣненія, или перцевороты въ нихъ, естественно, не могутъ остаться безъ болѣе, или менѣе—сильнаго переворота въ самой промышленности и торговлѣ.

Огромное участіе машинъ и вообще капиталовъ въ современной намъ промышленности, размѣры, въ которыхъ они затрачиваются, требуютъ, чтобъ сбытъ продуктовъ производился какъ-можно-правильнѣе и равномернѣе: иначе, каждая остановка, или ограниченіе дѣйствія капитала причиняетъ чувствительную потерю фабриканту. Переходъ изъ одной отрасли въ другую, при настоящемъ порядкѣ, какъ мы замѣтили, не можетъ быть легокъ, а иногда даже невозможенъ. Отсюда цоватю, какъ важно въ настоящее время отсутствіе и устраненіе всякихъ препятствій къ свободному и правильному переливу продуктовъ, или излишковъ одной страны въ другую; а, между-тѣмъ, они далеко не исчезли: вспомнишь только о разныхъ искусственныхъ затрудненіяхъ, наиримѣръ о различіи въ законодательствахъ, о таможенныхъ системахъ, о войнахъ, національной враждѣ между народами, недостаткѣ путей сообщенія, наконецъ о многихъ случайныхъ препятствіяхъ къ сбыту, или производству.

Понятно, какую долженъ возбуждать предпримчивость каждый успѣхъ въ этомъ отношеніи, особенно при той свободѣ, какую пользуется промышленность въ наиболее-развитыхъ государствахъ. Предпримчивость эта вскорѣ превращается въ необузданную спекуляцію, за которою слѣдуетъ паническій страхъ и затѣмъ всеобщее расслабленіе. Съ трескомъ начинаютъ падать огромныя торговля предпріятія; фабрики останавливаютъ свою дѣятельность, отпускаютъ рабочихъ, а рабочіе остаются безъ куска хлѣба. Громадныя запасы товаровъ лежатъ безъ движенія, гибнутъ, или продаются за безцѣнокъ. Смѣлыми спекуляторами овладѣваетъ сомнѣніе, водворяется общее недовѣріе, капиталы скрываются и движеніе машинъ слабѣетъ. Но проходитъ гроза, и снова все начинаетъ принимать настоящій видъ: опять пошла работа на фабрикахъ, опять разыгрывается спекуляція, пока новая буря не отобьетъ у ней крыльце.

Причины, которыя вызываютъ такія явленія, бываютъ различны. Слѣдя, однако, за исторіей ихъ, мы увидимъ, что, при всемъ разнообразіи въ сопровождавшихъ ихъ побочныхъ обстоятельствахъ, они болѣе, или менѣе постоянны. Главнымъ—образомъ торговые кризисы происходятъ отъ неурожаевъ, войнъ и другихъ событій, останавливающихъ свободное обращеніе цѣнностей, торговлю и промышленность, отъ чрезмѣрнаго расширенія кредита и неумѣренности въ торговыхъ и промышленныхъ спекуліаціяхъ, несообразаемыхъ часто со средствами производителей и потребителей.

Явленія, соединенныя обыкновенно съ промышленными кризисами, носятъ также болѣе, или менѣе—общій характеръ: неумѣренное возвышеніе цѣнъ, неравномѣрность ихъ и затѣмъ всеобщій упадокъ, сопровождаемый застоємъ въ торговлѣ и промышленности. Такое сходство какъ въ причинахъ, такъ и въ явленіяхъ, сопутствующихъ кризисамъ, заставило Вирта справедливо замѣтить, что «еслибъ купцы и промышленные предприниматели лучше знали исторію торговли и финансовъ, то многіе изъ нихъ спаслись бы отъ разоренія и потерь въ последнемъ кризисѣ», именно вслѣдствіе удивительнаго сходства проявленій, которое внимательному наблюдателю даетъ возможность предсказывать ихъ заранѣе. Готовясь познакомить читателей съ исторіей главнѣйшихъ изъ этихъ экономическихъ бурь, на основаніи интересной книги Вирта, мы постараемся указать тѣ главныя причины, которыя ихъ вызывали, обращая вниманіе на важнѣйшія характеристическія различія въ ихъ проявленіяхъ и на степень вліянія, ими оказываемаго на экономическое положеніе различныхъ странъ. Что касается до исторіи послѣдняго кризиса 1857 г., то намъ не нужно будетъ уже говорить о немъ послѣ прекрасныхъ статей г. Бунге («Отеч. Записки» 1859 г.). Кризисъ этотъ войдетъ въ нашу статью на столько, на сколько то будетъ необходимо для указанія преемственности причинъ и ихъ относительной важности въ разные эпохи.

Было уже замѣчено, что промышленные и торговые кризисы составляютъ характеристическое явленіе новѣйшаго времени и коренятся прежде всего въ самыхъ основахъ новой экономической жизни. Само—соборъ понятно, что тамъ, гдѣ эта жизнь выразилась полнѣе, должны чаще повторяться и сопутствующія ей явленія: потому—то упомянутые экономическіе перевороты регулярно посѣщаютъ только сѣверныя государства Западной Европы, оставляя въ покоѣ южныя и весь востокъ ея. Никто, конечно, не станетъ выводить изъ этого, что югъ, или востокъ находятся въ выгоднѣйшемъ положеніи относительно сѣвера. «Жители южной Европы раздѣляютъ такое счастье только съ готтентонами и ла-

пландцами (говорить Виртъ); они пользуются имъ только потому, что лишены тѣхъ экономическихъ преимуществъ, которыя имѣютъ надъ ними сѣверныя государства. Слѣдя за исторіею кризисовъ, мы, крѣмъ-того, замѣчаемъ, что они являются въ одно время съ широкимъ развитіемъ всемірной торговли послѣ основанія за-атлантическихъ колоній, то-есть именно съ того времени, когда хозяйственная жизнь народовъ Запада, вмѣстѣ съ огромными усѣхами, сдѣланными ею, стала болѣе подвергаться риску временныхъ невзгодъ и потерь. Это очень-естественно: богатый всегда рискуетъ больше бѣднаго; на развитаго человѣка всегда сильнѣе дѣйствуютъ превратности жизни, чѣмъ на неразвитаго. Но, спросимъ опять, чье же положеніе лучше? Въ отвѣтъ, конечно, затруднятся нѣчего. Дѣло только въ томъ, чтобы сохранить лучшее положеніе и удержать свои преимущества за собою, а для этого необходимо имѣть побольше предусмотрительности и умѣнья вести свои дѣла. Тотъ, кто умѣлъ поставить себя высоко и сдѣлаться независимымъ, какъ слѣдуетъ быть взрослому человѣку, тотъ долженъ и держаться на этой высотѣ и соединять съ свободой самообладаніе, или умѣнье свободно дѣйствовать, безъ вреда себѣ и другимъ. Но этихъ-то требованій и недостаетъ часто въ экономическихъ отношеніяхъ передовыхъ народовъ; они увлекаются, чрезмѣрно-высоко цѣнятъ свои силы и средства. Отсюда-то рождаются тѣ промышленныя горячки, которыя переходятъ впоследствии почти мгновенно въ полное сознаніе своего безсилія, въ совершенное разслабленіе нервовъ. Съ этой точки зрѣнія исторія торговыхъ кризисовъ чрезвычайно-поучительна.

Кризисъ, самый жестокий въ своихъ проявленіяхъ, самый тяжкій по своимъ послѣдствіямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый поучительный, былъ финансовый кризисъ Франціи (1715—1720), вызванный финансовыми операціями знаменитаго Джона Ло. Это, можно сказать, былъ первый горькій плодъ той ошибки, по которой смѣшиваютъ капиталъ и деньги и признаютъ за кредитомъ самостоятельную творческую силу. Кризисъ этотъ не есть собственно промышленный, или торговый: хотя и пострадали отъ него и промышленность и торговля, но дѣло не въ слѣдствіяхъ, а въ причинахъ; а онъ произошелъ отъ случайныхъ причинъ, отъ ложной финансовой операціи, основанной на неясномъ пониманіи силы кредита. Первому промышленному кризису, въ настоящемъ его значеніи, суждено было явиться, какъ и можно угадать, не во Франціи, но въ другой странѣ, тамъ, гдѣ болѣе развилась всемірная торговля и промышленная дѣятельность (мы не говоримъ здѣсь о такъ-называемой тюльпаноманіи въ Голландіи, бывшей въ 1634—1638 годахъ). Французскій кризисъ 1715—1720 годовъ вызванъ былъ не направленіемъ

всей вообще промышленности и торговли, не неумѣреннымъ расширеніемъ ихъ, а съ одной стороны—характеромъ самой націи, прельщающеюся всякой новизной и жаждущей разбогатѣть скоро и безъ труда, съ другой—внѣшними историческими событіями, которыя истощили финансовыя средства страны и обѣднили народъ, наконецъ личностью самого Джора Ло и характеромъ его системы. «Обѣщанія Ло (говорить Горнъ) тѣмъ скорѣе могли быть приняты во Франціи, что идеи его блистали новизной и въ основаніи ихъ лежало много истины. Ратуа противъ запрещеній вывозить за границу золото и серебро, какъ противъ мѣръ бесполезныхъ, говоря противъ низкопробной монеты, какъ средства, которое разоряетъ страну и не обогащаетъ короля, видя цѣнность монеты въ ея внутреннемъ достоинствѣ, а не въ штемпелѣ, стараясь кредитомъ восполнить недостатокъ орудій обращенія, желая дать маленькимъ капиталамъ, посредствомъ ихъ соединенія, великую плодотворную силу, онъ, очевидно, шелъ далеко впереди своего времени и стоялъ выше тогдашнихъ экономическихъ понятій во Франціи. Но онъ разрушилъ благотворный результатъ своихъ правильныхъ идей именно тѣмъ, что соединилъ ихъ отчасти съ ложными, отчасти придалъ имъ слишкомъ—много значенія.» Въ пылу увѣренности въ истинѣ своихъ понятій о могуществѣ ассоціаціи капиталовъ и о силѣ кредита, Ло преувеличивалъ и то, и другое, слишкомъ—много ожидалъ отъ ихъ примѣненія въ дѣйствительности и расширилъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезмѣрно ту сферу, въ которой они примѣнимы.

Финансовый переворотъ, произведенный операціями Ло, имѣетъ для насъ одно важное значеніе: порожденный неумѣньемъ обращаться съ кредитомъ, съ этимъ сильнымъ и соблазнительнымъ, но опаснымъ орудіемъ, онъ въ первый разъ ясно показалъ тогдашнему міру, и эту силу, и эту опасность его; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ осязательно обнаружилъ темныя стороны денежнаго хозяйства, при всѣхъ его преимуществахъ. Здѣсь же выразилось въ первый разъ то огромное значеніе биржи, которое суждено ей имѣть въ настоящее время.

Въ одно время съ опытами Ло во Франціи, начался подобный же періодъ необузданной спекуляціи въ Англии. Мы не говорили ничего о подробностяхъ французскаго кризиса, какъ имѣющаго характеръ болѣе *финансовый* и притомъ, какъ болѣе, или менѣе извѣстнаго каждому читателю. О кризисѣ, бывшемъ въ то время въ Англии, мы скажемъ нѣсколько—болѣе, такъ—какъ онъ, во первыхъ, менѣе извѣстенъ и, во вторыхъ, такъ—какъ въ немъ яснѣе выражается направленіе тогдашней промышленности и торговли, и самъ онъ носитъ характеръ *торговова* или *промышленнаго* переворота.

Въ 1711 году, когда англійское правительство, въ войнѣ съ Испаніею и Франціею, должно было войти въ значительные долги, и англійскій банкъ, расплачиваясь за правительство, находился въ затруднительномъ положеніи, первый министръ графъ Оксфордъ задумалъ усилить капиталистовъ—кредиторовъ новой финансовой операціею. По его плану, назначенъ былъ фондъ для правильной уплаты процентовъ съ неплаченныхъ долговъ; а, между-тѣмъ, дабы имѣть предлогъ воспользоваться новыми капиталами публики, составлена была торговая компанія, къ участию въ которой капиталисты привлекались обѣщаніемъ огромныхъ барышей. Торговлю предполагалось вести съ Америкой, и это магическое слово соблазнило многихъ, привыкшихъ подъ Америкой понимать землю, устланную драгоценными камнями и золотомъ, тѣмъ болѣе, что богатства, приобретаемая въ Вест-Индіи испанцами, уже давно тревожили воображеніе англичанъ. Дѣйствительно, лишь-только правительство объявило, что оно намѣрено основать колоніи въ Южной Америкѣ, что испанцы уступятъ Англій четыре гавани на берегахъ Перу и Чили, то вскорѣ явился и парламентскій актъ, которымъ предположено, между-прочимъ, основать *общество для торговли въ Южномъ Морѣ*. Правительство могло по этому акту присоединить и кредиторовъ государства къ учреждаемому обществу, для того, чтобъ «торговля въ Южномъ Морѣ, какъ сказано выше, производилась къ славу, благу и богатству страны». Общество навсегда было уполномочено торговать въ Америкѣ со всеми народами и во всѣхъ странахъ, лежащихъ на восточной ея сторонѣ, отъ р. Ориноко до южныхъ частей Огненной Земли, а на западной—отъ Мыса Горна, по Южному Морю, до сѣверныхъ предѣловъ Америки, также и внутри этихъ границъ и вѣт, на разстояніи трехсотъ франц. миль отъ материка. Торговля въ этихъ предѣлахъ была предоставлена исключительно одному обществу, его агентамъ и факториямъ, и безъ его дозволенія никто не имѣлъ права являться здѣсь съ товарами; въ противномъ случаѣ, суда съ грузомъ, захваченныя обществомъ у людей, къ нему не принадлежащихъ, становились законнымъ его призомъ. Кроме-того, обществу дана была, въ предѣлахъ его дѣятельности, законодательная и судебно-исполнительная власть. Остальные преимущества были почти тѣ же, какими пользовалась въ наше время ост-индская компанія.

Въ скоромъ времени акціи его значительно возвысились въ курсѣ. Въ 1712 г. была уже отправлена одна экспедиція, а въ 1713 г. въ генеральномъ собраніи акціонеровъ, графъ Оксфордъ объявилъ, что испанская корона даетъ обществу исключительное право торговли неграми въ своихъ американскихъ владѣніяхъ. Англійское правительство сначала

четвертую часть этой торговли удержало за собой, но вскорѣ затѣмъ передало ее обществу, подъ условіемъ, чтобы 21¼ проц. ежегоднаго чистаго дохода съ одного корабля оно уступало извѣстнымъ лицамъ: какъ говорили, лорду Болинброку, леди Массая и Артуру Муръ, а 7½ проц. дову Мануэлю Манассасу Геллигаву, испанскому агенту при англійскомъ дворѣ.

Въ 1715 году капиталъ общества, вслѣдствіе выпуска облигацій, состоялъ уже изъ 10 мил. ф. стерл.; оно отправило нѣсколько экспедицій и имѣло около 5 кораблей. Дѣла шли до 1720 года, повидимому, удачно; но тѣмъ печальнѣе былъ переворотъ, происшедшій въ этомъ году. Акціи послужили начальнымъ поводомъ къ спекуляціямъ, которыя вскорѣ разыгрались до такихъ ужасныхъ размѣровъ, что ничего подобнаго не встрѣчаемъ въ исторіи англійской промышленности.

Ближайшимъ поводомъ къ спекуляціи было слѣдующее обстоятельство: правительство англійское вѣдумало уплатить нѣкоторые безсрочные долги; общество, по предложенію министерства, тотчасъ изъявило готовность взять это дѣло на себя, съ-тѣмъ, чтобы обратить уплаченную имъ сумму въ свой основной капиталъ. Англійскій банкъ явился съ подобнымъ же предложеніемъ, такъ-что между обществомъ и банкомъ открылось состязаніе, кто выгоднѣйшія условія обѣщаетъ правительству. Директоры перваго до такой степени разгорячились, что даже вошли съ проектомъ, въ которомъ предлагали уплатить всѣ капиталы банка восточной компаніи и фонды казначейства, зачисливъ ихъ въ капиталъ южнаго общества. Послѣ долгихъ преній въ парламентъ, они взяли верхъ надъ банкомъ. Общество получило разрѣшеніе выпустить на мильионы новыхъ билетовъ казначейства и составить, для уплаты государственныхъ долговъ, капиталъ посредствомъ четырехъ выпусковъ акцій. При этомъ оно рассчитывало на неограниченный курсъ тѣхъ бумагъ, которыя оно намѣревалось выдавать владѣльцамъ рѣнты въ за-вѣтъ послѣднихъ; другими словами, оно прямо рассчитывало на биржевую игру. Начался выпускъ акцій. *Коварная* компанія (кабале, какъ называли тогда финансовый заговоръ министровъ и денежныхъ людей для эксплуатаціи народа) употребила всѣ средства для быстрого возвышенія курса своихъ акцій. Публика отдалась, и вскорѣ всѣ классы общества заразились духомъ необузданной спекуляціи. На лондонской биржѣ торговля акціями превратилась въ азартную игру; курсъ ихъ достигъ баснословной высоты—500 и 1000 процентовъ. *Change Alley*, лондонская биржевая площадь, вскорѣ уподобилась парижской *Rue Quin-*
capron времяя Ло. Спекуляція не ограничилась, впрочемъ, одними акціями южнаго общества: она распространилась и на другія бумаги,

въ—особенности на акціи ост-индской компаніи и лондонскаго банка. Вычисляли, что, при тѣхъ высокихъ курсахъ, какіе имѣли бумаги разныхъ промышленныхъ компаній, малыхъ и большихъ, порожденныхъ періодомъ спекуляціи, цѣнность ихъ въ 1720 году простиралась до 500 м. ф. с., то—есть была въ пять разъ больше цѣнности обращающейся тогда въ Европѣ звонкой монеты. Въ числѣ этихъ предпріятій было безчисленное множество такихъ, которыя назывались просто мыльными пузырями—*bubbles*; они возникали ежедневно десятками и всегда находили многочисленныхъ подписчиковъ на свои акціи. Въ Change Alley и соседнихъ кофейняхъ съ утра до вечера толпились разнаго рода прожектеры и, что всего хуже, спекулировали главнымъ—образомъ на многочисленномъ небогатомъ классѣ народа, которому акціи южнаго общества были недоступны, но, между—тѣмъ, также хотѣлось испытать счастье въ этой игрѣ. Для выполненія самыхъ нелѣпыхъ плановъ составлялись компаніи, собирались капиталы, раздавались акціи, становившіяся вскорѣ предметомъ отчаянной игры. Лорды, епископы, негоціанты, фабриканты и рабочіе—все бросились на этотъ способъ наживать деньги. Ради его оставлены были полезные промыслы, торговля и другія занятія; промышленности и народному благосостоянію грозила большая опасность. Наконецъ нѣсколько благонамѣренныхъ людей обратили вниманіе на это безумство спекуляціи, и въ 1720 году изданъ былъ парламентскій актъ, извѣстный подъ названіемъ *акта о мыльныхъ пузыряхъ* (*Bubblesacte*), которымъ все предпріятіе, возникшія съ 24 іюня 1718 года, несогласныя съ тѣми цѣлями, какія выставлены были въ просьбахъ о ихъ разрѣшеніи, признаны ничтожными. Несмотря, однако, на то, что два раза сряду публиковался этотъ актъ, онъ не имѣлъ никакого дѣйствія: ежедневно являлись новые проекты съ великолѣпными обѣщаніями, привлекавшими тысячи подписчиковъ на акціи. Многіе нанялись въ бухгалтеры только на одинъ день, чтобъ собрать съ подписчиковъ первый взносъ, и скрывались вмѣстѣ съ книгами. Лица средняго и высшаго сословія, мужчины и женщины, одинаково принимали участіе въ спекуляціяхъ. Мужчины, говоритъ одинъ современникъ, являлись въ трактирахъ и кофейняхъ, отыскивая своихъ маклеровъ; дамы съ той же цѣлью посѣщали модные магазины. До какого безобразія и безумства дошла спекуляція и какъ увлечена была ею публика, можно судить по нѣкоторымъ рассказамъ. Говорятъ, напримѣръ, что какой—то спекулянтъ нанялъ на нѣсколько часовъ комнату въ одной кофейнѣ, близъ Change Alley, и открылъ подписку на какое—то предпріятіе, или мнимое изобрѣтеніе, которое печально взбрело ему въ голову. Онъ объявилъ объ этомъ наканунѣ въ газетахъ и на другой уже день собралъ

около милліона капитала. Многіе изъ этихъ мыльныхъ пузырей лгали въ высшей степени явно и безсовѣстно и, несмотря на то, все-таки находили подписчиковъ. Въ газетахъ, наприимѣръ, опубликовано было однажды слѣдующее объявленіе: «Приглашаются къ подпискѣ на два милліона для одного много-общающаго предпріятія, цѣль котораго объявлена будетъ впоследствии». Другое подобное же общество пригласило публику къ участию въ чрезвычайно-выгодномъ дѣлѣ, о которомъ, впрочемъ, нужно было молчать, а что оно выгодно, то доказательствомъ представлялся простой расчетъ, по которому заплатившіи 2 фунта ст. за акціи получалъ черезъ годъ 100 фунт. ст. Публика соблазнилась такимъ обѣщаніемъ, и въ-теченіе пяти часовъ внесено ею 2,000 ф. ст. Послѣ-того, конечно, все могло казаться возможнымъ, и вотъ одно общество пригласило къ подпискѣ на устройство *perpetuum mobile* новаго изобрѣтенія. Видя безуспѣшность всѣхъ мѣръ образумить публику, многіе прибѣгали для этого къ насмѣшкѣ, пользуясь тѣмъ же средствомъ, которому она такъ легко поддавалась. Такъ, наприимѣръ, въ Change Alley открыта была мнимая контора для подписки на 1 мил. фун. ст., безъ всякаго объявленія цѣли предпріятія, но съ великодушнымъ предложеніемъ за пять мил. подписаться на 1,000. Многіе вполне были увѣрены, что этимъ составятъ себѣ счастье, и начали подписываться. Въ короткое время набралась значительная сумма; но вдругъ вторичнымъ объявленіемъ подписчики приглашены были явиться за полученіемъ своихъ денегъ обратно: въ объявленіи сказано, что предпріятія не существуетъ и что учредители желали только узнать, сколько въ одинъ день можно поймать дураковъ.

Въ этой ловлѣ, хотя и не съ этой же цѣлью, участвовали, впрочемъ, весьма-почтенныя лица. Самъ наслѣдный принцъ разрѣшилъ однажды украсить своимъ именемъ какое-то общество. Хотя Вальполь и представлялъ ему, какъ должно быть благозвучно названіе *Prinz Wales Bubble*, выставленное на биржевой площади, но принцъ за-благоразсудилъ не прежде отстать, какъ наживъ 40,000 ф. ст.

Между-тѣмъ, приближалась пора къ развязкѣ. Цѣны товаровъ достигли баснословной цѣны. Въ разгоряченныхъ головахъ спекулянтовъ созидались самыя дикіе планы, такъ-что одинъ изъ нихъ думалъ на будущіе барыши купить польскую корону и, вмѣсто-того, бѣжалъ въ австрійскія горы. Подобныя событія стали повторяться чаще: многіе разочаровались въ своихъ надеждахъ, лишившись послѣдняго достоинства. Какъ обыкновенно бываетъ въ кризисахъ, послѣ припадка необузданной спекуляціи, овладѣлъ всѣми страхъ, распространилось всеобщее недоувѣріе. Акціи южной компаніи достигли наивысшаго курса, почти 1,100

проц., и все средства ажіотажа поднять его выше оказались безуспешными. Директоры, обвиняя въ томъ частныхъ предпріятіи, издали опредѣленіе, которое должно было этимъ мыльнымъ пузырямъ положить конецъ. Оно извѣстно подъ названіемъ «Scire facias» и подтвердило изданные прежде парламентскіе акты. Слѣдствіемъ его былъ такой страхъ, распространившійся между спекулянтами, что все ихъ «bubbles» мгновенно начали лопаться. Но это не спасло, однакожъ, компаніи: очередь дошла и до нея. Несмотря на обѣщаніе платить своимъ акціонерамъ въ слѣдующія 12 лѣтъ не менѣе 50 процентовъ на акцію, курсъ акцій быстро понижался, такъ-что въ сентябрѣ 1720 года онъ стоялъ уже на 175. Вѣсть съ тѣмъ банкротства капиталистовъ и публики учащалась. Англійскій банкъ, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ обстоятельствахъ, самъ былъ въ опасности и ограничилъ свои операціи. Потеря частныхъ лицъ (говорить Виртъ) была огромна, нужда безпредѣльна, и года прошли, пока изгладилась слѣды удара, служившаго урокомъ для цѣлыхъ поколѣній.»

Парламентъ назначилъ тайный комитетъ для изслѣдованія дѣлъ ижонской компаніи. По справкамъ оказалось, что въ книгѣхъ ея записаны нѣкоторые доходы, оставлены бѣлые листы тамъ, гдѣ должны были имена акціонеровъ; нашлось множество подчистокъ и поправокъ, изъ нѣкоторыхъ главныхъ книгъ вырваны листы, многіе документы уничтожены, другіе были скрыты. Оказались, однимъ словомъ, такіа злоупотребленія, что секретарь комитета сказала: «если бы я рѣшилась раскрыть все, то изумилась бы міръ!» и въ результатѣ вышло, что большая часть капитала акціонеровъ была растрчена, скрыта, или потеряна. Но и послѣ того южная компанія продолжала существовать до половины прошлаго столѣтія, кое-какъ поддерживая себя разными спекуляціями. Наконецъ, всѣми забытая, скончалась и она, разоривъ тысячи неосторожныхъ.

Такъ прошла первая буря, первый промышленный кризисъ промышленной Англій. Какъ видно, дѣйствующими силами въ немъ являются скорѣе злоупотребленія, слѣпая спекуляція, разгоряченное воображеніе публики, чѣмъ та неодолимая сила обстоятельствъ, которая дѣйствуетъ въ кризисахъ позднѣйшаго времени. Первое такого рода потрясеніе торговли и промышленности, вызванное не спекуляціей отдѣльнаго общества и не несбыточными мечтами о богатствахъ Америки, а ходомъ событий и тѣми причинами несоразмѣрности между производствомъ и потребностями, о которыхъ мы уже говорили, было въ важнѣйшихъ торговыхъ городахъ сѣверной Европы — въ Любекѣ и Гамбургѣ.

Торговое значеніе Гамбурга началось равнѣ другихъ городовъ сѣверной Европы. Даже послѣ паденія Ганзы Гамбургъ сохранилъ его и

сдѣлялся посредникомъ въ торговлѣ Германіи и скандинавскихъ государствъ съ Россіей, Англійей, Нидерландами, Америкой и другими важными рынками. Некоторое время соперникомъ Гамбурга былъ Любекъ, особенно въ XIV и XV столѣтіяхъ. Однако, уже въ началѣ XVII вѣка Любекъ утратилъ прежнее значеніе; нидерландцы и англійчане не нуждались болѣе въ его посредничествѣ, а Гамбургъ рѣшительно вытѣснилъ его изъ этой роли, которую игралъ онъ до-сихъ-поръ въ торговомъ мірѣ. Въ это-то время Любекъ рѣшился, казалось, возратить утраченное значеніе, но увлекся такъ далеко, что долженъ былъ поплатиться за эту попытку торговымъ переворотомъ: расширивъ чрезвычайно торговый спекуляціи съ стѣрными рынками, далеко превышавшія его капиталы, онъ искалъ спасенія въ кредитѣ, который немедленно обратился въ вексельную игру. Проценты возвысились до небывалой тогда высоты, прибыль исчезла; затѣмъ наступилъ застой въ торговлѣ, паническій страхъ и въ-заключеніе кризисъ, первый въ Германіи.

Съ этого времени торговое значеніе Гамбурга утвердилось окончательно, а событія первой половины XVIII столѣтія, въ-особенности семилѣтняя война, еще болѣе его возвысили. Не коснувшись вѣдшей и морской торговли, война эта много содѣйствовала развитію хлѣбныхъ операцій Гамбурга, которая до-сихъ-поръ ограничивалась однимъ снабженіемъ города. Лѣсной его торгъ точно также выигралъ много отъ упомянутой войны. Съ другой стороны, множество денежныхъ и вексельныхъ операцій, усилившихся вслѣдствіе разныхъ причинъ, развили въ гамбургцахъ духъ спекуляціи и торговую предприимчивость. Англійя посылала въ Германію значительныя суммы, какъ для субсидій Пруссіи, такъ и на содержаніе собственныхъ своихъ войскъ, не всегда наличными деньгами, а по болѣе части векселями, уплачиваемыми въ Голландіи и Гамбургѣ. Само-собой разумется, что подобныя дѣла не могли не возбудить спекуляціи между поставщиками разныхъ предметовъ для войскъ, не могли не расширить кредита и не сдѣлать изъ него азартной игры. Равнымъ-образомъ уплата контрибуціи Фридриху II Курфюршествомъ Саксонскимъ, точно также сопровождавшаяся кредитными операціями, не могла обойтись безъ чрезвычайнаго ея расширения. Прибавимъ ко всему этому еще огромное количество низкопробной монеты, наводнившей Пруссію, благодаря Фридриху II, и мы увидимъ, что такое положеніе дѣлъ не могло кончиться благополучно. Замѣтимъ еще, что не одна Пруссія страдала недостаткомъ хорошей монеты: Швеція тождо также наполнена была бильюномъ и бумажными деньгами. Отъ этого и Пруссія, и Швеція нуждались въ очень-значительныхъ суммахъ драгоценныхъ металловъ, которыя они должны были получить

извѣтъ, черезъ Голландію, или Гамбургъ, и вотъ опять участіе биржи, опять векселя и неизбежная спекуляція. Устройство гамбургскаго депозитнаго банка представляло, между-тѣмъ, еще особенныя причины, усилившія ажіотажъ: онъ платилъ своимъ вкладчикамъ по востребованію, и такъ-какъ курсъ его монеты, по высшему ея достоинству, стоялъ всегда выше курса монеты, находившейся въ обращеніи, то эта разниа и служила поводомъ къ спекуляціи. Ссудный банкъ, составлявшій отдѣленіе депозитнаго, принималъ вклады золотомъ, серебромъ, нѣдью и старой монетою. Это обстоятельство снова благоприятствовало спекулянтамъ, которые стали отдавать банку старую монету вѣсомъ, съ-тѣмъ, чтобъ вынуть ее впоследствии изъ банка, когда монета, оставшаяся въ обращеніи, подвинется въ своемъ курсѣ отъ этой операціи.

Такимъ-образомъ, всѣ упомянутыя нами обстоятельства: развитіе торговли, спекуляціи въ поставкахъ военныхъ потребностей, торговля драгоценными металлами, огромные денежные обороты, необыкновенная разниа въ курсахъ, сдѣлали изъ кредита орудіе самой отчаянной игры. Дисконтъ, въ обыкновенное время составлявшій только 2%, возвысился къ огромнаго запроса на капиталы до 12%. Какъ великъ былъ этотъ запросъ, можно судить уже потому, что многіе негоціанты дѣлали обороты, превосходившіе въ 10 и 20 разъ дѣйствительный капиталъ; другіе же спекулировали однимъ кредитомъ, безъ всякаго наличнаго капитала. Успѣвшіе внезапно разбогатѣть предались необыкновенной роскоши, а цѣны всѣхъ предметовъ первой необходимости чрезвычайно возвысились.

Между-тѣмъ, многія германскія правительства, по примѣру Фридриха II, приступили къ переплавкѣ низкопробной монеты; вслѣдствіе того оказался чувствительный недостатокъ въ мѣновомъ орудіи и еще болѣе усилились затрудненія въ торговлѣ. Вскорѣ затѣмъ начался и кризисъ, подготовленный всѣмъ ходомъ дѣла. Первый ударъ палъ на огромный торговый домъ Нёвилля (Neufville) въ Амстердамѣ, обрушившійся внезапно въ августѣ 1776 года и увлекшій за собой нѣсколько другихъ фирмъ. Слѣдствіемъ этого событія было то, что почти всѣ векселя съ протестами бросались въ Гамбургъ, гдѣ и произвели банкротство 93 по большою части важныхъ торговыхъ домовъ. То же самое происходило въ Лейпцигѣ, Берлинѣ и въ Швеціи, и торговый міромъ овладѣлъ паническимъ страхомъ.

Впрочемъ, надо сказать, что дѣйствительное положеніе дѣла было не такъ страшно; многіе даже скоро оправались и возобновили платежи. Правда, дѣло не обошлось безъ посторонней помощи, потому-что адмиралтейство ссудило мильионъ подъ залогъ товаровъ болѣе-солидными

домамъ; но мѣра эта была полезна не столько дѣйствительнымъ пособіемъ, сколько нравственнымъ вліаніемъ на торговый классъ: она возстановила довѣріе и разсѣяла овладѣвшій имъ безотчетный страхъ.

Цѣлыя 25 лѣтъ послѣ этого кризиса торговля Гамбурга находилась въ сильномъ застоѣ, такъ-что подобнаго періода она никогда еще не переживала. Только съ 1788 года дѣла стали поправляться, благодаря, по словамъ Вирта, начавшейся тогда хлѣбной торговлѣ Гамбурга съ Архангельскомъ.

Со времени французской революціи Гамбургъ сдѣлалъ огромные успѣхи. Онъ сталъ важнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ; банкъ его наполнился капиталами почти всѣхъ націй, опасавшихся войнъ. Во время голландской войны почти вся торговля Голландіи перешла къ нему, и многіе голландскіе капиталисты переселились сюда. Черезъ Гамбургъ Голландія торговала съ Германіей, Франціей, Швейцаріей и даже одно время съ Италіей. Когда же, въ началѣ 1798 года, явился французскій декретъ о каперахъ и англійская морская торговля встрѣтила большія затрудненія, то къ Гамбургу бросилась вся торговля, и въ гавани его не было мѣста для кораблей. Но недолго онъ пользовался блестящимъ своимъ положеніемъ. Эти необыкновенные успѣхи носили въ себѣ зародышъ новаго и сильнаго потрясенія торговли, котораго не могъ избѣжать Гамбургъ. Въ такой кипучей и необыкновенно-напряженной дѣятельности легко было перейти должныя границы и увлечься чрезмѣрно-отважными предпріятіями. Спекуляція, дѣйствительно, вскорѣ развигралась, и такъ сильно, что возвысила цѣны многихъ товаровъ и учетъ векселей до неслыханной высоты. Въ-особенности въ за-атлантическихъ странахъ производились рискованныя предпріятія: изъ Вест-Индіи, напримеръ, шли огромные грузы колоніальныхъ товаровъ, тогда-какъ для обратныхъ рейсовъ корабли не находили достаточной клади. При такихъ обстоятельствахъ, цѣны на привозные товары могли держаться только искусственными средствами. Въ 1792 — 95 г. Гамбургъ получалъ даже выгоды, благодаря измѣнившемуся направленію торговли и нѣсколькимъ новымъ рынкамъ на сѣверо-востокъ и юго-востокъ Европы. Но вскорѣ положеніе дѣлъ приняло совершенно-другой видъ: французы заняли Швейцарію и Италію и закрыли для Гамбурга эти два важные рынка. Въ то же время, благодаря спекуляціи, чрезмѣрно-поднявшіеся цѣны товаровъ, въ-особенности сахара и кофе, ограничивали ихъ потребленіе; оттого сбытъ въ одно и то же время встрѣтилъ двойнаго рода затрудненія. Но спекулянты все еще рассчитывали на барыши. Не имѣя свободныхъ капиталовъ, они искали помощи въ кредитѣ или, лучше сказать, въ различныхъ фиктивныхъ средствахъ дѣлать обороты

и наживать деньги без капитала и труда; средства эти, между Гамбургом и скандинавскими государствами с одной стороны и Англией с другой, приняты вскорѣ небывалые размѣры. Напряженіе было всеобщее; кредитъ расширился до такой степени, что скоро должна была наступить реакція. Учетъ векселей дошелъ до 12 процентовъ, а въ некоторыхъ случаяхъ достигалъ даже 14 процентовъ. Цѣны складочныхъ магазиновъ точно также поднялся чрезвычайно-высоко и купцы съ трудомъ могли выносить его. Подобныя явленія, равно какъ непомерная роскошь и расточительнось, водворившаяся всюду, ясно указывали на приближающуюся развязку и, казалось, должны были остановить или, по крайней-мѣрѣ, ослабить горячку. Но надежда не покидала спекуляторовъ, и трудно было остановиться, зайдя такъ далеко; осталось только одно средство для того, кто не хотѣлъ назвать себя банкротомъ: съ векселей спараться векселями; многіе такъ и дѣлали, и злоупотребленія въ этомъ случаѣ были необыкновенны. Искуснѣйшіе между биржевыми герцогами шѣли на главныхъ биржахъ такъ-называемыхъ «Pferde» (коней), то есть людей безъ гроша въ карманѣ, готовыхъ за маленькое вознагражденіе давать на себя векселя въ сотни тысячъ, съ-тѣмъ, чтобы покрыть вѣхъ впоследствии другими бумагами такого же рода.

Но наконецъ этомъ воздушному шару настало время лопнуть. Въ 1799 году кризисъ разразился и распространилъ такой страхъ въ торговомъ мѣрѣ, что считали уже невозможнымъ предоставить исходъ ево самому-себѣ, но снѣщали принимать мѣру за мѣрою. Такъ, сначала адмиралтейство дадо три милліона подлъ залогъ товаровъ; затѣмъ учреждена была учетная касса, составилось общество съ капиталомъ первоначально въ четыре, а потомъ въ шесть милліоновъ, для выдачи ссудъ подлъ товары, удобо-сохраняемые, облегченъ пріемъ въ банкъ низко-пробнаго серебра и золота, согласились на отсрочку платежей на четыре мѣсяца; наконецъ, ратуша и граждане Гамбурга объявили, что для каждаго торговаго дома, который представитъ сенату, за 8 дней до истеченія отсрочки векселя, положеніе своего имущества, назначаются особенной комиссіей по два депутата изъ кредиторовъ; депутаты должны изслѣдовать положеніе дѣлъ должника и менте, чѣмъ въ четыре недѣли, представить объ атомъ собранію кредиторовъ. Здѣсь рѣшался уже вопросъ: слѣдуетъ ли должника подвергнуть законному конкурсу и назначить ему кураторовъ, или директоры должны продолжать и какъ долго администрацію надъ его дѣлами? До этого рѣшенія, даже послѣ объявленія несостоятельности, положено не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ надъ должникомъ.

Кризисъ продолжался шесть недѣль, въ теченіе которыхъ было 136

банкротствъ, на сумму 36,902,000 банк. марокъ. Нѣкоторые дома оказались несостоятельными на мильонъ и болѣе: такъ, домъ Дობлера и Гесса обанкрутился на 3,100,000, домъ Ролде — на 2,200,000. другіе — на $1\frac{1}{2}$ мильона, на мильонъ и меньше. Замѣчательно только, что большія и старинныя фирмы Гамбурга мало пострадали отъ этого кризиса.

Благодаря, однако, упомянутымъ ибравъ, а въ-особенности естественному ходу кризиса, торговля мало-по-малу начала принимать обыкновенное теченіе. Дѣла стали оживляться; но данный урокъ долго оставался въ памяти тѣхъ, кого онъ коснулся. Кризисъ этотъ не ограничился однимъ Гамбургомъ: торговыя связи къ концу прошедшаго столѣтія между разными странами были несравненно-тѣснѣе и обширнѣе, чѣмъ въ началъ его, и потому естественно, что ея потрясеніе въ одномъ пунктѣ Европы должно было отразиться и на другихъ. Дѣйствительно, не говоря уже о Берлинѣ, какъ съѣздъ Гамбурга, онъ коснулся болѣе, или менѣе всѣхъ торговыхъ пунктовъ и биржъ не только Германіи, но и Даніи, Голландіи и Англіи.

Въ настоящемъ столѣтіи цѣль торговли связала не только европейскихъ государствъ, но и Европу и американскій материкъ, въ-особенности же Северо-Американскіе Штаты, въ одно неразрывное цѣлое, въ одинъ организмъ, въ которомъ страданія одного члена отражаются безусловно на остальныхъ. Эта солидарность всего явнѣе выражается въ отношеніи Англіи къ Сѣверной Америкѣ и обратно. Избытокъ англійскихъ капиталовъ нигдѣ не могъ найти для себя лучшаго помѣщенія, какъ въ этой юной и свободной странѣ; англійскіе капиталы участвуютъ, дѣйствительно, почти во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ Америки, которая, съ своей стороны, для важнѣйшей отрасли англійской промышленности даетъ сырой матеріалъ. Хотя во всей своей силѣ эта солидарность интересовъ обнаружилась только въ 1847 и 1857 годахъ, однако, начало ея видно уже въ 1836, 1825 и даже въ 1815 году, въ тѣхъ потрясеніяхъ англійской торговли и промышленности, въ исторіи которыхъ мы теперь обратимся.

Конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго столѣтія ознаменовались для Англіи необыкновенными успѣхами ея богатства и промышленнаго развитія. Несмотря на громадные государственные расходы, несмотря на то, что войны за освобожденіе Европы стоили ей до 50 мильярдовъ, что народъ платилъ огромные налоги и значительную часть государственнаго дохода погашали проценты государственнаго долга, Англія съ избыткомъ вознаграждала эти потери для народнаго богатства. Промышленность ея приобрѣла сильнаго двигателя въ предѣльныхъ машинахъ для швейцарск. и хлопчат. и въ обширномъ развитіи пара. Съ на-

чала нынѣшняго столѣтія началось то значеніе на всемірномъ рынкѣ англійской хлопчатобумажной и желѣзной промышленности, которое онѣ имѣютъ въ наше время. Но, между-тѣмъ, какъ промышленность дѣлала такіе гигантскіе успѣхи, рынокъ для англійскихъ произведеній въ началѣ этого вѣка значительно сѣзился: войны на континентѣ Европы и слѣдовавшая затѣмъ континентальная система почти совершенно закрыли европейскіе рынки для Англій, такъ-что это заставило ее утвердить за собой господство на морѣ. вмѣсто европейскаго материка, она обратилась къ берегамъ Малой Азіи и Африки, къ городамъ Сѣверной Америки, Бразиліи и Мексики, къ испанскимъ республикамъ Южной Америки, къ Вест-Индскимъ Островамъ, къ Австраліи, Аравіи, Персіи, Индіи, Китаю и Индійскому Архипелагу, и дешовизна англійскихъ издѣлій помогала имъ завоевывать, одинъ за другимъ, всѣ эти рынки.

При такомъ необыкновенномъ развитіи англійской производительности, парижскій миръ, естественно, долженъ былъ произвести сильный переворотъ въ торговлѣ Англій, открывъ для нея европейскій рынокъ. Англійскіе фабриканты и купцы ждали этого мгновенія, надѣясь тотчасъ же бросить на материкъ Европы массу своихъ товаровъ и задавить нѣю европейскую промышленность. Но они ошиблись въ своихъ расчѣтахъ: Европа послѣ парижскаго мира была совсѣмъ не то уже, чѣмъ была она до него и до войнъ революціи. Если во время войнъ для нея закрытъ былъ весь остальной міръ, то, съ другой стороны, уничтожены были внутреннія преграды, таможенныя заставы, отдѣлявшія одно государство европейское отъ другаго; такимъ-образомъ, она имѣла обширный и вѣрный сбытъ для произведеній своей промышленности, которая въ то же время находилась подъ вліаніемъ сильной внутренней конкуренціи; оттого-то и континентальная промышленность, вопреки ожиданій Англій, сдѣлала въ это время значительные успѣхи. Только въ хлопчатобумажныхъ и желѣзныхъ издѣліяхъ Англія могла еще первенствовать; но что касается до другихъ отраслей ея промышленности, то соперничество ея не могло быть такъ страшно для Европы. По ея господству на морѣ, за ней можно было также признать первенство въ торговлѣ колоніальными товарами, которыми, дѣйствительно, она въ состояніи была наводнить европейскій материкъ. Такимъ-образомъ, надежды ея не могли оправдаться, и здѣсь заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ кризиса, постигшаго англійскую промышленность по заключеніи парижскаго трактата. Къ этому присоединилось еще одно весьма-важное обстоятельство. Послѣ дорогаго и голоднаго 1812 года, въ Англій слѣдовали одинъ за другимъ богатые урожаи, такъ-что 1813 годъ былъ годомъ plenty изобилія. Цѣны на земледѣльческіе продукты

сильно упали, и земледѣльцы жаловались на свое положеіе, предсказывая всеобщее банкротство земледѣльческаго класса. Эти жалобы и различные доводы и убѣжденія заставили парламентъ принять новый законъ о ввозѣ иностраннаго хлѣба, по которому разрѣшеніе ввоза пшеницы соображалось съ внутренними на нее цѣнами, и именно только при цѣнѣ въ 80 шилл. за четверть допускался свободный ввозъ иностранной пшеницы. Несмотря, однако, на такую мѣру, цѣны все-таки стояли низкія, благодаря обильнымъ урожаямъ и прекратившимся спекуляціямъ поставщиковъ хлѣба для войскъ. Положеніе было до такой степени затруднительно, что многіе сельскіе банки пали, другіе ограничили выпускъ билетовъ, значительная сумма бумажныхъ денегъ вышла изъ обращенія, возвысивъ этимъ курсъ остальныхъ бумагъ и понизивъ, можетъ-быть, еще болѣе цѣны земледѣльческихъ продуктовъ.

Наконецъ, мы уже говорили о тѣхъ пожертвованіяхъ, которыхъ стоили для Англіи войны съ Наполеономъ. Какъ легко ни перенесла ихъ Англія, но все же не должно забывать того, что множество капиталовъ во время войнъ отвращено было отъ своего настоящаго назначенія, и, по восстановленіи мира, обыкновенный порядокъ не могъ водвориться безъ сильнаго потрясенія хозяйства, тѣмъ болѣе, что и послѣ войны огромные налоги продолжались и поглощали много свободныхъ капиталовъ. Если, какъ было уже замѣчено, нѣкоторыя отрасли англійской промышленности приняли необыкновенно-болшіе размѣры, то этого никакъ нельзя сказать о всѣхъ остальныхъ; развившіяся отрасли выиграли насчетъ остальныхъ и произвели только переполненіе рынка и ненормальное отношеніе между произведеніями различныхъ отраслей производства.

Въ такихъ обстоятельствахъ, спекуляція самая отчаянная была естественнымъ слѣдствіемъ мира. Но много ли пищи могла она найти для себя? Англичане бросались на европейскіе рынки; но Европа ничего не могла дать имъ въ-замѣнъ ихъ товаровъ, ибо земледѣльческихъ продуктовъ Англія не хотѣла, оградивъ отъ нихъ себя таможенною стѣной. Поэтому-то англійскіе товары, навезенные во множествѣ, чрезвычайно упали въ цѣнѣ и продавались въ Голландіи и на сѣверѣ Европы дешево, чѣмъ въ Лондонѣ, или Манчестерѣ; во многихъ мѣстахъ они не находили никакого сбыта и лежали безъ всякаго движенія. Только сношенія съ Америкой могли еще продолжаться, и то благодаря хлопчатой бумагѣ, которою расплачивались американцы за англійскіе мануфактурные товары.

Кризисъ былъ чрезвычайно-тяжелъ, хотя и коснулся немногихъ отраслей промышленности. Въ-особенности сильно пострадалъ отъ него рабочій классъ, терпѣвшій въ то же время отъ совершеннаго неурожая и

доброты были в Европѣ (в 1817 году). Множество рабочихъ осталось безъ куска хлѣба; въ отчаяніи бросились они на машины, въ которыхъ видѣли главную причину зла. Опасность была велика, и англійское правительство принуждено было употребить военную силу для восстановленія порядка.

Застой въ промышленности продолжался, однако, недолго. После 1817 года были богатые урожаи; и, хотя земледѣльцы, попрежнему, жаловались на низкія цѣны, однако, капиталы накопились быстро, и предпринимательность вместе съ ними сильно возбуждалась. Какіе успѣхи дала англійская промышленность въ это время, доказываетъ ввозъ хлопчатой бумаги; въ короткое время поднявшійся съ 250,000 тюковъ до 1 мил. Дѣятельность капиталистовъ и предпринимателей обратилась въ особенности на приложеніе новыхъ механическихъ силъ, на кораблестроеніе, основаніе новыхъ фабрикъ, горныхъ заводовъ, на устройства каналовъ и на торговые отношенія съ государствами Южной Америки. Естественнымъ слѣдствіемъ умноженія производительной дѣятельности и богатства было развитіе потребностей въ массѣ народа. «Съ удивленіемъ смотримъ мы» говоритъ одинъ современникъ «на распространеніе такого удовольствія, которое прежде считалось роскошью, а нынѣ называется счастливѣйшимъ и чисто-англійскимъ именемъ «комфортъ». Это довольство видно въ нашихъ домахъ, въ ихъ обстановкѣ, украшеніяхъ и особенно въ многочисленныхъ удобствахъ, которыми окружены они. Лѣтъ 40, или 50 тому назадъ, англійскіе купцы жили въ темныхъ переулкахъ, гдѣ и теперь еще существуютъ нѣкоторыя конторы; обѣдали они въ два часа вместе съ своимъ помощникомъ; послѣ обѣда возвращались къ конторкамъ пить чай и занимались иногда до полуночи. Мелочные торговцы жили на своихъ лавкахъ; лучшіе этакіе купеческіе домики отдавались въ наемъ... Обратимся ли къ деревнямъ; и они производятъ на насъ то же благотворное впечатлѣніе, какое испытываемъ при видѣ довольства и благосостоянія городовъ. Конечно, между фермерами замѣтно такія усовершенствованія, но все же видны нѣкоторые прогрессы... Промысловъ трудъ ручной и трудъ умственный, фермеры наизменили также простую крестьянскую одежду въ нарядъ, болѣе-собразный съ ихъ положеніемъ. Домашняя утварь ихъ улучшилась; въ домахъ у нихъ встрѣчаемъ кофры, фарфоровую посуду и хрусталь... Ихъ жены и дочери лучше воспитаны... Въ числѣ фабрикантовъ мы найдемъ нѣсколько человѣкъ съ благороднымъ и честноприобрѣтеннымъ богатствомъ, а пониже ихъ ступеню существуетъ многочисленный классъ, достигшій значительной степени благосостоянія, ежедневно вновь приобретающій и дамскія заботы тысячъ своихъ бѣдныхъ братьевъ. Народонаселеніе важнѣйшихъ фабричныхъ олу-

голь; Манчестера, Лидса, Бирмингема и другихъ, гдѣ былъ дѣйствительнъ, значительнъ умножилосѣ...»

При такихъ матеріальныхъ и нравственныхъ успѣхахъ общества, при возбужденіи дѣятельности; масса предпріятій должна быть весьма-значительная. И, въ-самомъ-дѣлѣ, вышло столько проектовъ, притоитъ такихъ необыкновенныхъ, и по обширности своей, и по цѣли, что, каждаго; опять настало время мыльныхъ пузырей Южнаго Моря. Учѣтъ очень-скоро достигъ значительной высоты; а это—въ некоторомъ родѣ формидеръ, которымъ имѣруется стѣпень жара спекуляціи; возвышеніе это всею указывало на несообразность предпріятій съ существующими капиталами. Несмотря на то, число ихъ быстро увеличивалось, спекуляціи раздѣлилась до послѣдней крайности и увлекла все народонаселеніе. Какъ много въ предшествовавшій періодъ накопилось свободныхъ капиталовъ, искавшихъ помѣщевія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до какой стѣпени возбужденъ была эта лихорадочная дѣятельность, можно судить уже потому, что въ-теченіе 2 лѣтъ (1824—25 г.) въ одномъ Лондонѣ заключено иностранныхъ займовъ почти на 148½ мил. ф. ст., не считая употребленія массы циркулировавшихъ уже фондовъ иностранныхъ правительствъ; обобщено; между-прочими, 114 главныхъ обществъ, съ капиталомъ въ 101,890,000 ф. ст., и, несмотря на такую цѣзубу, курсъ лондонскій многокъ изъ этихъ обществъ возвышался почти невѣроятнѣю.

Самое-собой разумѣется, что такое множество предпріятій требовало много и звонкой монеты, по-крайней-мѣрѣ болѣе обыкновеннаго количества; а эта-то монета и недоставало. Весной 1824 года Англія сдѣлала значительные платежи по южно-американскимъ государственнымъ займамъ и фабриковскимъ компаніямъ. Между июнемъ и октябромъ того же года было выведено за границу еще до 180 мил. гульд. въ монетѣ и слиткахъ. Англійскія банкы умножили выпускъ билетовъ; а провинціальныя банкы безъ мѣры выпускали свои. Поэтому Англія въ-скоро времени наполнилась огромнымъ количествомъ бумажныхъ денегъ сверхъ звонкой монеты.

Мы уже замѣтили, что, кромѣ разныхъ промышленныхъ предпріятій въ землѣ Англіи, капиталы ея устремлялись въ Южную Америку, гдѣ, благодаря успѣхамъ Гильиера, признана была самостоятельность некоторыхъ государствъ. Сюда-то и потекла звонкая монета изъ Англіи и Европы; а такъ-то и оберталоочивалось глѣбнымъ образомъ все спекуляціи англійскихъ капиталовъ. Безпрестанно составлялись новыя компаніи для заграничныхъ предпріятій; кредитъ расширился до необыкновенныхъ размѣровъ. Многие оставили даже торговую и промысловую часть жизни; бумажная игра казалась уже единственною

обыкновенною. И, действительно, что могло сравниться съ тѣмъ азартномъ, съ которыми бросались въ это время на всевозможныя и самыя нелѣпыя предпріятія въ Южной Америкѣ! Въ Рио-Жанейро, напримѣръ, навезли столько товаровъ, сколько прежде достаточно было лѣтъ на 20. Изъ Бирмингама привозили для жителей тропическаго климата толпы одѣяла, а изъ Шеффилда—коньки для катанія по льду!..

Между-тѣмъ, въ сентябрѣ 1825 года, на лондонской и парижской биржахъ показались первые предвѣстники кризиса: паденіе курсовъ разныхъ бумагъ и акцій, необыкновенное возвышеніе цѣнъ на товары, а затѣмъ ихъ паденіе. Пока цѣны были высоки, рынокъ безпрестанно наполнялся новымъ привозомъ; но наступило наконецъ время, когда владѣльцы товаровъ увидѣли, что большаго возвышенія ждать нечего. Многіе еще крѣпились и не хотѣли продавать дешево то, что купили сами такъ дорого. Но вскорѣ увидѣли, что лучше продать по какой бы то ни было цѣнѣ. Вслѣдствіе того цѣны стали падать чрезвычайно-быстро, разоряя въ-конецъ товаровладѣльцевъ. Многіе, истощивъ свой кредитъ и капиталы въ предпріятіяхъ, нескоро вознаграждающихся предпринимателя, обратились за помощью къ банкамъ; но банки сами не имѣли средствъ: они точно также истощены были низкимъ учетомъ, бывшимъ до-сихъ-поръ, принятіемъ къ учету векселей съ длинными сроками и значительными ссудами подъ залоги. Слѣзъ лондонскій банкъ находился въ затруднительномъ положеніи. Пока спекуляція разыгрывалась, онъ какъ-будто поощрялъ ее и низкимъ учетомъ, и огромнымъ выпускомъ билетовъ; теперь же, когда кредитъ действительно былъ нуженъ и полезенъ для солидныхъ торговыхъ домовъ, онъ сталъ ограничивать выпускъ билетовъ и стѣснять учетъ векселей. И вотъ распространился всеобщій страхъ. Всѣ бросались къ биржѣ и наперерывъ старались продавать свои бумаги. Курсы государственныхъ фондовъ упали до послѣдней крайности, товаровъ нельзя было продать ни за какую цѣну, акціи почти ничего не стоили...

Провинціальныя банки первые испытали удары кризиса: въ-теченіе шести недѣль 70 изъ нихъ прекратили платежи. Изъ торговыхъ домовъ падали сначала шаткіе, а потомъ и болѣе-солидные. Лондонское купечество, въ самую трудную минуту кризиса, обнаружило удивительную стойкость и самообладаніе. Когда палъ одинъ очень-солидный торговый домъ, они тотчасъ же составили митингъ и объявили, что вполовѣ утрачены въ настоящемъ положеніи дѣла каждаго изъ нихъ, что страхъ ихъ неоснователенъ и что довѣріе вскорѣ возстановится, какъ-только повсюду будутъ сходиться подобныя собранія и стануть прибрѣгать къ такимъ же мѣрамъ. Но, во всякомъ случаѣ, помощь англійскаго банка была

необходима, а банкъ не имѣлъ возможности оказать ее наличными средствами. Поэтому директоры его потребовали отъ министерства возвращенія ссудъ, сдѣланныхъ ему банкомъ. Казначейство, съ своей стороны, само находилось въ затруднительномъ положеніи и не могло удовлетворить требованія директоровъ. Правда, было въ его распоряженіи одно средство для этого: ему стоило только превратить текущій долгъ банку въ утвержденный или постоянный, *фундировать* свои билеты; но на это требовалось разрѣшеніе парламента, который въ это время былъ распущенъ. Министры спѣшили къ королевѣ, день и ночь проводили въ совѣщаніяхъ и наконецъ обѣщали принять быстрыя и рѣшительныя мѣры. Они рѣшили дозволить банку выпустить билеты въ 1 и 2 фунта стерлинговъ, которые прежде исключены были изъ обращенія. Между-тѣмъ, чеканили звонкую монету съ такою поспѣшностію, что работа шла день и ночь въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль сряду и ежедневно выбивали отъ 100 до 150 тысячъ совереновъ. Въ то же время банкъ получилъ отъ Ротшильда нѣсколько сотъ тысячъ звонкой монеты, привезены были значительныя суммы изъ Голландіи и другихъ мѣстъ, и послѣ того англійскій банкъ могъ уже понизить учетный процентъ. Въ разныхъ мѣстахъ открывались, между-тѣмъ, митинги купцовъ, которыми старались возстановить взаимное довѣріе. Наконецъ, въ исходѣ 1825 года, англійская нація, послѣ мужественной борьбы съ несчастіемъ, увидѣла надежду выйти побѣдительною изъ этой борьбы. Торговля понемногу стала выходить на свой обыкновенный путь и заживлять нанесенныя ей раны; хотя и въ слѣдующемъ году все еще раздавались повременамъ взрывы банкротствъ, но все рѣже-и-рѣже.

Можно было ожидать, что, при такой многочисленности и громадности предпріятій, при необыкновенномъ растяженіи кредита, которое предшествовало кризису, при столь внезапномъ сокращеніи того же кредита, когда многіе за 50% искали учета и не находили, можно было ожидать, что число банкротовъ будетъ необыкновенно-велико. Однако, благодаря благоразумію и стойкости англійскаго купечества и благодаря помощи, ему оказанной, ожиданіе это не оправдалось: банкротствъ было совсѣмъ не такъ много, какъ слѣдовало бы ожидать.

Рабочіе и на этотъ разъ не простили машинамъ и излили на нихъ свое мнѣніе, а хозяева кораблей жаловались на смягченіе навигаціоннаго акта, приписывая ему, какъ рабочіе машинамъ, главную причину своего бездѣйствія.

Кризисъ кончился. «Но и теперь есть еще люди» заключаетъ Виртъ «которые съ горечью вспоминаютъ объ этомъ несчастномъ времени, когда молодые и здоровые люди въ шесть недѣль покрывались сѣдиною, когда

жёнхъ: Нааудуа създана, навсера расставаясь съ ендом нестерен; когда безработный молодеца Атушки, выроченъ въ богатомъ домъ, при-
нужденъ были оставлять его и сниматься въ губернаты, иа не-
кн; когда обити и тысячн рукъ протамивалсь за кучкомъ зтца.
Въ-особенности ужасно было положение рабочихъ класса; такъ-какъ
мощи въ этихъ отрасляхъ промышленности прекратилась работы. За-
границе усиливалась; а въ Ирландии она приняла видъ насильствъ пересел-
ленн народовъ.

Въ началѣ 1826 года англійскій парламентъ рѣшилъ уже в томъ;
въ какомъ мѣрѣ несчастія происходятъ отъ неудовлетворительности зем-
лѣвъ и на сколько можно устранить его на будущее время посредствомъ
благотворительныхъ учреждений. Собрать подлежащія сведения, ина поста-
новилъ прежде всего отменить выпускъ билетовъ въ 1 и 2 ш. ст. и
устранить побочныя банкн; въсн англійскую, во этихъ главныхъ горо-
дахъ: Только въ Шотландии отменить еще малые билеты. Эти и многи
друга мѣры англійскаго правительства имѣли свои пользы; несмотря на
господствующее мнѣнн о невыгодности государства въ торговле
арханы.

Въ концѣ прошедшаго столѣтн, на Западѣ, въ Атлантическомъ Окее-
нѣвъ; возникло государство, которое носило въ себѣ все зидити бы-
стротѣ развитн. Естественныя богатства Оксера-Американскихъ Шта-
товъ; духъ народа, населенннхъ ихъ, государственныя учрежденн—все
вызывало сильную деятельность въ этой странѣ. Естественно; что; при
быстромъ развитн промышленности, очень-скоро должна была почувство-
ваться здѣсь потребность въ кредитѣ; и британскими кредитъ воз-
никъ въ Америкѣ еще въ то время, когда она была англійской коло-
ннѣ. Тогда въ штатахъ обращалось уже большое количество бумаж-
ныхъ денегъ, которе производило скоро государственное банкротство.
Первый банкъ основанъ былъ въ 1780 году въ Пенсильванн; послѣ
нѣсчереъ два года, въ 1782, возникъ федеро-американскн банкъ,
который скоро дотого умножилъ выпускъ билетовъ, что штатахъ про-
снла большая опасность. Въ 1794 г. основанъ національный банкъ;
такъ-называемый «банкъ Соединенныхъ Штатовъ»; существовавшн до
1810 года. Выгоды, которыя банки давали своимъ учреждениямъ; поро-
дили скоро спекуляцію на эти учреждения. Въ короткое время имѣлось
нѣсчрезвычайно-большое число, и все, притомъ, сталъ выпускать би-
леты. Наконецъ дѣло дошло дотого, что все они оказались неспособ-
ными и въ 1814 году прекратилъ платежи авокомъ денегомъ. Боль-
шое количество оруди обращенн всегда порождаетъ отчаянную спекуля-
цію въ торговле и промышленности; оттого и здѣсь она скоро имѣла

съ великаго зримища: неумеренно рскомъ; небыкновенныи возста-
 шеніи на нѣтъ товаровъ и т. п. Въ 1818 г. начавшійся кризисъ былъ
 убо въ полномъ разгарѣ: банки должны были ликвидироваться или огра-
 ничить выпускъ билетовъ. Между-тѣмъ, въ 1816 году началъ опитъ
 свое существованіе банкъ Соединенныхъ Штатовъ; который сталъ играть
 первую роль, сдѣлався учрежденіемъ государственнымъ и какъ-бы каз-
 начествомъ штатовъ; однимъ словомъ—занялъ то же положеніе, какъ
 имѣетъ Лондонскій банкъ. Хотя въ управленіи его введены были нѣко-
 торыя улучшения, которыми удерживали его порывы, но все-таки въ его
 рукахъ, какъ и вообще въ рукахъ всѣхъ американскихъ банковъ того
 времени, находилось много средствъ выдти изъ всякаго контроля. Ве-
 ществомъ собственника была для нихъ легкость выпуска билетовъ.
 Въ скоромъ времени эта легкость привела къ тому, что банки на сво-
 ихъ билетахъ сдѣлали орудіе самой горячей спекуляціи. Тогдашній пре-
 зидентъ Джексонъ настоятельно требовалъ измѣненія въ устройствѣ
 банковыхъ учрежденій и часто напоминалъ, что даже по дулу конститу-
 ціи штатовъ законнымъ иновымъ орудіемъ должны быть благородныя
 металлы. Нападки его главнымъ образомъ обращались на банкъ Соеди-
 ненныхъ Штатовъ: этотъ старый «Nikony», какъ его называли, съ
 1832 года укрѣдился уже въ такую спекуляцію, что только хитростію
 удалось выпутаться изъ грозившаго ему банкротства. Однако, хитростію
 это не удалось. На его вѣду, Джексонъ вздумалъ уплатить все долги
 Соединенныхъ Штатовъ; а такъ-какъ банкъ имѣлъ казенныя вклады,
 то на него и возложена была эта операція. Тутъ окончательно откры-
 лась истинность банка, и Джексонъ рѣшился не возобновлять его
 прѣдлѣтій, срокъ которой долженъ былъ кончатся въ 1836 году.
 Банкъ, скрывая положеніе своихъ дѣлъ, до-сихъ-поръ все думалъ вы-
 вѣрнуться посредствомъ спекуляціи на государственныя земли. Онъ (и
 съ его примѣру и другіе банки) выдавалъ свои билеты различныиъ лицамъ,
 занимавшимся этими дѣлами, безъ всякаго почти обезпеченія. На эти
 билеты они покупали у правительства земли; а билеты снова поступа-
 ли отъ правительства, въ видѣ вкладовъ, въ тотъ же самый банкъ;
 который снова отдавалъ и снова получалъ черезъ руки правительства,
 такъ-что банковыи билеты служили собственно орудіемъ, посредствомъ
 котораго земля переходила въ руки спекуляторовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, эта
 операція давала банку возможность раслачиваться съ правительствомъ;
 посредствомъ одного перевода въ кассахъ банка, который открывалъ
 кредитъ спекулянтамъ. Такимъ-образомъ, доходы правительства съ про-
 дажи земли состояли собственно только въ этомъ кредитѣ; изъ подво-
 ныхъ же фактивныхъ суммъ состояли такъ-называемыя банковыя вкла-

ды, которые, все болѣе-и-болѣе возрастаая, вскорѣ превзошли дѣйствительныя средства. Такъ, въ началѣ 1834 года капиталъ всѣхъ банковъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ простирался до 200,000,000 долларовъ, ссуды и учетъ поглотили 324,000,000 сума находившихся въ обращеніи банковыхъ билетовъ 95,000,000 цифры, весьма-значительныя для народонаселенія почти въ 18,000,000 душъ; къ 1 же января 1835 г. эти цифры возросли: капиталъ болѣе, тѣмъ до 251 милліона, ссуды и учетъ до 457 мил., сума обращающихся билетовъ до 140 мил. Надо замѣтить, что большаа часть капитала принадлежала европейцамъ (въ-особенности англичанамъ), которымъ, кромѣ-того, американцы должны были огромныя суммы по другимъ обязательствамъ. Но, не говоря уже объ этомъ, приведенныя выше цифры ясно указываютъ, до какого неестественнаго напряженія дошелъ кредитъ: а по этому можно судить и о размѣрахъ спекуляціи. Промышленность шла самымъ ненормальнымъ и безцѣльнымъ путемъ. На это указываетъ уже то, что американцы начали привозить изъ Европы хлѣбъ на весьма-значительныя суммы. Конечно, при такомъ направленіи капиталовъ, немногіе даже изъ занятыхъ у европейцевъ достигли настоящаго назначенія, тѣмъ болѣе, что въ то же самое время распространилась повсюду чрезмѣрная роскошь. Такъ-какъ одна изъ главныхъ причинъ такого неестественнаго положенія промышленности и общества заключалась въ чрезмѣрно-большомъ количествѣ бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ банками, и въ спекуляціяхъ, которымъ они предавались, то мѣры президента Джаксона и обратились главнымъ-образомъ на эти обстоятельства. Мы уже говорили о его рѣшеніи не возобновлять привилегіи американскаго банка; дальнѣйшія его мѣры заключались въ томъ, что онъ отобралъ у банка государственныя вклады, старался извлечь изъ обращенія банковые билеты ниже десяти долларовъ номинальной цѣнности и, для предупрежденія спекуляціи, постановилъ, чтобъ государственныя земли покупались только на звонкую монету. Всѣ эти мѣры имѣли благотворныя послѣдствія, въ-особенности тѣмъ, что обуздали спекуляцію не только банковъ, но и частныхъ лицъ.

Весной 1836 года американскій банкъ окончилъ свое существованіе, какъ государственное учрежденіе, не расплатившись съ государствомъ, не открывъ ему положенія своихъ дѣлъ. Но ему удалось остаться въ качествѣ частнаго учрежденія, со всѣмъ инвентаремъ и прежними акціонерами, кромѣ государства. Замѣнившій его новый банкъ удержалъ даже билеты стараго и пустилъ ихъ въ обращеніе, хотя не имѣлъ на то никакого права, потому-что правительство не ручалось болѣе за ихъ уплату собственнымъ вкладомъ, какъ это было прежде.

Примѣръ американскаго банка окончательно убѣдилъ Джаксона, какъ можетъ быть опасно существованіе какого-либо центрального кредитнаго учрежденія, и онъ, во все продолженіе своего президентства, былъ непримиримымъ врагомъ его. Тѣмъ же самой политикѣ слѣдовалъ и преемникъ его фон-Бюренъ. Стараюсь выполнить задушевную мысль Джаксона—ввести металлическое обращеніе вмѣсто бумажнаго, которымъ они оба были такъ напуганы, Бюренъ вооружился для этого всевозможными средствами. И вотъ снова появились ограниченія относительно банковыхъ билетовъ: билеты ниже 20 долларовъ рѣшено не принимать въ государственное казначейство, а выпускающимъ ихъ банкамъ не давать участія въ дѣлахъ правительства; постановлено также не принимать въ государственныя кассы тѣхъ билетовъ, уплата по которымъ не будетъ совершаться въ мѣстѣ предъявленія на предъявителя и, притомъ, безъ всякой издержки и вычета. Между-тѣмъ, шла дѣятельная чеканка звонкой монеты, изъ Англіи привозились драгоцѣнные металлы. Благодаря этимъ мѣрамъ, банковыхъ билетовъ стало гораздо-меньше въ обращеніи, денежный рынокъ наполнился монетой, и золото распространилось повсюду.

Впрочемъ, не должно думать, чтобъ упомянутые нами президенты не сознавали необходимости и пользы бумажныхъ денегъ: Бюренъ, напримѣръ понималъ хорошо ихъ значеніе, но допускалъ ихъ только для большихъ оборотовъ, въ видѣ крупныхъ билетовъ, какъ въ Англіи и Франціи; въ этомъ случаѣ онъ заботился преимущественно о рабочемъ классѣ, желая спасти его отъ злоупотребленій, сопряженныхъ съ ними.

Вмѣстѣ съ поправленіемъ денежнаго рынка, стали быстро увеличиваться и государственные доходы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, такъ что одна продажа земель доставила въ годъ 20,000,000 долларовъ, то-есть сумму, достаточную на покрытіе всѣхъ государственныхъ расходовъ. Заграничная торговля усилилась и давала огромные доходы правительству отъ таможенныхъ пошлинъ; а расходы, между-тѣмъ, постоянно уменьшались. Такъ въ 1835 году они составляли только 18,176,141 дол., а доходы возрасли до 37,323,739 дол.; въ 1836 г. разница между доходомъ и издержками простиралась, по самому умѣренному счету, до 17,811,200 доллар. Общее благосостояніе народа нисколько не отставало въ этомъ отношеніи отъ финансовыхъ успѣховъ государства, такъ-что 1835 и 1836 годы можно назвать блестящимъ временемъ для Америки почти во всѣхъ отношеніяхъ: промышленность, торговля и земледѣліе процвѣтали, цѣнность земли, заработная плата, прибыль отъ разнаго рода предпріятій были необыкновенно-высоки въ это время. На покупки земель и постройки тратились огромныя капиталы, и послѣднія были такъ многочисленны, что съ 1 января по 1

сентября 1836 года въ одномъ Нью-Йоркѣ возникло 1,518 ноцтъ зданій.

Уже исторія прежнихъ кризисовъ могла убѣдить насъ въ томъ, что внезапное обиліе новаго орудія всегда сопровождается подобными явленіями въ народномъ хозяйствѣ, всегда пробуждается лихорадочная дѣятельность, въ-особенности въ промышленномъ и торговомъ классѣ, по-крайней-мѣрѣ, до-тѣх-поръ, пока не установится равновѣсіе между дѣйствительною цѣнностію монеты и потребностію въ ней. При внезапномъ наполненіи денежнаго рынка, всегда въ публикѣ рождается убѣжденіе, что умножились капиталы, то-есть дѣйствительныя средства для производительности, хотя въ самомъ дѣлѣ умножилась масса цѣнностей только назвѣстнаго рода, увеличилось количество драгоценныхъ металловъ, а не тѣхъ орудій, запасовъ и матеріаловъ, которые необходимы для производства. Такъ было и въ Америкѣ въ описываемой періодъ времени. Блестящее положеніе государственнаго казначейства вскружило многимъ голову: они уже думали, что и народный капиталъ выросъ въ той же пропорціи и ищетъ только выгоднаго помѣщенія. Временное переполненіе денежнаго рынка еще болѣе содѣйствовало силѣ этого убѣжденія и подстрекало промышленный классъ. Въслѣдствіе того началась повсюду лихорадочная дѣятельность: стали спекулировать землями, проектировано около ста новыхъ желѣзныхъ дорогъ, столько же каналовъ, еще болѣе горныхъ заводовъ и т. п. На одни эти предпріятія требовалось болѣе 300,000,000 долларовъ капитала. А какъ наличныхъ средствъ оказалось недостаточно, то дѣлались займы въ Англии и Голландіи, которые, въ свою очередь, только разжигали спекуляцію. Англійскій банкъ, увидя наконецъ, что капиталы слишкомъ-быстро начали переливаться въ Америку, возвысилъ учетъ, съ-тѣмъ, чтобъ положить конецъ этому переделу.

Первымъ слѣдствіемъ такой штыри было то, что всѣ банки въ Соединенныхъ Штатахъ прекратили свои платежи; билеты ихъ упали на 10 и 20%; версальскій курсъ на Лондонъ и Парижъ дошелъ до 22 проц. и изъ обращенія исчезла почти вся звонкая монета. Въ такихъ обстоятельствахъ, нью-Йоркскіе купцы обратились за помощью къ американскому банку; но онъ не могъ оказать дѣйствительной помощи и предлагалъ обратиться къ нью-Йоркскимъ, которые ссылались на другія подобныя же учрежденія, обѣщая возобновить платежи, лишь-только начнутъ они платить звонкой монетою; точно также и американскій банкъ выжидалъ, въ свою очередь, нью-Йоркскихъ. Купцы, между-тѣмъ, не имѣли помощи. Правда, американскій банкъ оказывалъ нѣкоторую помощь своими редедациями и билетами; но въ то же время, самъ чувствовалъ недостатъ своего

положенія, искалъ поддержки въ такой спекуляціи, которая потому нанесла еще болѣе вреда торгующему классу; а именно американскій банкъ издумалъ монополизировать хлопчатобумажный рынокъ, хотѣлъ сдѣлаться величайшимъ хлопчатобумажнымъ торговцемъ въ мірѣ и главнымъ комиссіонеромъ въ этой отрасли торговли, имѣя въ виду поддержать этимъ кредитъ свой въ Европѣ. Пользуясь низкими цѣнами на хлопчатую бумагу, директоръ его, Биддль, началъ скупать ее у плантаторовъ на билеты банка, дѣлать имъ большія ссуды этими билетами, съ условіемъ, чтобы они свой хлопокъ отправляли агентамъ его въ Ливерпуль и Гавръ, которые и продавали его здѣсь за наличныя деньги. Огромные барыши, получаемые отъ такой операціи, вызвали учрежденіе нѣсколькихъ новыхъ банковъ, которые имѣли ту же цѣль, то-есть дѣлать ссуды плантаторамъ и на свой счетъ отправлять въ Европу хлопокъ и другіе продукты; но, не умѣя держаться въ благоразумныхъ предѣлахъ, эти банки не могли долго удержаться и готовы были къ паденію. Тогда Биддль скупилъ ихъ акціи, возвысилъ этия цѣну и бросилъ на лондонскую биржу, которая питала безотчетное довѣріе къ американскимъ бумагамъ. До-сихъ-поръ все шло хорошо; вскорѣ, однакожъ, наступила реакція: американскія бумаги переполнили лондонскую биржу, а американскій хлопокъ — ливерпульскій рынокъ. Въ то же время плантаторы открыли глаза, и купцы увидѣли, что банкъ только эксплуатируетъ ихъ, не оказывая никакой помощи, ибо на низкомъ курсѣ билетовъ они теряли всѣ барыши, несмотря на высокую цѣну товара. Между-тѣмъ, урожай хлопка случился на $\frac{1}{2}$ ниже обыкновеннаго, а въ Европѣ цѣны не возвышались, да и фабриканты стали его меньше требовать. Биддль увидѣлъ тогда, что дѣла идутъ дурно, и хотѣлъ поправить ихъ новой спекуляціей: съ одной стороны, онъ представилъ проектъ новаго банка въ Нью-Йоркѣ, съ капиталомъ въ 50 мил. ионовъ долларовъ, съ другой — выпустилъ огромное количество билетовъ съ длинными сроками уплаты, скупилъ на нихъ американскія бумаги, акціи желѣзныхъ дорогъ и другихъ предпріятій, все это бросивши опять на лондонскій рынокъ.

Но эти средства оказались безуспѣшными, и нужно было наступить окончательной развязкѣ. Начало ей положилъ одинъ изъ парижскихъ комиссіонеровъ американскаго банка, протестовавшій его векселя, не вида болѣе никакой возможности продолгать съ нимъ дѣла. Вслѣдъ за-тѣмъ прервалъ съ банкомъ сношенія одинъ амстердамскій домъ, и этого было достаточно, чтобы довѣріе поколебалось и чтобы кризисъ, удержанный въ 1837 году только внимательствомъ американскаго банка, вспыхнулъ съ удвоенной силой. Учетъ поднялся до 25⁰/₀, и хотя банки

прежде сами поощряли торговцев къ неумѣренному расширенію кредита, но теперь заставляли ихъ платить себѣ огромные проценты. Кредитъ такъ истощился и сдулся, что даже Штатъ Пенсильванія нигдѣ не могъ добыть 1,150,000 долларовъ. Одною изъ причинъ такого недостатка было, правда, легкомысліе, съ которымъ до-сихъ-поръ дѣлались долги не только банками, но и цѣлыми штатами; притомъ, новые долги шли по большей части на уплату старыхъ, а не на тѣ предпріятія, для которыхъ они назначались.

Американскій банкъ теперь навлекъ на себя ожесточенную ненависть противоположной партіи, въ главѣ которой стоялъ президентъ Бюренъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него требованія удовлетворить свои обязательства, сумма которыхъ простиралась, по-крайней-мѣрѣ, до 40,000,000 долларовъ. Споры двухъ партій были ожесточены и привели къ совершенному преобразованію банковъ. Въ заведеніи конгресса 1840 г., президенту Бюрену удалось провести такъ-называемый *subtreasury-bill*, которымъ окончательно была разорвана связь банка съ государствомъ, и съ-тѣхъ-поръ обязанности его по отношенію къ государству перешли къ чиновникамъ правительства.

Но кризисъ, между-тѣмъ, продолжалъ свои опустошенія, а банки по-прежнему не платили. Считая ихъ главными виновниками несчастія, конгрессъ взялъ противъ нихъ рѣшительныя мѣры, предоставивъ имъ на выборъ: или черезъ три мѣсяца начать платежи, или приступить къ ликвидаціи. Мѣра эта произвела свой эффектъ: банки полопались, акціи американскаго банка чрезвычайно упали, и самъ онъ въ 1841 году ликвидировался, чѣмъ и окончился этотъ страшный періодъ банковыхъ спекуляцій въ Америкѣ.

Теперь конгрессъ и законодательное собраніе приступили къ реформѣ законодательства о банкахъ. Реформа была рѣшительно необходима, и стоило только обратить вниманіе на пропорцію, въ которой увеличилось съ 1814 года число банкротившихся банковъ, чтобы придти къ этому убѣжденію. Вотъ цифры, ее выражающія: въ 1814 г. прекратили свои платежи 90 банковъ, въ 1830 г. 165, въ 1837 — 618 и въ 1839—959, кромѣ 2 побочныхъ. Реформа была произведена, положены болѣе тѣсныя границы выпуску билетовъ и предписано нѣтъ большія для нихъ гарантіи.

Но возвратимся къ исторіи англійскихъ кризисовъ.

Мы уже сказали о томъ потрясеніи англійской торговли, которое пережила Англія въ 1826 году. Слѣдующіе затѣмъ года она старалась оправиться отъ нанесеннаго ей удара. Обстоятельства ей благопріятствовали, и въ-особенности обильные урожаи много помогли ей благобостое-

вію. Капиталы быстро накопились, подешевѣли, оживили предпринимчивость, которая въ скоромъ времени превратилась въ спекуляцію. Направленіе ея было, впрочемъ, не то уже, какое она имѣла прежде: теперь банки сдѣлались тѣмъ предметомъ, на который бросилась спекуляція. Такое направленіе вызвано было банковымъ актомъ 1826 года, по которому разрѣшено учреждать акціонерные банки съ неограниченнымъ числомъ акціонеровъ и за окружностью 65 англ. миль отъ Лондона; въ прежнее время, въ силу привилегіи англійскаго банка, могли выпускать билеты только тѣ частныя учрежденія этого рода, которыя имѣли, по крайней мѣрѣ, шесть участниковъ по капиталу. Хотя и остались, по новому акту, нѣкоторые ограниченія и стѣсненія частныхъ банковъ, но ни тѣ, ни другіе не могли препятствовать быстрому ихъ умноженію: уже въ первыя семь лѣтъ послѣ новаго акта основано было 34 акціонерныхъ банковъ, и до 1835 г. явилось опять столько же; въ 1836 г. возникло 42; въ концѣ 1836 г. число банковъ и прочихъ кредитныхъ учрежденій съ побочными ихъ вѣтвями достигло 670, съ 37,000 акціонеровъ, и изъ этого числа три четверти выпускали свои билеты. Предвидя опасность такого положенія дѣлъ, англійскій банкъ съ 1836 г. сталъ уменьшать выпускъ собственныхъ билетовъ и, стараясь въ то же время удержать отливъ въ Америку золота, возвысилъ, какъ мы уже видѣли, свой учетъ съ 4 до 5 проц. Другіе банки, однако, не слѣдовали его примѣру, поощряли непожѣрное расширеніе кредита, который не могъ болѣе держаться въ такомъ напряженномъ состояніи. И вотъ палъ значительный акціонерный банкъ въ Ирландіи — «сельско-хозяйственный и торговый», за нимъ послѣдовали многіе другіе. Между-тѣмъ, въ такую критическую минуту открылось стремленіе банка Соединенныхъ Штатовъ и другихъ американскихъ домовъ привлечь къ себѣ звонкую монету изъ Англій; открылось также, что на лондонской биржѣ обращается очень-много вымышленныхъ американскихъ векселей и что весьма-многіе американскіе купцы, бывшіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англійей, почти готовы остановить свои платежи и этимъ увлечь въ банкротство часть англійскаго торговаго міра. Англійскій банкъ понаглъ всю опасность подобнаго состоянія торговли и тотчасъ же явился на помощь къ главнымъ его виновникамъ.

Важѣйшимъ слѣдствіемъ этого кризиса было преобразование системы акціонерныхъ обществъ и банковъ въ Англій, совершенное парламентскимъ актомъ 17 іюля 1837 года. Прежде члены каждаго общества отвѣчали за исправность его счетовъ всѣмъ своимъ имуществомъ; теперь отвѣтственность эта ограничивалась только суммою ихъ акцій. Но за-то для банковъ ограничена была сумма основнаго капитала и пред-

писано имѣть точное показаніе именъ владельцевъ акцій. Постановленіи эти дополнены впоследствии другимъ актомъ объ акціонерныхъ банкахъ (Joint-Stock-Banks) въ 1844 г., которымъ дозволялось заниматься банковыми операціями обществамъ, имѣющимъ не болѣе 6 участниковъ, только съ особаго разрѣшенія правительства; вѣсть съ тѣмъ постановлено, что *все участники солидарно отвѣчаютъ за все, что касается общества*. Этимъ отличены акціонерные банки отъ прочихъ акціонерныхъ обществъ, ибо акціонеры послѣднихъ, по акту 1837 г., должны отвѣчать только суммою своихъ акцій.

Послѣ небольшого денежнаго кризиса, бывшаго въ Англіи въ 1839 году, вызваннаго какъ спекуляціями съ Америкой, такъ и неурожаемъ и стоившаго, впрочемъ, англійскому банку большихъ хлопотъ и многихъ страдавшіи рабочему классу, правительство англійское снова обратило вниманіе на состояніе банковъ. Въ это время одинъ изъ первыхъ финансовыхъ авторитетовъ Англіи, банкиръ Самуилъ-Джонъ Ловдъ, составилъ планъ необходимой, по его мнѣнію, реформы, по поводу котораго одинъ изъ новѣйшихъ эконоμισговъ сказалъ: «вѣтъ доктринера болѣе практика, начинающаго писать!» Планъ остался безъ исполненія; но реформа, тѣмъ-неменѣе, признана была необходимою, и ее совершилъ знаменитый сэръ Робертъ Пиль.

Еще въ 1833 году, при возобновленіи привилегій англійскаго банка, постановлено было условіе, что уставъ его можетъ быть черезъ 10 лѣтъ подвергнутъ пересмотру. Такъ-какъ срокъ этотъ оканчивался, то Робертъ Пиль предложилъ составить парламентскій комитетъ. Но прежде, чѣмъ комитетъ началъ свои засѣданія, вопросъ о банкахъ уже рѣшался и въ литературе, и въ частныхъ собраніяхъ, и въ обществѣ. Когда же парламентъ высказалъ свое мнѣніе, что онъ объ этомъ вопросѣ «не имѣетъ никакого мнѣнія», тогда Пиль, 6 мая 1844 года, предложилъ нижней палатѣ свой планъ, въ знаменитой рѣчи, продолжавшейся цѣлыхъ три часа. Такимъ-образомъ, явился актъ 1844 года, принятый большинствомъ голосовъ въ парламентѣ. Онъ, какъ извѣстно, ограничилъ выпускъ банковыхъ билетовъ, безъ обезпеченія драгоцѣнными металлами, 22 милліонами, изъ которыхъ 14 мил. предоставлено на долю англійскаго банка, а 8 на долю остальныхъ. Выпускаемъ билеты суммою этихъ суммъ, банки должны ихъ обезпечивать соответствующею цѣнностію въ звонкой монетѣ и въ слиткахъ драгоцѣнныхъ металловъ. Цифры эти Пиль вывелъ какъ среднее за 20 лѣтъ, представляющее ежегодное обращеніе въ Англіи банковыхъ билетовъ, обезпеченныхъ государственнымъ долгомъ банку, билетами государственнаго казначейства и государственными фондами. Затѣмъ англійскій банкъ раздѣлитъ тѣмъ

на два совершенно-раздельные департамента: 1) на департаментъ, занимающийся выпускомъ билетовъ (issue-department), и 2) департаментъ, производящій чисто-банковыя операціи (banking-department), которые оба состояли подъ однимъ управленіемъ. Такъ-какъ актъ 1844 г. составляетъ основаніе банковаго устройства въ Англии, то сообщимъ здѣсь нѣсколько подробностей о немъ. Вообще операціи англійскаго банка состоятъ, кромѣ выпуска билетовъ, въ учетѣ векселей, въ приемѣ вкладовъ и производствѣ ссудъ подъ залогъ. На частныя вклады онъ процентовъ не платитъ и не дѣлаетъ перевода счетовъ. Въ то же время онъ есть банкиръ правительства, ведетъ съ нимъ постоянные счета по вкладамъ его въ видѣ государственныхъ бумагъ и платитъ ему проценты за эти вклады. Кромѣ-того, банкъ получаетъ государственныя доходы и уплачиваетъ проценты государственнаго долга. Въ настоящее время у него есть одна контора (filiale) въ Лондонѣ и 12 въ провинціяхъ, которыя выпускаютъ въ обращеніе его билеты и занимаются учетомъ векселей. Дебетныя дѣла незначительны, и вообще операціи фробанковъ (депозиты и текущіе счета) въ Лондонѣ производятся главнымъ-образомъ частными банкирами и банками, которыхъ такъ-называемые чеки (checks) играютъ весьма-важную роль: каждый торговый домъ, каждый фабрикантъ, большой, или мелкій, даже почти каждый частный человекъ имѣетъ въ Англии свой банкъ, или своего банкира, которому онъ даетъ свой наличный капиталъ для сбереженія. Англійскій банкъ не принимаетъ вкладовъ ниже 500 ф. ст.; поэтому большая часть дѣлъ по текущимъ счетамъ достается на долю небольшихъ частныхъ банковъ и банкировъ. Они даютъ своимъ вкладчикамъ особыя тетради съ бланками чековъ, которые, по мѣрѣ нужды, употребляютъ ихъ кліентами для расплаты, до полной суммы вкладовъ, и пускаются въ обращеніе, какъ наличныя деньги.

Пилевскій актъ 1844 года возбудилъ множество преній между лучшими экономистами нашего времени. Многие его не одобряютъ, по той машинности въ дѣйствіяхъ, которую онъ навязываетъ банкамъ, по стремленію все предусмотрѣть, вообще по съзнательности его для банковыхъ операцій и торговли. «Раздѣленіе англійскаго банка на два департамента» замѣчаетъ Виръ «вовсе не имѣетъ тѣхъ благотворительныхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидали, ибо на мѣсто человѣческаго разсудка оно поставило машину: человекъ можетъ сообразить свои дѣйствія съ положеніемъ дѣлъ, машина этого дѣлать не можетъ. Могутъ быть, конечно, законныя предписанія, съ которыми должны вообще сообразоваться директоры банка... но, вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ должна быть предоставлена наирѣзвѣднѣе свобода дѣйствій, дабы, для постоянно

въ виду положеніе денежнаго рынка и ходъ торговли и промышленности, они могли бы ограничивать, или расширять свои операціи, судя по этому положенію.» Замѣчательнѣйшими противниками пилевскаго акта были знаменитые англійскіе экономисты: Миль, Тукъ и Фоллартонъ. У Вирта есть также довольно-подробный разборъ его, гдѣ онъ точно также является поборникомъ банковской свободы. Не пускаясь, впрочемъ, въ дальнѣйшія разсужденія о томъ, на сколько возможно предоставить банкамъ свободу въ ихъ дѣйствіяхъ, мы замѣтимъ только, что актъ 1844 года уже слишкомъ стѣснилъ ее и что лучшимъ доказательствомъ несостоятельности этого акта служить исторія послѣдующихъ кризисовъ—1847 и 1857 годовъ, когда само правительство сочло нужнымъ приостановить его. Обратимся же теперь къ исторіи этихъ событій.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Англійю пошло въ ходъ новое великое изобрѣтеніе новѣйшей цивилизаціи: въ 1830 г. начата была постройка первой значительной желѣзной дороги — между Ливерпулемъ и Манчестеромъ — и первая удача этого способа сообщенія естественно поразила тогдашнее общество, и, при изобиліи англійскихъ капиталовъ, очень-скоро наполнившихся со времени послѣднихъ кризисовъ, желѣзныя дороги должны были привлечь къ себѣ вниманіе капиталистовъ. Сначала новость предпріятія устрашала многихъ, и, какъ всегда бываетъ, множество голосовъ положительно доказывало даже вредъ желѣзныхъ дорогъ. Однако, вскорѣ, значительные барыши, которые отъ нихъ получались, возбудили въ этой сферѣ такую предпріимчивость и вѣстѣ съ нею такую спекуляцію между капиталистами, что они забывали даже главную цѣль новыхъ путей сообщенія и строили ихъ безъ всякаго разбора. Вскорѣ грозила уже опасность, что весь свободный оборотный капиталъ страны исчезнетъ изъ ея промышленности и превратится въ постоянный, въ видѣ желѣзныхъ дорогъ. Парламентъ всеми мѣрами старался охладить сколько-нибудь этотъ жаръ спекуляціи, но ничего не могъ сдѣлать: ежедневно являлось множество новыхъ проектовъ, и ежедневно парламентъ осаждаемъ былъ просьбами о разрѣшеніи нѣсколькихъ линій. 30 ноября 1845 г. былъ послѣднимъ днемъ, назначеннымъ для пріема просьбъ и плавовъ, и прожектёры находились въ страшномъ напряженіи, когда приближался этотъ день. У Вирта есть множество интересныхъ разсказовъ о томъ, какъ они старались предупредить другъ друга въ полученіи разрѣшенія. Изъ нихъ видно, до какого безумства доходила тогда спекуляція. Въ 1846 и 1847 году она продолжалась, хотя и съ мѣншей силой. Англійскій «Economist» вычислялъ, что парламентъ въ эти три года (1845 — 1847) уступилъ болѣе, чѣмъ на

2,500 милліоновъ гульденовъ желѣзныхъ дорогъ и что въ половинѣ послѣдняго года представлено было еще на 500 мил. такихъ же проектовъ. Изъ первой суммы къ половинѣ 1847 года было уже истрачено 1,000 мил. гульденовъ. По одному извѣстію того времени, затраченный капиталъ составлялъ вообще 2,400 мил. гульд. и что, для окончанія къ положенному сроку всѣхъ начатыхъ дорогъ, потребовалось бы издерживать ежегодно еще по 336 мил. гульденовъ.

Уже одно отвлеченіе такой массы капиталовъ отъ прямого ихъ назначенія должно было имѣть огромное вліяніе на промышленность и торговлю. Правда, и желѣзныя дороги чрезвычайно-полезны, даже, можно сказать, составляютъ могущественнѣйшій рычагъ народнаго благосостоянія; но онѣ не вдругъ приносятъ свои плоды; въ первое время онѣ даже отвлекаютъ капиталы отъ промышленности, уже существующей, и ограничиваютъ на нѣкоторое время производительность. Впрочемъ, Англія, вѣроятно, вывернулась бы изъ этого опаснаго положенія и избѣжала грозившаго ей кризиса, еслибъ въ то же время и другія обстоятельства не сдѣлали его неизбѣжнымъ.

Мы уже замѣтили, какую массу капиталовъ поглощали однѣ желѣзныя дороги; къ ней слѣдуетъ прибавить еще весьма-значительныя суммы, которыя вышли изъ обращенія въ видѣ ссудъ иностраннымъ государствамъ и обществамъ (какъ, напримѣръ, ссуда около 300 мил. франковъ на французскія желѣзныя дороги), такъ-что эти двѣ причины отвлекли цѣлыя сотни милліоновъ свободныхъ капиталовъ. Но и то не все: случился, кромѣ-того, неурожай въ главнѣйшемъ матеріалѣ для англійской промышленности—въ *хлопчатой бумагѣ*, оказался недостатокъ въ главнѣйшихъ предметахъ продовольствія, вслѣдствіе болѣзни *картофеля* и совершеннаго неурожая *хлѣба* въ большей части Европы. Эти-то причины и произвели самый ужасный кризисъ, какой только былъ до-сихъ-поръ въ Англіи. Въ 1845 году весь урожай картофеля, составлявшаго главную пищу рабочаго класса, былъ уничтоженъ болѣзнію; затѣмъ слѣдовалъ неурожай хлѣба. Въ-теченіе 8 мѣсяцевъ Англія истратила около 400 милліоновъ флор. на покупку хлѣба за границей. Для одной Ирландіи пришлось употребить до 80 мил. фл. на пособіе изъ государственнаго казначейства. Между-тѣмъ, дороговизна хлопка ограничила фабричную промышленность, и народный доходъ уменьшился, при такихъ необыкновенныхъ издержкахъ. Цѣны всѣхъ необходимыхъ предметовъ были вдвое и втрое выше обыкновенныхъ, а, между-тѣмъ, половина и, можетъ-быть, даже двѣ трети работниковъ остались безъ работы! Съ другой стороны, менѣе-необходимые предметы чрезмѣрно упали въ цѣнѣ и нанесли большія потери

торговцамъ. Въ-особенности кофе и сахаръ разорили многихъ капиталъ-листовъ. Нужно замѣтить, что въ это же самое время расширились и въкоторыя вѣтви англійской торговли, особенно торговля съ Индіей и Китаемъ, благодаря нанкинскому трактату съ послѣднею страной и открытію въ ней новыхъ портовъ для сношеній съ Европой. Значительныя капиталы опять отвлечены были на спекуляцію мануфактурными товарами съ этими странами, на основаніи сахарныхъ и кофейныхъ плантацій въ Ост-Индіи, равно-какъ и въ Вест-Индіи, и на торговлю колониальными произведеніями. Отъ чрезмерно-большаго привоза кофе и сахара, цѣны ихъ упали и множество капиталовъ въ обѣихъ Индіяхъ безвозвратно погибло. Но обратимся къ одной изъ главнѣйшихъ причинъ—къ неурожаю.

Покупка хлѣба для внутренняго продовольствія была сопряжена съ огромными жертвованіями и трудностями. Такъ-какъ одного американскаго хлѣба, наиболѣе-удобнаго къ привозу, было недостаточно, то потребовались большіе запасы его изъ Россіи; но, по трудности доставки его въ Англію съ портовъ Чернаго и Балтійскаго морей, прошло очень-много времени прежде, чѣмъ грузы достигли англійскихъ портовъ. Когда они пришли, то въ Англіи опасность уже миновалась и открылась благоприятная надежда на урожай будущаго года. Съ другой стороны, Англія, принужденная покупать хлѣбъ главнымъ-образомъ на звонкую монету, въ то же время не имѣла обыкновеннаго сбыта для своихъ мануфактурныхъ издѣлій; сбытъ ихъ ограничился не только уменьшившимся отъ дороговизны хлѣба требованіемъ Европы, но также и тѣмъ, что англійскія фабрики сами должны были сократить производство.

Въ первое время, конечно, хлѣбная торговля давала огромныя барыши, и они-то прельстили многіе дома, которые и бросились на спекуляцію хлѣбомъ. Кредитъ, легкомысленно расточаемый тогда англійскимъ банкомъ, а за нимъ и другими банками, еще болѣе содѣйствовалъ азарту этихъ спекуляцій. Но извѣстно, какой осторожности требуетъ вообще хлѣбная торговля, которая, послѣ огромныхъ барышей, иногда вдругъ причиняетъ огромные убытки. Банкъ могъ предвидѣть и могъ бы побережь свои силы для того времени, когда помощь его окажется действительно неизбѣжною. Онъ же слѣдовалъ совершенно-обратному пути: поощряя своимъ кредитомъ спекулянтовъ и, такимъ-образомъ, впуская ихъ въ опасную игру, онъ вдругъ лишилъ ихъ помощи въ самую критическую минуту. Виртъ, впрочемъ, справедливо замѣчаетъ, что не банкъ виноватъ былъ въ этомъ, а скорѣе актъ 1844 года, который, ограничивъ свободу дѣйствій директоровъ, хотѣлъ предусмотрѣть все самъ, замѣнить разсудокъ машиной, а, между-тѣмъ, много не предусмотрѣлъ.

Въ мѣѣ 1847 года, когда подвозы хлѣба все еще продолжались, цѣны начали упадать съ изумительною быстротой, такъ—что съ мая и по сентябрь онѣ со 102 шилл. за четверть пшеницы упали до 48 шилл. Торговцы требовали помощи; но банкъ былъ истощенъ, и вотъ одинъ хлѣбный торговецъ прекратилъ платежи, за нимъ слѣдовалъ другой, а за этимъ—цѣлый рядъ торговыхъ и банковыхъ домовъ. «Ударъ за ударомъ падали съ такой быстротой и такой тяжестью, что весь англійскій торговый миръ потерялъ голову и началъ рушиться; паденіе слѣдовало за паденіемъ, банкротство за банкротствомъ. Пять мѣсяцевъ сряду все разрушалось: съ конца юля до конца декабря не проходило ни одного дня, чтобъ не публиковали объ одномъ или многихъ, большихъ или малыхъ, объ умышленныхъ или невинныхъ банкротствахъ. И дѣло шло не о маленькихъ суммахъ а о цѣлыхъ милліонахъ. Вчера извѣщали о банкротствѣ въ милліонъ гульденовъ, сегодня утромъ—въ два милліона, вечеромъ, говорятъ, два дома прекратили платежи отъ одного до трехъ милліоновъ, тамъ опять на слѣдующее утро объявляютъ о банкротствѣ шести домовъ, изъ которыхъ наименьшій оказался несостоятельнымъ на полмилліона, а самый значительный—на шесть милліоновъ...»

Такимъ-образомъ, къ концу года прекратили платежи свыше 400 малыхъ и большихъ фирмъ, съ долгомъ болѣе 250 мил. гульденовъ.

Между-тѣмъ, падалъ съ неизмовѣрной быстротой курсъ государственныхъ фондовъ и акцій промышленныхъ компаній, а учетъ англійскаго банка возвышался и 25 октября достигъ 8 проц. Въ частныхъ сдѣлкахъ учетъ достигъ 13⁰/₀; акцій желѣзныхъ дорогъ понизились на 15 и 25⁰/₀. Многія изъ этихъ обществъ, вмѣсто акцій, хотѣли выпустить шестипроцентныя облигаціи, чтобъ удержаться отъ совершеннаго паденія; но такъ—какъ юристы не дозволили имъ этого сдѣлать, ссылаясь на существовавшіе тогда законные проценты, то общества стали выпускать пятипроцентныя облигаціи, но съ уступкою 6—7 процентовъ ниже паря. Изъ банковъ многіе не могли удержаться; такъ прекратили платежи даже болѣе—солидные изъ нихъ: королевскій и городской банки въ Ливерпулѣ.

Нечего и говорить уже, какво было положеніе рабочихъ: работы повсюду остановились; въ Ланкастерскомъ Графствѣ, самомъ промышленномъ въ Англии, вдругъ прекратились почти всѣ постройки и рпущено болѣе 10,000 рабочихъ. Фабричные работники уже и прежде не имѣли полнаго числа рабочихъ часовъ, а только половину и даже меньше; теперь же огромныя массы ихъ остались безъ дѣла, такъ—что въ продолженіе наступившей зимы въ богадѣльняхъ содержалось ихъ,

говорять, на 100,000 болѣе противъ обыкновеннаго числа, а налогъ въ пользу бѣдныхъ возросъ въ то же время на цѣлый миллионъ фун. стерлинговъ. Въ самую трудную минуту повсюду начали составляться собранія, вездѣ стали разсуждать о средствахъ, какъ помочь общему бѣдствію. Изъ всѣхъ торговыхъ и фабричныхъ городовъ Великобританіи посланы были депутаціи въ Лондонъ просить помощи у правительства. Купцы прежде всего имѣли въ виду устранить ограниченіе банка 14 миллионами, на которые, по акту 1844 г., онъ имѣлъ право выпускать билеты безъ обезпеченія наличною суммою злата. Они осаждали министерство просьбами, и министерство поняло необходимость уступить обстоятельствамъ: самъ Робертъ Пиль долженъ былъ отказаться отъ своего любимаго дѣтища, и банку разрѣшено умножить выпускъ билетовъ безъ обезпеченія звонкимъ металломъ. Мѣра эта такъ благоприятно подѣйствовала на публику, что банку даже не нужно было и пользоваться даннымъ ему разрѣшеніемъ: исчезнувшее довѣріе само-собою начало возстановляться, деньги покинули сундуки, и торговля опять стала выходить на обыкновенную дорогу. Вскорѣ началъ усиливаться и зауросъ на англійскіе товары, умножился вывозъ въ Соединенные Штаты Америки, откуда потекли въ Англію драгоценные металлы; съ тѣмъ вмѣстѣ и рабочій классъ понемногу началъ находить себѣ занятіе. Конечно, было бы слишкомъ-несправедливо приписывать только временному устраненію банковаго закона прекращеніе кризиса; но нельзя также не согласиться, что онъ дѣйствовалъ вредно на естественный ходъ этого переворота, который, вѣроятно, произвелъ бы меньше потрясенія, будь только у банка больше свободы, расчетливости и предусмотрительности въ своихъ дѣйствіяхъ. Самъ Робертъ Пиль сознается, что онъ обманулся относительно вліянія этого закона, надѣясь имъ оградить денежный рынокъ отъ политическаго страха и замѣшательства.

Съ умноженіемъ наличнаго запаса звонкой монеты, англійскій банкъ, между-тѣмъ, спускалъ понемногу процентъ своего учета; въ началѣ 1849 г. онъ понизилъ его на 4%, а весной 1852 дисконтъ дошелъ даже до 2%. На европейской континентѣ вліяніе описаннаго нами кризиса было рѣшительнѣе и обширнѣе всѣхъ предыдущихъ: онъ отразился на промышленности и торговлѣ почти всѣхъ европейскихъ государствъ, хотя и въ различной степени: банкротства происходили въ Парижѣ и Амстердамѣ, въ Бременѣ и Гамбургѣ, во Франкфуртѣ и Петербургѣ. Что касается до Россіи, то это былъ первый кризисъ, который довольно-тяжело отозвался на ней, и многіе изъ нашихъ торговыхъ людей до-сихъ-поръ не могутъ забыть знаменитаго 1847 года.

когда иные нажили огромные капиталы, а иные потеряли все. Въ самой Англїи этотъ кризисъ дѣйствовалъ, по выраженію Вирта, какъ сильный очистительный процессъ: имъ испровергнуто было все, что только нетвердо стояло на ногахъ; въ томъ числѣ не уцѣляли и тѣ, кто не занимался специально торговымъ дѣломъ. Много было случаевъ самоубійства, много богатыхъ семействъ отправились въ богадѣльни...

Интересные споры происходили въ это время въ Германіи о разныхъ экономическихъ вопросахъ, касающихся торговыхъ кризисовъ. Они замѣчательны особенно потому, что доказываютъ, какъ мало развиты были тогда здравыя экономическія понятія. Теперь экономисты германскіе, можно смѣло сказать, стоятъ во главѣ науки: ни одна страна не представляла, напримѣръ, такихъ глубокихъ и многостороннихъ изслѣдованій о послѣднемъ экономическомъ переворотѣ 1857 года, какъ Германія, и ни одинъ современный вопросъ не проходитъ въ настоящее время безъ основательнаго анализа какого-нибудь германскаго экономиста. Но за 10 лѣтъ было совсѣмъ-иное: тогда въ Германіи только въ первый разъ стали разсуждать и спорить объ экономическихъ кризисахъ, хотя нельзя сказать, чтобы Германія не испытывала ихъ сама до этого времени. Какъ тогда думали о подобныхъ вопросахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго факта, приводимаго Виртомъ: кто-то распустилъ слухъ, что Ротшильдъ заключилъ во Франкфуртѣ съ Пальмерстономъ условіе, по которому племянникъ его, Ротшильда, допущенъ будетъ въ англійскій парламентъ, а онъ, въ благодарность за это, постарается разрушить нѣмецкую промышленность. Дѣйствительно, вскорѣ послѣ-того, Ротшильдъ будто-бы отказалъ въ кредитѣ одному торговому дому во Франкфуртѣ, разсчитывая, что съ этимъ домоу падутъ многія южно-германскія фабрики. Такъ говорили въ публикѣ и почти такъ въ камерахъ. Бѣдный Ротшильдъ сдѣлался предметомъ всеобщей ненависти и вынужденъ былъ публиковать во Франкфуртѣ, что онъ не имѣлъ никогда и никакихъ счетовъ съ франкфуртскимъ домоу, въ отношеніи къ которому его обвиняють; но, несмотря на то, онъ долго не пользовался расположеніемъ южныхъ нѣмцевъ.

Между описаннымъ нами кризисомъ 1847 г. и послѣднимъ, самымъ сильнымъ переворотомъ 1857 г., хотя и было еще два кризиса — одинъ въ Америкѣ въ 1854 г., другой въ Англїи въ 1855 — но и тотъ, и другой были только предвѣстниками позднѣйшаго торговаго потрясенія, котораго причины, по мнѣнію всѣхъ лучшихъ экономистовъ, восходятъ къ концу и даже началу сороковыхъ годовъ.

Кризисъ 1857 года превзошелъ всѣ бывшіе до него размѣрами опустошеніемъ имъ области. Будучи результатомъ всего движенія промыш-

лености, сообщеннаго ей событіями послѣднихъ 10 лѣтъ; онъ въ то же время, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, готовился самостоятельно въ каждой странѣ и; вспыхнувъ въ Америкѣ, разлился надъ многими европейскими государствами не вълѣдствіе только отраженія американскихъ банкротствъ, а вълѣдствіе самостоятельныхъ, отчасти общихъ, отчасти особенныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ той, или другой странѣ Европы. Видѣть съ тѣмъ этотъ кризисъ имѣетъ еще другое значеніе: въ немъ участвовало много новыхъ причинъ, которыхъ или не было въ прежнихъ кризисахъ, или которыя дѣйствовали въ нихъ слабо. Не pursuing въ подобное ихъ изложеніе, мы, для связи съ предыдущею исторіею, ограничимся только ихъ общими перечисленіемъ; отсюда желающіихъ познакомиться съ ними ближе къ статьямъ г. Бушѣ (2 и 3 №№ «Отч. Зап.»); равнымъ-образомъ по той же причинѣ мы оставимъ въ-сторонѣ и историческій очеркъ всего движенія кризиса въ разныхъ мѣстахъ и изображеніе тѣхъ формъ, которыя онъ принималъ; тѣхъ послѣдствій, какія имѣлъ онъ въ томъ, или другомъ мѣстѣ. Итакъ, главными причинами послѣдняго экономическаго переворота, согласно съ лучшими экономистами, можно принять слѣдующія: во-первыхъ, политическія событія 1848—50 годовъ; вълѣдствіе которыхъ произошло сильное передвиженіе металлическаго капитала съ континента Европы въ Америку и Англію, какъ страны, представлявшія для нихъ наиболее условій для безопаснаго помѣщенія; затѣмъ — восточная война, которая отвлекла громадныя капиталы отъ производительнаго употребленія, заняла множество рукъ непродуцательнымъ трудомъ, лишивъ промышленность большого количества силъ матеріальныхъ и умственныхъ; она вызвала сильный запросъ на многіе продукты, усилила требованіе на хлѣбъ и сырые матеріалы. Неурожай въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и слѣдовавшій за ними обильный сборъ 1857 года; расширеніе сбыта многихъ продуктовъ, вызванное открытіемъ новыхъ рынковъ, благодаря развитію пароходства и желѣзныя дороги и направленію торговли, обратившейся въ Калифорнію, Америку и Австралію; далѣе—привилегированная система торговыхъ банковъ и нераціональныя основанія кредита. Всѣ эти причины дѣйствовали и въ прежнихъ кризисахъ: и тамъ мы видѣли, какіе перевороты въ торговлѣ дѣлали политическія событія, войны, неурожай, открытіе новыхъ рынковъ и известная организація банковъ. Но въ кризисѣ 1857 года въ первый разъ со всею силою дали себя знать многія другія причины, изъ которыхъ прежде хотя нѣкоторые и принимали участіе въ потрясеніи торговли, но участіе весьма-слабое и почти незаметное. Сюда относятся: открытіе золотыхъ приисковъ въ Кали-

Формы в Австраліи въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ; огромный вывозъ серебра въ Азію; перемены въ тарифахъ, измѣнившія прежніе торговые расчеты, наконецъ дальнѣйшее и самое сильное развитіе двухъ главныхъ дѣятелей новѣйшей промышленности — развитія труда и кредита, а именно: производство въ чрезвычайно-большихъ размѣрахъ и чрезвычайная специальность его, какъ естественное слѣдствіе дѣленія труда, и возникновеніе множества обществъ движимаго кредита; которыя дали кредиту необыкновенное напряженіе.

Этотъ перечень уже доказываетъ, что кризисъ не могъ быть мѣстнымъ и непременно долженъ былъ охватить огромное пространство. Хотя первые симптомы его открылись въ Америкѣ, его нельзя, однакожь, назвать американскимъ: онъ былъ не мѣстнымъ переворотомъ, а всеобщимъ и всемірнымъ. Онъ былъ выраженіемъ темной стороны новѣйшаго хозяйства, основаннаго на деньгахъ и главнымъ-образомъ на кредитѣ, хозяйства денежнаго и кредитнаго, и въ-особенности послѣдняго. Кредитъ составляетъ одно изъ великихъ преимуществъ новѣйшей экономической жизни; но въ то же время съ этимъ орудіемъ нужно обращаться весьма-осторожно: это порохъ, пролагающій широкую дорогу чрезъ непроходимыя скалы; но въ то же время взрывающій на воздухъ дома. Въ-самомъ-дѣлѣ, не говоря о выгодахъ и свѣтлыхъ сторонахъ кредита, какъ легко соблазняются имъ и какъ часто ведетъ онъ къ самой необузданной спекуляціи! Купецъ, желающій расширить свои дѣла, фабрикантъ, думающій основать новое заведеніе, общество, которое хочетъ строить желѣзную дорогу— все они нуждаются въ капиталѣ, для платы рабочимъ, для покупки орудій, машинъ, принадлежностей и т. п. Если у нихъ нѣтъ собственнаго капитала, то самое богатое денежное общеніе имъ не доставитъ его; однихъ только кредитъ можетъ дать имъ требуемый капиталъ. Кредитъ даетъ его имъ или косвенно—своими орудіями, или прямо—наличными ссудами и доставкой въ заемъ товаровъ, машинъ и проч. Хотя деньги играютъ здѣсь второстепенную роль, но все эти дѣла-считаются денежными и отъиваются на денежные суммы. Оттого-то, когда нѣтъ капиталовъ на рынкѣ, или трудно ихъ получить при помощи кредита, говорятъ, что нѣтъ денегъ, и часто приписываютъ торговые кризисы этой послѣдней причинѣ, хотя бы она тутъ и не имѣла мѣста. Но кредитъ непосредственно создать капитала самъ-собою не можетъ; онъ только переводитъ существующій уже капиталъ изъ однихъ рукъ въ другія, выводитъ его или изъ бездѣйствій, или изъ одного употребленія въ другое. Отсюда ясно, что когда кредитъ требуется сильно и ищется повсюду разными предпринимателями, то цѣна его,

то—есть вознагражденіе за пользование имъ , должна возвыситься, а вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо должны подняться и цѣна капитала, и цѣны всѣхъ тѣхъ товаровъ, которые желаютъ получить при помощи кредита. Отъ этого учетъ, проценты и товарныя цѣны начинаютъ подыматься, и подымаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше сумма всѣхъ требованій кредита превышаетъ сумму свободныхъ капиталовъ. И вотъ главная причина высокихъ курсовъ и всѣхъ подобныхъ затрудненій въ торговлѣ. Высокій курсъ и высокія цѣны товаровъ, въ свою очередь, вызываютъ лихорадочную предпримчивость и спекуляцію, которая все болѣе—и болѣе разыгрывается, достигаетъ необыкновенныхъ размѣровъ, пока этотъ огромный воздушный шаръ не лопнетъ отъ собственного растяженія и пока кредитъ не уступитъ мѣста недовѣрью. Несоразмѣрность между кредитными обязательствами и свободнымъ капиталомъ увеличивается и нужда въ немъ становится настоятельною еще болѣе оттого, что наличныя движимыя цѣнности, вслѣдствіе недовѣрія, начинаютъ скрываться и прятаться въ сундуки ихъ владѣльцевъ. Поводомъ къ такому перевороту служить обыкновенно данный гдѣ-нибудь сигналъ. Какъ незначителенъ онъ бываетъ въ началѣ, такъ опустошителенъ въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ. Это—искра, попавшая на пороховую дорожку, ведущую въ мину: стоить только унестъ ей на одинъ конецъ дорожки, поджечь одну порохинку, чтобъ произвести ужаснѣйшій взрывъ. Во время прошедшаго кризиса вся почти Европа и Америка пропитаны были такимъ горячимъ составомъ; въ послѣдней загорѣлся только одинъ конецъ цѣлой батареи разрывныхъ снарядовъ, которою опоясана была Европа. Можно навѣрное сказать, что еслибъ состояніе европейской торговли и кредита было нормально, то американскій кризисъ или остался бы мѣстнымъ, или отразился ничтожными волнами на европейскіхъ берегахъ. Временная остановка американскихъ платежей значила бы немного, и доказательствомъ тому можетъ служить солидность Бремена въ—сравненіи, напримѣръ, съ Гамбургомъ, хотя онъ находился въ обширнѣйшихъ связяхъ съ Америкой и не обладалъ такими капиталами, какъ Гамбургъ. Всѣ признаки кризиса были уже на—лицо: и высокій учетъ, и необыкновенно—высокія цѣны товаровъ; но никто не хотѣлъ подумать объ угрожающей бурѣ и подобрать тѣхъ парусовъ, которые сдѣлали изъ кредита: главную причину высокаго дисконта видѣли только въ сильномъ вывозѣ серебра въ Азію, а возвышеніе цѣнъ на товары приписывали упадку цѣнности денегъ, жалуясь въ то же время на недостатокъ въ деньгахъ, такъ—что упадокъ цѣнности денегъ допускали при недостаткѣ ихъ, а недостатокъ денегъ— при вывозѣ серебра и высокихъ цѣнахъ.

на товары! Не видя главной причины замѣчаемыхъ явленій, смѣшивая различныя понятія—деньги и капиталъ, капиталъ и кредитъ, требовали только новыхъ орудій обращенія, побольше билетовъ и кредитныхъ знаковъ. Обширная ихъ фабрикація произвела еще новыя затрудненія, дала пищу кризису и продлила его. Въ подобномъ положеніи дѣль, впрочемъ, и самая благоразумная система кредита не можетъ спасти торговли противъ неизбѣжной реакціи, когда торговля и кредитъ перешагнули должныя предѣлы, когда уплаты по обязательствамъ остановились, когда товары неудержимо падаютъ въ цѣнѣ, а векселя представляютъ только воображаемая цѣнности. Хотя, конечно, чрезмѣрное расширеніе кредита вызывается часто временными обстоятельствами и частными причинами, однако, нельзя также не согласиться, что оно имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и общее основаніе, лежащее въ условіяхъ настоящей степени нашего экономическаго развитія. Мы живемъ, можно сказать, въ вѣкъ кредитнаго хозяйства, хотя многія государства не перешли еще ступени денежнаго и даже натуральнаго. Каждая изъ этихъ ступеней имѣетъ свои темныя стороны, и кредитная, въ свою очередь, страдаетъ чрезмѣрнымъ расширеніемъ кредита, періодическими промышленными горячками съ ихъ тяжелыми катастрофами; болѣзнь современнаго намъ хозяйства—это неумѣренное развитіе и затѣмъ судорожное сжатіе главнѣйшаго принципа, лежащаго въ его основаніи. Здѣсь мы не видимъ, впрочемъ, какого-нибудь исключительнаго явленія: всякое новое начало всегда выражается прежде всего до-крайности, пока оно не обживется, не пристроится къ жизни и пока жизнь не признаетъ его своею неотъемлемою собственностію. Къ-тому же, необузданное господство каждаго принципа всегда ведетъ на неправильный путь, ибо безусловное къ нашему міру не приложимо. Самые плодотворныя начала новѣйшихъ обществъ—свобода труда, кредитъ, ассоціація—не могутъ быть приложимы безусловно, и безграничность ихъ можетъ потрясти благосостояніе общества въ самомъ его основаніи. Изъ представленнаго нами историческаго очерка торговыхъ кризисовъ можно видѣть, какъ часто, по мѣрѣ развитія этихъ началъ, они служили источникомъ бѣдствій, именно вслѣдствіе неумѣреннаго ихъ приложенія. Такимъ является намъ кредитъ, сначала въ рукахъ правительства, потомъ въ рукахъ частныхъ лицъ; такою мы видимъ ассоціацію капиталовъ, обращающуюся повременамъ въ монополію, которая эксплуатируетъ публику; такой же, наконецъ, характеръ принимаетъ свобода промышленности вообще, какъ мы видимъ это въ американскихъ, или англійскихъ банкахъ, во множествѣ безразсудныхъ спекуляцій и, къ-несчастію, въ положеніи рабочаго класса, которому часто приходилось быть жертвой этого, въ-сущности благо-

дѣтельнаго, принципа. Но мы думаемъ, что уроки прошедшаго принесутъ свои плоды, а великіе принципы, брошенные въ жизнь, вѣстѣ съ горькими плодами дали и много хорошаго обществу.

А. К.—КЪ.

УЧЕНЫЯ НОВОСТИ.

По исторіи: «Всеобщая Исторія» Вебера. — «Исторія Греціи» Моке. — Лекціи о римскихъ древностяхъ Нибура. — Новое изданіе «Исторіи Гогенштауфеновъ» Раумера. — «Исторія реформационной эпохи Россера». — Бѣлградское изданіе сочиненій Гуттена. — «Популярная Исторія Германіи» Майера. — «Исторія парламентарнаго правительства во Франціи» Дюверье-де-Горами. — «Исторія Италіи въ XIX столѣтіи» Германа Рейхлина. — «Исторія Италіи въ эпоху наполеонидовъ» Рута. — «Жизнь и время Фокса», соч. лорда Джона Россела. — По физиологіи: «Физиологическій Атласъ» А. Экера. — «Исслѣдованія физиологическаго института въ Бреславлѣ» професс. Рейхерта. — Отчетъ объ успѣхахъ анатоміи и физиологіи за 1858 годъ I. Гамла и Г. Мейснера. — «О дѣйствіи нервной системы на пищевареніе» доктора Цендера. — «О строеніи, отпарвленіяхъ и болѣзняхъ нервной системы» доктора Довала. — «Микроскопъ, его теорія и пр.» П. Гартинга. — «Лекціи о сравнительной анатоміи и физиологіи» Мильна-Эдвардса. — «Физиологическія изслѣдованія объ электротоническомъ состояніи нервовъ», Э. Пфлюгера. — По филологіи: «Журналъ для психологіи народовъ и языкованія» М. Лацаруса и Г. Штейн-пала.

Weber, Georg, D-r, *Allgemeine Weltgeschichte mit besonderer Berücksichtigung des Geistes und Culturlebens der Völker*. (1-er und 2-er Band. Leipzig. 1857 — 1859, VIII, 788, 890. (Георги Вебера «Всеобщая Исторія»). Имя Георга Вебера достаточно известно въ нѣмецкой исторической литературѣ. Его знаетъ, впрочемъ, не одна Германія. Учебникъ всеобщей исторіи Вебера, имѣвшій семь изданій, пользуется европейскою извѣстностію и справедливо считается однимъ изъ лучшихъ руководствъ. Для всякаго преподавателя исторіи онъ, конечно, долженъ быть настольною книгою, и, безъ-сомнѣнія, многіе раздѣлятъ съ нами прискорбное сожалѣніе, что до-сихъ-поръ еще не настала возможность порядочно русскою передѣлкою веберова учебника замѣнить хотячя у насъ, допотопныя и шлюхія руководства гг. Смарагдовыхъ, Зуевыхъ съ компаніею. Отъ учебника Веберъ теперь переходитъ къ обширному, широкозадуманному труду — къ полному изложенію всемірной исторіи. До-сихъ-поръ вышли только первые два тома, огромныя, богатые историческимъ матеріаломъ книги, въ пятьдесятъ слишкомъ печатныхъ листовъ каждая. Весь трудъ, по предположенію автора, долженъ заключать въ себѣ отъ 10 до 12 подобныхъ томовъ. Въ первомъ томѣ,

послѣ краткаго введенія, въ которомъ говорится о задачахъ всемирной исторіи, какъ она понимается въ настоящее время, изложена исторія древняго Востока въ слѣдующемъ порядкѣ: китайцы, египтяне, индійцы, мидяне, персы, вавилоняне, ассирійцы, финикійцы и, наконецъ, евреи. Второй томъ заключаетъ въ себѣ исторію Греціи до эпохи македонскаго владычества. Внутренній бытъ не остается только украшеніемъ и приманкою на заглавномъ листѣ: ему данъ широкій просторъ въ ученомъ трудѣ Вебера. Такъ, напримѣръ, историческій обзоръ греческой литературы, въ связи съ общественною жизнью грековъ, не заставляетъ желать ничего лучшаго. Подобно большинству нѣмецкихъ историковъ, Веберъ нисколько не рассчитываетъ на внѣшній эффектъ; онъ не блещетъ увлекательнымъ изложеніемъ; простою и ясностью онъ не жертвуетъ для ловкой, эффектной фразы, для смѣлаго, но мало основательнаго вывода. Онъ врагъ общихъ мѣстъ, даже мало найдется въ его книгѣ такъ-называемыхъ общихъ очерковъ; но взамѣнъ этого читатель получаетъ органическую цѣпь дѣйствительныхъ историческихъ фактовъ. Въ добросовѣстной, въ вѣрной передачѣ подробностей, деталей — главное достоинство книги Вебера, въ богатствѣ историческаго матеріала — главное ея отличие отъ другихъ подобныхъ трудовъ. Такимъ-образомъ, громадная начитанность, ученая добросовѣстность, серьезность, трезвость воззрѣнія, безыскусственность и простота изложения, преимущественное развитіе деталей — отличительныя черты новаго труда Вебера. Онъ, конечно, не привлечетъ къ себѣ огромной массы читателей, но для каждаго занимающагося исторіей будетъ служить драгоценнымъ приобретеніемъ и если благополучно будетъ доведенъ до конца, то, безъ сомнѣнія, далеко оставитъ за собою и Канту, и Пlossера, и все то, что въ подобныхъ разборахъ написано по всеобщей исторіи.

Mone, Fr., *Griechische Geschichte. Berlin. 1858—1859.* (Выходитъ выпусками.) 8. (Моне, Исторія Греціи.) Когда вышелъ первый томъ «Исторіи Греціи» Курціуса, Моне, приватдоцентъ Гейдельбергскаго Университета, привѣтствовалъ его ядовитою и ругательною критикою, въ которой рядомъ съ нѣсколькими дѣльными замѣчаниями высказалъ то мнѣніе, что исторіи писать еще не умѣютъ, что въ скоромъ времени онъ, Моне, покажетъ на собственномъ опытѣ, какъ слѣдуетъ въ наше время писать исторію. Этотъ опытъ, дѣйствительно, недолго заставилъ себя ждать и явился подъ названіемъ «Греческой Исторіи». Если богата Германія различными чудовищными произведеніями ложной учености и болѣзненно-направленнаго ума, то, признаемся, «Греческая Исторія» Моне въ ряду этихъ чудовищно-болѣзненныхъ порожденій должна занимать не последнее мѣсто. Желаніе блеснуть всезнаніемъ, а въ-особенности оригинальностью, сгубило Моне. Его исторія — исторія философская, теоретическая, продуктъ теоретическаго мышленія, выходящаго изъ началъ какой-то философской школы, изъ началъ какихъ-то теорій государственнаго права и политической экономіи. Съ своими теоретическими понятіями онъ приступаетъ къ изслѣдованію явленій, или, собственно говоря, къ со-

зерцанию законов греческой жизни, строить, по его собственным словам, теорию этой жизни, а нимало не старается представить ее живое, действительное течение. В результате выходит какое-то странное *mixtum compositum*, в котором есть всего понемногу, но нѣтъ того, что мы привыкли называть исторією. При маломъ развитіи нашего общества, легко можетъ стать, что въ скоромъ времени явится у насъ какой-нибудь достойный подражатель Фридриха Моне.

Nieburh, L. G., *Vorträge über römische Alterthümer an der Universität zu Bonn gehalten*. Berlin. 1858. XXI, 672. В 8 д. л. (Нибурга, Лекціи о римскихъ древностяхъ.) Въ концѣ прошлаго года историческая литература обогатилась изданіемъ «Лекціи о римскихъ древностяхъ» знаменитаго Набура, которыя до-сихъ-поръ оставались извѣстны только его слушателямъ. Изданы онѣ тѣмъ же самымъ докторомъ Излеромъ, который нѣкогда приготовилъ къ печати нибуровскія «Лекціи о Римской Исторіи». Изданы онѣ самымъ отчетливымъ и безукоризненнымъ образомъ. Мы не видали еще самой книги; но можно думать, что она и теперь еще, подобно всему, что выходило изъ-подъ пера великаго историка, не потеряла своей свѣжести и своего значенія.

Raumer, Fr. *Geschichte der Hohenstaufen und ihrer Zeit. Dritte verbesserte und vermehrte Ausgabe. In 12 Halbbänden. Leipzig. 1—12 Halbbänden. 1857—1958. in 8.* (Раумера, Исторія Гогенштауфеновъ и ихъ эпохи.) Имя Раумера, какъ историка, слишкомъ-извѣстно. Было время, когда оно произносилось съ полнымъ, безграничнымъ уваженіемъ, когда съ этимъ именемъ соединялось представленіе объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ историковъ. Въ послѣднее время новые успѣхи нѣмецкой исторіографіи выдвинули на сцену болѣе-блестящихъ дѣятелей; старикъ Раумеръ пережилъ свою славу; недостатки его сдѣлались рѣзче и замѣтнѣе. Но все-таки полезная дѣятельность Раумера, какъ ученаго, не потеряла своего значенія; все-таки ученая Германія произноситъ его имя съ уваженіемъ, и за нимъ остается весьма-много ученыхъ заслугъ. Главное отличіе новаго изданія «Исторіи Гогенштауфеновъ» отъ двухъ предшествующихъ заключается въ его дешевизнѣ: оно стоить ровно вдвое меньше прежнихъ. Исправлений и дополненій весьма мало; они касаются только мелочей, подробностей. Такимъ-образомъ, въ цѣломъ остались за трудомъ тѣ же достоинства и тѣ же недостатки. Когда будетъ конченъ обширный и прекрасный трудъ Гизебрехта *Geschichte der deutschen Kaiserzeit* (Исторія эпохи нѣмецкихъ императоровъ), тогда, безъ сомнѣнія, старый трудъ Раумера много потеряетъ въ томъ значеніи, которое онъ сохранилъ до сихъ-поръ.

Rossmann, Wilh., *Betrachtungen über das Zeitalter der Reformation. Mit archivalischen Beilagen. Jena. 1858. XV, 432—in 8.* (Россманны, Разсужденія объ эпохѣ реформаціи). Книга даетъ больше, нежели общаго ея заглавіе: это не разсужденіе только о реформаціонной эпохѣ, а цѣлая исторія реформаціи. Для автора реформаціонная эпоха начинается не съ появленія Лютера только, но съ-тѣхъ-поръ,

какъ обнаружилось новое умственное движеніе, подготовившее реформацию. Съ другой стороны, нисколько не отнимая значенія у лютеровою дѣятельности, онъ считаетъ реформаціонный принципъ достаточно-укрѣпившимся уже въ 1519 году и этимъ годомъ заканчиваетъ свой трудъ. Послѣ введенія, въ которомъ Россманнъ въ яркомъ контрастѣ изображаетъ средневѣковое и новѣйшее воззрѣніе на церковь, идутъ слѣдующіе главные отдѣлы: евангелизмъ и мистицизмъ (общежительные братья и мистики), евангелизмъ и либерализмъ (Іоаннъ Гуссъ и констанцскій соборъ), евангелизмъ и радикализмъ (Лютеръ и перекрещенцы). Въ приложеніяхъ находимъ нѣсколько любопытныхъ актовъ, объясняющихъ оппозиціонныя стремленія XV вѣка со стороны духовныхъ курфирстовъ противъ папскою власти и императора Фридриха. Авторъ обращаетъ равное вниманіе на политическій и на религіозный элементъ; повсюду изложеніе отличается живостью и теплотою. Много новаго; многому, что уже было извѣстно, ловкою группировкою данъ совершенно-новый и неожиданный свѣтъ. Только самый методъ историческаго изслѣдованія, принятый авторомъ, заслуживаетъ сильнаго и рѣшительнаго протеста: для доказательства своихъ субъективныхъ идей, онъ совершенно-произвольно относится къ историческимъ явленіямъ и фактамъ. Въ результатѣ подобный методъ ведетъ къ разложенію исторической науки, ибо она сдѣлается подспорьемъ для различныхъ тенденцій.

Hutteni, Ubrici, equitis Germani, *Opera, quae reperiri potuerunt omnia. Edid. Ed. Böcking. Vol. I. Leipzig. 1859.* (XVI, 104, 462 и портретъ Гуттена), in 8. (*Полное собраніе сочиненій Ульриха Гуттена.* Изданіе Бёкинга). Недавно еще съ восторгомъ встрѣтила Германія прехвосходную біографію Ульриха Гуттена, написанную знаменитымъ Давидомъ-Фридрихомъ Штраусомъ. Тогда же мы узнали, что ученый Бёкингъ уже давно неутомимо трудится надъ полнымъ собраніемъ сочиненій знаменитаго борца временъ реформации. Одинъ трудъ долженъ былъ служить необходимымъ дополненіемъ другаго, и ими Бёкинга служило ручательствомъ, что ученая Германія получить документальный памятникъ въ честь своего народнаго героя, ничѣмъ неуступающій достоинствами труду Штрауса. Предположенія сбылись. Вышедшій нынѣ первый томъ полнаго собранія сочиненій Гуттена составляетъ въ библіографическомъ отношеніи явленіе рѣдкое, драгоцѣнное, почти небывалое. Здѣсь читатель прежде всего находитъ самый полный, тщательнѣйшимъ образомъ составленный указатель всего того, что написано было Гуттеномъ и о Гуттенѣ (index bibliographicus huttenianus). Для одного этого указателя потребенъ былъ продолжительный, самый утомительный трудъ. Затѣмъ, въ первомъ томѣ помѣщены *все* письма, писанныя въ періодъ отъ 1506 до 1520 года какъ самимъ Гуттеномъ, такъ и къ Гуттену отъ другихъ, а также все указанія для біографіи Гуттена въ эту эпоху, какія только можно было найти. Полнота, исправность и отчетливость изданія не заставляютъ ничего лучшаго желать. Второй томъ выйдетъ скоро и будетъ заключать въ себѣ письма, написанныя въ періодъ отъ 1520 года и до смерти Гуттена. Томы 3, 4, 5 и 6 будутъ заклю-

чать въ себѣ собственно сочиненія его, съ объясненіями ученаго издателя. Седьмой томъ будетъ служить общимъ указателемъ ко всему изданію.

Mayer, Karl Aug., *Deutsche Geschichte für das deutsche Volk*. 2. B. Leipzig. 1858. XIV, 776. (Майеръ, Нѣмецкая исторія для нѣмецкаго народа.) Вторымъ томомъ, вышедшимъ въ концѣ прошлаго года, Майеръ заключилъ свой прекрасный популярный трудъ; его съ пользою и съ удовольствіемъ прочтаетъ не одинъ только нѣмецъ, а всякій образованный человѣкъ. Простота, теплота и живость изложенія—отличительныя достоинства этой популярной исторіи Германіи. Увлечательное изложеніе, ловкая группировка фактовъ, полныя жизни характеристики историческихъ лицъ, ясность взгляда, жаръ трезваго патриотизма и сила убѣжденія ставятъ книгу Майера выше всего, что до-сихъ-поръ дала нѣмецкая литература въ подобномъ родѣ. Второй томъ начинается съ Фридриха-Великаго и доходитъ до событій 1848 года. Авторъ убѣжденъ въ томъ, что Германія стремится къ полному торжеству либерализма. Исторія культуры, конечно, занимаетъ немало мѣсто; только она не распределена по отдѣльнымъ ящикамъ и коробкамъ, какъ это дѣлается, между прочимъ, въ нашихъ учебныхъ книгахъ исторіи, а излагается въ органической связи съ теченіемъ внѣшней политической жизни.

Duvergier de Nauranne *Histoire du Gouvernement parlementaire en France*. (1814—1848.) Tomes 1, 2 et 3. Paris. 1857—1859. XVI, 601, 624; IV, 547. (Дювержье де Горана, Исторія парламентарнаго правительства во Франціи, съ 1814 по 1848 годъ.) Въ нынѣшнемъ году вышелъ третій томъ этого мало-извѣстнаго у насъ, но въ высшей степени замѣчательнаго труда, который одѣлалъ бы честь любой, самой богатой и свободной исторической литературѣ, а во Франціи, среди господствующей пустоты и бесплодности, выдается, какъ вліяніе рѣзкое и блестящее. Для француза, равно-какъ и для посторонняго наблюдателя, книга, подобная той, которой заглавіемъ нами выписано, должна служить утвердительнымъ доказательствомъ, что въ современной Франціи не совершенно еще вымерли лучшія, благороднѣйшія стремленія, что, кромѣ жалкой официальной Франціи, есть еще и другая, что въ странѣ существуетъ незначительная, правда, по числу, но сильная по своему духу, группа людей, остающихся вѣрными прежнимъ началамъ, что эти люди и эти начала служатъ живымъ укоромъ современности, завѣтомъ прошлаго и указаниемъ на будущее. Дювержье де-Горанъ принадлежитъ къ той замѣчательной плеядѣ политическихъ дѣятелей парламентарной Франціи, во главѣ которой стоялъ Гизо; но своимъ принципамъ, онъ до смерти. Но личное уваженіе къ знаменитому министру Людовика-Филиппа и поклоненіе одной и той же доктринѣ не лишній его самостоятельности въ образѣ дѣйствій. Дювержье одинъ изъ первыхъ сталъ во главѣ знаменитаго реформистскаго движенія, которое въ 1848 году низвергло въ могилу июльское правительство. Онъ ясно видѣлъ опасность положенія, и ему принадлежитъ извѣстная роль: правительство Людовика-Филиппа не можетъ быть спасено безъ гур-

бокихъ и важныхъ реформъ». Будучи членомъ учредительнаго собранія, онъ стоялъ въ оппозиціи всѣмъ крайнимъ, радикальнымъ стремленіямъ. Переворотъ 2 декабря разразился изгнаніемъ надъ Дювержье де-Гораномъ; но спустя полгода онъ декретомъ новаго императора былъ возвращенъ во Францію. Съ тѣхъ-поръ политическая карьера была для него закрыта, и Дювержье сдѣлался историкомъ замѣчательной эпохи, которую онъ пережилъ, въ событіяхъ которой самъ былъ важнымъ дѣятелемъ. Вотъ какъ самъ онъ говоритъ о тѣхъ причинахъ, которыя заставили его приняться за многотомный трудъ: «Отчего въ какую-нибудь эпоху Франціи не возвратиться снова къ тѣмъ идеямъ, которыя она такъ недавно оставила? Отчего, послѣ иныхъ опытовъ, не пожелать ей испытать еще разъ ту форму правительства, подъ которою она жила, наслаждаясь свободою и благоденствіемъ? И если это такъ, то не будетъ ли дурно, когда событія захватятъ насъ врасплохъ, неприготовленными? Не будетъ ли полезно, напротивъ, напередъ выяснить пружины, изучить игру, разсмотрѣть движенія старой конституціонной машины? Какъ бы ни смотрѣли на парламентарное правительство, съ хорошей ли, или съ дурной стороны, но оно занимало, оно занимаетъ и теперь, въ исторіи новой Европы, весьма-важное мѣсто. Какже поэтому не постараться разъяснить себѣ его происхожденіе, тѣ начала, на которыхъ оно основано, тѣ фазы, чрезъ которыя оно прошло, тѣ измѣненія, которыя оно потерпѣло, претрѣствія, которыя встрѣтило, и тѣ мелкія подводныя, о которыхъ разбилось? Погибло ли оно потому, что само было несостоятельно, или же потому, что люди были его недостойны, потому-что употребили во зло свободу, которую оно даровало, или потому, что хотѣли уничтожить и ослабить эту свободу? Или же оно просто пало отъ случайнаго и роковаго стеченія непредвидѣнныхъ обстоятельствъ? Безъ-сомнѣнія, все это заслуживаетъ изслѣдованія, и если не суждено современникамъ произносить окончательный приговоръ надъ историческими событіями, то, по-крайней-мѣрѣ, ихъ долгъ собирать и очищать историческіе матеріалы.»

Вотъ тѣ задачи, съ которыми приступаетъ Дювержье де-Горанъ къ своему труду. Понятно само-собою, въ какую сторону должно клониться то рѣшеніе, которое предложитъ на эти скорбные вопросы политическій человѣкъ, воспитанный въ эпоху парламентаризма. Сами начала для него непреложны, святы; не въ несостоятельности ихъ онъ видитъ причину паденія парламентаризма во Франціи: причину этого паденія онъ ищетъ тамъ, гдѣ ее слѣдуетъ искать, въ людяхъ, во французскомъ обществѣ, въ непониманьи и въ злоупотребленіи свободы.

Первый томъ составляетъ введеніе къ обширному труду. Въ немъ разсматривается исторія государственныхъ учреждений Франціи съ 1789 по 1814 годъ. Понятно само-собою, въ какое отношеніе къ болѣзненнымъ явленіямъ революціонно-потрясенной Франціи становится доктринеръ тридцатыхъ годовъ: идеалъ государственнаго устрой-

ства представляет для него Англія. Но революціонная Франція представляет постоянно только одни уклоненія отъ этого идеала.

Съ первыхъ страницъ втораго тома чувствуешь, что авторъ вступаетъ въ свою настоящую среду. Онъ оставляетъ скользкую почву субъективныхъ мнѣній, и передъ читателемъ раскрывается полная картина государственнаго быта Франціи въ эпоху сверженія Наполеона и первой реставраціи. Въ изображеніи того рабскаго состоянія, въ какомъ находилась Франція въ послѣдніе годы первой имперіи, невольно замѣчаешь поборника конституціонной свободы, пишущаго во времена императора Лудовика-Наполеона. Хартію 1814 года Дювержье де-Горантъ, какъ и всѣ доктринеры, находитъ вполне удовлетворительною. Остановившаяся на извѣстномъ четырнадцатомъ параграфѣ хартіи, авторъ приводитъ неоспоримыя доказательства, что, при составленіи хартіи, никто не думалъ придавать ей то значеніе, которое въ 1830 году далъ ей Карлъ X. Во второмъ томѣ разсказъ событій доведенъ до юлія 1815 года. Третій томъ начинается рымъ отреченіемъ Наполеона, заключается въ себѣ разсказъ о второй реставраціи, очеркъ бѣлаго или роялистскаго террора, очеркъ реакціонныхъ безумствъ и дѣятельности знаменитой *chambre introcevable*. Онъ заканчивается ордонансами 5 сентября 1816 года.

Читатели видятъ, въ какихъ огромныхъ размѣрахъ задуманъ и начатъ трудъ. Богатство матеріала и добросовѣстность ученаго изложенія въ двухъ послѣднихъ томахъ дѣлаютъ, повторяемъ, трудъ Дювержье де-Горана драгоценнымъ приобрѣтеніемъ исторической литературы.

Reuchlin Germann, Dr., *Geschichte Italiens von Gründung der regierenden Dynastien bis zur Gegenwart. In zwei Theilen. Erster Theil. Leipzig. 1859. VIII, 341.* (Германна Рейхлина, Исторія Италіи отъ появленія въ ней царствующихъ нынѣ династій до настоящаго времени.) «Исторія Италіи» Рейхлина входитъ въ составъ того историческаго сборника, котораго изданіе, подъ общимъ заглавіемъ *Staatengeschichte der neuesten Zeit*, предпринялъ извѣстный историкъ Карлъ Бидерманнъ, и о первыхъ двухъ томахъ котораго уже было упомянуто въ майской книгѣ «Отгч. Записокъ» нынѣшняго года. Книга Рейхлина далеко ниже этихъ первыхъ двухъ томовъ, заключающихъ въ себѣ *Исторію Франціи Ролау*. Послѣ краткаго, чрезвычайно-отрывочнаго и безсвязнаго очерка исторіи итальянскихъ государствъ въ эпоху, предшествовавшую великому революціонному движенію XVIII вѣка, авторъ переходитъ къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя обнаружили на судьбахъ Италіи вслѣдствіе этого движенія. Затѣмъ нѣсколькими наудачу вырванными фактами и весьма-шаткими разсужденіями Рейхлинъ изображаетъ состояніе Италіи въ эпоху господства Наполеона и наполеонидовъ. Во всѣхъ его разглагольствованіяхъ безспорно только одно, что эта эпоха принесла большую пользу Италіи и итальянскому народу, что она впервые возбудила безпробудно въ-теченіе вѣковъ спавшій народный духъ, указала итальянскому народу на возможность лучшаго политическаго быта; не бесплодно для будущаго итальянцы со славою дрались подъ на-

полеоновскими знаменами; не бесплодно также для этого будущаго нанесенъ былъ ударъ мѣстной замкнутости, территоріальной раздвиненности: съ учрежденіемъ Итальянскаго Королевства расширился политическій горизонтъ для итальянца, который до начала XIX вѣка привыкъ себя понимать только гражданиномъ своего роднаго города. Стремленія къ итальянской независимости, къ итальянскому единству, составляющія отличительную черту итальянской исторіи XIX вѣка, возбуждены были первоначально въ эпоху наполеоновскаго владычества. Съ прискорбіемъ должно сказать, что на эти мысли Рейхлинъ только натывается какъ-бы случайно, но далеко не старается развить ихъ и объяснить. Можно было бы ожидать, что, по-крайней-мѣрѣ, съ паденіемъ наполеонидовъ, съ 1815 года, книга его получить болѣе-связное, болѣе-правильное изложеніе. Ничуть не бывало. Онъ и здѣсь безпрестанно прорывается отъ одного къ другому. Нельзя сказать, чтобъ у него подъ-рукою было мало историческаго матеріала. Какъ видно, онъ знаетъ хорошо новѣйшую исторію Италіи; но матеріаломъ своимъ онъ не умѣетъ распорядиться, какъ слѣдуетъ. Отсюда безсвязность, недосказанность, неопредѣленность воззрѣнія. Драгоцѣнными фактами книга полна; но они встрѣчаются случайно, безъ связи, безъ объясненія, и авторъ проходитъ мимо ихъ, какъ-бы не замѣчая ихъ значенія. Нельзя не сознаться, что книга Рейхлина значительно подорвала тѣ надежды, которыя мы возлагали на бидерманновскій сборникъ, и что для новѣйшей исторіи Италіи этотъ сборникъ сдѣлалъ весьма-мало. Въ первой части Рейхлинъ довелъ свой трудъ до февраля 1848 года.

Ruth, C. Dr., *Geschichte des italienischen Volkes unter der Napoleonischen Herrschaft. Leipzig. 1859, VI, 95 in-8.* (Рута, Исторія Италіи подъ владычествомъ Наполеона.) Рутъ извѣстенъ своими прекрасными статьями объ Италіи, которыя помѣщаются были преимущественно въ журналѣ «*Deutsches Museum*». Изданная имъ монографія, хотя и обязана своимъ появленіемъ современнымъ событіямъ, далеко не принадлежитъ, однакожь, къ числу летучихъ, случайныхъ брошюръ и памфлетовъ: это — сочиненіе серьезное, основанное на тщательномъ изученіи предмета. Оно должно послужить началомъ другаго, болѣе-обширнаго труда, полной исторіи новѣйшей Италіи. При талантѣ Рута, можно ожидать, что этотъ трудъ далеко оставитъ за собою жалкую компіляцію Рейхлина.

Russel, John, Lord, *The life and times of Charles James Fof. Vol I, London, 8.* (Лорда Джона Росселя, Жизнь и время Чарльза-Джемса Фокса.) Сорокъ-пять лѣтъ лордъ Джонъ Россель извѣстенъ какъ англійскій политическій дѣятель, и почти столько же лѣтъ онъ извѣстенъ, какъ писатель. Много титуловъ на извѣстность долженъ имѣть государственный человекъ въ Англій! Въ 1824 году благородный лордъ издалъ *Мемуары, относящіяся до положенія дѣлъ въ Европѣ послѣ утрехтскаго мира*; въ 1853 году онъ издалъ *Мемуары и корреспонденцію Ч.-Дж. Фокса*. Нынѣ вышедшая книга относится прямо къ послѣднему труду, какъ его дальнѣйшее развитіе.—Авторъ недолго держитъ читателя въ дѣтской своего героя. На первыхъ

десяти страницахъ онъ ведетъ его черезъ Итонъ, Оксфордъ, Францію и Италию прямо къ парламентскимъ выборамъ въ Майдгурстъ. Уже изъ этого одного видно, что мы имѣемъ дѣло съ авторомъ государственнѣмъ человѣкомъ. Книга Росселя даетъ намъ понятіе о придворной жизни въ царствованіе Георга II и Георга III, о различныхъ партіяхъ, о министерствахъ Корта, Рокингама и Шальбурна, смѣнявшихъ другъ друга въ продолженіе американской войны, о парламентской дѣятельности Чатама, Борка, Тоуншенда, Ричмонда и Фокса. Первый томъ оканчивается заключеніемъ мира въ 1783 году. — Книга написана легко, но бѣдна выводами, и напрасно въ авторъ читатель будетъ искать вождя политической партіи: свои убѣжденія благородный лордъ скрываетъ за объективностью изложенія.

Alexander Ecker, *Icones physiologicae. Erläuterungstafeln zur Physiologie und Entwicklungsgeschichte. 1854—59.* (Физиологическій атласъ Александра Эккера.) Слишкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ знаменитый физиологъ Рудольфъ Вагнеръ издалъ физиологическій атласъ подъ названіемъ «*Icones physiologicae*», который имѣлъ огромный успѣхъ и скоро сдѣлался библиографической рѣдкостью. Изданіемъ своего атласа Вагнеръ угадалъ потребность времени и много облегчилъ занятіе физиологіею. Но скоро атласъ не только сталъ рѣдкостью въ книжной торговлѣ, но не удовлетворялъ болѣе требованіямъ ушедшей впередъ науки. Издатель его, извѣстный лейпцигскій книгопродавецъ Фоссъ, рѣшился поэтому въ 1851 г. предпринять новое изданіе, составленіе котораго, сообразно новымъ требованіямъ физиологіи, онъ поручилъ извѣстному анатому, физиологу и эмбриологу Александру Эккеру (профессору въ Фрейбургѣ, въ Ваденѣ), такъ-какъ Вагнеръ, по разнымъ причинамъ, не соглашался взять на себя этотъ трудъ. Въ 1852 г. вышли первые два выпуска новаго изданія, въ 1854 г. третій и нѣсколько времени тому назадъ четвертый и послѣдній. Новое изданіе, такимъ-образомъ, тянулось цѣлыхъ 8 лѣтъ, и подписчики не разъ ужь отчаявались въ окончаніи его. Но нужно признаться, что если физиологическій атласъ Эккера и заставилъ себя долго ждать, онъ не только исполнилъ всѣ надежды публики, но далеко превзошелъ ихъ. Подобнаго атласа не представляеть ни одна европейская литература. Съ богатствомъ и разнообразіемъ содержанія онъ соединяетъ художественность исполненія, рѣдкую даже въ наше время, богатое разными великолѣпными изданіями. Полный теперь атласъ, во главѣ котораго стоитъ по всей справедливости имя Эккера, вмѣсто Вагнера, содержитъ тридцать одну таблицу съ 464 рисунками. Каждой таблицѣ предпосланъ объяснительный текстъ съ политипажамъ, дополняющими рисунокъ таблицъ. Такихъ дополнительныхъ политипажей въ текстѣ 41.

До какой степени новое изданіе самостоятельно переработано, видно изъ того, что изъ перваго, вагнеровскаго изданія въ новое перешло только 8 рисунковъ и что изъ 464 рисунковъ только 37 заимствованы изъ другихъ сочиненій. Матеріалъ распределенъ такъ, что изъ 31 таблицы 20 посвящены собственно физиологіи, то-есть изобра-

женію микроскопическаго строенія тканей и органовъ, а 11 таблицъ— исторіи развитія зародыша.

Не одинъ Эккеръ трудился надъ новымъ изданіемъ этого атласа; въ немъ приняли участіе и другіе первокласные ученые и специалисты. Такъ превосходная XIX таблица, посвященная изображенію строения сѣтчатой оболочки глаза, составлена Келликеромъ и Мюллеромъ; XXI таблица (сравнительное изображеніе съменныхъ нитей у члвчѣрка и различныхъ животныхъ) составлена Вагнеромъ и Лейкартомъ, и т. д. Упомянемъ еще объ одной таблицѣ, превосходно исполненной и особенно драгоценной. Это—XXIV, посвященная нервной системѣ лягушки. Это животное такъ тѣсно связано съ физиологією, что близкое знакомство съ его строеніемъ крайне—необходимо для всякаго занимающагося физиологією даже неспеціально. А, между-тѣмъ, до-сихъ-поръ нѣтъ полной анатомической монографіи, посвященной ему! Рисунки 24-й таблицы взяты Эккеромъ изъ подобной монографіи, приготавливаемой имъ къ изданію. Нельзя не радоваться напередъ появленію этой монографіи, которая окажетъ много услугъ, особенно начинающимъ заниматься физиологією.

Изъ сказаннаго нами видно, какое огромное значеніе имѣетъ атласъ профессора Эккера и какъ превосходно выполняется имъ его задача. Нельзя не пожелать ему возможно—большаго распространенія. Цѣна атласа очень-умѣренная, относительно роскоши изданія, богатства и объема: 10 талеровъ (около 13 руб. сер.) за всѣ четыре выпуска, изъ которыхъ не продаются ни отдѣльные выпуски, ни отдѣльныя таблицы.

Reichert, *Studien des Physiologischen Instituts zu Breslau. Leipzig. 1858.* — (Изслѣдованія физиологическаго института въ Бреславлѣ, изданныя профессоромъ Рейхертъ.) Физиологическіе институты въ настоящее время существуютъ при всѣхъ почти германскихъ университетахъ, и польза ихъ доказывается постоянно появляющимися отчетами объ ихъ дѣятельности. Подобный отчетъ составляетъ и книга, заглавіе которой мы выписали. Она содержитъ 5 изслѣдованій, преимущественно микроскопически-анатомическаго содержанія. Изъ нихъ важнѣйшее изслѣдованіе самого Рейхерта, директора института (теперь профессора анатоміи въ берлинскомъ университетѣ, вмѣсто знаменитаго Мюллера), «надъ развитіемъ кровососныхъ сосудовъ и крови и надъ обращеніемъ послѣдняго у зародыша рыбъ». Рейхертъ въ своемъ изслѣдованіи коснулся многихъ вопросовъ, имѣющихъ первостепенную важность для исторіи развитія и физиологій вообще. Результаты его во многихъ отношеніяхъ разнятся отъ общепринятыхъ воззрѣній. Такъ онъ отрицаетъ первоначальное образованіе волосныхъ сосудовъ изъ звѣздообразныхъ клѣточекъ, описанное впервые Шванномъ, такъ же, какъ и образованіе новыхъ сосудовъ посредствомъ отростковъ (почекъ) изъ старыхъ, описанное Родитанскимъ. По его изслѣдованіямъ, сердце и сосуды съ ихъ содержимымъ (кровью) образуются прямымъ превращеніемъ въ нихъ зародышевыхъ тканей. Рейхертъ представляетъ также нѣкоторыя возраженія противъ теоріи волнообразнаго движенія жидкостей по упру-

гимъ трубкамъ, приложенной братьями Веберами къ явленіямъ кровообращенія у человѣка. Но результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій невозможно представить въ сжатомъ видѣ, и мы отсылаемъ интересующихся читателей къ крайне-любопытному изслѣдованію Рейхерта. Къ книгѣ приложены четыре прекрасныя таблицы, изъ которыхъ одна, относящаяся къ статьѣ Рейхерта, наглядно представляетъ главнѣйшія явленія въ исторіи развитія кровеносной системы у рыбъ.

I. Henle und G. Meissner, *Bericht über die Fortschritte der Anatomie und Physiologie im Jahre 1858. Leipzig. 1859.*—(Отчетъ объ успѣхахъ анатоміи и физиологіи за 1858 г. I. Генле и Г. Мейсснера. 1859.) При современномъ развитіи естественныхъ наукъ и медицины, періодическіе отчеты по отдѣльнымъ отраслямъ ихъ все болѣе и болѣе становятся необходимостью. Такіе отчеты особенно-важны для тѣхъ, которые не могутъ слѣдить равномерно за главнѣйшими частями науки, а, между-тѣмъ, необходимо должны стараться быть въ-уровень съ нею. Въ Германіи, гдѣ естественно-научная и медицинская дѣятельность достигли въ настоящее время наибольшаго своего развитія, больше, чѣмъ въ другихъ странахъ, чувствуется потребность въ подобныхъ отчетахъ. И, дѣйствительно, нѣмецкая литература представляетъ отчеты по физикѣ, химіи, зоологіи, сравнительной анатоміи, физиологіи, анатоміи, медицине и т. д. Отчеты Генле и Мейсснера существуютъ уже три года и заслужили справедливую извѣстность. Вышедшій теперь за прошлый годъ отличается полнотой и критической оцѣнкой важнѣйшихъ явленій науки. Нельзя сказать, чтобъ эта критическая оцѣнка была всегда безпристрастна, особенно въ анатомической части отчета, составленной Генле (знаменитымъ анатомомъ и микроскопистомъ); послѣдній стоитъ во главѣ одной изъ медицинскихъ партій Германіи, извѣстной подъ названіемъ *раціональной*, и поддерживаетъ ожесточенную борьбу съ другой, преобладающей теперь школой, такъ-называемой *естественно-научной*, въ главѣ которой стоитъ гениальный Вирховъ. Но, какъ бы ни были пристрастны иногда сужденія Генле, во-всякомъ-случаѣ, они важны, какъ контроль побѣдоносной школы и потому, что никогда не мѣшаетъ придерживаться правила: *audiatur et altera pars.*

Такъ въ настоящемъ отчетѣ (за 1858 г.) чрезвычайно-любопытна критическая оцѣнка нѣкоторыхъ анатомическихъ трудовъ Вирхова (особенно его теоріи стромы соединительныхъ тканей) и его такъ-называемой «целлюлярной паталогіи» (*Cellulopathologie*), надѣлавшей столько шуму въ послѣднее время. Генле всячески, и доводами, и наблюденіями, и остроуміемъ, борется противъ существованія клеточекъ соединительной ткани, открытіе и оцѣнка которыхъ составляютъ одно изъ главнѣйшихъ дѣлъ Вирхова. Совершенно ли неправъ Генле въ своей оппозиціи, трудно сказать теперь, потому-что въ его пользу говоритъ много фактовъ; во-всякомъ-случаѣ, эта часть отчета заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны интересующихся этимъ капитальнымъ вопросомъ микроскопической анатоміи и физиологіи.

Dr. Zengerle, *Der Einfluss des Nervensystems auf die Verdauung, Anbildung, Rückbildung, sowie die Entwicklung der thierischen Wärme nach dem gegenwärtigen Standpunkte der Wissenschaft. 1859.* (О влияніи нервной системы на пищевареніе, образованіе тканей, ихъ обратнаго метаморфоза и на развитіе животной теплоты, д-ра Ценгерле.) Длинное заглавіе этой книги достаточно указываетъ на ея содержаніе. Мы прибавимъ только, что это трудъ чисто-компилятивный; указаній литературныхъ источниковъ совершенно нѣтъ, такъ-что читателю приходится вѣрить на-слово, если онъ незнакомъ съ физиологіей и ея литературой. Характеръ книги неопредѣленный: для однихъ она слишкомъ-популярна, для другихъ слишкомъ-учена. Она, впрочемъ, несомнѣнно можетъ принести пользу тѣмъ, которые, будучи, напримѣръ, врачами, ничего не читаютъ.

James George Davey, *The ganglionic nervous system, its structure, functions and diseases London. 1858.* (О строеніи, отправленіяхъ и болѣзняхъ узловатой нервной системы, д-ра Давея. Лондонъ. 1858.) Между-тѣмъ, какъ физиологія вмѣстѣ съ микроскопической анатоміей бьются изо всѣхъ силъ для разъясненія нормальныхъ отправленій узловатой нервной системы и, по трудности задачи, до-сихъ-поръ не получили ни одного положительнаго результата, нѣкоторые врачи, предпочитающіе легкій путь фантастическаго творчества трудной научной работѣ, смѣло рѣшаютъ этотъ вопросъ и пишутъ толстыя книги о болѣзняхъ нервной узловатой системы и объ ихъ леченіи. Тяжелый, кропотливый ходъ науки не по вкусу этихъ творческихъ, артистическихъ натуръ; они ставятъ свое мнѣніе, свое вдохновеніе выше научныхъ фактовъ, они не учатъ, не доказываютъ, а проповѣдываютъ. Къ-сожалѣнію, они не всегда проповѣдываютъ въ пустынѣ, а книга д-ра Давея доказываетъ, что даже въ положительной Англій, медицина которой такъ же строго-положительна, какъ и весь ея остальной бытъ, возможны такіе проповѣдники. Мало этого: въ одномъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ журналовъ, въ Schmidt's Jahrbücher, нѣкій д-ръ Меркель напечаталъ похвальное слово книгѣ д-ра Давея и сдѣлалъ это въ виду современной нѣмецкой физиологіи, откровенно сознающей, что она ничего почти не знаетъ положительнаго объ отправленіяхъ узловатой нервной системы!

А чего не знаетъ г. д-ръ Давей! Все, рѣшительно все! Въ организмѣ, по доктору Давею, нѣтъ болѣзней, кромѣ болѣзней узловатонервной системы. Эта система—всѣмъ системамъ организма мать. Предъ нею—все ничто, прахъ. «Даже головной и спинной мозгъ заимствуютъ у узловатонервной системы свою жизненность, или способность совершать свои отправленія. Аналогія между здоровымъ сномъ и месмерическимъ доказываетъ, что животный магнетизмъ составляетъ отправленіе узловатонервной системы.» И животная теплота зависитъ отъ этой системы, и инстинктъ, и еще много другаго!

А болѣзнямъ и счета нѣтъ, которыя, по увѣренію д-ра Давея, несомнѣнно завсѣтъ отъ узловатонервной системы! Всѣ воспаленія, размягченіе мозга, холера, озноблины, золотушныя воспаленія глазъ, водобоязнь, столбнякъ, бѣлая горячка, истерика, пляска св. Витта,

коклюшъ, ипохондрія, меланхолія, размягченіе костей, англійская болѣзнь, ракъ, проказа и т. д. и т. д.

Какъ счастливо организованы эти г-да Давен! Они не причастны той борьбы и тѣхъ усилій, которыми сопровождается въ наукѣ установленіе малѣйшаго факта. Они не переживаютъ тѣхъ сомнѣній и колебаній, которыя неизбежны при добросовѣстномъ научномъ движеніи на пути знанія. Имъ заразъ все дается; они все знаютъ, все достигаютъ. Душа ихъ покойна и самолюбіе удовлетворено. Они пишутъ толстыя, безумныя книги и глубоко убѣждены, что служатъ человечеству, что совершаютъ подвиги и опережаютъ современниковъ. Счастливые люди!

Р. Harting. *Das Mikroskop, Theorie, Gebrauch, Geschichte und gegenwartiger Zustand desselben, aus dem Hollaendischen uebersetzt von Fr. W. Theile. Braunschweig. 1859.* (Микроскопъ, его теорія, употребленіе, исторія и современное состояніе. II. Гартинга. Переводъ съ голландскаго Тейле. 950 стр., съ 410 политипажамъ въ текстъ и одной таблицей.) Книга Гартинга, извѣстнаго микроскописта, представляетъ полнѣйшее и лучшее изъ современныхъ сочиненій о микроскопѣ. Для занимающихся микроскопіею она необходима.

Извѣстный фармакалогъ и гигиенистъ Эстерленъ предпринялъ изданіе журнала, специально посвященнаго гигиенѣ, медицинской полиціи и медицинской статистикѣ. Онъ будетъ выходить четыре раза въ годъ, подъ названіемъ: «Zeitschrift für Hygiene, medicinische Statistik und Sanitaets-polizei. Herausgegeben von Dr. Oesterlen.»

Во Франціи давно уже существуетъ подобный специальный журналъ—«Annales d'Hygiène»; въ Германіи же это первая попытка. При важности гигиены и всѣхъ ея отраслей, нельзя не радоваться основанію для нея органа, подъ редакціей такого даровитаго человека, какъ Эстерленъ; и нельзя не пожелать ему полного успѣха.

Н. Miln-Edwards, *Lecons sur la physiologie et l'anatomie comparée de l'homme et des animaux, faites à la faculté des Sciences de Paris, t. I—IV, Paris. 1857—1859.* (Мильн-Эдвардъ. Лекціи о сравнительной анатоміи и физиологіи человѣка и животныхъ. 4 тома.) Новый обширный трудъ знаменитаго зоолога посвященъ, какъ видно изъ заглавія, полному изложенію сравнительной анатоміи и физиологіи всего животнаго царства и человѣка, сообразно современному состоянію этихъ наукъ. Весь трудъ долженъ состоять изъ восьми объемистыхъ томовъ (отъ 5—600 стр. каждый), изъ которыхъ досихъ—поръ вышли первые четыре, содержащіе сорокъ—двѣ лекціи.

Первая лекція составляетъ введеніе и содержитъ изложеніе общаго плана и направленія, которыми авторъ руководился. Планъ этотъ состоитъ въ историческомъ изложеніи предмета, въ томъ, чтобы, говоря его словами, «заставить присутствовать при постепенныхъ открытіяхъ, которыми создана современная физиологія, показать, какъ всякая пріобрѣтенная истина приводила къ другой и всякій великій результатъ науки долго подготовлялся, прежде, чѣмъ явилася въ умѣ тѣхъ гениальныхъ людей, которыхъ имя связано съ этими результатами, потому—что они утверждены ими на прочныхъ основахъ». Та-

кой методъ изложенія избранъ имъ потому, что, «видя, какъ наука постепенно слагалась и росла, лучше можно понять и духъ, и методы ея; можно лучше оцѣнить людей и ихъ труды, проникаясь справедливымъ уваженіемъ къ трудамъ естествоиспытателей, даже тогда, когда плоды этихъ трудовъ еще не обнаружались, потому-что встрѣчается немало примѣровъ, что факты, долгое время остававшіеся безплодными и пренебреженными, становились вдругъ зародышемъ великихъ открытій, когда наступало время для ихъ оцѣнки и когда являлся гениальный человекъ, налагавшій на нихъ свою печать.»

Нельзя не согласиться вполне съ глубокой справедливостью этихъ мыслей автора, и нельзя не отдать ему справедливости, что онъ не только высказалъ эти мысли вообще, но и приложилъ ихъ на дѣлѣ, если и не вездѣ, то, по-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своего труда. Какъ вспомогательное средство для такого изложенія, авторъ внизу страницъ, въ примѣчаніяхъ, прибавилъ много историческихъ дополненій къ тексту, содержащихъ часто и біографическія свѣдѣнія. За этими примѣчаніями слѣдуютъ литературныя указанія, довольно-подныя.

Но если вполне можно согласиться съ планомъ изложенія автора, то этого никакъ нельзя сдѣлать со многими общими воззрѣніями его, съ его философскимъ, такъ-сказать, отношеніемъ къ предмету. Мы здѣсь не можемъ войти въ подробный разборъ этихъ воззрѣній, изложенныхъ авторомъ прежде еще въ его «Introduction à la zoologie générale» 1851. («Введеніе въ общую зоологію», недавно вышедшей въ русскомъ переводѣ въ «Библіотекѣ Естественныхъ Наукъ», издаваемой студентами московскаго университета); мы укажемъ только на главный характеръ ихъ.

Мильнъ-Эдвардсъ своими общими воззрѣніями стоитъ еще на старой, изношенной почвѣ «жизненной силы», такъ близко родственной натурфилософін. Для него, какъ для натурфилософовъ, блаженной памяти, главное—«жизненная сила», а не анатомико-физиологическія данныя. Не вслѣдствіе своего строенія и состава органы живутъ, для М.-Эдвардса, то или другое отправление, а наоборотъ: органы такъ устроены потому, что этого захотѣла и требовала жизненная сила. Въ подмогу жизненной силѣ Эдвардсъ придумалъ много придаточныхъ силъ, называемыхъ имъ то *lois*, то *tendances*. Главнаго идола, жизненную силу, онъ, такимъ-образомъ, окружилъ цѣлымъ легиономъ божковъ, къ которымъ онъ смѣло привѣшиваетъ ярлыки съ названіемъ: *lois*. Методъ этотъ, крайне-удобный и покойный, давно оцѣненъ по достоинству. Любознательному читателю мы можемъ указать на основательную и превосходную «Общую Физиологію» (Allgemeine Physiologie) Аотце, знаменитаго германскаго естествоиспытателя-философа, содержащую лучшую и полнѣйшую оцѣнку этого метода и подобныхъ ему теологическихъ и телеологическихъ воззрѣній.

Какъ мало, впрочемъ, Мильнъ-Эдвардсъ знакомъ съ трудами послѣднихъ 15 лѣтъ по вопросу о жизненной силѣ, доказываетъ то, что онъ считаетъ извѣстнаго химика Асмана главнымъ противни-

комъ этой силы и представителемъ партіи, борющейся съ ней въ Германіи такъ блистательно. А все дѣло въ томъ, что Асманъ, въ предисловіи къ своей «Физиологической Химіи» (къ первому изданію 1842 г.), горячо высказывается противъ жизненной силы, ссылаясь на Аотце. «Физиологическая Химія» Асмана переведена на французскій языкъ, книга же Аотце не переведена: какъ же она будетъ извѣстна знаменитому академику? Вѣдь онъ французъ и не обязанъ знать понѣмецки.

Помимо этихъ устарѣлыхъ, ложныхъ общихъ воззрѣній, книга Мильнъ-Эдвардса содержитъ богатый матеріалъ свѣдѣній и можетъ быть очень-полезной. Но нужно всегда помнить, что эти *lois* и *tehdances* не что иное, какъ божки, какъ символы незнанія нашего, или умственной лѣни и трусости нѣкоторыхъ естествоиспытателей—теологовъ (или телеологовъ, что въ-сущности все-равно).

Въ первыхъ четырехъ томахъ, въ 41 одной лекціи, рассмотрѣны кровь и ея свойства у позвоночныхъ и безпозвоночныхъ, процессы дыханія, кровообращенія и выпотѣнія, строеніе лимфатической системы и свойства лимфы. Изданіе превосходно.

Eduard Pflüger, *Untersuchungen über die Physiologie des Electrotonus*. Berlin. 1889. (Физиологическія изслѣдованія объ электротоническомъ состояніи нервовъ. *Пфлюгера*.) Авторъ подлежащаго труда, молодой берлинскій ученый (теперь проф. физиологіи въ Боннѣ), въ послѣдніе годы занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ между германскими физиологами. Каждый трудъ Пфлюгера составляетъ замѣчательное явленіе въ наукѣ; каждое изслѣдованіе его сопровождается важными открытіями. Первый трудъ его: «Ueber die sensorischen Functionen des Rückenmarks», Berlin, 1853, надѣлалъ въ свое время много шума, доказавъ, что и спинной мозгъ позвоночныхъ животныхъ имѣетъ извѣстную степень *сознательной* жизни, независимой отъ головного мозга. Затѣмъ онъ открылъ, что головно-спинные нервы имѣютъ вліяніе на сокращеніе артерій, въ противность господствовавшему и отчасти еще господствующему мнѣнію, что это сокращеніе зависитъ исключительно отъ нервовъ симпатической системы. Затѣмъ слѣдовало открытіе, что *nervus splanchnicus*, развѣтвляющійся въ кишкахъ и физиологическое значеніе котораго было совершенно-неизвѣстно до-тѣхъ-поръ, замедляетъ и (при извѣстныхъ условіяхъ) совершенно останавливаетъ движеніе кишокъ.

Теперь Пфлюгеръ является съ обширнымъ изслѣдованіемъ надъ дѣйствіемъ *постояннаго* электрическаго тока на нервы или надъ электрическимъ состояніемъ ихъ. (Электрическимъ именно называется то состояніе нерва, когда на него дѣйствуетъ *постоянный* токъ.) Трудъ Пфлюгера (содержащій не менѣе 500 стр.) послѣ классическихъ трудовъ Дюбоа-Реймона составляетъ замѣчательнѣйшее явленіе въ области физиологіи нервнаго электричества. При помощи необыкновенно-точныхъ методовъ, Пфлюгеръ старался разъяснить всѣ видоизмѣненія, которыя представляютъ явленія со стороны нерва, при измѣненіяхъ въ силѣ и направленіи постояннаго тока. Результаты его изслѣдованій во многомъ подтверждаютъ, во многомъ же су-

щественно измѣняютъ прежніе результаты изслѣдователей. Нѣтъ возможности вкратцѣ передать эти результаты, и мы ограничимся только указаніемъ одного изъ важнѣйшихъ.

До-сихъ-поръ всѣ изслѣдованія показывали, что *постоянный* токъ вызываетъ сокращенія мышечныя только въ минуту замкнутія электрической цѣпи и открытія ея; въ промежуткѣ же между этими двумя моментами мышцы, казалось, всегда остаются разслабленными, несокращенными. Постоянное же сокращеніе мышцы (тетоническое ея состояніе, столбнякъ) можно было вызвать только токомъ, непрерывно прерывающимся и мѣняющимъ свое направленіе. Если случилось замѣчать постоянное сокращеніе при дѣйствіи постоянного тока, то это явленіе приписывалось тому, что токъ въ-сущности, въ данныхъ случаяхъ, не постоянно равномерный, а подверженный колебаніямъ. Пфлюгеръ же теперь показалъ, что *постоянное сокращеніе мышцы можетъ быть вызвано и постояннымъ, непрерывающимся токомъ*. При этомъ замѣчательно то явленіе, что постоянное мышечное сокращеніе является при дѣйствіи слабыхъ токовъ, съ усиленіемъ тока до известной степени тоже усиливается и достигаетъ своего maximum, а затѣмъ, при еще большемъ усиленіи тока, вдругъ исчезаетъ.

Пфлюгеръ предпослалъ своему труду довольно-обширное обзорѣніе (въ 92 стр.) всѣхъ прежнихъ трудовъ по предмету его изслѣдованій. Историческое обзорѣніе это въ высшей степени любопытно и поучительно; особенно-замѣчательна неумолимо-строгая критическая оцѣнка трудовъ Экардта по нервному электричеству. Рекомендуемъ эту оцѣнку въ-особенности сантиментальнымъ любителямъ идилическаго міра и покоя въ области ученаго міра. Они здѣсь увидятъ, какимъ языкомъ говоритъ глубокое, честное научное убѣжденіе въ свою защиту и защиту истины.

Трудъ Пфлюгера внушаетъ къ себѣ глубокое уваженіе и служитъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ доказательствъ той точности и высоты, которой физиологія можетъ достигнуть при физикальныхъ методахъ изслѣдованія. Но не скроемъ и другаго впечатлѣнія, производимаго этимъ блистательнымъ трудомъ. Какъ-то жутко, страшно становится при мысли о томъ, какъ широко разрастаются естественныя науки. Страшно становится отъ мысли, что скоро совершенно-нельзя будетъ одному человѣку обнять всей физиологіи, еще такъ недавно удобообозрѣваемой. Уже теперь невозможно одинаково быть специалистомъ во всѣхъ частяхъ физиологіи. Чтѣ жъ ждетъ насъ впереди?

Конечно, наука отъ такого разрастанія только выигрываетъ; конечно, это разрастаніе — необходимое слѣдствіе науки. Смѣшно бы было жаловаться на развитіе науки; но нельзя и не подумать о томъ, что все болѣе-и-болѣе затрудняется общее естественно-научное образованіе, болѣе-и-болѣе затрудняется положеніе врачей, которымъ такое образованіе необходимо. Особенно-грустно это чувствуется тамъ, гдѣ средства къ занятіямъ естественно-научнымъ не умножаются пропорціонально развитію науки, какъ у насъ, напиримѣръ. Съ ка-

кимъ-то тупымъ удивленіемъ и отчаяніемъ смотришь на широкій ходъ науки въ Европѣ и спрашиваешь себя — о многомъ... Но развѣ въ вопросахъ дѣло? Грустно, что отвѣты заставляютъ себя долго ждать, а если и дождешься, то часто отъ нихъ нѣмного легче становится...

Dr. M. Lazarus und Dr. Steintal, *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Band 1. Heft 2. Berlin. 1889.* (Журналъ для психологіи народовъ и языковѣдѣнія. Издали М. Лацарусъ и Г. Штейнталь. Второй выпускъ.) Въ этомъ выпускѣ напечатана большая статья г. Штейнтала: *Ассимиляція и аттракція, психологически объясненыя.* Кто занимается грамматикою, кого занимаютъ грамматическіе вопросы, тотъ съ удовольствіемъ и съ пользою прочтетъ статью г. Штейнтала объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ свойствъ греческаго, особенно аттическаго языка. Къ-сожалѣнію, лишь, интересующихся филологіею, въ настоящее время, у насъ весьма-немного, меньше по-крайней-мѣрѣ, чѣмъ сколько было лѣтъ 10—15 тому назадъ, и съ каждымъ годомъ убываетъ. Мы дошли до того уже, что авторъ магистерской диссертации о Катонѣ-Старшемъ, получившій недавно магистерскую степень въ старѣйшемъ и лучшемъ русскомъ университетѣ—московскомъ, счелъ нужнымъ означить въ заглавіи своей диссертации, что она написана по греческимъ и римскимъ источникамъ, какъ-будто возможно написать сколько-нибудь свосную диссертацию о Катонѣ-Старшемъ не по греческимъ и римскимъ источникамъ! Впрочемъ, мы видали и такія диссертации...

Да, плачевно положеніе у насъ классической филологіи. Почти исчезла надежда на появленіе новыхъ любителей ея; а старые знатоки, не находя цѣли своимъ познаніямъ, отвлекаются на другія поприща, забываютъ даже то, что знали. Всѣмъ памятно еще промахи противу *латинскаго* языка, надѣланные извѣстнымъ профессоромъ *римскаго* права. Почти въ то же время, когда шла жаркая и непростойная полемика объ *ordo equestris* и тому подобныхъ выраженіяхъ, покойный Сенковский, католикъ, полякъ, ученикъ знаменитаго профессора виленскаго университета Гроддека, лѣтъ тридцать тому назадъ писавшій и говорившій полатыни, какъ на родномъ языкѣ, одинъ изъ фельетоновъ «Сына Отечества» началъ такъ: *incipit dialogus secunda*. Ошибка Сенковского грубѣе, чѣмъ *ordo equestris* и тому подобные промахи, возмутившіе Балбороду.

Такой застой классической филологіи, дѣлающей возможнымъ появленіе у насъ, напримѣръ, пошлой грамматики Синайскаго и другихъ жалкихъ продуктовъ, возбуждаетъ особенно-тяжелое чувство, когда, отвернувшись отъ безотраднѣйшихъ явленій русской учености, посмотришь на быстрое развитіе филологіи въ Германіи. Конечно, и тамъ жалуются на упадокъ классической филологіи, но жалуются люди стараго поколѣнія, для котораго она составляетъ все, есть единственная цѣль ихъ жизни. Старое поколѣніе въ Германіи сокрушается о томъ, что молодое не исключительно занимается греческой и римской литературою и древностію; старое поколѣніе не хочетъ признать заслугъ сравнительной филологіи, привлекающей теперь лучшія силы Германіи. Но молодое поколѣніе вѣдущихъ филологовъ

трудится не меньше стараго и расширило до громадных размѣровъ поприще своей дѣятельности. Съ недавняго времени вошелъ въ область филологическаго психологическаго элемента; главнымъ представителемъ его— тотъ журналъ, о которомъ мы теперь говоримъ. Этому элементу предстоитъ впереди великая будущность. Но теперь онъ, конечно, еще только обозначается (*). Оттого и въ статьѣ Штейнтала, рядомъ со свѣтлыми мыслями и непреложными истинами, немало смутныхъ гаданій, спорныхъ объясненій, едва-ли допустимыхъ предположеній. Многое можно бы было сказать противъ Штейнтала; но... какъ подумаешь о жалкомъ положеніи классической филологіи у насъ, рука не пишетъ. Для кого писать? Лица, слѣдящія у насъ за развитіемъ классической филологіи въ Германіи, наперечетъ, и съ ними можно перетолковать изустно, письменно; большинство же не пригодно къ пониманію грамматическихъ тонкостей. Потому ограничимся только краткимъ изложеніемъ статьи Штейнтала.

Въ статьѣ около 90 страницъ (93—179). Написана она по поводу статьи Якова Гримма, помѣщенной въ «Запискахъ берлинской академіи 1858 года», имѣетъ предметомъ то странное явленіе греческаго языка, почти-исключительно ему свойственное, по которому относительное мѣстоименіе согласуется со словомъ, къ которому относится, не только въ родѣ и числѣ, какъ въ другихъ языкахъ, но и въ падежѣ, замѣняя винительный падежъ другими греческими косвенными, то-есть родительнымъ и дательнымъ. Порусски это было бы, напримѣръ, такъ: вмѣсто «съ сокровищами, которыми оставилъ отецъ» — «съ сокровищами, которыми оставилъ отецъ». Штейнталь предварительно разбираетъ объясненія прежнихъ грамматиковъ: Германа—представителя старой, разсудочной школы, Кюнера—представителя органической школы, и Гримма. Затѣмъ, послѣ пространныхъ психологическихъ объясненій, онъ сближаетъ аттракцію съ ассимиляціею и съ разными оборотами, по существу своему сходными съ аттракціею. Сущность объясненія штейнталева заключается въ слѣдующемъ: въ аттракціи происходитъ борьба между двумя силами, разрѣшающаяся тѣмъ, что относительное мѣстоимѣніе подчиняется силѣ посредственной, то-есть зависитъ отъ глагола не придаточнаго предложенія (такому глаголу непосредственно подчиняется относительное мѣстоименіе въ другихъ языкахъ), а отъ глагола главнаго предложенія *посредствомъ* того имени, съ которымъ согласуется. При этомъ замѣтимъ, что всякаго рода уклоненія во всякомъ языкѣ возникаютъ всегда отъ совмѣстнаго дѣйствія двухъ силъ, и такія уклоненія называть *исключеніями* такъ же неосновательно, какъ въ физическомъ мірѣ движенія тѣла по діагонали, когда тѣла двужутся двумя силами, дѣйствующими на нѣкоторомъ разстояніи. Но такое совмѣстное дѣйствіе двухъ силъ, такая борьба между глаголомъ придаточнаго предложенія и существительнымъ главнаго существуетъ во всѣхъ языкахъ; а, между-тѣмъ, ат-

(*) О цѣли и направленіи этого журнала было сказано въ предыдущемъ номерѣ «Отеч. Записокъ», въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Новая наука».

тракціи мы въ нихъ не находимъ. Откуда же возникла аттракція, притяженіе, въ греческомъ языкѣ? Почему появилась она именно въ аттическомъ, а не въ другомъ какомъ-либо языкѣ? На это объясненія у Штейнтала мы не встрѣчаемъ, и потому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ отъ себя.

Ни одинъ народъ не развилъ идеи красоты, и именно пластической красоты, въ такой степени, какъ греки, особенно же аѳиняне периклова времени. Потому ни одинъ народъ не заботился такъ, какъ греки, о благозвучіи и о согласіи, мѣрѣ (*Καὶρος*). Пластическая сила и въ звукахъ и въ оборотахъ греческаго языка брала верхъ надъ органическою силою вездѣ, гдѣ только съ нею сталкивалась. Этимъ объясняются всѣ такъ-называемыя исключенія этимологическія (напримѣръ, разнообразіе прошедшаго совершеннаго страд. залога: *τίσσομαι, μέλουμαι, τέτρηται, τέτρυρθε* и т. п.); отсюда же произошло замѣчательное преобладаніе въ греческомъ синтаксисѣ согласованія надъ управленіемъ. Благозвучіе и согласіе оборотовъ особенно раскрылись въ аттическомъ языкѣ V и IV столѣтій до Р. Х., самой лучшей поры въ исторіи греческаго народа. Вотъ почему, кажется намъ, и аттракція возникла и укоренилась въ Аѳинахъ этого времени.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

Правительственные распоряженія. — Устройство новаго открытаго Ладожскаго Канала; нѣсколько словъ о важности этой мѣры. — Правила для приема акцій русскаго общества пароходства и торговли. — Постановленіе о судахъ харьковской конторы коммерческаго банка. — Возобновленіе подписки на вѣшній заемъ. — Новыя правила о правахъ въ военной службѣ воспитанниковъ гатчинскаго института и воспитательныхъ домовъ. — Постановленіе объ исключенныхъ изъ военнаго вѣдомства солдатскихъ и матросскихъ сыновьяхъ. — Уничтоженіе двухъ провинцiальныхъ комиссій. — Мѣры для застроенія Севастополя, Керчи и Евпаторіи. — Устройство либавскаго порта. Промышленныя новости. — Главное банковое и торговое общество. — Московско-саратовская желѣзная дорога; важность и значеніе этого пути; уставъ общества. — Отчетъ русскаго общества пароходства и торговли. — Новыя акціонеры общества: «Церера» и «Публичныхъ прачешныхъ заведеній въ Москвѣ». — Предполагаемое общество «Улей». — Два нововведенія въ уставахъ акціонерныхъ обществъ. — Ликвидация общества кожевеннаго производства. Ученныя заведенія. — Преобразование артиллерійскаго училища въ открытое заведеніе. — Публичные экзамены двухъ заведеній духовнаго вѣдомства. Страсть къ чтенію въ почтовомъ вѣдомствѣ и полугласность. — Аккуратная доставка журналовъ — Сладостенное дѣло. — Жалкое состояніе одного тюремнаго зѣвка въ губернскомъ городѣ. — Невѣроятныя, но дѣйствительныя факты изъ правосудія въ томъ же городѣ. — Честныя дѣйствія золотопромышленной компаніи г. Горохова и компаньоновъ. — Малѣнькое слѣдствіе гласности. Аварская экспедиція. — Нѣсколько словъ о характерѣ страны. — Завятіе Аваріи русскими въ 1837 году. — Управленіе русскими и неудовольствіе страны; повинности аварцевъ. — Шамиль. — Восстаніе въ Аваріи и очищеніе ея русскими въ 1843 году. — Новое завятіе въ 1859 году.

Правительственныя распоряженія. — Было время, когда мы, мало заботясь о своемъ внутреннемъ, такъ-сказать, домашнемъ хозяйствѣ, обращали все свое вниманіе совсѣмъ въ другую сторону, старались выказаться только передъ чужими, выставить при всякомъ удобномъ случаѣ свою личность и заявить свой голосъ во всякомъ дѣлѣ, хотя бы оно даже было чуждо народнаго интереса. Такое время для насъ уже миновало, да и возвратъ къ нему невозможенъ, потому-что на другой путь мы вступили, благодаря опыту и тяжелому разочарованію. Теперь насъ ужъ, вѣроятно, не смутитъ

говоръ недовольныхъ своимъ положеніемъ массъ на Западѣ, мы не зардѣмся, какъ красная дѣвица, при словѣ «блужникъ», не придемъ въ грозное негодованіе при вѣсти, что онъ, которому нечего ѣсть, старается выставить на видъ свое несовѣтъ-комфортабельное положеніе, а только постараемся предупредить и устранить возможность подобныхъ явленій у себя, и наконецъ не бросимся, слома голову, на помощь милому сосѣду, который за свои грѣхи будетъ когда-нибудь расплачиваться своими боками. Теперь мы, не заботясь очень о внѣшнемъ блескѣ, за которымъ всегда по большей части скрывается несовѣтъ-блестящая картина, обращаемъ преимущественно вниманіе на самихъ себя, стараемся хотя до нѣкоторой степени загладить прошлое и выйти на настоящей путь. Правда, что на этомъ новомъ пути мы все еще частенько сбиваемся, идемъ по новой какъ-то ощупью, иногда какъ-будто не довѣряемъ выгодамъ и преимуществамъ новаго пути, но кажется, что рано, или поздно выучимся идти и по немъ, въ-особенности, если будутъ хорошіе проводники, незнакомые съ старою дорогою.

Не принадлежа къ людямъ увлекающимся, видящимъ во всякомъ малѣйшемъ движеніи уже осуществленіе самой идеи, не имѣя способностей все представлять въ розовомъ свѣтѣ и изъ муки дѣлать сына, хорошо понимая, какъ далекі мы еще отъ того, къ чему должны будемъ долго стремиться, мы, тѣмъ-неменѣе, не можемъ не сознаться, что въ последнее время, среди крайнихъ обстоятельствъ и затруднительныхъ дѣлъ, мы твердо устояли на новой дорогѣ. Да и вообще всѣ послѣднія правительственныя распоряженія стремятся къ оживленію нашей промышленности и расширенію кредитной системы, поколебленной въ настоящее время. Ниже мы говоримъ о вводимомъ правительствомъ акціонерныхъ обществъ и кредитномъ учрежденіи, а здѣсь должны начать съ Высочайшаго повелѣнія о сборѣ денегъ на постройку новаго Ладожскаго Канала, что составляетъ самое важное правительственное распоряженіе, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ возникъ едва-ли не съ минуты вѣнчанія постройки канала Минихомъ.

Ладожскій Каналъ открытъ для судоходства на всемъ своемъ протяженіи 19 марта 1731 года. Во все время, до самой своей смерти, Минихъ заботился о каналѣ, гдѣ судоходство возрастало весьма быстро, такъ-что въ 1741 году по каналу проведено было товаровъ на сумму 4,423,000 р. Въ 1762 году оумна эта удвоилась, дошедши до 8,348,000. По возвращеніи Миниха изъ ссылки, онъ нашелъ построенный имъ каналъ полуразрушеннымъ. Сдѣлавъ нѣсколько улучшеній, онъ не могъ, однако, радикально его исправить. Съ его смертію каналъ былъ забытъ и, имѣя въ своей системѣ своего устройства множество неудобствъ, быстро пошелъ къ разрушенію. Главное неудобство состояло въ томъ, что вода въ каналѣ была оточая, что чрезвычайно способствовало засоренію его мутными водами впадающихъ въ него рѣчекъ и множества ручьевъ. Скоро въ разныхъ мѣстахъ стали показываться въ каналѣ мели, которыя быстро увеличивались, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь каналъ суживался. По-дѣр

засоренія канала, въ немъ болѣе и болѣе нужно было поднимать судоходный уровень воды. Число барокъ, прокодившихъ чрезъ каналъ, и ихъ размѣръ быстро увеличивались. Это обстоятельство, весьма-выгодное для промышленности, было невыгодно для самого канала, потому-что, при каждомъ пропускѣ барки чрезъ шлюзы, теряется известное количество воды, а увеличение размѣра барокъ требовало большой глубины. Вмѣстѣ съ поднятіемъ судоходнаго горизонта въ каналъ, увеличивалась въ немъ убыль воды отъ просачиванія въ землю, и, какъ показалъ опытъ, весьма-значительная убыль воды въ каналѣ должна была покрываться послѣ спада весеннихъ водъ канала выпускомъ запасной воды изъ резервуаровъ; поэтому, по-возможности, дѣлали ихъ обильными водою, спуская въ нихъ близъ-лежащія озера. Но въ засухи, особенно предшествовавшія малоснѣжными зимами и недружнымъ таяніемъ снѣговъ, судоходство по Ладожскому Каналу терпѣло почти-непреодолимыя затрудненія и даже вовсе останавливалось. Въ то же время, какъ въ каналѣ, такъ и въ резервуарахъ пропало много воды, всасываемой землею, подвергнувшись засухѣ. Въ такіе годы каналъ быстро мелѣлъ, суда постепенно уменьшали свою осадку, но все-таки безпрестанно останавливались на меляхъ. Убытки, понесенные въ эти годы, были огромны.

Наконецъ самыя резервуары стали разрушаться; они быстро заросли травою; потомъ стали показываться на нихъ отмели, а наконецъ и цѣлыя острова. Одежда береговъ, немѣвшая общей связи еще при Минихѣ, также быстро разрушалась.

Разрушеніе шло такъ быстро, что уже въ 1770 годахъ почувствовалась необходимость радикальной перестройки Ладожскаго Канала. Въ 1774 году отъ сильной засухи и отъ сильнаго пониженія воды въ Ладожскомъ Озерѣ каналъ такъ обмелѣлъ, что изъ резервуаровъ выпустили всю запасную воду, и судоходство остановилось. Въ 1790 году опять случилось мелководье, и въ каналѣ остановилось и замерло до 4,000 гонокъ. Тогда составленъ былъ проектъ кореннаго углубленія Ладожскаго Канала, по сметѣ на 1,758,000 р. ассигнаціями; но, по значительности, въ тогдашнее время, этой суммы, проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Наконецъ въ 1794 году заключенъ былъ уже подрядъ на работы; но ихъ отдали за такую низкую цѣну, что подрядчики, едва рассчитавъ 3½ версты, отказались отъ подряда. Съ-тѣхъ-поръ до 1809 года ничего не дѣлали. Съ этого же времени вѣдомство путей сообщенія, въ веденіе котораго перешелъ каналъ, приступило къ работѣ; но 1812 годъ остановилъ ихъ. Въ 1847 году, по случаю мелководья, рѣшились опять углубить каналъ по ямолу Петра Великаго, сдѣлавъ его открытымъ съ обѣихъ концовъ; но, по смерти Даволяна, тогдашняго начальника путей сообщенія, который былъ душою предпріятія, дѣло опять останавливалось до 1886 года, когда страшная засуха застала каналъ врасплохъ. Въ этомъ году опять была выпущена вся вода изъ резервуаровъ; но каналъ обмелѣлъ, судоходство остановилось, и Петербургу угрожалъ голодъ. Тогда нарядили тотчасъ же комиссію для приисканія

мѣръ къ скорѣйшему возстановленію судоходства. Комиссія рѣшила поставить въ Ладогѣ двѣ паровыя машины для накачиванія воды въ каналъ изъ Волхова. Машины, однако, ничего не сдѣлали, и выручила судьба: пошли дожди, и судоходство возстановилось само-собой. Послѣ того дѣлали кой-какія исправленія до 1838 года, когда опять подняли проектъ радикальнаго углубленія канала; но, опять по дороговизнѣ сметы—въ $6\frac{1}{2}$ мил. р. сер., проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и ограничились только тѣмъ, что въ 1840, 41, 42 и 43 годахъ расчищали каналъ земечерпательными машинами, безъ всякаго, впрочемъ, успѣха. Только барки, на которыхъ были помѣщаемы машины, затрудняли еще болѣе судоходство. Въ такомъ положеніи оставался каналъ до нынѣшняго времени.

Кромѣ-того, каналъ имѣеть еще весьма-важное неудобство. Выходя изъ Волхова двумя устьями: новымъ и старымъ ладожскимъ, онъ впадаетъ въ Неву также двумя устьями: новымъ и старымъ шлиссельбургскимъ. Выходъ и входъ судовъ, какъ въ Ладогѣ, такъ и въ Шлиссельбургѣ, довольно-затруднителенъ, потому-что устья Невы и Волхова подвержены вѣтражъ и волненію Ладожскаго Озера, чрезвычайно-опаснымъ для плоскодонныхъ барокъ, такъ-что въ бурную погоду нельзя пропускать суда въ каналъ, а особенно выпускать ихъ въ Неву. Суда, скопляющіяся на ново-ладожской пристани въ ожиданіи впуска въ каналъ, подвергаются опасности быть разбитыми бурей, какъ это и было въ 1857 году.

Въ такомъ положеніи находится Ладожскій Каналъ, отъ котораго зависитъ продовольствіе полумилліоннаго населенія столицы, и по которому, несмотря на всѣ затрудненія, судоходство возрастаетъ весьма-быстро. Въ 1855 году по каналу было проведено различныхъ грузовъ на сумму 22,384,147 р. сер; въ 1856 на 36,467,506, а въ 1857 на 53,721,517 р. Цифры эти, конечно, на цѣлую треть ниже настоящихъ, потому-что въ 1848 году учрежденъ $\frac{1}{4}\%$ сборъ съ цѣны клади, славяемой со-всѣхъ пристаней имперіи, но съ цѣны, добровольно объявляемой.

Для кореннаго улучшенія Ладожскаго Канала было три предположенія. Одно состояло въ томъ, чтобъ расширить и, вмѣстѣ съ тѣмъ, углубить каналъ до такого предѣла, при которомъ резервуары, устроенные для пополненія его водою, а также новолadoжскіе и шлиссельбургскіе шлюзы, обезпечивали бы постоянное слѣдованіе судовъ съ осадкою семи четвертей, для чего достаточно, при расширеніи въ 9 сажень по дну, углубить каналъ въ сложности до двухъ футовъ. Другое—въ расширеніи и углубленіи канала до той мѣры, чтобъ онъ не нуждался болѣе въ резервуарахъ, ни въ шлюзахъ ладожскихъ, могъ быть открытымъ у Волхова во всю навигацію и пропускать суда съ осадкою семи четвертей, для чего достаточно углубить нынѣшній каналъ въ сложности до $4\frac{1}{2}$ футовъ. Наконецъ, третье предположеніе состояло въ томъ, чтобъ вырыть, въ обходъ существующаго, новый каналъ, по берегу озера, открытый во всю навигацію съ обоихъ концовъ.

Разныя неудобства, сопряженныя съ исполненіемъ двухъ первыхъ предположеній, заставили обратиться къ послѣднему.

Къ изысканію удобнѣйшей линіи для новаго канала, приступлено было въ концѣ мая 1858 года, и въ началѣ декабря того же года уже былъ составленъ проектъ всему сооруженію. Все это было сдѣлано трудами инженер-подполковника Стабровскаго и назначенными ему въ помощь инженер-штабс-капитанами Немирою и Красовскимъ. Въ исходѣ февраля нынѣшняго года проектъ былъ утвержденъ главнымъ управленіемъ путей сообщенія.

Новый открытый Ладожскій Каналъ, пролегая по берегу Ладожскаго Озера, между старымъ каналомъ и озеромъ, будетъ длиною 102 версты и 40 сажень; старый, какъ извѣстно, простирается до 104 версты. Работы предполагается кончить въ теченіе 5 лѣтъ; стоимость канала будетъ простирается до 4,000,000 рублей.

Съ устройствомъ новаго канала, старый останется въ настоящемъ его положеніи для взводнаго судоходства, для лѣсныхъ гонокъ и для судовъ неудобно подвижныхъ по роду ихъ клади. Между-тѣмъ, по новому открытому каналу направятся по теченію легко и свободно грузы, отправляемые въ столицу съ сѣверодвинскаго, волжскаго и невскаго бассейновъ.

Новый Ладожскій Каналъ оградитъ промышленниковъ отъ безчисленныхъ убытковъ, обезпечитъ навсегда доставку жизненныхъ припасовъ въ столицу и неминуемо послужитъ къ пониженію цѣнъ на товары; совершающееся по двумъ каналамъ судоходство быстро расширитъ свои предѣлы, а притекающая отъ того польза благотельно отразится на всю внутреннюю торговлю Россіи, на всю народную дѣятельность. Старый же каналъ, столь громадное сооруженіе, лучший представитель великихъ преобразованій, совершившихся въ началѣ прошлаго столѣтія, уступить свое мѣсто представителю новой государственной эпохи великихъ усовершенствованій.

Впредь до погашенія исчисленной на постройку канала суммы, Высочайше повелѣно, въ дополненіе къ установленному въ 1857 году $\frac{1}{4}\%$ особому сбору съ судовъ и плотовъ, проходящихъ по Ладожскому Каналу, учредить еще новый, также четырехпроцентный сборъ, начавъ его въ текущемъ году. Послѣ описанныхъ затрудненій судоходства по старому каналу, легко себѣ представить, какъ незначителенъ будетъ этотъ сборъ для торговаго сословія, которое само ходатайствовало объ устройствѣ новаго канала.

— По представленію министра финансовъ и по положенію комитета министровъ, Высочайше повелѣно принимать, какъ оплаченныя акціи русскаго общества пароходства и торговли, такъ и свидѣтельства на не вполне-оплаченныя акціи, въ залогъ по всѣмъ вообще казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, а также и питейнымъ откупамъ: вполне-оплаченныя акціи — въ двѣ трети нарицательной ихъ цѣны, то-есть въ двѣсти рублей серебромъ каждую, а свидѣтельство на не вполне-оплаченныя акціи — въ двѣ трети дѣйствительно-внесенной суммы.

— По представлению того же министра относительно ссудъ изъ коммерческаго банка и его конторъ подъ залогъ сельскихъ производеній и товаровъ, послѣдовали повелѣнія, чтобъ ссуды подъ залогъ сельскихъ произведеній, хранящихся въ имѣнιάхъ помещиковъ, изъ харьковской конторы коммерческаго банка прекратить и затѣмъ подлежащія статьи «Свода Законовъ» отмѣнить. Въ доподненіе подлежащихъ статей «Свода Законовъ» постановить правиломъ, что представляемые въ залогъ коммерческаго банка и его конторъ товары, за исключеніемъ только металловъ, должны быть застрахованы отъ огня въ полной ихъ цѣнѣ.

— Министерство финансовъ извѣщаетъ, что подписка на вѣщный трехпроцентный заемъ въ двѣнадцать миліоновъ фунтовъ стерлинговъ, которая была приостановлена въ апрѣлѣ нынѣшняго года, возобновлена въ Лондонѣ и въ Берлинѣ, по цѣнѣ 68 за сто, съ допущеніемъ жуисанса съ 1-го мая 1859 года. Для взноса по займу денегъ назначены слѣдующіе сроки: 3% при самой подпискѣ, 12% 18-го (30) августа, 13% 12-го (24) сентября, 14% 20-го октября (1-го ноября), 13% 28 ноября (10 декабря), 13% 13-го (25) января 1860 года.

— Государственный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, положилъ мнѣніемъ своимъ: приемъ паевъ компаніи морскаго, рѣчнаго и сухопутнаго страхованія, подъ фирмою «Надежда», въ залогомъ по казеннымъ подрядамъ и откупамъ, прекратить.

— По положенію сибирскаго комитета, Высочайше повелѣно открыть нынѣ же въ городѣ Семипалатинскѣ уѣздное училище на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуютъ подобныя училища въ Сибири, а потребную для того сумму 3,160 рублей отнискать ежегодно изъ государственнаго казначейства.

— По представленію военнаго министра, въ государственномъ совѣтѣ разсмотрѣнъ былъ вопросъ о правахъ въ военной службѣ воспитанниковъ гатчинскаго николаевскаго, бывшаго александринскаго сиротскаго института и питомцевъ неизвѣстнаго происхожденія а.-петербургскаго и московскаго воспитательныхъ домовъ. Мнѣніемъ государственнаго совѣта положены слѣдующія правила. Воспитанники гатчинскаго николаевскаго сиротскаго института, по окончаніи курса, могутъ, по своему желанію, поступать въ гражданскую, или военную службу, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы они прослужили по гражданскому, или военному вѣдомству определенное число лѣтъ за воспитаніе. Воспитанники эти, какъ выпускаемые въ гражданскую службу вообще изъ специальныхъ классовъ, при поступленіи въ военную службу зачисляются прямо унтер-офицерскими званіями, съ выслугою трехъ мѣсяцевъ за рядоваго. Въ первый военный обер-офицерскій чинъ они производятся: выпущенные съ правомъ на чинъ 14 класса по прослуженіи въ унтер-офицерскомъ званіи, со дня зачис-

ленія въ службу, одного года, выпущенные безъ права на чинъ 14 класса по прослуженіи въ унтер-офицерскомъ званіи, со дня зачисленія въ службу, сроковъ, установленныхъ до происхожденію каждаго; и тѣ, которые происходятъ не изъ дворянъ, но приобрѣли уже въ гражданской службѣ чины, приносящіе личное дворянство, или личное почетное гражданство — на правахъ вольно-опредѣляющихся; личные дворяне перваго, а почетные граждане втораго разряда. На тѣхъ же основаніяхъ могутъ поступать въ военную службу и пансіонеры гатчинскаго николаевскаго сиротскаго института, а также и сыновья чиновниковъ вѣдомства опекунскаго совѣта, посѣщающіе классы института подъ названіемъ приходящихъ учениковъ, съ-тѣмъ, чтобы они, въ-замѣнъ трехгодичнаго срока службы въ гражданскихъ вѣстахъ, прослужили этотъ срокъ въ военной службѣ. Незвѣстнаго происхожденія питомцы петербургскаго и московскаго воспитательныхъ домовъ могутъ быть опредѣляемы, по сношеніямъ опекунскихъ совѣтовъ, въ военную службу, но не иначе, какъ на правѣ вольно-опредѣляющихся 3 разряда. Воспитанникамъ гатчинскаго николаевскаго и бывшаго московскаго александринскаго сиротскихъ институтовъ, поступившимъ въ военную службу въ минувшую войну и не воспользовавшимся производствомъ въ офицеры по льготнымъ правиламъ, дѣйствіе которыхъ съ заключеніемъ мира прекращено, предоставляются тѣ самыя права, которыми пользуются и всѣ прочіе молодые люди, по дѣйствующимъ въ мирное время постановленіямъ. Начальникамъ гатчинскаго сиротскаго института предоставляется право воспитанниковъ неродивыхъ, или неспособныхъ къ продолженію спеціальнаго образованія, достигшихъ 16-лѣтняго возраста, въ случаѣ нежеланія родителей и родственниковъ ваять ихъ на свое попеченіе, въ-замѣнъ передачи ихъ въ бывшіе батальоны военныхъ кантонистовъ, передавать въ военное вѣдомство для распределенія на службу въ учебныя войска рядовыми.

— Находящихся въ особыхъ командахъ при училищахъ военнаго вѣдомства кантонистовъ-рекрутъ изъ евреевъ, непринявшихъ православной вѣры, разрѣшено увольнять, по просьбамъ родителей и родственниковъ, на ихъ воспитаніе до 20-лѣтняго возраста, съ-тѣмъ, чтобы, по достиженіи 20 лѣтъ, они были предоставляемы на службу.

— Исключенные изъ военнаго вѣдомства, для приписки въ свободныя податныя сословія, солдатскіе и матросскіе сыновья, принадлежавшіе къ гвардейскому вѣдомству, могутъ быть принимаемы въ строевую службу гвардейскаго экипажа на двѣнадцатилѣтнемъ срокѣ. Дворяне и вольноопредѣляющіеся всѣхъ трехъ разрядовъ, недослужившіеся до офицерскаго чина, не иначе могутъ проситься въ отставку, какъ по прослуженіи: дворяне двухъ лѣтъ, вольноопредѣляющіеся: 1-го разряда четырехъ, 2-го шести, а 3-го двѣнадцати лѣтъ. Тѣ и другіе могутъ оставить военную службу прежде означенныхъ сроковъ только тогда, когда, за доказанными разными болѣзнями и по другимъ уваженіямъ, по усмотрѣнію начальства, признаны будутъ

безполезными для службы. Изъ этого правила исключаются только поступившіе на правахъ студентамъ предоставленныхъ, какъ-то: магистры и кандидаты духовныхъ академій, кандидаты и студенты университетовъ, воспитанники горыгорѣцкаго земледѣльческаго института, окончившіе курсъ съ званіемъ агрономовъ, дѣйствительные студенты агрономіи, воспитанники лицеевъ: демидовскаго, рিশельскаго и князя Безбородко, студенты семинарій, пользующіеся въ гражданской службѣ чиномъ 14 класса, и воспитанники дворянскихъ институтовъ и гимназій, выпущенные, по окончаніи курса наукъ, съ чиномъ 14 класса. Всѣ эти лица могутъ оставить службу во всякое время, хотя бы не были произведены въ офицеры.

— Для огражденія тептарей, принявшихъ православную вѣру, отъ преслѣдованія со стороны бывшихъ ихъ единовѣрцевъ, разрѣшено имъ перечисляться, по своему желанію, къ городскимъ обществамъ, или къ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, не требуя согласія обществъ, но съ-тѣмъ, чтобы причисленіе къ казеннымъ селеніямъ было допускаемо по надлежащемъ удостовѣреніи начальства государственныхъ имуществъ, что селенія эти имѣютъ излишнія, сверхъ узаконенной пропорціи, земли, и чтобы тептари, по истеченіи опредѣленной льготы, отбывали всѣ личныя и денежныя повинности наравнѣ съ государственными крестьянами.

— По Высочайше-утвержденному положенію военнаго совѣта, рѣшено упразднить двѣ провіантскія комиссіи: кременчугскую и рыбинскую, а въ губерніи, входяція въ районы упраздняемыхъ комиссій, назначить, по усмотрѣнію генерал-провіантмейстера, обер-провіантмейстеровъ, или провіантмейстеровъ, смотря по численности войскъ, расположенныхъ въ тѣхъ губерніяхъ. Въ помощь къ обер-провіантмейстерамъ, или провіантмейстерамъ, какъ для наблюденія за письмоводствомъ, такъ и для исправленія должности во время ихъ отсутствія изъ губернскихъ городовъ, назначить смотрителей губернскихъ провіантскихъ магазиновъ, съ производствомъ имъ содержанія, присвоеннаго помощникамъ обер-провіантмейстеровъ и провіантмейстеровъ. Обер-провіантмейстерамъ и провіантмейстерамъ разрѣшено, на общемъ основаніи о службѣ въ губерніяхъ, представлять объ опредѣленіи въ управленіе ихъ молодыхъ людей, изъ окончившихъ курсъ ученія въ высшихъ, или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы, такимъ-образомъ, всегда имѣть подготовленныхъ къ провіантской службѣ чиновниковъ.

— Извѣстно, что, на основаніи цензурнаго устава, драматическія сочиненія одобряются къ представленію въ театрахъ III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи. По представленію намѣстника кавказскаго и по положенію кавказскаго комитета, рѣшено, во вниманіе отдаленности края отъ столицы, одобреніе драматическихъ сочиненій къ представленію на театрахъ Кавказскаго и Закавказскаго Края предоставить самому намѣстнику.

— Въ видахъ содѣйствія къ скорѣйшему застроению городовъ Севастополя, Керчи, Евпаторіи и мѣстечка Балаклавы, постановлено правиломъ, чтобы вообще всѣ члены купеческихъ семействъ изъ иногородныхъ, какъ неподвергавшіеся разоренію отъ непріятеля, при объявленіи отъ своего лица капиталовъ въ означенныхъ льготныхъ мѣстностяхъ, были записываемы въ гильдію не иначе, какъ по предъявленіи удостовѣренія о приобрѣтеніи тамъ недвижимаго собственности, установленной для каждой гильдіи цѣнности.

— По Высочайшему повелѣнію, назначено произвести значительныя работы для устройства либавскаго порта. Работы эти будутъ состоять: въ устройствѣ новаго хода въ гавань, огражденіи гавани дамбами изъ накиднаго камня, съ укрѣпленіемъ основаній дамбъ съ внутренней стороны рядами свай. Существующая гавань будетъ уширена и углублена, а по обѣимъ сторонамъ будутъ устроены деревянные. По сметѣ на всѣ эти работы, исчислено 1,615,000 р. Произвести всѣ эти работы полагается въ теченіе четырехъ лѣтъ. Въ первомъ году назначено употребить на постройку 315,000 р., во второмъ — 500,000 р., въ третьемъ — 500,000 р., въ четвертомъ — 300,000 р.

Промышленные извѣстія. — По Высочайше-утвержденному уставу, мѣстопребываніе «главнаго банкаго и торговаго общества» назначено въ Петербургѣ. Существованію общества опредѣляется пятидесятилѣтній срокъ со дня утвержденія устава; срокъ этотъ можетъ быть продолженъ по опредѣленію общаго собранія, если на то послѣдуетъ разрѣшеніе правительства. Общество имѣетъ право, подъ условіемъ соблюденія общихъ законовъ имперіи, заниматься всякаго рода предпріятіями, предоставленными русскимъ купцамъ первой гильдіи. Оно можетъ заниматься переводомъ денегъ на русскіе и иностранныя города, выдачею и учетомъ векселей и вообще банкирскими дѣлами, имѣть страховыя конторы, входить въ казенныя подряды и откупа и заключать частныя контракты и маклерскія условія на всякую сумму. Кромѣ-того, обществу предоставлено право приобрѣтати въ предѣлахъ имперіи недвижыма имуществва на правахъ, предоставленныхъ, по закону, купцамъ первой гильдіи. Въ дѣйствіяхъ своихъ общество руководствуется слѣдующими главными основаніями: посредствомъ капитала своего и связей съ другими банкирскими домами и банковыми учрежденіями имперіи и внѣ ея, общество споспѣшествуетъ правительственнымъ финансовымъ предпріятіямъ и промышленной дѣятельности въ государствѣ. Правленіе общества, приступая къ какому-нибудь дѣлу, должно руководствоваться убѣжденіемъ въ вѣрности и выгоды его. Средства общества должны быть употребляемы такъ, чтобы оно во всякое время, даже въ случаѣ сильнаго торговаго кризиса, было въ-состояніи своевременно исполнить свои обязательства. Недвижыма имѣнія, рудники, фабрики и заводы, а также и право пользованія ими, могутъ быть приобрѣтаемы не иначе, какъ по единогласному постановленію правле-

ніа, одобренному повѣтомъ управленія, и на эти пріобрѣтенія ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть затрачено болѣе одной десятой части внесеннаго по акціямъ капитала. Затрата внесеннаго по акціямъ капитала на покупку государственныхъ бумагъ, или акцій ни въ какомъ случаѣ не должна превышать пятой части еѳо. Общество не покупку товаровъ на свой счетъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ употребить болѣе десятой части внесеннаго по акціямъ капитала, и на всякое подобное предпріятіе должно послѣдовать предварительное постановленіе правленія. Заложенное въ общество, или данное ему въ обезпеченіе соуды движимое имущество, въ случаѣ прасрочки, общество можетъ, безъ всякаго судебнаго производства и по одному только предварительному за четыре недѣли опубликованію въ газетахъ, продавать съ публичнаго торга, само, или чрезъ посредство уполномоченнаго на то лица, для покрытія вырученною суммою своей недоимки на неисправномъ должникѣ. Если выручка отъ продажи превыситъ долгъ, то излишекъ возвращается должнику. Въ противномъ же случаѣ, то-есть, если долгъ съ процентами и расходами не покрывается вырученною отъ продажи заложеннаго имущества суммою, то должникъ обязанъ пополнить недоимку изъ прочаго своего состоянія. Выпускъ акцій долженъ производиться постепенно и въ размѣрахъ, которые будутъ опредѣлены съ разрѣшенія министра финансовъ; но учредители обязываются въ-теченіе одного года собрать не мене четвертой части означеннаго капитала и тогда же открыть дѣйствіи общества. При подпискѣ на акціи, вносится не мене 25% нарицательной ихъ цѣны. Остальные деньги уплачиваются вносителями, въ ероки и въ количествахъ, какіе будутъ опредѣлены правленіемъ общества, о чемъ должно быть объявлено не позже, какъ за три мѣсяца до времени платежа. Въ случаѣ неплатежа въ опредѣленный срокъ слѣдующихъ за акціи денегъ, по такимъ прасроченнымъ акціямъ взыскивается въ пользу общества по полупроценту въ мѣсяцъ, считая со дня минованія срока, и номера этихъ акцій публикуются въ вѣдомостяхъ. По истеченіи 3-хъ мѣсяцевъ со дня публикации, неплаченные акціи признаются уничтоженными, и въ-замѣнъ ихъ выпускаются новыя, подъ прежними номерами, которые будутъ продаваться чрезъ посредство биржевыхъ маклеровъ. Поступившія за праснія акціи деньги обращаются въ пользу общества. Акціи общества, если къ нимъ присоединены дивидендные листы, принимаются всѣми правительственными мѣстами въ залогъ по казеннымъ подрадамъ и востанкамъ въ томъ размѣрѣ, который опредѣленъ будетъ вносителями правительствомъ соразмѣрно съ цѣною ихъ на петербургской биржѣ. Управление дѣлами общества сосредоточивается въ правленіи и совѣтѣ управленія, который состоитъ изъ пятнадцати членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ изъ среды своей. Въ числѣ пятнадцати членовъ должны быть, по-крайней-мѣрѣ, пять русскихъ подданныхъ. На первый разъ члены совѣта управленія избираются учредителями и остаются на своихъ мѣстахъ въ-теченіе пяти лѣтъ, а потомъ смѣняются въ слѣдующемъ порядкѣ: избираемые первоначально члены совѣта управленія остаются въ семь на-

ни пять лѣтъ; по истеченіи этого срока, пятеро изъ нихъ, съ общаго между собою согласія, или по жребію, увольняются, а на мѣсто выбывшихъ избираются новые члены общимъ собраніемъ акціонеровъ; такимъ-образомъ поступаетъ до-тѣхъ-поръ, пока не выбудетъ послѣдній изъ первоначально-назначенныхъ членовъ. Изъ членовъ совѣта, избранныхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ, чрезъ каждые два года увольняется одна треть членовъ, пробывшихъ въ этомъ званіи шесть лѣтъ. Выбывающіе члены могутъ быть вновь избираемы. Совѣтъ управленія выбираетъ ежегодно изъ среды своей председателя и вице-председателя, которые должны имѣть постоянное мѣстопробываніе въ Петербургѣ.

Общество это, когда прочитано было въ газетахъ короткое извѣщеніе о немъ, возбудило необыкновенный восторгъ въ публикѣ. Наконецъ-то и у насъ есть частный коммерческій банкъ! говорили люди, олишкомъ-неблагодарные къ казенному кредиту нашего коммерческаго банка; наконецъ-то и у насъ будетъ учетный банкъ! говорили торговцы, которыхъ капиталы страдали отъ медленнаго обращенія. Ожиданіе частнаго банка было всеобщее и въ Петербургѣ. и въ Москвѣ, потому-что и здѣсь, и тамъ ходили слухи, что составляются компаніи, что компаніи составлены и даже уставы написаны для русскихъ частныхъ банковъ, что оставалось выхлопотать разрѣшеніе... какъ вдругъ намечатенное извѣстіе всѣхъ сначала изумило, а потомъ порадовало.

Вѣтъ мы прочли и полный уставъ банка. Оказалось, что это не только учетный банкъ, но и русскій *crédit mobilier*. А это значительно измѣнило вопросъ и взглядъ на него публики. Одинъ за другимъ и сами-собою послѣдовали слѣдующіе вопросы:

Настоятъ ли у насъ необходимость въ обществѣ движимаго кредита, и не первую ли потребность нашего общества составляютъ коммерческіе банки частные? что намъ необходимо—одинъ ли центральный банкъ съ привилегіями и конторами въ разныхъ городахъ, или нѣсколько частныхъ банковъ, независимыхъ одинъ отъ другаго въ тѣхъ горбдахъ, гдѣ промышленность болѣе всего нуждается въ капиталахъ?

Какъ поправить зло, если новое общество съ огромнымъ капиталомъ въ 50 мил. и еще болѣе огромнымъ кредитомъ, вмѣсто чисто-банковыхъ операций, займется биржевыми пониженіями и повышеніями курсовъ, или тѣмъ, что называютъ ажіотажемъ?

Не было ли передъ нами примѣровъ вреда отъ подобныхъ обществъ въ Европѣ, гдѣ они дѣйствуютъ съ начала текущаго десятилѣтія? Какія гарантіи получаютъ акціонеры при томъ устройствѣ совѣта и правленія общества, которое остается на пять лѣтъ безсмѣннымъ, и при томъ контролѣ его дѣйствій, который допущенъ уставомъ?

Всѣ эти вопросы, конечно, нѣсколько охладили первоначальный восторгъ; но спрашивается: какое же право мы имѣемъ гадать о будущемъ несомнѣннѣй-привлекательномъ, когда, можетъ-быть, два барона и одинъ министръ, основатели банка, намѣрены поднять нашу

промышленность одними чисто-банковыми операциями, а отнюдь не биржевыми спекуляциями и продѣлками французскаго *crédit mobilier*?

— Другая весьма-важная промышленная новость — утверждение общества московско-саратовской желѣзной дороги.

Мысль о необходимости связать желѣзною дорогою Москву съ Саратовымъ впервые высказана въ запискѣ, представленной еще въ 1846 году С. А. Юрьевичемъ Его Императорскому Величеству, нынѣ-царствующему Государю, въ то время еще наслѣднику престола. Эта записка была доложена императору Николаю, который, одобривъ содержаніе, выразилъ благодарность генералу Юрьевичу и свою волю, чтобы сооруженіе саратовской желѣзной дороги было исполнено частною компаніею. Только чрезъ тринадцать лѣтъ суждено было осуществиться благому начинанію.

По утвержденному уставу, саратовская дорога должна пройти отъ Москвы чрезъ города Коломну, Рязань и Моршанскъ, или вблизи этихъ городовъ. Протяженіе линіи въ этомъ направленіи составляетъ всего 703 версты; сверхъ-того, въ проектъ саратовской дороги вошли вѣтви, соединяющія ее съ рѣками Москвою, Окою, Пронею, Цною, Волгою и со станціею николаевской дороги. Сумма, исчисленная во сметѣ на сооруженіе главной линіи дороги и сказанныхъ вѣтвей, составляетъ 45 миліоновъ рублей, считая въ томъ числѣ и капиталъ, потребный на выдачу акціонерамъ, во время постройки дороги, по $4\frac{1}{2}$ % ежегодно на капиталъ ихъ дохода. Такимъ-образомъ, каждая верста этого пути, со вѣтми его принадлежностями, обойдется въ 62 тысячи рублей. За такую значительную затрату капитала дорога эта въ будущности обѣщаетъ большія выгоды.

Составляя продолженіе николаевской дороги и прорѣзывая губерніи Московскую, Рязанскую, Тамбовскую и Саратовскую, она будетъ путемъ соединенія мѣстъ плодороднѣйшихъ (губерніи Саратовская, Самарская и Тамбовская) съ центрами промышленности и торговли (Москва и Петербургъ). При такомъ положеніи, она должна дать обильный доходъ, если только не будетъ имѣть опасныхъ конкурентовъ въ другихъ желѣзныхъ дорогахъ, или въ иныхъ путяхъ сообщенія.

Въ настоящее время доставка въ Москву произведеній тамбовско-саратовскаго края совершается или просто гужомъ, или гужомъ до пристаней на рѣкахъ Волгѣ, Цнѣ и Пронѣ, а далѣе водою. Доставка какъ этихъ, такъ и самарскихъ произведеній къ Петербургу совершается, или чрезъ Москву, или непосредственно водою, съ пристаней цнинскихъ и саратовско-самарскихъ. Въ будущемъ же предстоитъ соединеніе желѣзною дорою среднихъ частей Волги съ Москвою (дорога нижегородская), а можетъ-быть и съ Петербургомъ (дорога рыбинская).

Посмотримъ, могутъ ли соперничать съ саратовскою желѣзною дорогою существующія нынѣ перевозочныя средства для доставки къ столицамъ произведеній тамбовско-саратовскаго края и будутъ ли пригодны для перевозки этихъ произведеній строящіяся дороги нижегородская и рыбинская, если ей суждено осуществиться.

Конечно, странно бы было говорить о неудобствѣ гужевыхъ перевозокъ и о затруднительности плаванія по Волгѣ, Москвѣ, Цнѣ и другимъ рѣкамъ и каналамъ, лежащимъ на пути водяной доставки къ столицамъ произведеній саратовскихъ, самарскихъ и тамбовскихъ. Нечего доказывать, что въ перевозкахъ между столицами и губерніями Саратовскою, Самарскою, Тамбовскою и Рязанскою нынѣ существующіе перевозочные способы не могутъ конкурировать съ саратовскою желѣзною дорогою.

Перевозка по нижегородской желѣзной дорогѣ не можетъ быть выгодною для передвиженія саратовско-самарскихъ грузовъ, потому что подъемъ ихъ до Нижняго стѣитъ въ общей сложности никакъ не менѣ десяти копеекъ съ пуда, а доставка по желѣзной дорогѣ отъ Нижняго до Москвы обойдется въ 12 копеекъ съ пуда. Между тѣмъ, доставка тѣхъ же грузовъ по саратовской дорогѣ обойдется въ общей сложности не дороже 20 копеекъ съ пуда.

Назначеніе рыбинской дороги состоитъ въ томъ, чтобъ замѣнить затруднительное плаваніе по системамъ соединенія Волги съ Невою. У этой дороги свой отдѣльный и довольно-значительный районъ грузовъ; по предположенію ея учредителей, провозъ по ней не будетъ дешевле существующихъ теперь цѣнъ на доставку водою отъ Рыбинска до Петербурга. Итакъ, очевидно, что съ устройствомъ саратовской желѣзной дороги доставка къ столицамъ произведеній самарскаго и саратовско-тамбовскаго края будетъ совершаться исключительно по этой дорогѣ, съ передачею грузовъ, направляемыхъ къ Петербургу, на николаевскую дорогу.

Роководствуясь цифрами, заимствованными какъ изъ официальныхъ источниковъ, такъ и изъ журнальныхъ статей о тамбовско-саратовскомъ краѣ, писанныхъ людьми, близко-знакомыми съ дѣломъ, можно, безъ преувеличенія, положить доходъ отъ перевозки грузовъ въ одномъ только направленіи отъ Саратова къ Москвѣ въ 4,319,465 рублей. Если къ этому приложить еще выручку за перевозку негромоздкихъ и цѣнныхъ грузовъ отъ Москвы къ Саратову и за перевозку пассажировъ, то общій итогъ выйдетъ въ 6,749,331 рубль.

Предполагая, что саратовская дорога истратитъ на свое содержаніе 50 % валоваго дохода и даже 55, то все-таки будетъ еще чистой прибыли на 3,037,200 рублей, что составляетъ $6\frac{3}{4}$ % чистаго дохода на капиталъ въ 45,000,000, исчисленный по сметѣ на устройство.

Такимъ-образомъ, принимая въ соображеніе, съ одной стороны, обыкновенную производительность края, чрезъ который проводится саратовская дорога, съ другой же недостаточность существующихъ путей сообщенія этого края со столицами, можно разсчитывать на значительныя выгоды для учредителей и акціонеровъ. Мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ только высказать желаніе, чтобъ учредители, среди ожидаемыхъ ими выгодъ, не забыли позаботиться и объ удобствахъ публики и постарались избѣгать неисправностей, недосмотровъ и недоразумѣній всякаго рода, къ-сожалѣнію, такъ часто встрѣчаемыхъ на другихъ желѣзныхъ дорогахъ и въ-особенности на

линии главного общества русских железных дорог, отъ котораго такъ много ожидали и которое въ этой же соразмѣрности обмануло общія ожиданія.

Учредители общества: гг. адъютанты Аннинковъ и Юрьевичъ, гофмейстеръ Сабуровъ, тайный совѣтникъ Арсеньевъ, генерал-майоръ Политковскій, статскій совѣтникъ Сафоновъ, инженер-полковникъ Красовскій, коллежскій секретарь Жадимеровскій, почетные почтенные граждане Г. А. Маркъ и К. Капгоръ, астраханскіе первостатейные купцы братья Сапожниковы, почетный гражданинъ Солдатенковъ, временно московскій первой гильдіи купецъ «оа» Воганъ и вице-президентъ совѣта бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, почтъ и телеграфовъ Брауэръ-де-Гогендорпъ. Учредители обязываются вести работы такъ, чтобы движеніе по новой линіи дороги отъ Москвы до Саратова и по вѣтвямъ ея было открыто не далѣе, какъ чрезъ шесть лѣтъ со дня утвержденія устава. Въ предупрежденіе вреднаго совѣстничества, никакая новая желѣзная дорога, начинающаяся отъ одной изъ точекъ саратовской и подходящая къ другою мѣсту той же дороги, не будетъ разрѣшаема въ продолженіе двадцати лѣтъ. Правительство даруетъ обществу гарантію четырехъ съ половиною процентовъ чистаго дохода на капиталъ, дѣйствительно употребленный для устройства желѣзной дороги, считая не свыше шестидесяти-двухъ тысячъ рублей на версту съ-тѣмъ, чтобы общія суммы гарантируемыхъ правительствомъ процентовъ не могли ни въ какомъ случаѣ превышать 2,025,000 рублей въ годъ. Гарантія правительства начинается со дня окончательнаго освидѣтельствованія дороги и открытія полнаго движенія по всему протяженію между Москвою и Саратовымъ и по вѣтвямъ. Капиталъ общества соотвѣстствуетъ постепенно посредствомъ выпуска акцій и облигацій. Акціи выпускаются сериями; нарицательная цѣна каждой акціи сто рублей; первый выпускъ назначается въ десять милліоновъ рублей. Цѣнность назначаемыхъ къ выпуску облигацій не должна превышать половины суммы, внесенной по акціямъ. При подпискѣ на акціи, вносится тридцать процентовъ нарицательной цѣны акціи, то-есть тридцать рублей. Число акцій, могущихъ быть взятыми однимъ лицомъ, не ограничено. Построенная обществомъ желѣзная дорога остается въ распоряженіи общества восемьдесятъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ она обманомъ сдать ее бесплатно въ казну.

— Русское общество пароходства и торговли надало свой отчетъ за 1858 годъ, изъ котораго видно, что всѣ вообще расходы въ томъ году, въ-сравненіи съ расходами предъидущаго года, увеличились. Этого увеличенія, впрочемъ, и должно было ожидать при удвоившемся числѣ пароходовъ и при необходимости открыть еще 40 агентствъ, изъ числа которыхъ 27 за границую. Въ прошломъ году было только 14 агентствъ, изъ которыхъ, кромѣ константинопольскаго, было только одна сѣ-граничное—въ Марсели. Но, кромѣ-того, общіе расходы увеличились отчасти и вслѣдствіе другихъ причинъ. Въ прошломъ году пред-метались статистическія и техническія изысканія; командированіе было

доверенныя лица для устройства агентствъ, главнѣйшимъ образомъ на Востокъ, а также для заключенія конвенци съ греческимъ правительствомъ и собранія данныхъ для подобныхъ договоровъ съ правительствами другихъ государствъ; изучались требованія пассажировъ на восточной линіи ддя того, чтобы, по указаніямъ опыта, можно было заказать новые пароходы; устроивались дѣла общества на Кавказѣ и срочныя пароходныя сообщенія съ Англіею; кромѣ-того, издержана нѣкоторая сумма для производства на Днѣстрѣ опытовъ надъ мелко-сидящими плоскодонными судами особой конструкции. За границу было отправлено нѣсколько лицъ съ цѣлью изучить способъ буксировки судовъ по Дунаю и ознакомиться съ устройствомъ продовольственной части на пароходахъ иностранныхъ обществъ. Къ общимъ расходамъ причислено также содержаніе лицъ, состоящихъ на службѣ въ конторѣ правленія и одесской конторѣ и вознагражденіе директора-распорядителя.

При началѣ навигаціи минувшаго года, общество имѣло 18 большихъ и малыхъ пароходовъ, число которыхъ въ-теченіе года постепенно увеличилось до 33. Изъ 12 срочныхъ линій, обязательныхъ для общества по уставу, содержались въ указанный размѣръ девять: константинопольская, крымская, кавказская, трезбизондская, николаевская, херсонская, азовская и переправы таманская и днѣстрская.

За нѣмнѣеишъ достаточнаго числа пароходовъ, таганрогско-константинопольская и галацкая линіи не были открыты; а по александрийской линіи пароходы общества содержали сообщенія только до Яффы. Для продолженія этой линіи до Александрии, заказанъ въ Глазгоу заводчику Непиру пароходъ тѣхъ же силъ и размѣровъ, какъ и построенный тѣмъ же заводчикомъ пароходъ «Владиміръ», но съ особенными приспособленіями для удовлетворенія требованіямъ пассажировъ на восточной линіи.

Сдѣланныя въ уставѣ общества измѣненія дали возможность, кромѣ обязательныхъ по уставу рейсовъ, устроить постоянныя сообщенія между Одессою и портами Великобританіи. Изъ нестрочныхъ линій, содержаніе которыхъ предоставлено обществу, англійская линія представляетъ наиболѣе ручательства въ выгодѣ, потому-что, при возможности получать изъ Одессы въ Англію грузы зерноваго хлѣба, сала, шерсти и другихъ отечественныхъ произведеній, пароходы общества могутъ, въ дополненіе къ принимаемымъ въ Англіи грузамъ, брать, въ видѣ баласта, рельсы для главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ которымъ заключенъ по этому предмету договоръ. На основаніи этого договора, общество уже перевезло, частію на пароходахъ, частію на парусныхъ судахъ, 10 т. тоннъ рельсовъ изъ Англіи въ Осодосію. Въ-теченіе настоящаго 1859 и 1860 годовъ общество обязалось доставлять пароходами въ Александровскъ-на-Днѣпрѣ ежегодно по 5 т. тоннъ рельсовъ.

Въ видахъ доставленія перевозимымъ на пароходахъ общества православнымъ поклонникамъ возможныхъ удобствъ и съ цѣлью привлечь ихъ вниманіе къ совершенію переездовъ предпочтительно на парохо-

дахъ общества, было поручено агентамъ общества на Востокъ принять безвозмездное участіе въ распоряженіяхъ по устройству необходимыхъ для православныхъ поклонниковъ заведеній, въ размѣрѣ средствъ, какія будутъ предоставлены на это правительствомъ, или частными благотворителями.

Навигация минувшаго года совершалась при обстоятельствахъ, несовсѣмъ-благоприятныхъ для общества. Суровая зима, которою начался 1858 годъ, препятствовала правильности пароходныхъ сообщеній по внутреннимъ линіямъ, такъ-какъ въ Одессѣ выходъ изъ карантинной гавани иногда былъ возможенъ только при прорѣзываніи во льду, на значительномъ протяженіи, канала для пароходовъ. Особенно продолжительное замерзаніе Днѣпра, Буга и Днѣстра заставило товароозяевъ перевезти сухопутно значительныя партіи грузовъ, обыкновенно сплавляемыхъ въ полую воду. Весна, осень и въ особенности послѣдніе мѣсяцы минувшаго года были такъ бурны, что иногда пароходы общества не могли выходить изъ порта, или достигать мѣста назначенія въ опредѣленный срокъ и часто подвергались болѣе или менѣе значительнымъ поврежденіямъ. Состояніе торговли въ продолженіе минувшаго года было въ высшей степени неблагоприятно. Порожденный въ исходѣ 1857 года коммерческимъ кризисомъ застой господствовалъ на всѣхъ рынкахъ Европы. Судходное движеніе было также весьма-незначительно. На одесской биржѣ фрахты измѣнялись рѣзко и быстро. Въ среднемъ выводѣ за цѣлую навигацию, даже сравнительно съ 1857 годомъ, фрахты понизились въ Англію на 16, въ Триестъ на 36, въ Марсель на 50 процентовъ. Обнаружившееся въ то же время волненіе на Востокъ, несостоятельность многихъ торговыхъ домовъ, эпидемія въ Бенгази и вызванныя ею карантинныя предосторожности и, наконецъ, тревожные слухи объ Италіи еще болѣе усилили торговый застой и происходящія отъ него затрудненія въ прискачаніи грузовъ. Въ Константинополь и Марсель множество парусныхъ и паровыхъ судовъ оставались въ бездѣйствіи, и даже въ Англіи фрахты иногда понижались до цѣны, въ обыкновенную пору ушачиваемой за нагрузку судовъ балластомъ; завсѣмъ-тѣмъ, грузовъ не было. Всѣ эти обстоятельства не остались безъ вліянія на результаты дѣйствій всѣхъ пароходныхъ обществъ.

Невзирая, однако, на столь неблагоприятную обстановку, дѣйствія русскаго общества пароходства и торговли въ 1858 году были сравнительно довольно-успѣшны, что слѣдуетъ преимущественно приписать послѣдовавшему въ сентябрѣ измѣненію устава, которымъ обществу дана была возможность направлять необязательные рейсы туда, гдѣ оказывалось болѣе-выгоднымъ, пользуясь изрѣдка-встрѣчавшеюся потребностію въ перевозкѣ грузовъ на сравнительно-выгодныхъ условіяхъ.

Изъ отчета общества видно, какъ мы уже сказали, что общее число дѣйствующихъ въ 1858 году пароходовъ доходило до 35. Въ общей сложности они были въ 4,633 силы и вмѣстили въ себѣ 29,892 тонны; валовой доходъ простирался до 1,826,261 р. 67 к.

Изъ чистой прибыли акціонерамъ выдается дивиденда по 7-ми процентовъ.

Съ распространеніемъ круга дѣйствій общества, личный составъ служащихъ не могъ соответствовать настоящей потребности. Однако, затрудненій въ приисканіи людей было гораздо-менше, нежели въ 1857 году. Извѣстно, что обществу дано право требовать такъ-называемыхъ «вольныхъ матросовъ» Новороссійскаго Края на обязательную службу, съ содержаніемъ по 2 р. 85 к. въ годъ, не считая продовольствія и одежды. Съ апрѣля по юнь 1858 года такихъ матросовъ принято на службу общества 200 человекъ. Но какъ положенное закономъ содержаніе не удовлетворяло потребностямъ этихъ людей, то, для отстраненія этого неудобства, а также для избѣжанія мелочныхъ расчетовъ по продовольствію и обмундированію, признано болѣе-полезнымъ производить каждому изъ вольныхъ матросовъ ежемѣсячно по 3 р. жалованья и по 6 р. харчевыхъ. Судя по тому, что въ-теченіе навигаціи было только два случая побѣговъ, можно думать, что мѣра эта произвела благоприятное вліяніе. Вмѣстѣ съ резервомъ, представляемымъ береговыми командами общества, парходные экипажи не имѣли недостатка въ людяхъ, и только съ открытіемъ рейсовъ въ Англию оказалось необходимымъ нанять часть матросовъ за границую, какъ болѣе-привычныхъ къ отдаленному плаванію. Матросы эти были наняты частію въ самой Англии, а частію въ славянскихъ провинціяхъ Австріи и Турціи. Гораздо-затруднительнѣе было для общества приискать машинистовъ, кочегаровъ и разныхъ мастеровыхъ, которыми такъ бѣденъ Новороссійскій Край. Между-тѣмъ, въ нихъ настояла крайняя надобность. Въ этихъ обстоятельствахъ, одесская контора вынуждена была временно пригласить разныхъ мастеровыхъ съ луганскаго завода, а въ Петербургѣ нанято было 95 человекъ машинистовъ, слесарей и кочегаровъ. Однако, изъ числа нанятыхъ въ Петербургѣ, невзирая на вполне-одобрительные аттестаты разныхъ мѣстъ и лицъ, которымъ не вѣрить не было причинъ, нѣкоторые оказались неудовлетворяющими требованіямъ общества. Контора, немедленно расчитавъ ихъ, вынуждена была искать новыхъ рабочихъ за границую. Что касается до механиковъ, то въ-отношеніи къ нимъ общество, уже съ самаго начала навигаціи, было поставлено въ столь благоприятное положеніе, что само могло предлагать условія, не опасаясь ни отказа, ни возраженій. Для большаго обезпеченія парходовъ общества механиками, принято 16 воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ Петербургѣ и Херсонѣ въ училищахъ торговаго мореплаванія; эти молодые люди размѣщены частію на литейный заводъ для практическаго изученія механической части, а частію на пароходы. Увеличенъ также составъ агентства въ Севастополѣ, гдѣ обществомъ предприняты огромныя сооруженія. Здѣсь рѣшено строить большой мартоновъ элингъ съ механическимъ заведеніемъ, пристань на чугунныхъ сваяхъ, помѣщеніе для агентства и казарму для рабочихъ.

Вся административная дѣятельность въ Одессѣ была сосредоточена въ лицѣ директора-распорядителя Н. А. Новосельскаго и въ подчи-
Т. СХХVI. — Стл. V.

ненной ему главной конторѣ, которая раздѣлена на пять отдѣленій. Вообще вся мѣстная администрація въ Одессѣ состояла изъ 95 человекъ, въ числѣ которыхъ было 20 конторщиковъ и 24 писца.

Еще въ прошломъ году въ собраніи акціонеровъ общества шла рѣчь о намѣреніи, при полномъ комплектѣ пароходовъ, страховать ихъ у себя. Въ настоящее время въ распоряженіи общества находится уже до 40 пароходовъ, которые, плавая по разнороднымъ мѣстамъ и совершая рейсы изъ Одессы въ Англию, Марсель, Триестъ, Александрію, Требизондъ, азовскіе порты и по рѣкамъ Днѣпру, Бугу, Днѣстру и Ріону, не могутъ подвергаться одновременно однимъ и тѣмъ же случайностямъ. Отъ уменьшенія же, такимъ образомъ, риска страховая премія дѣлается болѣе-благоприятными для общества. Иностранныя страховыя компании неохотно принимаютъ, даже за возвышенную премию, на страхъ суда, плавающія въ Черномъ Морѣ, особенно въ осенніе и зимніе мѣсяцы. Между-тѣмъ, капитаны пароходовъ общества и штурманскіе офицеры особенно хорошо знакомы съ Чернымъ Моремъ и благополучно совершали рейсы по другимъ морямъ, несмотря на свирѣпствовавшія въ продолженіе минувшей зимы бури. Изъ пароходовъ общества погибъ одинъ только «Днѣпръ», шедшій первымъ рейсомъ изъ Англии въ Одессу, подъ командой англійскаго капитана и наткнувшійся на камень, который не былъ обозначенъ на картахъ Мраморнаго Моря. Значительность суммы, уплаченной въ 1858 году по страхованію пароходовъ за границую, дѣлаемые страхователями вычеты при вознагражденіи за аваріи, обременительность для общества условій, помѣщаемыхъ въ страховыхъ полисахъ, и, наконецъ, затрудненія и промедленія, неизбежно встречаемыя при расчетѣхъ со страховщиками, убѣждаютъ общество въ необходимости заботиться о безотлагательномъ освобожденіи отъ зависимости предъ иностранными страховыми компаниями. При такихъ обстоятельствахъ, общество намѣрено впредь страховать въ иностранныхъ страховыхъ компанияхъ только нѣкоторую часть стоимости каждаго большаго парохода, остальную же, большую часть оставлять на страхъ общества.

— Для приведенія въ улучшенное состояніе сельскаго хозяйства Лифляндской Губерніи, учреждается общество на акціяхъ, подъ именемъ «Церера». Для сказанной цѣли, общество предпринимаетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земледѣльцы пожелаютъ и гдѣ признается возможнымъ содѣйствовать развитію сельскаго хозяйства съ наибольшимъ успѣхомъ, слѣдующія дѣйствія. Оно открываетъ земледѣльцамъ кредитъ изъ своихъ капиталовъ для улучшенія земледѣлія, на время, которое сочтеть необходимымъ для возврата выданнаго въ ссуду капитала, съ процентами, изъ доходовъ съ того улучшенія, для котораго выдается ссуда; проценты не должны превышать шести на сто въ годъ, а если окажется возможнымъ, общество ограничится и меньшими. Оно будетъ облегчать и усиливать сбытъ сельскихъ произведеній, какъ собственно въ Россіи, такъ и за границею, учрежденіемъ въ торговыхъ городахъ складочныхъ магазиновъ, въ которыхъ

будутъ приниматься сельскія произведенія только послѣ самаго строгаго бракованія. Наконецъ, общество будетъ учреждать земледѣльческія школы и образцовыя хозяйства, выписывать изъ-за границы всякія земледѣльческія орудія, снаряды, машины, домашній скотъ, сѣмена и всѣ другія потребности, необходимыя для улучшенія сельскаго хозяйства. Капиталъ общества опредѣляется въ триста тысячъ рублей, съ раздѣленіемъ на три тысячи акцій, по сту рублей каждая. Правленіе общества находится въ Ригѣ.

— Для устройства въ Москвѣ заведеній для мытья бѣлья, учреждается общество «публичныхъ прачешныхъ заведеній». Учредители общества: инженер-генерал-майоръ баронъ Дельвигъ, статскій совѣтникъ Николай и полковникъ Дмитрій Шицовой, коллежскій ассесоръ Иванъ Давыдовъ и отставной прапорщикъ Алексѣй Нарыцкинъ. Общество обязуется устроить въ разныхъ частяхъ города Москвы заведенія, состоящія изъ отдѣльныхъ нумеровъ, снабженнѣхъ новѣйшими снарядами и всѣми необходимыми принадлежностями для удобной и возможно-скорѣйшей стирки бѣлья. Заведенія эти, за умѣренную плату, будутъ отдаваемы въ наемъ, по часамъ, прачкамъ и другимъ желающимъ. Кромѣ-того, при этихъ заведеніяхъ устроятся особые номера для бань и для теплыхъ и холодныхъ ваннъ. Для приведенія предпріятія въ исполненіе, обществу предоставляется собрать первоначально капиталъ въ 250,000 рублей, посредствомъ выпуска десяти тысячъ акцій, по 25 рублей каждая. Каждое лицо можетъ взять до пятисотъ акцій. При подпискѣ, вносится за каждую акцію по пятнадцати рублей.

О необходимости учрежденія публичнымъ бань и прачешень было уже неоднократно говорено. Не повторяя того, что уже говорилось не разъ, можно только пожелать, чтобы подобное предпріятіе осуществилось и въ Петербургѣ, гдѣ изъ полумилліоннаго населенія едва ли десятая часть въ состояніи посѣщать порядочныя бани, которыя, впрочемъ, всѣ наперечетъ. Остальное же огромное большинство должно довольствоваться посѣщеніемъ грязныхъ бань, съ отвратительною водою, проведенною изъ резервуаровъ нечистотъ всякаго рода, извѣстныхъ подъ пышнымъ именемъ «каналовъ». Авось, съ проведеніемъ по городу невской воды, чистая и здоровая вода для мытья бѣла людей, необладающихъ достаточными средствами, перейдетъ въ предметъ необходимости.

— Наконецъ, какъ слухъ, мы можемъ сообщить объ обществѣ, имѣющемъ цѣлю улучшение быта рабочаго класса. Для этого предполагается учредить акціонерную компанію съ капиталомъ въ 3,500,000 рублей, устроить справочныя мѣста о работахъ и общее помѣщеніе со всѣмъ содержаніемъ рабочихъ мужескаго пола. Общество это, подѣ фирмою «Улей», будетъ руководствоваться слѣдующими основаніями: по составленіи извѣстной части складочнаго капитала, оно приступитъ къ постройкѣ въ столицѣ каменныхъ жилыхъ строеній для помѣщенія, во умѣренномъ цѣнахъ, трехъ тысячъ рабочихъ лю-

дей со всѣми для нихъ удобствами. Съ увеличеніемъ складочнаго капитала, приступлено будетъ къ постройкѣ и другихъ подобныхъ домовъ, до совершеннаго, если позволятъ средства, удовлетворенія истинныхъ нуждъ всего рабочаго въ столицѣ народа. При домахъ будутъ находиться справочныя мѣста, гдѣ каждый имѣющій надобность въ работѣ, тотчасъ по прибытіи своемъ въ столицу, или входясь въ нѣй и покинувъ окончательно прежнюю работу, можетъ получить положительное свѣдѣніе, имѣется ли въ виду для него работа, или нѣтъ, гдѣ именно и на какихъ условіяхъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ рабочій освѣдомится о предстоящей ему работѣ, онъ можетъ получить отъ общества, если пожелаетъ, въ счетъ своей будущей заработной платы, помѣщеніе и содержаніе. Кто будетъ имѣть надобность въ работникахъ, можетъ обращаться съ своимъ требованіемъ въ тѣ же справочныя мѣста, которыя въ то же время принимаютъ ищры для присканія потребныхъ людей, по назначенію.

— Въ уставахъ недавно-образовавшихся акціонерныхъ обществъ нельзя не замѣтить двухъ нововведеній, весьма-полезныхъ для акціонеровъ. Извѣстно, что въ уставахъ всѣхъ существующихъ доселѣ обществъ право созыванія общаго собранія принадлежитъ исключительно одному правленію. Какъ бы дурно ни шли дѣла общества, какъ бы неблагоприятны ни были дѣйствія его правленія, акционеру закрыта возможность протеста до годичнаго общаго собранія: разъ въ годъ только онъ можетъ высказаться, да и то приходя въ собраніе неприготовленнымъ, не зная, о чемъ въ немъ будутъ разсуждать. Быть-можетъ, какъ полагаютъ учредители общества разработки лѣсныхъ произведеній и торговли ими, въ этой трудности протеста и кроется причина того равнодушія къ дѣлу, въ которомъ справедливо упрекаетъ русскихъ акціонеровъ общественное мнѣніе. Для отвращенія равнодушія, учредители нашли полезнымъ расширить права акціонеровъ. На этомъ основаніи, въ уставѣ общества разработки лѣсныхъ произведеній и торговли ими введено условіе, что десять акціонеровъ, имѣющіе каждый право голоса (10 акцій), могутъ во всякое время созвать общее собраніе акціонеровъ.

Другое нововведеніе сдѣлано въ уставѣ общества разработки строительныхъ матеріаловъ порѣчьской вотчины. По уставу общества, къ составу правленія присоединяется особая контрольная коммиссія для постояннаго наблюденія за дѣлами общества. Къ обязанности членовъ этой контрольной коммиссіи относится полное посредничество между правленіемъ и акціонерами, сообщеніе имъ ясныхъ и положительныхъ свѣдѣній о ходѣ и успѣхѣхъ дѣлъ общества и, въ случаѣ несогласныхъ съ выгодами общества распоряженій и дѣйствій правленія, назначеніе экстренныхъ собраній акціонеровъ, еслибы соображенія и предложенія, сдѣланныя коммиссіею, остались, со стороны правленія, неуваженными. При выборѣхъ директоровъ и членовъ контрольной коммиссіи право голоса предоставляется каждому акционеру, *безъ всякаго ограниченія числомъ акцій.*

«Журналъ для Акціонеровъ» признаётъ, что учрежденіемъ подобнаго рода контрольныхъ комиссій были бы предупреждены многіе несчастные случаи, которые нерѣдко бывали причиною потрясенія самыхъ благонадежныхъ акціонерныхъ предпріятій.

«Вѣстникъ Промышленности» не видитъ, впрочемъ, въ этомъ безусловнаго спасенія для акціонеровъ. Онъ говоритъ, что съ перваго взгляда такое условіе кажется весьма-либеральнымъ; но потомъ, пожалуй, можетъ возродиться нѣкоторое сомнѣніе: при такой обстановкѣ выбора, учредители имѣютъ большую возможность располагать голосами въ свою пользу, такъ-какъ одно и то же число учредительскихъ акцій можно распределить между сторонниками, по числу десятиро большими, чѣмъ при обыкновенной обстановкѣ. Впрочемъ, прибавляетъ тотъ же «Вѣстникъ Промышленности», такое сомнѣніе врядъ-ли можно отнести къ обществу, о которомъ идетъ рѣчь: уставъ его составленъ весьма-разумно, съ особенною цѣлью — обезпечить правильность дѣйствій директоровъ не только со стороны акціонеровъ, но и со стороны самихъ учредителей, неучаствующихъ въ управленіи.

Говоря о новыхъ акціонерныхъ обществахъ, нельзя умолчать о кончинѣ одного изъ старыхъ, хотя, впрочемъ, родившемся едва только 8 ноября 1859 года. Это — общество «кожевеннаго производства», учредители котораго донесли, что, не рассчитывая на собраніе, въ непродолжительномъ времени, достаточнаго капитала для открытія дѣйствій общества, они журналомъ своимъ, отъ 26 марта сего года, предъявленнымъ на утвержденіе прочимъ, подписавшимся на акціи лицамъ, положили считать общество несостоявшимся.

Учебныя заведенія.—Мысль о преобразованіи нашихъ военно-учебныхъ заведеній изъ закрытыхъ въ открытыя постепенно приводится въ исполненіе. Въ свое время, мы сообщали обо всемъ, что было сдѣлано по этому предмету въ бывшемъ константиновскомъ корпусѣ, а теперь можемъ передать новое постановленіе для михайловскаго артиллерійскаго училища. Артиллерійская академія имѣетъ цѣлью специальное образованіе ученыхъ офицеровъ для различныхъ отраслей артиллерійской службы. Офицеры, поступающіе въ эту академію для окончательнаго изученія высшихъ отдѣловъ артиллерійской науки, должны имѣть обширныя физико-математическія познанія, основательныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ военныхъ и, наконецъ, прочное общее образованіе. Для приготовленія слушателей, способныхъ съ пользою и успѣхомъ изучать высшія части артиллеріи, необходимо было принимать въ училище не моложе 14-ти лѣтъ; но и этого было еще недостаточно. Съ присоединеніемъ артиллерійскаго училища къ другимъ военно-учебнымъ заведеніямъ и съ устройствомъ въ столичныхъ кадетскихъ корпусахъ третьихъ специальныхъ классовъ, связавшихъ общія военно-учебныя заведенія съ специальными, кадетскіе корпуса составили приготовительные классы для академій и въ этомъ отношеніи вполне достигли своей цѣли. Основаніе къ закрытію юнкерскихъ классовъ училища положено было къ

1856 году, когда былъ упраздненъ низшій V-й классъ и поставлено принимать въ училище годовъ старѣе. Воспитанники военно-учебныхъ заведеній, окончивъ общее образование въ продолженіе пяти лѣтъ и поступаая восемнадцати лѣтъ въ третьи спеціальныя классы, гдѣ избираютъ, по собственному желанію и сознаннымъ уже способностямъ, тотъ отдѣлъ спеціальности, къ которому чувствуютъ призваніе, бывають достаточно подготовлены къ слушанію курса въ артиллерійской академіи. Такимъ-образомъ, нынѣ, при полномъ развитіи третьихъ спеціальныхъ классовъ, настала окончательная возможность къ совершенному преобразованію училища въ академію. Но, чтобъ молодымъ людямъ, желающимъ поступить въ артиллерійскую академію, по окончаніи общаго образованія въ университетахъ, лицеяхъ, гимназіяхъ и въ родительскомъ домѣ, дать средства приобрести тѣ предварительныя военно-спеціальныя познанія, которыя требуются для слушанія курса въ академіи, необходимо обучать ихъ нѣкоторымъ отдѣламъ науки еще въ юнкерскихъ классахъ.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, послѣдовали слѣдующія распоряженія. Приемъ пансіонеровъ въ IV классъ училища съ 1860 года прекратить и въ то же время закрыть этотъ классъ. Въ 1861 году закрыть III классъ, а съ 1862 года положено имѣть въ училищѣ только два класса: низшій, для поступленія экстерновъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, или въ домѣ родителей, и высшій, для экстерновъ, окончившихъ курсъ въ физико-математическомъ факультетѣ университетовъ, или выдержавшихъ экзаменъ въ этомъ факультетѣ. Экстернамъ, соображаясь съ болѣе или менѣе недостаточнымъ состояніемъ каждаго, будетъ производиться, по представленію начальника училища, съ разрѣшенія начальника штаба, по примѣру экстерновъ константиновскаго военнаго училища, или ежедневный обѣдъ, или обѣдъ и одежда, или все полное содержаніе, т.-е. жителство, обмундированіе, бѣлье и пища и все безъ изыятія, что получаютъ нынѣ юнкера.

— Въ кievской духовной академіи происходило публичное новытніе студентовъ по случаю окончанія XIX (со времени преобразованія академіи) учебнаго курса. Испытаніе это, по принятому нынѣ порядку въ академіи, состояло въ чтеніи студентами сочиненій; нѣкоторыя темы этихъ сочиненій не лишены интереса. Такъвы, между прочимъ: о современномъ индифферентизмѣ въ христіанскихъ обществахъ; о дѣйствіяхъ тридентскаго собора касательно ограниченія папской власти; объ избраніи и возведеніи Никона на патриаршій престолъ; о значеніи философіи въ христіанствѣ; о характерѣ и направленіи новѣйшей германской философіи, и нѣкоторыя другія. Конечно, по однимъ только заглавіямъ нельзя судить о содержаніи и духѣ еочисленія, но, не зная объ этомъ, мы не можемъ ничего сказать и должны будемъ ограничиться только тѣмъ, что сказано по этому поводу въ «Кievскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Направленіе преподаванія, по словамъ одного изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ академіи, заключается главнѣйше въ истинной вѣрѣ безъ приписки

фетишизма, въ стремленіи къ улучшеніямъ, безъ слѣпаго желанія ломать то, что оправдано опытами вѣковъ. Будемъ надѣяться, что подъ этой фразой кроется тотъ смыслъ, что направленіе преподаванія въ кievской духовной академіи, дѣйствительно, сообразно съ тѣмъ высокимъ назначеніемъ, которое ожидаетъ будущаго священника, поставленнаго въ непосредственное соприкосновеніе съ прихожанами. Но съ тѣмъ, что говорится въ «Кievскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» далѣе, согласиться нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ — говорить авторъ статьи — нельзя не посягать на равнодушіе публики къ высшимъ умственнымъ развлеченіямъ. Несмотря на занимательность публичнаго испытанія въ академіи, несмотря на предупредительность въ приѣмѣ посѣтителей академическихъ начальниковъ — несмотря, повторяемъ, на все это, довольно-красивая и величественная—обширная зала академіи оставалась бы почти пустою, если бы ее не заняли чиновники духовнаго вѣдомства, высшее кievское духовенство, воспитанники духовныхъ училищъ, вообще лица, болѣе, или менѣе близкія по своему положенію къ академіи. Посѣтителей изъ другихъ сословій было очень-немного. Гдѣ же, спрашивается, проводить свое время кievская образованная публика? Незнакомый съ Кіевомъ проѣзжій, послѣ посѣщенія акта духовной академіи, можетъ подумать, что такой публики въ Кіевѣ нѣтъ.»

Не знаемъ, какъ въ Кіевѣ, можетъ-быть тамъ и дѣйствительно, какъ говоритъ авторъ, публичное испытаніе бываетъ весьма-занимательно, но мы никогда не обвинимъ той части публики, которая не посѣщаетъ занимательныхъ спектаклей, извѣстныхъ подъ названіемъ публичныхъ экзаменовъ. Въ прошломъ году мы, какъ-то къ-слову, привели невдуманый анекдотъ о томъ, какъ на публичныхъ экзаменахъ все вниманіе обращается исключительно только на одну вышность и представительность и какъ въ одномъ заведеніи выставлялись физическіе инструменты и механическія модели, особенно-красивыя на видъ и вовсе-незнакомыя ученикамъ. Не желая повторить сказаннаго и хорошо зная значеніе публичныхъ экзаменовъ; мы предоставимъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ одному изъ бывшихъ на публичномъ экзаменѣ 15 іюля въ в-й духовной семинаріи и помѣстившему по этому поводу письмо въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Въ розданной посѣтителямъ программѣ было сказано, что прежде всего всѣ воспитанники, предъ началомъ испытанія, пропоютъ стихирю: «Днесъ благодать св. духа насъ собра». Затѣмъ, для испытанія учениковъ, предложены будутъ нижеозначенные предметы; въ слѣдующей порядкѣ; по классу догматическаго богословія — «ученіе о твореніи вселенной и о Промыслѣ»; по классу физики — «о темнотѣ и объ орудіяхъ, употребляемыхъ для изслѣдованія оной»; и т. д. изъ тринадцати разныхъ предметовъ. Это публичное или открытое испытаніе было не очень-публично и открыто. Начальство семинаріи, по словамъ очевидца, не успѣло, говорятъ, заблаговременно извѣстить публику о томъ, что экзаменъ будетъ и когда будетъ. Вслѣдствіе этого, при испытаніи, кромѣ начальства и преподавателей семинаріи, присутствовало только нѣсколько

духовныхъ, почти ex officio, и десятокъ постороннихъ. Итакъ, открытое испытаніе было не очень-публично и открыто. Вотъ вторыхъ, оно не было и испытаніемъ въ истинномъ смыслѣ слова, какъ видно даже изъ самой программы его. Что это за испытаніе, когда испытуемымъ заранее сказано, какіе вопросы каждому изъ нихъ будутъ предложены, и когда они въ какой-нибудь часъ времени могутъ заучить отвѣты, если даже и совершенно не знаютъ того, о чемъ должны отвѣчать? Уже этимологическое значеніе слова «испытаніе» показываетъ, что цѣль его — убѣдиться, въ какой степени воспитанникъ знакомъ съ извѣстною наукою; слѣдовательно, «испытаніе» должно состоять или изъ ряда вопросовъ, обнимающихъ всю науку, или, если время не позволяетъ, то изъ одного; но въ послѣднемъ случаѣ необходимо наблюдать, чтобы испытуемый не зналъ, о чемъ его спросятъ, и, такимъ-образомъ, долженъ былъ приготовиться къ отвѣту на всякій вопросъ. Какое же заключеніе можно составить о знаніяхъ воспитанниковъ, приготовившихся къ отвѣту на извѣстный вопросъ, если даже они и хорошо отвѣчаютъ? Понятно, что никакого. При подобномъ экзаменѣ, тогда только можно составить заключеніе, когда воспитанникъ и на этотъ вопросъ отвѣчаетъ неудовлетворительно: тогда ясно, что испытуемый не знаетъ ничего. Вотъ такое-то понятіе о познаніяхъ воспитанниковъ в-й семинаріи вынесъ авторъ статьи съ открытаго испытанія, потому-что ни одинъ изъ 57 спрошенныхъ при немъ не отвѣчалъ удовлетворительно, а нѣкоторые и ничего не отвѣчали. Мало-того: извѣстно, что для открытаго испытанія выбираются лучшие ученики; поэтому если изъ сказаннаго видно, что эти лучшие ничего не знаютъ, то что же знаютъ остальные? Отвѣта, кажется, уже не нужно.

Не ограниваясь оглашеніемъ столь грустнаго факта, г. П—ъ указываетъ одну изъ причинъ слабости познаній воспитанниковъ в-й семинаріи. «Сколько можно судить по открытому испытанію, видно, что методъ преподаванія въ семинаріи всѣхъ наукъ, кромѣ логики и психологіи, состоитъ въ заучиваніи воспитанниками слово-въ-слово данной преподавателемъ тетради. По всему видно, что спрошенные на экзаменѣ пытались-было, только безуспѣшно, заучить свои отвѣты, и потому въ отвѣтахъ этихъ было много комическаго. Такъ, на-примѣръ, случалось, что если кто-нибудь изъ экзаменуемыхъ могъ прочесть нѣсколько фразъ сряду и его прерывали новымъ вопросомъ, то, не обращая на то вниманія, онъ продолжалъ наскоро договаривать первый отвѣтъ, потомъ безъ церемоніи самъ себя задавалъ другой вопросъ и отвѣчалъ на него по собственному усмотрѣнію. И что эта за декламация! что за языкъ! Кажется, самъ Василій Кирилловичъ по заказу сочинялъ все это; а, между-тѣмъ, сколько было замѣтно, преподаватели семинаріи, кромѣ преподавателя логики и психологіи, чрезвычайно дорожили своимъ изложеніемъ, потому-что, въ случаѣ малѣйшаго попоманованія воспитанника употребить гдѣ-нибудь собственное выраженіе, они останавливали его и сами декламировали заѣтныя слова, преданья старины глубокой. «О, слова, слова!»

Такъ былъ пораженъ г. П—ъ публичнымъ экзаменомъ въ в—й семинаріи.

Мы привели слова г. П — а исключительно только по обязанности передавать все, что совершается у насъ, въ Россіи, худаго и хорошаго, но вовсе не потому, что были поражены публичнымъ экзаменомъ въ в—й семинаріи. Намъ кажется, что удивляться тутъ рѣшительно нечему. Все это въ порядкѣ вещей, до-тѣхъ-поръ, пока существуютъ публичные экзамены. Уничтожить возможность нелѣпыхъ явленій можно только устраненіемъ нелѣпаго факта, который бываетъ естественною причиною нелѣпыхъ послѣдствій. Странно было бы ожидать отъ публичныхъ экзаменовъ чего-нибудь серьезнаго, когда они сами-по-себѣ составляютъ вещь весьма-комическаго свойства. Въ описанномъ г. П — ъ экзаменѣ мы видимъ прогрессъ и проявленіе гласности. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, дѣйствующія лица поступаютъ открыто, никого не обманываютъ, и заранѣе заданныя темы составляютъ уже значительный шагъ впередъ въ-сравненіи съ прежнею телеграфическою системою, существовавшею при подобныхъ случаяхъ между преподавателемъ и учениками, которые бокомъ отвѣчали на вопросы, глядя на знаки учителя, стоящаго позади присутствующихъ. Пусть бы люди потѣшались только на публичныхъ экзаменахъ и не выходили съ подобными фокусами на сцену жизни. Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, они не приносятъ никому вреда: экзамены эти совершаются обыкновенно по окончаніи домашнихъ, на которыхъ участь воспитанника уже рѣшена, и производятся они для публики, какъ послѣдній актъ комедіи. Дѣло публики самой посѣщать, или нѣтъ подобные занимательные спектакли. Конечно, мы говоримъ не о той части публики, которая по обязанности, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ обязана, волею или неволею, наполнять собою огромныя залы, которыми особенно отличаются заведенія, гдѣ любятъ публичные экзамены. Итакъ, пусть-себѣ на томъ поприщѣ потѣшаются невинными забавами подагрики-меченаты и тамбур-мажоры просвѣщенія. Авось съ послѣднимъ изъ этихъ старцевъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія исчезнутъ и публичные экзамены. Кроме-того, и этимологическое значеніе слова «испытаніе» вовсе не противорѣчитъ тому, чему былъ свидѣтелемъ г. П—ъ. Дѣло только въ томъ, что тамъ не было испытанія для воспитанниковъ; но это все-равно, если только оно было для кого-нибудь другаго. Публичные экзамены бываютъ весьма-часто испытаніемъ ревности и усердія къ службѣ самихъ присутствующихъ на этихъ высокаторжественныхъ церемоніяхъ. На публичномъ экзаменѣ одного заведенія намъ приходится каждый годъ выслушивать слова одного старика, который съ сожалѣніемъ обыкновенно говоритъ, что теперь экзамены эти уже далеко не тѣ, что были прежде, когда былъ живъ князь Ч. «Вотъ это были экзамены!» говоритъ онъ обыкновенно: «его всѣ трусили, и какъ-только узнаютъ, что онъ будетъ на экзаменѣ, то тутъ, бывало, столько соберется, что и мѣста мало.» Вотъ какъ сгоняется публика на открытыя испытанія!

Страсть къ чтенію и полугласность. — Въ последнее время довольно-часто слышатся жалобы на неисправную доставку почтовымъ вѣдомствомъ разныхъ періодическихъ изданій. Мы давно уже подозрѣвали, что это прямо происходитъ отъ страсти къ чтенію, овладѣвшей въ последнее время нашимъ обществомъ, быстро идущимъ по пути прогресса и желающимъ улучшеній безъ снѣпаго желанія, впрочемъ, ломать то, что оправдано опытами вѣковъ. Догада наша оправдывалась на каждомъ шагѣ, и еще недавно редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» получилъ письмо одного подписчика на «Revue Germanique», который жалуется, что получилъ книжку въсвѣцелью позже срока, изрѣзанную отъ начала до конца и въ такомъ видѣ, который показывалъ, что она уже побывала въ рукахъ какого-нибудь любознательнаго господина. Само-по-себѣ, говорить подписчикъ, любознательность качество очень-похвальное, но только не тогда, когда ближайшимъ послѣдствіемъ его бываетъ нарушение правъ ближняго. Подписчикъ надѣялся сначала, что любознательный господинъ почтоваго вѣдомства современемъ почерпаетъ изъ читаемаго имъ журнала, въ числѣ другихъ полезныхъ свѣдѣній, надлежащее понятіе о правахъ собственности. Но, увѣ! это ожиданіе было совершенно-напрасно, потому-что разрѣзываніе и чтеніе журналовъ продолжается, ясно свидѣтельствуя, что прежнее понятіе объ этомъ щекотливомъ вопросѣ нескоро можетъ быть вытѣснено новымъ. По всей вѣроятности, это послѣднее предположеніе подписчика справедливо, въ-особенности, если неизвѣстный читатель воспитывался въ заведеніи, гдѣ внушаютъ и поселяютъ стремленіе къ улучшеніямъ безъ снѣпаго желанія ломать то, что оправдано опытами вѣковъ.

Но это обстоятельство, по-крайней-мѣрѣ, вовсе не загадочно. Тутъ видно, въ чемъ дѣло, и объясняется простымъ механическимъ дѣйствіемъ: разрѣзываніемъ и чтеніемъ. Гораздо-интереснѣе другой фактъ, поразившій князя Евгенія Львова до такой степени, что онъ обратился къ редактору той же газеты съ просьбою предложить на рѣшеніе публики научный вопросъ. Его весьма интересуетъ явленіе, какимъ образомъ въ почтовомъ вѣдомствѣ улетучиваются телеграфическія депеши. Дѣло въ томъ, что князю Львову нынѣшнюю зиму и лѣтомъ пришлось отправить за границу и получить изъ-за границы нѣсколько телеграфическихъ депешъ. Шли они вообще благополучно, иныя медленно, но все-таки доходили. Наконецъ 16 іюня была отправлена къ нему депеша изъ Дрездена; депеша этой не получилъ онъ и до-сихъ-поръ. (Вотъ и говорите послѣ этого объ изумительной быстротѣ, съ которою передаются телеграфическія депеши!) Что съ нею стало? спрашиваетъ г. Львовъ. Что въ Берлинѣ она была получена, на это есть доказательство: исправность прусскихъ телеграфовъ заставляетъ предполагать, что изъ Берлина она была отправлена и далѣе по назначенію. Куда же это она, въ-самомъ-дѣлѣ, запропастилась? Подумаешь, подумаешь да и придешь къ тому заключенію, что въ нѣмецкихъ земляхъ, разумѣется, телеграфической депешѣ нѣкуда дѣваться, тамъ ей нѣгдѣ спрятаться, все на виду;

мѣста нѣтъ; ну, а какъ вошла въ нашу матушку безпредѣльную... ужь дуть своя воля, ступай куда хочешь: земля наша велика... Надо бы кого-нибудь спросить. Ну, а какъ тотъ, кого спросать, напишетъ на это такую бумагу, что и самъ не радъ будешь, или пу-стится въ ученость да скажетъ... что телеграфическа депеша идетъ съ быстротою неуловимою, и потому почтовое вѣдомство не всегда ругается за акуратность? Можетъ-быть, это покажется вздоромъ, а можетъ-быть и нѣтъ. Были же люди, которые простодушно вѣрили, что мошенники по ночамъ снимаютъ посредствомъ фотографіи шинели и шубы съ проходящихъ, а посредствомъ электрическаго телеграфа доставлялся провиантъ нашимъ войскамъ, бывшимъ въ Венгрии.

— Недавно мы высказали наше мнѣніе о той гласности, которою многие такъ гордятся и которую, впрочемъ, вѣрнѣе было бы назвать полугласностью. Но какъ бы слаба ни была возникающая у насъ гласность, будемъ пользоваться пока тѣмъ, что есть, и укажемъ на статью, помѣщенную въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: «Слѣдственное Дѣло». Статья эта сообщаетъ весьма-курьезный фактъ, случившійся въ одной губерніи, гдѣ находится оружейный заводъ.

Для одного оружейнаго завода потребовалось 800 дубовъ изъ казенной заสѣки. По распоряженію главнаго начальства, предписано было лѣснымъ чиновникамъ доставить на заводъ требуемое количество дубовъ. Распоряженіе это приведено въ исполненіе. Вслѣдъ за тѣмъ последовало донесеніе главному начальству, что, кромѣ 800 дубовъ, доставленныхъ на заводъ, срублено еще 2,000 дубовъ, которые, по обыкновенію, принятому лѣсными чиновниками, злоупотреблять въ казенныхъ лѣсахъ, проданы крестьянамъ. Сумма порядочная и круглая. Вѣсковые дубы изъ казенной засѣки менѣе 10 рублей серебромъ за каждый корень не продаются. Возникло дѣло. Произведено слѣдствіе, по которому ровно ничего не открыто. Главное начальство, наученное опытомъ, не довѣрило слѣдствію, назначило своего чиновника для открытія истины. Чиновники лѣснаго вѣдомства оробѣли. Сосѣдніе помѣщики ожидали грозной развязки. Но и на этотъ разъ все кончилось благополучно. Приѣхалъ съ трепетомъ ожидаемый грозный чиновникъ, потребовалъ строгаго разслѣдованія, разузнавалъ на-сторонѣ, и истина предъ нимъ раскрылась. Все окружающее его лѣсное начальство трепетало. Улики на-лицо: не 800, а 2,800 корней, съже-спиленныхъ дубовыхъ вѣсковыхъ деревьевъ дѣлали оправданіе невозможнымъ. Русскій умъ смысленъ и изворотливъ. Надобно же поправить дѣло, невозможно же выставить начальству такіе страшные беспорядки и казенные убытки. Обмануть чиновника нельзя: онъ видитъ уже порубку, онъ прослѣдилъ за нею. Оставалось одно—подѣлаться съ чиновникомъ. Миродобиво поговоривъ о дѣлѣ, чиновникъ, протянувъ руку и подожилъ въ карманъ пять тысячъ рублей, серебромъ, или ассигнаціями—преданіе умалчиваетъ. Итакъ, агентъ главнаго начальства, человекъ образованный, упалъ предъ звукомъ золота, или шелестомъ депозитныхъ билетовъ. Чиновникъ взялъ взят-

ку, и дѣло казны потеряно. Деньги все поправили, слѣдствіе приняло другой, благопріятный для лѣсныхъ чиновниковъ, оборотъ. Собрали цѣлую ватагу окрестныхъ подзасѣчныхъ крестьянъ, главныхъ участниковъ въ уничтоженіи казенныхъ лѣсовъ. По законному порядку, привели понятыхъ къ присягѣ и отправились въ лѣсъ считать порубленные пни. Какъ далѣе производилось слѣдствіе о порубкѣ, какъ повѣряли порубленные пни, объ этомъ исторія умалчивается; но возвращавшіеся изъ понятыхъ, подгулявшіе крестьяне говорили: «Вотъ слѣдствіе, такъ слѣдствіе: каждый бы день ходилъ на такое слѣдствіе! Чтѣ за добрые господа! Собрали около сотни человекъ, всѣхъ накормили, до пьяна напоили да еще одѣлили каждому по полтиннику!»

Изъ этихъ словъ крестьянъ можно выводять какое угодно заключеніе. Но достовѣрно извѣстно, что слѣдствіе произведено обыкновеннымъ, законнымъ порядкомъ. Понятые подъ присягою показали, что оказалось срубленныхъ ровно 800 корней дубовъ; кромѣ этой порубки, ничего не замѣчено. Слѣдствіе, счастливо оконченное и обличенное въ законную форму, представлено куда слѣдуетъ.

Изъ этихъ обстоятельствъ видно, что казнокрадство и взяточничество развились у насъ въ величайшей степени. Какое бы правительство ни сдѣлало распоряженіе къ уничтоженію зла, у насъ умѣютъ обойти всякое распоряженіе, точно такъ, какъ умѣютъ обойти каждый законъ. Слѣдователь заботится не объ открытіи по дѣлу истины, а о соблюденіи формы и указаннаго законами порядка; поэтому взятка для него весьма-возможна. Отчего у насъ одно и то же дѣло, говоритъ помѣщикъ, сообщившій этотъ фактъ, переслѣдуется по нѣскольку разъ, и, завсѣмъ-тѣмъ, истина не открывается? потому-что основаніе всего слѣдствія есть показаніе понятыхъ, людей, несчитающихъ за грѣхъ принять ложную присягу изъ самыхъ ничтожныхъ корыстныхъ видовъ. Притомъ, въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ казенный ущербъ, не слѣдовало бы принимать показанія понятыхъ за истину, потому-что они состоятъ изъ окрестныхъ крестьянъ, главныхъ виновниковъ истребленія казеннаго лѣса. Какой же истины можно добиться отъ людей, которые обязаны изболочить собственную свою виновность?

«Слѣдствіе (оканчиваетъ свою статью помѣщикъ), какого бы рода оно ни было, не есть государственная тайна, которую тщательно слѣдуетъ скрывать. Всякое изслѣдованіе имѣетъ назначеніе — раскрыть въ дѣлѣ истину. Свѣту дайте, болѣе свѣту, и тогда правосудіе слѣдователей и судей, подвергаясь общественному, мнѣнію и контролю правительства, вступитъ въ свои права, а, вслѣдствіе того, благо государства и народа разовьется само собою.»

Къ описанному нами факту можно прибавить только сожалѣніе о томъ, что помѣщикъ, сообщившій это курьезное слѣдственное дѣло, скрылъ мѣсто дѣйствія: въ Россіи не одинъ оружейный заводъ, и публика должна догадываться и дѣлать предположенія, случилось ли это въ Тулѣ, или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Хорошо, если не-

чальство какимъ-нибудь образомъ услышитъ правдивый голосъ обличителя: ему, конечно, не будетъ надобности догадываться.

Другая статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» принадлежитъ инженерному офицеру, который, описывая состояніе тюремнаго замка въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, также весьма-тщательно скрываетъ названіе города. Такъ-какъ описываемый тюремный замокъ не составляетъ исключенія, а всѣ тюремныя замки болѣе или менѣе похожи одинъ на другой, и положеніе и содержаніе арестантовъ по болѣе части вездѣ одинаковы, то мы приведемъ нѣкоторые факты, тѣмъ болѣе заслуживающіе обсужденія, что забота объ улучшеніи участи заключенныхъ должна занимать общественное мнѣніе, если только общество не на однихъ словахъ и громкихъ фразахъ похвальноется при каждомъ удобномъ случаѣ своею гуманностію, прогрессомъ и цивилизаціею. Очевидецъ тюремнаго замка описываетъ его, основываясь на томъ только, что самъ видѣлъ собственными глазами, и оставляя въ-сторонѣ всѣ слухи, хотя, по всеобщности ихъ, даже и самыя слухи можно было бы считать также фактами.

Большая часть арестантовъ, содержащихся въ описываемомъ тюремномъ замкѣ, подвергается наказанію только по выходѣ изъ тюрьмы, при чемъ заключеніе въ тюрьмѣ не уменьшаетъ ни числа ударовъ при тѣлесномъ наказаніи, ни лѣтъ ссылки; а, между-тѣмъ, многіе изъ нихъ сидятъ въ тюрьмѣ по 3, по 5 и даже по 9 лѣтъ, такъ что тюремное заключеніе не вмѣняется имъ въ наказаніе. Каково положеніе человѣка, если онъ, по окончаніи заточенія, окажется невиновнымъ! А такіе случаи бывають сплошь-и-рядомъ.

Въ январѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ городъ пріѣхалъ одинъ оставшой офицеръ и, остановившись въ гостиницѣ, вдругъ не нашелъ у себя указа объ отставкѣ. Въ испугѣ онъ объявилъ о томъ полиціи; однакожь, на другой день указъ нашелся и былъ представленъ кому слѣдуетъ. Къ-несчастью, на этомъ указѣ были выставлены цифры 352 и 353, безъ всякой, впрочемъ, скрѣпы и надписи. Полиція рѣшила, что указъ этотъ выкраденъ изъ дѣла; офицера, несмотря на сильныя и неоднократныя протесты губернскаго прокурора и узднаго стряпчачаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ 26 дней. По справкамъ оказалось, что офицеръ правъ, и его выпустили; но каково же было просидѣть 26 дней въ грязной, сырой и душной тюрьмѣ для невиннаго человѣка! Хорошо еще, что недолго.

Другой примѣръ еще разительнѣе, и еслибы онъ не былъ лично извѣстенъ автору статьи, то его можно было бы почесть за выдумку. Въ прошломъ году, въ ноябрѣ, пріѣхалъ въ тотъ городъ государственный крестьянинъ Кузмичевъ и вздумалъ расчитать своего вольнаго ямщика по той цѣнѣ, какая платится ѣдущими на почтовыхъ. Ямщикъ зашумѣлъ, вышла ссора, и Кузмичева потребовали въ полицію. Что же онъ тамъ услышалъ? Давай 50 рублей; иначе тебѣ худо будетъ. Кузмичевъ отказалъ. Частный приставъ потребовалъ паспортъ и, получивъ его, спросилъ: дѣйствительно ли паспортъ этотъ принадлежитъ Кузмичеву? Изумленный крестьянинъ отвѣчалъ утвердительно. «Хорошо, братецъ» сказалъ частный приставъ «я на-

веду справки, а ты, покуда, какъ человекъ подозрительный, посидишь въ тюрьмѣ.» И Кузмичевъ, дѣйствительно, просидѣлъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ, послѣ чего его выпустили съ добродушнымъ напутствіемъ: «самъ виноватъ, братецъ: зачѣмъ поупрямился».

Но какъ ни гадко подобное самоуправство, какъ ни возмутительны такіа наглыя продѣлки, но онѣ шутки въ-сравненіи съ третьимъ примѣромъ, который приводитъ авторъ. Онъ самъ выслушалъ исторію одного «вѣчнаго» арестанта, который былъ виноватъ только тѣмъ, что не нашлось виновнаго. Одно слѣдствіе производилъ слѣдователь, репутація котораго по этой части была уже упрочена. Послѣ тщетныхъ усилій открыть виновнаго и спасая свою собственную репутацію, слѣдователь схватилъ перваго попавшагося, заковалъ его въ кандалы, кормилъ сельдями, послѣ чего сажалъ въ баню и наконецъ подвергалъ тѣлесному наказанію. Послѣ долгихъ пытокъ и разспросовъ, слѣдователь приказалъ обвиненному поставить кресты вмѣсто подписи — и тѣмъ покончилъ дѣло. Черезъ нѣсколько времени невинно-схваченный былъ наказанъ у эшафота и приговоренъ къ каторгѣ. Вскорѣ послѣ наказанія, пока еще пострадавшій былъ въ больницѣ, настоящій преступникъ сознался. Несчастный думалъ, что теперь, по-крайней-мѣрѣ, его освободятъ; но и тутъ, върогтно по проискамъ слѣдователя, который живъ, несмотря на просьбы родныхъ и ходатайство прокурора, его оставили въ арестантахъ, назначивъ «въ вѣчные».

Все это, конечно, можно было бы принять за мрачную исторію, совершенную въ X или XI вѣкѣ, еслибы авторъ не слышалъ самъ разсказа мнимаго преступника и не говорилъ, что достоверность этого факта подтвердить само начальство. Жаль только, что авторъ не назвалъ по имени этого слѣдователя, достойнаго той участи, которую онъ устроилъ для своей жертвы. Не-уже-ли такой отирательный негодяй и извергъ достоинъ сожалѣнія? не-уже-ли такая подлая личность не должна выставляться на позоръ?

Теперь посмотримъ, каково содержатся арестанты, между которыми, можетъ-быть, многіе сидятъ въ тюрьмѣ безвинно.

Помѣщеніе для арестантовъ крайне-сыро, грязно и вообще въ высшей степени неопратно. На каждаго арестанта простаго званія отпускается въ сутки 3 копейки серебромъ, изъ которыхъ 2½ идутъ на черный хлѣбъ, а остальные ½ копейки назначаются на мясо, капусту, горохъ, крупу, картофель, соль — однимъ словомъ, на чтó угодно. Правда, бываютъ подаванія — булками, крекелами и даже мясомъ (въ нынѣшнюю родительскую недѣлю одинъ купецъ подалъ даже 5 пудовъ говядины, къ-сожалѣнію, далеко несладкій и, какъ кажется, уже негодной въ продажу); но подаванія дѣлаются не ежедневно, большая часть подаванія идетъ на служащихъ при замкѣ, на караулъ, на служителей, старостъ, повару и палачу. Далеко, зная, что подаванія ихъ не достигаютъ по назначенію, даютъ неохотно, и наконецъ немалая часть подаваній продается старостамъ въ собственную пользу, отчего мѣсто его считается выгоднымъ. Такимъ-образомъ, арестанты питаются почти-исключительно чернымъ

хлѣбомъ и какою-то мутною похлебкою, составленную изъ муки и воды. Деньгами подавнн бываютъ очень-рѣдко, потому-что деньги эти идутъ не на улучшенн содержанн арестантовъ, а поступаютъ въ приказъ, гдѣ и приобщаются къ экономическимъ суммамъ, вѣроятно, для того, чтобъ въ годовомъ отчетѣ была показана большая сумма.

При такой пищѣ, какую получаютъ арестанты, конечно, одежда считается уже роскошью. Но, какъ ни безотрадны изложенные факты, все-таки они еще не такъ возмутительны, какъ нравственное содержанн арестантовъ.

Арестанты вовсе не раздѣлены по роду преступленн, такъ-яго, напримеръ, въ казематѣ «военныхъ», вмѣстѣ съ двумя солдатами, судимыми за отлучку изъ полка безъ билета, содержится крестьянинъ Хватовъ, судимый за двѣнадцать убийствъ; а въ казематѣ женщинъ, вмѣстѣ съ двумя, судимыми за безлицервенность, тихими и кроткими, три мегеры, бывшн до тюрьмы самими наглнми изъ площадныхъ семей. И въ послѣднемъ же казематѣ сидятъ дѣти. Нечего и говорить, какъ глубоко влияние ожесточеннаго разбойника, или женщины, дошедшей до послѣдней степени безнравственности, на тѣхъ заключенныхъ, въ которыхъ несомнѣн еще погасли искры нравственности, добра и религнн—и особенно на дѣтей. Нравственнн зараза распространяется и сробщается изумительно-быстро; духъ менѣе-испорченныхъ тотчасъ же проходитъ подъ одинъ уровень съ духомъ совершенно-испорченныхъ, и наконецъ всѣ добрыя правила безвозвратно упадаютъ въ общемъ омутѣ безстыдства, наглости и буйства. Автору самому приходилось не разъ видѣть, съ какимъ напряженнымъ вниманнмъ слушали Хватова проче заключенные, и—кто знаетъ?—можетъ-быть, они тутъ же давали себѣ слово, по выходѣ изъ тюрьмы, тотчасъ же повторить его возмутительныя продѣлки. Точно также и въ казематѣ женщинъ: три мегеры почти-исключительно владѣли общимъ вниманнмъ и занимали умы своихъ слушательницъ такими разсказами, отъ которыхъ содратилась бы съ истиннаго пути и не грубая, не необразованная женщина... Легко понять послѣ этого, какн идеи выносятся отсюда несчастныя созданн, временно попавшн въ тюрьму. Можно смѣло сказать, что подобная тюрьма есть настоящая школа цороковъ.

Наставленн въ религнн и нравственности здѣсь вовсе не дѣлаются: священникъ почти-вовсе не ходитъ къ заключеннымъ; книгъ религознаго и нравственнаго содержанн у нихъ нѣтъ ни одной; въ церковь они ходятъ разъ въ недѣлю, необязательно; проученн и проповѣдей въ церкви никогда не слышатъ. И вотъ причины тому: тюремнн священникъ, занимая должность учителя въ одной изъ городскихъ школъ и совершая частныя требы, почти-вовсе не имѣетъ времени посѣщать заключенныхъ; духовныя книги находятся въ церкви въ одномъ только экземплярѣ, и потому ихъ не даютъ заключеннымъ, боясь, чтобъ заключенные не разорвали ихъ; да и будутъ ли они читать эти книги, требующнн напряженнаго вниманн и особеннаго настроенн духа, когда подъ-бокомъ у нихъ слышатся такн соднзательныя разсказы?

Наконецъ, арестанты проводятъ все время въ праздности, разсказаняхъ, или снѣ, и только немногіе изъ нихъ, да и то не на долгое время, употребляютъ на надворныя работы; ремесль и рукодѣль здѣсь и въ поминѣ нѣтъ; объ обученіи грамотѣ и не думаютъ; на городскія работы ихъ никогда не употребляютъ. Ремесла и рукодѣля потому здѣсь не введены, какъ объясняло автору тюремное начальство, что арестантамъ опасно давать въ руки металлическія орудія. Но развѣ нѣтъ рукодѣль, не требующихъ металлическихъ орудій? совершенно-справедливо замѣчаетъ авторъ. Для пряденія, плетенія, щипанія корпии и пеньки вовсе не нужно metalloвъ. При хорошемъ присмотрѣ, не будутъ опасны даже самыя орудія; а при отсутствіи присмотра это вовсе не обезпечиваетъ арестантовъ отъ дурныхъ умысловъ. Въдъ приводитъ же самъ авторъ то обстоятельство, что арестанты имѣютъ у себя деньги, ножи, ножницы. Въ январѣ этого года у нихъ нашли подъ поломъ подкопъ, длиною въ 22, шириною и высотой въ 1½ аршина, сдѣланный обломками половыхъ досокъ; слѣдовательно, главное-то въ томъ, что бдительность надзора за арестантами весьма-неудовлетворительна.

— Мы уже хотѣли-было покончить съ такъ-называемою у насъ гласностью, какъ вдругъ нашли въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ» одну замѣтку, которая должна быть приведена непременно, тѣмъ болѣе, что здѣсь уже является полная гласность. Да и кромя-того у насъ такъ часто являются подобные случаи, что, право, уже давно была бы пора обратить на нихъ серьезное вниманіе и устранить возможность подобныхъ явленій. Мы предоставимъ разсказать все сполна самому г. Энгельгардту, помѣщику Дорогобужскаго Уѣзда Смоленской Губерніи, близко заинтересованному въ этомъ дѣлѣ.

«Въ прибавленіи къ одному изъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей», кажется, за ноябрь или декабрь 1858 года, напечатано объявленіе отъ конкурснаго управленія по дѣламъ несостоятельной золотопромышленной компаніи г. Горохова, въ томъ смыслѣ, что несостоятельность компаніи признана несчастною, а не злонамѣренною. Имѣя дѣло съ тою компаніею, я считаю себя обязаннымъ разъяснить дѣйствія ея и конкурса, и пусть справедливый судъ публики рѣшитъ, къ какому разряду ее слѣдуетъ отнести. Кредиторовъ было 253 человекъ, а сумма долга болѣе 4,000,000 рублей.

«Компанія эта состояла изъ четырехъ членовъ: коллежскаго совѣтника Горохова, полковника Атопова и двухъ братьевъ почетныхъ гражданъ купцовъ первой гильдіи Филимоновыхъ. Компанія завала у жены моей деньги и въ разные сроки выслала два векселя: одинъ въ 5,000 р. за подписью коллежскаго совѣтника Горохова, другой въ 5,750 р., подписанный компаньйономъ же, купцомъ Филимоновымъ. По полученіи послѣдняго, я обратился съ просьбою о пережѣнѣ векселей на заемное письмо; но г. Аполлонъ Филимоновъ письменно за вѣрилъ меня въ правѣ компаньйоновъ выдавать векселя и въ законности ихъ, съ прибавленіемъ, что честное слово имъ дороже всякой бумаги. Письмо это сохранено и нынѣ находится у довѣрителя жены

моей, корпуса горныхъ инженеро́въ полковника Айдарова. Вскорѣ послѣ того компанія сдѣлалась несостоятельною: жена моя представила векселя ко взысканію и чрезъ довѣрителя своего получила увѣдомленіе, что векселя признаны и вошли въ законную силу. По дѣламъ же, касающимся компаніи, къ женѣ моей относились, какъ къ кредитору, что и продолжалось около 10 лѣтъ. Прински были благонадежны, дѣла шли хорошо, и время пришло къ расплатѣ; но довѣритель жены моей нынѣ получилъ формальное увѣдомленіе изъ конкурса, что векселя, выданные компаніею, незаконны, что жена моя не имѣла права принимать ихъ, и что ей предоставляется право взыскать съ маклера, который засвидѣтельствовалъ незаконныя обязательства. А изъ этого ясно, что компаньоны выдавали незаконныя обязательства и, по просьбѣ о перемѣнѣ векселей, не стѣснялись завѣрять письменно въ своемъ правѣ выдавать таковыя. Притомъ, должно присовокупить, что я лично знаю всѣхъ компаньоновъ, и имъ не безызвѣстно, что, съ лишеніемъ суммы, имъ ввѣренной, семейство мое лишается послѣдняго средства къ существованію, потому-что хотя мы и имѣли 22 души въ Смоленской Губерніи, но маленькое это имѣніе обезпечиваетъ частный долгъ въ 8,000 рублей, сдѣланный по неполученіи процентовъ отъ компаніи.

«Г. же Гороховъ поживаетъ, кажется, недурно: сужу по письму, помѣщенному въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» въ мартѣ прошлаго года, въ которомъ описывается концертъ, данный въ его домѣ: великолѣпное убранство комнатъ, кажется, даетъ право заключить о его безбѣдности. Замѣчательна также и уплата кредиторамъ: она раздѣлена на два разряда: первый получить всю сумму, второй — 25 коп. вмѣсто рубля. Любопытно бы узнать лица перваго разряда.

«Для меня теперь осталось одно только: дать этому дѣлу гласность, потому-что хотя подпись моего имени и мѣста жительства ручаются за справедливость всего вышеизложеннаго, но вести дѣло съ низшей инстанціи у меня нѣтъ средствъ, а хлопотать для потомства я не рѣшаюсь. У насъ извѣстно, какъ скоро дѣлаются дѣла: я испыталъ это на себѣ и въ доказательство разкажу не сказку, а быль.

«Въ 1848 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ одинъ изъ земскихъ судовъ высланы были отъ вѣдомства и мѣста, гдѣ я служилъ, причитавшіяся мнѣ по отставкѣ деньги, которыя въ помянутомъ судѣ были получены и промотаны секретаремъ, а самъ онъ умеръ, члены же здравствуютъ, и вотъ 11 лѣтъ, какъ я на всякую докладную записку къ начальнику губерніи получаю увѣдомленіе: «объ этомъ дѣлѣ производится слѣдствіе». Срока девятилѣтія я не пропустилъ, остается девять лѣтъ сроку по исхожденію по дѣламъ; постарансь и его не пропустить; отвѣтъ же, который получу, не премину вамъ сообщить, ежели буду живъ.»

Не называя поступка г. Горохова и членовъ компаніи надлежащимъ именемъ только потому, что для людей, недорожащихъ своею честію и готовыхъ на такія дѣла, это рѣшительно ничего не значить, мы желаемъ только, чтобъ избранное г. Энгельгардтомъ средство достигло своей цѣли, хотя на столько же, на сколько до-

стигла того письмо, напечатанное Русскими въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу вопиющей неисправности одной театральной конторы, нецеремонно отказывавшей по нѣсколькимъ мѣсяцевъ въ условленномъ жалованьи артистамъ театра. «Впечатлѣніе» говоритъ теперь другой Русскій «произведенное статью на одну театральную контору, была громадное. Вы знаете, какъ мало у насъ привычки къ свободному печатному слову и какъ лично принимается оно. Какъ обо мнѣ напечатали, не спросивъ моего позволенія! восклицаютъ иногда обличенные, какъ-будто они согласились бы напечатать о себѣ что-нибудь, кромѣ грубой лести, или казеннаго респорта о какомъ-нибудь благополучии вѣренной или части. Дѣло въ томъ, что, вслѣдствіе ли статьи, или независимо отъ нея, артисты того театра, о которомъ было сказано, *отчасти* удовлетворены. Тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ контракты съ конторою, должны, по условно, получить жалованье за два мѣсяца, и оно имъ выдано; другіе же, необязанные контрактами, получаютъ жалованье помесячно, и оно выдано имъ теперь за одинъ мѣсяць вмѣсто трехъ... «Къ-сжальницѣ, я долженъ упомянуть еще о другомъ обстоятельствѣ, которое было упущено изъ виду въ статьѣ моего однофамильца: всѣ перные артисты получаютъ, кромѣ годоваго жалованья, особую *перспективную* плату, которая, по самому смыслу слова, должна выдаваться за каждый спектакль, а она уже не выдается цѣлые два мѣсяца... «Еще одно, по моему мнѣнію, существенное замѣчаніе» говоритъ въ заключеніе авторъ статьи: «въ нашемъ обществѣ, такъ мало привыкаемъ къ свободному слову и выростившемъ, подъ снѣго безжелезья и officialнаго благополучія, нѣкоторыя глубокія извы, еще не выведена предразсудокъ, по которому уступить влиянію печатнаго слова считается какъ-бы униженіемъ для высокой мудрости инаго администратора. Пора наконецъ понять, что такая мудрость, далеко не мудрость, а напыщенное самообожаніе, ведущее къ забвенію самыхъ прямыхъ гражданскихъ обязанностей, къ самому безобразному, истинно-восточному административному безпорядку... Безгласность можетъ быть выгодна только для отдѣльныхъ лицъ, ставящихъ свои личные интересы и соображенія выше общаго гражданскаго и нравственнаго закона. Слово такой же дѣръ божій, какъ и хлѣбъ насущный: безъ него не обойдтисъ благополучно никакому человѣческому обществу.»

Аварская экспедиція.—Военныя дѣйствія на Кавказѣ означались въ теченіе вѣдущаго лѣта блестящею и въ то же время весьма-обильною по своимъ результатамъ экспедиціею въ Аварію. Сообщая нашимъ читателямъ при каждомъ удобномъ случаѣ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на Кавказѣ, заслуживающихъ вниманія, знакоми въ то же время съ характеромъ самыхъ мѣстъ дѣйствія, которые такъ разнообразны на Кавказѣ, мы и на этотъ разъ, для лучшаго ознакомленія съ театромъ недавнихъ событій, и для того, чтобы читатель самъ могъ видѣть всю важность послѣдней экспедиціи, скажемъ нѣсколько словъ объ Аваріи, которая до-сихъ-поръ уже съ дѣлаго вредни была недоступна для русскихъ.

Аварія граничитъ къ востоку и частию къ сѣверу съ койсубулинскимъ обществомъ, съ запада и юга окружена медкими обществами Нагорнаго Дагестанта. Она заключаетъ въ себѣ 50 селеній, въ которыхъ до 4,262 дворовъ, съ 17,000 душъ обоего пола (приблизительно). Главнѣйшій пунктъ Аваріи—Хунзахъ (300 дворовъ).

По смерти послѣдняго аварскаго хана, Нуцала, остался наследникомъ малолѣтнѣйшій сынъ его, султанъ Ахметъ—ханъ, рожденный въ 1835 году и воспитываемый бабкою его въ шамхальскомъ селеніи Дургали; до совершеннолѣтія его, Аварія, занятая русскими войсками въ 1837 году, была поручена управленію Ахметъ—хана Мехтудиноваго, на прежнихъ ханскихъ правахъ. Аварскій ханъ былъ владѣтелемъ неограниченнаго: всѣ дѣла, кромѣ маловажныхъ, рѣшались имъ по его усмотрѣнію; ханомъ же назначались и смѣнялись старшины деревень. Но Ахметъ—ханъ, согласно видамъ русскаго правительства, значительно смягчилъ прежнее жестокое управленіе.

Починностей, въ отношеніи русскаго правительства, Аварія, по своему особому положенію, не отбывала, за исключеніемъ доставки, за определенную плату, дровъ для хунзахскаго гарнизона. Но многія деревни, въ прежнее время, платили своимъ ханамъ подать баранами, хлѣбомъ, ачменемъ и другими продуктами, а также дровами для своего двора.

Обыденная жизнь аварцевъ, какъ и горцевъ вообще, въ высшей степени однообразна. Большую часть дня они проводятъ въ совершенномъ бездѣйствіи: снявъ поджавши ноги, или развалившись на урядѣ, курятъ трубки (*), или стрѣгаютъ палочки—любимѣйшее ихъ занятіе; между-тѣмъ, жены ихъ носятъ воду, дрова, сѣно, чистятъ лошадей, занимаются въ саду, или огородѣ, готовятъ кушанья. Вообще, положеніе женщины въ горахъ крайне-возмутительно: она тамъ занимается работой скотъ и въ хозяйственной іерархіи ставовится нѣсколькими ступенями ниже лошади; посреди постояннаго труда, она скоро блекнетъ, огорбливается отъ тяжелыхъ ношъ, и тогда для нея наступаетъ еще худшая пора жизни, потому-что горцы не уважаютъ старухъ, какъ ни къ чему негодныхъ.

Оставаясь по цѣлымъ днямъ въ бездѣйствіи, горцы съ необыкновенною жадностью принимаютъ всякое извѣстіе и съ удовольствіемъ пускаются въ длинныя разсужденія; полтина составляетъ любимѣйшій предметъ ихъ разговоръ. Они охотно путешествуютъ, иногда безъ всякой надобности. Умственные способности ихъ очень развиты: они наблюдательны, хитры, терпеливы; умѣютъ узнавать людей по первому взгляду, по какому-нибудь ничтожному слову; честны и въ высшей степени религіозны (**). Они ненавидятъ насъ или, по крайней-мѣрѣ, мало сочувствуютъ намъ; но измѣнить намъ, когда

(*) Иной куритъ табакъ, у невольничьихъ Шамхалю, считается преступленіемъ, какъ дѣло, противное шаріату.

(**) Въ недавнее время, вѣкомъ въ дѣтствѣ, дрова и въ походѣ, въ казѣтнѣйшій часъ, горцы тащутъ наездъ, и междурѣчье поповедіе его считается стыдомъ.

они дерутся въ нашихъ рядахъ, считается дѣломъ безчестнымъ, и нерѣдко бывало, что братья, встрѣчаясь на полѣ битвы, дрались, какъ враги. Помнить хлѣбъ—соль и ласковое обхожденіе, а если иногда поступки ихъ доказываютъ прогивное, то въ этомъ виноваты ихъ предводители, которые фанатизмомъ стараются заглушить эти добрыя качества.

Въ снѣ и пищѣ горцы крайне—умѣренны. Кусокъ чурека (хлѣбъ въ видѣ лепешки), намазанный бараньимъ саломъ, достаточенъ имъ на весь день; несмотря на это, они крѣпки и неутомимы: худо-одѣтый, босой, въ грязи, безъ теплой пищи и водки, дагестанецъ не знаетъ усталости и болѣзней. Къ водкѣ они скоро пристращаются, такъ же, какъ и къ деньгамъ, изъ которыхъ преимущественно предпочитаютъ новенькія серебряныя; золото, по рѣдкости своей, мало въ горахъ цѣнится.

Несмотря на неоприятность въ одеждѣ, дагестанцы содержатъ сакли свои въ большой чистотѣ, обмазываютъ ихъ глиною и тщательно выбѣливаютъ. Дома ихъ красивы и удобны, сложены изъ камня въ два этажа, имѣютъ балконъ съ навѣсомъ и плоскую земляную крышу; въ нижнемъ этажѣ помѣщаются лошади и домашній скотъ; верхній назначается для жилья. Нѣкоторыя сакли, обнесенныя стѣнами съ бойницами и башнями, совершенно походятъ на замки. Селенія обыкновенно располагаются въ ущельяхъ, на уступахъ горъ, приныкая къ скалѣ, или окружаясь съ двухъ—трехъ сторонъ обрывами, выстроены амфитеатромъ, такъ—что сакли фланкируютъ одна другую и верхніе ярусы обстрѣливаютъ нижніе; дома раздѣлены улицами, кривыми и узкими до такой степени, что едва двое конныхъ могутъ развѣхаться; сверхъ—того, нѣкоторыя сакли помѣщаются нарочно поперегъ улицы, и въ нихъ оставляются только ворота для проѣзда. Овражные дагестанскимъ ауломъ — всегда дѣло трудное и стоящее большихъ потерь.

Земледѣіе въ горахъ находится въ довольно—плохомъ состояніи, по неизвѣнью къ тому удобныхъ мѣстъ; вообще, почва земли включаетъ въ себѣ мало растительныхъ веществъ, состоя преимущественно изъ песчаныхъ и известковыхъ частицъ. Для хлѣбошашества, лезгины обрабатываютъ покатоности горъ террасами, тщательно ихъ унавоживаютъ и потомъ уже сѣютъ—работа трудная и крайне—неблагодарная. Почти подъ каждымъ ауломъ имѣются сады и огороды, разведеніе которыхъ тоже стоило огромныхъ усилій. Вообще, все, что только можетъ принести какой—нибудь плодъ, все въ горахъ занято, обработано, засѣяно; покатоности горъ, уступы, небольшія площадки, курганчики, возвышающіеся на днѣ ущелья — однимъ словомъ, все то, гдѣ только могла проявиться дѣятельность человѣка, все болѣе или менѣе приспособлено къ удовлетворенію первѣйшихъ жизненныхъ потребностей. Слѣмый скотъ горцевъ привыкъ къ скудной пищѣ, собирая ее по уступамъ скалъ и подъ каменьями. Бараны составляютъ все ихъ богатство, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ корвь хороша, ихъ много и они очень—вкусны; рогатый скотъ и лошади малорослы, поджары, но крѣпки, въ—особенности послѣднія, которыя иногда, въ по-

роткое время, совершаютъ огромные переходы, не чувствуя особой усталости и довольствуясь чѣмъ Богъ послалъ.

Военныя способности лезгинъ далеко превосходятъ способности ихъ сосѣдей чеченцевъ; всѣ извѣстные предводители — Кази-мулла, Гамзатъ-бекъ, Сурхай (отличившійся при защитѣ Ахульго, гдѣ и былъ убитъ), Али-бекъ, Ахверды-Магома, Хаджи-Муратъ и самъ Шамиль — лезгины. Всѣ важнѣйшія предпріятія начинались и совершались въ Дагеставѣ.

При атакахъ, лезгины не столь быстры и дерзки, какъ чеченцы, но за-то превосходятъ ихъ стойкостью и, въ крайнихъ случаяхъ, рѣшимостью; при защитѣ селенія, они постоянно страшны, и если ужъ разъ рѣшились держаться, то каждый домъ оспариваютъ до послѣдней крайности. Чеченцы болѣе-способны къ удалимъ набѣгамъ; но война лезгинъ всегда положительна и сопровождается важными цѣлями завоеванія. При вторженіяхъ въ мѣста ихъ жительства, они смѣло встрѣчаютъ въ крѣпкихъ позиціяхъ, усиленныхъ завалами, башнями, канавами съ навѣсомъ (блиндажемъ) для защиты отъ гранатъ; занимаютъ пещеры, овраги, переправы черезъ рѣки и дерутся съ удивительною рѣшимостью. На позиціяхъ же неурѣпкихъ, или удобообходимыхъ почти вовсе не дерутся; на обозы наши и партіи фуражировъ рѣдко нападаютъ.

Лезгинскія скопища состоятъ изъ пѣшихъ и конныхъ; какъ тѣ, такъ и другія дѣлятся на десятки, сотни и т. д. до тысячи; каждая часть имѣетъ свой значокъ. Какъ-только настанетъ время сбора, пѣшіе и конные собираются на сборный пунктъ поодиночкѣ: тамъ они формируются въ части и уже въ порядкѣ слѣдуютъ на театръ дѣйствій; прибывъ туда, они располагаются на открытомъ воздухѣ, если время теплое, въ противномъ же случаѣ размѣщаются по ближайшимъ селеніямъ.

Всѣ военныя передвиженія горцы, даже пѣшіе, совершаютъ быстро, дѣлая переходы въ 40, 50 и даже до 70 верстъ въ сутки.

Съ 1837 года, какъ уже сказано, мы приступили къ занятію Аваріи, упроченіе которой за нами обѣщало большіе результаты. Изъ Аваріи, кратчайшимъ путемъ, можно было устремиться въ то, или другое лезгинское общество, смотря по тому, гдѣ бы обнаружились безпорядки, и тотчасъ же подавить ихъ. Но, къ сожалѣнію, скудность средства страны и трудность сообщенія съ Темир-Хан-Шурою не позволяли держать тамъ достаточныхъ для этого силъ, и мы принуждены были ограничиться только занятіемъ нѣкоторыхъ пунктовъ самыми незначительными укрѣпленіями. Впослѣдствіи содержаніе гарнизоновъ въ Аваріи сдѣлалось для насъ большою обузою и повело къ дурнымъ результатамъ.

Въ началѣ 1843 года въ Аваріи находилось вообще одиннадцать оборонительныхъ построекъ, на занятіе которыхъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ въ селеніяхъ, выходило до 20 ротъ; но гарнизоны эти, разбросанные на значительномъ пространствѣ, неимѣющіе между собою никакой связи, мало обезпечивали край и рѣшительно не имѣли вліянія ни на народъ, ни на непріятеля. Самыя укрѣпленія суще-

существовала только по имени; на символы дѣлѣ они скорее походили на загоны (кутаны), выстраиваемые обыкновенно туземцами на равнине время для барановъ. Обыкновенно, большая часть аварскихъ укрѣпленій обезпечивалась однимъ валомъ изъ наскоро сложенныхъ камней, который вовсе не прикрывалъ гарнизона отъ ружейнаго огня съ вѣрстныхъ высотъ и рѣшительно не могъ протянуться дѣйствию артиллеріи даже самаго малаго калибра. Въ Вырлахъ люди большую часть года болѣли отъ дурнаго климата, отъ рѣзкихъ измѣненій температуры воздуха; почти всегда терпѣли недостатокъ въ водѣ, которая была далеко, и, въ случаѣ блокады, укрѣпленіе легко могло лишиться ея совсѣмъ. Самыя помѣщенія для гарнизона были сыры, грязны, тѣсны и еще болѣе способствовали развитію болѣзненности; а недостатокъ въ дровахъ не позволялъ ихъ отапливать надлежащимъ образомъ. Въ Цатаняхъ и Гоцатѣ не было никакихъ укрѣпленій, хотя они и считались по бумагамъ; въ первомъ изъ нихъ гарнизонъ помѣщался въ сакляхъ, а въ Гоцатѣ занималъ большой домъ, принадлежавшій тамошнему жителю. Въ Уицукулѣ одинъ фасъ укрѣпленія, возведенный на непрочномъ грунтѣ, безиррегулярно осыпался. Ахальчипское укрѣпленіе осталось неоконченнымъ. Въ Хузахъ было сложено укрѣпленіе изъ камня безъ рва и почти не обезпечивалось отъ нечаяннаго нападенія, потому что высота стѣны позволяла безъ лѣстницъ входить на батареи. Вода была далеко и, въ случаѣ блокады, легко могла быть отведена; внутри укрѣпленія былъ устроенъ резервуаръ, но живое отъ вымерзала. Голая скала, не позволявшая даже вырыть ровъ, рѣшительно препятствовала разведенію огородовъ, и хузахскій гарнизонъ былъ лишенъ возможности имѣть капусту, которая была необходима для предохраненія солдатъ отъ цынги; наконецъ, старіи ханскій дворецъ, обращенный въ казарму, служилъ единственнымъ помѣщеніемъ для гарнизона и лазарета.

Къ довершенію всего, административная часть края была въ самомъ жалкомъ состояніи. Командующій войсками въ Северномъ и Горномъ Дагестанѣ не имѣлъ при себѣ правильно-организованнаго штаба: отъ этого являлись запутанность въ перепискѣ и неизбежныя оттого злоупотребленія. Военныя дѣйствія, управленіе казармъ, снабженіе войскъ провіантомъ и боевыми запасами, необходимость сдѣлать на покорнымъ намъ населеніемъ — все это требовало болѣе чѣмъ отчетливости, огромной переписки; а вести ихъ было никому. Недутность въ дѣлахъ и униженія превосходили всякое вѣроятіе.

Крайне-тягостно было и положеніе покорныхъ намъ жителей Дагестана. Обременяемые нашими требованіями, они роптали на насъ и охотно передавались неприятелю, при первой къ тому возможности.

Напримѣръ, доставка дровъ въ аварскія укрѣпленія лежала преимущественно на койсубулинцахъ и аварцахъ, которые за 30 и до 40 верстѣ должны были идти въ лѣсъ и, набравъ тамъ съ трудомъ скудный запасъ вьюкъ хвороста, привозили его въ укрѣпленія, получая по 20 коп. сер. за каждый вьюкъ. Нарядно женщины, по недостатку экипажовъ, на своихъ плечкахъ привозили хворостъ и въ

видъ состраданія получали тоже по 20 к. каждая. Когда же все почти Койсубу и Большая часть аварцевъ отложились; укрѣпленія наши терпѣвали крайній недостатокъ въ дровахъ, и нерѣдко солдаты не имѣли возможности даже сварить себѣ пищу.

Перевозка провіанта была не менѣе обременительна для жителей. По положенію, слѣдовало за доставку четверти изъ Темир-Хан-Шуры въ Хунзахъ 82 к. сер., считая за каждую версту по копейкѣ серебромъ съ четверти (*). Но какъ операція эта, то-есть нагрукка, разгрузка провіанта и движеніе туда и обратно, поглощала не менѣе 8 дней, слѣдовательно на каждую лошадь приходилось всего по 16 к. сер. въ сутки—цѣна, рѣшительно невозможная труда. Или, въ послѣдствіи, давали за доставку отъ Темир-Хан-Шуры до Хунзаха по двѣ копейки съ четверти на версту и накладывая по три четверти на арбу, запряженную парюю воловь; такимъ-образомъ, аработникъ, за поѣздку свою въ Хунзахъ и обратно, получалъ всего 4 р. 80 к. сер. или по 60 к. въ сутки на пару воловъ. Между-тѣмъ, какъ, при вольномъ наймѣ отъ Шуры до Хунзаха, за арбу брали не менѣе 35 р. сер.; получивъ же только 4 р. 80 к., можно судить, какимъ притѣсненіемъ считали жители транспортировку провіанта въ Хунзахъ.

Преимущественно эта повинность падала на шамхальцевъ. Въ 1840 году они выставили до 20,000 арбъ, изъ нихъ бесплатно 16,000; въ 1841 году до 40,000, изъ нихъ наполовину бесплатно.

Въ двадцатыхъ годахъ настоящаго вѣка появляются въ Дагестанѣ первые слѣды религіознаго волненія — мюридизма. Объ немъ мы не будемъ говорить, потому-что какъ о самомъ мюридизмѣ, такъ и о первыхъ мюридахъ говорили уже однажды съ достаточною подробностью. Скажемъ только, что къ концу 1829 года въ глубинѣ Дагестана незамѣтно скоплялись горючіе матеріалы, грозившіе страшнымъ потрясеніемъ. Въ это время Кази-мулла повиновались Койсубу, Гумбетъ, Андія и другія мелкія общества по Андійской и Аварской Койсу; половина шамхальства и всѣ почти аварскія селенія, за исключеніемъ Хунзаха, были на его сторонѣ; въ Андалалѣ и Чечнѣ дѣйствовали его эмиссары. Въ случаѣ нужды, Кази-мулла могъ вывести до 15,000 пѣхоты и конницы, готовой на все по его мановенію.

По смерти Гамзат-бека, преемника Кази-муллы, Шамиль, съ 200 преданными мюридами, бросился въ селеніе Новый-Гоцатль и, захвативъ бывшую тамъ казну покойнаго имама, объявилъ себя его преемникомъ. Содержащійся въ Новомъ-Гоцатлѣ, малолѣтній Булазъ-ханъ тоже не былъ забытъ Шамилемъ: онъ приказалъ его сбросить со скалы въ глубокую пропасть Койсу.

Эти два рѣшительные поступка, то-есть овладѣніе сокровищами Гамзат-бека, о которыхъ между горцами ходили преувеличенные

(*) Перевозка эта была вѣчная, и на каждую лошадь навѣшивали по четверти; что было довольно-тяжелю и на рѣшительнѣе мнѣніе, а не только на такую дорогу, какою была изъ Темир-Хан-Шуры въ Хунзахъ.

слухи, и убіеніе послѣдняго представителя аварскихъ хановъ, вознѣмили свое дѣйствіе: Шамиль безпрекословно былъ признанъ внамомъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ, который причинилъ такъ много безпокойствъ для русскаго правительства и который надняхъ только окончилъ свое поприще.

Шамиль (Шамуиль или Самуиль) родился въ Гимрахъ въ 1799 году (приблизительно) отъ бѣднаго пастуха по имени Динкау. Не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, Динкау заставлялъ маленькаго Шамиля продавать карагу (визшій сортъ персиковъ), и малютка, нерѣдко усталый, бродилъ изъ селенія въ селеніе съ тяжелой ношей на плечахъ. Въ свободное же время отъ этихъ занятій онъ ходилъ учиться къ муллѣ, который толковалъ ему первоначальныя основанія религіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставлялъ затверживать наизусть наиболѣе-употребительныя изрѣченія корана, какъ это вообще дѣлается. Однимъ словомъ, воспитаніе Шамиля, общее всѣмъ горскимъ мальчикамъ, не отличалось вначалѣ ни тщательностью, ни особымъ приготовленіемъ; но, будучи одаренъ отъ природы блестящими способностями и рѣдкою силою воли, онъ скоро вышелъ изъ ряда людей обыкновенныхъ. Появленіе Кази-муллы открыло ему новый путь: онъ не замедлилъ къ нему пристать и вскорѣ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ его учениковъ. Сближеніе съ подобнымъ человѣкомъ не пропало даромъ для Шамиля, и подъ его руководствомъ онъ научился распознавать и обстоятельства, и людей. Постоянно наблюдательный, постоянно сосредоточенный въ самомъ-себѣ, Шамиль все видѣлъ и изъ всего извлекалъ полезныя уроки, такъ-что, когда ему пришлось дѣйствовать самостоятельно, никто лучше его не зналъ ни положенія дѣлъ, ни силы препятствій, ни средствъ, которыми можно было одолѣть ихъ.

Не столь религіозный, какъ Кази-мулла, не столь опрометчивый, какъ Гамзат-бекъ, Шамиль превосходилъ обоихъ умомъ, настойчивостью и, главное, умѣньемъ все дѣлать кстати, то-есть качествомъ, составляющимъ непремѣнную принадлежность истинно-практическаго человѣка. Подобно многимъ, онъ обвинялъ Кази-муллу за его излишнюю торопливость, доказывая весьма-основательно, что прежде всего надо было упрочить за собою горы, то-есть побѣдить Аварію. Но Кази-мулла его не слушалъ, и между ними возникли неудовольствія, воспрепятствовавшія Шамилю участвовать въ дѣйствіяхъ на плоскости. Когда же Кази-мулла возвращался изъ-подъ Дербента, Шамиль, неосмѣливавшійся долѣе противиться общественному мнѣнію, принужденъ былъ выѣхать къ нему навстрѣчу съ покорностію. Тогда одинъ изъ свиты Кази-муллы, нѣкто Дацій, чиркеевскій житель, увидя приближавшагося Шамиля, воскликнулъ: «такъ вотъ тотъ самый Шамиль, который дерзаетъ противиться святому человѣку!» и потомъ, обратясь къ Кази-муллѣ, прибавилъ: «Дозволь мнѣ, и я однимъ замахомъ пашки снесу ему голову». Но Кази-мулла, схвативъ за руку пылаго мюрида, сказалъ: «Оставь его, почтенный Дацій; онъ молодой еще и современемъ, надѣюсь, остепенится и будетъ мнѣ послушенъ,

а способности его подають большія надежды.» Такимъ-образомъ, великодушный Кази-мулла отклонилъ ударъ, который впоследствии отъ многихъ бы хлопотъ избавилъ Кавказъ.

При Гамзат-бекѣ, Шамиль занялъ еще болѣе-видное мѣсто и былъ однимъ изъ первыхъ, настаивавшихъ на движеніе къ Хунзаку, которымъ Гамзатъ все еще медлилъ. Когда же войска послѣдняго обложили столицу Аваріи, Шамиль подалъ совѣтъ заманить несчастныхъ хановъ въ лагерь и истребить ихъ. Гамзатъ согласился, но едва увидѣлъ Нуцал-хана и братьевъ его у себя въ палаткѣ, врожденная доброта сердца и остатокъ прежняго уваженія не дозволили ему поднять руку на высокихъ гостей, столь довѣрчиво положившихся на него. Отъ Шамиля не ускользнула эта, весьма-естественная, нерѣзительность, и, приблизившись къ Гамзату, онъ шепнулъ ему на ухо: «Гамзатъ, куй желѣзо, пока горячо; иначе будешь раскаиваться въ своей слабости!» Слова эти, раскрывъ всю дѣйствительность опасности, подавили минутное колебаніе, и убійство началось.

Между-тѣмъ, Шамиль неуспынно трудился надъ распространеніемъ своего вліянія въ горахъ, и Аварія по-прежнему очутилась окруженною со всѣхъ сторонъ врагами, хотя еще ничѣмъ необнаруживавшими своихъ намѣреній. Чтобъ предупредить грозившую опасность, Ахмет-ханъ предложилъ занять Хунзахъ войсками, опираясь на которыхъ, жители могли бы отстояться, въ случаѣ покушенія противъ нихъ Шамиля. Но какъ ни полезна была эта мѣра, ее надо было исполнить съ величайшею осторожностью; иначе, недоброжелательные люди легко могли перетолковать прибытіе русскихъ въ Аварію и произвестъ въ народѣ волненіе. Въ избѣжаніе этого, Ахмет-ханъ послалъ къ генералу Фезе, командовавшему тогда войсками въ Сѣверномъ Дагестанѣ, секретное письмо, гдѣ, объяснивъ ему всѣ побудительныя къ тому причины, просилъ, чтобъ онъ первый сдѣлалъ предложеніе аварцамъ о занятіи войсками Хунзаха.

Помогааясь вполнѣ на совѣтъ Ахмет-хана, генералъ Фезе отправилъ въ Аварію прокламаціи съ дружественными предложеніями помощи; въ письмѣ же къ правителю онъ говорилъ, что, въ случаѣ согласія народа на его предложеніе, онъ не замедлитъ прибыть туда съ войсками. Какъ-только все это получилось въ Хунзахѣ, Ахмет-ханъ приказалъ повѣстить, чтобы старшины и почетные люди отъ всѣхъ аварскихъ деревень собрались на совѣщаніе, имѣющее быть на рѣкѣ Тоботъ, въ 5-ти верстахъ отъ Хунзаха. На другой день, къ назначенному мѣсту, прибыли жители. Ахмет-ханъ, прочитавъ прокламацію и письмо г. Фезе, обратился къ народу съ рѣчью: «Я прочелъ писанное къ вамъ и ко мнѣ русскимъ генераломъ, съ-тѣмъ, чтобъ вы не подумали, будто-бы все это устраивается по моему желанію. Теперь я прошу васъ обсудить хорошенько этотъ важный вопросъ и сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе. При этомъ прибавлю одно: я бы не желалъ, чтобъ русскіе явились сюда. Аварцы достаточно-храбры и сильны, чтобы защищать себя противъ кого бы то ни было. Подумайте и скажите мнѣ ваше окончательное рѣшеніе; а я, чтобъ не мѣшать вамъ, уѣду.» Начались разныя пренія, и на-

коонецъ старшина селенія Ахальчи, Гуссейнъ-Юсуфъ-Оглы, дѣлалъ знакъ народу умолкнуть. «Аварцы!» восклицаетъ онъ «вместо того, чтобъ эти собаки-мюриды грабили и разорали насъ, не лучше ли будетъ, если вьдѣтся сюда русскіе? Они не вьымутъ нашихъ домовъ, не отымутъ послѣдняго куска хлѣба; они храбры, щедры и вьсколотъ еще не погнушались имѣть дѣло съ простыми бѣдняками; какъ вы, Зачьмъ и для кого мы будемъ имъ избывать? Не лучше ли вьдѣсть съ ними въ самое тѣсное союзы? Мы будемъ богаты, спокойны, и тогда пусть кто-нибудь попытается насъ обидѣть! Еще разъ повторю вамъ: намъ необходимы русскіе.» Эта краткая рѣчь Гуссейна возымѣла полный успѣхъ.

«Пусть приходятъ русскіе, наши братья!» крикнулъ народъ и толпами повалилъ къ Хунзаху:

Такимъ образомъ, было рѣшено занятіе Аваріи.

Но блистательная экспедиція 1837 года, обезначивъ шокъ Аваріи, вовсе не положила конца ни влѣянію, ни власти Шамила.

Наступилъ 1839 годъ, а дѣла по-прежнему оставались въ нерѣшительномъ положеніи. Пребываніе Шамила въ Новомъ-Ахульго, между землями койсубулинцевъ и гумбетовцевъ, въ обществѣ съ Андіей и Аваріей, могло имѣть весьма-вредныя послѣдствія, еслибы ему снова удалось поднять эти воинственные племена Дагестана; съ другой стороны, жители Самура продолжали вьноваться и своими разбоями тревожили нивнѣшніе Шемаханскій и Нухинскій Уѣды. Предположено было: съ весны открыть въ Дагестанѣ наступательныя дѣйствія разомъ двумя отрядами: одинъ изъ нихъ предназначался для усмиренія лезгинскаго населенія по Самуру, другой собственно для дѣйствій противъ Шамила.

29-го августа Ахульго было въ нашей власти, и самъ Шамиль былъ успѣхъ избѣгнуть плѣна; но малолѣтній сынъ его, Джамалъ-Фадилъ, выданный вслѣдствіе предшествовавшихъ окончательному протесту переговоровъ, остался у насъ вьзложникомъ и былъ отправленъ въ 1-й кадетскій корпусъ.

Съ паденіемъ Ахульго, для Шамила не было возможности оставаться въ Дагестанѣ: гумбетовцы, только-что испытавъ значительный потерю и опасаясь новаго появленія русскіхъ отрядовъ, рѣшительно отказались отъ него; андіицы и койсубулинцы старались избѣжать его; Аварія была въ нашихъ рукахъ. Лучшіе вьдвигнуты Шамила, Сурхай, Али-бекъ; Али-Чула-Магомъ, вьзвестъ съ тысячами храбрѣйшихъ, погибли въ Ахульго. Нѣтъ сомнѣнія, что роль наша, вьтѣмъ можетъ, этимъ бы и кончилась, еслибы особня обстоятельствомъ не помогли ему.

Зимой съ 1839 на 1840 годъ Чечня, только-что предъ этимъ усмиренная, снова вьзбунтовалась, и причиною въ тому послужила попытка кавказскаго начальства обезоружить ее. Предполагалось, чтобъ чеченцы уплачивали свои подати не деньгами, которыхъ они вовсе не имѣли, а оружіемъ—мысль во вьсѣхъ отношеніяхъ вьвредная, но, къ сожалѣнію, рановременная. Намъ бы, въ то время, не только эти блѣдныя вьвѣрнія начальства были, но и вьсѣ вьдѣшныя вь

чеченцы: имъ казалось, что русскіе лишаютъ ихъ оружія съ цѣлю удобнѣе истребить, и поэтому все явленіе рѣшилось лучше погибнуть, чѣмъ доволить себя перерѣзать, какъ барановъ. Къ-тому же, разныя злоупотребленія, неизбѣжныя при введеніи новаго порядка, немало содѣйствовали усилению всеобщаго негодованія.

Благопріятіе и извѣданіе ничего не могло быть для Шамиля, при тогдашнихъ обстоятельствахъ. При первомъ извѣстіи о безпорядкахъ въ Чечнѣ, онъ отправилъ туда искусныхъ и преданныхъ ему людей, чтобы начинавшееся тамъ волненіе обратить въ явное возстаніе; когда же все было готово, онъ самъ, въ мартѣ 1840 года, посѣтилъ на Сунжу съ 500 мюридами, подъ начальствомъ храбрѣйшаго Ахверды-Магомы, и почти силою переселилъ сунженскихъ и надтеречныхъ чеченцевъ въ Черныя Горы, гдѣ они были въ болѣе безопасной отъ насъ. Вслѣдъ за симъ къ нему пристали ичкеринцы, ауховцы, карабулаки и другіе. Страхъ наказанія за измѣну и ожесточеніе противъ насъ заставили чеченцевъ волею-неволею присоединиться къ Шамилю, который, такимъ-образомъ, снова очутился въ главѣ народа многочисленнаго, воинственнаго и, въ-добавокъ, имѣвшаго всѣ средства къ упорному сопротивленію.

Успѣхи Шамиля въ Чечнѣ не могли не отозваться въ Дагестанѣ: всеяъ пограничныхъ аварскихъ деревень и койсубулинскія селенія Игалы и Тлохъ признали власть Шамиля; вслѣдъ за симъ Кибит-Магомъ Тлиятлинскій взбунтовалъ мелкія общества въ сосѣдствѣ Тилиты и былъ назначенъ ихъ набобомъ.

До юня 1841 года расположеніе умовъ въ дагестанскихъ обществахъ было все еще въ нашу пользу: гумбетовцы искали покорности и, желая намъ услужить, предупредили салатаевцевъ о намѣреніяхъ Шамиля вторгнуться въ ихъ край; въ Андій Шамилъ назначилъ почетнаго жителя Баъ-Сулеймана, смѣнилъ и оштрафовалъ тамошнихъ людей за сочувствіе, питаемое ими къ русскимъ.

Съ юня же умы горцевъ мгновенно измѣняются, и въ 1842 году, несмотря на непрерывныя усилія и пожертвованія, плоды лучившихъ экспедицій были потеряны. Владычество наше въ горахъ не подвижилось впередъ; нравственное превосходство утрачено, самая энергія какъ-будто ослабла, что доказываетъ бездѣйствіе конца 1842 и болѣею части 1843 годовъ. Мы какъ-будто предвидѣли въ будущемъ еще большія потери и готовились къ нимъ съ равнодушіемъ, близкимъ къ отчаянію.

Въ такихъ обстоятельствахъ, весьма-немногого требовалось, чтобы опрокинуть нашу систему, въ которой все было подвержено случайности: и позиція войскъ, и способы ихъ продовольствованія, и самая преданность покорнаго намъ населенія. Неудача на одномъ пунктѣ рѣзывала всю обширную сѣть паутины; измѣна жителей отнимала у нашихъ войскъ базу, а съ ней и тѣ скудныя средства, которыя они имѣли въ своемъ распоряженіи. Больше всего надо было опасаться частныхъ неудачъ; общей не могло быть, потому-что и въ крайъ ничего не было общаго. Дѣйствительно, въ октябрѣ 1843 года обстоительства вставили намъ ограниченныя

только занятіемъ Хунзаха и нѣкоторыхъ пунктовъ на его прямомъ сообщеніи съ Темир-Хан-Шурою, а въ концѣ того же года Аварія была оставлена вовсе и съ-тѣхъ-поръ была недоступна для русскихъ.

Съ паденіемъ Веденя пали Чечня и Ичкерія: все населеніе сѣверной покатости горъ, обращенныхъ къ Лѣвому Крылу Кавказской Линіи, покорилося.

Поэтому дальнѣйшія дѣйствія предположено было перенести уже въ глубь Дагестана, и съ этою цѣлью, по общему плану, главнокомандующій двинулъ концентрически въ долину Андійскаго Койсу три главные отряда: чеченскій, подъ начальствомъ генерал-лейтенанта графа Евдокимова, къ средней части теченія этой рѣки, черезъ Андію въ Технуцалъ; лезгинскій, подъ начальствомъ генерал-майора князя Меликова, черезъ Дидо и Иланхеви, въ Ункратль и Богуляль; дагестанскій, подъ начальствомъ генерал-адъютанта барона Врангеля, чрезъ Гумбетъ, къ южной части Койсу.

Такимъ-образомъ, непріятель подвергался одновременно атакѣ съ центра и обоихъ фланговъ.

Къ 14-му іюля весь чеченскій отрядъ сосредоточился, а 15-го (1859) іюля авангардъ его, подъ начальствомъ генерал-майора барона Николая, двинуть былъ впередъ и занялъ позицію у озера Эзень-амъ или Регло. Подъ прикрытіемъ этого авангарда, въ сопровожденіи остальной кавалеріи, главнокомандующій произвелъ рекогносцировку мѣстности и дорогъ въ Андію. Непріятельскіе пикеты, занимавшіе перевалъ въ это общество, съ приближеніемъ нашимъ, сдѣлали сигнальный выстрѣлъ и скрылись.

Андія и окружающіе ее 4 небольшіе аула были въ огнѣ. Шамиль зажигалъ всѣ деревни на лѣвомъ берегу Койсу и угонялъ силою жителей на правый берегъ. Погода была прекрасная, и всѣ окрестности были видны на далекое разстояніе: Андійскія Ворота, дорога отъ нихъ въ Андію, отсюда въ Дарго и другія, по которымъ двигался отрядъ князя Воронцова въ 45-мъ году, нѣкоторыя мѣста, на которыхъ проходили тогда дѣла съ непріятелемъ—все это обозначалось весьма-ясно. Правѣ видѣлась гора Киятль, увѣнчанная новымъ укрѣпленіемъ Шамиля, возведеннымъ послѣ паденія Веденя; еще далѣе, уже мѣнѣе-ясно, рисовались высоты Аваріи.

16-го числа главнокомандующій, съ частію кавалеріи, осматривалъ окрестности лагеря и дороги, ведущія въ Ичкерію; а войска продолжали заниматься разработкой дорогъ, для дальнѣйшаго движенія.

18-го іюля была произведена главнокомандующимъ усиленная рекогносцировка дорогъ къ Технуцалу. Дорога пролегла по обрывистымъ берегамъ озера, чрезъ чеберлоевскій аулъ Гой, разоренный недавно Шамилемъ. Среди развалинъ и обогрѣлыхъ бревенъ стояла уцѣлѣвшая башня, съ высѣченнымъ на ней крестомъ, памятникомъ бышаго здѣсь нѣкогда христіанства. Пустой аулъ, неубравные по-сѣвы, слѣды пожара—все напоминало о бѣдственномъ положеніи племени, надъ которымъ тяготѣлъ еще за нѣсколько дней десотизмъ

Шамиля, прибѣгнувшаго въ концѣ своего существованія къ жестокому мѣрамъ истребленія.

Послѣ продолжительнаго подъема, съ высокаго обрыва открылся видъ на долину Андійскаго Койсу, въ которой расположены технучальскіе аулы; далѣе видны были Карата и другіе аулы вверхъ по теченію Койсу. Нигдѣ незамѣтно было особаго движенія; только въ ближайшемъ къ намъ аулѣ Тандо стояла партія мюридовъ съ 4-мя значками.

Высота, на которой расположился главнокомандующій, давала возможность осмотрѣть все окрестности и повѣрить ихъ съ картой.

Тутъ видны были все дороги, ведущія въ долину Койсу изъ Шатоя, Чеберлоя, Караты, Аваріи, Андіи и Богуляя. Множество ауловъ, окруженныхъ террасами полей и зеленью садовъ, и завалы надъ обрывами праваго берега Койсу у переправъ; далѣе — цѣлая масса хребтовъ и отдѣльныхъ высотъ, нагроможденныхъ одна на другую, и мрачныя трещины, обозначающія теченіе горныхъ рѣкъ.

19, 20 и 21-го іюля войска продолжали заниматься разработкой дорогъ и возведеніемъ трехъ земляныхъ редутовъ, для обезпеченія основаннаго у озера Регло провіантскаго склада.

22-го числа, оставивъ здѣсь два батальона ряжскаго и одинъ батальонъ тенгинскаго полковъ, какъ для исправленія дорогъ, такъ и для прикрытія складовъ, остальные войска перешли къ спуску въ Технучаль на высоты Гаркалой-дамъ, и авангардъ изъ 3-го батальона кабардинскаго полка, при двухъ орудіяхъ и части милиціи, занялъ брошенный жителями аулъ Тандо. При этомъ, отступившая изъ аула партія мюридовъ завязала перестрѣлку съ нашими милиціонерами, и чеберлоевцы — недавніе союзники мюридовъ — такъ стремительно атаковали непріятеля, что тотъ, бросивъ нѣсколько тѣлъ и лошадей, бѣжалъ. Все это происходило въ глазахъ главнокомандующаго, прибывшаго вслѣдъ за авангардомъ въ Тандо.

Съ того времени продолжаютъ усиленныя работы по проложенію удобной дороги въ долину Койсу, въ обходъ крутаго неудобнаго спуска. Непріятель, по сожженіи ауловъ и угонѣ жителей на правый берегъ рѣки, укрѣпилъ завалами обрывы надъ переправой и расположился тамъ лагеремъ. Палатки его видны были ясно съ нашей позиціи, и, по словамъ лазутчиковъ, тамъ былъ Казим-Магали съ избранными мюридами, готовыми до крайности защищать переправы.

Между-тѣмъ, дагестанскій отрядъ сосредоточился въ Мичикалѣ, что представляло важныя выгоды въ военномъ отношеніи. Отсюда отдѣляются дороги по тремъ направленіямъ: къ Аргуани чрезъ Анчимееръ, къ Михельтъ и къ Андійскимъ Воротамъ. Неизвѣстность, какое изъ этихъ направленій будетъ нами избрано, принудила непріятеля раздробить свои силы, и дозволила намъ безпрепятственно занять крѣпкое по мѣстоположенію сел. Аргуани.

Сдѣлавъ въ Аргуани двухчасовой отдыхъ, баронъ Врангель немедленно направилъ передовую колонну (3¼ батальона, 2 орудія и 3 сотни конницы), подъ начальствомъ генерал-майора Ракуссы, на сагрыглосскую переправу, съ-тѣмъ, чтобы, если возможно, захватить

ев. Войска, уже сдѣлавшія трудный переходъ чрезъ Андимедъ и неся на рукахъ заранѣе-приготовленный мостъ (*), ускореннымъ маршемъ прошли 10-ти-верстное (крайне-трудное) разстояніе, разделяющее переправу отъ Аргуани, и къ вечеру достигли Койсу. Но здѣсь осмотръ, произведенный охотниками подъ огнемъ непріятеля, заставляющаго на противоположной сторонѣ въ завѣздахъ, показалъ полную невозможность тотчасъ же приступить къ наводкѣ моста,

У Сагрытло Койсу течетъ въ глубокихъ отвѣсныхъ скалахъ, доступъ къ которымъ повсюду возбраненъ природою. Единственно возможное для переправы мѣсто (гдѣ у горцевъ былъ мостъ и гдѣ рѣка суживается отъ 1½ до 2-хъ сажень) находилось подъ сильными ружейнымъ огнемъ заваловъ, устроенныхъ на противоположной берегу, въ видѣ крытой галереи, изъ нѣсколькихъ ярусовъ, перпендикулярно спускающейся къ теченію рѣки. Какъ мостъ, такъ и тропинка, ведущая къ нему съ нашего берега, были совершенно сорваны горцами,

Подробный осмотръ берега, совершенный въ теченіе 15-го числа съ крайнею опасностью, подъ выстрѣлами, еще болѣе утвердилъ въ невозможности, безъ продолжительныхъ осадныхъ работъ, овладѣть вѣстомъ бывшаго сагрытлосскаго моста, ибо, независимо отъ описанной крытой галереи, по всему берегу рѣки была устроена другая, изъ толстаго тесаного камня съ бойницами, раскрытыя которыя для дѣйствій нашей артиллеріи не представлялось возможности. Чаги-кэпъ спускъ отъ берега на рѣку былъ подорванъ отвѣсно на мостѣ 3 сажень.

Между-тѣмъ, непріятельскія партіи постепенно приближали и завѣды крѣпкія мѣста въ гребнемъ выесть лѣваго берега; въ свою очередь, отрядъ генерал-майора Ракуссы былъ усиленъ. Рѣшено было начать переправу въ полуверстѣ ниже сагрытлосскаго моста, гдѣ хотя рѣка и имѣетъ въ ширину болѣе 15 сажень, но за-то доступна туда были гораздо-свободнѣе; а непріятель, не полагая, чтобы здѣсь могли мы что-либо предпринять, имѣлъ противъ этого пункта единственный постъ изъ 20 человекъ, засѣвшихъ подъ кручею берега въ пещерѣ.

Въ ночи на 16-е число, по всему протяженію занятаго берега, были насыпаны завальчики, въ которыхъ помѣстились густою цѣпью стрѣлки отъ дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго батальона; а противъ пещеры на выгодномъ мѣстѣ устроили батарею изъ 3 орудій. Такимъ-образомъ, правый берегъ совершенно находился подъ перекрестнымъ огнемъ, что подало возможность не допустить непріятеля усилить засѣвшихъ въ пещерѣ горцевъ, а равно послѣднимъ покинуть свою позицію.

16-го числа шюрыды въ пещерѣ, вида себя отрѣзанными, рѣшились покориться, просили пощады и даже вызвались укрѣпить мостъ

(*) Въ Буртуландъ на этотъ случай была нарѣза и изготовлена до десяти мостовъ на ширину рѣки отъ 3 сажень.

на своемъ берегу; но канатъ, при многихъ попыткахъ, оказалось невозможнымъ перебросить, а посему были вызваны охотники, дабы перенести влავъ бичевку. Вызвалось нѣсколько человекъ изъ дагестанскаго полка и 21-го стрѣлковаго батальйона; нѣкоторые изъ нихъ не доплыли (*), одинъ утонулъ, а двое, именно дагестанскаго полка рядовой Кочетковъ и юнкеръ Шпейеръ, кидаемые бурунами со скалы на скалу, достигли праваго берега и успѣли укрѣпить тамъ канатъ.

Когда замирившіеся горы увидѣли, что переправа до нѣкоторой степени пріобрѣтаетъ дѣйствительность, но все еще не полагая, чтобъ она могла состоятся раньше слѣдующаго дня, тотчасъ же намѣнили свое намѣреніе и снова, засѣвъ къ пещеру, открыли по частъ огонь. Нѣсколько цущенныхъ туда гранатъ и сильный огонь царѣзнаго оружія заставили измѣнниковъ поспряться въ глубь пещеры, чѣмъ быда отнята у нихъ возможность вредить намъ болѣе-значительно. Переправившіеся же на ту сторону Кочетковъ и Шпейеръ закрылись за камнями шагахъ въ 50-ти отъ пещеры; а пройдти къ нимъ и истребить ихъ не дозволялъ мюридамъ огонь нашихъ стрѣлковъ.

Ведяъ зоримъ къ натанутому чрезъ рѣку канату была привѣшена деревянная люлька, посредствомъ которой нашииъ охотники изъ оащцеровъ, солдатъ и всадниковъ дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка перебраться на ту сторону. Черезъ часъ столь трудной и неудобной переправы, надъ выстрѣлами мюридовъ изъ пещеры, собралась на томъ берегу команда до 42-хъ человекъ, которая, идяъ впередъ себя хоружаго дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка Кайтуки-Тюлеова, прапорщика 21-го стрѣлковаго батальйона Турмистанова и юнкера конно-иррегулярнаго полка Алхаз-Гусейнова, вжаривалась во скадамъ до пещеры, несмотря на сильный огонь, ворвалась въ нее и истребила всѣхъ ея защитниковъ, за исключеніемъ одного, сданагося военнопленнымъ.

Такимъ-образомъ мы завладѣли противоположнымъ берегомъ. Осталось оладитъ съ бившеною рѣкою; во всѣ усилія сдѣлать сколько-нибудь безопасною переправу для войскъ, на этотъ разъ, оказались тщетными противъ ширины рѣки и противъ стремительности ватона. Въ это время дежурный штаб-оащцеръ подполковникъ Девель предложилъ свое средство устроить веревочный мостъ наманеръ жорешитъ плетеномъ.

Между-тѣмъ, непріятель въ-теченіе 17-го числа значительно усилился, и весь правый берегъ покрылся значками. Но горы, наученные опытомъ предшествовавшаго дня, скрывались въ своихъ блиндажахъ и за буграми; перестрѣлка происходила только на самой переправѣ, противъ которой на горѣ непріятель успѣлъ устроить ночью нѣсколь-

(*) Юнкеръ дагестанскаго полка Агаевъ, который, послѣ первой попытки, пошло бросился въ Кадзу и снова былъ прибитъ сглор теченія къ лѣвому берегу.

ко сомкнутыхъ заваловъ; въ то же время два непріятельскія орудія, расположенныя выше по рѣчкѣ, на высотѣ, цѣлый день стрѣляли гранатами въ нашъ лагерь. Разстояніе было такъ велико, что наша артиллерія не отвѣчала имъ, дабы не тратить напрасно зарядовъ.

Въ пещерѣ, занятой наканунѣ горцами, оставались наши охотники; вся непріятельская сторона противъ переправы обстрѣливалась такимъ перекрестнымъ огнемъ стрѣлковъ и артиллеріи, что непріятель, хотя и вредилъ огнемъ своимъ, но не могъ оказать сильнаго сопротивленія переходу нашихъ войскъ. Тѣмъ-неменѣе, у насъ все еще не существовало сообщенія съ правымъ берегомъ, кромѣ одного перебросеннаго каната, по которому успѣла переправиться команда охотниковъ дагестанскаго полка, подъ начальствомъ штабс-капитана Исайскаго; а къ непріятелю непрерывно прибывали новыя подкрѣпленія. Надобно было въ этотъ же день стать твердою ногою на другой сторонѣ: иначе, горцы, при своей многочисленности, могли бы впродолженіе ночи преградить намъ переходъ слишкомъ-сильными завалами.

Устраивавшій переправу подполковникъ Девель превзошелъ всѣ ожиданія. Изъ коновязей и другихъ веревокъ былъ сплетенъ мостъ въ 13 сажень длиною; съ нашей стороны была возведена плотина на двѣ сажени, и, несмотря на огонь непріятеля съ горы, постоянно усиливавшійся впродолженіе работы, къ двумъ часамъ пополудни подполковникъ Девель успѣлъ перекинуть веревочный мостъ черезъ рѣку. Переходить можно было только поодиночкѣ; но, по разсчету времени, можно было надѣяться перевести къ разсвѣту достаточное число войскъ, чтобъ съ увѣренностью атаковать непріятеля подъ прикрытіемъ нашего огня съ лѣваго берега, а потому генерал-майоръ Ракусса приказалъ 2-му и сводному батальонамъ дагестанскаго полка и ротѣ 2-го батальона ширванскаго полка переходить на тотъ берегъ.

Къ разсвѣту 18-го числа собралось на правомъ берегу только восемь ротъ дагестанскаго полка. Послѣ чрезвычайныхъ усилій двухъ предшествовавшихъ дней, побѣдивъ послѣднее препятствіе, долго казавшееся неодолимымъ, войска были такъ одушевлены, что генерал-майоръ Ракусса рѣшился идти на штурмъ съ 8-ю ротами. Съ восходомъ солнца роты были на непріятельскихъ завалахъ и наши ихъ брошенными: горцы бѣжали ночью.

Какъ-скоро мы овладѣли правымъ берегомъ, тотчасъ же было приступлено къ устройству моста на Сагритло, гдѣ висящія надъ бездною скалы соприкасаются на 5 аршинъ. Главное затрудненіе въ этой работѣ состояло въ томъ, чтобы открыть съ лѣваго берега спускъ чрезъ скалу, взорванную горцами на высотѣ 7-ми и на протяженіи 10-ти сажень.

Подполковникъ Девель пристроилъ къ скалѣ изъ матеріаловъ, найденныхъ въ завалахъ, деревянный срубъ, и сообщеніе открылось.

Невзирая на трудность, съ которою была устроена и совершена переправа, и на присутствіе огромныхъ непріятельскихъ партій, потеря наша весьма-незначительна, что можно отнести къ искусству.

съ которымъ были расположены и скрыты завалами лѣваго берега наши стрѣлки.

Между-тѣмъ, генерал-майоръ Манюкинъ открылъ наступательныя дѣйствія въ долину Аварской Койсу и сдѣлалъ распоряженіе о разрушеніи стѣны и Бурундук-Кальской Башни.

Результатъ перехода дагестанскаго отряда на правый берегъ Андійскаго Койсу и движенія колонны генерал-майора Манюкина къ Аварскому Койсу не замедлилъ обнаружиться. Какъ-только войска 22-го числа заняли высоты у аула Ахкентъ и открыли между собою сообщеніе, въ лагерь отряда барона Врангеля явилась депутація всѣхъ деревень Аваріи и Койсубу съ изъявленіемъ покорности.

Такимъ-образомъ, успѣшное выполнение общаго плана наступательныхъ дѣйствій въ самомъ началѣ уже принесло плоды, по-истинѣ превзошедшіе самыя смѣлыя ожиданія. Общества, 16 лѣтъ тому назадъ отторгнутыя изъ-подъ нашей власти, съ непритворною искренностью спѣшатъ покориться и просятъ забыть прошедшее. Гумбетовцы, никогда еще нескладывавшіе предъ нами оружія, возвращаются съ своими стадами на лѣвый берегъ Койсу къ прежнимъ ауламъ. Чиркаты и укрѣпленный Улу-Кале послѣдили тоже покориться. Все, что до событий 1843 года было непокорно, что 16 лѣтъ управлялось деспотизмомъ Шамиля, что вело съ нами такую кровавую борьбу, теперь въ одинъ день пало предъ оружіемъ кавказской арміи.

Но на этомъ не остановились успѣхи наши, пріобрѣтенные въ-теченіе 10 дней. Съ прибытіемъ чеченскаго отряда на высоты Горкой-Дамъ, съ которыхъ онъ угрожаетъ неприятелю по всѣмъ направленіямъ, съ занятіемъ аула Тандо, окончательно очистившимъ лѣвый берегъ отъ непокорнаго населенія, а главное—съ приведеніемъ къ окончанію разработки дорогъ, ведущихъ въ Андію и Технудаль, горцы повсемѣстно стали убѣждаться въ невозможности дальнѣйшаго существованія шамилевскаго правленія. Всѣ чеберлоевцы, недавно силою уведенные изъ своихъ ауловъ, бѣжали обратно къ намъ съ стадами и водворяются на прежнихъ мѣстахъ. При ихъ переселеніи, андійскій наибъ Дебиръ думалъ оказать сопротивленіе; но наши милиціонеры атаковали его партію, разогнали ее и отбили наибскій значокъ.

25 іюня явились депутаты отъ андійцевъ, и извѣстный наибъ Лабазанъ изъявилъ покорность; вслѣдъ за ними покорился весь Технудаль, и одинъ за другими стали прибывать въ лагерь депутаціи отъ самыхъ дальнихъ обществъ, въ верховьяхъ Шаро-Аргуна и у подножія горъ обитающихъ. Всѣ угнанные на правый берегъ Койсу жители возвращаются назадъ въ свои аулы.

Обойденный съ обонихъ фланговъ неприятель очутился между двухъ огней: чеченскій отрядъ, занявъ Технудаль, грозилъ Каратъ, а дагестанскій, ставъ въ Аваріи, отрѣзывалъ его отъ остальной массы непокорнаго селенія. Этотъ маневръ, послуживъ сигналомъ покорности всей страны, поставилъ Шамиля въ столь опасное положеніе, что онъ, бросивъ свое укрѣпленіе съ 13-ю орудіями, скрылся; а Ка-

зи-Магома, оставивъ устроенные надъ переправой крѣпкіе завалы, отступилъ, повинувъ даже Карату; укрѣпленіе Шамиля до прибытія туда войскъ нашихъ занято было карауломъ отъ только-что покорившихся андійцевъ.

Однимъ словомъ, весь край внезапно изъ театра упорныхъ военныхъ дѣйствій превратился въ страну покоряую, съ надеждою отдохнуть отъ долгодѣльныхъ бѣдствій.

Наконецъ, 22-го августа, главнокомандующій, князь Барятинскій, донесъ Государю Императору, что Кавказъ отъ Каспійскаго Моря до Военно-грузинской Дороги поверенъ державѣ Его Величества, и что Шамиль съ 400 мюрядами перешелъ въ Гунибъ; а въ телеграфической депешѣ отъ 26-го августа петербургская публика съ радостнымъ изумленіемъ прочла слѣдующія строки:

«Гунибъ взятъ, Шамиль въ плѣну и отправленъ въ Санктпетербургъ.»

Такъ окончилась эта кровавая драма, тянувшаяся столько десятковъ лѣтъ и такъ дорого стоившая Россіи!

ЗАМѢТКИ РУССКАГО ВЪ ПАРИЖѢ (*).

Статья первая.

Какъ бы ни отзывались о Парижѣ его систематическіе недоброжелатели, но этотъ городъ еще надолго останется умственнымъ и общественнымъ средоточіемъ Западной Европы... я готовъ даже сказать: Европы вообще. Ея новѣйшій періодъ отличается отъ прежнихъ большимъ и большимъ сближеніемъ народовъ и многостороннимъ общеніемъ ихъ разностороннихъ элементовъ. Правда, европейская семья не всегда живетъ въ согласіи: племенные непріязни и еще болѣе мѣстные интересы возбуждаютъ нерѣдко вражду между ея членами. Немецкіе того, при самыхъ сильныхъ раздорахъ, она чувствуетъ свое единство и подѣ-часъ сознаетъ ясно, что существеннымъ условіемъ ея жизни и благосостоянія не борьба, а миръ, не распри, а взаимная уступчивость. При такомъ стремленіи, централизація неизбежна—не политическая, не религіозная, а умственная и общественная. Народы и отдѣльныя личности группируются около одного народа, даже одного города; наперекоръ всевозможнымъ теоріямъ, антипатіямъ и особенностямъ, невольно тяготеютъ всѣ и все къ одному средоточію. Это средоточіе—Франція, другими словами—Парижъ.

Пожалуй, найдутся люди, которые станутъ меня обвинять въ слѣпомъ пристрастіи, или даже, чего добраго, въ отсутствіи патриотиз-

---

(*) Помѣщеніе этой статьи нѣсколько замедлилось отъ случайныхъ причинъ, зависѣвшихъ отъ автора. Впрочемъ, заключающаяся въ ней характеристика современной Франціи ни въ чемъ и нисколько не измѣнилась; напротивъ, выводы автора подтверждаются ежедневно и до-сихъ-поръ могутъ служить комментариемъ къ явленіямъ французской жизни, какъ она сложилась въ послѣднее десятилѣтіе. Такъ-какъ послѣдняя война, по своимъ вѣроятнымъ послѣдствіямъ, способна дать иной оборотъ направленію умовъ и внутренней политикѣ «великой націи», то редакція сочла нелишнимъ представить читателямъ отраженіе, съ русскаго угла зрѣнія, внутреннего быта и движенія страны, призванной, можетъ-статься, къ обновленной жизни у себя дома, послѣ событий, обновляющихъ жизнь сосѣдняго народа. Предлагаемая статья замыкаетъ собою, такъ-сказать, теперешній періодъ Франціи и отарываетъ виды на ближайшій будущій. *Ред.*

ма. Не для нихъ, но ради истины, начну съ признанія: я не люблю Парижа, особливо теперешняго. А, между-тѣмъ, все-таки не могу отрицать факта, можетъ-быть и прискорбнаго въ иныхъ отношеніяхъ, за-то въ другихъ и утѣшительнаго; потому-что безъ средоточія нельзя жить, и если Европа составляетъ нѣчто цѣлое и само-бытное, если она своего рода индивидуумъ, то дальнѣйшее развитіе ея силъ, да и самое существованіе возможны лишь когда у нея есть голова, сердце, душа—назовите какъ хотите. Хороша душа! скажетъ иной. Что жъ дѣлать! Не намъ съ вами пересоздать Европу и вложить въ нее иную душу. Столицу Франціи, а черезъ нее и всей Европы, создала исторія. Не станемъ теряться въ предположеніяхъ, что и какъ было бы; лучше признаемъ фактъ и примемся добросовѣстно изучать его.

Но въ самомъ ли дѣлѣ Парижъ есть историческое средоточіе, естественная столица новѣйшей Европы?

Вспомнимъ ея исторію и ту роль, какую игралъ Парижъ въ послѣдніа двѣсти лѣтъ.

Во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія взоры всѣхъ кабинетовъ и всѣхъ дворовъ Европы были обращены на Парижъ и на Версаль. Гдѣ не строились версальскіе дворцы и трианоны, гдѣ не разбивались версальскіе сады съ фонтанами? Кто не силился подражать пышности и великолѣпію Лудовика XIV, его просвѣщенно-надменному покровительству литературѣ и искусствамъ? О духъ его политики я и не говорю. Государствованіе великаго Лудовика было эпохой умственнаго и общественнаго первенства Франціи, или, скорѣе, Версали, тогдашней столицы, и ея предметъ—Парижа, надъ высшими сословіями другихъ европейскихъ народовъ.

Восемнадцатый вѣкъ, до 89 года, служилъ дальнѣйшимъ развитіемъ и расширеніемъ этого господства. Французскій языкъ, первоначально языкъ придворныхъ и дипломатовъ, сдѣлался мало-по-малу языкомъ всѣхъ образованныхъ сословій. Черезъ это и самая литература французовъ спустилась ниже. Сначала она явилась какъ роскошь, какъ праздное развлеченіе празднаго вельможничества; но потомъ она обратилась въ нравственную потребность, въ умственную пищу массы. Нетолько правители и вельможи обращали взоры на блестящій по преданію дворецъ, но и всѣ образованные классы сосредоточили свое вниманіе на блестящемъ и великомъ городѣ. Съ этой поры Версаль началъ уступать Парижу, и политическое значеніе Франціи—ея умственному значенію. Можно даже сказать, что по-мѣрѣ-того, какъ сила и могущество Франціи, какъ государства, стали ослабывать, ея умственная власть росла и дошла, внутри и внѣ, до колоссальныхъ размѣровъ. На Францію, то-есть не на Версаль, а уже на Парижъ, смотрѣли не одни кабинеты, но цѣлые народы. Ферней, который, благодаря своему хозяину, какъ-будто передвинулъ къ себѣ умственный пулъс Парижа, нисколько, однако, не ослабилъ его значенія: Вольтеръ въ Фернѣ имѣлъ власть лишь на сколько эту власть признавалъ Парижъ. Безъ санкціи и вѣнчанія новаго *utbis* Вольтеръ не имѣлъ бы силы, потому-что не имѣлъ бы почвы. Созданный Паря-

жемъ, «чернейшій старецъ жилъ для своего города и былъ его высшимъ выраженіемъ, какъ-бы олицетворялъ его.

Съ 89 года началось не отрывочное, но всепоглощающее дѣйствіе Франціи и Парижа на остальную Европу. Нѣтъ надобности напоминать столь извѣстныя событія конца послѣдняго столѣтія до 1815 г. Въ этотъ, болѣе четверти вѣка продолжавшійся, промежутокъ времени, и властители, и народы волей-неволей обращали свои взоры на Францію, слѣдили за всѣми ея движеніями. Ихъ участіе было уже не добровольное, но вынужденное неотразимою силою вещей.

Котя со времени второй реставраціи роль ослабленной Франціи и началъ снова упадать въ политическомъ отношеніи, но въ умственномъ и общественномъ эта страна, съ своей столицей, осталась чѣмъ была: европейскимъ вождатымъ и зинѣвалой. Не говорю о сотрясеніяхъ, произведенныхъ въ Европѣ переворотами 1830 и 1848 годовъ; напомнимъ о вліяніяхъ экономическихъ, философскихъ, литературныхъ и другихъ, которыхъ точкой отправленія былъ по-прежнему Парижъ, распространитель свѣта и заблужденій, законодатель въ дѣлѣ вкуса и славы, диктаторъ и деспотъ—даже надъ тѣми, кто не хочетъ его признать.

Послѣднее пятилѣтіе служить новымъ подтвержденіемъ важности Парижа. Не стану входить въ изслѣдованіе причинъ; приведу только на память всѣмъ извѣстныя факты. Кто первенствовалъ въ послѣдней крымской войнѣ? Франція. Гдѣ заключенъ былъ миръ? Въ Парижѣ. Въ немъ же возобновлены конференціи для поясненія условій мира. Не говорю уже о недавней войнѣ за «свободу Италіи», войнѣ, которой результаты еще не обозначились, но которую начала и окончила Франція. Куда обратились мы за капиталами для нашихъ желѣзныхъ дорогъ? Къ парижскимъ капиталистамъ. Куда ѣдутъ отъ насъ офицеры и чиновники для изученія военнаго и морскаго дѣла, администраціи, и пр? По преимуществу во Францію. Мы бранимъ, и не безъ основанія, теперешній французскій репертуаръ. Но кѣмъ живутъ театры всей остальной Европы, даже англійскій и нѣмецкій? Не взирая на Шекспира и Шаллера, на Кальдерона и Альфери, Саррабъ и Ком. первенствуютъ на европейскихъ сценахъ, такъ же точно, какъ французскіе романы первенствуютъ въ бібліотекахъ для чтенія. Кто зналъ Ристори до ея побѣдки въ Парижѣ во время всемирной выставки? Она была едва извѣстна въ самой Италіи, а теперь про нее говоритъ вся Европа. Вкусъ и безвкусіе, красота и безобразіе, истина и ложь, доктрина и отрицаніе, нравственность и безнравственность вѣка—все, болѣе или менѣе, беретъ свое начало въ Парижѣ, налагается, прививается имъ, даже безъ нашего сознанія, нехотя, вопреки намъ. Европейецъ, даже англичанинъ и русскій, не можетъ шагу сдѣлать безъ того, чтобъ Франція и Парижъ не напоминали о себѣ, не стали помѣхой, поощреніемъ, средствомъ, или цѣлью.

Нужно ли послѣ того доказывать, какъ необходимо для всякаго европейца, слѣдственно и для русскаго, ознакомиться съ дурными и добрыми сторонами Парижа, или, другими словами, Франціи?

Мы всё донельзя подчинены тайному и явному вседѣйствію этого всемірнаго города, болѣе, чѣмъ представителя своей страны, вліянію его жителей, болѣе, чѣмъ обыкновенныхъ жителей столицы; мы донельзя связаны и съ тѣмъ, и съ другими нравственными и умственными нитями, а потому настоятельно нужно изучать на мѣстѣ и этотъ народъ, и этотъ міръ — въ объемъ города, какъ источникъ и колыбель многихъ изъ нашихъ привычекъ, нравовъ, поступковъ, добрыхъ и недобрыхъ свойствъ. Намъ, европейцамъ XIX вѣка, несравненно-важнѣе знать городъ Парижъ, чѣмъ нашимъ предкамъ христіанскаго общества нужно было знать Римъ, или Византію. Эти города были религіозными центрами двухъ религіозныхъ міровъ; Парижъ же есть центръ современной цивилизаціи во всей ея совокупности.

Вотъ причины, приведшія меня сюда и породившія мысль записывать мои парижскія впечатлѣнія. Постараюсь пуще всего остаться искреннимъ передъ самимъ собою, не льстить и не быть придирчивымъ, высказывать прямо то, что мнѣ кажется правдой, и въ подтвержденіе рассказывать о слышанномъ и видѣнномъ безъ прикрасъ и преувеличеній. Авось посильныя, но добросовѣстныя замѣтки хоть сколько-нибудь помогутъ русскимъ читателямъ вникнуть въ настоящій смыслъ и фізіономію современнаго *міра*, все еще несовѣтъ-коротко извѣстнаго, и его жителей, часто ускользящихъ, по своей подвижности, отъ опредѣленной характеристики.

Въ наше время, болѣе, чѣмъ когда-либо, племена, какъ и люди, потеряли свою цѣльность. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ по два, по три человѣка. Но изъ теперешнихъ народовъ Европы нѣтъ, можетъ-быть, народа болѣе двойственнаго, какъ французы.

Нигдѣ въ старомъ мірѣ не сказано столько фразъ и не надѣяно столько шуму о республикѣ, о личной свободѣ, о неотъемлемыхъ правахъ человѣка, и пр., какъ во Франціи; а, между-тѣмъ, изъ всѣхъ европейскихъ народовъ французскій въ-сущности, самый монархическій, наименѣе-способный пользоваться личною свободой и неотъемлемыми правами. Скептикъ и изуверъ; благородный до-крайности и наклонный къ самому мелочному, даже грязному эгоизму; тороваый изъ тщеславія и скупой втихомолку; ребячески-веселый и жеманно-аффектированный; съ претензіями на независимость и слѣпой поклонникъ передъ всякимъ авторитетомъ — успѣха, еще болѣе чѣмъ славы, славы еще болѣе, чѣмъ генія; пересѣвшникъ и наивно-тщеславный до смѣшнаго; сострадательный и жестокой, смотря по обстоятельствамъ и минутнымъ побужденіямъ, французъ вообще, и особенно парижанинъ, вмѣшаетъ въ себя самыя рѣзкія противоположности: это юноша и старикъ вмѣстѣ, съ блестящими и мягкими свойствами юности, съ чорствыми, подъ-часъ, возмутительными качествами грѣшнаго старчества.

Монтескьё, характеризуя монархію и подразумѣвая монархическую Францію, сказалъ, что ея душа — честь. По мнѣнію генерала Шас-

се, защитника Антверпена, девизъ французскаго солдата имперіи: *du potage et de la gloire*. Душа и девизъ новѣйшей мѣщанской Франціи—деньги и матеріальное наслажденіе. Все это совершенно такъ. Только, если хотѣть быть справедливымъ, не должно думать, чтобъ Франція мѣщанская вовсе, безъ слѣда, вытѣснила Францію рыцарскую и императорскую. Последняя война показала, что для француза еще дорога *gloire*, и что слово *honneur* еще не пустое слово. Сравните французскій способъ вести войну съ англійскимъ, и вы убѣдитесь въ этомъ. Еще много честнаго, благороднаго, чистаго во французѣ, особливо на полѣ сраженія и послѣ сраженія. Можетъ-быть, теперь справедливѣе сказать, чѣмъ во время первой революціи, что честь Франціи нашла убѣжище въ арміи. Впрочемъ, у большинства генераловъ, офицеровъ и солдатъ лежало на сердцѣ омытъ своею кровью пятна невинной крови, покрывшія парижскій гарнизонъ въ декабрѣ 1851 года, когда все народонаселеніе кричало ему въ одинъ голосъ: «вы не солдаты, а разбойники!» И недаромъ замѣчено, что изъ отличившихся въ Крыму, за исключеніемъ мелькнувшаго вначалѣ Сент-Арно, не было ни одного героя парижскихъ улицъ.

А, между-тѣмъ, нельзя не признать, что великія чувства чести, славы, рыцарской и гражданской доблести далеко не господствуютъ въ теперешней Франціи, что другія чувства, иныя побужденія стали на первомъ планѣ и двигаютъ великою націей. Нашъ вѣкъ есть вообще вѣкъ средняго сословія, всего срединнаго и посредственнаго. Къ нему, какъ-нельзя-лучше, примѣняется выраженіе Горация: *auges mediocritas*, золотая середина. Именно золотая, или, пожалуй, грошовая!

Какъ рыцарь былъ первообразъ міра феодальнаго, такъ купецъ сталъ первообразомъ новаго міра; господа замѣнились хозяевами. Купецъ самъ-по-себѣ лицо стертое, промежуточное; посредникъ между однимъ, который производитъ, и другимъ, который потребляетъ, онъ представляетъ нѣчто въ родѣ дороги, повозки, средства.

«Рыцарь былъ больше *онъ самъ*, больше *лицо* и берегъ какъ понималъ свое достоинство; оттого-то онъ въ-сущности и не зависѣлъ ни отъ богатства, ни отъ мѣста; его *личность* была главное. Въ мѣщанствѣ личность прячется, или не выступаетъ, потому-что не она главное: главное товаръ, дѣло, вещь, главное *собственность* (*).

«Рыцарь былъ страшный невѣжда, драчунъ, бретѣрь, разбойникъ и монахъ, пьяница и пьетистъ; но онъ былъ во всемъ открытъ и откровененъ, къ-тому же онъ всегда готовъ былъ лечь костью за то, что онъ считалъ правымъ; у него было свое нравственное уложеніе, свой кодексъ чести, очень-произвольный, но отъ котораго

(*) При этомъ нельзя не вспомнить характеристическаго анекдота, рассказаннаго барономъ Гакстгаузеномъ въ Москвѣ. «*Wie stinkt's!*» говоритъ одинъ покушникъ жиду, разсматривая товаръ. «*Gott bewahre!* отвѣчалъ жидъ: *die Waare stinkt nicht; ich stinke.*»

онъ не отступалъ безъ утраты собственнаго уваженія, или уваженія равныхъ.

«Купецъ — человекъ мира, а не войны, уморно и настойчиво отстаивающій свои права, но слабый въ нападеніи; расчетливый, скупой, онъ во всемъ видитъ торгъ, и, такъ, какъ рыцарь вступаетъ съ каждымъ встрѣчнымъ въ поединокъ, онъ мѣрится съ нимъ лютостію. Его предки, средневѣковые горожане, спасаясь отъ насилій и грабежа, принуждены были лукавить; они покупали покой и свое собственное достояніе уклончивостію, скрытностію, сжимаясь, притворяясь, обулавывая себя. Его предки, держа шляпу и кланаясь въ поясъ, говорили сосѣдямъ о своей бѣдности, зарывая потихоньку деньги въ землю. Все это естественно перешло въ кровь и мозгъ потомства и сдѣлалось физиологическимъ признакомъ особаго вида людскаго, называемаго *среднимъ сословіемъ*.

«Пока оно было въ несчастномъ положеніи и соединялось съ свѣтлой крайней аристократіею для защиты своей вѣры, для завоёванія своихъ правъ, оно было исполнено величія и поэзіи. Но этого стало не надолго, и Санчо-Панса, завладѣвъ мѣстомъ, запросто развалился на просторѣ, далъ себѣ полную волю и потерялъ свой наредный юморъ, свой здравый смыслъ; вульгарная сторона его натуры взяла верхъ.

«Подъ вліяніемъ мѣщанства все перемѣнилось исподоволь въ Европѣ. Рыцарская честь замѣнилась бухгалтерскою честностію, изысканныя нравы — нравами чинными, вѣжливость — чопорностію, гордость — обидчивостію, парки — огородами, дворцы — гостинницами, открытыми для всѣхъ, то-есть для всѣхъ имѣющихъ деньги.

«Прежнія, устарѣлыя, но послѣдовательныя понятія объ отношеніяхъ между людьми были потрясены; но новаго сознанія настоящихъ отношеній между людьми не было раскрыто. Хаотическій просторъ этотъ особенно способствовалъ развитію всѣхъ мелкихъ и дурныхъ сторонъ мѣщанства подѣ всемогущимъ вліяніемъ ничѣмъ необузданнаго стяжанія.

«Разберите моральныя правила, которыя въ ходу съ полвѣка: чего тутъ нѣтъ? Римскія понятія о государствѣ, съ готическимъ раздѣленіемъ властей; протестантизмъ и политическая экономія, *salus populi* и *счасіе рои* soi, Брутъ и Юма Кемпійскій, приходо-расходное счетоводство и Ж.-Ж. Руссо. Съ такимъ сумбуромъ въ головѣ и съ магнитомъ, вѣчно притягиваемымъ — къ золоту въ груди, нетрудно было дойти до тѣхъ нелѣпостей, до которыхъ дошли передовыя страны Европы.

«Вся нравственность свелась на то, что немущій долженъ всѣми средствами приобрѣтать, а имущій хранить и увеличивать свою собственность; флагъ, который поднимаютъ на рынокъ для открытія торговаго, сталъ хоругвью новаго общества. Человекъ *de facto* сдѣлался принадлежностію собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу изъ-за денегъ.

«Политическій вопросъ съ 1830 года дѣлается, исключительно вопросомъ мѣщанскимъ, и вѣковая борьба высказывается страстями и влеченіями господствующаго сословія. Жизнь свелась на бирже-

зую игру, все превратилось съ мѣнялыня лавочки и рынки: редакціи журналовъ, избирательныя собранія, камеры...

«Всѣ партіи и отѣнки мало-по-малу раздѣлились въ мірѣ мѣщанскомъ на два главныя стана: съ одной стороны—мѣщане-собственники, упорно отказывающіе поступиться своими монополіями; съ другой—неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе, но не имѣютъ силы, то-есть съ одной стороны *скудость*; съ другой *зависть*. Такъ-какъ, дѣйствительно, нравственнаго начала во всемъ этомъ нѣтъ, то и мѣсто лица въ той, или другой сторонѣ опредѣляется внѣшними условіями состоянія, общественнаго положенія. Одна волна оппозиціи за другой достигаетъ побѣды, то-есть собственности, или мѣста, и естественно переходитъ со стороны зависти на сторону скупости...

«Во всемъ современно-европейскомъ глубоко лежатъ двѣ черты, явно идущія изъ-за прилавка: съ одной стороны лицемеріе и скрытность, съ другой—выставка и *étalage*. Продать товаръ лицомъ, купить за полцѣны, выдать дрянъ за дѣло, форму за сущность, умолчать о какомъ-нибудь условіи, воспользоваться буквальныймъ смысломъ, *казаться* вмѣсто-того, чтобъ *быть*, вести себя *примично* вмѣсто-того, чтобъ *хорошо* себя вести, хранить внѣшній *Respectabilität* вмѣсто внутренняго достоинства.

«Въ этомъ мірѣ все до такой степени декорація, что самое грубое невѣжество получило видъ образованія. Кто изъ насъ не оставался, краснѣя за невѣдѣніе западнаго общества? (Я здѣсь говорю не объ ученыхъ, а о людяхъ, составляющихъ то, что называется обществомъ.) Образованія теоретическаго, серьезнаго быть не можетъ: оно требуетъ слишкомъ-много времени, слишкомъ отвлекаетъ отъ *дѣла*. Такъ-какъ все лежащее внѣ торговыхъ оборотовъ и «эксплуатаціи» своего общественнаго положенія *несущественно* въ мѣщанскомъ обществѣ, то и образованіе его должно быть ограничено. Оттого происходитъ та нелѣпость и тяжесть ума, которую мы видимъ въ мѣщанахъ всякій разъ, когда имъ приходится сѣхаться съ битой и торной дороги. Вообще хитрость и лицемеріе далеко не такъ умны и дальновидны, какъ воображаютъ; ихъ диаметръ бѣдствъ и плаваніе мелко...

«То, что вы видите на большой сценѣ государственныхъ событій, микроскопически повторяется у каждаго очага. Мѣщанское растлѣніе прорвалось во всѣ тайники семейной и частной жизни. Никогда католицизмъ, никогда рыцарство не отпечатлѣвались такъ глубоко, такъ многосторонно на людяхъ, какъ буржуазія.

«Дворянство облыжвало. Разумѣется, такъ-какъ его права были отчасти фантастическія, то и обязанности были фантастическія; но они дѣлали извѣстную круговую поруку между равными. Католицизмъ облыжвалъ съ своей стороны еще больше. Рыцари и вѣрующіе часто не исполняли своихъ обязанностей; но сознание, что они тѣмъ нарушали ими самими признанный общественный союзъ, не позволяло имъ быть свободными въ отступленіяхъ, ни возводить въ норму своего поведенія. У нихъ была своя праздничная одежда, своя

официальная постановка, которая были не ложью, а скорѣй изъ идеаломъ.

«Намъ дѣла теперь нѣтъ до содержанія этого идеала. Ихъ процессъ рѣшенъ и давно проигранъ. Мы хотимъ только указать, что мѣщанство, напротивъ, ни къ чему не обязываетъ, ни даже къ военной службѣ, если только есть охотники, то—есть обязываетъ *res fas et nefas* имѣть собственность. Его правило коротко: *наживайся, умножай свой доходъ, какъ песокъ морской, пользуйся и употребляй своимъ денежнымъ капиталомъ не разоряясь, и ты сыто и почетно достигнешь долголѣтїя, женишь твоихъ дѣтей и оставишь по себѣ хорошую память.»*

Если за такую длинную выписку мнѣ придется просить у кого-нибудь извиненія, то, ужь конечно, не у читателей, которые скажутъ за нее спасибо, а развѣ у автора. Приведенныя мною страницы заключаютъ въ себѣ, по-моему, поразительно-вѣрное, хоть и рѣзкое опредѣленіе современнаго западнаго и по-преимуществу французскаго общества. Кто коротко знакомъ съ теперешней Франціей, того невольно остановитъ своею вѣрностію и глубиной эта безошибочно-правдивая характеристика. Издали въ ней можетъ иное показаться преувеличеннымъ и даже неточнымъ; но когда вблизи видишь и слышишь совершающаеся на Западѣ, во Франціи, которую авторъ очевидно имѣлъ всего болѣе въ виду, наконецъ въ центрѣ ихъ — Парижѣ, этомъ микрокосмѣ Европы, тогда сознаешься, что тутъ каждый ударъ рѣзца выхватываетъ изъ самыхъ скрытыхъ тайниковъ жизни какую-нибудь слабо, или вовсе незамѣченную доселѣ черту и утверждаетъ ее на мѣди. Тутъ, что ни слово, то правда, горькая, но неопровержимая.

Одно развѣ можно сдѣлать — не возраженіе, а смягчающую оговорку: теперешняя Франція, несмотря на ея глубокое паденіе, которому пуще всего содѣйствовало *мѣщанство*, не сѣшкомъ же состоитъ изъ одной *bourgeoisie*. Я пойду далѣе и скажу, что польчася и въ *bourgeoisie* сидитъ иной, прежній, лучший человекъ. Этой-то лучшей, прежней, чистой стороною только и держится здѣшняя общественность.

Моя обязанность — указывать на нее всякій разъ, какъ она мнѣ представится; но моя обязанность также — не скрывать, ни въ цѣломъ, ни въ подробностяхъ, того кореннаго недуга, котораго начало и характеръ авторъ приведеннаго отрывка опредѣлилъ съ такой яркой мѣткостью.

Да, недугъ Франціи, а черезъ нее и остальнаго Запада (ибо французы тутъ, какъ и во многомъ другомъ, передовой народъ), силенъ, глубокъ, всеобъемлющъ; но въ самомъ ли онъ дѣлѣ неисцѣлимъ? Аналогія, которую находятъ между теперешней эпохой и эпохой паденія римскаго міра, дотога ли близка во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы дать намъ право выводить изъ нея непреложное заключеніе? Повторяю: еще существуютъ здоровые соки во французской націи, какъ и вообще на Западѣ. Можетъ-быть, здоровая натура и пересилитъ порчу; можетъ-быть, зловѣщіе діагносты и ошибутся. Не разъ в

Франція, и другія страны Европы казались на краю нравственной гибели; не разъ деморализація однихъ сословій и невѣжество другихъ заставляли отчаяваться въ будущности народа... И, между-тѣмъ, неожиданная, сильная волна выносила на берегъ претерпѣвшихъ крушеніе, жизнь брала свое, и новая животворящая мысль торжественно продолжала чуть не навсегда прервавшееся развитіе. А въ нашемъ вѣкѣ есть такая животворящая мысль—мысль, отвѣчающая глубокоу и многообъемлющему чувству справедливости. Какъ знать, та двойственность, о которой я говорилъ, и есть, можетъ—статься, залогъ возрожденія. Въ натурахъ цѣльныхъ болѣзни убійственны; напротивъ-того, въ раздвоенныхъ натурахъ спасеніе приходитъ иногда невзначай, нежданно и негаданно.

Одно изъ отличительныхъ свойствъ французовъ, и особенно парижанъ, состоитъ въ томъ, что ихъ общественныя болѣзни не хроническія, а острыя. У нихъ все остро, auf die Spitze getrieben: ихъ умъ, ихъ мужество, ихъ восприимчивость, способность увлекаться, возвышаться и падать. Ихъ инстинктъ, ихъ подвижное воображеніе влекутъ впередъ и порывисто къ дѣйствию, безъ оглядки, безъ размышленія, такъ—сказать, очертя голову; тамъ, гдѣ англичанинъ сталъ бы расчитывать, а нѣмецъ разсуждать, французъ, парижанинъ, дѣйствуетъ, все равно, впрямь, или вкось, только бѣ не останавливаться, не задумываться, не озираться назадъ. Оттого исторія Парижа и представляетъ собой програму для остальной Европы: это ея пробный камень, а вмѣстѣ съ тѣмъ и колоновожатый. Безъ Парижа, безъ Франціи Западная Европа хворала бы долго, скучно, съ промежутками минутнаго выздоровленія, съ обманчивыми надеждами; съ Франціей и съ Парижемъ во главѣ, она увлекается ихъ примѣромъ, прививаетъ къ себѣ ихъ заразу, дѣлаетъ надъ собою опыты ея врачеванья, идетъ съ ними быстро впередъ—къ своему окончательному разложенію, или къ новому возрожденію? еще богъ—знаеть!

Извѣстный нѣмецкій историкъ Гервинусъ говоритъ въ одномъ недавнемъ сочиненіи: «Франція, въ-теченіе всей своей исторіи, вѣчно колеблется между германскимъ и галло-римскимъ элементомъ, между католицизмомъ и протестантизмомъ, вѣрой и безвѣріемъ, коснѣніемъ и спѣшностью. То подчиняется она абсолютизму, то анархизму; ищетъ спасенія сверху, когда слѣдуетъ ждаты его снизу, ищетъ помощи снизу, когда она возможна лишь отъ совокупности усилій; возвращается безпрестанно къ деспотическимъ формамъ и прибѣгаетъ къ возстанію, какъ къ праву. Во Франціи нѣтъ достаточной неизмѣнчивости, перваго условія монархіи, нѣтъ терпѣнія для упроченья представительнаго механизма, нѣтъ политической зрѣлости для утвержденія республики. Ея философскія и социальныя ученія впадаютъ въ такія же крайности, какъ и вся ея исторія... Цѣль ихъ болѣе, или менѣе—основать вѣчный порядокъ съ помощью уличныхъ

жани-эстацій; онѣ громовдятся на самыхъ высокихъ идеалахъ и унизаютъ себя самыми мелкими пороками... При такомъ положеніи дѣлъ, французскіе публицисты или утверждаютъ, какъ Ламартинъ, что ихъ нація юна и здорова, или, какъ Мирабо и Барнивь, Наполеонъ и Лафайетъ, сознаются, по словамъ Гизо, что подлѣ-конецъ потеряли всякую вѣру въ жизненность и будущность Франціи. Невольно спрашиваешь себя: не находится ли эта страна въ положеніи Италіи времямъ Макиавелли, не одержима ль она ничѣмъ-неудовлетворимымъ недовольствомъ; неспособная повиноваться, какъ и пользоваться свободой?...»

Мнѣ пришло на память это мѣсто изъ книги Гервинуса, когда уже были написаны мои замѣчанія о раздвоенности французовъ. Оно наводитъ на мысль, что ихъ двойственность и какъ-бы нерѣшительность не есть временное явленіе ихъ теперешней жизни, но въ большей, или мѣншей степени составляла всегда одно изъ коренныхъ свойствъ ихъ характера. И, дѣйствительно, стоить припомнить себѣ ихъ исторію со времени франкскаго завоеванія, чтобъ увидѣть, что французская нація, эта двулика голова Януса, обращена одной своей стороной въ романскому, а другою — въ тевтонскому племени.

Не тутъ ли отчасти и тайна ея демоническаго вліянія на остальные народы Европы?

По своему племенному составу, по своему срединному и посредническому положенію, какъ въ историческомъ, такъ и въ географическомъ отношеніи, французы — двойственные представители всего романо-тевтонскаго міра. Въ странѣ галловъ встрѣтились и ужились два главные племени, два исконные дѣтеля новой исторіи. Но, ужившись общественно, эти два элемента Западной Европы, по своей натурѣ несовѣтъ-совмѣстные другъ съ другомъ, никакъ не могли произвести истинно гармоническаго цѣлага. Отсюда, можетъ-быть, исходить то хаотическое броженіе противоположныхъ стремленій, о которомъ упоминаетъ Гервинусъ. Недаромъ французы любятъ антитезы въ литературѣ и въ искусствѣ: вся ихъ жизнь есть рядъ непрерывныхъ антитезъ. Но такъ-какъ они представляютъ самое яркое смѣшеніе двухъ даровитѣйшихъ племенъ европейскаго Запада, то понятно, почему въ хаотическомъ броженіи ихъ исторіи столько творческой силы. Къ-тому же, эта имъ присущая сила дотого экспансивна, ихъ производительная подвижность дотого неугомонна, а остроуміе, налету врывающееся въ предметы, такъ мѣтко, блистательно и плодотворно, что прочіе народы, не только романскіе, но и тевтонскіе, невольно подчиняются ихъ вліянію, увлекаются ихъ ирриѣромъ, черпаютъ въ этой быстро-проточной и не всегда чистой струѣ новыя силы для новой дѣятельности. Французская раздвоенность не составляетъ слабой стороны великой націи; напротивъ-того, она ей обязана своимъ всемірнымъ значеніемъ.

И. С. Т. рассказывалъ мнѣ на-дняхъ, что онъ знаетъ одного ученаго нѣмца, питавшаго глубокую неприязнь къ французамъ, которая, однако, не мѣшала ему добросовѣстно признать ихъ великое значеніе въ исторіи двухъ послѣднихъ столѣтій. Идеи, открытія, изобрѣтенія, имѣвшія наибольшее вліяніе на современную цивилизацію, по словамъ того нѣмца, почти всѣ родились во Франціи, сдѣланы французами.

Правда, вслѣдъ за эпохой возрожденія, главными дѣятелями были итальянцы, нѣмцы, англичане: это свидѣлствуютъ изобрѣтеніе компаса, открытіе Америки, порохъ, книгопечатаніе, Бэконъ, Ньютонъ и т. д. Но съ XVII вѣка зачинъ великому и замѣчательному мы все болѣе-и-болѣе встрѣчаемъ во Франціи. Конечно, очень-часто пользуются идеей, или открытіемъ французскіе мыслители, или практическіе умы другихъ народовъ: французская подвижность и неустойчивость мѣшаютъ нерѣдко дать счастливой, гениальной мысли дальнѣйшее развитіе, или найти для нея практическое примѣненіе; но первый зародышъ все-таки брошенъ французомъ, первая искра все-таки блеснула во Франціи.

Странное дѣло! Нѣтъ народа, обладающаго такой способностью, какъ французы, популяризовать чужія идеи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ народа, который бы такъ мало умѣлъ развить, или примѣнить къ дѣлу свои собственные великія открытія. Разумѣется, тутъ, какъ и во всемъ, есть исключенія. Я говорю о большинствѣ идей и открытій, принадлежавшихъ французамъ.

Нѣмцы не безъ основанія гордятся своимъ философскимъ движеніемъ со временъ Канта; но все это движеніе, по ихъ же собственному признанію, было бы невозможно безъ Декарта.

Родоначальникъ почти на нашихъ глазахъ возникшей новой науки—химіи, произведшей громадный переворотъ во взглядѣ на природу—маркизь Лавуазье.

Съ Кювье начинается новая эра для геологіи въ связи съ наукой о животныхъ.

Сен-Симонъ бросаетъ первая сѣмена новой экономической науки, которой послѣдствія чувствуются всюду и которая, несмотря на недавній разгромъ, протекаетъ даже въ офціальныя сферы.

Если Наполеона считать французомъ, то не съ него ли начинается новая тактика? А Вобанъ, творецъ системы укрѣпленій, которой въ-теченіе цѣлаго вѣка слѣдовали всѣ народы; а въ недавнее время Минье, Пекзанъ и пр., произведшіе огромный переворотъ въ огнестрѣльномъ оружіи?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что паръ суть величайшая движущая сила нашего времени, не только механическая, но и общественная, и нравственная. Кто же первый подалъ мысль о примѣненіи этой силы? Папенъ. Можно возсойдти и выше: Соломонъ де Косъ (S. de-Caus), изъ Дьеппа, издалъ въ 1615 году книгу: «La raison des forces mouvantes», гдѣ впервые говорится о силѣ паровъ. За нимъ первый примѣнитель этой силы—гугенотъ Папенъ, бѣжавшій въ Германію вслѣдствіе отміненія нантскаго эдикта. Онъ издалъ въ 1690 году,

въ «Лейпцигскихъ Ученыхъ Запискахъ», свою записку о томъ, «qu'il faut se servir de la vapeur d'eau pour faire le vide dans de grands espaces, et que le moyen est prompt et économique», а потомъ сдѣлалъ модель паровой машины, усовершенствованной впоследствии англичаниномъ Ньюкомномъ (Newcomen) и доведенной до теперешняго совершенства Уаттомъ. Я распространялся объ этомъ великомъ открытіи съ тою цѣлью, чтобъ показать, что безъ Коса и особенно безъ Папена знаменитый Уаттъ былъ бы, вѣроятно, невозможенъ.

То же можно сказать и о другомъ великомъ открытіи нашего времени — объ электрическомъ телеграфѣ. Телеграфъ, въ его первоначальномъ видѣ, есть также изобрѣтеніе француза, по имени Шаппъ, такъ же точно, какъ первый колесный пароходъ построенъ маркизомъ Жюфруа, а винтовой пароходъ изобрѣтенъ болѣе-счастливымъ его соотечественникомъ Соважемъ (*). Что жъ касается до электрическаго телеграфа, то первый подавшій о немъ мысль и сдѣлавшій его возможнымъ, безъ всякаго сомнѣнія, французскій физикъ Анперъ. Этотъ фактъ мало извѣстенъ въ самой Франціи; а потому я позволю себѣ войти въ нѣкоторыя подробности. Араго, въ похвальномъ словѣ Анперу, произнесенномъ въ 1839 году, ни слова не говоритъ объ электрическомъ телеграфѣ—по очень-простой причинѣ: въ то время, великое изобрѣтеніе еще не было сдѣлано, и вѣсть о смерти Анпера была передана изъ Марсели въ Парижъ простымъ сигнальнымъ телеграфомъ. А, между-тѣмъ, этому ученому обязанъ міръ открытіемъ почти мгновенно передавать мысль на неизмѣримыя разстоянія (**). Вотъ происхождение анперовскаго открытія: датскій физикъ Эрстедъ замѣтилъ въ 1819 году, что проволока (le fil conjonctif), проведенная отъ одного полюса вольтова столба къ другому полюсу, дѣйствуетъ на магнитную стрѣлку особеннымъ образомъ, смотря по тому, сверху ль, или снизу находится эта проволока параллельно стрѣлкѣ. Извѣстіе объ этомъ новооткрытомъ явленіи дошло до парижской академіи почти случайно, черезъ Женеву, и не прежде 11 сентября 1820 года. Трицать, или сорокъ лѣтъ назадъ, сообщенія, какъ видите, были еще очень-медленны. Анперъ, присутствовавшій въ засѣданіи академіи наукъ 11-го сентября, ровно черезъ недѣлю, 18-го, возвѣстилъ своимъ ученымъ собратіямъ, что (я буду говорить словами Араго) «deux fils conjonctifs parallèles s'attirent quand l'électricité les parcourt dans le même sens; ils se repoussent, au contraire, si les courants électriques s'y meuvent en sens opposés.»

(*) Извѣстно, что великое изобрѣтеніе Жюфруа, построившаго свой пароходъ на Сенѣ, не получило одобренія ни отъ академіи, ни отъ Наполеона.

(**) Приведу при этомъ случай самый, по-моему, поразительный притѣръ быстроты электрической передачи: Соединенные Штаты, въ полночь ихъ объявилъ, чуть-ли не съ пол-Европы. Когда президентъ произноситъ на уашигтонскомъ конгрессѣ свое годичное «посланіе», телеграфъ передаетъ его постепенно во всѣ концы Союза. Президентскія посланія бывають обыкновенно очень-длинные, и, несмотря на то, государственныя документы читаются въ тотъ же день въ вечернихъ газетахъ на всемъ пространствѣ республики.

Въ этихъ словахъ, неопровержимо доказанныхъ Анперомъ теоретически и опытами, посредствомъ тогда же изобрѣтенныхъ имъ снарядовъ, заключается не только смыслъ великаго физическаго явленія, но и зародышъ электрическаго телеграфа. Въ поданной тогда же запискѣ «О дѣйствии электрическихъ токовъ на магнитную стрѣлку», какъ я имѣлъ случай увѣриться, французскій физикъ, между-прочимъ, говоритъ: «Autant d'aiguilles aimontées que de lettres qui seraient mises en mouvement par des conducteurs qu'on ferait communiquer successivement avec la pile, à l'aide de touches de claviers qu'on baisserait à volonté, pourraient donner lieu à une correspondance télégraphique qui franchirait toutes les distances et serait aussi prompte que l'écriture ou la parole pour transmettre la pensée.» Эти слова неоспоримо доказываютъ, что даже первоначальный способъ передачи черезъ клавиши принадлежитъ Анперу. Мы могутъ возразить, что для человѣчества все равно, кто бѣ ни открылъ, и что во всякомъ случаѣ важны не столько мысль, сколько ея развитіе и примѣненіе. Согласенъ, если разсматривать открытія съ точки утилитарной; но меня занимаетъ въ настоящую минуту не польза, а актъ творчества, не воплощеніе мысли, а самая мысль. И въ этомъ смыслѣ Папентъ выше Уатта, Анперъ выше исполнителей его идеи.

Нетрудно продолжить списокъ французовъ, обогатившихъ міръ важными изобрѣтеніями, или открытіями:

Жакаръ, своимъ станкомъ, радикально измѣнилъ фабричное производство тканей.

Самыми существенными улучшеніями въ свеклосахарномъ производствѣ мы одолжены французу Баррюэлю.

Французами открыты іодій и бромъ (Балларомъ), получившіе такое огромное значеніе въ новѣйшей фармакологіи (*).

Брегетъ — творецъ новѣйшаго упрощеннаго устройства часовъ.

Сегенъ (Séguin)—изобрѣтатель мостовъ изъ проволоки и *chaudrons à vapeur tubulaires*.

Искусственное размноженіе рыбы (*pisciculture*) открыто Реми, рыбакомъ изъ Жюра.

Дагерръ и Ньепсъ изобрѣли дагерротипъ и фотографію.

Столь важные для Европы по своимъ послѣдствіямъ опыты надъ акклиматизаціей животныхъ, принадлежащихъ другимъ странамъ свѣта, производятся преимущественно французскими натуралистами. Парижское *société Zoologique d'acclimatation*, президентомъ котораго Жюзефа Сент-Илеръ, стояло и стоитъ во главѣ ученыхъ трудовъ по этой части.

Съѣстные консервы (*conserves alimentaires*), которыхъ общественное значеніе очевидно, изобрѣтены также французами.

(*) Покойный Карлъ Брюловъ показывалъ мнѣ въ Римѣ рисунокъ, изображавшій поклоненіе новому божеству, стоявшему на пьедесталѣ, на которомъ было написано: *io dio* (итальянскій каламбуръ). Въ-самомъ-дѣлѣ, *iodio, iodii*—божество по своей врачующей силѣ.

Я не скоро бы кончилъ, еслибъ сталъ приводить всѣ болѣе, или менѣе важныя открытія и изобрѣтенія французовъ; приведу въ-заключеніе одно: если суждено аэростатамъ произвестъ когда-либо существенный и глубокой переворотъ въ общественной жизни образованныхъ народовъ (въ чемъ нѣтъ причинъ безусловно сомнѣваться), то этимъ переворотомъ мы будемъ опять обязаны французамъ же, братьямъ Монгольѣе.

Весьма можетъ статься, что я въ своемъ исчисленіи позабылъ многое и значительное; но упомянутого достаточно, чтобъ показать, какъ велика творческая и изобрѣтательная сила французовъ. Эту силу я всего болѣе приписываю имъ остроумно, то-есть способности быстрыхъ соображеній и сближеній, мѣткой наблюдательности и яркому разсудочному прозрѣнію, которыя составляютъ одну изъ главныхъ сторонъ гения. Французской наци недостаетъ, можетъ-быть, воспроизводительнаго, поэтическаго творчества, недостаетъ также гениальнаго упорства, даромъ, что знаменитое: *le génie c'est la patience*, сказано французомъ; но творчество остроумія досталось на ихъ долю въ высокой степени.

Какъ-то давно М. П. Погодинъ совершенно-справедливо замѣтилъ, что мы русскіе шагу не можемъ сдѣлать безъ-того, чтобъ не вспомнить Петра-Великаго. Всѣмъ, что насъ окружаетъ, что мы носимъ на себѣ и въ себѣ, обязаны мы его преобразованиямъ. Съ такой же основательностью можетъ сказать всякій, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ, что нельзя шагу сдѣлать безъ-того, чтобъ не помянуть французовъ. Начиная съ нашей одежды и съ одежды нашихъ женъ и дочерей и восходя до самыхъ основныхъ понятій нравственной и общественной жизни, мы невольно должны признать, что все болѣе, или менѣе примыкаетъ къ французамъ, дано имъ, выработано ихъ головой, или куплено ихъ кровью и страшными опытами. Этотъ съ виду легкомысленный народъ — труженикъ челоуѣчества, труженикъ не по терпѣнію, котораго ему недостаетъ, а по страданіямъ, заслуженнымъ, если хотите, но истиннымъ не для него одного. Почетъ ему за это! Недаромъ онъ живетъ на землѣ!

Кромѣ указанныхъ выше причинъ всемірнаго вліянія Франціи, есть и другія.

Одна изъ особенностей нашего вѣка — идти не въ глубину, а въ ширь. Глубина, какъ и высота, свойство аристократическое; демократическому же направленію нашего вѣка приличнѣе широта, уровень. Современный девизъ — призвать на пиръ и пониманье жизни всѣхъ и cadaго, со включеніемъ и младшихъ братьевъ. Эта современная задача есть дѣло и эгонизма, и совѣсти. Низшіе ищутъ наслѣдовать, высшіе—оказать справедливость, по-крайней-мѣрѣ на словахъ, въ теоріи.

Чувство равенства съ одной стороны и чувство состраданія съ другой составляютъ и составляютъ одну изъ принадлежностей фран-

пузовъ. Такимъ-образомъ, задача вѣка наша между ними наибольшихъ приверженцевъ. Талантъ популяризовать, то-есть дѣлать доступными для массъ пріобрѣтенія наукъ, промышленности, житейскихъ удобствъ, талантъ, которымъ столько отличаются французы, какъ-разъ приходится по направленію вѣка, и они, ища дѣлать доступными для большинства блага умственной и матеріальной жизни, тѣмъ самымъ популяризуютъ самихъ себя.

Самые недостатки французовъ содѣйствуютъ расширенію ихъ вліянія на другіе народы.

Способность выставять напоказъ себя и свое дѣло, даже свое бездѣлье, *se faire valoir*, при каждомъ удобномъ случаѣ, *savoir faire* тамъ, гдѣ недостаетъ *savoir*, или даже и тамъ, гдѣ есть и знаніе, и талантъ—эта способность дотога свойственна французу, что онъ не только сознательно и по расчету, но часто и по инстинкту, съ полной наивностью выдвигаетъ себя, свою «первую въ мірѣ» націю и свою «*belle France*», на первый планъ, на самую вершину чело-вѣчества, такъ-что, говоря помосковски, французъ, если онъ не заразился духомъ новѣйшаго критицизма, «славяноопльствуетъ» страшнѣйшимъ образомъ. При этомъ, разумѣется, полное довольство собой и чуть не презрѣніе къ остальнымъ народамъ и странамъ.

У насъ безусловное восхваленіе своего, начинающее, впрочемъ, входить въ разумные предѣлы, было естественнымъ противодѣйствіемъ безусловному порицанію своего, и потому имѣло характеръ реакціи, стало-быть явленіе временнаго и односторонняго.

Здѣсь не существуетъ ничего подобнаго. Хвастливость, слѣдствіе чрезмѣрно-высокаго понятія о себѣ, было и есть коренное свойство французовъ.

А хвастливый чело-вѣкъ, при нѣкоторомъ умѣнии, всегда выиграетъ передъ скромнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Германія въ десять разъ живописнѣй, прекраснѣй Франціи; а, между-тѣмъ, кто говоритъ: прекрасная Германія? И кто осмѣлится отрицать аксіому французовъ: *belle France*?

Конечно, желѣзныя дороги и живыя, многообразныя сношенія народовъ между собою начинаютъ понемногу открывать глаза даже самимъ французамъ, а прочимъ націямъ и подавно, такъ-что одни становятся скромнѣе, а другіе скупѣе на удивленіе. Но время вѣрной и холодной оцѣнки еще не совсемъ пришло, и мы варвары, то-есть не-французы, до-сихъ-поръ не можемъ отстать отъ вкоренившейся привычки суевѣрно повторять съ-голоса новѣйшихъ аеинанъ похвалы имъ, не замѣчая, что мы страхъ-какъ бываемъ похожи на пьянаго солдата, которому жидъ въ корчмѣ нашептывалъ на ухо: «два цѣлковыхъ, два цѣлковыхъ», въ то время, какъ солдатъ былъ ему долженъ только полтинникъ.

Присоедините къ этому милую кокетливость характера, тонко изученую любезность, умѣние выставять себя крупно и выпукло, оглашать свое громко и безъ-устали, и вы поймете, какимъ-образомъ французы, народъ высоко-даровитый, но притомъ и эффектно-театральный, столько жъ заслуженно пріобрѣли, сколько и ловко цало-

жили то колосальное вліяніе на остальные націи, какому мы не видимъ примѣра въ исторіи со времени грековъ.

У французовъ все преувеличено, аффектировано, разочтено на эффектъ.

Много говорятъ про итальянскую напыщенность и страстность, про нѣмецкую наклонность къ отвлеченному и сантиментальному, про англійскую любостыжательность и лицемеріе, и т. д. Но у нихъ эти свойства естественны, а потому просты и истинны. У французовъ то же самое является въ преувеличенномъ, слѣдственно въ ложномъ видѣ. Одно у нихъ естественно—это афектація. Винавать: французъ искренень и правдивъ въ минуты благородныхъ всплшекъ и увлеченій, особенно въ минуты веселости. Тутъ онъ неживъ и безъ задней мысли. Но объ этомъ послѣ.

Кому неизвѣстна напыщенность итальянца? Его энтузіазмъ не знаетъ мѣры: онъ хвалитъ такъ, какъ сѣверный житель насмѣхается; онъ превозноситъ до небесъ своихъ пѣвицъ, маэстро и вообще любимцевъ; кто читалъ хоть одинъ итальянскій сонетъ въ честь какой-нибудь современной знаменитости, или видѣлъ и слышалъ въ Италіи восторги толпы, тотъ знаетъ, что такое итальянская гипербола. И эту гиперболу мы встрѣчаемъ во всемъ: въ разговорѣ, въ голосѣ, въ жестахъ, на римскомъ Корсо и на любой итальянской сценѣ. Яркость цвѣтовъ и рѣзкость переходовъ, въ звукахъ, въ краскахъ, въ образахъ, кажутся внѣ Италіи преувеличенными, неестественными; но это такъ *кажется* лишь подъ сѣрымъ сѣвернымъ небомъ, подъ горячими же лучами южнаго солнца, разливающего всюду блескъ, жизнь и страстность, преувеличеніе является не ложью, а правдой, и кажущееся неестественнымъ становится натуральнымъ.

У французовъ преувеличеніе вовсе не имѣетъ того же характера; оно не находитъ себѣ оправданія въ солнцѣ и небѣ Франціи, за исключеніемъ развѣ ея крайняго юга. Естественная, страстная напыщенность итальянца становится во французѣ холодной афектаціей, иногда даже расчѣтомъ, рекламой. Роскошный хвостъ райской птички служить здѣсь накладной прикрасой, вывѣской и приманкой. Нигдѣ *on ne se bat les flancs* (не бьютъ себя по бедрамъ, въ точномъ переводѣ «Телескопа»), какъ во Франціи. Не знаю, больше ли въ ней надуваютъ, чѣмъ въ другихъ странахъ, но, ужъ конечно, нигдѣ столько не надуваются.

Наклонность итальянца къ наслажденіямъ есть точно также слѣдствіе его горячей крови, его страстности. Французъ, говоря вообще, не страстенъ, а холоденъ. Въ немъ, особливо въ парижанинѣ, франкѣ, норманѣ, бретонецъ пересилили галла и римлянина. А потому, вмѣсто итальянской страстности, у француза, особливо у парижанина, является шалостливость, вмѣсто раскаленной лавы—разогрѣтая вода, вмѣсто темперамента—утонченный развратъ. Итальянецъ падокъ къ наслажденіямъ, какъ юноша; французъ охотникъ до нихъ,

какъ отжившій сластолюбивый старикъ. Въ одномъ они сближаются: это въ веселости, всегда искренней, если къ ней не примѣшается чего-нибудь посторонняго. И тѣ, и другіе веселы отъ-души, безъ раздѣла; тутъ французы даже выше итальянцевъ, за исключеніемъ развѣ римлянъ. Въ веселыя минуты итальянецъ переходитъ почти всегда въ фарсъ: онъ буффонъ по-преимуществу; между-тѣмъ, какъ французъ, въ самомъ неистовомъ припадкѣ веселости, даромъ-что она подь-часъ нарушаетъ всѣ приличія, даже нравственность, не перестаетъ сохранять элегантнось и кокетливое остроуміе.

На свѣтѣ много ходячихъ мнѣній и приговоровъ, принятыхъ навѣру у французовъ же, но лишенныхъ твердаго основанія. Къ числу такихъ мнѣній принадлежитъ и то, будто нѣмцы — народъ по-преимуществу отвлеченный, а нѣмки—самыя сантиментальныя женщины въ мірѣ. По словамъ французовъ, стѣнитъ только переѣхать отсюда Рейнъ, и за нимъ уже начинается отвлеченность, туманность, жизнь го-мановыхъ сказокъ, трансцендентальнаго идеализма, словомъ — дунатизмъ, безъ малѣйшей примѣси практическаго смысла. Вообще, французы большіе охотники до готовыхъ опредѣленій, которыхъ вовсе и не думаютъ повѣрять: что имъ до правды? Съ чьего-то голоса (потому-что нѣтъ народа идолопоклонниче къ авторитетамъ, когда ихъ признало народное тщеславіе), съ чьего-то голоса Германія пошла у французовъ за страну метафизики и непрактической жизни — да и только. Теперь они начинаютъ, впрочемъ, догадываться, что это не совсѣмъ такъ, что послѣ Англии нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ бы столько было желѣзныхъ дорогъ, какъ въ Германіи, которая начала ихъ строить, когда во Франціи объ нихъ и не помышляли; что нигдѣ, кромѣ Англии, не производится предметовъ первой и второй необходимости такой доброты и дешевизны — фактъ, доказанный между-прочимъ парижской всемірной выставкой; что во многихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ нѣмцы (вмѣстѣ съ швейцарцами) начинаютъ приближаться къ французамъ и даже съ ними соперничать. Стѣнитъ только сравнить тарифъ германскаго Zollverein'a съ французскимъ тарифомъ, и тогда они окончательно увѣрятся, на чьей сторонѣ прогрессъ, болѣе-здравыя понятія и болѣшій практическій смыслъ, свободный отъ рутинъ.

Нѣмцы отвлечены! Но ихъ отвлеченность не пропала даромъ для міра: она дала ему Канта, Шеллинга, Гегеля, все новѣйшее движеніе науки, высокіе и многообъемлющіе результаты знанія. Стало-быть, отвлеченность нѣмцевъ была практична.

Такова ли была отвлеченность французовъ? Говорю: отвлеченность, ибо и они надѣлены тѣмъ же свойствомъ, только не такъ. Нѣмцы очень-вѣрно поняли мѣсто абстракціи и заключили ее въ *чистомъ разумѣ*; это резервуаръ новой жизни, изъ которой струя проникаетъ незамѣтно, исподоволь, но проникаетъ неудержимо всюду. Французы же, когда затѣютъ что-нибудь, тотчасъ поднимаютъ всѣ шлюзы: не орошать они умѣютъ, а заливать потопомъ. Отсюда и европейскій радикализмъ: онъ не столько плодъ французскихъ теорій, сколько французской абстрактности и нетерпѣливости. Ученіе нра-

вится—давай его скорѣй примѣнять къ жизни! Прошедшее абстрагируется, то—есть прикрывается на—минуту голой доской; но того французъ и не замѣчаетъ, что подъ этой *tabula rasa* шевелится старая жизнь, которая все еще живуча и тѣмъ легче опрокидываетъ наложенную доску, чѣмъ поверхностнѣе была ею накрыта.

Арналь, въ одномъ водевилѣ, говоритъ: «*Vous ne me croirez pas, M-r, mais il y a des moments... ou je voudrais avoir 50 mille livres de rente*». То, что Арналь говоритъ на театрѣ, всякій французъ старается дѣлать въ жизни, и тотчасъ, безъ отлагательства. Но если инымъ, какъ Миресу, сдѣлавшемуся въ 8 лѣтъ богаче Ротшильда, и удастся радикализмъ въ примѣненіи къ богатству (что служить также признакомъ несовсѣмъ-здороваго состоянія общества), за—то нетерпѣніе ни къ чему не привело до—сихъ—поръ въ дѣлѣ политики. Скольکو формъ правленія перепробовала Франція въ послѣднія 70 лѣтъ! И что же? Послѣ двухъ республикъ, болѣе, или менѣе радикальныхъ и даже соціальныхъ, она два раза «сдѣлалась имперіею». Къ чему жъ привело французовъ ихъ радикально—абстрактное нетерпѣніе? И кто послѣ—того безплоднѣе въ своей отвлеченности: нѣмцы ль, создавшіе новый взглядъ на міръ и силой мысли наложившіе на него этотъ взглядъ, или французы, которые, вѣчно торопясь, дискредитировали свои теоріи, уронили, одну за другой, всѣ избранныя ими формы правленія.

О сантиментальности нѣмокъ, особливо теперешнихъ, пора перестать говорить. Онѣ мечтательны, выпренны, переполнены образованностью, тѣмъ, что называютъ *Ueberbildung*, положимъ; все это такъ. Но сантиментальностью онѣ, право, давно перестали грѣшиться. Это такой же анахронизмъ, какъ и нѣмецкое фантазерство. Странное дѣло! Сказочникъ Гофманъ давно потерялъ всякое литературное значеніе въ Германіи, и современныя поколѣнія его знаютъ лишь по слуху; а, между—тѣмъ, во Франціи (черезъ нее и у насъ, и даже у англичанъ) Гофманъ пользуется до—сихъ—поръ огромной популярностью, и его имя, вмѣстѣ съ именемъ Гейне, чуть ли не синонимъ германскаго ума, характера, поэзіи. То же и съ сантиментальностью. Родясь отъ минутнаго настроенія души гениальнаго творца «Вертера» и найдя подкрѣпленіе въ почти одновременномъ появленіи «*Sentimental Journey*» англичанина Стерна и «Новой Элоизы» швейцарца Руссо, нѣмецкая сантиментальность прошла черезъ пасторскій домикъ и огородъ Августа Лафонтена и потерялась въ слезливомъ болотѣ Бирх—Пейферши. Теперь въ Германіи о сантиментальности нѣтъ почти и помину. Во Франціи же напротивъ: возьмите любой романъ, даже не изъ дюжинныхъ, войдите въ любой театръ, даже не бульварный, вездѣ вы наткнетесь на фразы, на тирады, на сцены, отъ которыхъ съ непривычки становится тошно, какъ отъ патоки, или отъ солодковаго корня. Что А. Лафонтенъ, или Коцебу въ—сравненіи... хоть бы даже съ Скрибомъ! И знаете ли, какой страшный вредъ наносятъ парижской молодѣжи сладострастно—сантиментальныя пьесы и романы? Сколько самоубійствъ на душѣ у ихъ авторовъ, сколько оболщеній, несбывшихся надеждъ, непоправимыхъ бѣд!

«Тамъ намъ будетъ лучше», говорятъ молодые люди, обанкротившіеся въ любви, въ честолюбивыхъ, или въ корыстныхъ надеждахъ, и изъ сентиментальной вѣры въ незаслуженную ими лучшую жизнь посягаютъ легкомысленно на здѣшнюю. Подтвержденіе сказанному можно найти въ faits divers, которыми, за неизмѣнимъ болѣе-существовавшего, такъ богаты парижскія газеты. Давнымъ-давно прошло въ Германіи время, когда студенты увлекались «Разбойниками» Шиллера, а дѣвы—«Вертеромъ». Но во Франціи, въ Парижѣ, время сладенькой чувствительности еще продолжается и, повидимому, нескоро кончится. Куда-какъ отсталъ въ иномъ этотъ передовой народъ!

Много толкуютъ здѣсь также о любостыяніи, объ алчности англичанъ и сѣверо-американцевъ. Не французамъ бы это говорить, и не намъ бы слушать! Я, признаюсь, уважаю англо-саксонскую любовь къ пріобрѣтеніямъ и жажду предпріятій. Въ нихъ есть что-то грандіозное, могучее, доходящее въ новыхъ штатахъ Америки до героическихкихъ размѣровъ. Pioneers и Settlers южныхъ и западныхъ областей—титаны и герои современнаго міра. Таковъ ли характеръ теперешней французской алчности къ пріобрѣтеніямъ? Англичанинъ пуще всего купецъ, это такъ; но его торговый духъ не заглушаетъ въ немъ ни духа гражданственности, ни настойчивой энергіи въ огражденіи своихъ правъ, ни участія—не на словахъ, а на дѣлѣ—во всемъ, что можетъ возвысить и прославить его отечество. Англичанинъ не скупъ на деньги, когда рѣчь идетъ о выраженіи общественной благодарности, или объ основаніи общественнаго предпріятія. Французъ же не купецъ; это просто éricier, колотила, который ничего не дастъ, если не принудить къ тому правительство, или личное тщеславіе, торгашъ, которому мало нужды до его правъ, до его свободы, до его гражданского достоинства, только бъ «шла торговля» и онъ могъ безъ помѣхи класть въ карманъ экую за экую. Словомъ, для англичанина есть принципы, идеи, высшіе интересы, въ пользу которыхъ онъ готовъ жертвовать своими денежными интересами, какъ они для него ни дороги; для большинства же французовъ выше *наживы* нѣтъ ничего: ихъ идеалъ—наживаться и наслаждаться; про многихъ можно даже сказать—наслаждаться наживаясь и, нажившись, умереть *gentier*. Для этой цѣли нетолько все дозволено, но и все принесено въ жертву.

Такая же существенная разница между французскимъ и английскимъ лицемѣремъ.

Англичанинъ былъ испоконъ вѣка формалистъ. Это одна изъ основъ его жизни. Форма составляетъ его силу; она создала его гражданственность, она оградила его личность, его свободу. Англичанинъ стойтъ за букву, потому-что въ буквѣ онъ находитъ огражденіе своей личности и собственности, потому-что буква—его юридическій кафель, который служить ему опорой, или защитой. Стоя за букву въ гражданской жизни, онъ очень-естественно придерживается буквы и въ дѣлахъ церковныхъ. Казуистъ въ политикѣ и фарисей въ религіи, онъ является обрядникомъ всюду. И, дѣйствительно, эта коренная склонность къ формализму отозвалась у англичанъ и въ ихъ обще-

житиі, и въ обычаяхъ, и въ привычкахъ. Если англичанинъ иногда лицемеритъ, если подѣ-часъ прикидывается набожнымъ или нравственнымъ, то это, по-моему, происходитъ въ немъ не столько отъ свойственнаго всѣмъ людямъ желанія казаться лучшимъ, сколько отъ уваженія къ принятому обряду, закону, или обычаю. Формально — онъ уважаетъ все, что поставлено, или общепринято; въ-сущности—это нисколько не касается его личныхъ убѣжденій. Англичанинъ можетъ, мапримѣръ, быть невѣрующимъ и ходить по воскресеньямъ въ церковь, смѣяться надъ чопорными обычаями своей страны и соблюдать ихъ съ должной строгостью, точно такъ же, какъ онъ подчиняется отечественнымъ законамъ я, между-тѣмъ, подымаетъ противъ нихъ самую страшную агитацію, провозноситъ на митингахъ самыя грозныя рѣчи, словомъ—устраиваетъ открытый заговоръ противъ учрежденія, которое незадолго передъ тѣмъ находило въ немъ формально-строгаго исполнителя.

Вовсе не таково французское лицемеріе. Английскій *saint*, остатокъ юританизма, скорѣе ложь передъ другими, чѣмъ передъ самимъ собою: англичанинъ, вѣрующій въ букву своей библии, своихъ гражданскихъ установленій, вѣритъ также въ букву правилъ нравственности. Когда онъ не имѣетъ силы *быть*, то считаетъ необходимымъ, по-крайней-мѣрѣ, *казаться* добрымъ супругомъ, гражданиномъ, членомъ церкви. Видъ законности, ограждающей и его, и общество, для него главное. Не то у француза: желаніе казаться у него вовсе не происходитъ отъ уваженія къ буквѣ, или къ формѣ закона, а есть дѣло разсчета, прирожденной страсти къ шегольству и — шуще всего — слѣдствіе несчастной наклонности къ *фрагъ*. Фраза убиваетъ въ французѣхъ все естественное, простое, истинное; въ жизнь, ихъ искусство и литература, даже ихъ ежедневные приемы и нравы—все разочтено на эффектъ, поставлено на ходули, натянуто. Не отсюда ль происходитъ и то поражающее явленіе, что во всей исторіи Франціи, особливо въ новѣйшей, и правители, и народъ ни въ чемъ не умѣли найти должной мѣры, заходили за всѣ разумные предѣлы, хватали далѣе дѣли? Отвлеченность, въ своемъ непосредственномъ примѣненіи къ жизни, а отсюда и радикализмъ, какъ революціонный, такъ и контр-революціонный, есть плодъ французскаго генія; а что такое радикальное движеніе впередъ, или назадъ, какъ не страшное преувеличеніе, слѣдственно и непониманіе дѣйствительности и правды?

Вотъ чѣмъ объясняется цѣлый рядъ возстаній и паденій: громкія *ашиши* возвѣщаютъ великолѣпный спектакль, который, послѣ блестящаго начала, оканчивается жалкимъ фiasco. Вспомните: *ашиша* 89-го года приводитъ черезъ необузданную республику къ директоріи и къ диктаторству; *ашиши* итальянской и египетской кампаній, черезъ рядъ блестящихъ побѣдъ имперіи, къ Ватерлоо и къ реставраціи; спектакль *de l'ancien regime* оканчивается вторичнымъ изгнаніемъ Бурбоновъ; *ашиша* короля-мѣщанина не предвидитъ 24-го февраля, который, въ свою очередь, послѣ очаровательной программы, жалко кончается 2-мъ декабря. Что впереди—вѣдомо

одному Богу; только недаромъ афиша: *l'Empire c'est la paix*, пока еще съ точностью не исполнялась, и едва ли Франція дастъ до конца то, что обѣщала.

Нельзя быть безпрерывно живымъ въ жизни. Французское фразёрство имѣеть, какъ и все ложное, свои предѣлы. Это особенно справедливо въ рѣшительныя минуты, когда строгая дѣйствительность непреклонно налагаетъ правду на человѣка. Знаменитая фраза на ватерлооской битвѣ: «гвардія умираетъ, но не сдается», никогда не была произнесена; она придумана послѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, трудно предположить, чтобы кто бы ни былъ, даже французъ, выступилъ театрално впередъ, оставилъ ногу и произнесъ торжественно-эффектную фразу, въ родѣ тѣхъ, какими Тальма щеголялъ когда-то передъ публикой. Нѣтъ, у храбраго генерала Камброня вырвалось, при требованіи сдачи, лишь одно энергическое восклицаніе, которое я, мужчина, нахожу краснорѣчивѣе всѣхъ возможныхъ фразъ. Оно неудобно для печати, за-то ненатянута, искренно. Двойная честь суровому воину!

Мнѣ, признаюсь, мало вѣрится, чтобы и другая вычурная фраза: «сорокъ вѣковъ смотрятъ на васъ съ высоты этихъ пирамидъ», была произнесена генераломъ Бонапарте. Въ этомъ предположеніи меня утверждаетъ Мармонъ, который, въ недавно вышедшихъ «Запискахъ», говоритъ, что такъ-называемая битва при пирамидахъ была простою стычкой, неизмѣвшей особеннаго значенія. Можно ли послѣ-того думать, чтобы практическій умъ Наполеона позволилъ ему стать на ходули изъ пустяковъ? Конечно, ему случалось въ бюллетеняхъ, которые посылались во Францію, превращать стычки въ сраженія и поражения въ побѣды; но къ-чему было тратить на самомъ мѣстѣ столько словъ передъ нѣсколькими выстрѣлами? Рѣчь могла быть заготовлена на всякій случай, могла потомъ ходить по рукамъ; произнести же ее едва-ли рѣшился тотъ, кому приписываютъ другую, вполне-вѣрную фразу: *du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas*.

Увѣряютъ также, что знаменитый вандеецъ Ларошъ-Жакленъ, которому исторія вложила въ уста героическую рѣчь: «*si j'avance, suivez moi; si je recule, tuez*», сказалъ почти то же, да иначе: «*en avant! et si on me tue, vous me vengerez*». Оно и просто, и прекрасно.

Что за несчастная страсть аранжировать исторію! Впрочемъ, почему и нѣтъ? Вѣдь аранжировалъ же недавно какой-то господинъ шекспирова «Макбета», придѣлавъ къ нему развязку своего издѣлія! А серьезный *Journal des Débats* еще за это похвалилъ... Но чего французы не аранжируютъ!

Хотя и прискорбно, но надо сознаться, что правдивость и добросовѣстность суть по-преимуществу свойства протестантскихъ народовъ. Отчего это, не знаю; вѣроятно, правдивость лежитъ въ организаціи тевтонскаго племени.

Мы, русскіе, какъ и вообще славяне, правда, не можемъ терпѣть фразёрства на словахъ и въ литературѣ любимъ пуще всего простоту и правдивость. А, между-тѣмъ, на дѣлѣ въ жизни мы иногда

бываемъ отъ нея очень-далеки. Прихвастнуть, слить пулю, пустить пыль въ глаза — это у насъ нипочемъ! Какъ объяснить такое противорѣчіе между правдивостью писаннаго слова и ея столь частымъ отсутствіемъ въ разговорѣ и на дѣлѣ? Мы, какъ видно, сознаемъ вполне справедливость пословицы: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ», и, считая написанное дѣломъ серьезнымъ, мы имъ не шутимъ. Французы, особливо теперешніе, напротивъ: они постоянно шумятъ, постоянно тщеславятъ, и съ этой несчастной привычкой въ связи ихъ самые рѣзкіе недостатки: поверхностность, легкомысліе, *frivolité* (слово, къ-счастью, нелереводимое), фразёрство, все то, что вмѣщается въ пустомъ табачномъ кисетѣ, въ *blague*. Шатобрианъ откровенно сознается въ «Запискахъ», что его соотечественники—«le peuple le plus *blagueur* du monde». А Шатобриану, истому представителю французовъ, можно въ этомъ случаѣ повѣрить на-слово.

Гдѣ легкомысліе, гдѣ, сверхъ-того, самодовольство, тамъ непременно и невѣжество. Тому видимъ мы подтвержденіе во Франціи.

Вы съ трудомъ растолкуете французу, даже знающему иностранные языки, что есть на свѣтѣ иное произношеніе, кромѣ французскаго. Нѣмецъ, итальянецъ произнесутъ дурно; но они знаютъ, что произносить дурно. Французъ же и не подозреваетъ этого. Нетрудно и теперь встрѣтить людей образованныхъ, литераторовъ, поэтовъ, которые имя Шекспира, или Гёте выговариваютъ: Секспеаръ, Готъ. Огюсть Барбье даже рифмуетъ Goëthe съ роëte. Я былъ въ Парижѣ, когда Ронге затѣялъ въ Германіи религіозную реформу. Маленькіе парижскіе журналы стали подымать его на-смѣхъ и играть его именемъ: М-г *Ronge qui ronge l'arbre de la foi*, и т. д. въ этомъ родѣ. Никому и въ голову не пришло, что германское имя Ронге могло выговариваться иначе, чѣмъ Ронжъ, да еще съ носовымъ произношеніемъ.

А еще смѣются французы надъ каламбурами нѣмцевъ въ родѣ: *brochet en l'air!*

Какъ съ произношеніемъ, такъ и со всѣмъ остальнымъ. Можно подумать, что французъ, даже образованный, даже ученый, и не подозреваетъ, чтобъ внѣ Франціи существовали другія просвѣщенные страны, иные нравы, литература, общественныя потребности. Эта исключительность замѣчается во всемъ, даже въ заглавіяхъ книгъ, или статей. Вы читаете: «обзоръ новѣйшей литературы», «статистика желѣзныхъ дорогъ», и т. д. Всякій другой, кромѣ француза, скажетъ: здѣсь рѣчь идетъ о литературѣ, о желѣзныхъ дорогахъ вообще. Таковъ, по-крайней-мѣрѣ, естественный выводъ. Но у тщеславія иная логика. Не найдется француза, который бы хоть на-минуту усомнился, что тутъ ничего другаго и предполагать нельзя, кромѣ Франціи; ибо внѣ Франціи какая литература, какіе пути сообщенія? Стоить ли объ нихъ говорить (*)?

(*) Уже написавъ эти строки, я встрѣтилъ въ «Собраніи вступительныхъ рѣчей», и пр., извѣстнаго Мишеля Швалье, вышедшемъ недавно, слѣдующую

Отъ самодовольнаго и потому законснѣлаго невѣжества страдаемъ всего болѣе мы, русскіе. Даже наши сосѣди, ученые нѣмцы, говорятъ иногда объ Россіи, какъ-будто бы она лежала во внутренности Африки. О невѣжествѣ другихъ народовъ и говорить нечего. Однажды, докторъ медицины изъ Мадрида, стало-быть человѣкъ относительно образованный, былъ до-крайности изумленъ, когда узналъ отъ одного русскаго, что мы не-еврейскаго закона и что наша столица не Берлинъ. «Такъ вы христіане?» воскликнулъ онъ, пораженный новостью. «Но какъ же называется ваша столица?»

Онъ, по-крайней-мѣрѣ, повѣрилъ русскому на-слово и не настаивалъ на-своемъ. Но, французъ нелегко сдается на очевидность, а если и согласится съ вами, то развѣ только изъ учтивости.

Впрочемъ, невѣжество французовъ простирается и на другія, къ нимъ болѣе-близкія, страны.

Разъ, когда еще не было въ Германіи желѣзныхъ дорогъ, ѣду я въ дилижансѣ изъ Берлина въ Лейпцигъ съ однимъ пожилымъ парижаниномъ, человѣкомъ бывалымъ, знакомымъ почти со всѣми странами Европы. Въ то время, какъ дилижансъ перетѣжалъ въ Виттенбергъ площадь, на которой воздвигнута статуя Лютеру, парижанинъ спросилъ меня, что это за статуя. Отвѣтъ очевидно его смутилъ.

— Лютеръ, Лютеръ... что такое Лютеръ?

— Извѣстный реформаторъ.

— Реформаторъ! гм, чего?

— Католической церкви.

— Ахъ, да! лютеранская религія, не такъ ли?

— Точно такъ.

Французъ помолчалъ, потомъ многозначительно спросилъ:

— Что, онъ еще живъ?

Въ другой разъ — это было въ Ломбардіи — моимъ попутчикомъ случился одинъ очень-неглушій и любезный французскій инженеръ. Онъ путешествовалъ по порученію правительства и о своемъ дѣлѣ говорилъ какъ книга. Между-прочимъ, отъ нечего дѣлать, завели мы разговоръ о тогдашнемъ моденскомъ герцогѣ, который, изъ всѣхъ европейскихъ государей, одинъ не хотѣлъ признать Лудовика-Филиппа и даже собирался, какъ увѣрили, объявить ему войну. По этому случаю я рассказалъ своему спутнику двѣ чрезвычайно-остроумныя эпиграмы. Когда прошелъ въ Моденѣ слухъ о намѣреніи герцога объявить Франціи войну, французскій посланникъ сказалъ первому министру: «Напрасно вы это дѣлаете: наша таможенная стража васъ не впуститъ». Чтобы отмитить еще алѣе, Лудовикъ-Филиппъ заказалъ подробную карту Италіи и разослалъ ее по всему полуострову во

фраза: «La civilisation est en enfantement de la liberté et de l'égalité. Depuis un demi-siècle ce travail immense a déjà eu trois phases qui ont suffi à user chacune un gouvernement... la république... l'empire... la restauration». Начавъ читать, я подумалъ, что рѣчь о цивилизаціи вообще. Куда! рѣчь объ одной Франціи.

множествѣ экземпляровъ. На этой картѣ все стояло какъ слѣдуетъ; только... было позабыто Моденское Герцогство.

Мой попутчикъ расхохотался, потомъ, принявъ строгій видъ, при-
молвилъ:

— Я бы на мѣстѣ Лудовика-Филиппа поступилъ иначе: послалъ бы не карту, а флотъ съ десантомъ — прямо въ Модену.

Инженеръ, разѣзжавшій по Итали, не зналъ, что Модена лежитъ внутри полуострова! Когда я замѣтилъ ему, что онъ, вѣроятно, разумѣетъ Массу, или Каррару, то онъ небрежно отвѣчалъ:

— Масса... Модена... не все ли равно?

Я же былъ неправъ! И подѣломъ мнѣ: не слѣдовало обличать
всезнайки. Парижъ... Гавръ... не все ли равно?

Такіе примѣры встрѣчаются безпрестанно, въ рѣчахъ, въ журнальныхъ статьяхъ, даже въ книгахъ. Французы сами сознаются въ этомъ косвенно. Редакція статей о внѣшней политикѣ и вообще о чужихъ странахъ поручается въ парижскихъ журналахъ исключительно иностранцамъ, особенно нѣмцамъ.

— Отчего это? спросилъ я однажды.

— Оттого, отвѣчали мнѣ, что «нѣмцы хорошо знаютъ исторію и географію.»

Впрочемъ, не однимъ нѣмцамъ поручаются такія статьи, но и полякамъ и даже русскимъ.

Двойное движеніе, исходящее изъ центра и влекущее къ центру, движеніе, свойственное всему органическому, ощутительно, разумѣется, и въ Парижѣ. Этотъ городъ не только разсылаетъ всюду свои моды, свои причуды вкуса, мнѣній, обычаевъ, не только по безчисленнымъ радіусамъ лучезарно разлиываетъ свѣтъ, яркій, или тусклый, истинный, или ложный, своего языка, литературы, журналистики, театровъ, доктринъ, ученыхъ открытій, или промышленныхъ и другихъ изобрѣтеній, но онъ служитъ также магнитомъ, притягивающимъ къ себѣ всѣ народности, людей со всевозможными направленіями, цѣлями и образованіемъ. Въ Парижѣ можно найти какую угодно страну, или городъ, составить себѣ любой кружокъ, или вступить въ любой кругъ, согласно съ своими вкусами и привычками; можно встрѣтить уголокъ Петербурга, Москвы, даже губерніи, массу италянцевъ, испанцевъ, грековъ, цѣлое народонаселеніе зарейскихъ нѣмцевъ (около 129 тысячъ, кромѣ альзасцевъ), огромный приливъ и отливъ англичанъ (тысячъ сто въ годъ); можно вести жизнь дѣятельную и праздную, ученую и свѣтскую, учить и учиться, приобрѣтать и тратить, проживать въ годъ 30 рублей и три миліона, веселиться до-упаду и даже скучать! Въ Парижѣ можно все найти, за исключеніемъ развѣ хорошихъ сигаръ и — хрѣну (но и это найдете, если поищите); можно, все купить, даже пламенную любовь, можно, наконецъ, жить даромъ, только бѣ было умѣнье. При такой всемирности Парижа, что мудренаго, если, кромѣ безчисленныхъ ресторановъ съ французской кухней, вы найдете множество англійскихъ та-

вернѣ, ресторано́въ итальянскихъ, испавскихъ (*), русскихъ (въ со-роковыхъ годахъ ихъ было два, и очень-хорошихъ; теперь погово-риваютъ о новомъ, гдѣ даже будутъ прислуживать *garçons* въ крас-ныхъ рубахахъ, съ бородами и остриженные въ скобку); что муд-ренаго, если одинъ изъ лучшихъ табль-д'отовъ Парижа, въ *Hôtel des Princes*, готовится, какъ меня увѣрили, польскимъ поваромъ изъ Петербурга!

Знакомые съ Парижемъ, пожалуй, спросятъ: какимъ образомъ, въ то время, какъ желудка всѣхъ возможныхъ народовъ легко находятъ свою національную пищу, ихъ головы почти лишены туземной ум-ственной пиши, но скудости иностранныхъ книжныхъ лавокъ и библиотекъ для чтенія? Извѣстно, что нѣмецкихъ, англійскихъ, испан-скихъ книжныхъ лавокъ очень-мало; библиотекъ же для чтенія и со-всѣмъ почти нѣтъ. Вы найдете кое-гдѣ иностранные журналы; но книгъ найдете съ трудомъ. Петербургъ, даже Москва, въ этомъ от-ношеніи гораздо-богаче.

Впрочемъ, такая скудость довольно-понятна. Изъ нѣмцевъ, про-живаютъ въ Парижѣ почти исключительно мастеровые и мелкіе про-мышленники, изъ англичанъ — одни туристы. Образованные между ними пріѣзжаютъ сюда не затѣмъ, чтобъ упражняться въ своей ли-тературѣ. Что же касается до испанцевъ, итальянцевъ, поляковъ и т. д., то это по большей части выходцы, которые имѣютъ свои част-ныя библиотеки. А французы, за исключеніемъ ученыхъ, вовсе не читаютъ иностранныхъ книгъ; гордые своей собственной литерату-рой и національностью, они и до сихъ поръ еще не перестали счита-ть *belle France* срединной имперіей, а ея словесность — срединной, то-есть чуть не единственной словесностью.

Но вотъ что едва понятно: по какому случаю въ городѣ, гдѣ, съ театрами *de la banlieue*, считается около тридцати театровъ, изъ этого огромнаго числа только одинъ иностранный, да и тотъ итальян-ская опера? Отчего попытки основать постоянный нѣмецкій, итальян-

---

(*) Не могу къ этому списку прибавить: и нѣмецкихъ; ибо, сколько мнѣ извѣстно, ихъ нѣтъ. Противники нѣмецкой кухни, пожалуй, скажутъ: нѣтъ въ Парижѣ, потому-что нѣтъ и въ Германіи. Напрасно: она не только есть, но даже свѣдомѣй многихъ другихъ, хоть бы, напримѣръ испанской. Въ ней есть блюда, принятыя во всѣхъ европейскихъ кухняхъ. Найдти нѣмецкіе *Pfannkuchen* въ Парижѣ не рѣдкость; лучшая пекарня носитъ названіе *de la boulangerie Mennoise* и основана нѣмцемъ; *choucroute* (отъ аляскаго *Surkrut*, т.-е. *Sauerkraut*) встрѣчается на всѣхъ картахъ здѣшнихъ сабѣ, и пр. Нѣтъ, отсутствіе нѣмецкихъ ресторано́въ происходитъ, я думаю, просто отъ нѣмецкой скромности и отъ общей нѣмцамъ слабости стыдиться, а въ Германіи, всего отече-ственнаго. Тутъ нѣмцы перешеголяли даже насъ — прежнихъ. За границей русскій нѣмецъ, хотя бы ни слова не зналъ порусски, непременно выдаетъ себя за русскаго, алясонецъ—за француза; прожившій года съ два въ Англии, не иначе станетъ говорить понѣмецки, какъ сквозь зубы. Нѣмецкихъ ресто-рано́въ нѣтъ нигдѣ — по той же причинѣ, почему ни одинъ народъ не назы-ваетъ нѣмцевъ ихъ собственнымъ нѣмцемъ. Аляскацъ, джерманъ, телоско, тоскъ, нѣмецъ, только не дѣйчоръ.

ский, даже англійскій театры до сихъ поръ не имѣли никакого успѣха? Лѣтъ 12 тому назадъ я видалъ здѣсь Мэкреди съ англійской очень-порядочной трупой; со времени всемірной выставки каждую весну пріѣзжаетъ сюда мѣсяца на два, или на три пресловутая Ристори (она и теперь здѣсь); когда-то, при Лудовикъ-Филиппѣ и подъ его покровительствомъ, завелся-было нѣмецкій театръ. Но всѣ эти опыты мало удавались, и представленія прекращались за недостаткомъ поощренія. Въ настоящую минуту Ристори одна составляетъ исключеніе; но на долго ли? Поймутъ же наконецъ, что отъ Рашели до Ристори такъ же далеко, какъ отъ Марсъ до какой-нибудь Роз-Шери.

Въ то время, какъ въ Парижѣ, съ тремястами иностранцевъ, живущихъ постоянно, или пріѣзжихъ, не можетъ укорениться ни одинъ иностранный театръ, у насъ, въ Петербургѣ, при половинномъ числѣ жителей, есть французскій и нѣмецкій театры; даже въ Москвѣ бывали они, даже въ Одессѣ. Отчего эта разница?

Есть, конечно, причина ви́шняя, та, что у насъ французскій и нѣмецкій театры почти всегда были казенные; но эта одна причина еще не вполне объясняетъ странное явленіе. Въ исключительномъ существованіи въ Парижѣ однихъ французскихъ театровъ участвуетъ повсемѣстно распространенное знаніе французскаго языка, и въ-особенности то обстоятельство, что французскій репертуаръ—я разумѣю не драматическую поэзію, а собственно репертуаръ—самый разнообразный и самый сценическій въ мірѣ. Конечно, Густавъ Планшъ совершенно правъ, говоря, что французская драма нашего времени, да и вообще театръ, подлежитъ не эстетикѣ, а политической экономіи, что это дѣло не искусства, а промышленности. Но даже и въ этомъ смыслѣ ни одна нація не производитъ такихъ мастеровъ сценическаго дѣла, такихъ *faiseurs*, какъ Франція. Италія умѣетъ только поставятъ музыку особаго рода, которому композиторы другихъ народовъ не берутся подражать; но свои оперные *libretti* она все-таки заимствуетъ изъ того же французскаго репертуара, что, между-прочимъ, подаетъ поводъ къ безпрестаннымъ тяжбамъ французскихъ авторовъ съ директорами здѣшней итальянской оперы. О другихъ странахъ нечего и говорить: онѣ не въ силахъ соперничать съ Франціей въ этомъ отношеніи.

Франція спасаетъ драматическую промышленность. Безъ нея что бы стали играть англичане, итальянцы, нѣмцы? что бы играли мы, русскіе? На одномъ Шекспирѣ, или Шериданѣ, на Гёте, или Шиллерѣ, на Альфьери или Гольдони, на Озеровѣ или Гоголѣ въ наше время выѣхать трудно. Для современнаго положительнаго племени чистая поэзія недостаточна, особливо, когда она изъ другой эпохи. Подавайте намъ новостей, блеску для глазъ и ушей, раздражающихъ блюдь для притупленныхъ нервовъ, для изношенныхъ ощущеній. Мы хотимъ наслаждаться въ театрѣ по-своему, то-есть забавляться, отдыхать, увлекаться интригой, смѣяться и плакать для развлеченія. Что намъ до ума и Франціи! Мы ѣдимъ въ театрѣ послѣ гололодныхъ расчетовъ, ѣдимъ искать не изящнаго, а забавы... И вотъ

эту-то забаву, не духовную, а скорѣй чувственную, эти-то раздражающія, но вкусныя блюда французская драматическая кухня и поставляетъ намъ въ отличномъ видѣ. Чего же больше? Мы хотимъ балета, итальянской, или комической оперы, мелодрамы, водевиля, или волшебной сказки въ лицахъ... хотимъ великолѣпныхъ декораций и костюмовъ, съ превращеніями à vue d'oeil, съ эволюціями, электрическимъ освѣщеніемъ и всѣми чудесами оптики и пиротехники. Ну, что жь! Парижскія сцены дадутъ намъ вдоволь всего этого. Гдѣ жь Шекспиру, Шиллеру, или Альфьери устоять противъ такихъ совѣстниковъ?

Вотъ почему въ Лионѣ, или въ Эльбѣѣ драматической промышленности незначѣмъ быть другимъ театрамъ, кромѣ французскихъ.

Парижъ, какъ центръ образованнаго міра, нетолько вмѣщаетъ все, но и поглощаетъ, даже упраздняетъ многое. Онъ дотога могучъ, что для него Мейерберъ и Верди пишутъ свои оперы, а Шекспиръ и Шиллеръ перестаютъ существовать.

Въ подтвержденіе того, что въ Парижѣ можно найти что угодно, приведу слѣдующее: здѣсь я читаю, хоть и поздно, большую часть русскихъ журналовъ, чего въ другихъ европейскихъ столицахъ вы не добудете. Есть надежда, что современемъ заведется въ главныхъ кабинетахъ для чтенія постоянный отдѣлъ русскихъ журналовъ и газетъ. Это, разумѣется, будетъ всего болѣе зависть отъ насъ самихъ. Въ прошлую зиму считали въ Парижѣ болѣе трехъ тысячъ русскихъ, изъ которыхъ одни смѣняють другихъ. Если изъ четырехъ, или пяти тысячъ русскихъ въ годъ положить сто, или двѣсти принимающихъ участіе въ русской литературѣ и слѣдящихъ за нашими періодическими изданіями, то даже для столь ограниченнаго количества читателей содержатели библиотекъ найдутъ, конечно, выгоднымъ выписывать нѣкоторые журналы, а потомъ и книги. Число замѣчательныхъ книгъ у насъ невелико, и выборъ былъ бы нетруденъ. Даже и теперь уже можно кое-что найти, купить, или выписать, хоть медленно и дорого (рубль серебромъ обходится здѣсь франковъ въ шесть). При болѣе же правильности и при болѣе удобствѣхъ въ сообщеніяхъ, русскіе за границей могли бы легко слѣдить за движеніемъ отечественной литературы и журналистики, которая въ послѣднее время получила небывалое развитіе и находитъ себѣ несравненно-болѣе противъ прежняго кругъ читателей.

Для облегченія пересылки за границу русскихъ книгъ и журналовъ, было бы очень-желательно видѣть, чтобъ наше почтовое вѣдомство послѣдовало примѣру здѣшнихъ вѣдомствъ. Мы въ Россіи получаемъ изъ чужихъ краевъ книги, брошюры, журналы подъ простымъ бандеролемъ: почему бы, при пересылкѣ отъ насъ сюда печатныхъ сочиненій, не принять того же правила? Вѣдь у насъ пересылаются же по легкой почтѣ журналы текущаго года изъ одного

русскаго города въ другой по нарочно для нихъ установленнымъ цѣнѣмъ. Стоило бы распространить это правило и на книги, непревышающія известнаго вѣса, и на пересылку изъ Россіи въ иностранныя земли. Нѣчего говорить, какъ облегчило бы такое постановленіе литературныя сношенія между Россіей и Западной Европой, какъ содѣйствовало бы оно распространенію въ чужихъ краяхъ нашего языка и точныхъ свѣдѣній о Россіи, какъ, наконецъ, помогло бы намъ, отсутствующимъ, слѣдить за движеніемъ русской мысли и общественной жизни!

Много интереснаго, много утѣшительнаго прочелъ я въ русскихъ журналахъ съ-тѣхъ-поръ, какъ оставилъ Россію. Позволю себѣ иногда бесѣдовать объ нихъ, или съ ними; ограничусь на этотъ разъ нѣсколькими замѣчаніями по поводу слѣдующихъ словъ изъ объявленія объ изданіи «Русской Бесѣды» въ 1857 году, приложеннаго къ третьей книгѣ этого журнала за 1856 годъ. «Въ вопросѣ объ умственныхъ и духовныхъ правахъ народности въ области науки (сказано въ объявленіи) «Русская Бесѣда» представила окончательные выводы, послѣ которыхъ трудно ожидать сколько-нибудь дѣльных возраженій, и остается только возможность тонкихъ намековъ, или шутокъ, которыхъ ничтожность оцѣнится общественнымъ мнѣніемъ.»

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи, споръ о народности въ наукѣ начиналъ только разгораться, и здѣсь, къ-сожалѣнію, я не могъ слѣдить за всѣми его фазисами. Но, судя даже по отвѣтамъ, помѣщеннымъ во второй книгѣ «Бесѣды» на разныя статьи «Русскаго Вѣстника» по этому предмету, изъ которыхъ мнѣ известна только первая статья г. Чичерина, я, признаюсь, вовсе не вижу, чтобы «Бесѣда» могла съ нѣкоторой основательностью считать свои выводы окончательными и думать, будто ужъ и нельзя представить ей дѣльных возраженій.

Во все не имѣя притязаній исчерпать предметъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ возраженій противниковъ «народности въ наукѣ» мнѣ все неизвѣстны и я даже не знаю, скажу ли что-нибудь новое, я все-таки считаю нелишнимъ замѣтить, что «Русская Бесѣда» напрасно поспѣшила провозгласить побѣду. Если она обращается за окончательной оцѣнкой къ общественному мнѣнію, то, какъ мнѣ кажется, не слѣдовало бы предупредить его и становиться на его мѣсто. Вопросъ, по-моему, еще вовсе не рѣшенъ, или, правильнѣе, рѣшается въ совершенно-противномъ смыслѣ.

«Русская Бесѣда» впадаетъ въ двойную ошибку: она недостаточно отдѣляетъ науку отъ религіи; сверхъ-того, вноситъ въ область разума чуждый ей элементъ—элементъ народности.

Что выходитъ изъ этой двойной ошибки? Вотъ что: отстаивая, и очень-справедливо, права народности въ дѣлѣ искусства, «Бесѣда» выводитъ отсюда такое заключеніе: если, говорить она себѣ, есть греческое, итальянское, фламандское искусство, латинская, англійская, германская поэзія, то почему жъ не быть и русской, датской, швейцарской наукѣ?

Но тутъ—то и кроется несообразность. Равноправныхъ, въ себѣ истинныхъ народностей можетъ быть нѣсколько; вполне же истинная религія одна. Ибо если основаніемъ знанія должна служить вѣра, то, ужъ конечно, вѣра истинная, а не полуистинная, или ложная; но такъ—какъ, на-бѣду, истинную вѣру исповѣдаютъ лишь три, или четыре народа, то много—много, коли можетъ быть рѣчь о наукѣ русской, сербской, болгарской, новогреческой, а ужъ отнюдь не объ эллинской, или западной—средневѣковой и новѣйшей.

Все, что до-сихъ—поръ люди считали знаніемъ и наукой, есть лишь полужнаніе и полунанука, потому—что основаны на полужми и полуправдѣ.

Какой же отсюда выводъ? Тотъ, что научная истина все—таки одна, ибо связана не съ народностями, которыхъ *нѣсколько*, одинаково истинныхъ, а съ религіей, которая *одна* истинна, слѣдственно *одна* можетъ служить источникомъ и основаніемъ вполне праведной науки.

Теперь, какъ согласить этотъ выводъ съ другимъ, открыто признаваемымъ «Бесѣдой»? Вступаясь за права русской народности въ наукѣ, она вмѣстѣ съ тѣмъ, увлеченная чувствомъ нелицепріятія, отстаиваетъ права всѣхъ прочихъ народностей, но того и не замѣчаетъ, что сама отняла у себя логическую возможность стоять за законность, въ дѣлѣ науки, другихъ народностей, кромѣ русской, новогреческой, и т. д.

Истинно логическій выводъ одинъ: если наука неразрывно связана съ религіей, то тамъ только она и можетъ быть истинной наукой, гдѣ господствуетъ истинная религія. Но такъ—какъ вполне—истинная религія одна, а наука до-сихъ—поръ развивалась и процвѣтала лишь въ странахъ, болѣе, или менѣе лишенныхъ свѣта истинной вѣры, то очевидно, что прямое знаніе и наука явятся не тамъ, а на востокѣ Европы, и что, слѣдственно, не о такой, или другой *народности въ наукѣ* можетъ быть рѣчь, но о *религіи въ наукѣ*. Степень истинности этой послѣдней опредѣляется, стало—быть, не народностями, а исповѣданіями.

Таково логическое заключеніе изъ положеній «Русской Бесѣды»... По—нашему, основное положеніе совсѣмъ другое. Выразимъ его такъ: *формы прекраснаго* можетъ—быть нѣсколько, а *сущность истиннаго* одна. Паренонъ и кельскій соборъ, Рафаэль и Рембрандтъ, Микель-Анджело и Фидіасъ могутъ *равно* быть *прекрасны*, каждый *въ своемъ родѣ*, согласно съ личностью художника, съ его эпохой и народностью. Они такъ же мало исключаютъ другъ друга, какъ Данте исключаетъ Гёте, или Шекспиръ Гомера.

Не то съ истиной. Она по существу своему непремѣнно исключительна; ибо нельзя предполагать, чтобъ — положимъ — философіи Платона и Бэкона, отцовъ церкви и Гегеля были *одинаково истинны*. Можно говорить про ихъ относительную истинность, про ихъ историческую правду, но ужъ никакъ про ихъ истинность безусловную.

Искусство и поэзія коренятся въ индивидуальныхъ и народныхъ личностяхъ, а не въ безличномъ разумѣ. Оттого искусство и поэзія *должны* быть, да и *не могутъ не быть народны*; философія

же, или наука, въ-сущности *одна*: народное, какъ и личное, есть въ ней нѣчто случайное, ненужное, подъ-часть даже вредное, ибо оно болѣе, или менѣе односторонно, слѣдственно ложно. Такимъ-образомъ, въ искусствѣ—народное и личное есть добродѣтель, въ наукѣ—порокъ; въ искусствѣ—оно есть непремѣнное условіе, безъ котораго искусство невозможно, въ наукѣ, напротивъ—одно изъ условій, ослабляющихъ и подрывающихъ строгую научность.

Наведеніе «Русской Бесѣды» осязательно-ложное. Не-уже-ли она станетъ упорствовать? Это было бы тоже нелогично, ибо противно ея учению о смиреніи, какъ о первой изъ добродѣтелей чловѣка вообще и русскаго чловѣка въ-особенности.

Въ странѣ, гдѣ существуетъ публичное судопроизводство, чрезвычайно-любопытно, даже поучительно, слѣдить за тяжбыми и особенно за уголовными дѣлами. Когда правдивость изгнана изъ литературы, служащей выраженіемъ общественной лжи, а не истины, когда драматическія произведенія изображаютъ по болѣшей части современную жизнь—не какова она въ-сущности, а какою хочетъ казаться, тогда за правдой приходится идти въ судилища, гдѣ поступки и внутреннія побужденія поневолѣ выходятъ наружу, приходится подслушивать на улицѣ, спрашивать привратниковъ и комиссіонеровъ, справляться въ журналахъ и повѣрять ихъ разсказами частныхъ лицъ. Лишь этимъ нелегкимъ путемъ узнаешь правду о томъ, что ежедневно и еженощно совершается преступнаго и благороднаго, отраднаго и грустнаго; лишь такимъ-образомъ можно открыть, хоть отчасти, настоящее настроеніе умовъ и духа французской націи.

Повторяю: трибуналы дадутъ тутъ наиболѣе матеріала. Я буду и впредь черпать многое изъ этого источника.

Начну съ благороднаго и отраднаго во французскихъ нравахъ. Я бы скоро кончилъ, еслибъ сталъ пересчитывать поодинокѣ всѣ утѣшительные явленія и случаи общественной жизни, которыми, что бы ни говорили, богатъ французскій народъ, особливо низшія сословія, еще непритупившія въ себѣ эгоизмомъ безкорыстныхъ побужденій, еще способныя къ чистымъ движеніямъ души. Чтобъ не утомить читателей, ибо добрые поступки меньше представляютъ разнообразія и драматическаго интереса, чѣмъ злыя, я ограничусь немногими примѣрами, неизмѣнными, впрочемъ, ничего рѣзко-характеристическаго. Это по болѣшей части: прохожій, спасшій утопающаго; бѣднякъ, нашедшій на улицѣ деньги, или драгоцѣнность и возвращающій найденное, нетолько не требуя вознагражденія, но даже отъ него отказываясь; работники, сговорившіеся содержать и кормить поочередно больнаго товарища; солдатъ, вынесшій изъ пламени ребенка, или больнаго, и т. д.

Такъ, напримѣръ, продавецъ театральныхъ журналовъ нашелъ у входа въ итальянскую оперу высокой цѣны браслетъ, который онъ немедленно отнесъ въ полицію.

Могутъ возразить, что бѣдный продавецъ журналовъ былъ бы задержанъ ювелиромъ, къ которому бы онъ обратился. Такъ; но зачѣмъ обращаться къ ювелиру? Развѣ мало торговцевъ краденными вещами? Утайка была бы тѣмъ извинительнѣй, что во Франціи нѣтъ закона, опредѣляющаго награду за возвращеніе найденнаго: здѣсь можно ничего не дать, что всего чаще и случается; цинизмъ богатыхъ какъ-будто даже возрастаетъ вмѣстѣ съ цѣнностью полученнаго обратно предмета.

Но вотъ другой недавній случай, гдѣ безкорыстіе честнаго поступка совершенно-очевидно: бѣдный поденщикъ, имѣвшій жену и дѣтей, нашелъ на улицѣ, *безъ свидѣтелей*, свертокъ лундоровъ въ тысячу франковъ, и тотчасъ представилъ комиссару.

Пожалуй, насмѣшливый читатель замѣтитъ, что, видно, во Франціи можно быть честнымъ безъ глушости и найденное представить въ полицію безъ боязни за владѣльца.

Упомяну примѣръ другаго рода: въ концѣ января, во время самаго сильнаго холода, одинъ мастеровой, возвращаясь въ сумерки домой мимо Сен-Мартенскаго Канала, услышалъ шумъ въ водѣ отъ паденія какого-то тѣла. Не справляясь долго, молодецъ сбросилъ съ себя блузу и кинулся вплавь за упавшимъ. Но въ то время, какъ ему удалось уже схватить утопающаго, холодъ оледенилъ его члены, и онъ почувствовалъ, что самъ тонетъ. На его крикъ, ближній лодочникъ быстро отвязалъ свою лодку и въ темнотѣ отправился на крикъ подать помощь. Помощь лодочника пришла кстати, потому-что оба утопающіе, потерявъ память и силы, уже шли ко дну.

Вы видите, во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ ничего необыкновеннаго; во именно простота и ежедневность такихъ случаевъ и приносятъ всего болѣе чести французскому народу.

Приведу примѣръ мужества и великодушія менѣе-обыкновенный. Двѣнадцатилѣтній юнга купеческаго судна, сильно пострадавшаго отъ бури и покинутаго экипажемъ, остался незамѣченнымъ на кораблѣ, при больномъ матросѣ, и одинъ, въ-теченіе двухъ съ чѣмъ-то сутокъ, сумѣлъ такъ ловко распорядиться, что привелъ судно въ гавань—съ матросомъ, за которымъ не переставалъ ухаживать, и съ грузомъ, который сохранилъ въ-цѣлости. Морской министръ представлялъ его недавно ихъ величествамъ, при чемъ императоръ далъ мужественному юнгѣ золотую медаль, а императрица сдѣлала какому-то подаркомъ и помѣстила на свое иждивеніе въ школу юнговъ, находящуюся въ Брестѣ.

Французы—народъ чрезвычайно-мужественный, и такого рода поступки, въ связи съ способностью самопожертвованія, естественно истекаютъ изъ ихъ народнаго характера.

Безкорыстіе есть качество, болѣе-рѣдкое; еще рѣже щедрость при пособіяхъ. Нѣтъ, можетъ-быть, народа болѣе скупаго, какъ французы. Въ то же время, какъ Плюшкины у насъ становятся частъ-

отъ-часу рѣже, племя Гарпагоновъ и Гранде здѣсь вовсе не переводится. Русскому трудно повѣрить, до какой невѣроятной степени здѣсь иногда доходить скупость. Про алчность въ приобрѣтеніяхъ и говорить нечего: никогда французы такъ не любили денегъ, какъ теперь. Безсребренность и относительная щедрость всего чаще встрѣчаются между тѣми, кто по собственному опыту знаетъ цѣну пособія въ нуждѣ и бѣдности. Это вездѣ такъ; только не вездѣ такъ черствы богатые люди. Чувствуешь безпрестанно присутствіе, или вліяніе мѣщанства, добывшаго свое достояніе трудовымъ потомъ и трудовымъ мошенничествомъ.

Есть, однако, нравственные черты, какихъ я не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Франціи, и которыя особенно поразительны для насъ, русскихъ. Въ здѣшнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ получаютъ не только нерѣдко, но даже очень-часто, небольшія суммы при безыменныхъ письмахъ, въ которыхъ присылающіе сознаются, что они въ бытность свою при мѣстѣ, казенномъ, или частномъ, позволяли себѣ пользоваться незаконными доходами и теперь, каюсь въ грѣхѣ, возвращаютъ Франціи неправо нажитое во Франціи.

Согласитесь, что одна такая черта искупаетъ многое и многое. Тамъ, гдѣ часто повторяются подобныя пробы раскаянія, общественная совѣсть и общественная нравственность еще не погибли.

Говоря о честности, нельзя не замѣтить, что, можетъ-быть, нѣтъ города, гдѣ бы честность была такъ *выгодна*, какъ въ Парижѣ. Здѣсь есть множество ремеслъ и занятій, гдѣ строгая честность считается непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго не получишь ни мѣста, ни прибыли. Чтобъ въ Парижѣ быть привратникомъ (*portier*), надо быть честнымъ; чтобъ получить медаль уличнаго комиссіонера, надо быть честнымъ; чтобъ носильщика воды и трубчиста впускали въ домъ, имъ надо быть честными; честными должны быть и фіакорные извозчики, и прикащики торговыхъ домовъ, и разсылные казенныхъ и частныхъ банковъ (*garçons de caisse*), и пр., и пр. Тутъ честность есть ремесло, капиталъ, цѣлая будущность; тутъ нельзя не быть честнымъ: иначе, откажутъ отъ мѣста, не впустятъ въ домъ, не выдадутъ медали, стащатъ съ козелъ (*). Конечно, при такихъ

(*) Стащить съ козелъ, *mettre sur pied*, значить лишить фіакорнаго извозчика, на болѣе, или менѣе продолжительное время, права извозничать въ городѣ. Впрочемъ, извозникъ, или кучера здѣсь извозничаютъ не отъ себя, какъ у насъ, а отъ хозяевъ, иногда отъ цѣлыхъ торговыхъ обществъ. Вотъ почему здѣсь легко было учредить таксу, а у насъ трудно: фіакорная промышленность сосредоточена въ рукахъ нѣсколькихъ капиталистовъ, которыхъ личныя выгоды заставляютъ предпочитать вольнымъ цѣнамъ постоянную и легкую повѣрленную таксу. Честность фіакорныхъ извозниковъ вознаграждается здѣсь ежегодной выдачей отъ полиціи медалей и денежныхъ наградъ за представленіе въ префектуру позабытыхъ въ фіакрахъ вещей и денегъ, которыхъ цѣаность и цифра простирается въ-теченіе года на нѣсколько сотъ тысячъ франковъ. Кстати замѣтить, что здѣсь комиссіонеры и носильщики воды почти безъ исключенія оверьяты, трубчисты—оверьяты и савоярды. Эти послѣдніе вѣсть и печники (*fumistes*). Въ пословицу обратившаяся честность оверьятовъ зна-

внѣшнихъ побужденіяхъ, честность перестаетъ до извѣстной степени быть чисто-нравственнымъ чувствомъ; но много ль безкорыстно-честныхъ людей? И что за бѣда, если человѣкъ честенъ, между-прочимъ и изъ боязни потерять кредитъ, или мѣсто? Корыстные побужденія такого рода даютъ, по-крайней-мѣрѣ, навѣкъ, привычку честности; а доброе воспитаніе есть не иное что, какъ развитіе добрыхъ привычекъ.

Съ-нѣкоторыхъ-поръ эти добрыя привычки, къ-сожалѣнію, замѣняются понемногу дурными: такъ слышится отъ самихъ парижанъ. Они утверждаютъ, что число истинно-честныхъ привратниковъ, носильщиковъ воды, комиссіонеровъ и пр. съ каждымъ годомъ уменьшается, а причину такому печальному измѣненію къ худшему ищутъ въ возрастающей алчности домохозяевъ, развратившей привратниковъ, въ улучшенныхъ средствахъ сообщенія, подорвавшихъ званіе уличныхъ комиссіонеровъ, и т. д., но пуще всего ищутъ въ частыхъ переворотахъ, въ происходящей отсюда непрочности общественныхъ отношеній и въ усиливающейся черезъ это жадности къ быстрымъ пріобрѣтеніямъ, во что бы и какъ бы ни стало.

Къ средствамъ, помогающимъ развитію добрыхъ, нравственныхъ привычекъ, слѣдуетъ прежде всего причислить гласность. Нельзя не пожалѣть, что у насъ въ Россіи еще не введенъ обычай постоянно сообщать въ газетахъ примѣры честности, великодушія, мужества, которые между русскими встрѣчаются такъ же часто, какъ и между французами. Не въ награду слѣдуетъ возвѣщать добрые и благородные поступки, а въ примѣръ другимъ. Кто былъ свидѣтелемъ самопожертвованія, безкорыстія, въ томъ легко могло зародиться желаніе поступить также безкорыстно при удобномъ случаѣ. Но велико ли бываетъ число очевидныхъ свидѣтелей? И къ чему печать, какъ не къ распространенію въ массахъ того, что было извѣстно лишь немногимъ? А тѣ, кто посвятилъ себя изученію нашей исторіи, нашего народнаго характера, какіе бы могли они извлечь выводы изъ сообщаемыхъ отсюда указаній, рассказовъ, повѣрокъ! Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы начали стремиться къ самосознанію, прошедшее свое узнали мы довольно-хорошо, но своего настоящаго еще вовсе почти не знаемъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскій человѣкъ, столь же мужественный, какъ и французъ, хотя по-своему, такъ же, какъ и онъ, способенъ къ великодушному самозабвенію при видѣ погибающаго собрата. Но французъ — какъ всѣ народы міра, и образованные, и варвары — пользуется тѣмъ преимуществомъ, что *не боится* подать помощь на улицѣ, въ публичномъ мѣстѣ, *не боится* хранителей общественного порядка, *можетъ*, безъ малѣйшаго опасенія, отнести въ ближайшій домъ упавшаго на улицѣ, призвать къ больному перваго встрѣтившагося врача, словомъ — оказать сочувствіе ближнему, безъ страха наказанія и даже награды.

чительно слабѣетъ съ нѣкотораго времени, что особенно замѣчается между нѣхъ соотчачами угольщиками.

Гдѣ-то, не помню, въ какой столицѣ, одинъ небогатый мастеровой былъ *приговоренъ*, за спасеніе тонувшаго мальчишка, къ благодарности мѣстнаго начальника. Въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль, чуть-ли не мѣсяцевъ, бѣдный ремесленникъ отрывался отъ своего дѣла и терялъ дорогое для него время въ канцеляріяхъ, потому только, что канцелярскіе чиновники не успѣвали формально *объявить* ему благодарность начальника и дать расписаться для порядка. А онъ бѣдный и читать—то не умѣлъ: гдѣ жь ему писать!

— Нѣтъ! сказалъ онъ, выведенный изъ-себя:—впередъ наука. Теперь и отца роднаго не вытащу изъ воды, не только постороннаго...

Парижане, или парижскіе буржуа, какъ я выше замѣтилъ, приписываютъ ослабленіе честности въ здѣшнемъ народѣ непрочности общественнаго порядка и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ (*). Не знаю, до какой степени это справедливо въ-отношеніи къ низшимъ сословіямъ; но дурное вліяніе частыхъ переворотовъ на самихъ буржуа очень-ощутительно. Въ нихъ, между-прочимъ, развилось чувство если не жестокости, такъ, по-крайней-мѣрѣ, жестокости. Наружная вѣжливость и мягкость обращенія, которая, впрочемъ, далеко не общая принадлежность теперешнихъ французовъ, не можетъ служить доказательствомъ противнаго: мы, русскіе, хорошо знаемъ, что у насъ въ самые жаркіе дни, какъ-скоро спрячется солнце, есть въ воздухѣ что-то леденящее, какое-то скрытное дыханіе холода. То же и во французскомъ характерѣ. Смиренная *gent taillable et carvéable à merci* дореволюціоннаго времени впоследствии превратилась въ иррациональную толпу; тихіе и безгласные буржуа временъ Наполеона обратились въ изступленныхъ, когда 48-й годъ, особливо тяжкіе іюньскіе дни поставили ихъ лицомъ-къ-лицу съ тѣми, чьими руками они до-тѣхъ-поръ загребали революціонный жаръ; наконецъ, самые маркизы стараго *régime*, образцы изыскаго обращенія, сдѣлались тиграми въ эпоху реакціи противъ бонапартизма. Пусть вспомнятъ на достовѣрныхъ данныхъ основанный рассказъ Волябелля о *terreur blanche* на югѣ Франціи, особливо въ Лионѣ, послѣ историчнаго возвращенія Лудовика XVIII. Несмотря на всѣ усилія короля и его правительства, торжествующая партія ультра, *plus royaliste que le roi*, впадала въ *излишество*, едва-ли уступавшія оргіямъ 93-го года.

Конечно, всѣ эти припадки ярости достаточно объясняются крайнимъ возбужденіемъ страстей, фанатизмомъ политическимъ и вообще всего социальнымъ, который, отстаивая собственность и привилегіи, бываетъ иногда сильнѣе религіознаго фанатизма, отстаивающаго

(*). Эта неувѣренность такъ велика, что, какъ мнѣ рассказывали люди, заслуживающіе полной вѣры, одинъ кучеръ, служашій у банкира средней руки за 35 франковъ въ мѣсяць и не весьма-довольный своимъ хозяиномъ, отказался, однако, отъ двойнаго жалованья въ придворныхъ конюшняхъ, говоря, что онъ скорѣй готовъ получать 35 фр., да вѣрныхъ, чѣмъ 70, да невѣрныхъ. У банкира онъ, пожалуй, останется до конца дней, а тамъ—кто знаетъ сколько!

дѣло совѣсти. Но какъ бы ни было, а жестокость французскаго характера проявляется и теперь, что особенно подтверждаетъ увеличивающееся число смертныхъ приговоровъ. Прежде, при Лувикъ-Фляшшѣ, общественный голосъ сильно возставалъ противъ смертной казни, и присяжные, въ избѣжаніе грознаго приговора, имѣли обыкновеніе присоединять къ своему: *oui, il est coupable, смягчающія обстоятельства*, которыя превращали казнь въ пожизненныя, или двадцатилѣтнія галеры. Въ послѣднія восемь лѣтъ прежнее мягкосердіе французскихъ присяжныхъ уступило мѣсто небывалой до того строгости.

Изъ отчета министерства юстиціи за 1855 годъ, обнародованнаго въ январѣ, видно, что, хотя сравнительно съ 1854 годомъ число смертныхъ приговоровъ и уменьшилось почти четвертью, за-то въ сравненіи съ 1851—53 годами, особенно съ 1851, послѣднимъ годомъ республики, оно значительно увеличилось, даромъ-что въ тѣ три года было гораздо-болѣе обвиненныхъ въ высшихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Правда, министръ приписываетъ такое усиленіе строгости преимущественно судьямъ, которые, по его словамъ, примѣняли съ большими противъ прежняго ограниченіями смягчающіе приговоры жюри. Но, съ другой стороны, упомянувъ, что число приговоровъ *aux peines afflictives et infamantes* нѣсколько возрасло въ 1855 году, министръ прибавляетъ: «это служить новымъ признакомъ *твердости* со стороны присяжныхъ».

Здѣсь цифры любопытны и въ другихъ отношеніяхъ.

Въ 1851 году на 15 смертныхъ приговоровъ было 4 смягченія (коммутаціи).

Въ 1852	на 58	приговоровъ	32	смягченія.
— 1853	— 59	—	42	—
— 1854	— 79	—	42	—
— 1855	— 61	—	32	—

Само-собою разумеется, что смягченія смертныхъ приговоровъ происходили не отъ присяжныхъ.

Между уголовными, а также и гражданскими дѣлами послѣдняго времени самыя важныя по своему внутреннему значенію, безъ-сомнѣнія, дѣла касательно духовныхъ лицъ и церковныхъ вопросовъ.

Относительно тѣхъ и другихъ Франція находится въ довольно-печальномъ положеніи. Изувѣрство, плодъ невѣжества, и смѣшеніе нравственно-религіозныхъ понятій, слѣдствіе ненормальнаго состоянія общества, встрѣчаются здѣсь на каждомъ шагу. Тутъ вица и духовныхъ властей, и свѣтекыхъ.

Недавно въ полуофіціальномъ *Constitutionnel* было сказано, по поводу народнаго образованія:

«Необходимо, чтобы всѣ знали, что во Франціи XIX вѣка, въ 1855 году, болѣе четырехсотъ тысячъ мальчиковъ и четырехсотъ-пятидесяти тысячъ дѣвочекъ, всего — болѣе восьмисотъ-пятидесяти тысячъ дѣтей отъ шести до тринадцатилѣтняго возраста, не получили *никакого образованія*.»

Легой (Legoyt), директоръ статистическаго бюро при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ замѣчательной статьѣ, къ которой я возвращусь впоследствии, о *движеніи народонаселенія во Франціи*, основанной, какъ можно догадаться, на официальныхъ данныхъ и напечатанной въ февральской книжкѣ du Journal des Economistes, пришелъ, между-прочимъ, къ тому заключенію, что между вступившими въ бракъ въ 1853 году *около трети мужчинъ и болѣе половины женщинъ* не умѣли ни читать, ни писать.

Прибавлю личный фактъ: изъ трехъ французскихъ слугъ въ моемъ домѣ только одна кухарка умѣетъ кое-какъ прочесть вывѣску; остальные же (въ томъ числѣ бывший крымскій солдатъ) вовсе не знаютъ грамоты.

Вотъ одна сторона невѣжества; теперь другая.

Читатели, думаю, помнятъ, что, лѣтъ пять тому назадъ, одинъ французскій епископъ повелѣлъ произвести въ своей епархіи книжное ауто-да-фе, т.-е. сжечь не только Вольтера и Руссо, но и множество другихъ книгъ, несовѣтъ-согласныхъ, по его мнѣнію, съ ученіемъ римской церкви. Весьма-недавно, въ Грассѣ, знаменитомъ своими духами, произошло новое ауто-да-фе всевозможныхъ книгъ, брошюръ и журналовъ, подъ надзоромъ нѣсколькихъ монаховъ. *Индесы* въ наше время удивляютъ даже въ Римѣ и въ Неаполѣ; во Франціи и подавно. Съ 89-го года ничего подобнаго здѣсь не случилось.

Въ одно почти время съ тѣмъ епископомъ, другой (теперь архиепископъ и кардиналъ) объявилъ въ своемъ mandement, что Богъ съ тою цѣлью ниспослалъ язву желѣзныхъ дорогъ, чтобъ наказать трактирщиковъ, оставленныхъ въ сторонѣ съ своими городами, за скромныя кушанья, которыми они въ постные дни угощаютъ проезжихъ.

Вотъ чтó писалъ недавно одинъ изъ парижскихъ корреспондентовъ «Норда»: «Церковь во Франціи имѣетъ полное право глубоко скорбѣть. Скандалъ возникаетъ за скандаломъ: послѣ Верже, тяжба съ монахинями Пикпуса, а за-тѣмъ—дѣло муленскаго епископа... Съ-нѣ-которыхъ-поръ въ Парижѣ страшно увеличивается число монастырей, особенно женскихъ. Судите по списку женскихъ и мужскихъ конгрегацій, основанныхъ въ парижской епархіи при управленіи покойнаго Сибура» (*).

(*) Считаю великимъ привѣсть этотъ списокъ въ подлинникѣ: les Dominicains, les Capucins, les Pères Franciscains Récollets, dits de Terre Sainte, les Marianites, les deux Sociétés de Notre-Dame-de-Sion, les Pères de l'oratoire, la réforme du Séminaire du Saint-Esprit, les Eudistes, la Congrégation de Notre-Dame-de-Sainte-Croix du Mans, celle des Pères de l'assomption, les Réparatrices, les Soeurs Gardes-malades de Troyes, les Carmélites de la rue de Messino, les Soeurs de la Croix, les Soeurs des Ecoles Chrétiennees, les Soeurs de l'Espérance, les Fidèles Compagnes de Jésus, les Soeurs de l'Immaculée-Conception, les Soeurs de Marie-Joseph, les Petites Soeurs des Pauvres, les Dames de la Retraite, les Soeurs de Saint-Joseph de Belley, les Soeurs aveugles de Saint-Paul, la Maison-Mère du Sacré-Coeur; сверхъ-того, двѣ конгрегаціи, основанныя прежде

И, въ-самомъ-дѣлѣ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я знаю Парижъ, ни даже во время реставраціи, а при Лудовикѣ-Филиппѣ и подавно, не видать было столько поповскихъ и монашескихъ одеждъ, какъ теперь. Онѣ столь же часты, какъ и военные мундиры, которые прежде, вмѣстѣ съ рясами, считались въ Парижѣ диковинкой. Съ декабря 1851 мундиры стали показываться чаще-и-чаще; но монаховъ и поповъ даже и въ 1853 году еще почти не было видно. Теперь нельзя сдѣлать ста шаговъ нетолько въ Сен-Жерменскомъ Предмѣстьи и въ *rauz latin*, но даже на бульварахъ, въ первыхъ торговыхъ улицахъ, безъ-того, чтобъ не наткнуться на одного, или нѣсколькихъ монаховъ, семинаристовъ, монахинь, или священниковъ. Подъ-часъ забудешься и подумаешь, что не въ Парижѣ, а въ Римѣ. Конгрегаціи существовали здѣсь почти всегда, хотя въ несравненно-мѣншемъ количествѣ; но ихъ члены, какъ и военные, избѣгали показываться въ своихъ костюмахъ. Теперь, напротивъ: вѣтеръ дуетъ съ другой стороны, и парижане не то, чтобъ предались душой монахамъ (скорѣй солдатамъ), а просто равнодушно глядятъ на все окружающее, только бы не мѣшали ихъ торговлѣ, спекуляціямъ и биржевой игрѣ.

Не имѣю надобности сказывать, что во французскомъ духовенствѣ есть много людей истинно-образованныхъ и достойныхъ уваженія. Нужно ль прибавлять, что въ-особенности французскія монахини обнаруживаютъ на дѣлѣ все, что христова религія и женское сердце могутъ внушить трогательнаго и высокаго? Признаюсь, я не могу видѣть безъ умиленія сестеръ милосердія, имѣвшихъ столько попеченія и о нашихъ раненыхъ, показавшихъ въ столькихъ случаяхъ, что братство людей, безъ различія происхожденія и вѣры, не пустое для нихъ слово. Много добра сдѣлано во Франціи смиренная, здоровая часть духовенства; неменѣе-того, признаюсь, при мысли объ остальной части, что не могу никакъ побѣдить въ себѣ непріятнаго чувства, встрѣчая поминутно толстыхъ и жирныхъ дѣтннъ, которые разгуливаютъ, иногда толпами, по улицамъ Паржа въ своихъ долгополыхъ черныхъ одеждахъ, съ сладенькой улыбкой на устахъ и съ косвенными взглядами на прохожихъ. Жаль мнѣ бѣднаго архіепископа Сибура; но за такое размноженіе монастырей и монаховъ трудно помянуть его добромъ.

Можно ли послѣ сказаннаго и далеко недосказаннаго удивляться нѣкоторымъ страшнымъ и грустнымъ явленіямъ? Упомяну о недавнихъ.

Слѣдуя народному повѣрью, одинъ крестьянинъ недалеко отъ Парижа, чтобъ вылечить своего маленькаго сына отъ грижи, повезъ его въ полночь съ женою и сосѣдомъ въ лѣсъ, надколомъ пень

наштырства Сибура: *les Soeurs de la Notre-Dame-du-Calvaire* и *les Soeurs de la Compassion de Notre-Dame*. (Здѣсь не упомянута женская конгрегація *de l'Adoration des Sacrés-Coeurs de Jésus et de Marie*, извѣстная по процессу. Сибуръ былъ назначенъ парижскимъ архіепископомъ въ 1818 году; стало-быть, за неключеніемъ двухъ, или трехъ конгрегацій, упомянутыхъ въ концѣ, всѣ остальные основаны въ-теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ.

молодаго дуба и, въ то время, какъ сосѣдъ и онъ самъ разводили надколотыя половины, велѣлъ матери положить ребенка въ промежутокъ. На-бѣду, сосѣдъ занозилъ себѣ палець и огъ боли выпустилъ изъ рукъ свою половину пня. Послѣдствія легко отгадать: мальчикъ былъ вылеченъ радикально.

Но вотъ случай еще печальнѣе въ нравственномъ отношеніи: въ концѣ января былъ судимъ и приговоренъ къ смерти въ департаментѣ Верхней-Марны поденщикъ Вотрень за убійство годоваго ребенка. Вы спросите: изъ-чего онъ убилъ его? Изъ-того, чтобъ имѣть черепъ ребенка, который, по мнѣнію убійцы, могъ обращать его въ невидимку при покражахъ!... Не думайте, чтобъ Вотрень былъ идіотъ, или сумасшедшій: нисколько. При допросѣ, онъ обнаружилъ большое присутствіе духа, ловкость и умѣнье объяснять улики въ свою пользу.

Невѣжество простаго народа обнаруживается на каждомъ шагу. Съ-тѣхъ-поръ, какъ построены во Франціи желѣзныя дороги, безпрестанно слышатся противъ нихъ разныя обвиненія. Парамъ и дыму отъ нихъ народъ предписываетъ частые дожди и неурожай. Мнѣ не разъ случалось читать въ альманахахъ и сборникахъ для просто-народья очень-серьезныя опроверженія этого предрасудка. Другіе убѣждены, что царь причиняютъ болѣзнь картофеля. Одинъ крестьянинъ, врагъ чугунокъ, выстрѣлилъ недавно изъ пистолета въ механика, стоявшаго у своей машины, во время поѣзда изъ Канъ въ Эврѣ. Вѣра въ пророчества о свѣтопреставленіи 13 іюля н. ст. возмущила спокойствіе многихъ и многихъ. Слуги и особливо служанки изъ Бретани, изъ Южной Франціи и пр. спѣшили воротиться восвояси, желая въ тотъ день умереть на родинѣ. Въ Бордо 12 іюня было страшное волненіе.

Приведу анекдотъ, который можно бы назвать забавнымъ; еслибъ рѣчь шла не о религіи. Прошедшей осенью, пріѣзжаетъ префектъ какого-то департамента въ одну деревню къ началу обѣдни. Замѣтивъ съ удовольствіемъ, что поселяне идутъ толпами въ церковь, префектъ, нежданный и неузнанный, отправляется туда же и, къ своему крайнему удивленію, видитъ, что, незадолго до конца службы, приходскій священникъ вынимаетъ изъ кармана флейту и начинаетъ на ней наигрывать разныя шутки, потомъ кладетъ флейту въ карманъ и оканчиваетъ обѣдню.

Нечего сказывать, что префектъ послѣшій спросить, зачѣмъ такая небывалая интермедія.

— А вотъ зачѣмъ, отвѣчалъ пастырь:—когда я былъ сюда назначенъ съ полгоа тому назадъ, то скоро замѣтилъ, что почти никто не ходитъ въ церковь, такъ-что я иногда отправлялъ службу передъ однимъ дьячкомъ. Разъ вечеромъ вздумалось мнѣ заиграть на флейтѣ передъ открытыми окномъ, и вотъ я вижу, что у моего дома собирается толпа слушать. На другой день повторяю опытъ — толпа еще больше. Въ головѣ у меня блеснула мысль. Подхожу къ окну и говорю: дѣти! моя игра вамъ, какъ видно, нравится; приходите по воскресеньямъ въ церковь, и я вамъ стану наигрывать разныя пѣ-

-свки. Что жь? Съ-тѣхъ-поръ божій домъ наполняется моимъ ста-домъ, такъ-что едва можетъ вмѣщать всѣхъ приходящихъ.

Надо полагать, что послѣ наивнаго признанія офиціальная радость префекта нѣсколько убавилась.

Впрочемъ, не въ одной Франціи встрѣчаются странности въ дѣлѣ религиозной практики. Извѣстно, что Англія и Соединенные Штаты до-сихъ-поръ сохранили обычай подвергать свидѣтелей передъ судомъ религиозному испытанію и не признавать свидѣтельствъ людей невѣрующихъ. Прошедшей зимой (я повторяю со словъ Times), Джемсъ Уэтсонъ, книгопродавецъ въ Нью-Кестлѣ, взыскивалъ судебнымъ порядкомъ 14 шиллинговъ и 11 пенсовъ съ одного содер-жателя пансіона за отпущенныя ему книги. Прежде, чѣмъ истецъ раскрылъ ротъ передъ судьей, адвокатъ отвѣтника спросилъ: «Вѣ-рять ли истецъ въ бытіе Божіе?» — «Не знаю» отвѣчалъ этотъ свъ какого Бога вы вѣрите; а я вѣрю въ Верховное Существо». Затѣмъ адвокатъ началъ допрашивать книгопродавца о будущей жизни, о наградахъ и наказаніяхъ, и пр. Уэтсонъ признался, что онъ не приготовился къ такому экзамену, и потому просилъ, чтобъ ему ясное истолковали смыслъ вопроса; когда же законникъ приступилъ съ требованіемъ, вѣрять ли истецъ въ существованіе рая и ада, а этотъ отвѣчалъ, что о такихъ предметахъ до-сихъ-поръ мало заботился, тогда англійскій «крючокъ» тотчасъ заявилъ передъ судомъ, что свидѣтельство подобнаго человѣка не можетъ быть принято, и судья (по имени Лошъ) подтвердилъ своимъ приговоромъ мнѣніе адвоката.

Вслѣдствіе такого правосуднаго рѣшенія, истецъ не только не получилъ своихъ 13 шилл. и 11 пенс., но еще, сверхъ-того, былъ приговоренъ къ проторямъ и убыткамъ!

Большинство французскаго духовенства съ давняго времени отстало отъ преданій галликанской церкви; ея самостоятельный, такъ много общавшій духъ утратился, и въ теперешней Франціи уже нѣтъ болѣе Боссюэтовъ и Фенелоновъ, ни по таланту, ни по характеру. Епископы безпрестанно ѣздятъ въ Римъ и оттуда привозятъ свои вдохновенія, которыя, какъ видно, увеличиваютъ лишь виѣшнее вліяніе здѣшняго духовенства, но не увеличиваютъ его внутренней силы.

Впрочемъ, со времени введенія римскаго молитвенника намѣсто прежняго французскаго, въ духовенствѣ обнаруживается нѣчто въ родѣ оппозиціи противъ уровня, налагаемаго Римомъ. При установле-ніи новаго католическаго праздника Immaculatæ Conceptionis, явились признаки оппозиціи съ особенной силой.

Замѣчательны и другія проявленія церковной независимости. Давно не было во Франціи собственно такъ-называемыхъ расколовъ, потому-что нельзя же къ нимъ причислить мартинистовъ, сен-симонистовъ, или послѣдователей аббата Шателя. Теперь тамъ-и-сямъ возникаютъ смутные толки, особливо на югѣ. Болѣе другихъ выдающаяся секта—des montiers, утвердила свое гнѣздо въ Лионѣ и его окрестностяхъ. Эта секта была довольно распространена въ Сѣвер-

ной Германіи и во французской Швейцаріи, особливо въ Женевѣ, откуда она очевидно перешла и въ Лионъ. Вотъ что говоритъ *Droit* о лионскомъ процессѣ противъ одной изъ общинъ новой секты: «Стѣнкторыхъ-поръ *момье*, особливо изъ Сен-Белъ близъ Лиона, значительно расширяютъ кругъ своего прозелитизма. Еще недавно были они малочисленны, теперь же обхватили цѣлыя общины. Это іезуиты или, правильнѣе, епископы протестантизма, и отличаются чрезмѣрной строгостью въ благочестіи. Между членами этой секты есть нѣсколько весьма-богатыхъ семействъ. Нужда, нищета и горе скоро исчезаютъ въ кругу ихъ, черезъ взаимныя пособія, и этому-то обстоятельству иные скептики приписываютъ часть успѣха, особенно между сельскимъ народонаселеніемъ, столь жаднымъ къ корысти.

«*Момье* получили дозволеніе поселиться нъ Лионѣ, гдѣ одинъ богатый негоціантъ выстроилъ великолѣпный храмъ, который вскорѣ соединитъ въ одно стадо возникающую общину.

«Не желая стѣснять себя однимъ городомъ, *момье* захотѣли основать другую общину въ Сен-Белѣ. Но правительство, подозрѣвая при этомъ какую-то политическую цѣль, отказало въ разрѣшеніи. *Момье* не послушались и, несмотря на пять наоминаній, продолжали собираться. Тогда «исправительный судъ» нашелся вынужденнымъ призвать 46 человекъ упомянутой общины для отвѣта.

«Это безъ изыятія земледѣльцы и мастеровые съ шелковыхъ фабрикъ. Въ ихъ главѣ—бывшій сидѣлецъ (*commis*), по имени Шарлье, одинъ изъ проповѣдниковъ секты.

«Смысль отвѣтовъ Шарлье заключается въ слѣдующемъ: «Господь повелѣваетъ молиться міромъ; люди же воспрещаютъ это. Кому повиноваться: людямъ, или Богу? Конечно, не людямъ.»

Трибуналь, несмотря на краснорѣчивую защиту извѣстнаго парижскаго адвоката Беммона, приговорилъ проповѣдника къ 300 франкамъ пени.

Лионъ, несмотря на свой промышленный характеръ, отличается особеннымъ возбужденіемъ въ его жителяхъ религіознаго чувства. Упомяну, какъ о слухѣ, до-сихъ-поръ неподтвердившемся, будто г. Созе, бывший министръ и президентъ палаты депутатовъ при Людовикѣ-Филиппѣ, жившій въ Лионѣ, намѣренъ вступить въ монашество. Но расскажу болѣе-достоверный случай: хозяинъ москотильной лавки (*épicier*), считавшійся счастливымъ и въ семействѣ, и по торговлѣ, вдругъ исчезъ. Предположеніямъ всякаго рода не было конца; жена исчезнувшаго тоже ничего не знала о мужѣ. Напослѣдокъ дѣло объяснилось: въ письмѣ изъ Парижа, бѣглець объявилъ, что онъ вступаетъ въ орденъ капуциновъ.

Еще до своего побѣга изъ Лиона, этотъ человекъ подвергалъ себя разнымъ искусамъ и лишеніямъ, возбуждавшимъ насмѣшки сосѣдей. Такъ, между-прочимъ, каждый вечеръ, ложась въ постель, онъ надевалъ капуцинскую одежду, которую называлъ своимъ гробомъ.

Жена отправилась за нимъ въ Парижъ; но удастся ли ей возвратитъ его семейству?

Считаю излишнимъ приводить подобные примѣры, рѣдкіе прежде, которые обнаруживаютъ какую-то болѣзненную внутреннюю работу чувства и совѣсти, если не мысли.

Это болѣзненное состояние замѣчается и въ самомъ духовенствѣ.

Начну съ мелкихъ случаевъ. Прилична ли для духовнаго лица слѣдующая серьезная шутка? Иезуиты строятъ въ улицѣ Севръ, въ Парижѣ, церковь. Имъ нужны деньги, и вотъ одинъ изъ нихъ, о. Лёфевръ, объявилъ, что онъ разыгрываетъ себя въ лотерею. *Indépendance* напечатала его циркуляръ, который, сколько мнѣ извѣстно, еще не былъ опровергнутъ. Циркуляръ разосланъ дамамъ, особенно Сен-Жерменскаго Предмѣстья. Вотъ онъ въ буквальномъ переводѣ:

«Милостивая государыня!

«Такъ—какъ наши средства ограничены для построения церкви въ Севрской Улицѣ, то мы сочли нужнымъ прибѣгнуть къ лотереѣ. Но *общество* (sic!) бѣдно и ничего не имѣетъ, что бы можно было разыграть; по этой причинѣ, милостивая государыня, рѣшился я разыграть самого себя. Билетъ стоить сто франковъ. (Лотерея, говорятъ, назначена въ милліонъ.) Та же изъ дамъ, которая меня выигрываетъ, можетъ располагать мною въ—теченіе трехъ дней для своего назиданія, или для какого угодно подвига (въ подлинникѣ: *toute autre œuvre qu'on voudra me désigner*).

ЛЁФЕВРЪ.»

Больше шуму и меньше одобренія со стороны дамъ нашло похищеніе молодой дѣвушки стариннаго дворянскаго рода сен-этьенскимъ викаріемъ въ Бове. Ночью на страстную среду оправились бѣглецы въ Англию, прямо въ Гретна-Гринъ, гдѣ, вѣроятно, соединятся узамъ брака по англійскому обычаю, котораго законность утверждается теперь, какъ слышно, трехнедѣльнымъ пребываніемъ въ знаменитомъ пограничномъ мѣстечкѣ. Похититель счелъ нужнымъ разослать въ то же время письма къ разнымъ лицамъ, гдѣ оправдывалъ свое поведеніе несовѣтъ-каноническими доводами.

Нѣсколько недавнихъ уголовныхъ дѣлъ даютъ печальное понятіе—не говорю о французскомъ духовенствѣ вообще, по—крайней—мѣрѣ, о значительной долѣ низшаго духовенства. Давно, говорятъ, не совершалось въ этомъ послѣднемъ столько преступленій, какъ теперь, и еще какихъ преступленій!

Въ департаментѣ Эндръ одинъ деревенскій священникъ былъ недавно приговоренъ къ десятилѣтнему заключенію въ тюрьму за низко-безнравственный поступокъ, котораго подробности умалчиваю. Въ этомъ процессѣ замѣчательно; между-прочимъ, то, что послѣ аппеляціи орлеанскіе ассизы присудили Руллена къ пятнадцатилѣтнимъ галерамъ. И обвиненный, и прокуроръ, найдя оба, каждый съ своей точки, неправильности въ судопроизводствѣ, перевели дѣло въ парижскій кассационный судъ, который еще болѣе усилилъ наказаніе и приговорилъ недостойнаго абата къ вѣчной каторгѣ.

Невдалекѣ отъ Амбуаза, въ деревенькѣ Сент-Уанъ, съ давнихъ поръ священствовалъ аббатъ Шове. Аббату 68 лѣтъ. Несмотря на то, онъ нашелся вынужденнымъ обратиться въ доктору Микаэю, ко-

торый, по его мнѣнію, распространилъ въ околдѣхъ невыгодные для него слухи. Горя мщеніемъ, Шове призываетъ на помощь дюжаго крестьянина, своего родственника, которому обѣщаетъ простить долгъ 400 франковъ, да еще отдать за него замужъ свою племянницу, если этотъ поможетъ прибить порядкомъ нескромнаго доктора. Такъ и случилось: въ прошломъ февралѣ, въ 9 часовъ вечера, аббатъ и его родственникъ подстерегли врача на площади и «задали ему урокъ», до того сильный, что онъ лишился нѣсколькихъ зубовъ и едва дотащился до дому. Аббатъ былъ отмщенъ и потому, вѣроятно, перенесетъ безропотно четырехлѣтнее заключеніе; но бѣднякъ крестьянинъ получилъ, вмѣсто 400 франковъ и племянницы, на которыя имѣлъ полное право рассчитывать, лишь два съ половиною года тюрьмы и сто франковъ пени.

Еще недавно во французскомъ духовенствѣ встрѣчались люди, какъ Ламне, или хотя бы даже пресловутый аббатъ Шатель, «примасъ-епископъ новой французской церкви», мѣсяца два назадъ умершій въ Парижѣ. Такихъ людей уже теперь нѣтъ: теперешніе *протестанты* католическаго духовенства протестуютъ не словомъ, не перомъ, а кинжаломъ.

За нѣсколько недѣль передъ страшнымъ преступленіемъ Верже, аббатъ Паганелль, служа какъ-бы первымъ симптомомъ кровавому протесту, воспользовался, какъ вполнѣствіи и убійца парижскаго архіепископа, своимъ допросомъ передъ судомъ исправительной полиціи сенскаго департамента, чтобъ осмыслить обвиненіями нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ метрополи. Паганелль находился, какъ и Верже, подъ интердикціей; ему, какъ и Верже, не позволили высказать до конца своихъ обвиненій. Его поступокъ (незаконное удаленіе изъ департамента) былъ, конечно, незначителенъ; но его приемы и духъ оппозиціи уже указывали на тотъ внутренній недугъ, которымъ страждетъ часть здѣшняго духовенства и который съ такой необузданностью проявился въ фанатическомъ его собратѣ.

Было бы бесполезно приводить на память подробности преступленія, совершеннаго Верже: онъ извѣстенъ изъ газетъ. Ограничусь немногими замѣчаніями.

Читатели припомнятъ, что архіепископъ былъ убитъ въ пять часовъ вечера, въ небольшой церкви близъ Пантеона, стало-быть на одной изъ оконечностей лѣвой, отъ бульваровъ отдаленной, стороны города.

Въ тотъ день я обѣдалъ у одной знакомой дамы. Пріѣзжаетъ къ обѣду другая дама, пожилая, но истая парижанка, живая и болтливая. «Слышали вы новость?»—«Какую?»—«Съ полчаса назадъ какой-то попъ убилъ архіепископа.»

Въ тотъ же самый вечеръ императоръ съ императрицей хотѣлъ быть въ одномъ изъ бульварныхъ театровъ (Galté), гдѣ давали драму: *La fausse adultère*, считавшую, между выставленными на афишѣ авторами, извѣстнаго Мокара, правителя императорской канцеляріи (*chef du cabinet de l'empereur*). У дамъ на этотъ спектакль была ложа. Онѣ отпраиваются тотчасъ послѣ обѣда и находятъ у входа въ театръ

густую толпу, ожидавшую императора. Моя парижанка, случайно узнавшая трагическую новость прежде многихъ другихъ, не утерпѣла, чтобъ не сказать окружающимъ:

— Вы напрасно ждете и хлопочете; императора не будетъ.

— А почему вы знаете, что его не будетъ? спрашиваетъ полицейскій агентъ.

— Потому, что часа два тому назадъ убили архіепископа.

— Увѣрены ли вы, что это такъ? настойчиво спросилъ полицейскій.

— Конечно, увѣрена. Я слышала это отъ очевидца.

— То-то; смотрите: если слухъ не подтвердится, вы за него будете отвѣчать.

Болтушка перетрусилась. Къ ея счастью, подошелъ въ это время комиссаръ полиціи и объявилъ, что императора не будетъ, по случаю *смерти* архіепископа.

Дамы вошли въ свою ложу. Передъ ними, на такъ-называемой галереѣ, сидѣло двое унтер-офицеровъ. Одинъ изъ нихъ сталъ рассказывать сосѣдямъ объ убійствѣ, прибавляя къ каждому слову, что онъ слышалъ это отъ своего *ami le capitaine*.

— Ты ошибаешься, говоритъ товарищъ;—ты это слышалъ отъ меня.

— Нѣтъ, не отъ тебя, а отъ капитана.

— Да отъ какого капитана? Ты ни одного не знаешь, кромѣ своего; да и тотъ въ отлучкѣ.

Обиженный рассказчикъ обратился къ сосѣдямъ:

— Вы не вѣрьте ему: онъ немного подгулялъ. Я могу васъ увѣрить: мнѣ рассказывалъ это мой другъ капитанъ, который самъ былъ въ церкви.

Вотъ въ какой обстановкѣ дошла до меня первая вѣсть объ убійствѣ архіепископа Сибура. Когда я воротился домой, *portier* встречаетъ меня со свѣчой, останавливаетъ и спрашиваетъ таинственно: «Слышали вы?» — Что? — «Архіепископъ убитъ.»

Я почти боялся признаться, что слышалъ: дотога напугали меня допросы и предостереженія полицейскаго агента.

На другой день весь городъ говорилъ о страшномъ событіи.

Преступленіе Верже не есть обыкновенное преступленіе. Его процессъ, какъ онъ сообщенъ публикѣ, далеко не объясняетъ характера этого челоуѣка. Что онъ такое—сумасшедшій, мститель, или фанатикъ? Пружинны, двигавшія имъ, чрезвычайно-сложны. Верже, не простой сумасшедшій, котораго голова не знаетъ, что дѣлаетъ рука; онъ мономанъ и фанатикъ своей идеи, коли хотите, но мономанъ съ сознаніемъ, невзирая на тщеславный, безпокойный и раздражительно-восприимчивый характеръ. Его преступленіе, есть плодъ многолѣтнаго непрерывнаго раздраженія — и не столько противъ личныя недоброжелателей, сколько противъ католическаго духовенства вообще и злоупотребленій его власти. По-моему, Верже есть *французскій ересархъ XIX столѣтія*; еслибъ я не боялся оскорбить благородной памяти Пор-Ройяла, то сказалъ бы: это Равальякъ ясенни-

ма (*). Съ свойственной французамъ радикальностью, онъ ищетъ примѣнить свое учение непосредственно къ дѣйствию и ultima ratio находить въ каталонскомъ ножд. Въ такой рѣшимости участвуетъ также характеризующее нашъ вѣкъ слабовѣрие въ силу слова и нравственнаго вліянія, замѣненное вѣрою въ матеріальную силу—денегъ, кулака, кинжала, все равно, только бѣ цѣль достигалась быстро и вѣрно. Впрочемъ, иезуиты не внушили ль съиздавна католическому духовенству, что цѣль освящаетъ средства? Только это правило Верже обратилъ не въ пользу духовенства, а противъ него. Да и не онъ одинъ: вслѣдъ за нимъ другой священникъ, изъ Матера въ Калабріи, прибѣгнувъ къ тѣкому же иезуитскому argumentum ad hominem противъ своего епископа и соборнаго каноника.

Обстоятельство, всего яснѣе показывающее характеръ и степень фанатизма, одушевившаго убійцу, было, сколько мнѣ извѣстно, еще мало замѣчено. Ближайшимъ поводомъ къ преступленію, послужило установленіе праздника 8-го декабря, извѣстнаго подъ названіемъ: Immaculata Conceptio (**). Въ лицѣ архіепископа, Верже мечталъ поразить не человѣка, который ему ничего не сдѣлалъ, а идею, которую онъ считалъ несогласною съ христіанствомъ. И что же? Архіепископъ Сибуръ, его жертва, былъ именно изъ числа тѣхъ прелатовъ, которые всего болѣе противились установленію упомянутаго праздника. Верже, какъ давнишнему члену епархіи, это обстоятельство не могло остаться неизвѣстнымъ; но онъ, какъ самъ сознавался, хотѣлъ porter un grand coup, и потому, не имѣя средствъ ѣхать въ Римъ, обрекъ на жертву парижскаго архіепископа.

Сколько самое преступленіе, столько и судъ надъ преступникомъ, и общій одобрительный голосъ въ пользу судей представляющаго чрезвычайно-много поучительнаго.

Слово «республика» часто кружило голову французамъ; а, между тѣмъ, самое дѣло, res publica, оставалось и остается во Франціи пустымъ звукомъ безъ смысла. Французъ можетъ быть буяномъ, декламаторомъ, можетъ строить или разрушать баррикады; но гражданиномъ въ строгомъ и серьезномъ значеніи быть не въ силахъ. Ему нужна постоянная опека, только бѣ она не слишкомъ оскорбляла его тщеславія; другими словами, ему нужна «желѣзная рука въ бархатной перчаткѣ». Девизъ француза, особенно теперешняго—всякій за себя и кто-нибудь за всѣхъ», будь тотъ кто-нибудь я, Филиппъ или Наполеонъ, Генрихъ или Каваньякъ: огромному большинству, что за дѣло до этого? Впрочемъ, соболезниваніе о страшной кончинѣ достойнаго архіепископа было всеобщее, и не между одними только католиками. Изъ парижскихъ журналовъ въ-особенности одинъ отдалъ покойному прелату глубоко-прочувствован-

(*) Верже не былъ деистомъ: тому есть несомнѣнные доказательства; но онъ ослѣпо клонился къ протестантизму.

(**) Т.-е. безгрѣшное зачатіе св. Дѣвы Римская церковь, устанавливая въ 1854 году этотъ праздникъ, придала ему особое, новое значеніе.

ный почетъ: это — органъ французскаго іудаизма, изъ котораго выписку любопытные могутъ найти въ «Nord» 13-го января.

Преступленіе Верже имѣло два послѣдствія. Здѣшнее правительство, желая по-возможности отвратить подобные случаи, намѣрено, говорить, устроить приюты для духовныхъ, находящихся подѣ интердикціей, которыхъ число возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Второе послѣдствіе то, что, по словамъ извѣстнаго въ Парижѣ прелата, съ того времени замѣчено нѣкоторое охлажденіе при исполненіи обрядовъ церкви и уменьшеніе числа исповѣдующихся.

Надобно надѣяться, что такое охлажденіе не продолжится. Въ великій четвергъ и на второй день Пасхи, въ 7 часовъ утра, приобщалось и въ нынѣшнемъ году очень-много мужчинъ — однихъ, безъ женщинъ—по принятому съ нѣкоторыхъ псрѣ обычаю, вслѣдствіе споровъ духовенства съ университетомъ, при чемъ въ то время утверждали съ разныхъ сторонъ, что свѣтское воспитаніе мужчинъ отвлекаетъ ихъ отъ церкви. О женщинахъ и говорить нечего: на ихъ благочестіе ни споры съ университетомъ, ни преступленіе Верже не имѣли никакого дѣйствія.

Главные, самыя крупныя пожертвованія монастырямъ и конгрегациямъ дѣлаются дамами. Недавно было замѣчено, что въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ увеличиваются подаванія, дары и завѣщанія въ пользу различныхъ религіозныхъ общинъ, пособія свѣтскимъ больницамъ и богадѣльнямъ уменьшаются до того, что управленіе общественными богоугодными дѣлами (administration de l'assistance publique) вынуждено было, при сокращеніи матеріальныхъ средствъ и при возрастающей дороговизнѣ предметовъ продовольствія, ограничить въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ пріемъ больныхъ и ихъ содержаніе. Было даже наряжено слѣдствіе для разузнанія личныхъ средствъ каждаго больного и назначено взимать съ наименѣе нуждающихся среднимъ числомъ по полутора франка (38 к. с.) въ день.

Одно изъ самыхъ значительныхъ пожертвованій послѣдняго времени подало поводъ къ процессу, о которомъ было много говорено въ газетахъ. Я разумю процессъ маркизы Герри противъ женской конгрегациі, извѣстной подѣ именемъ конгрегациі Улицы Пикпусъ, въ Парижѣ. Маркизѣ теперь 74 года. Ея отецъ, эмигрантъ, былъ убитъ въ 95 году; матери своей она лишилась при рожденіи. Сиротою вышла она замужъ въ 1803 г. за маркиза Герри, который, въ свою очередь, былъ убитъ въ 1815, сражаясь въ рядахъ ройялистовъ. Съ этой минуты дочь и вдова героевъ легитимизма рѣшилась посвятить себя Богу. Для этой цѣли она выбрала монастырь de l'adoration perpétuelle des Sacrés-Coeurs de Jésus et de Marie, находящійся, какъ сказано, въ Улицѣ Пикпусъ, котораго задача состояла въ прославленіи четырехъ періодовъ жизни Исуса Христа: его дѣтства (воспитаніемъ дѣтей, особливо бѣдныхъ); его сокровеннаго возраста (дневнымъ и ночнымъ поклоненіемъ евхаристіи); его евангельской жизни (миссіями, какъ въ самой Франціи, такъ и въ отдаленныхъ странахъ); наконецъ, его распятой жизни (умерщвленіемъ плоти). Евангельскую

жизнь Христа представляли священники, причисленные къ конгрегаци; сокровенной же и распятой жизни посвящали себя исключительно монахини. Само-собой разумѣется, что бывшая маркиза выбрала для своихъ духовныхъ подвиговъ эту послѣднюю задачу и съ этою цѣлью пожертвовала конгрегаци, съ 1815 по 1857 годъ, 1,303,783 франка. Правда, она долгое время исправляла должность экономки, завѣдывала дѣлами монастыря и даже отдѣльныхъ монахинь, но, какъ бы ни было, вдругъ ей показалось, что пожертвованныя ею деньги употребляются несогласно съ предназначенной цѣлью, и вслѣдствіе того она не только сама вышла изъ конгрегаци, но потребовала судебнымъ порядкомъ пожертвванной ею суммы, сосчитанной до послѣдняго франка. Конгрегация выиграла процессъ, благодаря въ особенности ловкому краснорѣчію Берье; но публикѣ занимало не то, кто выиграетъ, а то, что во Франціи еще есть люди, разоряющіеся на конгрегаци, и есть конгрегаци, принимающія такія колоссальныя жертвованія, несмотря на обѣтъ бѣдности. Впрочемъ, милліонъ маркизы пошелъ отчасти на школы и на миссіи.

Другая женщина подала поводъ къ еще болѣе-странному процессу. Старая дѣва изъ Гренобля, де-ла-Мерльеръ, вздумала явиться двумъ дѣтямъ, пасшимъ стадо, «въ райской одеждѣ» своего покроя, и тѣмъ подать поводъ къ слухамъ о явленіи Богородицы, или къ такъ-называемому miracle de la Salette, который считалъ, и даже до-сихъ-поръ считаетъ, много поклонниковъ. Такіе примѣры верѣвки во Франціи. Въ томъ же Дофинѣ, если не ошибаюсь, Розетта Тампье, еще молодая дѣвушка, сочинила также чудо, которому повѣрилъ не только жандармъ, бывший при слѣдствіи, но даже помощникъ префекта. Обманъ молодой Розетты былъ обнаруженъ судомъ протестантскаго города Нима; но зрѣлую дѣвицу де-ла-Мерльеръ обвинили печатно два католическихъ священника, выигравшіе въ добавокъ процессъ, начатый противъ нихъ ею же самою.

Тутъ нельзя не одобрить поступка двухъ священниковъ, непопулярнаго гласности и суда для обличенія изуверства. Но не всегда поведеніе здѣшняго духовенства безукоризненно въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи. Припомнимъ весьма-недавній соблазнъ въ муленской епархіи, подавшій поводъ къ совершенно-законному вмѣшательству французскаго правительства.

Оно чрезвычайно-много дѣлаетъ для поднятія духовенства, служащаго ему одной изъ самыхъ сильныхъ опоръ. Не говоря о множествѣ прежнихъ мѣръ, упомяну лишь о слѣдующемъ: недавно было рѣшено въ императорскомъ совѣтѣ, что, вслѣдствіе возстановленія великаго капитула Сен-Дени (de la grande Chanoinerie), число канониковъ-епископовъ возрастетъ до 12-ти, вмѣсто прежнихъ 6-ти, съ окладомъ въ 6,000 фр. каждому; а канониковъ-священниковъ, вмѣсто 12, будетъ 24, съ 3-хъ-тысячнымъ окладомъ, и что великій милостыераздаватель (grand-aumônier), не иначе, какъ кардиналъ, получитъ дворецъ и 150 тысячъ франковъ для своего содержанія.

Конечно, нельзя сказать, чтобъ духовенство оставалось равнодушнымъ къ подобнымъ щедротамъ и отличіямъ. Знаменитый о. Вен-

тура, сдѣлавшійся придворнымъ проповѣдникомъ въ Тюильри послѣ своихъ римскихъ подвиговъ, навлекшихъ на него гнѣвъ Пія IX, произнесъ въ день пасхи передъ императорскою фамиліею проповѣдь, въ которой развилъ слѣдующую удивительную тѣму: «Мы были недавно свидѣтелями событія, имѣющаго, въ размѣрѣ безконечнаго къ конечному, сходство со смертію и съ Воскресеніемъ Христовымъ, свидѣтелями паденія и возстановленія имперіи». Это собственныя слова проповѣдника, который заключилъ свое поученіе блистательнымъ комплиментомъ: «Въ то время, какъ императрица исполняетъ подвигъ, опреѣленный ей Богомъ, водворить при дворѣ царствіе практическаго католичества, императоръ совершаетъ свой подвигъ, водворяя католичество въ законодательствѣ. Его внѣнецъ перейдетъ, такимъ-образомъ, на главу его сына, сего благословеннаго чада. Императоръ содѣлается счастливейшимъ изъ супруговъ и блаженнѣйшимъ изъ отцовъ, точно такъ же, какъ онъ и могущественный изъ монарховъ, и слава временная будетъ для него служить преддверіемъ вѣчной славы.»

Нѣтъ сомнѣнія, что отъ о. Вентуры до Массильона неизмѣримо-далеко; но приведенныя мною слова показываютъ, до какой степени католическое духовенство чувствительно къ благодѣяніямъ и покровительству императорской власти.

Къ-сожалѣнію, не всѣ раздѣляютъ эти чувства. Ультрамонтаны по-прежнему не расположены ни къ новымъ династіямъ, ни къ старымъ «вольностямъ» галликанской церкви. Муленскій епископъ, изъ древней дворянской фамиліи Дрѣ-Брезе, всегда отличавшійся особенной приверженностью къ Бурбонамъ и къ Риму, позволилъ себѣ недавно слишкомъ-явныя нарушенія конкордата и гражданскихъ постановленій, почему и навлекъ на себя аппеляцію (*appel comme d'abus*) министра и объявленіе (*déclaration d'abus*) императорскаго совѣта. Упомянутая проповѣдь о. Вентуры, между-прочимъ, замѣчательна и тѣмъ, что была сказана вслѣдъ за неодобрительнымъ рѣшеніемъ правительства и потому служить какъ-бы протестомъ противъ притязаній французскихъ ультрамонтановъ.

Притязанія молодаго муленскаго епископа были велики. Императорскій совѣтъ, обвинялъ его: 1) въ публичномъ провозглашеніи синодальнаго правила *de non appellando ad potestatem secularem*; 2) въ требованіи отъ приходскихъ священниковъ предварительной отставки требованіи, противномъ началу неотрѣшимости (*inamovibilité*); 3) въ установленіи капитула, гдѣ, сверхъ канониковъ, признанныхъ и содержимыхъ государствомъ, имъ назначено было нѣсколько другихъ, на епархіальномъ окладѣ.

Дрѣ-Брезе, какъ и надо было полагать, не призналъ за императорскимъ совѣтомъ права вмѣшиваться въ дѣла епархіальнаго управленія.

Русскимъ читателямъ, привыкшимъ къ полному согласію между церковью и государствомъ, едва будетъ понятно такое явное и, можно-сказать, дерзкое нарушеніе правъ государственныхъ, несмотря на конкордаты съ папскою властію. Мы, къ великому счастью Россіи,

не имѣемъ понятія о раздвоеніи духовной и свѣтской власти и потому не можемъ одобрять духовенства, которое, несмотря на вѣковыя оплоты противъ его исключительныхъ притязаній, не перестаетъ помнить, что оно принадлежитъ не своей землѣ и народу, а Риму и его епископу.

По французскимъ законамъ и по предварительному соглашенію съ папскою властію, духовенство, содержимое на счетъ государства, утверждается на своихъ мѣстахъ по его выбору и съ его согласіемъ и отнюдь не можетъ быть смѣнено помимо его, не только епископами, но даже и самимъ папою. Молодому Дрѣ-Брезе, воспитанному въ Римѣ и опирающемуся на тройную силу: на свой кредитъ у папы, на вліяніе и значеніе своего семейства въ партіи легитимистовъ и наконецъ на свое богатое, независимое состояніе, захотѣлось извѣдать, до какой степени онъ можетъ простереть духовную власть въ своей епархіи. Не желая стѣснять себя утвержденною закономъ неотрѣшимостію приходскихъ священниковъ, онъ сталъ требовать отъ нихъ предварительныхъ мнимо-добровольныхъ отставокъ, которыя пускалъ въ ходъ всякій разъ, какъ священникъ ему не нравился. Утверждаютъ даже, что онъ самовольно постановилъ отлучать отъ церкви тѣхъ священниковъ, которые прибѣгнули бы противъ него къ свѣтской власти. Такимъ-образомъ, онъ отставилъ тронъ изъ нихъ, и, какъ кажется, совершенно-неосновательно, потому-что не только священники вошли съ жалобой, но даже городъ Муленъ отправилъ къ императору депутацію изъ почетныхъ гражданъ, съ просьбой положить предѣлъ честолюбивымъ замысламъ епископа и водворить миръ и согласіе въ епархіи. Въ «Мониторѣ» было сказано по этому случаю: «Всей Франціи извѣстно, что прелатъ, обвиняемый въ злоупотребленіи своей власти, возбудилъ неблагоразумнымъ своимъ поведеніемъ сильное и общее негодованіе въ вѣрноподданной ему епархіи и тѣмъ самымъ нанесъ ущербъ какъ религіи, такъ и общественному порядку... Императоръ получилъ лично два прошенія, подписанныя болѣе, чѣмъ тремя тысячами жителей города Муленя, и свидѣтельствующія глубокой разрывъ между пастыремъ и его стадомъ. На основаніи важныхъ жалобъ и укоризненныхъ поступковъ, правительство сочло своей обязанностію воспользоваться единственными путемъ, предоставленнымъ ему органическими законами, путемъ протеста противъ злоупотребленій епископской власти, и вѣсть съ тѣмъ оно извѣстило папскій престолъ о случившемся.»

Изъ статьи оціанальнаго журнала можно видѣть, что поведеніе муленскаго епископа было не такого свойства, чтобы его подвергать формальному суду, и что правительство, на основаніи органическихъ законовъ, имѣло лишь *право протеста*, выраженнаго приговоромъ совѣта, что, впрочемъ, нисколько не лишало епископа занимаемаго имъ мѣста и только напоминало ему обязанности, налагаемыя на него званіемъ французскаго подданнаго. Католическимъ духовнымъ необходимо напоминать время-отъ-времени, что у нихъ, сверхъ вѣчнаго отечества, представляемаго «вѣчнымъ городомъ»,

есть и временное, земное отечество, что они не только попы, но и граждане.

Въ царствованіе Лудовика-Наполеона это еще первый случай протеста противъ злоупотребленій епископской власти. При Лудовикѣ-Филиппѣ было, если не ошибаюсь, два подобные случая. Они встречались даже во время реставраціи. Исконная на Западѣ борьба свѣтской власти съ духовною, которая неудержимо разлагаетъ въ самомъ Римѣ и въ его областяхъ всѣ общественные элементы, безпрестанно нарушаетъ порядокъ и единство въ прочихъ странахъ католическаго міра. Нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время эта борьба иначе не можетъ кончиться, какъ торжествомъ свѣтской власти; тѣмъ-менѣе, духовенство и его органы не перестаютъ увеличивать своихъ притязаній и усиливать свое наружное вліяніе. Я говорю: наружное, потому, что для всякаго безпристрастнаго наблюдателя, во Франціи, какъ и повсюду, внутренняя животворящая сила католицизма очевидно исчезаетъ.

Недавно, одинъ изъ парижскихъ реформатскихъ пасторовъ, Мартенъ Пашу, осмѣлился напечатать слѣдующую фразу: «la France est-elle alholique? Bien certainement non. Est-elle protestante? Non plus.» Что же такое Франція?

Въ-сущности, Франція равнодушна. Только въ ней могла явиться книга: объ индеферентизмѣ въ дѣлѣ религіи; не появится ли скоро и другое сочиненіе: объ индеферентизмѣ въ дѣлѣ гражданственности? XVIII вѣкъ, въ-сравненіи съ теперешнимъ, былъ вѣкомъ вѣрованій и убѣжденій; самый скептицизмъ имѣлъ характеръ догматическій; люди умирали и шли на плаху во имя отрицаній. Теперь не то: люди ничего не отрицаютъ и вѣрятъ для вида во что угодно, на дѣлѣ же вѣрятъ лишь въ звонкое и осязательное—въ деньги.

Въ концѣ XVIII вѣка французы поклонялись à la déesse Raison; Наполеонъ построилъ temple de la Gloire; нынѣшнее поколѣніе молится богинѣ-биржѣ, которая въ Парижѣ выстроена точь-въ-точь, какъ бывшій temple de la Gloire, теперешняя Madeleine.

Н. М — ВЪ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИГЛАШЕНІЕ.

Императорскій Лицей, къ предстоящему въ 1861 году пятидесятилѣтію существованія своего: съ 1811 по 1843 годъ подъ именемъ Царскосельскаго, а съ 43 — Александровскаго, приступилъ къ составленію исторіи своей.

Очерчивая свой бытъ на основаніи документовъ, составляющихъ дѣла его архива, онъ желалъ бы официальную исторію свою украсить частными разсказами изъ воспоминаній людей, близкихъ учрежденію, разсказами наподобіе тѣхъ, какіе сообщены публикѣ редакціей «Атеней» въ послѣднемъ номерѣ его (№ 8-й 1859 года), въ «Запискахъ» И. И. Пущина. Потому Лицей обращается ко всѣмъ, кто имѣетъ подобные матеріалы, съ покорнѣйшею просьбою сообщить ихъ ему, адресуя на имя директора Лицея. Все доставленное, въ случаѣ, если бы доставитель пожелалъ, будетъ возвращено, по принадлежности, въ полной сохранности.

ПОВѢСТЬ О ДВУХЪ ГОРОДАХЪ.

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА.

КНИГА ВТОРАЯ: ЗОЛОТАЯ НИТЬ.

XIV.

ЧЕСТНЫЙ РЕМЕСЛЕННИКЪ.

Каждый день множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ представлялось глазамъ мистера Джеремайя Крѣнчера, сидѣвшаго на своемъ табуретѣ, въ Улицѣ Флитъ, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ—уродомъ. Кто могъ бы сидѣть на чемъ бы то ни было въ Улицѣ Флитъ, въ продолженіе дѣятельнаго времени дня, безъ—того, чтобы не быть поражену, оглушену этими двумя громадными процесіями, изъ которыхъ одна постоянно слѣдовала къ западу вмѣстѣ съ солнцемъ, другая направлялась къ востоку, удаляясь отъ солнца, но обѣ стремились къ равнинамъ за предѣлы пурпуроваго и огненнаго сіянія, гдѣ утопало солнце!

Мистеръ Крѣнчеръ сидѣлъ съ соломинною во рту, слѣдя за двумя непрерывными потоками, подобно азыческому селянину, принужденному цѣлыми столѣтія смотрѣть на одну рѣку, съ тою только разницею, что Джери никогда не ожидалъ, чтобы эти потоки высохли. Да такое ожиданіе для него не было бы благонадежно, потому—что онъ получалъ небольшую часть своего дохода, сопровождая робкихъ женщинъ (обыкновенно полныхъ и болѣе, чѣмъ средняго возраста), съ тельсоновской стороны пролива на противоположный берегъ. Какъ ни кратковременно бывало это соупутствіе каждый разъ, но леди всегда заинтересовывала мистера Крѣнчера, и онъ не пропускалъ случая выразить ей свое особенное желаніе выпить за ея доброе здоровье. И подарки, получаемые

нить для исполненія этой благой цѣли, поправляли его финансы, какъ было сейчасъ замѣчено.

Бывало время, когда поэтъ саживалъ на площади на табуретѣ и мечталъ въ виду людей. Мистеръ Крѣнчеръ, сидя на улицѣ, на своей табуретѣ, не бывши поэтомъ, мечталъ какъ-можно-менше, но смотрѣлъ кругомъ себя въ-оба.

Случилось, что онъ былъ занятъ подобнымъ образомъ въ такое время года, когда толпы становились рѣдки, одурѣлыхъ женщинъ встрѣчалось немного и вообще его дѣла находились не въ цвѣтущемъ положеніи, такъ-что въ сердцѣ его подымалось сильное подозрѣніе, не шляется ли мистрисъ Крѣнчеръ объ полъ, по своему обыкновенію, какъ вдругъ чрезвычайное стеченіе народа, стремившагося къ западу, внизъ по Улицѣ Флитъ, привлекло его вниманіе. Смотри въ ту сторону, мистеръ Крѣнчеръ открылъ, что это были похороны и что эти похороны возбуждали сильное негодованіе народа, которое подняло всю суматоху.

— Джери-меньшой, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, обращаясь къ своему потомку: — погребенье.

— Ура, отецъ! закричалъ Джери-меньшой.

Молодой джентльменъ произнесъ этотъ восторженный крикъ съ таинственнымъ значеніемъ. Старому джентльмену этотъ крикъ очень не понравился, и, улучивъ минуту, онъ хватилъ молодого джентльмена по уху.

— Чтѣ ты смекаешь тамъ? Чего орешь ура? На чтѣ намекаешь своему собственному отцу, ты, молодое зелье? Нѣтъ, этотъ малый изрукъ-вонъ! сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, осматривая его. — Онъ и его ура!... Чтѣбы я этого впередъ не слышалъ, не то еще крѣпче достанется. Слышишь?

— Я худаго ничего не сдѣлалъ, объявилъ Джери-меньшой, потирая свою щеку.

— Молчи же, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ: — отговорокъ мнѣ твоихъ не нужно. Становись на лавку и смотри на народъ.

Слыть повиновался. Толпа приближалась. Она ревяла и шипѣла вокругъ грязнаго балдахина и грязной траурной кареты, гдѣ сидѣлъ только одинъ провожатый, одѣтый въ грязныя траурныя лохмотья, который считался необходимымъ для достоинства его положенія, хотя, повидимому, ему вовсе не нравилось это положеніе, среди возраставшей толпы черни, которая окружала его карету, издѣвалась надъ нимъ, дѣлала ему рожи и непрестанно ревяла и вешила: «Уа! шпіоны! цыцъ! уа! шпіоны!» прибавляя еще множество другихъ привѣтствій, сланкомъ-сильныхъ, чтобы повторить ихъ.

Похороны во всякое время имѣли особенно-притягательную силу для мистера Крѣнчера. Онъ всегда наострялъ свои уши, становился чрезвычайно-раздражителенъ, когда похороны проѣзжали мимо Тельсоновъ. Естественноъ поэтому, что похороны, сопровождаемая такою необыкновенною свитою, очень взволновали его, и онъ спросилъ у перваго человѣка, который бѣжалъ на него:

— Чтѣ это, братъ? въ чемъ дѣло?

— Я не знаю, отвѣчалъ человѣкъ. — Шпіоны! уа! цыць! цыць! шпіоны!

Онъ спросилъ у другаго человѣка:

— Кого хоронятъ?

— Я не знаю, отвѣчалъ и этотъ, хлопая, однакожь, руками по своему рту и вопя съ удивительнымъ жаромъ: «Шпіоны! уа! цыць! цыць! шпіоны!»

Наконецъ онъ напалъ на лицо, болѣе-знакомое съ подробностями дѣла, и узналъ отъ него, что это были похороны какого-то Роджера Клайна.

— Онъ былъ шпіонъ? спросилъ мистеръ Крѣнчеръ.

— Шпіонъ Ольдь-Бэле, отвѣчалъ этотъ свѣдущій человѣкъ. — Уа! цыць! уа! Шпіоны Ольдь-Бэле!

— Какже, въ-самомъ-дѣлѣ! воскликнулъ Джери, припомнивъ процессъ, на которомъ онъ присутствовалъ. — Я видалъ его. Такъ онъ умеръ?

— Мертвъ какъ баранина, отвѣчалъ другой: — да одной смерти ему мало. Подавай ихъ сюда! шпіоны! тащи ихъ сюда! шпіоны!

За отсутствіемъ всякой идеи, эта идея была очень-привлекательна. Толпа ухватила за нее съ жадностію и, громко повторяя предложеніе: «подавай ихъ сюда! тащи ихъ сюда!» стѣснилась такъ около обонхъ экипажей, что тѣ должны были остановиться. Народъ открылъ дверцы кареты, изъ которой вырвался единственный провожатый. На-минуту онъ оставался въ рукахъ народа; но онъ былъ быстръ на ноги, даромъ не сталъ терять времени и въ слѣдующую же минуту летѣлъ по одной изъ боковыхъ улицъ, оставляя за собою траурный плащъ, шляпу, обвитую крепомъ, бѣлый носовой платокъ и прочія эмблемы печали.

Народъ рвалъ ихъ на части и разбрасывалъ съ большимъ наслажденіемъ; между-тѣмъ, вупцы поспѣшно запирали свои лавки, потому-что въ то время ничто не останавливало толпы: это было страшное чудовище. Она раскрыла уже балдахинъ и готова была вынуть гробъ, какъ вдругъ одинъ свѣтлый геній предложилъ, вмѣсто-того, сопровождать гробъ до мѣста его назначенія, среди всеобщаго восторга. Практическія указанія были нужны, и это указаніе было также принято съ рукоплеска-

ніями. Карета вдругъ наполнилась восьмию человѣками, дюжина располжилась снаружи, и на крышѣ балдахина помѣстилось сколько могло народу. Въ числѣ первыхъ охотниковъ находилса самъ Джери Крѣнчеръ, который скромно скрылъ свою щетинистую голову отъ наблюдательныхъ глазъ Тельсоновъ въ крайнемъ углу траурной кареты.

Гробовщики протестовали противъ этихъ перешъвъ въ церемоніахъ; но рѣка, на несчастье ихъ, была очень—близко, и многіе голоса зашѣтали о необыкновенной дѣйствительности холоднаго погруженія, какъ средства убѣжденія противъ упрямства этихъ господъ промышленниковъ. Протестъ былъ поэтому слабъ и коротокъ. Преобразованная процессія двинулась: трубачистъ правилъ балдахиномъ, слѣдуя совѣтамъ настоящаго кучера, который сидѣлъ возлѣ него для этой дѣли подъ строгимъ надзоромъ; пирожникъ, при содѣйствіи такого же кабинетскаго министра, правилъ траурною каретою. Медвѣдь съ вожатымъ, обыкновенное зрѣлище на улицахъ, въ то время были залучены, какъ добавочное украшеніе, прежде, нежели кавалькада успѣла проѣхать Страндъ, и черныи, паршивый медвѣдь придавалъ необыкновенно—погребальный видъ той части процессіи, съ которою онъ двигался.

Такимъ—образомъ, распивая пиво, кура трубки, рева пѣсни во все горло и до безконечности карикатура горе, эта беспорядочная процессія шла своею дорогою, на каждомъ шагѣ привлекая свѣжихъ новобранцевъ, всѣ лавки закрывались передъ нею. Ея окончательнымъ назначеніемъ была старая церковь Сен—Панкрасъ, въ то время находившаяся далеко въ поляхъ. Она достигла его наконецъ, настояла, чтобъ ее впустили на кладбище, и, къ своему удовольствію, окончательно совершила погребеніе покойнаго Роджера Клаяя.

Покончивъ дѣло съ покойникомъ, толпа искала теперь новаго развлеченія. Опять какой—то свѣтлый геній, а можетъ—быть и многіе, стали забавляться, обвиняя прохожихъ, будто они шпіоны Ольдъ—Бэла и вымещая на нихъ свою ненависть. Толпа погналась за десятками мирныхъ людей, которые въ свою жизнь ни разу не были возлѣ Ольдъ—Бэла, подвліяніемъ одного воображаемаго подозрѣнія, преслѣдуя ихъ пинками и толчками. Переходъ къ битью оконъ и далѣе къ разоренію кабаковъ былъ очень—легокъ и естественъ. Наконецъ, по прошествіи нѣсколькихъ часовъ, когда уже множество бесѣдокъ при тавернахъ было поломано, желѣзныя ограды были разнесены и люди съ наиболѣе—воинственнымъ духомъ вооружились желѣзными дреками, разнесся слухъ, что гвардія идетъ. Толпа теперь постепенно исчезла. Можетъ—быть, гвардія, въ—самомъ—дѣлѣ, шла, а можетъ—быть она и вовсе и не шла; но такъ обыкновенно оканчивала чернь.

Мистеръ Крѣнчеръ не присутствовалъ при заключительныхъ забавахъ, но остался позади на кладбищѣ, побѣдствовать съ гробовщиками и соблюзновать ихъ положенію. Мѣсто оказывало на него необыкновенно-утѣшающее вліяніе. Онъ досталъ трубку изъ сосѣднаго кабачка и принялся покуривать, поглядывая на ограду и пристально изучая мѣстность.

— Джери, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, обращаясь къ самому себѣ, по своему обыкновенію:—видишь, и Клай давно ли былъ живъ, и человекъ—то онъ былъ молодой и крѣпкій.

Выкуривъ трубку и подумавъ еще немного, онъ повернулъ назадъ, чтобы поспѣть на свое мѣсто до закрытія тельсонова банка. Можетъ-быть, его размышленія о смертности раздражили его печень, можетъ-быть, вообще здоровье его было и прежде не въ порядкѣ, или, можетъ-быть, онъ желалъ показать особенное вниманіе одному знаменитому человеку, какъ бы то ни было, но онъ сдѣлалъ короткій визитъ, на возвратномъ пути, своему медику, извѣстному въ то время доктору.

Джери—меньшой встрѣтилъ своего отца съ должнымъ участіемъ и объявлялъ, что въ его отсутствіе работы не представилось. Банкъ закрылся; старые конторщики вышли изъ него; обычный караулъ занялъ свои мѣста, и мистеръ Крѣнчеръ съ сыномъ отправились домой къ чаю.

— Теперь я вамъ скажу, въ чемъ дѣло! объявилъ мистеръ Крѣнчеръ своей супругѣ при входѣ: — если да мнѣ, какъ честному ремесленнику, мой промыселъ въ эту ночь не удастся, я буду знать на вѣрное, что вы намолили мнѣ неудачу, и тогда я отработаю васъ, какъ—будто я это видѣлъ самъ своими глазами.

Несчастная мистриссъ Крѣнчеръ покачала головою.

— Опять за то же и въ моемъ лицѣ! сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, съ видомъ зловѣщаго подозрѣнія.

— Я ничего не говорю.

— Хорошо; такъ и не придумывайте ничего. Такъ, или иначе, а вы можете идти мнѣ поперекъ. Эй бросьте это. Да, Джери!

— Да, Джери! повторилъ мистеръ Крѣнчеръ, садясь за чай. — А! теперь—да, Джери! Вотъ на что дѣло пошло! Я позволяю вамъ сказать: да, Джери!

Едва-ли мистеръ Крѣнчеръ понималъ что—нибудь подъ этими сердитыми подтвержденіями, хотя употреблялъ ихъ, какъ это часто дѣлаютъ люди, чтобы выразить вообще ироническое неудовольствіе.

— Вы и ваше «да, Джери», сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, покусывая свой бутербротъ и заливая громкимъ хлѣбкомъ чаю, какъ—будто онъ глоталъ съ блюдечка огромную, невидимую устрицу. — А! я думаю такъ. Я вѣрю вамъ.

— Вы уходите на ночь? спросила скромная жена, когда онъ откусилъ другой кусокъ.

— Да, я ухожу.

— Можно мнѣ съ вами идти, отецъ? быстро спросилъ сынъ.

— Нѣтъ, не можно. Я иду удить, какъ извѣстно твоей матери. Вотъ куда я иду. Иду рыбу удить.

— Ваша уда скоро ржавѣеть, неправда ли, отецъ?

— Не твое дѣло.

— Принесете вы рыбы домой, отецъ?

— Если нѣтъ, такъ придется вамъ говѣть завтрашній день, сказалъ этотъ джентльменъ, покачивая головою. — Довольно болтать. Я уйду, когда ты будешь спать.

Остальной вечеръ онъ занимался пристальнымъ наблюденіемъ за мистриссъ Крѣнчеръ, сердито продолжая разговоръ, чтобы мѣшать ей придумывать различныя молитвы на его погибель. Съ этою дѣлью онъ заставлялъ также сына бесѣдовать съ нею и мучилъ несчастную женщину, выводя всѣ возможные причины своихъ жалобъ противъ нея, не давая ей ни минуты покоя, чтобы предаться собственнымъ размышленіямъ. Самый набожный человекъ, конечно, не могъ бы болѣе почтять дѣйствительности ея молитвъ, какъ онъ въ своемъ недоверіи къ женѣ. Онъ боялся ихъ, какъ отъявленный вольнодумецъ страшится подчасъ пустой сказки о привидѣніяхъ.

— И помните, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, — чтобы и завтра не повторялось тѣхъ же штукъ! Если да я, какъ честный ремесленникъ, успѣю припасти пивца, чтобы у меня не обходиться одною водою. Идешь въ Римъ, живи, какъ въ Римѣ; а то Римъ дастъ вамъ себя знать. Я вашъ Римъ, знаете это.

Потомъ онъ началъ снова ворчать :

— Съ вашимъ хлопаньемъ и вашимъ безчувственнымъ поведеніемъ ѣда и питье совсѣмъ выведутся. Посмотрите на вашего сына: вѣдь онъ ваша кровь, ваша, что ли? Онъ тощъ, какъ дранница. Зоветесь вы матерью, а не знаете, что первая обязанность матери раздуть своего парня.

Это затронуло заживое Джери-меньшого, который заклиналъ свою мать, чтобы она исполнила свой первый долгъ и, хотя пренебрегая прочими обязанностями, обратила бы вниманіе прежде всего на отправление этого назначенія матери, такъ любезно названнаго его другимъ родителемъ.

Такимъ-образомъ, вечеръ прошелъ въ семействѣ Крѣнчеровъ. Джери-меньшому было приказано идти спать; мать его, получившая подобное же приказаніе, повиновалась ему. Мистеръ Крѣнчеръ пробавлялся осталь-

ные часы трубкою и сталъ только собираться въ походъ около часу ночи. Когда наступилъ этотъ часъ привидѣній, онъ всталъ съ своего стула, вынулъ ключъ изъ кармана, открылъ имъ запертый шкафъ, вынулъ изъ него мѣшокъ, заступъ порядочной величины, веревку, цѣпь и другіе снаряды уженья въ этомъ родѣ. Разсовавъ эти предметы кругомъ себя искуснымъ образомъ, онъ погрозилъ еще на мистриссъ Крѣнчеръ, погасилъ свѣчу и ушелъ.

Джери-меньшой, который только притворялся, что онъ раздѣвается, когда отправился спать, недолго оставался послѣ своего отца. Подъ прикрытіемъ мрака, онъ вышелъ изъ комнаты, спустился съ лѣстницы на дворъ и послѣдовалъ за нимъ по улицамъ. Онъ не безпокоился, какъ попасть ему снова домой: домъ былъ наполненъ жильцами и дверь оставалась настожь цѣлую ночь.

Подстрекаемый похвальнымъ честолюбіемъ изучить искусство и тайны честнаго промысла своего отца, Джери-меньшой плотно жалея около фасадовъ домовъ, дверей, стѣнъ и не упускалъ изъ виду своего почтеннаго родителя. Почтенный родитель отправлялся къ сѣверу; въ нѣкоторомъ разстояніи къ нему присоединился другой ученикъ Исаака Юлтона (*), и оба пошелъ вѣстѣ.

Черезъ полчаса они оставили за собою едва-брезжущіе фонари и сонныхъ городскихъ сторожей и вышли на уединенную дорогу. Здѣсь они приняли къ себѣ другаго рыбака, и такъ тихо, что, еслибъ Джери-меньшой былъ суевѣренъ, онъ могъ бы подумать, что другой спутникъ вдругъ раздѣлился надвое.

Всѣ трое продолжали путь. Джери-меньшой шелъ за ними, пока трое не остановились у насыпи, подымавшейся надъ дорогою. На верху насыпи находилась низенькая кирпичная стѣна, заканчивавшаяся также сверху желѣзнымъ палисадомъ. Подъ тѣнью насыпи и стѣны трое повернули съ дороги въ глухой переулокъ, окаймленный съ одной стороны этою же стѣною, подымавшеюся здѣсь на высоту восьми, или десяти футовъ. Притаившись въ углу, посматривая въ даль переулка, Джери-меньшой увидѣлъ прежде всего фигуру своего почтеннаго родителя, довольно-рѣзко очерченную свѣтомъ сыраго, полузаволокнутаго облаками мѣсяца, ловко перелѣзавшую черезъ желѣзную калитку. Онъ скоро скрылся за нею; за нимъ послѣдовалъ второй рыбакъ и потомъ третій. Всѣ трое тихо опустились на землю и прилегли къ ней, можетъ-быть, прислушиваясь. Потомъ они поползли на-четверенькахъ.

(*) Известный любитель рыбной ловли, написавшій о ней нѣсколько сочиненій, сдѣлавшійся авторитетомъ для англійскихъ аматѣровъ.

Теперь была очередь Джери-меньшого приближаться къ калиткѣ, и онъ это сдѣлалъ, задерживая дыханіе. Согнувшись снова въ уголку здѣсь и смотря сквозь калитку, онъ распозналъ трехъ рыбаковъ, ползущихъ между высокою травою, среди множества надгробныхъ камней кладбища — да, они были на обширномъ кладбищѣ — которые смотрѣли, какъ привидѣнія въ бѣлыхъ саванахъ, между-тѣмъ, какъ церковная башня представляла подобіе духа какого-нибудь чудовищнаго гиганта. Они ползли недалеко и вдругъ остановились, поднялись на ноги и принялись удить.

Сначала они удили лопатою. Вотъ почтенный родитель принялся устанавливать какое-то орудіе въ родѣ большого штопора. Но какими бы инструментами они ни работали, они работали крѣпко, пока страшный бой церковныхъ часовъ не перепугалъ Джери-меньшого до того, что волосы стали у него дыбомъ, какъ у отца, и онъ пустился опрометью бѣжать.

Но давно задуманное желаніе узнать подробно это дѣло не только остановило его дальнѣйшій побѣгъ, но даже привлекло его снова назадъ. Они продолжали еще пристально удить, когда онъ вторично началъ смотрѣть въ калитку. Но теперь, казалось, рыба начала клевать. Снизу слышались жалобные, пискливые звуки, и согнутыя фигуры рыбаковъ клонились подъ тяжестью. Медленно тяжесть вырывалась изъ подъ-земли и наконецъ вышла на поверхность. Джери-меньшой очень хорошо зналъ, что это будетъ за рыба; но, когда онъ увидѣлъ ее, увидѣлъ, что его почтенный родитель готовился вскрыть ее, онъ такъ перепугался, какъ новичокъ, еще непривыкшій къ подобному зрѣлищу, что пустился снова бѣжать, теперь уже не останавливаясь, пока не пробѣжалъ болѣе мили...

Онъ бы и не остановился даже тогда, еслибъ ему не нужно было перевести дыханія. Это былъ побѣгъ отъ привидѣнія, и онъ желалъ скорѣе добѣжать до конца. Онъ былъ увѣренъ, что видѣнный имъ гробъ преслѣдовалъ его; онъ воображалъ себѣ, какъ этотъ гробъ скакалъ за нимъ, стоя на суженномъ концѣ, почти догоняя его, становясь даже рядомъ съ нимъ и подталкивая подъ руку. Это былъ страшный преслѣдователь. Это былъ непонятный, вездѣсущій врагъ. Страшенъ былъ бѣглецу мракъ, остававшійся позади; онъ бросился на большую дорогу чтобъ миновать темные переулки, боясь, чтобъ гробъ не выпрыгнулъ изъ нихъ, какъ раздутый змѣй безъ хвоста. Но гробъ прятался въ дверяхъ, потирая о нихъ свои страшныя плечи, подымая ихъ подъ самыя уши, какъ-будто онъ заливался насмѣшливымъ хохотомъ. Онъ скрывался въ широкія тѣни по дорогѣ и хитро залегалъ въ

нихъ на спивѣ, чтобъ спугнуть Джери. Все это время гробъ, продолжалъ скакать безъ остановки, пока мальчикъ, полуживой отъ страха, не достигъ наконецъ своей собственной двери; и даже теперь гробъ не отставалъ отъ него, преслѣдуя его по лѣстницѣ, тяжело подпрыгивая на каждую ступеньку; взвалившись на постель всею мертвою тяжестью упалъ на грудь ему, когда онъ уснулъ.

Разсвѣло; но солнце еще не взошло, когда Джери-меньшой былъ разбуженъ отъ своего тягостнаго сна появленіемъ отца въ семейной комнатѣ. Что-то ему не удалось: такъ заключилъ, по крайней мѣрѣ, Джери-меньшой потому, что отецъ схватилъ мистриссъ Крѣнчеръ за уши и началъ стучать ея голову объ изголовье постели.

— Я вамъ сказалъ напередъ, что я это сдѣлаю, говорилъ мистеръ Крѣнчеръ: — вотъ и сдѣлалъ.

— Джери, Джери, Джери! молила его жена.

— Вы сами идете напротивъ барышей ремесла, сказалъ Джери.— Я и мои товарищи страдаемъ. Вы должны чтить и повиноваться. За какимъ чортомъ вы этого не исполняете?

— Я стараюсь быть хорошею женою, Джери! убѣждала его бѣдная женщина со слезами.

— Развѣ хорошая жена идетъ наперекоръ дѣлу мужа? Развѣ презирать его дѣло значить почитать мужа? Развѣ не слушаться его во всемъ, что до дѣла его касается, значить повиноваться мужу?

— Джери, вы тогда не принимались за это страшное дѣло.

— Довольно съ васъ, отвѣчалъ мистеръ Крѣнчеръ:— что вы жена честнаго ремесленника: не вашему женскому уму рассчитывать, когда онъ принялся за свое ремесло. Почтительная, послушная жена оставила бы ремесло его въ покоѣ. Зоветесь вы благочестивою женщиною? Такъ подавайте мнѣ нечестивую, если вы благочестивы. Вы столько же понимаете свой собственный долгъ, сколько знаетъ дно этой Темзы, что такое свая, и въ васъ точно также должно вколотить это сознаніе долга.

Перебранка происходила очень-тихимъ голосомъ и кончилась тѣмъ, что честный ремесленникъ сбросилъ свои сапоги, запачканные глиною, и растянулся во всю длину на полу. Бросивъ робкій взглядъ на его развалившуюся фигуру, заложившую свои ржавыя руки вмѣсто подушки подъ голову, сынъ легъ также и заснулъ опять.

Къ завтраку рыбы не было, да и вообще завтракъ былъ скудный. Мистеръ Крѣнчеръ былъ не въ-духѣ и держалъ возлѣ себя желѣзную крышку чайника, чтобы пустить ею въ мистриссъ Крѣнчеръ, если она только обнаружитъ нахѣреніе прочесть молитву. Въ обычный часъ онъ

умылся, причесался и отправился съ своимъ сыномъ на исполненіе своихъ открытыхъ обязанностей.

Джери-меньшой, шедшій рядомъ съ отцомъ, съ табуретомъ подъ-мышкою по многолюдной, залитой солнечнымъ свѣтомъ Улицѣ Флитъ, вовсе не похожъ былъ теперъ на Джери, бѣжавшаго домой въ прошедшую ночь отъ своего непріятнаго преслѣдователя. День освѣждалъ его хитрый умъ, а беспокойство совѣсти прошло вмѣстѣ съ ночью. Очень-вѣроятно, въ этомъ отношеніи ему было много товарищей, въ это прекрасное утро, и въ Улицѣ Флитъ, и въ лондонскомъ сити.

— Отецъ, сказалъ Джери-меньшой, когда они шли вмѣстѣ, держась, однакожъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи и ограждая себя табуретомъ: — что такое воскреситель?

Мистеръ Крѣнчеръ остановился на тротуарѣ прежде, нежели отвѣтить:

— Я почему знаю!

— Я думалъ, отецъ, вы все знаете, сказалъ невинный мальчикъ.

— Гм! Ну, отвѣчалъ мистеръ Крѣнчеръ, продолжая идти и приподнявъ шляпу, чтобы его шетинѣ было поспокойнѣе:—это ремесленникъ.

— Какой же товаръ у него, отецъ? спросилъ остроухой Джери-меньшой.

— Его товаръ, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ, подумавъ немного:— это ученый товаръ.

— Не труны ли, отецъ? спросилъ живой мальчикъ.

— Дá, что-то въ этомъ родѣ, я полагаю, сказалъ мистеръ Крѣнчеръ.

— Ахъ, отецъ, я бы хотѣлъ сдѣлаться воскресителемъ (*), когда вырасту.

Мистеръ Крѣнчеръ успокоился, но покачалъ головою сомнительно.

— Это зависитъ, какъ разовьются твои таланты. Старайся развивать свои таланты и держи языкъ за зубами, и кто знаетъ, что изъ тебя выйдетъ.

Джери-меньшой, ободренный такимъ-образомъ, подвинулся впередъ, чтобы поставить табуретъ подъ тѣню Темпльской Заставы, и мистеръ Крѣнчеръ прибавилъ про-себя:

— Джери, ты честный ремесленникъ. Есть надежда, что этотъ мальчикъ будетъ тебѣ утѣшеніемъ и вознаградитъ за мать.

(*) Такъ назывались люди, кравшіе труны изъ могилъ и продававшіе ихъ докторамъ для диссекцій. Цѣна труповъ была такъ высока, что нѣкоторые рѣшались на убійство, чтобы достать только тѣло. Эти убійцы извѣстны были подъ именемъ бѣркеровъ.

XV.

Вязанье.

Въ кабацкѣ мсьё Дефоржа питье началось ранѣе обыкновеннаго. Въ шесть часовъ поутру, блѣдныя лица, смотрѣвшія въ его рѣшетчатая окошки, замѣчали другія лица внутри его, склонившіяся надъ шалликами вина. Мсьё Дефоржъ продавалъ очень-жиденькое вино даже и въ хорошія времена; но въ настоящее время, казалось, онъ продавалъ необыкновенно-жидкое вино, кислое вино и, сверхъ-того, окисляющее, по своему вліанію на расположеніе пьющихъ, которыхъ оно дѣлало иррациональными. Виноградный сокъ мсьё Дефоржа не сверкалъ вакхическими пламенемъ: нѣтъ, въ его дрожжахъ таился едва тлѣвшійся огонь, который жегъ потихоньку.

Вотъ уже третье утро кряду шли такъ рано въ кабацкѣ мсьё Дефоржа. Это началось въ понедѣльникъ, а теперь наступила среда. Это было, однакожъ, скорѣе раннее совѣщаніе, нежели попойка, потому-что сюда заходили тайкомъ послушать и пошептаться такіе люди, у которыхъ за душою гроша не было. Эти люди, однакожъ, принимали такой горячій интересъ въ кабацкѣ, какъ-будто они были въ-состояніи распорядиться здѣсь цѣлыми боченками вина, и они переходили отъ одного мѣста къ другому, изъ одного угла въ другой, съ жадными взорами, глотая бесѣду вмѣсто питья.

Несмотря на большое, противъ обыкновеннаго, стеченіе народа, хозяина кабачка не было видно. Его отсутствія не замѣчали, потому-что никто изъ приходящихъ не искалъ его, никто не спрашивалъ о немъ, никто не удивлялся, видя одну мадамъ Дефоржъ, на ея мѣстѣ, за стойкою, съ чашкою истертыхъ монетъ передъ собою, столь же истертыхъ, какъ и человѣческая меляга, изъ драныхъ кармановъ которой онъ выходила.

Шпіоны, заглядывавшіе въ кабачокъ, точно такъ же, какъ заглядывали они во все мѣста, высокія и низкія, начиная отъ королевскихъ дворцовъ и оканчивая тюрьмою, можетъ-быть, замѣчали здѣсь перерванный интересъ, преобладавшее забытьё. Картежная игра шла вяло; игроки въ домино задумчиво строили башни изъ костей; пившіе вино чертили фигуры на столахъ разлитымъ виномъ; сама мадамъ Дефоржъ прокалывала узоръ на своемъ рукавѣ зубочисткою и видѣла и слышала что-то вдали, неслышимое и невидимое для прочихъ.

Такова была физиономія этой части Предмѣстья Св. Антонія до полудня. Въ полдень, два запыленные человѣка прошли по его улицамъ

подъ его качающимися фонарями: одинъ изъ нихъ былъ мсьё Дефоржъ, другой—уже знакомый намъ шоссейный работникъ въ голубой фуражкѣ. Покрытые пылью, истомленные жаждою, они вошли въ кабачокъ. Появленіе ихъ зажгло огонь въ груди св. Антонія, быстро распространившійся, какъ они проходили по улицамъ, и обнаруживавшійся мимолетнымъ пламенемъ на лицахъ, показывавшихся въ дверяхъ и окошкахъ. Никто, однакожъ, не послѣдовалъ за ними, ни одинъ человѣкъ не заговорилъ съ ними, какъ они вошли въ кабачокъ, хотя глаза всѣхъ обратились на нихъ.

— Добрый день, господа! сказалъ мсьё Дефоржъ.

Это привѣтствіе, казалось, всѣмъ развязало языки, потому—что на него отвѣтили хорошо:

— Добрый день!

— Худая погода, господа! сказалъ мсьё Дефоржъ, покачивая головою.

Каждый взглянулъ теперь на своего сосѣда и потомъ всѣ опустили глаза и продолжали сидѣть молча. Одинъ только человѣкъ всталъ и вышелъ вонъ.

— Жена, сказалъ Дефоржъ громко, обращаясь къ мадамъ Дефоржъ:— мы прошли нѣсколько миль съ этимъ добрымъ малымъ, шоссейнымъ работникомъ, котораго зовутъ Жакъ. Я встрѣтилъ его случайно, въ полутора дняхъ пути отъ Парижа. Онъ добрый малый, этотъ шоссейный работникъ, котораго зовутъ Жакъ. Дай—ка ему выпить, жена!

Другой человѣкъ всталъ и вышелъ. Мадамъ Дефоржъ поставила вино передъ шоссейнымъ работникомъ, котораго звали Жакъ. Онъ раскланялся голубою фуражкою передъ всею компаніею и началъ пить. За пазухою его блузы у него былъ чорствый кусокъ чернаго хлѣба. Онъ ѣлъ его въ промежуткахъ между глотками и сидѣлъ, жуя и запивая, вольѣ стойки мадамъ Дефоржъ.

Третій человѣкъ всталъ и вышелъ. Дефоржъ освѣжилъ себя также глоткомъ вина; но онъ выпилъ менте, нежели сколько было налито гостю—для него вино было не въ рѣдкость—и онъ стоялъ теперь выжидая, пока работникъ кончалъ свой завтракъ. Онъ не смотрѣлъ ни на кого изъ присутствующихъ, и никто не глядѣлъ на него, ни даже мадамъ Дефоржъ, которая принялась за вязанье и вся предалась работѣ.

— Кончили вы вашу ѣду, мой другъ? спросилъ онъ его во—время.

— Дá. Благодарю васъ.

— Пойдите же: я вамъ покажу комнату, которую, я сказалъ, вы можете занять. Она чудо—какъ придется по васъ.

Они вышли изъ кабачка на улицу, потомъ на дворъ, на наружную лестницу и по ней поднялись на чердакъ—тотъ самый чердакъ, гдѣ

всегда бѣловолосый человекъ сидѣлъ на низкой скамейкѣ, наклонившись впередъ, и очень-прилежно тачалъ башмаки.

Бѣловолосоваго человека теперь здѣсь не было; но здѣсь были три человека, которые поодиночкѣ вышли изъ кабачка. Между ними и бѣловолосымъ человекомъ, который былъ далеко, существовала одна ничтожная связь: они когда-то смотрѣли на него сквозь щели стѣны.

Дефоржъ закрылъ осторожно дверь и сказалъ вполголоса:

— Жакъ-первый, Жакъ-второй, Жакъ-третій! Это свидѣтель, котораго встрѣтилъ по наряду я, Жакъ-четвертый. Онъ вамъ все расскажетъ. Говори, Жакъ-пятый!

Шоссейный работникъ вытеръ свой смуглый лобъ голубою фуражкой, которая была у него въ рукахъ, и сказалъ:

— Съ чего начинать?

— Начинай же сначала, былъ довольно-благоразумный отвѣтъ мсьё Дефоржа.

— Я видѣлъ его, господа, началъ шоссейный работникъ:—годъ тому назадъ будетъ этимъ лѣтомъ. Онъ висѣлъ на цѣпи подъ каретою маркиза. Посмотрите, какъ это было. Я покончилъ мою работу на дорогѣ; солнце собиралось на покой; карета маркиза медленно подымалась на холмъ; онъ висѣлъ на цѣпи вотъ такъ.

Снова шоссейный работникъ повторилъ свое старое представленіе, въ которомъ онъ долженъ бы къ этому времени достигнуть совершенства: продолженіе цѣлаго года оно составляло единственное развлеченіе въ его деревнѣ.

Жакъ-первый прервалъ его и спросилъ, видѣлъ ли онъ человека прежде.

— Никогда, отвѣчалъ шоссейный работникъ, вытанувшись по-прежнему.

Жакъ-третій спросилъ, какъ онъ узналъ его потомъ.

— По его высокому росту, сказалъ шоссейный работникъ, вѣжно приложивъ палецъ къ носу.—Когда мсьё маркизъ спросилъ въ тотъ вечеръ: «скажи, на что онъ похожъ?» я далъ отвѣтъ: «Высокъ, какъ привидѣніе».

— Вы бы сказали: коротокъ, какъ карликъ, замѣтилъ Жакъ-второй.

— Что я зналъ тогда! Дѣло не было сдѣлано; да онъ мнѣ не довѣрялъ его. Посмотрите! Даже и при этихъ обстоятельствахъ я не назывался съ моими показаніями. Мсьё маркизъ показываетъ на меня пальцемъ—я стоялъ у нашего фонтана—и говорить: «подайте его! подайте этого мошенника!» По чести, господа, я отъ себя ничего не предлагалъ!

— Онъ въ этомъ правъ, Жакъ! пробормоталъ Дефоржъ прерванному его собесѣднику. — Продолжайте!

— Хорошо! сказалъ шоссейный работникъ съ таинственнымъ видомъ.

— Высокій человекъ пропалъ, и его ищутъ... сколько мѣсяцевъ? девять, десять, одиннадцать?

— Сколько бы тамъ ни было, все равно, сказалъ Дефоржъ. — Его хорошо спрятали; наконецъ, на-несчастье, его нашли. Продолжайте!

— Я опять работаю на скатѣ холма, солнце снова собиралось на покой. Я сложилъ орудія и готовился идти къ себѣ въ избу въ деревню, гдѣ все уже стемнѣло. Смотрю, на холмѣ показалось шесть солдатъ. Посреди ихъ высокій человекъ съ связанными руками—связанными на бокахъ—вотъ такъ!

При помощи своей неизмѣнной фуражки, онъ успѣлъ представить человека съ локтями, плотно связанными у бедеръ веревкою позади.

— Я сталъ въ-сторонѣ у кучи камней, чтобы посмотреть на идущихъ солдатъ и плѣнника. Эта дорога одинокая, каждое зрѣлище здѣсь въ диковинку, и сначала, какъ они подошли, я вижу только шесть солдатъ и высокаго человека связаннаго. Всѣ они кажутся мнѣ совершенно-черными; только со стороны солнца, собиравшагося уже на покой, я замѣтилъ, господа, красную выпушку. Я вижу также ихъ длинные тѣни на подъемѣ дороги, на противоположной сторонѣ, и выше на холму, какъ тѣни гигантовъ. Я вижу также, они покрыты пылью и пыль двигается вмѣстѣ съ ними, какъ они проходятъ шѣрными шагами, тамъ, тамъ! Но когда они совсѣмъ поровнялись со мною, я узналъ высокаго человека, и онъ узналъ меня. Ахъ, какъ бы охотно онъ бросился опять внизъ съ горы, какъ въ тотъ вечеръ, какъ мы съ нимъ встрѣтились въ первый разъ у того же мѣста!

Онъ описывалъ это, какъ-будто онъ теперь находился тамъ же: очевидно, вся сцена представлялась ему также живо; можетъ-быть, онъ видалъ немного въ свою жизнь.

— Я не показываю солдатамъ, что я узналъ высокаго человека; онъ не показываетъ солдатамъ, что онъ узналъ меня; мы дѣлаемъ это нашими глазами и понимаемъ другъ друга. «Шевелись!» говорить большой между ними, указывая на деревню. Скорѣй веди его къ могилѣ!» И они ведутъ его скорѣе; я слѣдую за ними. Его руки вспухли: такъ крѣпко онъ были связаны; его деревянные башмаки черезчуръ-велики и неуклюжи; онъ хромаетъ. Онъ хромаетъ, идетъ тихо; его подгоняютъ ружьями—вотъ такъ!

Онъ представилъ движеніе человека, котораго заставляютъ идти впередъ прикладами ружей.

— Они спускаются съ холма бѣгомъ, какъ бѣшеные; онъ падаетъ. Они хохочутъ и поднимаютъ его. Его лицо окровавлено, покрыто пылью, онъ не можетъ дотронуться до него; и они хохочутъ надъ нимъ пуще прежняго. Они приводятъ его въ деревню; вся деревня собирается смотрѣть; они ведутъ его за мельницу въ тюрьму, и вся деревня видитъ, какъ открываются ворота тюрьмы среди мрака ночи и проглатываютъ его—вотъ такъ!»

Онъ раскрылъ свою пасть какъ могъ только шире, и заперъ ее, звонко прищелкнувъ зубами. Замѣтя, что ему не хотѣлось испортить эффектъ открытiемъ рта, Дефоржъ сказалъ:

— Продолжайте, Жакъ!

— Вся деревня, продолжаетъ работникъ, поднявшись нацыпочки, тихимъ голосомъ:— расходится; вся деревня шепчется у фонтана; вся деревня спитъ; вся деревня грезитъ о несчастномъ за замкѣми и за-совами тюрьмы, который выйдетъ оттуда только чтобъ погибнуть. Потру, съ своими инструментами на плечѣ, жуя по дорогѣ кусокъ чернаго хлѣба, я дѣлаю нарочно крюкъ, чтобъ пройти мимо темницы. Тамъ я вижу его за рѣшоткою высокой желѣзной кѣтки, окровавленнаго, запыленнаго, какъ въ прошедшій вечеръ. Онъ смотритъ черезъ нее; руки его связаны: онъ не можетъ помахать имъ; я не смѣю кликнуть ему; онъ глядитъ на меня, какъ мертвецъ.

Дефоржъ и остальные трое угрюмо взглянули другъ на друга. Взоры всѣхъ были мрачны, подавлены, мстительны, пока слушали они рассказъ крестьянина; обращенiе ихъ было таинственно и вѣстѣ съ тѣмъ повелительно. Они представляли какъ-бы судъ. Жакъ—первый и второй сидѣли на старой, низенькой кровати, опершись подбородкомъ на руку и устремивъ глаза на шоссейнаго работника; Жакъ—третiй, столь же внимательный, стоялъ позади на одномъ колѣнѣ, безпрестанно глядя своею беспокойною рукою тонкое сілетенiе нервовъ, окружавшее его ротъ и носъ. Дефоржъ стоялъ между ними и рассказникомъ, котораго онъ поставилъ къ свѣту отъ окошка, посматривая попеременно то на нихъ, то на него.

— Продолжайте, Жакъ! сказалъ Дефоржъ.

— Онъ остается въ своей желѣзной кѣткѣ нѣсколько дней. Деревня смотритъ на него украдкой, потому—что она боится. Но она постоянно смотритъ издалека на тюрьму, и по вечерамъ, когда дневная работа покончена, когда всѣ собираются посплетничать къ фонтану, лица всѣхъ обращены къ тюрьмѣ. Въ прежнее время онѣ обращались къ почтовой станціи, теперь онѣ обратились къ тюрьмѣ. Они шепчутъ у фонтана, что хотя онъ и присужденъ къ смерти, но его не казнятъ;

они говорятъ, въ Парижѣ поданы просьбы, въ которыхъ показано, что смерть ребенка раздражила его, свела его съ ума; они говорятъ, просьба подана самому королю. Что я знаю? Дѣло возможное. Можетъ-быть, да, а можетъ-быть и нѣтъ.

— Такъ выслушайте, Жакъ! сказалъ соиенникъ нумеръ первый.— Знайте, просьба была подана королю и королевѣ. Мы всѣ здѣсь, васъ исключая, видѣли, какъ король принялъ ее на улицѣ, сидя въ каретѣ, возлѣ королевы. Дефоржъ, котораго вы здѣсь видите, съ опасностью своей жизни, бросился подъ лошадей съ просьбою въ рукахъ.

— И еще послушайте, Жакъ! сказалъ нумеръ третій, стоявшій на одномъ колѣнѣ и продолжавшій гладить своими пальцами тѣ же тонкія нервы, съ необыкновенно-жаднымъ взглядомъ, какъ-будто онъ жаждалъ чего-то, что не было ни пищею, ни питьемъ.— Гвардія пѣшая и конная окружила просителя и осыпала его ударами. Слышите вы?

— Я слышу, господа!

— Продолжайте, сказалъ Дефоржъ.

— Потомъ: съ другой стороны они шепчутъ у фонтана, снова началъ поселенинъ:—что его привели въ нашу сторону, чтобъ казнить его на мѣстѣ, и что онъ будетъ казненъ непременно. Они шепчутъ даже, что такъ-какъ онъ убилъ Монсеньора, а Монсеньоръ былъ отецъ своимъ мужикамъ, его казнять, какъ отцеубійцу. Одинъ старикъ рассказываетъ у фонтана, что его правая рука вмѣстѣ съ ножомъ будетъ сожжена въ его глазахъ, что въ раны, которыми покроютъ его руки, грудь и ноги, стануть лить кипящее масло, расплавленный свинець, горячую смолу, воскъ, сѣру; наконецъ, что его разорвутъ на части четырьмя сильными лошадьми. Старикъ говоритъ, что все это было дѣйствительно исполнено надъ однимъ преступникомъ, который покусился на жизнь покойнаго короля Лудовика XV. Но почему я знаю, что онъ не лжетъ? Я человѣкъ темный.

— Послушайте же еще разъ, Жакъ! сказалъ человѣкъ съ безыкойною рукою и жаднымъ взглядомъ: — имя этого преступника было Дамьенъ и все это было сдѣлано среди бѣлаго дня, на улицахъ этого города Парижа и среди обширнаго стеченія народа, который видѣлъ это. Замѣтите всего была толпа молодыхъ, знатныхъ дамъ, жадно слѣдившихъ до конца—до конца, Жакъ, продолжавшагося до самой ночи; когда человѣкъ лишился двухъ ногъ и одной руки—и все еще дышалъ! И это было сдѣлано... погодите, сколько вамъ лѣтъ?

— Тридцать-пять, сказалъ шоссейный работникъ, которому на видъ можно было дать шестьдесятъ.

— Это было сделано, когда вамъ было болѣе десяти лѣтъ: вы могли бы это видѣть.

— Довольно! сказалъ Дефоржъ, съ угрюмымъ нетерпѣніемъ. — Да здравствуетъ дьяволъ! Продолжайте!

— Хорошо! Нѣкоторые шепчутъ то, другіе шепчутъ это; у всѣхъ только одинъ разговоръ; даже самый фонтанъ журчитъ, кажется, на тотъ же ладъ. Наконецъ, въ воскресенье вечеромъ, когда вся деревня спитъ, солдаты выходятъ изъ тюрьмы, спускаются внизъ, ружья ихъ стучать о мостовую маленькой улицы. Работники роютъ, работники колютъ; солдаты смѣются и поютъ. Поутру у фонтана воздвигается висѣлица въ сорокъ футовъ вышины; она отравляетъ воду.

Шоссейный работникъ посмотрѣлъ какъ-будто-бы сквозь низенькій потолокъ и показалъ, какъ-будто онъ видитъ висѣлицу гдѣ-то подѣ самымъ небомъ.

— Работа остановилась; всѣ собираются туда; никто не выгоняетъ коровъ: коровы тутъ же вмѣстѣ съ прочими. Въ полдень раздается барабанный бой. Ночью солдаты вошли въ тюрьму, и теперь онъ посреди солдатъ. Онъ связанъ, какъ и прежде, и во рту у него кусокъ дерева, привязанъ такъ плотно бичевкою, что онъ выглядѣлъ будто смѣется. — И онъ провелъ глубокія черты двумя большими пальцами отъ концовъ рта до самыхъ ушей. — На вершинѣ висѣлицы вставленъ ножъ лезвеемъ вверхъ, и остріе его прорѣзываетъ воздухъ. Онъ повѣшенъ здѣсь на высотѣ сорока футовъ, и онъ виситъ, отравляетъ воду.

Они посмотрѣли другъ на друга, когда онъ отеръ голубою фуражкою лицо, на которое выступила испарина, при одномъ воспоминаніи зрѣлища.

— Страшно, господа! Какъ это женщины и дѣти могутъ брать эту воду! Кто можетъ посплетничать по вечерамъ подѣ этою тѣнью? Подѣ нею, сказалъ я. Когда я оставилъ деревню въ понедѣльникъ вечеромъ, солнце собиралось уже на покой, и я взглянулъ назадъ съ холма: тѣнь падала за церковь, за мельницу, за тюрьму, черезъ всю землю, до самаго края, тамъ, гдѣ сходится она съ небомъ.

Жадный человѣкъ сталъ глотать свой палецъ, смотря на остальныхъ трехъ, и палецъ его дрожалъ отъ жадности, которую чувствовалъ этотъ человѣкъ!

— Вотъ и все, господа! Я отправился съ захожденіемъ солнца (какъ меня предупредили), я шелъ пѣшкомъ всю ночь и слѣдующіе полдня, пока я встрѣтилъ (какъ меня также предупредили) этого товарища. Съ нимъ я прибылъ, то ида, то ѣдучи впродолженіе вчерашняго дня и прошедшей ночи. И вотъ я здѣсь.

Послѣ угрюмага молчанія, первый Жакъ сказалъ:

— Хорошо! Вы дѣйствовали и рассказали вѣрно. Подождите насъ нѣсколько минутъ за дверью.

— Очень-охотно, сказалъ шоссейный работникъ, котораго Дефоржъ проводилъ до самой лѣстницы, и, оставивъ его здѣсь сидящаго на ступенькѣ, возвратился.

Трое встали, и головы ихъ были наклонены вмѣстѣ, когда онъ вернулся на чердакъ.

— Чтѣ вы скажете, Жакъ? спросилъ нумеръ первый: — записать?

— Записать на погибель, отвѣчалъ Дефоржъ.

— Великолѣпно! каркнулъ жадный человекъ.

— Замокъ и все отродье? спросилъ первый.

— Замокъ и все отродье, отвѣчалъ Дефоржъ: — да погибнуть.

Жадный человекъ повторилъ съ восторженными карканьемъ: «великолѣпно!» и принялся глотать другой паецъ.

— Увѣрены ли вы, спросилъ Жакъ-второй у Дефоржа: — что намъ не будетъ хлопотъ съ этимъ записываньемъ. Безъ всякаго сомнѣнія, опасности нѣтъ: никто, кромѣ насъ, не разберетъ его; но въ состояннн ли мы будемъ всегда разобрать его... пожалуй, даже она?

— Жакъ, возразилъ Дефоржъ, выпрямившись: — если моя жена взяла бы на себя держать списокъ только въ одной памяти, то и тогда бы она не позабыла ни одного слова, ни одного слога изъ него. Вывязанный ея собственными узорами, ея собственными знаками, онъ всегда для нея будетъ ясенъ, какъ солнце. Скорѣ послѣдннй трусишка сгладитъ себя изъ числа живыхъ людей, нежели сгладится хотя одна буква въ имени, или преступленняхъ на вязаномъ спискѣ мадамъ Дефоржъ.

Послышался шопотъ одобреннн и довѣренности, и жадный человекъ спросилъ:

— Скоро ли этого деревенщину отошлютъ домой? Я надѣюсь, скоро. Онъ слишкомъ—простъ: не слишкомъ ли онъ опасенъ?

— Онъ ничего не знаетъ, сказалъ Дефоржъ: — по-крайней-мѣрѣ, не болѣе того, чтѣ можетъ вздернуть его самого на вѣсьлицу такой же высоты. Я возьму его къ себѣ. Пусть онъ останется со мною; я посмотрю за нимъ и выведу его на дорогу. Онъ желаетъ видѣть высшнй свѣтъ: короля, королеву, дворъ. Дайте ему посмотрѣть на нихъ въ воскресенье.

— Чтѣ? воскликнулъ жадный человекъ, вытаращивъ глаза. — Это плохой знакъ, что онъ желаетъ видѣть королевскую фамилню и знать.

— Жакъ, сказалъ Дефоржъ: — покажи коту молока, только съ

умомъ, если желаешь, чтобы онъ захотѣлъ его. Покажи псу добычу, только съ умомъ, если желаешь, чтобы онъ когда-нибудь принесъ ее.

Больше ничего не было сказано шоссейному работнику, котораго они нашли дремлющимъ на лѣстницѣ. Они посоветовали отдохнуть ему на постели. Онъ не требовалъ дальнѣйшихъ убѣжденій и скоро заснулъ.

Конечно, легко было найти въ Парижѣ квартиру для такого провинціальнаго раба хуже, нежели кабакъ Дефоржъ. За исключеніемъ таинственнаго страха, который онъ чувствовалъ къ мадамъ Дефоржъ, постоянно его преслѣдовавшаго, жизнь его была очень пріятна. Но г-жа Дефоржъ цѣлый день сидѣла за стойкою, такъ явно не обращая на него вниманія, съ такою рѣшимостію не замѣчать, что его присутствіе имѣло какое-либо соотношеніе съ сокрытою тайною, что онъ дрежалъ всѣмъ тѣломъ всякій разъ, когда глаза ихъ встрѣчались. Онъ разсуждалъ съ собою, что нѣтъ возможности предвидѣть, чѣмъ еще не прикинется эта госпожа, и былъ совершенно увѣренъ, что если ей придетъ въ ея разукрашенную голову притвориться, будто она видѣла, какъ онъ убивалъ и потрошилъ жертву, то она въ совершенствѣ разыграетъ и эту штуку.

Поэтому, когда наступило воскресенье, шоссейный работникъ былъ очень недоволенъ (хотя онъ и говорилъ, что былъ доволенъ), что жена должна была сопровождать Дефоржъ и его въ Версаль. Еще болѣе смущало его, что мадамъ всю дорогу туда взяла и оставалась съ вазаньемъ въ рукахъ по срединѣ толпы, ожидавшей поглазѣть на королевскіе экипажи.

— Вы прилежно работаете, мадамъ? сказалъ человекъ, стоявшій возлѣ.

— Да, отвѣчала мадамъ Дефоржъ: — у меня бездна дѣла.

— Что же вы дѣлаете?

— Разныя вещи.

— Напримѣръ?

— Напримѣръ, отвѣчала мадамъ Дефоржъ серьезно: — саваны.

Человѣкъ отодвинулся подальше, сколько могъ, и шоссейный работникъ началъ опохивать себя голубою фуражкой, какъ-будто онъ чувствовалъ страшную духоту. Если ему были теперь необходимы король и королева, чтобы освѣжить его, то, на его счастье, это лекарство было теперь подъ-рукою: скоро король съ широкимъ лицомъ и королева съ красивымъ лицомъ показали въ своей золотой каретѣ, въ сопровожденіи свѣтлаго фонарика ихъ двора, блестящей полосы веселыхъ красавицъ и благородныхъ аристократовъ; и шоссейный работникъ путался въ этомъ морѣ брильянтовъ, шелку, пудры, великолѣпія и пренебрегающей красоты до такого опьянѣнія, что ревѣлъ: «да здравствуетъ король, да здравствуетъ королева, да здравствуютъ всѣ и вса!» какъ-будто

онъ никогда и не слышалъ въ свое время о вездѣсущемъ Жакѣ. Потомъ великолѣпные сады, дворы, террасы, фонтаны, зеленая мурава, опять король и королева, опять фонарикъ, опять вельможи и придворныя дамы, опять клики: «да здравствуютъ всѣ они!» и онъ рѣшительно плакалъ отъ чувства. Во все продолженіе этого зрѣлища, которое длилось почти три часа, у него было множество товарищей кричащихъ, плачущихъ и чувствительныхъ, и Дефоржъ былъ принужденъ придерживать его за шиворотъ, чтобы онъ не бросился на предметы своего обожанія и не разорвалъ ихъ на части.

— Bravo! сказалъ Дефоржъ съ покровительствующимъ видомъ, ударивъ его по спинѣ, когда все это кончилось: — вы добрый малый!

Шоссейный работникъ теперь приходилъ въ-себя и не увѣренъ былъ, не ошлябся ли онъ въ своихъ послѣднихъ чувствахъ; но нѣтъ.

— Вы именно такой малый, какого намъ надо, сказалъ Дефоржъ, ему на ухо. — Вы этихъ дураковъ увѣраете, что это протянется вѣкъ. Поэтому они становятся еще дерзче, и дѣло тѣмъ скорѣе приближается къ концу.

— Ээ! закричалъ шоссейный работникъ, подумавъ: — а вѣдь оно правда.

— Эти дураки не знаютъ ничего. Они презираютъ ваше дыханіе, они рады скорѣе, чтобы оно остановилось навсегда въ васъ и тысячѣ вашихъ подобныхъ, нежели у любой ихъ лошади, или собаки; они знаютъ только, что высказываетъ это дыханіе. Пусть же оно обманываетъ ихъ еще подолже: обманъ будетъ оттого только совершеннѣе.

Мадамъ Дефоржъ посмотрѣла гордо на своего кліента и кивнула головою въ подтвержденіе.

— Вы, сказала она: — вы станете кричать и плакать надъ всякимъ зрѣлищемъ, которое только дѣлаетъ шумъ. Скажите, вѣдь станете?

— Правда, я думаю такъ на-время.

— Если показать вамъ ворохъ куколъ и дать вамъ ломать и рвать ихъ для вашей собственной пользы, вѣдь вы приметесь за самыя богатые, за самыя нарядныя. Скажите, не такъ ли?

— Право, такъ!

— Дá. И ежели показать вамъ стаю птицъ, которыя не могутъ летать, и заставить ощипать ихъ перья для вашей собственной выгоды, не напуститесь ли вы на самыхъ красивыхъ пташекъ, не такъ ли?

— Правда!

— Вы видѣли сегодня и куколъ, и пташекъ, сказала мадамъ Дефоржъ, указывая рукою на мѣсто, гдѣ показались онъ въ послѣдній разъ: — теперь ступайте домой.

XVI.

Визанье продолжается.

Мадамъ Дефоржъ и ея супругъ дружелюбно возвращались въ нѣдра св. Антонія, между-тѣмъ, какъ незамѣтное пятно въ голубой фуражкѣ двигалось въ темнотѣ и пыли по окраинѣ утомительной аллеи, медленно приближаясь къ точкѣ компаса, гдѣ замокъ мсье маркиза, покоившагося теперь въ могилѣ, прислушивался къ шопоту деревьевъ. Каменные лица теперь могли на свободѣ внимать этимъ деревьямъ и фонтану, и деревенскія воронья пугалы, являвшіяся сюда, въ виду каменнаго двора и террасы, искать травы для ѣды, или сухихъ сучьевъ для топлива, представляли въ своемъ голодномъ воображеніи, что выраженіе этихъ лицъ измѣнялось. Въ деревнѣ ходили слухи, слабые, едва-замѣтные слухи, какъ ея жители, что, когда ножъ нашелъ свою жертву, лица измѣнились и вмѣсто гордости выражали гнѣвъ и боль; потомъ, когда вадернули долговазую фигуру надъ фонтаномъ, на высотѣ сорока футовъ, онѣ опять измѣнились и приняли жестокій взглядъ удовлетвореннаго ищенія, который онѣ удержали теперь навсегда.

Указывали даже на каменномъ лицѣ надъ оконномъ спальни, гдѣ совершилось убійство, два тонкія углубленія, около лѣвлаго носа, которыя всѣ признавали и которыхъ въ прежнее время никто не видѣлъ; иногда два, или три оборванные мужичка выходили изъ толпы, чтобы взглянуть украдкой на окаменѣлаго мсье маркиза, и, если одинъ указывалъ на него своимъ испуганнымъ пальцемъ, всѣ бросались прочь, прятаясь между вѣтвямъ и листьями, подобно зайцамъ, которые, однакожъ, были счастливѣе ихъ, находя тамъ полное раздолье жизни.

Замокъ и хижина, каменное лицо и долговазая фигура, красное пятно на каменномъ полу и чистая вода въ деревенскомъ колодезѣ, тысячи десятинъ земли, цѣлая провинція Франціи, вся Франція сама виѣщались въ тонкой какъ волосъ линіи подъ ночнымъ небомъ. Такъ точно цѣлый міръ со всѣмъ своимъ величіемъ и ничтожностію помѣщается въ мерцающей звѣздочкѣ. И, подобно тому, какъ человѣческое знаніе успѣло раздѣлить лучъ свѣта и найти составъ его, высшее разумнѣе можетъ читать въ слабомъ сіяніи нашей земли каждую мысль, каждое дѣйствіе, каждый порокъ, каждую добродѣтель, каждого ответственного созданія на ней.

Дефоржи, мужъ и жена, дотацились, при свѣтѣ звѣздъ, въ публичной саретѣ, до воротъ Парижа, куда естественно лежала нить дорога. На за-

ставъ, у гаубтвахты, ихъ остановили по-обыкновенію; показались обычные фонари, начались обычные распросы. Мсьё Дефоржъ слѣзъ: онъ зналъ здѣсь одного, или двухъ изъ солдатъ и одного полицейскаго; послѣдній ему былъ коротко знакомъ, и они обнялись по-дружески.

Когда святой Антоній снова охватилъ Дефоржей своими грязными крыльями и они окончательно вышли изъ кареты на границахъ святаго и пробирались между черною грязью и помоями, покрывавшими его улицы, мадамъ Дефоржъ спросила мужа :

— Скажи же, мой другъ, что передалъ тебѣ Жакъ полицейскій?

— Немногое сегодня, но все, что онъ зналъ. Еще другаго шпіона назначили въ нашъ кварталъ. Будутъ еще, вѣроятно, многіе, онъ думаетъ, но узналъ пока объ одномъ.

— Хорошо, сказала мадамъ Дефоржъ, приподнявъ свои брови съ совершенно-равнодушнымъ дѣловымъ видомъ.—Нужно записать его. Какъ зовутъ господина ?

— Онъ англичанинъ.

— Тѣмъ, лучше. Его фамилія?

— Барзадъ, сказалъ Дефоржъ, выговаривая на французскій манеръ.— Но, видно, онъ позаботился узнать его акуратно и сложилъ по буквамъ съ необыкновенною точностію: Барзадъ.

— Барса, повторила мадамъ.—Хорошо. Имя?

— Джонъ.

— Джонъ Барса, повторила мадамъ, пробормотавъ его еще разъ про себя.—Хорошо. Какова его наружность, если она извѣстна?

— Возрастъ около сорока лѣтъ, ростъ около пяти футовъ девяти дюймовъ, черные волосы, смуглый цвѣтъ лица, недурень собою, глаза темные, лицо худое, длинное, носъ орлиный, но не прямой, нѣсколько-кривъ къ лѣвой щекѣ, выраженіе потому зловѣщее.

— Да это цѣлый портретъ! сказала мадамъ, смѣясь.—Завтра онъ будетъ записанъ.

Они повернули въ кабачокъ, который былъ запертъ, потому—что уже была полночь, и мадамъ Дефоржъ сейчасъ же заняла въ немъ свое мѣсто у конторки, сочла мелочь, собранную въ ея отсутствіи, осмогрѣла товаръ, проглядѣла книгу, записала въ ней, провѣрила слугу на всевозможный ладъ и отпустила его спать, потомъ вторично высыпала всѣ деньги, находившіяся въ чашкѣ, и начала завязывать ихъ въ платокъ особенными узелками, наподобіе дѣточки, чтобы вѣрнѣе сберечь ихъ на ночь. Все это время Дефоржъ ходилъ взадъ и впередъ съ трубкою во рту, съ любовью удивляясь своей женѣ, но не шѣшая ей, и, та-

жизнь—образомъ, можно сказать, въ—отношеніи дѣла и быта домашняго, онъ двигался всю жизнь.

Ночь была жаркая, и спертый воздухъ кабака, окруженнаго таинств. гнилымъ сосѣдствомъ, былъ проникнуть отвратительнымъ запахомъ. Чувство обонянія мсьѣ Дефоржа далеко не было вѣжное; но запасы вина пахли гораздо—крѣпче, нежели они отзывались на вкусъ, точно такъ же, какъ запасы рома, водки и анисовой настойки. Кладя выкуренную трубку, онъ отдавалъ отъ себя эту смѣсь запаховъ.

— Вы устали, сказала мадамъ, приподымая глаза и продолжая завязывать деньги.—Необыкновенный запахъ!

— Я усталъ немного, поддакнулъ ей мужъ.

— Вы также немного разстроены, сказала жена, которой быстрые глаза, какъ внимательно ни слѣдили они за счетами, успѣвали бросать и на него взгляды. — О, мужчины, мужчины!

— Но, мой другъ, началъ Дефоржъ.

— Но, мой другъ, повторила жена, твердо наклоня голову: — но, мой другъ! Вы падаете духомъ сегодня, мой другъ!

— Дá, сказалъ Дефоржъ, какъ—будто вырвали мысль изъ его груди:—это такъ долго.

— Это такъ долго, повторила жена. Когда же это бываетъ скоро? Мщеніе и воздаяніе требуютъ долгаго времени: это — правило.

— Для молніи не нужно много времени, чтобы поразить человѣка, сказалъ Дефоржъ.

— Но сколько нужно времени, чтобы выработать и припасти эту молнію, скажите мнѣ?

Дефоржъ задумчиво приподнялъ свое чело, какъ—будто пораженный глубокимъ слысломъ этихъ словъ.

— Немного времени нужно также, сказала жена: — для землетрасенія, чтобы поглотить цѣлый городъ! Но скажите мнѣ, какъ долго подготавливается это землетрасеніе?

— Долгое время, я полагаю, сказалъ Дефоржъ.

— Но разъ оно подготовлено, оно совершается и мелеть въ прахъ все предъ собою. Между—тѣмъ, оно готовится постоянно, хотя никто того не видитъ и не слышитъ. Это должно быть вашимъ утѣшеніемъ. Берегите его.

Она завязала узелъ съ сверкающими глазами, какъ—будто задушила врага.

— Я говорю тебѣ, сказала жена, вытянувъ правую руку съ необыкновеннымъ величіемъ:—что хотя оно долгое время собирается, но оно на дорогѣ, оно идетъ. Я говорю тебѣ, оно никогда не отступаетъ, ни-

когда не останавливается. Я говорю тебѣ, оно вѣчно движется впередъ. Оглянись кругомъ и сообрази жизнь намъ известнаго міра, припомни лица всѣхъ, кого мы знаемъ, припомни бѣшенство и неудовольствіе, къ которымъ обращается Жакри (Jasquerie) безпрестанно съ постоянно возрастающею увѣренностію. Возможно ли, чтобы продолжился такой порядокъ? Фи! ты мнѣ смѣшонъ.

— Чудная моя жена, отвѣчалъ Дефоржъ, остановившись передъ нею съ нѣсколько-поникшею головою, заложивъ руки за спину, какъ послушный и внимательный воспитанникъ передъ своимъ наставникомъ:—я не сомнѣваюсь во всемъ этомъ; но это длится такъ долго, и очень-возможно—вы знаете очень-хорошо, какъ это возможно—что это не наступитъ въ нашу жизнь.

— Пожалуй! Что же тогда? спросила жена, завязывая другой узелъ, какъ-будто она придумала еще другаго врага.

— Что же! сказалъ Дефоржъ, пожимая плечами, съ видомъ сожалѣнія.—Мы не увидимъ торжества.

— Мы помогли ему, отвѣчала жена, выткнувъ руку съ сильнымъ движеніемъ.—Все, что мы дѣлаемъ, не пропадетъ даромъ. Я убѣждена, въ глубинѣ моей души, что мы увидимъ торжество. Но если даже нѣтъ, еслибъ я знала даже навѣрное, что нѣтъ, покажи мнѣ шею аристократа, тирана, и я...

Здѣсь она, стиснувъ зубы, дѣйствительно, завязала страшный узелъ.

— Постой! закричалъ Дефоржъ, покраснѣвъ, какъ-будто онъ почувствовалъ, что его упрекнули въ малодушія:—меня также, мой другъ, ничто не удержитъ.

— Дѣ! Но не слабость ли это, что вамъ непремѣнно нужно видѣть жертву, нуженъ случай, чтобъ поддержать васъ? Будьте тверды и безъ того. Когда придетъ время, спускайте тигра и дьявола, но выжидайте это время и держите тигра и дьявола на цѣпи, не показывая, но всегда наготовѣ.

Она заключила этотъ совѣтъ сильнымъ ударомъ по конторкѣ связкою денегъ, какъ-будто она разможила чей-то черепъ, и потомъ, взявъ эту связку подъ руку, самымъ любезнымъ манеромъ объявила, что пора идти спать.

Слѣдующій полдень засталъ удивительную женщину на ея обыкновенномъ мѣстѣ въ кабачкѣ, прилежно занятую вязаньемъ. Возлѣ нея лежала роза, и если повременамъ она поглядывала на цвѣтокъ, то это нисколько не возмущало ея обычнаго занятаго вида. Немного было поѣстителей, пившихъ и непившихъ, стоявшихъ и сидѣвшихъ. Дѣнь былъ жаркій, и вучи мухъ, простиравшихъ свое любопытство и алчимо-

набѣги до клейкихъ рюмочекъ, воелъ мадамъ, мертвые надали на днюхъ. Кончина ихъ не дѣлала, однакожь, никакого впечатлѣнія на другихъ мужъ, также разгуливавшихъ и которыя смотрѣли на нихъ необыкновенно-хладнокровно (какъ-будто онѣ сами были слоны, или чрезвычайно-далеко), пока не постигала ихъ одинаковая же участь. Любопытно было смотрѣть, какъ безпечны были эти мужи! Можетъ-быть, при дворѣ думали также въ этотъ солнечный, лѣтній день.

Фигура, входившая теперь въ дверь, набросила тѣнь на мадамъ Дефоржъ, которая почувствовала, что это было новое лицо. Она положила вазанье и стала прищипывать розу въ головной уборъ, не взглянувъ еще прежде на вошедшаго.

Странно. Какъ-только мадамъ Дефоржъ взяла цвѣтокъ, посѣтителю перестали разговаривать и начали уходить другъ за другомъ изъ кабака.

— Добрый день, мадамъ! сказалъ новый посѣтитель.

— Добрый день, мсьѳ!

Она сказала это громко, но потомъ прибавила про-себя, привахившись за вазанье: «А! добрый день, возрастъ около сорока, ростъ пять футовъ девять дюймовъ, волосы черные, недуренъ собою, цвѣтъ лица темный, глаза темные, лицо худое и длинный носъ орляный, непрямой, слегка кривъ къ лѣвой щекѣ, что придаетъ выраженіе зловѣщее! Добрый день, все до капли!»

— Будьте такъ добры, дайте маленькую рюмку стараго коньяку и глотокъ свѣжей холодной воды.

Дефоржъ исполнила желаніе съ необыкновенно-вѣжливимъ видомъ.

— Чудесный коньякъ!

Еще въ первый разъ онъ заслужилъ такое привѣтствіе. Дефоржъ хорошо знала исторію этого коньяка, чтобъ повѣрить похвалѣ. Она замѣтила, однакожь, что это было очень-лестно для ея коньяка, и принялась за свое вазанье. Посѣтитель слѣдилъ нѣсколько минутъ за ея пальцами, наблюдая, между-тѣмъ, мѣстность вообще.

— Вы видите съ большимъ искусствомъ!

— Привычка.

— Какой милый узоръ!

— Вы полагаете? сказала она, взглянувъ на него съ улыбкою.

— Непремѣнно. Могу ли я спросить, длячего это?

— Такъ, для препровожденія времени, сказала она, продолжая на него смотрѣть съ улыбкою и бѣгло шевеля пальцами.

— Не для какого-нибудь употребленія?

— Это зависитъ. Можетъ-быть, когда-нибудь я и найду для него употребленіе. Въ такомъ случаѣ, пожалуй, сказала Дефоржъ, съ продол-

жительнымъ вздохомъ и наклоняя голову съ строгимъ видомъ кокетства : — я съблаю изъ него употребленіе.

Замѣчательно, что святой Антоній, повидимому, чувствовалъ рѣпительное отвращеніе къ розѣ, украшавшей головной уборъ мадамъ Дефоржъ. Два человѣка вошли поодиначкѣ и готовы были спросить выпить, но, увидя эту новость, загнулись и, подъ видомъ, будто пришлиискать пріятеля, котораго здѣсь не было, ушли. Ни одинъ изъ присутствовавшихъ, когда вошелъ посятитель, также не остался. Всѣ они разбрелись. Шпіонъ смотрѣлъ въ оба глаза, но не могъ открыть условнаго знака. Они разошлись такъ, безъ цѣли, случайно, совершенно—естественно, не подавая никакого повода.

« Джонъ », подумала Дефоржъ, считая петли, между-тѣмъ, какъ пальцы ея вязали и глаза смотрѣли на незнакомца : « постойте еще немного, и я выважу Барзадъ, прежде, нежели вы уйдете. »

— Вы замужемъ?

— Дѣ.

— Есть у васъ дѣти?

— Дѣтей нѣтъ.

— Торговля идетъ, кажется, плохо?

— Торговля очень—плоха : народъ такъ бѣденъ.

— Ахъ, несчастный, жалкій народъ ! и еще такъ притѣсненъ, какъ вы сказали.

— Какъ вы сказали, возразила она, поправляя его и ловко прибавляя въ вязаньи къ его имени лишній орнаментъ, который не suited ему ничего хорошаго.

— Простите меня, я точно это сказалъ ; но вы, конечно, это думаете.

— Я думаю ? отвѣчала она сердитымъ голосомъ.— У меня съ мужемъ дѣла довольно съ такимъ заведеніемъ и безъ лишняго душана. Всѣ мы здѣсь думаемъ только, какъ бы живымъ-то быть. Вотъ о чемъ мы думаемъ, и съ утра до ночи съ насъ довольно этой думы, не обременяя нашихъ головъ мыслями о другихъ. Мнѣ думать за другихъ? Нѣтъ, нѣтъ!

Шпіонъ, который былъ здѣсь, чтобъ подбирать каждую кроху, не обнаружилъ ни малѣйшей досады на своемъ зловѣщемъ лицѣ, но продолжалъ стоять съ видомъ болтливаго волокитства, облокотившись на конторку мадамъ Дефоржъ и приклебывая повременамъ свой коньякъ.

— Несчастное происшествіе казни Гаспара. Ахъ, бѣдный Гаспаръ ! И онъ вздохнулъ съ необыкновеннымъ участіемъ.

— Божусь ! отвѣчала она хладнокровно и вѣтренно : — если люди

употребляютъ ножи для этой цѣли, то они должны и заплатить за то. Онъ зналъ напередъ, какъ дорого стоила такая роскошь; онъ заплатилъ только, чего она стоила.

— Я полагаю, сказалъ шпионъ, понизивъ свой мягкій голосъ, какъ-бы вызывая его тономъ на откровенность и выражая каждымъ мускуломъ злаго лица оскорбленное революціонное чувство: — я полагаю въ околоткѣ большое раздраженіе и сильное сочувствіе къ этому несчастному? Между нами.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? спросила она, не слушая.

— Не правда ли?

— Вотъ мой мужъ, сказала мадамъ Дефоржъ.

Содержатель лавочки вошелъ въ дверь; шпионъ привѣтствовалъ его, дотронувшись до шляпы и говоря съ необыкновенно-привѣтливою улыбкою:

— Добрый день, Жакъ!

Дефоржъ остановился и пристально посмотрѣлъ на него.

— Добрый день, Жакъ! повторилъ шпионъ уже съ меньшею увѣренностью, или, по-крайней-мѣрѣ, не съ такою легкою улыбкою, смущенный его взглядомъ.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ содержатель кабака. — Вы принимаете меня за другаго. Это не мое имя: меня зовутъ Эрнестъ Дефоржъ.

— Это все равно, сказалъ шпионъ слегка, но также и не безъ досады: — добрый день!

— Добрый день! отвѣчалъ Дефоржъ сухо.

— Я говорилъ сейчасъ вашей женѣ, съ которою я имѣлъ удовольствіе бесѣдовать, когда вы вошли, что я слышалъ, и это меня нисколько не удивляетъ, будто народъ здѣсь сильно раздраженъ и чувствуетъ большое сочувствіе къ несчастной судьбѣ этого бѣднаго Гаспара.

— Никто мнѣ этого не говорилъ, сказалъ Дефоржъ, покачивая головою: — я объ этомъ ничего не знаю.

Сказавъ это, онъ перешелъ за конторку и остановился здѣсь, опершись рукою на спинку стула своей жены, смотря изъ-за этой преграды на человѣка, который былъ теперь насупротивъ ихъ обоихъ и котораго каждый изъ нихъ застрѣлилъ бы съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ.

Шпионъ, опытный въ своемъ дѣлѣ, не перемѣнилъ положенія, но опорожнилъ свою рюмочку, хлебнулъ свѣжей воды и спросилъ другую рюмочку коньяку. Мадамъ Дефоржъ налила ее и принялась снова за вязанье, напѣвая пѣсенку.

— Вы, кажется, хорошо знаете кварталъ, по-крайней-мѣрѣ лучше меня? замѣтилъ Дефоржъ.

— Совѣтъ нѣтъ; но я надѣюсь узнать его короче. Меня такъ глупо интересуютъ его жалкіе обитатели.

— А! пробормоталъ Дефоржъ.

— Удовольствіе вашей бесѣды, мсьё Дефоржъ, приводитъ мнѣ на память, продолжалъ шпионъ: — драгоценныя для меня воспоминанія, соединенныя съ вашимъ именемъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Дефоржъ съ большимъ равнодушіемъ.

— Дá, въ-самомъ-дѣлѣ. Когда докторъ Манетъ былъ освобожденъ, вы, его старый слуга, вы его приняли къ себѣ. Я это знаю. Онъ былъ вами освобожденъ. Вы видите, мнѣ известны всѣ обстоятельства.

— Конечно, это было такъ, сказалъ Дефоржъ, которому его жена, продолжавшая вязать, дала знать случайнымъ прикосновеніемъ локтя, что лучше ему отвѣчать, но только покороче.

— Его дочь пріѣхала къ вамъ, сказалъ шпионъ:—въ сопровожденіи чистенькаго коричневаго господина... какъ его зовутъ?... въ маленькомъ парикѣ... Лори... изъ банка Тельсоновъ и компаніи, и увезла его въ Англію.

— Это было такъ, повторилъ Дефоржъ.

— Очень-интересныя воспоминанія! сказалъ шпионъ.—Я знавалъ въ Англіи доктора Манета и его дочь.

— Дá? сказалъ Дефоржъ.

— Вы мало теперь слышите о нихъ, сказалъ шпионъ.

— Дá, сказалъ Дефоржъ.

— Дѣйствительно, вмѣшалась мадамъ Дефоржъ, оторвавъ на-минуту глаза отъ работы и остановивъ свою пѣсенку: —мы совѣтъ не слышимъ про нихъ. Мы получили извѣстіе о ихъ благополучномъ прибытіи и потомъ еще, можетъ-быть, одно, или два письма; но съ-тѣхъ-поръ они вышли на свою дорогу жизни; мы идемъ своею дорогою и не имѣемъ съ ними сношеній.

— Совершенно такъ! отвѣчалъ шпионъ.—Она выходитъ замужъ.

— Выходитъ? повторила мадамъ Дефоржъ.—Она была довольно-хороша собою, чтобъ выйти замужъ давнымъ-давно. Вы, англичане, мнѣ кажется, слишкомъ-холодны.

— А! Вы знаете, что я англичанинъ?

— Я вижу это по вашему языку, отвѣчала мадамъ Дефоржъ: — а каковъ языкъ, я полагаю, таковъ и человекъ.

Это признаніе онъ не почелъ пріятствіемъ; но онъ проглотилъ его и обратилъ въ шутку. Выпивъ весь коньякъ, онъ прибавилъ:

— Дá, мсье Манетъ выходитъ замужъ, но не за англичанку, а за природнаго француза, такого же, какъ и она. И, говоря о Гаспарѣ

(ахъ, бѣдный Гаспаръ! нѣтъ, это было жестоко! жестоко!), какъ странно; что она выходитъ замужъ за племянника мсье маркиза, за котораго Гаспара задернули на высоту столькихъ футовъ, или, что все равно, за настоящаго маркиза. Но онъ живетъ въ Англии, въ неизвестности. Тамъ онъ не маркизъ: онъ просто мистеръ Чарльзъ Дарнъ. Д'Ольнэ — фамилия его матери.

Мадамъ Дефоржъ твердо вазала; но извѣстiе оказало замѣтное дѣйствiе на ея мужа. Что онъ ни дѣлалъ за маленькою конторкою, выстѣпалъ огонь, закуривалъ трубку, но, очевидно, онъ былъ смущенъ, и рука его ходила невѣрно. Шпіонъ былъ бы плохимъ шпіономъ, еслибъ не замѣтилъ этого и не записалъ въ своемъ умѣ.

Напавъ, по-крайней-мѣрѣ, на это наблюденіе, каково бы ни было его достоинство, и не видя никого изъ посѣтителей, Барзадъ заплатилъ за коньякъ и простился, не упустивъ случая, однакожъ, сказать передъ уходомъ самымъ вѣжливымъ образомъ, что онъ надѣется еще имѣть удовольствіе видѣть мсье и мадамъ Дефоржъ. Послѣ его ухода, мужъ и жена оставались нѣсколько минутъ въ томъ же положеніи, подозрѣвая его возвращеніе.

— Можетъ ли быть это правда, сказалъ Дефоржъ, тихимъ голосомъ, посмотрѣвъ внизъ на жену, по-прежнему держа руку на спинкѣ ея стула и продолжая курить:—что онъ сказалъ о мамзель Манетъ?

— Такъ-какъ онъ это сказалъ, отвѣчала жена, приподнявъ немного свои брови:—то, вѣроятно, это ложь. Но можетъ-быть и правда.

— Если это правда... началъ Дефоржъ и остановился.

— Если это правда... повторила женѣ.

— И если случится, что мы доживемъ до торжества, я надѣюсь, ради ея, что судьба удержитъ ея мужа внѣ Франціи.

— Судьба ея мужа, сказала мадамъ Дефоржъ, съ ея обыкновенною твердостью:—приведетъ его, куда суждено ему идти, къ такому концу, который долженъ покончить его. Вотъ все, что я знаю.

— Но странно... по-крайней-мѣрѣ, не странно ли это, сказалъ Дефоржъ, какъ-будто извиняясь передъ женою, чтобъ склонить ее на согласіе:—послѣ всего нашего участія въ ея отцѣ и въ ней самой, имя ея мужа обречено вашею рукою рядомъ съ этимъ проклятымъ псомъ, который только-что оставилъ насъ.

— Вещи страннѣе случаются, когда время придетъ, отвѣчала мадамъ Дефоржъ:—здѣсь они у меня оба, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, и оба здѣсь по достоинству — довольно этого.

Сказавъ эти слова, она свернула свое вязанье и вынула розу изъ платка, которымъ была повязана ея голова. Или святой Антоній узналъ

по инстинкту, что неприятное ему украшеніе исчезло, или святой Антоній сторожилъ его исчезновеніе, какъ бы то ни было, только святой скоро прибродился и началъ заглядывать понемногу, и кабачокъ вскорѣ принялъ свой обыкновенный видъ.

Вечеромъ, когда преимущественно святой Антоній выходилъ наружу, усаживался на крыльцахъ, у оконъ, показывался на углахъ грязныхъ улицъ, чтобъ подышать воздухомъ, мадамъ Дефоржъ обыкновенно съ работою въ рукахъ переходила отъ одного мѣста къ другому, отъ одной группы къ другой, какъ благовѣстительница, которой подобныхъ здѣсь было много. Всѣ женщины вязали. Онѣ вязали нестоющія ничего вещи; но мелантическая работа замѣняла ѣду и питье; руки двигались вмѣсто челюстей и пищеварительнаго аппарата: еслибъ костяные пальцы были неподвижны, желудки страдали бы сильнѣе отъ голода.

Но пальцы двигались; за ними слѣдовали глаза и мысли. Мадамъ Дефоржъ обходила группы, и пальцы, глаза и мысли двигались теперь быстрѣе и яростнѣе въ каждомъ кружку женщинъ, которыхъ она, поговоривъ съ ними, оставляла.

Мужъ ея курилъ у своей двери, съ удивленіемъ смотря вслѣдъ ей.

— Великая женщина, говорилъ онъ: — твердая женщина, высокая женщина, колоссальная женщина!

Темнота ложилась кругомъ; потомъ послышался колокольный звонъ, отдаленный барабанный бой королевской гвардіи. Женщины все вязали и вязали. Мракъ совершенно облекъ ихъ. Другой мракъ приближался также несомнѣнно, когда церковные колокола, весело звонившіе теперь на воздушныхъ шпильяхъ по всей Франціи, были перелиты въ громающія пушки, когда барабанный бой долженъ былъ заглушить одинъ несчастный голосъ, но теперь всемогущій, какъ голосъ власти и избилія, свободы и жизни. Мракъ тѣснилъ этихъ женщинъ, все продолжавшихъ вязать, и онѣ сами, казалось, собирались кучками вокругъ еще невоздвигнутаго строенія, около котораго имъ пришлось сидѣть и вязать—вязать, считая падающія головы.

XVII.

Одна ночь.

Никогда еще солнце не садилось среди такого лучезарнаго блеска въ спокойномъ уголку въ Сого, какъ въ одинъ достопамятный вечеръ, когда докторъ и его дочь сидѣли вмѣстѣ подъ клѣномъ. Никогда еще

луна не подымалась съ такимъ кроткимъ сіяніемъ надъ громаднымъ Лондономъ, какъ въ ту же ночь, которая нашла ихъ все еще сидящими, подъ тѣмъ же деревомъ, освѣщая ихъ лица сквозь его листья.

Люси на слѣдующій день выходила замужъ. Этотъ послѣдній вечеръ она сберегла для своего отца, и они сидѣли одни подъ клѣномъ.

— Вы счастливы, мой милый отецъ ?

— Совершенно, дитя мое!

Они говорили мало, хотя оставались здѣсь долгое время. Пока еще было довольно-свѣтло, чтобъ работать и читать, она не занималась своею обыкновенною работою и также не читала ему. Такъ проводила она время возлѣ него подъ тѣмъ же деревомъ безкопечное число разъ; но этотъ разъ былъ не похожъ на прежніе дни: это было совершенное исключеніе.

— И я очень счастлива сегодня вечеромъ, милый папá! Я такъ глубоко счастлива любовью, которую благословило небо, моею любовью къ Шарлю, любовью Шарля ко мнѣ. Но еслибъ жизнь моя не была посвящена вамъ, какъ прежде, еслибъ бракъ мой раздѣлилъ насъ хотя разстояніемъ нѣсколькихъ улицъ, то я была бы теперь болѣе несчастлива, упрекала бы себя болѣе, нежели я могу это выразить. Даже и теперь...

И голосъ замиралъ.

При печальномъ свѣтѣ луны, она обвила его шею и склонила свое лицо на его грудь. Свѣтъ луны всегда печаленъ, какъ свѣтъ самаго солнца, какъ свѣтъ, называемый человѣческою жизнію, при его восходѣ и заходженіи.

— Милый папá! скажите мнѣ теперь въ послѣдній разъ, чувствуете ли вы себя совершенно, совершенно увѣреннымъ, что моя новая привязанность, мой новый долгъ никогда не станутъ преградой между нами? Я знаю это хорошо; но вы знаете ли это? Въ вашемъ собственномъ сердцѣ чувствуете ли вы полную увѣренность?

Отецъ отвѣчалъ съ веселою твердостію убѣжденія, едва ему свойственнаго:

— Совершенно увѣренъ, моя дорогая.—Мало-того, прибавилъ онъ, нѣжно цалуя ее:—будущность моя, Люси, представляется свѣтлѣе черезъ вашъ бракъ, свѣтлѣе, чѣмъ она могла быть, чѣмъ она была бы когда-нибудь безъ него.

— Еслибъ я могла на то надѣяться, мой отецъ!

— Вѣрь этому, любовь моя! Право, это такъ. Разсуди, какъ естественно, какъ ясно, моя милая, что это должно быть такъ. Съ вашею

любовью, съ вашею молодостію вы не можете понять всѣхъ опасеній, которыя я чувствовалъ, что ваша жизнь пропадетъ даромъ...

Она протянула руку къ его губамъ; но онъ отнялъ ее и повторилъ:

— Пропадетъ даромъ, дитя мое... чтобъ она не пропала даромъ, выведенная ради меня изъ естественнаго порядка вещей. Ваше самоотверженіе не можетъ понять совершенно, какъ тяготило это мой умъ; только спросите самихъ себя, могло ли быть полно мое счастье, пока недоставало полноты вашему счастью.

— Еслибъ я никогда не видала Шарля, я была бы совершенно счастлива съ вами.

Онъ улыбнулся на ея бессознательное согласіе, что она была бы несчастлива безъ Шарля, разъ увидавъ его, и отвѣчалъ:

— Дитя моя, вы встрѣтили Шарля; но еслибъ это не былъ Шарль, то это былъ бы кто-нибудь другой. Или еслибъ не было никого, то я былъ бы причиною тому, и мрачная сторона моей жизни отбросила бы тяжелую тѣнь и на васъ.

Это было въ первый разъ послѣ суда, что она услышала отъ него подобный намѣкъ на время его страданій. Странное, новое ощущеніе она почувствовала, пока слова его еще раздавались въ ея ушахъ, и она припоминала его долго впослѣдствіи.

— Слушайте! сказалъ докторъ изъ Бове, протягивая руку къ лунѣ. — Я смотрѣлъ на нее изъ окна моей темницы, когда я не могъ переносить ея свѣта. Я смотрѣлъ на нее, когда было для меня пыткой думать, что она освѣщала то, что было мною утрачено, и я бился головою о стѣны моей темницы. Я смотрѣлъ на нее въ состояніи такого оцѣпенѣнія и летаргій, что я думалъ только о томъ, сколько горизонтальныхъ линій можно было провести на ея дискѣ въ полнолуніи и сколькими перпендикулярными линіями можно было ихъ пересѣчь. — Онъ прибавилъ своимъ задумчивымъ тономъ, смотря на луну: — это было двадцать въ обоихъ направленіяхъ, и двадцатую трудно было втиснуть.

Съ страннымъ трепетомъ внимала она, какъ вспоминалъ онъ это время; но ничто не поражало ее въ его тонѣ. Казалось, онъ только сравнивалъ свое настоящее веселье, свое блаженство съ жестокими страданіями, которыя уже прошли.

— Я смотрѣлъ на нее тысячу разъ, гадая о нерожденномъ еще ребенкѣ, отъ котораго я былъ оторванъ. Былъ ли онъ живъ? Родился ли онъ живой, или ударъ, поразившій бѣдную мать, убилъ и его. Былъ ли это сынъ, который когда-нибудь отомститъ за своего отца (было время продолженіе моего заключенія, когда жажда мщенія неотступно

преслѣдовала меня)? Былъ ли это сынъ, который никогда не узнаетъ исторіи своего отца и станетъ придумывать, не исчезъ ли отецъ самъ по доброй волѣ? Не была ли это дочь, изъ которой вырастетъ женщина?

Она ближе придвинулась къ нему и цаловала его щеки и руку.

— Я представлялъ себѣ, что дочь совершенно забыла меня, или, скорѣе, не знала меня, не подозрѣвала моего существованія. Годъ за годомъ я считалъ ея лѣта. Я видѣлъ, какъ выходила она замужъ за человека, который не зналъ ничего о моей судьбѣ. Я погибъ въ памяти живыхъ людей, и въ слѣдующемъ поколѣніи пробѣлъ оставался на моемъ мѣстѣ.

— Батюшка! Даже внимая этимъ мечтаніямъ о дочери, которая никогда не существовала, сердцу моему сдается, что я была это дитя.

— Вы, Люси? Отрада, бодрость, которыя вы принесли мнѣ собою, вызываютъ эти воспоминанія, которыя скользятъ между нами и луною въ эту послѣднюю ночь. Что я сейчасъ говорилъ?

— Она не знала васъ; она не думала о васъ.

— Да! Но въ другія лунныя ночи, когда грусть и тишина иначе шевелили меня, когда онѣ дѣйствовали на меня, какъ наивное чувство покоя, какъ ощущеніе, выходящее изъ боли, я воображалъ, что она являлась въ мою келью и выводила меня изъ крѣпости на свободу. Я часто видѣлъ и блескъ ея при лунномъ свѣтѣ, какъ вижу васъ теперь; только никогда не держалъ я ея въ моихъ объятіяхъ: она стояла между дверью и маленькимъ рѣшетчатымъ окошкомъ. Но понимаете ли вы, что это не было дитя, о которомъ я говорю?

— Дитя воображенія?

— Нѣтъ, это было совсѣмъ не то. Оно представлялось вѣчно-неподвижно моему болѣзненному чувству зрѣнія. Призракъ, преслѣдовавшій умъ, было другое дитя, болѣе-дѣйствительное. Его наружность, я знаю только, была похожа на мать. Другое имѣло то же сходство, какъ и вы; но это были два различныя созданія. Можете ли вы слѣдить за мною, Люси? Едва-ли, я полагаю. Вы должны пройти черезъ одиночество заключенника, чтобъ понять эти смутныя различія.

Какъ ни былъ спокоенъ и твердъ его тонъ, но кровь застыла въ ея жилахъ, когда онъ пробовалъ, такимъ-образомъ, анатомически разбирать свое прежнее состояніе.

— Въ этомъ болѣе-спокойномъ состояніи я представлялъ себѣ, при лунномъ свѣтѣ, какъ являлась она и вводила меня съ собою, чтобы показать своей семейный бытъ; исполненный дорогими воспоминаніями объ утраченномъ отцѣ. Я воображалъ ее въ ея комнатѣ. Она молчалась.

Жизнь ее была дѣятельная отрадная, полезная; но моя несчастная исторія всю ее проникала.

— Я была то дитя, отецъ мой! Я виоловину не была такъ добра; но по любви я была имъ.

— И она показывала мнѣ своихъ дѣтей, продолжалъ докторъ изъ Бове: — они слышали обо мнѣ; она выучила ихъ сожалѣть обо мнѣ. Когда проходили они мимо тюрьмы, они держались подальше отъ ея мрачныхъ стѣнъ и смотрѣли на ея рѣшетки, шопотомъ разговаривая между собою. Она не могла освободить меня. Мнѣ представлялось, что, показавъ все это, она всегда приводила меня назадъ. Но тогда благословенныя слезы облегчали меня; я падалъ на колѣни и благословлялъ ее.

— О, я надѣюсь, я это дитя, отецъ мой! О, мой милый, мой милый, благословите ли вы меня съ такою же теплотою завтра?

— Люси! я припоминаю прежнія страданія, потому-что сегодня я имѣю поводъ любить васъ болѣе, нежели могутъ выразить мои слова и благодарить Бога за мое блаженство. Самыя дикія мечты мой не приближались къ этому счастью, которое я испыталъ съ вами, которое еще ожидаетъ насъ впереди.

Онъ обнялъ ее, торжественно взвѣрилъ ее небу и смиренно благодарилъ небо, которое ему послало ее. Позже возвратились они домой.

Никто не былъ приглашенъ на свадьбу, за исключеніемъ мистера Льюри; не было даже ни одной подруги, за исключеніемъ колоссальной миссъ Проссъ. Свадьба не перемѣнила ихъ мѣстопробыванія; они нѣмало возможнымъ только расширить квартиру, взявъ верхнія комнаты, занимаемыя неизвѣстнымъ и невидимымъ жильцомъ, и болѣе они ничего не желали.

Докторъ Манетъ былъ очень-веселъ за скромнымъ ужинкомъ. Они сидѣли только втроемъ за столомъ; миссъ Проссъ была третья. Онъ сожалѣлъ, что не было Чарльза, наполовину былъ недоволенъ нѣмымъ разговоромъ, который удалалъ его, съ любовью шилъ за его зяровье.

Такъ наступило время проститься съ Люси, и они расстались. Но посреди тишины третьяго часа утра Люси опять сошла внизъ, тихо проникла въ его комнату, заранѣе тревожимая бессознательнымъ страхомъ.

Всѣ вещи, однакожь, были на своихъ мѣстахъ, все было спокойно; онъ спалъ; его бѣлые волосы были живописно раскинуты на тенью изголовьѣ; руки спокойно лежали на одеждѣ. Она поставила въ тѣни мужскую свѣчу, тихо подкралась къ кровати и приложила свои губы къ его устамъ, потомъ наклонилась надъ нимъ и долго смотрѣла на него.

Горечь заключенія наложила глубокіе слѣды на его прекрасную наружность; но онъ скрывалъ ихъ съ такою твердою рѣшительностію, что даже и во снѣ умѣлъ владѣть собою. Лица болѣе-замѣчательнаго по спокойной, рѣшительной, но осторожной борьбѣ съ невидимымъ врагомъ, вы не встрѣтили бы въ цѣломъ сонномъ царствѣ въ эту ночь.

Она вѣжно приложила руку къ его милой груди, возсылая молитву, чтобъ она осталась навсегда такъ же вѣрна ему, какъ жаждала того его любовь, какъ того заслуживали его несчастія. Потомъ она отняла свою руку, еще разъ поцаловала его губы и удалилась. И такъ наступилъ солнечный восходъ, и тѣни листьевъ клѣна скользили по его лицу такъ же вѣжно, какъ шевелились его губы, молившіяся за него.

XVIII.

Девять дней.

День свидѣбный свѣтилъ ярко. Они ожидали у закрытой двери кабинета доктора, гдѣ тотъ разговаривалъ съ Чарльзомъ Дарнэ. Все было готово отправиться въ церковь: красавица-невеста, мистеръ Лори и миссъ Прессъ, которая постепенно примирилась съ событіемъ и была бы совершенно счастлива, еслибъ онъ не преслѣдовала еще мысль, что ее братъ Соломонъ долженъ бы быть женихомъ.

— Итанъ, сказала мистеръ Лори, который не могъ достаточно наливоваться на невесту и который все ходилъ кругомъ нея, чтобы осмотрѣть со всѣхъ сторонъ ее скромный, милый туалетъ:—Итанъ, вотъ для чего, моя милая Люси, я провезъ васъ такимъ ребенкомъ черезъ каналъ! Господи благослови! Какъ мало я думалъ тогда о томъ, что я дѣлалъ! Мнѣ и въ голову не приходило, какое едоложеніе я оказывалъ моему другу мистеру Чарльзу!

— Вы не могли этого думать, замѣтила положительная миссъ Прессъ:— и поэтому канже могли вы это знать? Пустяки!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Ну, пожалуй, не плачьте только, сказалъ вѣрный мистеръ Лори.

— Я не плачу, сказала миссъ Прессъ:— а вы такъ плачете.

— Я, миссъ Прессъ? (Въ этотъ разъ мистеръ Лори осмѣивался коншутить съ нею при случай.)

— Да вы плакали сейчасъ же. Я видѣла это и не удивляюсь тому. Такое удивительное серебро, какое вы подарилъ мнѣ, расчувствуетъ жуть кого. Не было ложки, или въ цѣломъ сериазѣ, сказала миссъ Прессъ, надъ которою я бы не плакала вчерашній вечеръ, когда приехала домой, шека не ослѣбла отъ слезъ.

— Мнѣ это очень-пріятно, сказалъ мистеръ Лори: — хотя по чести я не имѣлъ намѣренія ослѣпить этой бездѣлицею. Боже мой! Подобный случай заставляетъ думать человѣка о томъ, что онъ потерялъ. Боже мой, Боже мой! Подумайте объ одномъ: вѣдь пятьдесятъ лѣтъ назадъ могла явиться мистриссъ Лори!

— Совсѣмъ нѣтъ! послышалось замѣчаніе миссъ Проссъ.

— Вы думаете, что никогда не могло быть мистриссъ Лори? спросилъ джентльменъ, носившій это имя.

— Ну! возразила миссъ Проссъ: — вы были холостякъ въ колыбели.

— Пожалуй! замѣтилъ мистеръ Лори, съ свѣтлою улыбкою поправляя свой парикъ. — Это также очень-вѣроятно.

— И изъ васъ выкроили холостяка еще прежде, чѣмъ положили въ колыбель.

— Въ такомъ случаѣ, я думаю, сказалъ мистеръ Лори:—со мною обошлись очень-невеликодушно. Я долженъ бы имѣть голосъ въ выборѣ выкройки, подъ которую меня оболванили. Довольно объ этомъ! Теперь, милая Люси, продолжалъ онъ, охватывая ее станъ: — я слышу, они шевелится въ соседней комнатѣ, и миссъ Проссъ, и я, какъ люди дѣловые, не хотимъ упустить послѣдняго случая сказать вамъ, что вамъ пріятно будетъ услышать. Милая! вы оставляете вашего добраго отца съ людьми, которые такъ же заботятся о немъ, такъ же любятъ его, какъ и вы сами; всѣ возможные попеченія будутъ приняты вирожденіе слѣдующихъ двухъ недѣль, пока вы останетесь въ Уорикширѣ; даже Тельсоны (говоря сравнительно) будутъ для него забыты. И когда, по прошествіи этихъ двухъ недѣль, онъ присоединится къ вамъ и супругу вашему, чтобы ѣхать въ Валлисъ, еще на двѣ недѣли, вы сами скажете, что мы прислали его въ полномъ здоровьи, въ самомъ счастливомъ расположеніи. Теперь я слышу, чьи-то шаги приближаются къ двери. Позвольте мнѣ поцаловать васъ, милая дѣвушка, съ благословеніемъ стараго холостяка, пока не явился кто-нибудь требовать своихъ правъ.

На-минуту онъ взялъ ее прекрасное лицо, чтобы взглянуть на памятное выраженіе на ее челѣ, и потомъ приложилъ ее свѣтлые-золотистые волосы къ своему коричневому парику съ такою естественною нѣжностію и скромностію, что если это и былъ старомодный обычай, то, по-крайней-мѣрѣ, онъ былъ такъ же древенъ, какъ самый Адамъ.

Дверь комнаты доктора отворилась. Онъ вышелъ изъ нея вихтѣя съ Чарльзомъ Дарнэ. Онъ былъ такъ мертвенно блѣденъ, чего, однакожь не было замѣтно прежде, когда они оба вышли, что на лицѣ его не видно было и кровинки. Но спокойное обращеніе его не обнаруживалъ

ни малѣйшей перемѣны; только пронизательный взглядъ мистера Лори открылъ темные признаки прежней бовани и недовѣрчивости, которые коснулись его снова, какъ холодный вѣтеръ.

Онъ протанулъ руку дочери и свелъ ее внизъ по лѣстницѣ къ каретѣ, которую нанялъ мистеръ Лори для сегодняшняго торжества. Прочіе сѣдовали въ другой каретѣ, и вскорѣ въ сосѣдней церкви, куда не заглядывали посторонніе глаза, Чарльзъ Дарнэ и Люси Манетъ были благополучно обвѣнчаны.

Кромѣ свѣжихъ слезъ, блестящихъ среди улыбокъ этой маленькой группы, когда церемонія была кончена, на рукѣ невесты загорѣлись искристые брильянты, только-что освобожденные изъ темной неувѣстности кармановъ мистера Лори. Они вернулись домой къ завтраку. Все шло хорошо, и въ свое время золотистые волосы, когда-то ниспадавшіе на сѣдые кудри бѣднаго башмачника въ парижскомъ чердакѣ, снова мѣшались съ ними при свѣтѣ утренняго солнца, на порогѣ, при прощаньи.

Это было горькое прощанье, хотя и не на долгое время. Но отецъ утѣшалъ ее и сказалъ наконецъ, нѣжно освобождаясь изъ ея объятій:

— Возьмите ее, Шарль: она ваша!

И ея взволнованная рука привѣтствовала ихъ изъ окна экипажа, и она исчезла.

Уголокъ былъ отдаленъ отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, и всѣ приготовленія были необыкновенно-просты. Докторъ, мистеръ Лори, миссъ Проссъ поэтому были совершенно одни. Когда вернулись они въ привѣтную тѣнь прохладной передней, мистеръ Лори замѣтилъ большую перемѣну въ докторѣ, какъ-будто золотая рука, поднятая тамъ, нанесла ему ядовитый ударъ.

Естественно, онъ сдерживалъ волненіе; должно было ожидать поэтому переворота, когда миновала необходимость въ этомъ сдерживаніи. Но прежній запуганный, бессмысленный взглядъ смущалъ мистера Лори, и, видя, какъ бессознательно онъ схватывалъ себя за голову и блуждалъ по своей комнатѣ, когда поднимались они наверхъ, мистеръ Лори припоминалъ Дефоржа, хозяина кабака, и поѣздки ихъ при свѣтѣ звѣздъ.

— Я думаю, шепталъ онъ миссъ Проссъ, послѣ нѣкотораго размышленія: — я думаю, лучше теперь не говорить съ нимъ и вовсе не тревожить его. Мнѣ нужно заглянуть въ тельсоновъ банкъ. Я пойду туда сейчасъ же и вскорѣ возвращусь; потомъ мы поѣдемъ покататься за городъ, будемъ тамъ обѣдать, и все обойдется хорошо.

Для мистера Лори было легче войти въ тельсоновъ банкъ, нежели выбраться изъ него. Его задержали два часа. Когда онъ пришелъ назадъ, онъ поднялся одинъ по знакомой лѣстницѣ, не сдѣлавъ никакихъ вопро-

совъ служанки. Подходя къ комнатамъ доктора, онъ былъ остановленъ тихимъ звукомъ ударовъ молота.

— Боже милостивый! сказалъ онъ, вздрогнувъ:—что это такое? Миссъ Проссъ съ испуганнымъ лицомъ явилась возлѣ него.

— Боже мой, Боже мой! Все погибло! вопила она, ломая руки.—Что мы скажемъ божьей коровкѣ? Онъ не узнаётъ меня и шьетъ башмаки!

Мистеръ Лори сказалъ, что могъ, чтобъ успокоить ее, и вошелъ въ комнату доктора. Скамейка была повернута къ свѣту, какъ и прежде; когда онъ видѣлъ башмачника за работою; голова его была наклонена впередъ; онъ былъ очень занятъ.

— Докторъ Манетъ, любезный другъ мой, докторъ Манетъ!

Докторъ взглянулъ на него на-минуту съ полувопрошающимъ, полу-сердитымъ видомъ и опять принялся за работу.

Онъ снялъ свой сюртукъ и жилетъ; его рубашка была растегнута у горла, какъ и прежде, когда занимала его эта работа, и даже прежнее безумное, поблеклое выраженіе снова появилась на его лицѣ. Онъ работалъ усердно, нетерпѣливо, какъ-бы сознавая, что ему мѣшали.

Мистеръ Лори посмотрѣлъ на работу, находившуюся въ его рукахъ, и замѣтилъ, что это былъ старый башмакъ, знакомый ему и по формѣ, и по величинѣ. Онъ взялъ другой башмакъ, возлѣ него лежавшій, и спросилъ, что это такое.

— Молодой дамы башмаки для гулянья, пробормоталъ онъ, не приподымая глаза:—я долженъ бы давно его окончить. Оставьте.

— Но, докторъ Манетъ, посмотрите на меня.

Онъ повиновался съ прежнимъ бессознательно-покорнымъ видомъ, не останавливая работы.

— Узнаёте ли вы меня, мой любезный другъ? Подумайте-ка. Видѣ это не ваше дѣло. Подумайте хорошенько, любезный другъ!

Ничто не заставляло его говорить. Онъ посмотрѣлъ вверхъ на-минуту, когда его спросили; но никакія убѣжденія не могли вынудить отъ него ни одного слова. Онъ работалъ, работалъ и работалъ молча; слова чужія падали на него, какъ звуки на безголосную стѣну, не вызывая ни малѣйшаго эхо. Мистеръ Лори могъ открыть еще только одинъ лучъ надежды: иногда онъ посматривалъ украдкой, когда его и не преслалъ. Въ этихъ взглядахъ было слабое выраженіе любопытства, недоумѣнія, какъ-будто онъ старался примирить въ своемъ умѣ какія-то сомнѣнія.

Двѣ вещи представились сейчасъ же мистеру Лори, какъ самыя важнѣйшія: воцпервыхъ, это должно быть сохранено въ тайнѣ отъ Люси; во-вторыхъ, это должно быть сохранено въ тайнѣ отъ всѣхъ, кто зналъ его.

Вместѣ съ миссъ Проссъ, онъ принялъ всѣ мѣры для послѣдней предосторожности, объявивъ, что докторъ нездоровъ и что на нѣсколько дней ему нуженъ совершенный покой. Чтобы скрыть истину отъ дочери, миссъ Проссъ должна была написать ей, что его потребовали по его занятіямъ, и приложить нѣсколько строчекъ, будто-бы второнахъ написанныхъ его рукой.

Мистеръ Лори принялъ эти мѣры, во всякомъ случаѣ полезныя, въ надеждѣ, что онъ придетъ въ-себя. Еслибъ это случилось скоро, то онъ рѣшился посоветоваться, по своему усмотрѣнію, насчетъ положенія доктора.

Въ надеждѣ на его выздоровленіе, когда возможно была, слѣдственно, предложеніе этого третьяго средства, мистеръ Лори положилъ внимательно слѣдить за этимъ, не подавая, однакожъ, ни малѣйшаго вида. Въ первый разъ въ жизни онъ попросилъ отлучиться изъ тельсонова банка и расположился въ той же самой комнатѣ у окошка.

Онъ скоро нашелъ, что разговаривать съ нимъ было болѣе, чѣмъ бесполезно: разговоръ только раздражалъ его. Онъ съ перваго же дня оставилъ это и рѣшился только всегда быть съ нимъ, какъ явное убѣжденіе противъ самообольщенія, которому тотъ поддавался. Онъ былъ поэтому постоянно на своемъ мѣстѣ у окошка, читалъ, писалъ, обнаруживая самымъ приятнымъ и естественнымъ образомъ, какъ приходило ему только въ голову, что здѣсь существовала полная свобода для всѣхъ.

Докторъ Манегъ шлъ, къ все, что ему подавали, продолжая работать въ этотъ первый день, пока стемнѣло, и работалъ еще полчаса позже, когда мистеръ Лори не видѣлъ ни писать, ни читать. Когда онъ положилъ къ-сторону свой инструментъ до утра, мистеръ Лори всталъ и сказалъ ему:

— Хотите вы идти на улицу?

Онъ посмотрѣлъ на полъ съ обѣихъ сторонъ, по своей прежней манерѣ, и повторилъ прежнимъ тихимъ голосомъ:

— На улицу?

— Дá, погулять со мною. Отчего нѣтъ?

Онъ сдѣлалъ усміе, чтобы повторить: «отчего нѣтъ?» и болѣе не сказалъ ни слова. Но мистеру Лори казалось, онъ замѣтилъ, какъ онъ, наклонившись впередъ на своей скамьѣ, опершись на колѣни локтями и положивъ голову въ руки, бессмысленно спрашивалъ самъ себя: «отчего нѣтъ?» Съ проникательностію дѣловаго человѣка онъ замѣтилъ эти обстоятельства и рѣшилъ воспользоваться этимъ.

Миссъ Проссъ и онъ попеременно сторожили его ночью, наблюдая за нимъ изъ сосѣдней комнаты. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ прежде,

нежели легъ въ постель; но, когда онъ окончательно улегся, онъ заснулъ. Поутру онъ поднялся ранехонько и прямо отправился къ скамьѣ работать.

На другой день мистеръ Лори весело привѣтствовалъ его, называя по имени, и говорилъ о предметахъ, занимавшихъ его въ послѣднее время. Онъ не давалъ никакого отвѣта; но очевидно онъ слышалъ, что ему говорили, онъ думалъ объ этомъ, хотя смутно. Это ободрило мистера Лори, и онъ нѣсколько разъ въ продолженіе дня призывалъ посидѣть миссъ Проссъ съ работою. Тогда они спокойно разговаривали о Лисси, объ ея отцѣ, присутствовавшемъ здѣсь, какъ-будто все шло обычнымъ порядкомъ. Это дѣлалось очень-тихо; бесѣды были нечасты, непродолжительны, чтобъ не мучить его, и любящему сердцу мистера Лори становилось легче: ему казалось, будто онъ посматривалъ чаще, будто его поражаало темное сознание противорѣчій, его окружавшихъ.

Когда опять стало темно, мистеръ Лори спросилъ его, какъ и прежде: — Любезный докторъ, хотите вы идти на улицу?

Какъ и прежде, онъ повторилъ:

— На улицу?

— Дѣ, погулять со мною. Отчего нѣтъ?

На этотъ разъ мистеръ Лори сдѣлалъ видъ, будто уходитъ, когда не могъ добиться отъ него отвѣта, и, отлучившись около часу времени, онъ возвратился. Между-тѣмъ, докторъ перешелъ къ окошку и сидѣлъ тамъ, смотря на клѣнь; но, съ возвращеніемъ мистера Лори, онъ отправился къ своей скамьѣ.

Время танулось медленно; надежды мистера Лори гасли; на сердцѣ у него становилось опять тяжелѣе и тяжелѣе, увеличивалась съ каждымъ днемъ. Третій день наступилъ и прошелъ, за нимъ четвертый, пятый. Пять дней, шесть дней, семь дней, восемь дней, девять дней.

Съ потухающими надеждами, съ тяжелымъ сбрѣденъ мистеръ Лори проводилъ это грустное время. Тайна была хорошо сохранена, и Лисси, въ полномъ невѣдѣніи, была счастлива; но онъ не могъ не замѣтить, что башмачникъ, котораго руки сначала будто потеряли привычку, ставился страшно-искусенъ, и никогда еще онъ не былъ такъ углубленъ въ свою работу, никогда еще его руки не дѣйствовали такъ ловко, такъ мастерски, какъ въ сумерки девятаго вечера.

АДАМЪ БИДЪ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ КНИГАХЪ

ДЖОРДЖА ЭЛИОТА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

II.

Проповѣдь.

Около трехъ-четвертей седьмого въ деревнѣ Геслопъ, и во всю длину ея небольшой улицы отъ Донниторнскаго Герба до кладбищенскихъ воротъ, обнаружилось необыкновенное движеніе; жители оставили свои помѣщенія, побуждаемые къ тому очевидно не однимъ лишь желаніемъ повѣжиться на вечернемъ солнцѣ. Донниторнскій Гербъ стоялъ у входа въ деревню, и небольшой хуторный и усадебный дворы, находившіеся съ боку и указывавшіе на то, что къ гостинницѣ принадлежалъ изрядный участокъ земли, обѣщали путешественнику хорошій кормъ какъ для него самого, такъ и для лошади. Это могло служить ему утѣшеніемъ въ томъ, что поврежденная временемъ вывѣска не позволяла ему хорошенько ознакомиться съ геральдическими изображеніями древней фамиліи Донниторнъ. Мистеръ Кассонъ, хозяинъ гостинницы, уже нѣсколько времени стоялъ у дверей, держа руки въ карманахъ, становясь то на пятки, то нацыпочки и покачиваясь; его взоры были обращены на неогороженный участокъ, гдѣ на срединѣ помѣщался клѣнъ, который, какъ было извѣстно хозяину, былъ мѣстомъ назначенія мужчинъ и женщинъ важнаго вида, время-отъ-времени проходившихъ мимо его.

Личность мистера Кассона вовсе не принадлежала къ числу обыкновенныхъ типовъ, которые не заслуживаютъ описанія. Съ перваго взгляда

она, казалось, главнѣйшій образъ состояла изъ двухъ сферъ, относившихся другъ къ другу такъ же, какъ земля и луна; то—есть нижняя сфера, казалось на простой взглядъ, была въ тринадцать разъ больше верхней, которая, естественно, отправляла должность простаго спутника и подчиненнаго. Но этиъ и ограничивалось сходство, потому—что голова мистера Кассона вовсе не была сателлитомъ меланхолическаго вида, или «запатнаннымъ шаромъ», какъ непочтительно отозвался о нѣсцѣ Мильтонъ; напротивъ, голова и лицо были весьма—гладки и нѣгли совершенно—здоровый видъ; лицо, состоявшее главнѣйшимъ—образомъ изъ круглыхъ и румяныхъ щекъ, между которыми носъ и глаза образовывали такую незначительную связь и перерывы, что о нихъ почти не стоило и упоминать, выражало радостное довольство, смягчавшееся только сознаниемъ личнаго достоинства, которымъ была профикирнута вся фигура. Это чувство достоинства нельзя было считать чрезмѣрнымъ въ человѣкѣ, находившемся цѣлыя пятнадцать лѣтъ въ должности дворецкаго «фамиліи» и, въ своемъ настоящемъ высокомъ положеніи, по—необходимости, часто жившемъ дѣло съ подчиненными. Въ послѣднія пять минутъ мистеръ Кассонъ обдумывалъ въ умѣ проблему: какимъ—образомъ удовлетворить своему любопытству и отправиться на Лугъ, не лишаясь своего достоинства. Онъ уже отчасти разрѣшилъ задачу, вынувъ руки изъ кармановъ и вдвинувъ ихъ въ проймы своего жилета, затѣмъ наклонивъ голову на одну сторону и принявъ видъ презрительнаго равнодушія ко всему, что могло пасть на глаза; какъ вдругъ его мысли обратило на себя приближеніе всадника, того самого, который незадолго передъ тѣмъ останавливалъ свою лошадь и продолжительнымъ взоромъ провожалъ нашего знакома Адама и который теперь подѣзжалъ къ дверямъ Доннаторнекаго Герба.

— Возьми лошадь за узду и дай ей напиться, человѣкъ! сказалъ путешественникъ парню въ грубой блузѣ, вышедшему со двора при звукѣ лошадиного топота.—Что у васъ такое въ вашей деревнѣ, хозяинъ? продолжалъ онъ, сходя съ лошади.—У васъ какое-то особенное движеніе.

— Да проповѣдь методистовъ, сударь! У насъ распространился слухъ, что молодая женщина будетъ проповѣдывать на Лугу, отвѣчалъ мистеръ Кассонъ дискантовымъ и удушьявымъ голосомъ, съ нѣкоторымъ жеманствомъ.— Не угодно ли вамъ, сударь, войти и не прикажете ли чего?

— Нѣтъ, я долженъ ѣхать дальше въ Дростеръ. Мнѣ нужно только напоить лошадь... Но что же говорить вашъ пасторъ о томъ, что молодая женщина читаетъ проповѣди прямо у него подъ носомъ?

— Пасторъ Ирвайнъ не живетъ здѣсь, сударь: онъ живетъ въ Брокстонѣ, вонъ тамъ за холмомъ. Домъ священника здѣсь совсѣмъ разва-

дѣлать, сударь, такъ-что господину нельзя жить въ немъ. Онъ приходитъ проповѣдывать по воскресеньямъ послѣ обѣда, сударь, и оставляетъ здѣсь свою лошадь. Это, сударь, страя лошадка, которую онъ высоко цѣнитъ. Онъ всегда оставляетъ ее здѣсь, сударь, еще въ то время, когда я не былъ хозяиномъ Донниторнскаго Герба. Я не здѣсь родился, сударь, какъ вы легко можете узнать по моему произношенію. Въ этой сторонѣ, сударь, выражаются чрезвычайно-странно, такъ-что господамъ весьма-трудно понимать ихъ. Я, сударь, выросъ среди господъ и привыкъ къ ихъ языку, когда еще былъ мальчишкой. Какъ, думаете вы, произносятся здѣсь люди «haven't you?» (*) Господа, извѣстно, говорятъ: «haven't you?» ну, а здѣсь народъ говоритъ: «hanna yeu». Такъ, какъ они говорятъ здѣсь, сударь, это наз.вается *діалекъ*. Я слышалъ, что сквайръ Донниторнъ не разъ говорилъ объ этомъ: это, говорилъ онъ, *діалекъ*.

— Такъ, такъ, сказалъ чужестранецъ, улыбаясь.—Я очень-хорошо знаю это. Но я не думаю, чтобы у васъ тутъ было много методистовъ... въ вашемъ земледѣльческомъ мѣстечкѣ. Я даже предполагалъ, что трудно найдти между вами методиста. Вѣдь вы всѣ фермеры, не правда ли? А вѣдь методисты имѣютъ мало вліянія на это сословіе.

— Нѣтъ, сударь, здѣсь въ окрестности живетъ множество рабочихъ. Здѣсь живетъ мистеръ Бёрджъ, которому принадлежитъ лѣсной дворъ, вотъ этотъ; онъ занимается постройками и починками, и у него много работы. Потомъ неподалеку отсюда находятся каменоломни. Нѣтъ, въ этой сторонѣ есть много работы, сударь! Потомъ, здѣсь есть славная куча методистовъ въ Треддлстонѣ... Это армарочный городъ, миляхъ въ трехъ отсюда... вы, можетъ-быть, проѣжали черезъ него, сударь! Ихъ набралось теперь здѣсь нѣсколько десятковъ на Лугу. Оттуда-то наши рабочіе и набираются этого ученія, хотя во всемъ Геслопѣ только два методиста: это Вилль Маскри, колесникъ, и Сетъ Бидъ, молодой человекъ, занимающійся плотничною работою.

— Следовательно, проповѣдница изъ Треддлстона, не такъ ли?

— Нѣтъ, сударь, она изъ Стоиншейра, около тридцати миль отсюда. Но она пріѣхала сюда погостить къ мистеру Пойзеру на мызѣ... Это вотъ ихъ яблони и большія орѣховыя деревья, все прямо на лѣвой рукѣ, сударь! Она родная племянница жены Пойзера, и Пойзеры будутъ очень-недовольны и огорчены тѣмъ, что она такъ дурачится. Но я слышалъ, что когда въ голову этихъ методистокъ заберется такой вздоръ, то ихъ

(*) Трактирщикъ говоритъ простонароднымъ языкомъ: «haven't you», вмѣсто «have not you».

нельзя удержать ничѣмъ : многія изъ нихъ дѣлаются совершенно-сумасшедшими со своей религіей. Впрочемъ, эта молодая женщина, съ виду очень-кроткая. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, мнѣ говорили; самъ я ея не видѣлъ.

— Жаль, что у меня нѣтъ времени и что я долженъ ѣхать дальше: мнѣ хотѣлось бы остаться здѣсь и посмотреть на нее. Я удалился съ своей дороги на цѣлыя двадцать минутъ, желая осмотрѣть вашъ домъ въ долину. Онъ, кажется, принадлежит сквайру Донниторну, не такъ ли?

— Дá, сударь, это охотничье мѣсто Донниторна, совершенно такъ. Славные дубы, сударь, не правда ли? Я ужъ долженъ знать, что это такое, сударь, потому-что жилъ у нихъ дворецкимъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ. Наслѣдникъ всего этого теперь капитанъ Донниторъ, сударь, внукъ сквайра Донниторна. Онъ будетъ совершеннолѣтнимъ къ нынѣшней жатвѣ, сударь: вотъ тогда ужъ будетъ праздникъ на нашей улицѣ. Ему, сквайру Донниторну, принадлежитъ вся окрестность здѣсь, сударь!

— Дá, прекрасное мѣстечко, кому бы оно тамъ ни принадлежало, сказалъ путешественникъ, садясь на лошадь: — и здѣсь водятся также красивые, стройные ребята. Я встрѣтилъ парня, какого мнѣ еще не удавалось видѣть въ жизни, съ полчаса назадъ, у подошвы холма... плотникъ, высокій, широкоплечій малый, черноволосый и черноглазый. Онъ былъ бы отличный солдатъ. Намъ нуженъ такой народъ, какъ этотъ малый, чтобъ бить французовъ.

— Знаю, сударь, про кого изволите говорить: это былъ Адамъ Бидъ... готовъ побожиться, что это былъ онъ... сынъ Матвѣя Биды... всѣ здѣсь знаютъ его. Онъ чрезвычайно-смѣтливый, старательный парень и удивительно-силенъ. Ей-Богу, сударь... извините, что я говорю такимъ образомъ... онъ въ состояніи пройти сорокъ миль въ день и подниметь около шестидесяти стонговъ (*). Его очень любятъ здѣшніе господа, сударь; капитанъ Донниторъ и мистеръ Ирвайнъ очень заботятся о немъ. Но онъ немного подымаетъ носъ и важничаетъ.

— Ну, прощайте, хозяинъ ! Мнѣ надо ѣхать.

— Къ услугамъ вашимъ, сударь ! Прощайте.

Путешественникъ пустилъ свою лошадь скорою рысью по деревнѣ; но когда онъ доѣхалъ до Луга, то очаровательное зрѣлище, представившееся ему съ правой стороны, странный контрастъ, образуемый группами поселанъ и собраніемъ методистовъ близъ клѣна, а больше всего, можетъ-быть, желаніе увидѣть молодую проповѣдницу искушали его до такой степени,

---

(*) Въ *стонъ* отъ 8 до 16 англійскихъ фунтовъ.

что онъ остановился и подавлялъ въ себѣ страстное желаніе совершить свой путь какъ—можно—скорѣе.

Лугъ находился въ концѣ деревни, и тамъ дорога расходилась по двумъ направленіямъ: одна вела верхъ на холмы, мимо церкви, другая прелестными извилинами шла внизъ по долинѣ. Съ той стороны Луга, которая была обращена къ церкви, помѣщались не прямою линіею крытыя соломою избы и доходили почти до кладбищенскихъ воротъ; съ другой же, сѣверо-западной стороны ничто не препятствовало наслаждаться видомъ прелестнаго волнистаго луга, лѣсистой долины и мрачной массы отдаленныхъ горъ. Богатая, волнистая область Ломшейръ, куда принадлежала деревня Геслопъ, граничитъ съ мрачнымъ предѣльемъ Стонишейръ, голые холмы котораго господствуютъ надъ областью. Такъ иногда вамъ случается увидѣть, что красивая, цвѣтущая здоровьемъ и молодостью дѣвушка идетъ подъ руку съ неуклюжимъ, высокимъ, смуглымъ братомъ. Въ два, или три часа ѣзды путешественникъ проѣзжаетъ открытую, лишенную деревьевъ область, переѣзжаемую полосами холоднаго сѣраго камня, вступаетъ въ другую, гдѣ его путь лежитъ извилинами подъ кровомъ лѣсовъ, или взвивается по волнистымъ холмамъ, покрытымъ рядами деревьевъ, высокою луговою травой и густою рожью, и гдѣ, при каждомъ поворотѣ, встрѣчаетъ старую дачу, расположенную въ долинѣ, или на вершинѣ покатости, или домъ съ цѣлою цѣпью сараевъ и кучею золотистыхъ стоговъ, или старую колокольню, видящуюся надъ множествомъ деревьевъ и крышъ, покрытыхъ соломою и темно-красными черепицами. Такое зрѣлище, какое мы изобразили въ послѣднихъ двухъ строкахъ, представляла церковь деревни Геслопъ нашему путешественнику, когда онъ сталъ подыматься по отлогому откосу, который велъ на веселую вершину. Находясь близъ Луга, онъ могъ сразу вполне обозрѣть всѣ другія типическія черты очаровательной страны. На самомъ горизонтѣ видѣлись обширныя конической формы массы холмовъ, походившія на исполинскія ограды, назначенныя для защиты этой хлѣбной и полевой области отъ рѣзкихъ и свирѣпыхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Холмы находились въ небольшомъ отдаленіи и потому не были одѣты въ пурпуровый таинственный цвѣтъ; на ихъ темныхъ зеленоватыхъ откосахъ ясно видѣлись овцы, о движеніи которыхъ, конечно, можно было только догадываться. Время тепло своимъ чередомъ, а эти массы не отвѣчали никакимъ переѣмамъ, всегда оставались мрачными и пасмурными послѣ утреннаго блеска, быстрого свѣта апрѣльскаго полудня, прощальнаго малиноваго сіянца лѣтнаго солнца, заставляющаго созрѣвать плоды. Непосредственно за ними глазъ отдыхалъ на ближайшей чертѣ повисшихъ лѣсовъ, раздѣлявшихся широкими полосами пастбищъ, или полосами хлѣба, еще непокры-

тыть однообразною листовою завѣсою послѣднихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, но все-таки показывавшихъ жаркій цвѣтъ молодого дуба и нѣжному зеленому ясеневаго дерева и лины. Затѣмъ слѣдовала долина, гдѣ лѣса были гуще: какъ-будто они теропливо скатились внизъ на покатохъ съ холмовъ, оставшихся гладкими, и помѣстились здѣсь dlatego, чтобъ лучше задержать выскочившій дымъ, возвышавшій свои стѣны и посылавшій свой слабый голубой лѣтній дымъ въ вѣхъ сторону. Впереди дома былъ обширный паркъ и довольно-большой чистый прудъ; но волнистая поватость поляни не дозволяла нашему путешественнику видѣть ихъ со стороны деревенскаго луга. Вмѣсто этого онъ видѣлъ первый планъ картины, который былъ также очарователенъ: ровные солнечные лучи проникали, подобно прозрачному золоту, между наклоненными стебельными пушистой травы и высокимъ краснымъ шавелемъ и между бѣлыми зонтиками цвѣтуты, испещрившихъ густую изгородь. Лѣто было въ той порѣ, когда звукъ точиной косы заставлялъ насъ съ сожалѣніемъ смотрѣть на осыпавшіеся цвѣтами луга.

Онъ могъ бы увидѣть другія красеты ландшафта, еслибъ немного повернулся на сѣдлѣ и посмотрѣлъ на востокъ, за пастбище и лѣсною дворъ Джонатана Бѣрджа по направленію къ зеленымъ хлѣбороднымъ полямъ и орѣховымъ деревьямъ близъ мызы; но ясно было, что живыя группы, находившіяся близъ него, интересовали его болѣе. Здѣсь были всѣ поколѣнія деревни, начиная съ дѣдушки Таота, въ темномъ шерстяномъ колпагѣ, который былъ сгорбленъ въ-три-ногубела, но, казалось, былъ еще довольно-живучъ и могъ держаться на ногахъ немало времени, отправясь на свою короткую палку, до грудныхъ дѣтей, тарачившихъ маленькія круглыя головки въ стеганыхъ холотняныхъ шапочкахъ. Постепенно прибывали новыя лица — поселене съ тяжелою походкою, которые, проужинавъ, выходили посмотрѣть на необыкновенную сцену тушымъ бычачьимъ взоромъ, желая услышать, какими-образомъ другіе будутъ объяснять сцену, но сами не рѣшались сдѣлать какой-либо вопросъ. Всѣ, однакожъ, старались не смѣяться съ методистами на Лугу, ожидавшими проповѣди, потому-что никто изъ нихъ не допустилъ бы ввести на себя обвиненія, будто они пришли послушать «проповѣднику»: всѣ они пришли только дашого, чтобъ увидѣть, «что тутъ будетъ происходить». Мужчины разсѣяннымъ образомъ собрались около кузницы. Не вы думайте, чтобъ они образовали толпу. Поселене не толпятся никогда: они не знаютъ, что значитъ шептаться; они, жевидиному, такъ же неспособны тихо шептаться, какъ корова, или олень. Истинный крестьянинъ повернется дивомъ къ своему себеѣдинцу, броситъ вопросъ въ-ва-шаса, дашабы

думая убжать его отъита, и въ самомъ разгарѣ бѣсѣды отойдѣть отъ васъ два-три шага въ сторону. Такимъ-образомъ, грунна, находившаяся близъ дверей кузницы, вовсе не была сожнута и не образовывала шотнаго забора передъ Чадомъ Кренеджемъ, самимъ кузнецомъ, который, опираясь на дверной косякъ и скрестивъ черныя дюжия руки, повременамъ раздражался страшнымъ ревомъ хохота надъ собственными остротами, видимо предпочитая ихъ насмѣвкамъ Желистаго Бена, отказавшагося отъ удовольствій «Остролистника» ддятого, чтобъ увидѣть жизнь въ новой «ормѣ». Но оба рода остротъ заслуживали одинаковое презрѣнiе мистера Джошуа Ранна. Кожаный фартукъ и подавленная угрюмость мистера Ранна никого не оставляли въ сомнѣнiи, что онъ былъ деревенскiй башмачникъ. Выпятившiеся подбородокъ и животъ и вертящiеся большiе пальцы болѣе-тонкимъ образомъ заставляли незнакомыхъ, чужихъ людей предполагать, что они находятся въ присутствiи приходскаго дьячка. «Старымъ Джошкой» (такъ непочтительно называли его сосѣди) начинало овладѣвать негодованiе; но онъ до-этихъ-поръ провзнесъ только густымъ, но сдержаннымъ басомъ, походившимъ на настраиванiе виолончеля: «Сегона, царя аморейска, ибо милость его во вѣки; Ога, царя вазанска, ибо милость его во вѣки»—ирѣчице, которое, казалось, имѣло очень-мало отношенiя къ настоящему случаю, но которое, какъ и всякая другая аномалiя, было естественнымъ слѣдствiемъ, какъ вы, читатель, увидите. Мистеръ Раннъ внутренно поддерживалъ достоинство церкви предъ лицомъ этого соблазнительнаго вторженiя методизма, и такъ-какъ это достоинство, по его мнѣнiю, могло быть поддержано только его звучнымъ голосомъ, то очень-естественно, что первую идею его было привести цитату изъ псалма, который онъ читалъ въ послѣднее воскресенье послѣ обѣда.

Такъ-какъ женщины были любопытнѣе мужчинъ, то онѣ собрались на самой границѣ Луга, гдѣ онѣ лучше могли рассмотретьъ костюмъ, походившiй на костюмъ квакеровъ, и странное поведенiе методистокъ. Надъ каѣномъ стояла небольшая тележка, которая была вята у колѣсницъ и должна была служить каедрю; около нея были разставлены нѣсколько скамеекъ и стульевъ. Нѣкоторыя изъ методистокъ сидѣли на нѣхъ съ закрытыми глазами, какъ-бы погруженныя въ молитву, или въ размышленiе. Другiя продолжали стоять, обратившiеся къ пославшимъ лицомъ, на которомъ выражалось меланхолическое состраданiе, что чрезвычайно забавляло Бессю Кренеджъ, живую дочь кузнеца, называемую сестрами Чадомъ Бессъ. Она удивлялась, «почему эти люди строгимъ такiя случныя визионци». Чадомъ Бессъ была предметомъ особеннаго состраданiя, потому-что ея волосы, занесанные морозъ и

прикрытые на самой макушкѣ головы чепчикомъ, показывали украшеніе, которымъ она гордилась больше, нежели своими румяными щеками, именно двѣ большія круглыя серьги съ фальшивыми гранатами. Эти украшения были предметомъ презрѣнія не только методистовъ, но и ея родной кузины и тѣтки Тимошеевой Бессѣ, которая съ истинно-родственными чувствами часто выражала опасеніе, чтобъ эти серьги не довели ея до чего-нибудь дурнаго, въ душѣ своей желая совершенно-противнаго.

Тимошеева Бессѣ, сохранившая дѣвичье прозвище между своими короткими знакомыми, уже давно была женою Рыжаго Джима и обладала порядочнымъ запасомъ драгоценностей, составляющихъ принадлежность замужней женщины. Изъ нихъ достаточно будетъ упомянуть о плотномъ грудномъ ребенкѣ, котораго она качала на рукахъ, и о здоровомъ пятилѣтнемъ мальчикѣ въ короткихъ по колѣно штанахъ и съ голыми красными ногами, на шеѣ у котораго висѣла ржавая молочная кружка наподобіе барабана и котораго особенно обѣгала небольшая собачка Чада. Эта юная масляная вѣтвь славилась подъ именемъ Бена Тимошеевой Бессѣ. Бенъ Тимошеевой Бессѣ имѣлъ весьма-любознательный нравъ и не стѣснялся ложнымъ стыдомъ. Онъ вышелъ изъ группы женщинъ и дѣтей, расхаживалъ между методистами, смотрѣлъ имъ прямо въ лицо, открывъ ротъ, и, въ видѣ музыкальнаго аккомпаньемента, ударялъ палкою въ молочную кружку. Но когда одна изъ пожилыхъ женщинъ съ важнымъ видомъ наклонилась къ нему и въ увѣщаніе хотѣла взять его за плечо, то Бенъ Тимошеевой Бессѣ сначала лягнулъ ее изо всей мочи, а потомъ далъ тягу и искалъ убища за ногами своего отца.

— Ахъ, ты щенокъ этакой! сказалъ Рыжій Джимъ съ нѣкоторою отеческою гордостью: — если ты не будешь держать палки спокойно, то я отыму ее у тебя. Какъ ты смѣешь такъ лягаться?

— Подай его сюда, ко мнѣ, сказалъ Чадъ Кренеджъ: — я его свяжу и подкую, какъ лошадь. — А! мистеръ Кассонъ, продолжалъ онъ, увидя трактирщика, медленно подходившаго къ группѣ мужчинъ: — какъ поживаете? Что, вы также пришли стонать? Говорятъ, люди, слушающіе методистовъ, всегда стонутъ, какъ-будто они повреждены внутренне. Я буду рычать такъ, какъ рычала ваша корова напередъ ночью: вотъ тогда проповѣдникъ увѣрится, что я на истинномъ пути.

— Я совѣтую вамъ не дѣлать глупости, Чадъ! сказалъ мистеръ Кассонъ съ нѣкоторымъ достоинствомъ. — Поппэру не будетъ пріятно, если онъ услышитъ, что съ племянницею его жены обращаются немощно-

тельно, хотя онъ самъ, можетъ-быть, не очень-то доволенъ, что она взялась читать проповѣдь.

— Ну, да вѣдь она и недурна собой, сказалъ Жилистый Бенъ. — Что до меня, то я очень люблю проповѣди хорошенькихъ женщинъ: я знаю, что онѣ убѣдятъ меня гораздо-скорѣе, нежели проповѣди безобразныхъ мужчинъ. Мнѣ вовсе не покажется страннымъ, если я сдѣлаюсь методистомъ сегодня же вечеромъ и стану ухаживать за проповѣдницей, какъ Сеть Бидъ.

— Ну, Сеть, кажется, подымаетъ носъ слишкомъ-высоко, сказалъ мистеръ Кассонъ. — Не думаю, что ей родня останется довольна, если она станетъ смотрѣть на простаго плотника.

— Полно, такъ ли? сказалъ Бенъ, высокимъ дискантомъ. — Какое же дѣло родитъ до этого?... Это не касается до нихъ ни на-волосъ. Пусть себѣ Пойзерава жена задираетъ носъ и забываетъ прошлое; но Дина Моррисъ, рассказываютъ, бѣдна... работаетъ на мельницѣ и едва въ-состояніи содержать самоѣ-себя. Статный молодой плотникъ, да къ-тому же методистъ, какъ Сеть Бидъ, былъ бы для нея хорошею парой. Вѣдь Пойзеры заботятся же объ Адамѣ Бидѣ, какъ о своемъ родномъ племянникѣ.

— Вздоръ, вздоръ! сказалъ Джошуа Раннъ. — Адамъ и Сеть два совершенно-различные человѣка; имъ обонимъ не сошьешь сапога на одной и той же колодкѣ.

— Можетъ-быть, сказалъ Жилистый Бенъ презрительно: — но для меня Сеть лучше, хотя бы онъ былъ методистомъ вдвое больше теперешняго. Сеть обезоружилъ меня совершенно: я дразнилъ его сегодня все время, что мы работали вмѣстѣ, и онъ терпѣлъ мои шутки, какъ ягненокъ. Притомъ же, онъ смѣлый малый: мы однажды ночью шли съ нимъ по полямъ и вдругъ увидѣли горящее дерево, которое приближалось къ намъ; мы думали, что лѣшій хочетъ подшутить надъ нами, и уже собрались бѣжать, какъ Сеть, не задумываясь, бросился впередъ такъ же смѣло, какъ констебль. А! да вотъ онъ вышелъ отъ Вилля Маскри; да вотъ и самъ Вилль съ такимъ кроткимъ видомъ: подумашь, что онъ не смѣетъ ударить гвоздя по шапочкѣ, боясь испортить его. А вотъ и красивая проповѣдница! Ей-ей, она сняла свою шляпку. Я пойду поближе.

Нѣсколько человѣкъ послѣдовали примѣру Бена, и путешественникъ на лошади также приблизился къ Лугу, въ то время, какъ Дина, впереди своихъ подругъ, довольно-быстро подходила къ телегѣ, находившейся подъ клѣномъ. Когда она проходила мимо высокаго Сета, то казалась очень-небольшаго роста; но, когда она помѣстилась на телегѣ,

гдѣ ея нельзя было сравнить ни съ кѣмъ, то ея ростъ, казалось, былъ выше средняго женскаго, хотя въ дѣйствительности не превосходилъ его. Этимъ она была обязана своей тоненькой фигурѣ и простенькому черному платью. Чужестранецъ пришелъ въ изумленіе, когда увидѣлъ, какъ она приблизилась къ телегѣ и взошла на нее: его изумила не столько женская граціозность ея появленія, сколько естественное отсутствіе въ ея наружности мысли о себѣ. Онъ представлялъ ее себѣ иначе: онъ предполагалъ, что она станетъ выстунать ифритскими шагами, что ея наружный видъ будетъ пронинуть важною торжественностью; онъ былъ увѣренъ, что на ея лицѣ увидать улыбку ея знательной святости, или грозную горечь. Онъ зналъ только два типа методистовъ: восторженнѣйшихъ и жолчныхъ. Но Дина шла такъ просто, какъ—будто отправлялась на рынокъ, и, новидимому, вовсе не думала о своей наружности, какъ маленькій мальчикъ: въ ней не было замѣтно ни особенной краски на лицѣ, ни трепета, которые говорили бы: «я знаю, что вы меня считаете хорошенькою женщиною, которая еще слишкомъ—молода для того, чтобъ проповѣдывать»; она не подымала и не опускала вѣкъ, не сжимала губъ, не держала тѣлъ рукъ, какъ бы для того, чтобъ выразить: «но вы должны съмотрѣть на меня, какъ на святую». Она не имѣла никакой книги въ рукахъ, которыя были безъ перчатокъ; она опустила руки и небезцѣлко окрестила ихъ передъ собою, когда остановилась и своими острыми глазами съмотрѣла на народъ. Въ глазахъ не было замѣтно ни малѣйшей проницательности; они, казалось, скорѣе проливали любовь, а не старались замѣтить, что происходило вокругъ; сюда во шлъ мягкому впечатлѣнію, все мысли ихъ владѣтельницы были обращены на то, что предстояло ей совершить, и что внѣшніе предметы не имѣли на нее никакого вліянія. Она стояла, обратившись лѣвою стороною къ зашедшему солнцу, отъ лучей котораго явнищали ея покрытыя ласты ея сучья. При мягкомъ свѣтѣ ифритій колоритъ ея лица, казалось, имѣлъ какую—то спокойную яркость, подобно цвѣтамъ вечерницъ. Она имѣла небольшое овальное лицо равной прозрачной бѣлизны; контуръ щекъ и подбородка напоминалъ форму яйца; у ней былъ полный ротъ, на которому, однакожь, можно было заключать о ея твердомъ характерѣ; носъ ея были очерчены изящно, лобъ низокъ и прямой, окруженный гладкими локнами свѣтлорусыхъ волосъ. Волосы были просто замесаны за уши и прикрыты, дѣйма на два отъ бровей, квадратною сѣткою. Брови, такого же цвѣта, какъ волосы, были совершенно—горизонтальны и очерчены твердо, рѣсницы не темнѣе бровей, длинны и густы; однимъ словомъ, ничто не было смазано, какъ на оконцѣе, лице

ей принадлежало къ числу такихъ, которыя заставляютъ вспомнить бѣлые цвѣты съ легко-подруманенными чистыми лепестками. Вся красота глазъ заключалась въ ихъ выраженіи; они дышали такою простотою, такою искренностію, такою истинною любовью, что передъ ними не могли не смягчиться ни грозный неодобряющій взоръ, ни легкая насмѣшка. Джозуа Ранъ продолжительно кашлянулъ, какъ-бы прочищая горло для того, чтобъ лучше переварить новыя мысли, которыя теперь представились ему; Чадъ Кренеджъ снялъ кожаную шапочку, прищипавшую макушку, и почесалъ въ головѣ, а Жилистый Бенъ удивился, откуда брадась у Сета смѣлость даже подумать ухаживать за проповѣдницею.

«Что за милое существо!» подумалъ незнакомецъ. «Но вотъ ужъ природа никогда не думала сдѣлать изъ нея проповѣдницу, а увѣренъ въ томъ.»

Она, можетъ-быть, принадлежала къ числу людей, предполагающихъ, что природа имѣетъ театральныя свойства и, съ цѣлью облегчить искусство и психологию, «сочиняетъ» свои характеры, тамъ-что въ нихъ нельзя ошибиться. Но Дина начала говорить.

— Друзья! сказала она яснымъ, но негромкимъ голосомъ; — не поднимайте ръ благословеніи.

Она закрыла глаза и, нѣсколько опустивъ голову, продолжала тѣмъ же вѣрнымъ голосомъ, какъ-бы разговаривая съ кѣмъ-то, находившимся въ недалекомъ отъ нея разстояніи:

— Спаситель нашъ отъ грѣховъ! когда бѣдная женщина, стѣсненная грѣхами, подошла къ колодезю для того, чтобы достать воды, она искала тебя сидящимъ у колодца. Она не знала тебя; она не искала тебя; умъ ея былъ помраченъ; жизнь ея была несчастна. Но ты заговорилъ съ нею, ты коснулся ея, ты показалъ ей, что ея жизнь дѣлается открытою передъ тобою, и между-тѣмъ ты готовъ былъ дать ей благословеніа, которыхъ она никогда не искала. (Иисусе!) ты находишься среди насъ и ты знаешь всѣхъ людей: если здѣсь есть люди, подобные той бѣдной женщинѣ... если ихъ умъ смраченъ и жизнь несчастна... если они пришли, не зная тебя, не желая научиться; если имъ ту же безиррадикальную благодать, которую ты явилъ ей. Вразуми ихъ, Господи, отвержи имъ слухъ, чтобъ они понимали мои слова, открой передъ ихъ умомъ ихъ грѣхи и заставь ихъ жаждать спасенія, которое ты готовъ высосать имъ.

.... Господи! ты всегда находишься съ избранными твоими: они видятъ тебя въ ночное бдѣніе, и душа ихъ вылезаетъ изъ утробы ихъ, когда ты глаголаешь имъ. И ты приближаешься къ тѣмъ, которые не

знали тебя : отверзи имъ глаза, да увидать тебя... да увидать тебя плачущаго надъ ними и говорящаго : «Вы не хотите придти ко мнѣ и получить жизнь...» да увидать тебя распятаго на крестѣ и говорящаго : «Отче, прости имъ, они не вѣдаютъ, что творять»... да увидать тебя приходящаго со славою судить ихъ. Аминь.

Дина снова открыла глаза, замолчала и обратила взоръ на грунну поселянъ, которые, между-тѣмъ, ближе придвинулись къ ней съ ея правой стороны.

— Друзья! продолжала она, нѣсколько возвысивъ голосъ: — всѣ вы были въ церкви и, я думаю, должны были слышать эти слова, читаемая священникомъ: «Духъ Божій на мнѣ, ибо онъ помазалъ меня возвѣстити евангеліе нищимъ». Эти слова произнесъ Іисусъ Христосъ... Онъ сказалъ, что пришелъ «возвѣстити евангеліе нищимъ». Не знаю, думали ли вы когда-либо объ этихъ словахъ; но я расскажу вамъ, когда я услышала ихъ въ первый разъ. Въ такой же вечеръ, какъ сегодня, какъ я была маленькой дѣвочкой, тѣтка моя, воспитавшая меня, взяла меня съ собою послушать добраго человѣка, проповѣдывавшаго народу, который собрался на полѣ, какъ мы теперь здѣсь. Я очень-хорошо припоминаю его лицо : онъ былъ человѣкъ очень-старый и имѣлъ очень-длинные сѣдые волосы; его голосъ былъ очень-мягокъ и пріятенъ. Такого голоса мнѣ не удавалось слышать въ жизни до того времени. Я была маленькой дѣвочкой и почти ничего не знала, и этотъ старикъ, казалось мнѣ, такъ отличался отъ всѣхъ людей, которыхъ я только видѣла до того времени, что я спрашивала себя: не сошелъ ли онъ съ неба проповѣдывать намъ, и сказала: «Тетушка, онъ опять возвратится на небо сегодня вечеромъ, какъ на картинкѣ въ библіи?»

— Этотъ человѣкъ Божій былъ мистеръ Веслей, который провелъ всю свою жизнь, дѣлая то, что дѣлалъ намъ Госнодь... проповѣдывалъ евангеліе нищимъ... онъ представлялся въ вѣчность восемь лѣтъ тому назадъ. Я узнала о немъ побольше уже нѣсколько лѣтъ спустя; но въ то время я была глупою безразсудною дѣвочкою и помню только одно изъ всей рѣчи, которую онъ сказалъ намъ. Онъ сообщалъ намъ, что «евангеліе» означаетъ «благовѣстіе», то-есть добрую вѣсть или радостную вѣсть. Вы знаете, евангеліе значитъ то, что говорить намъ о Богѣ священное писаніе.

— Размыслите же объ этомъ! Іисусъ Христосъ снисшелъ негнано съ небесъ, подобно тому, какъ я, будучи неразумнымъ ребенкомъ, думала о мистерѣ Веслей, и смель длятого, чтобъ сообщить благія вѣсти о Богѣ нищимъ. Я и вы, дорогіе друзья, нищіе. Мы были всѣ

витапы въ бѣдныхъ избахъ, выросли на овсяномъ хлѣбѣ и вели грубую жизнь; мы не находились долго въ школѣ, не читали много книгъ и знаемъ только то, что происходитъ около насъ. Мы принадлежимъ къ числу тѣхъ именно людей, которымъ нужно слышать добрыя вѣсти. Ибо тѣ, которымъ жить хорошо, не слишкомъ заботятся о томъ, чтобъ услышать добрыя вѣсти съ небесъ; но когда бѣдный человекъ, или бѣдная женщина находятся въ затруднительномъ положеніи и должны тяжело трудиться для того, чтобъ жить, то они рады получить письмо, изъ котораго узнаютъ, что у нихъ есть другъ, желающій помочь имъ. Конечно, мы не можемъ не знать кое-чего о Богѣ, если даже и вовсе не слышали евангелія, добрыхъ вѣстей, которыя принесъ намъ нашъ Спаситель. Такъ мы знаемъ, что все исходить отъ Бога. Развѣ вы не говорите почти ежедневно: «Дай Богъ, чтобъ то, или другое случилось», и «мы скоро станемъ косить траву, лишь далъ бы намъ Богъ хорошей погоды подольше»? Мы знаемъ очень-хорошо, что находимся совершенно въ рукахъ Божіихъ: мы не сами родились на свѣтъ, когда мы спимъ, то не можемъ сами заботиться о своей жизни; дневной свѣтъ, вѣтеръ, хлѣбъ, коровы, дающія намъ молоко, все, что мы имѣемъ, мы имѣемъ отъ Бога. Онъ даровалъ намъ душу, вселилъ любовь между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женой. Но развѣ намъ только это и нужно знать о Богѣ? Мы видимъ, что Онъ великъ и всемогущъ и все, что желаетъ, можетъ совершить; если мы попытаемся думать о немъ, то совершенно потеряемся, какъ въ борьбѣ съ необъятною массою воды.

— Но, можетъ-быть, въ вашей головѣ возникаетъ сомнѣніе: можетъ ли Богъ много заботиться о насъ, нищихъ? Можетъ-быть, онъ создалъ свѣтъ только для великихъ, мудрыхъ, богатыхъ. Ему ничего не стоить дать намъ горсточку нашихъ жизненныхъ припасовъ и нашу скудную одежду; но какъ мы можемъ знать, заботится ли онъ о насъ больше, чѣмъ мы заботимся о червяхъ и садовыхъ предметахъ, когда разводимъ морковь и лукъ? Заботится ли о насъ Богъ, когда мы умираемъ? даетъ ли онъ утѣшеніе, если мы увѣчны, больны, или находимся въ безпомощномъ состояніи? Можетъ-быть, также, онъ недоволенъ нами: иначе, отчего же быть падежу, неурожаю, лихорадкѣ и всякаго рода страданіямъ и безпокойствамъ? Потому-что вся наша жизнь исполнена безпокойства и если Богъ посылаетъ намъ благо, то онъ же, повидимому, посылаетъ и горе. Какже это? подумайте!

— Ахъ, друзья мои! и добрыя вѣсти о Богѣ, дѣйствительно, нужны намъ; и что значать другія добрыя вѣсти, если намъ недостаетъ этихъ? Ибо все прочее имѣеть конецъ, и, умирая, мы оставляемъ все.

Но Богъ имѣетъ бытіе; когда все прочее уже исчезло. Что стѣнать мы дѣлать, если онъ не будетъ нашимъ защитникомъ?

Затѣмъ Дина объяснила, какимъ-образомъ были принесены добрыя вѣсти и какимъ-образомъ милость Бога къ нищимъ обнаруживалась въ жизни Іисуса, проявляясь въ его смиреніи и въ его милосердіи:

— Итакъ, вы видите; дорогіе друзья, продолжала она: — Іисусъ провелъ почти всю свою жизнь; дѣлая добро нищимъ. Онъ проповѣдывалъ имъ вмѣ дѣловъ, дѣлалъ бѣдныхъ работниковъ своими друзьями; училъ ихъ и дѣлалъ съ ними нужду. Онъ дѣлалъ добре и богатымъ; ибо онъ былъ исполненъ любви ко всѣмъ людямъ; но онъ видѣлъ, что нищіе болѣе нуждались въ его помощи. Такимъ-образомъ, онъ исцѣлялъ увѣчныхъ, и больныхъ, и слѣпыхъ, творилъ чудеса дядого, чтобы накормить голодныхъ, ибо, говорилъ онъ, ему было жаль ихъ; и онъ былъ весьма милостивъ къ малымъ дѣтамъ и утѣшалъ тѣхъ, которые забывались своихъ друзей, и очень-милостиво разговаривалъ съ бѣдными грѣшниками, скорбѣвшими о своихъ грѣхахъ.

— Ахъ, не-уже-ли вы не стали бы любить такого человека, еслибъ видѣли его... еслибъ онъ былъ здѣсь въ деревнѣ? Какое доброе сердце онъ долженъ имѣть! Какимъ бы онъ былъ другомъ людямъ, находящимся въ затрудненіи! Какъ было бы пріятно учиться у него!

— Но, дорогіе друзья, кто же былъ этотъ человекъ? Былъ ли онъ только добрый человекъ... весьма-добрый человекъ и больше ничего... подобно нашему дорогому шестеру Васлею, который былъ имѣть отъ насъ?... Онъ былъ Сынъ Божій... «единого существа съ Богомъ Отцомъ», какъ говоритъ священное писаніе; это означаетъ, что онъ тотъ же Богъ, который есть начало и конецъ всего... Богъ, о которомъ намъ нужно знать. Итакъ, любовь, которую Іисусъ обнаруживалъ къ нищимъ, есть та же самая любовь, которую Богъ имѣетъ къ намъ. Мы можемъ разумѣть, что чувствовалъ Іисусъ; потому-что онъ снисзошелъ на землю, принявъ на себя плоть, подобную нашей, и говорилъ такимъ же слова, съ какими мы обращаемся другъ къ другу. Мы болѣе не мысли о томъ, что Богъ былъ прежде... Богъ, создавшій міръ; и небо и громъ, и молнію. Мы никогда не могли видѣть его; мы могли видѣть только созданное имъ, и нѣкоторые изъ этихъ предметовъ были страшны такъ, что мы должны трепетать, думая о немъ. Но нашъ божественный Спаситель открылъ намъ естество Бога такимъ-образомъ, намъ могли повѣять бѣдные неученые люди; онъ открылъ намъ сердце божіе и чувства его къ намъ.

— Но посмотримъ же поближе, длячего Іисусъ смелъ съ небомъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ: «я пришелъ найти и спасти то, что

было потеряно», и въ другомъ: «я пришелъ не для того, чтобъ праведныхъ привести къ раскаянiю, а для того, чтобъ привести къ раскаянiю грѣшниковъ».

— Чтѣ было потеряно!... Грѣшниковъ!... Ахъ, друзья мои, не должны ли вы и я разумѣть подъ этииъ самихъ себя?

До-тѣхъ-поръ владница невольнѣо призывала къ мѣсту очаровательный мягкiй выскѣй голѣсъ Дины, разнообразiемъ своихъ тоновъ непревзойденный инструментъ, до котораго насала художникъ, несомнѣваый своего удивительнаго музыкальнаго таланта. Простыя вещи; въ которыхъ она говорила, казались новостью: такъ пробуждаеъ въ насъ новыя чувства мелодiа, которую поетъ чистый голѣсъ ребенка въ хорѣ; спокойная глубина убѣжденiа, исторѣе была проникнута ея рѣчь, служила; повидимѣу, сама-не-себѣ яснымъ доказательствомъ истинны сообщенiй. Она видѣла, что вполнѣ оковала слушателей. Поселяне ещѣ болѣе приблизились къ ней, и на лицахъ всѣхъ выражалось глубокое вниманiе. Она говорила медленно, хотя совершенно-плавно, часто останавливалась послѣ вопроса, или передъ пережѣною мыслѣю. Она не измѣнила своего положенiа, не дѣлала жестовъ. Сильное впечатлѣнiе, которое произвела ея рѣчь, слѣдовало приписать пережѣвавшимся тонамъ въ ея голѣсѣ, и когда она дѣшла до вопроса: «будетъ ли Богъ заботиться о насъ, когда мы умремъ?» она произнесла такимъ жалобнымъ, вѣвающимъ тономъ, что самыя жесткиа сердца не могли удержаться отъ слезъ. Незнакомецъ, которымъ, при первомъ взглядѣ на Дину, овладѣло сомнѣнiе въ томъ, чтобъ она могла пробудить вниманiе своихъ грубыхъ слушателей, теперь убѣдился въ несправедливости своего сомнѣнiа, но все ещѣ не зналъ, будетъ ли она имѣть власть пробудить въ нихъ сильнѣйшиа чувства; а это должно было служить необходимою печатью ея призванiа — призванiа проповѣдницы методистки, — до-тѣхъ-поръ, пока она не произнесла словъ: «потеряно!... грѣшники!» когда въ ея голѣсѣ и манерахъ произошла большая пережѣна. Она долгое время молчала верѣеъ восклицанiемъ, и пауза, казавшаяся, была слѣдствиемъ волновавшихся ее мыслей, которыя выражались въ ея чертахъ. Ея блѣдное лицо поблѣднѣло ещѣ болѣе; круги подъ глазами стали глубже, какъ обыкновенно бываетъ, когда скончались слезы, но ещѣ не падаютъ, и въ вѣткахъ; выражавшихъ любовь глазахъ отразились поугу и сожалѣнiе, какъ-будто она внезапно увидѣла ангела-вѣребителя, парившаго надъ головами собравшагѣся народа. Ея голѣсъ сталъ глубокъ и неясенъ; но она все-таки не дѣлала никакихъ жестовъ. И Дина все не походила на обыкновенную высокѣпернаго риторѣа. Она не проповѣдывала такъ,

какъ слышала, что проповѣдуютъ другіе, а говорила по внушенію собственныхъ чувствъ, воодушевленная собственною простою вѣрою.

Но теперь ея овладѣлъ новый погонъ чувствъ. Ея манеры стали безпокойнѣе, ея рѣчь быстрѣе и взволнованнѣе, когда она стала говорить слушателямъ о ихъ грѣхахъ, умысленномъ невѣжествѣ, о ихъ неповиновеніи Богу, когда она остановилась на ненавистномъ свойствѣ грѣха, на божественной святости и страданіяхъ нашего Спасителя, которыя открыли путь къ нашему спасенію. Наконецъ казалось, что она, страшно желая возвратити на путь истинный потерянную овецъ, не могла довольствоваться, обращаясь ко всѣмъ своимъ слушателямъ разомъ. Она обращалась то къ одному, то къ другому, со слезами умоляя ихъ обратити къ Богу, пока еще не было поздно, описывая имъ крайнюю печаль ихъ душъ, потерянныхъ въ грѣхѣ, цѣтаясь мякною этого несчастнаго міра, въ большомъ отдаленіи отъ Бога, ихъ Отца, и затѣмъ любовь Спасителя, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго ихъ возвращенія.

Между методистами слышались не разъ вздохи и стоны во время проповѣди; но души поселенцевъ воспламеняются нелегко, и все впечатлѣніе, которое произвела на нихъ въ то время проповѣдь Дины, выразилось незначительнымъ неопредѣленнымъ безпокойствомъ, которое слова могло скоро исчезнуть. Никто изъ нихъ, однакожь, не удался, кромѣ дѣтей и «дѣдушки Тафта», который, будучи глухъ, не могъ слышать много словъ и черезъ нѣсколько времени возвратился въ свой уголъ за печью. Жилистый Бенъ чувствовалъ, что ему было не совѣсть—то ловко, и почти сожалѣлъ, что пришелъ послушать Дину: онъ опасался, что сказанное ею будетъ какинъ-нибудь образомъ преслѣдовать его. Несмотря на то, онъ очень-охотно смотрѣлъ на нее и внималъ ея рѣчи, хотя и каждую минуту опасался, что она устремитъ на него свои глаза и обратится къ нему въ-особенности. Она уже обращалась къ Рыжему Джиму, который, желая облегчить свою жену, держалъ въ то время на рукахъ груднаго ребенка, и дюжій, но мягкосердый человѣкъ отеръ слезы кулакомъ, какъ-то смутно намѣреваясь сдѣлаться лучшимъ человѣкомъ, меньше ходить мимо каменныхъ копей къ «Остролистникъ» и быть опрятнѣе по воскресеньямъ.

Впередѣ Рыжаго Джима стояла Чадова Бессъ, которая была необыкновенно-спокойна и внимательна съ той самой минуты, когда Дина начала говорить. Ея не занимала сначала самая рѣчь: она сначала была совершенно погружена въ мысли о томъ, какое удовольствіе въ жизни можетъ имѣть молодая женщина, носящая такой чепецъ, какъ Дина. Съ отчаяніемъ оставивъ это наслѣдованіе, она стала изучать носъ Дины, ея глаза, ротъ и волосы, спрашивая себя, что было лучше—имѣть ли

такое блѣдное лицо, какъ лицо Дины, или же такія, какъ у ней, Бессъ, полныя, румяныя щѣки и круглыя черныя глаза. Но мало-по-малу серьёзное настроеніе всѣхъ произвело впечатлѣніе и на нее, и она стала вникать въ то, что говорила Дина. Нѣжные тоны голоса, исполненное любви краснорѣчіе не тронули ея; но когда Дина обратилась къ слушателямъ съ суровымъ воззваніемъ, то Чадовой Бессъ началъ овладѣвать страхъ. Бѣдная Бессъ была известна какъ шалуныя, и она знала это; если же слѣдовало людямъ быть добрыми, то вѣсно было, что она находилась на дурной дорогѣ. Она не могла найти псалмовъ въ своемъ молитвенникѣ такъ легко, какъ Салли Раннъ; замѣчали, что она часто хихикала, когда присѣдала мистеру Ирвайну, и ея недостатки въ религіозномъ отношеніи сопровождались соответственной слабостью въ-отношеніи къ мѣньшимъ нравственнымъ правиламъ, ибо Бессъ неоспоримо принадлежала къ неумытому лѣнивому классу женскихъ характеровъ, которымъ вы смѣло можете предложить яйцо, яблоко, или орѣхи, не опасаясь отказа. Все это знала она и до-этихъ-поръ вовсе не стыдилась этого. Но теперь она стала чувствовать стыдъ, какъ-будто явился констебль и хотѣлъ взять ее и представить въ судъ за какой-то неопредѣленный проступокъ. Ею овладѣлъ неясный страхъ, когда она узнала, что Богъ, котораго она всегда считала столь далекимъ, былъ въ-сущности очень-близокъ къ ней, и что Іисусъ стоитъ возлѣ нея и взираетъ на нее, хотя она и не можетъ видѣть его. Ибо Дина имѣла вѣру въ видимыя проявленія Іисуса, которая распространена между методистами, и умѣла непреодолимо внушать эту вѣру своимъ слушателямъ; она заставляла ихъ чувствовать, что онъ освячительно присутствуетъ среди нихъ и ежеминутно можетъ явить себя имъ такимъ-образомъ, что поразить ихъ сердца тоскою и раскаяніемъ.

— Посмотрите! воскликнула она, обратившись въ лѣвую сторону и устремивъ взоръ на точку, находившуюся надъ головами собравшихся:— посмотрите, гдѣ стоитъ нашъ Господь, и плачетъ, и простираетъ руки къ вамъ. Послушайте, что онъ говоритъ: «Какъ часто хотѣлъ бы я сзывать васъ, какъ насѣдка сзываетъ своихъ цыплятъ подъ крылья; да вы не хотѣли!... да вы не хотѣли! повторила она тономъ жалобы и укора, снова обративъ взоръ на народъ.—Посмотрите на слѣды гвоздей на его божественныхъ рукахъ и ногахъ. Ваши грѣхи были причиною ихъ. Ахъ, какъ онъ блѣденъ и извуренъ! Онъ выстрадалъ великую тоску въ саду, когда его душа изнывала до-смерти и большія кровавыя капли пота струились на землю. Они плевали на него и били кулаками, они бичевали его, они издѣвались надъ нимъ, они положили тинялый крестъ на его израненныя плечи. Потомъ они распяли его.

Ахъ, какъ велики были его страданія! Его уста были сухи отъ жажды; и они надвигались надъ нимъ даже при его предсмертныхъ мучахъ, тогда-какъ онъ этии высшими устами Иоанна за нихъ: «Отче, отпусти ихъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ». Затѣмъ обула его умомъ великаго мрана, и онъ чувствовалъ то, что чувствуютъ грѣшники, некоторые навѣки лишены милостей божіихъ. Это была послѣдняя загла въ чашѣ горечи. «Боже мой, Боже мой!» восклицаетъ онъ: «за что оставилъ ты меня?»

— И все это онъ понесъ за васъ! за васъ... а вы никогда не помышляете о немъ; за васъ... а вы отворачиваетесь отъ него; вы и не думаете о томъ, что онъ выстрадалъ за васъ. И, несмотря на то, онъ не перестаетъ мучаться за васъ: онъ восталъ отъ мертвыхъ; онъ молится за васъ, находитъ едесную отца: «Отче, отпусти ихъ, ибо не вѣдаютъ, что творятъ». И онъ также присутствуетъ здѣсь на землѣ; онъ находится между нами; онъ и теперь находится близъ васъ. Я вижу раны на его тѣлѣ и выраженіе неоскудывающей любви въ его взорѣ.

Послѣ этихъ словъ Анна обратилась къ молодой Вессе Крестовицъ; привлекательная молодость и явное тщеславіе которой возбуждали симпатіи Дины.

— Бѣдное дитя, бѣдное дитя! Онъ такъ настойтельно призываетъ тебя къ себѣ, а ты не внимаешь ему. Ты думаешь о серьгахъ, о богатыхъ и красивыхъ платьяхъ и чепцахъ, а ты никогда не думаешь о Спасителѣ, который умеръ дла того, чтобъ спасти твою драгоценную душу. Придетъ время, когда шкура твоя покроется морщинами, волосы посѣдѣютъ, бѣдное тѣло твое станетъ сушить и дряхлымъ! Тогда ты будешь чувствовать, что твоя душа не спасена; тогда придется тебѣ стать передъ Богомъ ответомъ въ твои грѣхи, въ дурной характеръ и суеверные помыслы, и Иисусъ, готовый оказать тебѣ помощь въ настоящее время, тогда не окажетъ ея: такъ-какъ ты не хочешь, чтобъ онъ былъ твоимъ спасителемъ; то онъ будетъ твоимъ судьей. Теперь онъ обращаетъ на тебя взоръ, полный любви и благодати, и говоритъ: «Ищи же мнѣ, да найдешь жизнь»; тогда же онъ отвернется отъ тебя и скажетъ: «Иди же отъ меня въ огонь вѣчный!»

Черные, стиранные во всю свою величину глаза бѣдой Вессе стали наполняться слезами, ее полныя румяныя щѣки и губы поблѣдѣли; и ее лицо искажилось, какъ искажается лицо ребенка; готовившагося заплакать.

— Ахъ, бѣдное счастное дитя! продолжала Дина: — а если бы тебѣ случился тоже, что случилось съ рабой божіею во дни ее тиранин.

Она думала только о кружевахъ Чепецъ и койшла деньги, чтобы купить ихъ; она никогда не думала о томъ, какъ бы ей сделаться чистой сердцемъ и праведною; ей нужно было только имѣть кружева лучше другихъ дѣвушекъ. И однажды, когда она надѣла новый чепецъ и посмотрѣлась въ зеркало, то увидѣла окровавленный ликъ въ терновомъ вѣнцѣ. Этотъ ликъ обращенъ теперь къ тебѣ.

При этихъ словахъ, Дина указала на точку передъ Бессю.

— Ахъ, вырви вонъ эти глупости! брось ихъ отъ себя, какъ жалкихъ змѣй. Да они и жалаютъ тебя... они отравляютъ твою душу... они влекутъ тебя въ мрачную бездонную пропасть, гдѣ ты погразнешь навѣки, навѣки и навѣки, вдали отъ свѣта и отъ Бога.

Бесся не могла долѣе переносить этого: она овладѣла неописаннымъ ужасъ; вырвавъ серьги изъ ушей и громко рыдая, она бросила ихъ передъ собою на землю. Ея отецъ Чадъ, опасаясь, что и до него можетъ дойти очередь (впечатлѣнiе, произведенное на упрямую Бессю, поразило его, какъ чудо), повѣстиво удалился и принялся работать за своей наковальней длгитого, чтобы снова собраться съ духомъ.

— Проповѣдуй тамъ, или не проповѣдуй! людямъ, все равно, нужны жѣ подвиги: вѣдь не возьметъ же меня дьяволъ за это, ворчалъ онъ про себя.

Но вѣдѣе затѣвъ Дина стала говорить о радостяхъ, которыя будутъ удѣломъ покаявшихся, и своимъ простымъ языкомъ описывать божественный миръ и любовь, наполняющiе душу вѣрующаго... какимъ-образомъ чувство божественной любви превращаетъ бѣдность въ богатство и служить отрадою для души, такъ-что ея не раздражаетъ никакое нечестивое желанiе, не тревожитъ никакой страхъ; какимъ-образомъ, наконецъ, исчезаетъ самое искушенiе къ содѣянiю грѣха, и на землѣ начинается жизнь небесная, ибо не проходитъ никакого облачка между душою и Богомъ, который есть ея вѣчное солнце.

— Дорогие друзья, сказала она въ заключенiе: — братья и сестры, которыхъ я люблю, какъ тѣхъ, за которыхъ умеръ нашъ Господь, вѣрите: я знаю, что значить это великое блаженство, и, потому-что я это знаю, я желаю, чтобы и вы раздѣляли его. Я бѣдна такъ же, какъ и вы, и принуждена снискивать себѣ пропитанiе трудами рукъ своихъ; но никакой лордъ, никакая леди не могутъ быть такъ счастливы, какъ я, если у нихъ въ душѣ нѣтъ любви къ Богу. Подумайте, что значить ненавидѣть только грѣхъ, любить каждое существо, не страшиться ничего, быть увѣрену, что все ведетъ къ добру, не заботиться о страданiяхъ; ибо такова воля нашего отца; знать, что ничто—нѣтъ, ничто, еслибъ даже была сожжена земля, или воды вышли изъ береговъ и

затошлн насъ — ничто не можетъ разлучить насъ съ Богомъ, любящимъ насъ и наполняющимъ души наши миромъ и радостями, ибо мы увѣрены, что все, что онъ ни воить, свято, справедливо и добро.

— Дорогие друзья, придите и получите это блаженство; оно предлагается вамъ; это—добрыя вѣсти, которыя Иисусъ пришелъ возвѣстити бѣднымъ. Оно не походитъ на богатства этого мира: послѣднiя таковы, что чѣмъ больше приобретаетъ одинъ, тѣмъ меньше остается прочимъ. Богъ безконеченъ; любовь его безконечна:

«Its streams the whole creation reach,
So plenteous is the store;
Enough for all, enough for each,
Enough for evermore.» (*)

Дина говорила, по-крайней-мѣрѣ, часъ, и румяный свѣтъ заходящаго солнца, казалось, придавалъ ея заключительнымъ словамъ торжественную силу. Незнакомецъ, заинтересованный рѣчью, какъ могло его заинтересовать развитiе драмы—во всякомъ краснорѣчивомъ словѣ, сказанномъ безъ приготовления, существуетъ очарованiе, открывающее слушателю внутреннюю драму волненiй оратора—повернулъ лошадь въ сторону и сталъ продолжать свой путь, въ то время, когда Дина произнесла: «Споемъ гимнъ, дорогие друзья!» Спускаясь по извилинамъ откоса, онъ слышалъ голоса методистовъ, то возвышавшіеся, то опускавшіеся въ странномъ сляніи радости и грусти, которое принадлежитъ къ разнѣру гимна.

III.

Послѣ проповѣди.

Менте часу спуста Сеть Бидъ шелъ рядомъ съ Диною по окруженной изгородью изъ деревьевъ аллеѣ, которая шла по опушкѣ пастбищъ и зеленыхъ хлѣбныхъ луговъ, лежавшихъ между деревнею и мызою. Дина снова сняла свою квакерскую шляпку и держала ее въ рукахъ для того, чтобъ свободнѣе наслаждаться прохладой вечернихъ сумерекъ, и

(*) «Ея потокъ наполняетъ вселенную: такъ обилень источникъ этой любви; ея достаточно на всѣхъ, ея достаточно на всякаго, ея достаточно навѣки.»

Сеть очень-лихо могъ видѣть выраженіе ея лица, когда онъ шелъ съ нею рядомъ, робко обдумывая то, что онъ хотѣлъ сказать ей. Ея лицо выражало безсознательную тихую важность, погруженіе въ мысли, немѣвшая никакой связи съ настоящею минутою, или съ ея собственною личностію; однимъ словомъ, ея лицо имѣло выраженіе, которое не можетъ ободрить влюбленнаго. Самая походка Дины лишала Сета мужества: она была такъ спокойна и легка, что не нуждалась въ помощи. Сеть неопредѣленно сознавалъ это и подумалъ: «Она такъ добра и такъ свята, что никто не досгоишь ея, а я и подавно.» Такимъ-образомъ, слова, которыя онъ вызвалъ въ себѣ, возвращались назадъ, не коснувшись его губъ. Но другая мысль придала ему мужество: «Развѣ найдется человекъ, который могъ бы любить ее больше и дать ей полнѣйшую свободу предаваться дѣламъ, угоднымъ Богу?» думалъ онъ. Она нѣсколько минутъ молчала, съ-тѣхъ-поръ, какъ перестали говорить о Бесен Кренеджъ. Дина, повидимому, почти забыла о присутствіи Сета; походка ея сдѣлалась гораздо-скорѣе. Замѣтивъ, что имъ оставалось только нѣсколько минутъ ходьбы до воротъ мызнаго двора, Сеть наконецъ ободрился и сказалъ:

— Что, вы совершенно рѣшились воротиться въ Снофильдъ, въ субботу, Дина?

— Да, отвѣчала Дина спокойно. — Меня призываютъ туда. Когда я была погружена въ размышленіе въ воскресенье вечеромъ, то мнѣ представилось, что сестра Алленъ, которая больна чахоткою, нуждается во мнѣ. Я видѣла ее такъ же ясно, какъ мы видимъ теперь это небольшое бѣлое облачко: она, бѣднаяжка, подняла свою исхудавшую руку и манила меня къ себѣ. И, сегодня утромъ, когда я открыла библію для того, чтобъ почерпнуть изъ нея наставленіе, то первыя слова, появившіяся мнѣ на глаза, были: «И, узрѣвъ видѣніе, немедленно рѣшили идти въ Македонію». Еслибъ не это ясное указаніе воли Господней, я пошла бы туда неохотно, потому-что сердце мое сокрушается по тѣтѣ и ея малюткамъ, и по этой бѣдной, заблудшейся овцѣ Гетти Соррель. Въ последнее время я много молилась о ней, и въ моемъ видѣніи я вижу знаменіе того, что она будетъ помилована.

— Дай-то Богъ! сказалъ Сеть. — Мнѣ кажется, Адамъ до того привязался къ ней сердцемъ, что никогда не обратится къ какой-нибудь другой; а, между-тѣмъ, женитьба его на ней нанесла бы сильный ударъ моему сердцу, потому-что я не могу себѣ представить, чтобъ она сдѣлала его счастливымъ. Это глубокая тайна — какимъ-образомъ сердце мужнины обращается къ одной женщицѣ, несмотря на всѣхъ прочихъ,

которыхъ онъ видѣлъ на свѣтѣ, и ему легче работать для нея семь лѣтъ, какъ Іаковъ работалъ для Рахили, нежели обратиться къ другой женщинѣ, которая только и ждетъ его предложенія. Я часто вспоминаю эти слова: «И Іаковъ семь лѣтъ служилъ для Рахили, и казалсяъ они ему только немногими днями: столь велика была любовь, которую онъ питалъ къ ней». Я знаю, что эти слова оправдались бы на мѣстѣ Дина, еслибы вы мнѣ дали надежду, что я получилъ бы васъ по преществіи семи лѣтъ. Вы, я знаю, думаете, что мужъ отнялъ бы у васъ слишкомъ-много мыслей, потому-что апостоль Павелъ говоритъ: «Она же, идущая замужъ, печется о предметахъ міра сего, какъ бы ей до-правиться мужу»; вы, можетъ-быть, считаете меня слишкомъ-судымъ, за то, что я слова заговорилъ съ вами объ этомъ, тогда-какъ вы сообщили мнѣ прошлую субботу, что вы думаете объ этомъ предше-тѣ. Но я опять думалъ объ этомъ ночью и днемъ и молился, чтобы меня не ослѣпили мои желанія и чтобы я не думалъ только, что хорошо для меня, то хорошо и для васъ. И мнѣ кажется, что больше текстовъ можно привести за ваше замужество, нежели вы когда-либо приведете противъ его. Апостоль Павелъ чрезвычайно-ясно говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Хочу, чтобы молодыя женщины шли въ замуж-ство, рожали дѣтей, вели хозяйство, не давали никакого случая врагу упрекать ихъ въ чемъ-либо», и еще: «двое лучше одного», и это такъ же хорошо относится къ женитьбѣ, какъ къ многому другому. Потому-что мы будемъ жить единымъ сердцемъ и единымъ умомъ, Дина! Мы оба служимъ одному Господу и стремимся къ единому и тѣмъ же благамъ; и я никогда не буду мужемъ, который сталъ бы объявлять свои права на васъ и препятствовать вамъ въ совершеніи дѣлъ, возложенныхъ на васъ Богомъ. Я употребилъ бы всевозможныя усилія, чтобы вы имѣли полнѣйшую свободу, и вы были бы свободны больше теперешняго, ибо теперь вамъ самимъ нужно заботиться о своемъ существованіи, а же довольно славы длатого, чтобы работать на насъ обоихъ.

Начавъ однажды свою рѣчь, Сетъ продолжалъ говорить острѣе и даже терпѣвая, какъ-бы опасаясь, чтобы Дина не произнесла рѣши-тельного слова прежде, нежели онъ успѣлъ налить все доводы, прило-женные имъ. Его щоки раскрылись, когда онъ сталъ продолжать; его кроткіе сѣрые глаза наполнились слезами, и голосъ дрожалъ, когда онъ произносилъ послѣднія слова. Они достигли одного изъ весьма-уз-кихъ проходовъ между двумя высокими камнями, стоявшими здѣсь, въ Домшейрѣ, вмѣсто дорожныхъ столбиковъ, и Дина, помнящая, обаянная въ Сету и произнесла своими иржницами, но спокойнымъ диспантомъ:

— Сеть Бидъ, благодарю васъ за любовь ко мнѣ, и еслибъ я могла думать о комъ-либо бодше, нежели какъ о братѣ моемъ во Христѣ, то, вѣроятно, думала бы о васъ. Но сердце мое несвободно длатого, чтобъ я могла выйти замужъ. Это хорошо для другихъ женщинъ, и быть женою и матерью — дѣло великое и благословенное; но «что Богъ назначилъ человѣку, къ чему Господь призвалъ человѣка, такъ да совершится то». Богъ назначилъ мнѣ прислуживать другимъ, не имѣть ни собственныхъ радостей, ни печалей, но радоваться съ тѣми, кто радуется, и плакать съ тѣми, кто плачетъ. Онъ призвалъ меня возвѣстить его слово, и онъ высоко призналъ мои дѣянія. По самому ясному лишь указанію свыше могла бы я оставить братьевъ и сестеръ въ Сноу-Филдѣ, которые удостоены лишь весьма-немногихъ благъ этого міра, гдѣ деревья находятъ въ небольшомъ числѣ, такъ-что ребенокъ можетъ сосчитать ихъ, и гдѣ бѣднымъ весьма-тяжело жить зимою. Мнѣ предназначено помогать тому небольшому отряду, быть его отрадою и опорю, усилить его и ссылать туда заблуждающихся; и душа моя полна всего этого съ раннего утра и до позднего вечера. Моя жизнь слишкомъ-коротка, дѣло же Божіе слишкомъ-велико для меня, чтобъ я могла устроить себѣ въ этомъ мірѣ свой собственный пріютъ. Я не была глуха къ вашимъ словамъ, Сеть, ибо, когда я увидѣла, какъ вы отдали мнѣ вашу любовь, я думала, что само провидѣніе указываетъ мнѣ переменить мой образъ жизни и намъ обомъ сдѣлаться помощниками другъ друга; и я обратилась съ вопросомъ объ этомъ къ Богу. Но каждый разъ, когда я старалась мысленно остановиться на замужствѣ и на нашей жизни вдвоемъ, то голова моя всегда наполнялась другими мыслями... о тѣхъ временахъ, когда я молилась у изголовья больныхъ и умирающихъ, и о счастливыхъ часахъ, въ которые я поучала, когда сердце мое было полно любви и слово давалось обильно. И когда я открывала библію длатого, чтобъ почерпнуть оттуда наставленіе, то я всегда попадала на слова, указывавшія мнѣ ясно, гдѣ было мое дѣло. Я вѣрю, Сеть, вашимъ словамъ: что вы употребили бы всѣ старанія, чтобъ быть помощью, а не препятствіемъ въ моихъ дѣяніяхъ; но я вижу, что на бракъ нашъ нѣтъ воли Божіей... Онъ влечетъ мое сердце по другому пути. Я хочу жить и умереть безъ мужа и дѣтей. Мнѣ кажется, что у меня въ душѣ нѣтъ мѣста для моихъ собственныхъ нуждъ и обязанностей: въ такой степени Богу было угодно наполнить сердце мое только нуждами и страданіями бѣдныхъ избранныхъ имъ людей.

Сеть былъ не въ-состояніи отвѣчать, и они продолжали идти, молча. Наконецъ, когда они уже стали подходить къ воротамъ двора, онъ сказалъ:

— Итакъ, Дина, я долженъ найти въ себѣ твердость, чтобъ перенести это и покориться волѣ того, кто невидимъ. Но я чувствую теперь, какъ слаба моя вѣра. Кажется, какъ-будто я уже не могу найти ни въ чемъ радости, когда взсь нѣтъ. Я думаю, что мое чувство къ вамъ превышаетъ обыкновенную любовь къ женщинамъ, ибо я могъ бы быть довольнымъ, еслибъ вы и не вышли за меня замужъ, еслибъ я могъ отправится въ Снофильдъ, жить тамъ и быть вблизи васъ. Я надѣялся, что сильная любовь къ вамъ, которую Богъ далъ мнѣ, служила указаніемъ намъ обонмъ; но, видно, это дано было мнѣ въ испытаніе. Можетъ-быть, я чувствую къ вамъ больше, нежели я долженъ чувствовать къ какому-либо созданію, ибо я невольно говорю о васъ, какъ говорить гимнъ :

«In darkest shades if *she* appear,
My dawning is begun;
She is my soul's bright morning-star,
And *she* my ri sing sun (*).

Я, можетъ-быть, и неправъ, рассуждая такимъ-образомъ, и долженъ научиться лучшему. Но скажите, будете ли вы недовольны мною, если судьба устроитъ такъ, что мнѣ удастся оставить эту страну и пойти жить въ Снофильдъ?

— Нѣтъ, Сеть; но я совѣтую вамъ ждать терпѣливо и не оставлять безъ нужды вашей страны и родныхъ. Не дѣлайте ничего безъ яснаго повелѣнія Господа. Та страна холодна и безплодна и непохожа на эту Гессемскую Землю, въ которой вы привыкли жить. Мы не должны топтаться въ назначеніи и выборѣ нашей собственной участи; мы должны ждать указанія.

— Но вы позволите мнѣ написать вамъ письмо, Дина, если мнѣ нужно будетъ сообщить вамъ что-нибудь.

— Къ вѣчно; увѣдомьте меня, если будете находиться въ какомъ-нибудь затрудненіи. Я постоянно буду поминать васъ въ молитвахъ.

Они дошли теперь до воротъ двора, и Сеть сказала:

— Я не войду туда, Дина. Будьте же счастливы.

Она подала ему руку. Онъ остановился и медлил и потомъ сказалъ:

— Кто знаетъ, можетъ-быть, черезъ нѣсколько времени вы станете

(*) «Если *она* является въ мрачнѣйшей тѣни, тогда начинается моя утренняя заря; *она*—блестящая утренняя звѣзда моей души, *она* и мое восходящее солнце.» Гимнъ ко Христу доктора Уогса, методиста.

значе смотрѣть на предметы. Можеть-быть, послѣдуетъ и новое удивленіе.

— Оставивъ это, Сеть! Хорошо жить только настоящимъ минутомъ, какъ читала я въ одной изъ книгъ мистера Веслея. Ни вамъ, ни мнѣ не слѣдуетъ дѣлать планы: намъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ новинноваться и надѣяться. Будьте счастливы.

Дина сжала его руку съ нѣкоторою грустью въ своихъ любящихъ глазахъ и потомъ вошла въ ворота, между-тѣмъ, какъ Сеть повернулся и медленно отправился домой. Но, вмѣсто-того, чтобъ идти прямой дорогой, онъ предпочелъ повернуть назадъ по полямъ, по которымъ недавно шелъ съ Диною, и, кажется, его снѣій полотняный платокъ былъ очень-влаженъ отъ слезъ гораздо-прежде, нежели онъ успѣлъ опомниться, что уже было время прямо отправиться домой. Ему было только двадцать-три года, и онъ только-что узналъ, что значить любить... любить до обожанія, какъ молодой человекъ любитъ женщину, которая, по его собственному сознанію, выше и лучше его. Любовь такого рода почти одинакова съ религиознымъ чувствомъ. Какъ глубока и достойна такая любовь! все равно: къ женщинѣ, или къ ребенку, къ искусству, или къ музыкѣ. Наши ласки, наши вѣжныя слова, нашъ тихій восторгъ подъ вліяніемъ осенняго заката солнца, или колоннадъ, или спокойныхъ величественныхъ статуй, или бетговенскихъ симфоній, приносить съ собою сознаніе того, что это волны и струи въ неизмѣримомъ океанѣ любви и красоты. Наше волненіе, достигая высшей степени, переходитъ отъ выраженія къ безмолвію; наша любовь при самой высшей струѣ ея стремится дагѣе своего предмета и теряется въ чувства божественной тайны. И этотъ благословенный даръ благоговѣющей любви, съ того времени, какъ существуетъ свѣтъ, былъ присужденъ слишкомъ-многимъ эмпирическимъ работникамъ, и потому мы не должны удивляться, что эта любовь существовала въ душѣ методиста-плотника полстолѣтія тому назадъ: тогда продолжалъ еще существовать отблескъ времени, въ которое Весли и его сотоварищи-земледѣльцы пытались шиповникомъ и боярышникомъ корневельскихъ изгородей и, не щадя физическихъ и нравственныхъ силъ своихъ, сообщали божественныя вѣсти бѣднымъ.

Этотъ отблескъ исчезъ уже давно, и картина методизма, которую готово представить нашъ воображеніе, не является въ видѣ амѣнтеатра зеленыхъ горъ, или глубокой тѣни широколиственныхъ сікоморъ, гдѣ толпа грубыхъ мужчинъ и утомленныхъ сердцемъ женщинъ впадаютъ въ ружу, которая первоначально образовала ихъ, связала ихъ мысли съ прошедшимъ, возвысила ихъ фантазію надъ грязными подробностями ихъ собственной узкой жизни и обила ихъ души сознаниемъ сострадательнаго,

любящего, безпредѣльнаго присутствія, сладостнаго какъ лѣто для бездомнаго нищаго. Можетъ—быть также, нѣкоторые изъ моихъ читателей при мысли о методизмѣ представляютъ себѣ не что иное, какъ низенькіе дома въ тѣсныхъ улицахъ, жирныхъ лавочниковъ, дармоводовъ—проповѣдниковъ, лицемѣрный гарабарскій языкъ—элементы, по мнѣнію не одного фешенебльнаго квартала, составляющіе полную идею о методизмѣ.

Это заслуживало бы сожалѣнія, ибо я не могу представить, что Сеть и Дина не были методистами: они были методистами, но, разумеется, не современной формы, которые читаютъ трехмѣсячныя обзорія и сидятъ въ капеллахъ, шьющихъ портики съ колоннами; а были методистами самаго стараго покроя. Они вѣровали, что чудеса могутъ совершаться и въ настоящее время, вѣровали въ мгновенное обращеніе, въ откровенія посредствомъ сновъ и видѣній. Они бросали жребій и искали божественнаго указанія, открывая наудачу библію: они буквально толковали священное писаніе, что вовсе не утверждено признанными комментаторами. Мнѣ невозможно также сказать, что они правильно выражались, или что ихъ ученіе отличалось вѣротерпимостью. Но—если я вѣрно читалъ священную исторію—вѣра, надежда и любовь къ ближнему не всегда находились въ безукоризненной гармоніи. Благодаря небу! можно имѣть весьма ошибочныя теоріи и весьма—высокія чувства. Сырая ветчина, которую неуклюжая Молли откладываетъ отъ своей собственной скудной доли для того, чтобъ снести ее сосѣднему ребенку, надеясь «унять его этимъ лакомствомъ», можетъ быть жалкимъ надѣйствительнымъ средствомъ; но великодушное движеніе чувствъ, побуждающее сосѣдку къ этому дѣлу, имѣетъ благодѣтельный отблескъ, который не потерять.

Принимая во вниманіе все сказанное нами выше, мы не можемъ отказать Динѣ и Сету въ нашемъ сочувствіи, несмотря на то, что привыкли плакать надъ болѣе—возвышенною печалью героинь въ атласныхъ сапожкахъ и кринолинъ и героевъ, вѣдавшихъ на пыльных коняхъ и обуреваемыхъ еще болѣе—пыльными страстями.

Бѣдный Сеть! во всю свою жизнь онъ сидѣлъ на лошади только одинъ разъ, когда былъ мальчикомъ и мистеръ Джонатанъ Бёрджъ посадилъ его на лошадь позади себя, сказавъ ему: держись крѣпче! И, вмѣсто того, чтобъ изливаться въ неистовыхъ упрекахъ противъ Бога и судьбы, онъ, идя теперь домой, при торжественномъ сіяніи звѣздъ, рѣшается подавить горе, не смѣетъ подчиняться своей собственной волѣ и, подобно Динѣ, болѣе жить для ближнихъ.

IV.

Домъ и домашнія печали.

По зеленеющей долине протекает ручеекъ, почти готовый разлиться послѣ недавнихъ дождей и окруженный наклонившимися къ его водѣ кустами. Черезъ ручеекъ переброшена доска. По этой доскѣ идетъ Адамъ Бидъ твердымъ шагомъ, преслѣдуемый по пятамъ Джипомъ съ корзиною. Ясно, что онъ идетъ къ крытому соломою дому, съ одной стороны котораго стоитъ кѣтка лѣса, поднимающаяся вверхъ по противоположному откосу, яровъ на двадцать.

Дверь дома отворена. Изъ нея смотритъ пожилая женщина; но она не занята тихимъ созерцаніемъ вечерняго солнечнаго свѣта; она ожидаетъ, устремивъ слабые зрѣніемъ глаза на постепенно увеличивавшееся пятно, которое какъ она вполне увѣрилась въ послѣднія минуты, былъ ея любимый сынъ Адамъ. Лисбетъ Бидъ любитъ своего сына любовью женщины, которая получила своего первенца поздно въ жизни. Она — заботливая, худощавая, но еще довольно-красивая старуха и чистая, какъ подсаженикъ. Сѣдые волосы опротно зачесаны назадъ подъ бѣлый, какъ свѣтъ, полотняный чепецъ, обшитый черною лентою; широкая грудь покрыта желтою косынкой, и подъ ней вы видите нѣчто въ родѣ короткаго спального платя, сшитаго изъ синей кѣтчатои холстинки, подвязаннаго около талии и доходящаго пониже колѣнъ, гдѣ видна довольно-длинная поинтковая юбка. Лисбетъ высока, да и въ другихъ отношеніяхъ между ею и ея сыномъ Адамомъ большее сходство. Ея темные глаза теперь уже нѣсколько утратили свой блескъ, вѣроятно отъ излишнихъ слезъ; но ея широко-очерченныя брови все еще черны, зубы здоровы, и когда она стоитъ, держа въ своихъ загрубѣлыхъ отъ трудовъ рукахъ вязанье, и быстро и бессознательно занимается этою работою, то держится такъ же прямо и твердо, какъ и въ то время, когда несетъ на голově ведро съ водою отъ ключа. Въ матери и сынѣ та же фигура и тотъ же смѣлый живой темпераментъ; но не отъ матери у Адама выдающійся впередъ лобъ и выраженіе великодушія и ума.

Фамильное сходство служитъ нѣрѣдко источникомъ глубокой грусти: природа, этотъ великій трагическій драматургъ, связываетъ насъ вѣсть посредствомъ костей и мускуловъ и разделяетъ насъ болѣе-тонкою тканью нашего мозга, смѣшиваетъ любовь и отвращеніе и связываетъ насъ фибрами сердца съ существами, постоянно находящимися въ разладѣ съ

нами. Мы слышимъ, какъ голосъ, живящій тотъ же тебѣрь, какъ и нашъ собственный, выражаетъ мысли, которыя мы презираемъ; мы видимъ, что глаза—ахъ, точь-въ-точь глаза нашей матери—отаращиваются отъ насъ съ холоднымъ равнодушіемъ, и нашъ послѣдній любимый ребенокъ приводитъ насъ въ трепетъ, своимъ видомъ и жестами напоминая сестру, съ которой мы враждебно разстались много лѣтъ тому назадъ. Отецъ, которому мы обязаны нашимъ лучшимъ воспитаніемъ—механическимъ истинителемъ, тонкою чувствительностью къ звукамъ, безсознательными способностями къ художеству—раздражаетъ и заставляетъ насъ краснѣть своими безпрестанными промахами; давно утраченная нами мать, лицо которой мы начинаемъ видеть въ зеркалѣ, когда являемся сами собственными морщинами, тревожила късегда наши молодые души своими заботливыми причудами и неразумною настойчивостью.

Вы слышите голосъ такой заботливой, любящей матери, когда Лисбетъ говоритъ:

— Наконецъ-то, Адамъ! Семь часовъ уже пробило давно. Ты всегда готовъ оставаться до-тѣхъ-поръ, пока не родится послѣдній ребенокъ. Ты... я увѣрена, хочешь ужинать. Гдѣ же Сеть? я думаю, шляется гдѣ-нибудь по капелламъ?

— Полно, матушка! Сеть не балуетъ, будь спокойна. — Но гдѣ же отецъ? торопливо произнесъ Адамъ, входя въ домъ и взглянувъ въ комнату на лѣвой сторонѣ, гдѣ была мастерская. — Чтѣ, готовъ ли гробъ Телбра? Въонъ тамъ стоитъ и матеріалъ такъ, какъ я оставлялъ его сегодня утромъ.

— Готовъ ли гробъ? сказала Лисбетъ, слѣдуя за нимъ и продолжая ваять безъ прерванія, хотя смотрѣла на своего сына очень-заботливо. — Э, родной, онъ сегодня утромъ отправился въ Тредьстонъ и еще не возвращается. Я думаю, что онъ опять нашелъ дорогу въ «Опрокинутую Телегу». (*)

Весьма-замѣтная краска гнѣва быстро пробѣжала по лицу Адама. Онъ не произнесъ ни слова, сбросилъ свою куртку и началъ снова засучивать рукава своей рубашки.

— Чтѣ хочешь ты дѣлать, Адамъ? сказала мать съ безпокойствомъ въ голосѣ и во взглядѣ. — Но-уже-ли ты опять хочешь приняться за работу, не съѣвши твоего ужина?

Адамъ, разсерженный такъ, что не могъ говорить, пошелъ въ мастерскую. Но его мать оставила свое вязанье и, торопливо догнавъ его, схватила за руку и тономъ жалобнаго укора сказала:

(*) Шинокъ.

— Итить, сынъ мой, ты не долженъ идти безъ ужина. Тамъ твоё любимое кушанье—картофель въ соусе. Я оставила его именно для тебя. Пойди и поужинай... Пойдешь.

— Чоано! узко сказалъ Адамъ, освобождаясь отъ матери и сжавшись одну изъ досокъ, прилепленныхъ къ стѣнѣ.—Тебѣ хорошо говорить объ ужинѣ, когда обещали доставить гробъ въ Бронстень завтра утромъ къ семи часамъ. Онъ долженъ былъ бы находиться тамъ уже теперь, а, между-тѣмъ, не вбито еще ни одного гвоздя. Ужъ мѣшъ это не горло: я не могу и глотать нищи.

— Ну, вѣдь ты не можешь же приготовить гроба, сказала Лисбетъ.— Ты вгоняешь себя самого въ могилу работокъ. Вѣдь тебѣ придется проработать всю ночь, чтобы приготовить его.

— Что за дѣло, сколько времени я проработаю надъ нимъ! Развѣ гробъ не обещанъ? Развѣ могутъ похоронить человека безъ гроба? Я охотно лишусь руки отъ работы, нежели стану обманывать людей ложью тѣмъ-образомъ. Я сойду съ ума, если только подумаю объ этомъ. Я очень-скоро переживу все это. Я терпѣлъ довольно-долго.

Блудная Лисбетъ уже не впервые слышала эту угрозу и поступала бы благодарно, еслибъ притворилась, что не разслышала ее, вышла бы спокойно вонъ и помолчала несколько времени. Женщина должна хорошенько запомнить этотъ советъ: никогда не говорить съ человѣкомъ разсерженнымъ, или пьянымъ. Но Лисбетъ съѣла на чурбанѣ для обрубки досокъ и принялась плакать; проплакавъ до-тѣмъ-поръ, мона голосъ ее сталъ очень-жалостливъ, она разразилась словами:

— Итить, мой сынъ, ты не хочешь уйти и сломить сердце твоей матери и бросить отца, чтобы онъ разорился. Ис-уже-ли ты хочешь, чтобы они съели меня, на кладбище; и не пойдешь за могилою гробомъ? Я не буду покойна въ моей могилѣ, если не увижу тебя, когда стану закрывать глаза. Какже имъ дать знать тебѣ, что я при-смерти, если ты пойдешь по работамъ въ отдаленныя мѣста?.. Сеть, вѣроятно, увидятъ также послѣ тебя... твой отецъ не въ-состояніи держать перо въ своихъ дрожащихъ рукахъ, да, притомъ же, онъ и не будетъ жить, гдѣ ты находишься. Ты долженъ простить твоему отцу... ты не долженъ быть такъ суровъ къ нему. Онъ былъ для тебя хорошимъ отцомъ до того, какъ онъ предался пьянству. Онъ былъ смѣтливый работникъ, научилъ тебя мастерству, исполни это, и никогда въ жизни не ударилъ меня и даже не сказалъ дурнаго слова... итъ, даже когда онъ бываеетъ пьянъ. Ты не хочешь, чтобы онъ пошелъ въ рабочий домъ... твой родной отецъ... а вѣдь онъ былъ статный человекъ и почти на всѣ руки мастера гдѣ дѣлать—итъ тому назадъ, когда ты ребенкомъ лежалъ у моей груди.

Голосъ Лисбетъ сталъ громче и былъ задуманъ рыданіями. Такого рода вопли принадлежать къ самымъ раздражающимъ изъ всѣхъ звуковъ для того, кому приходится переносить истинное горе и кому надобно дѣйствительно работать. Адамъ съ нетерпѣніемъ прервалъ рыданія матери.

— Ну, матушка, не плачь и не говори такъ. Мало мнѣ, что ли, хлопотъ и безъ этого? Къ—чему говорить мнѣ о вещахъ, о которыхъ я и безъ—того думаю слишкомъ—много каждый день? Еслибъ я не думалъ о нихъ, какимъ—образомъ дѣлалъ бы я такъ, какъ дѣлаю теперь только длятого, чтобъ все это осталось въ порядкѣ? Но я терпѣть не могу, если говорятъ попусту: я люблю беречь силы для работы, а не тратить ихъ на пустую болтовню.

— Я знаю, ты дѣлаешь то, чего никто другой не захотѣлъ бы дѣлать, сынъ мой! Но ты всегда бываешь такъ жестокъ къ твоему отцу, Адамъ! Теперь сколько ты дѣлаешь для Сета, и все это тебѣ еще кажется мало, и на меня—то ты тотчасъ кричишь, если я скажу, что недоволенъ мальчикомъ. Но ты такъ сердишься на твоего отца, какъ ты не сердишься ни на кого другаго.

— Хуже, я думаю, будетъ, если я стану говорить мягко и спокойно смотреть на то, что дѣла идутъ дурно, не правда ли? Еслибъ я не былъ строгъ къ нему, онъ продалъ бы весь матеріалъ, что вонъ тамъ на дворѣ, и истратилъ бы его на пьянство. Я знаю, что на мнѣ лежатъ обязанности въ—отношеніи къ отцу; но я не обязанъ поощрять его къ тому, чтобъ онъ, очертя—голову, несся къ своей гибели. А зачѣмъ же примѣшивать къ этому Сета? Мальчикъ не дѣлаетъ ничего дурнаго, сколько я знаю... Но теперь оставь меня въ покоѣ, матушка, и не мѣшай мнѣ работать.

Лисбетъ не смѣла болѣе говорить; но она встала и позвала Джипа. Чтобъ нѣсколько утѣшить себя чѣмъ—нибудь въ томъ, что Адамъ отказался отъ ужина, который она приготовила, надѣясь не спускать съ любимаго сына глазъ все время, пока онъ будетъ ѣсть, она съ необыкновенною недростью принялась кормить адамову собаку. Но Джипъ, приведенный въ смущеніе необыкновенными обстоятельствами, наблюдалъ за своимъ господиномъ, нахмуривъ брови и поднявъ уши. Когда Лисбетъ кликнула его, то онъ посмотрѣлъ на нее и съ безпокойствомъ шевельнулъ передними лапами, зная очень—хорошо, что она зоветъ его ужинать, но находился въ нерѣшимости и продолжалъ сидѣть на заднихъ лапахъ, снова устремивъ заботливый взоръ на своего господина. Адамъ замѣтилъ нравственную борьбу Джипа и хотя гнѣвъ сдѣлалъ его жестокѣйшимъ къ матери, нежели обыкновенно, это, однакожъ, не помѣшало ему позаботиться о собакѣ, какъ онъ заботился о ней всегда. Мы скорѣе будемъ

ласково обращаться съ животными, которыя любят насъ, нежели съ женщинами, которыя любят насъ. Не потому ли это, что животныя безгласны?

— Ступай, мой Джипъ, ступай! сказалъ Адамъ тономъ поощрительнаго приказанія, и Джипъ, очевидно довольный тѣмъ, что могъ соединить въ одно долгъ и удовольствіе, последовалъ за Лисбетъ въ общую комнату.

Но едва успѣлъ онъ выложить свой ужинъ, какъ тотчасъ же возвратился къ своему господину; Лисбетъ осталась сидѣть одна, плача надъ своимъ вязаньемъ. Женщины, которыя никогда не бранятся и которыя незабвенны, часто имѣютъ привычку постоянно жаловаться; и если Соломонъ былъ такъ мудръ, какъ гласитъ о немъ преданіе, то я увѣренъ, что если онъ сравнивалъ сварливую женщину съ постояннымъ капаньемъ дождя въ самый дождливый день, то не имѣлъ въ виду злой женщины, буря съ длинными ногтями, язвительной и самолюбивой. Увѣряю васъ, онъ подразумѣвалъ добрую женщину, видѣвшую радости только въ счастіи любимыхъ ею особъ, безпокойству которыхъ она содѣйствовала тѣмъ, что всегда откладывала имъ лакомые куски и ничего не тратила на самой себя. Онъ подразумѣвалъ такую женщину, какъ, напримеръ, Лисбетъ—терпѣливую и въ то же самое время вѣчно жалующуюся, отказывающую себя во всемъ и требовательную, день-деньской перебирающую, что случилось вчера, и что можетъ случиться завтра, и готовую плакать и надъ хорошимъ, и надъ дурнымъ. Къ идолопоклоннической любви, которую она питала къ Адаму, примѣшивался нѣкоторый страхъ, и когда онъ говорилъ: «оставь меня въ покоѣ», то она всегда становилась безмолвною.

Такъ прошло нѣсколько времени при громкомъ стукѣ старыхъ суточныхъ часовъ и при звукѣ адамовыхъ инструментовъ. Наконецъ онъ потребовалъ свѣчу и глотокъ воды (пиво пилося только по праздникамъ), и Лисбетъ, внося то, что онъ требовалъ, осмѣлилась произнести:

— Твой ужинъ стоитъ на столѣ: можетъ-быть, ты вздунаешь съѣсть что-нибудь.

— Тебѣ, матушка, не зачѣмъ сидѣть долѣе, сказалъ Адамъ ласковымъ голосомъ.—Гнѣвъ его утихъ за работою, и когда онъ желалъ быть особенно-ласковымъ со своей матерью, то говорилъ своимъ природнымъ акцентомъ и на своемъ природномъ діалектѣ, которыми въ другое время его рѣчь отличалась мѣнѣе.—Я посмотрю за отцомъ, когда онъ возвратится домой. Можетъ, онъ сегодня ночью и вовсе не придетъ домой. Я буду покойнѣе, если ты ляжешь

— Нѣтъ, я посижу, пока придетъ Сеть. Онъ, думаю, вернется теперь скоро.

Въ это время часы, которые обыкновенно шли нѣсколько-впередъ, пробили девять; но они не пробили еще десяти, какъ кто-то поднялъ защелку, и вошелъ Сеть. Подходя домой, онъ слышалъ шумъ инструментовъ.

— Что это значитъ, матушка, сказалъ онъ:—отецъ работаетъ такъ поздно?

— Это работаетъ не отецъ... ты могъ бы знать это очень-хорошо, еслибъ голова твоя не была набита церковнымъ вздоромъ... если кто-нибудь работаетъ тутъ, такъ это твой братъ. Кто, кромѣ его, станетъ тутъ работать?

Лисбетъ хотѣла продолжать, ибо она вовсе не боялась Сета и обыкновенно изливала предъ нимъ все жалобы, которыя были подавлены въ ней боязней къ Адаму. Сеть во всю свою жизнь не сказалъ матери жесткого слова, а робкіе люди всегда налагаютъ свою брѣзгливость на людей кроткихъ. Но Сеть, съ озабоченнымъ видомъ, пришелъ въ мастерскую и сказалъ:

— Ади, что это значитъ? Какъ! отецъ забылъ сдѣлать гробъ?

— Дѣ, братъ, вѣдь это старая пѣсня. Но и сдѣлаю его, сказалъ Адамъ, приподнявшись и бросивъ на брата провинцательный лютый взглядъ. — А что случилось съ тобой? Отчего ты такъ встревоженъ?

Глаза Сета были красны; на его кроткомъ лицѣ выражалось глубокое уныніе.

— Дѣ, Ади! Но что опредѣлено свыше, тому помочь нельзя... А ты, такимъ-образомъ, не былъ и въ училищѣ?

— Въ училищѣ? Нѣтъ. Этотъ вѣтъ можетъ и подождать, сказалъ Адамъ, снова принимаясь за молотокъ.

— Пусти-ка теперь меня—теперь моя очередь—а ты ступай спать, сказалъ Сеть.

— Нѣтъ, братъ, лучше я буду продолжать, благо я теперь ужъ запрягъ себя. Ты можешь помочь мнѣ снести въ Брокстоуъ, когда онъ будетъ готовъ. Я разбуду тебя на разсвѣтѣ. Ступай и ужидай, да запри дверь, чтобы я не слышалъ болтовни матери.

Сеть зналъ, что Адамъ всегда говорилъ то, что думалъ, и что его ничѣмъ нельзя было заставить переимѣнить свое мнѣніе. Такимъ-образомъ, съ тяжелымъ сердцемъ пошелъ онъ въ общую комнату.

— Адамъ еще не дотрогивался до ужина съ-тѣхъ-поръ, какъ пришелъ домой, сказала Лисбетъ.—А ты, я думаю, поужиналъ у какихъ-нибудь методистовъ.

— Нѣтъ, матушка, сказалъ Сетъ:—и еще не ужиналъ.

— Ну, такъ ступай, сказала Лисбетъ:—но не ѣшь картофеля, потому-что Адамъ, можетъ-быть, поѣсть, если ужинъ останется тутъ на столѣ. Вѣдь онъ любитъ картофель въ соусѣ. Но онъ былъ такъ опечаленъ и разсерженъ, что не хотѣлъ ѣсть; а я-то и положила ихъ вѣдь только для него.—Онъ ужъ снова грозитъ уйдти, продолжала она, хныкая:—и я почти увѣрена, что онъ уйдетъ куда-нибудь на разсвѣтъ, прежде, чѣмъ я встану, и вовсе не предупредивши меня о томъ, и никогда не возвратится опять, если ужъ онъ однажды уйдетъ. Ужъ лучше не было бы никогда у меня сына... Вѣдь онъ не похожъ ни на какого другаго сына своею ловкостью и проворствомъ... И господа-то обращаютъ ни него такое вниманіе: вѣдь онъ такой высокій и стройный, словно тополь... И мнѣ-то разстаться съ нимъ и никогда болѣе не увидѣть его!

— Подно, матушка! въ-чѣму горевать понапрасну, сказалъ Сетъ, утѣшая ее. — Ты не имѣешь почти никакихъ основаній думать, что Адамъ уйдетъ изъ дому; напротивъ-того, ты имѣешь больше основаній думать, что онъ останется съ тобою. Онъ, можетъ-быть, и скажетъ такую вещь въ-сердцахъ, и его надо извинить, если онъ иногда бываетъ сердатъ; но его сердце никогда не позволитъ ему уйдти изъ дому. Вспомни, какъ онъ поддерживалъ насъ всѣхъ, когда мы были въ затруднительномъ положеніи: онъ отдалъ сбереженныя имъ деньги дятому, чтобъ выкупить меня изъ солдатъ, и покупалъ своими заработками мѣсъ для отца, между-тѣмъ, какъ онъ могъ бы извлечь много пользы изъ своихъ денегъ для сзюго себя, между-тѣмъ, какъ многіе изъ молодыхъ людей, подобныхъ ему, давно бы ужъ женились и завелись своими домоми. Онъ никогда не переимѣнится и не броситъ своего собственнаго дѣла и никогда не покинетъ родныхъ, поддержаніе которыхъ было цѣлью его жизни.

— Не говори мнѣ о женитьбѣ, сказала Лисбетъ, снова заплакавъ.— Вся его душа лежитъ къ этой Гетти Соррель, которая не бережетъ ни одного пени и которая всегда будетъ задирать голову передъ его старою матерью. И если подумаешь, что онъ могъ бы имѣть Мерри Бѣрджъ, быть принятымъ въ компаньоны и сдѣлаться великимъ человекомъ и имѣть, какъ мистеръ Бѣрджъ, подчиненныхъ себѣ работниковъ... Долли столько разъ ужъ говорила мнѣ объ этомъ... еслабъ онъ не привязался всѣмъ сердцемъ къ этой дѣвчонкѣ, отъ которой столько же пользы, сколько и отъ левка на стѣнѣ. Вѣдь онъ такой мастеръ писать и считать—а занимается такими вадоромъ!

— Но, матушка, ты знаешь, что мы не можем любить именно тѣхъ, кого хотятъ другіе люди. Никто, кромѣ Бога, не можетъ управлять сердцемъ челоуѣка. Я самъ очень желалъ бы, чтобъ Адамъ сдѣлалъ другой выборъ; но я не сталъ бы упрекать его за то, чему онъ помочь не можетъ. А кто знаетъ, можетъ, онъ и старается преодолѣть это. Но онъ не любитъ, чтобъ съ нимъ говорили объ этомъ предметѣ, и я могу только молить Господа, чтобъ онъ благословилъ его и руководилъ имъ.

— Ну, да, конечно, ты всегда готовъ молиться; но я не вижу, чтобъ молитвы принесли тебѣ много пользы. Ты не зарабатываешь вдовое къ вышѣшему Рождеству. Методисты не сдѣлаютъ изъ тебя и челоуѣка такого, какъ братъ, даромъ—что тебѣ считаютъ тебя способнымъ сдѣлаться проповѣдникомъ.

— То, что ты говоришь, отчасти и правда, матушка, сказалъ Сеть кротко: — Адамъ гораздо—выше меня; онъ сдѣлалъ для меня столько, сколько я никогда не буду въ—состояніи сдѣлать для него. Богъ распределяетъ таланты между людьми, какъ онъ находитъ добрымъ. Но ты не должна унижать молитвы. Молитва, можетъ—быть, не приноситъ денегъ, но она приноситъ намъ то, чего мы не можемъ купить ни на какія деньги—власть удерживаться отъ грѣха и покоряться волѣ божіей, что бы ни было угодно ему ниспослать на насъ. Еслибъ ты захотѣла просить Бога о помощи и вѣровать въ его милосердіе, ты не стала бы такъ беспокоиться о суетныхъ вещахъ.

— Беспокоиться? Я думаю, что я имѣю право беспокоиться. Тебѣ хорошо говорить, что ниѣ ничего беспокоиться. Ты, пожалуй, отдашь все, что зарабатываешь, и не станешь беспокоиться о томъ, чтобъ отложить что—нибудь на черный день. Еслибъ Адамъ былъ такъ же спокоенъ, какъ ты, онъ никогда не имѣлъ бы денегъ, чтобъ заплатить за тебя. Не заботься о завтрашнемъ днѣ—да, не заботься—вотъ что ты говоришь всегда, и что же выходитъ изъ этого? И приходится вотъ Адаму заботиться о тебѣ!

— Таковы слова священнаго писанія, матушка! сказалъ Сеть. — Это не значить, что мы должны гнѣться. Это значить, что мы не должны заботиться чересчуръ и мучить самихъ себя тѣмъ, что можетъ случиться завтра, но должны исполнять нашу обязанность и остальное предоставить волѣ божіей.

— Ну, да, вотъ ты говоришь такъ всегда: ты всегда дѣлаешь дѣлый гарнецъ твоихъ собственныхъ словъ изъ пинты выраженной священнаго писанія. Я не вижу, какимъ—образомъ ты можешь знать, что все это значить «не заботиться о завтрашнемъ днѣ». И если въ священномъ

писаніи помѣщается такъ много и ты знаешь все, что тамъ есть, то я удивляюсь, почему, выбирая оттуда тексты, ты не выбираешь оттуда текстовъ полчше, такихъ, которые бы не значили больше, чѣмъ они говорятъ. Адамъ вѣдь не выбираетъ же ничего подобнаго. Вотъ я могу понимать текстъ, который онъ приводитъ всегда: «Богъ помогаетъ тѣхъ, которые помогаютъ себѣ сами».

— Нѣтъ, матушка, сказалъ Сеть: — это не текстъ изъ священнаго писанія: это изъ книги, которую Адамъ нашелъ въ одномъ книжномъ ларѣ въ Тредльстонѣ. Она была написана человѣкомъ извѣстнымъ, но ужъ черезчуръ привязаннымъ къ свѣту, кажется. Несмотря на то, это нѣтъчченіе отчасти—справедливо, ибо священное писаніе говоритъ, что мы должны трудиться вмѣстѣ съ Богомъ.

— Дá; но откуда же знать мнѣ это? Оно звучитъ словно текстъ. Но что съ тобою, родной? Вѣдь ты почти ничего не ѣлъ. Не-уже-ли ты не съѣшь ничего, кромѣ этого кусочка овсянаго пирога? И ты такъ блѣденъ, какъ кусокъ новой ветчины. Скажи, что съ тобою?

— Не стойтъ и говорить объ этомъ, матушка! Я не голоденъ—вотъ и все. Я вотъ опять взгляну, что Адамъ... не дастъ ли онъ мнѣ теперь переработать надъ гробомъ?

— Не хочешь ли теплаго супу? У меня есть капля его, сказала Лисбетъ, материнское чувство которой теперь восторжествовало надъ ея естественною привычкою.—Я въ одну минуту разожгу двѣ-три лучинки.

— Нѣтъ, матушка, благодарю тебя; ты очень—добра, сказалъ Сеть съ чувствомъ и, обдренный этимъ порывомъ нѣжности, продолжалъ:— дай мнѣ помолиться вмѣстѣ съ тобою за отца, за Адама, за всѣхъ насъ: это успокоитъ тебя, можетъ—быть, болѣе, нежели ты думаешь.

— Хорошо. Мнѣ нечего говорить противъ этого.

Хотя Лисбетъ въ своихъ разговорахъ съ Сетомъ всегда охотно становилась на отрицательную сторону, она, однакожъ, какъ-то неясно сознавала, что его набожность заключала въ себѣ нѣкоторое спокойствіе и безопасность и избавляла ее отъ излишнихъ духовныхъ заботъ въ—отношеніи къ ней самой.

Итакъ, мать и сынъ вмѣстѣ стали на колѣни, и Сеть молился за бѣднаго заблуднаго отца и за тѣхъ, которые грустили о немъ дома. И когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ просилъ, чтобы Адаму никогда не было суждено перенести своего крова въ отдаленную страну, но чтобы его присутствіе услаждало и успокивало его мать во всѣ дни ея земнаго странствованія, то горячяи слезы Лисбетъ полились снова, и она принялась громко рыдать.

Когда они встали, то Сеть опять пошелъ къ Адаму и сказалъ:

— Не хочешь ли прилечь хоть на часокъ, или на два, и дай мнѣ переработать въ это время.

— Итъ, Сеть, итъ. Пошли матушку спать и отправляйся самъ. Между-тѣмъ, Лисбетъ осушила глаза и послѣдовала за Сетомъ, держа что-то въ рукахъ. Это было темно-желтое глиняное блюдо, заключавшее въ себѣ жареный картофель, пропитанный соусомъ, и кусочки мяса, которые она нарезала и свѣсила съ картофелинами. Это были дорогія времена, когда пшеничный хлѣбъ и свѣжее мясо были рѣдкимъ и деликатнымъ кушаньемъ для рабочаго народа. Она съ нѣкоторою робостію поставила блюдо на скамейкѣ возлѣ Адама и сказала:

— Ты можешь взять кусочекъ-другой, пока работаешь. Я принесу тебѣ еще воды.

— Да, матушка, сдѣлай милость, сказалъ Адамъ ласково: — я безрестанно хочу пить.

Черезъ полчаса все въ домѣ стихло: не было слышно никакого звука, кромѣ громкаго стука старыхъ суточныхъ часовъ и звона знаменыхъ инструментовъ. Ночь была чрезвычайно-тиха: когда Адамъ отворилъ въ двѣнадцать часовъ дверь и взглянулъ на улицу, то движеніе, казалось, было единственно лишь въ горѣвшихъ блестящихъ звездахъ; каждая былинка предавалась покою.

Физическая поспѣшность и услія обыкновенно оставляютъ наши мысли на волю нашихъ чувствамъ и воображенію. Такъ было въ эту ночь съ Адамомъ. Въ то время, когда сильно работали его мускулы, его голова, казалось, находилась въ такомъ же бездѣйствіи, какъ голова зрителя діорамы: сцены грустнаго прошлаго времени и, по всему вѣроятію, грустнаго будущаго плыли передъ нимъ и въ быстрой послѣдовательности уступали мѣсто одна другой.

Онъ видѣлъ, какъ будетъ завтра утромъ, послѣ-того, когда онъ снесетъ гробъ въ Брокстонъ и придетъ опять домой позавтракать: можетъ-быть, его отецъ будетъ уже дома, стыдясь встрѣтить взглядъ своего сына. Вотъ онъ сидитъ и кажется старѣе и драхлѣе, нежели казался послѣднимъ утромъ. Онъ опустилъ голову и разсматриваетъ плиты, изъ которыхъ сдѣланъ полъ, между-тѣмъ, какъ Лисбетъ спрашиваетъ его, знаетъ ли онъ, какъ посылъ гробъ, отъ котораго онъ убѣжалъ и который бросилъ неготовымъ, ибо Лисбетъ всегда первая произносила слово упрека, хотя она плакала на строгость Адама въ-отношеніи къ отцу.

«Такъ это и будетъ идти все хуже да хуже» думалъ Адамъ: «вѣдъ нельзя снова скользить вверхъ на холмъ, нельзя и остановиться, если ужъ разъ начнешь спускаться.»

Почему вспомнилось ему время, когда онъ былъ мальчишкой и обыкновенно бѣгалъ около своего отца, гордился, что его брали на работу, и гордился еще болѣе, когда слышалъ, что его отецъ, хвастаясь, говорилъ своимъ товарищамъ—работникамъ: «А вѣдь парнишко-то любитъ необыкновенныя способности къ плотничьему мастерству.» А что за славный, дѣятельный человекъ былъ его отецъ въ то время! Когда Адама спрашивали, чей былъ онъ сынъ, онъ чувствовалъ нѣкоторое отличіе, когда отвѣчалъ: «Матвѣя Бида». Онъ былъ увѣренъ, что Матвѣя Бида знали все: не онъ ли сдѣлалъ эту мастерскую голубятню въ священническомъ домѣ въ Брокстонѣ? То было счастливое время, особенно, когда Сетъ, который былъ тремя годами моложе, также началъ ходить на работу и Адамъ началъ быть учителемъ, будучи въ то же время и ученикомъ. Потомъ наступили дни горя, когда Адаму перешло за 13 лѣтъ, и Матвѣй началъ шататься по шинямъ, а Лисбетъ начала плакать дома и лизывать свои жалобы въ присутствіи сивовой. Адамъ живо понималъ ночь стыда и грусти, когда впервые увидѣлъ своего отца совершенно-динымъ и безмысленнымъ, отрывисто оравшимъ пѣсню между своими пьяными товарищами въ «Опрокннутой Телегѣ». Онъ уже убѣждалъ однажды, когда ему было только восемнадцать лѣтъ: онъ бѣжалъ въ утренніе сумерки, съ небольшимъ синимъ узелкомъ на плечахъ и своею книгою для измѣрѣній въ карманѣ, и рѣшительно сказалъ себѣ, что не можетъ далѣе переносить домашнихъ огорченій. Онъ рѣшился идти и искать счастья, слегка втыкая свою палку на перекресткахъ и направляя шаги въ ту сторону, куда она упадетъ. Но, когда онъ дошелъ до Стоунтона, мысль о матери и Сетѣ, оставшихся дома испытывать горе безъ него, стала неотступно преслѣдовать, и рѣшимость покинула его. Онъ вернулся домой на другой же день; но горе и ужасъ, которые испытала его мать въ продолженіе этихъ двухъ дней, преслѣдовали его съ того времени постоянно.

«Нѣтъ!» рѣшилъ теперь Адамъ про себя. «Этому ужъ не бывать опять. Вѣдь мнѣ придется плохо въ то время, когда будутъ взвѣшиваться мои дѣянія, если тогда моя бѣдная старуха мать будетъ не на моей сторонѣ. Моя спина довольно—широка и довольно—сильна: я неустыжъ бы, какъ трусъ, еслибъ ушелъ и оставилъ тѣхъ переносить бремя, которые бѣдѣе, нежели вдвое слабѣе меня. «Тѣ, которое сильны, должны переносить слабости тѣхъ, которые слабы, а не творить себѣ удобное.» Вотъ текеть, ненуждающійся въ поясненіи: онъ свѣтитъ собственнымъ своимъ свѣтомъ. Довольно—ясно, что вы идете ошибочной дорогою въ этой жизни, если гоняетесь за тѣмъ и за другимъ ради того только, чтобъ сдѣлать себѣ удобное и пріятное. Свѣнья можетъ, судавъ морду въ ко-

рыто, не думать ни о чемъ въ корытѣ; но если въ тебѣ есть человѣческое сердце и душа, то ты не можешь быть покоенъ, дѣлая себѣ постель, а остальные предоставляя лежать на камняхъ. Нѣтъ, и никогда не высвобожу выи изъ-подъ ярма, никогда не допущу, чтобъ бремя ташли слабые. Отецъ — тяжелый крестъ для меня и, можетъ быть, мнѣ придется нести этотъ крестъ еще много лѣтъ. Но что жь дѣлать! Я крѣпокъ здоровьемъ, мои члены сильны, мой духъ твердъ для того, чтобъ переносить это.»

Въ эту минуту раздался рѣзкій ударъ въ дверь, нанесенный, казалось, ивовымъ хлыстикомъ, и Джипъ, вмѣсто-того, чтобъ залагать, что, конечно, слѣдовало ожидать, издавъ громкій вой. Адамъ, внезапно-встревоженный, быстро подошелъ къ двери и отворилъ ее. Не видно было ничего: все было тихо, какъ за часъ тому назадъ, когда онъ отворялъ дверь. Листья были неподвижны, и блескъ звѣздъ открывалъ тихія поля по обѣимъ сторонамъ ручейка, совершенно-лишенная всякой видимой жизни. Адамъ обошелъ вокругъ дома и все-таки не увидалъ ничего, кромѣ крысы, стремглавъ бросившейся въ деревянной подвалъ, когда онъ проходилъ. Онъ снова вошелъ въ домъ, удивляясь. Звукъ былъ такой странный, что въ ту минуту, когда Адамъ услышалъ его, этотъ звукъ вызвалъ въ немъ мысль о томъ, что по двери ударилъ ивовымъ хлыстикомъ. Онъ не могъ не содрогнуться, вспомнивъ, какъ часто говорила ему мать, что совершенно такой звукъ служить знакомъ, когда кто-нибудь умираетъ. Адамъ не принадлежалъ къ числу людей суевѣрныхъ безъ всякаго основанія; но вмѣстѣ съ кровью ремесленника въ немъ текла кровь крестьянина, а крестьянинъ не можетъ не вѣрить въ суевѣріе, основанное на преданіи, подобно тому, какъ лошадь не можетъ не дрожать, когда видитъ верблюда. Кромѣ-того, онъ обладалъ тѣмъ уметственнымъ соображеніемъ, которое въ одно и то же время бываетъ весьма-смирненно въ области таинственности и смѣло въ области знанія: его отвращеніе къ доктринерной религіи происходило столько же отъ глубокаго благоговѣнія къ откровенной религіи, сколько отъ его твердаго здраваго смысла, и онъ часто удерживалъ доказательный спиритуализмъ Сета, обращаясь къ нему съ слѣдующими словами: «Э, это великая тайна, и ты знаешь объ этомъ очень-мало.» Такимъ-образомъ, Адамъ былъ въ то же время и проникателемъ, и легковѣренъ. Если обваливалось новое строеніе и ему говорили, что это произошло по божьей волѣ, то онъ сказалъ бы непремѣнно: «можетъ-быть; но крыша и стѣны не находились другъ къ другу въ вѣрномъ отношеніи, иначе не могли бы развалиться», и все-таки онъ вѣрилъ въ сновидѣнія и предвѣщанія, и въ видѣли, что онъ содрогнулся при мысли объ ударѣ ивовымъ хлыстикомъ.

Но онъ имѣлъ лучшее противодіе отъ воображаемаго страха въ необходимости продолжать свою работу, и въ продолженіе слѣдующихъ десяти минутъ его молотокъ стучалъ такъ безостановочно, что другіе звуки, если они только были, были имъ заглушаемы. Несмотря на то, наступила пауза, когда онъ долженъ былъ поднять лѣнѣнку, и тогда снова раздался странный ударъ и снова завылъ Джипъ. Адамъ подскочилъ къ двери, не теряя ни секунды; но снова все было тихо, и блескъ звѣздъ показывалъ, что передъ избою не было ничего, кромѣ покрытой росой травы.

Адамъ съ-минуту съ безпокойствомъ подумалъ объ отцѣ; но въ послѣдніе годы онъ никогда не возвращался домой въ позднее время изъ Тредльстона, и можно было весьма-основательно предполагать, что онъ въ то время просыпалъ свой имѣль въ «Опрокинутой Телегѣ». Кромѣ-того, для Адама мысль о будущемъ была такъ неразлучна съ горестнымъ призракѣмъ его отца, что опасеніе роковаго событія, которое могло случиться съ нимъ, вытѣснялось глубоко-врѣзавшеюся боязвью при его постепенномъ униженіи. Его слѣдующая мысль заставила его снять башмаки и осторожно подняться вверхъ по лѣстницѣ, для того, чтобъ послушать у дверей спальни. Но Сеть и его мать дышали правильно.

Адамъ сошелъ внизъ и опять принялся за работу, подумавъ:

«Я больше не отопру дверей. Къ-чему еще высовываться, для того, чтобъ увидѣть звукъ! Можетъ, насъ окружаетъ міръ, котораго мы не можемъ видѣть; но ухо проникательнѣе глаза и повременамъ схватываетъ звукъ, принадлежащій другому міру. Есть люди, думающіе, что они и видятъ этотъ міръ, но по-большой-части глаза такихъ людей не слишкомъ-то годятся къ чему-либо другому. По-мнѣ, такъ лучше посмотрѣть, вѣрна ли отвѣсная линія, нежели пойти отыскивать привидѣніе.»

Подобныя мысли становятся тверже-и-тверже, когда дневной свѣтъ гаситъ свѣчи и птицы начинаютъ пѣть. Скоро красный солнечный свѣтъ заигралъ на ирѣдныхъ гвоздяхъ, образовывавшихъ начальныя буквы на крышкѣ гроба, и все оставшіяся въ сердцѣ Адама предчувствія, возбужденныя страннымъ звукомъ, исчезли, получивъ удовлетвореніе въ томъ, что дѣло было окончено и общаеіе искуплено. Адаму не нужно было звать Сета, ибо послѣдній уже шевелился наверху и тотчасъ же сошелъ внизъ.

— Ну, братъ, сказалъ Адамъ, когда вошелъ Сеть:—гробъ готовъ, и мы можемъ нести его въ Брокстонъ и возвратиться домой еще раньше половины седьмаго. Я только съѣмъ кусочекъ овсянаго пирога, а потомъ и въ путь.

Всдоръ гробъ былъ поднятъ на высокія плечи двухъ братьевъ, и они, въ сопровожденіи Джинца, мешаго за ними пошатанъ, отправились въ путь, выйдя съ небольшого дровянаго двора на дорогу, прилегающую позади дома. До Брокстона по другую сторону покатоности было всего около полторы мили, и путь братьевъ извивался по предестынымъ тропинкамъ и чрезъ поля, гдѣ блѣдная жимолость и дикія розы, росшія около изгороди, наполняли воздухъ благоуханіемъ и гдѣ птицы чиркали и заливались трелью на высокихъ, покрытыхъ листьями вѣткахъ дуба и вяза. То была чудно-снѣжанная картина — свѣжая юность лѣтняго утра съ райскою тишиною и прелестью, бравая сила двухъ братьевъ въ поношенной рабочей одеждѣ и длинный гробъ на ихъ плечахъ. Изъ послѣдній отдыхъ былъ у небольшой фермы, передъ деревнею Брокстонъ. Къ шести часамъ работа была кончена, гробъ заколоченъ, и Адамъ и Сетъ находились уже на пути домой. Они избрали кратчайшій путь, который велъ чрезъ поля и черезъ ручеекъ къ дому съ лицевой стороны. Адамъ не сообщилъ Сету, что случилось ночью; но самъ онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ случившагося и потому сказалъ:

— Сетъ, если отецъ не возвратится домой послѣ нашего завтрака, я думаю, ты поступишь бы хорошо, еслибъ отправился въ Треддлстонъ и поискалъ его... Кстати, ты можешь купить мнѣ тамъ и медную проволоку, которая мнѣ нужна. Это ничего, что ты потеряешь лишній часъ: мы можемъ наверстать впоследствіи. Какъ ты думаешь объ этомъ?

— Я согласенъ, сказалъ Сетъ.—Но посмотри-ка, что за тучи собрались съ-тѣхъ-поръ, какъ мы вышли? Я думаю, что пойдетъ еще сильный дождь. Это будетъ дурно для уборки сѣна, если поля будутъ снова затоплены. Ручей теперь молонъ и воды въ немъ много: если дождь пойдетъ еще одинъ день, то вода покроетъ доску, и намъ придется тогда дѣлать порадочный кругъ, чтобъ попасть домой.

Они въ то время пересѣкали долину, и шли по частбищу, по которому протекалъ ручей.

— Что тамъ такое торчитъ у ивы? продолжалъ Сетъ, ускоряя шаги.

Сердце Адама сжалось отъ тягостнаго предчувствія: неопредѣленное безпокойство объ отцѣ замѣнилось большимъ страхомъ. Онъ не отвѣчалъ Сету, но побѣждалъ впередъ, предшествуемый Джинцомъ, который началъ лаять съ безпокойствомъ. Въ двѣ минуты онъ былъ уже у моста.

Такъ вотъ что значило предназначеніе! И сѣдовласый отецъ, о которомъ только за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ Адамъ думалъ съ нѣкоторою жестокостью, въ той увѣренности, что отецъ проживетъ

еще довольно-долго и будетъ для него предметомъ большихъ безпокойствъ, въ то самое время, можетъ-быть, боролся со смертию въ этой водѣ. Вотъ была первая мысль, какъ молнія, озарившая совѣсть Адама, прежде, нежели онъ успѣлъ схватить за куртку и вытащить высокое тяжелое тѣло. Сеть ужь былъ подлѣ него, немогая ему, и когда оба сына вытаскивали тѣло на берегъ, то въ первыя минуты стали на колѣни и съ нѣмыми ужасомъ смотрѣли на безжизненные стеклянные глаза, забывая, что имъ нужно было дѣйствовать, забывая все на свѣтъ передъ отцомъ, который лежалъ передъ ними мертвымъ. Адама первый прервалъ молчаніе.

— Я побѣгу къ матери, сказала онъ громкимъ шопотомъ: — и возвращусь въ одну минуту.

Бѣдная Лисбетъ была занята приготовленіемъ завтрака для своихъ сыновей, и похлѣбка ихъ, стоявшая на огнѣ, начинала уже закипать. Кухня хозяйки могла во всякое время служить образцомъ чистоты; но въ это утро Лисбетъ болѣе-обыкновеннаго старалась придать очагу и обѣденному столу приличный и заманчивыи видъ.

— Вѣдь оба они устанутъ и проголодаются, мои голубчики, говорила она вполголоса, мѣшая похлѣбку. — Неблизкое мѣсто Брокстонъ; да и каково-то идти по открытой горѣ... да еще съ этимъ тяжелымъ гробомъ. Э! а вѣдь онъ сталъ теперь еще грузнѣе съ бѣднымъ Бобомъ Толбромъ. За-то я сегодня сварила похлѣбки-то побольше всегдашняго. Можетъ, придетъ и отецъ и захочетъ послѣ поѣсть. Не то, что онъ много съѣстъ похлѣбки. Онъ, вишь вотъ, бросаетъ полшилинга на зль, а на похлѣбкѣ такъ старается сберечь и полпенса... вотъ какъ онъ выдаетъ мнѣ деньги... да я и не разъ говорила ему про это и опять скажу ему еще сегодня. Ахъ, бѣдняжка! вѣдь онъ слушаетъ меня довольно-спокойно, надо сказать правду.

Но въ то время Лисбетъ услышала тяжелый звукъ шаговъ, бѣжавшихъ по лугу, и, быстро повернувшись къ дверямъ, увидѣла входившаго Адама. Его лицо было такъ блѣдно и искажено, что она громко вскрикнула и бросилась къ нему прежде, чѣмъ онъ успѣлъ произнести хоть слово.

— Полно, матушка, сказалъ Адамъ, хриплымъ голосомъ: — не пугайся. Отецъ упалъ въ воду. Можетъ, намъ удастся еще привести его въ-себя. Сеть и я принесемъ его тотчасъ домой. Достань одеяло и нагрѣй его передъ огнемъ.

На дѣлѣ Адамъ вовсе не сомнѣвался, что отецъ былъ мертвъ; но онъ зналъ, что не было другаго средства подавить сильную, выражаю-

жуюся жалобами печаль матери, какъ только заливъ ее какими-нибудь действительнымъ дѣломъ, въ которомъ заключалась надежда.

Онъ побѣждалъ назавъ къ Сету, и оба сына, пораженные до глубины души горемъ, безмолвно подыали тяжесть. Широко-открытые стеклянные глаза были сѣры, какъ сѣтвы, и съ кроткою гордостью смотрѣли нѣкогда на мальчиговъ, передъ которыми впоследствии Матвѣй не разъ опускалъ со стыдомъ голову. Чувства, преобладавшія въ сердцѣ Сета, при этой внезапной потерю отца, были страхъ и горестъ; мысли же Адама стремительно возвращались къ прошедшему потокомъ сожалѣнн и раскаянн. Когда пришла смерть, великая примирительница, то мы никогда не распадаемся въ своей нѣжности къ покойнику, а въ своей суровости къ нему.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

Д. В. КОЖАНЧИКОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Императорской Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова, продаются:

Теоретическая Механика. Соч. ординарнаго профессора Московскаго Университета Н. Брашмана. Томъ I-й: Теорія равновѣсія и движенія матеріальной точки съ приложениями къ различнымъ задачамъ. — Теорія равновѣсія и движенія системы съ приложеніемъ къ неизмѣнной системѣ. М. 1859. Большой томъ. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к.

Лѣтопись и описаніе города Кіева. Сост. Н. Закревскимъ. Съ 4 литографированными рисунками и планомъ Кіева. М. 1858. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Историческое ученіе объ отцахъ Церкви. Соч. архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго Филарета (бывшаго Харьковскаго). Три большихъ тома, на веленовой бумагѣ. Спб. 1859. Ц. 5 р., съ пер. 6 р.

Аѳоны и Константинополь. Путевыя записки А. Милюкова. Спб. 1859. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Румынскія Государства. Валахія и Молдавія въ историко-политическомъ отношеніи. Соч. С. Н. Палаузова, съ приложеніемъ гербовъ княжествъ и перечня актовъ. Спб. 1859. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Общепонятное описаніе устройства желѣзныхъ дорогъ, ихъ подвижнаго состава и управленія въ историческомъ, техническомъ, административномъ и статистическомъ отношеніяхъ. Соч. Вебера, съ 90 политипажными рисунками. Перев. подъ руководствомъ И. Вышнеградскаго. Спб. 1859. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Объ инстинктѣ и умѣ животныхъ. П. Флуранса. Переводъ Н. Страхова. Спб. 1859. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

Смысленность животныхъ. Соч. С. Жолкевича. Спб. 1858. Съ 43-мя политипажными. Ц. 60 к., съ пер. 85 к.

Гальвано-Терапія, или леченіе гальванизмомъ болѣзней мышечной и нервной системъ. Обработанная по Ремаку О. Ковалевскимъ, съ 2-мя чертежами. Спб. 1859. Цѣна 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Паталогія, основанная на теоріи ячеекъ. Рудольфа Вирхова. Выпускъ I-й. М. 1859. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Категорическая классификація болѣзней. Соч. доктора медицины Росновскаго. Спб. 1859. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О разведеніи кормовыхъ травъ. Соч. Совѣтова. М. 1859. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О новой системѣ разработки золотыхъ приисковъ. Съ тремя листами чертежей и плановъ. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Публичныя повѣденыя лекціи о машинцахъ. И. Вышнеградскаго, съ рисунками. Спб. 1859. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Юридическія Записки. Томъ III-й, изд. П. Рѣдкимъ и К. Яневичемъ-Яневскимъ. Спб. 1859. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 40 к.

Сочиненія Э. Губера. Изд. подъ редакцію А. Тихменева. Спб. 1859. Три тома. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.; на 3-й томъ выдана билетъ.

Стихотворенія графини Растоничной. Томъ III-й. Спб. 1859. Въ переплетъ. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго. (Дополненіе къ стихотвореніямъ, изданнымъ въ 1835 году). Спб. 1859. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Стихотворенія Я. П. Полонскаго. Спб. 1855. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Кувачикъ-музыкантъ. Я. Полонскаго. Шутка-позма. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Вѣчный Жидъ. Романъ Э. Сю. Переводъ А. Очкина. Спб. 1859. Пять томовъ. Ц. 3 р., съ пер. 6 р.

Двѣ сестры. Романъ Е. Нарской. М. 1858. Два тома. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Узкій путь. Романъ Криницкаго, въ 2-хъ частяхъ. М. 1858. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Въ сторонѣ отъ большаго свѣта. Романъ въ 3-хъ частяхъ, соч. Ю. Жадовской. М. 1857. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. И. Лажечникова Съ портретомъ автора. Спб. 1858. Восемь томовъ. Ц. 8 р., съ пер. 10 р.

Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Спб. 1858. Шесть томовъ. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Русскій коммерческій флотъ по 1-е января 1858 года (по официальнымъ источникамъ). В. Мельницкаго. Спб. 1859. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

При магазинѣ находятся конторы: *Отечественныхъ Записокъ, Санктпетербургскихъ Вѣдомостей, Собранія иностранныхъ романовъ съ переводомъ на русскій языкъ и Историковъ и Публицистовъ новаго времени*; а также принимается подписка на всѣ періодическія изданія, выходящія въ Россіи, по объявленнымъ отъ редакцій цѣнамъ, и выписываются журналы иностранныя, дозволенные правительствомъ.

Печатать позволено. Спб. 31 августа 1859 г. Цензоръ С. Паллаузовъ.

BULLETIN BIBLIOGRAPHIQUE.

S. DUFOUR,

LIBRAIRE DE LA COUR IMPÉRIALE.

au Pont de Police, maison de l'Église Hollandaise.

EN VENTE:

- ADAM (A.)** Derniers souvenirs d'un musicien. 1 vol. in-12. Paris 1859. 40 c.
- AUBENAS.** Histoire de l'Impératrice Joséphine, avec une photographie par Bingham. 2 vol. in-8. Paris 1859. 4 rbls. 50 c.
- BARBEY D'AUREVILLY.** L'Ensorcelée. 1 vol. in-12. Paris 1859. 40 c.
- BERSEZIO (V.)** Nouvelles piémontaises traduites de l'italien, avec l'autorisation de l'auteur, par Amédée Roux 1 vol. in-12. Paris 1859. 70 c.
- BOURDON.** Souvenirs d'une institutrice, par madame Bourdon (M. Froment). 1 vol. in-12. Paris 1859. 70 c.
- CARTOUCHE,** drame nouveau en cinq actes et huit tableaux, par MM. Ad. d'Ennery et Ferd. Dugué. 1 vol. in-12. Paris 1859. 40 c.
- CASTILLE.** Portraits historiques du XIX siècle. M. Berryer. 1 vol. in-32. Paris 1859. 20 c.
- GUVILLER-FLEURY.** Dernières études historiques et littéraires. Tome I: Charles-Quint; R. Cromwell; le Roman mélancolique. Tome II: M. Thiers, historien de l'Empire; Madame de Gasparin. 2 vol. in-12. Paris 1859. 2 rbls.
- DESLYS.** Le Coffret d'ébène. 1 vol. in-18. Leipzig 1859. 50 c.
- Le Mesnil au Bois. 2 vol. in-18. Bruxelles 1859. 1 rbl.
- DEVOILLE.** La Cloche de Liouville. 1 vol. in-12. Paris 1859 70 c.
- DROHOJOWSKA.** Les Faux Visages. Etude de mœurs du XV siècle, suivie de deux autres nouvelles du moyen âge. 1 vol. in-12. Paris. 70 c.
- DU PUGET.** Fleurs scandinaves. Choix de poésies traduites du suédois et dédiées à S. A. R. la princesse de Norvège. 2 édition. 1 vol. in-12. Paris. 1 rbl.

- ERCKMANN-CHATRIAN.** L'illustre docteur Mathéus. 1 vol. in-12. Paris 1859. 40 c.
- FEMMES** (les) jugées par les bonnes langues dans tous les temps et dans tous les pays, par Larcher et Julien. 1 vol in-12. Leipzig 1859 (avec des restrictions). 1 rbl.
- FUNK.** Philosophie et loi de l'histoire. 1 vol. in-8. Paris 1859. 1 rbl. 25 c.
- GALOPPE-D'ONQUAIRE.** Le Diable boiteux en province (pour faire suite au Diable boiteux à Paris). 1 vol. in-12. Paris 1859. 40 c.
- GAUME.** La Révolution. Recherches historiques sur l'origine et la propagation du mal en Europe, depuis la Renaissance jusqu'à nos jours. 11 livr.: *La Renaissance*. 1 vol. in-8. Paris 1858. 1 rbl. 50 c.
- GAUTIER.** Histoire de l'art dramatique en France depuis vingt-cinq ans. 6 vol. in-12. Bruxelles 1859. 6 rbl.
- GAVARNI** d'après nature, par Gavarni. Texte par MM. Jules Janin, P. de St-Vincent, etc. 4 dizaine par J. Janin. 4 vol. in-folio, élégamment reliés. 20 rbls.
- GRAMMONT.** La Sœur aînée, suivie de l'Ame des statues. 1 vol. in-18 Bruxelles 1859. 50 c.
- GREYSON (E.).** Les Récits d'un Flamand. Villageois et citadins... Bilha. 1 vol. in-12. Bruxelles 1859. 1 rbl.
- GUIZOT.** Une Famille ou les Avantages d'une bonne éducation, ouvrage à l'usage de la jeunesse, continué par madame Amable Tastu. 8 édit. 2 vol. in-12. Paris 1858. 2 rbls.
- KARDEC.** Instruction pratique sur les manifestations spirites, contenant l'exposé complet des conditions nécessaires pour communiquer avec les esprits et les moyens de développer la faculté médiatrice chez les mediums, par Allan Kardec. 1 vol in-12. Paris 1858. 70 c.
- KOCK (P. de).** Monsieur Cher-ami. 5 vol. in-18. Leipzig 1859. 2 rbls. 50 c.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

С. Петербургъ, 7 Октября 1859 г.

Српшій Цензоръ А. Родс.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА,

НА НЕВСКОМЪ ПРОСПЕКТЪ, ПРОТИВЪ МАЛОЙ МОРСКОЙ, 10.

Школы для разныхъ инструментовъ.

СЕР. Р. К.

БЕРЮ. — Школа для скрипки на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ	4
ALARD. — Ecole du violon. Méthode complète et progressive à l'usage du Conservatoire de Paris	6
BAÏLOT. — L'art du violon. Nouvelle méthode	13
CAMPAGNOLI. — Nouvelle méthode de la mécanique progressive du jeu de violon	10 30
DANCLA. — Méthode élémentaire et progressive	11 45
МАЗАСЪ. — Лучшій скрипичный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на скрипкѣ	3
SPOHR. — Grosse Violin-Schule	17
DOTZAUER. — Violoncell-Schule für den ersten Unterricht (4 р. 60 к.) Méthode pratique de Violoncelle	6 85
KUMMER. — Violoncell-Schule, op. 60	6
LEE. — Méthode pratique pour le violoncelle	4
ROMBERG. — Violoncell-Schule	13 70
BRUNI. — Méthode pour Alto	2
HAUSE. — Méthode complète de Contrebasse	6 85
SLAMA. — Contrebass-Schule	2 85
BERBIGUIER. — L'art de la flûte. Cours complet, théorique et pratique pour l'étude de la flûte	5 15
FURSTENAU. — Flûtenschule, op. 42	5 15
— Die Kunst des Flûtenspiels, op. 138	13 70
KUMMER. — Méthode pour la flûte pratique, instructive et amusante, op. 106	4 60
SOUSSMANN. — Méthode pratique de la flûte	9 15
TULOU. — Méthode de flûte progressive et raisonnée	8
BERR. — Méthode complète de clarinette	10
BLATT. — Méthode complète de clarinette	8 60
ALMENRÆDER. — Méthode complète de basson	8
NEUKIRCHNER. — Theoretisch-praktische Anleitung zum Fagottspiel	4 30
KRÆHMER. — Neueste theoretisch-praktische Czakanschule	1 70
GUICHARD. — Méthode complète pour le cornet à pistons	4 30
NIESSEL. — Méthode pour le cornet à pistons	4 30
CARCASSI. — Méthode complète pour la guitare	6 85
CARULLI. — Méthode pour la guitare	1 70
MERTZ. — Neueste Schule für Guitarre	2 30
СНХРА. — Полная школа для 7-ми-струнной гитары	3
LICKL. — Schule für Physsharmonika	2 85

	Сер.	Р.	К.
DESJARDIN. — Méthode pour harmonium			3
BRAUN. — Méthode pour orgue-mélodium		3	40
JULLIG. — Zither-Schule		2	30
MORALT. — Neueste Zither-Schule		1	45
WARREN. — Complete instructions for the concertina		5	
DUPLAND. — Méthode pratique pour harmoniflûte		8	60
GRÈVE. — Anweisung die Harmonika zu spielen			50
RISSENER. — Nouvelle méthode d'accordéon		1	30
BERLIOZ. — Grand traité d'instrumentation et d'orchestration modernes (16 p., за пересылку за 8 фунтовъ).			
ГУНЬЕ. — Руководство къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію			3
— Руководство къ сочиненію музыки. Отдѣленіе I. О мелодіи			2
ИСКУССТВО НАСТРОИВАТЬ фортепiano. Соч. М. Бернарда (40 к., за перес. за 1 ф.)			
CONCONE. — Introduction à l'art de bien chanter ou méthode élémentaire de chant			4
GARCIA. — Ecole de Garcia. Traité complet de l'art du chant. Partie I (6 p. 85 к.) Partie II			9 60
LABLACHE. — Méthode complète de chant. Pour soprano ou tenor (6 p. 30 к.) Pour basse ou baryton			6 30
PANSERON. — Abe musical ou méthode de chant. Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія			3
VAGGAI. — Metodo pratico di canto italiano. Практическія упражненія для итальянскаго пѣнія, состояща изъ 15 уроковъ			2 50

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять руб. сер., пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го сентября 9-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XX), содержащая въ себѣ между прочими: GODEFROID, La charité. Choral. — VOSS, Reveil militaire. — WALLACE, Polka russe. Pièce de salon. — CRANER, Deux morceaux de salon, всего 12 пьесъ и литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. с.)

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1859 г., получаютъ съюзна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на ~~Несколько~~ *Несколько* Проспектъ, въ домъ Петропавловской
Перкви (входъ между церковью и Большой Конюшенной)
въ Санктпетербургъ:

продаются :

ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНЫХЪ ОПЕРЪ

Для одного фортепiano.

- AUBER. L'ambassadrice (net 4 p.) Le Domino noir (net 3 p. 20 к.)
Fra-Diavolo (2 p. 85 к.) Le maçon (2 p. 85 к.) La Muta di Portici. (Fenella) (2 p. 85 к.)
- BALFE. La bohémienne (6 p.) Les 4 fils d'Haymon (3 p.)
- BELLINI. Beatrice di Tenda (2 p. 85 к.) Montecchi et Capuleti (3 p.)
Norma (3 p.) Il Pirata (3 p.) I Puritani (4 p.) La Sonnambula (3 p.) La Straniera (3 p.)
- BOIELDIEU. La Dame blanche (2 p. 85 к.) Jean de Paris (2 p.)
- CHERUBINI. Les deux journées (2 p. 85 к.)
- CIMAROSA. Il matrimonio segreto (3 p.)
- DONIZETTI. Anna Bolena (4 p.) Belisario (net 4 p.) Elisire d'Amore (3 p.) La favorite (net 4 p.) La figlia del reggimento. (6 p.) Lucia di Lam mermeer. (3 p.) Lucrezia Borgia (net 4 p.) Maria Padilla. (net 4 p.) Marino Falliere (net 4 p.) Les Martyrs (net 4 p.)
- FLOTOW. Martha, petite édition, in-8 (net 4 p.)
- HALEVY. La fée aux roses (net 3 p. 20 к.) La Juive (net 4 p. 80 к.)
Les mousquetaire de la Reine (net 3 p. 20 к.) Le val d'Andorre (net 3 p. 20 к.)
- HEROLD. Zampa (2 p. 85 к.) Le pré aux clercs (net 3 p. 20 к.)
- MERCADANTE. Il giuramento (net 4 p.) La vestale (net 4 p.)
- MEYERBEER. L'étoile du nord (net 4 p.) Le pardon de Ploërmel (net 4 p.) Le siège de Gand. Le Prophète (net 4 p.) Roberto il diavolo (net 4 p.) Les Guelfes et les Gibelins. (Les Huguenots) (net 4 p.)
- MOZART. Così fan tutte (2 p. 85 к.) Don Giovanni (3 p.) Il ratto di Seraglio (2 p.) Figaro (2 p. 85 к.) Flauto magico (2 p. 85 к.) Idomeneo (2 p. 30 к.) Titus (2 p.) Въ семь оперъ Моцарта съ либрето, биографією (на нѣмецкомъ языкѣ) и портретомъ (net 10 p. с.)
- ROSSINI. Il barbiere di Seviglia (2 p.) Cenerentola (3 p.) Charles le temeraire. (Guillanne Tell) (net 4 p. 50 к.) La Donna del lago (2 p. 85 к.) La gazza ladra (2 p. 85 к.) Otello (2 p. 85 к.) Semiramis (net 4 p.) Le Siège de Corinthe (3 p.) Tancred (2 p. 85 к.) Zora (Moïse) (2 p. 85 к.)

VERDI. Ernani (3 p.) Giovanni de Guzmann, ou Les vèpres siciliennes (net 6 p.) I Lombardi alla prima crociata (3 p.) Luisa Miller (net 4 p.) Macbeth (net 4 p.) Rigoletto (net 4 p.) La Traviata (net 4 p.) Il Trovatore (net 4 p.)

Примѣчаніе. Цѣны означены «net», суть крайнія, за пересылку же прилагается особо.

Любимыя итальянскія оперы (цѣльныя въ маленькомъ форматѣ) для гѣня съ фортепіано по 4, 5, 6 и 8 р. сер.

ВЪНСКІЯ РОЯЛИ въ 7 окт., извѣстной фабрики *Промбергера*, съ англійской механикой, палисандраваго дерева 550 р. с., съ вѣнской механикой 500 р. с. Рояли съ англійской механикой, въ 7 октавъ, палисандраваго дерева, фабрики *Шерау* въ Берлинѣ 550 руб. сер.

ГАРМОНИ-ФЛЕЙТЫ 3 окт. 40 р. с. (на пересылку прилагается за 35 фунтовъ.)

ПАРИЖСКІЯ МЕТРОНОМЫ новаго фасона, краснаго дерева 10 р. с. съ пересылкою; палисандраваго дерева 11 р. с. съ пересылкою; съ колокольчикомъ, краснаго дерева 12 р. с. съ пересылкою, и палисандраваго дерева 13 р. с. съ пересылкою.

Самыя лучшія и свѣжія падуанскія и римскія струны, которыя употребляются знаменитыми скрипачами гг. Эрнстомъ и Вьетаномъ и также рекомендуются первыми здѣшними артистами: квинтъ, секундъ, терць каждая 25 к. с.; по бунтамъ 6, 5 и 7 р. с. Также самыя лучшія навитыя струны для скрипки, альту, виолончеля и гитары.

Въ этомъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія гдѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ. Выписывающіе ноть на три руб. сер. получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. 25 проп.; на десять руб. 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того не платятъ за пересылку. Требуемія гг. иногородныхъ исполняются въ точности и съ первоотходящею почтою.

Нижеподписавшійся беретъ на себя заказы на всѣ другія инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫПЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

Guadrille nouveau sur l'opéra de MEYERBEER.

Le pardon de Ploërmel pour le Piano, par, Jean Strauss (цѣна 75 к. с.)

А. БИТНЕРЪ.

ВЫШЛА И РАЗДАЕТСЯ ГГ. ПОДПИСАВШИМСЯ

ДЕВЯТАЯ КНИЖКА

СОБРАНІЯ

ИНОСТРАННЫХЪ

РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ,

ВЪ ПЕРЕВОДѢ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТОЙ КНИЖКИ:

Измѣна и вѣрность. Романъ Лены Иденъ. Переводъ съ англійскаго.

Гай Ливингстонъ. Романъ. Переводъ съ англійскаго.

Начальникъ Окасовъ. Романъ Густава Эмара. Переводъ съ французскаго. (*Продолженіе.*)

Людвина и Сельвія. Разсказъ Шанфлѣри.

Флавія. Повѣсть Жоржа Санда.

Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ будетъ выходить въ 1860 году въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца книгами, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ двадцать-пять и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, **семь рублей пятьдесятъ копеекъ** серебромъ, а съ пересылкою и доставкою на домъ **девять рублей.**

Подписка принимается **исключительно** въ *Конторѣ Отечественныхъ Записокъ* (въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библиотеки, въ домѣ Демидова, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова), которая *принимаетъ на себя полную отвѣтственность за исправный выходъ книгъ и доставку ихъ подписчикамъ.*

Сверхъ-того, гг. иногородные могутъ подписываться и въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта.

Печатать дозволяется. Санктпетербургъ, 31 августа 1859 года.

Цензоръ В. Биктовъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ВЪ 1860-мъ году

будутъ выходить, какъ и нынче, ежемѣсячно книжками, изъ которыхъ каждая заключитъ въ себѣ около 30 листовъ.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

БЕЗЪ КАРТИНОКЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургъ и Москвѣ:
14 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою:

16 рублей серебромъ.

СЪ 18-ю ПАРИЖСКИМИ КАРТИНКАМИ ДАМСКИХЪ И МУЖСКИХЪ МОДЪ.

Въ С. Петербургъ и Москвѣ:
15 руб. 50 коп. серебромъ.

Съ пересылкою:

17 рублей серебромъ.

ПОДПИСКА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной Библіотеки, въ домъ Демидова, при книжномъ магазинѣ Д. Е. Кожанчикова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ у И. В. Базунова, на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской Типографіи, въ домъ Загряжскаго.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая ихъ: Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ.

Печатать позволено. Санктпетербургъ, 7 сентября 1859 года.

Цензоръ П. Новосильскій.

